

2011147091

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяч., № 39.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	19
	ТЗ-4	1911				0	61/84	

ЕВРОПА.

Общій очеркъ.

Особенности географическаго положенія и физико-географическаго устройства Европы. — Древнее населеніе.— Современный этнографическій составъ.—Численность и средняя плотность.

Тысячи лѣтъ тому назадъ, когда въ плодородной Месопотаміи забрезжилъ свѣтъ, который постепенно разгорѣлся потомъ и яркими лучами залилъ весь населенный міръ, одаривъ его всѣми благами культуры, земледѣлецъ халдей, показывая на далекій западъ, называлъ эту сторону свѣта эреб, т. е. западъ, мѣсто заката солнца. Тамъ гасли для него лучи зари, чтобы по истеченіи ночи загорѣться вновь на противоположномъ концѣ горизонта, на востокѣ, названіе котораго звучитъ по халдейски асу. Думалъ ли кто нибудь тогда, что по миновеніи вѣковъ эти два столь обыденныхъ слова превратятся въ названія двухъ великихъ частей свѣта—Европы и Азіи, въ звукахъ которыхъ для насъ воплощаются величайшіе контрасты культуры, крупнѣйшія событія міровой исторіи и самыя необъятныя задачи человѣческаго хозяйства. Европа и Азія, Востокъ и Западъ совмѣщаютъ въ себѣ противоположность и смежность. Враждуя и разъединяясь, они лишь тѣснѣе сплетаются другъ съ другомъ, какъ бы символизируя всѣми событіями культурно-исторической жизни своихъ народовъ, что области, помѣщенныя рядомъ самой природой, не могутъ быть разобщены въ человѣческой дѣятельности.

Какъ въ громадномъ и сложномъ механизмѣ, гдѣ въ одной обширной части родится сила для того, чтобы быть превращенной въ полезную работу въ другой, меньшей, но гораздо болѣе усложненной, такъ здѣсь безконечное разнообразіе жизненныхъ явленій, порождаемое обширнѣйшей поверхностью Азіи, находило на сравнительно небольшомъ пространствѣ Европы благопріятныя условія для своего наиболѣе высокаго развитія. И потому полуостровъ, правда, большой, но составляющій все-таки не болѣе какъ придаточную, подчиненную часть, какимъ является Европа по отношенію къ Азіи, пріобрѣтаетъ значеніе, въ силу котораго никто не рѣшится отказать въ самостоятельномъ положеніи тому небольшому клочку суши, который мы должны считать родиной и главной ареной развитія міровой культуры. Намъ не кажется страннымъ, что цѣлое даетъ названіе своей части: при содѣйствіи финикіянъ и грековъ слово эреб превратилось въ собственное имя нашей части свѣта; но удивительнымъ представляется на первый взглядъ, какимъ образомъ,

въ силу какихъ причинъ и ихъ сочетаній, Европа, это небольшое пятно суши, совмѣщаетъ на своемъ пространствѣ самыя благопріятныя условія для развитія всѣхъ сторонъ человѣческой жизни. Здѣсь предъ нами развертывается могучее значеніе матери-земли, на которой живетъ и отъ которой не можетъ оторваться человѣкъ, здѣсь открывается непреодолимое вліяніе географическихъ элементовъ, къ названіямъ которыхъ мы прислушались до безразличія. Скопленіе этихъ элементовъ, какъ то: величина, очертаніе, расчлененіе, рельефъ, климатъ и развитіе рѣчныхъ системъ, богатство растительной и животной жизни наблюдаются въ благопріятныхъ сочетаніяхъ и въ другихъ мѣстахъ земли; иначе многія свѣже-колонизованныя страны не процвѣтали бы такъ быстро. Но среди этихъ счастливыхъ для человѣка областей нѣтъ другой, гдѣ всѣ благопріятныя пространственныя условія сплетались бы въ такомъ изобиліи, какъ въ Европѣ, при томъ въ тотъ именно геологическій періодъ, когда на землѣ появился человѣкъ,—царь и рабъ ея. Возможно, что въ отдаленныя времена соотношенія между нѣкогда существовавшими материками и ихъ частями съ одной стороны и всѣми другими географическими элементами съ другой бывали удачнѣе для возможно болѣе успѣшнаго развитія жизни, что подобныя сочетанія повторялись въ прошлыя геологическія эпохи неразъ, но на землѣ еще не было человѣка, чтобы воспользоваться ими.

Въ концѣ третичнаго періода, когда современные материки и океаны съ главными своими подчиненными частями приблизились въ общихъ своихъ очертаніяхъ къ современному виду и состоянію своему, изъ рядовъ животнаго царства одиноко выдѣляется человѣкъ, какъ особый зоологическій видъ, чтобы быстрыми скачками положить между собою и остальнымъ животнымъ царствомъ почти неизмѣримое разстояніе. Къ началу четвертичнаго періода, когда сѣверныя области нашего полушарія одѣваются въ обширную ледяную мантію, когда наступилъ такъ называемый ледниковый періодъ, Европа оказывается вполнѣ сформировавшейся въ смыслѣ современнаго своего состоянія: части ея, которыя еще въ пліоценѣ[1]) окружаютъ будущее туловище Европы въ видѣ острововъ, причленяются къ ней, образуя Пиринейскій и Апеннинскій полуострова; сформировывается Средиземное море, которое соединяется черезъ Дарданеллы и Босфоръ съ Чернымъ; исчезаетъ прежнее большое средиземное море, которое заливало всю южную Россію и простиралось далеко на востокъ къ подножіямъ Тянь-Шаня и Алтая; нѣкоторые, слишкомъ вдающіеся въ сушу заливы превращаются въ плодородныя низменности—будущія мѣста обитанія первыхъ земледѣльцевъ Европы; мелкое дно моря на сѣверѣ становится обширной равниной, которая въ ближайшемъ будущемъ покрывается необозримымъ лѣсомъ. И въ это время, когда жилище оказывается, такъ сказать, вполнѣ отстроеннымъ и снабженнымъ всѣми удобствами, какія только могли создать слѣпыя сочетанія естественныхъ дѣятелей, въ немъ появляется обитатель, единственный, которому все это могло пойти въ прокъ—человѣкъ. Онъ появляется не только здѣсь. Слѣды его пребыванія въ разныхъ областяхъ земли въ самый низкій, звѣрскій періодъ грубыхъ каменныхъ орудій открыты во многихъ мѣстахъ, едва ли не во всѣхъ частяхъ свѣта. Но тамъ онъ и остается почти такимъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ и прилегающихъ частяхъ Азіи и Африки предъ нимъ открываются все болѣе и болѣе блестящія перспективы.

Но законы соотношенія между свойствами среды и этапами развитія человѣческихъ сообществъ очень сложны. Обстановка, иными словами, природа мѣста, въ которомъ обитаетъ человѣкъ, измѣняется естественно, т. е. сама собою, очень медленно: для сколько нибудь рѣзкихъ измѣненій требуются тысячи, десятки тысячъ лѣтъ. Между тѣмъ все развитіе европейскаго человѣчества отъ первыхъ каменныхъ орудій до всей современной намъ сложности жизни охватываетъ едва нѣсколько тысячъ лѣтъ. И потому единственное

[1]) Послѣдній отдѣлъ третичной системы.

разрѣшеніе сравнительно быстраго и, главное, непрерывнаго развитія европейскаго населенія можно искать не въ соотвѣтствующихъ и сопутствующихъ ему благопріятныхъ измѣненіяхъ географическихъ особенностей Европы и не въ какой то исключительной одаренности населявшихъ Европу расъ, а единственно въ необыкновенно удачномъ соотношеніи основныхъ географическихъ элементовъ этой части свѣта, полезное значеніе которыхъ выступало постепенно, подпирая своей природной тяжестью растущее сооруженіе того громаднаго цѣлаго, которое мы называемъ европейской культурой и которой приписываемъ всемірное значеніе.

Всю совокупность этихъ полезныхъ географическихъ элементовъ нашей части свѣта можно распредѣлить въ восходящемъ порядкѣ, въ какомъ они оказывались выгодными, вызывая все болѣе и болѣе растущія усложненія въ жизни европейскаго населенія, и обезпечивая каждый его шагъ впередъ возможностью еще болѣе широкаго и быстраго движенія.

1. Широкая связь Европы съ Азіей, по отношенію къ которой первая не болѣе, какъ большой полуостровъ, допускала непрерывную миграцію растительныхъ и животныхъ видовъ съ востока. Флора и фауна Европы въ извѣстной мѣрѣ обязаны своимъ богатствомъ тому обстоятельству, что основное растительно-животное населеніе ея, хотя медленно, но непрерывно подкрѣплялось новыми выходцами изъ Азіи. Въ извѣстной мѣрѣ, менѣе значительной, конечно, это справедливо и по отношенію къ Африкѣ, сѣверное побережье которой имѣетъ съ южной Европой не мало общихъ растительныхъ и животныхъ видовъ. Количество полезныхъ и могущихъ быть одомашенными растеній и животныхъ въ Европѣ очень велико, тѣ или иные остатки ихъ или слѣды пользованія ими всюду сопровождаютъ находки, сдѣланныя въ области доисторической археологіи, доказывая что первобытный человѣкъ Европы очень рано воспользовался этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и впослѣдствіи, когда сношенія съ Востокомъ приняли болѣе правильный характеръ, быстро увеличилъ растительно-животный инвентарь своего хозяйства. Исторія застаетъ всѣхъ почти обитателей Европы владѣющими большимъ или меньшимъ количествомъ полезнаго домашняго скота, культивирующими или по крайней мѣрѣ пользующимися цѣлымъ рядомъ въ высшей степени полезныхъ растеній. Трудно вполнѣ оцѣнить все значеніе этого обстоятельства для общаго движенія культуры. Недаромъ простому уму маслина и конь представлялись подарками боговъ, а разныя растенія и животныя являлись спутниками божествъ или служили атрибутами ихъ величія. Не меньшее, если не большее значеніе имѣли сосѣдство и близость съ Азіей и Африкой для той живой силы, творчеству которой западная культура обязана своимъ происхожденіемъ и содержаніемъ. Медленными струями и отдѣльными волнами притекало въ Европу населеніе изъ Азіи почти во всѣ времена до сравнительно недавняго времени, смѣшиваясь съ тою частью, которую можно назвать туземной. Вся древняя исторія прибрежныхъ Средиземному морю странъ состоитъ изъ ряда передвиженій и переселеній съ общимъ направленіемъ отъ востока къ западу, причемъ исходнымъ мѣстомъ являются страны Передней Азіи. Истинная исторія западныхъ народовъ, моментъ, съ котораго возникаетъ общее стройное развитіе ихъ жизни, начинается съ повѣствованія о „великихъ переселеніяхъ народовъ“, которые одинъ за другимъ, съ момента вступленія своего на европейскую почву, вовлекаются въ общій культурный водоворотъ, изъ котораго выходятъ обновленными и измѣненными до неузнаваемости. Азія всегда снабжала Европу матеріаломъ, который успѣшнѣе всего перерабатывался въ этой небольшой, но наиболѣе устроенной самой природой лабораторіи. Сосѣдство и смежность съ такими большими частями свѣта, какъ Азія и Африка, сохраняло свое полезное и чрезвычайно разнообразное значеніе для Европы во всѣ времена, но то, что органическій міръ ихъ былъ такъ тѣсно связанъ издавна, имѣло особое вліяніе на первые шаги человѣка въ Европѣ, когда онъ вышелъ изъ мрака пещеръ и замѣнилъ первыя каменныя орудія металлическими.

*

2. Береговая линія Европы чрезвычайно извилиста и длинна. На нѣкоторыхъ участкахъ, какъ, напр., западное побережье Скандинавіи или побережье южной части Балканскаго полуострова, истинная длина берега во много разъ превосходитъ его линейное протяженіе. Къ тому же эти бухты и заливы, многочисленные мелкіе полуострова и острова располагаются въ этихъ мѣстахъ такъ тѣсно, что отъ берега до берега кажется «рукой подать». Море, которое на первыхъ порахъ жизни человѣка на землѣ постоянно привлекало его на свои берега приманкой легко добываемой пищи, быстро научило его здѣсь покидать сушу и начать тѣ маленькія плаванія на самыхъ первобытныхъ пловучихъ средствахъ, которыя должны были потомъ закончиться изслѣдованіемъ всѣхъ океановъ. Недалекіе пути прибрежныхъ плаваній съ цѣлью рыболовства, примитивной торговли и грабежа постепенно удлинялись, и темпъ, съ которымъ обмѣнивались вещи и идеи, становился вмѣстѣ съ тѣмъ все быстрѣе и быстрѣе. Мы не знаемъ другого мѣста на землѣ, гдѣ бы люди, живущіе въ одномъ концѣ суши, такъ рано и такъ часто навѣщали бы живущихъ на противоположномъ, какъ въ Европѣ, гдѣ въ древности изъ Средиземнаго моря плавали къ Британскимъ островамъ, а въ средніе вѣка—изъ Скандинавіи въ Сицилію и въ Константинополь, какъ это дѣлали въ одномъ случаѣ греки, въ другомъ—норманы. Обмѣнъ вещей и идей, притомъ частый и быстрый, не одинъ ли это изъ главныхъ, если не самый главный двигатель культуры! И въ этомъ отношеніи берега Европы явились первыми истинными воспитателями ея обитателей. Не характерно ли въ этомъ случаѣ, что первое усиленное и особенно ярко вспыхнувшее движеніе обнаружилось тамъ, гдѣ море какъ бы усыпано островами и изобильно обставлено со всѣхъ сторонъ полуостровами и проливами—въ Эгейскомъ архипелагѣ. Этотъ элементъ географическаго строенія нашей части свѣта впервые обнаружилъ свое значеніе очень рано, именно вначалѣ второй стадіи развитія культуры, на рубежѣ дикаго состоянія и варварства.

3. Европа расчленена болѣе гармонично среди всѣхъ другихъ частей свѣта, т. е. небольшое туловище ея отдѣляетъ во всѣ стороны многочисленныя придаточныя части въ видѣ хорошо обособленныхъ большихъ полуостововъ или островововъ, промежутки между которыми заполнены узкими морями; человѣкъ легко переплывалъ ихъ, послѣ того какъ привыкъ къ бушующей игрѣ моря на небольшихъ фьордахъ своей болѣе тѣсной родины. Эти обособленныя части, какъ полуострова Пиренейскій, Апеннинскій, Балканскій на югѣ, Скандинавія — на сѣверѣ, не считая многихъ мелкихъ, отличаются еще тѣмъ, что почти всѣ отдѣляются отъ основной части серьезными, хотя и непреоборимыми преградами въ видѣ горныхъ цѣпей или рукавовъ моря на подобіе того, который, подъ названіемъ Ламанша, отдѣляетъ Британію отъ Европы. На ряду съ этимъ остальное пространство отъ Пиреней и до громадной русской равнины перегорожено различно изгибающимися горными системами и грядами кряжей средней высоты—на отдѣльныя части и разсѣчено въ разныхъ направленіяхъ большими протекающими по средней Европѣ рѣками. Достаточно указать на такія окруженныя горными хребтами области, какъ Богемская котловина, Венгерская низменность или низменность нижняго теченія Роны, которыя удобно вмѣщали въ себѣ не только отдѣльныя племена, но цѣлыя народности.

Такимъ образомъ расчлененіе Европы вмѣстѣ съ только-что указанными особенностями рельефа средней ея части необыкновенно благопріятствовали тому, чтобы населеніе ея, даже если бы оно не отличалось пестротой этнографическаго состава, могло разбиться на отдѣльныя, притомъ значительныя группы, изъ которыхъ каждая получала возможность болѣе или менѣе уединиться въ обширной и во всѣхъ отношеніяхъ удобной области. Каждый изъ большихъ полуостововъ Европы, не говоря про Британскій архипелагъ, обладаетъ опредѣленной физіономіей, извѣстнымъ единствомъ своихъ географическихъ свойствъ въ такой мѣрѣ, что, напр., путешественникъ, гдѣ бы онъ не очутился, почти безошибочно можетъ опредѣлить свое мѣстопребываніе, обозрѣвъ зоркимъ окомъ окру-

жающій пейзажъ: небо, воздухъ, море, горы и берега—вездѣ замѣтно различаются, почва съ ея растительностью, нѣдра земли съ скрытыми въ нихъ богатствами вездѣ свои. При этомъ отличія эти такъ не велики или переходятъ взаимно одно въ другое настолько постепенно, что не могли мѣшать переселеніямъ племенъ, которыя безъ особыхъ лишеній и испытаній легко устраивались на новыхъ мѣстахъ, не рѣдко обрѣтая тамъ вторую, болѣе счастливую родину. Лонгобарды, переваливъ снѣжныя высоты Альпъ на своемъ пути изъ страны пологихъ лѣсистыхъ горъ, увидѣли въ Ломбардіи не Сахару, изъ которой надо бѣжать; англосаксы не покинули береговъ Англіи, когда высадились на ея зеленыя равнины; венгры остались въ занятой ими пустѣ Венгерской низменности, довольные своей новой родиной и новымъ сосѣдствомъ. Это богатство обособленными, болѣе или менѣе уединенными, болѣе или менѣе защищенными самой природой областями позволило племенамъ Европы сплотиться въ большія и плотныя національныя группы. Каждое многочисленное племя или народность, захвативъ удобную область или будучи закинуто туда превратностями историческихъ судебъ, получало возможность начать особое существованіе и въ теченіе ряда вѣковъ создать въ условіяхъ новой обстановки свои особыя національныя черты. Даже мелкія племена или остатки крупныхъ народностей, затиснутые болѣе могущественными пришельцами въ окраинныя области или въ горныя страны, успѣвали сохранить надолго свою индивидуальность. Достаточно указать на кельтовъ Шотландіи, на басковъ, на албанцевъ. Но условія обособленности и уединенія, вызываемыя описанными особенностями разчлененія и рельефа, были не настолько рѣзки, чтобы народы, занявшіе каждый свое мѣсто, были наглухо заперты, какъ бы замурованы отъ своихъ сосѣдей. Даже Альпы, самыя высокія горы Европы, не обезпечивали Италію отъ нашествій съ сѣвера, Ламаншъ не помѣшалъ датчанамъ, а впослѣдствіи норманамъ вторгнуться въ Британію. Вѣдь всѣ эти преграды вездѣ оказывались пересѣченными торговыми путями, которые въ теченіе тысячелѣтій усиленно обслуживали культурный и хозяйственный обмѣнъ. Съ конца эпохи переселенія народовъ и къ началу эпохи такъ называемаго „возрожденія“, стало быть за промежутокъ времени едва въ нѣсколько вѣковъ, вся пестрота европейскаго населенія оказывается уже разбитой на нѣсколько большихъ, компактныхъ націй, изъ которыхъ каждая занимаетъ опредѣленную географическую область съ своими особыми границами, испытывающими въ послѣдующемъ теченіи исторической жизни лишь болѣе или менѣе слабыя колебанія. Каждая національность уже успѣла выработать свою физіономію, создать свою крѣпкую индивидуальность на общей основѣ прочной культуры, которая создавалась въ теченіе тысячелѣтій вокругъ Средиземнаго моря, этого большого бассейна, безъ котораго намъ представляется немыслимымъ возникновеніе европейской цивилизаціи, и которое поэтому вполнѣ заслуживало бы названія „Европейскаго моря“ по существу. Индивидуальное, какъ основа разнообразія, есть громадная двигательная сила развитія. При условіи частаго общенія и оживленнаго обмѣна, что имѣло мѣсто въ Европѣ повсюду и во всѣ историческія времена, оно должно было порождать необычайное богатство формъ во всѣхъ безъ исключенія отрасляхъ жизни. Въ этихъ условіяхъ изъ элементовъ стараго, бывшаго, легче и быстрѣе всего возникаетъ новое, и труднѣе утеривается все годное и способное къ дальнѣйшему развитію. Какое необычайное развитіе индивидуальныхъ чертъ, какое богатство формъ быта, пріемовъ жизни, склада характеровъ, способовъ чувствованія, манеръ мышленія, словомъ, всей техники жизни встрѣчаемъ мы на пространствѣ Европы къ моменту наступленія современной намъ, все нивеллирующей эпохи! Какъ различно отражались всюду крупныя и мелкія историческія событія! Не отлилось ли, напр., реформаціонное движеніе въ каждой странѣ, у каждой націи въ свою особую форму! Не почерпнули ли всѣ вѣтви искусства, пробужденнаго гуманизмомъ, въ нѣдрахъ каждаго народа новыя добавочныя черты. Достаточно назвать любую изъ европейскихъ странъ, чтобы передъ во-

ображеніемъ встала особая, непохожая на другія картина. Достаточно упомянуть любую націю, чтобы память быстро подсказала всѣ историческіе вклады, вложенные ею въ хаотическое море той борьбы, среди которой создавалась наша цивилизація, чтобы возсталъ типичный обликъ представителя этого народа, столь непохожій на своего сосѣда! Всюду въ другихъ странахъ земли гораздо больше разнообразія въ природѣ, въ пейзажахъ, чѣмъ въ людяхъ и ихъ бытѣ. Только опредѣленныя области Азіи, именно страны, расположенныя между Средиземнымъ моремъ и Бенгальскимъ заливамъ, нѣсколько приближаются въ этомъ отношеніи къ Европѣ, если, конечно, не учитывать тѣхъ новыхъ чертъ, которыя занесены и распространены теперь нашей цивилизаціей повсюду. Расчлененность и пересѣченность, способствуя индивидуализаціи европейскихъ народовъ, мѣшали во всѣ времена сліянію ихъ въ слишкомъ большія политическія тѣла, однообразный ритмъ жизни которыхъ нерѣдко является началомъ омертвѣнія и застоя. Римская Имперія, охватывавшая не болѣе трети Европы, быстро распалась, несмотря на всю твердость связывавшаго и пронизывавшаго отдѣльныя ея части культурно-гражданскаго цемента. Монархія Карла Великаго не пережила его, земли, собранныя подъ однимъ скипетромъ Карломъ V, едва удерживались воедино всѣмъ напряженіемъ военныхъ силъ и дипломатическихъ ухищреній. Громадное количество энергіи, развитое Франціей въ наполеоновскую эпоху, не прикрѣпило къ ней завоеванныхъ странъ. И только въ восточной Европѣ, въ обширной равнинѣ, на просторъ которой вѣтеръ выноситъ дыханіе сосѣдней Азіи, возникло и распространилось государство, объемъ котораго стоитъ въ обратномъ отношеніи къ цѣнности самостоятельно развитой имъ культуры. Ничего подобнаго солидной прочности Китая, у подножія „недвижныхъ стѣнъ“ котораго разбиваются волны тысячелѣтій, ничего подобнаго мозаичной монархіи Ахеменидовъ и Сассанидовъ или переплетеннымъ религіозной орнаментикой халифатамъ, не могло возникнуть въ Европѣ. Сама природа намѣчала и предуказывала здѣсь многогранность культуры, въ каждой плоскости которой какъ бы просвѣчиваетъ и сверкаетъ оригинальной игрой драгоцѣнной индивидуальности ликъ участвовавшаго въ созданіи ея народа.

Наличность географическихъ элементовъ, именно расчлененность и пересѣченность рельефа, на которыхъ мы только что останавливались, обнаружило свое вліяніе въ свое время. Не тогда, когда дикій охотникъ гонялъ дикихъ лошадей, чтобъ питаться ихъ мясомъ, или ловилъ въ громадныя ямы вымершаго теперь мамонта; не тогда, когда онъ только что научился ковать металлы и бросалъ въ вспаханную землю первые посѣвы, собираясь вокругъ жертвенниковъ боговъ. Элементы эти обнаружили все свое полезное значеніе въ періодъ, когда въ условіяхъ античной культуры оказались уже выработанными основныя начала структуры общества западнаго, европейскаго типа. Экономическія, политическія и религіозныя начала выкристаллизовались уже въ опредѣленную систему, и, благодаря описаннымъ географическимъ особенностямъ нашей части свѣта, живая сила, заключенная въ многочисленномъ сравнительно населеніи Европы, получала возможность отливаться въ отдѣльныхъ частяхъ ея въ несходныя, но близкія, родственныя формы съ тѣмъ, чтобы въ теченіе ряда вѣковъ укрѣпить и обогатить ихъ путемъ внутренней работы и непрерывнаго взаимодѣйствія. Этотъ моментъ относится къ эпохѣ „великаго переселенія народовъ“ и стоитъ на рубежѣ древней и новой исторіи. Въ этомъ случаѣ вліяніе, цѣнность и значеніе чисто географическаго элемента, предопредѣляющаго будущее теченіе крупнѣйшихъ событій въ жизни человѣческихъ обществъ или даже человѣчества, проявляется съ особенной отчетливостью.

Въ нашу эпоху, когда національное расчлененіе въ силу того, что хозяйство становится все болѣе и болѣе общимъ, міровымъ, когда оно, благодаря отрицающему всякую неподвижную или малоподвижную форму неуловимо текучему капиталу, стремится разрушать преграды, культурно-историческое значеніе географическаго элемента, столь

цѣннаго для нашего прошлаго, какимъ является расчленность, совершенно пала. Могло бы казаться, что отнынѣ болѣе полезнымъ явилось бы, чтобы полуострова и большіе острова Европы исчезли бы, причленившись къ материку, чтобы Альпы, Пиренеи, Карпаты и Кавказъ сравнялись съ землею, дабы „національное", цѣпляющееся, подобно языческимъ культамъ, застигнутымъ наплывомъ объединяющихъ христіанскихъ идей, за обломки стараго строя, сыгравъ свою культурно-историческую роль, исчезло, какъ исчезло нѣкогда племенное. Вѣдь уже протекло нѣсколько вѣковъ съ момента, когда для развитія европейской культуры сталъ пріобрѣтать непрерывно растущее значеніе такой географическій элементъ, какъ положеніе Европы въ центрѣ материковаго полушарія, окруженность ея всѣми большими частями свѣта. До эпохи великихъ открытій, помѣщаемой историками на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, эта географическая особенность нашей части свѣта не имѣла никакого значенія. Но когда населеніе всѣхъ странъ Европы возросло, когда культурное состояніе населяющихъ ее народовъ поднялось до извѣстнаго уровня, при томъ мало различавшагося въ отдѣльныхъ странахъ З. Европы, и хозяйство начало создавать больше богатствъ и вызывало болѣе усиленный обмѣнъ, избытокъ энергіи могъ быть употребленъ на расширеніе сферы примѣненія собственныхъ силъ. И вотъ въ XV в. европейцы приступаютъ къ завоеванію океана. Въ этомъ случаѣ имѣло громадное значеніе то обстоятельство, что Европа находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ Азіи и Африки, и что лишь неширокая полоса Атлантическаго океана отдѣляла ее отъ громаднаго материка Новаго Свѣта. Изъ исторіи культуры намъ извѣстно племя, морскія передвиженія котораго оставляютъ за собой самыя легендарныя плаванія европейцевъ, такихъ, напр., какъ норманы—это малайцы. Они распространились на-западъ почти до Африки, на востокъ почти до Америки. Однако то, что родина ихъ, Малайскій архипелагъ, не обладала всѣми выгодными особенностями Европы, въ числѣ ихъ центрально міровымъ положеніемъ, области, лежавшія на пути ихъ переселеній—Австралія, острова Тихаго океана, Мадагаскаръ, способствовали лишь безплодному распыленію племени, не увеличивая его силъ. Между тѣмъ распространеніе европейцевъ послѣ XV ст. по всей землѣ закончилось завоеваніемъ міра.

Всѣ перечисленныя выше выгодныя особенности Европы имѣли бы гораздо меньшее значеніе, казались бы проблематическими, если бы къ нимъ не присоединялись физическія свойства европейской суши, именно необычайно теплый и достаточно влажный климатъ, съ которымъ тѣсно связана флора и фауна. Вся сѣверная часть Атлантическаго океана, сосѣднія съ нимъ части Сѣвернаго Полярнаго моря и прилегающая къ этимъ водамъ Европа въ теченіе зимы отличаются высокими температурами, что легко объясняется нагрѣваніемъ воздуха, производимымъ непрерывно пригоняемой съ юго-запада теплой водой поверхности океана. Преобладаніе западныхъ вѣтровъ, сдувающихъ теплый и влажный воздухъ съ океана къ Европѣ, обезпечиваетъ почти всѣмъ областямъ ея такія положительныя особенности климата, какія подъ сходною широтою не встрѣчаются болѣе нигдѣ на землѣ, по крайней мѣрѣ, на такомъ же обширномъ пространствѣ. Роль климата не ограничивается его глубокимъ вліяніемъ на флору и фауну и съ тѣмъ на хозяйство человѣческихъ обществъ. При условіи сложнаго геологическаго строенія Европы обиліе атмосферныхъ осадковъ чрезвычайно способствовало быстрому разрушенію горныхъ породъ, отложенію въ трещинахъ ихъ и скопленію на поверхности рудныхъ мѣсторожденій, которыя раскиданы по Европѣ довольно равномѣрно. Вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе быстрое вывѣтриваніе, размытіе и отложеніе разрушенныхъ породъ въ низинахъ усиливало полезное человѣку разнообразіе рельефа, о которомъ уже приходилось говорить. Есть въ Европѣ плодородныя низменности, которыя замѣтно увеличились за историческую эпоху. Съ климатомъ и рельефомъ тѣсно связано развитіе рѣчной сѣти, которая

въ Европѣ такъ густа и вѣтвиста, что мѣстностей, лишенныхъ постоянно текущихъ рѣкъ, служащихъ въ то же время дорогами, почти нѣтъ.

Время появленія человѣка въ Европѣ относится къ той эпохѣ, когда эта наилучшая для обитанія, наивыгоднѣйшая для развитія общежитій область была почти вполнѣ приготовлена для принятія его самой природой. Какъ извѣстно, современная намъ геологическая эпоха открывается въ Европѣ ледниковымъ періодомъ. Вслѣдствіе медленныхъ колебательныхъ пониженій температуры, сѣверная Европа накрылась большимъ материковымъ льдомъ, окраина котораго, судя по оставленнымъ слѣдамъ, широкой дугой простиралась отъ Британскаго архипелага черезъ среднюю Германію и Россію къ верховьямъ Печоры и къ Новой Землѣ. Согласно болѣе или менѣе достовѣрнымъ заключеніямъ ученыхъ, медленно наступавшее оледенѣніе сѣверной Европы, сопровождавшееся разрастаніемъ ледниковъ всѣхъ высокихъ горныхъ системъ и появленіемъ, если не ледниковъ, то снѣжнаго покрова на средневысотныхъ горахъ, обусловливалось сравнительно небольшимъ пониженіемъ температуры. Соотносительное паденіе средней годовой температуры повсемѣстно въ Европѣ на 4^0—6^0 вполнѣ достаточно для объясненія наступившаго тогда ледниковаго періода. Это небольшое паденіе тепла отнюдь не могло превратить Европу въ полярную страну, подобную Гренландіи или архипелагамъ Сѣверной Америки. Несомнѣнно оно глубоко отразилось на флорѣ и фаунѣ, такъ какъ многія южныя формы отступили къ югу, и на смѣну имъ появились сѣверныя. Тѣмъ не менѣе пейзажъ даже въ средней Европѣ, у самаго края ледника, мало походилъ на полярный. Если мы представимъ себѣ скандинавскій ландшафтъ перенесеннымъ въ среднюю Европу, а ландшафты современной Германіи и Франціи господствующими въ южной части ея, то таковъ будетъ приблизительно характеръ измѣненій, внесенный ледниковымъ періодомъ въ общую физіономію нашей части свѣта. Перемѣна, наступавшая при томъ очень медленно, какъ всѣ явленія, составляющія непреложныя событія жизни земли, не могла помѣшать человѣку оставаться въ Европѣ, если онъ въ это время уже обиталъ въ ней. Существовалъ ли человѣкъ въ Европѣ вообще въ доледниковую эпоху, это вопросъ, который еще нельзя рѣшить фактически достовѣрно, но который представляется намъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, такъ какъ слѣды его въ видѣ костяковъ, углей кострищъ, орудій и костей животныхъ,—остатковъ трапезъ, представляютъ въ общемъ такую культурную обстановку, которая при всей низменности своей свидѣтельствуетъ въ пользу того, что отдѣленіе человѣка отъ міра животныхъ произошло задолго до того. Между тѣмъ наиболѣе ранніе изъ этихъ остатковъ современны именно ледниковой эпохѣ, т. е. относятся къ времени, которое ученые на основаніи болѣе или менѣе достовѣрныхъ данныхъ относятъ за 20.000 лѣтъ до начала нашей эры. Этотъ человѣкъ копошился и хлопоталъ надъ заботами своего несложнаго хозяйства, можно сказать, у самаго края ледника и, повидимому, такъ тѣсно связалъ свое существованіе съ окружающей его фауной, что слѣдомъ за ней подвигался къ сѣверу, когда постепенное исчезновеніе ледянаго покрова вызвало перемѣщеніе туда животныхъ, служившихъ главнымъ предметомъ, такъ сказать, гвоздемъ его существованія, какъ напр. сѣверный олень, кости котораго вмѣстѣ съ издѣліями изъ рога, найденные во Франціи, такъ характерны для опредѣленныхъ отдѣловъ каменнаго вѣка. На смѣну уходившихъ къ сѣверу кучекъ этой древне-европейской расы появлялись съ юга новые пришельцы. Кто они были, сохранились ли остатки ихъ въ современномъ населеніи Европы, хотя бы въ видѣ слабыхъ антропологическихъ признаковъ, примѣшанныхъ къ нашимъ чертамъ, судить очень трудно. Во всякомъ случаѣ самыми древними насельниками Европы, которыхъ застаетъ въ ней исторія, и которые встрѣтили въ ней зарю металлическаго вѣка, являются на крайнемъ западѣ иберы, на двухъ большихъ южныхъ полуостровахъ Европы—народности, остатки которыхъ составляютъ теперь обитатели Корсики, Сардиніи, неславянскіе обитатели внутреннихъ частей Балканскаго полуострова.

Иберы, которыхъ считаютъ родственными хамитамъ сѣверной Африки, занимали въ древности Пиренейскій полуостровъ и распространялись отсюда за Пиренеи. Остатокъ ихъ усматриваютъ въ современныхъ баскахъ. Они явились, слѣдовательно, въ Европу по пути, которымъ воспользовались впослѣдствіи арабы. Что касается древняго населенія Италіи, южно-альпійской области и Балканскаго полуострова, то, судя по общему пути ихъ распространенія и мѣстамъ древнѣйшаго поселенія, появленіе ихъ на европейской почвѣ должно было произойти въ мѣстности, гдѣ берега Европы сближаются съ азіатскими, тамъ, гдѣ въ четвертичную эпоху, вслѣдствіе обширныхъ опусканій участковъ земной коры, образовалось Эгейское море и проливы Босфоръ и Дарданеллы. Къ этимъ древнѣйшимъ обитателямъ Европы относятъ лигуровъ, корсовъ, сардовъ, этрусковъ и ретовъ, которые проникали на западъ черезъ Балканскій полуостровъ, странствуя вдоль его береговъ, а далѣе двигались по долинамъ верхняго Дуная и Савы. Впослѣдствіи они растворились почти безъ остатка среди позже явившихся народностей, относимыхъ на основаніи родства ихъ языковъ къ одной большой группѣ арійцевъ или индо-европейцевъ или индо-германцевъ. Изъ нихъ италики и балканцы (иллирійцы, фракійцы, даки, македоняне, греки) перебрались въ Европу, воспользовавшись островами Эгейскаго моря и узкими проливами Босфора и Дарданеллъ, между тѣмъ какъ другой потокъ народностей той же группы проникалъ въ Европу черезъ широкія ворота, разверзающіяся въ юго-восточной равнинѣ на пространствѣ между Каспійскимъ моремъ и отрогами южнаго Урала. Это были кельты, разныя германскія племена, литовцы и славяне, причемъ въ черноморскихъ степяхъ распространились скиѳы и сарматы, отдѣливъ такимъ образомъ территорію, занятую славянами, отъ земли даковъ. Негостепріимный сѣверо-востокъ занимали финско-угорскія племена, рано отдѣлившаяся вѣтвь монгольской расы, представители которой вообще не встрѣчаются въ Европѣ до IV ст., когда орда за ордой они начинаютъ появляться съ востока и вызываютъ общее движеніе и новое размѣщеніе осѣвшихъ было племенъ и народовъ. Угры, болгары, турки, татары, киргизы и калмыки, не считая мелкихъ народностей, единственные болѣе или менѣе чистые представители этой расы въ Европѣ, уцѣлѣвшіе до сего дня среди толчеи, которую не разъ подымали орды ихъ родичей при своемъ появленіи изъ Азіи.

Нѣтъ возможности, да и нѣтъ надобности перечислять хотя бы главнѣйшія превратности исторической жизни европейскихъ народовъ, чтобы подчеркнуть фактъ разнообразнѣйшихъ смѣшеній и перетасовокъ, въ результатѣ которыхъ на всемъ пространствѣ Европы нельзя теперь найти ничтожной группы обитателей, за чистоту крови которыхъ можно было бы поручиться. Сліянія и поглощенія однимъ племенемъ, однимъ народомъ другихъ совершались вездѣ и мѣстами подвигались впередъ почти непрерывно. Кровь, порода и все, что съ нею связано, оставалась, но вымирали языки и съ ними угасали этнографическія особенности. Такъ кельтская кровь, кельтскій характеръ сохранились, преимущественно, во Франціи. Въ портретѣ древнихъ галловъ, набросанномъ римскими историками, легко узнать современныхъ французовъ, но кельтскій языкъ почти вымеръ, на немъ говорятъ лишь въ Уэльсѣ и кое гдѣ въ Ирландіи, въ Шотландіи. Точно также изъ сплошного почти славянскаго населенія, разселившагося нѣкогда въ восточной Германіи до Эльбы, теперь подъ Берлиномъ уцѣлѣли едва ли не одни венды, всѣ остальныя племена оказались, если не поглощенными, то онѣмѣченными. Одни только передѣланныя на нѣмецкій ладъ названія славянскихъ нѣкогда городовъ (Лейпцигъ—Липецкъ, Роштокъ—Растока) указываютъ мѣста, гдѣ нѣкогда звучала славянская рѣчь. Обрусѣніе финновъ, быстро подвигающееся теперь у насъ, можетъ иллюстрировать, съ какою скоростью были нѣкогда поглощены нѣмцами полабскіе славяне. Смѣло можно сказать, что ни одна страна въ Европѣ не имѣетъ чистаго населенія. Вслѣдствіе того, что мы еще не обладаемъ сколько нибудь положительными антропологическими и этнографическими

методами для различія народностей, единственнымъ мѣриломъ, съ помощью котораго группируютъ до настоящаго времени населеніе Европы на отдѣльныя народности, остается языкъ. Несомнѣнно языкъ, какъ показатель принадлежности къ той или другой группѣ или къ народу, признакъ слишкомъ формальный, но съ помощью его удается по крайней мѣрѣ численно учесть массу каждой народности. Кто говоритъ на опредѣленномъ языкѣ и считаетъ его роднымъ, тотъ несомнѣнно принадлежитъ къ соотвѣтствующей народности и по культурѣ. Говорящее по-французски нѣмецкое населеніе Эльзаса по симпатіямъ и по культурѣ должно быть причислено на этомъ основаніи къ романской группѣ; масса финновъ, занимавшихъ территорію бывшаго Тверского, Ростовскаго и другихъ княжествъ (весь, меря, мурома и др.) совершенно слилась съ русскими, а гдѣ не слилась, то обрусѣла вполнѣ.

Руководствуясь языкомъ, всю массу европейскихъ народностей и племенъ можно распредѣлить на нѣсколько большихъ группъ, какъ то: 1) романскіе народы—португальцы, испанцы, французы, итальянцы, рето-романы, фурланы и румыны; 2) германскіе народы—скандинавы (исландцы, датчане, шведы, норвежцы), англичане, нѣмцы (включая сюда фламандцевъ, фризовъ и голланцевъ); 3) славяне—восточные (всѣ русскіе), западные (поляки, чехи, словаки, венды), южные (словенцы, сербы, хорваты, болгары [1]); 4) летолитовцы; 5) остатки кельтовъ (бретоны, иры, гаэлы); 6) остатки иберовъ (баски); 7) албанцы; 8 греки. Этими группами исчерпываются народности арійской вѣтви. Если строго руководствоваться языкомъ, то къ этимъ группамъ слѣдуетъ присоединить и евреевъ, относимыхъ къ семитамъ, такъ какъ они всюду уже не говорятъ на своемъ языкѣ, а пользуются языками или жаргонами языковъ тѣхъ народностей, въ среду которыхъ ихъ занесла судьба, и къ которымъ они примыкаютъ въ культурномъ отношеніи.

Монгольская раса представлена въ Европѣ какъ численно, такъ и культурно очень слабо. Къ болѣе или менѣе чистымъ монголамъ можно отнести лишь калмыковъ, которые явились въ восточную Европу очень недавно и ушли бы обратно въ Азію, если бы часть ихъ не была насильно удержана отъ переселенія русскимъ правительствомъ. Остальную массу монголоподобныхъ надо отнести къ уралъ алтайской вѣтки, именно, къ финнамъ въ широкомъ смыслѣ этого слова (финны западные, волжскіе, уральскіе) и къ тюркамъ (татары, киргизы и сильно облагороженные въ своемъ типѣ турки-османы). Совершенно обособленно стоятъ цыгане, потомки какого-то бродячаго племени съ плоскогорій Декана, неисповѣдимыми путями проникшіе пятьсотъ лѣтъ тому назадъ въ Европу.

Любопытно сопоставить всѣ перечисленныя группы другъ съ другомъ численно и въ процентномъ отношеніи, хотя, какъ видно изъ всего сказаннаго выше, полученныя такимъ образомъ цифры далеко не безупречны.

Германскія народности	нѣмцы, голландцы и фламандцы . .	81,0 мил.	133,0=31,9%.
	англичане	41,5 „	
	скандинавы	10,5 „	
Романскія народности	французы	43,0 мил.	111,0=26,6%.
	итальянцы, рето-романы и фурланы	35,0 „	
	испанцы и португальцы	23,5 „	
	румыны	9,5 „	

[1]) Болгары въ массѣ своей не славяне, о чемъ свидѣтельствуетъ и типъ ихъ; къ славянской группѣ ихъ приходится относить, руководясь языкомъ и культурой.

Славяне	русскіе	88,0 мил.	127,5=30,6%
	поляки	17,5 „	
	чехи и словаки	8,5 „	
	словенцы, хорваты, сербы	9,5 „	
	болгары	4,0 „	
Остальные арійцы	литовцы	4,0 мил.	13,3=3,2%
	кельты	2,5 „	
	греки	4,5 „	
	албанцы	1,5 „	
	цыгане (?)	0,5 „	
	остальные (напр. армяне)	0,3 „	
Семиты и хамиты	евреи	9.0 „	9,7=2,3%
	баски	0,7 „	
Монголы	венгры	9,5 мил.	22,5=5,4%
	финны и родственные имъ	6.5 „	
	турки, татары и калмыки	6,5 „	

Эти цифры показываютъ, что численный перевѣсъ находится въ Европѣ на сторонѣ германскаго племени. Хотя цифры эти можно оспаривать, указавъ, напр., на то, что къ германскому племени причислено немало онѣмѣченныхъ народностей, особенно славянскихъ, которыхъ нѣмцы покоряли и ассимилировали въ своемъ вѣковомъ движеніи на востокъ, тѣмъ не менѣе высказанное положеніе о численномъ превосходствѣ германцевъ должно остаться въ силѣ, такъ какъ ни одна другая народность не потеряла въ послѣднія столѣтія, не теряетъ и теперь такъ много своихъ соплеменниковъ благодаря эмиграціи, какъ германцы. Англія, Германія, Нидерланды и Скандинавія дали заокеаническимъ странамъ наибольшее число колонистовъ. Въ настоящее время изъ романскихъ странъ стать съ ними въ рядъ можетъ лишь Италія, какъ прежде въ этомъ отношеній одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало Испаніи и Португаліи. Второе мѣсто за германцами принадлежитъ славянамъ, третье - романскимъ народамъ. Въ общемъ различіе между этими тремя группами народовъ незначительно, тогда какъ численность всѣхъ неарійскихъ народностей очень невелика и должна быть признана еще болѣе низкой, такъ какъ не малый процентъ среди нихъ представляетъ сильно смѣшанный съ арійцами элементъ. Что касается доли участія каждой изъ трехъ главныхъ группъ населенія Европы въ творческой культурно-исторической работѣ, то въ этомъ отношеніи значеніе каждой невозможно опредѣлить при помощи цифръ. Несомнѣнно только одно, что до сихъ поръ слабѣе всего проявили себя славяне, тогда какъ обѣ группы—романская и германская, могутъ оспаривать другъ у друга первенство. До эпохи великихъ открытій перевѣсъ былъ несомнѣнно на сторонѣ романскихъ народовъ. Но, начиная съ эпохи реформаціи, центръ тяжести культурнаго развитія начинаетъ перемѣщаться изъ странъ южной Европы къ сѣверу за Альпы и находитъ себѣ мѣсто между Франціей, Германіей и Британіей. Къ этому времени относится начало господства, пріобрѣтаемаго Европой надъ міромъ, и страны, прилегающія къ открытому океану, по которому торговыя дороги проэктируются во всѣ стороны, получаютъ перевѣсъ; онѣ притягиваютъ къ себѣ міровой обмѣнъ, обращая всѣ выгоды его въ свою пользу. Лишь съ прорытіемъ Суэцкаго перешейка Средиземное море начинаетъ возвращать себѣ и прилегающимъ къ нему странамъ прежнее значеніе, которое въ будущемъ, когда древнія, запущенныя страны Перед-

ней Азіи (М. Азія и Сирія, Месопотамія, Иранъ) окажутся втянутыми въ сферу европейской культуры и пересѣкутся желѣзнодорожными путями, должно будетъ сильно возрости.

Общая численность европейскаго населенія превосходитъ въ настоящее время 417 мил., что, соотвѣтственно небольшому пространству этой части свѣта, даетъ въ общемъ очень большую среднюю плотность въ 42 ч. на кв. к. Средняя плотность населенія всей суши земного шара не превосходитъ 11 ч. на 1 кв. к., а наименьшая средняя опредѣляется для Австраліи въ 0,6 ч. на 1 кв. к. Такимъ образомъ общая численность и плотность населенія въ Европѣ вполнѣ гармонируетъ съ ея міровымъ положеніемъ, которое нельзя опредѣлить иначе, какъ „центръ матеріальнаго и духовнаго господства надъ міромъ". 417 мил. ея обитателей, разселившихся на пространствѣ 10 мил. кв. к., благодаря эмиграціи и колонизаціи, господствуютъ непосредственно надъ громадной площадью въ 70 мил. кв. к. внѣевропейскихъ владѣній, населенныхъ 515 мил. жителей. Но гегемонія и эксплоатація, проявляемыя населеніемъ Европы, вовсе не ограничиваются колоніальными странами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Торговля и промышленность, выгоды отъ которыхъ въ видѣ ежегодной прибыли притекаютъ въ Европу, захватываютъ положительно всѣ страны міра. Эта эксплоатація, продолжающаяся уже нѣсколько вѣковъ, несомнѣнно сильно способствовала и способствуетъ упроченію матеріальной основы, на которой зиждется, на которой продолжаетъ расти и развиваться западная культура. На великомъ поприщѣ борьбы народовъ за существованіе, на этомъ тяжеломъ пути стремленія впередъ, усыпанномъ неисчислимыми жертвами, Европа въ лицѣ своего населенія продолжаетъ еще сохранять первое мѣсто. Но, повидимому, разстояніе между нею и другими частями свѣта, стремящимися вслѣдъ ей, начинаетъ сокращаться, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что наступающее столѣтіе окажется вѣкомъ освобожденія всѣхъ странъ міра отъ гегемоніи Европы, для которой всѣ изложенныя выше выгоды ея географическаго строенія окажутся въ дальнѣйшемъ теченіи исторіи безполезными.

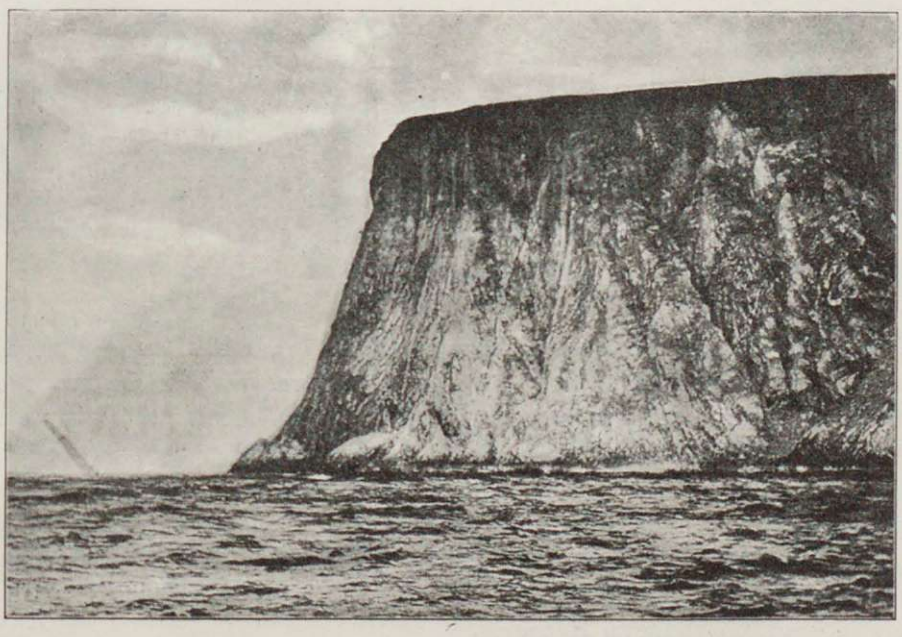
Н. Березинъ.

Сѣверная Европа.

Скандинавія.

Природа Скандинавіи и Ютландіи.—Норвегія: рыболовство, земледѣліе и промышленность, народное образованіе и политическій строй —Швеція.—Данія.

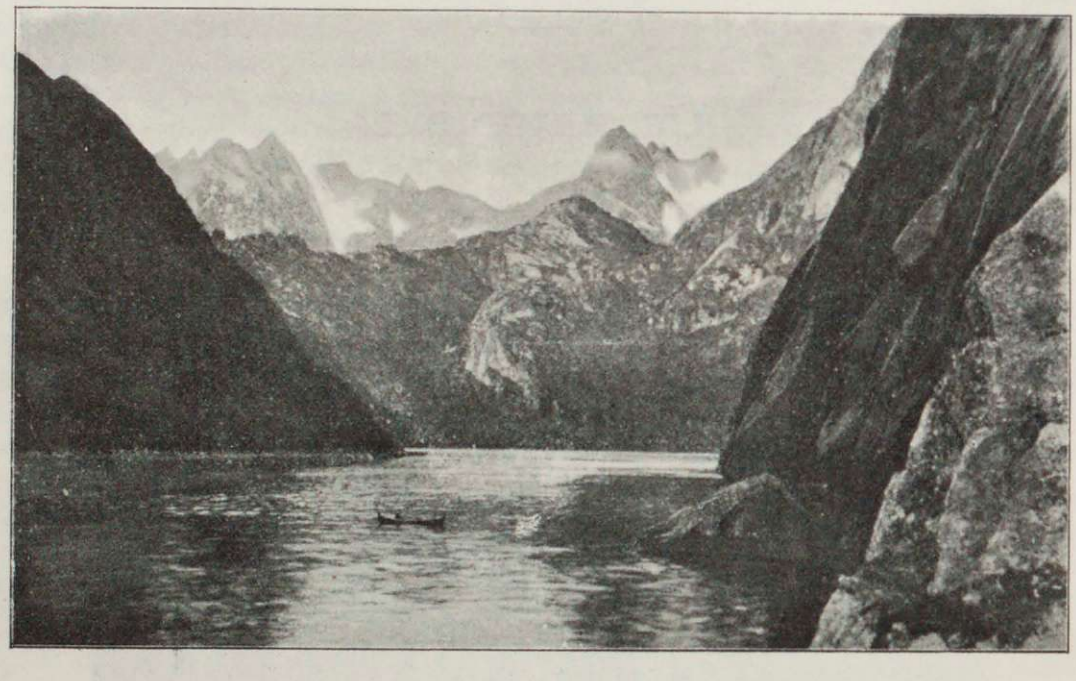
Громадный гранитный массивъ, существенную часть котораго составляетъ современная Скандинавія, образовался во времена, теряющіяся въ глубинѣ вѣковъ, въ архейскую эру. Проходили тысячелѣтія, вѣрнѣе, безчисленные ряды тысячелѣтій.. Огонь и

Нордкапъ, сѣверная оконечность Европы.

вода—великіе дѣятели земной коры, усердно измѣняющіе внѣшній видъ нашей планеты, потрудились и надъ Скандинавіей; они состарили ее, покрыли ея дневную поверхность сѣтью безчисленныхъ морщинъ, а горные пики и необозримыя возвышенныя плоскогорія посеребрили блестящей сѣдиной вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ. Было время, когда море

скрывало въ своихъ безднахъ большую часть сѣверно-европейскихъ странъ—объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ толщи морскихъ осадочныхъ породъ, покрывающихъ обширныя пространства преимущественно въ Даніи и Швеціи, но современный рельефъ этихъ странъ, также какъ и Норвегіи, обязанъ всѣми своими особенностями не столько морю, сколько такимъ же необозримымъ какъ море, но еще болѣе могущественнымъ полярнымъ ледникамъ. Подобно чудовищному плугу, сползали они съ норвежскихъ высотъ, сглаживая холмы, срывая гранитныя глыбы, сметая все живое на своемъ пути. Объ этой единственной въ своемъ родѣ пашнѣ не трудно догадаться по глубокимъ царапинамъ, до сихъ поръ не изглаженнымъ временемъ, оставленнымъ на твердомъ гранитѣ безчисленными рѣзаками—поддонными моренами; глубокія впадины-борозды, выдавленныя тяжестью ледяныхъ массъ, тянутся въ видѣ озеръ, болотъ и долинъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ направленіи движенія ледниковъ; повсюду разбросаны гранитные валуны—большіе и

Трол д ф ьордъ.

маленькіе, кучами и въ одиночку. Долго еще должны трудиться солнце, вода, вѣтеръ и человѣкъ, чтобы извлечь изъ этой великой пашни все то, что она можетъ дать людямъ. Солнце должно высушить болота; рѣки должны проложить себѣ глубокія, не пересѣченныя порогами русла, настолько глубокія, чтобы воды многочисленныхъ озеръ могли бы безпрепятственно стечь въ море, обнаживъ обширныя плодородныя пространства суши; вѣтеръ, въ союзѣ съ солнечной теплотой, водою и человѣкомъ долженъ разрыхлить каменистую почву, взборонить ледниковую пашню. Эта работа подвинулась дальше всего на восточныхъ равнинахъ Даніи. Затѣмъ слѣдуютъ южная и средняя Швеція, наиболѣе же первобытный видъ сохраняетъ Норвегія.

Дѣятельность ледниковъ не ограничивалась измѣненіемъ верхнихъ покрововъ почвы, созданіемъ обширныхъ озеръ и даже морей, какъ напримѣръ Балтійскаго. Одна особенность Скандинавскаго полуострова, главнымъ образомъ норвежскаго побережья, обязана имъ, если не своимъ образованіемъ, то, по крайней мѣрѣ, своимъ сохраненіемъ—мы говоримъ о фьордахъ, змѣеобразныхъ заливахъ, вдающихся на много десятковъ верстъ въ сушу, развѣтвляющихся на множество второстепенныхъ бухтъ, которыя, въ свою очередь,

дают начало новымъ бухточкамъ и заливамъ. Если бы не массы льда, заполнявшія въ теченіе долгаго времени эти трещины земной коры, рѣки заполнили бы ихъ своими наносами, если и не совсѣмъ, то, во всякомъ случаѣ, въ значительной степени, и море обрушило бы въ ихъ бездны глыбы гранита, отчасти обращенныя въ песокъ, сорванныя волнами съ ихъ скалистыхъ береговъ. Но ледъ сохранилъ фьорды отъ исчезновенія и даже углубилъ еще ихъ своею тяжестью.

Но вотъ миновали для Скандинавіи долгіе годы холода и смерти, льды отступили на сѣверъ, климатъ измѣнился къ лучшему, зазеленѣли лѣса на недавно еще голыхъ скалахъ, травы и мхи одѣли обнажившійся гранитъ, показались животныя и птицы, рыбы населили рѣки и озера и, наконецъ, человѣкъ, еще дикій, едва умѣвшій дѣлать каменныя орудія, появился въ странѣ, родившейся для жизни въ потокахъ водъ тающихъ ледниковъ.

Какою же представляется современнымъ скандинавамъ ихъ молодая родина?

Начнемъ съ высокихъ нагорій Норвегіи—обширныхъ горныхъ плато, часто прерывающихся долинами и трещинами фьордовъ; плоскогорій, на которыхъ высятся пики и купола горныхъ хребтовъ. Эта каменная гряда окаймляетъ все западное побережье Скандинавскаго полуострова, часто подходя вплотную къ морю и тогда или волны открытаго океана съ грохотомъ разбиваются у подножія отвѣсныхъ, многосаженныхъ утесовъ, или береговые обрывы отражаются въ тихой, глубокой водѣ фьордовъ. Иногда горы нѣсколько отступаютъ отъ берега, и тогда остается узкая прибрежная полоса суши. Къ востоку, въ сторону Швеціи, возвышенность понижается пологими уступами, постепенно переходя въ равнину. Норвежскія нагорья — царство полярнаго холода. Когда весною теплые солнечные лучи пробуждаютъ въ долинахъ природу, растапливая снѣга и льды и одѣвая зеленью деревья, они не въ состояніи пробудить отъ вѣчнаго покоя снѣга на вершинахъ пиковъ и льдистыхъ плато, и даже іюньское солнце не въ состояніи растопить эти груды снѣга и льда. Они только ярче сверкаютъ всѣми цвѣтами радуги въ лучахъ полуденнаго лѣтняго солнца, алѣютъ въ багрянцѣ вечерней зари, вспыхиваютъ нѣжными красками яснаго утра. А зимою они скрываются въ свинцовыхъ туманахъ, утонувшіе въ сумракѣ короткаго сѣвернаго дня, выступая изрѣдка изъ-за облаковъ тусклыми, бѣлыми пятнами.

Область вѣчныхъ снѣговъ, оттѣняя ихъ бѣлизну, окаймляютъ бурыя, безжизненныя болота и голыя, сѣрыя, иногда почти черныя скалы. Языки льда, свѣшиваясь съ краевъ плоскогорій или сползая къ морю по долинамъ, часто хоронятъ ихъ подъ своей толщей, иногда на десятки лѣтъ. Но выпадетъ нѣсколько теплыхъ годовъ подрядъ, и ледникъ выпускаетъ изъ своихъ когтей добычу, съ тѣмъ, однако, чтобы снова завоевать ее, когда природа будетъ благопріятствовать ему. Ледники и снѣга занимаютъ $2^1/_2\,^0/_0$ пространства всей Норвегіи, пустынныя же нагорья занимаютъ обширную площадь въ $71^1/_3\,^0/_0$ всей поверхности Скандинавіи.

Только миновавъ пространства, на которыя такъ или иначе распространяется область льда, мы вступаемъ въ зону альпійскихъ луговъ, покрытыхъ удивительно яркой, сочной травой. Лѣтомъ, когда сойдетъ снѣгъ, на нихъ закипаетъ жизнь—бродятъ, позвякивая колокольчиками, стада коровъ, пригнанныхъ сюда изъ долинъ, въ горныхъ хижинахъ-сэтерахъ живутъ дѣвушки и парни, которымъ порученъ уходъ за животными. Альпійскіе луга расположены приблизительно на высотѣ отъ 200 до 600 метровъ, ниже лежатъ лѣса, сначала рѣдкіе и легко проницаемые для солнечныхъ лучей, отчего они къ вечеру кажутся точно вылитыми изъ свѣтлой бронзы. На склонахъ долинъ густые лѣса тянутся на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Впрочемъ, во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ юго-западной Норвегіи, лѣса вырублены, но все же и здѣсь еще сохранились обширные лѣсные участки, любое дерево которыхъ годится на корабельную мачту. Такіе же лѣса покрываютъ часть острововъ, тысячи которыхъ разсѣяны вдоль западнаго побережья Скандинавскаго полуострова. Острова въ высшей степени разнообразны по своимъ

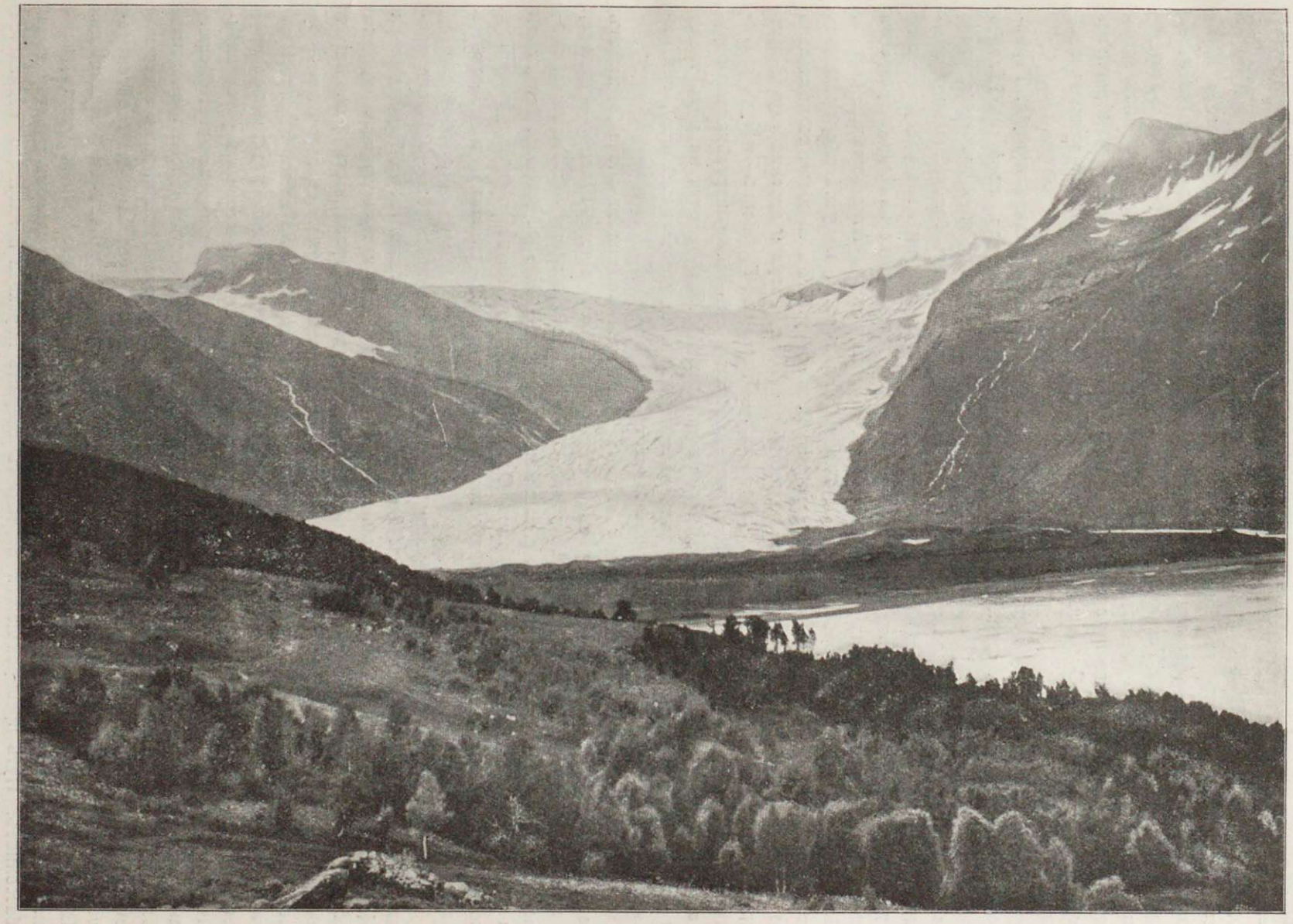
размѣрамъ; среди нихъ встрѣчаются многіе площадью въ нѣсколько сотъ квадратныхъ километровъ наряду съ одинокими, торчащими въ морѣ скалами, способными служить убѣжищемъ развѣ для немногочисленной колоніи морскихъ птицъ. Иногда острова составляютъ длинныя цѣпи, подобно Луфутенамъ, которые тянутся параллельно берегу на нѣсколько сотъ верстъ, и на всемъ своемъ протяженіи, съ момента, когда пароходъ вспѣнитъ омывающія ихъ воды, приковываютъ они взгляды путешественника своеобразной причудливостью своихъ очертаній. Особенно хороши они въ ясный солнечный день, когда море спокойно, и когда, словно въ зеркалѣ, дремлютъ опрокинутые, отражающіеся въ водѣ скалы, лѣса, деревни, волнуется только рябь, оставляемая проходящимъ парохо-

Вершины или „тинды“ Норвежскихъ горъ.

домъ, да легкими лодочками, которыя скользятъ, какъ птицы, сверкая на солнцѣ своими парусами. Но чаще вершины острововъ тонутъ въ клубящихся облакахъ, а берега ихъ и морская даль скрыты частой сѣткой дождя.

Впадины въ земной корѣ раздѣляютъ Скандинавскія Альпы на нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ гористыхъ участковъ. На сѣверѣ лежитъ Кьеленъ, массивъ средней высоты, продолжающійся за полярный кругъ плоскогорьемъ Свартисенъ, „Чернымъ ледникомъ“, на которомъ возвышается бѣлоснѣжный пикъ Сулительмы. Впадина Трондьемъ-фьорда отдѣляетъ отъ Кьелена нагорье Доврe, которое, въ свою очередь, долины Ромсдалъ и Гудбрандсдалъ отграничиваютъ отъ высочайшихъ нагорій Норвегіи—Іостедала и Іотунхейма; послѣднее названіе означаетъ „жилище великановъ“; народная фантазія справедливо поселила ихъ въ горахъ Іотунхейма, мрачныхъ скалахъ, блистаю-

Свартизенъ и его ледникъ.

щихъ снѣжными вѣнцами, среди громадныхъ ледниковъ, висящихъ надъ сумрачными водами Сонгне-фьорда, который врѣзается безчисленными развѣтвленіями въ самое сердце горъ. По длинѣ и глубинѣ Сонгне-фьордъ вполнѣ соотвѣтствуетъ Іотунхейму, не имѣющему себѣ соперниковъ въ Норвегіи. Къ югу отъ Сонгне-фьорда воды фьордовъ Хардангера и Ставангера омываютъ уже менѣе высокія горы, среди которыхъ расположена цвѣтущая провинція Телемаркенъ. Въ юго-восточной Норвегіи горы также не отличаются высотой; въ нихъ врѣзывается Кристіанія-фьордъ—одинъ изъ красивѣйшихъ заливовъ всего Скандинавскаго побережья. Дальше къ востоку простираются уже равнины норвежской провинціи Смоленъ, незамѣтно переходящія въ низменности южныхъ провинцій Швеціи.

Множество рѣкъ и ручьевъ стекаетъ по обѣ стороны норвежскихъ нагорій. Тѣ, которые текутъ на востокъ, соединяясь въ крупныя рѣки, пересѣкаютъ поперекъ Швецію и впадаютъ въ Ботническій заливъ, образуя на своемъ пути пороги и водопады, часто расширяясь въ глубокія озера или протекая среди необозримыхъ болотъ, представляющихъ собой ничто иное, какъ недавнее озерное дно. Но какъ ни мало урегулированы русла рѣкъ бассейна Балтійскаго моря, все же они представляютъ несомнѣнный прогрессъ по сравненію съ хаотическимъ состояніемъ водъ, впадающихъ въ Атлантическій океанъ. На западныхъ склонахъ горъ не рѣдкость встрѣтить потоки, не успѣвшіе проложить себѣ никакого опредѣленнаго русла и низвергающіеся съ утесовъ высотою въ нѣсколько сотъ саженъ то здѣсь, то тамъ, въ зависимости отъ воли вѣтра и другихъ случайныхъ причинъ. Въ Норвегіи только рѣки, текущія на югъ—Гломменъ, Гудбрандъ—могутъ похвалиться болѣе или менѣе разработаннымъ русломъ, хотя и онѣ также пересѣкаются порогами, въ которыхъ вода пѣнится и кипитъ, какъ въ котлѣ. Встрѣчаются на нихъ также и водопады, хотя и не такіе высокіе, какъ на западѣ, но, благодаря массѣ воды, они нисколько не теряютъ ни въ величіи, ни въ красотѣ.

Есть и въ Швеціи рѣки, текущія на югъ; изъ нихъ наибольшее значеніе имѣетъ Іета. Іета служила нѣкогда, наряду съ впадиной великихъ озеръ, Швеціи — Венера, Веттера и Мелара, сообщеніемъ Балтійскаго моря съ басейномъ Нѣмецкаго, помощью широкаго морского пролива, обращавшаго южную Швецію въ островъ. Іета, какъ и огромное большинство другихъ рѣкъ Скандинавіи, была неудобна для судоходства, пока не прибѣгли къ системѣ искусственныхъ сооруженій—шлюзамъ и обходнымъ каналамъ.

Множество озеръ разсѣяно по всему пространству Скандинавіи, которая, если принять также во вниманіе обиліе рѣкъ, является настоящей страной озеръ. Горныя озера Норвегіи не выдаются своей величиной, но зато ихъ глубина и прозрачность, красота обрывистыхъ береговъ, дѣлаютъ ихъ несомнѣнно прекраснѣе громадныхъ равнинныхъ озеръ Швеціи. Долгое время невѣроятная глубина многихъ норвежскихъ озеръ являлась непонятной, пока не была рѣшена загадка ихъ происхожденія. Уже давно бросалось въ глаза то обстоятельство, что многія озера лежатъ во впадинахъ, непосредственное продолженіе которыхъ въ сторону моря составляютъ фьорды, что въ связи съ установленнымъ въ XVIII-омъ вѣкѣ фактомъ очевиднаго постепеннаго поднятія многихъ частей скандинавскаго массива надъ уровнемъ моря, заставило съ несомнѣнностью признать въ этихъ озерахъ продолженія фіордовъ, разобщенныя съ океаномъ. Озера Швеціи, ложа которыхъ выдавлены въ поверхности земной коры тяжестью ледниковъ, разсѣяны по всей ея поверхности, но встрѣчаются въ наибольшемъ количествѣ въ среднихъ ея провинціяхъ. Волны ихъ тихо бьются въ плоскіе лѣсистые берега; безчисленные острова, часто скаймленные подводными скалами, раздѣляютъ озера на множество проливовъ и отдѣльныхъ бассейновъ. Путь пробирающагося по такимъ озерамъ парохода прихотливо извивается среди зеленыхъ береговъ, иногда такъ близко сдвигающихся, что бока парохода едва не

задѣваютъ прибрежныхъ камней; а иногда берега раздвигаются такъ, что только синяя полоска на горизонтѣ напоминаетъ о твердой землѣ.

Поверхность Швеціи несравненно однообразнѣе поверхности ея западной сосѣдки, но зато несравненно легче поддается воздѣйствію человѣка. Только вблизи норвежской границы мѣстность возвышается уступами по направленію къ западу, да кое гдѣ и въ остальной Швеціи встрѣчаются цѣпи невысокихъ холмовъ, которыя тянутся чаще всего въ направленіи съ сѣвера на югъ. Но какъ не однообразна шведская равнина, даже ея южная, наиболѣе плоская часть волнистѣе низменныхъ острововъ Даніи и ровной, какъ столъ, поверхности Ютландскаго полуострова, по которому по серединѣ тянется цѣпь невысокихъ холмовъ. Большая часть Ютландской равнины, раскинувшаяся къ востоку отъ этой гряды, отличается удивительнымъ плодородіемъ; западъ Ютландіи, въ противопо-

Полуночное солнце.

ложность остальной части, безплодная пустыня, рѣдкое населеніе которой вѣчно живетъ подъ угрозой нашествія бродячихъ песковъ Нѣмецкаго моря. Песчаныя дюны, болота, озера, часто также наполовину заболоченныя обширныя пространства, поросшія вереском—вотъ что характеризуетъ эту печальную страну.

Какое же небо осѣняетъ сѣверо-западную окраину Европы? Часто ли здѣсь блещетъ солнце, сверкаютъ ли по ночамъ въ его изсиня-черномъ бархатѣ яркія звѣзды? Нѣтъ, скандинавы не могутъ похвастаться обиліемъ ясныхъ солнечныхъ дней, но, несмотря на это, на ихъ долю приходится гораздо больше солнечной теплоты, чѣмъ ея достается въ удѣлъ странамъ, лежащимъ несравненно южнѣе. Скандинавы получаютъ этотъ избытокъ тепла не прямо отъ солнца—оно оживляетъ ихъ страну потоками теплыхъ дождей и притекаетъ къ берегамъ Скандинавіи въ видѣ западнаго и юго-западнаго вѣтра, приносящихъ съ собой сохраненную водами Гольфштрома теплоту тропическаго солнца. Теплая вода Гольфштрома заполняетъ всѣ фьорды. Дѣло въ томъ, что ледники, отступая изъ ка-

кой нибудь мѣстности, отлагаютъ такъ называемыя концевыя морены—гряды камней, достигающія иногда громадной высоты. Ледники, отступавшіе изъ фьордовъ, оставили также, въ воспоминаніе о своемъ пребываніи, высокіе каменные пороги, вершины которыхъ лежатъ немногимъ ниже уровня моря, а иногда даже и выступаютъ надъ его поверхностью. Эти пороги находятся у входа въ фьорды, они препятствуютъ холодной, глубинной водѣ проникать въ нихъ и только теплая поверхностная вода свободно циркулируетъ между океаномъ и глубинами фьордовъ, создавая вдоль всего норвежскаго побережья рядъ водоемовъ нагрѣтой воды, смягчающихъ прибрежный климатъ и препятствующихъ, наряду съ Гольфштромомъ, замерзанію норвежскихъ бухтъ, которыя, не исключая и сѣверныхъ, остаются круглый годъ свободными ото льда. Шведскія гавани находятся въ гораздо менѣе благопріятномъ положеніи — Ботническій заливъ покрытъ толстой ледяной корой 6 мѣсяцевъ въ году, болѣе южныя гавани, какъ напримѣръ Стокгольмская—4, и только воды, омывающія крайніе южные берега, свободны отъ льда круглый годъ.

Благодаря мягкому климату въ Скандинавіи и Ютландіи нашли себѣ хорошій пріютъ очень многіе представители растительнаго и животнаго царства. Южная Швеція, восточная Данія и долины Норвегіи даже на высотѣ 600 м. представляютъ прекрасныя условія для произрастанія буковыхъ, грабовыхъ и липовыхъ лѣсовъ, превосходныхъ дубовыхъ рощъ, не говоря уже о культурныхъ растеніяхъ, вплоть до винограда и абрикосъ, произрастающихъ въ хорошо защищенныхъ мѣстахъ, на особо удобренной почвѣ. Датскіе лѣса давно вырублены, уступивъ мѣсто пашнямъ и роскошнымъ лугамъ, менѣе вырублены лѣса южной Швеціи и еще менѣе пострадала растительность Норвегіи. Климатическія условія средней и сѣверной Швеціи благопріятны ели, березѣ и соснѣ; такіе лѣса покрываютъ склоны норвежскихъ нагорій, отличающіеся сравнительно холоднымъ климатомъ. Только на самомъ крайнемъ сѣверѣ сплошные лѣса смѣняются равнинами, поросшими мхомъ, среди которыхъ кое гдѣ высятся отдѣльныя уродливыя березки и низкорослыя елки. Культурныя растенія, главнымъ образомъ ячмень и овесъ, а также овощи, рѣпа и морковь, разводятъ даже за 70° широты; хотя лѣто и коротко въ этихъ широтахъ, но зато дни бываютъ настолько длинны, что оказывается иногда достаточнымъ какихъ нибудь 8 — 9 лѣтнихъ недѣль для вызрѣванія нетребовательныхъ злаковъ и для того, чтобы обширныя пространства покрылись превосходной травой чистаго изумруднаго цвѣта.

Еще недавно множество хищныхъ звѣрей—медвѣдей, волковъ, барсуковъ, лисицъ—населяли скандинавскіе лѣса; но постепенное исчезновеніе лѣсной растительности и усиленное ихъ преслѣдованіе значительно сократили ихъ число. Во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ раздавался трескъ вѣтвей, поддающихся подъ тяжестью грузнаго тѣла медвѣдя, да слышался заунывный вой голодныхъ волковъ, пасутся теперь животныя гораздо болѣе мирныя; мычаніе коровъ и ржаніе лошадей замѣнили собой дикій концертъ лѣсныхъ хищниковъ. Только на сѣверѣ сохранились охотники, спеціальность которыхъ добыча мѣховъ пушныхъ звѣрей—горностаевъ, бѣлокъ и куницъ. Птичье населеніе скандинавскихъ лѣсовъ далеко не такъ обильно, какъ птичье населеніе норвежскихъ скалъ, иногда сплошь усѣянныхъ гнѣздами баклановъ, дикихъ утокъ, буревѣстниковъ и гагъ. Вся эта воздушная армія несомнѣнно не могла бы существовать, если бы воды Атлантическаго океана и фьордовъ не кишѣли рыбой самыхъ разнообразныхъ породъ. Но настоящій пиръ для всего птичьяго царства, а также для прибрежныхъ рыбаковъ, наступаетъ въ февралѣ и въ августѣ, когда огромныя, серебристыя стаи сельдей и трески приплываютъ почти вплотную къ берегамъ и мечутъ икру на расположенныхъ вдоль норвежскаго побережья отмеляхъ или питаются водящимся въ изобиліи около береговъ однимъ видомъ морского рачка, а также и другой подходящей пищей, которую даетъ имъ богатая прибрежная морская фауна.

Благопріятный климатъ въ незапамятныя времена привлекъ человѣка въ долины Норвегіи, на равнины Даніи и Швеціи. Можно даже предположить, что человѣкъ появился въ этихъ странахъ спустя сравнительно непродолжительное время послѣ того, какъ растаяли мощные пласты скандинавскихъ ледниковъ. Ни о происхожденіи, ни о бытѣ первоначальныхъ обитателей Скандинавіи мы не имѣемъ сколько нибудь полныхъ, провѣренныхъ свѣдѣній. Они оставили на память о себѣ только кое какія каменныя издѣлья, да нѣсколько, по большей части разоренныхъ, могилъ. Затѣмъ на скандинавскій полуостровъ переселились лопари—пришедшее съ сѣверо востока финское племя, и ихъ-то застали здѣсь сначала готы, а затѣмъ и свевы, вторгнувшіеся въ Скандинавію и оттѣснившіе лопарей къ сѣверу. На Ютландскомъ полуостровѣ готовъ предупредили англосаксы, принужденные, однако, подъ напоромъ готскихъ полчищъ, отступить на юго-западъ полуострова и выселиться затѣмъ въ Англію.

Теперешніе обитатели скандинавскихъ государствъ прямые потомки готовъ и свевовъ, смѣшавшіеся слегка въ сѣверныхъ провинціяхъ съ лопарями; на крайнемъ сѣверѣ сохранились еще лопари.

Древніе обитатели селились прежде всего тамъ, гдѣ природа оказывала имъ наименьшее сопротивленіе—они использовали море, его многочисленные защищенные заливы. Здѣсь возникло нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ княжествъ, съ викингами и конунгами во главѣ. Главнымъ занятіемъ жителей явились сначала морской разбой, затѣмъ торговля, рыбная ловля, охота и, кое гдѣ, земледѣліе. Только море могло дать скандинаву могущество, и числомъ лодокъ и морскихъ воиновъ, да еще личнымъ мужествомъ и другими личными качествами измѣрялись сила и власть викинга. Только воинскіе подвиги обезпечивали древнему скандинаву пріятную загробную жизнь въ Валгаллѣ, въ обществѣ витязей, проводящихъ время въ боевыхъ схваткахъ, не причиняющихъ никакого вреда сражающимся, и въ веселой охотѣ на небесныхъ поляхъ. Но миновали войны, и слава викинговъ померкла, оставивъ въ наслѣдіе потомкамъ былины—собраніе древнихъ сагъ. Однако въ характерѣ современныхъ скандинавовъ запечатлѣлось живое воспоминаніе о давно прошедшихъ временахъ: настойчивость въ достиженіи желаемаго и глубокая любовь къ свободѣ.

Мореходство и рыболовство являются до сихъ поръ важнѣйшими занятіями жителей, но наряду съ ними сильно развилось земледѣліе, скотоводство, лѣсная промышленность, число городовъ увеличилось, населеніе старыхъ городовъ умножилось.

Столица Норвегіи, Кристіанія, старый городъ, но путешественникъ, ожидающій увидѣть многочисленные слѣды старины въ современной Кристіаніи, будетъ очень разочарованъ: старая, деревянная Кристіанія много разъ гибла въ пламени, каждый разъ возрождаясь изъ пепла и снова развиваясь на прежнемъ мѣстѣ. Послѣ крупныхъ пожаровъ конца XVIII-го вѣка кристіанцы радикально измѣнили планъ своего города, замѣнивъ старыя, узкія и кривыя улицы широкими современными проспектами, настроили много каменныхъ домовъ, разбили прекрасные парки, улучшили портъ. Теперь Кристіанія—типичный благоустроенный европейскій городъ, насчитывающій около 230.000 жителей, превосходно освѣщаемый, оживляемый быстро бѣгущими вагонами трамвая и множествомъ пароходиковъ, поддерживающихъ сообщеніе съ утопающими въ зелени городскими окрестностями.

Если бы мы поинтересовались торговлей Кристіаніи, намъ сразу бы стало ясно положеніе Норвегіи на міровомъ рынкѣ. Въ Кристіанію, какъ и въ другіе норвежскіе порты, тянутся длинные караваны плотовъ, сплавляемыхъ по рѣкамъ, свозятся милліоны досокъ, распиленныхъ на лежащихъ внутри страны лѣсопильняхъ, кое какія поддѣлки изъ дерева, большое количество продуктовъ скотоводства—масла, шкуръ и мяса. Торговля рыбой также играетъ нѣкоторую роль, но ея обороты въ здѣшнемъ порту не могутъ идти въ

сравненіе съ рыбной торговлей въ западныхъ норвежскихъ портахъ, имѣющихъ видъ настоящихъ рыбныхъ гаваней. Такимъ образомъ, Норвегія—страна добывающей промышленности, и избытокъ своего сырья должна обмѣнивать на продукты, подвергнувшіеся фабричной и заводской обработкѣ. Слѣдовательно, она уплачиваетъ иностраннымъ предпринимателямъ извѣстную сумму денегъ за обработку своего собственнаго сырья. Но одно обстоятельство ставитъ ее въ очень выгодное положеніе: дѣло въ томъ, что Норвегія обладаетъ большимъ торговымъ флотомъ, позволяющимъ ей перевозить на своихъ судахъ не только свои товары, но и много иностранныхъ. Благодаря этому норвежцы получаютъ обратно часть уплачиваемыхъ за обработку товаровъ суммъ въ видѣ вознагражденія за перевозку. Такое изъ ряда вонъ выдающееся богатство торговымъ флотомъ объясняется поразительнымъ развитіемъ на Скандинавскомъ полуостровѣ акціонерныхъ компаній. Компаніи образуются всюду—въ городахъ, въ деревняхъ, захватываютъ въ своей дѣятельности цѣлыя области, иногда все государство, а сплошь и рядомъ переносятъ ее и за границу. Подобное развитіе ихъ является слѣдствіемъ того, что деньги въ Норвегіи не залеживаются въ банкахъ и кубышкахъ, а пускаются даже самыми незначительными собственниками въ оборотъ. Послѣднія десятилѣтія XIX-го столѣтія характеризуются особенно усиленнымъ распространеніемъ акціонерныхъ обществъ именно въ области судостроенія и морской торговли, какъ отрасли хозяйственной дѣятельности, наиболѣе пригодной для такой страны, какъ Норвегія, съ ея многочисленными превосходнѣйшими бухтами, съ ея огромными лѣсными богатствами, съ ея благопріятнымъ положеніемъ вблизи морскихъ путей. Число норвежскихъ судовъ, также, какъ и число ихъ собственниковъ, продолжаетъ непрерывно расти, и норвежскій флагъ, наряду съ англійскимъ, становится вполнѣ заурядным явленіемъ въ европейскихъ, американскихъ и во многихъ еще болѣе отдаленныхъ портахъ.

Норвежская дѣвушка въ подвѣнечномъ уборѣ.

Зависимость норвежцевъ отъ иностранныхъ капиталистовъ быстро уменьшается, но

въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, какъ напримѣръ въ желѣзодѣлательной и машиностроительной, имъ трудно конкурировать съ могущественной и богатой сосѣдкой — Англіей. Не имѣя собственнаго каменнаго угля, они, правда, располагаютъ даровой двигательной силой водопадовъ, но до сихъ поръ имъ не удалось настолько утилизировать ее, чтобы освободиться отъ власти огнедышащихъ печей Великобританіи и Германіи. Но если въ отношеніи высшихъ формъ промышленности Норвегія является страной отсталой все же ей удается подвергать значительную часть своего сырья первоначальной обработкѣ, въ своихъ собственныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ—на лѣсопильняхъ, кожевенныхъ заводахъ, маслобойняхъ, сыроварняхъ и рыбосушильняхъ, разсѣянныхъ по всей странѣ. Часто путникъ, пробираясь по дѣвственному почти лѣсу, останавливается въ удивленіи, заслышавъ глухой шумъ падающей воды, смѣшанный съ гуломъ машинъ, визгомъ пилъ и криками людей. Это лѣсопильня, пріютившаяся на расчищенной лѣсной полянѣ у водо-

Рыбачья флотилія въ норвежскомъ фьордѣ.

пада, неутомимаго работника, готоваго день и ночь вращать тяжелые валы, приводя въ движеніе сложные заводскіе механизмы.

А высоко въ горахъ, среди альпійскихъ луговъ, гдѣ пасутся лѣтомъ стада скота, крестьянскія дѣвушки приготовляютъ въ избахъ масло и сыръ; впрочемъ и въ долинахъ найдется не мало маслобоенъ, принадлежащихъ крестьянскимъ товариществамъ.

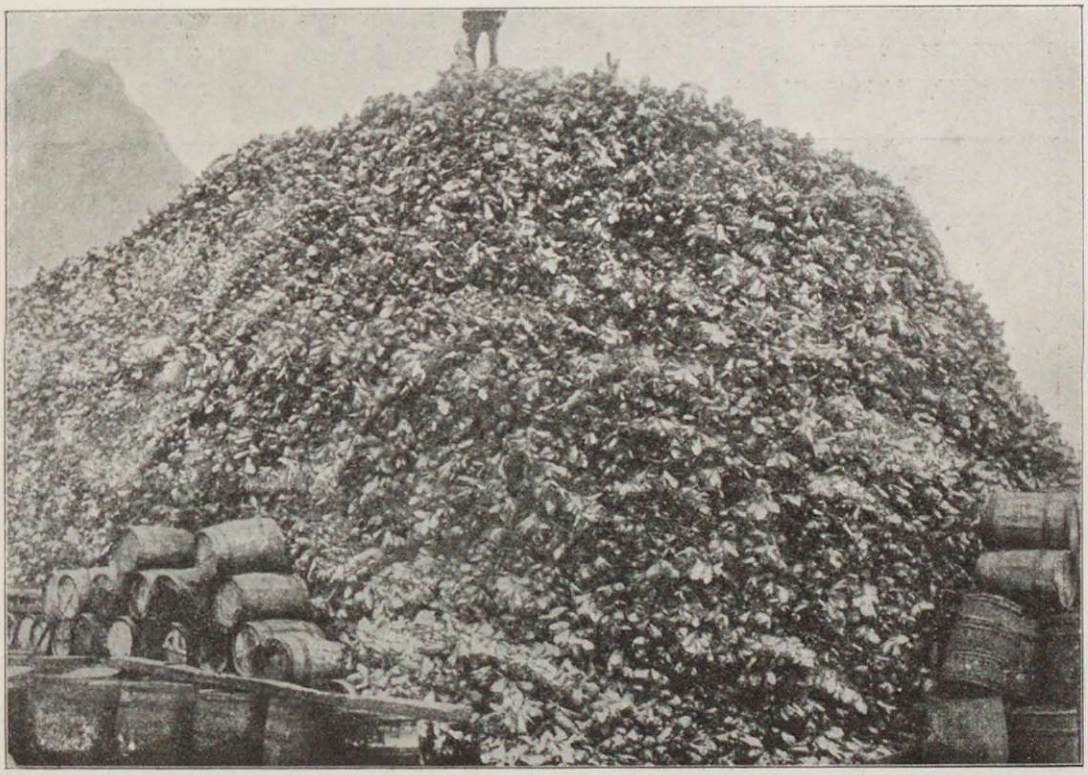
На морскомъ берегу, къ концу рыболовнаго періода, основывается множество рыбопромышленныхъ предпріятій, на которыхъ рыба вялится, сушится и солится, приготовляется рыбій жиръ, а изъ отбросовъ готовится превосходное удобреніе.

Въ февралѣ мѣсяцѣ скандинавскіе берега оживаютъ. Многочисленныя телеграфныя проволоки, протянутыя отъ мыса къ мысу, усиленно работаютъ, сообщая рыбакамъ съ нетерпѣніемъ ожидаемую вѣсть о появленіи стай рыбы—сельдей и трески—мощнымъ пластомъ, включающимъ въ себя милліоны головъ, подвигающихся къ берегамъ. Снаряжаются лодки, нагягиваются паруса, и десятки тысячъ рыбаковъ отчаливаютъ отъ при-

брежныхъ камней и песковъ, устремляясь на своихъ узкихъ, легко разрѣзающихъ волны суденышкахъ въ неспокойное скандинавское море.

Ранняя весна. Туманы еще висятъ надъ водами, и порывы вѣтра, разрывая туманную завѣсу, съ силою ударяютъ въ треугольные паруса, посѣрѣвшіе и отяжелѣвшіе отъ сырости; неуклюжіе, непромокаемые желтые плащи рыбаковъ тоже блестятъ безчисленными капельками осѣвшей на нихъ воды. На днѣ лодки сложены сѣти, и рыбаки только и ждутъ сигнала, чтобы сбросить ихъ въ воду и растянуть перпендикулярно движенія руна рыбы. Но вотъ крики безчисленныхъ морскихъ птицъ заставляютъ рулевого обратить все свое вниманіе въ одну сторону. Онъ знаетъ уже по этимъ крикамъ, что рыба близка, что ея враги, не менѣе безжалостные, чѣмъ человѣкъ—морскія птицы—нашли свои жертвы и теперь, намѣтивъ съ высоты своего полета лакомую, отливающую серебромъ рыбью спинку, сложивъ крылья, камнемъ устремляются въ воду и впиваются когтями и клювами въ трепещущее, судорожно извивающееся рыбье тѣло. Какъ только стая замѣчена, надъ моремъ проносятся голоса съ перекликающихся лодокъ, старающихся направить рыбный косякъ въ какую-нибудь бухту и затѣмъ преградить ему сѣтью доступъ въ открытое море. Тогда на берегу такой бухты закипаетъ жизнь: строятся обширные сараи для склада рыбы и небольшія хижины при нихъ для помѣщенія рабочихъ. Посредине вновь образовавшагося городка отводится мѣсто для базарной площади, куда стекаются бродячіе торговцы, и гдѣ открываютъ временные магазины солидныя торговыя фирмы. Въ окрестностяхъ устраиваются салотопенные заводы, заводы для приготовленія удобренія; на скалахъ раскладываются распластанныя рыбьи туши съ выпотрошенными внутренностями, пригрѣваемыя первыми лучами весенняго солнца. Отвратительнѣйшій запахъ рыбы и разложенія заражаетъ воздухъ, заставляя ужасно страдать непривычныхъ людей. Долго еще послѣ того, какъ черезъ два-три мѣсяца исчезнутъ слѣды человѣческаго пребыванія на морскомъ берегу, и пустыня снова вступитъ въ свои права, рыбный запахъ, да жирныя пятна на прозрачной глади водъ будутъ напоминать о недавно бившей здѣсь ключомъ жизни. Когда вѣсть объ основаніи временнаго рыбнаго поселка, промчавшись по телеграфнымъ проволокамъ, достигнетъ кабинета коммерсанта въ Бергенѣ или Тромзэ, большіе, стоявшіе наготовѣ пароходы, нагруженные пустыми боченками, солью и всевозможными припасами первой необходимости, тронутся въ путь къ вновь открытой гавани и, принявъ въ свои трюмы весь запасъ рыбы, увезутъ то, что вызвало къ жизни новое поселеніе; и съ послѣднимъ пароходомъ, скрывшимся за сосѣдней скалой, раньше, чѣмъ успокоится взволнованное имъ море, рыбаки уже сядутъ въ свои лодки и отправятся къ себѣ на родину, за десятки и сотни верстъ, съ ничтожнымъ заработкомъ въ карманѣ. Почему же въ результатѣ столькихъ трудовъ дѣйствительные работники на рыбныхъ промыслахъ получаютъ вознагражденіе, несоотвѣтствующее затраченнымъ ими усиліямъ? При современномъ состояніи рыбопромышленности, рыбаки, не владѣющіе пароходами, не имѣющіе сношенія съ наблюдательными пунктами и, обыкновенно, не имѣющіе даже собственной хорошей лодки, принуждены продавать свой трудъ крупнымъ предпринимателямъ. Если и найдется нѣсколько тысячъ рыбаковъ, занимающихся своимъ дѣломъ на свой страхъ и рискъ, то все же и ихъ участь оказывается не особенно завидной, такъ какъ они, не имѣя возможности самостоятельно доставлять свою добычу на рынки, должны дешево продавать ее пріѣзжающимъ на мѣста ловли скупщикамъ. Положеніе питающагося рыбными промыслами населенія ухудшается еще невѣрностью заработка: бываютъ года, когда сельдь и треска приходятъ въ очень небольшомъ количествѣ, и тогда уловъ рыбы падаетъ въ два-три раза; вліяетъ также и непродолжительность заработка. Правда, въ теченіе года рыбаки, кромѣ ловли сельдей и трески, занимаются еще ловлей макрелей и другихъ рыбъ, но эта ловля, во-первыхъ, не вездѣ возможна, а во-вторыхъ, приноситъ слишкомъ ничтожный доходъ. Въ результатѣ рыбаки въ неудачные года принуждены

занимать деньги у крупныхъ предпринимателей и скупщиковъ въ счетъ будущаго улова; если же уловъ рыбы не оправдаетъ возлагавшихся на него надеждъ, должники оказываются закабаленными и принуждены принимать на свой товаръ расцѣнку, назначенную кредиторами, да сверхъ того залѣзать въ новые долги. Еще одно зло, происходящее отъ постояннаго однообразнаго питанія почти исключительно рыбой, преслѣдуетъ рыбаковъ; зло это—проказа. На норвежскомъ берегу насчитывается нѣсколько тысячъ больныхъ этой мучительнѣйшей болѣзнью; для нихъ строятъ особыя больницы—одиноко стоящія бѣлыя зданія, скрывающія въ своихъ блещущихъ на солнцѣ стѣнахъ ужаснѣйшія послѣдствія незавидной жизни норвежскаго прибрежнаго населенія. Но какъ ни плохо положеніе рыбаковъ, существуетъ въ Норвегіи группа гражданъ, находящаяся въ еще болѣе

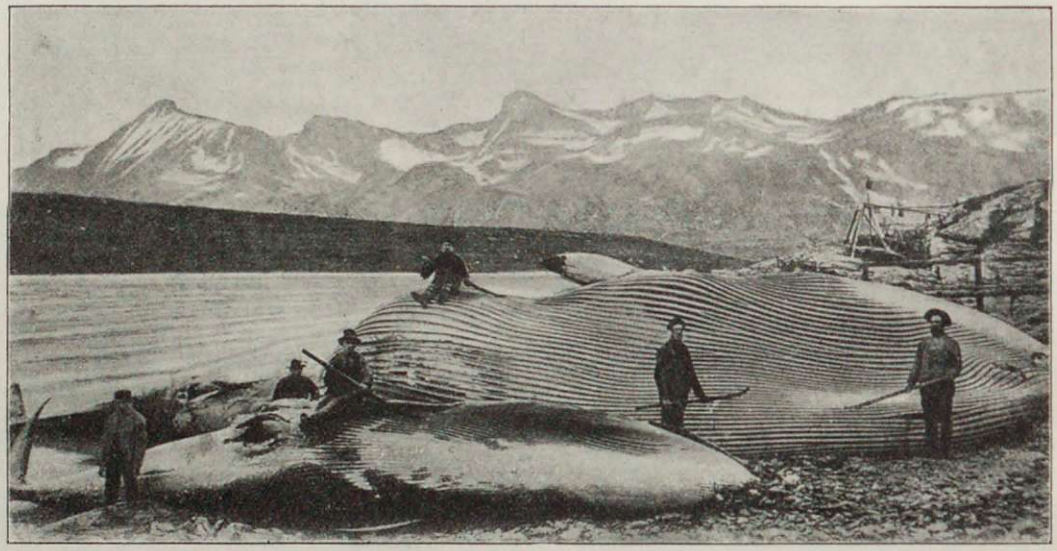
Гора сушеной рыбы, приготовленной къ нагрузкѣ.

тяжеломъ положеніи—мы говоримъ о торпаряхъ или хусменахъ, которыхъ мы коснемся при описаніи быта земледѣльческаго населенія страны.

Изъ промысловъ, имѣющихъ отношеніе къ морю, играетъ еще нѣкоторую роль въ сѣверной Норвегіи китовый промыселъ, процвѣтавшій до второй половины XIX-го столѣтія и быстро приходящій въ упадокъ теперь. Все меньше и меньше китобоевъ съ крутыми черными боками качается на ржавыхъ цѣпяхъ въ норвежскихъ гаваняхъ, загрязняя воду маслянами пятнами, отливающими на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Причина паденія этого промысла заключается въ томъ, что недавно еще громадныя стада китовъ сильно порѣдѣли, опустошенныя безжалостнымъ гарпуномъ хищнически промышлявшихъ китобоевъ прежнихъ лѣтъ.

Пароходы, нагруженные свѣжимъ уловомъ рыбы, отправляются главнымъ образомъ въ западные порты—Бергенъ, Гаммерфестъ, Тромзэ, Ставангеръ. Наиболѣе крупный изъ нихъ Бергенъ—настоящій центръ рыбопромышленности всей Сѣверной Европы. Исторія

его очень любопытна. Съ давнихъ временъ онъ былъ средоточіемъ норвежской торговли, съ давнихъ временъ являлся рынкомъ для своза рыбы, лѣса и другихъ продуктовъ, добываемыхъ въ странѣ. Когда основался ганзейскій союзъ, нѣмецкіе купцы естественно обратили вниманіе на значеніе Бергена для Норвегіи и вскорѣ заняли его, перерѣзавъ всѣхъ норвежскихъ купцовъ. Затѣмъ, основавшись въ Бергенѣ, нѣмецкіе купцы въ теченіе двухсотъ лѣтъ держали всю норвежскую торговлю въ своихъ рукахъ. Съ паденіемъ ганзейскаго союза норвежскіе купцы снова водворились въ Бергенѣ, и теперь только бѣлая башня, да кое какія постройки бывшаго нѣмецкаго квартала напоминаютъ о нѣ когда могущественномъ иноземномъ вліяніи. Теперь Бергенъ—порядочный городъ, насчитывающій около 70.000 жителей, со многими характерными средневѣковыми строеніями, съ цѣлымъ рядомъ кривыхъ и узкихъ улицъ. Дождь и туманы цѣлыми недѣлями и мѣсяцами скрываютъ отъ горожанъ солнце, сильно препятствуя оживленному судоходству. Но ни дождь, ни туманы не надоѣдаютъ такъ въ Бергенѣ иностранцу, какъ раздражающій, отвратительный запахъ рыбы—специфическій запахъ всего западнаго побережья Норвегіи.

Уборка китовъ на берегу фьорда.

Ядро норвежскаго земледѣльческаго населенія—крестьяне собственники, они задаютъ тонъ всей государственной жизни народа, накладываютъ свой опредѣленный отпечатокъ на всю его культурную физіономію. Крестьянство—вѣрный хранитель завѣтовъ предковъ, та среда, въ которой, главнымъ образомъ, возникли національныя особенности норвежцевъ, національные обычаи и обряды. Въ противоположность крестьянскому населенію многихъ другихъ странъ, норвежскіе крестьяне, сохраняя цѣнныя пріобрѣтенія прошлаго, не окаменѣваютъ въ старыхъ изжитыхъ формахъ общежитія, а развиваются въ уровень со своимъ вѣкомъ, иногда являясь даже авангардомъ цивилизованнаго человѣчества въ отношеніи какъ духовной, такъ и матеріальной культуры. На своемъ пути къ прогрессу норвежское крестьянство движется не разрозненной толпой, а стройно организованной массой—явленіе, характерное для всѣхъ трехъ скандинавскихъ народовъ, но наиболѣе ярко выраженное въ Норвегіи и Даніи.

Углубимся теперь въ нѣдра Норвегіи, посмотримъ, какъ устроилось въ ея домикахъ, стѣсненныхъ голыми отвѣсными скалами, на ея обширныхъ лугахъ, граничащихъ съ вѣчными снѣгами и толщами ледниковъ, сельское населеніе—твердая опора норвежской культуры.

По превосходной, ровной, какъ столъ, дорогѣ катится маленькая двуколка—каріоль, запряженная сытой и сильной, но небольшой лошадкой. Дорога вьется то по берегу рѣки, то вдругъ отклоняется въ сторону и пологой спиралью взбирается на крутую возвышенность. Часто встрѣчаются перевалы—могучія скалистыя сѣдла, черезъ которыя путникъ перебирается изъ долины одного фьорда въ долину другого. Необъятный горизонтъ открывается съ такихъ переваловъ: два фьорда—два зеркала изъ превосходнаго темносиняго хрусталя лежатъ далеко внизу, очерченные кое-гдѣ тонкой, какъ нить, линіей песчанаго побережья, отражая угрюмыя сѣрыя скалы или сверкающія холоднымъ блескомъ снѣговыя вершины. Солнечный свѣтъ мягкими бликами ложится на спокойную гладь водъ, отчетливо выдѣляя рѣдкіе, маленькіе, какъ булавочные головки, контуры пароходовъ. Но вотъ дорога спускается ниже, волшебная панорама исчезаетъ, оставляя въ утѣшеніе очарованному путнику однѣ только синеватыя лѣсныя дали со смѣняющими ихъ кое-гдѣ небольшими ярко-зелеными пятнами пашни. Здѣсь возвышаются домъ и хозяйственныя постройки норвежскаго крестьянина, выкрашенныя въ буро-красный цвѣтъ, распространенный повсемѣстно въ Скандинавіи и въ Финляндіи. Чѣмъ ниже спускается каріоль, тѣмъ больше встрѣчается обработанныхъ полей, а лѣса все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ, все чаще попадаются вырубки, съ безчисленными, торчащими кверху пнями, пока, наконецъ, въ долинѣ рѣки, въ защищенной отъ холодныхъ вѣтровъ мѣстности, почти вся земля не оказывается распаханной. Напрасно путешественникъ ожидалъ бы встрѣтить въ Норвегіи деревни и села; изрѣдка, правда, крестьянскія усадьбы группируются вмѣстѣ, но и то разстояніе между ними настолько велико, что группа жилищъ нисколько не напоминаетъ русской деревни съ ея тѣсно прижавшимися одна къ другой избами. Чаще же всего усадьбы лежатъ уединенно, вдали отъ сосѣдей, окруженныя со всѣхъ сторонъ принадлежащими имъ полями и лѣсами. Такая разсѣянность жилищъ вполнѣ объясняется небольшимъ количествомъ удобной земли, разбросанной мелкими клочками, способными прокармливать сплошь и рядомъ всего только одного хлѣбопашца съ его семьей. Въ этомъ причина угрюмаго и молчаливаго характера норвежцевъ, чему еще не мало способствуетъ дождливый и туманный климатъ; норвежцу рѣдко удается видѣть радостное, блещущее жизнью солнце, рѣдко удается слышать живую сосѣдскую рѣчь. Здѣсь передъ нами прямое, очевидное воздѣйствіе условій страны на характеръ ея обитателей, какъ и

Крестьянинъ изъ Телемаркена.

вліяніе моря на рыбаковъ, вырабатывающее въ нихъ смѣлость и предпріимчивость. Конечно, на отдѣльныхъ лицъ особенности природы страны вліяютъ весьма различно, но здѣсь мы подчеркиваемъ только болѣе или менѣе однородное воздѣйствіе этихъ особенностей на цѣлыя обширныя группы населенія въ ихъ совокупности.

Церкви, такъ же какъ и усадьбы, стоятъ, обыкновенно, одиноко въ центрѣ своего прихода, большей частью на какомъ нибудь возвышенномъ мѣстѣ. Каждое воскресенье и праздникъ церковь и примыкающая къ ней площадь принимаютъ необыкновенно оживленный видъ Кое-кого привлекаетъ сюда религіозное чувство, но огромное большинство собирается совсѣмъ не для его удовлетворенія — желаніе увидѣться съ сосѣдями, поговорить о торговыхъ дѣлахъ, потолковать объ урожаѣ, услышать послѣднія мѣстныя новости, узнать о послѣднихъ мѣропріятіяхъ правительства, о которыхъ сообщается съ церковной паперти представителемъ административной власти въ общинѣ—ленсманомъ или фогтомъ, вотъ что заставило ихъ явиться на церковную площадь. Нѣкоторыхъ изъ собравшихся интересуетъ также рѣчь пастора, лица, обыкновенно, уважаемаго въ Норвергіи и пользующагося вліяніемъ, что въ значительной степени объясняется высокимъ образовательнымъ цензомъ, необходимымъ для вступленія въ ряды духовенства.

Древняя норвежская церковь Боргундъ въ Сонгнѣ, основаная около 1150 г.

Къ нѣкоторымъ праздникамъ пріурочиваются ярмарки, и тогда церковная площадь выглядитъ еще оживленнѣе, вся заполненная мелкими телѣжками, нагруженными продуктами крестьянскаго хозяйства, уставленная палатками и прилавками, на которыхъ разложены всевозможные мануфактурные товары. Говоръ стоитъ надъ толпой степенно передвигающихся отъ продавца къ продавцу крестьянъ, въ кучкахъ возбужденныхъ женщинъ и повсюду шныряющихъ дѣтей; порядокъ господствуетъ образцовый, и, что особенно поразительно для россійскаго наблюдателя, совершенно отсутствуетъ пьяное веселье. Пьянство было язвой норвежскаго народа, да и всѣхъ вообще скандинавовъ, вплоть до второй половины XIX-го столѣтія, пока потребленіе спиртныхъ напитковъ не было сильно огра-

ничено примѣненіемъ такъ называемой гетеборгской системы, которой мы коснемся дальше, а также поразительнымъ повышеніемъ культурнаго уровня скандинавскихъ народовъ.

Кончилось богослуженіе, къ вечеру закончилась и ярмарка; сосѣди, поговоривши о своихъ дѣлахъ, вдоволь побалагуривъ, начинаютъ расходиться. Проѣзжія дороги и горныя тропинки оживляются возвращающимися въ каріоляхъ, въ телѣжкахъ и пѣшкомъ крестьянами, пробирающимися въ свои уединенныя усадьбы. Самые дальніе доберутся домой только ночью, когда вдали засверкаютъ одинокіе огоньки; наконецъ заскрипятъ послѣднія запираемыя ворота, погаснетъ послѣдній огонекъ, тихо и пустынно станетъ на дорогахъ и горныхъ тропахъ, утонувшихъ въ ночной темнотѣ. А утромъ, если день будетъ даже и туманный и будетъ надоѣдливо накрапывать дождь, жизнь все же пробудится всюду и пойдетъ ровнымъ заведеннымъ ходомъ до слѣдующаго праздничнаго дня. Мирно и сытно живется въ деревенской усадьбѣ. Довольство и матеріальная обезпеченность проглядываютъ всюду. Большой домъ, часто двухэтажный, возвышается прямо противъ входа въ усадебный дворъ, съ двухъ сторонъ котораго вытянулись въ струнку хозяйственныя постройки—гумно, скотный дворъ, амбары и кладовыя. Особенно поражаетъ скотный дворъ—большое двухэтажное строеніе съ подваломъ, въ который сквозь рѣшетчатый полъ проваливается навозъ, иногда съ занавѣсками на окнахъ стойлъ; верхній этажъ служитъ сѣноваломъ. Немудрено, что норвежскій крестьянинъ такъ заботится о своемъ скотѣ: безъ молочнаго хозяйства, опираясь на одно только земледѣліе, да иногда еще на слабо развитое кустарничество, очень немногіе крестьяне смогли бы сводить концы съ концами. Правда, скотоводство въ Норвегіи не достигло такого расцвѣта, какъ въ Даніи, но его быстрое и повсемѣстное развитіе указываетъ на предстоящее ему широкое будущее. Задержка только въ сравнительно небольшой площади луговъ и вообще въ недостаткѣ кормовыхъ травъ. Норвежецъ принужденъ кормить свой скотъ не только травой, но сухими листьями, даже мукой, приготовленной изъ высушенной рыбы. Несомнѣнно, въ будущемъ норвежцы будутъ выписывать кормъ изъ-за границы, какъ это уже дѣлаютъ датчане.

Жилой крестьянскій домъ рѣзко раздѣляется на двѣ половины — лучшія одна или двѣ комнаты предназначаются для гостей, остальныя—спальни. Прежде всего бросаются въ глаза удивительная чистота и не менѣе удивительный порядокъ; затѣмъ останавливаютъ вниманіе всевозможныя старинныя рѣзныя вещи: буфеты, кресла, кровати, ковши, кубки и т. п.; всѣ эти предметы въ большинствѣ случаевъ наслѣдіе глубокой старины, дѣдовскія и прадѣдовскія издѣлія. На видномъ мѣстѣ лежитъ библія—настольная книга норвежскаго крестьянина, и кое-какія другія изданія, включая сюда и газеты, выписываемыя каждымъ норвежцемъ, причемъ обыкновенно выписывается не одна газета или журналъ, а нѣсколько. Комната для гостей отдѣлана лучше всѣхъ — это настоящій маленькій музей домашней утвари, древней мебели и посуды. Гость, попадая въ домъ, сразу чувствуетъ себя въ атмосферѣ искренняго къ нему расположенія, подкрѣпляемаго предоставленіемъ ему лучшаго мѣста за столомъ, лучшихъ яствъ, доступныхъ средствамъ хозяина и, наконецъ, лучшей комнаты и постели. Конечно только очень зажиточный крестьянинъ можетъ устроить гостя съ полнымъ комфортомъ, но все же и тѣ, кто побѣднѣе, пытаются соперничать съ богатыми въ отношеніи гостепріимства. Они также стараются устроить отдѣльную комнату для гостей и держать въ кладовой запасъ болѣе или менѣе изысканной провизіи на случай прихода неожиданнаго гостя. Наряду съ гостепріимствомъ распространеннѣйшая въ Норвегіи черта характера—поразительная честность. О норвежской честности разсказываютъ прямо чудеса; вполнѣ достовѣренъ, напримѣръ, случай передачи иностранцу черезъ норвежскаго консула потерянной имъ въ Норвегіи вещи; затѣмъ, также только при безусловной увѣренности въ честности согражданъ можетъ существовать обыкновеніе класть адресованныя какому либо лицу посылки на перекресткѣ до-

Старыя крестьянки изъ Хардангера.

рогъ, черезъ который часто проходитъ данное лицо; сюда же можно отнести обычай при уходѣ оставлять двери покидаемой усадьбы открытыми, или вѣшать ключъ отъ нихъ тутъ же на стѣнѣ, для того, чтобы прохожій, въ случаѣ желанія его поѣсть и обогрѣться, могъ воспользоваться жилищемъ хозяина даже и въ его отсутствіе; возможность кражи при такихъ условіяхъ даже не допускается.

Какая же группа сельскаго населенія Норвегіи — этого крестьянскаго царства — не пользуется сравнительнымъ достаткомъ, принужденная ютиться въ сквернихъ жилищахъ и даже обращаться въ крайнемъ случаѣ къ общественной благотворительности? Группа эта—сельскіе батраки, большая часть земельныхъ арендаторовъ и всѣ поголовно торпари или хусмены. Въ Норвегіи, такъ же какъ въ Швеціи, сохранился институтъ, напоминающій времена крѣпостничества, несмотря на то, что въ Скандинавіи, особенно въ Норвегіи, крестьяне относительно мало зависѣли отъ помѣщиковъ — крѣпостного права ни шведы, ни норвежцы не знали. Торпари или хусмены — особый родъ арендаторовъ, уплачивающихъ свою арендную плату рабочими днями — барщиной. Опредѣленное число дней въ году торпарь обязанъ работать на полѣ своего хозяина, за что получаетъ отъ него небольшой клочекъ земли, плохенькую избенку и кое-какой хозяйственный инвентарь. Понятно, что при такомъ положеніи участь торпаря незавидна, и многіе изъ нихъ эмигрируютъ за границу, главнымъ образомъ въ Сѣверную Америку.

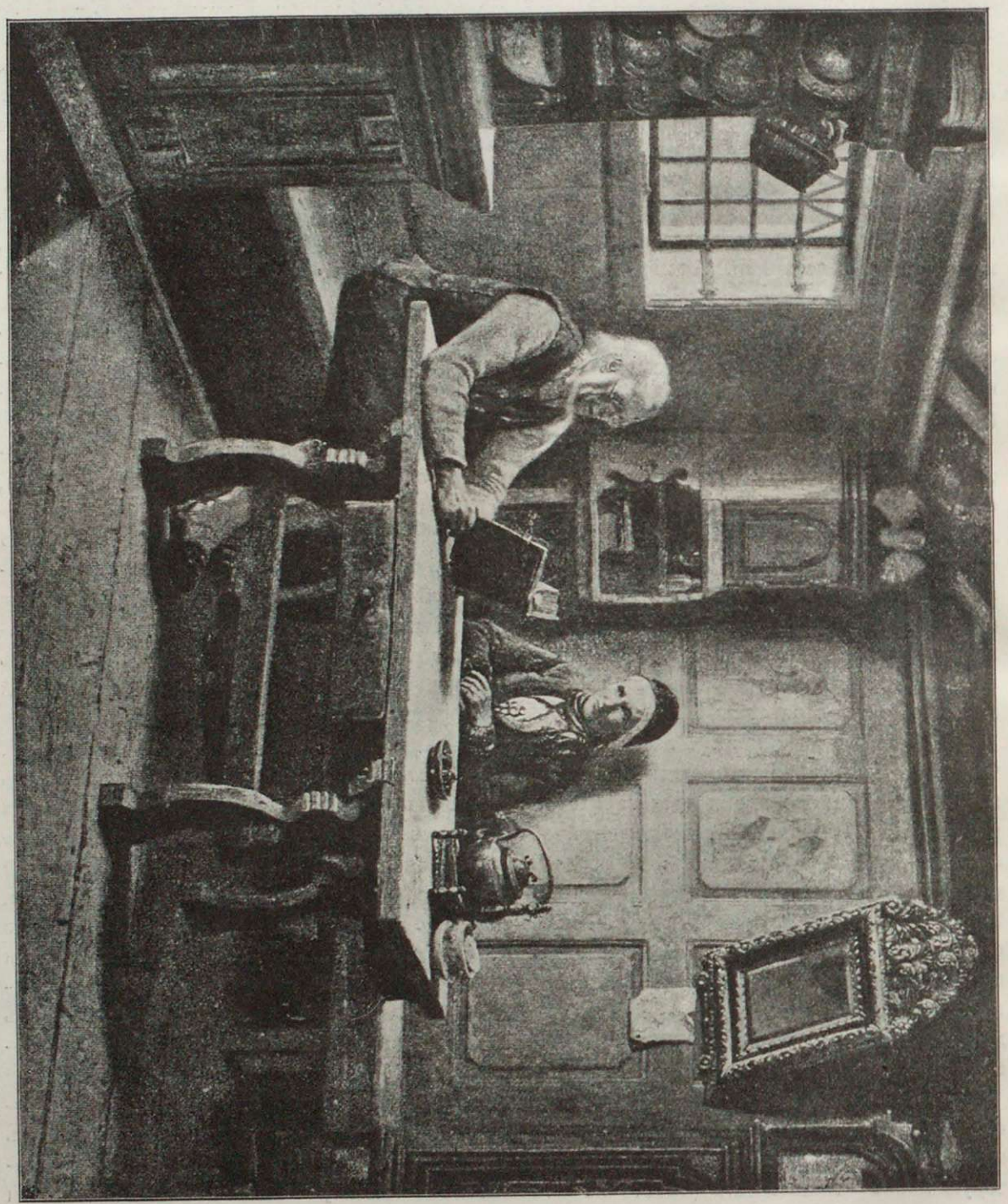
Главное зло Норвегіи, Швеціи и Даніи это дробленіе земли вслѣдствіе размноженія населенія. Изъ мѣръ, принимаемыхъ въ Норвегіи для ограниченія этого дробленія, слѣдуетъ указать на законъ, предоставляющій право родственникамъ крестьянина, продавшаго свой участокъ, въ теченіе довольно долгаго промежутка времени выкупить землю обратно, но уже конечно по новой оцѣнкѣ. Затѣмъ дробленію земельныхъ участковъ препятствуетъ еще то, что земли, переходящія по наслѣдству, во многихъ случаяхъ достаются одному наслѣднику, обыкновенно старшему сыну, выплачивающему остальнымъ наслѣдникамъ ихъ доли деньгами. Несмотря на принимаемыя мѣры, число мелкихъ земельныхъ владѣній продолжаетъ увеличиваться на счетъ ихъ величины въ прогрессіи, внушающей самыя серьезныя опасенія.

Чѣмъ Норвегія можетъ дѣйствительно гордиться, такъ это народнымъ образованіемъ. Страна, въ которой неграмотный человѣкъ встрѣчается какъ рѣдкостное исключеніе, и въ наше просвѣщенное время представляетъ не совсѣмъ обыкновенное зрѣлище, а Норвегія именно такая страна. Покрытая густой сѣтью начальныхъ школъ, соотвѣтственной сѣтью среднихъ учебныхъ заведеній и народныхъ университетовъ и имѣя въ Кристіаніи свой собственный государственный университетъ, въ которомъ обученіе для всѣхъ безплатное, Норвегія является страной, предоставляющей среднее и высшее образованіе безусловно большинству желающихъ. Первоначальное обученіе сдѣлано не только безплатнымъ, но и обязательнымъ, такъ что ни одинъ норвежецъ не можетъ избѣжать школы; и это правило проводится въ законѣ настолько строго, что общественныя власти могутъ отнять дѣтей у лицъ, нежелающихъ отдать ихъ въ школу или не посылающихъ дѣтей на повѣрочные экзамены, и передать ихъ въ другую семью.

Въ Норвегіи существуетъ своеобразный видъ обученія дѣтей при помощи странствующихъ учителей—это такъ называемыя подвижныя школы. Въ сѣверныхъ округахъ, съ ихъ рѣдкимъ населеніемъ, не имѣющимъ возможности выстроить постоянную школу, которую могло бы посѣщать достаточно большое количество учениковъ (не меньше 30-ти человѣкъ), странствуютъ учителя, съ запасомъ книгъ и другихъ учебныхъ пособій. Выбравъ подходящее мѣсто, учитель собираетъ дѣтей ближайшихъ жителей на сравнительно короткій срокъ и, устроившись въ лучшей комнатѣ крестьянской усадьбы, предназначенной для гостей, или въ другомъ подходящемъ зданіи, основываетъ небольшую временную школу. Съ ростомъ населенія число странствующихъ учителей все уменьшается, и со-

отвѣтственно съ этимъ ростетъ число постоянныхъ школъ, превосходно оборудованныхъ, помѣщающихся въ просторныхъ, спеціально для этого построенныхъ домахъ.

Скандинавскія государства нерѣдко называютъ крестьянскимъ царствомъ. Это спра-

Воскресный день въ Норвегіи.

ведливо въ томъ отношеніи, что въ Швеціи, въ Норвегіи и Даніи крестьянство является той культурной силой, которой принадлежитъ будущее. Больше всего правъ на подобное названіе имѣетъ Норвегія, такъ какъ только въ ней одной законодательная власть находится въ рукахъ крестьянства, дѣйствительнаго руководящаго класса. Мы увидимъ

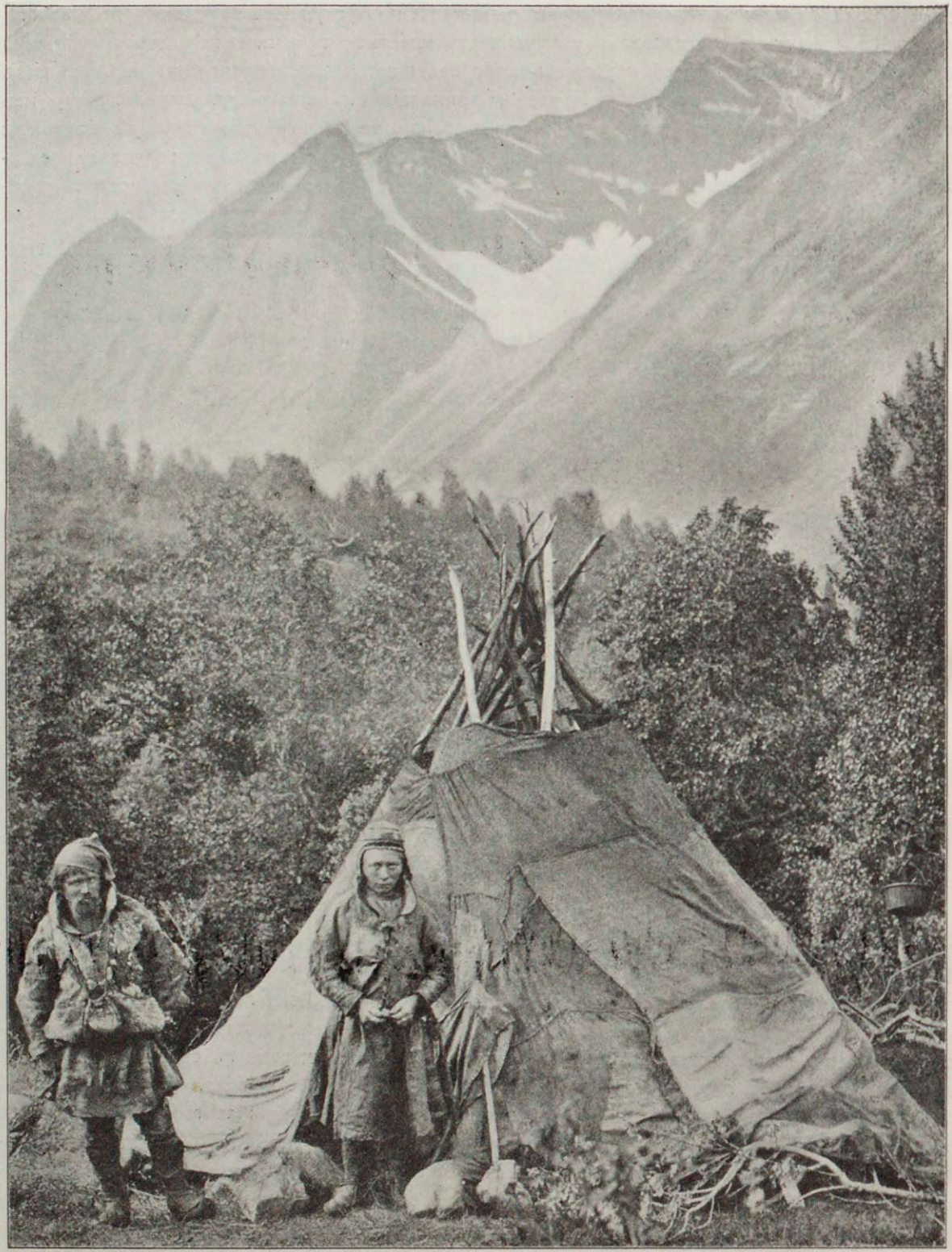
далѣе, что въ другой сферѣ, являющейся не менѣе важной, а именно въ сферѣ объединенія крестьянства на экономической почвѣ въ товарищества въ цѣляхъ освобожденія отъ угнетающаго вліянія капитализма, норвежцы значительно уступаютъ датчанамъ, но благопріятная политическая обстановка и сплоченность крестьянскаго населенія даютъ основанія думать, что и въ этой сферѣ норвежцы скоро сравняются съ опередившими ихъ сосѣдями.

Законодательная власть въ Норвегіи принадлежитъ стортингу, выдѣляющему изъ среды своихъ сочленовъ четвертую часть, образующихъ верхнюю палату — лагтингъ; остальные члены составляютъ нижнюю палату — одельстингъ; двѣ трети членовъ стортинга состоятъ изъ представителей сельскихъ округовъ и только треть выбирается городами. Всѣ сельскіе представители избираются главнымъ образомъ крестьянами по той

Лопарская землянка.

простой причинѣ, что помѣщики въ странѣ почти совершенно отсутствуютъ. Нѣтъ въ Норвегіи никакихъ сословій и никакихъ титуловъ, слѣдовательно и никакихъ политическихъ привиллегій, основанныхъ на происхожденіи, за исключеніемъ лишь привиллегій, предоставляемыхъ королевскому потомству. Эта непослѣдовательность закона, вообще демократическаго, предоставляющая одному роду въ странѣ преимущества по сравненію со всѣми другими ея родами, является тѣмъ болѣе странной, что въ 1905 году, по поводу расторженія уніи со Швеціей, народъ имѣлъ полную возможность высказаться за республику, логически вытекающую, какъ изъ всего духовнаго склада націи, такъ и изъ проникающаго норвежское законодательство демократическаго духа. Отрицательный результатъ референдума 1905-го года можно объяснить только боязнью, въ значительной степени ложной, международныхъ осложненій и, въ гораздо меньшей степени, консерватизмомъ, свойственнымъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ многимъ представителямъ крестьянскаго населенія всѣхъ странъ. Надо еще указать на нѣкоторую непослѣдовательность въ отношеніи демократизма норвежскаго избирательнаго закона—установленіе имущественнаго ценза (правда,

Лѣтнее лопарское жилье

очень невысокаго), двухстепенной подачи голосовъ и, наконецъ, лишеніе женщинъ избирательныхъ правъ. Это послѣднее ограниченіе является наиболѣе существеннымъ, тогда какъ установленіе ценза не имѣетъ значенія мѣры, особенно ограничивающей кругъ избирателей, такъ какъ Норвегія страна, по преимуществу, крестьянскаго населенія.

Норвежскіе крестьяне руководятъ не только общегосударственной жизнью: отдѣльныя сельскія общины пользуются широкимъ самоуправленіемъ; поэтому и въ мѣстныхъ, самыхъ мелкихъ дѣлахъ крестьяне распоряжаются своей судьбой. Само собою разумѣется, что норвежскіе граждане пользуются всѣми гражданскими свободами. Въ высшей степени благопріятныя политическія условія и сравнительное матеріальное благосостояніе широкихъ слоевъ населенія не могли, конечно, не сказаться на исключительно высокомъ куль

Верхомъ на оленѣ.

турномъ уровнѣ норвежскихъ гражданъ, выражающемся въ интенсивной духовной жизни норвежскаго общества, въ поразительно ничтожномъ количествѣ преступленій въ странѣ; отразились они и на прекрасномъ физическомъ здоровьи огромнаго большинства норвежскихъ гражданъ: норвежскій народъ сумѣлъ понизить смертность на территоріи своего государства до 17-ти на тысячу, т. е. до цифры, характеризующей наиболѣе низкую смертность во всемъ мірѣ.

Норвежская литература также заняла довольно исключительное мѣсто. Ее характеризуетъ прежде всего крайній демократизмъ, затѣмъ такой же крайній индивидуализмъ. Не менѣе характерна также тѣсная связь съ прекраснѣйшей и оригинальнѣйшей скандинавской природой. Прокладывая себѣ свою особую дорогу, норвежская литература обнаружила недюжинное духовное богатство, пріобрѣла общечеловѣческую культурную цѣнность, подготовивъ почву, на которой могли родиться и дѣйствовать такіе художники,

Семья лопарей.

какъ Бьернсонъ, Ибсенъ, Гамсунъ. Эти три имени до нѣкоторой степени символизируютъ Норвегію въ ея теперешнемъ состояніи и то направленіе, въ которомъ ей, повидимому, предстоитъ развиваться. Бьернсонъ—крестьянскій писатель, наиболѣе яркій представитель демократизма и въ литературѣ и въ общественной жизни. Ибсенъ—проповѣдникъ крайняго индивидуализма, идеи личности во всей ея всеобъемлемости, Гамсунъ—удивительный художникъ, непосредственно и глубоко чувствующій родную сѣверную природу, занимающую такое большое мѣсто въ душѣ каждаго норвежца.

На сѣверѣ Скандинавскаго полуострова пріютился оригинальный народецъ—лопари. Низкорослые, съ узкими глазками, выдающимися скулами, съ рѣдкой растительностью на лицѣ, съ желтоватой кожей, темными волосами и глазами и всѣми прочими признаками монгольской расы они представляютъ рѣзкій контрастъ съ высокими, бѣлокурыми, голубоглазыми скандинавами. Прежде лопари почти нераздѣльно владѣли полуостровомъ, теперь же они принуждены довольствоваться холодными, болотистыми равнинами сѣвера. Здѣсь кочуютъ они со своими стадами сѣверныхъ оленей — ихъ кормильцевъ, дающихъ имъ всѣ средства къ существованію. Лѣтомъ ихъ и ихъ оленей мучатъ несмѣтные рои комаровъ, дѣлающихъ своими укусами неузнаваемымъ лицо самаго привычнаго человѣка. Съ ними можно бороться, смазывая руки и физіономію дегтемъ, смѣшаннымъ со сливками, и разводя всюду, гдѣ только возможно, костры, дающіе густой, ѣдкій дымъ, или, предоставивъ имъ поле битвы, остается только бѣжать къ берегу моря и положиться всецѣло на влажный и соленый морской вѣтеръ, котораго комары почти не выносятъ. Большинство лопарей предпочитаетъ эту вторую тактику и съ наступленіемъ лѣта гонятъ свои стада по направленію къ морю, главнымъ образомъ на западъ и юго-западъ, переваливая черезъ прибрежные горные хребты и раскидывая свои кочевья невдалекѣ отъ морского берега. Нѣкоторые лопари съ давнихъ поръ уже обосновались на морскомъ берегу и, бросивъ свои оленьи стада, обратились въ осѣдлыхъ рыбаковъ. Юрта кочевого лопаря для человѣка непривычнаго нѣчто совершенно непереносимое, особенно зимой, когда на очагѣ горитъ огонь, заполняя всю юрту дымомъ, такъ какъ одного маленькаго дымового отверстія въ верху юрты оказывается совершенно недостаточнымъ. Несмотря на усиленную топку въ юртѣ часто бываетъ холодно — стѣны, состоящія изъ оленьихъ шкуръ оказываются слишкомъ тонкими. Но и дымъ и холодъ еще бы можно было терпѣть, если бы не ужасная грязь, тѣснота и отвратительный запахъ: въ юртѣ, когда ложатся спать, буквально негдѣ повернуться; спятъ вповалку, гдѣ кто сидѣлъ, и только кто нибудь одинъ сидитъ у очага и поддерживаетъ всю ночь огонь. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій замѣчается постепенный переходъ лопарей отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому и даже нѣкоторая ассимиляція ихъ со шведами и норвежцами. Въ этомъ послѣднемъ процессѣ наибольшую роль играетъ, конечно, обязательное обученіе лопарскихъ дѣтей въ первоначальныхъ школахъ, а также смѣшанные браки ло-

Лопарскія сани въ видѣ челновъ.

парей съ людьми бѣлой расы. Теперь число лопарскихъ селеній съ осѣдлыми земледѣльческимъ населеніемъ быстро возрастаетъ, и уже можно предвидѣть то время, когда въ Скандинавіи будетъ свернута послѣдняя кочевническая юрта и погаснетъ послѣдній очагъ.

Швеція несомнѣнно идетъ по пути, начертанному Норвегіей, т. е. по пути быстрой демократизаціи страны, по пути быстраго духовнаго и матеріальнаго развитія. Но шведамъ приходится преодолѣвать гораздо больше препятствій для достиженія того, чего уже достигла Норвегія. Крупное землевладѣніе, котораго Норвегія почти не знала, до сихъ тормозитъ дѣло національнаго прогресса. Мѣшаетъ этому прогрессу также и то, что политическая власть въ странѣ находится въ рукахъ незначительнаго, имущественно очень обезпеченнаго меньшинства. Но зато природныя условія благопріятствуютъ въ общемъ больше шведамъ, чѣмъ норвежцамъ. Хотя климатъ Швеціи нѣсколько холоднѣе норвежскаго на соотвѣтствующихъ широтахъ, но зато несравненно большая часть шведской территоріи годна для земледѣльческой культуры.

Относительная многочисленность городовъ—вотъ что прежде всего бросается въ глаза въ Швеціи, особенно въ области великихъ шведскихъ озеръ. Число и населенность городовъ въ странѣ вѣрный показатель высокаго или низкаго развитія обрабатывающей промышленности и торговли, а также того, насколько сильно въ данной странѣ эволюціонировалъ капитализмъ. Это общее правило примѣнимо и къ Швеціи. Побывавъ въ Стокгольмѣ, Норчепингѣ, Упсалѣ, Гетеборгѣ, Моталѣ, Фалуни мы убѣдимся, что при всемъ своемъ земледѣльческомъ характерѣ, Швеція представляетъ превосходную почву для процвѣтанія фабрикъ и заводовъ на громадныхъ водопадахъ и стремнинахъ ея быстрыхъ рѣкъ, у береговъ ея многочисленныхъ заливовъ, а въ глубинѣ страны—на мѣстахъ добыванія руды и угля. По всей странѣ теперь разсѣяны города, населенные въ очень значительной мѣрѣ рабочими, изъ которыхъ многіе еще недавно оторвались отъ земли. Въ Швеціи существуетъ законъ, который ограничиваетъ дробленіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ, вслѣдствіе чего, а также вслѣдствіе быстраго увеличенія численности населенія, многіе крестьяне принуждены искать себѣ заработковъ на сторонѣ или даже эмигрировать за границу. Благодаря такому отходу части естественнаго прироста остающееся деревенское населеніе въ массѣ своей не можетъ пожаловаться на матеріальную нужду. Одни только шведскіе арендаторы и торпари не могутъ похвалиться достаткомъ; эта группа населенія—темное пятно на скандинавской цивилизаціи, пятно, существованіе котораго давно уже вызываетъ общественные протесты.

Чѣмъ Швеція можетъ дѣйствительно гордиться — это относительно хорошимъ положеніемъ рабочаго класса и общими условіями своей городской жизни. Познакомимся со Стокгольмомъ—великолѣпнѣйшимъ городомъ Скандинавіи и однимъ изъ лучшихъ городовъ Европы. Постройки его раскинулись на островахъ и на берегахъ пролива, соединяющаго прозрачныя воды озера Меларъ съ мутными водами Балтики. Окруженный кольцомъ фабрикъ и заводовъ—машиностроительныхъ, ткацкихъ, прядильныхъ, лѣсопильныхъ и другихъ—онъ имѣетъ совсѣмъ не фабричный видъ: какая-то удивительная близость къ природѣ, въ высшей степени странная для торгово-промышленнаго центра съ тремя стами тысячъ жителей, какимъ является Стокгольмъ, прежде всего бросается въ глаза наблюдателю; эта же близость къ природѣ характерна и для многихъ другихъ шведскихъ городовъ. Причиной тому прежде всего бульвары, парки—необходимая принадлежность каждаго шведскаго города. Большинство шведскихъ городовъ расположено у воды—у моря или у озеръ, поверхность которыхъ усѣяна множествомъ зеленѣющихъ острововъ. На одномъ только Меларѣ, не считая морскихъ шеръ, имѣется 1.300 острововъ, превосходный видъ на которые открывается изъ многихъ частей Стокгольма. Еще одна особенность многихъ скандинавскихъ городовъ, сильнѣе всего бьющая въ глаза своею

оригинальностью въ Стокгольмѣ: рядомъ съ громадными многоэтажными домами, трамвайными линіями, электрическимъ и газовымъ освѣщеніемъ высятся угрюмыя гранитныя скалы во всей своей первобытной неприкосновенности. Старый Стокгольмъ заключаетъ въ себѣ много памятниковъ средневѣковья: церквей, дворцовъ, старинныхъ домовъ, построенныхъ главнымъ образомъ въ готическомъ стилѣ. Особенно красивы его набережныя, смотрящіяся своими оригинальными старинными домами съ небольшими окнами и выступающими верхними этажами въ чистыя воды пролива.

Шведская дѣвушка въ брачномъ нарядѣ.

Особенно характерны для Стокгольма, да, пожалуй, и для всѣхъ шведскихъ городовъ, многочисленные рестораны и кафе съ большими зеркальными окнами, или же болѣе скромные, для менѣе зажиточныхъ слоевъ населенія. Въ шведахъ нѣтъ норвежской степенности и замкнутости, тѣмъ болѣе норвежской угрюмости; шведъ горожанинъ любитъ общество, дружескую бесѣду въ пріятной компаніи за ресторанным столикомъ, фланированіе по улицамъ, загородныя прогулки, всевозможныя увеселенія. Въ основѣ характера большинства шведскихъ крестьянъ лежатъ тѣ же черты, но только условія деревенской жизни заставляютъ ихъ проявляться нѣсколько иначе.

У горожанъ больше сходства съ городскимъ населеніемъ всякой другой европейской страны, чѣмъ съ норвежцамм съ ихъ крайнимъ индивидуализмомъ и всепроникающей демократичностью. Въ Швеціи образованный слой возникъ въ значительной степени изъ дворянства, котораго почти не знала Норвегія; то же можно сказать о вліяніи на шведское общество духовенства, игравшаго большую роль въ шведской исторіи и сравнительно небольшую въ норвежской. Затѣмъ, монархическія и аристократическія идеи, долгое время руководившія избраннымъ шведскимъ обществомъ, имѣли въ Норвегіи только косвенное вліяніе. Все, что отличаетъ шведское общество отъ норвежскаго, является у него сходнымъ съ соотвѣтственными чертами всѣхъ другихъ европейскихъ обществъ. Если обратиться къ шведской литературѣ, то

въ ней много общаго съ литературой французской и нѣмецкой, какъ, напримѣръ, ярко выраженная черта романтизма, почти отсутствующаго въ литературѣ норвежской.

Изъ портовыхъ городовъ Швеціи слѣдомъ за Стокгольмомъ идутъ такія крупныя гавани, какъ Гетеборгъ, Мальмэ, Ландскрона, Норчепингъ, Гефле. Всѣ эти города европейски благоустроены, окружены парками и загородными виллами. Гетеборгъ—крупный торговопромышленный центръ, съ массой фабрикъ и заводовъ, съ кораблестроительными верфями, съ превосходнымъ, вѣчно оживленнымъ портомъ. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, когда стокгольмскія набережныя скованы льдомъ, жизнь въ незамерзающемъ гетеборгскомъ портѣ продолжаетъ кипѣть, какъ и раньше. Мальмэ и Ландскрона, два близко другъ отъ друга лежащіе города, отдѣлены отъ Копенгагена только узкимъ проливомъ, и въ этомъ главное ихъ значеніе. Норчепингъ—крупнѣйшій въ Швеціи центръ шерстяной промышленности, расположенъ у устья рѣки Моталы, приводящей въ движеніе машины его многочисленныхъ фабрикъ. Гефле—вывозной портъ, отправляющій за границу главнымъ образомъ продукты горной промышленности. Изъ городовъ, лежащихъ внутри страны, можно отмѣтить университетскіе города Лундъ и Упсалу—одни изъ стариннѣйшихъ въ Швеціи городовъ. Изъ горнопромышленныхъ центровъ наиболѣе крупные Фалунь, Даннемора, Гельсингборгъ. На фалунскихъ рудникахъ добывается съ очень давнихъ временъ мѣдная руда, въ нѣкоторыхъ шахтахъ превосходная по качеству; теперь фалунскіе рудники далеко не даютъ того количества руды, которое они давали прежде—залежи мѣди истощаются, и добыча ея очень и очень замѣтно понижается. Въ окрестностяхъ Даннеморы, въ Далекарліи, добывается превосходная желѣзная руда, извлекаемая въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ очень большой глубины. Большинство даннеморскихъ рабочихъ—валлонцы, переселившіеся въ Швецію въ концѣ XVI-го столѣтія.

Шведское крестьянство несравненно меньше отличается отъ своихъ собратьевъ, крестьянъ-норвежцевъ, чѣмъ высшія сословія того и другого народа. Хотя мы и отмѣтили уже большую общественность въ характерѣ шведскихъ крестьянъ, большую ихъ живость, тѣмъ не менѣе въ обычаяхъ, въ обрядахъ, въ пѣсняхъ и въ веденіи хозяйства они проявляютъ большое сходство съ норвежцами. Свадьбы, похороны, празднованіе Рождества протекаютъ и въ той и другой странѣ въ очень сходной обстановкѣ: тотъ же традиціонный свадебный поѣздъ съ музыкой впереди, проходящій подъ воздвигнутыми изъ зелени и лентъ арками, тѣ же свадебные обряды, напоминающіе похищеніе невѣсты, практиковавшееся въ очень отдаленныя времена, тотъ же обычай сносить въ домъ, въ которомъ происходитъ свадьба, всевозможные съѣстные припасы, безъ которыхъ хозяева ни въ коемъ случаѣ не могли бы кормить и поить гостей; тѣ же торжественно печальные похоронные обряды и слѣдующія за ними обильныя поминки; наконецъ, тотъ же торжественный сочельническій обѣдъ въ комнатахъ, убранныхъ свѣжимъ ельникомъ, обѣдъ, на которомъ присутствуютъ всѣ жители усадьбы до послѣдняго человѣка. Всѣ внѣшнія формы тѣ же, за исключеніемъ только мелкихъ подробностей, но шведы вносятъ въ эти формы гораздо больше огня, совершаютъ всѣ предписанныя обычаемъ дѣйствія несравненно экспансивнѣе своихъ западныхъ, болѣе спокойныхъ сосѣдей. У нихъ еще сохранился отъ сѣдой древности обычай, общій не только шведамъ и норвежцамъ, но и финнамъ—совмѣстное для мужчинъ и женщинъ мытье въ банѣ, распространенное въ деревняхъ на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ.

Большая общественность и оживленность въ характерѣ шведовъ находитъ себѣ объясненіе, въ значительной степени, въ различіи природныхъ условій той и другой страны. Природа Швеціи, правда, не такъ грандіозна и не такъ красива, но зато она даетъ возможность шведамъ легче добывать себѣ хлѣбъ, не заставляя ихъ тратить много силъ на борьбу съ нею, не принуждаетъ земледѣльцевъ разселяться одинокимъ усадьбами въ погонѣ за удобнымъ для обработки клочкомъ земли.

Лучше всего и богаче всего живется крестьянамъ Норрботтена—сѣверной шведской провинціи. Правда, климатъ здѣсь холоднѣе, удобной земли меньше, почва каменистѣе, чѣмъ въ Сконіи или даже Далекарліи, но за то населеніе не размножилось въ такой степени, какъ въ южной Швеціи, и на каждаго сѣвернаго крестьянина приходится относительно гораздо больше удобной земли. Дома ихъ обыкновенно большіе, двухэтажные, на скотныхъ дворахъ содержится много скота, а въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ есть у нихъ, какъ и у норвежцевъ, горные луга, находящіеся часто въ общинномъ владѣніи, на которые скотъ выгоняютъ лѣтомъ. Общинное владѣніе и въ Швеціи и въ Норвегіи до начала XIX-го вѣка преобладало, но съ тѣхъ поръ процессъ перехода земли въ руки мелкихъ собственниковъ-крестьянъ сильно подвинулся впередъ. Теперь общинное владѣніе сохраняется иногда только на выгоны, лѣса и т. п. угодья. Въ Смоландѣ, Сконіи, отчасти въ Далекарліи, слѣдовательно, въ средней и южной Швеціи вопросъ о чрезмѣрномъ дробленіи крестьянскихъ участковъ стоитъ очень остро. Мы уже упоминали о законѣ, ограничивающемъ подобное дробленіе. Этотъ законъ гласитъ, что земельный участокъ долженъ быть достаточенъ для прокормленія по крайней мѣрѣ трехъ человѣкъ. Обезземельные крестьяне принуждены идти или на заработки — въ городъ, въ сельскіе батраки, эмигрировать, или углубляться въ лѣсную глушь. Піонерамъ приходится имѣть дѣло на сѣверѣ со „скогомъ"—низкорослымъ лѣсомъ, годнымъ развѣ для самыхъ плохихъ построекъ, заваленнымъ гранитными валунами, равняющимися по величинѣ настоящимъ вросшимъ въ землю скаламъ, съ часто встрѣчающимися здѣсь обширными болотами.

Въ Швеціи, въ отличіе отъ Норвегіи, довольно много земли находится въ рукахъ помѣщиковъ; здѣсь встрѣчаются имѣнія въ нѣсколько десятковъ тысячъ гектаровъ, гораздо же чаще попадаются имѣнія средней величины.

Лѣсоводство и скотоводство—вотъ занятія, дающія шведамъ наряду съ земледѣліемъ и промышленностью постоянный и вѣрный доходъ. Веденіе правильнаго лѣсного хозяйства даетъ основаніе думать, что доходъ съ громадныхъ лѣсныхъ имуществъ будетъ долго еще одной изъ выгоднѣйшихъ статей шведскаго народнаго хозяйства. Скотоводство и молочное хозяйство, какъ и въ другихъ скандинавскихъ странахъ, быстро совершенствуются, обѣщая въ будущемъ еще болѣе широкое развитіе. Въ періодѣ упадка находятся только горное дѣло и рыболовство. Швеціи, при всѣхъ ея горныхъ богатствахъ, имѣя очень мало каменнаго угля, добываемаго только на югѣ ея, въ провинціи Сконіи, очень трудно конкуррировать съ иностранной горной промышленностью, и кромѣ того многія залежи ея уже сильно истощены, хотя, съ другой стороны, имѣются богатѣйшія рудныя мѣсторожденія, еще совершеннно нетронутыя.

Вторая половина XIX-го вѣка характеризуется для Швеціи сильнымъ культурнымъ подъемомъ. Обязательная безплатная начальная школа, гимназіи съ чрезвычайно низкой платой—всего около 30-ти кронъ въ годъ,—многочисленныя техническія и сельско-хозяйственныя школы, низшія, среднія и высшія, народные университеты и, наконецъ, правительственные университеты въ Упсалѣ и Лундѣ, частные въ Стокгольмѣ и Гетеборгѣ—вотъ что прежде всего и больше всего обезпечило широкій успѣхъ шведскому народу на его культурномъ пути. Показателемъ высокаго культурнаго развитія населенія является пониженіе количества потребляемаго имъ спирта; абсолютная цифра показываетъ уменьшеніе числа выпиваемыхъ ведеръ съ первой половины XIX-го вѣка до сихъ поръ почти въ 4 раза, несмотря на то, что населеніе за тотъ же промежутокъ времени удвоилось, достигнувъ теперь 7 милліоновъ человѣкъ. Такой успѣхъ объясняется отчасти примѣненіемъ особой системы продажи спиртныхъ напитковъ, названной по имени перваго введшаго ее у себя города гетеборгской. Эта система заключается въ томъ, что продажа спиртныхъ напитковъ передается въ руки почтенныхъ гражданъ, образующихъ

Библиотека имени Д. Н. Анучина

общество, на условіи полученія ими дохода не свыше 5-ти процентовъ, остальной же доходъ идетъ на различныя культурныя надобности, главнымъ образомъ, на борьбу съ пьянствомъ. Кромѣ того продажа спиртныхъ напитковъ очень ограничена, при желаніи же выпить въ ресторанѣ или въ буфетѣ посѣтитель обязанъ одновременно закусить. Смертность въ Швеціи превосходитъ только смертность въ Норвегіи и то очень незначительно, равняясь 18 на тысячу; въ Швеціи за нѣсколько десятилѣтій средній ростъ населенія увеличился на 18 миллиметровъ—явленіе впервые зарегистрированное въ исторіи. Такой прогрессъ въ физическомъ отношеніи стоитъ въ несомнѣнной связи съ распространеніемъ по всей странѣ такъ называемой шведской гимнастики—въ школахъ, въ гимназіяхъ, въ лечебницахъ, наконецъ, для всѣхъ желающихъ въ спеціально построенныхъ для этого зданіяхъ.

Молодая датчанка въ подвѣнчаномъ уборѣ.

Законодательная власть въ Швеціи принадлежитъ риксдагу, состоящему изъ двухъ палатъ, и королю, имѣющему право абсолютнаго вето; другими словами, ни одинъ законъ въ Швеціи не можетъ воспріять силу безъ согласія короля. Этимъ Швеція глубоко отличается отъ Норвегіи, въ которой, по существу, законодательная власть принадлежитъ только стортингу; король, обладая условнымъ вето, можетъ только отсрочить проведеніе въ жизнь принятаго стортингомъ законопроекта; но если стортингъ останется при прежнемъ рѣшеніи въ трехъ своихъ очередныхъ сессіяхъ, то вето короля теряетъ свою силу, и законопроектъ, независимо отъ королевской воли, становится закономъ. Народное представительство Швеціи, риксдагъ, по сравненію со стортингомъ оказывается гораздо менѣе демократическимъ. Одно то, что въ верхнюю палату риксдага выбираютъ общинные совѣты и совѣты городскихъ уполномоченныхъ, въ которые, въ свою очередь, имѣютъ право выбирать только очень обезпеченныя лица, показываетъ, каковъ долженъ быть ея составъ. Для выборовъ въ нижнюю палату также требуется цензъ, хотя и болѣе низкій, но все же онъ лишаетъ избирательныхъ правъ очень многихъ рабочихъ, которыхъ сравнительно мало въ Норвегіи и много въ Швеціи. Мѣстное самоуправленіе, также какъ и центральная власть, находится въ рукахъ незначительнаго богатаго меньшинства. Реформа шведскаго государственнаго строя въ сторону его демократизаціи стоитъ теперь безусловно на очереди, и, повидимому, это сознаютъ и руководители современной шведской политики.

Подобно шведамъ датчане примыкаютъ къ скандинавамъ не только своимъ происх-

жденіемъ и языкомъ: въ Даніи, какъ въ Швеціи и въ Норвегіи, крестьяне составляютъ группу населенія, носящую въ себѣ сѣмена культурнаго расцвѣта страны. Судьба меньше всего благопріятствовала Даніи. Датскіе крестьяне почти до половины XIX-го вѣка были закрѣпощены и находились подъ двойнымъ гнетомъ—крѣпостнически-помѣщичьимъ и гнетомъ голаго, ничѣмъ не прикрытаго абсолютизма. Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, датскій народъ сохранилъ въ себѣ всѣ свои недюжинныя силы.

Еще недавно скотоводство служило въ Даніи только подспорьемъ земледѣльческаго хозяйства; молоко было неважнаго качества, а, слѣдовательно, и масло также не отличалось особыми достоинствами, тѣмъ болѣе, что приготовлялось оно самыми несовершенными способами; можно даже сказать, что навозъ, получаемый отъ скота, цѣнился крестьянами больше, чѣмъ молоко. Такимъ образомъ, Данія могла фигурировать на міровомъ рынкѣ только своими земледѣльческими продуктами, отнимая у населенія необходимый ему самому хлѣбъ. Населеніе размножалось, земли становилось меньше, и передъ датскимъ народомъ, не имѣющимъ ни каменнаго угля, ни горныхъ богатствъ, ни быстрыхъ рѣкъ, которыя могли бы привести въ движеніе машины фабрикъ и заводовъ, ни даже древеснаго топлива, вставалъ грозный призракъ національнаго упадка. Правда, находясь на одномъ изъ оживленнѣйшихъ европейскихъ перепутій — у Зундскаго пролива—Данія извлекаетъ большія выгоды изъ своего благопріятнаго положенія; но эти выгоды распространяются главнымъ образомъ на жителей Копенгагена, остальное населеніе, особенно крестьяне западной Ютландіи, должно было отыскивать себѣ новыя средства къ существованію. Этимъ средствомъ явилось молочное хозяйство, устраиваемое товарищескими производительными организаціями. Первые завели кооперативныя фермы западные ютландцы, наиболѣе обиженные природой, живущіе на почти безплодныхъ, отчасти песчанныхъ, отчасти заболоченныхъ равнинахъ. Здѣсь первая товарищеская ферма возникла въ 1881 г., и съ тѣхъ поръ свыше тысячи такихъ фермъ покрыли всю датскую территорію. Теперь почти все молоко датскихъ коровъ отправляется на фермы для переработки въ масло подъ наблюденіемъ спеціалистовъ наиболѣе совершенными способами. Надъ скотомъ ведутся систематическія научныя наблюденія въ самомъ широкомъ мас-

Датскіе крестьяне.

*

штабѣ, которыя привели къ замѣтному улучшенію породы, а слѣдовательно и качества молока: теперь, спустя 25—30 лѣтъ послѣ возникновенія кооперативнаго движенія, качество молока улучшилось настолько, что на приготовленіе того же количества масла молока идетъ въ $1^1/_2$ раза меньше. Для поощренія хозяевъ устраиваются многочисленныя выставки молочныхъ продуктовъ, съ присужденіемъ лучшимъ фермамъ медалей и дипломовъ. Датскіе крестьяне не ограничиваются устройствомъ фермъ: они создаютъ еще болѣе крупныя производительныя организаціи, объединяя сотни фермъ въ союзы и создавая, такимъ образомъ, хозяйственныя единицы, способныя легко бороться съ конкурирующимъ капиталомъ, находящемся въ частномъ владѣніи. Кромѣ того они учредили общества для вывоза масла, для контролированія веденія хозяйства на фермахъ и устройства выставокъ, общества, имѣющія обширный штатъ служащихъ. Одно изъ наиболѣе серьезныхъ затрудненій, грозившихъ дальнѣйшему прогрессу молочнаго хозяйства, былъ недостатокъ корма; но датскіе крестьяне съ честью вышли изъ этого затрудненія, начавъ выписывать кормъ изъ-за границы. Теперь въ производительныхъ товариществахъ участвуютъ не только крестьяне: датскіе помѣщики, чтобы не оказаться выброшенными съ мірового рынка, принуждены отдавать молоко на товарищескія фермы, становясь членами крестьянскихъ обществъ. Въ результатѣ усиленной дѣятельности и примѣненія принципа кооперативнаго хозяйства, вывозъ масла изъ Даніи увеличился вдвое, а по качеству датское масло заняло первое мѣсто въ мірѣ. Датчане, видя успѣхъ кооперативнаго молочнаго хозяйства, попытались ввести подобную организацію въ другія отрасли, какъ, напр., въ торговлю яйцами. Кромѣ того, нѣкоторымъ подспорьемъ служатъ датчанамъ кустарные промыслы, хотя выдѣлка глиняныхъ горшковъ и деревянной обуви постепенно приходитъ въ упадокъ.

Датская рыбачка.

Въ отношеніи образа жизни датчане очень похожи на своихъ сосѣдей шведовъ. Въ Даніи народное просвѣщеніе находится въ такомъ же блестящемъ состояніи, какъ въ Швеціи. Здѣсь нѣтъ крупныхъ городскихъ центровъ, за исключеніемъ Копенгагена.

Политическая власть въ Даніи, какъ и въ Швеціи, принадлежитъ незначительному богатому меньшинству, обладающему высокимъ имущественнымъ цензомъ. Въ странѣ, недавно еще изнывавшей подъ игомъ абсолютизма, форма правленія сохранила на себѣ ясные слѣды недавняго прошлаго.

Владѣнія Даніи въ Европѣ не ограничиваются Ютландскимъ полуостровомъ и Датскимъ архипелагомъ, она имѣетъ здѣсь колоніи—острова Фаръ или Феръ (Овечьи о-ва) и Исландію, которыя въ общемъ превосходятъ ее пространствомъ, но отнюдь не населенностью. Какъ Овечьи острова, такъ и Исландія представляютъ захолустья, не играющія никакой роли въ круговоротѣ европейской жизни, но весьма любопытныя въ двоякомъ отношеніи: природа ихъ чрезвычайно оригинальна, и также оригинальны обитатели ихъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что среди нихъ въ большей свѣжести и нетронутости сохранились обломки германской старины, т. е. древнія поэтическія сказанія (саги), старинныя слова, формы и обороты.

Овечьи острова въ числѣ 25 одиноко лежатъ среди океана. Это глыбы базальта съ крутыми, часто отвѣсными берегами со множествомъ фьордовъ. Ихъ круглый годъ обвѣваетъ влажный морской воздухъ, благодаря чему лѣто прохладное[1]), а зима теплая. Лѣсъ не растетъ на плоскихъ вершинахъ ихъ, тамъ простираются сочныя зеленыя равнины, гдѣ съ трудомъ вызрѣваетъ хлѣбъ, но зато отлично выкармливаются овцы. На 17-ти островахъ (остальные необитаемы) живетъ около 16.300 ч., являющихся потомками древнихъ норвежцевъ. Языкъ ихъ нарѣчія древненорвежскаго, датскій господствуетъ только въ церкви и въ судѣ. Жизнь ихъ—сумеречное, спокойное прозябаніе вдали отъ волненій міра. Есть островки, населенные всего одной семьей, обитающей въ большомъ патріархальномъ домѣ. У отвѣсныхъ береговъ бушуетъ океанъ, а тамъ наверху, въ сѣромъ туманѣ мирно пасутся овцы, и также мирно и не торопясь женщины прядутъ ихъ волну и вяжутъ изъ нея шерстяныя вещи — одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли. Къ такому острову по мѣсяцамъ не пристаетъ никто. Пріѣздъ пастора — цѣлое событіе. Кромѣ разведенія овецъ, обитатели сѣютъ немного ячменя, овса, рѣпу и картофель для собственнаго потребленія, а за привозимые товары расплачиваются шерстью и гагачьимъ пухомъ, сборъ котораго по крутымъ утесамъ представляетъ довольно тяжелый, но увлекательный спортъ. Здѣсь есть и городъ—Торсхавнъ съ 1.700 ж., существуетъ и свой парламентъ (лагтингъ), собирающійся разъ въ годъ, чтобы обсудить и утвердить законодательныя предположенія метрополіи, во главѣ администраціи стоитъ амтманъ, распоряжающійся бюджетомъ съ 42.000 кронами расхода и 57.000 кронами прихода.

Исландія, громадный островъ въ 105.000 кв. к., отстоитъ отъ Даніи, болѣе чѣмъ на 1.000 к ,отъ Гренландіи всего на 360 к. Этотъ овальный островъ, очень высокій (650—980 м.), съ изрѣзанными берегами (особенно на сѣверѣ и западѣ), представляетъ обширное, почти сплошное лавовое поле, мѣстами ровное, но въ большинствѣ случаевъ волнистое и гористое, именно на югѣ. Значительныя пространства одѣты ледниками[1]), которые по своимъ размѣрамъ далеко оставляютъ за собою всѣ швейцарскіе. Одинъ Ватнаіоккуль покрываетъ 8.800 кв. к. Въ южной гористой части поднимаются гряды вулканическихъ куполовъ, числомъ 29, изъ которыхъ 7 дѣйствующіе. Всемірно извѣстенъ своими изверженіями Хекла (1.466 м.), но выше его Эяфьяллаіоккуль (1.705 м.). Базальтъ, базальтовый туфъ и лавы болѣе новыхъ изверженій образуютъ внутри острова громадныя каменныя пустыни, холодныя и голыя «храунъ», на обнаженной поверхности которыхъ часто незамѣтно и слѣда растительности.

Множество углубленій въ лавовой поверхности острова наполнены теплой водой, это такъ называемыя «лугаръ», и рядомъ съ ними бьютъ изъ земли горячіе ключи, среди которыхъ вниманіе ученыхъ и туристовъ давно уже привлекли два знаменитыхъ гейзира. Среди негостепріимныхъ голыхъ равнинъ Исландіи царитъ зимой поистинѣ полярная стужа, а лѣтомъ вѣтеръ, туманъ и дожди гонятъ оттуда все живое. Недаромъ открывшіе островъ норвежцы назвали его «ледяной землей». Однако, на юго-западѣ, гдѣ берега

---

[1]) Средняя температура іюля не выше 11°, января не ниже 2° Ц.

[2]) По исландски „іоккуль“, множ. число „іокларъ“.

омываетъ вѣтвь теплаго Гольфштрома, не такъ уже плохо. Въ столицѣ Исландіи—Рейкьявикѣ, лѣтомъ довольно тепло (средняя температура іюля 11—12°), тѣмъ не менѣе растительность острова болѣе чѣмъ скудная: лѣсъ не растетъ даже на юго-западѣ, такъ какъ даже ко всему привычная береза вырождается здѣсь въ низкій кустарникъ, и рѣшительное преобладаніе принадлежитъ полярнымъ видамъ. Животный міръ крайне бѣденъ, только море богато рыбой и звѣремъ, благодаря чему около четверти всѣхъ обитателей существуетъ рыболовствомъ.

Кто же эти обитатели, которыхъ судьба закинула на этотъ уединенный и негостепріимный берегъ? Много ли ихъ, и какъ существуютъ они здѣсь? Въ общемъ ихъ не мало, около 80.000, и занимаютъ они болѣе трети острова, тамъ, гдѣ существованіе не слишкомъ тягостно. Исландцы несомнѣнные потомки норвежскихъ выходцевъ, которые въ своихъ скитаніяхъ по морямъ наткнулись на этотъ островъ въ IX ст. Изгнанники и выходцы заселили постепенно Исландію, образовавъ свободное государство, но и здѣсь, на краю свѣта, люди не могли устроиться мирно. Раздоры привели къ тому, что Норвегія присоединила островъ, а въ 1380 г. онъ перешелъ къ датчанамъ. Какъ не жалка природа острова, но овцеводство и рыбная ловля настолько обезпечивали жителей, что датское правительство не преминуло обложить ихъ тяжелыми налогами. Бремя налоговъ, частыя голодовки, эпидеміи, изверженія вулкановъ тревожили и угнетали исландцевъ въ теченіе многихъ вѣковъ, но и здѣсь, въ этомъ захолустьи, куда едва доходили вѣсти съ материка, въ XIX в. повѣяло свободой. Въ концѣ этого столѣтія волненія среди исландцевъ приняли такіе размѣры, что датское правительство должно было уступить и дало населенію въ 1874 г. конституцію, расширенную въ 1903 г., благодаря новымъ требованіямъ. Теперь тамъ есть свой парламентъ, «альтингъ», состоящій изъ 2-хъ палатъ. Такъ-же, какъ на Овечьихъ островахъ, овцы составляютъ здѣсь главный предметъ дохода. Въ этомъ сыромъ и холодномъ климатѣ овцы обрастаютъ удивительно доброй шерстью, изъ которой вяжутъ чулки и перчатки, едва ли не главный предметъ вывоза. Рыба, рыбій жиръ, гагачій пухъ дополняютъ списокъ добываемыхъ продуктовъ, все же, что такъ или иначе служитъ культурнымъ потребностямъ, привозится изъ Европы. Правильныя почтовыя и пароходныя сообщенія установились сравнительно недавно (съ 1873 г.), но благодаря имъ жизнь на островѣ пошла замѣтно болѣе быстрымъ темпомъ. Въ наше время Исландія съ ея четырьмя городами, съ одной гимназіей и реальнымъ училищемъ, съ теологическимъ и медицинскимъ факультетами, съ епископской каѳедрой, теряетъ свой захолустный характеръ. Чудеса ея вулканической природы привлекаютъ все больше и больше туристовъ, по мѣрѣ увеличенія ихъ потока патріархальная старина отступаетъ въ глубь уединенныхъ фермъ, гдѣ ученый любитель ея, пожалуй, еще можетъ найти немало поэтическихъ обрывковъ древнихъ сагъ, древнихъ изреченій, вымирающіе обычаи и кое какія старинныя вещи. Исландцы и по сей день говорятъ на языкѣ древнихъ норвежцевъ и даже могутъ похвалиться оригинальной литературой.

С. Слободзинскій.

Великобританія.

ГЛАВА I.

Географическое положеніе Англіи, климатъ и населеніе.—Характеръ англичанъ.—Лондонъ и другіе города Англіи.—Сельскія поселенія.—Шотландія.

Большая группа острововъ, лежащая на сѣверо-западѣ Европы въ сосѣдствѣ Атлантическаго океана, образуетъ Соединенное Королевство Великобританіи и Ирландіи. Кромѣ двухъ большихъ острововъ, Британіи и Ирландіи, сюда причисляются еще 224 населенныхъ и 707 необитаемыхъ маленькихъ острововъ, служащихъ только временнымъ пріютомъ для рыболововъ и охотниковъ. Въ составъ Великобританской монархіи входятъ однако и всѣ остальныя владѣнія англичанъ, находящіяся не въ одной только Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. По пространству и населенности государство это можетъ считаться первымъ въ мірѣ (29.872.061 кв. к.,392.786. 821 жит. въ 1908 г.). Въ Европѣ лежитъ лишь меньшая часть этой огромной монархіи, владѣнія которой раскинулись по всему свѣту, эта часть занимаетъ площадь въ 314.628 кв. километровъ, съ населеніемъ въ 40 милліоновъ, но именно здѣсь находится тотъ главный центръ, откуда англичане распространяютъ свое вліяніе, и благодаря которому они заняли первое мѣсто среди всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ.

Собственно Англія занимаетъ южную и среднюю часть большого острова, въ сѣверной его части лежитъ Шотландія, тоже входящая въ составъ Соединеннаго Королевства. Отдѣленная отъ Европы рукавомъ моря, Англія могла развиваться самостоятельно, и жизнь ея естественно должна была пріобрѣсти болѣе своеобразный и независимый отъ постороннихъ вліяній характеръ. Вслѣдствіе того, что безплодныя и нелюдимыя горы находятся только въ сѣверной части острова, въ горной Шотландіи, общеніе между жителями ея береговъ, западнаго и восточнаго, могло совершаться безпрепятственно, и это въ значительной степени способствовало политическому объединенію страны. Наиболѣе удобная, обладающая всѣми преимуществами, низменная часть острова обращена къ европейскому материку; поэтому цивилизація начала развиваться здѣсь, и здѣсь же возникла столица этого государства—Лондонъ.

Благодаря своему островному положенію, особенностямъ рельефа, а также мягкому климату, Британія представляетъ очень удобную область. Самыя холодныя ея части—это восточный берегъ и Шотландія, самыя теплыя—южный и югозападный берегъ. Въ этихъ мѣстахъ даже зимой температура рѣдко падаетъ ниже нуля. Луга зеленѣютъ почти круглый годъ, но вслѣдствіе обилія влаги въ воздухѣ, страна славится своими туманами, и въ Лондонѣ, напр., бываетъ въ годъ до тридцати такихъ туманныхъ дней, когда прихо-

дится цѣлый день освѣщать улицы, дома и мастерскія. Кромѣ того дымъ и сажа, поднимающіеся изъ трубъ безчисленныхъ заводовъ и фабрикъ, пропитываютъ туманъ, дѣлая его порою совершенно непроницаемымъ и превращая такимъ образомъ день въ ночь. Впрочемъ, въ фабричныхъ округахъ Великобританіи дымъ вообще примѣшивается къ воздуху въ такомъ количествѣ, что небо кажется темнымъ, и всѣ дома снаружи бываютъ покрыты слоемъ сажи, такъ же какъ и трава и листва деревьевъ.

Почти всѣ рѣки Англіи судоходны, хотя длина ихъ не велика. Большихъ рѣкъ нѣтъ но благодаря значительной глубинѣ и стараніямъ жителей, расширившихъ ихъ устья, мѣста впаденія рѣкъ представляютъ превосходныя гавани. Самое положеніе Великобританіи, окруженной моремъ и на перепутьи торговыхъ путей, огибающихъ европейскій материкъ, должно было содѣйствовать развитію торговыхъ сношеній и мореплаванія. При томъ же суда, особенно прежде, легко проникали вглубь страны по рѣкамъ, достаточно глубокимъ благодаря тому, что воды приливовъ заходятъ по нимъ довольно далеко отъ устья.

Фермеръ изъ Дербишайра.

Населеніе британскихъ острововъ образовалось путемъ смѣшенія разныхъ племенъ, которыя долго и съ ожесточеніемъ боролись другъ съ другомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, прежде чѣмъ образовали одну болѣе или менѣе сплоченную націю. Предками современныхъ англичанъ были кельты (бретонцы), германцы (саксы, датчане и норманы). Въ средніе вѣка Англія служила также убѣжищемъ для бѣглецовъ, спасавшихся отъ религіозныхъ гоненій въ разныхъ европейскихъ странахъ. Такимъ образомъ въ англійской націи заключается много примѣсей, въ ней слились воедино характерныя черты кельтовъ и германцевъ. Такими именно выдающимися чертами являются сила воли, энергія и настойчивость. Недаромъ англичанъ сравниваютъ съ бульдогами, которые скорѣе позволятъ разрубить себя на части, нежели выпустятъ захваченную зубами добычу. Англичане также крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ то, что имъ удалось захватить, и прежде всего думаютъ о своей выгодѣ или выгодѣ своей страны, поэтому ихъ вообще считаютъ крайне жесткими, холодными и эгоистичными. Но они съумѣли заставить себя уважать даже тамъ, гдѣ ихъ не любятъ. Пріученные съ дѣтства разсчитывать во всѣхъ случаяхъ жизни только на собственныя силы, англичане отличаются большою стойкостью и выдержкой. Что бы не чувствовалъ англичанинъ, онъ всегда старается сохранить одинаково невозмутимый видъ, такъ какъ

привыкъ думать, что наружное проявленіе чувствъ несовмѣстимо съ собственнымъ достоинствомъ. Благодаря такой выдержкѣ и твердости характера, англичане могли утвердить свое господство надъ отдаленными странами и подчинить себѣ другіе народы.

Однако наружная холодность и кажущееся равнодушіе ко всему не мѣшаютъ развитію чувства. Такъ англичанинъ очень воспріимчивъ къ красотамъ природы. Онъ любитъ деревню, лѣсъ и особенно море. Любовь къ природѣ выражается въ Англіи на каждомъ шагу. Вездѣ поля и луга окружены живыми изгородями, дома обсажены деревьями, и по стѣнамъ вьется дикій виноградъ или плющъ. Даже убогая хижина часто бываетъ окружена маленькимъ садикомъ, и обиліе зелени и цвѣтовъ придаетъ особенную прелесть англійскимъ поселеніямъ, не говоря уже о замкахъ богатыхъ буржуа и лордовъ, окруженныхъ великолѣпными парками. Даже фабриканты и заводчики всегда стараются скрыть въ зелени деревьевъ фабричныя трубы и разводятъ вокругъ фабрикъ и заводовъ сады. Любовь къ природѣ проявляется также въ страсти къ путешествіямъ. Всѣ привыкли къ фигурамъ англичанъ-туристовъ, которые отыскиваютъ красивыя, живописныя мѣстности, взбираются на высокія горы, чтобы полюбоваться видомъ, и вообще не останавливаются ни передъ трудностями или опасностями путешествія, если ихъ заинтересуетъ какая нибудь страна, славящаяся своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Къ тому же англичане, обитая на островѣ и происходя вдобавокъ отъ датчанъ и норманновъ, пріобрѣли и унаслѣдовали влеченіе къ морю и мореплаванію.

Англія, вмѣстѣ съ Уэльсомъ, дѣлится въ административномъ отношеніи на 62 графства, Лондонъ составляетъ особое графство, въ составъ котораго входитъ большая часть города. Впрочемъ столицу Великобританіи давно уже въ шутку называютъ „провинціей, покрытой домами“, такъ она велика. Это, собственно говоря, не одинъ городъ, а образовавшееся вѣками скопленіе многихъ городовъ различныхъ историческихъ эпохъ, различнаго вида, постепенно разроставшихся, приближавшихся другъ къ другу и наконецъ слившихся воедино. По многолюдству это первый городъ въ мірѣ. Онъ какъ будто расползается во всѣ стороны и постепенно захватываетъ всѣ окрестныя деревни, поглощая ихъ и сливаясь съ ними. Въ этомъ неудержимомъ ростѣ огромнаго города есть что-то неумолимое. Поля, луга—все исчезаетъ, и лишь деревья скверовъ, да парки напоминаютъ о прежнихъ лѣсахъ. Тысячи людей родятся, живутъ и умираютъ въ этомъ громадномъ городѣ, не увидѣвъ въ жизни ни разу ничего другого, кромѣ кирпичныхъ домовъ, каменныхъ стѣнъ и деревьевъ парка или сквера.

Но Лондонъ, представляющій цѣлый лабиринтъ улицъ и домовъ, изобилуетъ въ то же время свободными пространствами, площадями, парками, благодаря которымъ жители столицы получаютъ возможность дышать чистымъ воздухомъ и наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ. Самый большой изъ парковъ—Хайдъ-Паркъ представляетъ настоящую деревню, лежащую въ центрѣ многолюднаго города. Тамъ есть и рѣка и озеро, и прекрасные, огромные луга, на которыхъ пасутся стада, словомъ, все, что можетъ дать иллюзію деревенскаго пейзажа. Въ воскресенье въ Хайдъ-Паркѣ всегда можно найти толпу, собравшуюся послушать какого нибудь оратора, такъ какъ это излюбленное мѣсто для всякаго рода проповѣдниковъ и ораторовъ. Тамъ же чаще всего устраиваются и многолюдныя митинги. Было время, когда за пустячную рѣчь въ Хайдъ-Паркѣ можно было угодить въ тюрьму, но оно давно миновало, и въ Хайдъ-Паркѣ теперь часто раздаются порицанія дѣйствій правительства и наставленія народу, чего онъ долженъ добиваться.

Англичанинъ любитъ произносить рѣчи подъ открытымъ небомъ. Въ Лондонѣ, не считая парковъ, скверовъ и площадей, желающіе говорить могутъ останавливаться на углахъ нѣкоторыхъ улицъ и собирать около себя толпу слушателей, среди этихъ уличныхъ ораторовъ можно найти представителей самыхъ разнообразныхъ профессій. Тутъ и торговые агенты, восхваляющіе свой товаръ, изобрѣтатели, проповѣдники общества трезвости,

миссіонеры и политики, старающіеся навербовать сторонниковъ для своей партіи. Очень часто въ роли проповѣдниковъ выступаютъ частные люди, чувствующіе потребность подѣлиться съ публикой своими религіозными взглядами. Эти проповѣди на открытомъ воздухѣ, эти уличные ораторы составляютъ одну изъ самыхъ яркихъ чертъ англійской жизни.

Лондонъ, являющійся центромъ міровой торговли, расположенъ на судоходной и очень извилистой рѣкѣ Темзѣ, въ которую входитъ морской приливъ. Темза течетъ по зеленой равнинѣ, мимо крутого холма, на которомъ стоитъ королевскій замокъ Уиндзоръ, одно изъ самыхъ величественныхъ и живописныхъ зданій на свѣтѣ. Напротивъ Уиндзора находится знаменитая старинная Итонская школа, основанная въ XV вѣкѣ. Сначала она представляла школу и богадѣльню, куда помѣщались бѣдные больные старики, „обязанные молиться за короля“, но мало-помалу Итонская школа стала самымъ моднымъ учебнымъ заведеніемъ, куда богатыя и знатныя англійскія семьи отдаютъ учиться своихъ сыновей.

Рыбачка изъ Нью-Хевна.

Дѣловой кварталъ Лондона, называемый Сити и соединенный со столицей Лондонскимъ мостомъ, прежде былъ отдѣльнымъ городомъ. Это старинный Лондонъ. Теперь Сити населенъ только днемъ; по вечерамъ и воскресеньямъ онъ совершенно пустѣетъ, и тогда тамъ можно найти только сторожей, да полицейскихъ. Но въ будніе дни, съ ранняго утра, тысячи людей устремляются въ Сити, направляясь въ банки и конторы. Тутъ ежедневно совершаются милліонные торговые обороты. Къ вечеру начинается отливъ толпы, и Сити пустѣетъ. Тамъ не живутъ, туда пріѣзжаютъ только наживать деньги. Въ Сити находится много старинныхъ зданій, соборъ св. Павла, третій по величинѣ въ Европѣ, особенною достопримѣчательностью котораго считаются часы и колоколъ, въ который звонятъ въ случаѣ смерти кого нибудь изъ королевской семьи, замѣчательна также „галлерея шопота“, гдѣ на разстояніи 140 шаговъ явственно слышенъ самый тихій шопотъ.

Съ восточной стороны Сити, на берегу Темзы, возвышается Лондонская башня или Тоуэръ, мрачное старинное зданіе, съ которымъ связано много кровавыхъ воспоминаній. Немало людей погибло въ мрачныхъ темницахъ Тоуэра, который до 1820 г. служилъ

тюрьмой для государственныхъ преступниковъ, и гдѣ на мостовой дворика, передъ воротами церкви совершались казни. Тутъ пали головы людей, впавшихъ въ немилость у королей и казненныхъ по ихъ приказанію. Возмутившійся народъ два раза овладѣвалъ Тоуэромъ и освобождалъ заключенныхъ, но при этомъ онъ не дѣлалъ попытки разрушить эту крѣпость, такъ что этотъ памятникъ англійской старины сохранился въ цѣлости. До сихъ поръ еще одинъ изъ главныхъ чиновниковъ Тоуэра носитъ названіе „джентльмена тюремщиковъ", хотя въ крѣпости давно уже нѣтъ ни одного заключеннаго. Тамъ теперь хранятся только коронные брилліанты, а также старинное оружіе и орудія пытки.

Другая достопримѣчательность Лондона и историческій памятникъ—это соборъ св. Петра, называемый Уэстминстерскимъ аббатствомъ по имени городка на берегу Темзы, гдѣ онъ былъ построенъ и который соперничалъ съ Лондономъ, пока не слился съ нимъ. Уэстминстерскій соборъ, гдѣ коронуются короли и находится усыпальница для нихъ и для вели-

Группа рыбаковъ изъ Девоншира.

кихъ людей Англіи, построенъ въ X вѣкѣ, слѣдовательно онъ новѣе Тоуэра. Рядомъ съ нимъ находится зданіе, въ которомъ помѣщается всесильный парламентъ, управляющій страной.

Лондонъ величайшій городъ въ мірѣ, въ то же время городъ величайшихъ контрастовъ. Въ западной его части, въ Уэстъ-Эндѣ, роскошные магазины, великолѣпныя зданія, чудные парки, широкія, прекрасно освѣщенныя улицы, а въ восточной части, Истъ-Эндѣ,— узкія, грязныя, кривыя улицы и переулки, полуразрушенные дома съ разбитыми окнами, заткнутыми тряпками и бумагой, и темные, мрачные дворы, куда не проникаетъ солнечный свѣтъ. Здѣсь ютится лондонская нищета. Изъ восточныхъ кварталовъ до послѣднихъ лѣтъ, самою ужасною репутаціей пользовался въ особенности Уайтчапель. Теперь, благодаря стараніямъ лондонскаго общества, пожелавшаго придти на помощь населенію, эти кварталы значительно измѣнились къ лучшему. Тамъ возникли новыя жилища для рабочихъ,

*

мастерскія, школы, библіотеки, читальни, доступныя народныя развлеченія, а также народные университеты, способствующіе уничтоженію невѣжества среди народныхъ массъ. Прежде для иззябшихъ, полуголодныхъ людей единственнымъ прибѣжищемъ въ этихъ кварталахъ были кабаки и другіе подобные же притоны, теперь желающіе могутъ идти погрѣться и развлечься въ клубы, гдѣ за дешевую плату получаютъ чай и какую нибудь ѣду, тамъ они встрѣчаются съ товарищами, съ которыми могутъ бесѣдовать или читаютъ журналы и газеты, получаемые клубомъ. Такіе клубы чрезвычайно распространены въ Англіи и играютъ большую роль въ народной жизни, такъ какъ въ нихъ собираются не только для развлеченія, но и для обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ.

Благодаря своему островному положенію, англичане въ теченіе долгихъ вѣковъ были избавлены отъ необходимости содержать большое постоянное войско. Они находились въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели другіе европейскіе народы, и жизнь англійскаго народа сохраняетъ поэтому вполнѣ самобытный характеръ. Въ Англіи до сихъ поръ нѣтъ обязательной воинской повинности, а господствуетъ система наемныхъ войскъ. Составъ постоянной арміи ежегодно регулируется парламентомъ, поэтому и распущеніе войска всецѣло зависитъ отъ него. Кромѣ регулярной арміи въ Англіи есть вспомогательныя войска, милиція и волонтеры. Но главное вниманіе, конечно, обращается на флотъ, военный и торговый, въ которомъ англичане справедливо видятъ залогъ своего могущества.

Морской волкъ.

Естественныя богатства Англіи, скрытыя подъ землей, главнымъ образомъ каменный уголь, много способствовали ея обогащенію. Каменный уголь не только вывозится во всѣ страны, составляя одинъ изъ главныхъ предметовъ англійской вывозной торговли, но именно онъ-то и содѣйствовалъ развитію обширной фабричной промышленности. Уголь и желѣзо составляютъ главную основу промышленнаго могущества Англіи. Прежде разрабатывали пласты каменнаго угля, лежавшіе ближе къ поверхности, но теперь во многихъ мѣстахъ поверхностные слои начинаютъ истощаться, и приходится углубляться все дальше въ нѣдра земли. Самый старинный изъ рудниковъ Англіи—нью-касльскій, разрабатывался уже въ XIII вѣкѣ. Въ сосѣдствѣ этихъ залежей, на рѣкѣ Тайнъ, лежитъ одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Англіи, Ньюкасль, называемый „каменноугольнымъ городомъ“.

Почти каждый изъ большихъ промышленныхъ городовъ Англіи имѣетъ свое особое производство, что придаетъ особый характеръ и его рабочему населенію. Такъ въ Ньюкаслѣ и около него живутъ преимущественно углекопы. Въ Менчестерѣ, лежащемъ въ центрѣ хлопчатобумажной промышленности, населеніе состоитъ преимущественно изъ ткачей. Менчестеръ окруженъ девятью городами и 300 мѣстечками, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточиваются хлопчатобумажныя мануфактуры Англіи. Столица хлопчатобумаж-

Старая женщина изъ Уэльса.

наго царства Менчестеръ по величинѣ своихъ торговыхъ оборотовъ, роскоши и благоустройству соперничаетъ съ Лондономъ, и около него сосредоточивается огромное населеніе, живущее фабричнымъ трудомъ.

Къ западу отъ Менчестера, при устьѣ небольшой рѣки Мерси, воды которой приводятъ въ движеніе наибольшее количество фабричныхъ колесъ въ мірѣ, лежитъ громадный портовый городъ Ливерпуль. На улицахъ этого города можно встрѣтить выходцевъ со всего свѣта и услышать нарѣчія всѣхъ странъ. Ливерпуль служитъ складочнымъ мѣстомъ для различныхъ товаровъ, откуда они распредѣляются по всей странѣ. До XVIII вѣка, онъ былъ незначительнымъ городомъ, а раньше даже простою рыбачьей деревней, и процвѣтаніе его началось съ того времени, когда въ Англіи стала развиваться морская торговля и въ особенности торговля неграми, приносившая громадные доходы ливерпульскимъ купцамъ. Справедливо говорятъ, что изъ камней великолѣпныхъ зданій, украшающихъ городъ, „сочится кровь несчастныхъ черныхъ рабовъ“. И дѣйствительно эти великолѣпные дворцы, построенные разбогатѣвшими ливерпульскими купцами, напоминаютъ одну изъ самыхъ темныхъ страницъ исторіи этого города.

Совершенную противоположность фабричнымъ городамъ, окутаннымъ дымомъ, составляютъ англійскія сельскія поселенія, весьма привлекательныя на видъ и совсѣмъ не похожія на русскія деревни. Деревенская жизнь, впрочемъ, мало отличается въ Англіи отъ городской, такъ какъ одежда, пища, жилища и строй жизни ея обитателей тотъ же что и въ городахъ. Сельскіе дома, коттеджи, въ которыхъ живутъ фермеры и земледѣльческіе рабочіе, большею частью имѣютъ очень уютный и даже красивый видъ. Стѣны ихъ обыкновенно увиты плющемъ, передъ фасадомъ находится чистенькій дворъ съ цвѣточною клумбой или садъ. На окнахъ видны занавѣски, подоконники уставлены цвѣтами. Селенія вообще поражаютъ благоустройствомъ. Жители, кто бы они ни были, богатые или бѣдные, земледѣльцы, арендаторы, ремесленники, рѣшаютъ всѣ дѣла, касающіяся деревни, сами, они собираются на сходы и такимъ образомъ управляютъ деревней. Если въ деревнѣ живетъ болѣе 300 человѣкъ, то они выбираютъ изъ своей среды отъ пяти до пятнадцати человѣкъ, которые и составляютъ совѣтъ, управляющій деревней. Въ каждой, даже небольшой деревнѣ имѣется колоніальная лавка, булочная, мясная и неизбѣжный кабачекъ, а кромѣ того школа, такъ какъ первоначальное обученіе дѣтей въ Англіи обязательно и безплатно, и родители, не посылающіе дѣтей въ школу ежегодно въ теченіе опредѣленнаго числа дней, подвергаются уплатѣ денежнаго штрафа. Кромѣ школы въ деревнѣ нерѣдко существуетъ деревенскій институтъ или сельскій университетъ, гдѣ читаются всевозможныя лекціи для взрослыхъ и помѣщаются библіотека и клубъ.

Подобно фабричнымъ рабочимъ, земледѣльческіе рабочіе объединяются теперь въ земледѣльческіе союзы, и лѣтомъ, въ англійской деревнѣ, часто можно встрѣтить особаго вида фургонъ, въ которомъ разъѣзжаетъ по округу лекторъ, командируемый земледѣльческимъ союзомъ, чтобы устраивать въ деревняхъ сходки, произносить рѣчи и объяснять сельскимъ рабочимъ пользу объединенія въ союзы. Этотъ странствующій ораторъ живетъ лѣтомъ въ фургонѣ, напоминающемъ маленькій домъ на колесахъ, внутри котораго находится все необходимое для небольшого хозяйства.

Въ Англіи есть также города спокойные, удаленные отъ фабричныхъ центровъ, преимущественно лежащіе на морскомъ берегу, напримѣръ Брайтонъ, куда ѣздятъ для отдыха и морскихъ купаній, или такіе, все значеніе которыхъ зависитъ отъ университетовъ, вокругъ которыхъ они образовались. Таковы Оксфордъ и Кембриджъ, откуда вышли многіе изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Англіи. Это очень старинные города, въ особенности Оксфордъ сохранилъ свой средневѣковой характеръ. Время какъ будто совсѣмъ не коснулось его. Всѣ старинныя зданія поддерживаются въ этомъ городѣ съ благоговѣйною заботливостью. Это царство старинныхъ обычаевъ, которые

Типъ англійской красоты.

поддерживаются вліяніемъ ученыхъ, сидящихъ въ этихъ коллегіяхъ съ почернѣвшими стѣнами, точно въ укрѣпленномъ средневѣковомъ замкѣ.

Оксфордскій университетъ состоитъ изъ 25 коллегій, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Каждая обладаетъ какими нибудь сокровищами въ видѣ рѣдкихъ документовъ, рукописей, произведеній искусства и т. п., каждая гордится какою нибудь знаменитостью среди своихъ профессоровъ или своихъ бывшихъ воспитанниковъ. Въ англійскій университетъ можетъ поступить каждый желающій, если у него есть средства заплатить за ученіе. Никто его не спрашиваетъ, гдѣ и какъ онъ учился до этого. Но въ Оксфордѣ студенты обязаны подчиняться весьма стѣснительнымъ правиламъ. Много времени отдается ими спорту: студенты ежегодно устраиваютъ состязанія въ крикетъ, футболлъ и гребныя гонки. Особенный интересъ возбуждаетъ состязаніе между гребцами обоихъ университетовъ, оксфордскаго и кэмбриджскаго, устраиваемое ежегодно на Темзѣ въ мартѣ мѣсяцѣ. Всѣ другія злобы дня отодвигаются въ этотъ моментъ на задній планъ, и все вниманіе общества сосредоточивается на этой гонкѣ, о которой весь Лондонъ говоритъ въ теченіе двухъ-трехъ дней, а газеты посвящаютъ ея описанію цѣлые столбцы.

Характерную черту англійскаго народа составляетъ его стремленіе къ независимости, заставившее англичанъ упорно добиваться политической свободы. Въ настоящее время англійскій народъ дѣйствительно можетъ быть названъ самымъ свободнымъ народомъ въ мірѣ. Конечно, онъ достигъ этого положенія не сразу, а путемъ долгой и упорной борьбы. Основы политической свободы народа были заложены въ царствованіе короля Іоанна Безземельнаго въ XII вѣкѣ, и съ той поры, несмотря на всѣ посягательства монарховъ, народная свобода не только не была уничтожена совершенно, но продолжала постепенно расти и укрѣпляться.

На рѣкѣ Темзѣ лежитъ маленькій островъ, знаменитый въ исторіи Англіи. Тамъ, на Рунимедскомъ лугу, король Іоаннъ Безземельный подписалъ въ 1215 году Великую Хартію вольностей, ограничившую власть королей, положившую начало свободѣ и самоуправленію посредствомъ парламента, состоящаго изъ представителей народа. Великая Хартія обезпечивала вольности не однимъ только баронамъ, но всѣмъ свободнымъ людямъ, гражданамъ Англіи. Она вмѣняла въ обязанность королямъ созывать собранія или съѣзды, въ случаѣ если королю нужна денежная помощь вассаловъ. Такимъ образомъ король лишился права самопроизвольно облагать подданныхъ какими либо сборами или налогами. Кромѣ того Великая Хартія обезпечивала личную свободу англійскихъ гражданъ, такъ какъ ни одинъ свободный человѣкъ не могъ быть арестованъ, лишенъ своей собственности и посаженъ въ тюрьму, изгнанъ или подвергнутъ какому нибудь наказанію, если онъ не былъ присужденъ къ этому рѣшеніемъ суда на основаніи законовъ страны.

Конечно, Іоаннъ Безземельный отнюдь не добровольно согласился ограничить свою власть, а былъ вынужденъ къ этому силою обстоятельствъ. Поэтому, какъ онъ, такъ и его преемники старались вернуть себѣ полноту власти и даже, по возможности, еще расширить ее, но народъ, благодаря особенностямъ страны и сложившемуся строю жизни, имѣлъ возможность не отступать отъ своихъ правъ и также пытался ихъ расширить. Твердость, съ которою англичане защищали свои права и вели упорную борьбу со своими правителями, всего больше содѣйствовала тому, что они вышли изъ этой вѣковой борьбы побѣдителями. Гражданская свобода, личная неприкосновенность, свобода совѣсти, рѣчи, печати, собраній, союзовъ—все это зародилось въ Англіи, и тамъ же была разработана на практикѣ система участія народа въ управленіи страной. Поэтому-то формы государственнаго устройства Англіи послужили для многихъ странъ прототипами, и Англія играла роль воспитательницы и учительницы другихъ народовъ, шедшихъ по ея стопамъ.

Въ Англіи нѣтъ власти, которая была бы выше власти парламента. Онъ издаетъ законы, отмѣняетъ ихъ и можетъ не только измѣнить устройство королевства, но

даже уничтожить силу королевскаго приказа. Могущество парламента такъ велико, что, какъ говорятъ англичане, онъ можетъ даже „уничтожить самого себя“. Никто и ничто на свѣтѣ, даже король, не можетъ отмѣнить парламентскаго рѣшенія, такъ какъ въ этомъ рѣшеніи воплощается воля народа, представителемъ котораго служитъ парламентъ. Король имѣетъ право назначать министровъ по своему желанію, но онъ выбираетъ только тѣхъ, кого желаетъ парламентъ, такъ какъ знаетъ, что въ противномъ случаѣ парламентъ будетъ не соглашаться на всѣ предложенія министерства, которому волей-неволей придется уйти.

Посягательства королей на конституціонный строй Англіи не увѣнчались успѣхомъ, и имѣли своимъ послѣдствіемъ только дальнѣйшее закрѣпленіе гражданскихъ правъ. „Оксфордскія постановленія“, выработанныя уполномоченными англійскаго дворянства и духовенства, которыя вынужденъ былъ принять король Генрихъ III, совершенно ограничивали его власть. Парламентъ, собиравшійся три раза въ годъ, долженъ былъ рѣшать всѣ важныя дѣла. Хотя король, въ концѣ концовъ, пытался отказаться отъ выполненія этихъ постановленій, но это привело только къ междуусобной войнѣ, лишившей его престола Во главѣ государства сталъ Симонъ де Монфоръ, графъ Лейстерскій, женатый на его сестрѣ, который и созвалъ новый парламентъ изъ представителей всѣхъ графствъ, городовъ и портовъ Англіи. Это положило начало палатѣ общинъ или нижней палатѣ парламента, которая собственно и состоитъ изъ выборныхъ отъ народа.

Дѣвочка изъ квартала Лондона, населеннаго пролетаріями.

Королевская власть въ Англіи уже не могла больше оправиться отъ нанесеннаго ей удара и въ дальнѣйшей борьбѣ съ парламентомъ постоянно терпѣла пораженія; парламентъ, напротивъ, становился все сильнѣе. Благопріятнымъ условіемъ для народа въ этой борьбѣ служило то, что, благодаря островному характеру страны, нація не такъ нуждалась въ постоянной арміи, на которую могли бы опереться монархи въ своей борьбѣ противъ народа. Злоупотребленіе англійскихъ монарховъ судебною властью вызвало къ жизни парламентскій актъ Habeas Corpus (въ 1679 г.), въ силу котораго каждый арестованный долженъ быть черезъ 24 часа представленъ одному изъ мѣстныхъ мировыхъ судей, который уже рѣшаетъ, есть ли достаточное основаніе держать арестованнаго подъ стражей для дальнѣйшаго судебнаго разслѣдованія. Затѣмъ въ 1689 г. Вильгельмъ III Оранскій, избранный націей королемъ Англіи, подписалъ основной законъ конституціи, извѣстный, подъ именемъ „декларацiи правъ“, точно опредѣляющій объемъ королевской власти.

Мало-по-малу зависимость англійскаго правительства отъ парламента или, вѣрнѣе, отъ парламентскаго большинства установилась окончательно, и правительству волей-неволей приходилось постоянно опираться на одну изъ парламентскихъ партій, составляющую большинство парламента. Характеренъ для всего государственнаго строя Англіи тотъ фактъ, что выборные члены парламента обязаны присягать конституціи и могутъ быть освобождены отъ присяги въ вѣрности королю.

Съ прошлаго столѣтія въ Англіи не существуетъ уже болѣе никакой опасности злоупотребленія властью со стороны монарха. Парламентъ дѣйствительно превратился въ неограниченный высшій органъ государства, при чемъ это превращеніе произошло не въ силу какихъ либо формальныхъ законовъ, а благодаря общему сознанію, что такова единственно возможная форма правленія. Верховная власть во всемъ ея объемѣ принадлежитъ королю и двумъ палатамъ парламента: верхней—палатѣ лордовъ, и нижней—палатѣ

общинъ. Палата лордовъ по своему составу представляетъ высшее сословіе государства. Она состоитъ не изъ выборныхъ членовъ—депутатовъ, какъ палата общинъ, въ ней засѣдаютъ старшіе члены англійскихъ лордскихъ семей, затѣмъ 16 членовъ, избираемыхъ на семилѣтній срокъ шотландскими лордами, и 28 членовъ, избираемыхъ пожизненно ирландскими лордами. Кромѣ этихъ свѣтскихъ лордовъ въ верхней палатѣ есть еще 26 лордовъ духовныхъ, архіепископовъ и епископовъ англиканской церкви, занимающихъ свои мѣста пожизненно. Общее число членовъ палаты лордовъ въ настоящое время 575, но оно можетъ увеличиваться по мѣрѣ возрастанія числа пэровъ, жалуемыхъ королемъ. Старшіе сыновья лордскихъ семей, по достиженіи ими совершеннолѣтія, получаютъ послѣ смерти отца титулъ пэра съ правомъ засѣдать въ палатѣ лордовъ, и это право они передаютъ потомъ по наслѣдству своимъ старшимъ сыновьямъ. Членами палаты лордовъ состоятъ также королевскіе принцы. Пэры пользуются большимъ почетомъ въ англійскомъ обществѣ, и такъ какъ англійскіе короли имѣютъ неограниченное право награждать титулами своихъ подданныхъ, то они и пользуются этимъ, чтобы вознаграждать ихъ за разныя заслуги. Бывали случаи, впрочемъ, когда награждаемые отказывались отъ титула пэра. Такъ поступилъ знаменитый англійскій государственный дѣятель Гладстонъ, котораго въ Англіи называли „великимъ старцемъ“. Гладстонъ не захотѣлъ перейти въ палату лордовъ изъ палаты общинъ, гдѣ онъ былъ депутатомъ—представителемъ народа, и поэтому отказался отъ предложеннаго ему королевой графскаго титула.

Право имѣть самостоятельное представительство въ парламентѣ, т. е. образовать верхнюю палату, составляетъ теперь единственную важную привилегію, которую еще сохраняетъ нѣкогда могущественное и вліятельное сословіе англійскаго дворянства. Почти всѣ лорды—крупные землевладѣльцы.

Пэры не особенно усердно посѣщаютъ засѣданія палаты и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда предстоитъ рѣшеніе какого нибудь важнаго вопроса, они являются въ большомъ числѣ. Обыкновенно ихъ бываетъ не больше десяти человѣкъ, да и тѣ мирно дремлютъ въ своихъ креслахъ. Только лордъ-канцлеръ (предсѣдатель палаты лордовъ) обязанъ всегда присутствовать въ палатѣ, и обыкновенно онъ важно возсѣдаетъ въ огромномъ напудренномъ парикѣ, на бархатной скамьѣ безъ ручекъ и спинки, на которой лежитъ черный мѣшокъ съ шерстью, служащій ему вмѣсто сидѣнія. Въ этомъ маскарадномъ костюмѣ лорда-канцлера сказывается чрезвычайно любопытная черта англійскаго народа, его приверженность къ прошлому своей страны. Всякій англичанинъ гордится исторіей своей родины, хорошо знаетъ ее и свято оберегаетъ слѣды великаго прошлаго страны. Поэтому-то въ Англіи, несмотря на огромныя перемѣны, все-таки соблюдаются старинные обычаи, давно уже утратившіе всякій смыслъ. Такой анахронизмъ встрѣчается на каждомъ шагу и бросается въ глаза, какъ рѣзкій контрастъ съ жизнью англійскаго народа, далеко шагнувшаго впередъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. До сихъ поръ еще, напр., судьи, адвокаты, президентъ парламента—спикеръ и многія другія должностныя лица обязаны являться въ средневѣковыхъ костюмахъ, и даже дѣти въ нѣкоторыхъ школахъ носятъ такую одежду.

Праздникъ Рождества, напр., имѣющій такое большое значеніе въ Англіи, англичане проводятъ вездѣ одинаково, гдѣ бы они ни находились, на своей ли родинѣ въ Лондонѣ, или на противоположномъ концѣ земного шара, въ Новой Зеландіи, въ Южной Африкѣ или во льдахъ Сѣвернаго и Южнаго полюсовъ Каждый англичанинъ непремѣнно съѣдаетъ въ этотъ день кусокъ плумъ-пуддинга, традиціоннаго рождественскаго пирога. Путешественникъ, отправляющійся въ далекія страны, везетъ съ собою это національное блюдо, заранѣе приготовленное, чтобы украсить имъ свой обѣдъ въ день Рождества.

Королевская власть, сохраняющаяся въ Англіи по традиціи, въ теоріи очень обширна, на дѣлѣ же сводится къ простой внѣшности. Ни одинъ приказъ короля не счи-

тается дѣйствительнымъ, если онъ не подписанъ министромъ, королевская власть въ сущности замѣщена властью министровъ, министры же не могутъ управлять страной, не опираясь на большинство парламента, и, слѣдовательно, страной на самомъ дѣлѣ управляетъ парламентъ въ лицѣ своихъ 670 депутатовъ.

Здѣсь, въ палатѣ общинъ, открывается то поле битвы, на которомъ англичане одержали столько побѣдъ надъ темными силами произвола. Тамъ кипитъ жизнь, и воплощается воля великаго народа. Народъ выбираетъ своихъ представителей посредствомъ тайной подачи голосовъ на семилѣтній срокъ. Черезъ семь лѣтъ палата общинъ обязательно распускается, и народъ получаетъ возможность или выбрать вновь прежнихъ депутатовъ или забаллотировать ихъ, выразивъ имъ этимъ свое неодобреніе. Министерство управляетъ страной только до тѣхъ поръ, пока его поддерживаетъ большинство палаты общинъ. Если палата выразитъ ему недовѣріе, оно обязано подать въ отставку.

Сцена на улицѣ Лондона во время тумана въ 2 ч. пополудни.

Бываютъ, однако, случаи, когда министерство, имѣя основаніе предполагать, что палата, на этотъ разъ, не является представительницей взглядовъ народа, не выходитъ въ отставку, а обращается къ народу, т. е. распускаетъ парламентъ и назначаетъ новые выборы. Если вопросъ, по которому произошелъ конфликтъ министерства съ палатой, находитъ сочувствіе въ народѣ, то онъ посылаетъ въ парламентъ депутатовъ, которые должны поддержать министерство. Если же, наоборотъ, новоизбранная палата также окажется солидарной въ этомъ вопросѣ со своею предшественницей, то министерству уже не остается больше ничего, какъ немедленно удалиться.

Когда парламентъ созывается въ первый разъ послѣ новыхъ выборовъ, то въ назначенный день и часъ въ залу палаты общинъ является особый церемоніймейстеръ, который называется „носителемъ чернаго жезла“. Онъ приглашаетъ всѣхъ членовъ въ палату лордовъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ лорды и предсѣдатель (лордъ-канцлеръ), который, отъ

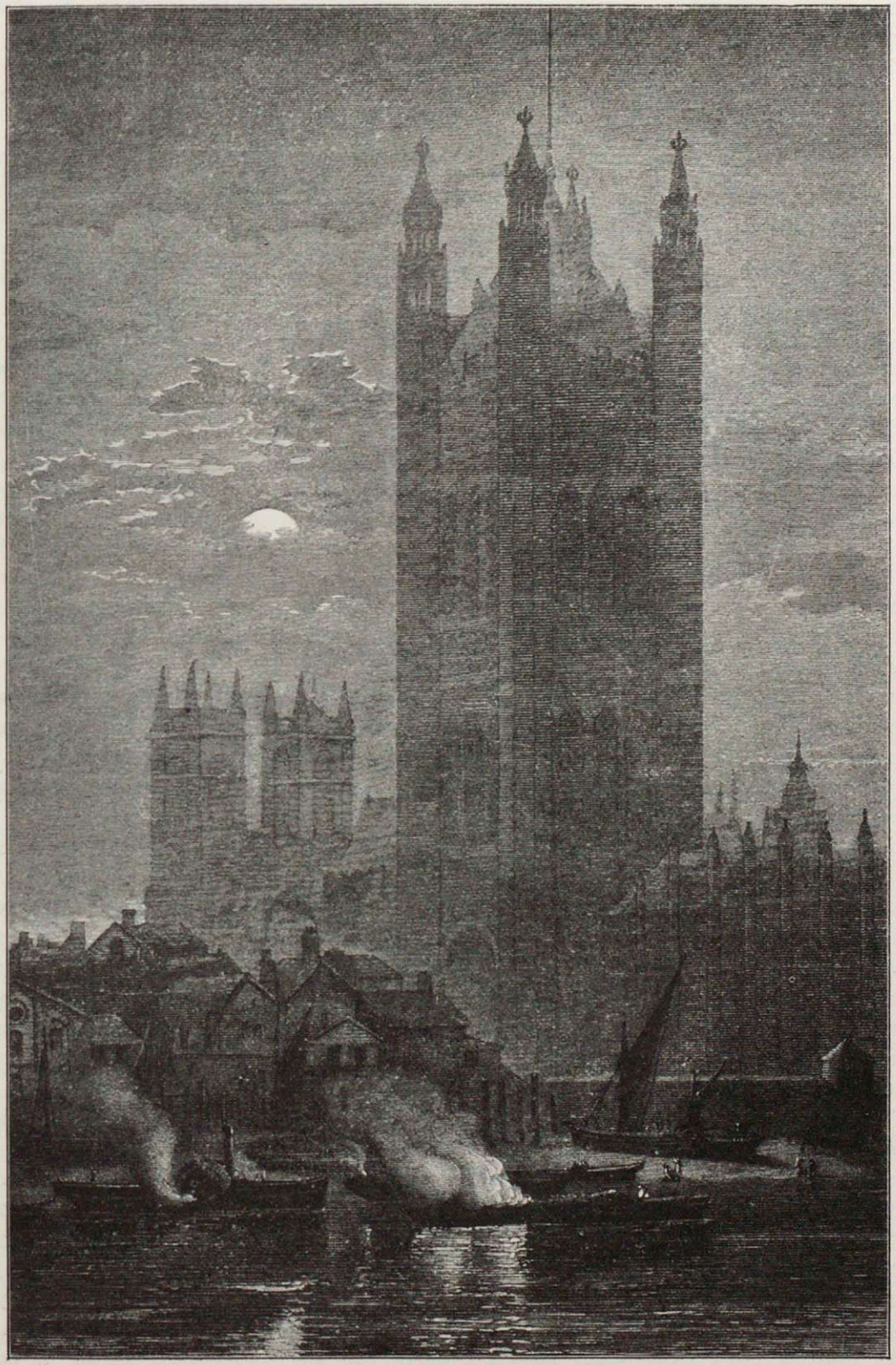
имени короля объявляетъ имъ, что какъ только они принесутъ присягу, король объявитъ имъ „по какой причинѣ ихъ созвали“ Сказавъ это, лордъ-канцлеръ приглашаетъ депутатовъ снова вернуться въ залу палаты общинъ и выбрать „спикера“, т. е. предсѣдателя. Главнымъ достоинствомъ спикера должно быть полное безпристрастіе, онъ не долженъ принадлежать ни къ какой партіи. Обыкновенно на эту должность выбираютъ человѣка, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ. Дѣйствительно, спикеръ никогда не позволитъ себѣ высказать свое мнѣніе, и были среди нихъ люди, которые даже въ частной жизни, въ семейномъ кругу, никогда не высказывали его по какимъ либо парламентскимъ вопросамъ, опасаясь нарушить требованіе безпристрастія.

На другой день послѣ выбора спикера король утверждаетъ его въ этой должности, а затѣмъ уже спикеръ, отъ лица палаты общинъ, требуетъ отъ короля „признанія ея древнихъ и неоспоримыхъ правъ и привилегій, особенно же свободы отъ ареста и насилія, свободы слова во время преній и свободы доступа къ королю, когда въ томъ окажется надобность“. Само собою разумѣется, что отвѣтъ короля всегда бываетъ благопріятный. Послѣ этого спикеръ возвращается въ палату общинъ и торжественно сообщаетъ, что король, „снисходя къ его униженной просьбѣ“, соглашается подтвердить всѣ древнія права и привилегіи палаты; тогда прочитывается тронная рѣчь, и парламентъ приступаетъ къ своимъ занятіямъ.

Конечно, отъ всего этого церемоніала вѣетъ стариной, но обычай поддерживаетъ миражъ королевской верховной власти. Каждый, вступающій въ первый разъ въ англійскій парламентъ, чувствуетъ, что въ немъ все еще царитъ духъ давно исчезнувшихъ поколѣній, и какъ ни смѣшны теперь эти обычаи, отъ которыхъ вѣетъ сѣдой стариной, тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ повѣствуютъ намъ исторію и постепенный ростъ парламентскаго могущества.

Открытіе парламентскихъ засѣданій послѣ перерыва на время лѣтнихъ или рождественскихъ каникулъ, начинается церемоніей, въ основѣ которой тоже лежитъ историческое событіе—пороховой заговоръ, бывшій въ 1605 г., въ царствованіе Іакова I. Съ тѣхъ поръ прошло три вѣка, тѣмъ не менѣе ежегодно, передъ открытіемъ парламентской сессіи, осматриваются подвалы Уэстминстерскаго дворца, гдѣ засѣдаетъ парламентъ Въ десять часовъ утра, въ день открытія парламента, начальники парламентской полиціи и отрядъ гвардейской стражи, въ средневѣковыхъ мундирахъ и вооруженные аллебардами, торжественно спускаются въ подвалы. Несмотря на то, что подвалы давно перестроены, что въ нихъ совершенно свѣтло, процессія отправляется туда съ фонарями въ рукахъ, такъ какъ въ старинномъ постановленіи, которое остается въ силѣ, сказано, что каждый долженъ идти съ фонаремъ въ рукахъ. Но тамъ не сказано, что фонари должны быть зажжены—вѣроятно это подразумѣвалось само собой—и поэтому парламентская стража, соблюдая въ точности старинное постановленіе, идетъ съ фонарями въ рукахъ, но не зажигаетъ ихъ.

Пройдясь по подваламъ, процессія возвращается и докладываетъ спикеру, что „тамъ, внизу, нѣтъ никакого заговорщика“. Все это продѣлывается съ величайшею серьезностью: англичанину не придетъ въ голову улыбнуться или сдѣлать по поводу этой комедіи какое нибудь шуточное замѣчаніе. Затѣмъ въ парламентъ собираются депутаты, министры, журналисты и др. и тогда раздается возгласъ: „Дорогу спикеру! Шапки долой посторонніе“! Но шапки снимаютъ не одни только посторонніе, а всѣ депутаты при появленіи спикера. Да оно и понятно: спикеръ вѣдь служитъ въ глазахъ англичанина олицетвореніемъ могущества парламента, поэтому появленіе его обставляется очень торжественно. Впереди идетъ „носитель жезла“, въ старинномъ придворномъ костюмѣ и несетъ на плечѣ вызолоченный скипетръ палаты общинъ, за нимъ слѣдуетъ спикеръ въ огромномъ парикѣ, ниспадающемъ на плечи, въ черныхъ, узкихъ, короткихъ панталонахъ, шелковыхъ чулкахъ, башмакахъ и кружевныхъ манжетахъ, на плечи у него накинута широкая, черная,

Видъ Уэстминстера въ лунную ночь.

шелковая мантія, съ длиннымъ шлейфомъ, который несутъ за нимъ. За спикеромъ идетъ парламентскій священникъ, потому что каждое засѣданіе, согласно обычаю, начинается молитвой.

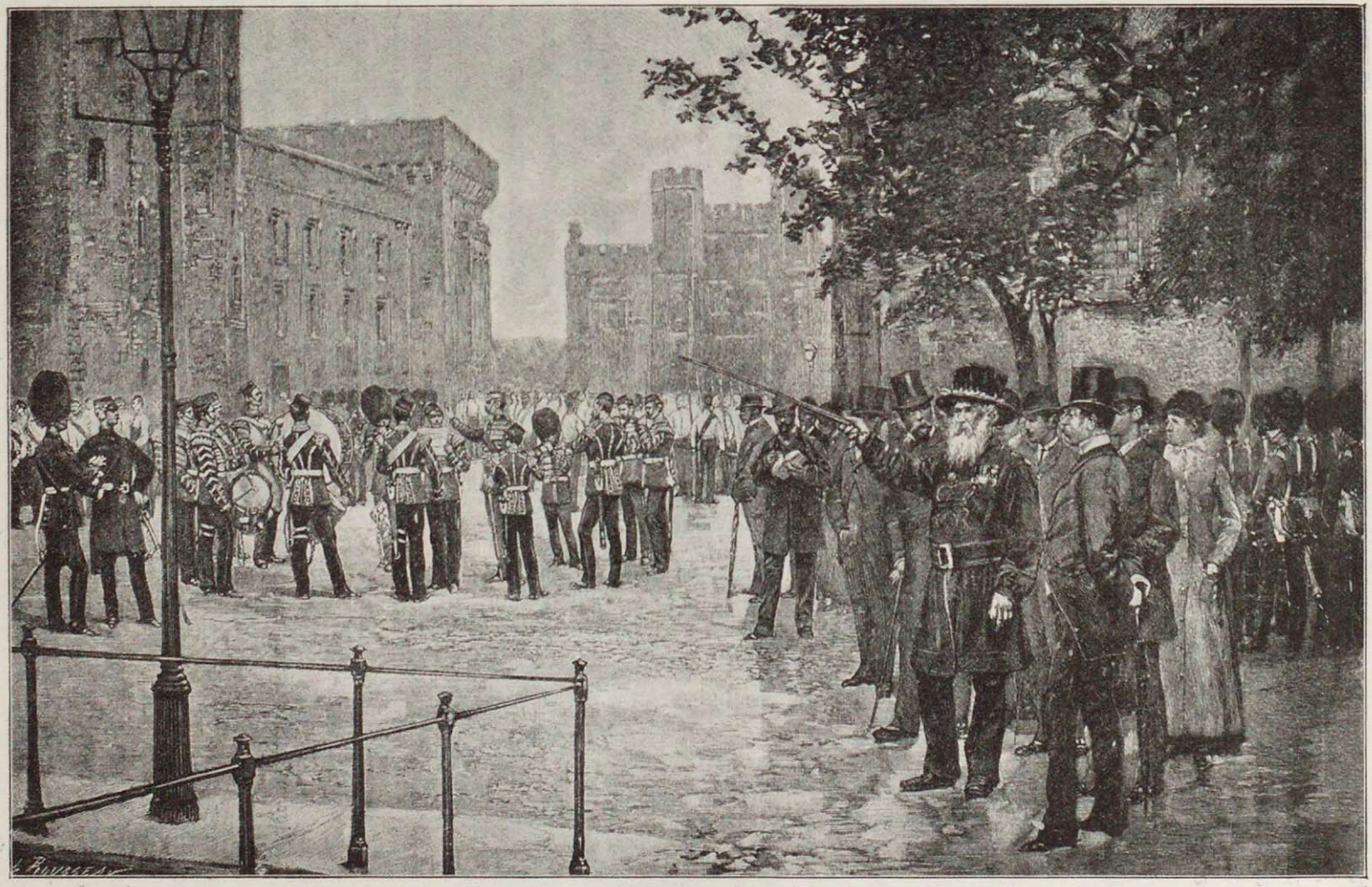
Засѣданія въ парламентѣ происходятъ по вечерамъ и затягиваются порой до утра, если обсуждается законопроектъ, возбуждающій большіе споры. Каждый законопроектъ (билль) долженъ быть прочтенъ и подвергнутъ обсужденію въ палатѣ общинъ три раза. Если онъ пройдетъ въ третьемъ чтеніи, то его передаютъ въ палату лордовъ, которая можетъ его отвергнуть или внести въ него какія нибудь поправки, и тогда онъ снова переходитъ въ палату общинъ. Иной разъ какой нибудь спорный билль нѣсколько разъ путешествуетъ изъ палаты общинъ въ палату лордовъ и обратно. Большею частью, впрочемъ, палата лордовъ идетъ въ такихъ случаяхъ на уступки и принимаетъ билль, который затѣмъ подписывается королемъ и получаетъ силу закона.

Зала палаты общинъ или „дома“ (House), какъ его называютъ англичане, вовсе не велика и не производитъ особенно внушительнаго впечатлѣнія. Посрединѣ ея находится большой проходъ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены скамьи депутатовъ, поднимающіяся амфитеатромъ, а въ концѣ помѣщается кресло спикера подъ балдахиномъ.

Каждый депутатъ, впервые избранный въ парламентъ, прежде всего долженъ хорошенько изучить его обычаи и правила. Это дѣло не легкое, потому что правила эти нигдѣ не записаны, но тѣмъ не менѣе они обязательны для каждаго члена парламента. Строгіе блюстители всякихъ старинныхъ обычаевъ англичане и въ парламентѣ съ благоговѣніемъ относятся къ правиламъ, установленнымъ много вѣковъ назадъ. Такъ напр. въ парламентской жизни и обычаяхъ важную роль играетъ шляпа, какъ это ни кажется странно на первый взглядъ. И надо правду сказать, что шляпа вноситъ не мало оживленія въ парламентскія засѣданія. Депутаты, согласно обычаю, имѣющему силу закона въ Англіи, должны сидѣть въ шляпахъ во время засѣданія. Но вставая, чтобы произнести рѣчь, депутатъ долженъ снять шляпу и положить ее на сидѣніе. Не разъ случалось, что какой нибудь забывчивый депутатъ, окончивъ говорить, садился на свою шляпу, и это, само по себѣ ничтожное обстоятельство, уничтожало порою все впечатлѣніе, произведенное его рѣчью.

Депутаты должны снимать шляпу не только тогда, когда говорятъ рѣчь, но и тогда, когда они выходятъ изъ залы или проходятъ по ней. Случается, что какой нибудь новичекъ депутатъ, еще не освоившійся съ парламентскою жизнью, нечаянно нарушитъ этотъ обычай и пройдетъ въ шляпѣ по залѣ, тогда вся палата немедленно призываетъ его къ порядку. Когда пренія заканчиваются и приступаютъ къ голосованію, а между тѣмъ кто нибудь изъ депутатовъ желаетъ предложить формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, онъ долженъ обратиться къ спикеру, сидя и со шляпой на головѣ. Если онъ забудетъ объ этомъ и встанетъ, то немедленно раздадутся негодующіе возгласы, которые напомнятъ ему, что онъ нарушаетъ парламентскій обычай.

Тотчасъ по окончаніи преній раздается электрическій звонокъ, сзывающій всѣхъ депутатовъ въ залу для голосованія. Звонъ этотъ раздается одновременно во всѣхъ покояхъ Уэстминстерскаго дворца, на террасахъ и въ помѣщеніи клуба св. Стефана, соединеннаго съ дворцомъ подземнымъ ходомъ; звонъ продолжается двѣ минуты, и время измѣряется песочными часами. Когда всѣ дѣла, постановленныя на очередь, покончены, одинъ изъ министровъ вноситъ предложеніе о закрытіи засѣданія. Пока это не сказано, спикеръ не можетъ оставить своего мѣста. То же самое правило соблюдается и въ палатѣ лордовъ. Случилось однажды, что министръ забылъ произнести обычную фразу и вышелъ изъ палаты вмѣстѣ съ прочими. Но лордъ-канцлеръ не послѣдовалъ за ними, а остался сидѣть на своемъ шерстяномъ мѣшкѣ, одинъ, въ пустой залѣ, пока наконецъ въ залу не вошелъ сторожъ, который, увидѣвъ сидящаго неподвижно лорда-канцлера, тотчасъ же со-

Сцена на улицѣ близъ Лондонской башни.

образилъ въ чемъ дѣло и отправился разыскивать кого нибудь изъ пэровъ. Найдя одного изъ нихъ, онъ привелъ его обратно въ залу только для того, чтобы онъ произнесъ фразу, освобождающую лорда-канцлера отъ его сидѣнія въ пустой залѣ.

Депутаты не должны называть другъ друга по имени и не иначе обращаются одинъ къ другому, какъ со словами: „Достопочтенный членъ такого-то округа". Всякій членъ парламента, какъ только онъ переступилъ порогъ залы засѣданія, какъ бы теряетъ всѣ свои личныя свойства и является только представителемъ извѣстнаго избирательнаго округа. Вообще въ парламентѣ не принято ни называть по имени, ни произносить титулы. Только одинъ спикеръ имѣетъ право назвать депутата по имени и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ хочетъ выразить порицаніе его поведенію. Произнесеніе имени звучитъ такъ странно и непривычно въ стѣнахъ парламента, что всегда производитъ сильное впечатлѣніе, болѣе сильное, чѣмъ самое строгое внушеніе. Бываетъ, что депутаты, возмущенные выходкой одного изъ товарищей, сами требуютъ, чтобы спикеръ назвалъ его по имени. Къ спикеру никто также не долженъ обращаться иначе, какъ со словами: „Мистеръ спикеръ", каковъ бы ни былъ его титулъ за стѣнами парламента.

Шотландскій костюмъ (солдатъ хайлендеръ).

Депутаты не получаютъ жалованья и должны работать безвозмездно, затрачивая массу времени на парламентскія занятія, поэтому большинство ихъ принадлежитъ обыкновенно къ зажиточному классу. О депутатахъ, напр. отъ рабочихъ, которые зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба своимъ трудомъ, заботятся избиратели. Они составляютъ фондъ, изъ котораго и выплачиваютъ жалованье такимъ депутатамъ. Быть членомъ палаты общинъ считается въ Англіи очень почетныхъ, поэтому многіе очень богатые люди, занимающіе видное положеніе въ обществѣ, добиваются этой чести, и если это имъ удается, то на своей визитной карточкѣ они непремѣнно ставятъ, рядомъ съ фамиліей двѣ буквы: „M. P". (Member of parliament), что означаетъ; „членъ парламента".

До XIX столѣтія въ Англіи вся власть была сосредоточена въ рукахъ имущихъ классовъ, остальная же часть народонаселенія, вслѣдствіе высокаго избирательнаго ценза, почти не пользовалась никакими политическими правами. Число гражданъ, имѣющихъ право выбирать депутатовъ, т. е. имѣющихъ право голоса, было очень невелико, и притомъ очень многіе, имѣющіе это право, находились подъ давленіемъ богатыхъ и вліятельныхъ гражданъ и выбирали тѣхъ, кого они указывали. Но народъ упорно добивался парла-

ментской реформы. Сначала права низшихъ классовъ были расширены въ мѣстномъ управленіи, а затѣмъ и въ центральномъ управленіи государствомъ. Развитіе промышленности способствовало переселенію сельскихъ жителей въ города и сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ промышленниковъ и торговцевъ. Образовалась громадная армія фабрично-заводскихъ рабочихъ, наполнившая города, сдѣлавшіеся крупными промышленными центрами. Но эти центры не имѣли достаточнаго представительства въ парламентѣ, тогда какъ маленькіе выборные округа, съ очень небольшимъ населеніемъ, всецѣло зависящимъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, были представлены несоотвѣтственно большимъ количествомъ депутатовъ. Такое несоотвѣтствіе имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что парламентъ являлся представителемъ, главнымъ образомъ, интересовъ только высшихъ зажиточныхъ классовъ населенія. Мелкіе выборные округа, извѣстные въ Англіи подъ именемъ „гнилыхъ мѣстечекъ", посылали въ парламентъ депутатовъ, угодныхъ правительству и лордамъ. Въ 1830 г. лордъ Россель внесъ въ парламентъ проэктъ парламентской реформы, которая должна была упразднить „гнилыя мѣстечки" и расширить права промышленныхъ городовъ. Какъ и слѣдовало ожидать, реформа была отвергнута парламентскимъ большинствомъ. Это обстоятельство вызвало столь сильное раздраженіе въ народѣ, что напуганное правительство рѣшилось на отмѣну нѣкоторыхъ наиболѣе тягостныхъ налоговъ, для того только чтобы успокоить умы. Лорды и епископы подвергались нападеніямъ и оскорбленіямъ, когда отправлялись въ парламентъ. Процессія въ 60.000 человѣкъ направилась къ дворцу, чтобы вручить петицію на имя короля, выражавшую категорическое требованіе изгнанія всѣхъ лицъ, противодѣйствовавшихъ парламентской реформѣ. Въ провинціи произошли даже серьезные безпорядки, и на многолюдныхъ митингахъ была принята резолюція о прекращеніи уплаты налоговъ, если реформа не будетъ принята. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже жгли общественныя зданія и выпустили изъ тюрьмы преступниковъ. Но самою непріятной демонстраціей для правительства было массовое требованіе вкладовъ изъ банковъ и размѣнъ банковыхъ билетовъ на золото, такъ какъ это отзывалось на кредитѣ страны и грозило вызвать остановку въ развитіи промышленности и торговли. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія правительство вынуждено было уступить, и билль о парламентской реформѣ былъ принятъ въ 1832 г.

Благодаря ему число избирателей увеличилось на полъ-милліона. Слѣдующія затѣмъ парламентскія реформы 1867 и 1885 гг. явились дальнѣйшими шагами по пути водворенія демократическаго строя.

Однако, первый парламентъ, созванный по новому избирательному закону 1832 г., рѣзко выступилъ противъ требованій рабочаго класса и своими мѣропріятіями постарался укрѣпить господство мелкой и крупной буржуазіи промышленныхъ городовъ надъ мѣстнымъ пролетаріатомъ. Это породило усиленную агитацію всѣхъ недовольныхъ избирательнымъ закономъ и вылилось въ грандіозное народное движеніе, извѣстное подъ именемъ „чартизма". Движеніе вербовало сторонниковъ преимущественно среди рабочихъ классовъ, въ крупныхъ промышленныхъ городахъ, и приняло подъ конецъ характеръ открытаго возстанія. Офиціальная программа чартистовъ выразилась въ слѣдующихъ шести пунктахъ такъ называемой „Народной Хартіи": 1) избирательное право для всѣхъ взрослыхъ мужчинъ; 2) тайная подача голосовъ; 3) сокращеніе до одного года срока полномочія парламента; 4) жалованье депутатамъ; 5) отмѣна имущественнаго ценза для членовъ парламента и 6) раздѣленіе страны на равномѣрные избирательные округа.

Чартистское движеніе было подавлено очень энергичными мѣропріятіями правительства, но реформа парламента въ демократическомъ духѣ, хотя медленно, но все же подвигалась впередъ. Въ 1858 г. былъ отмѣненъ имущественный цензъ для членовъ парламента, а въ 1872 г. введена тайная подача голосовъ для обезпеченія полной незави-

мости избирателей. Реформа 1885 г., распространившая избирательное право на рабочіе и низшіе слои населенія, увеличила число избирателей до семи и болѣе милліоновъ.

Въ настоящее время избирательное право распространяется на каждаго гражданина Великобританіи, достигшаго 21 года и занимающаго квартиру извѣстной стоимости, установленной закономъ, или владѣющаго недвижимою собственностью или арендующаго ее. Иностранцы, пэры, правительственные чиновники и люди, живущіе на счетъ общественной благотворительности, лишены избирательныхъ правъ. Также лишены ихъ лица, не имѣющія гражданскихъ правъ, т. е. преступники и бродяги. Фактически избирательное право въ Англіи все еще, слѣдовательно, обусловлено извѣстнымъ цензомъ, хотя онъ и очень не великъ. Въ Шотландіи и Ирландіи избирательный цензъ ниже, чѣмъ въ Англіи.

Дальнѣйшія реформы избирательнаго права, предлагаемыя въ настоящее время, сводятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: 1) установленіе основнаго принципа, что каждое лицо должно имѣть лишь одинъ голосъ (соотвѣтствующій законопроектъ, внесенный въ 1907 г., былъ отвергнутъ палатою лордовъ); 2) равномѣрность избирательныхъ округовъ по числу избирателей; 3) уничтоженіе всякаго выборнаго ценза и 4) распространеніе избирательнаго права на женщинъ.

Каждое лицо, выставляющее свою кандидатуру въ парламентъ, обязано, передъ выборами, сдѣлать своимъ избирателямъ рядъ опредѣленныхъ обѣщаній, а затѣмъ, ежегодно, на публичномъ митингѣ, представить имъ отчетъ о своей дѣятельности.

Парламентскіе выборы всегда вызываютъ большое оживленіе въ странѣ. Повсюду устраиваются митинги, стѣны украшаются разноцвѣтными плакатами, и на улицахъ постоянно можно видѣть группы людей, горячо обсуждающихъ шансы того или другого кандидата. Въ день выборовъ всѣ избиратели спѣшатъ въ заранѣе назначенныя мѣста, чтобы тамъ на избирательной карточкѣ, на которой напечатаны имена кандидатовъ, поставить крестикъ противъ имени одного изъ нихъ. Но дѣлается это за ширмами, такъ чтобы никто не могъ видѣть. Затѣмъ избиратель опускаетъ эту карточку въ ящикъ. Около избирательной станціи всегда толпится народъ, видимо очень волнующійся. Какъ только какой нибудь избиратель показывается на улицѣ, ведущей къ станціи, изъ толпы раздаются крики: одни выкрикиваютъ имя одного кандидата, котораго желаютъ видѣть избраннымъ, другіе другого. Но избиратель молчитъ и сохраняетъ непроницаемый видъ.

Англичанинъ охотно принимаетъ дѣятельное участіе въ выборахъ, посѣщаетъ митинги и внимательно слѣдитъ за агитаціей въ печати.

Въ настоящее время обѣ большія партіи, либеральная и консервативная, стараются идти на встрѣчу желаніямъ прогрессивныхъ избирателей и удовлетворять требованія рабочихъ классовъ. Съ другой стороны и рабочее движеніе, принявшее обширные размѣры и вызвавшее образованіе рабочей партіи въ парламентѣ, содѣйствуетъ успѣху демократизаціи. Прежде на первое мѣсто выдвигалась борьба за политическія права, за самоуправленіе, за свободу торговли и т. д., теперь она уже переносится на почву чисто экономическаго положенія гражданъ.

Парламентскій строй Англіи выдвинулъ въ послѣднія два столѣтія цѣлый рядъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, напрягавшихъ всѣ усилія на благо общества и государства. Можно смѣло сказать, что величіе Англіи было создано индивидуальною работой ея гражданъ. Почетъ, который оказывается тамъ отдѣльнымъ лицамъ, находится въ большой зависимости отъ той пользы, которую они приносятъ обществу и государству.

Публичныя собранія или митинги имѣютъ огромное значеніе въ жизни англійскаго народа; они происходятъ подъ открытымъ небомъ или въ большихъ помѣщеніяхъ, могущихъ вмѣстить нѣсколько тысячъ человѣкъ и устраиваются для того, чтобы всенародно обсудить какое нибудь важное дѣло, затрогивающее интересы всей страны или только мѣстныхъ жителей, или же чтобы составить петицію королю и парламенту, выразить одо-

браніе или неодобреніе парламенту и министерству, протестъ противъ той или иной политики правительства и т. п. Митинги протеста устраивались также для выраженія своего негодованія на дѣйствія какого нибудь иностраннаго государства. Такъ во время избіенія армянъ въ Турціи въ Англіи устраивались грандіозные митинги протеста. Такіе же митинги устраивались и по поводу турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи, и по поводу еврейскихъ погромовъ, и т. д. Всякій англійскій государственный дѣятель, желающій пріобрѣсти сторонниковъ и распространить свои взгляды въ народѣ, непремѣнно говоритъ на митингахъ. Во время войны съ бурами устраивались необыкновенно многолюдные митинги противъ этой войны. Англичане вообще обладаютъ спокойствіемъ и терпимостью, слушатели, даже если они несогласны съ мнѣніемъ оратора, ведутъ себя прилично и выслушиваютъ его, рѣдко позволяя себѣ какія либо выходки.

Выдающуюся черту англійскаго характера составляетъ далѣе стремленіе къ единенію. Въ Англіи люди легко соединяются для преслѣдованія самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Существуетъ множество союзовъ для самозащиты, для умственнаго и нравственнаго развитія, для развлеченій. Самые большіе союзы въ Англіи—союзы рабочихъ. Благодаря имъ рабочій классъ до извѣстной степени освободился отъ гнета предпринимателей. Въ настоящее время число организованныхъ въ союзы рабочихъ достигаетъ двухъ милліоновъ, а запасный капиталъ союзовъ составляетъ около 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ 1893 г. возникла новая организація, „независимая рабочая партія“, образованная шотландскимъ рабочимъ Киръ Хэрди. Вслѣдствіе агитаціи этой партіи конгрессъ рабочихъ союзовъ въ 1899 г. высказался въ пользу проведенія представителей рабочей партіи въ парламентъ. Въ первый же годъ своего возникновенія рабочая партія насчитывала до 36.000 членовъ, а теперь число ея членовъ доходитъ до милліона. Общее число рабочихъ депутатовъ послѣ выборовъ 1906 года превышаетъ 50, тогда какъ раньше ихъ было меньше двадцати.

Въ Великобританіи, гдѣ существуетъ крупное землевладѣніе, земледѣліе находится въ большомъ упадкѣ, несмотря на плодородіе почвы и благопріятныя климатическія условія. Пространство невоздѣланной земли все увеличивается, и поэтому Великобританія находится теперь всецѣло въ зависимости отъ ввоза съѣстныхъ продуктовъ, необходимыхъ для прокормленія ея населенія. Одною изъ главныхъ причинъ этого упадка земледѣлія является переселеніе крестьянъ въ города, не достигающее ни въ одной странѣ такихъ большихъ размѣровъ, какъ въ Англіи. Это обстоятельство внушаетъ теперь серьезныя опасенія великобританскому правительству. Выработаны законопроекты, имѣющіе цѣлью поощрить распространеніе мелкаго землевладѣнія путемъ соотвѣтствующихъ законовъ, благодаря которымъ предполагается заинтересовать крестьянъ въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ собственниковъ обрабатываемыхъ ими за собственный рискъ участковъ земли.

Сѣверная часть Британіи представляетъ область, отличающуюся отъ всей остальной страны, какъ своею природой, такъ и населеніемъ, его нравами, обычаями, и многими законами. Тамъ лежитъ Шотландія, нѣкогда долго и сильно враждовавшая съ Англіей. Много крови было пролито на границѣ обѣихъ странъ, такъ какъ и шотландцы и англичане постоянно производили другъ на друга набѣги и нападенія. Только въ XVII вѣкѣ они заключили между собой союзъ и постепенно слились въ одинъ народъ. Однако различіе между англичаниномъ и шотландцемъ и теперь еще бросается въ глаза съ перваго взгляда. Шотландцы по своему характеру рѣзко отличаются отъ англичанъ. Шотландцы обладаютъ гораздо большею живостью, словоохотливостью и не имѣютъ того холоднаго, непроницаемаго вида, какъ англичане.

Природа Шотландіи очень живописна. Сѣверная гористая часть болѣе сурова. Всюду цѣпи горъ, прорѣзанныя узкими ущельями, обрывы, глубокія озера и мрачныя неприступныя скалы. Эта часть мало населена, и безмолвіе нарушается здѣсь только шумомъ горныхъ

потоковъ, низвергающихся внизъ, въ глубокія долины, да изрѣдка доносятся плески волны, разбивающейся у подножія прибрежныхъ утесовъ. Восточный берегъ Шотландіи менѣе живописенъ и представляетъ почти ровную линію на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, зато западный очень красивъ и изрѣзанъ глубокими фьордами.

Климатъ Шотландіи довольно суровъ и не благопріятствуетъ земледѣлію, но тѣмъ не менѣе шотландцы достигли въ этомъ отношеніи удовлетворительныхъ результатовъ и получаютъ даже лучшіе урожаи, чѣмъ земледѣльцы благодатной Италіи.

Кромѣ земледѣлія въ Шотландіи также процвѣтаетъ промышленность. Шотландскій городъ Глазго на рѣкѣ Клайдъ отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ и обширностью своего производства. Въ этомъ городѣ и кругомъ въ низменности сосредоточивается болѣе четвертой части всего населенія Шотландіи. Глазго старый городъ и существуетъ почти 1300 лѣтъ, но лишь съ прошлаго столѣтія онъ сталъ важнымъ промышленнымъ центромъ, послѣ того какъ былъ углубленъ форватеръ рѣки, и въ Глазго стали заходить корабли, приходящіе сюда изъ всѣхъ частей свѣта. Своимъ благоустройствомъ Глазго не уступаетъ Лондону, но имѣетъ болѣе мрачный видъ, вслѣдствіе того, что воздухъ его слишкомъ пропитанъ копотью и сажей, извергаемыхъ фабричными трубами, и на его улицахъ поэтому въ сырую погоду образуется черная, клейкая грязь, въ которой увязаютъ ноги прохожихъ. Окрестности города впрочемъ красивы, да и самый городъ становится красивѣе, чѣмъ дальше отъ центра. Особенно хорошъ университетъ на холмѣ, сооруженіе котораго обошлось въ полъ-милліона фунтовъ стерлинговъ. Вообще надо сказать, что шотландцы, несмотря на свою разсчетливость и бережливость, совершенно не жалѣютъ денегъ на просвѣщеніе и зачастую готовы истратить послѣдніе гроши на сооруженіе красиваго зданія для школы. Эта любовь къ просвѣщенію проявляется тамъ и среди университетскихъ студентовъ, которые занимаются въ общемъ гораздо лучше и съ большимъ рвеніемъ, нежели студенты Оксфорда и Кэмбриджа, да и самое обученіе въ шотландскихъ университетахъ поставлено серьезнѣе. Въ домахъ же шотландскихъ рабочихъ и крестьянъ почти всегда можно найти хотя небольшую, но избранную библіотеку, которой, пожалуй, могли бы гордиться англичане средняго круга. Такъ какъ въ шотландскихъ университетахъ ученіе отнимаетъ много времени, то студентамъ некогда предаваться разнымъ упражненіямъ въ силѣ и ловкости, какъ это дѣлаютъ студенты Оксфорда и Кэмбриджа.

Любопытную черту шотландцевъ составляетъ ихъ склонность къ романтизму, къ сверхъестественному, столь не гармонирующая съ ихъ практичностью, веселостью и здравымъ смысломъ. Они крайне религіозны. Ни въ одной странѣ воскресенье—день отдыха, не соблюдается съ такою строгостью, какъ въ Шотландіи. Даже на желѣзныхъ дорогахъ въ этотъ день прекращается движеніе.

Все населеніе Шотландіи еще не такъ давно раздѣлялось на роды (кланы). Нѣкоторые изъ этихъ родовъ были очень многочисленны, такъ какъ заключали въ себѣ больше десяти тысячъ человѣкъ. Каждый родъ жилъ особнякомъ отъ другихъ, и члены его вмѣстѣ составляли одну или нѣсколько деревень. Современемъ старшіе въ родѣ стали полновластными хозяевами и заставили удалиться младшихъ членовъ, поэтому то въ рукахъ шотландскихъ землевладѣльцевъ и сосредоточились огромныя пространства земли. Теперь впрочемъ и въ Шотландіи, такъ же какъ въ Англіи, доходы лэндлордовъ уменьшились, за-то улучшилось положеніе крестьянъ, благодаря тому, что среди нихъ образовались земледѣльческіе союзы, защищающіе ихъ интересы.

Столица Шотландіи Эдинбургъ—одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ. Онъ лежитъ у устья рѣки Форсъ, на восточномъ берегу Шотландіи и совершенно чуждъ промышленному духу, который характеризуетъ Глазго. Когда то Эдинбургъ былъ столицей шотландскаго королевства, и мэръ этого города до сихъ поръ хранитъ въ своемъ замкѣ коронныя дра-

гоцѣнности, а одинъ изъ домовъ города все еще называется по-прежнему „парламентомъ“, хотя шотландскаго парламента давно уже не существуетъ. Впрочемъ въ Эдинбургѣ сохраняется много подобныхъ историческихъ памятниковъ давно минувшихъ временъ.

Недалеко отъ Эдинбурга находятся довольно значительныя каменноугольныя залежи, распространяющіяся подъ водама Форскаго залива, гдѣ и устроены копи, приближающіяся къ копямъ сосѣдняго берега. Въ концѣ XVIII вѣка здѣсь была устроена на водѣ, на разстояніи 800 метровъ отъ берега круглая плотина, въ видѣ колодца, который сообщался съ шахтой. Оттуда уголь поднимался наверхъ, и суда могли грузиться непосредственно изъ глубины земли. Этотъ колодецъ существовалъ много времени, но однажды морской приливъ, достигнувъ небывалой высоты, поднялся выше краевъ колодца, вода хлынула туда и затопила копь вмѣстѣ съ рабочими, съ тѣхъ поръ уголь больше тамъ не добывается.

Внутренность хижины мелкаго шотландскаго арендатора.

Жители сѣверной Шотландіи, слабо населенной, такъ какъ почти вся ея поверхность покрыта горами, занимаются главнымъ образомъ скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей.

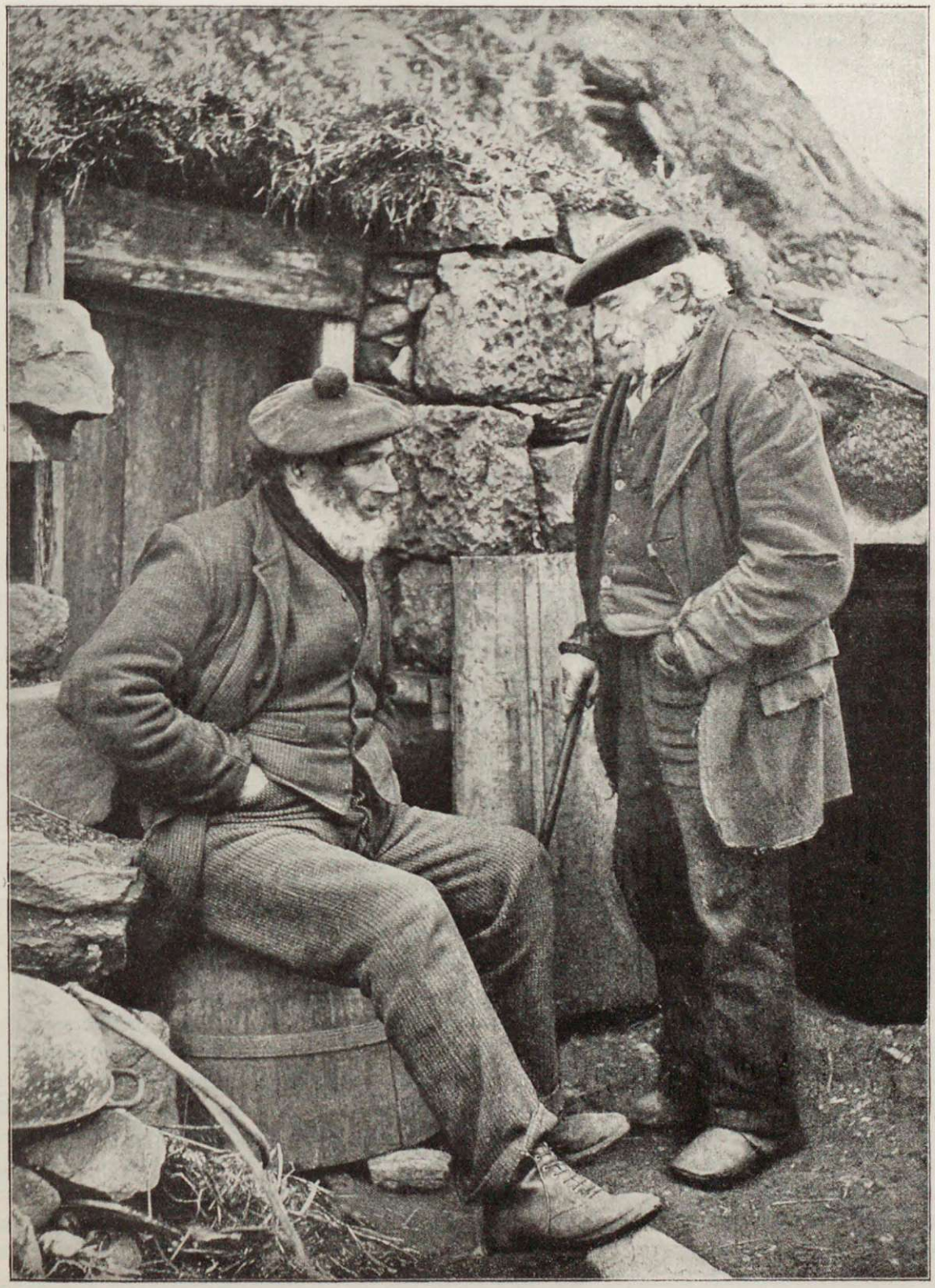
Берега Шотландіи окружены множествомъ острововъ, и среди нихъ много необитаемыхъ. Жители этихъ маленькихъ скалистыхъ острововъ, разбросанныхъ среди моря, занимаются почти исключительно рыболовствомъ и лишь очень мало земледѣліемъ, жизнь этихъ островитянъ течетъ тихо и безмятежно, потребности ихъ невелики. Между собою они живутъ дружно, но имъ приходится вести постоянную борьбу съ природой, съ моремъ, которое хотя и доставляетъ имъ средства къ существованію, однако часто отнимаетъ у нихъ послѣднее достояніе и жизнь. Когда же наступаютъ парламентскіе выборы, то и эти островитяне-рыбаки бросаютъ свои сѣти, а женщины свое вязаніе, и спѣшатъ въ назначенное мѣсто, гдѣ нибудь на берегу моря, чтобы послушать рѣчь того, кто желаетъ

быть ихъ представителемъ въ парламентѣ. Шумъ волнъ не мѣшаетъ имъ слушать оратора, потому что они привыкли къ морскому прибою, только самъ ораторъ, не столь привычный къ этому, зачастую не слышитъ собственнаго голоса. Впрочемъ другого мѣста, кромѣ морского берега, для собраній нѣтъ. Острова очень невелики, да и зданій, подходящихъ для этого, нѣтъ,—только однѣ рыбачьи хижины. Но парламентскому кандидату приходится еще объѣзжать всѣ острова, числомъ около шестидесяти, а это дѣло нелегкое, въ виду того, что море въ этихъ мѣстахъ всегда неспокойно, а острова окружены скалами.

Всего ближе къ берегамъ Шотландіи лежатъ Оркнейскіе острова, зеленые луга которыхъ служатъ хорошими пастбищами для скота. Продолженіемъ этихъ острововъ являются Шетландскіе острова, принадлежащіе всѣ одному владѣльцу. Изъ ста острововъ обитаемы только тридцать, остальные же представляютъ большею частью только угрюмыя скалы, поднимающіяся со дна моря, да груды камней и площадки, чуть покрытыя зеленой травой. Древесной растительности на этомъ архипелагѣ почти не встрѣчается; есть только одно дерево около трехъ метровъ высоты, на которое приходятъ смотрѣть издалека. Одинъ изъ острововъ особенно неприступенъ, и въ бурную погоду сообщеніе между нимъ и другими островами совершенно прекращается. Если это продолжается долго, и на островѣ истощаются съѣстные припасы, то жителямъ грозитъ опасность погибнуть отъ голода, потому что доступъ къ нимъ невозможенъ.

Большая группа Гебридскихъ острововъ отдѣляется отъ Шотландіи узкимъ проливомъ. Всѣ острова пустынны и безлѣсны. Островъ Сентъ-Кильда, доступный только въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, все же обитаемъ. Около 70 человѣкъ живутъ на этомъ островѣ, промышляя ловлей птицъ. Они съ трудомъ поддерживаютъ свое существованіе, но, несмотря на всѣ лишенія, привыкли къ уединенному образу жизни и безъ крайней необходимости не покидаютъ своего родного гнѣзда. Самый знаменитый изъ Гебридскихъ острововъ это—о въ Стаффа, гдѣ находится одно изъ чудесъ міра—Фингалова пещера. Безчисленное множество черныхъ базальтовыхъ столбовъ рядами, точно стѣны, поднимаются къ небу, между тѣмъ какъ вода отливаетъ разноцвѣтными красками, а черезъ отверстіе пещеры открывается видъ на океанъ. Базальтовый сводъ, образующій входъ въ пещеру, напоминаетъ входъ въ храмъ. Водяной проходъ, постепенно суживаясь, оканчивается въ разстояніи 86 м. отъ входа. Когда море спокойно, то можно проникнуть довольно далеко вглубь пещеры по краю базальтовыхъ колоннъ. Волны, разбиваясь у подножья этихъ колонъ, наполняютъ пещеру шумомъ и свистомъ и образуютъ пѣнистый водоворотъ. Даже въ тихую погоду пещера бываетъ наполнена какими-то мелодичными звуками, и поэтому ее въ древности называли „музыкальнымъ логовищемъ“. А въ грозу и бурю тамъ раздаются какъ будто пушечные выстрѣлы, которые слышны на нѣсколько миль въ окружности. По преданію пещера эта была выстроена великанами для Фингала—героя, воспѣтаго древнимъ шотландскимъ бардомъ Оссіаномъ.

Почти посрединѣ Ирландскаго моря, отдѣляющаго оба главныхъ острова, Великобританію и Ирландію, но нѣсколько ближе къ Шотландіи, лежитъ большой островъ Мэнъ, который представляетъ въ своемъ родѣ нѣчто въ родѣ самостоятельнаго государства, такъ какъ имѣетъ собственныя судебныя установленія и даже собственную палату депутатовъ. Населеніе Мэна говоритъ на кельтскомъ, такъ называемомъ „манкскомъ“ нарѣчіи.

Старики съ о. Скай.

Ирландія.

Ирландія.—Природа и климатъ.—Судьба Ирландіи.—Ожесточенная борьба.—Феніи.—Бойкотъ и обструкція.—Гомруль.—Земельная реформа.—Суевѣрія.—Нищета.—Главныя черты характера ирландскаго народа.—Ирландскіе города.

Островъ Ирландія, входящій въ составъ Соединеннаго Королевства, является и въ географическомъ отношеніи какъ бы дополненіемъ Великобританіи. По мнѣнію ученыхъ оба острова составляли въ отдаленныя времена одно цѣлое и даже, отдѣлившись другъ отъ друга, они не утратили своихъ родственныхъ чертъ. Но Ирландія меньше Великобританіи и отличается еще болѣе влажнымъ климатомъ. Нигдѣ въ Европѣ не выпадаетъ столько дождей, какъ въ Ирландіи, и поэтому хлѣба тамъ поспѣваютъ очень поздно, такъ что пшеницу напр. жнутъ въ сентябрѣ или даже въ октябрѣ, овесъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, зато поля, луга, лѣса зеленѣютъ круглый годъ, и поэтому Ирландію прозвали „Изумрудомъ морей“.

Середину Ирландіи занимаетъ равнинная мѣстность, покрытая озерами и труднопроходимыми торфяными болотами. Берега окружены скалами и горными кряжами и, вообще, очень живописны. Во многихъ мѣстахъ ущелья открываются прямо въ море, волны котораго съ шумомъ вкатываются въ нихъ. Въ сѣверо-восточной Ирландіи находится замѣчательная природная плотина, идущая вдоль берега и состоящая изъ 40.000 базальтовыхъ колоннъ, безпрерывно омываемыхъ моремъ. Это такъ называемая „Плотина гигантовъ“. Согласно легендѣ, тутъ нѣкогда была дорога, соединявшая Ирландію съ Шотландіей. И въ самомъ дѣлѣ, разстояніе между ними въ этомъ мѣстѣ невелико, около 22-хъ километровъ, и возможно, что въ древности оба берега были соединены самой природой, а теперь возникаетъ планъ соединить ихъ подземною желѣзною дорогой.

Ирландія особенно богата озерами, которыя въ низменныхъ мѣстахъ заростаютъ болотными растеніями, такъ что края ихъ составляетъ губчатая масса торфяниковъ. Въ „окна“ этихъ болотъ легко провалиться, такъ какъ издали они совершенно скрываются окружающею ихъ болотною растительностью. Вообще нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такихъ обширныхъ торфяниковъ, какъ въ Ирландіи. Жители добываютъ изъ нихъ сухой торфъ, который служитъ топливомъ. Нѣкогда страна была покрыта густыми лѣсами, но теперь о нихъ сохранилось лишь одно воспоминаніе, да тѣ остатки, которые порою находятъ въ торфянникахъ. Жители нѣкоторыхъ мѣстностей Ирландіи, какъ увѣряютъ, даже не запомнятъ высокихъ деревьевъ и не представляютъ себѣ ихъ иначе, какъ въ видѣ высокой травы.

Ни растительный, ни животный міръ Ирландіи не отличаются разнообразіемъ и, несмотря на роскошную зелень, на прелестные озера и ручьи, вся природа этого острова носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то меланхоліи, словно и она груститъ о судьбѣ ир-

ландцевъ. Дѣйствительно эта судьба незавидна. Несмотря на вѣковую борьбу, ирландцы не могли свергнуть англійскаго владычества, и все еще продолжаютъ добиваться, въ той или иной формѣ, національной самостоятельности. Различіе происхожденія, религіи, нравовъ, только способствовало разъединенію обоихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что и отношенія между ними были основаны не на взаимномъ равенствѣ, а на правѣ сильнаго, и поэтому между ирландцами и англичанами укоренилась такая же вражда, какая всегда существуетъ между побѣдителями и побѣжденными.

Древніе обитатели Ирландіи принадлежали къ племени кельтовъ [1]). Эти кельты, гойделы или гэлы, гаэлы появились въ Британскомъ архипелагѣ не позже какъ за 1000 л. до Р. Х. и въ видѣ трехъ группъ—ировъ, гэловъ собственно или скоттовъ и предковъ обитателей острова Мэна составили древнѣйшее исторически извѣстное населеніе архипелага. Около 350 г. до Р. Хр. къ нимъ присоединились бриты, а еще позже произошло послѣднее вторженіе небольшой кучки кельтовъ съ материка. Такимъ образомъ иры и скотты являются первыми кельтическими обитателями Ирландіи. Вначалѣ ирландцы даже оказали вліяніе на развитіе англичанъ, такъ какъ они дальше ихъ ушли по пути цивилизаціи и прогресса. Св. Патрикъ, покровитель Ирландіи, проповѣдывавшей въ V вѣкѣ ирландцамъ христіанскую религію, основалъ много школъ и монастырей въ Ирландіи, и въ этихъ монастыряхъ, благодаря спокойствію и отсутствію внутреннихъ раздоровъ, начала развиваться ученость. Оттуда выходили проповѣдники, которые отправлялись въ Англію и на материкъ. Вторженіе же англичанъ въ Ирландію сыграло роль вторженія варваровъ. Ирландцы не только утратили свою свободу, но и сильно одичали вслѣдствіе постоянныхъ жестокихъ войнъ, вызвавшихъ даже полное запустѣніе нѣкоторыхъ мѣстностей. Заглохла наука, литература, огрубѣли нравы, и ирландцы навсегда лишились своего значенія въ Европѣ. Не имѣя силъ противиться вторженію иноземцевъ, народъ мстилъ имъ при случаѣ жестокими избіеніями. Въ XII вѣкѣ англійскій король Генрихъ II окончательно завладѣлъ островомъ. Конечно завоеватели постарались укрѣпиться въ покоренной области, изгнали прежнихъ владѣльцевъ и туземныхъ вождей и ввели англійскіе законы и англійскую систему управленія, т. е. учредили въ Ирландіи парламентъ и назначили намѣстника. Оставшаяся непокоренной часть Ирландіи извѣстна была подъ именемъ „Дикой Ирландіи“ и туда совершались набѣги, что разумѣется не могло способствовать успокоенію страны. Англійскіе бароны, изгнавшіе прежнихъ владѣльцевъ и водворившіеся на ихъ мѣстахъ, возбудили къ себѣ страшную ненависть ирландцевъ своимъ высокомѣріемъ и произволомъ. Англійскія власти дѣйствовали въ такомъ же духѣ и своими мѣропріятіями только разжигали народную вражду. Вообще завоеватели англичане вовсе не заботились о томъ, чтобы примирить ирландцевъ со своею властью и только помышляли о своей выгодѣ. Неудивительно, что ирландцы пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отмстить своимъ властителямъ и мечтали только о томъ, чтобы прогнать англичанъ и вернуть независимость Ирландіи. Вспыхивавшія возстанія подавлялись съ ужасною жестокостью, и это только увеличивало взаимную ненависть, такъ какъ ирландцы всегда мстили, какъ только представлялась возможность. При королевѣ Елизаветѣ уже вся Ирландія была подчинена Англіи, хотя возстанія, приводившія къ разгрому той или другой мѣстности Ирландіи, не прекращались. Каждый разъ послѣ такого разгрома и гибели коренного населенія Ирландіи у ирландцевъ отнимались ихъ владѣнія и раздавались въ награду солдатамъ и англійскимъ колонистамъ. Взаимная ненависть побѣжденныхъ и побѣдителей усиливалась еще религіозною враждой: англичане—протестанты, ирландцы—католики. Съ бунтовщиками ирландцами расправлялись безъ всякой пощады, и у англи-

[1]) Названіе Ирландіи Эринъ представляетъ родительный падежъ кельтскаго слова Эріу, означающаго по всей вѣроятности „жирная, плодородная земля“. У древнихъ географовъ островъ назывался Иверія.

чанъ даже существовала поговорка, что „убить ирландца не есть преступленіе“. Несчастнымъ ирландцамъ ничего больше не оставалось, какъ бѣжать изъ своей родины, и они, дѣйствительно, покидали ее и тысячами переселялись въ другія мѣста.

Завоеватели-англичане измѣнили въ Ирландіи характеръ землевладѣнія. Прежде земля тамъ составляла общее достояніе и принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, а цѣлому племени. Англійскіе короли, считая себя въ правѣ распоряжаться завоеванной страной, раздавали земли, принадлежавшія ирландской общинѣ, своимъ приверженцамъ и любимцамъ, предоставляя имъ право передавать ее по наслѣдству. Такъ образовался въ Ирландіи классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Лишившись собственной земли, ирландцы вынуждены были арендовать ее у лэндлордовъ, назначавшихъ зачастую очень высокую цѣну за аренду, такъ что ирландскіе фермеры едва въ состояніи были заработать столько, чтобы не умереть съ голоду. Лэндлордъ имѣлъ право выселить фермера за невзносъ въ срокъ арендной платы, и тогда семья фермера лишалась не только куска хлѣба, но и крова. Не увѣренный въ томъ, что трудъ его можетъ когда либо вознаградиться, фермеръ не хотѣлъ, да и не могъ заботиться о тщательной обработкѣ земли и затрачивать на это деньги. Онъ жилъ изо дня въ день, думая только о томъ, чтобы уплатить въ срокъ аренду и сохранить для своей семьи убогую хижину, въ которой она жила. Фермеры жили впроголодь, скота у нихъ не было, и нечѣмъ было удобрять землю. Во многихъ мѣстахъ хлѣбъ пересталъ родиться, его замѣнилъ картофель, который сдѣлался мало-по-малу главнымъ предметомъ питанія ирландцевъ. Бѣдность усиливалась въ особенности въ неурожайные годы, когда фермеровъ массами выселяли изъ ихъ жилищъ. Сюда присоединились еще религіозныя преслѣдованія: за перемѣну религіи даже выдавалась премія. Профессія доносчиковъ или „гонителей католическихъ священниковъ“ считалась очень почетной среди англичанъ. Ирландцы въ большинствѣ случаевъ горой стояли за своихъ священниковъ, да и сами священники зачастую становились во главѣ бунтовщиковъ и руководили возстаніями противъ англичанъ. Такое положеніе вещей, само собою разумѣется, привело къ образованію всевозможныхъ тайныхъ союзовъ и обществъ, сыгравшихъ такую большую роль въ исторіи Ирландіи. Эти тайные союзы боролись съ произволомъ англійскихъ властей, мстили за выселенія фермеровъ покушеніями на жизнь лэндлордовъ и порчей ихъ скота, но, конечно, они не могли измѣнить положенія вещей въ Ирландіи. Напуганные лэндлорды не стали

Типъ ирландской красоты.

Старая ирландка за прядильнымъ станкомъ.

жить въ своихъ ирландскихъ помѣстьяхъ, а вмѣсто себя посылали довѣренныхъ, которые могли дѣлать въ имѣніи, что хотѣли, выплачивая лишь извѣстную сумму владѣльцу. Эти люди не церемонились и въ союзѣ съ полиціей производили настоящія облавы на ирландцевъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ какомъ нибудь тайномъ союзѣ. Смуты, убійства, пожары и казни не прекращались въ Ирландіи. Серьезное возстаніе вспыхнуло въ Ирландіи тогда, когда началась война между Англіей и ея сѣвероамериканскими колоніями. Военныя неудачи вынудили англійское правительство къ нѣкоторымъ уступкамъ ирландскому народу и смягченію законовъ противъ католиковъ. Но ирландцы отлично сознавали, что это сдѣлано было только въ силу необходимости.

Положеніе ирландскихъ фермеровъ медленно измѣнялось къ лучшему. Нищета въ Ирландіи и теперь еще такъ велика, что путешественнику постоянно приходится натыкаться на землянки, наполненныя торфянымъ дымомъ, которыя едва можно назвать человѣческимъ жилищемъ, а между тѣмъ въ нихъ живутъ семьи въ 10—12 человѣкъ. Не имѣя никакихъ законныхъ средствъ для защиты отъ несправедливости, ирландцы продолжали искать ее у тайныхъ обществъ и поэтому, несмотря ни на какіе исключительные законы и мѣропріятія правительства, аграрныя преступленія учащались. Среди множества ирландскихъ тайныхъ союзовъ особенно прославились феніи, республиканскій союзъ, организованный живущими въ Америкѣ ирландцами. Феніями назывались солдаты древняго ирландскаго войска, и потому это названіе было по сердцу ирландскому народу. Англійскимъ властямъ пришлось вынести очень серьезную борьбу съ феніями, благодаря которымъ разрасталось ирландское движеніе. Казни не устрашали ирландцевъ. Казненныхъ прославляли какъ мучениковъ за святое дѣло освобожденія родины, и число феніевъ все увеличивалось, такъ какъ къ нимъ стали примыкать люди, осуждавшіе раньше ихъ образъ дѣйствій.

Однако и англичане, наконецъ, поняли, что однѣми суровыми мѣрами нельзя добиться успокоенія народа. Пришлось призадуматься надъ участью покоренной Ирландіи, и многіе изъ лучшихъ людей Англіи заговорили о необходимости перемѣнъ въ ея управленіи и землевладѣніи. Къ такимъ людямъ принадлежалъ Гладстонъ, бывшій англійскимъ первымъ министромъ. Первая мѣра, которую онъ провелъ въ Ирландіи, заключала въ себѣ отмѣну господствующаго положенія протестантской церкви въ Ирландіи—странѣ съ католическимъ населеніемъ. Это избавляло ирландскихъ крестьянъ отъ необходимости платить повинности протестантскому духовенству, но не измѣняло положенія фермеровъ. Поэтому Гладстонъ внесъ въ палату другой законопроектъ, по которому никто не имѣлъ права выселить фермера, не уплативъ ему издержки, сдѣланныя имъ на улучшеніе земли. Но такія полумѣры конечно не могли удовлетворить изстрадавшійся народъ, тѣмъ болѣе, что этотъ законъ не ограничивалъ права лэндлордовъ безмѣрно повышать арендную плату. Ирландцы требовали уничтоженія крупнаго землевладѣнія, полной національной независимости и самоуправленія, т. е. мѣстнаго правительства съ ирландскимъ парламентомъ во главѣ. Партія, требовавшая этого, называлась партіей гомруля; феніи же, какъ республиканцы, продолжали настаивать на учрежденіи ирландской республики.

Партія гомруля думала, что ей удастся добиться ирландской реформы парламентскимъ путемъ. Но она не пользовалась въ парламентѣ никакимъ вліяніемъ, пока во главѣ ея не всталъ ирландскій депутатъ Парнель, впослѣдствіи названный „некоронованнымъ королемъ Ирландіи“, такъ какъ вліяніе его въ странѣ было необъятно велико.

Парнель, вступивъ въ англійскій парламентъ, до тонкости изучилъ всѣ его правила и рѣшилъ всѣми способами тормозить его работу, чтобы заставить его уступить желаніямъ ирландцевъ. Его борьба съ парламентомъ представляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ страницъ англійской исторіи. Онъ примѣнилъ въ широкихъ размѣрахъ обструкцію или умышленное затягиваніе преній и голосованія. Одновременно съ этимъ въ Ирландіи, согласно инструкціямъ Парнеля, началъ практиковаться бойкотъ. Эта мѣра была названа такъ потому, что она впервые была примѣнена къ англійскому капитану Бойкоту.

Въ Англіи Парнель нашелъ поддержку у Гладстона, но гомруля страна не получила до сихъ поръ, хотя биль объ ирландскомъ самоуправленіи, внесенный Гладстономъ, прошелъ въ палатѣ большинствомъ 32 голосовъ. Но для того, чтобы онъ сталъ закономъ, нужно, чтобы его также приняла и верхняя палата, т. е. палата лордовъ. Конечно, трудно было ожидать, чтобы англійскіе лорды, богатые землевладѣльцы по преимуществу, приняли бы законъ, расширяющій права ирландскаго народа. Опираясь на то, что дарованіе самоуправленія Ирландіи повело бы къ ея отложенію, лорды отклонили биль. Однако, когда праздновалась шестидесятилѣтняя годовщина царствованія королевы Викторіи, а въ Ирландіи снова наступилъ голодъ, вызванный неурожаемъ, то чтобы задобрить парламентъ, англійское правительство рѣшило дать ирландцамъ мѣстное самоуправленіе въ графствахъ. Ирландцы, впрочемъ, не удовлетворяются этими подачками и продолжаютъ добиваться реформы земельныхъ законовъ и автономіи. Въ парламентѣ ирландская партія составляетъ уже довольно значительную силу, съ которой англійскому правительству волей неволей приходится считаться. Поэтому и политика англійскаго правительства въ отношеніи Ирландіи стала гораздо болѣе примирительной и не опирается только на исключительные законы и карательныя мѣры. Въ 1903 г. была проведена черезъ парламентъ новая земельная реформа въ Ирландіи, превзошедшая всѣ предшествующія реформы, такъ какъ она имѣла цѣлью переходъ всей или почти всей земли, находящейся въ рукахъ лэндлордовъ, въ руки арендаторовъ фермеровъ, которые и превращаются такимъ образомъ въ мелкихъ собственниковъ.

Въ глухихъ и уединенныхъ мѣстечкахъ Ирландіи, гдѣ жители мало приходили въ соприкосновеніе съ иноземцами, до сихъ поръ сохранились древніе обычаи и нравы. Жители мало посѣщаемыхъ и заброшенныхъ острововъ западнаго побережья Ирландіи, вѣроятно, до сихъ поръ еще сохраняютъ свои языческія вѣрованія. Около этихъ острововъ водятся тюлени во множествѣ, но жители не рѣшаются убивать ихъ, твердо вѣря, что въ тюленяхъ живутъ души предковъ. На одномъ изъ острововъ, имѣющемъ 400 жителей, избирается всѣмъ населеніемъ король—рыбакъ, который обязанъ наблюдать за соблюденіемъ старинныхъ обычаевъ.

Вообще ирландскіе крестьяне отличаются суевѣріемъ и очень невѣжественны, но все это, также какъ и нѣкоторыя непріятныя черты въ ихъ характерѣ, является у нихъ послѣдствіемъ долговременнаго угнетенія и бѣдности. Въ странѣ, охваченной смутами, гдѣ народъ постоянно страдаетъ отъ голода и притѣсненій, просвѣщеніе всегда распространяется очень туго Ирландцы очень нетребовательны, потребности у нихъ невелики, и это также заставляетъ англичанъ относиться къ нимъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Англичанинъ не удовлетворится такими условіями жизни, при какихъ живетъ ирландецъ, не теряющій при этомъ ни своего добродушія, ни своей веселости.

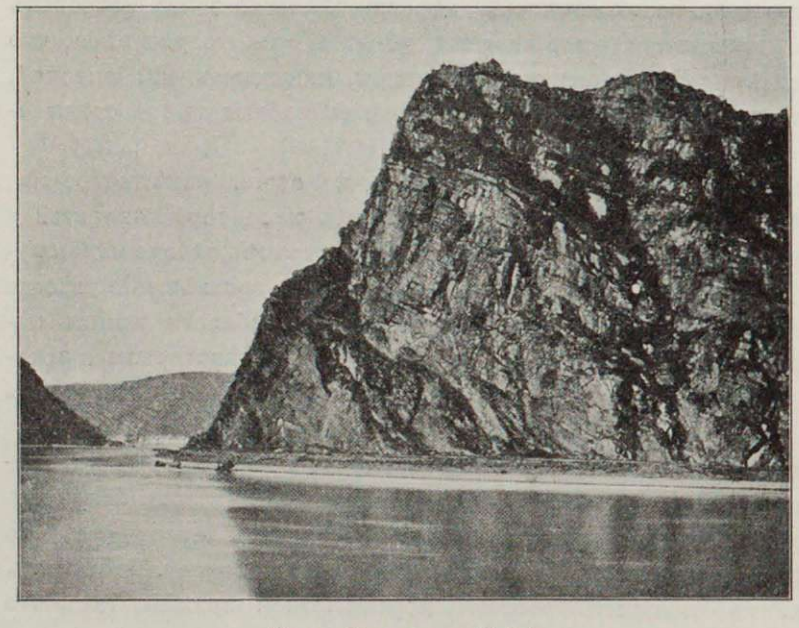
Всѣ большіе города Ирландіи, какъ напр., столица Дублинъ, расположены на морскомъ берегу, именно на берегу, обращенномъ къ Англіи. Дублинъ одинъ изъ большихъ и оживленныхъ приморскихъ городовъ Соединеннаго Королевства. Но первое мѣсто по развитію промышленности принадлежитъ не ему, а другому приморскому городу, Бельфесту. Къ сожалѣнію Бельфестъ служитъ центромъ расовой и религіозной вражды, такъ что тамъ въ прежнее время особенно часто происходили столкновенія и даже кровавыя побоища. Жители провинціи Ульстеръ, гдѣ находится Бельфестъ, преимущественно протестанты, враги ирландской независимости. Среди нихъ существуетъ лига оранжистовъ, отличительнымъ знакомъ которыхъ является ношеніе оранжевой ленты. Эта лига, усиливаемая тайною поддержкой англійской гражданской и духовной власти, съ ожесточеніемъ борется съ ирландскимъ движеніемъ. Оттого-то улицы Бельфеста часто являются ареной безпорядковъ.

Э. Пименова.

Германія.

Географическое положеніе и природа.—Естественныя богатства.—Населеніе.—Состояніе образованія.—Политическій строй.

По величинѣ территоріи Германія является третьимъ послѣ Россіи и Австро-Венгріи государствомъ Европы и составляетъ $^1/_{18}$ часть всего ея пространства. Расположенная въ сѣверной части средней Европы, Германія, въ общемъ, имѣетъ не много естественныхъ границъ, а именно лишь берега Сѣвернаго и Балтійскаго морей, общее протяженіе которыхъ составляетъ не болѣе $^2/_3$ всей остальной границы. Кромѣ этихъ двухъ морей на сѣверѣ она граничитъ съ Даніей, на востокѣ съ Россіей, на юго-востокѣ и югѣ съ Австро-Венгріей и Швейцаріей, на юго-западѣ съ Франціей и на западѣ съ Бельгіей, Люксембургомъ и Голландіей.

Скала Лорелеи на Рейнѣ.

Вполнѣ естественно, что при огромной площади въ 542.072 кв. к., поверхность Германіи не можетъ быть однообразна и, сообразно съ характеромъ ея, распадается на четыре части: 1) Альпы, 2) Швабо-баварское плоскогорье, 3) Среднегерманскія горы и 4) Сѣверо-германская низменность.

Въ Альпахъ Германіи принадлежатъ сѣверные склоны, гдѣ наиболѣе высокими хребтами являются Баварскіе Альпы на австрійской границѣ. Одна изъ вершинъ ихъ, Цугшпитце, возвышается на 2.974 м. надъ уровнемъ моря и представляетъ собой высочайшій пунктъ Германіи. Характеръ этихъ горъ чрезвычайно разнообразенъ, въ зависимости отъ образующихъ ихъ горныхъ породъ. Мѣстами они образуютъ крутые недоступные склоны, мрачныя, темныя ущелья, мѣстами же переходятъ почти въ холмы, съ мягкими очертаніями вершинъ, съ пологими склонами, покрытыми богатой лѣсной и лу-

говой растительностью. Такой характеръ мѣстности, такъ сказать, предопредѣляетъ занятіе населенія, которое заключается преимущественно въ скотоводствѣ и лишь отчасти въ хлѣбопашествѣ, у самой подошвы горъ.

Къ сѣверу отъ Альпъ простирается Швабо-баварское плоскогорье, въ формѣ растянутаго треугольника, вершиной обращеннаго къ сѣверу. Поверхность плоскогорья наклонена къ Дунаю, въ который впадаетъ съ этой стороны цѣлый рядъ притоковъ. Несмотря, однако, на значительные размѣры, притоки эти вслѣдствіе своей порожистости не судоходны. Почва разнообразна, въ большинствѣ пригодна для земледѣлія, въ сѣверной же части, по Дунаю и нѣкоторымъ его притокамъ, напр. Изару и Леху, раскинулись огромныя болотистыя пространства.

Среднегерманскія горы, какъ показываетъ уже самое названіе, представляютъ собой гористую страну, изрѣзанную горными хребтами, носящими чрезвычайно разнообразный характеръ, но въ общемъ, все-же, болѣе высокими на югѣ и постепенно понижающимися къ сѣверу. Важнѣйшими изъ этихъ возвышенностей являются въ южной части Швабская и Франконская Юра, въ общемъ бѣдныя водою, и потому мало населенныя, затѣмъ горы, окаймляющія Богемскую котловину—Богемскій лѣсъ, Саксонскія рудныя, Исполиновыя, далѣе Тюрингенскій лѣсъ и Гарцъ. Всѣ эти горы покрыты до самыхъ вершинъ роскошными лѣсами, отъ которыхъ нѣкоторыя изъ нихъ и получили свое названіе. Изъ рѣчныхъ долинъ, расположенныхъ въ сосѣдствѣ этой области, особенно замѣчательна по своимъ размѣрамъ долина Рейна, образующая Верхнерейнскую низменность, длиною около 300 и шириною около 30 к.

Типы сѣверной Германіи: женщины съ о. Фёръ (Föhr).

Сѣверогерманская низменность занимаетъ всю сѣверную часть Германіи и по площади почти равна половинѣ всего ея пространства. На западѣ она сливается съ низменностью Голландіи и Бельгіи, на востокѣ—съ прибалтійской низменностью Россіи. Поверхность ея волниста, небольшія возвышенія чередуются съ заболоченными торфяными низинами и долинами. Лишь вдоль берега Балтійскаго моря тянется болѣе замѣтная возвышенность, усѣянная небольшими озерами и потому носящая названіе Озернаго плато.

Германія богата рѣками, которыя въ большинствѣ вполнѣ судоходны и потому являются прекрасными путями сообщенія. Наибольшее значеніе для страны, какъ по

своимъ размѣрамъ, такъ и по положенію, имѣютъ Рейнъ, съ притоками Неккаремъ, Майномъ, Мозелемъ и другими, Дунай, съ притоками, затѣмъ Эмсъ, Везеръ, Эльба, Одеръ, частью Висла и Нѣманъ. Изъ озеръ, которыхъ въ Германіи также много, важнѣйшимъ является Констанцское или Боденское, которое, впрочемъ, принадлежитъ Германіи лишь частью.

Венды (женщины) изъ окрестностей Берлина.

Несмотря на то, что Рейнъ ни своими истоками, ни устьемъ не принадлежитъ Германіи, онъ все же является важнѣйшею и, такъ сказать, національною рѣкою Германіи. Причинъ для этого имѣется очень много. Важнѣйшая изъ нихъ заключается въ томъ, что Рейнъ протекаетъ по плодороднѣйшей мѣстности Германіи, въ которой, благодаря благопріятнымъ климатическимъ условіямъ, возможны всѣ виды земледѣлія. Вслѣдствіе этого сюда уже съ древнѣйшихъ временъ стремились разные народы и старались здѣсь утвердиться. Даже не успѣвъ въ этомъ, они все же оставляли по себѣ тотъ или иной слѣдъ, и потому область рѣки Рейна полна памятниками самыхъ различныхъ эпохъ и культуръ. Съ каждымъ изъ нихъ связано то или иное преданіе, и едва ли въ цѣломъ мірѣ найдется другая рѣка, о которой ходило бы столько поэтическихъ легендъ и сказаній. Берега Рейна необыкновенно живописны, и это привлекаетъ сюда постоянно массу путешественниковъ, не только нѣмцевъ, но и иностранцевъ. Особенно славится своей красотой участокъ рѣки между городами Бингенъ и Боннъ.

Венды: женщина въ полномъ уборѣ.

Если и въ настоящее время Рейнъ является важнымъ путемъ сообщенія центральной Европы съ моремъ, то значеніе его въ этомъ отношеніи въ Средніе вѣка, да и въ позднѣйшую эпоху, до устройства желѣзныхъ дорогъ, было несравненно больше, такъ какъ онъ служилъ тогда главной артеріей, соединяющей сердце Европы съ наиболѣе оживленными пунктами ея на морскомъ берегу, былъ дорогой, ведущей изъ Италіи въ Англію. Объ этомъ значеніи Рейна лучше всего говорятъ многочисленные города, расположенные по его берегамъ. По количеству ихъ съ Рейномъ не можетъ сравняться никакая другая рѣка Германіи. Возникновеніе многихъ изъ этихъ городовъ относится къ очень древнимъ временамъ, и они нерѣдко хранятъ цѣнные памятники давно миновавшихъ временъ. Однимъ изъ такихъ замѣчательныхъ памятниковъ является знаменитый соборъ въ Кёльнѣ.

Благодаря теплому климату и благопріятному положенію, защищенному отъ холодныхъ вѣтровъ долина Рейна покрыта многочисленными виноградниками, и рейнскія вина славятся по всему свѣту.

Значеніе германскихъ рѣкъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что какъ Нѣмецкое, такъ и Балтійское моря у береговъ очень мелки и не образуютъ поэтому естественныхъ портовъ, за исключеніемъ Киля, расположеннаго на берегу Шлезвигъ - Голштиніи и служащаго прекрасной стоянкой для военнаго германскаго флота. Всѣ остальныя гавани почти безъ исключенія расположены у устьевъ рѣкъ, образующихъ при своемъ впаденіи

въ море значительные лиманы. Важнѣйшія изъ германскихъ гаваней Бременъ, Гамбургъ, Штетинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ. Песчаныя мели, которыми такъ изобилуютъ и Сѣверное и Балтійское моря, дѣлаютъ доступъ въ гавани безъ опытныхъ лоцмановъ очень затруднительнымъ. Берега Сѣвернаго моря при сильныхъ вѣтрахъ подвержены частымъ наводненіямъ, причемъ море не только затопляло берегъ и размывало его въ рядъ мелкихъ песчаныхъ островковъ, но и образовывало цѣлые заливы, какъ напр. Доллартъ въ концѣ XIII столѣтія. Для защиты отъ этихъ наводненій берега Сѣвернаго моря давно уже ограждаются грандіозными плотинами. Гавани Сѣвернаго моря свободны для плаванія круглый годъ, гавани же Балтійскаго покрываются ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ льдомъ. Благодаря затруднительности плаванія, Германія, по берегамъ обоихъ морей, имѣетъ много маяковъ.

Климатъ различныхъ мѣстностей Германіи, въ зависимости отъ ихъ мѣстоположенія, очень разнообразный,—то континентальный, то морской. Но въ общемъ онъ можетъ быть характеризованъ какъ умѣренный. Температура самаго жаркаго мѣсяца, іюля, не превы-

Типы сѣверной Германіи: крестьянки изъ провинціи Бранденбургъ за пряденьемъ.

шаетъ 20° Ц., но за то и зима здѣсь очень умѣренная, благодаря теплу, которое приносятъ юго-западные вѣтры съ океана. Средняя температура января въ западной Германіи выше 0°. Но чѣмъ далѣе къ востоку и въ глубь страны, тѣмъ зимы становятся холоднѣе. Продолжительный санный путь, впрочемъ, устанавливается довольно рѣдко. Повышеніе температуры къ югу въ Германіи очень незначительно, благодаря тому, что въ томъ же направленіи и мѣстность значительно повышается надъ уровнемъ моря.

Почвы Германіи въ большинствѣ случаевъ не отличаются плодородіемъ, но улучшаются благодаря прекрасной обработкѣ и раціонально поставленному хозяйству. Трехполье встрѣчается теперь въ Германіи лишь въ видѣ исключенія. Неудобныхъ земель осталось не болѣе 8% всей территоріи. Всѣ злаки воздѣлываются въ Германіи повсюду, но все же на югѣ преобладаетъ пшеница, на сѣверѣ и востокѣ—рожь, овесъ, ячмень. Тѣмъ не менѣе своего хлѣба Германіи не хватаетъ, въ особенности ввозится въ значительныхъ количествахъ рожь. Кромѣ того, большимъ подспорьемъ въ питаніи массъ населенія является картофель, который производится здѣсь въ огромномъ количествѣ и идетъ

въ пищу не только людямъ, но и домашнимъ животнымъ. Обычай кормить картофелемъ даже лошадей нѣмецкіе колонисты Польши и Волыни перенесли и въ Россію, и здѣсь лошади ихъ имѣютъ очень сытый видъ, но при работѣ уступаютъ лошадямъ, питающимся хотя бы однимъ только сѣномъ. Кромѣ пищи картофель употребляется также для винокуренія, особенно въ восточной Германіи, гдѣ выкуривается почти три четверти всего производимаго здѣсь алкоголя.

За послѣднія десять лѣтъ въ Германіи сильно развилось производство сахара, а вслѣдствіе этого и воздѣлываніе сахарной свекловицы. Германія является классической страною пива, которое принадлежитъ къ числу главнѣйшихъ предметовъ вывозной торговли, а потому въ ней, особенно на югѣ, устроены обширныя хмелевыя плантаціи. Хмель въ сыромъ видѣ также вывозится въ большихъ количествахъ. Изъ другихъ воздѣлывае-

Типы южной Германіи.
Крестьяне изъ южной Франконіи.

Типы южной Германіи.
Крестьянинъ изъ Швабіи.

мыхъ растеній остается упомянуть еще табакъ и виноградъ, которые воздѣлываются преимущественно въ рейнскихъ провинціяхъ.

Лѣсоводство поставлено въ Германіи на научную почву и пользуется особеннымъ покровительствомъ государства. Германія вообще богата лѣсами, за исключеніемъ сѣверо-западной части ея, гдѣ, вслѣдствіе недостатка дровъ, топливомъ служитъ торфъ, добываемый здѣсь въ большомъ количествѣ. Изъ древесныхъ породъ по берегамъ Балтійскаго моря преобладаютъ лиственныя, дубъ и букъ, внутри же страны распространена преимущественно сосна. Горы покрыты смѣшаннымъ лѣсомъ, очень разнообразнымъ по обилію породъ. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ прекрасными лугами и пастбищами, каковы, напр., Померанія и Голштинія, а также предгорья Альпъ, очень развито скотоводство, стоящее здѣсь, какъ и всѣ отрасли хозяйства, на надлежащей высотѣ.

Нѣдра Германіи изобилуютъ всевозможными полезными ископаемыми; здѣсь добываются каменный уголь, каменная соль, желѣзная, цинковая, свинцовая, мѣдная руды, серебро

и даже золото. Благодаря такому изобилію Германія является однимъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ государствъ не только Европы, но и цѣлаго свѣта. До самаго послѣдняго времени въ этой области считалась внѣ конкуренціи Англія, но теперь и тамъ забили тревогу по причинѣ торжества германской промышленности, которая свои гораздо болѣе дешевыя издѣлія сумѣла, съ помощью ловкихъ и энергичныхъ агентовъ, забросить въ отдаленнѣйшіе уголки всего свѣта. Разъ попавъ куда нибудь, издѣлія эти неизбѣжно вытѣсняютъ всякія другія, хотя быть можетъ и болѣе доброкачественныя, но за то и болѣе дорогія. Впрочемъ качество нѣкоторыхъ издѣлій, особенно металлическихъ, доведено до совершенства и, напр., стальныя издѣлія Золингена или оружіе нѣкоторыхъ зульскихъ заводовъ ни въ чемъ не уступаютъ англійскимъ, несмотря на громадную разницу въ цѣнѣ. Знаменитыя пушки, изготовляемыя на заводахъ Круппа въ Эссенѣ и Бохумѣ, распространены по всему свѣту, и въ случаѣ войны Германіи съ какой либо другой страной можетъ случиться, что противники будутъ громить другъ друга изъ нѣмецкихъ орудій. Стальные рельсы не только удовлетворяютъ внутренній спросъ на нихъ, но также и вывозятся въ большомъ количествѣ. Въ самое послѣднее время Германія обратила особенное вниманіе на свой флотъ и энергично принялись за его увеличеніе. Несмотря однако на интенсивнось постройки судовъ, работы ведутся исключительно собственными верфями. Такому развитію обрабатывающей промышленности особенно благопріятствуетъ обиліе каменнаго угля, добычей котораго занято до 300.000 рабочихъ.

Типы южной Германіи: дѣвушка изъ Эцталя.

Въ древности населеніе Германіи состояло изъ множества отдѣльныхъ племенъ, въ большинствѣ случаевъ враждовавшихъ между собою, и при этомъ, конечно, болѣе многочесленныя и сильныя племена порабощали и поглощали болѣе слабыя. Хотя въ настоящее время территорія Германіи значительно обширнѣе, чѣмъ была въ древности, но населяютъ ее почти исключительно нѣмцы, потомки древнихъ германцевъ. Вся масса этого населенія, составляющая около 92% общаго числа жителей Германіи, принадлежитъ къ различнымъ племенамъ: фризамъ, саксонцамъ, швабамъ, франкамъ, баварцамъ, алеманамъ. Изъ остальныхъ 8% на долю поляковъ, живущихъ въ восточной Германіи, по сосѣдству съ русской Польшей, приходится 6%. Другія народности, славяне (напр. венды), евреи, итальянцы, французы, датчане и проч. составляютъ въ Германіи незначительную примѣсь.

Въ зависимости отъ племенного состава нѣмецкаго населенія, и нарѣчія очень не одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ и, напр, обитатель Южной Германіи лишь съ большимъ трудомъ пойметъ сѣверянина. Современный литературный языкъ происходитъ изъ средне-германскихъ нарѣчій, которыя занимаютъ промежуточное положеніе между верхне-германскимъ и нижне-германскимъ.

*

По статистическимъ даннымъ численность населенія въ 1905 году равнялась 60.641.278 ч. [1]), а такъ какъ ежегодный приростъ колеблется въ среднемъ около 1%, то въ настоящее время численность эта, по всей вѣроятности, приближается къ 65 милліонамъ. Плотность населенія (средняя болѣе 112 ч. на 1 кв. к.) въ различныхъ частяхъ территоріи, разумѣется, очень не одинакова; такъ, въ мѣстностяхъ, изобилующихъ каменнымъ углемъ и залежами всевозможныхъ рудъ, благодаря чему тамъ могла развиться горная и фабрично-заводская промышленность, плотность сильно возрастаетъ и превосходитъ въ Рейнской провинціи 240 ч. на кв. к., въ Саксоніи мѣстами выше 411 ч. на кв. к. Въ мѣстностяхъ же чисто земледѣльческихъ, какова напр. Сѣверо-германская низменность, плотность значительно ниже, 25—50 ч. на кв. к. Содѣйствуетъ этому также и то обстоятельство, что на пространствѣ Сѣверо-германской низменности, особенно на западѣ, громадныя площади заняты непроходимыми топями, гдѣ, разумѣется, не встрѣчается живой души на пространствѣ десятковъ километровъ. Болота эти не совсѣмъ впрочемъ безполезны, такъ какъ доставляютъ въ изобиліи торфъ, который употребляется на топливо въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ лѣсами.

Типы южной Германіи: женщина изъ Брейсгау.

Какъ ни велико однако развитіе промышленности и земледѣлія, все же нѣкоторая часть населенія не можетъ найти себѣ пропитанія и заработка внутри страны и вынуждена уходить въ поискахъ заработка и пропитанія на чужбину. Въ одномъ только 1881 году выселилось 200.000 нѣмцевъ, преимущественно въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, гдѣ эмигранты земледѣльцы находили удобныя земли, а промышленные рабочіе хорошооплачиваемую работу. За послѣднее время, однако, число эмигрантовъ падаетъ и колеблется въ предѣлахъ 30.000 въ годъ (въ 1906 г.—31.074 ч.), да и Америка не представляетъ ужъ прежняго соблазна, такъ какъ лучшія земли мало-по-малу заселились, а наплывъ рабочихъ, въ связи съ частыми промышленными кризисами, сильно понизилъ заработную плату во всѣхъ отрасляхъ труда.

Двѣ трети населенія Германіи исповѣдуютъ лютеранскую вѣру, остальная же часть католическую. Католиковъ больше всего въ Баваріи и затѣмъ въ прежнихъ польскихъ земляхъ. Къ религіи нѣмцы относятся довольно равнодушно, что объясняется отсутствіемъ въ ней всякой пышности и картинности, такъ присущихъ религіи католической и производящихъ сильное впечатлѣніе на простой народъ. Да и по натурѣ своей нѣмцы въ общемъ люди разсудка, мало способные чѣмъ-либо увлекаться.

Выгодно отличаются въ этомъ отношеніи отъ остальныхъ нѣмцевъ баварцы, обладающіе болѣе живымъ темпераментомъ и, въ общемъ, веселымъ, жизнерадостнымъ на-

[1]) Въ это же время въ колоніяхъ насчитывалось 12.398.612 ч.

строеніемъ. Исповѣдуя католичество, они съ большимъ интересомъ относятся къ всевозможнымъ религіознымъ торжествамъ, процессіямъ и проч., которыми такъ богата католическая религія. Иногда они разыгрываютъ цѣлыя драмы на сюжеты изъ Священнаго писанія, очень напоминающія собой средневѣковыя мистеріи, отъ которыхъ онѣ, впрочемъ, и ведутъ въ большинствѣ случаевъ свое начало.

Особенно славится во всей Германіи и привлекаетъ десятки и сотни тысячъ зрителей устраиваемое разъ въ десять лѣтъ жителями деревни Обераммергау представленіе страстей Господнихъ или, какъ оно называется оффиціально: „Великая жертва искупленія на Голгоѳѣ или исторія страданій и смерти Іисуса по 4-мъ евангелистамъ съ представленіями картинъ изъ ветхаго завѣта на размышленіе и назиданіе“. Въ представленіи участвуетъ чуть не половина всего населенія деревни, около 700 человѣкъ. Уже по одному этому можно судить о его грандіозныхъ размѣрахъ. Хотя представленіе происходитъ въ маѣ и повторяется затѣмъ въ теченіе цѣлаго лѣта по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, но еще предыдущей зимой начинается дѣятельное обсужденіе его подробностей, подборъ участниковъ, выборы распорядителей и проч. Счастливцы, попавшіе въ число дѣйствующихъ лицъ, подготовляются къ своей роли, какъ къ какому-то священнодѣйствію. Такъ, напр, исполняющій роль Христа проводитъ передъ этимъ время въ постѣ и молитвѣ и приступаетъ къ исполненію своей роли лишь послѣ причастія. Нечего и говорить, что всѣ актеры играютъ съ величайшимъ одушевленіемъ и искренностью. Цѣльности впечатлѣнія особенно помогаетъ еще и то обстоятельство, что гримировка совершенно отсутствуетъ; нѣтъ ни париковъ, ни красокъ, ни искусственныхъ морщинъ. Каждый исполняетъ роль вполнѣ подходящую ему по возрасту и темпераменту. Кромѣ чисто эстетической стороны, это событіе въ жизни Обераммергау имѣетъ также и матеріальную: многочисленные посѣтители, часто проживающіе тамъ по нѣсколько дней, оставляютъ деревнѣ довольно крупную сумму денегъ. Такъ въ 1890 году сумма эта составила около 2-хъ милліоновъ марокъ. За вычетомъ платы актерамъ и другихъ расходовъ, въ общемъ довольно значительныхъ, все же очищается круглая сумма. Германское правительство поощряетъ и поддерживаетъ этотъ памятникъ старины и даже допускаетъ нѣкоторыя поблажки. Такъ, несмотря на то, что нѣмцы во всемъ, касающемся военнаго дѣла, просто священнодѣйствуютъ, баварскій король, по просьбѣ обер-аммергаузцевъ, разрѣшилъ однажды не брать въ солдаты актера, изображавшаго Іисуса Христа.

Типы южной Германіи: женщина изъ Нейштата.

Въ области народнаго образованія Германія одна изъ немногихъ странъ, гдѣ дѣло это поставлено дѣйствительно образцово. Прежде всего оно обязательно для всѣхъ, и обязательность эта настолько впиталась въ плоть и кровь нѣмцевъ, что почти не бываетъ случаевъ нарушенія ея, кромѣ развѣ со стороны такихъ бѣдняковъ, которымъ приходится

думать о томъ, чтобъ не умереть съ голоду. Родители обязаны посылать въ школу всѣхъ дѣтей, начиная съ шестилѣтняго возраста, а въ Брауншвейгѣ, напр., даже съ пятилѣтняго. Это обученіе продолжается до 14 лѣтъ. Впрочемъ, родители имѣютъ право обучать дѣтей также дома, сами или съ помощью нанятыхъ учителей, но въ этомъ случаѣ мѣстный инспекторъ имѣетъ право контролировать такое обученіе на дому, экзаменовать учащагося и, въ случаѣ малоуспѣшности, требовать, чтобъ родители все-таки посылали его въ школу. Несоблюденіе этого требованія влечетъ за собой сначала штрафъ, все увеличивающійся, а потомъ и тюремное заключеніе. Упорное неповиновеніе закону влечетъ за собой ограниченіе гражданскихъ правъ.

Типы южной Германіи: пожилой крестьянинъ изъ Шварцвальда.

Единственная часть населенія Германіи, относящаяся недоброжелательно къ такой обязательности обученія—это поляки, но происходитъ это потому, что нѣмцы съ обычной своей систематической тупостью стараются заглушить въ польскихъ дѣтяхъ все родное, національное, заставляютъ ихъ учиться только по-нѣмецки, жестоко наказываютъ не только дѣтей, но и родителей за каждое невзначай произнесенное польское слово. Впрочемъ, въ польскихъ провинціяхъ не только въ школьномъ дѣлѣ, но вообще во всѣхъ дѣлахъ нѣмцы ведутъ себя не многимъ лучше, чѣмъ въ своихъ африканскихъ колоніяхъ. Съ особенной настойчивостью нѣмцы стараются вытравить польскій элементъ изъ этихъ провинцій, и съ этой цѣлью стѣсняютъ поляковъ въ покупкѣ земли, стараясь въ то же время скупать польскія имѣнія, которыя потомъ разбиваютъ на участки и селятъ на нихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Мѣра эта пока привела лишь къ упадку земледѣлія въ этихъ провинціяхъ.

Постановка дѣла въ школахъ дѣйствительно превосходна. Подборъ учителей самый строгій, контроль постоянный, такъ что только хорошій педагогъ имѣетъ шансы прочно сидѣть на учительской каѳедрѣ. Поэтому обыкновенно даже самые малоспособные твердо усваиваютъ то, что имъ преподаютъ. Прежде всего въ нѣмецкой школѣ поражаетъ строжайшая дисциплина. Ученики слушаются малѣйшаго знака учителя: по знаку встаютъ, садятся, отвѣчаютъ, по командѣ поютъ, играютъ во время перерывовъ. Поддерживаютъ такую дисциплину педагоги путемъ цѣлой системы наказаній, до розги включительно. Какъ это ни странно, но въ Германіи учитель совсѣмъ не стѣсненъ въ этомъ отношеніи и очень непринужденно разсыпаетъ тычки и затрещины провинившимся питомцамъ. Объясняется это тѣмъ, что по нѣмецкимъ понятіямъ учитель замѣняетъ отца, а отецъ имѣетъ право наказывать дѣтей, какъ ему угодно, лишь бы безъ членовредительства. Въ этомъ отношеніи школа является подгото-

вительною ступенью къ военной муштровкѣ, которая въ Германіи также поражаетъ своей утонченностью.

Если нужда гонитъ ребенка въ школьномъ возрастѣ на фабрику, то и здѣсь власти наблюдаютъ за тѣмъ, чтобъ фабрикантъ посылалъ его въ положенные часы въ школу. Если же на фабрикѣ работаетъ много дѣтей, то нерѣдко тутъ же устраивается своя школа, въ которой преподаваніе ведется сообразно съ свободнымъ временемъ учениковъ.

За первоначальной школой слѣдуютъ городскія школы, носящія профессіонально-коммерческій характеръ, затѣмъ гимназіи, мужскія и женскія, реальныя училища, университеты и высшія техническія школы.

Для людей, не имѣющихъ возможности продолжать систематическое образованіе, существуютъ всевозможныя вечернія и воскресныя школы и курсы. Рабочіе одной про-

Торжественный выходъ изъ церкви въ праздникъ (Блейбахъ).

фессіи объединяются обыкновенно въ союзы, которые заводятъ свои профессіональныя школы, приглашаютъ лекторовъ для чтенія какъ отдѣльныхъ популярныхъ лекцій, такъ и систематическихъ курсовъ. Въ этомъ случаѣ имъ много помогаетъ „Общество распространенія просвѣщенія въ народѣ". Оно даетъ всевозможные совѣты относительно устройства лекцій, устраиваетъ библіотеки и читальни, издаетъ популярныя книжки, иногда помогаетъ и деньгами, если какой-нибудь союзъ, по недостатку средствъ, не можетъ пригласить особенно полезнаго для него лектора, и проч. Наряду съ чисто просвѣтительной дѣятельностью общество это заботится также о народныхъ развлеченіяхъ, устраиваетъ вечера съ музыкой и пѣніемъ, до которыхъ нѣмцы большіе охотники. Эту любовь къ музыкѣ и пѣнію въ нихъ воспитываютъ съ ранняго дѣтства, во время прохожденія курса элементарной школы, такъ какъ считаютъ, что она ведетъ къ смягченію нравовъ.

За время своего существованія общество успѣло устроить въ странѣ свыше четырех-

сотъ библіотекъ, частью на собственныя средства, частью на пожертвованія. Но въ послѣднее время находятъ, что этимъ все же нельзя ограничиваться, что народу необходимо систематическое высшее образованіе, и вотъ, по примѣру Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ народные университеты пользуются полнымъ правомъ гражданства и широкимъ распространеніемъ, въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія и въ Германіи, въ Мюнхенѣ, возникло „Общество народныхъ университетовъ". Пока такихъ университетовъ еще немного, но имъ предстоитъ несомнѣнно самая блестящая будущность.

Все это въ совокупности привело къ тому, что еще 20 лѣтъ назадъ число неграмотныхъ новобранцевъ составляло не болѣе $^1/_2$ процента общаго числа ихъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ число это спускалось почти къ 0, въ другихъ же, напр. въ Познани, гдѣ населеніе преимущественно польское, достигало 2—3%. О причинѣ этого явленія мы упоминали уже выше.

Въ то время, какъ дѣло образованія широкихъ народныхъ массъ находится еще и теперь въ стадіи развитія, налаживается мало-по-малу, имущіе классы пользуются прекрасно организованными средними и высшими школами, при чемъ большинство университетовъ существуетъ уже болѣе, чѣмъ по сотнѣ лѣтъ. Въ Германіи ихъ очень много—всего—21, и объясняется это не столько большимъ наплывомъ студентовъ, число которыхъ достигаетъ 40.000, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что до сравнительно недавняго времени Германія состояла изъ ряда отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое и заводило себѣ одинъ или нѣсколько университетовъ. Благодаря этому число студентовъ въ нѣкоторыхъ университетахъ менѣе 400 человѣкъ, при 50—60 профессорахъ. Въ иныхъ университетахъ на одного профессора приходится не болѣе 5—6 студентовъ.

Нѣмецкія среднія учебныя заведенія мало чѣмъ отличаются отъ нашихъ обычнаго типа, поэтому на нихъ нечего останавливаться, но нѣмецкіе университеты представляютъ много своеобразнаго и для насъ непривычнаго. Объясняется это тѣмъ, что большинство ихъ основано въ XV и XVI столѣтіяхъ, а Гейдельбергскій даже въ XIV, и благодаря этому многое сохранили еще отъ той эпохи.

Одно изъ такихъ своеобразныхъ явленій университетской жизни представляютъ собой корпораціи. Корпораціями называются студенческіе союзы, которыхъ въ каждомъ университетѣ нѣсколько. Различаются они между собою уставомъ, а также отличительными цвѣтами, которые всякій корпорантъ старается выставить вездѣ, гдѣ только возможно, и на своей особаго фасона шапочкѣ, и на перевязи, и на рукояти шпаги. Каждая корпорація имѣетъ собственный гербъ и знамя, а также собственную кнейпу—трактиръ, гдѣ только она одна устраиваетъ свои пирушки. Надо сказать, что нѣмецкіе студенты истребляютъ колоссальныя количества пива, и потому трактирщики прилагаютъ всѣ старанія, чтобы угодить своимъ завсегдатаямъ. Вообще въ маленькихъ нѣмецкихъ городкахъ нѣсколько сотъ или даже и тысячъ студентовъ составляютъ значительную часть населенія и оказываютъ вліяніе на всѣ отрасли городской жизни, на торговлю и проч., являясь, такимъ образомъ, главнымъ источникомъ благосостоянія для жителей небольшого городка. Поэтому послѣдніе, вообще очень строгіе и педантичные въ случаяхъ нарушенія какихъ-либо разъ заведенныхъ порядковъ и обычаевъ, смотрятъ сквозь пальцы на скандалы, нерѣдко устраиваемые пьяными корпорантами, возвращающимися ночью изъ своей кнейпы. Часто, напр., утренніе прохожіе съ изумленіемъ видятъ, что надъ вчера еще помѣщавшейся въ погребкѣ булочной красуется вывѣска фотографа, а булочный крендель сверкаетъ гдѣ-нибудь подъ крышей, на стеклянномъ павильонѣ. Впрочемъ, даже и сильно подвыпившіе студенты не теряютъ присущаго нѣмцамъ чувства мѣры, и дѣло лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доходитъ до открытаго столкновенія съ полиціей. Въ такихъ случаяхъ переписанныхъ буяновъ на другой день университетское начальство сажаетъ въ карцеръ.

Заключеніе длится обыкновенно лишь нѣсколько дней и не бываетъ особенно тяжелымъ, такъ какъ за деньги заключенный можетъ получить рѣшительно все, что ему угодно. При этомъ нѣмецкая разсчетливость заставляетъ заключеннаго отоплять и освѣщать карцеръ на свой счетъ.

Члены корпораціи дѣлятся на двѣ категоріи, на полноправныхъ студентовъ—буршей, и фуксовъ—новичковъ, которые, пробывъ въ этомъ званіи годъ, обыкновенно пріобрѣтаютъ званіе буршей, причемъ повышеніе это сопровождается обыкновенно грандіозной попойкой, во время которой виновникъ торжества долженъ во всемъ блескѣ проявить свои таланты по части истребленія пива. Положеніе фуксовъ въ общемъ очень тяжелое. Каждый изъ нихъ получаетъ покровителя изъ буршей, который долженъ подготовить его къ этому высокому званію. Покровитель обыкновенно широко пользуется кошелькомъ своего фукса и вообще держитъ его въ черномъ тѣлѣ, но сила традиціи такова, что ни одинъ фуксъ и не подумаетъ этимъ возмущаться. Напротивъ, онъ иногда для потѣхи покровителя разыгрываетъ даже роль шута. Да это и понятно. Вѣдь ему хорошо извѣстно, что скоро онъ займетъ такое же положеніе по отношенію къ своему фуксу.

Типы ю. Германіи: житель Берхтесгадена.

Частыя попойки влекутъ за собой недоразумѣнія, которыя разрѣшаются обыкновенно поединкомъ. Хотя поединки и запрещены оффиціально, но начальство смотритъ на нихъ сквозь пальцы, такъ какъ именно студенческіе поединки довольно безобидны и заканчиваются обыкновенно самыми легкими ранами. Рубцы отъ этихъ ранъ считаются почетными знаками, и каждый студентъ старается имѣть ихъ какъ можно больше именно на лицѣ. Встрѣчаются любители, которые непрочь пожертвовать половиной носа, такъ какъ подобное безобразіе лишь возвышаетъ ихъ въ глазахъ нѣмецкихъ красавицъ. Студенты сами очень заботятся, чтобъ дуэль не имѣла серьезныхъ послѣдствій, и потому всѣ опасныя мѣста на тѣлѣ прикрываютъ соотвѣтствующими приспособленіями. Приспособленія эти такъ тяжелы и стѣснительны, что новичекъ едва можетъ двигаться. Самый поединокъ обставленъ очень сложнымъ церемоніаломъ.

На обязанности низшихъ служащихъ университета лежитъ слѣдить за поединками и предупреждать ихъ, что они и исполняютъ съ большимъ рвеніемъ, такъ какъ при этомъ имъ достается все захваченное оружіе. Корпоранты конечно считаютъ дѣломъ чести выкупить его, но это обходится очень дорого, и чтобы этого избѣжать на фуксовъ обыкновенно возлагается обязанность слѣдить за этими служителями и предупреждать объ ихъ приближеніи къ мѣсту поединка. Особенно отличившіеся во время поединка щеголяютъ различными знаками отличія, выдаваемыми корпораціей.

Любимое развлеченіе всѣхъ вообще нѣмецкихъ студентовъ составляютъ факельныя шествія, устраиваемыя по разнымъ торжественнымъ случаямъ. Состоятъ они въ томъ, что въ опредѣленный день толпа студентовъ, вечеромъ, въ полномъ порядкѣ расхаживаетъ съ музыкой и пѣніемъ, съ горящими факелами въ рукахъ, по улицамъ города, затѣмъ останавливается гдѣ-нибудь на площади для танцевъ. Любимой студенческой пѣсней является популярная и у насъ пѣсня „Gaudeamus igitur“...

Но корпоранты далеко не представляютъ собой всей массы студентовъ. Сыновья небогатыхъ родителей, не имѣющіе возможности сорить деньгами на свои развлеченія, въ корпораціи не вступаютъ, ведутъ скромную жизнь и много учатся. Пользуясь полной свободой, они, послушавъ въ одномъ университетѣ лекціи какого-нибудь извѣстнаго профессора, перекочевываютъ въ другой, и такимъ образомъ могутъ въ совершенствѣ изучить интересующій ихъ предметъ. Впрочемъ, и корпоранты, покутивъ годъ-другой, нерѣдко остепеняются и погружаются въ науку. Бездѣльничаютъ до конца пребыванія въ университетѣ лишь немногія дѣти богатыхъ родителей, которымъ будущее благополучіе вполнѣ обезпечено.

Университетъ пользуется въ странѣ такимъ уваженіемъ, что даже коронованныя особы посылаютъ туда сыновей, если не для науки, то для того, чтобы они повращались нѣкоторое время среди представителей разныхъ классовъ общества.

Типы ю. Германіи:
дѣвушка изъ ю. Баваріи.

Типы ю. Германіи:
крестьянинъ изъ Ахенталя (Баварія).

Для желающихъ дѣйствительно заниматься наукой нѣмецкіе университеты представляютъ прекрасное поле дѣятельности, такъ какъ сосредоточиваютъ вокругъ себя всѣ лучшія ученыя силы страны. Въ выборѣ профессоровъ никакія постороннія соображенія, ничего общаго съ наукой не имѣющія, не играютъ почти никакой роли. Профессора въ преподаваніи ничѣмъ не стѣснены и никакому контролы не подвержены. Вообще университеты, хоть и подчинены министерству народнаго просвѣщенія, но во внутренней своей жизни совершенно самостоятельны и автономны, благодаря чему имъ и удалось встать на такую высоту. Преподаваніе въ высшихъ техническихъ школахъ поставлено такъ же серьезно, какъ и въ университетахъ.

Въ Германіи много публичныхъ библіотекъ, музеевъ, картинныхъ галлерей, которые вслѣдствіе особенностей политической жизни страны не сосредоточены въ столицѣ, но разбросаны по разнымъ городамъ страны. Такъ лучшія публичныя библіотеки въ Берлинѣ

и Мюнхенѣ, картинныя галлеріи въ Мюнхенѣ и Дрезденѣ. Число выходящихъ въ Германіи газетъ, журналовъ и книгъ очень велико.

Въ политическомъ отношеніи Германія не представляетъ собой одного цѣлаго, какъ напр. Англія или Франція, но состоитъ изъ 25 государствъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, является союзомъ государствъ или союзнымъ конституціоннымъ государствомъ. Образовался этотъ союзъ послѣ удачной для нѣмцевъ войны съ Франціей, въ 1871 году, при чемъ во главѣ всѣхъ государствъ встала Пруссія, значительно превышающая ихъ и размѣрами, и могуществомъ. При этомъ прусскій король избранъ былъ германскимъ императоромъ, и съ тѣхъ поръ оба эти титула сдѣлались нераздѣльными. Во главѣ каждаго изъ союзныхъ государствъ, за исключеніемъ трехъ вольныхъ городовъ, Гамбурга,

Нѣмецкій типъ красоты:
дама изъ образованнаго класса.

Нѣмецкій типъ: мальчикъ.

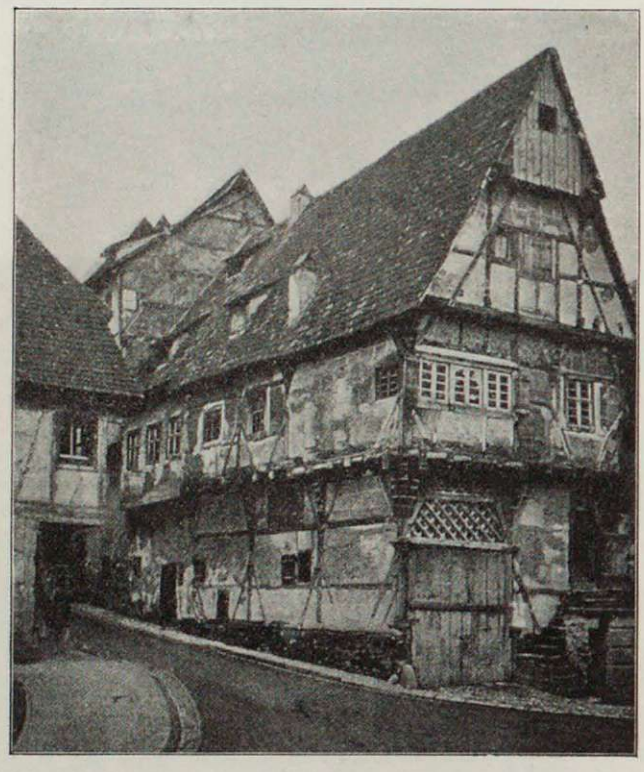
Бремена и Любека, стоитъ собственный правитель, хотя и подчиненный императору, но не какъ вассалъ, а какъ болѣе слабый союзникъ болѣе сильному. Союзъ этотъ считается заключеннымъ на вѣчныя времена, и какъ ни одинъ союзникъ не вправѣ выйти изъ него, такъ и всѣ союзники не вправѣ исключать изъ него кого бы то ни было.

Власть въ имперіи распредѣляется между Союзнымъ Совѣтомъ, императоромъ и Рейхстагомъ.

Союзный Совѣтъ состоитъ изъ представителей союзныхъ государствъ, назначаемыхъ правительствомъ каждаго изъ нихъ, при чемъ всѣ союзныя государства имѣютъ въ немъ 58 голосовъ, изъ которыхъ на долю Пруссіи приходится 17, большая же часть имѣетъ лишь одинъ голосъ. Предсѣдательствуетъ въ этомъ совѣтѣ канцлеръ, назначаемый импе-

раторомъ. Власть Союзнаго Совѣта очень велика и разнообразна; онъ подготовляетъ законы, которые потомъ поступаютъ на разсмотрѣніе рейхстага, слѣдитъ за соблюденіемъ уже существующихъ. Затѣмъ разбираетъ споры между отдѣльными союзниками и, въ случаѣ, если кто либо изъ нихъ откажется повиноваться императору, Союзный Совѣтъ разрѣшаетъ послѣднему ввести войска въ непокорное государство. Безъ его согласія императоръ не можетъ ни заключать договоровъ, ни объявлять войнъ. Здѣсь, впрочемъ, существуетъ исключеніе въ томъ случаѣ, когда непріятель внезапно перейдетъ границу Германіи.

Власть императора очень велика, въ сравненіи съ властью прочихъ союзниковъ. Онъ назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная съ канцлера; въ случаѣ какихъ либо волненій онъ имѣетъ право объявлять въ странѣ осадное положеніе, за исключеніемъ, впрочемъ, Баваріи, которая вообще пользуется нѣкоторыми преимуществами по сравненію съ прочими членами союза. Императоръ же является главнымъ начальникомъ какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ страны, и ему одному принадлежитъ право заключать миръ. Въ международныхъ сношеніяхъ онъ также является единоличнымъ представителемъ Союза. Имперскій канцлеръ является главнымъ органомъ исполнительной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ лицомъ, отвѣтственнымъ за дѣйствія этой власти передъ Союзнымъ Совѣтомъ и Рейхстагомъ.

Швабскій крестьянскій домъ.

Рейхстагъ состоитъ изъ представителей всего населенія Германіи, избираемыхъ на пять лѣтъ прямою, тайною, всеобщею подачею голосовъ. На обязанности его лежитъ разсматривать и принимать или отвергать законопроекты утверждать роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, утверждать займы, принимать петиціи. Законопроекты принимаются простымъ большинствомъ голосовъ, причемъ, для законности засѣданія, нужно, чтобы въ немъ участвовало больше половины депутатовъ. Засѣданія рейхстага, по закону, должны быть публичными.

Иногда, въ случаѣ рѣзкихъ разногласій, императоръ находитъ нужнымъ распустить рейхстагъ раньше истеченія срока его полномочій, но сдѣлать это онъ можетъ лишь съ согласія Союзнаго Совѣта, при чемъ новые выборы назначаются не позднѣе двухъ мѣсяцевъ, а открытіе не позже трехъ со дня роспуска прежняго.

Выборы происходятъ во всей странѣ въ одинъ день, но въ каждомъ государствѣ отдѣльно, по округамъ, на которое дѣлится все населеніе, при чемъ каждыя сто тысячъ избираютъ одного депутата. Всѣхъ депутатовъ 397. Выбирать можетъ каждый германскій подданный, достигшій 25 лѣтняго возраста, не лишенный правъ по суду и не состоящій на военной службѣ. Точно также и избраннымъ можетъ быть каждый, кто не менѣе года принадлежалъ къ одному изъ германскихъ государствъ.

Еще задолго до дня выборовъ, который назначается императоромъ, въ странѣ начи-

нается необычайное оживленіе. Различныя политическія партіи прилагаютъ всѣ усилія, чтобы избранъ былъ именно ихъ единомышленникъ. Каждая партія издаетъ въ это время множество брошюръ и листковъ, съ изложеніемъ своей программы, устраиваетъ общественныя собранія, гдѣ наиболѣе искусные ораторы партіи стараются подѣйствовать на слушателей своимъ краснорѣчіемъ. Здѣсь выступаютъ люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Нерѣдко рѣчи ораторовъ вызываютъ горячія возраженія, затѣваются споры, флегматичные, уравновѣшенные нѣмцы преображаются, дѣло доходитъ чуть не до потасовокъ, и нерѣдко присутствующій на собраніи представитель полиціи принужденъ бываетъ, въ концѣ концовъ, закрыть его. Но зато, въ результатѣ такого свободнаго обсужденія программъ партій и кандидатовъ бываетъ избранъ представитель, если и не всего населенія, то его большинства.

Не такъ обстоитъ дѣло съ ландтагами, т. е. представительными учрежденіями отдѣльныхъ государствъ Германіи. Большинство ландтаговъ состоитъ изъ двухъ палатъ,

Крестьянскій дворъ изъ средней Германіи.

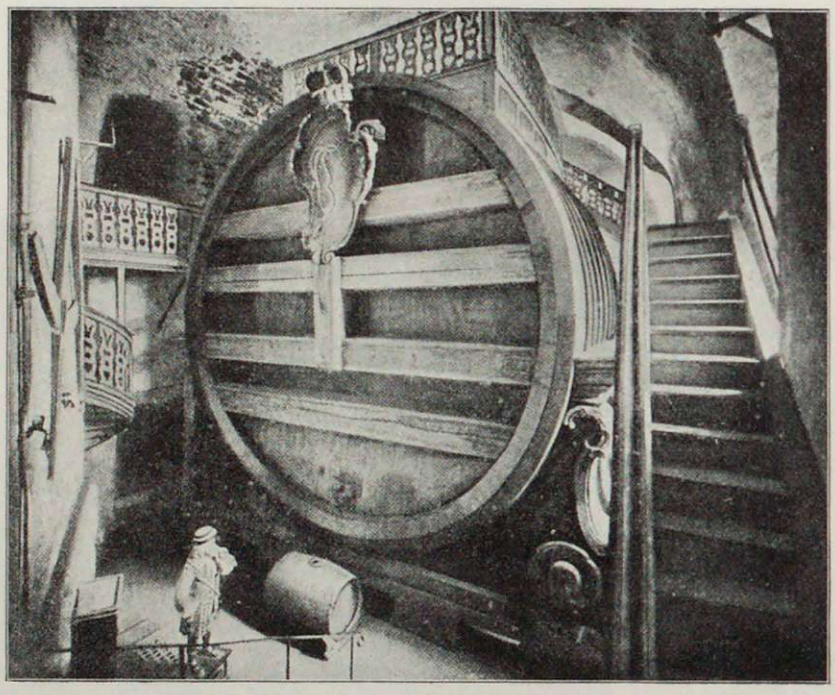
верхней и нижней. Въ верхней палатѣ засѣдаютъ члены семейства правителя, представители высшаго духовенства и дворянства, а также вообще лица, назначаемыя государемъ пожизненно или наслѣдственно. Поэтому верхнія палаты, разумѣется, представляютъ лишь интересы имущихъ классовъ.

Нижнія палаты, хотя и выбираются народомъ, но далеко не всѣмъ, не такъ, какъ рейхстагъ, при томъ не прямо, а чрезъ особыхъ выборщиковъ, и при этомъ болѣе богатые избиратели пользуются значительными преимуществами по сравненію съ бѣдняками. Отъ этого и происходитъ, что учрежденія, ближе всего стоящія къ народу и лучше всего знающія его нужды, не достаточно имъ интересуются.

Нынѣшнимъ своимъ могуществомъ Германія всецѣло обязана удачной для нея войнѣ съ Франціей 1870 года, и потому понятно, что все касающееся военнаго дѣла пользуется особеннымъ вниманіемъ правительства.

Въ Германіи существуетъ всеобщая воинская повинность съ трехлѣтнимъ срокомъ

службы, по окончаніи котораго всѣ переходятъ въ разрядъ запасныхъ,—ландвера, гдѣ имъ приходится время отъ времени являться на учебные сборы, чтобы не отвыкнуть окончательно отъ военной дисциплины и муштровки. Муштровка же эта прямо поразительна. Нигдѣ солдатъ не продѣлываетъ всѣхъ сложныхъ пріемовъ и упражненій съ такой чистотой и отчетливостью, какъ въ Германіи, ни въ одной странѣ воля солдата не подчинена волѣ начальника такъ всецѣло, какъ здѣсь. Съ перваго дня службы рекруту внушается что онъ обязанъ повиноваться, не разсуждая. На эту тему существуетъ очень характерная каррикатура: офицеръ скомандовалъ солдатамъ: «шагомъ маршъ!» и заговорился съ пріятелемъ, а когда спохватился, то солдатъ нигдѣ не оказалось, потому что, не слыша команды остановиться, они маршировали все впередъ и впередъ по прямой линіи, не обращая вниманія на трудности, преодолѣвая всѣ препятствія, пока наконецъ не очутились, обойдя вокругъ всего земного шара, на томъ мѣстѣ, откуда отправились. Это конечно, только каррикатура, но она какъ нельзя лучше характеризуетъ истинный идеалъ нѣмецкаго военачальника.

Гигантская пивная бочка въ Гейдельбергѣ.

Но муштровка эта не легко дается солдатамъ, нѣмецкіе же офицеры ни передъ чѣмъ не останавливаются, чтобы вбить ее имъ въ голову. Побои, доходящіе нерѣдко до истязаній, въ большомъ ходу въ нѣмецкой арміи и нерѣдко доводятъ солдатъ до сумасшествія и даже самоубійства. Однако такіе случаи лишь очень рѣдко попадаютъ въ печать, обыкновенно же они замалчиваются самимъ высшимъ начальствомъ.

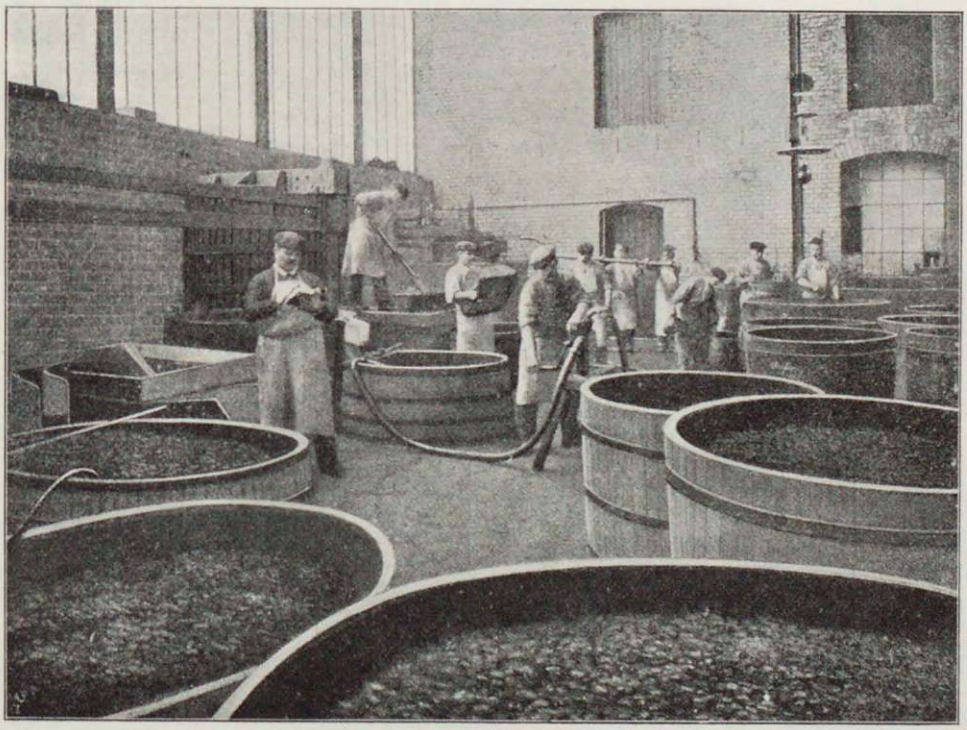
Будучи требовательны къ солдатамъ, нѣмецкіе офицеры также не мало работаютъ и сами, и общій уровень ихъ знаній очень высокъ по сравненію съ другими странами. Всякое усовершенствованіе въ области военной техники подвергается немедленному изученію, и если оказывается заслуживающимъ вниманія, то немедленно же вводится въ арміи. Кромѣ того на офицерахъ генеральнаго штаба—этого, такъ сказать, мозга арміи, лежитъ обязанность до мельчайшихъ подробностей изучить во всѣхъ отношеніяхъ страны, съ которыми только возможна война. И нѣмцы справляются съ этой задачей блестяще. Они знаютъ точно, сколько каждое государство можетъ выставить войска въ случаѣ войны, каковы въ немъ не только желѣзныя, но и грунтовыя дороги, въ чемъ заключаются слабыя стороны иностранныхъ крѣпостей. Для этого имъ приходится изучать страну на мѣстѣ, въ видѣ ли путешественниковъ или странствующихъ торговцевъ, обо всемъ разспрашивая, все высматривая. Нерѣдко даже они поднимаются на воздушныхъ шарахъ, чтобъ съ высоты получить общую картину мѣстности. При этомъ

приходится часто спускаться на чужой территоріи далеко отъ границы. Такъ напр. лѣтомъ 1908 года, военный шаръ, поднявшійся въ Берлинѣ, спустился возлѣ Мрина Черниговской губ. Вообще воздухоплаваніе въ германской арміи стоитъ на очень высокой ступени развитія.

Офицеры почти безъ исключенія принадлежатъ къ привилегированнымъ сословіямъ, составляютъ замкнутую корпорацію и очень свысока смотрятъ на не-военныхъ.

Въ мирное время составъ арміи превышаетъ 600.000, въ военное же численность ея, со всѣми запасными и ополченцами, можетъ достигнуть трехъ милліоновъ.

Германскій военный флотъ, прежде незначительный, при императорѣ Вильгельмѣ II началъ быстро развиваться, такъ какъ императоръ проявилъ къ этому дѣлу большой интересъ и употреблялъ всѣ средства, чтобы заставить народныхъ представителей ассигновать необходимыя для этого деньги. Однако, это не всегда удавалось ему. Тѣмъ не менѣе гер-

Винодѣліе на Рейнѣ: гадравлическіе холодильники для вина.

манскій флотъ въ настоящее время одинъ изъ сильнѣйшихъ въ Европѣ. Матросы для него набираются изъ населенія приморскихъ мѣстностей, которое съ дѣтства привыкаетъ къ морю и потому на службу является уже съ нѣкоторой подготовкой. Отъ общей воинской повинности населеніе это освобождено.

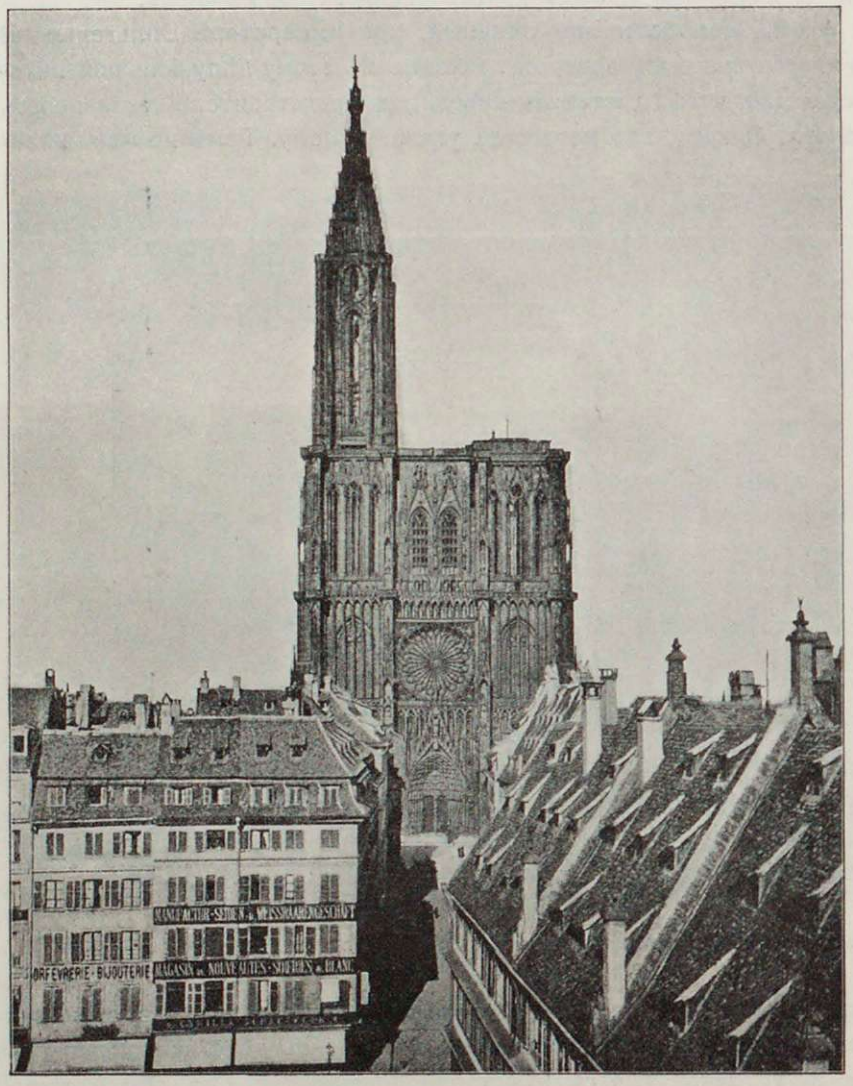
До средины XIX столѣтія Германія была почти исключительно страной земледѣльческой, и главная масса населенія состояла изъ сельскихъ жителей. Но затѣмъ, особенно послѣ франко-прусской войны, начался быстрый ростъ всѣхъ отраслей промышленности, которая имѣетъ постоянное тяготѣніе къ городамъ, какъ центрамъ, и въ настоящее время городское населеніе составляетъ болѣе половины всего населенія страны.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что земледѣліе потеряло свое важное значеніе и отошло на второй планъ. Наоборотъ, за это время оно сдѣлало значительные успѣхи, конечно преимущественно въ помѣщичьихъ хозяйствахъ.

Земледѣліемъ занимаются почти на всемъ пространствѣ Германіи, но въ зависимости

отъ мѣстности оно носитъ свой особый характеръ. Такъ, въ долинѣ Рейна и вообще во всей южной части страны преобладаетъ мелкое землевладѣніе, крупныя же помѣщичьи имѣнія находятся преимущественно на сѣверѣ и востокѣ. Разумѣется, и въ томъ и въ другомъ случаѣ существуютъ исключенія.

Вообще земледѣльцевъ, вѣрнѣе землевладѣльцевъ, Германіи можно раздѣлить на слѣдующія категоріи: 1) помѣщиковъ, какъ дворянъ, такъ и не дворянъ, владѣющихъ крупными имѣніями, не менѣе 100 десятинъ, и обрабатывающихъ землю исключительно наемнымъ трудомъ; 2) богатыхъ крестьянъ, владѣющихъ 20 и болѣе десятинъ, для обработки которыхъ имъ приходится прибѣгать къ помощи наемныхъ рабочихъ; 3) среднихъ крестьянъ, съ хозяйствомъ отъ 5 до 20 десятинъ, обыкновенно управляющихся съ работой только силами своей семьи, и наконецъ 4) мелкихъ собственниковъ такъ называемыхъ карликовыхъ хозяйствъ, имѣющихъ не болѣе 3-хъ десятинъ, а не рѣдко всего лишь нѣсколько квадратныхъ саженъ, да и то не въ одномъ мѣстѣ. Вообще, хотя черезполосица, представляющая собой такое зло въ Россіи, въ Германіи распространена гораздо меньше, все же она является настоящимъ бичомъ именно мелкихъ землевладѣльцевъ. Послѣдняя категорія, разумѣется, лишь въ исключительныхъ случаяхъ можетъ прокормиться на своемъ участкѣ, въ большинствѣ же случаевъ такіе крестьяне либо нанимаются къ своимъ же болѣе богатымъ односельчанамъ, либо уходятъ на лѣтніе заработки куда-нибудь подальше, въ помѣщичьи имѣнія, предоставляя хозяйничать дома другимъ членамъ семьи.

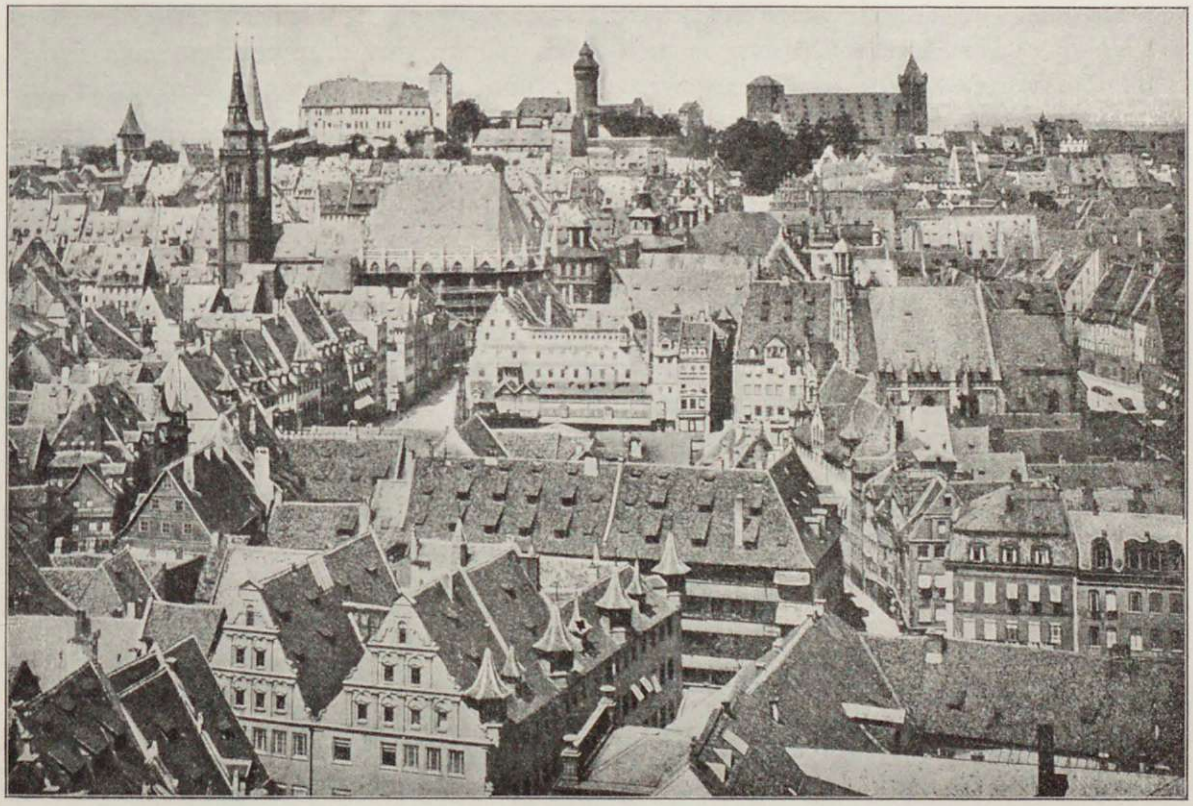

Страсбургскій соборъ.

Нѣмецкіе помѣщики, въ большинствѣ люди грубые и эгоистичные, являются въ то же время прекрасными сельскими хозяевами, изучающими свое дѣло какъ теоретически, такъ и практически. Оттого имѣнія ихъ, даже съ самой плохой землей, находятся обыкновенно въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, котораго они достигаютъ умѣлымъ примѣненіемъ

тѣхъ или иныхъ удобреній, а также самыхъ усовершенствованныхъ машинъ. Такъ какъ помѣщики хозяйничаютъ въ большинствѣ сами и живутъ въ деревнѣ, если и не круглый годъ, то значительную часть его, то они прилагаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы обставить жизнь возможнымъ комфортомъ, сдѣлать свою усадьбу уютнѣе и красивѣе. Поэтому въ нѣмецкихъ имѣніяхъ глазъ вездѣ поражаютъ чистота и порядокъ, красивые цвѣтники, парки.

Землю свою помѣщики обрабатываютъ съ помощью наемныхъ рабочихъ, годовыхъ и сезонныхъ. Первые живутъ у помѣщика круглый годъ, въ его помѣщеніи, часто съ семьей. Платятъ имъ отчасти деньгами, отчасти натурой—участкомъ земли подъ посадку картофеля и другихъ огородныхъ растеній, зерновымъ хлѣбомъ, кормомъ для его скотины, которая впрочемъ вознаграждаетъ владѣльца за этотъ кормъ навозомъ, особенно цѣннымъ

Общій видъ Нюренберга.

на тощихъ земляхъ сѣверо-восточной Германіи. Все это въ переводѣ на деньги, въ зависимости отъ мѣстности, составляетъ отъ 250 до 300 руб. Вознагражденіе сравнительно высокое, но бѣда въ томъ, что рабочій долженъ имѣть постоянно помощника для работъ, въ которыхъ одному не справиться, и на это нерѣдко уходитъ половина его заработка. Кромѣ того онъ долженъ имѣть такія орудія, какъ вилы, грабли, тоже собственныя. При этомъ, кромѣ своего труда, рабочій по требованію помощника долженъ посылать на поденную работу членовъ своей семьи по существующей цѣнѣ, а иногда и ниже. Поэтому-то помѣщики особенно цѣнятъ рабочихъ многосемейныхъ, одинокихъ же предпочитаютъ нанимать лишь въ горячую рабочую пору.

Отведенный ему участокъ земли рабочій можетъ обработать лишь урывками преимущественно въ праздники, такъ какъ это совпадаетъ обыкновенно съ самой спѣшной

работой въ имѣніи. Отсюда понятно равнодушіе даже сельскаго населенія Германіи къ вопросамъ религіи,—имъ обыкновенно бываетъ не до нея.

Рабочій день обыкновенно продолжается отъ восхода до заката солнца, и потому лѣтомъ, особенно въ горячую страдную пору бываетъ очень продолжителенъ, и рабочіе страшно устаютъ. Этому способствуетъ и мало питательная пища, такъ какъ мясо они видятъ очень рѣдко, да и то въ видѣ приправы, ѣдятъ же преимущественно картофель во всѣхъ видахъ.

Кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, помѣщики занялись теперь разведеніемъ сахарной свекловицы и винокуреніемъ.

Богатые крестьяне, хотя и дѣлаютъ все сами, но не управляются и потому должны, въ зависимости отъ количества земли, нанимать одного или нѣсколькихъ батраковъ, а также служанку. Жизнь такихъ батраковъ лучше жизни помѣщичьихъ рабочихъ, потому что отношенія съ нанимателемъ проще, они являются какъ бы членами семьи, съ которою вмѣстѣ пьютъ и ѣдятъ. Чувствуя себя здѣсь тверже, они даже осмѣливаются протестовать, если замѣчаютъ, что пища ухудшилась, или хозяинъ слишкомъ заваливаетъ работой. И хозяева обыкновенно принимаютъ это къ свѣдѣнію. Но на людяхъ отношеніе хозяевъ къ рабочимъ мѣняется. Нѣмецкій крестьянинъ никогда не упуститъ случая указать своему подчиненному его мѣсто. Для рабочихъ это особенно чувствительно, потому что многіе изъ нихъ знавали лучшіе дни. Дѣло въ томъ, что въ Германіи существуетъ обычай передавать по наслѣдству недвижимое имущество всегда одному только сыну, въ однихъ мѣстностяхъ старшему, въ другихъ младшему, остальныхъ же наслѣдниковъ новый владѣлецъ одѣляетъ небольшимъ количествомъ денегъ и затѣмъ предоставляетъ имъ идти на всѣ четыре стороны. И вотъ жившіе до сихъ поръ въ довольствѣ люди принуждены отправляться искать счастья въ городахъ, на заводахъ и фабрикахъ или наниматься въ батраки. Многіе изъ нихъ, особенно мужская молодежь, эмигрируютъ въ Америку.

Видъ усадьбы зажиточнаго нѣмецкаго крестьянина почти вездѣ одинаковъ. Обыкновенно здѣсь, подъ одной крышей, помѣщается и жилой домъ, и сѣновалы, и стойла для всѣхъ домашнихъ животныхъ. Это имѣетъ ту хорошую сторону, что у нихъ все и всегда подъ рукою, но за то опасно въ пожарномъ отношеніи.

Крестьяне третьей категоріи обыкновенно обходятся безъ помощи нанятыхъ рабочихъ, обладатели же наименьшихъ участковъ этой категоріи часто сами принуждены если не наниматься на службу, то прибѣгать ко всякаго рода подсобнымъ промысламъ.

Но многочисленнѣе всѣхъ послѣдняя категорія землевладѣльцевъ, т. е. имѣющихъ не болѣе 3 десятинъ, а чаще всего гораздо менѣе. Такихъ землевладѣльцевъ $^3/_4$ всѣхъ землевладѣльцевъ Германіи. Собственная земля лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ можетъ прокормить ихъ, и потому они нанимаются къ окрестнымъ помѣщикамъ и богатымъ крестьянамъ, предоставляя обработку земли членамъ своего семейства. Большое зло такихъ хозяйствъ составляетъ черезполосица. Помимо того, что участки нерѣдко расположены далеко одинъ отъ другого и, благодаря этому, требуютъ гораздо больше времени на обработку, но такое дробленіе отзывается еще и на качествѣ обработки, такъ-какъ участки эти бываютъ иногда настолько малы, что пахать ихъ совершенно невозможно, и приходится обрабатывать лопатой и мотыгой. Кромѣ того безконечно-длинная граничная линія служитъ причиной постоянныхъ недоразумѣній и ссоръ, доходящихъ въ концѣ-концовъ до суда. Благодаря этому среди крестьянъ сильно развито сутяжничество. И за него нельзя и осуждать крестьянина; вѣдь каждый захваченный у него квадратный аршинъ земли лишаетъ его семью куска хлѣба, далеко не лишняго. Положеніе такого крестьянина пожалуй даже хуже положенія безземельнаго. Послѣдній ничѣмъ не привязанъ къ мѣсту и можетъ идти, куда глаза глядятъ, въ поискахъ выгодной работы, въ то время какъ первый

изо всѣхъ силъ держится за свой домъ и принужденъ довольствоваться работой, какая подвернется на мѣстѣ.

При такомъ положеніи достаточно одного-двухъ неурожаевъ или какого либо другого подобнаго бѣдствія, чтобъ неустойчивое равновѣсіе существованія такого горе-собственника было нарушено въ конецъ, и все его убогое достояніе пошло съ молотка.

Разумѣется, на югѣ-Германіи, по Рейну и Баваріи, гдѣ разводятся виноградники и хмелевыя плантаціи, мелкія хозяйства приносятъ достаточный доходъ.

Какъ ни много въ Германіи малоземельныхъ крестьянъ, но безземельныхъ еще больше, и число ихъ, благодаря непрерывно происходящей дифференціаціи, все увеличивается. Часть изъ нихъ отправляется на заработки и, странствуя съ мѣста на мѣсто, нанимается то по одиночкѣ, то цѣлыми артелями къ помѣщикамъ на лѣтнія работы. Лѣ-

Гамбургъ: видъ одного изъ каналовъ.

томъ обыкновенно такіе рабочіе получаютъ хорошую плату, но зимой имъ приходится перебиваться съ большимъ трудомъ.

Другая часть занимается кустарными промыслами на мѣстѣ, у кого есть свой домъ и инструменты—дома, у кого-же ихъ нѣтъ—въ чужой мастерской. Важнѣйшими изъ такихъ промысловъ въ Германіи являются часовое производство, особенно распространенное въ Шварцвальдѣ, гористой мѣстности юго-западной Германіи, и ткачество, поцвѣтающее, вѣрнѣе, прозябающее въ Силезіи. Шварцвальдскіе часы, какъ самые дешевые, такъ и очень дорогіе, съ различными автоматическими приспособленіями, типичнымъ образцомъ которыхъ является кукушка, распространены по всему свѣту и даютъ не дурной заработокъ населенію.

Не такъ благопріятно положеніе кустарей-ткачей Силезіи. Составля конкурренцію

фабрикамъ они, въ свою очередь, подъ вліяніемъ послѣднихъ, принуждены сокращать свой заработокъ все болѣе и болѣе. Работаютъ они у себя на дому и на собственныхъ станкахъ, но матеріалъ получаютъ отъ особыхъ скупщиковъ, которымъ впослѣдствіи сдаютъ готовый товаръ. Такое посредничество понижаетъ и безъ того жалкій заработокъ ткача, потому что скупщикъ всегда крѣпко держитъ его въ рукахъ. Заработокъ такого ткача, при работѣ часовъ 15 въ день, колеблется отъ 30 до 50 коп. въ сутки, но дѣло въ томъ, что ему помогаютъ при этомъ постоянно двое или трое членовъ его семьи, такъ что на человѣка приходится 10—15 коп. въ день. Понятно послѣ этого, что такіе ткачи имѣютъ далеко не цвѣтущій видъ, и каждое новое поколѣніе выглядитъ все слабѣе и болѣзненнѣе.

Выше мы говорили, что до середины XIX столѣтія Германія была страной почти исключительно земледѣльческой, но съ тѣхъ поръ въ ней быстро начала развиваться промышленность, и послѣ войны 1870 года развитіе это пошло такъ быстро и достигло такихъ размѣровъ, что Германія заняла въ этой области второе мѣсто послѣ Англіи, этой классической промышленной страны.

Такъ какъ промышленныя предпріятія тяготѣютъ обыкновенно къ городамъ, то населеніе послѣднихъ значительно возросло въ числѣ. Такъ въ 1871 году городовъ съ населеніемъ свыше 100.000 было всего 8, къ началу же XX столѣтія число ихъ возросло до 35.

Въ настоящее время въ промышленности занято до 40% всего населенія, да 12% въ торговлѣ и путяхъ сообщенія. Важнѣйшія отрасли промышленности—обработка волокнистыхъ веществъ, горное дѣло и заводское дѣло.

Хотя заработокъ фабричныхъ ткачей и лучше заработка кустарей, но все же большая часть ихъ перебивается лишь съ большимъ трудомъ. Кромѣ того, что городская жизнь много дороже деревенской, фабричный рабочій считаетъ нужнымъ имѣть приличную одежду, чтобъ не показываться на людяхъ въ оборванномъ видѣ, такъ какъ его осудятъ свои же товарищи рабочіе. Хорошо, если такой рабочій труженикъ; но если онъ любитъ выпить лишнее, то никогда не сведетъ концы съ концами. Первое, въ чемъ начинаютъ экономить рабочіе, бываетъ пища, особенно мясо, которое они ѣдятъ лишь по воскресеньямъ. Главнымъ пищевымъ продуктомъ въ городѣ, какъ и въ деревнѣ, является картофель, затѣмъ слѣдуетъ хлѣбъ, кофе, селедка, овощи.

Тяжелы также и жилищныя условія рабочихъ. Хотя съ развитіемъ промышленности нѣмецкіе города расширяются и застраиваются красивыми зданіями, но пользуются ими исключительно имущіе классы, рабочіе же принуждены ютиться на окраинахъ, въ каморкахъ и сырыхъ подвалахъ. При этомъ такая квартира почти всегда безъ исключенія обходится рабочему относительно дороже, чѣмъ любому богачу. Дѣйствительно, по разсчету кубическая сажень воздуха въ рабочей квартирѣ въ годъ оплачивается 27 рублями, тогда какъ даже во дворцахъ богачей она обходится не дороже 22 рублей. Такія неблагопріятныя условія сильно вліяютъ на смертность среди рабочаго населенія, которая, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ и среди взрослыхъ, значительно выше, чѣмъ у другихъ классовъ населенія.

Наибольшихъ успѣховъ Германія достигла въ желѣзодѣлательной промышленности. Продукты ея, при хорошемъ качествѣ, значительно дешевле англійскихъ, и потому распространены по всему свѣту. Рабочіе въ этой отрасли труда, требующей значительной подготовки, оплачиваются лучше, чѣмъ во всякой другой. Грандіознѣйшимъ предпріятіемъ въ этой области, не только въ Германіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ, являются сталелитейные и пушечные заводы Круппа въ Эссенѣ, въ Пруссіи. Заводы эти представляютъ собою какъ бы цѣлый отдѣльный городъ, надъ которымъ возвышается цѣлый лѣсъ днемъ

и ночью дымящихся трубъ. Самый заводъ состоитъ изъ безчисленнаго количества всевозможныхъ мастерскихъ, въ которыхъ изготовляется все необходимое для завода. Кромѣ этого главнаго завода, Круппъ владѣетъ еще рядомъ другихъ сталелитейныхъ заводовъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи, затѣмъ ему принадлежитъ болѣе пятисотъ каменноугольныхъ копей, а также желѣзные рудники. Для перевозки продуктовъ заводъ имѣетъ собственные пароходы и подъѣздные пути, такимъ образомъ для него не страшны ни забастовки, ни повышенія цѣнъ; все необходимое онъ всегда имѣетъ у себя подъ рукой. Въ послѣднее время заводъ началъ также заниматься кораблестроеніемъ. Непрерывно развиваясь, заводъ, на которомъ въ 1832 году работало всего 10 человѣкъ, занимаетъ въ настоящее время до 50 тысячъ рабочихъ, съ семьями представляющими внушительную цифру свыше 200.000 человѣкъ.

Берлинъ, зданіе рейхстага.

Громадные барыши позволяютъ заводу оплачивать рабочихъ лучше другихъ, въ среднемъ 1 р. 50 к.—2 р. въ день, но за то здѣсь они подчинены такой желѣзной дисциплинѣ, какой не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Съ цѣлью поддержанія среди нихъ этой дисциплины и въ нерабочее время заводъ на своей землѣ настроилъ множество рабочихъ квартиръ, которыя и сдаетъ по очень дешевой цѣнѣ. Рабочіе по неволѣ мирятся съ различными стѣсненіями своей свободы, такъ какъ жилища эти несравненно удобнѣе и здоровѣе тѣхъ, которыя они могутъ имѣть за ту же цѣну на сторонѣ. Холостые рабочіе обязаны жить въ казармѣ при заводѣ, по нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе находятся подъ строжайшимъ наблюденіемъ особыхъ надзирателей, которые тотчасъ же разгоняютъ всякое „незаконное“ сборище. Требованіе ихъ исполняется безпрекословно, иначе рабочіе рискуютъ потерять работу.

Такъ какъ на заводѣ существуетъ много приспособленій, употребляемыхъ только здѣсь и составляющихъ секретъ заводчиковъ, то не только посторонніе посѣтители не допускаются

внутрь заводской ограды, но и рабочіе одной мастерской никогда не входятъ въ другія, подъ страхомъ немедленнаго увольненія. Заводъ обнесенъ сплошной оградой, у каждыхъ воротъ которой день и ночь дежурятъ надежные сторожа.

Центромъ каменноугольной промышленности является Вестфалія. Добываніемъ угля здѣсь заняты сотни тысячъ рабочихъ, и потребленіе его распространяется на всю Германію, такъ что когда въ 1889 году здѣсь началась забастовка, то многіе заводы и фабрики даже въ отдаленныхъ мѣстностяхъ принуждены были остановиться, а желѣзныя дороги, за недостаткомъ топлива, сократили число поѣздовъ.

Работа въ копяхъ одна изъ самыхъ тяжелыхъ; добывать уголь приходится на большей глубинѣ, гдѣ температура нерѣдко достигаетъ 25°, и рабочіе обливаются потомъ, въ то же время въ галлереяхъ, благодаря сильной тягѣ, дуетъ постоянно сквозной вѣтеръ, еще усиливающій опасность заболѣванія.

Тяжелый трудъ и неблагопріятныя условія жизни быстро подрываютъ здоровье рабочаго, и большинство ихъ умираетъ, далеко не доживъ до старости. Вообще средняя продолжительность жизни рабочихъ далеко меньше таковой же въ средѣ имущихъ классовъ. И вотъ, чтобы хоть отчасти спасти рабочихъ отъ нищеты, ожидающей ихъ въ случаѣ смерти или потери трудоспособности, германское правительство издало законы о страхованіи отъ болѣзни, отъ старости и потери трудоспособности и отъ несчастныхъ случаевъ. Часть денегъ въ страховой капиталъ вносится рабочими, часть хозяевами и часть правительствомъ, а затѣмъ нуждающимся выдается изъ этихъ капиталовъ пособіе.

И сами рабочіе также приходятъ себѣ на помощь. Они давно поняли, что сообща имъ легче достигнуть чего бы то ни было, чѣмъ въ одиночку, и потому начали организовывать союзы по профессіямъ. Такіе союзы тоже имѣютъ свои кассы, изъ которыхъ поддерживаютъ своихъ членовъ, попавшихъ въ затруднительное положеніе. Союзы близкихъ между собою профессій, въ свою очередь, объединяются въ болѣе крупныя организаціи, собранія свои союзы устраиваютъ въ какомъ-нибудь излюбленномъ трактирѣ, гдѣ за кружкой пива и обсуждаютъ свои нужды и принимаютъ то или иное рѣшеніе. Однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ борьбы нѣмецкихъ рабочихъ съ предпринимателями слѣдуетъ признать стачку или прекращеніе работъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не удовлетворитъ ихъ требованій. Хотя рабочіе много теряютъ при этомъ, но несладко приходится и хозяевамъ, особенно въ такихъ напр. предпріятіяхъ, какъ угольныя копи, гдѣ стачка часто равносильна разоренію, потому что сплошь и рядомъ почвенная вода за время стачки заливаетъ копь. Поэтому все чаще и чаще обѣ стороны начинаютъ прибѣгать къ мирному разрѣшенію недоразумѣній.

Въ городахъ съ многочисленнымъ рабочимъ населеніемъ союзамъ приходится имѣть постоянное помѣщеніе, и такъ какъ не всегда можно найти такое, какое нужно, то у рабочихъ сначала Берлина, а потомъ и другихъ городовъ явилась мысль построить собственный домъ, въ которомъ бы сосредоточивались всѣ ихъ учрежденія. Здѣсь помѣщаются и правленія разныхъ союзовъ, и ресторанъ, и читальня, и театральный залъ. Особенное помѣщеніе отведено подъ ночлежный пріютъ для одинокихъ рабочихъ, гдѣ они съ полнымъ удобствомъ могутъ располагаться на ночлегъ за 15—30 коп. Примѣръ Берлина вызоветъ несомнѣнно вскорѣ подражаніе и въ другихъ промышленныхъ центрахъ Германіи.

Среди городского населенія Германіи видную роль играетъ чиновничество, чрезвычайно многочисленное. Про нѣмца можно сказать, что онъ если не купецъ, то чиновникъ. Но чиновникъ онъ крайне добросовѣстный, хорошо знающій свое дѣло, что и понятно, такъ какъ самыя ничтожныя должности занимаются людьми если не съ университетскимъ, то во всякомъ случаѣ съ серьезнымъ образованіемъ, часто лишь послѣ спеціальнаго экзамена. Разъ начавъ службу, нѣмецъ упорно держится за нее, надѣясь хоть къ старости достигнуть обезпеченнаго положенія. Вообще же слѣдуетъ сказать, что нѣмецкое жалова-

ніе очень невелико, и получающимъ его приходится ухищряться всяческими способами, чтобы сводить концы съ концами, тѣмъ болѣе, что нѣмцы въ большинствѣ случаевъ очень многосемейны. Этимъ и объясняется вошедшая въ поговорку бережливость и аккуратность нѣмцевъ.

Сосредоточивая все свое вниманіе на службѣ, нѣмцы, разумѣется, очень мечтаютъ о повышеніяхъ и чинахъ, и къ послѣднимъ у нихъ въ особенности тяготѣніе необычайное. При этомъ не только каждый изъ нихъ, но и жены ихъ требуютъ, чтобъ ихъ обязательно величали согласно титулу супруга, иногда очень длинному и запутанному. Но съ особеннымъ вожделѣніемъ мечтаютъ нѣмцы о частицѣ „фонъ", обозначающей дворянское достоинство. Хотя дворянство и не пользуется оффиціально никакими преимуществами, но при назначеніяхъ напр. дворянамъ всегда отдается предпочтеніе, точно также какъ и въ обществѣ отношеніе къ нимъ совершенно иное, чѣмъ къ не дворянамъ. Дворянское достоинство жалуется обыкновенно за какія-нибудь особенныя услуги, хотя, конечно, иногда достигать его помогаетъ и богатство. Дворянское сословіе въ Германіи вообще очень многочисленно, хотя богатыхъ среди нихъ и немного. Многочисленность эта создалась чисто исторически: до объединенія Германія состояла изъ множества отдѣльныхъ, самостоятельныхъ государствъ, государи которыхъ имѣли всегда достаточно многочисленные дворы, при чемъ скудные доходы ихъ не позволяли имъ вознаграждать своихъ приближенныхъ деньгами и помѣстьями, и вотъ тутъ на помощь являлись титулы.

Образъ жизни нѣмецкаго купечества мало чѣмъ отличается отъ образа жизни чиновниковъ, развѣ только нѣсколько большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мужчина весь день проводитъ внѣ дома, за своимъ дѣломъ, вечеромъ же снова уходитъ либо въ клубъ, либо въ ресторанъ, пить пиво. Ресторанная жизнь очень развита въ Германіи, туда отправляются нерѣдко всей семьей, встрѣчаются съ знакомыми, ведутъ общіе разговоры, замѣняя тѣмъ хожденіе въ гости другъ къ другу. Здѣсь тоже сказывается нѣмецкая расчетливость: гостей надо угощать, въ ресторанѣ же каждый платитъ за себя. Притомъ же истребляется въ ресторанахъ преимущественно пиво, продуктъ въ Германіи очень дешевый, благодаря чему потребленіе его достигаетъ громадныхъ размѣровъ.

Отсутствіе уютности и комфорта дома побуждаетъ нѣмцевъ проводить тамъ какъ можно меньше времени и уходить, если не въ рестораны, то въ театры, танцовальныя залы и проч. Развлеченія тамъ хоть и не особенно высокаго качества, но за то для всѣхъ доступны.

Хозяйство и воспитаніе дѣтей лежитъ всецѣло на женщинѣ и занимаетъ все ея время. Отсюда понятно, почему въ странѣ, гдѣ образованіе стоитъ на такой высокой ступени, образованныхъ женщинъ, играющихъ сколько-нибудь замѣтную общественную роль, крайне мало. Мало ихъ и въ университетахъ, хотя въ послѣднее время все же замѣчается среди женщинъ все возрастающее стремленіе къ высшему образованію.

Хотя каждое изъ входящихъ въ составъ Германской имперіи государствъ имѣетъ свою столицу, но столицей имперіи является главный городъ Пруссіи—Берлинъ. Какъ искусственно создававшійся административный центръ, онъ лишенъ красоты естественно и постепенно создававшихся городовъ и поражаетъ глазъ своей прямолинейностью. Но все же городское управленіе, относящееся здѣсь къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно, заботится о возможномъ украшеніи города и его оздоровленіи. Большія средства затраченны имъ на канализацію, но зато и результаты усовершенствованія на лицо: пока нечистоты выбрасывались прямо въ рѣку Шпре или въ выгребныя ямы, смертность населенія составляла 30 человѣкъ на тысячу, въ настоящее же время она понизилась до 20 человѣкъ. Другая забота городского управленія устройство парковъ, замѣчательнѣйшимъ изъ которыхъ является Тиргартенъ. Прежде онъ занималъ огромное пространство

и являлся мѣстомъ охоты высокопоставленныхъ лицъ на оленей, кабановъ и другихъ звѣрей, но теперь онъ расчищенъ и служитъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ всѣхъ слоевъ берлинскаго населенія. Въ одной изъ частей его помѣщается прекрасный звѣринецъ.

Многія улицы Берлина, въ томъ числѣ и главная улица „подъ Липами", обсажены деревьями, представляющими прекрасныя тѣнистыя аллеи.

Одной изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей Берлина является его акваріумъ, величайшій въ мірѣ. Отдѣльныя помѣщенія его приспособлены такъ, что въ нихъ, въ естественныхъ условіяхъ, живутъ представители различныхъ морей и океановъ. Здѣсь же имѣются помѣщенія для земноводныхъ и пресмыкающихся, а также огромный птичникъ, разнообразные обитатели котораго оглашаютъ воздухъ непрерывнымъ пѣніемъ и крикомъ.

Уличная жизнь въ Берлинѣ не отличается такимъ оживленіемъ, какъ въ другихъ европейскихъ столицахъ, что объясняется болѣе спокойнымъ и медлительнымъ темпераментомъ нѣмцевъ.

Населеніе Берлина, благодаря множеству фабрикъ и заводовъ, привлекающихъ массу рабочихъ, превышаетъ въ настоящее время 2 милліона, а съ пригородами свыше 3 мил. жителей.

И. Леонтьевъ.

Голландія.

Характеръ страны. — Наступаніе моря и наводненія. — Защитныя сооруженія. — Населеніе, его характеръ и бытъ.—Города.

„Богъ создалъ море, а мы берега", говорятъ голландцы. Дѣйствительно, эта маленькая страна всецѣло созданіе рукъ ея жителей, результатъ энергіи, умѣлой и неослабной борьбы. Въ Голландіи все говоритъ о творчествѣ человѣка: ея водяныя сооруженія, мосты, плотины, и невольно приходитъ на умъ умѣстное здѣсь выраженіе Бюффона: „геній—это терпѣніе".

Все въ этой маленькой странѣ необычайно, и все измѣняетъ наши ходячія понятія: воды больше, чѣмъ зелени, луговъ больше, чѣмъ полей, архитектура домовъ и костюмы жителей воскрешаютъ давно прошедшія времена. Четвертая часть поверхности страны лежитъ ниже уровня моря, двѣ пятыхъ не выше метра. Неудивительно, что „въ Голландіи рѣки текутъ надъ головами ея жителей, мачты кораблей возвышаются надъ крышами домовъ, и водяные пауки плаваютъ надъ головами ласточекъ".

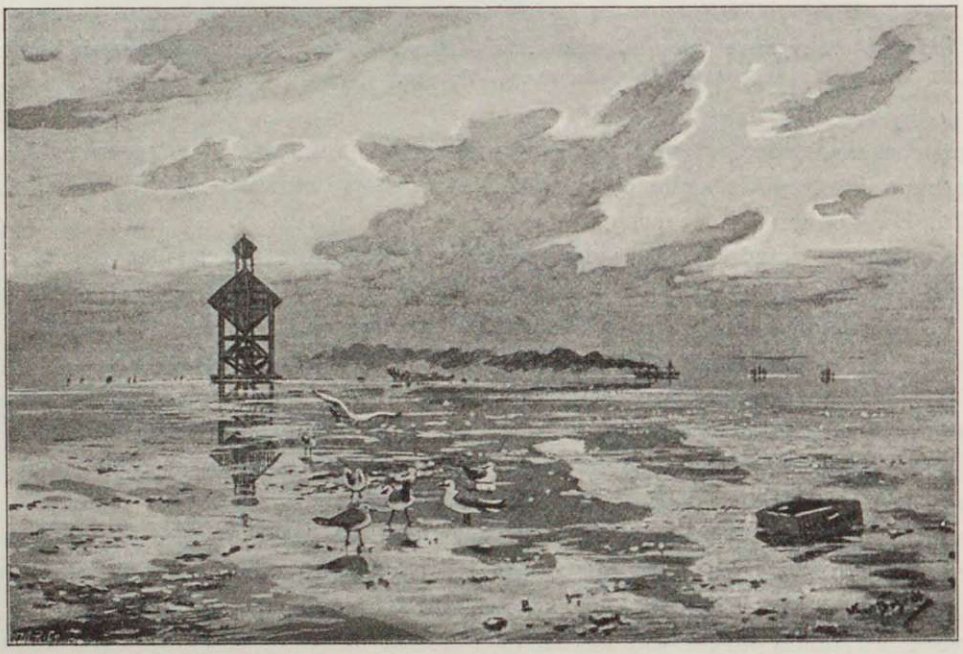
Голландія страна низменная въ полномъ значеніи этого слова. Единственная возвышенность на границѣ съ Бельгіей Сентъ-Питерсбергъ имѣетъ скорѣе историческій и научный интересъ, чѣмъ сколько нибудь измѣняетъ ея ландшафтъ. Низменный характеръ господствуетъ въ такой мѣрѣ, что на безпредѣльной равнинѣ всѣ предметы вырисовываются вполнѣ отчетливо: крестьянская ферма, группа коровъ, ряды деревьевъ—все отчетливо, опредѣленно, какъ хорошо снятая фотографія или добросовѣстно раскрашенная картина.

Въ общемъ голландскій пейзажъ поражаетъ своимъ однообразіемъ. Если бы не общій видъ культурности и благосостоянія, глазу не на чемъ было бы отдохнуть. Однако, не смотря на эту монотонность, голландской природѣ нельзя отказать въ своеобразной тонкой прелести, особенно въ ясный вечеръ послѣ заката или рано утромъ. Здѣсь нѣтъ яркихъ южныхъ красокъ: надъ открытыми, низменными, отчасти лѣсными равнинами разстилается нѣжное сѣровато-голубое небо; прозрачныя, туманныя дали окутываютъ горизонтъ. Все изящно, неопредѣленно, полно тихой грусти, свойственной вообще сѣвернымъ равнинамъ. Но эта воздушная красота не волнуетъ, не возбуждаетъ, не бросается въ глаза; ее надо искать. Она не радуетъ какимъ-нибудь неожиданнымъ эффектомъ: она всегда печальна. Голландецъ недоволенъ своей природой. Онъ стремится скрасить ея однообразіе, но отсутствіе вкуса подсказываетъ ему грубыя краски, рѣзкое сочетаніе цвѣтовъ, и этимъ онъ окончательно уродуетъ ея хрупкую красоту. За то всякаго путешественника поражаетъ въ Голландіи цвѣтущій видъ ея полей и луговъ, высокая культура

земли, обиліе прекраснаго, породистаго скота, чистота, удобство и прекрасное состояніе ея путей сообщенія.

Голландія царство плотинъ, вѣтряныхъ мельницъ и каналовъ. Всѣ эти сооруженія преслѣдуютъ единственную цѣль: защищать страну отъ вторженія воды, которая угрожаетъ ей внутри и снаружи, которая пропитываетъ ее, какъ губку, и грозитъ не только благосостоянію, но и существованію ея жителей. Если бы не было искусственныхъ сооруженій, вся сѣверная часть Голландіи, ея наиболѣе цвѣтущія области, были бы немедленно затоплены моремъ.

Лѣтопись борьбы съ водами рѣкъ и моря полна ужасающихъ несчастій. Начиная съ IX вѣка сохраняется память о страшныхъ наводненіяхъ, размывающихъ берега и въ нѣсколько часовъ разрушающихъ благосостояніе жителей. Особенно памятны губительныя наводненія XIII в., которыхъ насчитываютъ до 35 большихъ, не считая малыхъ. Наводненіе 1421 года разрушило 72 деревни и снесло около ста тысячъ жителей. Наводненія

Ваттенъ.

XVI столѣтія менѣе ужасны, но и при нихъ жертвы считались сотнями и тысячами, а убытки страны—сотнями тысячъ. Даже въ XIX вѣкѣ, когда оборонительныя постройки голландцевъ достигли высокой степени совершенства, наводненіе 1825 года затопило до сорока большихъ селеній. Несмотря на сравнительное спокойствіе послѣднихъ десятилѣтій, борьба съ моремъ энергично продолжается. Вся Голландія зорко слѣдитъ за цѣлостью и прочностью своихъ плотинъ, оборонительныя сооруженія растутъ, но, конечно, нельзя ручаться, что какое-нибудь сильное наводненіе не разрушитъ этихъ крѣпостей, и соленая волна Сѣвернаго моря не прокатится по странѣ, оставляя за собой всеобщее разрушеніе.

Другой врагъ голландцевъ, не менѣе опасный, весенніе разливы рѣкъ. Черезъ эту маленькую страну проходятъ три большихъ рѣки: Рейнъ, Маасъ и Шельда. Въ ледоходъ глыбы льда напираютъ на плотины, нерѣдко разрушаютъ ихъ, и рѣчныя воды со страшной силой и быстротой разливаются по прибрежнымъ равнинамъ. Осаждаемые водой, подъ вѣчной угрозой наводненія, голландцы живутъ, какъ въ завоеванной странѣ. Постоянная

опасность сдѣлала ихъ хладнокровными и мужественными: въ бурю, въ большой приливъ, при малѣйшемъ признакѣ надвигающагося наводненія—все населеніе у плотинъ. Плотины—неприкосновенны. Въ древнія времена преступленія противъ нихъ карались смертью. Мужественная защита ихъ создавала легенды, и до сихъ поръ въ хрестоматіяхъ можно встрѣтить разсказъ о маленькомъ героѣ, спасшемъ своей находчивостью страну отъ наводненія.

Когда были построены первыя плотины—неизвѣстно. Матеріалъ, формы и величины ихъ постоянно мѣнялись. Теперь это прочныя сооруженія изъ камня, желѣза и дерева: рядъ громадныхъ свай, связанныхъ поперечными дубовыми досками со слѣдующимъ, не менѣе прочнымъ рядомъ, расположеннымъ позади. Все это обшито фашинами, обложено хворостомъ и усѣяно гвоздями съ круглыми шляпками, предохраняющими дерево отъ морскихъ раковинъ и червей. Стѣны плотинъ отлого спускаются къ морю: волна не бьетъ въ нихъ, а лижетъ, разсыпаясь пѣнистыми брызгами.

Высота плотинъ достигаетъ 8—10 м., ширина 50—100 м. Такая ширина позволяетъ пользоваться ими, какъ путями сообщенія, и нерѣдко на гребняхъ ихъ высятся гостиницы, иногда даже цѣлые поселки. Общая длина плотинъ достигаетъ 2.500 к. Удивленіе передъ грандіозностью этихъ построекъ, передъ громаднымъ количествомъ затраченнаго труда еще возрастетъ, когда вспомнишь, что въ Голландіи нѣтъ ни желѣза, ни камня, ни дерева, что все это привозится изъ различныхъ странъ, и каждая новая постройка требуетъ громадныхъ затратъ. Высчитано, что къ половинѣ XIX ст. издержки по постройкѣ плотинъ достигали 300 милліоновъ франковъ: содержаніе однѣхъ зеландскихъ плотинъ обходится странѣ ежегодно больше милліона, не говоря уже объ обширныхъ фрисландскихъ и другихъ береговыхъ сооруженіяхъ.

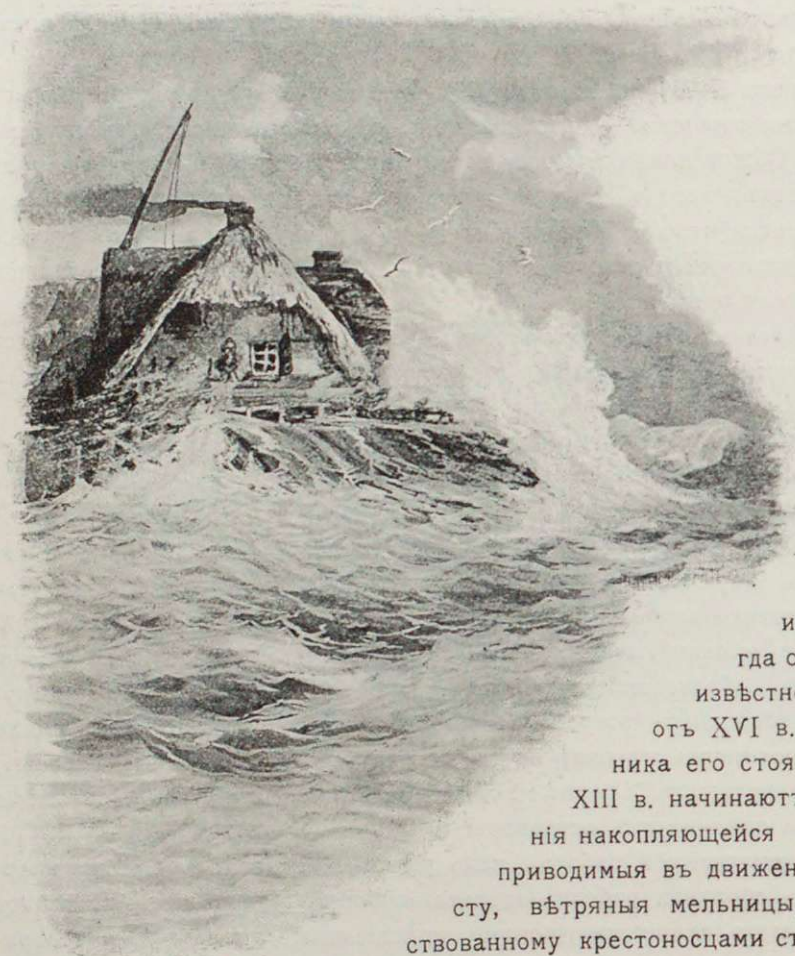
Но борьба съ моремъ далеко не ограничивается одной обороной: голландцы ведутъ упорное наступленіе и шагъ за шагомъ отнимаютъ у моря захваченные имъ нѣкогда берега. Современная карта Нидерландовъ далеко не та, что была сто лѣтъ тому назадъ, но еще менѣе похожа она на карту XI—XII ст.: рядъ острововъ близь Фрисландіи, какъ то Тексель, Флиландъ, Тершелингъ, Амеландъ и др. представляютъ остатки Нидерландскаго материка, размытаго наводненіями XII и XIII в. Разрушеніе началось памятнымъ наводненіемъ 1170 г. и окончилось въ XIII ст.: вмѣсто небольшого озера Флево, упоминаемаго еще Тацитомъ, образовалось „Южное море"—Зюйдерзе, а отъ разрушеннаго прибрежья—рядъ небольшихъ острововъ. Послѣдующія наводненія еще болѣе увеличили захваты моря. Соединяясь не разъ во время бурь съ Гаарлемскимъ озеромъ, Зюйдерзе угрожало всему полуострову Сѣверной Голландіи. Точно также шло образованіе и исчезновеніе большей части зеландскихъ острововъ.

Но рядомъ съ этой разрушительной работой, какъ уже было сказано выше, все энергичнѣе и настойчивѣе идетъ обратная работа—завоеванія берега человѣкомъ. Лѣтопись этой безкровной борьбы блещетъ славными именами, грандіозными проектами и поразительными результатами. Уже значительная часть затопленой земли возвращена Нидерландамъ: изъ 5813 кв. к., потерянныхъ Зеландіей, осушены 3635; нѣкоторые острова, поглощенные моремъ, снова появились на поверхности. Но самымъ замѣчательнымъ въ исторіи этой борьбы несомнѣнно является осушеніе Гаарлемскаго озера. Человѣческій геній и терпѣніе вернули странѣ свыше 180 кв. к. плодороднѣйшей земли. Осушеніе (1840—1843 г.) велось подъ руководствомъ опытныхъ инженеровъ. Здѣсь впервые была примѣнена паровая машина значительной силы, и помощью 11 насосовъ изъ озера было выкачано 925 милліоновъ куб. метровъ воды, а его илистое дно превращено въ превосходныя пастбища.

Теперь передъ Голландіей новая задача, требующая для своего осуществленія еще большей энергіи и еще большихъ средствъ. Это—осушеніе Зюйдерзе. Послѣ опыта съ

Гаарлемскимъ озеромъ осушеніе Зюйдерзе считается возможнымъ, хотя площадь его въ нѣсколько разъ превышаетъ площадь осушеннаго Гаарлемскаго озера. Осушеніе Зюйдерзе вернетъ Голландіи цѣлую треть всей отнятой моремъ территоріи. Для этого предпріятія потребуются колоссы-машины, такъ какъ изъ Зюйдерзе предстоитъ выкачать милліарды куб. м. воды.

Борьба съ внутренними водами не менѣе утомительна и опасна, чѣмъ съ моремъ. Значительное количество атмосферныхъ осадковъ, три большихъ рѣки со множествомъ притоковъ, тысячи озеръ—пропитываютъ влагой почву Голландіи, давая начало большимъ скопленіямъ стоячихъ водъ. Этому способствуютъ и выемки, образующіяся при разработкѣ торфа, доставляющаго топливо въ этой безлѣсной странѣ. Благодаря громадному количеству воды почва на десятки километровъ превращается въ полужидкую топь, усѣянную озерами, которыя во время наводненій или весеннихъ разливовъ соединяются съ сосѣдними рѣками и окончательно заливаютъ страну. Но и въ обычное время эти воды представляютъ непреоборимое препятствіе для воздѣлыванія земли и вообще для какой-либо культурной жизни.

Берегъ въ бурю.

Поэтому, уже очень рано, въ Нидерландахъ возникаетъ своеобразное искусство—осушеніе почвы. Когда оно возникло, въ точности неизвѣстно; свѣдѣнія, дошедшія до насъ отъ XVI в., указываютъ, что тогда техника его стояла довольно высоко. Еще въ XIII в. начинаютъ употребляться для удаленія накопляющейся воды водокачальныя машины, приводимыя въ движеніе силою вѣтра. Это, попросту, вѣтряныя мельницы, построенныя по типу, заимствованному крестоносцами съ востока. Черпаки вѣтряныхъ мельницъ собираютъ воду съ осушаемаго участка и выливаютъ ее въ каналы. Сѣть каналовъ, какъ и ряды вѣтряныхъ мельницъ, и по настоящее время покрываютъ Голландію.

Осушенные, обнесенные плотинами и прорѣзанные каналами участки земли носятъ въ Голландіи названіе польдеровъ; покрытые толстымъ слоемъ жирнаго ила, они даютъ богатые урожаи и могутъ долгое время воздѣлываться безъ удобреній. Поэтому цѣны на нихъ стоятъ высокія и окупаютъ значительныя издержки по осушенію.

Невольно является вопросъ: какой высокой степенью культурности и какимъ громаднымъ національнымъ богатствомъ должна обладать страна, чтобы строить и поддерживать эти обширныя, дорого-стоющія сооруженія? Дѣйствительно, цѣлая армія спеціалистовъ-инженеровъ находится на службѣ у государства. Ежегодно парламентъ вотируетъ

значительныя суммы на гидро-техническія работы: главные расходы по устройству плотинъ несутъ объединенныя организаціи землевладѣльцевъ, если же расходы по содержанію ихъ дѣлаются не по силамъ жителямъ, государство приходитъ имъ на помощь.

Однако не вездѣ береговая линія Голландіи укрѣплена искусственными сооруженіями. На значительномъ протяженіи само море построило себѣ естественную преграду, наметавъ груды песку, достигающія иногда высоты 60 метровъ. Песчаныя дюны тянутся въ глубь страны на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Сторона, обращенная къ морю, особенно у первыхъ рядовъ, безлюдна, т. к. сильный сѣверо-восточный вѣтеръ сметаетъ верхніе слои песку. Зато поверхность, обращенная внутрь страны, покрыта богатой растительностью и нерѣдко на покатомъ склонѣ ютится чистенькій домикъ съ полями картофеля, хорошо произрастающаго на сыпучей, песчаной почвѣ. Для укрѣпленія дюнъ голландцы научились разводить на нихъ особый сортъ камыша и устраивать такъ наз. „искусственныя дюны".

Гербъ одной изъ голландскихъ провинцій (Зеландіи) изображаетъ льва, наполсвину погруженнаго въ воду, но храбро борющагося съ волнами: „Luctor et emergo!" (борюсь и выплываю)—надпись подъ нимъ смѣло можетъ служить девизомъ всей Голландіи, борющейся, какъ левъ, и выплывающей гордой побѣдительницей изъ морской пучины.

Голландія это огромная дельта Рейна, Мааса и Шельды, плодородный наносъ, отвоеванный жителями у моря. Общая поверхность ея 33.079 кв. к. На югѣ Голландія граничитъ съ Бельгіей, на востокѣ съ Германіей, съ сѣвера и запада ее омываетъ Нѣмецкое море. Ея береговая линія изрѣзана, неправильна, прерывается множествомъ заливовъ, изъ которыхъ Зюйдерзе самый обширный.

Климатъ Голландіи влаженъ отъ значительнаго количества атмосферныхъ осадковъ, обилія внутреннихъ водъ и близости моря. Ясныхъ дней въ году не больше 50. Зимой рѣки и каналы замерзаютъ, и жители передвигаются обыкновенно на конькахъ. Голландцы—отличные конькобѣжцы и привыкаютъ держаться на льду съ дѣтства: на конькахъ бѣгутъ они въ школу, на конькахъ же и на службу, въ контору, въ театръ, на фабрику; молодыя крестьянки съ корзинами на головахъ на конькахъ бѣгутъ на базаръ, ухитряясь ничего не разбить. Своеобразное впечатлѣніе производятъ эти дѣловые конькобѣжцы. Каналы, красивые лѣтомъ въ рамкѣ зеленѣющихъ деревьевъ, представляютъ зимой другой не менѣе интересный и оживленный видъ. Самый обширный изъ нихъ „Сѣверный голландскій каналъ" достигаетъ 80 к. длины, 36 м. ширины и 6—7 м. глубины.

Современная Голландія состоитъ изъ одиннадцати провинцій, въ которыхъ живетъ болѣе 5 милл. жителей. Изъ нихъ только незначительная часть,—жители западной Фрисландіи, являются потомками древнихъ фризовъ. Здѣсь, по преимуществу въ деревняхъ, сохранилось еще старо-германское (фризское) нарѣчіе и самобытные костюмы, рѣзко отличающіе фрисландцевъ отъ прочихъ жителей Голландіи. Остальная часть голландскаго населенія—потомки саксовъ, франковъ и другихъ позднѣйшихъ пришельцевъ.

Въ общемъ германскій типъ выраженъ у голландца вполнѣ опредѣленно: онъ бѣлокуръ, съ легка желтоватымъ оттѣнкомъ волосъ, массивенъ, въ среднемъ возрастѣ даже тученъ, голубоглазъ, скорѣе рыхлъ, чѣмъ мускулистъ, съ сильнымъ широкоплечимъ туловищемъ. Голландскія женщины отличаются удивительно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, прекраснымъ румянцемъ и неуклюжей фигурой. Словомъ, это тѣ же голландцы и голландки прежнихъ временъ, которые глядятъ на насъ съ портретовъ Ванъ-Дейка, только безъ высокихъ накрахмаленныхъ жабо и круглыхъ кружевныхъ воротниковъ. Впрочемъ, многіе старинные костюмы сохранились еще и до сихъ поръ, и на кермесѣ нерѣдкость встрѣтить молодую голландку въ высокомъ національномъ головномъ уборѣ или въ кружевномъ старинномъ чепцѣ и золотой или серебряной каскѣ, широкіе металлическіе ободки которой оканчиваются близъ ушей дорого стоющими подвѣсками.

Среди сельскаго населенія эта приверженность къ старымъ нарядамъ очень сильна:

голландецъ въ короткой курткѣ и широкихъ шароварахъ, съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ, и голландка въ головномъ уборѣ, одѣтая въ короткую, невѣроятно пышную юбку, въ деревянныхъ башмакахъ, какъ изображались они на картинахъ Стеена и Ванъ Остаде, до сихъ поръ встрѣчаются въ Голландіи на каждомъ шагу.

Трудно что либо сказать о національныхъ чертахъ характера голландцевъ. Путешественники выносятъ различное впечатлѣніе и соотвѣтственно ему дѣлаютъ свою характеристику. Одни обвиняютъ ихъ въ флегматичности, другіе въ грубости, третьи въ чопорности и чрезмѣрной строгости нравовъ, въ отсутствіи общественности, и т. д. Большинство, отдавая должное ихъ практическому генію, отзываются холодно, даже враждебно о ихъ негостепріимности, замкнутости, нежеланіи сходиться съ иностранцами, называютъ ихъ даже „китайцами Европы". Теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, съ высшимъ развитіемъ интернаціональной жизни и рѣзкой классовой группировкой все труднѣе становится дѣлать характеристику отличительныхъ чертъ націи. Можно говорить лишь о томъ отпечаткѣ, который кладетъ на нее ея прошлое и весь общественно-политическо-экономическій строй ея жизни. Съ этой точки зрѣнія голландскую націю никакъ нельзя упрекнуть въ флегматичности. Народъ, который собственной кровью добылъ себѣ независимость, а главное сам ъ завоевалъ и завоевываетъ себѣ ту землю, на которой онъ живетъ, не можетъ быть флегматичнымъ. Достаточно увидѣть голландца на кермесѣ, и представленіе о его флегматичности разсѣется, какъ дымъ.

Голландецъ изъ Волендама.

Что касается другихъ особенностей голландской націи, то нельзя не упомянуть о бросающемся въ глаза отсутствіи у нихъ художественнаго вкуса. Художественное чутье постоянно измѣняетъ голландцу при постройкѣ его слишкомъ пестрыхъ домовъ, слишкомъ правильной планировкѣ сада, при реставрированіи старинныхъ зданій, гдѣ онъ по просту замазываетъ бѣлой краской высоко-художественныя старинныя фрески, замѣняетъ разноцвѣтныя, искусно подобраныя стекла простыми бѣлыми и замѣщаетъ удивительную мозаику половъ гладкими мраморными плитами. Голландскіе соборы, грандіозные снаружи, производятъ внутри впечатлѣніе обширныхъ, холодныхъ казармъ, въ однотонности и безвкусіи которыхъ чувствуется безпощадная рука строгихъ кальвинистовъ, не пожалѣвшихъ этихъ дивныхъ памятниковъ искусства. Зато голландскіе города и селенія блещутъ всѣми цвѣтами спектра; даже деревья кажутся окрашенными въ самые рѣзкіе тона. Можетъ быть, эта пестрота и яркость красокъ замѣняютъ голландцу недостатокъ ихъ въ его сумрачной, вѣчно однообразной природѣ. Можетъ быть, планомѣрность его завоевательной борьбы подсказываетъ ему слишкомъ правильныя линіи, слишкомъ прямые углы? Какъ бы то ни было, но въ Голландіи все блеститъ, все изумительно ярко и все размѣрено, разставлено, какъ хорошо вымуштрованный полкъ солдатъ. Голландцевъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ чистоплотности. Ихъ дома, подъѣзды, даже тротуары улицъ такъ и сверкаютъ отъ постояннаго мытья, хотя путешественнику нерѣдко случается встрѣтить довольно грязный отель, а эмигрантскіе пароходы вызываютъ отвращеніе даже у людей, не привыкшихъ къ особенной чистотѣ. Поражаетъ еще въ голландскихъ городахъ обиліе старинныхъ домовъ, церквей и ратушъ, нерѣдко относящихся къ XIV и XV в.

Города Голландіи не отличаются многолюдствомъ. Королевская резиденція и центральное управленіе находятся въ провинціальномъ городѣ южной Голландіи—въ Гаагѣ.

Садъ Голландіи—Гаарлемъ. Окрестности его утопаютъ въ цвѣтахъ и очаровательны весной, когда нѣжное благоуханіе наполняетъ воздухъ. Цѣлыя поля гіацинтовъ, тюльпановъ, нарциссовъ и лилій окружаютъ его пестрой лентой, и этотъ прекрасный товаръ служитъ предметомъ обширной торговли Гаарлема. Амстердамъ, истинная столица Голландіи, нездоровый городъ благодаря множеству каналовъ съ медленно текущей, почти стоячей водой. 300 мостовъ соединяютъ его 90 острововъ, и узкія ленты воды пересѣкаютъ его по всѣмъ направленіямъ. Почва настолько зыбка, что требуетъ укрѣпленія. Амстердамъ какъ это ни странно, долгое время страдалъ отсутствіемъ воды. Вода его каналовъ настолько непригодна для питья, что жители пользовались водою цистернъ, и только съ 1853 г. городъ сталъ получать воду съ ближайшихъ песчаныхъ дюнъ посредствомъ водопровода.

Дѣвушки съ побережья Нѣмецкаго моря.

Изъ другихъ городовъ Голландіи заслуживаютъ вниманія Роттердамъ, самый крупный торговый городъ Голландіи, Лейденъ со знаменитымъ старымъ университетомъ и Дортрехтъ—одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Голландіи. Маленькій городокъ Заандамъ (или Саардамъ) привлекаетъ туристовъ домикомъ Петра Великаго, гдѣ по преданію русскій императоръ учился кораблестроенію.

Но гораздо большій интересъ для путешественника представляютъ не новые города Голландіи, а старые провинціальные, вродѣ Бреды, Веере, Мидльбурга, гдѣ до сихъ поръ сохранились любопытные остатки старины и отъ эпическихъ разсказовъ и легендъ старожиловъ вѣетъ духомъ давно минувшихъ героическихъ временъ.

Историческое прошлое страны.—Борьба за независимость.—Современное состояніе: просвѣщеніе, хозяйство и политическій строй.

Самыя раннія свѣдѣнія о коренныхъ обитателяхъ Нидерландовъ восходятъ къ 1-му вѣку по Р. Х. Римляне первые проникли въ эту „страну бобровъ“, гдѣ, по ихъ представленіямъ, „водяные люди“ вели на половину подводное, наполовину сухопутное существо-

ваніе. Завоеваніе „водяныхъ людей“ представляло большія трудности, вслѣдствіе сѣти озеръ, рѣкъ и необычайной храбрости туземцевъ. Послѣдніе принадлежали къ германскимъ племенамъ и состояли главнымъ образомъ изъ батавовъ и фризовъ. Ихъ нравы, бытъ и внутреннее устройство напоминали вообще общинный бытъ германцевъ. Съ VIII по XIV вѣкъ жизнь страны есть исторія постепеннаго процвѣтанія. Политически она входила въ составъ германско-римской имперіи, богатые, торговые города ея являются почти независимыми. Они покупаютъ себѣ привилегіи, добиваются различныхъ льготныхъ грамотъ и даже совмѣстно съ правителями, герцогами и графами, рѣшаютъ вопросы о войнѣ и мирѣ.

Въ концѣ XV в. и въ первой половинѣ XVI в. торговыя суда голландцевъ проникаютъ во всѣ приморскія страны Европы, и значительная часть всей европейской торговли сосредоточивается въ ихъ рукахъ. Антверпенъ, Гентъ, Мидльбургъ пріобрѣтаютъ важное значеніе. Накопленіе капиталовъ и все усиливающееся благосостояніе жителей создаютъ легенды о неисчерпаемыхъ богатствахъ и разжигаютъ аппетиты ея коронованныхъ властителей. Уже Карлъ V получалъ изъ Нидерландовъ въ четыре раза больше доходовъ, чѣмъ изъ Испаніи, но нидерландцы не протестовали ради тѣхъ выгодъ, которыя давала имъ обширная имперія Карла V. Она взяла на себя военную защиту Нидерландовъ, а обширныя владѣнія монархіи, разбросанныя по всей З. Европѣ, служили Нидерландамъ обширымъ рынкомъ для сбыта продуктовъ промышленности.

Положеніе измѣнилось съ воцареніемъ Филиппа II Испанскаго. Къ этому времени Нидерланды состояли изъ 17 провинцій, совпадающихъ по своему географическому положенію съ современной Бельгіей, Голландіей и Люксембургомъ. Южныя провинціи, населенныя валлонами, оставались католическими, сѣверныя-же, населенныя потомками древнихъ германцевъ, примкнули къ реформаціи.

Карлъ V, не смотря на свои абсолютистскія стремленія, не нарушалъ областныхъ привиллегій Нидерландовъ. Значительная свобода, какой они пользовались, допускала распространеніе новыхъ ученій, и реформація нашла здѣсь благопріятную почву. Въ ея политическо-религіозныхъ доктринахъ нидерландцы пріобрѣли теоретическое обоснованіе своихъ стремленій къ народовластію и вѣротерпимости. Протестантизмъ явился воплощеніемъ ихъ свободолюбивыхъ мечтаній.

Фанатическій католикъ и послѣдовательный абсолютистъ Филиппъ II не могъ потерпѣть еретически мыслящихъ подданныхъ. Къ этому времени религіозно-политическое движеніе въ Нидерландахъ сдѣлалось народнымъ. Громадныя толпы собирались подъ открытымъ небомъ, распѣвали псалмы, проповѣдники произносили горячія рѣчи. Дворянство и богатое купечество щедро сыпали обильныя пожертвованія на организацію обороны и сопротивленія инквизиціи, костры которой самымъ чувствительнымъ образомъ отражались на торговыхъ оборотахъ Нидерландовъ.

Правленіе герцога Альбы повергло страну на цѣлыхъ шесть лѣтъ въ ужасъ неслыханнаго террора. Политическій принципъ его былъ очень простъ: лучше страна разоренная, но вѣрная королю, чѣмъ богатая, но еретическая и преданная дьяволу. Вся страна обратилась въ кровавый застѣнокъ; похоронный звонъ не умолкалъ. Вездѣ, даже въ маленькихъ поселкахъ, запылали костры инквизиціи, но также ярко вспыхнуло и пламя всеобщаго возмущенія: мирное оппозиціонное движеніе перешло въ открытое возстаніе. Вождемъ его явился Вильгельмъ Оранскій.

Съ этого момента Нидерланды вступили въ эпоху героической борьбы, безпримѣрной въ европейской исторіи. Испанія, самое могущественное государство того времени, двинула на нихъ превосходныя морскія и сухопутныя силы съ твердымъ намѣреніемъ стереть съ лица земли ненавистныя бунтующія провинціи. Нидерландцы противопоставили ей свою энергію, революціонную храбрость и древній союзъ съ моремъ. Осада Лейдена,

Гаарлема, битвы подъ стѣнами Бергенъ-опъ-Цоома, Флиссингена полны легендарнаго героизма. Въ случаяхъ, когда у осажденныхъ послѣ долгой осады не оставалось ни куска хлѣба, когда всѣ крысы, собаки и лошади были съѣдены, на помощь имъ приходило море: жители разрушали плотины, и морскія волны прогоняли враговъ.

26 іюня 1571 г. Генеральные Штаты Нидерландовъ, обнародовавъ низложеніе Филиппа II, провозгласили, что „не народъ созданъ для государя, а государь для народа". Однако испанцамъ удалось разъединить страну, воспользовавшись племенными различіями и религіозной враждой сѣвера и юга. Болѣе мягкая политика примирила южныя провинціи съ испанскимъ господствомъ, между тѣмъ какъ сѣверныя отдѣлились, и въ 1579 г. въ Утрехтѣ семь сѣверныхъ провинцій заключили оборонительный союзъ, Утрехтскую унію, для борьбы за свою политическую и религіозную независимость. Штатгальтеромъ этихъ „Соединенныхъ провинцій" былъ избранъ Вильгельмъ Оранскій. Провинціи сохраняли свою внутреннюю автономію и объединялись только для внѣшной борьбы. 1579 годъ можно считать началомъ собственно голландской исторіи.

Борьба за независимость вызвала необычайный расцвѣтъ торговли, промышленности, науки и искусства.

Уже въ 1643 г. торговый флотъ Голландіи достигалъ 34.000 судовъ. Голландскій торговый флагъ развѣвался не только на всѣхъ европейскихъ моряхъ, но и далеко за предѣлами Европы. Къ этому времени относится и начало колоніальнаго могущества Голландіи. Голландскій торговый капиталъ создавался кромѣ торговли также путемъ хищничества, такъ какъ голландцы не снѣснялись заниматься морскимъ разбоемъ. Отдѣльныя торговыя компаніи направляли также суда въ неизвѣстныя моря, въ поиски за новыми богатствами и основывали голландскія колоніи, нерѣдко попросту выживая иностранныхъ купцовъ съ насиженныхъ мѣстъ и топя ихъ корабли. Такъ создавались многомилліонные капиталы, и золото „торговыхъ королей" рѣкой текло въ сѣверныя провинціи.

Женщина изъ сѣверной Голландіи.

Вмѣстѣ съ богатствомъ съ необычайной силой и яркостью развились искусства и науки. Голландія XVII в. служила надежнымъ убѣжищемъ для людей, пострадавшихъ отъ религіозныхъ и политическихъ преслѣдованій. Вѣротерпимость, свобода слова, науки и печати сдѣлали эту страну одной изъ просвѣщеннѣйшихъ и культурныхъ въ XVII столѣтіи. Въ Голландіи печаталось книгъ больше, чѣмъ во всей Западной Европѣ. Лейденскій университетъ привлекалъ сотни слушателей. Но особеннаго расцвѣта достигаетъ голландское искусство.

Спокойствіе и довольство, наступившія въ странѣ, вырабатываютъ опредѣленный стиль живописи. Она изображаетъ, по преимуществу, тихія бытовыя сцены, семейную жизнь. Голландская природа, своеобразную прелесть которой трудно уловить, рѣже останавливаетъ вниманіе художниковъ. Въ концѣ XVI и началѣ XVII в. голландское искусство, во главѣ съ знаменитымъ Рембрандтомъ, создаетъ новую школу. Она основывается на эффектной смѣнѣ тѣней, полу-тѣней и свѣтовыхъ пятенъ, на выгодномъ освѣщеніи однихъ предметовъ и преднамѣренной темнотѣ другихъ. Эта игра свѣта и тѣни даетъ возможность изображать обыденные, даже некрасивые предметы въ новой и необычайной формѣ. Колоритъ Рембрандта буровато-золотистый. Фигуры оживаютъ въ лучахъ брошеннаго на

нихъ свѣта. Кажется, однѣ изъ нихъ блистаютъ внутреннимъ огнемъ, другія распространяютъ мракъ.

Ванъ Остаде и Янъ Стеенъ прославились неподражаемыми бытовыми сценами изъ крестьянскаго и бюргерскаго быта. Съ ихъ полотенъ смотритъ старая, веселая Голландія съ вѣчной трубкой въ зубахъ, въ бѣломъ бумажномъ колпакѣ, толстая, добродушная, съ кермесами [1]) и тихой домашней жизнью. Легкій юморъ Стеена придаетъ имъ особую привлекательность.

Однако, періодъ спокойствія продолжался для Голландіи очень недолго. Первая морская война съ Англіей была вызвана такъ называемымъ „навигаціоннымъ актомъ“ Кромвеля, стѣснявшимъ свободную доселѣ морскую торговлю Голландіи. Англія уже выступала сильной соперницей Голландіи, нанося ударъ за ударомъ ея морскому могуществу. Послѣдующія столѣтія явились эпохой напряженной борьбы съ Англіей и Франціей. Войны съ Франціей сопровождались страшнымъ опустошеніемъ, такъ какъ для отраженія непріятеля голландцы снова прибѣгали къ разрушенію своихъ плотинъ. Войны и внутреннія неурядицы истощили силы Голландіи, и къ началу XVIII в. ея блестящее экономическое положеніе постепенно падаетъ: прежнее благосостояніе смѣняется нищетой массъ и скопленіемъ капиталовъ въ рукахъ немногочисленной торговой буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Голландія теряетъ самостоятельное политическое значеніе и становится игрушкой болѣе сильныхъ сосѣдей. Такъ Вѣнскій конгрессъ объединилъ Голландію и Бельгію въ одно Нидерландское королевство. Но національная и религіозная рознь препятствовала ихъ полному сліянію, и неудивительно, если результатомъ революціи 1830 г. явилось окончательное отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи.

Можно заранѣе предположить, что въ странѣ, съ XVI столѣтія боровшейся за свободу слова и науки, просвѣщеніе должно стоять на высокой ступени развитія. Дѣйствительно, путешественниковъ поражаетъ громадное количество библіотекъ и книжныхъ магазиновъ въ Голландіи; въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ издается нѣсколько газетъ, въ семьѣ почти каждаго зажиточнаго голландца можно встрѣтить собственную библіотеку, книги которой не просто украшаютъ комнату, а дѣйствительно читаются и перечитываются членами семьи; на каждомъ шагу чувствуется, что въ странѣ цѣнится и уважается печатное слово. Но все-же современной Голландіи далеко до Голландіи XVI—XVII в. Среднее образованіе широко распространено въ Голландіи особенно въ видѣ различныхъ спеціальныхъ земледѣльческихъ, политехническихъ, рисовальныхъ, цвѣточныхъ, морскихъ заведеній. Что-же касается низшаго образованія, то, не смотря на то, что оно дается на счетъ государства, населеніе далеко не все грамотно. Еще не особенно давно четверть взрослаго мужского населенія и треть женскаго не умѣла ни читать, ни писать. Теперь обученіе обязательно, и процентъ неграмотныхъ понизился.

Что можно сказать о занятіяхъ жителей, о преобладающихъ формахъ промышленности? Географическое положеніе и характеръ страны даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Голландія владѣетъ громадными колоніями. Въ совокупности пространство колоній въ 2.045.648 кв. к. съ населеніемъ въ 37.863.238 жителей и съ бюджетомъ болѣе 300 милліоновъ франковъ. Колоніи слишкомъ въ пятьдесятъ разъ превосходятъ свою метрополію, а населеніе почти въ семь разъ превышаетъ общее число голландцевъ. Эти обширныя, богатыя владѣнія и даютъ тонъ всей промышленной жизни Голландіи: она по преимуществу торговая страна. Среди другихъ европейскихъ и внѣ-европейскихъ государствъ Голландія по торговлѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Этимъ преобладаніемъ торговыхъ интересовъ, торговой политики и торговой буржуазіи объясняется многое въ

---

[1]) Ярмарки.

прошломъ и настоящемъ Голландіи. Этимъ же объясняется и долговременное господство либеральной партіи въ ея политической жизни.

Но сама Голландія по преимуществу страна луговъ. Ея плодородные польдеры обращены въ тучныя пастбища. Половина всей ея поверхности (50,4%) находится подъ естественными и искусственными лугами. Повсемѣстно скотоводство развито сильнѣе хлѣбопашества; есть провинціи, гдѣ совершенно не сѣютъ пшеницы, и, вообще, посѣвы хлѣбовъ незначительны: три четверти потребляемаго Голландіей хлѣба привозится изъ за-границы. Тѣмъ сильнѣе процвѣтаетъ скотоводство и производство молочныхъ продуктовъ. Обѣ послѣднія отрасли промышленности стоятъ на такой высокой ступени развитія, что постановка ихъ считается образцовой въ Европѣ. Голландскій молочный скотъ, ломовыя лошади, особенно крупные быки пользуются заслуженной извѣстностью. Недаромъ эти хорошо откормленныя, съ красивой важной головой и тучнымъ тѣломъ животныя попали на картины Поттера и Кейпа. Молочные продукты, въ видѣ масла и сыра, имѣютъ значительный сбытъ заграницей. Доходъ съ нихъ и вообще съ сельскохозяйственныхъ продуктовъ крупнѣе дохода Франціи и Англіи. Послѣднее время сыръ и масло Даніи и Швеціи являются серьезными конкуррентами Голландіи.

Крестьянка въ головномъ національномъ уборѣ.

Въ землевладѣніи до сихъ поръ сохранилось много пережитковъ старины: въ Гронингенѣ, Оверъ-Исселѣ, особенно въ Дренте существуютъ еще остатки древней „марки“. До 1828 г. пахотныя земли половины провинціи Дренте находились въ общинномъ владѣніи; теперь это исчезло, но пастбища тамъ до сихъ поръ не раздѣлены. Лавеле сообщаетъ интересныя подробности объ остаткахъ общинныхъ обычаевъ въ Дренте. По его словамъ, тамъ до сихъ поръ попадаются такъ наз. „общинные дома“, гдѣ живетъ до 60-ти общинниковъ.

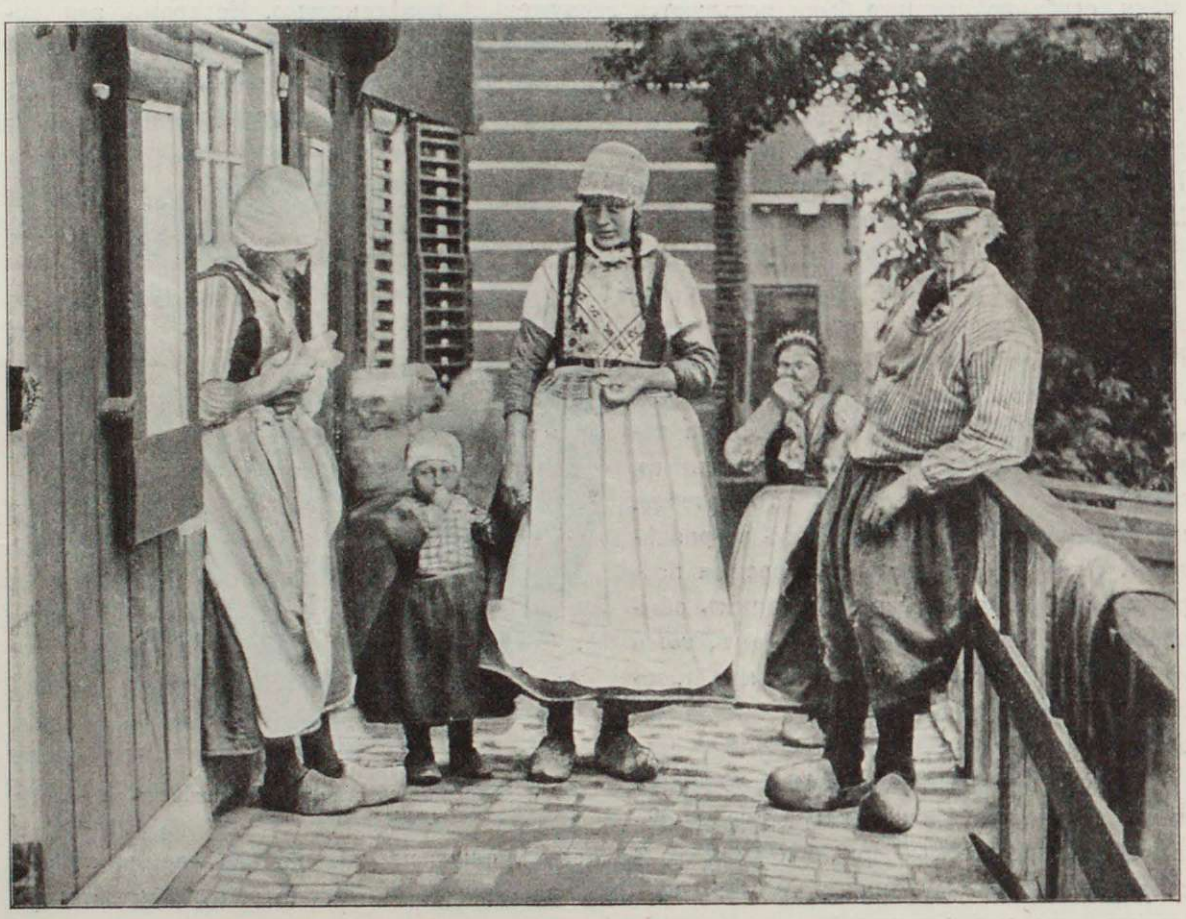
Въ Гронингенѣ до сихъ поръ уцѣлѣла система наслѣдственной аренды (Beklemregt)—пережитокъ феодальной эпохи. Землевладѣлецъ, передавшій свою землю въ наслѣдственную аренду, на много лѣтъ теряетъ на нее всякія права; онъ не можетъ повышать разъ установленной платы, между тѣмъ какъ арендаторъ имѣетъ право не только отчуждать или завѣщать, но даже и закладывать свое право аренды. Эта система, выгодная для арендатора, вредна тѣмъ, что порождаетъ двойное арендаторство (т. е. передачу арендованной земли еще разъ въ аренду уже не собственникомъ, а наслѣдственнымъ фермеромъ) со всѣми его разорительными послѣдствіями. Впрочемъ, эта форма землепользованія, какъ старинная, не находитъ себѣ подражателей и дальше Гронингена не распространилась.

Несмотря на остатки старины, дѣлающіе голландское землевладѣніе похожимъ на наше общинное землевладѣніе, сельскохозяйственная техника въ Голландіи стоитъ довольно высоко. Усовершенствованныя орудія, различныя сельскохозяйственныя машины распространены повсемѣстно. Особенно поражаетъ наблюдателя тщательный уходъ за землей. Всѣ отбросы старательно собираются и свозятся на поле, даже старыя насыпи („термены“) разбираются и служатъ удобреніемъ.

*

Въ Голландіи сельскому хозяйству оказывается всяческое покровительство: сельскіе хозяева пользуются большими льготами при перевозкѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Однако, всѣми льготами пользуются по преимуществу крупные собственники, владѣльцы большихъ, отлично устроенныхъ земельныхъ участковъ, съ хозяйствомъ, организованнымъ вполнѣ капиталистически. Этотъ типъ землевладѣнія начинаетъ распространяться въ Голландіи. Рядомъ съ ними существуютъ мелкіе участки, на которыхъ голландскій крестьянинъ ведетъ полуголодное существованіе.

Переходя къ положенію фабричной промышленности и въ частности къ положенію рабочаго класса въ Голландіи, мы встрѣчаемъ картину, общую всей Европѣ: непрерывно возрастающую эксплоатацію труда, и все болѣе и болѣе обостряющіяся отношенія между

Семья съ о. Маркенъ въ Зюйдерзе.

трудомъ и капиталомъ. До 70-хъ годовъ XIX столѣтія Голландія мало страдала отъ противорѣчій капиталистическаго производства. Дѣло въ томъ, что преобладаніе торговыхъ и колоніальныхъ интересовъ отвлекало голландскую буржуазію отъ промышленныхъ предпріятій: ея капиталы находились за-границей, внѣ сферы столкновенія съ пролетаріатомъ. Являясь по преимуществу торговой, а не промышленной, буржуазія долгое время оставалась либеральной и даже соглашалась на различныя соціальныя реформы, мало затрагивавшія ея собственные интересы. Съ другой стороны, незначительное производство, слабое развитіе фабричной промышленности не благопріятствовали развитію сильнаго сплоченнаго пролетаріата.

Этимъ и объясняется то обстоятельство, что до 80-хъ годовъ стачечная борьба

была совершенно не развита въ Голландіи, и на первый взглядъ казалось, что антагонизма между рабочими и предпринимателями не существуетъ. Обстоятельства измѣнились въ началѣ 70-хъ годовъ съ оживленіемъ голландской промышленности и повышеніемъ спроса на рабочія руки. Отмѣна рабства въ голландскихъ колоніяхъ и расцвѣтъ промышленности въ Германіи вызвали подъемъ ея и въ Голландіи; увеличилось производство сахара, полотна, суконъ, бумаги и пр. Соотвѣтственно этому увеличилась и эксплоатація, и, какъ отвѣтъ на нее, начались рабочія волненія въ Амстердамѣ и другихъ промышленныхъ городахъ.

Парламентская комиссія, назначенная для разслѣдованія положенія трудящихся послѣ большихъ рабочихъ волненій 85 и 86 г.г., выяснила ужасающее положеніе голландскаго пролетаріата: средняя величина рабочаго дня была 13—14 часовъ, доходя до 16 и даже (на праздникъ) до 26 ч. подрядъ. Женскій и дѣтскій трудъ примѣнялся въ широкихъ размѣрахъ. Дѣти и подростки составляли 39% всего числа рабочихъ, несмотря на то, что единственный тогда въ Голландіи законъ о рабочихъ запрещалъ работу дѣтей. Заработная плата была настолько низка, что рабочій не могъ прокормить своей семьи.

Городской типъ: служанка.

Съ тѣхъ поръ положеніе рабочаго класса благодаря жестокой борьбѣ и уступкамъ правительства измѣнилось къ лучшему, но все же многіе симптомы указываютъ что Голландія пошла по общему пути развитія промышленнаго капитализма и переживаетъ свойственныя ему потрясенія: все больше уходятъ въ область преданій разсказы о всеобщемъ благосостояніи голландскихъ массъ; нищета растетъ, число безработныхъ ежегодно увеличивается. Даже Реклю упоминаетъ о „сильномъ соціальномъ неравенствѣ и противоположности роскоши и бѣдности“, какъ о причинахъ деморализаціи голландской націи.

Въ политическомъ отношеніи Голландія—конституціонная монархія. Конституція ея, принятая въ 1815 г., пересматривалась въ 1848, въ 1884 и въ 1887 г.г. Въ настоящее время основныя черты ея таковы. Главой исполнительной власти является король; онъ главнокомандующій сухопутныхъ и морскихъ силъ; онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ и торговые договоры, если все это не противорѣчитъ интересамъ государства. Онъ имѣетъ право абсолютнаго veto, но фактически никогда имъ не пользуется. Власть его наслѣдственна.

Король неотвѣтственъ передъ страной; отвѣтственны министры, числомъ восемь. Кабинетъ министровъ составляется изъ большинства 2-й палаты, по порученію короля. Законодательная власть принадлежитъ парламенту, Генеральнымъ Штатамъ, состоящимъ изъ 2-хъ палатъ. Первая палата (сенатъ), представительница интересовъ крупной собственности, состоитъ изъ 50 членовъ. Они избираются на 9 лѣтъ изъ лицъ не моложе 30 лѣтъ, платящихъ самые крупные налоги или занимающихъ высокія государственныя должности. Выборы двухстепенные.

Президентъ 1-й палаты ежегодно назначается королемъ. Палата не имѣетъ права иниціативы и внесенія поправокъ въ законопроекты, но можетъ принимать или отвергать ихъ цѣликомъ. Первая палата обновляется черезъ каждые 3 года.

Вторая палата состоитъ изъ 100 членовъ не моложе 30 лѣтъ, пользующихся всѣми политическими и гражданскими правами. Избирателями (по послѣднему закону 7 сентября 1896 г.) могутъ быть всѣ голландцы не моложе 25 лѣтъ, платящіе одинъ изъ прямыхъ налоговъ. Эти ограниченія устраняютъ отъ участія въ политической жизни страны почти половину взрослаго мужского населенія. Особенно тяжело падаетъ это ограниченіе на рабочій классъ: рабочіе большихъ городовъ почти совершенно не попадаютъ въ списки избирателей.

Депутаты 2-й палаты избираются на 4 года съ обновленіемъ половины состава каждые 2 года. Выбора прямые. Депутаты получаютъ жалованіе 2000 флориновъ, не считая путевыхъ издержекъ. Предсѣдатель 2-й палаты тоже назначается королемъ изъ 3-хъ кандидатовъ, представленныхъ 2-й палатой. 2-я палата пользуется правомъ иниціативы, внесенія поправокъ и ежегоднаго обсужденія бюджета. Ей же принадлежитъ неограниченное право производить всякія анкеты и парламентскія разслѣдованія. Король имѣетъ право распускать Генеральные Штаты вообще и каждую палату въ отдѣльности. Новыя палаты должны собраться не позже, чѣмъ черезъ 2 мѣсяца.

Голландская конституція обезпечиваетъ гражданамъ свободу слова, печати, мысли, гарантію личной неприкосновенности, свободу вѣроисповѣданія, равныя права и защиту для всѣхъ вѣроисповѣданій и ежегодное составленіе бюджета.

Характернымъ для голландской политической жизни является господство либеральной партіи. На политической аренѣ Голландіи борются слѣдующія политическія партіи: конфессіональныя (клерикальныя), либеральная и еще сравнительно молодая—рабочая партія.

Клерикальныя партіи не стѣсняются прибѣгать къ демагогическимъ пріемамъ, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи широкихъ массъ. Онѣ выставляютъ себя защитниками угнетенныхъ, изъявляются даже согласіе на соціальныя реформы, но все это является лишь ширмой, за которой скрывается грубо-реакціонная сущность.

Либеральная партія, сыгравшая такую крупную роль въ политической жизни Голландіи, теперь значительно упала во мнѣніи избирателей и теряетъ прежнее значеніе. Послѣ февральской революціи 1848 г. голландскій либерализмъ представлялъ интересы крупной торговой и промышленной буржуазіи. Нуждаясь въ дешевыхъ и образованныхъ работникахъ, голландскій либерализмъ стоялъ за политическія свободы, за распространеніе народнаго образованія, за дешевый хлѣбъ и пользовался симпатіями широкихъ массъ. Положеніе измѣнилось, когда промышленный капитализмъ столкнулся съ растущимъ рабочимъ классомъ, потребовавшимъ серьезныхъ, соціальныхъ реформъ. Въ самой партіи произошелъ расколъ: лѣвое крыло ея находило дѣятельность либеральной партіи недостаточно прогрессивной, правое—слишкомъ демократической. Колеблясь между тѣмъ и другимъ, держась двойственной политики, либеральная партія потеряла какъ симпатіи широкихъ массъ, такъ и начинающей реакціонно мыслить промышленной буржуазіи, которая перешла въ лагерь антиреволюціонеровъ. Побѣда клерикаловъ заставила либераловъ встряхнуться и подумать объ объединеніи всѣхъ прогрессивныхъ партій. Результатомъ этого явилось большинство на послѣднихъ выборахъ.

Что же касается рабочей партіи, то она еще очень молода, такъ какъ возникла въ 1894 г., послѣ разрыва съ прежней анархистской рабочей организаціей. Симпатіи къ ней среди рабочаго класса возрастаютъ, число членовъ увеличивается: на выборахъ 1901 г. она получила 38.500 голосовъ и провела 7 депутатовъ. На послѣднихъ выборахъ число ихъ опять упало до 4-хъ.

Л. Г.

Бельгія.

Природа страны: южная, средняя и сѣверная Бельгія.—Населеніе.—Земледѣліе и его положеніе.—Промышленность и положеніе рабочаго класса.—Торговля.—Государственный строй и колоніи.

Бельгія, оставляя въ сторонѣ государства германскаго союза, самая маленькая монархія въ Европѣ, конечно, по пространству (29.456 кв. к.), такъ какъ по массѣ своего населенія (въ 1906 г.—7.239.000 ч.) и особенно по плотности (246 ч. на 1 кв. к.) мѣсто ея въ первомъ ряду странъ промышленной Европы. Эта небольшая страна втиснута въ качествѣ независимаго государства ходомъ историческихъ событій между Франціей на юго-западѣ и Германіей и Голландіей на востокѣ и сѣверѣ. На Нѣмецкомъ морѣ она обладаетъ берегомъ всего въ 67 к. длины, низкимъ, песчанымъ, вдоль котораго морскія волны непрерывно намываютъ песокъ, затягивая имъ двѣ единственныя гавани Бельгіи при морѣ—Остенде и Ньепортъ, которыя съ трудомъ удается сохранить для судоходства путемъ дорого стоющихъ защитныхъ сооруженій. Новая искусственная гавань Зебрюгге еще только сооружается, и потому почти все торгово-грузовое судоходство сосредоточивается въ главномъ портѣ, Антверпенѣ, лежащемъ глубоко среди суши тамъ, гдѣ Шельда расширяется, чтобы среди лабиринта голландскихъ острововъ слить свои воды съ водами Мааса и Рейна.

Но невыгоды эти выкупаются положеніемъ страны въ центрѣ людныхъ промышленныхъ областей, обиліемъ судоходныхъ рѣкъ, значеніе которыхъ, какъ торговыхъ дорогъ, во много разъ возрастаетъ благодаря необычайно густой, все уплотняющейся сѣти желѣзныхъ дорогъ. Уже въ средніе вѣка эта мѣстность представляла перекрестокъ торговыхъ путей съ быстро растущими городами, въ которыхъ ремесленники совершенствовали всѣ отрасли промышленности, а купцы накопляли деньги, такъ что къ моменту возникновенія капиталистическаго хозяйства Бельгія представляла страну, населенную многолюдными, опытными во всякомъ трудѣ рабочими, богатую жаднымъ до всякой прибыли капиталомъ, страну съ превосходными дорогами, съ выходомъ въ море, и, наконецъ, надѣленную отъ природы ископаемымъ углемъ и рудными залежами. Неудивительно, если въ короткое время населеніе ея, подгоняемое непрерывно растущимъ соперничествомъ сосѣдей, развило свою дѣятельность до крайней степени напряженія всѣхъ силъ и превратило едва ли не всю страну въ обширную мастерскую, чуть не въ сплошную фабрику. Путешественникъ на пути изъ Кельна въ Парижъ, проѣзжая по южной Бельгіи, рѣдко видитъ изъ окна вагона идиллическія картины сельской жизни. Передъ глазами его мелькаетъ нѣчто, напоминающее предмѣстья большихъ городовъ съ ихъ закопченными фабричными корпусами, дымящими и гремящими тысячами звуковъ заводскими постройками. Впечатлѣніе становится особенно жуткимъ ночью, когда ряды ярко освѣщенныхъ

фабричныхъ оконъ, пламя, вырывающееся изъ трубъ, отраженное въ небѣ зарево огней и сіяющіе мертвенно матовымъ свѣтомъ электрическіе фонари рисуютъ ужасную картину людскихъ мученій, не прекращающихся даже ночью.

По рельефу Бельгію можно разбить на три части: на юго-востокѣ лежитъ горная Бельгія, рѣзко ограниченная съ сѣвера долинами Мааса и Самбры. Главную массу ея возвышенностей составляютъ Арденны, представляющіе въ общемъ невысокое плоскогорье (до 675 м.), разсѣченное въ разныхъ направленіяхъ глубокими долинами рѣкъ. Лѣса, а выше 500 м. непріютныя пустоши и болота придаютъ южному углу Бельгіи (Hautes Fagnes) пустынный, малолюдный характеръ. Къ сѣверо-западу отъ Арденнъ по ту сторону Мааса расположены гряды Фаменнъ, Кондрозъ, а за Льежемъ—Херве, неровныя пространства до 300 м. высоты, со скудной почвой, покрытой полями овса, ячменя и лугами.

Къ горной Бельгіи примыкаетъ съ сѣвера полого-волнистая мѣстность съ мергелистой лессовой почвой, образовавшейся на третичныхъ отложеніяхъ. Это плодородная полоса земли, гдѣ урожайно родится пшеница, и громадныя пространства занимаютъ свекловичныя поля. Но такъ какъ вдоль нея съ запада на востокъ залегаютъ мощныя отложенія каменнаго угля и рудныя мѣсторожденія, то горнозаводская промышленность подавляетъ земледѣліе, и города Монсъ, Шарльруа, Намюръ и Льежъ представляютъ крупнѣйшіе промышленные центры.

Низменная Бельгія, примыкающая къ морю и устьямъ Маасъ-Шельды, занимаетъ провинціи западную, восточную Фландрію и Антверпенъ. У моря почва мѣстами опускается ниже его уровня, и, гдѣ нѣтъ пояса песчаныхъ дюнъ, приходится воздвигать, такъ же какъ въ Голландіи, искусственныя плотины. Къ западу отъ устьевъ Шельды лежитъ полоса маршей, илистыя пространства которыхъ были отвоеваны отъ моря медленнымъ путемъ сооруженія плотинъ. Лучшія участки ихъ, обращенные въ культурныя поля, называются польдерами и образуютъ узкую береговую полосу, пространствомъ въ 1.150 кв. к., которая дважды въ день, въ часы прилива, оказывается лежащей ниже уровня моря. За Шельдой къ востоку лежитъ довольно пустынное продолженіе низменной Бельгіи—песчаное, покрытое хвойнымъ лѣсомъ и пустошами пространство Кампинъ.

Какъ не мала эта страна, тѣмъ не менѣе въ разныхъ углахъ ея замѣчаются извѣстныя различія въ климатѣ. Въ общемъ на берегу моря тепло. Влажный вѣтеръ съ моря приноситъ его съ собой, такъ что, напр., въ Остенде термометръ рѣдко опускается ниже нуля. Зима здѣсь нѣсколько подобна нашей осени. Дальше въ глубь страны, по мѣрѣ поднятія почвы, зимнее время года становится нѣсколько суровѣе, именно на пологихъ высотахъ Арденнъ; вмѣстѣ съ этимъ въ этихъ же мѣстахъ замѣчается большее обиліе осадковъ.

Какъ видно, почва и климатическія особенности страны мало повинны въ томъ, что населеніе скучилось здѣсь такъ плотно. Не надо забывать, что въ провинціи Брабантъ на одномъ кв. к. тѣснится въ среднемъ болѣе 430 ч., иными словами, на каждую душу причитается едва $^1/_4$ десятины земли. Правда, на югѣ, въ Люксембургѣ, Намюрѣ и Лимбургѣ средняя плотность опускается до 100 и даже до 50 ч. на кв. к., тѣмъ не менѣе въ общемъ страна густо заселена. Любопытно, что эта особенность, т. е. какая-то исключительная населенность этого уголка Европы, повидимому, имѣла мѣсто во всѣ времена. Такъ, многочисленныя находки орудій и костяковъ доисторическаго человѣка особенно многочисленны въ Бельгіи. Въ пещерахъ Энгиса и Фюрфоса были найдены черепа, которые дали было поводъ ученымъ установить двѣ рѣзко различныхъ расы или типа доисторическаго человѣка—короткоголовую расу Фюрфоса и долгоголовую Кро-Маньонскую (Энгисъ). Это раздѣленіе было впослѣдствіи оставлено, но для первобытнаго населенія Бельгіи оно сохраняетъ свое значеніе. Уже тогда рѣдкое еще и дикое населеніе Бельгіи распадалось на двѣ группы, и подобный дуализмъ сохранился до сего дня, не-

смотря на всевыравнивающее воздѣйствіе современной цивилизаціи. Исторія застаетъ въ южной Бельгіи кельтовъ (белги), тогда какъ низменность, представлявшую удобное мѣсто для передвиженій изъ германской низменности на юго западъ, заняли въ римскую эпоху германцы, называвшіе себя флемингами (flaeminge), т. е. обитателями маршей. Потомки кельтскихъ насельниковъ—валлоны; отъ флеминговъ ихъ долгое время раздѣляла полоса дремучаго лѣса, простиравшагося по средней Бельгіи съ запада на востокъ. Впослѣдствіи, уже въ средніе вѣка, въ страну вторглись франки; они пришли съ юго-востока, съ Мозеля и Рейна; саллическіе франки заняли холмистую часть Бельгіи, тогда какъ рипуарскіе франки разселились на пространствѣ нынѣшняго Люксембурга. Городъ Херсталь, къ сѣверо-востоку отъ Люттиха-Льежа, родина династіи Каролинговъ (Пипинъ Геристальскій). Высокіе голубоглазые блондины германцы численно преобладали надъ темными и менѣе рослыми кельтами, но послѣдніе, благодаря близкому сосѣдству Франціи, сохранили культурный перевѣсъ за собой. Въ наше время въ Бельгіи продолжаютъ говорить на двухъ языкахъ. На одномъ фламандскомъ, представляющемъ нарѣчіе голландскаго, говоритъ 42% всего населенія, тогда какъ только по французски выражается 38,5%. Граница, раздѣляющая фламандцевъ отъ валлоновъ, простирается нѣсколько южнѣе Брюсселя съ запада на востокъ по направленію къ Маастрихту. Разноязычіе, т. е. одновременное существованіе французскаго языка, фламандскаго и валлонскаго, приводитъ къ тому, что многіе города до сего дня имѣютъ три названія или три произношенія одного названія, напр.: Льежъ—Люикъ—Люттихъ, Лувенъ—Леувенъ—Лёвенъ. Различія въ происхожденіи, въ языкѣ не въ состояніи преодолѣть дѣйствіе силъ, которыя цементируютъ населеніе Бельгіи въ одну націю, въ промышленный народъ, объединенный общностью интересовъ, вытекающихъ изъ географическаго положенія и историческаго прошлаго.

Въ самые трагическіе моменты жизни всѣхъ Нидерландъ масса, составляющая бельгійскій народъ, всегда чувствовала свое единство. Въ эпоху борьбы съ Испаніей за независимость населеніе Бельгіи осталось вѣрно католицизму и вмѣстѣ съ тѣмъ испанской коронѣ. Въ революцію 1830 г. страна отдѣлилась отъ Голландіи и съ тѣхъ поръ существуетъ независимо. Несмотря на ростущую классовую борьбу, обитатели Бельгіи до сихъ поръ почти сплошь католики, въ средѣ которыхъ вліяніе духовенства еще очень велико въ зависимости отъ того, что народное образованіе въ общемъ отстало по сравненію съ сосѣдними странами. Въ 1891 г. четверть населенія принадлежала къ безграмотнымъ, первоначальное обученіе до сихъ поръ необязательно. Хотя страна имѣетъ 4 старинныхъ университета, высшее образованіе носитъ преимущественно практически прикладной характеръ, что выражается въ обиліи техническихъ и профессіональныхъ школъ.

Бельгія всегда славилась, какъ страна оживленной промышленности. Нѣкогда эта промышленность, продукты которой находили себѣ сбытъ во всѣ стороны, давала заработокъ многочисленному ремесленному классу, ютившемуся въ городахъ, гдѣ въ мастерскихъ и кузницахъ стучали молотки и жужжали веретена ручныхъ ткацкихъ станковъ. Въ то время города не представляли еще многолюдства и скученности современныхъ поселеній этого рода и были окружены полями, среди которыхъ крестьяне-собственники и фермеры сравнительно легко сводили концы съ концами. Времена эти отошли въ область преданій. Мало можно найти въ Европѣ мѣстъ, гдѣ бы современная капиталистическая промышленность внесла столько перемѣнъ въ жизнь всѣхъ классовъ населенія, какъ въ Бельгіи. Цѣлый рядъ постепенныхъ, но быстро и непрерывно слѣдовавшихъ измѣненій до неузнаваемости исказилъ физіономію страны, и нигдѣ острота новыхъ порядковъ не чувствуется, пожалуй, такъ тяжело, какъ въ этой странѣ закопченныхъ фабричныхъ трубъ и застроенныхъ полей. „И теперь тамъ, гдѣ ютились свѣтлые домики, гдѣ были сады и деревья, освѣщенные золотымъ свѣтомъ, теперь видна отъ сѣвера до юга безконечная черная лента правильно выстроившихся фабрикъ“, такъ поетъ Верхарнъ, современный бардъ промыш-

леннаго пролетаріата [1]). „Это городъ со своими щупальцами, какъ страшный восьминогъ и—груда костей, поднимается въ концѣ равнинъ и помѣстій“,—дополняетъ онъ картину въ другомъ своемъ произведеніи [2]). И дѣйствительно, мелкіе землевладѣльцы, по мѣрѣ гибели натуральнаго хозяйства и развитія капитализма, лишались своихъ участковъ въ пользу крупныхъ владѣній и превращались въ арендаторовъ, въ батраковъ и кустарей, а когда прогрессъ техники производства и обмѣна привелъ къ колоссальному расширенію промышленности, она стала возможной благодаря обилію рабочихъ рукъ, потянувшихся съ полей въ города. Вмѣстѣ съ этимъ гибло мелкое производство, исчезали мастерскія, изъ которыхъ выходили нѣкогда превосходныя произведенія бельгійскихъ мастеровъ, воспитанныхъ на вѣковыхъ традиціяхъ своего мастерства. Обработка земли, конечно, не прекратилась. Еще и теперь Бельгія принадлежитъ къ числу странъ съ наименьшимъ пространствомъ невоздѣланныхъ земель, площадь которыхъ не превосходитъ 11,5%. Но

Старая чета изъ Арденнъ.

зерновыхъ хлѣбовъ, овощей и плодовъ, сахара и льна, подъ культурами которыхъ находится большая часть земли, не хватаетъ для удовлетворенія потребностей населенія, и пищевые продукты составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ ввоза. Производство пищевыхъ продуктовъ обходится дешевле въ новыхъ заокеаническихъ странахъ и въ Россіи. Прежде мелкіе собственники могли держаться, потому что въ свободное отъ сельско-хозяйственныхъ работъ время они предавались ручному производству. Но мелкая кустарная промышленность почти вымерла въ Бельгіи. Льняная промышленность, которая съ давнихъ временъ составляла главное занятіе во Фландріи, въ соединеніи съ земледѣліемъ являлась даже источникомъ нѣкотораго благосостоянія. Но съ 1840 г., съ момента раз-

[1]) Verhaeren, Les villes tentaculaires.

[2]) Verhaeren, Les campagnes hallucinées.

витія хлопчатобумажной мануфактуры, льняная промышленность начинаетъ сосредоточиваться въ городахъ, въ большихъ заведеніяхъ, и тысячи крестьянъ принуждены были искать на сторонѣ средствъ существованія, которыхъ не находили болѣе въ деревнѣ. Еще немного лѣтъ тому назадъ во всѣхъ крестьянскихъ домахъ провинціи Хено (Hainaut, Геннегау) зимой женщины и дѣвушки пряли, мужчины ткали, а лѣтомъ обрабатывали землю. Города являлись центрами торговли льномъ. Вся земля принадлежала мѣстнымъ жителямъ. Но за какіе нибудь 50 лѣтъ это положеніе совершенно измѣнилось: большая часть земли была скуплена крупными промышленниками, собственное хозяйство потеряло подъ собой почву, ткацкій промыселъ исчезъ, ткачи и ихъ сыновья должны были искать другихъ занятій. Подобнымъ же образомъ сжалось производство плетеныхъ издѣлій изъ

Молочница съ телѣжкой, запряженной собаками.

соломы. Нѣкогда оно кормило почти все сельское населеніе провинцій Льежа и Лимбурга, гдѣ мѣловая почва придавала соломѣ злаковъ какую-то особую гибкость и крѣпость. Дѣти, дочери и жены, даже часть мужчинъ въ продолженіи всего года плели тесьму изъ соломы, то во время пастьбы коровъ, то дома, присматривая за хозяйствомъ, то по вечерамъ, собираясь въ одинъ домъ, какъ у насъ на вечеринкахъ. Но со времени введенія машиннаго производства и появленія на рынкѣ дешевыхъ издѣлій китайскихъ и японскихъ плетельщиковъ, эта промышленность находится въ полномъ упадкѣ. Даже въ оружейной промышленности, которой издавна славится Льежъ съ окрестностями, въ промышленности, въ которой искусство мастера и рабочаго имѣло особенное значеніе, наблюдается быстрое сокращеніе мелкихъ мастерскихъ и поголовное бѣгство рабочихъ на крупныя

фабрики оружія, на металлургическіе заводы, или же они обращаются въ сельскихъ батраковъ.

Земледѣліе, въ которомъ наблюдались быстрый ростъ крупныхъ владѣній, развитіе арендаторства и исчезновеніе крестьянъ, начинаетъ все болѣе и болѣе страдать отъ обезлюденія деревень, откуда населеніе бѣжитъ въ промышленные центры, такъ какъ землевладѣльцы и фермеры не въ состояніи обезпечить ихъ работой на цѣлый годъ. Указываютъ, что за одно десятилѣтіе 1890—1900 г. земледѣльческіе округа потеряли около 100.000 ж., переселившихся въ промышленные округа. Въ настоящее время недостатокъ въ рабочихъ рукахъ заставляетъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ и фермеровъ или обращаться къ широкому примѣненію машинъ или входить въ такія соглашенія съ мѣстнымъ населеніемъ, которыя могли бы въ расчетѣ на извѣстныя выгоды удержать его отъ бѣгства изъ страны. Это переселеніе, это бѣгство изъ одной части Бельгіи въ другую, изъ деревень въ города, вѣроятно, завершилось бы полнымъ обезлюденіемъ деревень, если бы быстрое развитіе желѣзнодорожной сѣти, краткость разстояній и дешевизна проѣзда не вызвали къ Бельгіи къ жизни оригинальнаго сочетанія деревенско-городской жизни, родъ частыхъ ежедневныхъ перекочевокъ изъ города въ деревню и изъ деревни въ городъ. „Для путешественника, ѣдущаго изъ Лондона въ Брюссель, пишетъ Вандервельде [1]), нѣтъ ничего поразительнѣе контраста между пустынными пастбищами Кента и чрезвычайно оживленными равнинами, окружающими наши большіе города. Куда бы вы не пошли, вездѣ, вы видите безчисленные бѣлые домики съ красными крышами, разбросанные тамъ и сямъ или образующіе многолюдныя деревни. Однако, если вы остановитесь днемъ въ какой либо изъ этихъ деревушекъ, вы почти не найдете взрослыхъ рабочихъ и будете склонны думать, что населеніе состоитъ изъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Но подождите до вечера, и картина измѣнится... Подходитъ необыкновенно длинный поѣздъ, состоящій почти исключительно изъ вагоновъ 3-го класса; дверцы быстро отворяются, и толпы рабочихъ, въ загрязненной или запыленной одеждѣ, толкая все на своемъ пути, устремляются къ выходу, желая поскорѣе попасть домой, гдѣ ихъ ждетъ ужинъ. И черезъ каждыя четверть часа, отъ сумерекъ до самой ночи, прибываютъ новые поѣзда, выбрасывая часть своего человѣческаго груза, высаживая группы рабочихъ — каменьщиковъ, штукатуровъ, мостильщиковъ, столяровъ съ мѣшками за плечами,—вотъ что можно видѣть во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ близь рельсоваго пути. Въ одномъ мѣстѣ это угольщики, металлурги, рабочіе на рельсо-прокатныхъ или стеклянныхъ заводахъ, пріѣзжающіе изъ бассейновъ Монса, Шарльруа или Льежа и возвращающіеся домой, иногда за 50—60 кил., въ какой нибудь затерявшійся уголокъ Фландріи или Лимбурга. Въ иныхъ же мѣстахъ, по желѣзнымъ дорогамъ Кампинъ, Фландріи или Арденнъ, ѣдутъ рабочіе съ доковъ Антверпена, ткачи съ фабрикъ Рубе или Туркуэнъ, горнозаводскіе рабочіе, которые ежедневно отправляются во Францію, въ бассейнъ Лонгви и, по окончаніи работъ, возвращаются въ свою деревню на ночлегъ. Словомъ, немного найдется въ Бельгіи деревень, которыя не имѣли бы извѣстнаго количества промышленныхъ рабочихъ, занятыхъ на сторонѣ и часто на большомъ разстояніи отъ ихъ мѣста жительства“.

Въ наихудшемъ положеніи находится населеніе сѣверной полосы Бельгіи. Поэтому массы бѣдныхъ фламандцевъ, покидая на волю злосчастной судьбы фермеровъ фламандской области, ежегодно устремляются на югъ, въ среднюю полосу Бельгіи, представляющую поясъ капиталистическаго сельскаго хозяйства и находящуюся подъ прямымъ вліяніемъ промышленныхъ центровъ. Въ то же время населеніе этой области, валлоны, привлекаемые промышленными городами Бельгіи и сосѣдней Франціи и недовольные скудными заработками, какіе могутъ имъ предложить мѣстные сельскіе хозяева, такъ какъ на этотъ

[1]) Э. Вандервельде. Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ, изд. Горшкова, стр. 150.

скудный заработокъ могутъ жить только фламандцы, «питающіеся, какъ свиньи, однимъ картофелемъ», эти валлоны, устремляются на заводы и копи или же образуютъ своеобразныя артели, которыя подъ предводительствомъ бывалаго человѣка отправляются лѣтомъ на сельско-хозяйственныя работы внутрь Франціи, чтобы на зиму вернуться домой.

Какой громадный процентъ всего населенія Бельгіи занятъ въ промышленности видно изъ того, что въ одномъ горнодѣліи и связанными съ нимъ отраслями работаетъ около 1½ мил. человѣкъ. Помимо копей и рудниковъ Бельгія страна желѣзодѣлательной промышленности. Провинціи Льежъ, Намюръ, Люксембургъ, отчасти Брабантъ и Хено покрыты чугунными и сталелитейными, машиностроительными, оружейными, вагонными и экипажными, инструментальными и разными другими заводами. Слѣдующее мѣсто занимаютъ такія отрасли, какъ мануфактура, стекольное, гончарное производство, сахарные заводы. Естественно, что колоссальное производство связано съ оживленной торговлей, главнымъ центромъ которой является не Брюссель, столица страны, а гавань Антверпенъ, вторая послѣ Гамбурга на материкѣ. Изъ всей суммы ввоза 45% падаетъ на пищевые продукты, 41% на сырье, между тѣмъ какъ предметомъ вывоза являются почти преимущественно фабрикаты. О размѣрахъ торговли можно судить по тому, что кромѣ предметовъ вывоза и ввоза, которыми торгуетъ страна, черезъ Бельгію проходитъ сквознымъ образомъ масса товару на сумму, почти равняющуюся суммѣ ввоза.

При такомъ развитіи промышленности и торговли естественно, что классъ населенія, въ рукахъ котораго сосредоточиваются богатства страны, все еще удерживаетъ въ своей власти господство и руководящую роль, хотя непрерывно ростущій рабочій классъ шагъ за шагомъ отвоевываетъ себѣ условія лучшаго существованія. Политическій строй Бельгіи находитъ себѣ выраженіе въ конституціи, являющейся по отношенію къ правамъ личности весьма либеральной, но въ то же время обезпечивающей господство за болѣе зажиточными классами. Послѣднія измѣненія были внесены въ конституцію въ 1893 г. Законодательная власть принадлежитъ народному представительству въ лицѣ палаты депутатовъ и сената совмѣстно съ королемъ. Выборы всеобщіе, но цѣлыя категоріи лицъ, именно женатые, образованные, владѣльцы земельныхъ участковъ, капиталовъ и сбереженій обладаютъ нѣсколькими голосами, въ совокупности однако не больше 3. Выборщиками въ сенатъ являются платящіе въ годъ не менѣе 400 р. налога. Особенностью бельгійской конституціи является обязательность участія въ выборахъ для каждаго гражданина подъ угрозой штрафа. На политической аренѣ въ Бельгіи борятся три крупныхъ партіи—клерикальная, либеральная и рабочая. Упорное существованіе клерикальной партіи объясняется тѣмъ, что почти все населеніе страны принадлежитъ къ католической церкви: въ Бельгіи всего только около 15.000 протестантовъ и 3.000 евреевъ.

Въ 1885 г., когда возникло „государство Конго“ бельгійскій король Леопольдъ II съ согласія державъ принялъ на себя роль „суверена“ его. Съ теченіемъ времени отношенія между этимъ „африканскимъ государствомъ“ и Бельгіей подвергались измѣненіямъ, въ результатѣ которыхъ, вопреки существованію личной уніи, Конго является въ настоящее время не болѣе, какъ бельгійской колоніей. Эта колонія охватываетъ пространство въ 2.383.000 кв. к. съ чернымъ населеніемъ въ 19 мил. человѣкъ и пока является для Бельгіи скорѣе бременемъ, чѣмъ областью производства сырья и рынкомъ для товаровъ метрополіи. Избытокъ денегъ, накопляющихся въ странѣ, предпріимчивые бельгійцы предпочитаютъ помѣщать не въ колоніи, а въ странахъ, въ которыхъ приложеніе капиталовъ сулитъ достаточную прибыль, какъ напр., въ Россіи, гдѣ число предпріятій, основанныхъ на бельгійскій капиталъ и руководимыхъ бельгійцами, составляетъ бросающееся въ глаза явленіе.

Н. Березинъ.

Швейцарія.

Горная природа и ея красоты.—Альпійскіе луга.—Скотъ и молочное хозяйство.—Жизнь пастуховъ.—Горныя дороги: перевалы и туннели.—Опасности жизни и странствія въ горахъ.—Народная жизнь и хозяйство.—Государственный строй.—Народное просвѣщеніе.

Швейцарія занимаетъ часть Альпъ и небольшую равнину между Альпами и Юрскими горами. Въ срединѣ швейцарскихъ Альпъ поднимается горный узелъ С.-Готардъ, откуда въ разныя стороны текутъ главныя рѣки Швейцаріи: Рейнъ, Рона, Ааръ, Рейсъ, Тичино. Къ востоку отъ С.-Готарда поднимается высокое плоскогорье, съ глубокими долинами Рейна и Инна и съ снѣжными вершинами по краямъ. Это—Граубюнденъ. Къ западу отсюда тянутся двѣ огромныя цѣпи со снѣжными вершинами—Бернскіе и Валлійскіе Альпы. Ихъ раздѣляетъ глубокая долина Роны.

На сѣверѣ широко раскинулось огромное Боденское озеро. Швейцаріи принадлежитъ небольшая часть его. Со всѣхъ сторонъ оно опоясано желѣзными дорогами, а по самому озеру то и дѣло мелькаютъ пароходы и рыбачьи лодки.

Берега озера почти сплошь заселены, повсюду кипитъ самая оживленная жизнь. Отъ городка къ городку тянутся безъ перерыва фруктовые сады. Климатъ здѣсь мягкій, ровный, холодные, горные вѣтры не доходятъ до Боденскаго озера, земля удобная для садовъ, и благодаря этому фруктовыя деревья даютъ здѣсь прекрасные урожаи. Дальше, вглубь страны, за фруктовыми садами волнуются роскошныя хлѣбныя поля. Фруктовыя деревья въ Швейцаріи тоже обыкновенно сажаютъ на поляхъ и лугахъ. Землю между ними засѣваютъ травами. Подобные луга даютъ сѣно лучшаго качества, чѣмъ открытые луга, потому что защищены отъ палящихъ лучей солнца тѣнью деревьевъ. Дороги всюду обсажены высокими пирамидальными тополями, каштанами и грецкими орѣхами.

Изъ Боденскаго озера вытекаетъ Рейнъ. Онъ то шумно и бурно пѣнится среди дикихъ ущелій и горъ, то спокойно и ровно течетъ по зеленой равнинѣ. Но вотъ тѣснины горъ становятся уже, и Рейнъ, покинувъ ихъ, падаетъ огромнымъ водопадомъ внизъ со скалы. Это—самый большой водопадъ Швейцаріи. Много путешественниковъ пріѣзжаетъ только для того, чтобы посмотрѣть на него.

Швейцарцы умѣютъ извлекать пользу изъ своей небогатой природы. Они утилизируютъ водопады, и конечно Рейнскій водопадъ приводитъ въ движеніе нѣсколько фабрикъ. Паденіе его и масса воды настолько значительны, что рѣка могла бы отдавать людямъ гораздо больше энергіи. Рѣдкій водопадъ, рѣдкій горный потокъ въ Швейцаріи не работаетъ хотя на какое либо маленькое заведеніе. Въ столицѣ Швейцаріи, въ Бернѣ, водой двигаются всѣ городскіе часы. Среди золотистыхъ полей Рейнской долины мимо путешественника мелькаютъ, одинъ за другимъ, нѣсколько маленькихъ городковъ. Въ Швейцаріи, впрочемъ, вообще, нѣтъ большихъ, торговыхъ городовъ, какъ въ другихъ странахъ. Въ ея городахъ не увидишь ни большихъ роскошныхъ магазиновъ, ни громадныхъ дворцовъ. Города здѣсь чистенькіе, домики въ нихъ небольшіе, но зато удобно устроены. Нигдѣ не видно грязи. Почти у каждаго дома галлерейка, обвитая виногра-

гомъ или другимъ вьющимся растеніемъ. Дома окружены маленькимъ палисадникомъ, обильно засаженнымъ цвѣтами. Большіе университетскіе города построены, конечно, на европейскій ладъ.

Одинъ изъ притоковъ Рейна, Туръ, ведетъ насъ по прелестной долинѣ Тогенбургъ къ снѣговой вершинѣ Сентисъ. Какъ древній патріархъ, блеститъ своей бѣлой вершиной этотъ «альпійскій камень», взирая съ высоты на окружающую его холмистую страну. На сѣверо-востокѣ виднѣется Боденское озеро, за нимъ вдали видны уже не швейцарскія, а германскія земли. На востокѣ открывается красивая, горная страна, Тироль, а на югѣ—дикій, мало доступный Граубюнденъ. На западѣ лежатъ чудныя озера средней Швейцаріи и ея снѣговыя вершины. Когда солнце близится къ закату, снѣжныя вершины загораются яркимъ пламенемъ его послѣднихъ лучей. Это «Альпы горятъ». Нѣсколько минутъ снѣжные, серебристые великаны горятъ краснымъ тономъ, потомъ блѣднѣютъ, понемногу гаснутъ, начиная снизу, и черезъ нѣкоторое время потухаютъ совсѣмъ, точно помертвѣвшіе. Удивительно грустное впечатлѣніе оставляетъ на душѣ это умираніе

Снѣжная вершина Малая Шейдекъ.

вершинъ. Но вотъ восходитъ луна, и снѣга снова заблестѣли новымъ серебрянымъ свѣтомъ.

Сентисъ стоитъ на границѣ двухъ кантоновъ: Аппенцеля и Сенъ-Галленъ. Сенъ-Галленъ окружаетъ Аппенцель, по выраженію мѣстныхъ жителей, какъ скорлупа окружаетъ орѣхъ. Здѣсь нѣтъ горныхъ громадъ съ вѣчными снѣгами, съ чистыми голубыми ледниками съ ихъ торжественной тишиной. Передъ глазами путника разстилаются во всей своей ласковой красотѣ предгорья Альпъ. Серебряная рѣчка Туръ тысячами извилинъ пробѣгаетъ среди изумрудныхъ луговъ, спрыгиваетъ со скалы на скалу и пѣнится въ своемъ каменномъ руслѣ. Тутъ она двигаетъ колесо маленькой мастерской, тамъ орошаетъ поля и луга, одѣвающіе всѣ склоны и косогоры. Кое-гдѣ мелькаютъ чистенькія, веселыя деревушки, со всѣхъ сторонъ доносится мелодическое позваниванье колокольчиковъ, а подъ тѣнью громадныхъ елей ютятся на высотахъ пастушескія хижины, и время отъ времени звучитъ рожокъ пастуха. Внизу въ долинѣ раскинулись деревни.

Въ деревняхъ почти нѣтъ домовъ въ одинъ этажъ. Дома невелики, но всегда высоки. Бываютъ дома въ три, четыре этажа. Нижній этажъ занятъ разными службами: сараями, стойлами, кладовыми и т. п. Жилыя комнаты помѣщаются во второмъ этажѣ. Въ огромныхъ сѣняхъ, куда свободно можетъ въѣхать полная, груженая телѣга, молотятъ хлѣбъ, часть ихъ занята сѣноваломъ. Изъ сѣней двери ведутъ въ большую, просторную кухню. Въ кухнѣ у швейцарцевъ нѣтъ большихъ печей, а лишь маленькая плита, на которую идетъ очень мало дровъ. Въ деревнѣ кромѣ булочной имѣется обыкновенно общественная прачешная, благодаря чему сокращаются расходы на топливо.

Посреди кухни стоитъ столъ, за которымъ обѣдаетъ вся семья, а вокругъ него скамейки. По одной стѣнѣ большой шкафъ съ посудой, по другой—полки, гдѣ стоятъ блестящіе кострюли и тазы. Въ кухнѣ двѣ двери: одна ведетъ на галлерейку, обвитую дикимъ виноградомъ и заставленную цвѣтами, а другая—въ спальню. Если нѣтъ женатыхъ сыновей, то вся семья спитъ обыкновенно въ одной комнатѣ. Въ спальнѣ настоящія постели съ теплыми одѣялами, съ хорошими подушками. На день постели прикрыты покрывалами, чтобы не пылились.

Въ домѣ зажиточнаго крестьянина имѣется хорошая лампа, передъ круглымъ столомъ—мягкій диванчикъ, гдѣ по вечерамъ сидитъ глава семьи и читаетъ вслухъ газету, а вся семья слушаетъ съ какой-нибудь работой въ рукахъ.

Окна у бѣдныхъ и богатыхъ завѣшаны бѣлыми, кисейными занавѣсками и уставлены цвѣтами. У оконъ зеленые ставни. Верхній этажъ занятъ большей частью чердакомъ и кладовыми, куда убираютъ разные припасы и сухіе фрукты. Если крестьянинъ женитъ сына, онъ обыкновенно пристраиваетъ еще комнату или даже надстраиваетъ цѣлый этажъ. Старый крестьянскій домъ обыкновенно состоитъ изъ множества такихъ пристроекъ. Жилище переходитъ по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ, каждый что-нибудь прибавляетъ въ немъ, и такимъ образомъ домъ растетъ понемногу.

Въ праздничный день у садовыхъ изгородей, обвитыхъ виноградомъ или красными настурціями сидятъ старики и покуриваютъ фарфоровыя трубочки. Кругомъ разносится благоуханіе свѣже-скошеннаго сѣна. Изъ оконъ выглядываютъ нарядныя дѣвушки, съ серебряными украшеніями на груди и шелковыми уборами на головахъ, ребята играютъ и веселятся на лугу. Въ городахъ фабрики и мастерскія стоятъ, фабричныя трубы не дымятся, и населеніе устремляется за городъ.

Послѣ обѣда въ трактирахъ гремитъ музыка, на вольномъ воздухѣ разставлены длинные столы и скамейки, на которыхъ тѣснятся женщины и старики, молодыя дѣвушки и дѣти. Вечеромъ устраиваются танцы, которые швейцарцы очень любятъ, а въ 11 часовъ уже расходятся по домамъ, и все затихаетъ. Въ 11 часовъ трактиры должны закрыться, если только хозяинъ не запасся особымъ разрѣшеніемъ, и воцаряется тишина.

До послѣдняго времени жители кантона Гларусъ почти исключительно кормились тѣмъ, что давали имъ ихъ стада. Теперь, правда, тамъ уже понастроили фабрикъ, но все же главнымъ промысломъ осталось молочное хозяйство. Самая почва и климатъ горнаго кантона заставляютъ жителей заниматься скотоводствомъ. По крутымъ утесистымъ склонамъ горъ очень мало земли, годной для обработки. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такихъ чудныхъ луговъ, какъ въ Швейцаріи. Швейцарцы прекрасно удобряютъ почву, засѣваютъ ее кормовыми травами, а, главное, орошаютъ луга и осушаютъ болотистыя мѣстности. Воду ледниковъ и горныхъ ручьевъ проводятъ для орошенія безводныхъ луговъ на далекое разстояніе по трубамъ. Продольные водопроводы часто виднѣются надъ пропастями, взбираются на обрывистыя высоты, гдѣ ихъ прикрѣпляютъ желѣзными стержнями. Нерѣдко также приходится вести ихъ черезъ горы по т у н н е л я м ъ. Для осушенія болотистыхъ мѣстностей воду отводятъ дренажемъ, т. е. черезъ подземныя, глиняныя трубы.

Хороши также и несѣянные альпійскіе луга. Они покрыты густой, сочной травой, такъ что нигдѣ въ мірѣ коровы не даютъ такого хорошаго молока, какъ въ Швейцаріи, въ то время года, когда онѣ пасутся въ горахъ. Альпійскія пастбища раздѣляются на предгорье, средніе альпы и высокіе альпы. На невысокіе холмы предгорій скотъ выгоняютъ, когда его рано отправлять въ альпы, самыя же лучшія и душистыя травы растутъ на среднихъ альпахъ. Тамъ пасется скотъ впродолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Высокіе альпы заняты лугами, простирающимися до границы вѣчныхъ снѣговъ. Трава тамъ невысокая, и склоны горъ часто такъ круты, что рогатый скотъ не можетъ пастись на нихъ. На этихъ высотахъ находятъ себѣ кормъ и пріютъ только козы, да иной смѣлый косарь заберется туда въ августѣ мѣсяцѣ. Онъ забираетъ съ собой только косу, брусокъ, немного сыра и хлѣба; а если расчитываетъ пробыть на высотѣ нѣсколько дней, то и мѣшочекъ картофеля. Здѣсь опасно, и бываютъ случаи, когда семья оплакиваетъ гибель слишкомъ усерднаго работника. Въ хорошую погоду косецъ успѣваетъ кончить работу въ одинъ день, на другой день сѣно сохнетъ, и затѣмъ его прямо сбрасываютъ внизъ, иногда же

Горная хижина и группа пастуховъ.

сѣно приходится носить опасными тропинками на плечахъ въ долину. Случается, что вѣтеръ въ одно мгновенье развѣетъ сѣно, скошенное съ опасностью жизни.

Альпійскія пастбица часто расположены на площадкахъ между скалистыми утесами. Иногда они веселыми, зелеными лужайками мягко спускаются по горнымъ склонамъ внизъ, въ долины. Стада тучнаго скота встрѣчаются тамъ всюду, и сытыя коровы, отвыкшія за лѣто отъ людей, съ любопытствомъ осматриваютъ путника, который забрелъ къ нимъ. Звуки пастушьяго рога, сзывающаго скотъ, несутся въ долины и переливаются чудной музыкой въ горахъ.

Коровы хорошо знаютъ эти звуки и, какъ бы не разбрелись онѣ, отовсюду собираются на зовъ рога къ хижинѣ хозяина. Чтобы какая-нибудь изъ нихъ не затерялась въ горахъ, каждой коровѣ, каждой козѣ вѣшаютъ на шею колокольчикъ, по звуку котораго ее всегда можно найти. Пастухъ такъ привыкаетъ къ звуку каждаго колокольчика, что, не глядя, узнаетъ по немъ, какая корова подходитъ къ нему.

Хотя альпійскіе луга даютъ хорошую траву и безъ всякаго удобренія, но пастуху все-таки приходится заботиться о томъ, чтобы трава оставалась все время сочной, чтобы пастбище не пропало. Мѣстами выработаны общинныя правила, согласно которымъ пастухъ передъ отправленіемъ въ горы долженъ очистить пастбище, то есть, убрать камни, принесенные лавинами, обвалами снѣговъ и зимними бурями.

Весной, во время таянія снѣговъ, потоки горной воды сильно портятъ дороги, ограды—все это тоже нужно исправить, чтобы скотъ могъ безопасно подняться въ горы и спокойно пастись тамъ.

Но и лѣтомъ случаются напасти съ альпійскими лугами. Въ горахъ разражаются страшныя грозы и бури, о которыхъ въ равнинахъ не имѣютъ и понятія. Иногда онѣ сопровождаются градомъ, который выбиваетъ всю траву, такъ что часто послѣ того растительность не въ состояніи оправиться, и пастбище превращается въ пустыню. А если даже и оправится, то все же не даетъ травы прежняго качества. Иногда градъ убиваетъ и скотъ. Большая часть луговъ принадлежитъ сельскимъ общинамъ. По правиламъ скотъ, который зимовалъ въ долинахъ, можетъ провести лѣто въ альпахъ. Обыкновенно скота держатъ не больше, чѣмъ сколько могутъ прокормить луга. Существуетъ коровье право, согласно которому на каждую штуку скота отчисляется опредѣленный участокъ земли. За мѣру считается штука рогатаго скота. Козѣ достаточно четверти коровьяго участка, и т. д. За исполненіемъ этихъ правилъ слѣдитъ довѣренный, избранный общиной.

День выгона скота въ горы радостный и для человѣка и для скотины. Скотинѣ надоѣло за зиму въ хлѣву сухое сѣно. Ей давно хочется на волю. Пастухи такъ свыклись съ своими альпами, такъ любятъ ихъ, что какъ только побѣжала весенняя вода и распустились деревья, они уже начинаютъ тосковать въ долинѣ.

Обыкновенно скотъ выгоняютъ въ началѣ іюня. Все стадо нарядно разукрашено. У каждой коровы на шеѣ вѣнокъ. Впереди идетъ передовая корова, вся въ цвѣтахъ и лентахъ. Колокольчикъ у нея тоже подвѣшенъ на широкой, красивой лентѣ. За ней слѣдуетъ остальное стадо съ молодыми бычками, телятами, овцами и козами. Стадо ведетъ пастухъ, одѣтый въ ярко-красную куртку и съ букетомъ цвѣтовъ на шляпѣ. Онъ трубитъ въ рожокъ, крестьяне поютъ пѣсни, стадо весело мычитъ и перезваниваетъ колокольчиками. Сзади ѣдетъ телѣжка съ необходимой утварью для молочнаго хозяйства.

До половины сентября скотъ пасется въ горахъ, а потомъ спускается въ долины, гдѣ его встрѣчаютъ также торжественно. Въ горахъ разбросаны по одиночкѣ хижины, около которыхъ не видно обработанной земли или цвѣточныхъ грядокъ, какія можно встрѣтить у каждаго швейцарскаго домика: это хижины пастуховъ, гдѣ они проводятъ три лѣтнихъ мѣсяца.

Въ хижинѣ душно и непріютно, хозяева бываютъ въ ней только когда спятъ или работаютъ. Остальное время они на волѣ. Дневной свѣтъ скудно пробивается сквозь маленькія окошки и освѣщаетъ большой очагъ въ углу и мѣдный котелъ надъ нимъ, занимающій чуть ли не половину комнаты. Въ котлѣ варятъ сыръ. Тутъ же пріютился маленькій котелокъ, въ которомъ варится обѣдъ. Близъ очага скамейка, составляющая чуть ли не единственную мебель, вмѣстѣ со скамеечкой для доенія. Вдоль одной стѣны разставлены ведра, подойникъ и боченокъ для масла, на стѣнѣ висятъ широкія, плоскія ложки для сниманія молока. Тутъ же, на прилавкѣ, лежитъ подъ прессомъ сыръ. Прессъ совсѣмъ простой, какой можетъ сдѣлать всякій пастухъ, и состоитъ изъ толстыхъ досокъ, кругомъ которыхъ устроенъ желобокъ для стока сыворотки. Сыръ прессуютъ тяжестью большихъ камней, положенныхъ сверху. Вотъ и вся обстановка пастушеской хижины.

Входятъ въ нее черезъ просторныя сѣни, гдѣ пастухи въ плохую погоду доятъ коровъ, а въ бурю загоняютъ ихъ сюда и на ночь. Надъ сѣнями, подъ крышей небольшое помѣщеніе, гдѣ спитъ пастухъ и его помощникъ, мальчикъ, если у него есть таковой.

Въ хорошую погоду здѣсь хорошо,—стадо не требуетъ надзора, и пастухъ все время занимается своимъ немудрымъ хозяйствомъ. Не мало у него и досуга. Пастухи любятъ пѣть и прислушиваться, какъ переливаются въ окрестныхъ горахъ звуки ихъ іодля (пастушеское пѣніе).

Въ іюлѣ и въ августѣ въ горахъ нерѣдко выпадаетъ снѣгъ, и корма для скота нѣтъ. На этотъ случай въ каждой хижинѣ существуютъ запасы сѣна. Но запасти много нельзя, а стадо велико, и вотъ тогда-то для пастуха наступаютъ трудные дни. Приходится носить сѣно на себѣ изъ долины по обрывистымъ горнымъ тропинамъ. Иногда даже наступаетъ необходимость спуститься внизъ со всѣмъ стадомъ. Кромѣ того, какъ ни привыкъ швейцарскій скотъ къ горнымъ крутизнамъ, тѣмъ не менѣе рѣдкое стадо не потерпитъ урона въ теченіе лѣта: нѣтъ-нѣтъ одна, другая корова сорвется съ крутизны и разобьется. Въ Швейцаріи женщины не занимаются молочнымъ хозяйствомъ, ихъ скорѣе можно видѣть въ полѣ. Коровъ доятъ пастухи. Они поднимаются на разсвѣтѣ съ своего сѣнника и принимаются доить коровъ и козъ. Коровы сами знаютъ свой чередъ, и одна за другой подходятъ къ пастуху.

Выгнавъ скотину на пастбище, пастухъ сливаетъ надоенное молоко въ большой котелъ для створаживанія и принимается за утренній завтракъ. А краски на краю неба дѣлаются все ярче и ярче, снѣжныя горы загораются огнемъ и, наконецъ, изъ за нихъ выплываетъ давно ожидаемое солнце и затопляетъ всю окрестность теплыми, ласковыми лучами. Сразу все вокругъ оживилось, ярко заблестѣли капельки росы на вѣнчикахъ цвѣтовъ, замелькали бабочки, пчелы, и во всей своей красѣ наступаетъ чудный, лѣтній день.

Но пастуху некогда долго любоваться природой, ему надо напоить скотину и приниматься за хозяйство. Работы у него много. Прежде всего варить сыръ, но для этого нужно еще наколоть дровъ на цѣлый день. Сваривъ сыръ, нужно вычистить посуду, а въ жаркій полдень—загнать скотъ подъ навѣсъ или подъ деревья. Вечеромъ опять поятъ скотъ, доятъ его, и изъ новаго молока опять варятъ сыръ. Кромѣ этой работы, случается необходимымъ починить крышу, ограду и т. п. Работы такъ много, что при большомъ стадѣ пастухъ беретъ себѣ въ помощники работника и мальчика. Работникъ ѣздитъ въ долину, возитъ провизію и сѣно, помогаетъ вести молочное хозяйство. Мальчикъ чиститъ посуду, загоняетъ и выгоняетъ скотъ и исполняетъ разныя мелкія порученія. Самъ пастухъ ложится спать позднѣе помощниковъ, когда осмотритъ, все ли въ порядкѣ, а встаетъ раньше ихъ.

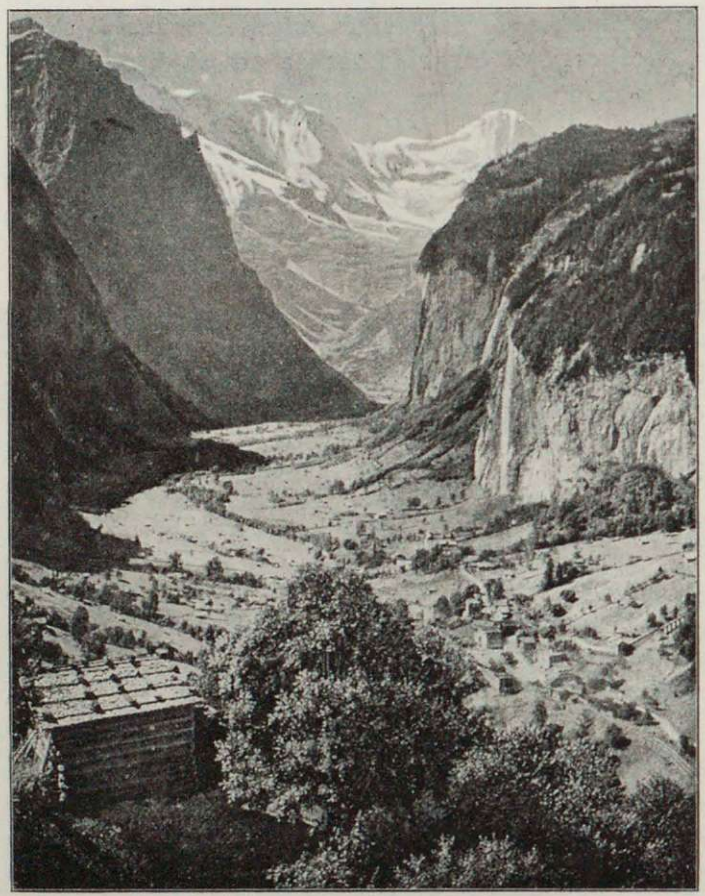
Несмотря на обиліе работы, горцы любятъ эту жизнь. Швейцарецъ крѣпнетъ здѣсь и тѣломъ, и душой; трудъ для него не тяжелъ; со всякой опасностью онъ умѣетъ справляться. Даже коровы на свѣжемъ, горномъ воздухѣ, при здоровой, сочной травѣ, совершенно мѣняются за лѣто: онѣ становятся крѣпче, сильнѣе и умнѣе. Во всякомъ стадѣ существуетъ вожакъ—самая смышленая корова. Если въ стадѣ случайно попадается другая корова, которая была вожакомъ, то животныя вступаютъ въ бой, и между ними устраиваются настоящіе поединки.

Рогатый скотъ въ Швейцаріи крупный, породистый и цѣнится дорого. Бѣдняки разводятъ больше козъ. Коза гораздо дешевле, а молока она даетъ лѣтомъ неменьше, чѣмъ корова. Разумѣется, козій сыръ цѣнится дешевле, но онъ все-таки очень вкусенъ и питателенъ и составляетъ большое подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Козѣ нужно меньше корму, заботъ она требуетъ меньше. Она гораздо легче и отважнѣе крупнаго скота и, благодаря ея умѣнью лазать, ей меньше опасности разбиться. Козы забираются на такія высоты, которыя недоступны самымъ смѣлымъ пастухамъ. Случается, что коза взберется на крутизну, а сойти съ нея не можетъ. Въ этомъ случаѣ ее спасаетъ смѣлость мальчика-пастуха. Эти козьи пастухи славятся даже въ Швейцаріи смѣлостью, рѣшительностью, необыкновенной ловкостью и умѣньемъ лазать по скаламъ.

Скотоводство составляетъ въ Швейцаріи главный источникъ пропитанія, и этому дѣлу посвящаютъ много заботъ въ смыслѣ улучшенія породы, борьбы съ болѣзнями. Такъ напр. введено обязательное страхованіе скота. Страховка каждой штуки скота обходится ежегодно въ очень небольшую сумму: за корову въ 100 руб. платятъ около 50 коп. въ годъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развиваются кооперативныя сыроварни, снабженныя механическими средствами производства, куда каждый день свозятъ все надоенное молоко. Такимъ образомъ сберегаютъ топливо и работу.

Жизнь въ горахъ не всегда, однако, однообразна. Швейцарцы, вообще, любятъ праздники. Нѣсколько разъ въ лѣто священникъ изъ долины служитъ обѣдню въ горной часовнѣ, и благовѣстъ колокола сзываетъ всѣхъ окрестныхъ пастуховъ. Вечеромъ гдѣ нибудь на просторной лужайкѣ подъ яснымъ, голубымъ небомъ собираются пастухи всей округи съ женами и дочерьми. Старики выпиваютъ по кружкѣ пива, а молодежь веселится. Парни играютъ въ разныя игры, борются другъ съ другомъ, бѣгаютъ взапуски, а потомъ танцуютъ подъ звуки какой-нибудь скрипки.

Долина Лаутербрунненъ.

Южную часть Швейцаріи занимаетъ область снѣжныхъ великановъ, это такъ называемый Бернскій Оберландъ. Внизу, въ наносной долинѣ раскинулись два небольшія озера—Бріенцкое и Тунское. Отсюда къ вѣчнымъ снѣгамъ ведутъ узенькія долины, съ крутыхъ стѣнъ которыхъ низвергаются шумные потоки, каскады и даже настоящіе водопады. Наиболѣе извѣстна долина Лаутербрунненъ. Путешественнику, вступающему въ нее, невольно кажется, будто она уходитъ въ самыя снѣжныя горы, такъ какъ все время передъ нимъ виднѣются вѣчные снѣга вершинъ Юнгефау, Менхъ и Эйгеръ. Кажется, что вотъ-вотъ очутишься у самаго подножія ихъ. Но до подножія ихъ еще много верстъ.

Но вотъ на поворотѣ дороги снѣга Юнгфррау заблестѣли и засеребрились, точно осыпанные брилліантовымъ свѣтомъ Между путникомъ и Юнгфрау сыплется масса воды водопада Штауббаха. Среди крутыхъ, неприступныхъ скалъ, подобно легкому покрывалу, срывается этотъ водопадъ съ огромной высоты.

Штауббахъ не богатъ водой, но при паденіи онъ разсыпается въ мелкую пыль, отъ чего и произошло самое названіе этого каскада („ручей пыли“). Послѣ ливней физіономія его рѣзко мѣняется. Массы темной, мутной воды его съ неимовѣрной силой несутся въ долину, а шумъ паденія оглушительнымъ громомъ перекатывается въ сосѣднихъ горахъ.

Прежнее легкое, серебристое облачко, которое вотъ-вотъ, кажется, унесетъ вѣтеръ, сноситъ теперь на своемъ пути все.

Въ глубинѣ Лаутербрунненской долины существуетъ другой большой водопадъ: громадный столбъ воды пробиваетъ себѣ путь среди гладкихъ, голыхъ скалъ и падаетъ, точно по широкой, каменной трубѣ. Съ Венгернальпа и Малой Шейдекъ совсѣмъ близко видна Юнгфрау—одна изъ самыхъ высокихъ и величественныхъ вершинъ Швейцаріи. Отсюда слышенъ громъ лавинъ и обваловъ, которые она посылаетъ въ долину, и чувствуется по вечерамъ, послѣ заката солнца, ея ледяное дыханіе.

Тамъ, въ этихъ горахъ нѣтъ жизни, нѣтъ человѣческаго жилья. Человѣкъ пріютился въ долинахъ и на невысокихъ холмахъ, около хлѣбныхъ полей и фруктовыхъ садовъ, на берегу рѣкъ и у зеленыхъ луговъ,—вездѣ, гдѣ только ему было чѣмъ пропитать себя. А наверху, въ горахъ, онъ встрѣчаетъ только темныя, сѣрыя скалы, ледники, цѣлыя ледяныя моря и серебряные, блестящіе на солнцѣ снѣга,—вездѣ здѣсь передъ нимъ холодный, мертвый, застывшій міръ.

Снѣгъ на вершинахъ, обтаивая, дѣлается твердымъ и зернистымъ фирномъ. Фирнъ отъ давленія и отъ поперемѣннаго замерзанія и таянія пронизывающей его талой воды превращается въ ледъ, который сползаетъ въ долину въ видѣ ледниковъ или глетчеровъ, которые даютъ начало многочисленнымъ рѣчкамъ и горнымъ ручьямъ. Несмотря на трудности и опасности, множество туристовъ ежегодно посѣщаютъ эти непріютныя мѣста. Они нуждаются, конечно, въ опытныхъ проводникахъ, хорошо знающихъ мѣстность. Подъемы и путешествія среди снѣговъ очень опасны. Не проходитъ лѣта, чтобы въ горахъ не погибло нѣсколько человѣкъ. На помощь туристамъ здѣсь приходятъ альпійскіе клубы.

Нерѣдко, заблудившись среди снѣговъ и голыхъ скалъ, путникъ наталкивается на хижину. Онъ входитъ въ нее и видитъ чисто прибранную комнату. Наверху устроены постели, все готово для отдыха. Здѣсь можно отдохнуть, согрѣться; развести огонь ничего не стоитъ, потому что у очага приготовлено сухое топливо и спички. Въ шкафу найдется пища, а нерѣдко даже книжка. Подкрѣпившись отдыхомъ, путникъ на другой день бодро отправляется въ путь. Такія хижины, разсѣянныя повсюду въ горахъ,—дѣло альпійскаго клуба. Онъ же устраиваетъ метеорологическія станціи и снабжаетъ публику надежными проводниками. Много погибло народу въ суровыхъ горахъ. Нѣкогда монахъ Бернаръ-де Монтонъ построилъ на перевалѣ изъ долины Роны въ долину Дора-Балтеа страннопріимный монастырь, гдѣ путники и теперь находятъ пріютъ, пищу и всякую помощь у монаховъ. Монахи разыскиваютъ заблудившихся и погибающихъ путниковъ, и въ этомъ дѣлѣ имъ помогаютъ монастырскія собаки. Днемъ и ночью дежурные монахи обходятъ опасныя мѣста. Въ непогоду весь монастырь на ногахъ. Монахи съ лопатами, носилками и теплой одеждой обходятъ окрестность и разыскиваютъ заблудившихся. Но безъ собакъ это было бы крайне трудно. Собаки эти благодаря чутью находятъ слѣды человѣка и даже откапываютъ лапами засыпаннаго пѣшехода. На спинѣ у нихъ прикрѣплено свернутое одѣяло, а на шеѣ виситъ фляга. Если собакѣ не удается освободить человѣка изъ-подъ снѣга, если найденный ею на дорогѣ путникъ не шевелится, собака быстро возвращается къ монастырю, вызываетъ лаемъ монаховъ и ведетъ ихъ къ мѣсту катастрофы.

Въ настоящее время эти монастыри приходятъ въ упадокъ, такъ какъ надобность въ нихъ благодаря желѣзнымъ дорогамъ миновала. Такъ сѣверную Швейцарію съ южной соединяетъ Готардская желѣзная дорога. Почти четверть пути она пробѣгаетъ подъ землей, по туннелю. Особенно замѣчательны кривые туннели, по которымъ поѣздъ поднимается внутри горы, описывая въ ней путь въ видѣ восьмерки. Такихъ туннелей по Готардской дорогѣ восемь. Особенно славится главный, совершенно прямой, но очень

длинный туннель (около 14 к.). Этотъ туннель пронизываетъ всю толщу массива Сенъ-Готардъ.

Кто видѣлъ Сенъ-Готардъ лѣтомъ, въ свѣтлую, ясную погоду, тотъ не можетъ себѣ представить, что дѣлается здѣсь зимой. Зиму въ долинѣ нельзя и сравнить съ горной зимой. Мѣсяцевъ восемь здѣсь не таетъ снѣгъ. Бѣлые, пушистые слои его накладываются одинъ на другой, и самые острые утесы становятся незамѣтны подъ его толстой пеленой. Всѣ ущелья и трещины горъ и ледниковъ наполнены снѣгомъ. Немного ниже также густо засыпаны снѣгомъ альпійскіе луга. Нигдѣ ни признака жизни, вся природа спитъ глубокимъ, мертвымъ сномъ, и только голодные вороны съ жалобными криками вьются надъ мертвыми, пустынными вершинами, да уныло паритъ въ облакахъ альпійскій хищникъ—орелъ. Серны и козы ютятся въ засыпанныхъ густымъ снѣгомъ хвойныхъ лѣсахъ, гдѣ время отъ времени раздается тихое посвистываніе оставшейся зимовать птички, горные потоки и водопады, которые лѣтомъ съ шумомъ и громомъ падаютъ въ долины, висятъ теперь со скалъ мертвыми, застывшими сосульками. Повсюду глубокое молчаніе, и только по временамъ слышится глухой шумъ несущейся лавины.

Когда на склонахъ горъ скопится многа снѣга, то часто отъ ничтожной причины онъ начинаетъ медленно сползать внизъ. На пути эта масса снѣга увеличивается и все быстрѣе и быстрѣе летитъ внизъ. Лавина со страшной силой несется внизъ, подхватываетъ и сноситъ все, что встрѣтится ей на пути: глыбы камня, дома, даже цѣлые лѣса—все исчезаетъ въ хаосѣ двигающагося снѣга.

Лавины причиняютъ громадныя несчастія. Если жители услышатъ ея грохотъ, они бросаютъ все и стремятся только сами спастись отъ гибели. Но случается, особенно если лавина падаетъ ночью, что она застаетъ жителей врасплохъ. Извѣстны случаи, когда лавины засыпали цѣлыя деревни. Въ половинѣ 18-го столѣтія была засыпана деревня Руаресъ. Проснувшись утромъ, жители деревни удивлялись, какъ долго тянется ночь. Но скоро они поняли, въ чемъ дѣло. Жители сосѣдней деревни, увидѣвъ на мѣстѣ Руаресъ груды снѣга, бросились откапывать заживо погребенныхъ. Несчастные поселяне слышали, какъ къ нимъ то приближается, то удаляется стукъ лопатъ и говоръ людей, до которыхъ не доходили ихъ крики. До ста человѣкъ погибло во время этого ужаснаго несчастія, шестьдесятъ удалось спасти. Въ Швейцаріи ходитъ немало разсказовъ о подобныхъ несчастьяхъ.

Вотъ напр. одинъ изъ подобныхъ эпизодовъ: «однажды вечеромъ,—разсказывала героиня его Маріанна,—мужъ мой отправился на охоту, сынъ спокойно спалъ въ колыбелькѣ, и я, поужинавъ, собралась тоже ложиться, какъ вдругъ услышала страшный гулъ. Я бросилась къ двери, чтобы посмотрѣть, что случилось, но дверь не отворялась. Тогда я поняла, что насъ съ малюткой засыпало снѣгомъ. Ужасъ охватилъ меня. Я понимала, что сама сдѣлать ничего не могу и должна ждать, пока меня отроютъ. Но проходили часы, дни, ночи, а мы все оставались въ этой снѣжной могилѣ заживо погребенными. Только плачъ ребенка приводилъ меня въ себя, заставляя заботиться объ его пищѣ. Къ счастью, въ сараѣ, гдѣ лежало сѣно, была заперта на ночь коза. Я доила ее, и она спасла насъ отъ голодной смерти». Каково было мужу, возвратившемуся съ охоты, найти на мѣстѣ своего дома одни только снѣжные сугробы! Въ ужасѣ бросается онъ къ сосѣдямъ и, съ ихъ помощью, принимается за работу. Но обвалъ такъ громаденъ, надъ хижиной образовался такой толстый слой снѣга, что имъ пришлось работать десять дней, пока они увидѣли верхушку дерева, росшаго у дома. Тогда Гансъ собираетъ послѣднія силы, мужественно работаетъ, и вотъ показывается труба его дома. Онъ проникаетъ черезъ нее въ домъ и находитъ жену и ребенка невредимыми.

Вотъ какія опасности грозятъ жителямъ этихъ снѣжныхъ пустынь! Тишина и мертвое спокойствіе царятъ здѣсь впродолженіе восьми мѣсяцевъ.

Но вотъ все жарче и жарче стало пригрѣвать солнышко. На горахъ начинаетъ таять снѣгъ. Сильные вѣтры нагоняютъ темныя облака, которыя несутъ съ собой густые туманы и дожди. Вотъ съ Сенъ-Готарда подулъ теплый вѣтеръ. Онъ все усиливается и превращается въ настоящій теплый ураганъ. Это—фенъ, вѣстникъ весны, онъ приноситъ тепло. Подъ его горячимъ дыханіемъ таетъ на горахъ снѣгъ и зеленѣетъ свѣжая, молодая травка. Въ концѣ мая солнце мало по малу одолѣваетъ въ горахъ зиму, и только по ночамъ еще стелются густые, бѣлые туманы, защищающіе молодые побѣги травъ отъ ночныхъ холодовъ. Горные лѣса сбрасываютъ съ себя пушистую, зимнюю одежду и покрываются мало-по-малу яркой листвой. Въ лѣсахъ и среди скалъ зажурчали веселые ручейки. Звонко прыгая съ камня на камень, бѣгутъ эти шумные дѣти снѣжныхъ полей, сливаются другъ съ другомъ, сбѣгаютъ въ долины и превращаются въ большія рѣки. Съ снѣжныхъ вершинъ въ долину тянутся ледяныя рѣки—ледники.

Еще сильнѣе задулъ фенъ, грозно гудитъ онъ въ темныхъ ущельяхъ; ручьи и рѣки надулись, выступили изъ береговъ и залили окрестность. Лѣто подходитъ все ближе и ближе. Прилетѣли веселые, тысячеголосые спутники его и прилежно принялись строить свои гнѣздышки. Луга запестрѣли яркими горными цвѣтами,—примулы, горный анемонъ, яркія орхидеи, колокольчики разноцвѣтнымъ ковромъ разсыпались среди сочной, зеленой травы. Повсюду замелькали бабочки, пчелы и другія насѣкомыя. Альпійскія пастбища оживились звономъ колокольчиковъ пасущагося скота, а за нимъ пришелъ и человѣкъ въ заброшенныя имъ зимой хижины.

Было время, когда весной, съ открытіемъ пути по Сенъ-Готардскому перевалу, вся мѣстность оживлялась отъ проѣзжавшаго народа. Здѣсь проходилъ главный путь изъ Италіи въ Швейцарію. Окрестныя селенія занимались перевозомъ путешественниковъ и много зарабатывали этимъ промысломъ. Но теперь здѣсь проѣзжаютъ одни туристы, любители горныхъ видовъ.

Большія озера Швейцаріи отличаются удивительной красотой. Вода въ нихъ обыкновенно совершенно голубая и прозрачная, такъ что на большой глубинѣ видны мелькающія взадъ и впередъ рыбки. Особенно славится Женевское озеро. На югѣ его обступили плотной стѣной невысокія савойскія альпы. Темные лѣса и пастбища оживлены стадами, а долины усѣяны селеніями и отдѣльными домами. Западетъ иногда яркій солнечный лучъ въ далекую долинку, зальетъ ее потоками свѣта и, точно встаетъ изъ туманной дали волшебный маленькій свѣтлый городокъ, невидимый съ другого берега при обыкновенномъ освѣщеніи.

Каждый клочекъ земли по берегамъ озера прекрасно обработанъ. Вездѣ довольство и благосостояніе, вездѣ кипитъ оживленная работа. Надо заглянуть въ этотъ край, когда здѣсь идетъ сборъ винограда. Это уже не работа, а общій, веселый праздникъ. Отовсюду изъ городовъ собираются друзья и знакомые, чтобы принять участіе въ веселомъ занятіи. Въ каждомъ округѣ, незадолго до сбора, хозяева виноградниковъ собираются вмѣстѣ и назначаютъ день сбора. Съ ранняго утра по дорожкамъ и тропинкамъ мелькаютъ крестьяне съ корзинами за плечами. У ребятишекъ свои маленькія корзинки, и какой-нибудь четырехлѣтній пузырь тоже принимаетъ участіе въ общемъ дѣлѣ. Вечеромъ молодежь играетъ въ разныя игры, борется и танцуетъ на лугу.

Въ этой-то благодатной странѣ съ роскошной растительностью и мягкимъ климатомъ, подъ яснымъ, голубымъ небомъ, у самыхъ водъ прозрачнаго озера, стоитъ мрачный замокъ Шильонъ. Онъ построенъ на скалѣ, въ которой вырублены ею подземелья. Крошечныя окошки, въ которыя слабо пробиваются солнечные лучи, чуть-чуть поднимаются надъ уровнемъ озера, а устроены они такъ высоко, что, стоя на полу подземелья, нѣтъ возможности достать до нихъ. Въ подземельи семь толстыхъ каменныхъ столбовъ, поддерживающихъ сводъ. Къ тремъ изъ нихъ придѣланы желѣзныя кольца. Здѣсь помѣщалась

нѣкогда государственная тюрьма, и къ этимъ-то кольцамъ приковывали преступниковъ. Надъ подземельемъ находится залъ суда, гдѣ и до сихъ поръ еще показываютъ столбъ, у котораго преступниковъ пытали. Рядомъ съ залой—маленькая комната, гдѣ на голой каменной постели осужденные проводили свою послѣднюю ночь передъ казнью. Здѣсь же стояла для нихъ и висѣлица, а въ полу открывался люкъ, и трупы убитыхъ спускались прямо въ озеро.

Тюрьма принадлежала герцогамъ Савойскимъ, и верхняя часть замка надъ мрачнымъ подземельемъ, гдѣ томились и пропадали безъ вѣсти замученные люди, служила дворцомъ. Тамъ изо дня въ день раздавался шумъ пировъ и ликованій и отдаленнымъ гуломъ жизни доносился къ заключеннымъ. Герцоги не забывали и о молитвѣ,—въ замкѣ и до сихъ поръ еще сохранилась ихъ придворная капелла, но молитва, очевидно, не мѣшала ихъ темнымъ дѣламъ.

Въ этой мрачной тюрьмѣ въ XVI-омъ вѣкѣ томился любимецъ народа, знаменитый Бонниваръ, съ своими двумя братьями.

Шильонскій замокъ, вдали снѣжныя вершины Dent du Midi.

Шильонъ еще недавно служилъ военный тюрьмой, въ настоящее же время обращенъ въ историческій музей.

Въ другомъ концѣ озера раскинулась Женева. Окрестности Женевы очень красивы. Городъ окруженъ садами, рощами и цѣлыми лѣсами фруктовыхъ деревьевъ. По нему протекаетъ Рона, выбѣгающая здѣсь изъ Женевскаго озера. Ея прозрачныя голубыя волны омываютъ маленькій островокъ, гдѣ стоитъ памятникъ Жанъ-Жаку Руссо, и кругомъ котораго плаваютъ бѣлые гордые лебеди.

Съ вершины горнаго кряжа Салевъ, поднимающагося надъ Женевой, къ югу открывается чудный видъ на снѣгъ горной цѣпи Монъ-Бланъ, самой высокой въ Европѣ. Вершина ея не принадлежитъ ни одному государству, такъ какъ она находится между Франціей, Италіей и Швейцаріей. И здѣсь, на этой высотѣ построена обсерваторія для наблюденія подъ различными явленіями природы.

Восточнѣе Женевскаго озера, почти въ серединѣ страны, среди горъ расположена цѣлая группа большихъ озеръ и среди нихъ знаменитое Фирвальштедтское озеро или Озеро Четырехъ Кантоновъ. Народное сказаніе такъ описываетъ о возникновеніи этого озера. Въ то время, какъ Богъ создавалъ міръ, онъ послалъ одного изъ ангеловъ налить воды въ чудныя итальянскія озера. Ангелъ несся по горамъ съ сосудомъ небесной воды въ рукахъ. По дорогѣ онъ поскользнулся, часть воды пролилась и образовала Фирвальштедтское озеро. Разлетѣвшіяся брызги превратились въ мелкія озера: Цугъ, Эгери, Земпахъ и другія.

Фирвальштедтское озеро—колыбель Швейцарскаго государства. Нѣкогда земли, составляющія теперь Швейцарію, находились подъ властью германскаго императора, кото-

рый роздалъ ее вассаламъ. Феодальный строй неразрывно связанъ съ крѣпостнымъ правомъ. Населеніе должно было поставлять въ войска лучшую молодежь и давать средства во время мира и войны. При Рудольфѣ Габсбургскомъ восточныя части Альпійской страны уже входили въ составъ Австрійскихъ владѣній, но лѣсные кантоны,—Швицъ, Ури и Унтервальденъ, какъ и прежде, оставались независимыми. Въ 1291 г. австрійская корона перешла къ Альбрехту; онъ взглянулъ на эти вольности иначе и поставилъ въ эти кантоны намѣстниковъ. Эти фогты страшно угнетали народъ. Тогда-то лѣсные кантоны заключили между собой оборонительный союзъ и обязались оказывать другъ другу вооруженную помощь. Къ этому маленькому ядру вольныхъ кантоновъ стали по немногу присоединяться и другіе кантоны. Благодаря условіямъ горной природы союзу удалось избѣжать притязаній сосѣдей, и въ 1648 г. Швейцарія была признана независимымъ государствомъ.

Швейцарскій народъ украсилъ исторію своего освобожденія легендами. Сюда относятся легенды о Вильгельмѣ Теллѣ, объ Арнольдѣ Винкельридѣ, и многія другія.

Жители лѣсныхъ кантоновъ ежегодно справляютъ день основанія ихъ союза. Все окрестное населеніе съ цвѣтами и флагами направляется въ долину Рютли, гдѣ теперь, на берегу крошечнаго озера, въ тѣни огромныхъ елей построенъ маленькій домъ. Тамъ они говорятъ рѣчи, которыя напоминаютъ о событіи этого дня, вспоминаютъ знаменитыхъ людей, которые много сдѣлали для Швейцаріи, а вечеромъ молодежь танцуетъ на полянѣ подъ звуки музыки.

Съ террасы горы, къ которой прислонился домъ Рютли, открывается чудный видъ на окрестность. Далеко внизу, во всю длину раскинулась голубая гладь Фирвальштедтскаго озера. Чудесная игра его цвѣтовъ какой-то волшебной силой приковываетъ къ себѣ взоры путника. У самыхъ ногъ, прислонившись къ скалѣ стоитъ Рютли, окруженный огромными елями. По всѣмъ склонамъ горъ, покрытыхъ богатыми пастбищами, разсыпано множество пастушескихъ хижинъ. На сѣверѣ раскинулись города и деревни, потонувшіе въ зелени своихъ фруктовыхъ садовъ. На югѣ, вдоль озера, до городка Флюэлена тянется знаменитая дорога Аксенштрассе. Ее теперь уже отчасти замѣнила Готардская желѣзная дорога, пробѣгающая рядомъ съ ней. Аксенштрассе тянется на 14 верстъ и вся прорублена въ горахъ. Горы круто обрываются къ озеру, и сквозь громадныя, каменныя арки дороги открывается голубая даль озера. Посреди этой дороги въ озеро вдается мысомъ скалистая площадка. Это площадка Вильгельма Телля. На ней построена часовня или капелла въ память любимаго народнаго героя Швейцаріи. Она и называется капеллой Телля.

Сбросивъ съ себя иноземное иго, народъ не освободился отъ собственныхъ угнетателей. Власть въ большей части кантоновъ захватили аристократическія городскія фамиліи. Крестьяне не принимали никакого участія въ управленіи. Богатые горожане говорили, что дѣло крестьянъ „слушаться и платить подати и повинности“. Даже народное образованіе было поставлено такъ, что оно только способствовало угнетенію народа. Учителей назначали съ согласія духовенства, и въ школахъ не позволялось читать ничего, кромѣ Священнаго Писанія. Знаній народу не давалось. Все это вызывало недовольство и безпорядки. Но правительства кантоновъ неумолимо подавляли ихъ и наполняли тюрьмы друзьями народа. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока дыханіе великой французской революціи, многое измѣнившее въ сознаніи народовъ всѣхъ странъ, не разрушило и въ Швейцаріи сословныя привилегіи. Правда, послѣ паденія Наполеона, реставрація снова возстановила ихъ, но не надолго. Народъ уже зналъ, что такое свобода, и требовалъ себѣ равноправія. Послѣ 1830 г. во всѣхъ кантонахъ, гдѣ власть снова была захвачена аристократами, народъ вернулъ себѣ свои права.

Въ настоящее время Швейцарія представляетъ союзъ равноправныхъ республикъ, кантоновъ. Каждый кантонъ представляетъ собой республику, въ которой власть принад-

лежитъ всему народу. Въ однихъ кантонахъ народъ выбираетъ депутатовъ въ законодательное собраніе; а въ шести самыхъ старыхъ, маленькихъ кантонахъ,—Ури, Гларусъ, два Унтервальдена и два Аппенцеля,—законодательная власть находится непосредственно въ рукахъ народа. Всѣ дѣла рѣшаются тамъ не представителями народа, а мірскимъ сходомъ на главной площади города. Эти сходы совершаются въ торжественной обстановкѣ.

Женщины изъ нѣмецкой Швейцаріи.

Сходъ открываетъ ландаманнъ, то есть президентъ исполнительнаго совѣта кантона. Ландаманнъ спрашиваетъ народъ, желаетъ ли онъ начать сходъ. Выходитъ кантональный приставъ и отвѣчаетъ, что народъ желаетъ начать сходъ. И сходъ открывается молитвой и торжественной рѣчью ландаманна. Кромѣ сходовъ, собирающихся для одобренія того или другого закона, бываютъ сходы постоянные. Постоянный сходъ собирается только

разъ въ годъ. На немъ выбираютъ правительство, утверждаютъ отчетъ о доходахъ и расходахъ государства и обсуждаютъ новые законопроекты. Одинъ за другимъ граждане говорятъ свои рѣчи, поднимаютъ руки при голосованіи и по окончаніи дѣлъ расходятся въ полномъ порядкѣ. Въ другихъ, болѣе людныхъ и обширныхъ кантонахъ, дѣла рѣшаются собраніемъ народныхъ представителей. Но принятые этимъ собраніемъ законы все-таки передаются на всенародное голосованіе, на референдумъ. Исключеніе составляетъ только кантонъ Фрейбургъ, гдѣ референдума нѣтъ. Въ однихъ кантонахъ всякій законъ обязательно передается на народное голосованіе. Это кантоны съ такъ называемымъ обязательнымъ референдумомъ. Въ другихъ же онъ передается только въ томъ случаѣ, если этого потребуетъ извѣстное число лицъ, различное въ различныхъ кантонахъ, отъ 500 до 6000 человѣкъ. Это—кантоны съ факультативнымъ референдумомъ.

Во главѣ кантональнаго управленія стоитъ Большой Совѣтъ. Это—совѣтъ законодательный. Исполнительная же власть принадлежитъ Малому Совѣту. Судебная власть совершенно отдѣлена отъ исполнительной и законодательной. Такимъ образомъ, каждый кантонъ управляется самостоятельно. Союзъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ его внутреннія дѣла, потому что кантонъ—это отдѣльное государство. Тѣми же дѣлами, которыя касаются всѣхъ кантоновъ, завѣдуетъ Союзъ, какъ напримѣръ почтой, телеграфами, путями сообщенія, народной милиціей, и т. п.

Законодательная власть Союза состоитъ тоже изъ двухъ совѣтовъ: Національнаго и Совѣта кантоновъ.

Въ Національномъ Совѣтѣ засѣдаютъ выборные отъ каждыхъ двадцати тысячъ жителей по одному человѣку, а въ Совѣтѣ кантоновъ по два отъ каждаго кантона. Каждый новый законъ долженъ быть одобренъ обоими этими Совѣтами. Но опредѣленное число гражданъ всегда можетъ внести на обсужденіе новый законъ, а пятьдесятъ тысячъ человѣкъ могутъ потребовать пересмотра всѣхъ законовъ страны. Право голоса при выборахъ имѣетъ каждый швейцарецъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста.

Рѣшенія обоихъ Совѣтовъ, одобренныя народомъ, приводятся въ исполненіе Союзнымъ Совѣтомъ, такъ что власть его только исполнительная. Для всего Швейцарскаго государства, Союзный Совѣтъ то же, что Малый Совѣтъ для каждаго отдѣльнаго кантона. Въ Союзномъ Совѣтѣ только семь человѣкъ. Во главѣ его стоитъ президентъ всего Союза, который выбирается на одинъ годъ всѣмъ Союзнымъ собраніемъ, то есть членами обоихъ законодательныхъ собраній,—Національнаго и Совѣта кантоновъ, въ одномъ общемъ засѣданіи. Союзное правительство засѣдаетъ въ Бернѣ, столицѣ Швейцаріи.

Всякія разногласія по государственнымъ вопросамъ рѣшаетъ Союзный судъ. Члены суда выбираются тоже Союзнымъ собраніемъ. Засѣдаетъ Союзный судъ въ Лозаннѣ. Онъ рѣшаетъ споры кантоновъ между собой, а также и между союзомъ и каждымъ отдѣльнымъ кантономъ и разныя другія государственныя дѣла.

Основныя права швейцарскихъ гражданъ составляютъ:

1) Равенство всѣхъ передъ закономъ. Въ Швейцаріи нѣтъ никакихъ сословій. 2) Свобода печати. 3) Свобода союзовъ и собраній. 4) Свобода вѣроисповѣданія. Каждый швейцарскій гражданинъ свободенъ исповѣдовать какую хочетъ религію и можетъ не принадлежать ни къ какой; онъ можетъ крестить своихъ дѣтей и не крестить, и никто не имѣетъ права преслѣдовать его за это. Къ какой бы религіи онъ не принадлежалъ, онъ сохраняетъ всѣ свои гражданскія права. Религіозное воспитаніе дѣтей принадлежитъ родителямъ и опекунамъ.

Свобода совѣсти, какъ и всѣ остальныя свободы, досталась швейцарцамъ не даромъ. Много было пролито за нее крови. Нѣкогда швейцарцы, какъ всѣ сосѣди ихъ, были католиками. Когда въ Германіи, Англіи и другихъ странахъ Европы вспыхнула реформація,

*

зашевелились умы и свободолюбивыхъ швейцарцевъ. Здѣсь выдвинулись два знаменитыхъ реформатора церкви, Цвингли, проповѣдовавшій въ Цюрихѣ, и Кальвинъ — въ Женевѣ. Цвингли и Кальвинъ встрѣтили горячую поддержку среди населенія и съ успѣхомъ провели дѣло реформы.

Теперь около двухъ третей населенія Швейцаріи—протестанты, а одна треть—католики. Въ каждомъ городѣ существуютъ протестанскія и католическія церкви. Нерѣдко даже случается, что въ какомъ-нибудь маленькомъ мѣстечкѣ половина жителей—протестанты, а половина—католики. Чтобы сократить расходы на содержаніе лишней церкви, бываетъ, что тѣ и другіе отправляютъ свое богослуженіе въ одной и той же церкви въ разное время. Проповѣдниковъ протестантская община выбираетъ на срокъ нѣсколькихъ лѣтъ. Община же даетъ священнику содержаніе, такъ что прихожане ничего ему не платятъ за церковныя требы.

Дѣти учатся закону Божію въ церквахъ послѣ обѣдни, по воскресеньямъ. Родители посылаютъ ихъ въ ту церковь, которая имъ больше нравится. Если же они не хотятъ, то могутъ вовсе не посылать и учить религіи дома или вовсе не учить. Въ школахъ религіи не обучаютъ.

Въ Швейцаріи издавна обращали вниманіе на народную школу и не жалѣли средствъ на устройство хорошихъ школъ. Въ настоящее время всѣ дѣти учатся безплатно въ первоначальной школѣ. Обученію помогаютъ множество хорошихъ учебныхъ пособій. Дѣти выучиваются въ школѣ не только читать, писать, считать, но также и другимъ наукамъ и, мало-по-малу, начинаютъ лучше понимать, что дѣлается вокругъ нихъ. Школу они обязаны посѣщать съ 7 до 13, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ и до 14-ти лѣтъ. Самыя лучшія зданія въ городахъ и въ деревняхъ отведены подъ школы. Школу содержитъ обыкновенно община, а если она бѣдна, то ей помогаетъ правительство.

Мальчики и дѣвочки учатся въ народной школѣ вмѣстѣ.

Первые три года въ такой первоначальной школѣ дѣти учатся читать, писать, считать, а во время экскурсій, а часто также и въ классѣ учитель разсказываетъ имъ о томъ, что окружаетъ ихъ въ природѣ и въ жизни.

Слѣдующіе три года дѣти занимаются другими науками. Такъ они изучаютъ всемірную исторію, географію, естественныя науки и математику. Кромѣ того, они учатся чертить, рисовать, а дѣвочки занимаются также всевозможными рукодѣліями. Когда мальчикъ окончитъ школу, онъ долженъ еще года два ходить на такъ называемые повторительные уроки. Впрочемъ, въ повторительной школѣ занятія бываютъ два-три раза въ недѣлю. Кромѣ первоначальныхъ школъ, въ Швейцаріи есть множество другихъ. Любопытны, напр., заведенія для самыхъ маленькихъ дѣтей—ясли. За яслями слѣдуетъ дѣтскій садъ, гдѣ ребенокъ остается вплоть до того времени, пока ему не наступитъ пора поступать въ первоначальную школу. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ каждая община имѣетъ дѣтскій садъ.

За первоначальной школой слѣдуетъ средняя школа. Она необязательна, но большинство дѣтей въ Швейцаріи проходятъ теперь и какую-нибудь среднюю школу. Къ среднимъ школамъ относятся ремесленныя и профессіональныя училища и гимназіи. Въ ремесленныхъ школахъ обученіе безплатно. Въ профессіональныхъ школахъ изучаютъ спеціальные предметы. Изъ профессіональныхъ школъ многіе поступаютъ въ высшія техническія школы и въ сельскохозяйственныя, а изъ гимназій—въ университетъ. Въ Швейцаріи, какъ въ университетъ, такъ и во всѣ высшія школы, принимаютъ также и женщинъ.

Своей хорошей народной школой Швейцарія обязана знаменитому Генриху Песталоцци, жившему болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Каждому швейцарскому ребенку извѣстно это имя, во многихъ мѣстахъ ему поставлены памятники. Въ Цюрихѣ, на берегу Лимата, въ комнатѣ, гдѣ родился Песталоцци, стоитъ его статуя въ лавровомъ вѣнкѣ. Въ этой же

Костюмъ обитательницы кантона Бернъ.

комнатѣ сохраняется его колыбель. Рядомъ съ комнатой устроенъ школьный музей, гдѣ собрано все, что относится къ школьному дѣлу въ Швейцаріи.

Чтобы дать полное понятіе о швейцарской школѣ, слѣдуетъ упомянуть и о школьныхъ праздникахъ и экскурсіяхъ. Въ деревнѣ или въ маленькомъ городкѣ, школьный праздникъ, это—праздникъ для всѣхъ мѣстныхъ жителей, и нерѣдко даже сѣдые старики отправляются посмотрѣть, какъ веселятся ихъ дѣти и внуки. Кто хоть разъ видѣлъ такой дѣтскій праздникъ, у того навсегда останется хорошее и свѣтлое воспоминаніе о немъ.

Швейцарія страна мало плодородная, благодаря неудобной почвѣ, и потому ея жителямъ приходится трудиться очень много. Главной отраслью народнаго хозяйства является скотоводство, — молочное хозяйство. Швейцарскіе сыры славятся во всемъ свѣтѣ. Псчва въ горахъ слишкомъ скудна, чтобы давать хорошіе урожаи хлѣбовъ; на нихъ хорошо растетъ только трава. Но, вездѣ, гдѣ возможно, швейцарцы все-таки сѣютъ хлѣба. Иногда приходится укрѣплять почву на крутыхъ откосахъ, носить удобреніе на высокія скалы въ корзинкахъ за плечами. Но швейцарецъ привыкъ трудиться, и нужно только удивляться, какіе богатые урожаи даетъ ему завоеванный у природы клочекъ земли.

Общественной пахотной земли въ Швейцаріи почти не осталось; только луга да лѣса еще принадлежатъ всему сельскому обществу. Пахотная земля очень раздроблена; нигдѣ, кажется, въ мірѣ нельзя встрѣтить такихъ крохотныхъ клочковъ земельной собственности. Дроблснію земли положенъ теперь предѣлъ введеніемъ закона, по которому земля переходитъ по наслѣдству къ меньшему сыну. Такъ какъ земли мало, то она никогда не отдыхаетъ, и крестьяне ведутъ сложное хозяйство, снимая по двѣ жатвы въ годъ. Во многихъ мѣстахъ для удобренія сжигаютъ картофельную ботву, солому отъ бобовъ, гороха. Кое-гдѣ въ долинахъ удобряютъ еще такъ: во время каждаго большого дождя съ горъ бѣгутъ потоки мутной воды, перемѣшанной съ сухимъ листомъ, соромъ и иломъ. Внизу выкапываютъ большую яму, куда стекаетъ вода. Каждый крестьянинъ общины, у котораго плоха земля, можетъ брать изъ ямы на свою землю нанесенные слои земли съ гніющимъ листомъ.

Въ Швейцаріи больше всего сѣютъ пшеницы. Ржи встрѣчается очень мало; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее сѣютъ не для зерна, а для соломы, которая идетъ на плетеніе шляпъ и другихъ издѣлій, для чего хлѣбъ скашивается незрѣлымъ. Картофель тоже очень хорошо родится въ Швейцаріи, и въ нѣкоторыхъ кантонахъ, какъ напримѣръ въ Гларусѣ, разводятъ почти одинъ картофель.

На югѣ удобную для земледѣлія землю отводятъ больше подъ виноградники и подъ фруктовые сады.

Третьимъ источникомъ дохода для швейцарцевъ являются иностранцы, со всѣхъ сторонъ съѣзжающіеся въ Швейцарію полюбоваться красотой ея горъ. Множество гостиницъ понастроено въ самыхъ красивыхъ мѣстностяхъ, цѣлые города полны гостиницами, и не малая часть швейцарскаго населенія обслуживаетъ ихъ.

Но помимо этого, швейцарцы занимаются и многими другими промыслами. Во всей Европѣ славятся швейцарскія вышивки. Вышиваньемъ занято въ Швейцаріи большое число рукъ, особенно въ кантонѣ С. Галленъ. Многіе работаютъ у себя на дому, но не мало рукъ занято и въ фабричной промышленности. Вообще въ Швейцаріи не мало всевозможныхъ фабрикъ: въ Цюрихскомъ кантонѣ есть нѣсколько шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ фабрикъ, Женева и нѣсколько городковъ на горѣ заняты приготовленіемъ часовъ. Женевскіе часы извѣстны по всему міру.

Фабрикъ часовыхъ тамъ немного, большая часть всѣхъ часовъ приготовляется дома кустарями. Только нѣкоторыя, болѣе грубыя части работаютъ на фабрикахъ. Даже самые крупные фабриканты не изготовляютъ всего механизма цѣликомъ, а скупаютъ отдѣльныя части у кустарей и потомъ только собираютъ ихъ. Но чаще они просто даютъ матеріалъ

кустарямъ и заказываютъ, что имъ нужно. Одни мастера приготовляютъ разные винтики и камешки, другіе—ящики, внутреннюю крышечку, третьи работаютъ только циферблаты. Тѣ, которые работаютъ циферблаты—самые дорогіе работники. Когда, наконецъ, механизмъ весь собранъ и пущенъ въ ходъ, отдѣльные мастера провѣряютъ ихъ, отполировываютъ и золотятъ. Потомъ граверы дѣлаютъ разныя украшенія и надписи, и, наконецъ, часы готовы для продажи. Въ Женевѣ есть безплатная часовая школа, чтобы всѣ желающіе могли хорошо обучиться этому ремеслу. Сюда же всякій мастеръ можетъ обратиться за совѣтомъ къ свѣдущимъ людямъ.

Подобно тому, какъ въ часовомъ производствѣ, такъ и въ другихъ,—въ шелковомъ, кружевномъ,—фабриканты стали раздавать работу на домъ. Это, разумѣется, ухудшило положеніе рабочихъ, такъ какъ, благодаря большому количеству незанятыхъ рукъ, рабочіе сильно сбили цѣну и должны сидѣть съ утра до ночи, чтобы заработать достаточно для семьи. А между тѣмъ на фабрикахъ рабочій день ограниченъ 11-ью часами, но большая часть фабрикантовъ уже ввела у себя 10-ти и даже 9-ти часовой рабочій день.

Заработокъ швейцарскаго рабочаго не великъ: въ среднемъ, 3—4 фр. въ день, но положеніе его, сравнительно, недурно, потому что почти каждый изъ нихъ имѣетъ хоть маленькій клочекъ земли и домъ. Гораздо хуже тамъ положеніе иностранныхъ рабочихъ, особенно итальянцевъ.

Огромное большинство швейцарскихъ рабочихъ принадлежитъ къ тому или другому профессіональному союзу.

Нигдѣ нѣтъ такого множества обществъ, кружковъ, союзовъ. Каждая деревня, каждая община имѣетъ кассу взаимопомощи, кооперативную лавку, кооперативную молочную, булочную. Повсюду существуютъ больничныя кассы, кассы, которыя обезпечиваютъ вдовъ и сиротъ, выдаютъ на похороны, и. т. д. Но большинство этихъ обществъ и союзовъ имѣютъ въ виду чисто практическія цѣли, благоустройство своей жизни. Мы мало встрѣтимъ въ Швейцаріи обществъ, которыя ставили бы себѣ болѣе высокія задачи, имѣли бы въ виду движеніе впередъ. Швейцарцы въ этомъ отношеніи отстали отъ другихъ странъ. Однимъ изъ немногихъ образовательныхъ союзовъ является союзъ Грютли. Хотя онъ дѣйствуетъ не съ прежней энергіей, но, все-таки, изъ года въ годъ союзъ этотъ выпускаетъ довольно много популярныхъ книгъ и брошюръ. Кромѣ того, онъ издаетъ свою газету. Въ 1896 года въ Цюрихѣ возникло въ память Песталоцци общество для содѣйствія внѣшкольному образованію, нѣчто вродѣ народнаго университета. Членами общества сдѣлались лучшія культурныя силы страны. Общество учредило рядъ популярно-научныхъ курсовъ, основало множество публичныхъ библіотекъ и читаленъ, устраиваетъ спектакли, концерты, образовательныя прогулки. Вскорѣ такое же общество образовалось и въ Женевѣ. Населеніе живо отозвалось на этотъ призывъ. Аудиторіи и музеи наполнились новыми искателями знаній, и умственная жизнь въ Швейцаріи за послѣднее десятилѣтіе нѣсколько оживилась.

В. Величкина.

Франція.

Природа страны.—Населеніе.—Происхожденіе и характеръ французской націи.—Крестьянство, рабочій классъ и буржуазія.—Хозяйство.—Государственный строй и положеніе просвѣщенія.

Франція и населяющій ее народъ едва ли не главный членъ въ ряду трехъ великихъ націй, дѣятельность которыхъ, главнымъ образомъ, создала и наложила свой отпечатокъ на то, что называютъ европейской, западной культурой. Можетъ быть, здѣсь не такъ много размышляли, какъ въ Германіи, не такъ усиленно, непрерывно и медленно дѣйствовали, какъ въ Англіи, за то здѣсь быстро усваивали, перерабатывали и въ общедоступной, легко пріемлемой формѣ выбрасывали на арену общеевропейской жизни. XVII особенно XVIII-ый и далѣе XIX вѣка въ исторіи европейской жизни не только покрыты налетомъ французскаго генія, французскаго вліянія, но, дѣйствительно, пронизаны, почти пропитаны ими. Нѣтъ страны, которая въ болѣе или менѣе замѣтной формѣ не отразила бы въ различныхъ проявленіяхъ своей жизни, въ нравахъ, въ литературѣ, въ политикѣ воздѣйствія французовъ, и нѣтъ въ Европѣ города, который за послѣднія столѣтія въ такой же мѣрѣ являлся центромъ всеобщаго притяженія, мѣстомъ разсѣянія самыхъ разнообразныхъ вещей, начиная съ руководящихъ идей и кончая послѣднимъ пустякомъ, какъ столица Франціи —Парижъ.

Въ настоящее время это міровое положеніе Франціи и французской націи начинаетъ подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, какъ будто колебаться, ослѣпительный блескъ, очаровывавшій народы, тускнѣетъ, но, кто знаетъ, не произойдетъ ли завтра же событія, которое снова взброситъ эту націю на высоту, на которую она столько разъ съ необыкновеннымъ торжествомъ взбиралась, и съ которой она съ необыкновеннымъ же шумомъ столько разъ падала, потому что въ Европѣ нѣтъ другого народа, который заключалъ бы въ себѣ столько порывистой энергіи, столько способности быстро вздыматься на крыльяхъ своего увлеченія, развивать въ короткое время всѣ силы человѣческаго генія во всѣхъ отрасляхъ доступной ему дѣятельности и, главное, такъ чутко двигаться по пути неизбѣжныхъ историческихъ направленій, какъ именно французы. Несомнѣнно, многія изъ всѣмъ извѣстныхъ блестящихъ свойствъ французской націи составляютъ особенность племени, осѣвшаго когда-то въ предѣлахъ страны и поглотившаго позднѣйшихъ пришельцевъ. Но многое также объясняется характеромъ территоріи, въ которой французы провели столько вѣковъ своей исторической жизни, и границы которой въ общемъ испытывали не особенно значительныя колебанія.

Франція есть по преимуществу проходная страна. Германія представляетъ, конечно, ту же особенность, но разница въ томъ, что Франція простирается „отъ моря и до

моря" и лежитъ на перепутьи странъ, которыя вступили въ ряды культурныхъ областей значительно раньше, чѣмъ страны восточной и сѣверной Европы. Не надо забывать, что колоніи на средиземноморскомъ побережьи Франціи принадлежатъ къ очень древнимъ, что напр. одинъ изъ любопытнѣйшихъ путешественниковъ древности, массиліотъ Питеасъ, обнаруживаетъ свѣдѣнія какъ о внутреннихъ частяхъ ея, такъ и о странахъ, лежащихъ далѣе къ сѣверу отъ нея вплоть до Ирландіи, и все это болѣе, чѣмъ за 400 лѣтъ до Р. Х. Слѣдовательно, еще задолго до покоренія Галліи Цезаремъ торговцы пересѣкали территорію Франціи по тѣмъ естественнымъ путямъ, которыя открываются на сѣверъ по двумъ направленіямъ отъ береговъ Ліонскаго и Генуэзскаго залива. Затѣмъ, въ теченіе не менѣе трехъ вѣковъ, протекшихъ отъ покоренія Галліи римлянами и до нашествія варваровъ, страна во всѣхъ отношеніяхъ цивилизовалась, и бури великаго переселенія народовъ не могли поколебать прочныхъ устоевъ, заложенныхъ греко-итальянцами.

Въ настоящее время территорія Франціи заключаетъ 536.464 кв. к. и представляетъ въ общемъ неправильный шестиугольникъ, въ которомъ три стороны—берега морей, и три сухопутныя границы. Побережье Средиземнаго моря, главнымъ образомъ, берега Ліонскаго залива, представляютъ низкіе берега выравниванія, близь которыхъ стоятъ древніе города, бывшіе еще въ историческое время портовыми, нынѣ же гавани ихъ засыпаны пескомъ. Къ востоку отъ болотистаго Камарга или дельты Роны берега повышаются и образуютъ на такъ называемой Ривьера ди-Понентe немало хорошихъ гаваней, рядъ которыхъ заканчивается полуостровомъ Гіенъ, Марселемъ, Тулономъ.

Отъ этого побережья прямо на сѣверъ простирается низменность Роны—широкая и удобная дорога для торговли всего бассейна Средиземнаго моря съ средней и сѣверной Европой. Другое пониженіе, по которому министръ Людовика XIV Кольберъ заложилъ «южный каналъ», ведетъ отъ южныхъ береговъ къ побережью Атлантическаго океана, именно къ Бискайскому заливу и отсюда черезъ «ворота» Пуатье въ среднюю Францію. Высокій валъ Пиренеевъ почти наглухо отдѣляетъ Францію отъ Пиринейскаго полуострова, но два моря и узкія полосы побережья вдоль нихъ открываютъ пути для сношеній между Франціей и Испаніей, которыми пользовались издавна.

Океаническіе берега Франціи раздѣляются полуостровомъ Бретань на два участка: берегъ Бискайскаго залива отъ устья Адура и до лимана Жиронды, ровная полоса дюнъ, за которыми расположены пустынныя, негостепріимныя ланды. Сѣвернѣе берегъ становится разнообразнѣе—заливы, бухты и острова даютъ пріютъ судамъ, но прежнія гавани, какъ напр. Ла-Рошель, уступили мѣсто новымъ—Нанту съ Сенъ-Назеръ, Бресту и Лоріану. Побережье Ламанша представляетъ наибольшее разнообразіе въ смыслѣ смѣны извилистыхъ и ровныхъ, высокихъ и низкихъ, богатыхъ и бѣдныхъ естественными гаванями береговъ. Это побережье, особенно большой заливъ, въ которомъ помѣстились Нормандскіе острова, Котантенъ и окрестности Дьеппа воспитали цѣлыя поколѣнія моряковъ, плаванія которыхъ, морскія экспедиціи и заокеаническія открытія при большей поддержкѣ со стороны государства могли бы обезпечить за Франціей громадныя площади колоніальныхъ странъ, какими она нѣкогда владѣла и которыя утеряла при послѣднихъ Бурбонахъ и въ эпоху революціи и первой имперіи.

Въ настоящее время побережье Ламанша съ его многочисленными портами, какъ Сенъ-Мало, Шербуръ, Гавръ-де-Грасъ, Дьеппъ, Булонь, Калэ, Дюнкеркъ, представляетъ наиболѣе оживленную морской торговлей границу Франціи.

На востокѣ длинная сухопутная граница отъ береговъ Нѣмецкаго моря и до Вогезъ всегда была открыта вторженіямъ. Здѣсь пролегаютъ главные торговые пути въ густонаселенныя области Нидерландъ и Германіи, и здѣсь же располагаются теперь въ нѣсколько рядовъ группы сильно-укрѣпленныхъ фортами крѣпостей. Отъ Вогезъ и до Средиземнаго моря простираются, то широкимъ, то узкимъ поясомъ, горы, которыя впрочемъ открываютъ

торговымъ сношеніямъ съ Германіей, Швейцаріей и Италіей немало дорогъ, наиболѣе удобной изъ которыхъ являются такъ называемыя Бургундскія ворота, ведущія изъ долины Соны въ Рейнскую низменность.

Если обратить далѣе вниманіе на рельефъ Франціи, выдающеюся особенностью котораго является то обстоятельство, что возвышенности, расположенныя всецѣло въ ея предѣлахъ, представляютъ невысокія горныя области, занимающія болѣе или менѣе центральныя части, а кругомъ нихъ широкой полосой на сѣверѣ и западѣ, болѣе узкой на востокѣ и югѣ расположились низменности, которыя такъ или иначе связаны съ низменностями сосѣднихъ странъ, то становится яснымъ, что не только географическое положеніе и характеръ границъ, но и удобства передвиженія во всѣ стороны по этому кольцу низменностей превращали Францію въ проходную страну по преимуществу. Съ начала среднихъ вѣковъ Франція оказывалась въ положеніи страны, окруженной со всѣхъ сторонъ странами, населенными не менѣе людно и въ общемъ не уступавшими ей въ развитіи всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности. Естественно, если здѣсь, на перекресткѣ движенія людей, товаровъ и идей скрещивались самыя разнообразныя вліянія, въ атмосферѣ которыхъ легкоподвижный характеръ французской націи воспитывался въ свойственномъ ему духѣ.

Многочисленныя рѣки страны, эти первые пути сообщенія, растекаются во Франціи отъ возвышенной середины къ краямъ. При обильныхъ осадкахъ, приносимыхъ съ океана влажными западными вѣтрами, рѣки всегда были полны водой, пока истребленіе лѣсовъ въ верховьяхъ не усилило наводненій, производимыхъ ими теперь послѣ особенно сильныхъ ливней. Эти благопріятныя свойства французскихъ рѣкъ позволили соединить ихъ по всѣмъ направленіямъ каналами въ такое время, когда развитіе промышленности потребовало въ XVII в. усиленія торговыхъ сношеній, какъ внутри страны, такъ и съ заграницей. Число судоходныхъ рѣкъ во Франціи равно 141 съ общей длиной судоходнаго пути въ 8.972 к. Къ этому присоединяются многочисленные каналы, по длинѣ и удобству расположенія которыхъ Франція уступаетъ одной Англіи. Хотя каналы со времени развитія желѣзныхъ дорогъ попали въ пренебреженіе, но въ настоящее время они опять привлекаютъ къ себѣ вниманіе, и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ «южный каналъ» между Тулузой и Сеттомъ превратится въ широкій путь, по которому океаническія суда будутъ въ состояніи проникать непосредственно въ Средиземное море изъ Атлантическаго океана, минуя Пиренейскій полуостровъ и Гибралтарскій проливъ.

Климатъ Франціи теплый, мягкій и влажный во всѣ времена года, такъ какъ средняя температура въ самый холодный мѣсяцъ не спускается ниже 2° тепла по Ц.; если временами случаются холода, суровыя зимы съ морозами и снѣгомъ, то они обыкновенно столь неожиданны, что застаютъ обитателей врасплохъ, такъ какъ даже въ городахъ населеніе не привыкло къ теплоотапливаемымъ жилищамъ и не знаетъ особой зимней одежды, что составляетъ необходимость для обитателей восточной Европы. Различія между средней температурой самаго холоднаго и самаго теплаго мѣсяца колеблется почти повсюду около 15°, что же касается количества атмосферныхъ осадковъ, то ни одна область Франціи не можетъ пожаловаться на недостатокъ ихъ, за исключеніемъ развѣ мѣстностей, расположенныхъ по средней Сенѣ, Маркѣ и Оазу, гдѣ количество ихъ рѣдко превышаетъ 500 мм. въ годъ. Зато гребень Севеннъ, склоны Пиреней, Альпъ, Юры получаютъ столько осадковъ, что обиліе ихъ именно и вызываетъ опустошительныя наводненія стекающихъ съ нихъ рѣкъ. На нѣкоторый недостатокъ влаги могли бы еще пожаловаться мѣстности, обращенныя къ Средиземному морю, какъ напр. низменность Роны, верхней Гаронны и Одъ, климатъ которыхъ носитъ характеръ субтропическій съ растущими на побережьи Средиземнаго моря вѣчно зелеными растеніями, среди которыхъ взоръ поражаетъ присутствіе нѣкоторыхъ африканскихъ видовъ. Этотъ влажный и теплый климатъ въ союзѣ съ

обильной и разнообразной растительностью измѣнялъ почвы Франціи въ самомъ благодѣтельномъ для человѣка направленіи, начиная задолго до ледниковаго періода, въ теченіе котораго пространства Франціи не были, подобно всѣмъ странамъ сѣверной Европы, покрыты сплошной ледяной корой, долгое господство которой сопровождалось вездѣ отложеніемъ болѣе или менѣе мощныхъ наносовъ, грудъ моренъ и валуновъ, съ которыми земледѣлецъ долгое время не зналъ, что дѣлать. Поэтому уже въ отдаленныя времена, когда первобытное населеніе Европы только еще вступало въ земледѣльческій періодъ, тогдашніе обитатели Франціи почти вездѣ находили благопріятныя почвенныя условія для своихъ первыхъ грубыхъ пашень, для посадки плодовыхъ деревьевъ и овощей. Въ настоящее время, когда успѣхи науки даютъ человѣку средства сдѣлать всякую почву плодородной, процентъ неудобныхъ земель, требующихъ для превращенія ихъ въ культурныя поля затраты большихъ капиталовъ, во Франціи, хотя сравнительно и великъ, нѣсколько болѣе 15% общей площади, но зато остальное пространство находится подъ интенсивной культурой. Если принять въ разсчетъ, что подъ пашнями, садами и огородами находится 54,6% всей земли, подъ виноградниками 3,2%, луга и пастбища занимаютъ 11,2% и лѣсъ 15,6%, то большая площадь неудобной земли, которая только въ послѣднее время превращается энергичными мѣрами въ культурное пространство, указываетъ на то, что до сего времени обрабатываемыя земли, благодаря естественному плодородію почвы, худо ли хорошо, удовлетворяли потребности населенія въ такой же мѣрѣ, какъ въ другихъ странахъ. Особенности климата и почвы очень вліяютъ во Франціи на качество производимыхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ: здѣсь въ обширныхъ размѣрахъ возможна культура превосходныхъ плодовъ и фруктовъ, распространенію которыхъ далѣе на востокѣ и сѣверѣ холодное лѣто и суровая зима кладутъ естественный предѣлъ. Такъ напр. виноградная лоза растетъ во Франціи вездѣ, кромѣ узкой полосы вдоль берега Ламанша, оливковое дерево и тутовое дерево распространены на всемъ южномъ побережьи и въ долинѣ Роны. Иными словами, во Франціи, сравнительно съ другими странами средней и сѣверной Европы, одинаковое количество земледѣльческаго труда даетъ большее количество и болѣе цѣнные и разнообразные продукты. Земля и ея обработка привлекали нѣкогда наибольшее количество рукъ, промышленность развивалась, хотя непрерывно, но медленно, развѣтвляясь на разнообразнѣйшія отрасли. Въ настоящее время еще почти половина всего населенія Франціи прикована къ землѣ, къ земледѣлію, и уже одно это указываетъ, какую выдающуюся цѣнность представляетъ территорія Франціи въ нашъ вѣкъ подъема и развитія промышленности, по отношенію къ которымъ Франція занимаетъ отнюдь не послѣднее мѣсто. Золотистыя пышныя нивы, необозримыя плантаціи свекловицы, плодовые сады и виноградники, покрывающіе сплошнымъ ковромъ мягкія округлости холмовъ на пространствѣ сотенъ тысячъ гектаровъ, даютъ на первый взглядъ иллюзію той «прекрасной Франціи», которая, подобно прелестному миражу, представляется всякому французу, когда рѣчь его касается родины. Но о томъ, какъ живется во Франціи земледѣльцамъ, рѣчь будетъ ниже, теперь же отъ обозрѣнія территоріи страны необходимо перейти къ населенію, къ той живой силѣ, которая ее оплодотворяетъ, и которая въ теченіе вѣковъ превратилась въ «великую націю».

Франція классическая страна находокъ доисторическаго человѣка. Остатки населенія различныхъ періодовъ каменнаго вѣка особенно многочисленны въ ней, благодаря чему французскіе ученые первые съ несомнѣнностью доказали существованіе „пещернаго“ человѣка. Несмотря на это, здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ Европы, нѣтъ еще возможности установить ясной связи между этими древнѣйшими обитателями различныхъ частей Франціи и нынѣшнимъ населеніемъ ея. Исторія застаетъ на пространствѣ этой страны по крайней мѣрѣ четыре группы народностей, распадавшихся на разныя племена. Съ юго-запада до Гаронны ее населяли иберы, остаткомъ которыхъ являются современные

баски или эускалдуна, какъ они сами называютъ себя. Лигуры или лигійцы сидѣли на побережьи Средиземнаго моря, отдаленный сѣверо-востокъ занимали белги, представлявшіе по всей вѣроятности народность, смѣшанную изъ кельтовъ и германцевъ. Середину страны, на пространствѣ между Гаронной и Сеной занимали галлы, кельтская народность, давшая на нѣсколько столѣтій имя всей странѣ. Эти кельты появились здѣсь, придя съ востока. Покоривъ туземное населеніе, они остались раздѣленными на мелкія племена, взаимные раздоры которыхъ такъ облегчили Цезарю задачу покоренія Галліи и превращенія ея въ римскую провинцію (58 — 51 г. до Р. Х.). Но еще за нѣсколько вѣковъ до того средиземноморскій берегъ Франціи былъ заселенъ финикійскими, а затѣмъ греческими колонистами, основавшими города, которые существуютъ до сего дня, какъ напр. Марсель, Агдъ, Ницца (древніе Массилія, Агате, Никея), вошедшіе въ 121 г. до Р. Х. въ составъ римской провинціи, носившей имя Нарбоннской Галліи. Такимъ образомъ еще до появленія римлянъ, будущихъ цивилизаторовъ страны, населеніе южной Франціи испытывало вліяніе болѣе культурныхъ народностей въ то время, какъ сѣверъ ея оставался варварскимъ, а востокъ уже испытывалъ надвигающееся вторженіе германцевъ Въ теченіе 500 лѣтъ (до 476 г. по Р. Х.) римскаго владычества, которыя Галлія провела въ условіяхъ мирнаго развитія, физіономія страны сильно измѣнилась. Античная культура цѣликомъ привилась къ ней, и когда, въ лицѣ франкскихъ, бургундскихъ и вестготскихъ дружинъ, въ Галлію вторглись грубые германцы, многочисленное кельтское населеніе страны, уступая силѣ, покорилось имъ, но въ короткое время поглотило и ассимилировало пришельцевъ. Можно думать, что именно благодаря подкрѣпляющей силѣ античной цивилизаціи кельтскій элементъ пересилилъ всѣ остальныя вліянія и до сихъ поръ является характерной основой французской націи, хотя имя кельтовъ, имя галловъ исчезло и замѣнилось германскимъ наименованіемъ, заимствованнымъ отъ названія германскаго племени, которое усѣлось въ средоточіи страны по среднему теченію Сены. Черты, которыми древніе бытописатели характеризовали галловъ, сохраняютъ свою мѣткость и по отношенію современныхъ французовъ. Подвижность характера, легкая и бурная возбудимость и вслѣдствіе того измѣнчивость настроенія, вспышки и быстрые переходы отъ упадка къ подъему духа, легковѣріе и легкомысліе съ большой дозой тщеславія и славолюбія въ извѣстной мѣрѣ свойственны нынѣшнимъ французамъ, хотя и не въ такой степени, какъ галламъ эпохи Цезаря, такъ какъ національный характеръ съ тѣхъ поръ сильно углубленъ долговременной культурой, развившей въ немъ цѣлый рядъ качествъ — трезвость, разсудочность, необыкновенное трудолюбіе, бережливость, доходящую до скопидомства, которыя сливаются съ остальными свойствами въ очень гармоничное, жизнеспособное и жизнерадостное цѣлое. Обитатели страны, которая во всѣ стороны обращена къ многочисленнымъ культурно-равноцѣннымъ странамъ, имѣя столько вѣковъ дѣло съ разнообразными народностями, испытывая на себѣ перекрещивающееся вліяніе ихъ, не могли не стать націей по преимуществу общительной, къ чему влекла ихъ и природная живость характера. Общительность и общественность создаютъ формы, еще болѣе развивающія эти черты, и неудивительно поэтому, если французъ не только по преимуществу типъ общественнаго человѣка, но и человѣка, который выработалъ и пользуется наилучшими средствами поведенія и общенія. „Пропагандистъ, агитаторъ, ораторъ—вотъ основная черта француза, наблюдаемаго въ обществѣ“, говоритъ одинъ русскій наблюдатель французской жизни [1]). „Служеніе общественной правдѣ, приложеніе идеи и убѣжденія къ жизни—вотъ настоящая стихія, въ которой онъ чувствуетъ себя такъ же хорошо, какъ рыба въ водѣ“... Французъ, какъ общественный дѣятель, часто догматиченъ, узокъ, въ немъ наблюдается нѣкоторая поверхносность мысли, банальность чувствъ, онъ склоненъ

[1]) Кудринъ, Очерки современной Франціи, стр. 15, 16 и далѣе

къ внѣшнимъ эффектамъ, бываетъ театраленъ, ходуленъ и, какъ актеръ, не всегда вполнѣ искрененъ. „Но отсюда же его чарующія качества", замѣчаетъ цитируемый авторъ. „Догматизмъ француза, его увѣренность въ истинѣ дѣлаетъ его величайшимъ энтузіастомъ идеи, способнымъ возвышаться до крайнихъ предѣловъ героизма. Враги его идеи— его личные враги; онъ не можетъ объяснить себѣ ихъ противодѣйствія ничѣмъ инымъ, кромѣ злой воли да прямого нежеланія понять величіе того идеала, за который онъ готовъ съ восторгомъ сложить голову, бросить весь комфортъ, принесть въ жертву семейное гнѣздо и даже разбить свои планы копленія. Но его догматизмъ, его вѣра въ глубокую истинность того, во что онъ вѣритъ въ данный моментъ, не исключаютъ его удивительной отзывчивости на все происходящее кругомъ его и совершающееся въ человѣчествѣ. Одно божество довольно часто смѣняется другимъ на его алтарѣ, но каждому онъ приноситъ жертву съ искреннимъ энтузіазмомъ. Его сердце учащенно бьется при каждомъ крупномъ историческомъ движеніи, гдѣ бы оно не происходило. Изъ каждаго такого движенія онъ беретъ его общечеловѣческую сторону, отбрасывая частности, мѣстный колоритъ и творчески перерабатываетъ его въ популярную формулу жизни, которая пойдетъ гулять по всему свѣту. Много самородковъ драгоцѣнныхъ металловъ вы найдете у другихъ націй; но они становятся всемірной монетой, лишь когда пройдутъ черезъ кипящую энтузіазмомъ душу француза, который наложитъ на нихъ свой штемпель... Возьмите какой-нибудь вопросъ практической политики и отношеніе къ нему, скажемъ, нѣмца, англичанина, француза. Для нѣмца важно прежде всего отыскать философское основаніе своей дѣятельности. Онъ не прибѣгнетъ къ какому-нибудь пріему, прежде чѣмъ не проанализируетъ его теоретической правомѣрности. Раньше, чѣмъ занесть топоръ на это дерево онъ займется изслѣдованіемъ того, изъ чего топоръ сдѣланъ, и почему такъ сдѣланъ, и кто его такъ сдѣлалъ, и годится ли онъ для операціи, которая предстоитъ. И случается порою такъ, что весь запасъ своей нервной силы онъ истратитъ на анализъ топора, а вокругъ дерева, которое предполагалось подрубить, поднимется въ это время цѣлая стѣна, и для разрушенія ея придется пускать въ ходъ уже другіе инструменты. Подобно одному изъ своихъ національныхъ геніевъ, нѣмецъ начинаетъ съ „критики чистаго разума" и затѣмъ уже приступаетъ къ „критикѣ практическаго разума." И бываетъ такъ, что и не дойдетъ до послѣдней.

Поставьте подъ деревомъ англичанина съ топоромъ. Онъ посмотритъ на дерево и задастся прежде всего вопросомъ, какимъ задавался въ свое время Маколей, говоря о „многовѣковомъ, неправильномъ, но мощномъ и тѣнистомъ деревѣ англійской конституціи": надо ли рубить его подъ корень? Не ровенъ часъ: упадетъ и раздавитъ самого подрубающаго! Не лучше ли подчистить вотъ эту сторону, отрубить вотъ этотъ сукъ, пригнуть вонъ ту вѣтвь? И вотъ англичанинъ энергично и настойчиво принимается за эту частную, спеціальную работу и подчищаетъ, отрубаетъ, пригибаетъ, заботясь о своемъ удобствѣ, о временной цѣлесообразности своего дѣйствія, отстаивая право свое на него,

Подошелъ къ дереву и французъ, взглянулъ на него и сейчасъ же рѣшилъ пустить его на срубъ, а на его мѣстѣ построить зданіе, планъ котораго онъ тутъ же придумалъ. Но передъ тѣмъ какъ взмахнуть топоромъ, онъ созвалъ сосѣдей, постарался воспламенить ихъ негодованіе ко всѣмъ вѣковымъ деревьямъ, которые лишаютъ свѣта и отнимаютъ влагу у молодыхъ побѣговъ, изукрасилъ топоръ лентами, надписалъ на немъ „смерть старому лѣсу и прочимъ тиранамъ", и съ пѣснями, полный надеждъ и экстаза, въ веселой компаніи, застучалъ лезвіемъ по стволу, не обращая вниманія на то, куда летятъ щепки, въ какую сторону накренилось вѣтвистое дерево. Французъ въ обществѣ, въ толпѣ, находится въ приподнятомъ состояніи: наэлектризованный присутствіемъ другихъ, электризуя ихъ, онъ, несомнѣнно, чувствуетъ въ этотъ моментъ, что онъ не совсѣмъ тотъ будничный

человѣкъ, который любитъ хорошую обстановку, семейный уголъ, деньги. И онъ чувствуетъ, что его измѣнившемуся существу должно соотвѣтствовать измѣненіе и въ его словахъ, и въ жестахъ, и въ пріемахъ. Онъ сознаетъ себя въ эту пору однимъ изъ актеровъ въ обширной драмѣ, и чѣмъ могущественнѣе захватываетъ его эта драма, тѣмъ большую потребность онъ ощущаетъ взять и на себя роль, и играть вполнѣ добросовѣстно, не жалѣя уже самыхъ насущныхъ интересовъ. „Французъ театраленъ", продолжаютъ настаивать холодные наблюдатели. Можетъ быть, но вѣдь эта театральность не мѣшаетъ ему заходить въ игрѣ вплоть до принесенія ей въ жертву такой реальной вещи, какъ жизнь. „Можно умирать, и не рисуясь". Конечно, можно, но всетаки лучше умѣть умирать съ рисовкой, чѣмъ оставаться вѣчно въ роли холоднаго наблюдателя. Не забывайте же, что театральность француза сама собой подразумѣваетъ толпу, въ которой онъ и актеръ, и зритель, и что въ этой толпѣ взаимная рисовка актеровъ создаетъ изъ обыкновенныхъ будничныхъ людей настоящихъ актеровъ. Такъ ужъ позвольте французу, падающему въ борьбѣ за свой идеалъ, выбрать въ утѣшеніе картинную позу и умереть на какомъ нибудь „историческомъ словѣ", ибо это слово превращается тогда въ дѣло, въ орудіе человѣческаго прогресса"...

Мальчикъ-крестьянинъ изъ Бретани.

Эти краткія выдержки изъ обширной характеристики французской націи, дѣлаемой цитируемымъ авторомъ, подчеркиваютъ главныя, такъ сказать, наиболѣе рельефныя черты французовъ. Несомнѣнно, эти черты присущи народу, какъ націи. Но Франція, какъ и другія страны Европы, не всегда была единой; отдѣльныя части ея, столь различныя по своей природѣ, отличаются типомъ жителей, ихъ характеромъ и бытомъ. Различія эти, развившіяся вътеченіе долгаго времени, закрѣпились настолько сильно, что и теперь даютъ себя чувствовать. Парижанинъ, въ городѣ котораго всегда можно встрѣтить выходцевъ изъ всѣхъ угловъ и захолустій Франціи, легко различаетъ эти типы по внѣшности, по манерамъ, по нарѣчію; въ нѣкоторыхъ случаяхъ различія эти такъ рѣзки, что невольно бросаются въ глаза даже чужестранцу. Сѣверъ Франціи представляетъ область, населенную болѣе свѣтлоокрашенными, болѣе высокими типами, скрытными по характеру, сдержанными по темпераменту. Здѣсь болѣе всего бросаются въ глаза нормандцы, которыхъ считаютъ хитрыми и пронырливыми,—черты, унаслѣдованныя отъ предковъ норманновъ. Бретонцы отличаются косностью, упрямствомъ, объясняемымъ уединеннымъ положеніемъ ихъ скудной родины, куда новыя вѣянія проникали рѣдко и мало. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ замѣтнѣе становится преобладаніе брюнетовъ, которые ниже ростомъ и живѣе по темпераменту. Этой живостью характера и необузданностью фантазіи отличаются особенно обитатели Прованса и Гаскони, среди кото-

рыхъ французскіе писатели и юмористы по преимуществу избираютъ образцы для изображенія хвастуновъ, бахваловъ и лгуновъ, людей съ измѣнчивымъ настроеніемъ и быстро мѣняющимися рѣшеніями, говоруновъ и крикуновъ, у которыхъ никакое, самое ничтожное дѣло не обходится безъ отчаяннаго шума и крика. Параллельно съ типами мѣняется языкъ. До сихъ поръ вездѣ на югѣ замѣтно, что нѣкогда, особенно въ средніе вѣка, здѣсь безраздѣльно царилъ провансальскій языкъ или нарѣчіе, такъ называемый langue d'oc, который въ средней и сѣверной Франціи (къ сѣверу отъ параллели Ліона) смѣняется обычнымъ французскимъ, создавшимъ современный литературный языкъ французскаго народа [1]). Въ настоящее время провансальское нарѣчіе господствуетъ въ „провинціяхъ“ Провансъ, Лангдокъ, Ліоннэ, Лимузенъ, Гасконь и Беарнъ. Кромѣ того сохранился языкъ басковъ, а въ противуположномъ углу, близь Дюнкерка, раздается иногда фламандское нарѣчіе. Если вспомнить далѣе, что въ Бретани еще кое-гдѣ уцѣлѣлъ бретонскій языкъ, а въ сосѣдствѣ Ниццы говорятъ по итальянски, то оказывается, что, кромѣ французскаго, по четыремъ взаимно противуположнымъ угламъ Франціи говорятъ на другихъ нарѣчіяхъ. Однако, общая численность людей, говорящихъ, кромѣ французскаго, на одномъ изъ этихъ нарѣчій или только на немъ, очень не велика и, вѣроятно, не превосходитъ одного милліона.

Нѣкогда Франція принадлежала къ самымъ многолюднымъ странамъ Европы, какъ въ отношеніи общей численности населенія, такъ и въ отношеніи плотности. Еще въ 1800 г. въ ней числилось 26.756.000 ч. Спустя болѣе столѣтія (въ 1906 г.), населеніе увеличилось очень немного (39.252.267 ч.), и съ тѣхъ поръ, уже въ теченіе довольно длиннаго періода, оно увеличивается или очень слабо (0,15%) или совсѣмъ не увеличивается, а въ нѣкоторые годы замѣчалось даже нѣкоторое сокращеніе числа жителей, несмотря на то, что эмиграція изъ Франціи очень ничтожна (въ 1905 г. всего 13.070 ч.). Въ настоящее время Франція занимаетъ по населенности четвертое мѣсто въ Европѣ послѣ Россіи, Германіи, Австро-Венгріи и Великобританіи. Причина заключается въ томъ, что рождаемость во Франціи очень мала вслѣдствіе того, что для подавляющаго большинства населенія жизненныя условія настолько тяжелы, что семьи съ большимъ числомъ дѣтей испытываютъ слишкомъ тяжелыя лишенія, а французы въ общемъ слишкомъ жизнерадостный народъ, народъ „виверовъ“, и мало склонны ограничивать себя въ личной жизни.

Послѣ цѣлаго ряда революцій и общественныхъ потрясеній, какими такъ богата исторія Франціи, внутренній строй французскаго общества съ королевскимъ дворомъ въ центрѣ, многочисленной и блестящей аристократіей, съ трудолюбивымъ и честолюбивымъ третьимъ сословіемъ и съ остальной массой народа, трудовая дѣятельность котораго несла на себѣ всѣ эти тяжелые соціальные этажи, сильно измѣнился. Революціонныя бури унесли и короля съ его дворомъ и аристократіей, и весь XIX в. являлся апофеозомъ третьяго сословія или буржуазіи. Господство этого сословія наложило глубокій отпечатокъ на жизнь націи, которая съ трудомъ освобождается отъ пошлыхъ идеаловъ класса лавочниковъ, предпринимателей и финансистовъ. Въ настоящее время французская нація разслаивается довольно рѣзко на три класса: крестьянство, рабочій классъ и буржуазія, крупная и мелкая.

Крестьянство французское, вѣрнѣе, число лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ земледѣльческому труду и обитающихъ внѣ черты городовъ, еще довольно многочисленно. Почти половину населенія Франціи составляютъ мелкіе и крупные землевладѣльцы,

---

[1]) Langue d'oc и langue d'oil—обозначенія, возникшія изъ различій въ словѣ да, звучащемъ на югѣ oc, на сѣверѣ oui, вслѣдствіе того что, хотя оба слова произошли отъ латинскаго „да“—hoc illud, но на югѣ оно сократилось въ первое слово (hoc), а на сѣверѣ утвердительное oui развилось изъ второй половины (illud)

арендаторы и сельско хозяйственные рабочіе [1]). При этомъ, если судить по числу самостоятельныхъ земельныхъ участковъ, то на первый взглядъ поражаетъ ихъ многочисленность по сравненію съ другими странами, подобными Франціи. Однако девять десятыхъ этихъ хозяйствъ представлено ничтожными участками, въ среднемъ не болѣе $1^1/_2$ гектаровъ, общая площадь которыхъ составляетъ нѣсколько болѣе $^1/_3$ всей земледѣльческой поверхности. Остальныя $^2/_3$ составляютъ крупныя хозяйства (въ среднемъ около 118 гект.) Большая часть мелкихъ хозяйствъ составляетъ крестьянскую собственность, меньшая же занята арендаторами, обрабатывающими землю на разнообразныхъ условіяхъ. Такъ же, какъ въ Германіи, здѣсь наблюдаются разныя категоріи крестьянъ, начиная отъ многоземельныхъ, обрабатывающихъ землю съ помощью наемныхъ рабочихъ, и кончая такими карликовыми участками, которые доставляютъ ихъ собственнику лишь нѣкоторое подспорье и рано или поздно ускользаютъ изъ его рукъ. Изслѣдованія показываютъ, что число землевладѣльцевъ во Франціи медленно увеличивается, между тѣмъ какъ классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ сокращается. Здѣсь, какъ въ другихъ странахъ, хотя и въ гораздо болѣе слабой степени, наблюдается бѣгство въ города. Оптимисты изъ числа французовъ любятъ ссылаться на это многочисленное крестьянство, въ которомъ они хотятъ видѣть истинную опору страны. На дѣлѣ однако жизнь этого слоя населенія Франціи изобилуетъ темными пятнами. Большинство этихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ съ трудомъ сводитъ концы съ концами. Несмотря на плодородіе почвы, на благодатный климатъ, крестьянинъ лишь тяжелымъ трудомъ, впившись въ землю всѣми силами своего существа, обезпечиваетъ себѣ существованіе, которое можно назвать только сноснымъ. Жизнь зауряднаго обитателя французской деревни поражаетъ своей грубостью и низменностью. Съ одной стороны приходится наблюдать, что относительное благосостояніе тѣсно связано съ отчаянной скупостью, скопидомствомъ, съ отказомъ отъ всего, что такъ или иначе скрашиваетъ жизнь, съ другой стороны, картины бѣдности, лишеній и разореній переплетены съ пьянствомъ и грубой распущенностью нравовъ. Цѣпкая привязанность французскаго крестьянина къ землѣ, стихійная любовь его къ ней, составляетъ общеизвѣстный фактъ и, какъ вездѣ, является источникомъ безконечныхъ тяжбъ, споровъ и преступленій. Судебная хроника Франціи изобилуетъ многочисленными примѣрами невѣроятныхъ преступленій, совершаемыхъ въ крестьянской средѣ исключительно подъ вліяніемъ такого мотива, какъ жадность къ землѣ. Безразличное отношеніе ко всему, что не касается личнаго благополучія, смѣняется въ послѣднемъ случаѣ, особенно, если въ дѣло замѣшаны земля, капиталъ, наслѣдство, въ выходящую изъ ряда вонъ настойчивость въ преслѣдованіи цѣлей обогащенія или огражденія себя отъ убытковъ. Въ особенности распространено безсовѣстное равнодушіе къ зажившимся на свѣтѣ престарѣлымъ родителямъ, которое иногда переходить въ неумолимую вражду, ведущую подчасъ къ медленно-обдуманному и спокойно-выполняемому преступленію. Случаи подобнаго рода нерѣдки, если, какъ это часто случается въ крестьянской семьѣ, старики передаютъ при жизни собственность и хозяйство дѣтямъ, уговорившись получать отъ нихъ опредѣленное содержаніе по день смерти. Наряду съ жадностью, грубымъ и узкимъ эгоизмомъ, отличающимъ французское крестьянство, оно естественно является благодарной почвой, въ которой крѣпко держатся застарѣлыя формы жизни, взгляды, неизвѣстно на чемъ основанные, самыя удивительныя суевѣрія, которыя всегда находили для себя благодатныхъ охранителей въ лицѣ католическаго духовенства. До самаго послѣдняго времени многочисленное французское крестьянство являлось самой консервативной частью націи, совершенно не инте-

[1]) По переписи 1891 г., земледѣліемъ занималось 17.435.888 ч. или 47%, въ промышленности работало 9.532.560 ч., или 26%, торговлей и перевозкой—5.160.829 ч., или 14%, прочими профессіями—4.699.858, или 13%

Крестьянки за молитвой въ церкви.

ресовавшейся общими задачами и крайне индифферентной къ событіямъ государственной жизни, поскольку послѣднія прямо не касались его. Неподвижность и традиція—краеугольные камни его воззрѣній. Довольно долго онъ стоялъ по инерціи за короля, потомъ за императора, въ которомъ „Жакъ Бономъ“ [1]) почему-то видѣлъ защитника своихъ интересовъ. Теперь, послѣ того какъ протекло нѣсколько десятилѣтій республиканскаго режима, французское крестьянство примирилось съ республикой, при которой, какъ показалъ личный опытъ, ему не стало хуже. Но зато, если приверженность къ монархіи угасла въ его душѣ, слѣпая привязанность къ церкви все еще царитъ въ немъ полновластно. И чѣмъ уединеннѣе какая-нибудь провинція, чѣмъ рѣже проникаютъ въ нее вѣянія изъ большихъ, оживленныхъ центровъ, тѣмъ невѣжественнѣе и суевѣрнѣе ея деревенскіе обитатели. Грубое идолопоклонство и самая наивная вѣра въ чудесное распространены не только въ крестьянствѣ, но и въ буржуазныхъ слояхъ населенія, среди которыхъ вліяніе духовенства тѣмъ значительнѣе, что за время господства третьей республики интересы третьяго сословія и церкви во многомъ совпадали. Отношеніе къ религіи носитъ у французовъ вообще двусмысленный характеръ: беззаботность и равнодушіе къ дѣламъ вѣры соединяются то съ враждебнымъ, то съ насмѣшливымъ настроеніемъ по отношенію къ церкви и духовенству, а въ то же время заурядный французъ буржуа отнюдь не намѣренъ серьезно разстаться съ церковью и ея служителями, вліяніе которыхъ онъ считаетъ полезнымъ для семьи, для женщинъ и простонародья. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ онъ, прикидываясь атеистомъ, не прочь иной разъ поискать помощи у святыхъ, тѣмъ болѣе, что содѣйствіе небесныхъ силъ всѣмъ житейскимъ дѣламъ организовано во Франціи весьма удобно. Еще недавно можно было читать въ спеціальныхъ листкахъ многочисленныя изъявленія благодарности тому или иному святому, чаще всего Св. Антонію, съ присовокупленіемъ мелкой или крупной суммы, смотря по тому, какого рода помощь оказалъ святой: способствовалъ ли онъ производству военнаго въ слѣдующій чинъ или помогъ торговцу распродать партію залежавшагося товара. Собирая этимъ путемъ пожертвованія, духовенство, благодаря связямъ, творило за спиной святого чудеса, которымъ многіе искренно вѣрили. Постепенно, однако, значеніе церкви и вліяніе духовенства падаетъ, особенно теперь, когда закончено отдѣленіе церкви отъ государства и обращено больше вниманія на низшія школы, обученіе въ которыхъ еще недавно прямо или косвенно подчинялось воздѣйствію духовенства.

Многочисленный рабочій классъ сосредоточивается по преимуществу въ городахъ. Сюда принадлежатъ рабочіе, занятые на фабрикахъ и заводахъ, въ копяхъ, на верфяхъ и въ разныхъ мастерскихъ, а затѣмъ чрезвычайно многочисленные ремесленники, особенно въ Парижѣ, такъ какъ Франція вообще, а столица ея въ частности, является мѣстомъ производства безчисленнаго количества разнообразнѣйшихъ предметовъ какъ самой убогой и дешевой, такъ и самой дорогой и безумной роскоши. Парижъ, въ которомъ еще въ королевскую эпоху, сосредоточивалось всегда самое богатое и расточительное сословіе—дворянство, уже тогда сталъ выдвигаться, какъ законодатель модъ и роскоши, и благодаря врожденному, сильно развитому вкусу, изяществу и граціи французовъ городъ удерживаетъ это положеніе до сихъ поръ, вопреки конкурренціи Берлина. Какъ ни богата Франція, какъ ни развито ея производство, тѣмъ не менѣе положеніе рабочаго класса, такъ же какъ мелкаго крестьянства, въ общемъ, еще очень тяжелое: рабочій день во многихъ производствахъ продолжителенъ, заработная плата сравнительно низкая, и въ отношеніи защиты рабочихъ и урегулированія отношеній между ними и предпринимателями только въ послѣднее время сдѣланы нѣкоторые успѣхи. Особенности французской націи отразились и на рабочемъ движеніи. Нигдѣ въ другихъ странахъ столкновенія

[1]) Прозвище французскаго крестьянина.

между рабочимъ классомъ и буржуазіей не носили такого остраго характера, какъ во Франціи. Нѣсколько разъ дѣло доходило до открытой, вооруженной борьбы, какъ напр. въ іюльскіе дни 1848 г. и въ коммуну 1871 г. Слѣды жестокостей, проявленныхъ въ этихъ случаяхъ побѣдителями, не изгладились до сихъ поръ, и всякія волненія и стачки часто и теперь еще сопровождаются вспышками этой вражды. Всякаго рода стремленія къ организаціи среди рабочихъ встрѣчали самое упорное противодѣйствіе со стороны правительства третьей республики, которое въ теченіе первой половины существованія послѣдней являлось орудіемъ третьяго сословія. Въ настоящее время соотношеніе силъ измѣнилось въ пользу четвертаго сословія, и параллельно съ этимъ возростаетъ улучшеніе его положенія. Тѣмъ не менѣе французскіе рабочіе все еще живутъ въ плохихъ условіяхъ: они живутъ въ скученныхъ помѣщеніяхъ, питаются очень плохо какъ въ отношеніи количества, такъ особенно въ отношеніи качества пищи, среди нихъ сильно распространены профессіональныя болѣзни и алкоголизмъ, что впрочемъ и не удивительно, если вспомнить, что Франція по размѣрамъ потребленія алкоголя стоитъ на первомъ мѣстѣ въ Европѣ.

Вообще жизнь французскихъ рабочихъ настолько тяжела, что даже самые умѣренные изслѣдователи ихъ быта, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ симпатіи къ крайнимъ теоріямъ, не могутъ скрыть печальныхъ выводовъ своихъ наблюденій.

„Порядочный, непьющій рабочій, не обремененный большой семьей, не страдающій отъ безработицы или отъ болѣзни, и получающій заработную плату выше средней, не можетъ жить только на то, что онъ зарабатываетъ и принужденъ пользоваться также заработкомъ свой жены“, говоритъ одинъ буржуазный изслѣдователь жизни рабочаго класса во Франціи [1]).

Наконецъ „третье сословіе“, которое, въ лицѣ мелкой и крупной буржуазіи, шумно отпраздновало свою побѣду надъ абсолютизмомъ на весь свѣтъ, то оно до сихъ поръ занимаетъ завоеванное тогда положеніе, совершенно устранивъ дворянство, которое, какъ сословіе, владѣвшее помѣстьями, съ потерей послѣднихъ въ бурные годы великой революціи, никогда не могло возстановить своего положенія хотя бы въ видѣ класса крупныхъ землевладѣльцевъ.

Всѣ печальныя событія въ исторической жизни Франціи за послѣдніе сто лѣтъ, особенно третья имперія и ужасный погромъ 1870—71 гг.,—плодъ своекорыстнаго хозяйничанья буржуазіи. Франція до войны съ Пруссіей занимала первенствующее мѣсто въ Европѣ. Съ тѣхъ поръ, несмотря на ростъ промышленности, накопленіе капиталовъ и развитіе производительныхъ силъ, французскій народъ не въ состояніи идти въ ногу съ другими великими націями. Онъ отстаетъ отъ нихъ хотя бы уже въ томъ отношеніи, что почти не увеличивается въ числѣ. Французскіе буржуа не уступаютъ нѣмецкимъ или англійскимъ въ трудолюбіи и упорствѣ, находчивости и смѣлости, но божество «сбереженія и накопленія», которому поклоняется громадная масса лавочниковъ, мелкихъ служащихъ, предпринимателей, надежда рано или поздно вести беззаботное существованіе «рантье», методически наслаждающагося жизнью на проценты съ накопленнаго капитальца, все это приводитъ къ тому, что громадные, накопляемые этимъ классомъ капиталы помѣщаются не въ предпріятія, какими англичане, американцы и нѣмцы распространяютъ свое вліяніе во всѣхъ странахъ, а употребляются главнымъ образомъ для международнаго ростовщичества, ибо Франція едва ли не главный заимодавецъ, снабжающій деньгами за хорошіе проценты нуждающіяся правительства всѣхъ странъ.

Богатства, скопляющіяся въ рукахъ французской буржуазіи, являются результатомъ оживленной дѣятельности, охватывающей всѣ отрасли промышленности. Плодородіе почвы

[1]) Полутье, Жизнь рабочихъ во Франціи, стр. 169.

и теплый климатъ приводятъ къ тому, что пространство земли подъ земледѣльческой культурой захватываетъ болѣе $^5/_7$ всей площади Франціи, болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ Европы. Помимо различныхъ хлѣбовъ, большое и все растущее значеніе пріобрѣтаютъ такія отрасли, какъ разведеніе свекловицы для фабрикаціи сахара, виноградники, дающіе продуктъ для обширнаго винодѣлія, наконецъ плодоводство. Знаменитыя виноградныя области, располагающіяся въ бассейнахъ главныхъ рѣкъ [1]), около 30 лѣтъ тому назадъ очень сильно пострадали отъ филоксеры, но въ настоящее время настолько оправились, что производство вина приближается къ прежнему размѣру. Кромѣ натуральныхъ винъ, дорогія сорта которыхъ вывозятъ на нѣсколько десятковъ милліоновъ франковъ, широко распространено производство искусственныхъ винъ. Плодоводство даетъ превосходные продукты на сѣверѣ, въ свѣжемъ и сушеномъ видѣ плоды составляютъ замѣтную статью вывоза. На югѣ кромѣ того разводится маслина. Въ тѣсной связи съ земледѣліемъ находится скотоводство и молочное хозяйство, а также разведеніе домашней птицы. По отношенію ко всѣмъ этимъ отраслямъ слѣдуетъ замѣтить, что вѣковая культура довела каждую вѣтвь до высокаго совершенства, благодаря чему не только вина и плоды, но сыры и масла, домашняя птица, трюфели и овощи превосходны по качеству и выдѣлкѣ, вслѣдствіе чего, какъ предметы потребленія зажиточныхъ классовъ населенія, они вывозятся во всѣ окрестныя страны, особенно въ Англію. Точно также рыба, которую добываютъ какъ по берегамъ Средиземнаго моря, такъ и въ каналѣ, опять даетъ въ видѣ консервовъ цѣнный продуктъ вывоза.

Рыбакъ съ побережья Ламаншъ.

Что касается такъ называемой обрабатывающей промышленности, то для металлургической отрасли ея нѣдра Франціи доставляютъ извѣстное количество сырого матеріала въ видѣ руды и каменнаго угля. Желѣзныя руды распространены преимущественно въ центральной части, въ Берри, въ Шампани, Лотарингіи и въ Фраштъ-Комте, вслѣдствіе чего главные заводы расположены здѣсь. Однако своей руды далеко не хватаетъ, и около 40% всего количества ея доставляется французскимъ заводамъ съ Эльбы и изъ Испаніи. Каменный уголь встрѣчается какъ въ сосѣдствѣ залеганія желѣзныхъ рудъ (Монсо-лемэнъ, Крезо, Аллэ и Деказвиль), такъ особенно на сѣверѣ въ департаментахъ Норъ и

[1]) Въ долинѣ Гаронны и ея притоковъ съ центромъ въ Бордо, въ долинѣ Роны и особенно Соны—бургонскія вина, въ долинахъ верхней Сены и ея правыхъ притоковъ—шампанскія вина, наконецъ, въ бассейнѣ Луары.

Па-де-Калэ, куда простираются подъ землей угленосные пласты, залегающіе въ Бельгіи и Германіи. Но и собственнаго угля не хватаетъ, и недостающее количество доставляетъ Англія, Бельгія и Германія. Французская металлургическая промышленность не можетъ быть поставлена въ рядъ по своимъ размѣрамъ съ англійской и даже съ нѣмецкой, но нельзя не указать, что по качеству производства многіе французскіе заводы не уступаютъ всесвѣтно извѣстнымъ англійскимъ и нѣмецкимъ. Такъ напр. пушки, изготовляемыя въ Крезо, успѣшно соперничаютъ съ крупповскими.

Другая отрасль обрабатывающей промышленности—текстильная, занимаетъ большое число рабочихъ рукъ, и по цѣнности производства Франція занимаетъ въ этомъ отношеніи третье мѣсто въ Европѣ послѣ Англіи и Германіи. Старинныя области, гдѣ техника производства превосходныхъ тканей изъ льна и шерсти развилась благодаря генію нидерландскихъ мастеровъ, является и сейчасъ главной ареной этой промышленности, принявшей благодаря машинамъ фабричный характеръ. Но ленъ и шерсть были конечно оттѣснены на второй планъ такимъ дешевымъ продуктомъ, какъ хлопчатая бумага, переработкой которой въ громадныхъ размѣрахъ заняты фабрики Лиля, Рубэ и Туркоэна. Югъ Франціи, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ культура шелковичнаго червя получила почти такое же распространеніе, какъ въ Италіи, является главной ареной шелкоткацкой промышленности. Здѣсь Ліонъ, а за нимъ Сенъ-Этьенъ и Гренобль поставили технику изготовленія разнообразнѣйшихъ шелковыхъ тканей на такую высоту, что нигдѣ въ Европѣ конкурренція съ здѣшними фабриками и мастерскими оказывается немыслимой. Недостающее количество шелка сырца доставляется на здѣшнія фабрики изъ Италіи. Кромѣ текстильной обрабатывающая промышленность Франціи охватываетъ безконечное разнообразіе всяческихъ отраслей, имѣющихъ предметомъ производство предметы роскоши и комфорта. Въ этомъ отношеніи товары французскихъ мастерскихъ и фабрикъ, вырабатывающія подѣлки изъ разныхъ металловъ, гончарныя издѣлія, издѣлія изъ стекла, кожи, изъ бумаги, химическіе фабрикаты и парфюмерію, музыкальные инструменты, мебель и несчетное множество такъ называемыхъ articles de Paris, превосходятъ всякіе другіе не добротностью и прочностью, а изяществомъ и вкусомъ, въ чемъ французы великіе мастера, и въ чемъ, несмотря на всѣ усилія, ихъ не могутъ перещеголять ни въ Англіи, ни особенно въ Германіи. Несмотря на оживленно-кипучую дѣятельность, несмотря на непрерывные техническіе успѣхи всѣхъ отраслей хозяйственной жизни, торговля Франціи при общемъ ростѣ ея увеличиваетъ свои обороты настолько медленно, что промышленное развитіе ея не можетъ идти въ сравненіе съ ея наиболѣе значительными сосѣдками, съ Англіей и Германіей. Понятіе объ относительномъ «упадкѣ» Франціи въ этомъ отношеніи можно получить изъ сравненія суммъ оборотовъ внѣшней торговли этихъ странъ за послѣднія десятилѣтія. За двадцать лѣтъ, съ 1885 г. по 1905 г., общій оборотъ внѣшней торговли Франціи повысился приблизительно въ отношеніи 8 къ 11, между тѣмъ какъ обороты внѣшней торговли Германіи повысились за этотъ же срокъ съ суммы 6 милліардовъ марокъ до 13 милліардовъ слишкомъ; для Англіи соотвѣтствующія суммы измѣнились въ отношеніи 14: 21. Иными словами, въ то время какъ германская торговля болѣе чѣмъ удвоила свои обороты, въ то время какъ англійская повысила ихъ въ полтора раза, Франція увеличила ихъ менѣе даже, чѣмъ на одну четверть. Занимая еще недавно второе мѣсто въ Европѣ, Франція принуждена была лишиться его, отодвинуться на третье мѣсто, уступивъ свою позицію своей соперницѣ Германіи.

Этотъ слабый успѣхъ, который при сравненіи съ промышленными успѣхами другихъ странъ нельзя не разсматривать, какъ упадокъ, находится несомнѣнно въ связи съ тѣмъ, что населеніе Франціи почти не возрастаетъ. Увеличеніе производительности, наростаніе національнаго богатства происходятъ въ другихъ странахъ въ зависимости отъ возрастанія двухъ факторовъ: увеличивается населеніе, иными словами, число трудящихся, и про-

исходитъ усовершенствованіе техники. Во Франціи ростъ промышленности обусловливается главнымъ образомъ только вторымъ факторомъ, т. е. успѣхами техники. Расширеніе хозяйства и ростъ производительности требуютъ расширенія рынка. Этимъ объясняется выступленіе Германіи на арену мировой торговли, какъ конкуррента и соперника Великобританіи, развитіе судоходства и погоня за колоніальными пріобрѣтеніями. Франція, которая въ этомъ случаѣ заразилась одно время примѣромъ Германіи и увлеклась погоней за колоніями, расширила свои владѣнія въ Индокитаѣ, захватила островъ Мадагаскаръ и громадныя, но пустынныя пространства въ Африкѣ и дѣятельно занята распространеніемъ своего вліянія на сѣверномъ берегу Африки. Однако въ большинствѣ случаевъ колоніи эти приносятъ одинъ убытокъ. Населеніе Франціи возрастаетъ такъ медленно, что объ эмиграціи французовъ въ собственныя колоніи можно по незначительности ея и не говорить. Въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе составляетъ одинъ Алжиръ. Французскіе капиталы, предметъ усиленнаго скопидомства, находятъ себѣ надежное помѣщеніе въ Европѣ и не пускаются въ рискованныя предпріятія въ колоніяхъ. Подобно тому, какъ въ XVIII ст. французы, владѣвшіе обширными пространствами въ Америкѣ и Азіи, должны были стушеваться передъ англичанами, водрузившими свой военный и торговый флагъ на всѣхъ моряхъ, такъ въ концѣ XIX в. французы оказались вынужденными уступить свое мѣсто Германіи

Въ политическомъ отношеніи Франція съ 4 сентября 1870 г. республика. Въ этотъ знаменательный день во время франко-прусской войны донеслась до Парижа вѣсть о Седанской катастрофѣ, и третья имперія пала, уступивъ свое мѣсто третьей республикѣ. Неоднократныя попытки сильныхъ монархическихъ партій возстановить монархію Бурбоновъ или имперію Бонапартовъ не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и въ настоящее время республиканскій режимъ настолько окрѣпъ, что трудно ожидать возстановленія монархіи. Однако республиканскій строй Франціи представляетъ такія особенности, которыя сближаютъ его не со сходными государствами, какъ напр. Швейцарія или Соединенные Штаты С. Америки, а съ конституціонными монархіями. „Третье сословіе“, которое со временъ великой революціи удерживаетъ механизмъ правительственной власти подъ своимъ вліяніемъ, не можетъ разстаться съ централизаціей управленія. Во Франціи не существуетъ такого широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія и той свободы личности, которыя характеризуютъ общественный и государственный строй Англіи.

Республика имѣетъ во главѣ президента, избираемаго на 7 лѣтъ національнымъ собраніемъ; прерогативы президента и область вліянія его на ходъ управленія значительно шире, чѣмъ у окруженнаго величайшимъ почетомъ монарха Великобританіи. Законодательная власть принадлежитъ двумъ палатамъ: сенату, пополняемому путемъ избранія въ особыхъ комиссіяхъ изъ болѣе зрѣлыхъ (не моложе 40 лѣтъ) и большею частью болѣе консервативныхъ представителей націи (300 членовъ), и палаты депутатовъ, насчитывающей 584 члена (по 1 на каждые 70.000 ж.), которыхъ населеніе избираетъ всеобщимъ голосованіемъ на 4 года. Министерство, отвѣтственное предъ палатой, формируется изъ членовъ большинства и представляетъ центральную часть исполнительной власти, которой подчинены многочисленные органы въ департаментахъ, гдѣ вліяніе каждаго министра распространяется такъ или иначе на разнообразныя отрасли управленія. Во главѣ департаментовъ стоятъ префекты, чрезъ посредство которыхъ правительство можетъ оказывать давленіе на мѣстную жизнь въ желательномъ ему направленіи. Неблагопріятную особенность республиканскаго режима Франціи составляетъ частая смѣна министерствъ, тормозящая успѣшное проведеніе реформъ. Очень рѣдко министерству удается сохранить власть долѣе года, часто оно покидаетъ власть уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Группировка по партіямъ въ палатѣ депутатовъ испытало за время существованія третьей республики замѣтныя измѣненія, заключающіяся въ существенномъ въ томъ, что монархическія и чисто буржуазныя партіи постепенно должны были очищать мѣсто и значеніе все болѣе и болѣе демократическимъ элементамъ и лѣвымъ партіямъ, соотвѣтственно съ чѣмъ въ жизнь

медленно проникали необходимыя реформы. Знаменитое дѣло краха Панамскаго канала нанесло сильный ударъ буржуазнымъ элементамъ республики, а еще болѣе громкое дѣло Дрейфуса послѣ упорной борьбы спасло республику отъ тѣсно переплетшихся въ общій клубокъ происковъ монархическихъ и церковныхъ организацій. Со 2 января 1907 г. во Франціи проведено полное отдѣленіе церкви отъ государства, и множество церковныхъ учрежденій, какъ напр. монастыри, братства и разныя конгрегаціи, или прекратили свое существованіе, или выселились (какъ напр. монахи Шартре, главные производители знаменитаго ликера), или подчинились контролю государства. Римско-католическое исповѣданіе господствуетъ въ странѣ почти всецѣло. Номинально къ этому исповѣданію причислялось въ 1900 г. 38,1 милліона жителей. Такое преобладаніе одного исповѣданія явилось, какъ извѣстно, результатовъ усиленныхъ гоненій на всѣхъ иновѣрцахъ, которыя Франція вынесла въ послѣднія столѣтія господства королевской власти. Въ настоящее время упомянутый законъ, санкціонировавшій отдѣленіе церкви отъ государства, а также болѣе серьезное вниманіе, какое удѣляется съ недавняго времени дѣлу народнаго образованія, лишаютъ римскую церковь во Франціи главныхъ опоръ ея господства и современемъ, возможно, избавятъ націю отъ гнета черной руки, которая всегда была замѣтна во всѣхъ событіяхъ внутренней жизни страны, какъ сила реакціонная.

Народное образованіе, какъ это не странно для націи, умственныя силы которой стояли всегда во главѣ научныхъ и литературныхъ движеній, долгое время находилось въ крайнемъ пренебреженіи. Значительную долю вины несетъ въ этомъ случаѣ церковь: духовенство имѣло до недавняго времени возможность вліять на школу, и вліяніе это было, несомнѣнно, пагубно для цѣлей просвѣщенія. Въ то время, какъ умственный центръ страны, Парижъ, блисталъ какъ средоточіе оживленной научной дѣятельности, какъ мѣсто, гдѣ раньше всего возникали и отражались новыя вліянія въ области искусства и литературы, народныя массы были погружены въ невѣжество и предоставлялись воздѣйствію духовенства, просвѣтительная дѣятельность котораго являлась болѣе, чѣмъ сомнительной. Лишь послѣ франко-прусской войны, побѣду въ которой, по увѣренію нѣмцевъ, имъ доставилъ „народный учитель“, французы обратили больше вниманія на школы, и законъ 28 марта 1882 г. ввелъ во Франціи всеобщее обученіе, благодаря чему процентъ безграмотныхъ рекрутовъ, опредѣлявшійся для 1889 г. еще цифрой 9,5%, сократился къ 1902 г. до 3,9% и съ тѣхъ поръ продолжаетъ падать. Среднее образованіе удовлетворяется лицеями, правительственными, общинными и частными. Несмотря на довольно живой интересъ, замѣчаемый у французовъ къ вопросамъ образованія, средняя школа не можетъ похвастаться у нихъ блестящей постановкой дѣла.

Высшее образованіе сосредоточено въ такъ называемыхъ факультетахъ (Facultés de l'État), которыя въ обыденномъ представленіи слывутъ, какъ университеты. Такихъ факультетовъ насчитывается до 74, но въ университеты въ нашемъ смыслѣ слова факультеты сгруппированы только въ пяти городахъ: въ Парижѣ, въ Бордо, Ліонѣ, Нанси и Монпелье. Кромѣ того существуетъ немало спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ напр. политехническихъ школъ. Для науки, для искусства, для литературы Парижъ является центромъ, который привлекаетъ людей со всѣхъ концовъ Европы. Этотъ міровой городъ съ населеніемъ почти въ 4 милліона жителей, не только мозгъ и сердце Франціи, это до сего дня сердце всего цивилизованнаго міра, въ которомъ новыя движенія во всѣхъ отрасляхъ жизни раньше всего и сильнѣе всего проявляются нервными пульсаціями, привлекающими къ себѣ первые ожидающіе взоры образованнаго міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ оживленный городъ, ежедневно, подобно фейерверку, выбрасывающій изъ себя во всѣ стороны всевозможныя новости, пропитанъ такимъ весельемъ, легкимъ, измѣнчивымъ и непринужденнымъ, что неизмѣнно притягиваетъ къ себѣ жирующихъ иностранцевъ, составляющихъ замѣтную долю его населенія. *Н. Березинъ.*

Италія.

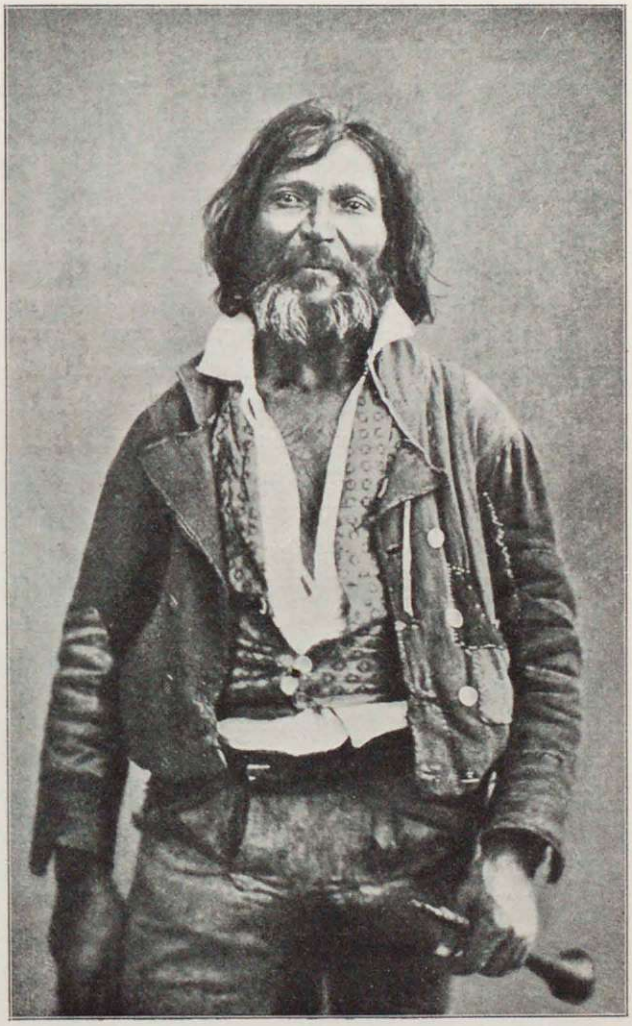
Природа страны.—Сѣверная Италія: Ломбардія и Венеція.—Генуа.—Римская кампанья и побережье Тирренскаго моря.—Понтійскія болота.—Римъ.—Флоренція.—Политическая жизнь страны.—Неаполь.—Сицилія и Сардинія.

Очень немногія изъ европейскихъ націй могутъ съ такою увѣренностью утверждать, что ихъ отечество принадлежитъ только имъ, какъ это могутъ сказать итальянцы. Несмотря на долголѣтнее иноземное владычество, во всей Италіи, начиная отъ склоновъ Альпъ до оконечности Сициліи, нѣтъ ни одного сколько нибудь значительнаго уголка, который былъ бы населенъ не итальянцами. Италія была избавлена отъ необходимости бороться въ своихъ предѣлахъ съ различными враждующими національностями. Благодаря однородности населенія, послужившей прочною основой для ея объединенія, Италія могла справиться со многими затрудненіями. Различія въ характерѣ населенія сѣверной и южной Италіи, считавшіяся многими непреодолимымъ препятствіемъ къ объединенію государства, не мѣшаютъ населенію разныхъ провинцій считать себя гражданами единаго государства и принимать близко къ сердцу его интересы.

Море окружаетъ Италію съ трехъ сторонъ, а со стороны европейскаго материка возвышается горная стѣна Альпъ. Однако эта стѣна никогда не могла защитить Италіи отъ нашествій враговъ, и даже въ самыя отдаленныя времена орды кельтовъ переходили ее и наполняли ужасомъ всю Италію. Въ Средніе вѣка разные завоеватели не разъ спускались по горнымъ проходамъ въ Италію, чтобы подчинить ее своему господству. Италія являлась страною ихъ мечтаній, и чтобы завладѣть ею, они смѣло переходили ограду, которую представляли Альпы, и заливали кровью богатыя равнины, лежащія у ихъ подножія. Постепенно Италія утратила то первенствующее положеніе, которое она занимала въ прежнія времена, когда она являлась центромъ образованнаго міра. Но если она и не занимаетъ теперь перваго мѣста въ отношеніи политическаго могущества, и другія націи перегнали ее въ отношеніи промышленности и торговли, то все же никакая другая страна не можетъ сравниться съ нею въ области искусства. Нигдѣ нѣтъ такого количества памятниковъ искусства, столько городовъ, замѣчательныхъ своими дворцами, картинными галлереями, фресками и статуями. Можно смѣло сказать, что художественный инстинктъ заложенъ въ самой крови итальянцевъ. Даже крестьяне несомнѣнно обладаютъ имъ. Неудивительно, что всѣ путешественники съ восхищеніемъ отзываются объ Италіи, а сами итальянцы говорятъ, что нѣтъ страны, равной ихъ прекрасному отечеству. Дѣйствительно, какъ только путешественникъ перевалитъ черезъ раздѣльный хребетъ горъ, онъ сразу замѣчаетъ рѣзкую перемѣну. Передъ нимъ открывается новый міръ, поражающій его новой красотой, очаровательнымъ климатомъ и лучезарнымъ небомъ. Почти съ каждымъ горо-

домъ Италіи связаны историческія воспоминанія. Вездѣ развалины, съ которыми связаны тѣ или иныя крупныя событія античной древности или болѣе новыхъ временъ.

Горный хребетъ Апеннинъ тянется черезъ весь итальянскій полуостровъ, образуя какъ бы его остовъ. Вершины его рѣдко покрыты снѣгомъ. Въ сѣверной части Италіи, въ Верхней Италіи, преобладаетъ низменность. Обширная низменность рѣки По отдѣляется отъ Адріатическаго моря поясомъ болотъ. Это густо населенная и плодородная равнина, гдѣ лежатъ прекрасные, большіе города: Миланъ, Туринъ, Кремона, Мантуа и другіе. Ломбардская низменность тянется на протяженіи 500 к. отъ западныхъ Альпъ до Адріатическаго моря, обнимая пространство въ 55,000 кв. кил., съ населеніемъ почти въ четыре милліона. Тамъ, раньше чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ Европы, развились промышленность и торговля, и большіе города превратились въ настоящія независимыя республики. Въ Средніе вѣка даже образовался Ломбардскій союзъ городовъ, во главѣ котораго стоялъ Миланъ. Сначала городами управляли лица, принадлежавшія къ аристократіи, а затѣмъ власть изъ рукъ привилегированныхъ сословій мало-по-малу перешла въ руки городского населенія.

Крестьянинъ изъ с. Италіи.

По и ея притоки представляетъ самую большую рѣчную систему Италіи, но кромѣ рѣкъ Ломбардскую равнину пересѣкаетъ множество искусственныхъ водныхъ путей, изъ которыхъ самый важный каналъ Кавура, имѣющій въ длину 82 к. Вообще система ея искусственнаго орошенія можетъ служить образцомъ для Европы. Сооруженіе осушительныхъ и оросительныхъ каналовъ началось въ Италіи въ очень отдаленныя времена, когда Европа еще была погружена въ варварство. Благодаря искусственному орошенію луга Ломбардіи даютъ до восьми покосовъ въ годъ. Гдѣ прежде въ низменныхъ частяхъ тянулись болота, да большія пространства, покрытыя мелкимъ кустарникомъ, теперь разстилаются богатѣйшіе рисовыя и пшеничныя поля, рощи шелковичныхъ деревьевъ и луга, поросшіе кормовыми травами. Обиліе воды сообщаетъ влажность воздуху, хотя дождей тутъ выпадаетъ меньше, чѣмъ по берегамъ океана, во Франціи и въ Англіи. Климатъ сѣверной Италіи не очень мягокъ и довольно неровенъ, но въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется вліяніе Адріатическаго моря и Генуэзскаго залива, онъ болѣе ровный и умѣренный. Такимъ же ровнымъ, пріятнымъ климатомъ отличаются нѣкоторыя мѣстности по берегамъ Альпійскихъ озеръ, а также Венеція, благодаря омывающему ее морю. Съ низинъ, перерѣзанныхъ во всѣхъ направленіяхъ оросительными каналами, поднимаются вредные испаренія, и это, вмѣстѣ съ недостаточнымъ и слишкомъ однообразнымъ пита-

ніемъ крестьянъ содѣйствуетъ ихъ преждевременному одряхлѣнію и болѣзнямъ. Нищета, вызываемая системою налоговъ въ Италіи, обрушивающейся тяжелымъ бременемъ на населеніе, еще усиливается послѣ наводненій, которыя, также какъ и землетрясенія въ южной Италіи, принадлежатъ къ числу самыхъ ужасныхъ бѣдствій, отъ которыхъ такъ страдаетъ прекрасная страна. Рѣка По со своими притоками подвержена разливамъ, поэтому на обоихъ берегахъ ея построены плотины. Непрерывная сѣть плотинъ окружаетъ также всѣ притоки По въ нижней части теченія рѣки, а также всѣ древнія ложа рѣки и каналы, которыя сообщаются съ нею во время разлива. Если прорвется плотина, то все уничтожается кругомъ, разрушаются деревни, погибаетъ жатва, и уцѣлѣвшимъ отъ наводненія жителямъ угрожаетъ голодъ и болѣзни. Тифозная эпидемія, обыкновенно появляющаяся послѣ наводненія, уноситъ массу жертвъ. Впрочемъ мужественнымъ жителямъ удавалось порой спасти свои города отъ наводненія, своевременно воздвигнувъ новую плотину, вмѣсто той, которой грозилъ прорывъ. Въ такихъ случаяхъ они работали даже ночью, при свѣтѣ факеловъ, и часто въ этой отчаянной борьбѣ человѣка со стихіями, побѣда оставалась за человѣкомъ: онъ вынуждалъ разлившіяся воды рѣки снова вернуться въ свое ложе.

Разливы естественно должны были вызвать измѣненія въ самомъ теченіи рѣки. Теперешнее устье По находится значительно сѣвернѣе древняго устья. Вообще мутныя рѣки сѣверной Италіи довольно быстро увеличиваютъ область суши насчетъ моря. Онѣ засыпаютъ старыя лагуны Адріатическаго моря и въ то же время создаютъ новыя. Лучше всего сохранились лагуны Венеціи, благодаря энергичной заботливости венеціанцевъ, понимающихъ какое важное значеніе имѣетъ для города внутреннее море, составляющее источникъ его богатства и придающее городу его своеобразную красоту: Венеціанскіе инженеры постарались отвести подальше устья рѣкъ, для того чтобы оградить свои лагуны отъ рѣчныхъ наносовъ.

Но люди безсильны передъ другимъ явленіемъ, передъ медленнымъ опусканіемъ почвы. Мостовыя, улицы, дома и дворцы Венеціи понемногу опускаются, такъ что подвальная церковь св. Марка уже въ историческія времена стала подводной. Въ Равеннѣ замѣчается такое же опусканіе почвы: ворота древнихъ зданій, основанія историческихъ памятниковъ понемногу вростаютъ въ мостовыя. Давно погрузилась въ море цѣпь острововъ, окаймлявшихъ берегъ древней Аквилеіи. Въ древности они были покрыты лѣсами, куда пріѣзжалъ венеціанскій дожъ, чтобы поохотиться за кабанами. Теперь тростникъ повсюду замѣнилъ прежніе лѣса, а на днѣ моря и болотъ видны остатки стѣнъ, мозаичныхъ половъ и камней съ надписями, указывающихъ, что прежде тутъ была суша.

Италія богата озерами. Одни изъ нихъ, именно озера средней Италіи, представляютъ старые, залитые водой кратеры вулкановъ. Верхне-итальянскія озера: Лаго Маджоре, Комо, Изео и Гарда сформировались окончательно въ ледниковую эпоху благодаря дѣятельности спускавшихся съ Альпъ мощныхъ ледниковъ.

Самые берега Италіи геологически недавняго происхожденія; они до сихъ поръ продолжаютъ претерпѣвать измѣненія вслѣдствіе наносовъ и намыванія, а также подъ вліяніемъ вулканической дѣятельности. Въ Италіи особенно извѣстны два дѣйствующихъ вулкана, оба на берегахъ ея: одинъ находится на материкѣ — Везувій, — другой на островѣ Сицилія—Этна. Вулканическая дѣятельность ограничивается главнымъ образомъ окрестностями этихъ очаговъ изверженія, но землетрясенія, которымъ такъ часто подвергается южная Италія, охватываютъ большое пространство и носятъ тектоническій характеръ. Чаще всего страдаетъ отъ нихъ Калабрія и Сицилія. Въ концѣ 1908 г. въ этой области произошло страшное по своимъ послѣдствіямъ землетрясеніе, разрушившее до основанія множество цвѣтущихъ селъ и городовъ и, между прочимъ, Мессину.

Италія всегда была по преимуществу земледѣльческою страной. До сихъ поръ еще сельское хозяйство занимаетъ преобладающее мѣсто въ экономической жизни страны.

Обработка земли въ сѣверной Италіи.

Въ теченіе долгаго времени многое препятствовало здѣсь развитію крупной промышленности, устраняя Италію отъ участія въ міровой торговлѣ, поэтому земледѣліе оставалось главнымъ источникомъ національной производительности. Прежде Италія считалась богатою страной, но упадокъ торговли на Средиземномъ морѣ подорвалъ ея благосостояніе и надолго лишилъ ее первенствующаго значенія въ Европѣ. Лишь въ XIX в. Италія начинаетъ подниматься вновь и вступать въ ряды великихъ державъ. Итальянцы сознаютъ свою отсталость по сравненію съ другими, болѣе богатыми странами, гдѣ введены громадныя улучшенія въ области сельскаго хозяйства. Упадокъ земледѣлія объясняется еще и тѣмъ, что содержаніе непомѣрно большого войска и военнаго флота требуетъ огромныхъ расходовъ, что̀ влечетъ за собою увеличеніе налоговъ, значительно превосходящихъ налоги, существующіе въ другихъ странахъ. Согласно разслѣдованію парламентской аграрной комиссіи прямые государственные и общинные налоги отнимаютъ у сельскаго хозяйства 30% его валового дохода Особенно тяжело отзывается налогъ на соль и налогъ, уплачиваемый съ каждой головы скота, а также всевозможныя пошлины, которыми облагаются всякаго рода торговыя сдѣлки.

Еще вреднѣе отзываются на земледѣліи другія условія, находящіяся въ связи съ экономическимъ и соціальнымъ развитіемъ страны. Въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверной и средней Италіи крупное землевладѣніе уже подверглось раздробленію, но въ другихъ оно еще преобладаетъ, въ особенности въ Калабріи и Сициліи. Италія страдаетъ больше всего отъ того, что мало землевладѣльцевъ, которые сами хозяйничаютъ въ своихъ имѣніяхъ, и крестьянъ, которые ведутъ самостоятельное хозяйство на собственной землѣ. Въ Италіи города издревлѣ имѣли преобладающее значеніе и стремились подчинить себѣ сельское населеніе. Настоящихъ крестьянъ въ Италіи очень мало. Самостоятельныхъ сельскихъ общинъ почти нѣтъ, потому что итальянскія общины представляютъ одновременно и городскія и сельскія общины. Въ Италіи можно проѣхать большое разстояніе, не встрѣтивъ ни одной деревни. Въ Сициліи, Апуліи и другихъ мѣстахъ мелкіе арендаторы, крестьяне, владѣющіе небольшими участками, и даже подёнщики-земледѣльцы живутъ обыкновенно въ городахъ, возлѣ которыхъ находится ихъ земля. Случается, что участки, которые они обрабатываютъ, отстоятъ отъ города на разстояніи 8 и даже десяти километровъ.

Итакъ, несмотря на всѣ преимущества климата, на богатство и разнообразіе растительности, сельское хозяйство въ Италіи находится въ большомъ упадкѣ. По техникѣ обработки земли Италія отстала отъ другихъ странъ, хотя превосходитъ ихъ обиліемъ дешевизной и трудолюбіемъ сельскихъ рабочихъ. Кто видѣлъ итальянскихъ земледѣльцевъ за работой въ полѣ, тотъ не станетъ повторять ходячихъ фразъ о лѣности и безпечности итальянцевъ. Правда, несмотря на обязательность школьнаго обученія въ Италіи, сельскіе рабочіе большею частью очень невѣжественны, но это не мѣшаетъ имъ быть очень способными и прилежными работниками. Относительно выносливости и смѣтливости они могутъ поспорить съ рабочими другихъ національностей, хотя и уступаютъ имъ въ физической силѣ. Но зато итальянскіе рабочіе оставляютъ далеко позади всѣ другія націи въ томъ, что̀ касается трезвости, нетребовательности, необыкновенной жизнерадостности и умѣнья довольствоваться малымъ.

Образовавшіеся въ Италіи сельскіе союзы за послѣднее десятилѣтіе уже кое-что сдѣлали для улучшенія положенія сельскихъ рабочихъ. Но ихъ старанія поднять земледѣліе, приходящее въ упадокъ, не имѣютъ большого успѣха. Доходъ съ земли все таки уменьшается, и изъ года въ годъ тысячи мелкихъ собственниковъ лишаются земли, вслѣдствіе невозможности уплатить изъ своихъ доходовъ накопившіяся на ней недоимки. Поэтому-то и эмиграція, постоянно возрастающая, пополняется главнымъ образомъ населеніемъ земледѣльческихъ провинцій.

Промышленность и торговля также не въ блестящемъ состояніи. Въ средніе вѣка Италія была школой Европы въ торговлѣ и промышленности, но съ тѣхъ поръ много воды утекло, и итальянцы лишились своего преобладающаго положенія въ этой области. Изобрѣтеніе паровыхъ машинъ, вызвавшее такой переворотъ въ крупной промышленности имѣло для Италіи свои послѣдствія въ экономическомъ отношеніи. Въ Италіи нѣтъ каменнаго угля, составляющаго необходимое условіе для процвѣтанія фабричной промышленности, и это обстоятельство въ значительной мѣрѣ препятствуетъ ея развитію. Кромѣ того другія націи вообще опередили ее въ отношеніи промышленности и торговли. Домашняя промышленность до сихъ поръ очень распространена въ Италіи. Шерсть, хлопчатая бумага, шелкъ и полотно почти всюду прядутся домашнимъ способомъ. Еще и теперь можно видѣть старинныя прялки и женщинъ, работающихъ за ними на открытомъ воздухѣ. Во многихъ мѣстахъ сельскіе жители одѣваются и теперь, какъ въ древности, въ шерстяныя ткани домашняго издѣлія. Только недавно машинный трудъ началъ вытѣснять домашнюю ткацкую работу.

Заработная плата въ Италіи ниже, чѣмъ въ другихъ странахъ, также и въ области фабричнаго труда. Благодаря этому и продолжительности рабочаго дня промышленники въ состояніи вознаградить себя за тѣ невыгодныя условія, которыя создаетъ имъ заграничная конкурренція. Ловкіе, проворные и способные итальянцы могли бы быть превосходными фабричными рабочими, тѣмъ болѣе, что они обладаютъ неоцѣненными качествами—трезвостью, умѣренностью и чрезвычайно малыми потребностями. Но однообразный фабричный трудъ мало соотвѣтствуетъ характеру итальянцевъ, они съ трудомъ мирятся съ фабричной дисциплиной. Итальянецъ рабочій предпочитаетъ отдѣльную работу, гдѣ всѣ его способности находятъ себѣ примѣненіе. Вотъ почему на фабрикѣ итальянецъ рабочій отстаетъ отъ своего собрата—фабричнаго рабочаго англичанина или нѣмца.

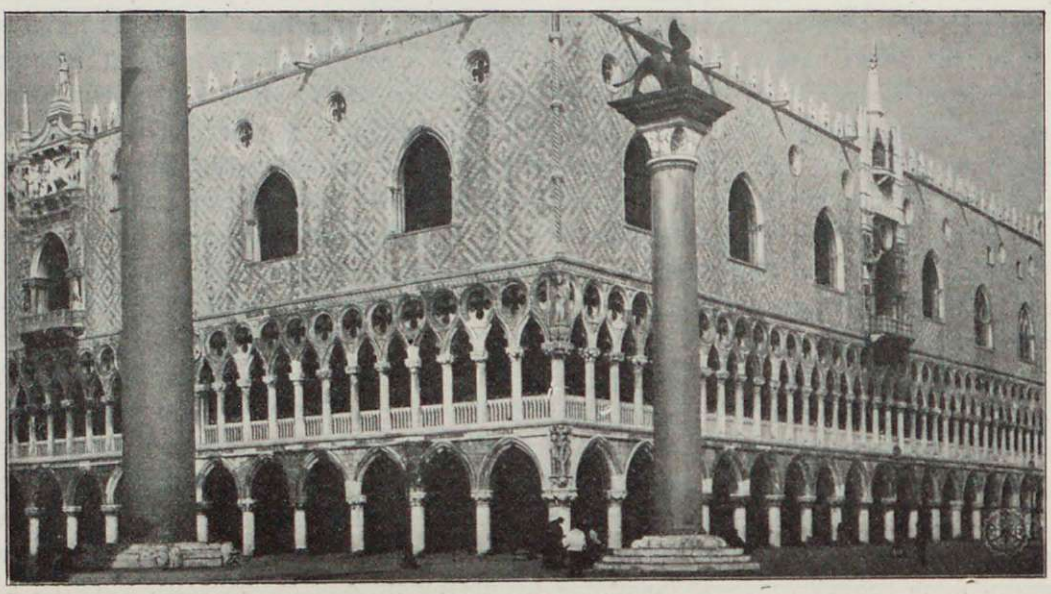
Въ послѣдніе годы въ Италіи возникла рабочая партія, которая организовалась раньше всего въ Ломбардіи, гдѣ крупная промышленность достигла нѣкотораго развитія. Центромъ рабочаго движенія является Миланъ. Итальянскому правительству приходится уже считаться съ этимъ движеніемъ, какъ съ весьма серьезнымъ политическимъ факторомъ. Съ 1891 г. Сицилія также покрылась сѣтью рабочихъ союзовъ, разростающихся съ изумительною быстротой.

Рыбная ловля составляетъ также одинъ изъ старинныхъ промысловъ, которымъ занимается населеніе Италіи. Наиболѣе замѣчательные промыслы въ сѣверной Италіи, въ лагунахъ По, близъ города Комаккіо, построеннаго на тринадцати островахъ, соединенныхъ между собою мостами. Это громадное рыболовное учрежденіе, пожалуй единственное въ мірѣ. Рыбачье населеніе Комаккіо отличается высокимъ ростомъ, силой и ловкостью, но оно также работаетъ на богатыхъ владѣльцевъ водными участками или „полями“, гдѣ ловится рыба. Рыбаки получаютъ жалованье и живутъ опредѣленное время въ казармахъ, построенныхъ на островахъ.

Въ сѣверной Италіи, въ долинѣ По, очень многочисленны большіе города, которые пользуются извѣстностью благодаря историческимъ воспоминаніямъ и памятникамъ искусства. Въ верхней долинѣ По, въ провинціи Пьемонтъ, главное значеніе имѣетъ Туринъ. Но по числу жителей (336.000) онъ уступаетъ Милану (491.000), столицѣ Ломбардіи. Въ средніе вѣка Миланъ соперничалъ даже съ Римомъ въ отношеніи могущества. Соборъ въ Миланѣ поражаетъ красотой своей отдѣлки, своею мраморною рѣзьбой, представляющей настоящее мраморное кружево и вполнѣ оправдывающей то, что этотъ соборъ считается однимъ изъ чудесъ архитектуры.

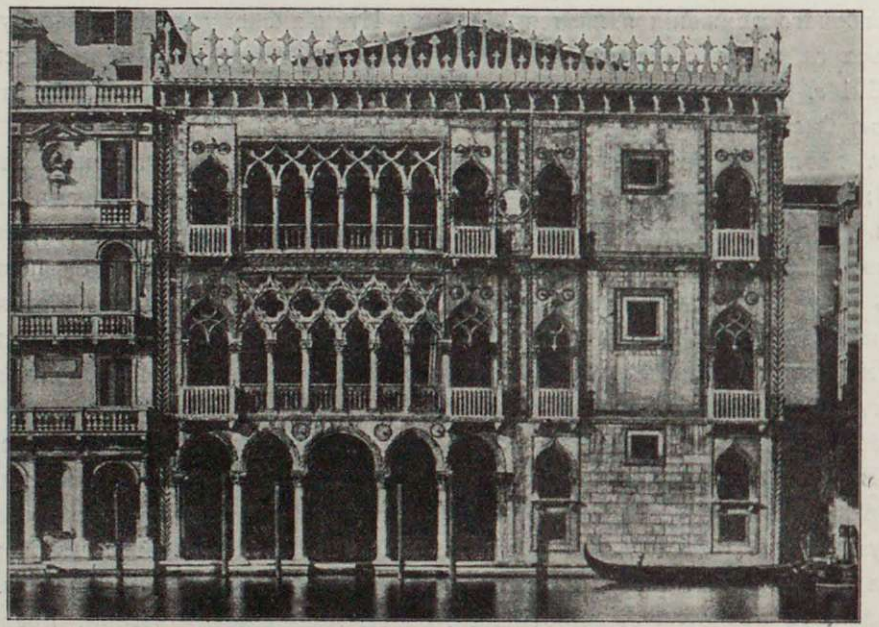
Каждый изъ городовъ Ломбардской равнины гордится своимъ историческимъ прошлымъ и старается сохранить свою своеобразность. Съ Миланомъ соперничаетъ Комо, древній свободный городъ на берегу озера того же имени; городъ Павія гордится тѣмъ,

что его университетъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ. Другіе города, Монца, Кремона и т. д. также могутъ похвалиться какими нибудь достопримѣчательностями и своимъ историческимъ прошлымъ. По ту сторону По, въ провинціи Эмилія, лежитъ знаменитый

Дворецъ дожжей въ Венеціи.

университетскій городъ Болонья, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ городовъ Италіи, славящійся своими средневѣковыми зданіями, дворцами и двумя падающими башнями, на-

Палаццо della Cà d'oro въ Венеціи.

клонъ которыхъ слегка увеличивается каждое столѣтіе. Окрестности Болоньи богаты археологическими памятниками, и въ древнихъ могилахъ находятъ предметы, относящіеся къ эпохѣ за 3000 лѣтъ до настоящаго времени.

Улица въ Неаполѣ.

Многолюдные и знаменитые по историческимъ событіямъ города находятся въ такъ называемой Романьѣ, области, лежащей между Апеннинами и моремъ. Населеніе Романьи считается самымъ сильнымъ и энергичнымъ, и про него говорятъ, что это раса героевъ или преступниковъ.

Древній городъ Венеція, столица нѣкогда могущественной морской республики, входящей въ настоящее время въ составъ итальянскаго королевства, давно уже лишился прежняго значенія, но все таки представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Европы по своему положенію, произведеніямъ искусства и исторіи. Онъ построенъ на 118 островахъ, въ лагунахъ Адріатическаго моря, на разстояніи трехъ съ половиной километровъ отъ берега и имѣетъ 12 километровъ въ окружности. Такое положеніе Венеціи дѣлало ее недоступной для непріятеля, откуда бы онъ ни являлся, съ моря или материка, между тѣмъ какъ она могла отправлять свои военныя и торговыя суда во всѣ порты Средиземнаго и Адріатическаго моря. Благодаря этому Венеція достигла громаднаго матеріальнаго благосостоянія и могущества. Но когда австрійцы завладѣли венеціанскою территоріей въ концѣ XVIII-го вѣка, то для Венеціи начался періодъ наибольшаго упадка, и послѣ этого она уже больше никогда не могла вернуть своего прежняго величія.

Наиболѣе замѣчательный изъ городовъ на сѣверномъ берегу Средиземнаго моря—Генуа, былъ также нѣкогда главнымъ городомъ республики того же имени. Теперь это важный торговый городъ, окруженный почти непрерывнымъ рядомъ виллъ и дворцовъ, столица Лигуріи или генуэзской Ривьеры, представляющей узкую полосу побережья на южномъ склонѣ Апеннинъ. Другую, болѣе широкую полосу у южнаго основанія Апеннинъ, занимаетъ провинція Тоскана. Средняя часть этой провинціи по мягкости климата, пожалуй, можетъ быть названа самою пріятною областью Италіи. Тамъ находится знаменитая Флоренція, „Цвѣтущій городъ“, про который говорится, что это, „драгоцѣнный алмазъ въ той діадемѣ, которою итальянскій народъ украсилъ землю“. Нѣкогда Флоренція была также свободною республикой, которая превратилась въ XVI вѣкѣ въ абсолютную монархію подъ именемъ великаго герцогства Тосканскаго. Послѣ объединенія Италіи Флоренція была даже временно столицей новаго королевства, но съ перенесеніемъ столицы въ Римъ она превратилась въ обыкновенный провинціальный городъ. Однако этотъ городъ, благодаря своимъ историческимъ памятникамъ и великимъ произведеніямъ искусства, до сихъ поръ еще служитъ центромъ притяженія для всего образованнаго міра и для художниковъ. Флоренція больше другихъ городовъ Италіи богата образцовыми произведеніями архитектуры среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія. Башни, церкви, статуи на улицахъ и площадяхъ, дома, напоминающіе крѣпости и дворцы—все это придаетъ городу настоящій характеръ музея.

Столица итальянскаго королевства, Римъ, лежитъ на рѣкѣ Тибрѣ, въ такъ называемой римской Кампаньѣ—пустынной равнинѣ, начинающейся у самыхъ воротъ столицы. Художники однако восхищаются унылымъ видомъ этой равнины, ея живописными развалинами, окруженными кустарниками и цѣпью могучихъ горъ на горизонтѣ. Нѣкогда это была богатая и воздѣланная мѣстность, покрытая виллами богатыхъ римскихъ патриціевъ, парками и садами, простиравшимися отъ подножія горъ до самаго моря. Затѣмъ, когда были разрушены великолѣпныя жилища во время войнъ, и рабы, обработывавшіе землю, разбѣжались, то Кампанья быстро превратилась въ пустыню. На поляхъ и лугахъ прекратились работы, и въ низинахъ образовались болота, испаренія которыхъ заражали воздухъ и порождали лихорадки. Поэтому до сихъ поръ въ Кампаньи нѣтъ сколько нибудь значительныхъ поселковъ, и она состоитъ главнымъ образомъ изъ пастбищъ. Чтобы оздоровить мѣстность, необходимо осушить болота, но въ этомъ отношеніи до сихъ поръ еще сдѣлано слишкомъ мало, и рабочіе земледѣльцы, приходящіе въ Кампанью, стараются какъ можно скорѣе кончить работу и вернуться въ свою деревню. Но убійственный климатъ дѣлаетъ свое дѣло, и многіе гибнутъ отъ лихорадки.

Еще болѣе нездоровая и пустынная мѣстность тянется вдоль морского берега, къ югу отъ Тибра. И она нѣкогда была покрыта дворцами, но теперь такъ царитъ смерть и запустѣніе. Самою страшною репутаціей въ этомъ отношеніи пользуется равнина пространствомъ въ 750 кв. к., лежащая къ юго-востоку отъ Рима. Это знаменитыя Понтійскія болота, воздухъ которыхъ настолько смертоносенъ, что когда туда укрывается какой-нибудь преступникъ, то власти прекращаютъ его преслѣдованіе, увѣренные, что онъ все равно тамъ погибнетъ. А между тѣмъ и въ этой мѣстности въ отдаленныя времена римской республики находились тридцать три цвѣтущихъ города. Однако и теперь, въ теченіе большей части года, равнина Понтійскихъ болотъ бываетъ покрыта травой и цвѣтами. Но жить тамъ нельзя, и поэтому городъ Нинфа, выстроенный въ наименѣе нездоровомъ углу равнины, у ея сѣверной оконечности, былъ все таки покинутъ жителями. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ безлюдный городъ со своими сохранившимися

Развалины Колизея.

строеніями, церквами и монастыремъ, со стѣнами, обвитыми плющемъ и другими вьющимися растеніями.

Современный Римъ занимаетъ только часть древняго города и распространяется къ сѣверу и западу отъ прежняго Рима. Онъ великъ своими историческими воспоминаніями, и конечно главную привлекательность его составляютъ развалины, остатки древняго Рима. Реклю говоритъ, что это скорѣе гробница, нежели живой городъ, и конечно ни одинъ путешественникъ не можетъ взирать равнодушно на развалины могучаго Коллизея, арена котораго такъ напоена кровью, и на римскій форумъ, который былъ центромъ древняго римскаго міра. Остатки древнихъ храмовъ, дворцовъ, колоннадъ, статуй, все это каменныя лѣтописи, разсказывающія намъ о важныхъ событіяхъ древняго міра.

Кромѣ древняго города, въ Римѣ рядомъ съ новой, современною столицей итальянскаго королевства, существуетъ также папскій Римъ, группирующійся около собора св. Петра и огромнаго Ватиканскаго дворца, гдѣ находится резиденція папы, его двора,

Зала скульптуры въ Ватиканѣ.

гвардіи и т. д. По законамъ итальянскаго королевства, папа пользуется всѣми правами государя. Но онъ считаетъ себя плѣнникомъ и не переступаетъ границъ Ватикана.

Немного событій современной европейской исторіи равняются по своему значенію тому, которое произошло 20-го сентября 1870 г., когда итальянскія войска, подъ командою генерала Кардона, завладѣли Римомъ отъ имени итальянской націи, закончивъ этимъ дѣло возрожденія Италіи и уничтоженія власти папы. 133.681 голосовъ противъ 1.507 принята была затѣмъ формула: „Мы желаемъ объединенія итальянскаго королевства подъ конституціоннымъ монархическимъ правительствомъ короля Виктора Эммануила и его преемниковъ",—и съ этого момента Италія стала объединеннымъ государствомъ, занявшимъ мѣсто въ ряду другихъ европейскихъ державъ.

Итальянская революція носила въ политическомъ отношеніи исключительно національный характеръ и имѣла цѣлью уничтоженіе иностраннаго господства, тяготѣвшаго надъ нѣкоторыми частями Италіи, и сліяніе въ одно цѣлое маленькихъ, отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, болѣе или менѣе подчиненныхъ Австріи. На ихъ-то развалинахъ и было создано итальянское единство.

Но за свое политическое возрожденіе Италія заплатила дорогою цѣной. Возстанія играютъ выдающуюся роль въ исторіи ея возрожденія, и всѣхъ, кто принималъ участіе въ этихъ возстаніяхъ и такъ или иначе пострадалъ, считаютъ въ Италіи мучениками великой патріотической идеи. Заговоры, тайныя общества и секты, извѣстныя подъ общимъ именемъ „Подземной Италіи", конечно, содѣйствовали освобожденію страны, и безпримѣрный успѣхъ Гарибальди въ 1860 г. въ значительной степени былъ подготовленъ работой тайныхъ обществъ, неустанно подрывавшихъ могущество бурбонскаго правительства, какъ въ Сициліи, такъ и на материкѣ. Но привычка къ тайной борьбѣ и тайнымъ средствамъ достиженія цѣли, къ подпольной дѣятельности и образованію тайныхъ ассоціацій, неблагопріятно отразилась на позднѣйшей политической жизни итальянскаго народа, такъ что слѣды этого періода и теперь замѣчаются въ организаціи и дѣятельности итальянскихъ партій.

Благоразуміе, энергія и политическій тактъ, который проявили итальянцы въ эти рѣшительныя минуты своего національнаго существованія, составляютъ конечно лучшія страницы итальянской исторіи. Знаменитый походъ Гарибальдійской тысячи, уничтожившій въ нѣсколько недѣль господство Бурбоновъ въ Сициліи, а затѣмъ и на континентѣ, поразилъ весь міръ, какъ необычайно ловкій и смѣлый поступокъ. Переѣздъ по морю на утлыхъ суденышкахъ, когда кругомъ сторожили суда неаполитанскаго военнаго флота, высадка въ Марсалѣ, и походъ этой горсти добровольцевъ на Палермо, нападеніе Гарибальди на превосходныя силы врага, его переѣздъ черезъ Мессинскій проливъ и тріумфальное вступленіе въ Неаполь--все это представлялось чѣмъ-то сказочнымъ.

Наконецъ дѣло объединенія Италіи было закончено. Но папа занялъ воинствующее положеніе въ Римѣ и до сихъ поръ разыгрываетъ роль „ватиканскаго узника", отказываясь признавать новое государство. Между Квириналомъ (дворцомъ короля) и Ватиканомъ (дворцомъ папы) существуетъ непримиримая вражда, и такимъ образомъ Римъ имѣетъ въ своихъ стѣнахъ двухъ государей: короля и папу. Поэтому-то и населеніе Рима дѣлится на два враждебныхъ лагеря: приверженцевъ папы и сторонниковъ единства Италіи. Большинство римской знати поддерживаетъ дѣятельныя сношенія съ Ватиканомъ, и для нея итальянскій король въ Римѣ какъ бы не существуетъ.

Въ настоящее время Италія представляетъ конституціонное государство въ полномъ смыслѣ этого слова. Законодательная власть принадлежитъ совмѣстно королю и двумъ палатамъ: сенату и палатѣ депутатовъ. Члены этихъ палатъ пользуются неприкосновенностью и не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за высказанные ими взгляды или голосованіе въ палатѣ. Ни одинъ сенаторъ или депутатъ не можетъ быть арестованъ

*

Окрестности Рима: новая Аппіева дорога и остатки водопровода Клавдія.

Храмъ и площадь св. Петра въ Римѣ.

въ теченіе парламентской сессіи безъ предварительнаго согласія на то сената или палаты, и ни одинъ не получаетъ вознагражденія за выполненіе своихъ парламентскихъ обязанностей, а только пользуется правомъ безплатнаго проѣзда на пароходахъ и по желѣзнымъ дорогамъ.

Сенатъ состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ, назначаемыхъ королемъ пожизненно. Довольно большое число лицъ, получившихъ за выслугу лѣтъ званіе сенатора и пользующихся большимъ почетомъ въ итальянскомъ обществѣ, придаетъ итальянскому сенату слишкомъ маститый характеръ, такъ какъ кромѣ принцевъ королевскаго дома, которые никогда не участвуютъ въ засѣданіяхъ сената, въ немъ совершенно отсутствуютъ такіе молодые элементы, какіе встрѣчаются въ палатѣ лордовъ въ Англіи, въ Пруссіи, Австріи и т. д. Ни города, ни университеты, ни крупныя промышленныя предпріятія не пользуются правомъ имѣть своихъ представителей въ сенатѣ, и такъ какъ предложенія министерства всегда имѣютъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ назначенія сенаторовъ, то весьма часто бываетъ, что при этомъ назначеніи гораздо большую роль играютъ разныя другія соображенія, нежели выдающіяся заслуги, и министерство выбираетъ такихъ лицъ, которые будутъ его сторонниками въ сенатѣ.

Палата депутатовъ состоитъ изъ 508 членовъ, которые выбираются посредствомъ прямой подачи голосовъ. Прежде требовался довольно высокій имущественный цензъ для полученія права голоса, вслѣдствіе чего лишь незначительная часть населенія могла участвовать въ выборахъ. Но съ теченіемъ времени это измѣнилось, и теперь правомъ голоса пользуются всѣ граждане Италіи не моложе 21 года, умѣющіе читать и писать и платящіе по крайней мѣрѣ 19,80 лиръ прямыхъ государственныхъ налоговъ, а также платящіе за аренду земельныхъ участковъ, или же обладающіе извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ. Палата депутатовъ выбирается на пять лѣтъ, и члены ея должны быть старше 30 лѣтъ.

Время парламентскихъ выборовъ въ Италіи всегда бываетъ необыкновенно оживленнымъ. Населеніе находится въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Даже въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ, въ альпійскихъ деревушкахъ, отражается это возбужденіе. Жители собираются группами и съ горячностью толкуютъ о предстоящихъ выборахъ, о шансахъ различныхъ кандидатовъ. Стѣны домовъ и даже хижинъ въ бѣднѣйшихъ и захолустныхъ деревняхъ покрываются на это время громадными избирательными афишами, въ которыхъ различные избирательные комитеты съ удивительнымъ паѳосомъ и краснорѣчіемъ рекомендуютъ своихъ кандидатовъ и стараются дискредитировать кандидатовъ противной партіи. Но и сами кандидаты не упускаютъ случая расположить въ свою пользу избирателей и обращаются къ нимъ съ печатными воззваніями, а иногда и лично, излагая свою программу и напоминая о своихъ заслугахъ отечеству и партіи.

Чрезмѣрное вмѣшательство парламента въ административныя дѣла оказываетъ, конечно, вредное вліяніе на администрацію. Нѣтъ такой области администраціи, въ которой министерству не приходилось бы дѣлать уступки. Назначеніе гарнизона, учрежденіе государственной школы, проведеніе телеграфа, часто бываютъ вызваны не столько требованіемъ общественныхъ интересовъ, сколько политическими соображеніями, желаніемъ министерства удержать на своей сторонѣ избирательный округъ. Въ области же общественныхъ работъ избирательныя соображенія играютъ самую большую роль и часто бываютъ причиною согласія парламента на проведеніе какой-нибудь мѣстной желѣзной дороги, не приносящей никакого дохода государству. Эти-то соображенія и заставляютъ депутатовъ принимать во вниманіе разные частные интересы и выгоды. Впрочемъ надо отдать справедливость итальянцамъ, что они сознаютъ это зло и стараются съ нимъ бороться. Однако людямъ, привыкшимъ считать борьбу съ государственною властью похвальнымъ дѣломъ, трудно сразу измѣнить свое отношеніе и понять всю силу отвѣт-

Видъ Сорренто.

Улица въ Помпеѣ.

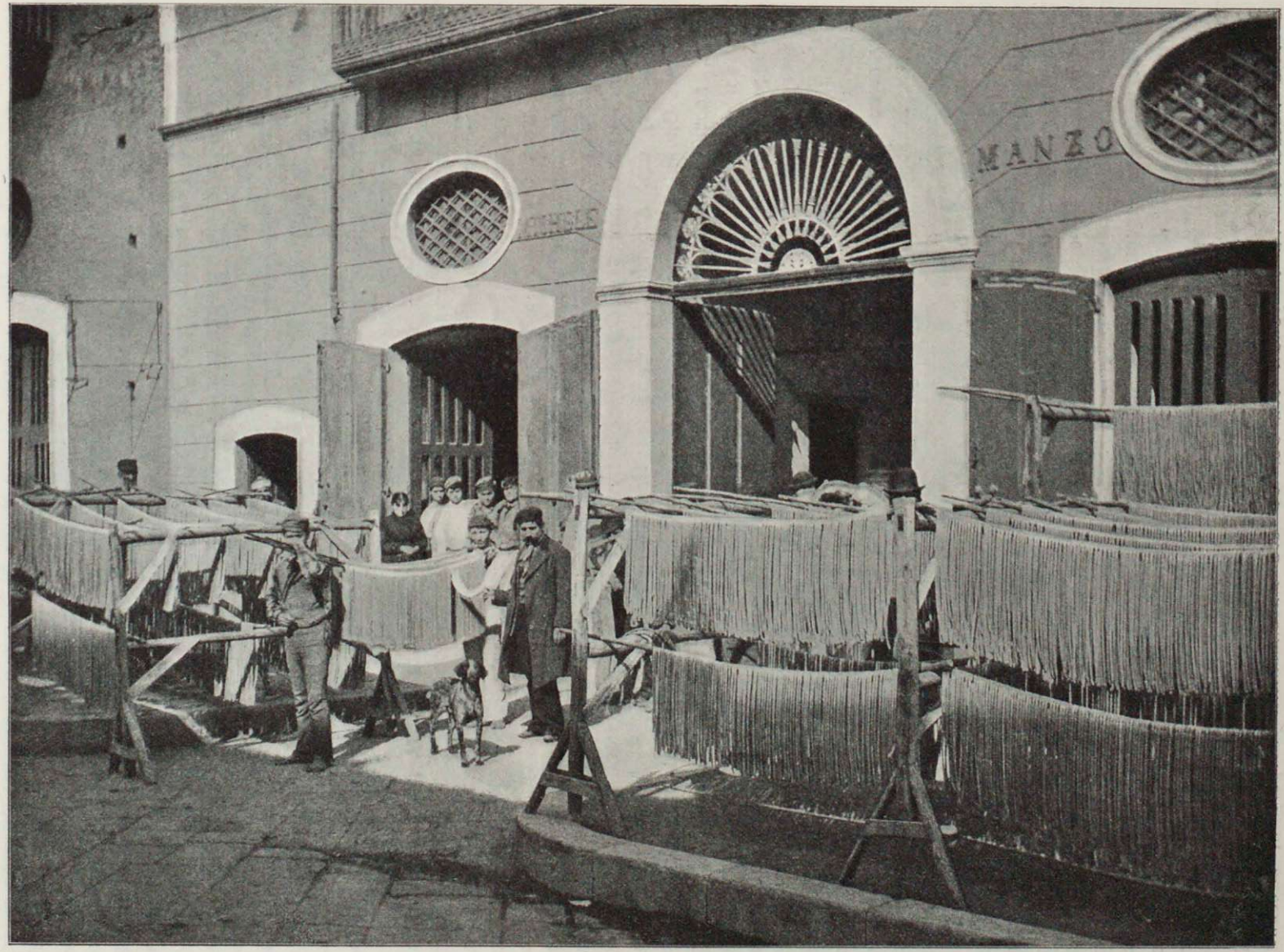
ственности, которая легла на нихъ съ той минуты, какъ они превратились въ свободныхъ и отвѣтственныхъ гражданъ. Въ Италіи, этой классической странѣ заговоровъ и тайныхъ союзовъ, на родинѣ маффіи и каморры, не могла такъ скоро исчезнуть склонность къ подпольной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что населеніе привыкло видѣть въ государственной власти своего врага, которому слѣдуетъ вредить и мѣшать всѣми дозволенными и недозволенными средствами. Притомъ же склонность эта поощряется католическимъ духовенствомъ, которое воспрещаетъ католикамъ открыто принимать участіе въ парламентской жизни страны и не только позволяетъ имъ дѣйствовать тайно, но даже подстрекаетъ ихъ интриговать противъ итальянскаго правительства.

Съ 1877 года въ Италіи введено обязательное начальное обученіе. Школьная повинность распространяется на всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ шести до девяти лѣтъ, причемъ они могутъ посѣщать какую угодно частную, общественную или духовную школу, и школьное преподаваніе можетъ быть замѣнено по желанію домашнимъ. Дѣти избавляются отъ посѣщенія школы, если они сдадутъ по достиженіи девятилѣтняго возраста установленный экзаменъ. Преподаваніе въ начальныхъ школахъ безвозмездное, и открытіе и содержаніе ихъ лежитъ на обязанности общинъ.

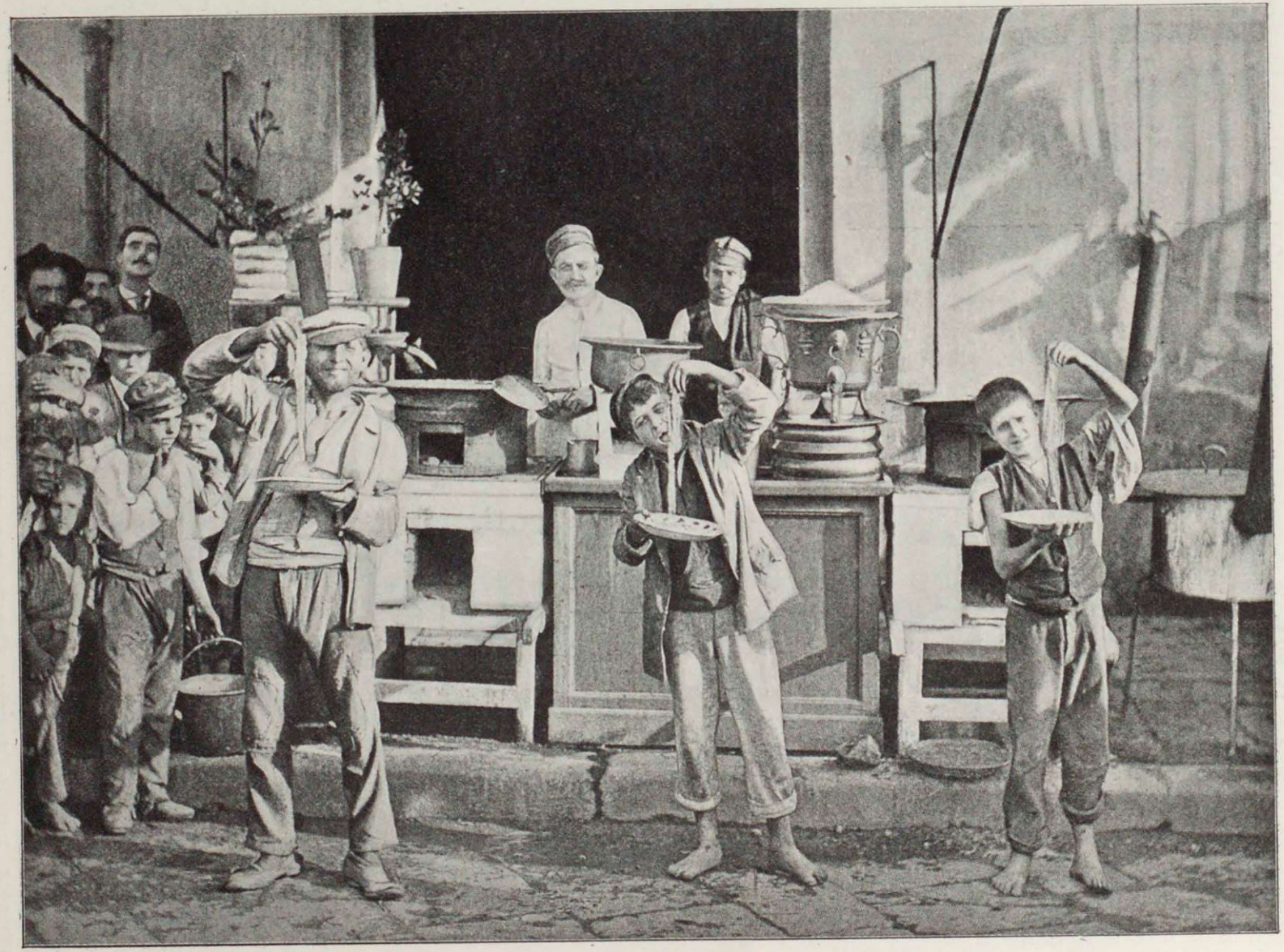
Самую дикую и самую высокую часть Апеннинъ представляетъ область Абруццъ. Городовъ въ этой области мало. Она покрыта на возвышенностяхъ густыми лѣсами, гдѣ водятся медвѣди, волки и кабаны. Климатъ суровъ, но въ плодородныхъ долинахъ онъ мягче, и тамъ растутъ миндальныя и даже оливковыя деревья. Жители Абруццъ нѣкогда славились какъ безстрашные бандиты. Теперь главное ихъ занятіе скотоводство. Они живутъ въ патріархальной простотѣ, очень привязаны къ своимъ горамъ, очень суевѣрны, но отличаются гостепріимствомъ. Однако и по настоящее время Абруццы служатъ главнымъ убѣжищемъ итальянскихъ разбойниковъ, и путешествіе тамъ не вполнѣ безопасно.

Къ югу отъ Абруццъ простирается Неаполитанская область, которая, вмѣстѣ съ островомъ Сициліей, представляла до 1860 года самостоятельное государство. Это чудная страна, прославившаяся красотой своей природы. Температура полутропическая, и въ садахъ и огородахъ на морскомъ побережьи растительность часто достигаетъ чисто южной роскоши. Въ древнія времена всѣ южные берега итальянскаго полуострова были покрыты греческими городами, и эта область была извѣстна подъ именемъ Великой Греціи. Главный городъ этой области Неаполь, самый многолюдный изъ городовъ Италіи, лежитъ на берегу залива на мѣстѣ древней греческой колоніи. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ городовъ древней Италіи и служилъ центромъ греческой образованности. Живописная мѣстность Неаполитанскаго залива и въ настоящее время привлекаетъ туда массу туристовъ, доставляющихъ своимъ пребываніемъ доходъ неаполитанскимъ жителямъ. По торговлѣ Неаполь занимаетъ первое мѣсто въ южной Италіи, но тѣмъ не менѣе большинство населенія этой области живетъ въ крайней бѣдности и отличается невѣжествомъ и суевѣріемъ. „Моему народу нѣтъ надобности думать“, говорилъ неаполитанскій король Фердинандъ II, и такъ какъ люди грамотные находились всегда на дурномъ счету у властей, то естественно, что масса народа оставалась невѣжественной, и старинныя суевѣрія сохраняли всю свою силу. У каждаго города неаполитанской области есть свой покровитель святой, статуѣ котораго воздаютъ божескія почести. Но если этотъ покровитель не оказываетъ помощи народу, то ему выражаютъ негодованіе. Въ одномъ селеніи жители, возмущенные долгой засухой, даже посадили въ тюрьму наиболѣе чтимаго стараго своего святого покровителя.

Неаполитанцы чрезвычайно гордятся красотою своего города, тою дивной картиной, которую представляетъ лазурный заливъ, съ его живописными островами, высокими мысами и бѣленькими городами, раскинувшимися у основанія зеленѣющихъ холмовъ, а также вулканомъ Везувіемъ, придающемъ своеобразную красоту панорамѣ города. Во-

Фабрика макаронъ въ Неаполѣ.

Уличная харчевня и потребители макаронъ въ Неаполѣ.

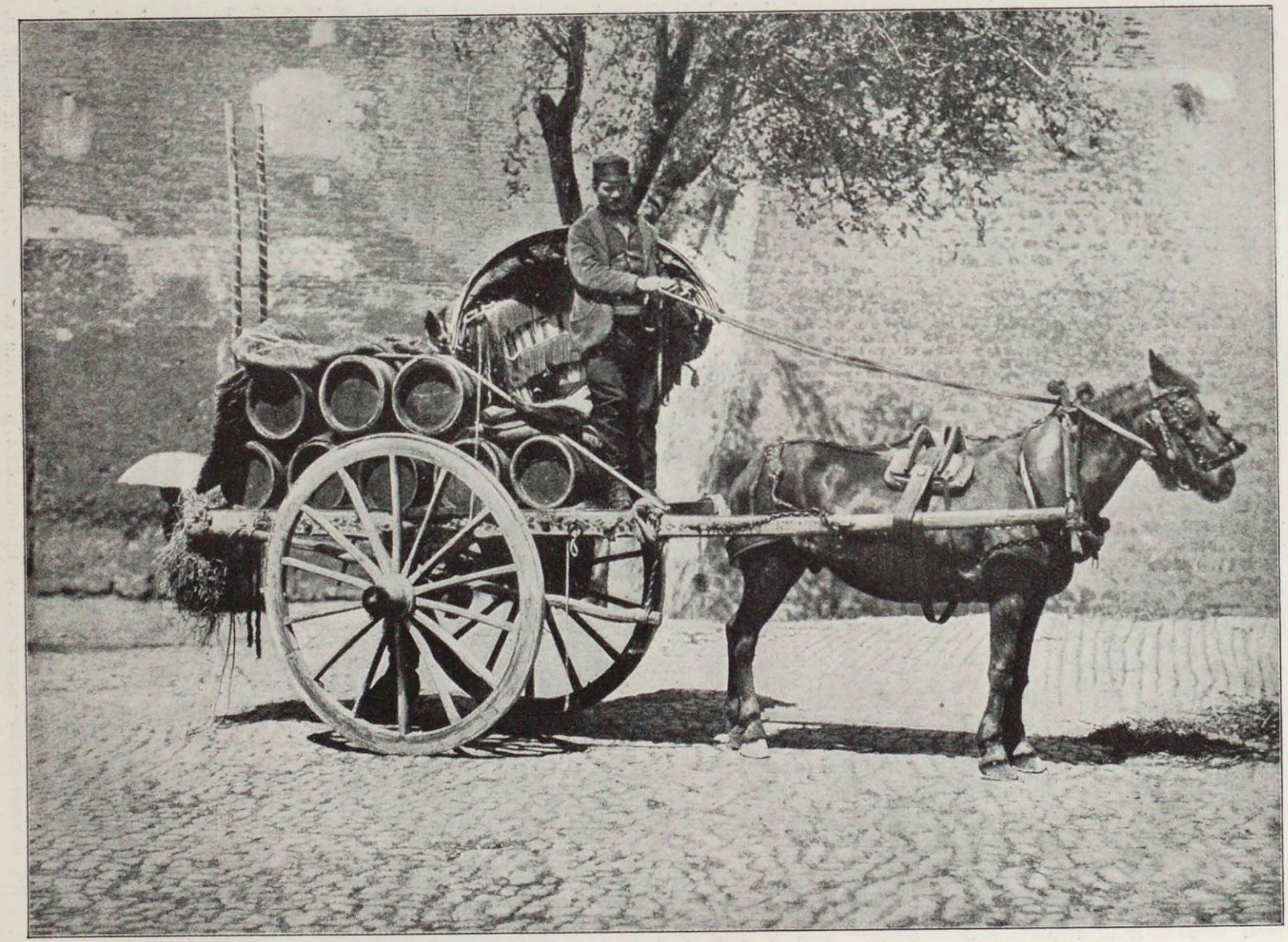
семнадцать вѣковъ тому назадъ Везувій, казавшійся мирно спящимъ вулканомъ, вдругъ проснулся, куполъ его, покрытый почти до самой вершины виноградниками, со страшною силой былъ обращенъ въ пыль и взорванъ въ пространство. Облако пепла заслонило солнце и погрузило въ мракъ всю мѣстность. Цвѣтущіе города были засыпаны пепломъ, погребены подъ землей, и только въ наше время раскопки, произведенныя въ окрестностяхъ Неаполя, открыли два римскихъ города, Геркуланумъ и Помпею, пролежавшіе семнадцать вѣковъ подъ пепломъ. Помпея—настоящій музей. Этотъ мертвый городъ, со своими дворцами, улицами, лавками, амфитеатрами, со своимъ форумами и гробницами, переноситъ насъ въ отдаленную эпоху. Люди были застигнуты катастрофой въ моментъ своихъ занятій, и потому ихъ мумифицированные трупы воплощаютъ жизнь провинціальнаго римскаго города. Но многое еще скрывается подъ лавой и пепломъ Везувія. Далеко не вся Помпея увидѣла уже свѣтъ, а Геркуланумъ, покрытый каменнымъ слоемъ лавы въ

Тарантела.

20 метровъ толщиной, на которомъ высятся теперь дома и виллы предмѣстій Неаполя, до сихъ поръ скрываетъ въ подземной глубинѣ свои тайны, также какъ и Стабія, надъ которой возвышается хорошенькій городокъ Кастелламаре.

Море у неаполитанскихъ береговъ изобилуетъ рыбой и разнаго рода морскими животными, ловля которыхъ составляетъ занятіе большинства населенія. Неаполитанцы умѣютъ пользоваться благами природы, но въ то же время довольствуются малымъ и охотно избѣгаютъ всякой усиленной работы. Еще и теперь встрѣчается среди нихъ живописный типъ такъ называемаго „лаццароне“, одѣтаго въ лохмотья, который любитъ лежать на берегу моря или на ступеняхъ храма и отказывается отъ работы, если для него обезпечено дневное пропитаніе, достаточное, чтобы не умереть съ голоду. Но такихъ праздныхъ людей становится все меньше по мѣрѣ того, какъ усложняется современная жизнь и усиливается тягость нищеты. Однако даже усиленный трудъ, вслѣдствіе чрезмѣрности налоговъ, не можетъ избавить населеніе южной Италіи отъ нищеты и порождаетъ разбой-

Продавецъ вина въ Неаполѣ.

ничество, которое особенно распространено въ Калабріи, югозападной части итальянскаго полуострова, омываемой мессинскимъ проливомъ. Калабрійскіе бандиты пользуются широкою извѣстностью. Въ этой странѣ земля принадлежитъ нѣсколькимъ крупнымъ владѣльцамъ, поэтому крестьянинъ вынужденъ работать на чужой землѣ, и трудъ его вознаграждается очень плохо. Если случится плохой урожай, то крестьяне впадаютъ въ большую нужду, и тогда страна кишитъ разбойниками, которые, соединившись противъ общаго врага—крупнаго землевладѣльца, поджигаютъ его домъ, захватываютъ его скотъ, а иногда похищаютъ его самого или кого нибудь изъ членовъ его семьи и, уведя въ горы, требуютъ за него выкупъ. Изловить бандитовъ очень трудно, потому что жители обыкновенно на ихъ сторонѣ, не выдаютъ ихъ властямъ, а часто даже извѣщаютъ бандитовъ объ опасности преслѣдованія и доставляютъ имъ пропитаніе, когда они укрываются въ горахъ.

Самый важный городъ Калабріи, прелестный Реджо, лежащій противъ Мессины и окруженный рощами апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, теперь совершенно разрушенъ землетрясеніемъ.

Узкій морской рукавъ, называемый Мессинскимъ проливомъ, отдѣляетъ итальянскій полуостровъ отъ острова Сициліи, въ древности извѣстнаго подъ именемъ Тринакріи. Это треугольный островъ, надъ которымъ возвышается мощный вулканъ Этна.

Прекрасный климатъ и богатая полутропическая растительность могли бы сдѣлать изъ Сициліи счастливую страну. Между тѣмъ нищета населенія тамъ больше, чѣмъ въ южной Италіи, и сицилійскій крестьянинъ еще больше обремененъ налогами. Всѣ большія имѣнія—латифундіи, принадлежатъ въ Сициліи крупнымъ собственникамъ аристократамъ, обыкновенно даже не живущимъ на островѣ, а сдающимъ свои земли въ аренду. Большинство крестьянскаго населенія занимается поэтому или поденной работой или хозяйствомъ на арендованной землѣ. Крестьяне же собственники владѣютъ иногда только одною землянкой, да клочкомъ земли въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ или же 4—5 каштановыми деревьями. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи сохранились еще остатки древняго общиннаго землевладѣнія. Почти всѣ земледѣльцы живутъ въ городахъ и ежедневно уходятъ оттуда на работу, на свои поля, возвращаясь на ночлегъ домой. Только во время жатвы и сбора винограда они ночуютъ въ полѣ, въ наскоро выстроенныхъ шалашахъ. Вслѣдствіе отсутствія деревень поля имѣютъ какой-то унылый, пустынный характеръ.

Сицилія страна также по преимуществу земледѣльческая, но обладаетъ и минеральными богатствами, изъ которыхъ главный продуктъ составляетъ сѣра. Добыча сѣры въ рудникахъ производится посредствомъ страшной эксплуатаціи дѣтскаго труда. Въ шахтахъ работаютъ дѣти десяти-двѣнадцати лѣтъ, которыя носятъ на себѣ тяжелыя корзины, наполненныя глыбами добытаго минерала. Такая эксплуатація дѣтей приводитъ къ умственному и физическому вырожденію населенія мѣстности, гдѣ находятся сѣрные рудники. Нищета поддерживаетъ также существованіе разбойничества въ странѣ и обусловливаетъ существованіе тайнаго союза—Маффіи, продолжающей свою дѣятельность, несмотря на всѣ старанія правительства искоренить ее. Страхъ, внушаемый Маффіей, и ненависть къ полиціи, побуждаютъ сицилійскихъ крестьянъ поддерживать этотъ союзъ.

Изъ городовъ Сициліи особенно славятся своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ столица острова Палермо, затѣмъ Катанья, лежащая у подошвы Этны, и прелестная Мессина, нынѣ совершенно разрушенная страшнымъ землетрясеніемъ. Древній городъ Сиракузы, нѣкогда одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ на Средиземномъ морѣ, теперь представляетъ лишь небольшой главный городъ провинціи; онъ интересенъ только своими развалинами и остатками древняго греческаго искусства.

Къ итальянскому королевству принадлежитъ также островъ Сардинія, лежащій въ Средиземномъ морѣ и отдѣленный отъ Корсики небольшимъ проливомъ. Сардинія трудно

Старикъ крестьянинъ изъ Сициліи.

Сицилійская повозка.

доступна со стороны Италіи и окружена лагунами и болотами. По берегамъ Сардиніи нѣтъ ни одного поселка, такъ какъ жители ея, изъ боязни нападеній морскихъ разбойниковъ, удалились во внутреннія равнины и горныя долины острова. Впрочемъ берега Сардиніи, по причинѣ свирѣпствующей тамъ лихорадки, считаются губительными. Лагуны и прибрежныя болота насыщаютъ воздухъ вредными міазмами, къ которымъ присоединяются также и испаренія рѣчныхъ долинъ. Еще въ древности римскіе цезари отправляли въ Сардинію тѣхъ, отъ кого желали избавиться. Сардинскіе крестьяне болѣе или менѣе акклиматизировались, но все же имъ приходится принимать самыя тщательныя предосторожности, чтобы не заболѣть лихорадкой. Такъ напримѣръ, въ самую жаркую погоду они облачаются въ одежду изъ овечьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, чтобы защитить себя отъ вліянія внѣшняго воздуха.

Сарды, обитающіе внутри острова, сохраняютъ свои древніе нравы и обычаи и свой языкъ. У нихъ до сихъ поръ существуетъ обычай похищенія невѣсты. Молодая женщина, какъ только она вступитъ въ домъ мужа, должна весь день оставаться неподвижной и безмолвной, точно статуя, и въ теченіе первыхъ трехъ дней брака она не смѣетъ посѣщать своихъ родственниковъ. Въ характерѣ сардовъ много хорошихъ чертъ. Они отличаются гостепріимствомъ и составляютъ сообщества для взаимной защиты и покровительства, нѣчто вродѣ временныхъ республикъ, представляющихъ образцовый примѣръ взаимнаго довѣрія, справедливости и равенства. Если у сарда погибнетъ стадо, то каждый изъ товарищей въ его округѣ обязанъ помочь ему въ бѣдѣ. Но Сардинскіе крестьяне такъ-же бѣдны, какъ и сицилійскіе крестьяне, и такъ-же невѣжественны. Главное занятіе ихъ—земледѣліе и работа въ рудникахъ, скотоводство же развито слабо.

Городовъ въ Сардиніи мало. Болѣе значительные изъ нихъ: Сассари, отличающійся красивымъ мѣстоположеніемъ, но удаленный отъ моря, и Кальяри—столицы острова, расположенный амфитеатромъ на возвышенной скалѣ, подножіе которой омывается моремъ. Онъ обращенъ въ сторону Африки, отъ берега которой отстоитъ всего на 200 километровъ. Несмотря на выгодное мѣстоположеніе города, какъ коммерческаго порта, болота окружающія скалу, на которой онъ построенъ, мѣшаютъ его развитію, какъ торговаго центра. Вообще эти болота и порождаемыя ими лихорадки, задерживаютъ процвѣтаніе Сардиніи и не допускаютъ устройства правильнаго сельскаго хозяйства, несмотря на благопріятную почву, гдѣ могутъ произрастать всѣ плодовыя деревья и полезныя растенія, которыя въ такомъ изобиліи разводятся на берегахъ Средиземнаго моря.

Э. Пименова.

Испанія.

Общій характеръ страны.—Центральная Испанія.—Мадридъ.—Жизнь города.—Характеръ и нравы испанцевъ.—Южная Испанія: Андалузія.—Мавританскія древности.—Типъ и характеръ жителей.—Юго-восточная Испанія: Каталонія и ея главный городъ Барцелона.—Бой быковъ.

Высокая цѣпь Пиренейскихъ горъ стѣною отдѣляетъ Испанію отъ Западной Европы. Подобно двуликому Янусу Пиренеи имѣютъ два совершенно различныхъ лица: одно, обращенное въ сторону Франціи—зелено, нарядно и весело, другое, обращенное къ Испаніи, подобно лицу Рибейровскаго монаха, угрюмо, холодно и проникнуто какой-то страстной меланхоліей. На путешественника, представляющаго Испанію по первому дѣйствію „Донъ-Карлоса“, эта каменная непривѣтливая громада дѣйствуетъ ошеломляюще. Между тѣмъ трудно придумать другую болѣе подходящую рамку для сѣверной Испаніи, чѣмъ эти тяжелые, обнаженные пики, громоздящіеся одинъ на другого, то падающіе въ черныя пропасти, то ползущіе вверхъ, недовольные и морщинистые. Вѣковая тишина царитъ въ этомъ орлиномъ царствѣ. Рѣдкія долины поражаютъ дикостью; разбитыя скалы окружаютъ ихъ, напоминая первобытный хаосъ; какъ будто титаны наворочали ихъ сюда и заперли входъ въ заколдованное царство.

Сѣверная Испанія дѣйствительно заколдованное царство, но заколдованное не добрымъ, а злымъ волшебникомъ: куда не взглянетъ глазъ, повсюду пусто, голо и печально. На десятки верстъ разстилается волнистая пустыня, кое гдѣ усѣянная крупнымъ булыжникомъ. Изрѣдка встрѣчаются жидкія сосновыя рощицы, да чахлые кусты размарина. Почва большею частью песокъ, иногда переходящая въ камень. Отъ Миранды на границѣ старой Кастильи такой пейзажъ дѣлается преобладающимъ. Солнце нестерпимо палитъ съ кристальной чистоты неба. Эта поразительная прозрачность испанской атмосферы кладетъ какой-то особенный отпечатокъ страстности на испанскій пейзажъ, страстности не порывистой, а замкнутой, накопляемой столѣтіями, претворившейся въ кровь и плоть испанца: „Среди этой улыло-страстной природы“, говоритъ Боткинъ; „и выработался типъ испанскаго характера, медленный, спокойный снаружи, раскаленный внутри, упругій и сверкающій, какъ сталь, африканскій дикарь и рыцарь“.

Всматриваяясь въ эту пламенную пустыню, обожженную губительнымъ испанскимъ солнцемъ, прислушиваясь къ безмолвію этихъ каменныхъ пространствъ, невольно начинаешь понимать и прошлое, и настоящее Испаніи: Филиппъ II, Торквемада, Толедская инквизиція, массовыя аудо-да-фе могли вырости именно здѣсь, на этой желто-красноватой почвѣ, подъ этимъ раскаленнымъ небомъ.

Въ Старой Кастильи разореніе современной Испаніи бросается въ глаза на каждомъ шагу: селенья рѣдки, жалкія лачуги нисколько не оживляютъ мѣстности. Кое гдѣ на дорогѣ попадется кастилецъ „гордый, какъ король, оборванный, какъ нищій". Близъ Бургоса мѣстность нѣсколько оживляется. Бургосъ—древняя столица Кастильи, когда-то знаменитое гнѣздо рыцарства, теперь совершенно заброшенный и забытый городъ. Но для путешественника Бургосъ представляетъ неистощимый интересъ, благодаря своему знаменитому собору,—„этой сказкѣ, высѣченной изъ гранита и мрамора".

Вблизи Бургосскій соборъ не производитъ впечатлѣнія. Этому мѣшаетъ масса домовъ самаго ординарнаго стиля, облѣпившихъ кругомъ соборныя стѣны. Чтобы вызвать соотвѣтствующее впечатлѣніе, надо выйти за городъ и съ окрестныхъ холмовъ любоваться ажурными силуэтами башенъ.

Постройка Бургосскаго собора относится къ XIII в.,—періоду расцвѣта католицизма въ Испаніи, католицизма творческаго и побѣдоноснаго, а не кровожаднаго и мстительнаго католицизма Торквемады и Филиппа II. Главный интересъ представляетъ внутренность собора—изящнѣйшее соединеніе ренессанса съ чистой готикой. Изъ этого соединенія получилось нѣчто непередаваемо чудесное. Насколько снаружи соборъ теменъ, мраченъ и старъ, настолько же внутри веселъ и свѣтелъ; воздушныя галлереи, опутанныя тканью тончайшихъ мраморныхъ кружевъ, придаютъ ему нѣжный блескъ и молодость. Стѣны, обвитыя изяществомъ истиннаго вдохновенія утопаютъ въ чешуѣ барельефовъ; эти барельефы выразительнѣе всего напоминаютъ о томъ, что мы передъ памятникомъ жизнерадостнаго католицизма: рядомъ со сценами мученичества изящныя фигурки разшалившихся дѣтей, улыбающіяся лица монаховъ, богомольцевъ, сцены изъ миѳологіи, наивныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дышущія поэзіей. Весь соборъ утопаетъ въ барельефахъ; повсюду выглядываютъ головы звѣрей, птицъ, дьяволовъ, невѣдомыхъ чудовищъ.

Впечатлѣніе современной Испаніи, разоренной и облѣнившейся, охватываетъ путешественника, лишь только онъ оставляетъ высокія рѣзныя двери собора и погружается вглубь улицъ современнаго Бургоса: сотни нищихъ самой ужасной наружности обступаютъ его со всѣхъ сторонъ, особенно если почуютъ въ немъ иностранца, обирать котораго считается здѣсь почти обязанностью. Нищенство, вообще распространенное въ Испаніи, достигаетъ въ Бургосѣ ужасающихъ размѣровъ. Кастилецъ не любитъ работать. Завернувшись въ свою капу, онъ предпочитаетъ стоять цѣлыми часами и курить одну за другой свои папиросы, которыя онъ свертываетъ тутъ же съ удивительной быстротой. Трудящійся человѣкъ не пользуется особеннымъ уваженіемъ кастильца; для него высшее наслажденіе „flema castillana" (кастильская флегма)—созерцательное ничегонедѣланіе. Поэтому нищенство, какъ способъ, не работая, добывать пропитаніе, не только не пользуется презрѣніемъ въ Испаніи, но даже считается довольно благороднымъ занятіемъ. Кастильскій нищій такой же гидальго (дворянинъ), какъ и прочіе; профессія его не унижаетъ. Существуютъ цѣлыя шайки, фабрикующія различныя уродства, особенно у дѣтей, для большаго привлеченія вниманія, главнымъ образомъ „этранжеро" (иностранца). Иностранецъ—это дойная корова Испаніи; съ него старается содрать всякій, кто можетъ. Это своего рода налогъ, который онъ долженъ платить за свое неиспанское происхожденіе.

Бургосскіе нищіе ужасны, отвратительны и назойливы настолько, что путь въ Бургосскій соборъ превращается въ путешествіе по Дантову аду: уродства, одно страшнѣе другого, ошеломляютъ на каждомъ шагу. Скрюченныя руки съ отвратительными язвами гніющіе рты, мокнущіе красные глаза, вывороченныя вѣки преслѣдуютъ, какъ страшное видѣніе. И тѣмъ большимъ констрастомъ на фонѣ этой неописуемой нищеты является грандіозный соборъ, съ ужасомъ взирающій на небо и землю.

Путь отъ Бургоса къ Мадриду нисколько не разнообразнѣе; только цвѣтъ почвы мѣняется, дѣлаясь рѣзче и принимая красноватый оттѣнокъ. Страна какъ будто залита

Крестьяне изъ Сеговіи.

кровью. Кое-гдѣ попадаются постройки изъ красноватой глины. Берега печальныхъ рѣкъ окрашены въ тотъ же цвѣтъ. Даже города, окруженные полуразвалившимися красно-желтыми стѣнами, похожи на изрытыя скалы. Унынiе царитъ повсюду. По мѣрѣ приближенiя къ Мадриду на горизонтѣ выступаетъ синяя цѣпь Гвадаррамы, отдѣляющая Старую Кастилью отъ Новой. Ея крутые массивные хребты подъ бѣлой шапкой снѣговъ нарушаютъ однообразiе пейзажа, но не оживляютъ и не согрѣваютъ его. Холодомъ вѣетъ отъ ея склоновъ. Въ ущельяхъ свиститъ вѣтеръ. Ледяное дыханiе несетъ съ собою смертельныя болѣзни.

Вблизи Эскуріала, построеннаго на склонахъ Гвадаррамы, испанская пустыня дѣлается еще безотраднѣе. Тощiя, растрепанныя сосны треплются на вѣтру; окрестности засыпаны каменнымъ дождемъ. Кругомъ хаосъ, зловѣщiй и печальный. Это—Испанiя Филиппа II. Отсюда блѣдный рыжеволосый фанатикъ-король правилъ одной изъ величайшихъ монархiй XVI ст. Эскуріалъ—дворецъ испанскихъ королей, въ одно и то же время и дворецъ, и монастырь, и огромный надгробный памятникъ. Это лучшая исторiя былого величiя Испанiи; здѣсь похоронены ея мощь и ея будущее, погибшее отъ пламени костровъ инквизиціи, религіознаго фанатизма, истощающихъ войнъ и губительной политики испанскихъ королей.

Эскуріалъ построенъ по плану желѣзной рѣшетки, на которой былъ замученъ св. Лаврентій, патронъ главнаго собора Эскуріала. Гранитная четырехугольная масса дворца изображаетъ рѣшетку; четыре массивныхъ съ свинцовыми крышами башни ножки рѣшетки. Въ Эскуріалѣ 16 нишъ, 80 лѣстницъ и около 11.000 оконъ. Фасадъ собора украшенъ шестью двухсаженными фигурами іудейскихъ царей. Передъ входомъ четырехметровая гранитная фигура св. Лаврентія съ желѣзной рѣшеткой, форму которой воспроизводитъ Эскуріалъ. Все громадно, какъ будто бы эта постройка предназначалась для великановъ. И рѣзкій контрастъ съ размѣрами дворца представляютъ сохранившіеся до сихъ поръ покои Филиппа II: это рядъ маленькихъ, низкихъ и тѣсныхъ, скудно, почти бѣдно обставленныхъ комнатъ. На выбѣленныхъ стѣнахъ никакихъ украшеній; мебель самая необходимая; нѣсколько стульевъ съ жесткимъ кожанымъ сидѣньемъ; узкая постель напоминаетъ ложе пустынника. Небольшія окна скупо пропускаютъ свѣтъ. Оттуда печальный видъ на Кастильскую пустыню. Среди этой угрюмой и жалкой обстановки настроенное воображенiе работаетъ болѣзненно и ярко. Невольно вспоминается судьба несчастнаго принца Карлоса, не такого, какимъ изображаетъ его намъ испанская живопись, болѣзненнаго, почти горбатаго, а такимъ, какого создалъ Шиллеръ.

Теперь Эскуріалъ служитъ усыпательницей испанскихъ королей. Легенда окружила это мѣсто печальнаго упокоенiя зловѣщей славой. Можетъ быть, канвой для нея послужила голая и унылая мѣстность, которая сохраняетъ свой колоритъ вплоть до самого Мадрида. Мѣстоположенiе испанской столицы выбрано тоже Филиппомъ II. Поразила ли его пламенная меланхолiя кастильской равнины, привлекла ли близость холодныхъ склоновъ Гвадаррамы, или можетъ быть политическое чутье подсказало ему избрать Мадридъ, расположенный почти въ центрѣ Кастильскаго плоскогорiя, но, во всякомъ случаѣ, былъ ли это капризъ или необходимость, испанская столица не можетъ похвастаться ни красотой мѣстоположенiя, ни здоровымъ климатомъ.

Особенностью Мадрида является совершенное отсутствiе предмѣстій: городъ сразу вырастаетъ на красноватой почвѣ Кастильской пустыни, какъ большой, остановившійся на отдыхъ караванъ. Деревьевъ мало. Чахлые сады на окраинѣ города заботливо обнесены каменными стѣнами. Мансанарресъ только весной заслуживаетъ названiя рѣки: въ остальныя времена года онъ наполовину высохшій ручей.

Мадридъ—городъ новый. За послѣдніе 70 лѣтъ онъ почти весь перестроенъ вновь большая часть церквей и монастырей снесена. Зданія XVII в. большая рѣдкость. Такимъ

образомъ онъ не представляетъ историческаго интереса, но зато, какъ центръ современной Испаніи, онъ и любопытенъ и поучителенъ.

Изученіе ея надо начать съ „Puerta del sol"—центральной площади Мадрида, въ которую, какъ въ море, радіусами изливается 12 главныхъ улицъ столицы. Puerta del sol не поражаетъ особой красотой; это обыкновенная полукруглая площадь съ мраморнымъ бассейномъ посрединѣ, гдѣ день и ночь шумитъ фонтанъ. По обѣимъ сторонамъ фонтана огромные канделябры съ электрическими фонарями, каменныя подножья которыхъ любимое мѣсто комиссіонеровъ, факторовъ и всякаго рода мелкихъ дѣльцовъ. Однообразные, простого стиля четырехэтажные дома, окрашенные въ свѣтло сѣрую краску, окружаютъ со всѣхъ сторонъ площадь, сюда же выходитъ министерство внутреннихъ дѣлъ, передъ окнами котораго разыгрывались почти всѣ мадридскіе pronunciamentos.

Крестьянка въ подвѣнечномъ уборѣ.

Puerta del Sol пріобрѣла всемірную извѣстность не красотою, а именно уличною жизнью: «Puerta del Sol», говоритъ Діонео: «не просто площадь, а въ одно и то же время оживленный салонъ, бульваръ, театръ, академія, садъ, рынокъ, мѣсто для фехтованія... Здѣсь торгуютъ, говорятъ о политикѣ, объясняются въ любви, гуляютъ, читаютъ газеты, охотятся за должниками, разыскиваютъ пріятелей, приготовляютъ демонстрацію противъ necio viliano (мерзавца), занимающаго какой - нибудь постъ въ кабинетѣ, здѣсь смакуютъ la chronique scandaleuse»... Словомъ, Puerta del Sol—это форумъ Мадрида; сюда съ ранняго утра стекается народъ и толчетъ цѣлый день, какъ у насъ на ярмаркѣ или на вербахъ. Придите сюда утромъ, здѣсь уже царитъ оживленіе: облокотившись на мраморные борта бассейна, стоятъ въ небрежныхъ граціозныхъ позахъ аквадоры (продавцы воды) въ своихъ живописныхъ широкихъ куртках, темныхъ шароварахъ и гетрахъ, съ кувшинами за спиной. У подножія электрическихъ канделябръ заключаются и расторгаются сдѣлки. Среди летящихъ конокъ снуютъ продавцы газетъ, лотерейныхъ билетовъ, цвѣтовъ, вѣеровъ, спичекъ, сластей, фруктовъ и т. п.

сплошной толпой; здѣсь и знаменитыя мадридскія красавицы, и видный политическій дѣятель, и благодушный патеръ рядомъ съ заштатнымъ чиновникомъ, недовольнымъ существующимъ порядкомъ и жаждущимъ перемѣнъ.

Черезъ площадь безпрестанно проходятъ маленькіе крутоносые, словно игрушечные солдатики, гордые гидалью, завернувшись въ капу и надвинувъ шляпу до глазъ, стоятъ въ мрачной задумчивости; иногда высунется тонкая желтая рука, быстро скрутитъ папиросу, и опять безмолвіе статуи командора. Но стоитъ лишь раздаться крику газетчика, возвѣщающему о выходѣ экстреннаго выпуска газеты съ рѣчью какого-нибудь популярнаго оратора, какъ безстрастное лицо кабалеро дѣлается почти безумнымъ, и рука съ жадностью хватаетъ, развертываетъ и комкаетъ газету. Испанцы, въ особенности кастильцы — страстные политики. Они всѣ приверженцы какой-нибудь политической партіи, которыхъ въ Испаніи безчисленное количество, и, конечно, ярые противники всѣхъ остальныхъ. Надо видѣть испанца во время политическаго спора, чтобы понять его страстную, южную натуру: лицо пылаетъ, глаза мечутъ молніи, кулаки сжимаются. Для уничтоженія политическаго противника онъ не жалѣетъ красокъ, возвышаясь нерѣдко до истиннаго поэтическаго вдохновенія: человѣку, не привыкшему къ горячему краснорѣчію южанина, этотъ стиль можетъ показаться слишкомъ вычурнымъ и даже театральнымъ, между тѣмъ упрекнуть испанца въ разсчитанной эффектности его рѣчей невозможно. Но испанецъ остываетъ такъ же быстро, какъ и возбуждается: порывъ прошелъ, страсти утихли, и испанецъ замолкаетъ, дѣлается вялъ, безучастенъ, впадая въ обычное состояніе меланхолической сосредоточенности.

Торрера.

„Ни въ одной европейской столицѣ день не начинается такимъ радостнымъ и возбуждающимъ утромъ, какъ въ Мадридѣ“, говоритъ П. Головачевъ. „Золотыя стрѣлы солнца проникаютъ сквозь отверстія опущенныхъ жалузи, и чрезъ легкія окна-двери въ комнату доносится пріятная утренняя симфонія начавшагося мадридскаго дня, подъ звуки которой такъ сладко мечтается въ полудремотѣ. Издали льется чистый серебристый звукъ церковнаго колокола; внизу гремятъ бубенчики муловъ, медленно тянущихъ огромные двухколесные воза съ кладью; разносчики кричатъ: „Горные кролики!“, „Земляника изъ Аранхуэса“, „Imparcial!“, „Liberal!“, „Pais!“ Слѣпой нищій уже поетъ подъ звуки гитары.

Звуки поднимаются снизу, отражаются отъ стѣнъ высокихъ домовъ, переплетаются и проникаютъ въ комнату въ видѣ сложной пріятной симфоніи. Но вотъ окна открыты; солнце, отъ котораго невольно закрываются глаза сѣверянина, проникаетъ въ самые отдаленные углы комнаты; гортензіи и красныя гвоздики распустились и смотрятъ такъ весело и привѣтливо; на безоблачномъ небѣ рѣзко выдѣляются красноватые фестоны колоколенъ. Шумный и живописный мадридскій день начался, и давно уже проснулась Puerta del Sol.

Знаменитая Puerta del Sol и теперь представляетъ собою такой же центръ мадридской жизни, такое же сердце Мадрида, какъ и въ самыя отдаленныя эпохи существованія испанской столицы. Эта сравнительно небольшая площадь неправильной формы, обставленная не очень высокими и не очень красивыми зданіями, представляетъ собою какъ бы огромную залу, въ которой можно встрѣтить представителей рѣшительно всѣхъ слоевъ мадридскаго населенія. Съ ранняго утра до поздней ночи Puerta del Sol переполнена народомъ, съ часа до 3-хъ сравнительно пустѣетъ, но между 6-ю и 8-ю часами вечера оживленіе на площади достигаетъ наибольшихъ размѣровъ. Огромныя толпы народа постоянно приливаютъ на площадь изъ впадающихъ въ нее восьми или десяти улицъ. Шумная, живописная толпа постоянно кипитъ на Puerta del Sol: бритые патеры въ черныхъ мантіяхъ, переброшенныхъ черезъ плечо, болѣе или менѣе оборванные golfus и golfas, продающіе газеты, цвѣты, вновь появившіяся игрушки, осанистые господа въ цилиндрахъ и черныхъ сюртукахъ отъ очень хорошихъ портныхъ, молоденькія горничныя и кухарки, военные въ своихъ отрепанныхъ форменныхъ костюмахъ, строгія дамы въ черномъ и въ мантильяхъ съ молитвенниками въ рукахъ, дѣвочки въ бѣломъ съ длинными бѣлыми вуалями изъ газа (послѣ перваго причащенія), дамы, одѣтыя по послѣдней модѣ, ветхія старушки,—все это смѣшано въ самомъ живописномъ безпорядкѣ, держится совершенно свободно и ловко, не задѣвая другъ друга и не толкаясь. Тутъ же на мостовой разносчики сортируютъ только-что вышедшія газеты, иногда ползаютъ ребятишки продавщицъ газетъ и цвѣтовъ, а иногда и спятъ, растянувшись у стѣны. Ребятишекъ всѣхъ возрастовъ можно встрѣтить и въ 10, и въ 11 часовъ вечера. Въ каждый данный моментъ по площади движется не менѣе десяти электрическихъ вагоновъ въ разныхъ направленіяхъ, проѣзжаютъ омнибусы, автомобили испускаютъ свой единственный звукъ: «тафъ, тафъ, тафъ», тянутся громадныя двухмѣстныя арбы съ кладью, запряженныя или парой огромныхъ неповоротливыхъ воловъ, или тройкой муловъ гуськомъ съ осликомъ впереди, какъ наиболѣе понятливымъ животнымъ; ослики подъ верхомъ, съ зеленью, цвѣтами или съ какимъ-нибудь грузомъ,—все это ухитряется двигаться, не сталкиваться и продолжать свой путь. Странно видѣть послѣднее слово техники, автомобиль, рядомъ съ вереницей муловъ или пару тяжелыхъ воловъ, шагающихъ по тѣмъ же рельсамъ, по которымъ только-что прокатился электрическій вагонъ. Даже на такой страшно оживленной улицѣ, какъ Монтера, шириной въ 20 шаговъ, вагоны, автомобили, волы, ослы, люди движутся свободно, не сталкиваясь, безъ ссоръ, криковъ, брани, которые были бы неизбѣжны въ такой тѣснотѣ при нашихъ нравахъ.

Между 6-ю и 8-ю часами вечера водоворотъ экипажей на площади увеличивается каретами и колясками мадридской аристократіи, очень красивыми на чудныхъ лошадяхъ. По субботамъ королевское семейство проѣзжаетъ черезъ площадь по традиціонной Salve въ церковь Buen Suceso, не возбуждая въ публикѣ никакихъ иныхъ чувствъ, кромѣ вѣжливаго любопытства. Цвѣты и фонтаны придаютъ особенную оригинальность мадридскимъ улицамъ и площадямъ. Май, «мѣсяцъ Маріи», мѣсяцъ цвѣтовъ, усыпаетъ гвоздиками и резедами площади и улицы Мадрида. На перекресткахъ маленькихъ улицъ возвышаются цѣлые кіоски изъ цвѣтовъ, по всѣмъ направленіямъ проходятъ, словно подвижныя картины, ослики, нагруженные цвѣтами. Цвѣты наполняютъ алтари церквей. Недаромъ поэтъ Кампоаморъ назвалъ Кастилью „родиной чести и цвѣтовъ“. Особенно любятъ цвѣты мадридскія женщины. Мѣстные поэты говорятъ, что они понимаютъ „душу цвѣтовъ“, которые представляются имъ „улыбкой природы“. Огромныя яркія розы прячутся въ черныхъ волосахъ мадриненокъ, красивыми пятнами выдѣляются на ихъ черныхъ корсажахъ; букетъ цвѣтовъ въ рукахъ мадриненки — обычное явленіе. Любовь мадриненокъ къ цвѣтамъ ведется изстари и пережила старинную привязанность къ мантильямъ и черному цвѣту. Только въ Страстную пятницу на всѣхъ мадриненкахъ

черныя мантильи, а въ первый день открытія сезона для баловъ—бѣлыя. Модныя шляпы вытѣснили мантилью, которая впрочемъ долго еще будетъ существовать въ простомъ народѣ. Старая традиція,—ограничивать участіе женщинъ въ общественной жизни,—введенная сначала арабами, а потомъ поддержанная католическою церковью, сохранилась еще въ полной силѣ даже въ Мадридѣ: въ кафэ, ресторанахъ, лавкахъ, на телеграфѣ, на почтѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ—всюду одни мужчины. Если случайно въ приличное кафэ входитъ женщина, это—уже событіе. На мгновеніе прекращаются разговоры о Сильвелѣ, Кананехасѣ, предстоящемъ боѣ быковъ, послѣднемъ засѣданіи кортесовъ,—всѣ оборачиваются и смотрятъ на вошедшую. Часовъ съ 12-ти до поздней ночи мадридскія кафэ переполнены народомъ, особенно на Puerta del Sol и въ ближайшихъ улицахъ. Въ открытыя окна виденъ безконечный рядъ столиковъ съ бѣлыми мраморными досками, за которыми сидятъ caballeros цѣлыми группами, медленно распивая какой-нибудь дешевый прохладительный напитокъ.

Страшныя и продолжительныя лѣтнія жары въ Мадридѣ развили тамъ цѣлую сложную науку приготовленія различныхъ прохладительныхъ и мороженыхъ. Различные heladus (мороженыя) и vefrescos (прохладительныя) нигдѣ не приготовляются лучше, чѣмъ въ Мадридѣ. Спросивъ себѣ чего-нибудь на 15 коп., caballero сидитъ въ кафэ часа два—три, не уставая любоваться пестрою картиной движенія и жизни, постоянно развертывающейся передъ его глазами въ широкія, открытыя окна кафэ. Только при огромной массѣ посѣтителей и возможно, чтобы кафэ процвѣтали, такъ какъ каждый посѣтитель оставляетъ въ кафэ не больше 15—20-ти коп. Множество праздниковъ и вообще свободнаго времени способствуетъ постоянному переполненію кафэ посѣтителями. Въ Испаніи убѣждены, что постоянный, регулярный, непрерывный трудъ вреденъ для здоровья и служитъ причиной многихъ болѣзней. „Трудись и получишь награду,—говоритъ испанская пословица,—но, можетъ-быть, и не получишь". Всякій порядочный человѣкъ въ Мадридѣ свободенъ отъ работы по крайней мѣрѣ 119 дней въ году: бой быковъ, наступленіе кризиса кабинета, майскіе праздники, какая-нибудь опасная уличная манифестація,—все служитъ причиной уклоненія отъ занятій, особенно въ присутственныхъ мѣстахъ. Въ часъ дня чиновники расходятся по домамъ обѣдать, и тѣ изъ нихъ, кто стоитъ повыше на іерархической лѣстницѣ, частенько совсѣмъ не возвращаются на службу".

«Въ дѣлѣ гулянья испанцы никому не уступятъ», сказалъ одинъ русскій путешественникъ: «Въ Мадридѣ то и дѣло, что весь городъ день деньской слоняется по улицѣ: слоняются и курятъ»...

„Нищенство въ Мадридѣ развито въ огромныхъ размѣрахъ и принимаетъ различныя формы. Не разъ издавались приказы объ искорененіи нищенства; начинаютъ регистрировать нищихъ, и оказывается, что 40% изъ нихъ—дѣти мелкихъ служащихъ и portiers мадридскихъ домовъ. „Все, кромѣ работы",—испанская и главнымъ образомъ мадридская теорія. Издаетъ какой-нибудь авторъ новую книгу, которая не идетъ,—сейчасъ обращается въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой о покупкѣ изданія; открывается театръ,—и импрессаріо заваленъ просьбами о даровыхъ мѣстахъ; наступаетъ лѣто,—и управленія желѣзныхъ дорогъ осаждаются просьбами о скидкахъ и даровыхъ билетахъ,—и не третьяго, а второго и перваго классовъ. Нищіе, безногіе, безрукіе, ползающіе, стоящіе на колѣняхъ, возимые въ телѣжкахъ, постоянно обращаютъ на себя вниманіе публики. Общественная благотворительность такъ плохо организована въ Мадридѣ, что даже, очевидно, безпомощные калѣки не находятъ себѣ пріюта. Въ холодныя ночи подъѣзды общественныхъ зданій переполнены людьми, не имѣющими пристанища и старающимися согрѣться, плотно прижимаясь другъ къ другу. Но если въ Мадридѣ, какъ вообще во всей Испаніи, бѣдный людъ находитъ мало организованной поддержки, правительственной и общественной, то съ другой стороны, онъ не встрѣчаетъ препятствій пріі-

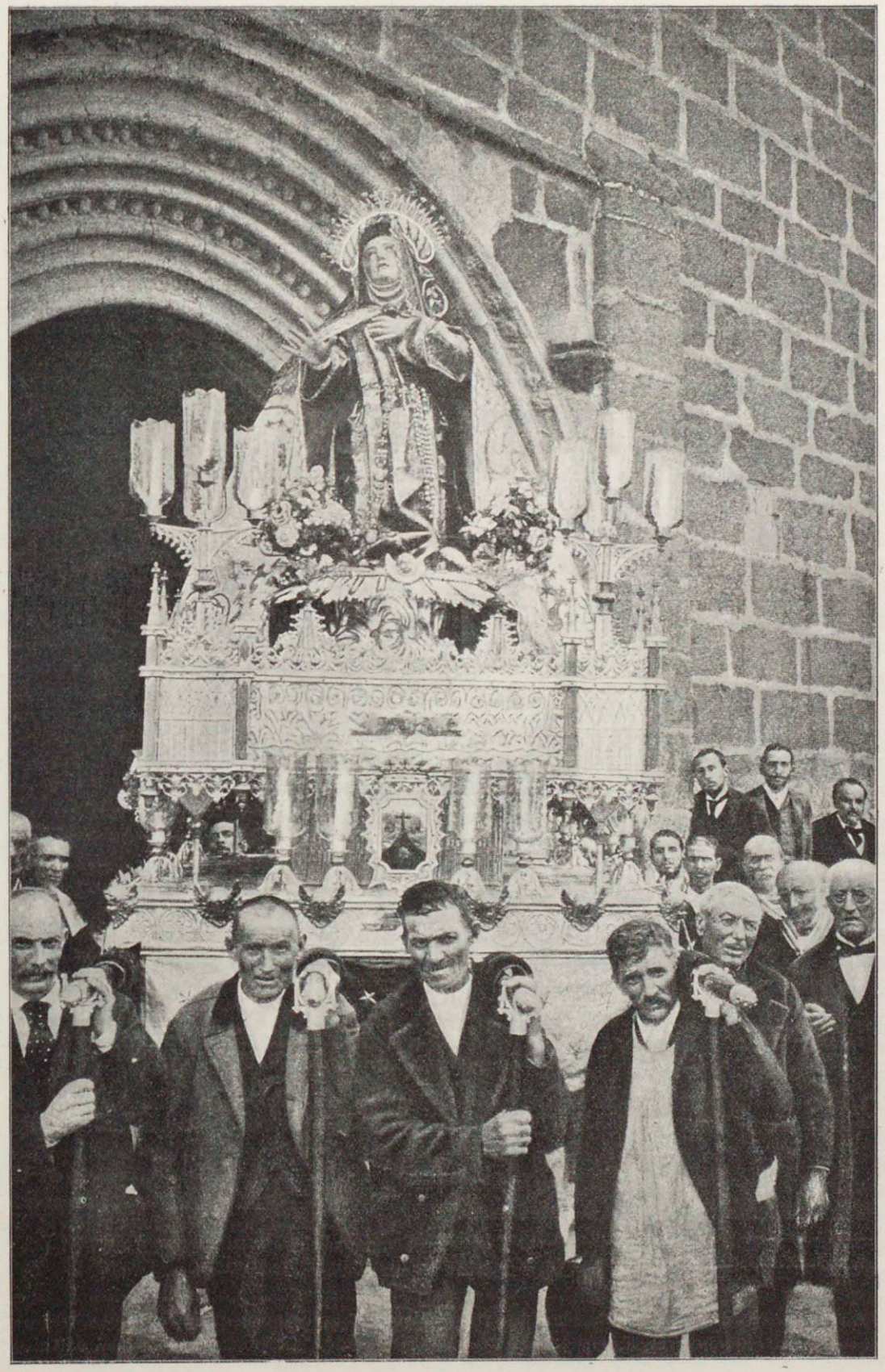
обрѣтать себѣ насущный хлѣбъ, какъ знаетъ и умѣетъ, конечно, не вредя другимъ. Не разъ мы видѣли, какъ на узенькомъ тротуарѣ какой-нибудь лучшей улицы Мадрида располагался цѣлый бродячій оркестръ изъ піанино, контрабаса, скрипки и тарелокъ и собиралъ многочисленную публику. Слѣпые гитаристы свободно распѣваютъ свои coplus подъ окнами мадридскихъ домовъ. Городовые,—gvardia municipal,—вовсе не считаютъ нарушеніемъ порядка, если цѣлое бѣдное семейство расположится завтракать подъ густымъ деревомъ на Алькальской улицѣ, центральной въ Мадридѣ, или въ тѣни монументальныхъ воротъ на площади Независимости. Кому, въ самомъ дѣлѣ, можетъ помѣшать бѣдный человѣкъ, расположившись въ подобныхъ мѣстахъ со своимъ виномъ и завтракомъ? Но и бѣдный человѣкъ въ свою очередь никогда не произведетъ дѣйствительнаго нарушенія порядка. Эта патріархальность придаетъ еще болѣе живописности испанскимъ городамъ. Несмотря на всю свою неразвитость въ умственномъ отношеніи испанская масса въ общественной уличной жизни не оскорбляетъ зрѣнія и слуха ничѣмъ дѣйствительно неприличнымъ, умѣетъ держать себя просто, свободно, съ замѣчательнымъ тактомъ. Въ этомъ отношеніи въ ней нѣтъ ничего общаго съ дикой толпой русскихъ городовъ, тѣмъ болѣе, что пьяныхъ въ русскомъ смыслѣ тамъ нѣтъ совсѣмъ. Отсутствіе всякихъ ненужныхъ формальностей замѣтно и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Испаніи“ [1]).

Но какъ солнце отражается въ каплѣ воды, точно также и Мадридъ только отражаетъ собой въ миніатюрѣ всю Кастилью. Не одни мадридцы «слоняются, курятъ» и, прибавлю,—краснобайствуютъ; этимъ занимается вся Кастилья, одурманивая себя табакомъ и политическимъ краснорѣчіемъ и забывая за великолѣпными фразами о реальныхъ нуждахъ своей страны. А между тѣмъ эти нужды огромны: не смотря на свои неисчислимыя природныя богатства Испанія совершенно обнищала; почти вся ея промышленность и торговля находятся въ рукахъ иностранцевъ—англичанъ, французовъ и нѣмцевъ. Иностранный капиталъ эксплоатируетъ ея рудники, ея виноградники, ея почву. Ея неисчерпаемыя естественныя богатства большею частью въ сыромъ видѣ вывозятся за границу. Исключеніе представляетъ лишь Каталонія, гдѣ промышленный прогрессъ быстро идетъ впередъ. Испанскіе чиновники или республиканцы, или радикалы, словомъ открытые сторонники самыхъ лѣвыхъ партій, а между тѣмъ взяточничество и воровство процвѣтаютъ среди нихъ такъ пышно, какъ ни въ одномъ западно европейскомъ государствѣ. Невѣжество народа поразительное. Воспитаніе дѣтей до сихъ поръ отчасти въ рукахъ католическаго патера, который, несмотря на замѣтное ослабленіе религіозности, очень прочно утвердился у семейнаго очага испанца. Но и здѣсь наблюдаются контрасты: въ испанской начальной школѣ на первый планъ поставлено не развитіе познавательныхъ способностей учащихся, а преимущественно усвоительныхъ—запоминанія; требуется усвоить извѣстную сумму свѣдѣній очень твердо и при случаѣ изложить ихъ по извѣстной системѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Такъ какъ учебныя книги въ школахъ составлены различными авторами, то и обычно такое явленіе, что если ученикъ получаетъ вопросъ не въ знакомой ему формѣ, а по другой учебной книгѣ, то затрудняется въ отвѣтѣ. Вообще на умственное развитіе въ широкомъ смыслѣ въ испанской народной школѣ обращается мало вниманія.

Положеніе испанскаго народнаго учителя твердо и опредѣленно. Онъ — полный хозяинъ въ своей школѣ, преподаетъ въ ней все, не исключая и Закона Божія. Отъ священника онъ совершенно независимъ, но обязанъ руководить церковнымъ хоромъ; независимъ онъ и отъ мѣстнаго алькальда. Не боится онъ обвиненія въ политической неблагонадежности, потому что такого понятія теперь уже не существуетъ въ Испаніи. Учитель можетъ быть открытымъ республиканцемъ и свободно касаться всѣхъ полити-

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“.

Процессія со статуей св. Терезы.

ческихъ вопросовъ,—конечно, не при исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей. У учителя только одно начальство—инспекторъ, да и то отдаленное. Такъ какъ испанскія дѣти по природѣ очень сдержанны и благовоспитанны, то учителю нетрудно поддерживать порядокъ въ классѣ, несмотря на ихъ большое количество, и не приходится прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. Тѣлесныя наказанія отсутствуютъ совершенно. Дешевыхъ популярныхъ книгъ для народнаго чтенія въ нашемъ смыслѣ въ Испаніи почти не существуетъ; книга при полной свободѣ печати и распространенія не вноситъ въ народную массу полезныхъ знаній. Только анархисты и соціалисты печатаютъ очень дешевыя брошюрки съ изложеніемъ своихъ взглядовъ и идей. Низкій уровень положительныхъ знаній въ народной массѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ нѣкоторыхъ университетовъ, и они предположили организовать общедоступные курсы естественныхъ и общественно-политическихъ наукъ. До сихъ поръ это осуществилось лишь въ одномъ Овіедо. Хотя не существуетъ правилъ, запрещающихъ женщинамъ посѣщать университетъ, однако нѣтъ и желающихъ. Испанская женщина еще спитъ глубокимъ умственнымъ сномъ.

Мадридъ, какъ извѣстно, расположенъ въ Новой Кастильѣ. Разсказывать о послѣдней—это повторять то же, что было сказано о Старой. Повсюду удручающее уныніе и безплодность выжженныхъ солнцемъ пустынь. Эта безплодность достигаетъ предѣловъ въ Ла-Манчѣ, про которую сложилась поговорка, что въ Ла-Манчѣ человѣкъ родится и умираетъ, ни увидавъ ни одного дерева, а жаворонокъ, чтобы пролетѣть ее, долженъ захватить съ собой корму. Среди этихъ безплодныхъ пустынь блуждалъ Рыцарь Печальнаго Образа со своимъ вѣрнымъ Санхо-Панса. Столѣтія прошли со времени созданія геніальнаго произведенія, а современный испанецъ все тотъ же вѣчный Донъ-Кихотъ, неисправимый мечтатель и фантазеръ, готовый сражаться съ мельницами и совершать рыцарскіе подвиги, но не способный разобраться въ своихъ собственныхъ неурядицахъ.

Не менѣе печальный видъ, чѣмъ Ла-Манча, имѣетъ сосѣдняя съ Новой Кастильей Эстремадура, одна изъ самыхъ пустынныхъ провинцій Испаніи. Селенія рѣдки; изрѣдка попадется крестьянинъ, ковыряющій первобытнымъ плугомъ безплодную выжженную землю. Земледѣліе въ Испаніи стоитъ очень низко, несмотря на то, что составляетъ главное занятіе жителей. Высказываются даже взгляды, что оно теперь ниже, чѣмъ было нѣсколько столѣтій назадъ—при маврахъ! До сихъ поръ около 30% земли остается необработанной. Земледѣльческая культура въ самомъ печальномъ состояніи. Деревни въ сѣверной и центральной части страны имѣютъ чахлый, унылый видъ. Обыкновенно деревню пересѣкаетъ широкая шоссированная дорога, отъ которой на обѣ стороны прихотливо вьются узенькія улички, обставленныя новенькими домиками въ одинъ—два этажа, построенными или изъ сѣраго камня, или изъ почти чернаго плитняка, съ крышами изъ красной черепицы. Домики тѣсно жмутся другъ къ другу, очень рѣдко отдѣляясь высокими каменными заборами. Тѣсные дворики окружены хозяйственными постройками (corrales). Улицы и дворики по большей части вымощены, хотя довольно плохо. Нигдѣ не видно ни деревца ни кустика, которые радовали бы глазъ. Всюду камень, сѣрый, темный, темно-краснаго цвѣта. На всемъ лежитъ отпечатокъ суровости, какого-то уныніе. Непривѣтливо смотрятъ на улицу неправильно пробитыя окна съ желѣзными рѣшетками. На краю деревни чуть-чуть приподнимается старая приземистая церковь, вся темно-сѣрая, съ невысокой четыреугольной колокольней. Сосѣднія деревни построены почти исключительно изъ темнаго плитняка, что́ придаетъ имъ еще болѣе суровый видъ. Деревня со всѣхъ сторонъ окружена пашнями и рощицами плодовыхъ деревъ и дубовъ. Чисто кастильскій сельскій пейзажъ.

Въ костюмахъ всѣхъ мужчинъ и почти всѣхъ женщинъ преобладаютъ темные цвѣта. Мужчины — въ черныхъ широкополыхъ шляпахъ, въ черныхъ короткихъ курткахъ, въ

узкихъ штанахъ, запущенныхъ въ узкую высокую обувь; у многихъ подъ курткой коричневая или черная шаль, обернутая вокругъ туловища въ видѣ жилета. Женщины—въ коричневыхъ и темно-зеленыхъ суконныхъ юбкахъ, на которыхъ нашито узорами черное сукно; у многихъ на головахъ мантильи,—не тѣ воздушныя кружевныя мантильи, въ которыхъ у насъ привыкли представлять себѣ испанокъ, а тяжелые капюшоны изъ чернаго сукна, похожіе на монашескіе. Замѣтно что-то общее между костюмами, суровымъ серьезнымъ видомъ жителей и характеромъ и цвѣтомъ ихъ жилищъ. Многія женщины повязаны подъ подбородокъ платочками темныхъ цвѣтовъ и перекрещивающимися на груди шалями темнаго, желтаго и другихъ яркихъ цвѣтовъ. Шали у испанокъ всегда пестры и ярки.

Испанію нельзя назвать ни страной крупнаго, ни страной мелкаго земледѣлія; то и другое въ ней есть, встрѣчаются и переходныя формы; въ нѣкоторыхъ областяхъ какая-нибудь форма преобладаетъ, какъ напримѣръ въ Андалузіи—крупное землевладѣніе, а въ Галиціи мелкая собственность.

Въ VIII вѣкѣ Испанія была завоевана арабами. Переправившись изъ Африки, они прежде всего заняли югъ Испаніи, Андалузію, затѣмъ постепенно распространили свою власть на весь полуостровъ. Въ половинѣ VIII в. среди враждующихъ арабскихъ вождей выдвинулся Абдуррахманъ изъ династіи Омайядовъ, положившій основаніе знаменитому впослѣдствіи Кордовскому халифату. Религіозная терпимость арабовъ, поощреніе промышленности, наукъ и искусствъ сдѣлали Кордовскій халифатъ однимъ изъ богатѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ государствъ того времени, а Кордову центромъ всей умственной жизни полуострова. Особенной славы и блеска Кордова достигла въ X столѣтіи при халифѣ Абдуррахманѣ III, когда въ столицѣ Кордовскаго халифата насчитывалось до полумилліона жителей, больше ста тысячъ домовъ и множество прекрасныхъ дворцовъ и мечетей. Широкая терпимость и гуманность царствовали при кордовскомъ дворѣ. Государственныя должности были открыты не только для испанцевъ, но даже для всюду гонимыхъ евреевъ. Кордовскій университетъ, знаменитѣйшій въ Европѣ, привлекалъ толпы ученыхъ всего свѣта, встрѣчавшихъ самый радушный пріемъ при дворѣ халифовъ, руководившихся девизомъ, что „чернила ученаго не менѣе священны, чѣмъ кровь мученика“.

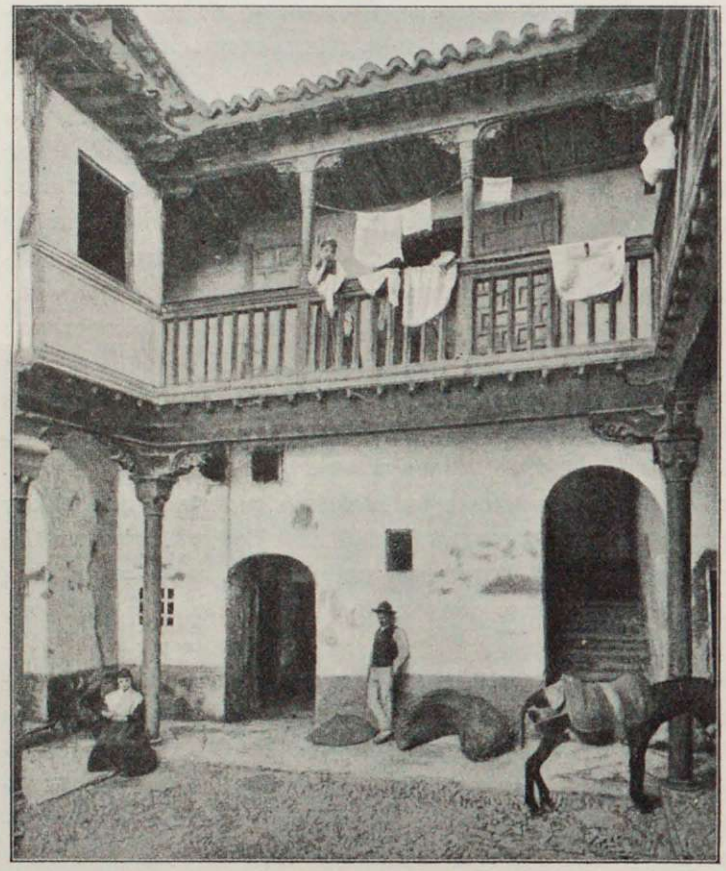
Результатомъ этой мудрой политики явился небывалый расцвѣтъ народнаго благосостоянія на югѣ Испаніи: Андалузія превратилась въ прекрасный рай. Въ одной области Гвадалкивира насчитывалось до 12.000 населенныхъ мѣстъ. Земледѣліе достигло высокой степени развитія. Знаменитыя андалузскія сукна, кожи и шелковыя ткани прославились по всей Европѣ, и въ мастерской одной только Севильи, по словамъ современниковъ, работало до 100.000 рабочихъ.

Но благосостояніе Андалузіи пало вмѣстѣ съ паденіемъ арабскаго господства. Въ 1233 г. христіанами были завоеваны Кордова, Севилья и Кадиксъ, а 2 янв. 1492 г. пала Гранада—послѣдній оплотъ мавровъ. Золотые дни Андалузіи миновали. Католическіе короли, въ противоположность широкой религіозной терпимости мавровъ, проявили самый узкій и непримиримый фанатизмъ. Въ 1480 г. въ Севильѣ былъ учрежденъ первый трибуналъ инквизиціи, возстановленной въ помощь католическимъ королямъ не только для уничтоженія ереси и преслѣдованія нехристіанъ, но и для увеличенія государственныхъ доходовъ путемъ конфискаціи имуществъ осужденныхъ. Въ теченіе перваго же года дѣятельности трибунала было сожжено 298 человѣкъ; за періодъ отъ 1481—1498 г. погибло на кострѣ около 8.000 человѣкъ, подверглось конфискаціи имущества—90.000 ч. Но святая инквизиція находила, что дѣло религіознаго очищенія Испаніи подвигается слишкомъ медленно: въ 1492 г. изъ предѣловъ государства были изгнаны всѣ евреи,—около 160.000 ч., въ 1502 г.—мавры и наконецъ черезъ столѣ-

тіе, въ 1609 г., принуждены были, по указу, оставить страну и мориски,—крестившіеся мавры.

Изгнаніе мавровъ, морисковъ и евреевъ, составлявшихъ болѣе 3 милліоновъ населенія и притомъ самаго образованнаго, трудолюбиваго и богатаго, принесло непоправимый вредъ андалузскому земледѣлію, промышленности и торговлѣ: прекрасный край, знаменитый своимъ плодородіемъ и цвѣтущимъ видомъ селеній, превратился въ печальную пустыню. Этому способствовали и новыя формы землевладѣнія, т. к. конфискованныя земли осужденныхъ переходили въ руки испанскихъ грандовъ, и въ результатѣ нерѣдко громадныя пространства земли оказывались во владѣніи одной фамиліи.

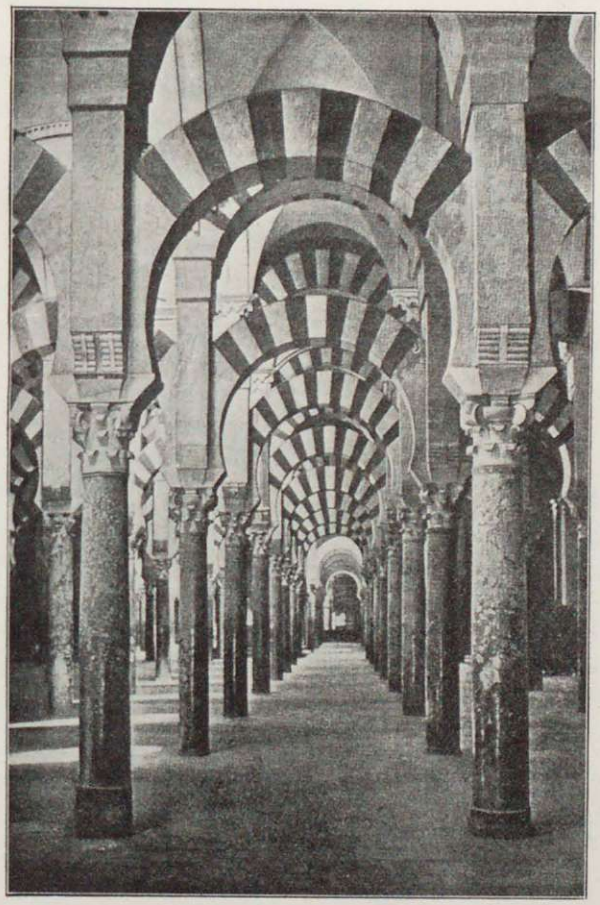
Вся своеобразная богатая культура мавровъ погибла, съ истиннымъ вандализмомъ уничтоженная испанцами. Прекрасные, полные солнца дворцы были разрушены, и на мѣстѣ ихъ выросли мрачные католическіе монастыри. Однако даже фанатическіе испанцы не рѣшились разрушить нѣкоторые произведенія арабской архитектуры, и они стоятъ до сихъ поръ прекраснымъ памятникомъ своеобразной эпохи. Вторымъ напоминаніемъ о ней остается типъ современнаго андалузца, въ удлиненномъ разрѣзѣ глазъ котораго и смуглости кожи чувствуется потомокъ мавра. Этотъ типъ настолько рѣзко отличается отъ кастильскаго, что едва путешественникъ перевалитъ черезъ Сіерра Морену, онъ попадаетъ совсѣмъ въ иную страну: насколько Кастилья представляетъ собою Испанію Филиппа II, настолько же Андалузія—царство мавровъ. Этому впечатлѣнію помогаетъ и характеръ мѣстности, принимающій за Сіерра-Мореной африканскій колоритъ; безобразныя оливковыя деревья разнообразятся кустами алоэ съ бирюзовыми мясистыми листьями; апельсинныя и лимонныя рощи смѣняются кактусами, финиковыми пальмами, магноліями, бананами и т. п.

Внутренній дворъ дома (patio) въ предмѣстьѣ Гранады.

Первый андалузскій городъ, заслуживающій вниманія по пути изъ Мадрида, несомнѣнно, Кордова, бывшая столица великолѣпнаго Кордовскаго халифата. Кордова совершенно восточный городъ съ узкими улицами и бѣлыми безъ балконовъ и оконъ домами. Въ открытыя двери можно разглядѣть нарядныя patio (внутренніе дворы) со множествомъ цвѣтовъ и фонтаномъ посрединѣ. Мостовыя Кордовы настолько скверны, что невольно является вопросъ, мостили ли ихъ со времени изгнанія мавровъ, городъ погруженъ въ безмолвіе. Кажется, что вѣка прошли

не коснувшись его, что мавры никогда не покидали Кордовы и сейчасъ появется въ своихъ чалмахъ и расшитыхъ халатахъ. Невыносимый зной дѣлаетъ пребыванье на улицѣ мучительнымъ. Изъ всѣхъ достопримѣчательностей, которыми она гордится, наибольшій интересъ представляетъ знаменитая Кордовская мечеть. Исторія этой мечети теряется въ глубинѣ вѣковъ: при Августѣ, во времена владычества римлянъ, это былъ храмъ, посвященный Янусу; при готахъ—онъ былъ посвященъ Св. Георгію; послѣ завоеванія Кордовы арабами Абдуррахманъ на развалинахъ храма построилъ знаменитую мечеть, наконецъ, послѣ разгрома Кордовы испанцами, король Фердинандъ превратилъ мечеть въ храмъ Успенія Пресвятой Богородицы. При Карлѣ V центральная часть мечети была выломана, и на мѣстѣ ея построенъ громоздкій соборъ въ готическомъ стилѣ. Соборъ великолѣпенъ самъ по себѣ, но на фонѣ своеобразной арабской архитектуры выступаетъ непріятнымъ темнымъ пятномъ. Снаружи Кордовская мечеть не поражаетъ: мавританскіе строители преднамѣренно не обращали вниманія на внѣшность, приберегая весь жаръ, всю капризную изобрѣтательность своей фантазіи для внутренней отдѣлки. Зато послѣдняя и ослѣпляетъ, и ошеломляетъ. Сразу вступаешь въ лѣсъ граціозныхъ колоннъ—желтыхъ, зеленоватыхъ, какъ морская волна, голубыхъ, пестрыхъ — изъ разноцвѣтнаго мрамора, яшмы и порфира. Каждая пара колоннъ, выростающая прямо изъ земли, какъ дерево, безъ пьедестала несетъ на себѣ полукруглую подковою арку, бѣлую съ краснымъ, кокетливую, смѣлую и изящную; надъ ней повыше подымается вторая арка; колонны, поддерживающія ихъ, кажутся не слишкомъ высокими, но удивительно тонкими и изящными. Глазъ теряется среди нихъ, какъ въ лѣсу, колонны въ свою очередь исчезаютъ въ туманной дали; ихъ насчитываютъ теперь до 860, а прежде до постройки храма болѣе 1200: „однѣ изъ нихъ желобчатыя и витыя, другія шероховатыя, какъ пальмы, узловатыя, какъ бамбукъ или гладкія, какъ бананъ“. Подъ арками нѣжный полусумракъ, маленькія окна скупо пропускаютъ свѣтъ. Это безмолвіе, полусвѣтъ и мягкіе переливы убѣгающихъ колоннъ создаютъ особое религіозное настроеніе: въ торжественной тишинѣ чувствуется присутствіе Бога. Время однако не пощадило дивнаго памятника мавританскаго искусства: арабески кое-гдѣ осыпались. Наиболѣе сохранился mirhab—„часовня созерцанія“, съ окномъ, обращеннымъ на востокъ, къ Меккѣ. Здѣсь арабы предавались религіозному созерцанію. Мирхабъ тонетъ въ изящнѣйшихъ арабескахъ, капризная красота которыхъ долгое время была безжалостно скрыта подъ ординарными орнаментами христіанскихъ архитекторовъ. Въ арабскихъ мечетяхъ нѣтъ иныхъ украшеній, кромѣ арабесокъ, мозаики и священныхъ изреченій, начертанныхъ прямо на стѣнахъ; причина этого коренится въ самомъ характерѣ ислама: основатель религіи, призвавшій арабовъ къ единобожію, такъ боялся возвращенія

Внутренность мечети въ Кордовѣ.

ихъ къ идолопоклонству, что запретилъ имъ изображеніе птицъ, людей и звѣрей. Поэтому у испанскихъ арабовъ, несмотря на блестящій расцвѣтъ искусства, живопись въ нашемъ смыслѣ совершенно не развилась. Сдерживаемая суровымъ религіознымъ запретомъ богатая фантазія мавра обратилась къ арабескамъ и создала здѣсь чудеса лѣпного искусства, тѣ граціозные клубки то свивающихся, то развивающихся нитей, отъ мягкихъ перевивовъ которыхъ вѣетъ поэзіей сдерживаемой страсти и восточной лѣнью.

Цыганъ изъ Гранады.

Кордова стоитъ на Гвадалкивирѣ, воспѣтомъ многими поэтами: это единственная андалузская рѣка, судоходная на значительномъ разстояніи: небольшія морскія суда подымаются по Гвадалкивиру и, благополучно обогнувъ песчаныя отмели, доходятъ до Севильи, расположенной километрахъ въ 100 отъ моря.

Севилья—городъ поэтическихъ воспоминаній, но путешественнику, ожидающему отъ него красотъ,—опять придется разочароваться: Севилья стоитъ среди широкаго поля, окруженнаго древними мавританскими стѣнами; узкія, восточнаго типа неровныя улицы, бѣлыя дома съ внутренними двориками—patio,—все это уже знакомо по Кордовѣ. Хорошо лишь здѣсь южное андалузское небо, да волшебница луна, въ прозрачныхъ лучахъ которой желтоватыя струи Гвадалкивира превращаются въ чистое серебро. Зато солнце Севильи невыносимо: днемъ отъ зноя нечѣмъ дышать; все живое прячется въ дома. И городъ какъ будто вымираетъ — до вечера, пока не повѣетъ съ рѣки живительной прохладой.

Севилья, подобно Кордовѣ, тоже обладаетъ знаменитыми памятниками искусства. Кто не слыхалъ объ ея Хиральдѣ, „вышитомъ“ Альказарѣ и грандіозномъ чудѣ католической Испаніи—Севильскомъ соборѣ? Севильскій соборъ построенъ въ XIV вѣкѣ. Преданье говоритъ, что строители задались цѣлью поразить современниковъ и потомство грандіозностью замысла: „пусть при взглядѣ на это зданіе всякій воскликнетъ, что его строители безумцы“! И строители достигли этого. Соборъ строился 118 лѣтъ. Онъ такъ колоссаленъ, что по выраженію Теофиля Готье Соборъ Парижской Богоматери можетъ свободно прогуливаться подъ сводами его базилики. Тяжелая кожаная занавѣсь закрываетъ входъ. Въ соборѣ 37 отдѣльныхъ церквей или капеллъ; главный алтарь такъ великъ и такъ богатъ сокровищами, что изученіе одного его потребовало бы многихъ недѣль. Расходы собора громадны: онъ сжигаетъ ежегодно 25.000 ф. масла и

Женщина изъ Андалузіи.

25.000 фунтовъ воска; въ священные сосуды требуется до 19.000 литровъ вина. Севильскій соборъ на 12 метровъ выше собора Св. Петра въ Римѣ. Все населеніе Севильи (болѣе 150.000 ч.) можетъ помѣститься въ немъ, и все-же будетъ свободно. Но время тоже не прошло безслѣдно надъ этимъ грандіознымъ сооруженіемъ; главный куполъ собора упалъ 1 авг. 1888 года, разрушивъ множество прекрасныхъ произведеній искусства.

Сокровища собора неисчислимы: однѣхъ картинъ насчитывается до 12.000, статуй до 8.000; среди первыхъ находится и знаменитая живопись Мурильо—„Святой Антоній Падуанскій". Севилья—родина геніальнаго художника. Здѣсь созданы его лучшія произвдоенія,—знаменитыя мадонны, въ которыхъ, по словамъ Боткина, „нѣтъ той неземной холодной святости, того неопредѣленнаго изящнаго выраженія, какимъ отличаются мадонны итальянскихъ маэстро: мадонны Мурильо увлекательныя, прелестныя севильянки со всею наивностью и выразительностью своихъ физіономій".

Третье чудо Севильи—это Хиральда, арабская башня, построенная болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Во времена арабскаго владычества Хиральда служила минаретомъ и обсерваторіей; теперь она превращена въ колокольню при Севильскомъ соборѣ. Тысяча лѣтъ прошло безслѣдно для Хиральды; массивныя стѣны не дали ни одной трещины, сквозныя ажурныя окна, граціозныя арабески сохранили все свое изящество. На фонѣ тяжелаго готическаго собора арабская башня кажется еще воздушнѣе.

Былое господство мавровъ чувствуется въ Севильѣ на каждомъ шагу: населеніе смугло; въ жилахъ его течетъ полумавританскаа кровь. Объ этомъ говоритъ и удлиненный разрѣзъ глазъ, и знойный блескъ ихъ, и смуглая, страстная блѣдность кожи. Традиціонная мантилья, почти совершенно исчезнувшая изъ Испаніи, дольше всѣхъ сохранилась въ Андалузіи. Черное платье, цвѣты въ волосахъ и кружевная черная мантилья—еще ярче отдѣляютъ горячую блѣдность и нестерпимый блескъ глазъ андазузской красавицы. Въ Севильѣ до сихъ поръ еще сохранились нравы старой веселой Испаніи: здѣсь въ лунную ночь можно иногда услышать серенаду подъ окнами красавицы или увидѣть національные испанскіе танцы вродѣ олы, фанданго или сарсуэлы. Въ сумерки, которыя наступаютъ здѣсь почти внезапно, послѣ заката солнца, Севилья принимаетъ привлекательный и жизнерадостный видъ, благодаря нарядным, освѣщеннымъ патіо, блистающимъ въ широкихъ просвѣтахъ, какъ большіе фонари. Но особенно хороши здѣсь ночи съ кристальной прозрачностью атмосферы и бездонной синевой андалузскаго неба! Однако обаяніе красоты не спасаетъ Севилью отъ соціальныхъ противорѣчій, которыя развиваются здѣсь съ неменьшей рѣзкостью чѣмъ, напримѣръ, въ Берлинѣ или непоэтическомъ Лондонѣ.

Вотъ, напримѣръ, знаменитая въ литературѣ табачная фабрика, на которой нѣкогда работала красавица Карменъ. Она существуетъ и до сихъ поръ. Снаружи это некрасивое зданье, похожее на казарму. Внутри—рядъ обширныхъ комнатъ съ невозможнымъ воздухомъ, гдѣ работаютъ сотни молодыхъ и старыхъ работницъ. Около нѣкоторыхъ изъ нихъ корзинки съ грудными дѣтьми. Равнодушно глядятъ на посѣтителей усталые обведенные синевою глаза, въ которыхъ сквозить безъисходная нужда и отвращеніе къ каторжному труду.

Въ Севильѣ цѣлое предмѣстье за Гвадалкивиромъ, такъ называемая—Тріана, сплошь заселено цыганами или гитанами, какъ ихъ называютъ въ Испаніи. На свѣжаго человѣка Тріана производитъ ужасающее впечатлѣніе. Голодныя, грязныя, полуодѣтыя ребятишки съ криками и просьбами обступаютъ путешественника. Несчастныя истощенныя цыганки предлагаютъ ему протанцовать олу или фанданго, съ жадностью протягивая руки за подачкой. Въ предмѣстьѣ ужасающая нищета: вмѣсто домовъ жалкія лачуги, вмѣсто одежды лохмотья, вмѣсто пищи отвратительное мѣсиво. Чѣмъ живетъ этотъ несчастный народъ? Профессіи самыя фантастичныя, и доходы самые сомнительные. Среди испанцевъ мнѣнія

о цыганахъ расходятся: одни считаютъ ихъ способнымъ и одареннымъ народомъ, другіе отзываются о нихъ, какъ о ворахъ и хитрецахъ. Одно можно сказать съ увѣренностью, что испанскіе цыгане коснѣютъ въ глубокомъ невѣжествѣ и гибнутъ отъ ужасающей нищеты. Вообще въ Андалузіи нищенство развито не менѣе, чѣмъ въ Кастильѣ, а бѣдность сельскаго населенія наводитъ на печальныя размышленія. Благодатный край, гдѣ посѣвы даютъ урожай самъ-сорокъ, гдѣ прекрасные южные фрукты растутъ подъ открытымъ небомъ—плодитъ лишь бѣдняковъ, умирающихъ съ голода среди изобилія. Причина этого поразительнаго противорѣчія коренится въ формахъ землевладѣнія и въ общей отсталости и невѣжествѣ страны.

Лѣто въ Андалузіи время сна, время смерти всего растительнаго царства. Знойное африканское солнце безжалостно выжигаетъ каждую травку. Зато зима, особенно фе-

Пляска гитановъ (цыганъ) въ предмѣстьи.

враль,—восхитительны; напоенная осенними дождями могучая андалузская почва выгоняетъ роскошную растительность, и Андалузія превращается въ тотъ благословенный край, про который еще мавры сказали, что „равнины Андалузіи богаче цвѣтами и пестрѣе самаго лучшаго ковра; океанъ любитъ ласкаться къ гіацинтамъ и нарциссамъ ея береговъ; пальмы, радуясь теплому солнцу, тѣснятся у ея потоковъ или зеленѣющими башнями возносятся надъ лимонными рощами“...

Гранада—послѣдній оплотъ мавританскаго господства—знаменита своимъ благословеннымъ климатомъ и мавританскимъ дворцомъ—Альгамброй. Благословенный климатъ ея зависитъ отъ близости Сьерра-Невады, тающіе снѣга которой умѣряютъ самый сильный зной. „Вотъ одно изъ очарованій Гранады“ – сказалъ Боткинъ: „это огонь и ледъ, зной и прохлада... И чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ на Сьеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи и фонтаны“.

*

Гранада расположена подковой вокругъ отроговъ Сьерры. За городомъ на холмахъ, врѣзавшихся въ Гранадскую вегу, возвышаются старинные мавританскіе памятники „Алыя башни“ и Генералифе (лѣтній дворецъ мавританскихъ султановъ).

Ущелье, образовавшееся между холмами еще со временъ мавровъ, заросло вѣковыми деревьями и образовало густой садъ, подъ тѣнистыми сводами котораго прохладно, какъ ночью. Альгамбра—расположенная между Алыми Башнями и Генералифе, занимаетъ пространство около километра. Карлъ V со свойственнымъ ему вандализмомъ разрушилъ зимнюю половину дворца и началъ строить на мѣстѣ его массивное зданіе въ стилѣ ренессансъ. Такимъ образомъ неразрушенной осталась только лѣтняя половина альказара (дворца), но и того, что осталось достаточно, чтобы признать Альгамбру шедевромъ мавританскаго искусства. Насколько отъ Кордовской мечети вѣетъ важной сосредоточенностью и религіозной тишиной, настолько же Альгамбра зоветъ къ жизни и наслажденію. Въ ней со всею полнотою развернулся причудливый мавританскій стиль, красота котораго не въ строгой правильности линій, а въ капризномъ изяществѣ формъ. Сроители арабскихъ альказаровъ не были аскетами: передъ ними виталъ идеалъ земного наслажденія и утонченной мечты, и они воплотили его въ изящнѣйшемъ сочетаніи мрамора, воды и неба: изъ мрамора они сплели нѣжнѣйшія кружева, водой оживили ихъ, а синева неба послужила имъ сводомъ для воздушнаго чертога. Знаменитый „дворъ львовъ“ въ Альгамбрѣ очаровываетъ именно подобнымъ распредѣленіемъ матеріала. Здѣсь все кружевное. Кружево мрамора обвиваетъ колонны, ползетъ по стѣнамъ, спускается внизъ граціозной сѣткой, вода фонтана поетъ тихую пѣсню или меланхолически журчитъ, навѣвая сладкую лѣнь; небесный пологъ синѣетъ сквозь ажурную рѣзьбу.

Генералифе—лѣтній дворецъ султановъ—представляетъ мало интереса. Онъ совершенно изуродованъ и принадлежитъ частному лицу, который замазалъ краской изящныя арабески и развѣсилъ по стѣнамъ портреты своихъ чопорныхъ предковъ. Только великолѣпные сады Генералифе до сихъ поръ составляютъ одну изъ прелестей Гранады. Юго-востокъ полуострова занимаетъ Каталонія.

Каталонія это будущее Испаніи. Наблюдатель, уставшій отъ политическихъ неурядицъ Кастильи, отъ бѣдности роскошной Андалузіи, отдохнетъ въ этой благословенной странѣ, гдѣ предпріимчивость вознаграждается, умъ цѣнится, и мысль неустанно работаетъ надъ созданіемъ экономическаго благосостоянія. Каталонія занимаетъ побережье Средиземнаго моря, ограниченное съ юга Валенсіей, съ запада Аррагоніей, съ сѣвера массивомъ Пиренейскихъ горъ, и представляетъ изъ себя горную страну со множествомъ широкихъ, открытыхъ къ морю, долинъ. Она обладаетъ мягкимъ влажнымъ климатомъ и богатой растительностью, представляющей переходъ отъ африканской флоры къ европейской. Географическое положеніе Каталоніи издавна опредѣлило ея роль: близость къ Средиземному морю сдѣлала ее торговою страною, близость къ Пиренеямъ—культурной. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе ея выгодно тѣмъ, что она обладаетъ всѣми восточными пиренейскими проходами, соединяющими ее съ южной Франціей и вообще съ Западной Европой. Въ X и XI вв., подражая Провансу, жители Каталоніи распространяли на полуостровѣ провансальскій языкъ и провансальскую культуру. Такимъ образомъ страна была тѣмъ соединяющимъ звеномъ, черезъ которое западно-европейская культура проникала въ Испанію. Альбигойскія войны надолго отдѣлили Каталонію отъ З. Европы. Принужденная искать другихъ естественныхъ связей, тѣснимая арабами, она обратилась къ Кастильи, которая ей была гораздо болѣе чужда, чѣмъ Провансъ. Это отчужденіе сохранилось и до сихъ поръ: несмотря на то, что оффиціальнымъ языкомъ считается кастильскій, въ Каталоніи говорятъ и пишутъ на мѣстномъ нарѣчіи: существуетъ цѣлая каталонская литература, большая періодическая пресса и даже опредѣленныя литературныя теченія.

Приморское положеніе—второе преимущество Каталоніи. Оно сдѣлало ее могуще-

Простонародныя женщины изъ Валенсіи

ственной и богатой еще на зарѣ испанской исторіи, когда Таррагона насчитывала уже, нѣсколько сотенъ тысячъ жителей и служила обширнымъ рынкомъ сперва финикіянамъ, потомъ карфагенянамъ. Съ незапамятныхъ временъ море приводило въ Каталонію колонистовъ всего свѣта: карфагеняне, финикіяне, греки, арабы, норманны, провансальцы французы высаживались на ея берегу, привлекаемые ея богатствами, и оставались, сливаясь съ туземнымъ населеніемъ. Такимъ образомъ, путемъ подбора болѣе энергичныхъ и предпріимчивыхъ и постояннаго обновленія крови за счетъ прибывающихъ колонистовъ постепенно выработался типъ современнаго каталонца, о которомъ иностранцы отзываются съ уваженіемъ, а испанецъ бранитъ съ пѣной у рта.

Каталонецъ дѣятеленъ по натурѣ. Онъ не можетъ, подобно кастильцу, часами стоять на панели и глазѣть на прохожихъ, истребляя безконечное количество папиросъ. „Каталонецъ умѣетъ дѣлать хлѣбъ изъ камня“ гласитъ, поговорка. Дѣйствительно, дѣятельные каталонцы не только обратили въ цвѣтущіе сады плодородныя долины, обращенныя къ морю, но воздѣлали и сдѣлали плодородными каменистые склоны горъ. Обработка земли въ Каталоніи достигла высокой степени совершенства. Однако, несмотря на это земледѣліе не въ состояніи прокормить слишкомъ густое населеніе, поэтому значительная часть его издавна занята въ промышленности.

Въ промышленномъ отношеніи Каталонія представляетъ Ланкаширъ Испаніи. Какъ девять столѣтій назадъ она являлась распространительницей провансальскаго языка и культуры, такъ теперь является носительницей промышленнаго и экономическаго прогресса: хлопчато-бумажная промышленность, обработка желѣза, дерева, кожи, химическихъ веществъ, производство машинъ и земледѣльческихъ орудій, выдѣлка фаянсовой и фарфоровой посуды, мебели, стекла и т. п.—все это сосредоточено главнымъ образомъ въ Каталоніи. Особеннаго развитія достигло хлопчато-бумажное производство, въ которомъ занято болѣе 100.000 рабочихъ. Но предпріимчивые каталонцы развили свою дѣятельность за предѣлы своей родины: нѣтъ области въ Испаніи, гдѣ бы каталонецъ не попробовалъ своихъ силъ въ какомъ либо предпріятіи. Почти вся промышленность и торговля Мадрида находятся въ рукахъ каталонцевъ, несмотря на вѣковую ненависть къ нимъ кастильцевъ. Благодаря всѣмъ указаннымъ качествамъ каталонцы болѣе другихъ испанскихъ народностей склонны ко всякимъ новшествамъ и лишены рутины: народное образованіе поставлено у нихъ хорошо, города имѣютъ благоустроенный видъ, селенья нарядны и веселы, поля воздѣланы, словомъ, европеизація въ лучшемъ смыслѣ слова замѣтна въ Каталоніи на каждомъ шагу и выгодно отличаетъ ее отъ остальныхъ испанскихъ провинцій.

Насколько Мадридъ типиченъ для Кастильи, Севилья для Андалузіи, настолько же характерна для Каталоніи Барцелона, главный городъ области и вмѣстѣ съ тѣмъ важный морской портъ. Въ Барцелонѣ нѣтъ ничего испанскаго: это большой европейскій городъ съ огромными магазинами, прекрасными, хорошо содержащимися бульварами, шикарными кафе и широкими, чистыми улицами. Съ восточной стороны городъ защищенъ цитаделью, но ея грозныя укрѣпленья не омрачаютъ общаго веселаго и жизнерадостнаго вида Барцелоны. Въ окрестностяхъ города много фабрикъ, море пестро отъ множества торговыхъ судовъ. Однако несмотря на то, что Барцелона и портовый и фабричный городъ,– она не имѣетъ окраски ни того, ни другого; впрочемъ обширная портовая торговля накладываетъ на нее печать космополитизма, и этимъ Барцелона нѣсколько напоминаетъ Марсель.

Описывая Испанію, нельзя пройти молчаніемъ народнаго увеселенія, которое столь же характерно для Испаніи, какъ для императорскаго Рима циркъ. Это бой быковъ, кровавое представленіе, безъ котораго не обходится ни одно торжественное событіе, мѣстное или національное. При первомъ извѣстіи, что въ городѣ будетъ устроенъ бой

быковъ, души всѣхъ обитателей наполняются радостнымъ ожиданіемъ, которое растетъ и принимаетъ характеръ лихорадочнаго напряженія, чѣмъ ближе часъ торжества. Все касающееся «toros», какъ называются эти игры, вопросы, такъ или иначе связанные съ «corrida», мѣста, гдѣ они происходятъ, отодвигаютъ на задній планъ всѣ остальные. Никакое событіе не можетъ захватить истаго испанца такъ всесильно, какъ toros. Пусть въ странѣ происходитъ революція, пусть анархисты мечутъ бомбы, испанскій флотъ гибнетъ въ бою съ американцами, пусть сама земля проваливается подъ ногами, но если впереди предстоятъ toros, испанецъ радостенъ и доволенъ. Въ каждомъ большомъ городѣ существуетъ арена, которую городское управленіе сдаетъ въ аренду антрепренерамъ, какъ у насъ зданія театровъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ имѣются питомники, гдѣ выращиваютъ и воспитываютъ для арены быковъ, и существуютъ, подобно гладіаторскимъ школамъ въ древней Италіи, заведенія, гдѣ серьезнѣйшимъ образомъ изучается искусство изящной игры съ быкомъ, усваиваются граціозные пріемы нанесенія ему смертельнаго удара. Можно смѣло сказать, что слава и престижъ всякаго имени, всякаго героя минуты меркнутъ въ Испаніи предъ обаяніемъ, какимъ окружена личность популярнаго торреадора, и ни одинъ политическій дѣятель, ни знаменитые пѣвцы и артисты, которыми восхищается весь міръ, ни коронованныя особы, ни даже спаситель отечества, если бы онъ появился въ Испаніи, не могли бы довести своимъ тріумфальнымъ появленіемъ энтузіазма уличной толпы до состоянія бурнаго восхищенія, вызвать такое глубокое уваженіе, почтеніе, преклоненіе, какимъ окружена бываетъ личность любимаго бойца, «primo-torero». Когда скончался знаменитый Чикланеро, тѣло его, какъ тѣло папы, было выставлено на два дня для всеобщаго поклоненія въ кафедральномъ соборѣ Санъ-Себастіана. Погребальную колесницу его везли 8 почетныхъ коней, длинный цугъ въ 150 экипажей и 20.000 народу провожало его до мѣста успокоенія. А когда побѣдитель инсургентовъ, генералъ Примъ, торжественно въѣзжалъ въ Мадридъ, толпа встрѣчала его, какъ нѣкогда израильтяне встрѣчали Саула, привѣтствовавшіе побѣдоноснаго царя кликами: «Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ—тьмы!», такъ какъ въ тріумфальномъ кортежѣ генерала шествовалъ великій тореро Пепе Ильо. Къ нему-то главнымъ образомъ относились радостные клики зрителей и знаки восхищенія возбужденной толпы. Когда-то бои быковъ представляли празднества, смѣнившія турниры. Благороднѣйшіе гранды, принцы крови, даже монархи выступали на аренѣ, щеголяя ловкостью и отвагой, какъ это было въ Вальядолидѣ, гдѣ въ честь рожденія инфанта, впослѣдствіи Филиппа II, Карлъ V выступилъ въ роли торреадора. Но при робкихъ Бурбонахъ обычай этотъ вывелся, аристократія предпочла перейти въ ряды зрителей и предоставила арену спеціалистамъ дѣла, своего рода цеху профессіональныхъ бойцовъ. И теперь лишь въ маленькихъ городишкахъ, гдѣ иногда мѣстные крезы устраиваютъ доморощенные toros, на которыхъ дешевенькіе, захудалые бычки ведутъ себя, какъ разыгравшіеся телята на лугу, мѣстная привилегированная молодежь рѣшается принимать участіе въ этой довольно безопасной забавѣ.

Но въ Мадридѣ, среди залитой солнцемъ арены, кругомъ которой размѣстилась буйная стотысячная толпа, кипящая, какъ огненная лава Везувія, предъ рогами громаднаго, разъяреннаго до послѣдней крайности животнаго, шутки плохи, и здѣсь только крѣпко увѣренный въ силѣ боецъ рѣшается выступить въ роли, неудачное исполненіе которой грозитъ смертью или цѣлымъ моремъ поруганія.

Обстановка игръ такова, что можетъ захватить и увлечь посторонняго зрителя, не испанца, и заставить его на время забыть нелѣпость и жестокость забавы. Представьте себѣ громадный, усыпанный пескомъ, кругъ ярко залитой солнцемъ арены, охваченной высокой, метра въ полтора, оградой, отдѣляющейся отъ амфитеатра зрителей узкимъ корридоромъ. Яркая, пестрая толпа, люди всѣхъ возрастовъ, состояній, положеній, многіе

въ живописныхъ костюмахъ, всѣ разодѣтые, какъ на торжество, подобно волнуемому вѣтромъ морю цвѣтовъ, заливаютъ все пространство подымающихся вверхъ скамей амфитеатра. Звуки рѣчей, споровъ, крики нетерпѣній, гулъ отъ топота ногъ и движенія, а особенно своеобразный трескъ трепещущихъ, какъ крылья мотыльковъ, вѣеровъ, наполняютъ пространство. Въ богатоубранныхъ коврами ложахъ все „общество“ Мадрида обрамляетъ ложу генералъ-интенданта, главы муниципалитета, отъ котораго исходитъ знакъ для начала торжества. Если прибытіе его замедлилось, или произошла какая либо задержка, бурные крики нетерпѣнія толпы могутъ перейти въ яростное негодованіе, въ настоящіе безпорядки. Но вотъ ожидаемыя лица заняли мѣста, открываются ворота арены, и торжество начинается шествіемъ „кадрильи“,—кортежъ всѣхъ участвующихъ въ бою, который величественно обходитъ арену подъ оглушительные звуки громаднаго оркестра. Зрѣлище этой вереницы пѣшихъ и конныхъ, ярко одѣтыхъ въ блистающіе галунами и камнями національные костюмы, дѣйствительно, великолѣпно. Впечатлѣніе нарушаютъ лишь кони,—старыя, исхудалыя клячи, скупленныя для жертвоприношенія жадной до крови толпы. Впереди выступаютъ главные актеры, матадоры, ослѣпительная роскошь одежды которыхъ подчеркиваетъ величіе, съ какимъ шествуютъ любимцы толпы. Яркіе плащи накинуты на плечи, острыя шпаги, какъ тонкіе лучи, сверкаютъ, несомыя подъ мышкой. Слѣдомъ за ними идетъ отрядъ „чулосъ“, у каждаго изъ которыхъ большой красный платокъ для дразненія быка, затѣмъ „бандерильеросъ“, съ короткими увитыми лентами пиками, остріе которыхъ зазубрено или снабжено обратными крюками. Конный отрядъ „пикадоровъ“ на описанныхъ выше жалкихъ коняхъ слѣдуетъ за бандерильеросами, и, наконецъ, шествіе замыкаютъ слуги и мулы, которые убираютъ трупы павшихъ съ арены. Предъ ложей генералъ-интенданта шествіе останавливается. Матадоры раскланиваются и въ знакъ почтенія бросаютъ свои плащи на перила ограды. На арену изъ ложи летитъ ключъ отъ „торила“, гдѣ въ тѣсномъ и темномъ помѣщеніи запертъ очередной быкъ. Конный альгвазилъ подхватываетъ ключъ, всѣ, кромѣ чулосъ, покидаютъ арену, и когда открывается маленькая дверь, въ ней появляется силуэтъ быка, котораго толпа привѣтствуетъ оглушительными знаками восторга. Обыкновенно животное [1]) стремительно выбѣгаетъ и затѣмъ останавливается въ недоумѣніи. Начинается первый актъ трагедіи. Чулосъ одинъ за другимъ подбѣгаютъ къ быку, дразнятъ, манятъ, привлекаютъ его вниманіе къ себѣ, убѣгаютъ отъ настигающаго животнаго и въ нужный моментъ увертываются въ сторону, махнувъ платкомъ въ противоположный конецъ, такъ какъ быкъ кидается не на человѣка, а на красный лоскутъ. За чулосъ выступаютъ бандерильеросы. Ихъ стрѣлы, которыя одна за другой впиваются въ хребетъ, въ бока и въ шею быки, замѣтно разжигаютъ его, такъ какъ нерѣдко снабжены маленькими ракетами, которыя взрываютъ и обжигаютъ звѣря въ моментъ, когда остріе пронзаетъ кожу. Чулосъ и бандерильеросъ продѣлываютъ разныя штуки, вызывая одобреніе зрителей: одинъ усаживается посрединѣ арены на стулѣ въ небрежной позѣ, ожидая подбѣгающаго быка и ловко увертываясь; другой съ шестомъ въ рукѣ подпускаетъ быка совсѣмъ вплотную и, уперевшись стопой въ наклоненную голову между роговъ, съ помощью шеста, перелетаетъ черезъ звѣря. За бандерильеросами выступаютъ пикадоры, главная забота которыхъ, кажется, не столько колоть быка длинными копьями, сколько съ помощью энергичныхъ понуканій и ударовъ шпорами подвинуть трясущагося, упирающагося и храпящаго отъ страха россинанта навстрѣчу быку и затѣмъ подставить острымъ рогамъ бока несчастнаго животнаго. Короткій, энергичный толчекъ—рога вонзаются въ животъ, и несчастный отпихнутый конь или валится на землю или дѣлаетъ нѣсколько скачковъ, теряя на пути внутренности, въ то время какъ всадникъ быстро соскакиваетъ

[1]) Эти быки стоятъ отъ 300 до 900 р. за штуку.

и бѣжитъ, чтобы сѣсть на „свѣжаго“ коня, котораго, къ вящшему удовольствію зрителей, ожидаетъ та же судьба.

Гулъ, стонъ, ревъ, рукоплесканія сопровождаютъ каждый удачный выпадъ быка и его противниковъ. Bravo toro! Иногда попадается какой-нибудь оригинальный быкъ, сообразительный, хитрый или просто своеобразный, и тогда привыкшіе къ обычнымъ ухваткамъ звѣря бойцы нерѣдко расплачиваются жизнью, страшными увѣчьями, или животное проломитъ, а не то перескочитъ ограду, въ коридоръ, куда спасаются въ случаѣ крайности высокимъ скачкомъ пѣшіе бойцы, и тогда происходитъ отчаянный переполохъ зрителей. Кажется, видъ пробитаго и висящаго на рогахъ человѣка способствуетъ лишь подъему настроенія, потому что, какъ только жертву катастрофы увлекутъ съ арены, игры продолжаются едва ли не съ большимъ жаромъ. Но вотъ наступаетъ послѣдній актъ. При громѣ рукоплесканій, подъ грохотъ музыки появляется герой момента, торреадоръ. На громадной аренѣ, гдѣ фигура быка представляется небольшимъ пятномъ, почти теряется фигурка ярко одѣтаго бойца, но именно онъ привлекаетъ къ себѣ лихорадочно напряженные взоры. Всѣ второстепенныя дѣйствующія лица отходятъ къ краю арены; какъ изваянія, по одиночкѣ и группами стоятъ они вдоль ограды, готовые въ моментъ опасности кинуться на помощь. Въ рукахъ торреадора красный флагъ на короткой рукояткѣ и шпага, эспада. Приблизившись къ быку, торреадоръ начинаетъ опасную, но полную граціи игру съ животнымъ. Движенія его гибки и плавны, временами быстры, какъ молнія. Онъ не бѣгаетъ, не мечется, подобно чулосъ или бандерильеросъ, а отступаетъ, наступаетъ, нерѣдко пропуская разбѣжавшагося быка въ двухъ шагахъ отъ себя. Близкая, неуловимая цѣль, дразнящее, ускользающее пятно передъ самыми глазами приводятъ животное въ сильнѣйшую ярость. Звѣрь и человѣкъ, которыя кружатся и становятся въ разнообразнѣйшія положенія, предметъ напряженнѣйшаго вниманія десятковъ тысячъ глазъ. Зрители отлично понимаютъ положеніе бойца. Онъ неослабно слѣдитъ за движеніями быка, въ то же время изучаетъ его ухватки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно актеру, позируетъ и направляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы игра развивалась и протекала возможно эффектнѣе. Какъ упомянуто выше, встрѣчаются быки оригиналы, сообразительные хитрецы, не отддающіеся слѣпымъ припадкамъ ярости, и въ такомъ случаѣ положеніе торреадора можетъ стать крайне трагическимъ. Согласно традиціямъ арены, торреадоръ долженъ убить быка, поразивъ его по всѣмъ правиламъ искусства, т. е. въ моментъ, когда, наклонивъ рога, животное полнымъ карьеромъ мчится на врага. Трудно описать бѣснованіе зрителей, если торреадоръ начинаетъ плошать. Страшныя вопли, ругательства, ревъ негодованія, сожалѣнія къ „бѣдному быку“, который попалъ въ руки къ „мяснику“, цѣлымъ каскадомъ звуковъ несутся на арену, и бѣда, если злополучный герой поддастся угнетающему воздѣйствію этого потока поношеній. Чтобы выйти изъ опаснаго положенія, требуется неимовѣрная выдержка, хладнокровіе и вѣрность руки. Но вотъ, наконецъ, желанный мигъ наступилъ: быкъ, какъ слѣдуетъ, низко наклонивъ голову, несется впередъ, и остріе шпаги, подобно тонкой иглѣ, вонзается въ затылокъ, прямо въ малый мозгъ, въ которомъ, какъ извѣстно, сосредоточены центры самыхъ жизненныхъ отправленій тѣла. Моментъ, и тяжкая масса рушится къ ногамъ побѣдителя. Если представленіе протекало нормально, повышая настроеніе зрителей, и ударъ нанесенъ мастерски, восхищеніе толпы превращается въ море бурнаго восторга. Особенно неистовствуютъ прекрасныя и непрекрасныя зрительницы. Вѣера, цвѣты, а иногда драгоцѣнности, или другіе предметы, какіе случатся въ рукахъ, летятъ на арену изъ сотенъ рукъ. Подъ грохотъ музыки, клики толпы торреадоръ послѣ безчисленныхъ самыхъ граціозныхъ поклоновъ и изящныхъ раскланиваній покидаетъ арену, которою на короткое время овладѣваютъ слуги, чтобы съ дѣловитой спѣшностью увлечь тушу быка, заровнять взрытыя мѣста и посыпать свѣжимъ пескомъ слѣды крови.

Гремятъ новыя фанфары, снова отворяются темныя двери, опять на аренѣ ослѣ-

пленный свѣтомъ, волей и воздухомъ новый быкъ. Увеселенія, какъ номера театральной программы, продолжаются, доставляя тріумфы новымъ актерамъ. И когда зрители покидаютъ театръ, чтобы разсыпаться по кафе, матеріала для обсужденія, споровъ и восхищеній имъ достается на много дней.

Испанія управляется на основаніи конституціи, принятой 30 іюня 1876 г. и дополненной 20 іюня 1890 г. Верховная власть принадлежитъ наслѣдственному королю, исполнительная—отвѣтственному министерству, а законодательная — палатѣ депутатовъ и сенату. Въ общемъ испанская конституція очень мало отличается отъ остальныхъ западноевропейскихъ конституцій; она гарантируетъ съ большими или меньшими ограниченьями свободу слова, печати, петицій, ассоціацій, передвиженія и т. п. Хотя свобода совѣсти и существуетъ, но право публичнаго богослуженія признается только за католической религіей, считающейся государственной. Всеобщее избирательное право возстановлено въ Испаніи избирательнымъ закономъ 20 іюня 1890 г. Особенностью послѣдняго является 115 статья, въ силу которой палата депутатовъ имѣетъ право объявлять депутатами тѣхъ кандидатовъ, которые хотя и не получили большинства на выборахъ, но у которыхъ общая сумма поданныхъ за нихъ голосовъ въ различныхъ округахъ не меньше 10.000. Преимуществами этой статьи пользуются главнымъ образомъ представители оппозиціи, выставляющіе свою кандидатуру сразу въ нѣсколькихъ округахъ. Система административнаго давленія на выборы настолько широко распространена въ Испаніи, что выборы постоянно обезпечиваютъ правительству угодное ему большинство. Въ связи съ этимъ стоятъ, вѣроятно, и двѣ другія особенности испанскаго конституціонализма: крайняя неустойчивость положенія центральной власти и удивительная пестрота политическихъ группировокъ въ парламентѣ. За четыре года съ 1903—1907 г. въ Испаніи смѣнилось у власти 9 министровъ-президентовъ, причемъ министерскій кризисъ принималъ иногда хроническій характеръ. Что же касается политическихъ партій, то даже сами испанцы затрудняются въ характеристикѣ и направленіи ихъ. Въ Испаніи политическія партіи зависятъ отъ личности вождя: есть талантливый вождь, партія пріобрѣтаетъ силу; исчезаетъ онъ съ политической арены, партія медленно гибнетъ, пока новый вождь не вдохнетъ въ нее жизнь и энергію. Теперь Испанія какъ разъ переживаетъ періодъ обѣднѣнія политическими вождями, поэтому ея партіи особенно расплывчаты и многочисленны. Самыя названія партій указываютъ на ихъ неопредѣленность и безпринципность: такова „либерально-консервативная“—одна изъ крупныхъ политическихъ партій, много потерявшая въ своемъ значеніи послѣ убійства Кановаса дель-Кастильо (1897 г.). Она никогда не имѣла опредѣленной программы, потому что всегда была слишкомъ личной партіей. Вторая партія—смѣшанно-либеральная, со смерти Сагасты потеряла свой прежній блескъ и популярность, связанную съ именемъ талантливаго вождя. Несчастная испано-американская война, лишившая Испанію почти всѣхъ ея колоній (Испанія потеряла 420.000 кв. к. съ 10.000.000 ж.), окончательно сдѣлала непопулярными испанскихъ либераловъ, безпомощно блуждающихъ въ поискахъ за вождемъ и программой. Монархическая партія ничтожна, а династія не пользуется популярностью.

Республиканская партія за послѣднее время пользуется извѣстной популярностью и формально объединена, хотя въ ней существуютъ два теченія: одно высказывается за недѣлимость Испаніи, другое требуетъ областной автономіи и союза съ Португаліей. Наконецъ, за послѣднее время въ Испаніи крѣпнетъ новая партія, не располагающая еще ни однимъ голосомъ въ палатѣ депутатовъ: это „рабочая соціалистическая партія“. Отдѣлившись отъ анархистовъ, она образовалась на конгрессѣ въ Барцелонѣ въ 1882 г. и съ тѣхъ поръ, хотя очень медленно, но непрерывно растетъ. Итакъ, вотъ особенности испанскаго конституціонализма: страна имѣетъ конституцію и парламентъ, но правительство всегда располагаетъ большинствомъ, благодаря беззастѣнчивому давленію адми-

нистраціи на выбора. Парламентъ раздѣленъ на множество политическихъ партій, которыя носятъ личный характеръ, кромѣ правительственной, которая зато совершенно безлична и творитъ волю находящагося у власти министерства. Во всемъ этомъ и лежитъ причина затяжного политическаго кризиса, который уже много лѣтъ охватилъ Испанію. Экономическія неурядицы страны не менѣе остры, чѣмъ политическія. Финансы ея находятся въ самомъ печальномъ состояніи, однако это не ведетъ къ сокращенію непроизводительныхъ расходовъ, которые, наоборотъ, имѣютъ тенденцію увеличиваться. Казнокрадство и взяточничество процвѣтаютъ, какъ въ до-конституціонныя времена.

Собранія нерѣдко переходятъ въ угрожающія демонстраціи, мирныя забастовки—въ кровопролитыя схватки. Анархистское движеніе въ странѣ довольно сильно, и въ 1906 г. разразилось покушеніемъ на Альфонса XIII, во время возвращенія молодого короля изъ церкви—съ вѣнчанія. Король и королева остались невредимы, но изъ свиты погибло до 15 человѣкъ.

Однако среди всеобщей государственной и экономической анархіи замѣчаются нѣкоторые свѣтлые симптомы: военные перевороты, такъ называемые pronuntiamentos, отошли въ область преданій. Испанія начинаетъ привыкать къ государственности въ европейскомъ смыслѣ слова, хотя эта привычка создается медленно изъ-за бѣдности и невѣжества испанскаго народа.

На границѣ Испаніи и Франціи уцѣлѣло микроскопическое государство—республика, Андорра, обломокъ старины, сохраненный отъ поглощенія сосѣдями, подобно Черногоріи, неприступной природой.

Андорра вкраплена между департаментами Арьежа и Восточныхъ Пиренеевъ со стороны Франціи и провинціями Хероной и Леридой со стороны Испаніи. 29 и 27 километровъ—ея наибольшая длина и ширина (всего до 500 кв. километровъ). Вся территорія республики переполнена горными хребтами, со множествомъ отдѣльныхъ пиковъ въ 2.000—3.100 метровъ высоты. Окруженная высокими хребтами, Андорра представляетъ изъ себя естественную крѣпость, въ которую со стороны Франціи можно проникнуть только въ четырехъ пунктахъ, а со стороны Испаніи—въ пяти. Долина, въ которой расположена столица республики, окружена вторымъ внутреннимъ горнымъ кольцомъ. Неудивительно, что вслѣдствіе такихъ топографическихъ особенностей Андорру всего одинъ разъ посѣтили мавры, и она пережила на своемъ недоступномъ горномъ островѣ безъ всякаго вреда для себя всѣ бури, потрясавшія сосѣднія страны Франціи и Испаніи, и сохранилась до сихъ поръ словно окаменѣвшій остатокъ Среднихъ вѣковъ.

Высокое положеніе страны надъ уровнемъ моря, снѣга и льды, въ теченіе шести мѣсяцевъ покрывающіе пики и горные хребты, дѣлаютъ климатъ Андорры холоднымъ почти половину года, но зато воздухъ въ это время необыкновенно чистъ и здоровъ, а небо всегда ясно.

Все населеніе республики едва доходитъ до 6.000 человѣкъ, которые и располагаются въ 52-хъ селеніяхъ, считая въ томъ числѣ и фермы (masias),

Жители Андорры одѣваются чрезвычайно просто. Мужчины ходятъ въ жилетахъ съ красными фригійскими колпаками или сѣрыми беретами на головахъ, женщины—въ короткихъ платьяхъ, безъ всякихъ покрововъ на головѣ.

Андорра вообще имѣетъ гораздо болѣе общаго съ Испаніей, чѣмъ съ Франціей. Офиціальнымъ языкомъ страны считается каталонскій, хотя всѣ мужчины говорятъ по-испански; въ странѣ преимущественно ходятъ испанскія деньги, собственныхъ Андорра не имѣетъ. Жители Андорры до сихъ поръ сохранили всѣ тѣ качества, которыя свойственны обитателямъ уединенныхъ горныхъ уголковъ: они религіозны, гостепріимны, миролюбивы, бережливы, сострадательны къ бѣднымъ (нищихъ у нихъ нѣтъ). Они ведутъ скромную и спокойную жизнь, средства для которой имъ доставляютъ исключительно ихъ

*

поля и стада, отличаются замѣчательной чистотою нравовъ, необыкновенною приверженностью къ своимъ стариннымъ обычаямъ, вольностямъ и привилегіямъ и враждебностью ко всякимъ нововведеніямъ. Огромное большинство изъ нихъ вполнѣ увѣрено, что новшества разрушатъ ихъ простое, скромное, но безбѣдное, спокойное существованіе. Они опасаются, что новшества внесутъ въ ихъ долины власть капитала, разрушатъ ихъ вѣковѣчные общинные порядки, при которыхъ они свободны отъ всякихъ налоговъ. Они желаютъ отгородиться отъ современной цивилизаціи, которая, какъ они видятъ изъ примѣра сосѣдей, Франціи и Испаніи,—пока дала больше отрицательнаго, чѣмъ положительнаго.

Земледѣліе и скотоводство—почти исключительныя занятія андоррцевъ. Для внутренняго употребленія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приготовляютъ грубый холстъ, толстое, прочное сукно, самыя простыя и употребительныя желѣзныя издѣлія. Въ горныхъ деревушкахъ приготовляютъ прекрасный сыръ и масло. Предметами экспортной торговли служатъ: скотъ, сукно, масло, картофель, плащи изъ Эскальдаса, желѣзо (въ Испанію), кожи, ленъ (во Францію). Изъ Испаніи ввозятся предметы первой необходимости: мыло, соль, вино, масло, а изъ Франціи—преимущественно различные ликеры; прочіе предметы роскоши въ Андоррѣ не имѣютъ сбыта.

И центральное правительство, и коммуны имѣютъ свои собственные земли, луга, лѣса, которые они и сдаютъ въ аренду, а лѣса—на срубъ въ извѣстномъ порядкѣ, и, такимъ образомъ, имъ нѣтъ необходимости прибѣгать къ спеціальнымъ налогамъ для удовлетворенія столь несложныхъ государственныхъ и общественныхъ нуждъ. Косвенные налоги въ Андоррѣ существуютъ лишь въ той формѣ, что коммуны сдаютъ въ аренду свои лавки для продажи масла, соли, мыла и другихъ предметовъ первой необходимости, при чемъ цѣны на всѣ эти предметы устанавливаются генеральнымъ совѣтомъ.

Такъ какъ жители Андорры не нуждаются въ заграничныхъ сношеніяхъ, то они отказывались провести телеграфъ и учредить почтовую контору, такъ что все это имъ не только устроило французское правительство, но оно же и платитъ жалованье почтмейстеру и телеграфисту. Общественныя работы, какъ постройка мостовъ, исправленіе дорогъ, исполняются личнымъ трудомъ всѣхъ членовъ коммунъ, безъ всякихъ исключеній. Часто можно видѣть, какъ 60—70 человѣкъ въ однѣхъ рубахахъ и босикомъ съ президентомъ республики и консулами во главѣ трудятся надъ дорогой или мостомъ.

Всѣ жители Андорры, достигшіе 25-ти-лѣтняго возраста и имѣющіе собственное хозяйство, могутъ избирать и быть избранными въ высшее законодательное учрежденіе республики—генеральный совѣтъ, состоящій изъ 12-ти консуловъ и 12-ти совѣтниковъ (по два отъ каждой коммуны). Они избираютъ президента (перваго синдика) и вице-президента (втораго синдика) и приглашаютъ секретаря.

Поддержаніе порядка и общественной безопасности Андоррѣ не стóитъ ни гроша: оно гарантировано скромною жизнью и строгою нравственностью ея обитателей. Въ Андоррѣ нѣтъ ни жандармовъ, ни полицейскихъ; ея границъ не охраняетъ таможенная стража. Все, что̀ угодно, можно свободно ввозить въ Андорру; не требуется никакихъ паспортовъ, свидѣтельствъ или разрѣшеній. Убійство, ограбленіе—вещи, не слыханныя въ Андоррѣ. Преступные и порочные элементы проникаютъ въ Андорру только въ лицѣ нѣкоторыхъ иностранцевъ, но и на нихъ общая нравственная атмосфера республики производитъ какое-то удивительное, исправляющее дѣйствіе. Бюрократическая армія совершенно неизвѣстна Андоррѣ. Какъ общее правило, чиновники Андорры не получаютъ никакого жалованья; только для секретаря генеральнаго совѣта, завѣдующаго также архивомъ, консулы каждой коммуны собираютъ по квартеру пшеницы и по 12-ти каталонскихъ ливровъ. Всѣ издержки по центральному управленію сводятся къ кормовымъ расходамъ на содержаніе магистратовъ во время фактическаго исполненія ими ихъ обязанностей.

Въ настоящее время зависимость Андорры отъ епископа урхельскаго и французскаго правительства въ лицѣ префекта сосѣдняго департамента Арьежа является совершенно фиктивной, какимъ-то курьезнымъ средневѣковымъ пережиткомъ безъ всякаго реальнаго содержанія и въ самой необременительной формѣ для Андорры.

Офиціально представителями епископа и французскаго правительства въ Андоррѣ являются назначаемыя ими пожизненно лица—вегеры (veguers); но французскій вегеръ никогда не появляется въ республикѣ, а испанскій живетъ въ Сео-де-Урхелѣ. Вегеры должны наблюдать за правильнымъ отправленіемъ правосудія въ уголовныхъ дѣлахъ и имѣть высшій надзоръ за военной организаціей республики. Въ случаѣ убійства (явленія, необычайно рѣдкаго въ Андоррѣ) организуется особый верховный уголовный судъ, въ которомъ принимаютъ участіе оба вегера, асессоръ (изъ урхельскихъ адвокатовъ), особо избираемый секретарь процесса, глашатый (porter) и два rahonadors (защитники обвиняемаго) изъ почетныхъ лицъ республики, ихъ избираетъ генеральный совѣтъ,—высшее законодательное учрежденіе Андорры. Этотъ трибуналъ можетъ приговорить преступника къ смертной казни безъ апелляціи. Въ день произнесенія приговора къ смертной казни верховный судъ и генеральный совѣтъ собираются въ залѣ правительственнаго дома въ своихъ торжественныхъ офиціальныхъ одеждахъ и вмѣстѣ отправляются на площадь, гдѣ и прочитывается приговоръ, который долженъ быть приведенъ въ исполненіе въ 24 часа посредствомъ удушенія гарротой, хранящейся въ правительственномъ домѣ. Такъ какъ никто изъ андоррцевъ не желаетъ исполнять обязанности палача, то изъ затрудненія выходятъ такъ: на скамейку подлѣ осужденнаго на казнь кладутъ 50 франковъ и всѣ удаляются. Когда наступаетъ ночь, является замаскированный человѣкъ (всегда иностранецъ), душитъ гарротой осужденнаго, беретъ деньги и скрывается въ ночномъ мракѣ. Послѣдняя смертная казнь была совершена 40 лѣтъ тому назадъ.

Л. І.

Португалія.

Сѣверная, средняя и южная Португалія.—Населеніе.—Колоніи.

Португалію мало знаютъ и мало интересуются ею. Съ потерей большей части колоній международное значеніе ея сильно пало, и о ней начинаютъ говорить лишь тогда, когда Англія поставитъ ей позорный ультиматумъ, или нѣмцы забьютъ тревогу, опасаясь за участь своихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ португальскихъ бумагахъ. Лиссабонская трагедія 1908 г. на нѣкоторое время сдѣлала Португалію центромъ европейскаго вниманія, однако, это вниманіе такъ же быстро ослабѣло, какъ и вспыхнуло. Малый интересъ къ Португаліи объясняется слабостью ея экономической жизни, незначительностью территоріи (92.157 кв. к. съ Мадерой и Азорскими островами) и общей отсталостью и невѣжествомъ страны.

Португалія занимаетъ юго-западную часть Пиренейскаго полуострова, въ формѣ правильнаго, вытянутаго съ сѣвера на югъ четырехугольника: „подобно тому", говоритъ Реклю: „какъ кристаллъ, выдѣляясь изъ раствора, ограничивается правильными гранями, такъ и Португалія отдѣлилась отъ остальной части полуострова, принявъ почти прямолинейныя границы".

При взглядѣ на карту Пиренейскаго полуострова, кажется, что выдѣленіе Португаліи есть нѣчто случайное. Между тѣмъ причины тому несомнѣнно существуютъ и помимо самостоятельнаго историческаго развитія коренятся въ различіяхъ природы.

Граница Испаніи и Португаліи почти совпадаетъ съ климатической границей; западные вѣтры, дующіе по склонамъ Португальскихъ террасъ, приносятъ сюда обильные дожди, между тѣмъ, какъ поясъ испанскихъ плоскогорій страдаетъ отъ зноя и недостатка влаги. Обиліе осадковъ отражается на многоводіи рѣкъ: Миньо, Дуэро, Тахо, Гвадіана—несудоходныя въ Испаніи—широки и полноводны въ Португаліи, и эта перемѣна въ характерѣ рѣкъ и ихъ судоходности почти совпадаетъ съ политической. То же самое можно сказать о растительности: изъ выжженныхъ, красноватыхъ пустынь Испаніи путешественникъ попадаетъ въ страну вѣчно-зеленыхъ лѣсовъ. Особенно замѣтенъ этотъ контрастъ на сѣверѣ, гдѣ рѣка Миньо отдѣляетъ Португалію отъ испанской провинціи Галиціи. Сѣверная Португалія считается наиболѣе плодородной и обработанной областью. Ея горы, являющіяся, какъ и во всей Португаліи, продолженіемъ испанскихъ, отличаются отъ послѣднихъ своимъ рельефомъ, напоминающимъ массивныя каменныя плотины, прорытыя кое-гдѣ горными потоками и рѣками. Между Мондего и Зезерой подымается самая живописная горная цѣпь Португаліи—Серра-да-Эстрелья (звѣздныя горы). Ея грандіозные гранитные утесы, господствуя надъ холмистымъ характеромъ страны, вздымаются пологимъ скатомъ со стороны Мондего и падаютъ круто и дико въ сторону Зезеры. Мно-

жество живописныхъ озеръ, обвѣянныхъ обаяніемъ древнихъ легендъ, окружаютъ наивысшую точку Эстрельи—Мальгайо. Эстрелья по направленію къ юго-западу переходитъ въ Серра Лузойо и обрывается въ морѣ мысомъ Рока.

Морскіе вѣтры, обвѣвающіе склоны горъ сѣверной Португаліи, приносятъ съ собой обильные дожди, которые выпадаютъ здѣсь часто продолжительными ливнями. Влажность климата увеличивается по мѣрѣ приближенія къ морю, и все сѣверное побережье погружено какъ-бы въ паровую ванну. Выпадающая влага въ свою очередь служитъ причиной обилія текучихъ водъ, придающихъ красоту и оживленіе зеленому пейзажу сѣверной области. Однако, рѣки сѣверной Португаліи порожисты. Морской берегъ этой части Португаліи песчанъ, изобилуетъ отмелями и напоминаетъ унылые виды французскихъ ландъ. Даже гавань Дуэро, Порто, единственный важный торговый пунктъ сѣверной Португаліи, страдаетъ существенными недостатками.

Расположенный амфитеатромъ на двухъ холмахъ, Порто (по португальски О-Порто) производитъ эферентное впечатлѣніе со стороны Дуэро. Въ промышленномъ отношеніи онъ занимаетъ первое мѣсто въ королевствѣ; по населенности и торговлѣ—второе. Для наблюдателя португальскихъ нравовъ Порто крайне интересенъ своей кипучей жизненностью и революціоннымъ настроеніемъ. Это городъ, находящійся въ вѣчной оппозиціи къ существующему правительству. Здѣсь центръ возстаній, здѣсь даютъ тонъ политической жизни страны, и уже давно городъ получилъ прозваніе „мятежнаго“. Славѣ Порто много способствуютъ обширные виноградники, расположенные по склонамъ сосѣднихъ холмовъ.

Крестьянка изъ Португаліи.

Жители Дуэро занимаются винодѣліемъ съ незапамятныхъ временъ. Съ увеличеніемъ значенія Порто на лѣвомъ берегу Дуэро мало по малу разросся цѣлый городокъ складочныхъ магазиновъ Гайя, въ подвалахъ котораго хранятся теперь сотни тысячъ гектолитровъ вина. Отсюда по всему свѣту расходится громадное количество дорогихъ и дешевыхъ сортовъ виноградного вина, извѣстнаго подъ названьемъ портвейна. Филоксера значительно опустошила за послѣдніе годы сѣверные виноградники, однако производство вина не уменьшилось, ухудшилось только его качество.

Средняя Португалія занимаетъ долину Тахо, быстраго и порожистаго близъ испанской границы и тихаго, судоходнаго послѣ сліянія съ Зезерой, питающейся снѣгами Эстрельи. Приближаясь къ морю, Тахо раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, теряющихся въ обширномъ Лиссабонскомъ лиманѣ. Лѣвый берегъ низокъ, правый крутъ и гористъ. Въ устьи рѣки лежитъ столица Португаліи „прекрасный Лиссабонъ“, по своему географическому положенію какъ-бы предназначенный быть первымъ городомъ королевства.

Лиссабонъ обладаетъ одной изъ лучшихъ въ Европѣ гаваней. Эта гавань защищена отъ юго-западныхъ вѣтровъ, глубина настолько велика, что въ нее входятъ самыя большія суда, и, наконецъ, естественно укрѣплена мысами Рока и Эспикель, представляющими двѣ гранитныя крѣпости, сторожащія выходъ въ море. Со стороны Тахо Панорама Лиссабона на фонѣ зубчатыхъ горъ Синтры и холмовъ праваго берега одна изъ живописнѣйшихъ. Подобно Риму, Лиссабонъ расположенъ на 7 холмахъ; на сѣверъ отъ praçado Commercio, главной площади Лиссабона, лежитъ такъ называемый „нижній городъ“, откуда открывается живописный видъ на высокія массы домовъ восточной части столицы.

Дома ползутъ по склонамъ холмовъ, спускаются въ ложбины, заполняютъ ихъ, вновь подымаются, и фономъ имъ служатъ террасы горъ, скалы береговъ и необъятное море со сливающимися на горизонтѣ пятнами убѣгающихъ судовъ. Въ половинѣ XVIII в. Лиссабонъ сильно пострадалъ отъ землетрясенія: половина его домовъ обратилась въ развалины частью отъ подземныхъ ударовъ, частью отъ пожара. Теперь городъ вновь отстроился, и ничто не напоминаетъ объ ужасной страницѣ изъ его прошлаго. Характерны для Лиссабона подымающіяся въ гору улицы: нѣкоторыя изъ нихъ настолько круты, что совершенно недоступны для ѣзды; приходится подниматься по нимъ на подъемной машинѣ.

Безпредѣльная масса голубой воды, голубого воздуха, зелени садовъ, темныхъ пятенъ гранита и бѣлизны домовъ дѣлаетъ Лиссабонъ въ высшей степени оригинальнымъ и интереснымъ городомъ, тѣмъ больше, что его, какъ и всякій южный городъ, оживляетъ фланирующая пестрая, болтливая южная толпа.

Средняя часть Португаліи по справедливости называется „благословеннымъ раемъ“. Климатъ ея равномѣренъ, безъ рѣзкихъ колебаній; снѣгъ настолько рѣдкое явленіе, что жители встрѣчаютъ его, какъ предзнаменованіе грядущаго несчастья. Правильно смѣняющіеся береговые вѣтры приносятъ достаточно влаги и этимъ обусловливаютъ пышную растительность: апельсинныя и лимонныя деревья ростутъ здѣсь лучше, чѣмъ въ южныхъ провинціяхъ Испаніи; даже зимой они покрыты плодами. Древовидные кактусы, роскошныя камеліи и кусты розъ придаютъ этой части Португаліи счастливый и праздничный видъ.

Характеръ страны сильно измѣняется на югъ отъ долины Тахо; живописная Португалія мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто однообразнымъ, скучнымъ равнинамъ Алемтехо: кое-гдѣ холмы съ печальными склонами, рѣдкіе лѣса морской сосны и пробковаго дуба, обнаженныя ланды, пятна воздѣланной земли съ малолюдными поселеніями, все это утомляетъ взоръ монотонностью; только горная цѣпь Арробида нѣсколько нарушаетъ однообразіе. Тамъ и сямъ мѣстность холмистая, и эти холмы, состоящіе изъ слюдяныхъ сланцевъ, придаютъ пейзажу угрюмый, даже мрачный видъ, который не въ состояніи скрасить разнообразныя породы цвѣтущаго вереска, сплошь покрывающаго пустыни Алемтехо. Пейзажъ рѣзко измѣняется по мѣрѣ приближенія къ Алгарвіи, самой южной области Португаліи. Путешественникъ бываетъ пораженъ рѣзкимъ контрастомъ двухъ странъ, лежащихъ подъ его ногами: далеко на сѣверъ простираются угрюмыя, почти безлюдныя пространства Алемтехо, на югѣ сверкаютъ живописные, зеленые участки Алгарвіи. Не менѣе рѣзкая разница замѣчается въ промышленной и торговой жизни этихъ двухъ областей; на югѣ чувствуется близость моря, накладывающаго свой отпечатокъ на жителей Алгарвіи; здѣсь люди смѣлѣе, бодрѣе, движенья ихъ увѣренѣе, пѣсня и смѣхъ слышится чаще. Море и благодатная почва прокармливаютъ ихъ лучше, чѣмъ пастуховъ Алемтехо, хотя населеніе Алгарвіи очень многочисленно. Контрастъ между двумя областями замѣчается также въ климатѣ и характерѣ растительности: „Алемтехо напоминаетъ Африку, Алгарвія—тропики; первая сплошь покрыта низкимъ кустарникомъ и верескомъ, вторая блещетъ богатствомъ флоры, масличными деревьями, агавами, финиковыми пальмами, кактусами, индійской смоковницей и т. п. Въ общемъ южная Португалія мало интересна для путешественника: самый населенный городъ ея Луле не имѣетъ и 20.000 ж.

Довольно рѣзко отличаясь отъ Испаніи по природѣ, Португалія не менѣе рѣзко отличается и населеніемъ; по свидѣтельству древнихъ писателей предки современныхъ португальцевъ были родственны пограничнымъ испанскимъ племенамъ; теперь ничто не говоритъ объ этомъ родствѣ, ни наружность, ни нравы, ни отношенія между двумя націями: взаимная ненависть испанцевъ и португальцевъ вошла въ поговорку; старинныя пѣсни, баллады и историческіе факты говорятъ за то, что эта ненависть возникла не вчера, а питается цѣлыми столѣтіями и, обостряясь взаимными оскорбленіями, отодвигаетъ вопросъ о возможности „иберійскаго союза“, т. е. сліянія обоихъ государствъ Пиренейскаго полуострова.

Типъ современнаго португальца вырабатывался постепенно, медленнымъ сліяніемъ различныхъ племенъ, поочередно населявшихъ Португалію. Кровь древнихъ лузитанцевъ, коренныхъ обитателей страны, смѣшалась съ кровью римлянъ, арабовъ, колонистовъ изъ Франціи, Англіи, Голландіи и Фрисландіи, крещенныхъ евреевъ, цыганъ и даже негровъ, которыхъ привозили изъ Гвинеи. Въ сѣверной Португаліи на измѣненіе типа вліяли и вліяютъ также галисійцы, наводняющіе сѣверныя провинціи. Смѣшеніе этихъ разнородныхъ элементовъ не могло способствовать образованію красиваго типа. И, дѣйствительно, современныхъ португальцевъ нельзя назвать красивымъ народомъ; невысокіе ростомъ, коренастые, съ наклонностью къ полнотѣ, особенно женщины, они обладаютъ по большей части грубыми лицами съ неправильными чертами, толстыми губами и вздернутымъ носомъ. Этотъ типъ рѣзче выраженъ у сельскихъ жителей, чѣмъ у горожанъ, и смягчается у женщинъ обиліемъ красивыхъ волосъ и блестящими глазами.

Женщина продавщица.

Мальчики португальцы.

Потомки отважныхъ мореходовъ, современные португальцы не мечтаютъ о подвигахъ Васко да-Гама и Магеллана. Португалія владѣла нѣкогда громадными колоніями во всѣхъ частяхъ свѣта. Она постепенно теряетъ ихъ одну за другой, т. к. финансовыхъ силъ страны не хватаетъ, чтобы управлять ими. Правда и теперь колоніи во много разъ превышаютъ метрополію, но международное положеніе Португаліи уже подорвано. Въ настоящее время португальскія колоніи обнимаютъ пространство въ 2.090.000 кв. к. съ населеніемъ въ 7.270.000 ж. (населеніе метрополіи съ Мадерой и Азовскими остр. 5.423.000 чел.); онѣ состоятъ изъ владѣній въ Азіи, Африкѣ и острововъ на Антлантическомъ океанѣ, изъ которыхъ Азорскіе и Мадера, первыя завоеванія лиссабонскихъ мореплавателей, входятъ въ составъ португальскихъ провинцій.

Не смотря на то, что надъ Португаліей, какъ и надъ Испаніей, пролетали одинаковыя политическія грозы, политическая жизнь ея текла совершенно самостоятельно.

Также, какъ и Испанія, она перенесла владычество римлянъ, періодъ арабско-еврейской культуры и борьбу за національное освобожденіе. Торжествующій католицизмъ изгналъ изъ Португаліи наиболѣе промышленные и образованные элементы населенія—мавровъ и евреевъ, и этимъ значительно подорвалъ благосостояніе страны. Но въ каждый изъ этихъ моментовъ Португалія выступала какъ самостоятельное цѣлое, не подчиняясь вліянію болѣе сильной сосѣдки. Періодъ блеска для Португаліи начался съ первой четверти XV ст. и совпалъ съ эпохой великихъ морскихъ открытій; перечислять эти открытія нѣтъ возможности. За именами знаменитыхъ мореплавателей слѣдуетъ рядъ безымянныхъ смѣлыхъ авантюристовъ, отправлявшихся въ поиски за новыми землями. Открытіе Васко-да-Гама морского пути въ Индію сдѣлало Португалію обладательницей сказочныхъ сокровищъ этой таинственной и чудесной страны. Буллой папы Александра VI отъ 4 мая 1494 г. весь свѣтъ былъ раздѣленъ между Испаніей и Португаліей, причемъ къ послѣдней отходили всѣ земли къ востоку отъ меридіана, проведеннаго черезъ Азорскіе острова.

Въ началѣ XVI в. Португалія перешла и эту, отведенную ей папой границу: въ 1500 г. была открыта и присоединена Бразилія. Владѣя громадными колоніями въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, Португалія, подобно Испаніи того времени, была государствомъ, во владѣніяхъ котораго не заходило солнце. Но этотъ пышный расцвѣтъ колоніальнаго могущества былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ паденія. Маленькой метрополіи не хватало ни силы, ни денежныхъ средствъ, чтобы разумно эксплуатировать колоніальныя богатства. Боясь соперничества, португальцы хранили въ тайнѣ открытые имъ морскіе пути и кончили тѣмъ, что сами забыли о нихъ. Вскорѣ Англія и Голландія явились для Португаліи весьма серьезными соперницами на морѣ. Они водружали свои торговые флаги тамъ, гдѣ нѣкогда развѣвались португальскія знамена, дѣйствовали иногда прямо захватнымъ путемъ, выселяя португальскихъ купцовъ съ занятыхъ ими территорій. Къ колоніальнымъ потерямъ присоединились внутреннія неудачи: съ 1580 г. Португалія была соединена съ Испаніей подъ властью Филиппа II Испанскаго. Это соединеніе оказалось нежизненнымъ (до 1640 г.), ибо не пользовалось популярностью среди португальцевъ и получило отъ нихъ названіе „60-лѣтняго испанскаго плѣненія“.

Постепенная потеря колоній, въ особенности Бразиліи (объявлена независимой въ 1825 г.), подорвала международное значеніе Португаліи: экономически она попала въ полную зависимость отъ Англіи, которая нерѣдко чувствительно оскорбляла національное самолюбіе Португаліи безконтрольнымъ хозяйничаніемъ въ колоніяхъ. Параллельно съ внѣшними неудачами развивались конфликты и внутри государства. Начиная съ первой четверти XIX в. въ маленькой странѣ бушевали постоянныя бури. Конституціонный строй прививался медленно и болѣзненно, осложняясь борьбой партій, и въ результатѣ къ началу XX ст. Португалія управлялась одной изъ наименѣе совершенныхъ европейскихъ конституцій.

Особенностью португальской конституціи является признаніе „умѣряющей“ власти и широкія, почти неконституціонныя полномочія монарха, дающія ему право игнорировать волю кортесовъ (португальскій парламентъ). Послѣдній состоитъ изъ двухъ палатъ: верхней палаты пэровъ съ 155 членами, изъ которыхъ 100 чел. пожизненно назначаются короной, и нижней—палаты депутатовъ съ 138 членами, изъ которыхъ 131 депутатъ избирается отъ метрополіи и 7 отъ колоній.

Активное избирательное право въ Португаліи почти приближается ко всеобщему, зато пассивное требуетъ годового дохода не менѣе 400 мильрейсовъ (мильрейсъ—больше 2 рублей) или образовательнаго и служебнаго ценза. Умѣряющая власть предоставляетъ португальскому королю широкія полномочія: онъ можетъ назначать экстренное собраніе кортесовъ, отмѣнять очередныя сессіи, распускать парламентъ, отставлять министровъ и т. п. Широкія полномочія даютъ возможность верховной власти не считаться съ пар-

ламентомъ. Такимъ образомъ въ самой португальской конституціи заключены причины тяжелаго политическаго кризиса, который охватилъ страну въ концѣ XIX ст. и разразился катастрофой 1908 года, т. е. покушеніемъ и убійствомъ короля донъ Карлоса I. Страна находилась въ ужасномъ положеніи: маленькая Португалія была совершенно истощена неудачной внутренней и внѣшней политикой; крупная промышленность существовала только въ большихъ центрахъ, желѣзныя дороги едва начинали проводиться; сельско-хозяйственный кризисъ требовалъ энергичной поддержки сельско-хозяйственной промышленности; обработка земли отличалась примитивностью, большія пространства пустовали необработанными. Несмотря на природныя богатства страны, населеніе не могло существовать, раззоряемое непосильной тяжестью налогового бремени, и эмиграція была настолько значительна, что вызывала опасенія: въ Бразиліи, куда по преимуществу направлялся эмиграціонный потокъ, больше читали и писали по португальски, чѣмъ въ самой Португаліи; это было тѣмъ менѣе удивительно, что ужасающее невѣжество португальцевъ вошло въ поговорку: по словамъ вождя республиканской партіи число безграмотныхъ въ Португаліи въ концѣ XIX ст. достигало 80%.

Невѣжественное, обнищалое населеніе Португаліи не въ состояніи было нести непомѣрное бремя государственныхъ расходовъ. Финансы страны находились въ самомъ печальномъ состояніи: государственный бюджетъ сводился ежегодно съ дефицитомъ; государственный долгъ достигъ чудовищной цифры 4 милліардовъ благодаря безпрестаннымъ займамъ, которыми смѣнявшіеся у власти министры покрывали дефициты предшественниковъ. Проценты по государственному долгу достигли такой громадной цифры, что Португалія принуждена была объявить себя банкротомъ: государственныя процентныя бумаги упали на 28% стоимости, что̀ въ свою очередь повлекло за собой раззореніе ихъ владѣльцевъ.

Все это создавало въ странѣ благопріятную почву для оппозиціонныхъ и революціонныхъ теченій, тѣмъ болѣе, что португальскій парламентъ, консервативный по существу, являясь представителемъ буржуазныхъ слоевъ населенія, не давалъ возможности представлять равномѣрно интересы всей націи. Оппозиція, не находя законнаго выхода, начала организоваться внѣ-парламентскимъ путемъ. Къ ней присоединились военные патріоты, возмущенные хозяйничаньемъ Англіи въ португальскихъ колоніяхъ и уступкой ей части восточно африканскихъ колоній. Въ городахъ возникло республиканское движеніе, центромъ котораго сдѣлался Порто. 18 янв. 1891 г. въ Порто вспыхнуло народное возстаніе съ участіемъ войска; дѣло дошло до открытаго сраженія, и возставшіе разсѣялись лишь послѣ артиллерійскаго огня: это было второе кровавое столкновеніе за время царствованія Карлоса I.

При Карлосѣ I экономическій и политическій кризисъ въ странѣ принялъ угрожающіе размѣры. Ко всѣмъ бѣдствіямъ присоединилась еще упорная борьба между короной и парламентомъ за увеличеніе цивильнаго листа. Республиканская партія пріобрѣтала все большее значеніе, возникла и начала развиваться новая партія—соціалистическая.

Въ такомъ критическомъ положеніи Карлосъ рѣшилъ прибѣгнуть къ крайнему средству—диктатурѣ. Судьба страны была отдана въ руки рѣшительнаго и не передъ чѣмъ не отступавшаго диктатора. Вскорѣ всѣ элементы общества пришли въ броженіе, и 1 февр. 1908 г. разразилась катастрофа.

На престолъ вступилъ оставшійся въ живыхъ второй сынъ короля подъ именемъ Мануэля II. Въ манифестѣ, обращенномъ къ португальскому народу, молодой король далъ клятву подчиняться португальской конституціи и обезпечить повиновеніе ей, а также всѣмъ законамъ государства.

Л. Г.

Австро-Венгрія.

Положеніе и природа страны. — Политическія и этнографическія области. — Земли Австрійской короны и ихъ населеніе: Нижняя и Верхняя Австрія, Тироль, Зальцбургъ, Штирія, Каринтія, Крайна, Береговая Земля и Далмація; Богемія, Силезія, Галиція и Буковина.—Земли Венгерской короны и ихъ населеніе: Венгрія, Кроація и Славонія. — Присоединенная область Боснія и Герцеговина.

Австро-Венгрія представляетъ единственную въ своемъ родѣ страну. Она, подобно громадной картинѣ-мозаикѣ, сложена изъ мелкихъ составныхъ частей, и на первый взглядъ невольно представляется, что части эти, объединенныя въ одно государство, держатся вмѣстѣ не столько зубчатыми сцѣпленіями взаимныхъ границъ, не столько взаимнымъ притяженіемъ, сколько давленіемъ болѣе крупныхъ окружающихъ ихъ странъ. На дѣлѣ это и не удивительно: положеніе и характеръ этой части Европы должны были способствовать возникновенію такого сборнаго государства. Все пространство отъ восточныхъ Альпъ, отъ Карпатъ и къ устью Дуная съ лежащими позади него странами Балканскаго полуострова представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ преддверіе Передней Азіи. Сѣверо-восточные склоны Карпатъ и низменность нижняго Дуная принадлежатъ физически къ обширной русской равнинѣ, представляющей въ свою очередь великую промежуточную область между западной Европой и сѣверной Азіей. Какъ путешественникъ, странствующій отъ предѣловъ Германіи по направленію къ Уралу, явственно ощущаетъ вѣяніе новаго, мало знакомаго ему міра, такъ и туристъ, спускающійся на пароходѣ внизъ по Дунаю, минуя Вѣну и Пресбургъ, встрѣчаетъ новыя для себя картины природы и человѣческой жизни, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, привлекаютъ его вниманіе впечатлѣніями Востока. Дѣйствительно, Австро-Венгрія, конгломератъ странъ и мозаика народовъ, представляетъ переходную область между „Западомъ“ и „Востокомъ“. Однимъ своимъ лицомъ она обращена къ Европѣ, другимъ къ Азіи, но не къ Азіи холодныхъ лѣсовъ и бродячихъ инородцевъ, а къ Азіи, въ которой разнообразные остатки древнѣйшихъ культуръ и обломки народовъ перемѣшаны съ новыми наростами азіатскаго варварства и позднѣйшими выходцами съ востока. Австро-Венгрія составлена изъ отдѣльныхъ странъ, природа и населеніе которыхъ чрезвычайно различны. Они смыкаются въ громадное, неправильно ограниченное цѣлое, вдающееся во всѣ стороны рогатыми отрогами въ предѣлы сосѣднихъ государствъ, также весьма разнообразныхъ по своей природѣ и этнографическому составу населенія. Пестрота пейзажей и калейдоскопъ народовъ, ихъ разноязычіе, ожесточенная взаимная вражда всегда вызывали удивленіе и возбуждали ожиданія, что монархія Габсбурговъ вотъ-вотъ разрушится. Между тѣмъ протекали вѣка, а „счастливая Австрія“ не только не разсыпалась, но, несмотря на свои большею частью неудачныя войны, крѣпла и расширя-

лась. Объясненіе этому загадочному, на первый взглядъ, явленію заключается въ томъ, что географическое положеніе и природа пространства, занятаго монархіей, неизбѣжно цементируютъ населяющіе ее народы въ одно прочное цѣлое. Страна состоитъ изъ большихъ и малыхъ котловинъ, ограниченныхъ горами и расположенныхъ такъ, что черезъ нихъ вьется дорога изъ Европы въ Азію. Эти котловины—Богемія, верхняя и нижняя Австрія, малая Венгерская низменность, большая Венгерская низменность и Семиградье. Къ котловинамъ примыкаютъ горныя страны, представляющія, какъ въ восточныхъ Альпахъ и сѣверныхъ Карпатахъ, горныя цѣпи, разсѣченныя долинами, либо плоскогорья, какъ страны, примыкающія къ Адріатическому морю. Исключеніе составляетъ лишь Польша и Галиція съ Буковиной, которыя лежатъ за Карпатами, на внѣшнемъ склонѣ ихъ, и какъ географически, такъ и этнографически принадлежатъ собственно къ Россіи. Низменности по Дунаю представляютъ собою естественную широкую дорогу на юго-востокъ изъ Европы въ Азію черезъ Балканскій полуостровъ. Мѣстность, гдѣ Альпы, протягиваясь по направленію къ Карпатамъ, почти смыкаются съ ними,—настоящія ворота, стратегическое и торговое значеніе которыхъ поняли еще римляне, основатели Вѣны. Низменности, котловины и горныя страны естественно заселялись различными народностями, находившими здѣсь защищенный пріютъ. Одни, какъ нѣмцы и венгры, явились сюда въ историческое время, для другихъ, именно для славянъ, склоны Карпатъ древняя родина, изъ которой они разселялись во всѣ стороны, дробясь и отдаляясь другъ отъ друга во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ физическое строеніе этой области Европы способствовало раздѣленію племенъ и сохраненію племенныхъ особенностей, а положеніе ея вдоль великой дороги переселенія народовъ, движенія армій и товаровъ, какой является составная долина Дуная, содѣйствовало тому, что прилегающія котловины и горныя страны примкнули къ двумъ монархіямъ, возникшимъ на среднемъ Дунаѣ, къ Австріи и Венгріи, которыя въ концѣ концовъ слились въ одно государство.

Въ настоящее время государство охватываетъ пространство въ 675.879 кв. к. съ населеніемъ въ 49.931.906 ч. Двѣ народности, которыя издавна заселили земли, примыкающія къ главной дорогѣ—Дунаю, нѣмцы и венгры заняли господствующее положеніе и, не будуи въ состояніи осилить другъ друга, удовлетворились раздвоеннымъ существованіемъ, благодаря которому Австро-Венгрія получила какъ двойное названіе, такъ и двойной строй. Земли австрійской короны, въ которыхъ преобладаніе принадлежитъ нѣмцамъ, охватываютъ венгерскія на подобіе оправы. Къ нимъ принадлежатъ страны, обращенныя къ Германіи, а затѣмъ были присоединены славянскія области, которыя венгры не пожелали принять въ свой кругъ изъ опасенія быть подавленными численнымъ перевѣсомъ славянъ. Верхняя и Нижняя Австрія и по одну сторону отъ нихъ Богемія, Моравія, Силезія, Галиція и Буковина, а по другую—Штирія, Зальцбургъ, Тироль съ Форарльбергомъ, Каринтія, Крайна, Гёрцъ и Градиска, Береговая земля, вольный городъ Тріестъ и Далмація составляютъ пространство въ 300.000 кв. к. съ населеніемъ въ 27.725.749 ч. (1906 г.). Венгрія, къ которой на востокѣ примыкаетъ Семиградье, а на юго-западѣ Славонія и Кроація, занимаетъ пространство въ 324.851 кв. к. и насчитываетъ 20.469.157 ж. Особо стоитъ Боснія съ Герцеговиной (51 028 кв. к., 1.737.000 ж. въ 1900 г.).

Всѣ эти земли сложились въ одно государство не сразу. Разноплеменность населенія, размѣстившагося въ различныхъ по природѣ областяхъ, мѣшала сліянію, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественное притяженію къ главному центру пересѣченія дорогъ, къ мѣсту, около котораго происходила политическая кристаллизація, стягивали ихъ воедино. Путемъ повторныхъ соединеній и разъединеній сперва собрались кругомъ Вѣны земли, которыя раньше заселились нѣмцами. Восточная марка (Ostrichi), возникшая въ 976 г., занимала, главнымъ образомъ, нижнюю Австрію. Постепенно къ ней были присоединены Штирія

(1260 г.), Каринтія, Крайна (1335 г.) и Тироль (1363 г.). Затѣмъ въ началѣ тридцатилѣтней войны была навсегда присоединена Богемія. Венгрія, превратившаяся въ 1307 г. въ королевство съ выборнымъ, подобно Польшѣ, королемъ, подпала въ 1526 г. скипетру Габсбурговъ, которые, лишаясь своихъ родовыхъ земель на верхнемъ Рейнѣ и въ восточной Швейцаріи, вознаграждали себя пріобрѣтеніями на востокѣ. Части Польши—Галиція и Буковина, достались Австріи въ заключеніе окончательнаго раздѣла Польши. Причлененная своими старыми землями къ Германіи, имперія Габсбурговъ играла очень дѣятельную роль въ исторіи ея. Но въ теченіе послѣднихъ столѣтій ее все болѣе и болѣе вытѣсняли оттуда. Слабо населенныя области съ малокультурнымъ населеніемъ, среди котораго постоянно подымали голову соперничавшія съ нѣмцами народности, какъ венгры и чехи, относительно ослабляли имперію, также какъ непрерывная борьба съ Турціей. Поэтому Австрія не могла сохранить чисто германскій характеръ и довольно быстро была вытѣснена изъ сонма нѣмецкихъ государствъ своей быстро выросшей соперницей Пруссіей. Послѣ неудачной войны съ послѣдней въ 1866 г. Австрія выступила навсегда изъ германскаго союза. Спустя годъ, въ 1867 г., были улажены запутанныя отношенія къ Венгріи, и государственный строй принялъ современный видъ. Обѣ половины имперіи имѣютъ общаго монарха, носящаго титулъ императора австрійскаго и короля венгерскаго. При восшествіи на престолъ монархъ коронуется въ Вѣнѣ и въ Буда-Пештѣ. Затѣмъ объединеніе распространяется на армію, иностранныя дѣла, таможню и денежную систему, и при раздѣльности всего остального управленія, всѣ эти отрасли регулируются ежегодно въ особыхъ делегаціяхъ, составляющихся изъ членовъ австрійской палаты (рейхсрата) и венгерской (рейхстага), засѣдающихъ поперемѣнно въ Вѣнѣ и Буда-Пештѣ. Конгломератъ странъ и народовъ, среди которыхъ двѣ главенствующихъ національности послѣ долгихъ споровъ и ожесточенной, подчасъ вооруженной борьбы (возстаніе венгровъ въ 1848 г.), установили кое-какъ взаимныя отношенія цѣной подавленія остальныхъ націй, Австро-Венгрія имѣетъ за собой довольно бурное прошлое, живетъ сейчасъ безпокойною жизнью и не можетъ похвастаться единствомъ и цѣльностью своихъ политическихъ надеждъ. Можно думать, что отчасти благодаря вѣчно волнующемуся морю народовъ, среди которыхъ никогда не было единства, такъ что, когда подымалась одна грозная волна, пространство рядомъ оказывалось спокойно вѣрноподданнымъ, династія Габсбурговъ такъ долговѣчна.

Нѣмецкій крестьянинъ изъ Нижней Австріи.

Опираясь на вѣрныхъ германцевъ, противоставляя славянъ венграмъ, поляковъ—русинамъ и наоборотъ, династія рѣдко выпускала руководящую роль изъ рукъ и выходила изъ всѣхъ потрясеній съ большимъ или меньшимъ благополучіемъ. Сохраненіе единства имперіи, упорная защита абсолютизма и преобладанія германскаго элемента требовали

политики неумолимаго гнета и страха просвѣщенія; наказаніемъ за это являлись невѣжество населенія, слабое развитіе культуры и бѣдность. Средняя плотность населенія не превосходитъ 73 ч. на кв. к., что же касается бѣдности и грубости жизни, то не только обездоленныя окраины, вродѣ Галиціи или Далмаціи, но даже болѣе центральныя области, какъ Тироль или Штирія, являются чрезвычайно отсталыми странами. Въ вѣкъ сравнительно быстраго развитія народнаго хозяйства, роста капиталовъ и неустаннаго приложенія успѣховъ техники въ сосѣднихъ государствахъ, особенно въ Германіи, Австро-Венгрія не можетъ похвалиться тѣмъ же. Это государство богато контрастами всякаго рода, но наиболѣе разительнымъ является контрастъ между людными, богатыми и просвѣщенными городами Австріи и Богеміи, съ одной стороны, и польскими, малорусскими, вообще славянскими деревушками—съ другой, особенно въ Карпатахъ или въ Крайнѣ, въ Истріи, гдѣ этнографъ находитъ богатую добычу для изученія древнихъ формъ быта и обычаевъ, исчезнувшихъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ общемъ земли австрійской короны находятся въ лучшемъ положеніи. Пестрота этихъ областей въ отношеніи величины, числа жителей и ихъ плотности лучше всего видна изъ слѣдующей таблицы:

Области.	Площадь въ кв. к.	Число жителей.	Средняя плотность.
Нижняя Австрія [1]	19.800	3.351.000	169
Верхняя Австрія	12 000	829.000	69
Герцогство Зальцбургъ	7.200	206.000	29
Герцогство Тироль съ Форарльбергомъ .	29.300	1.024.000	35
Герцогство Штирія	22.400	1.405.000	63
Герцогство Каринтія	10.300	373.000	36
Герцогство Крайна	10.000	516.000	52
Береговая земля	8.000	799.000	100
Королевство Далмація	12.800	617.000	48
Королевство Богемія	52.000	6.552.000	126
Маркграфство Моравія	22.200	2.532 000	114
Герцогство Силезія	5.200	727.000	141
Королевство Галиція, Лодомерія и Краковъ	78.500	7.725 000	98
Герцогство Буковина	10.500	774.000	74
Земли венгерской короны:			
Венгрія, Семиградье и вольный г. Фьюме.	282.800	17.696.000	63
Королевство Кроація и Славонія . . .	42.500	2.561.000	60
Въ завѣдываніи обѣихъ половинъ находится Боснія и Герцеговина	51.000	1.737.000	34

Нѣмцы, какъ исторически главенствующій элементъ, встрѣчаются, разумѣется, повсюду. Но въ однѣхъ областяхъ они составляютъ массу коренного населенія, въ другихъ—группы колонистовъ, явившихся въ разное время, вкрапленныя среди венгровъ, славянъ или румынъ; въ третьихъ областяхъ ихъ, наконецъ, насчитываютъ единицами въ лицѣ чиновниковъ администраціи и людей промышленнаго сословія. Менѣе широко распространены венгры. Они держатся преимущественно предѣловъ бывшаго венгерскаго королевства и плотнѣе всего населяютъ Венгерскую низменность. Румыны, подобно венграмъ, занимаютъ опредѣленную область, смежную съ государствомъ, гдѣ они составляютъ массу населенія. Итальянцы занимаютъ пограничныя съ Италіей части Тироля и побе-

[1]) Цифры 1906 г.

режье Адріатическаго моря. Что же касается славянъ, то они раскиданы большими и малыми массами по всей окружности государства, за исключеніемъ крайняго запада и долины верхняго Дуная. Такъ какъ каждая народность сохранила свой языкъ, несмотря на то, что въ одной половинѣ имперіи всѣми преимуществами пользуется нѣмецкій языкъ, а въ другой—венгерскій, то, руководствуясь языкомъ, возможно довольно точно представить этнографическій составъ и численное соотношеніе народностей. Въ 1900 г. соотношенія эти по областямъ были въ процентахъ населенія каждой области таковы:

Области.	Нѣмцы.	Чехи и словаки.	Поляки.	Русины.	Словенцы.	Сербы и Хорваты.	Венгры.	Румыны.	Итальянцы.	Прочіе.
1. Нижняя Австрія	95,0	4,7	0,2	—	0,1	—	—	—	—	—
2. Верхняя Австрія	99,4	0,5	—	—	0,1	—	—	—	—	—
3. Зальцбургъ	99,5	0,3	—	—	0,1	—	—	—	—	—
4. Тироль и Форарльбергъ	60,4	0,2	—	—	—	—	—	—	39,4	—
5. Штирія	68,7	0,1	—	—	31,2	—	—	—	—	—
6. Каринтія	74,8	—	—	—	25,1	—	—	—	—	—
7. Крайна	5,6	0,1	—	—	94 2	—	—	—	—	—
8. Береговая земля	2,7	0,1	—	—	29,9	20,2	—	—	47,1	—
9. Богемія	37,3	62 7	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Моравія	27,9	71,4	0,7	—	—	—	—	—	—	—
11. Силезія	44,7	22,0	33,2	—	—	—	—	—	—	—
12. Галиція	2,9	0,1	54,7	42,3	—	—	—	—	—	—
13. Буковина	22,1	0,1	3,7	41,2	—	—	—	32,8	—	—
14. Далмація	0,4	0,2	—	—	0,1	96,7	—	—	2,6	—
15. Венгрія	11,9	11,9	—	2,5	—	3,7	51,4	16,6	0,1	1,9
16. Кроація и Славонія	5,6	0,7	—	0,2	—	87,0	3.8	—	—	2,7
Итого во всей имперіи	25,3	18,0	9,5	8,5	2,7	7,6	19,0	6,7	1,6	1 1

Нѣмцы, слѣдовательно, встрѣчаются всюду. За ними по пятамъ слѣдуютъ по распространенности ихъ главные враги изъ славянъ—чехи. Всѣ же остальныя національности и племена держатся большими массами въ искони занятыхъ ими областяхъ. Поражаетъ на первый взглядъ отсутствіе евреевъ, которыхъ въ Австро-Венгріи больше, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ за исключеніемъ Россіи. Но такъ какъ евреи въ Австріи не такъ цѣпко держатся за свои обычаи, то при переписяхъ они, обыкновенно, причисляютъ себя къ господствующей въ данной области народности, т. е. въ Австріи—къ нѣмцамъ, въ Венгріи къ венграмъ. Численность ихъ выступаетъ ясно при разсмотрѣніи состава населенія по религіямъ. При этомъ оказывается, что подавляющее большинство населенія исповѣдуетъ католицизмъ.

католиковъ	78,4%
православныхъ	7,5%
лютеранъ	9,3%
евреевъ	4,6%

Въ физическомъ отношеніи весь компленсъ странъ этой обширной имперіи можно разбить на четыре группы: 1) Альпійскія земли [1]), 2) Карпатскія [2]), 3) Судетскія [3]) и

[1]) По таблицѣ процентнаго отношенія народностей страны: 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7.
[2]) Страны: 12, 13, 14.
[3]) Страны: 9, 10, 11.

4) Иллирійскія [1]). Но физическія области мало гдѣ, вѣрнѣе, даже совсѣмъ не совмѣщаются съ областями этнографическими. Больше совпаденія наблюдается при группировкѣ по областямъ, и потому изложеніе въ дальнѣйшемъ будетъ слѣдовать этнографическому началу.

Австрійскіе нѣмцы занимаютъ западныя области. Сплошное населеніе они составляютъ въ Верхней и Нижней Австріи, гдѣ не раздается никакого другого языка, кромѣ нѣмецкаго. Обѣ области лежатъ по Дунаю, представляя широкую впадину между Альпами, подымающимися къ югу, и склонами Богемскаго массива на сѣверѣ. На востокѣ, гдѣ въ Дунай впадаетъ Мархъ, къ главной рѣкѣ подступаютъ съ одной стороны горы Лейта, съ другой— Малыя Карпаты, такъ что долина суживается. Направленіе Дуная открываетъ естественную дорогу съ запада на востокъ. Нѣмцы явились сюда частью съ запада, частью съ сѣвера, вначалѣ въ видѣ разныхъ племенъ, проходившихъ черезъ страну (въ эпоху переселенія народовъ). Вытѣсненные отсюда аварами и славянами, нѣмцы вернулись впослѣдствіи при эрцгерцогахъ австрійскихъ, ревностно занимавшихся колонизаціей своихъ земель соотечественниками. Но далѣе Лейты и Марха нѣмецкая колонизація не могла распространяться въ видѣ сплошного потока: нѣмцевъ остановили венгры. Изъ этихъ провинцій и изъ южной Германіи нѣмцы распространились въ глубь альпійскихъ долинъ.

Нѣмцы изъ Нижней Австріи.

Такъ какъ Альпы представляютъ здѣсь рядъ высокихъ горныхъ цѣпей, простирающихся къ востоку и сѣверо-востоку, и раздѣленныхъ длинными долинами, то нѣмецкіе пришельцы проникали въ эти долины черезъ перевалы и разселялись по нимъ, въ западной части на югъ по долинѣ Эча, на востокѣ по долинамъ Дравы и Савы, гдѣ потокъ сѣверонѣмецкихъ племенъ (баювары, т. е. баварцы, аллеманы и др.) встрѣтился и слился съ готскими соплеменниками, явившимися сюда съ востока. Изъ долинъ дунайскихъ притоковъ нѣмцы въ значительной степени вытѣснили славянъ, которые въ эпоху, предшествовавшую главному движенію германцевъ, распространились сюда отъ Карпатъ. Но въ долинѣ Эча

[1]) Страны: 8, 14, 16 и Боснія съ Герцеговиной.

нѣмецкіе выходцы встрѣтили романизованныхъ ретовъ и лонгобардовъ; послѣдніе, хотя и нѣмцы, но явились сюда съ юга, воспринявъ итальянскую культуру. Вотъ почему около трети населенія въ Тиролѣ составляютъ итальянцы, вѣрнѣе, люди говорящіе по-итальянски, а въ Штиріи и Каринтіи славяне [1]).

Нѣмцы Нижней и Верхней Австріи, а также обитающіе въ Богеміи и Моравіи, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ южно-германскихъ собратій. Нижняя Австрія, ядро страны, со столицей Вѣной, наиболѣе плотно населенная область, населеніе которой дѣятельно занято въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Старинная дорога по Дунаю и положеніе между Германіей съ одной стороны и Венгерской низменностью съ другой, при дорогахъ, ведущихъ черезъ горы въ Италію и къ Адріатическому морю, обезпечивали сбытъ мѣстныхъ продуктовъ и произведеній и способствовали оживленію торговли. Старинный городъ Вѣна сдѣлался столицей благодаря своему положенію на границѣ нѣмецкой земли въ мѣстѣ развѣтвленія дорогъ во всѣ стороны въ иноземныя страны. Хотя городъ расположенъ въ чисто нѣмецкой области, но близость разноязычныхъ странъ способствовала тому, что населеніе его довольно пестро. До потрясеній 1848 г. Вѣна была городомъ, въ которомъ преобладала знать всѣхъ областей имперіи, пользовавшаяся доходами съ обширныхъ имѣній и пышнымъ вѣнкомъ окружавшая дворъ съ его вѣковыми традиціями закоченѣлаго абсолютизма. Громадныя средства тратились на роскошь и увеселенія. Поэтому городъ, куда стекались выходцы со всѣхъ странъ, представлялъ пестрый, оживленный видъ, нѣсколько напоминая Парижъ. Кромѣ портныхъ, мебельщиковъ, садовниковъ, парикмахеровъ и другихъ профессіональныхъ услужниковъ богатаго и пріятнаго бездѣлья городъ привлекалъ музыкантовъ, актеровъ и въ гораздо меньшей степени писателей и ученыхъ. Литература и наука, даже когда прислуживаются сильнымъ міра, нѣтъ-нѣтъ и обмолвятся горькой правдой. Между тѣмъ съ именемъ Габсбурговъ вездѣ, не только въ Австріи,—въ Испаніи, въ Германіи, связаны самыя темныя страницы деспотическаго насилія и духовнаго угнетенія. Послѣ «безумнаго 48 г.» мѣсто аристократіи занялъ въ Вѣнѣ промышленный и финансовый классъ. Но жизнь города измѣнилась мало: по-прежнему удовольствія и увеселенія, легкомысленное настроеніе, музыка, танцы, наряды немало занимаютъ вѣнцевъ. Примѣсь славянъ, поляковъ, чеховъ, далѣе венгровъ, румынъ, итальянцевъ и большого числа заграничныхъ выходцевъ лишаетъ этотъ нѣмецкій городъ неуклюжаго характера германскихъ городовъ и придаетъ настроенію жителей и ихъ увеселеніямъ болѣе легкій, искрометно-пѣнящійся характеръ. Вкусъ, тактъ, любезность, страсть къ музыкѣ и танцамъ выгодно отличаютъ обитателей Вѣны отъ хмурыхъ обитателей наряженнаго и начищеннаго какъ на парадъ Берлина. Вѣна, лежащая на перепутьи торговыхъ дорогъ, не можетъ не имѣть промышленно-торговаго значенія. Кругомъ лежатъ австрійскія области, обмѣнивающіяся продуктами: промышленныя Верхняя и Нижняя Австрія, Богемія посылаютъ свои произведенія въ земледѣльческія области—въ Венгрію, Семиградье и Галицію. Сверхъ того товары, направляющіеся изъ и черезъ Германію на Балканскій полуостровъ и далѣе, не могутъ миновать Вѣны, которая въ заключеніе связана нѣсколькими рельсовыми путями съ Тріестомъ и Италіей. Естественно, что Вѣна является средоточіемъ большихъ торговыхъ сдѣлокъ, городомъ банкировъ и финансистовъ, въ числѣ которыхъ много евреевъ. Населеніе Вѣны съ пригородами перевалило за 2 мил. (2.021.000 ч.), городъ продолжаетъ расти и украшаться.

Восточныя Альпы занимаютъ Тироль съ Форарльбергомъ, Зальцбургъ, Штирія и Каринтія. Вдоль средней оси горной системы простирается наиболѣе высокая, почти непроходимая гряда высотъ, сложенныхъ изъ массивно - кристаллическихъ по-

[1]) См. таблицу процентнаго отношенія народностей.

Дѣвушка изъ Тироля.

родъ; это Высокіе и Низкіе Тауры. Къ сѣверу и къ югу отъ нихъ болѣе низкія цѣпи слѣдуютъ тому же направленію, но, въ противоположность центральной грядѣ, они сложены изъ болѣе мягкихъ породъ и потому пробиты ущельями рѣкъ, которыя, протекая по глубокимъ продольнымъ долинамъ къ востоку, открываютъ себѣ выходъ къ Дунаю, въ то время какъ въ юго-западной части рѣки текутъ на югъ, къ По и Адріатическому морю. Эти долины открываютъ доступъ въ область восточныхъ Альпъ съ сѣвера, востока и юга. Естественно, что жители, предки нынѣшнихъ обитателей, заселили страну, явившись съ этихъ сторонъ. Съ сѣвера долины Зальцбурга и Тироля заселили нѣмцы. Съ востока въ долины Савы, Дравы и Мура проникли славяне. Съ юга по долинамъ Эча, Пьяве, Изонцо проникали итальянцы. Наиболѣе сильный нѣмецкій элементъ потѣснилъ остальныя, и потому нѣмецкая рѣчь звучитъ уже давно по ту сторону водораздѣловъ въ верхнихъ концахъ долинъ Эча, Мура, Дравы и Савы.

Тироль по характеру природы мало отличается отъ восточной Швейцаріи, но видъ горъ менѣе живописенъ. Тирольцы, имѣющіе вмѣстѣ съ происхожденіемъ много общаго съ баварцами, отличаются однако многими особенностями. Это типичные горцы, обитающіе въ глубинѣ долинъ и по склонамъ горъ до высотъ 1.500 — 2.000 м. Лучшія мѣста лежатъ въ долинѣ Эча, въ итальянскомъ Тиролѣ. Мягкій климатъ, напоминающій о близости Италіи и теплаго побережья Адріатики, способствуетъ развитію хозяйства, въ то время какъ въ остальныхъ частяхъ Тироля уединенные, отрѣзанные отъ міра уголки принуждали населеніе къ тяжелому и одинокому существованію. Горная природа наложила свой отпечатокъ на нихъ. Это крѣпкіе люди съ преобладаніемъ тѣла надъ духомъ. Насколько тяжело здѣсь существованіе, видно изъ того, что въ Тиролѣ только около 6% всего пространства заняты пашней, огородами и садами, подъ воздѣланными лугами около 12%, горные луга занимаютъ около 27%, все же остальное лѣсъ и безплодныя скалы. Вдобавокъ лучшіе земли и лѣса не всегда принадлежатъ населенію. Легкій, сравнительно, доступъ съ сѣвера и востока рано отдалъ страну въ руки разнымъ свѣтскимъ и духовнымъ князьямъ, а въ 1363 г. явились Габсбурги съ ихъ политикой господства надъ намѣренно оставляемыми въ невѣжествѣ и грубости первобытными народами.

Тирольцы живутъ въ большихъ бревенчатыхъ домахъ, побурѣвшихъ отъ выступившей смолы, съ покатыми крышами, которыя съ одного края спускаются почти до земли, доставляя тѣмъ защиту отъ дождя. Камни, уложенные на крышѣ рядами, какъ въ Швейцаріи, мѣшаютъ вихрямъ снести ее. Галлерейки, обѣгающія второй этажъ почти кругомъ и расположенные подъ защитой далеко выступающей крыши перила служатъ для сушки бѣлья, овощей, сѣна и обыкновенно украшены цвѣтами. Множество оконъ со ставнями придаютъ жилищу веселый видъ. Дома рѣдко скучены, большею частью они широко раскиданы по склонамъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ неизбѣжной церкви и столь же неизбѣжнаго Wirtshaus, т. е. гостинницы, харчевни, клуба и танцовальнаго зала одновременно. Обитатели ведутъ очень подвижную жизнь. Пастьба скота, сѣнокосы и работы на пашнѣ по раскиданнымъ среди скалъ клочкамъ обработанной земли, рубка лѣса, спусканіе бревенъ—зимой на саняхъ съ крутыхъ склоновъ, лѣтомъ—по гремучимъ, пѣнящимся ручьямъ съ узкими ущельями, въ которыхъ бревна часто застреваютъ, занимаютъ все время. Работа и передвиженіе происходятъ среди горной обстановки, преисполненной немалыхъ опасностей, а потому разныя избавленія отъ гибели, то отъ лавины, то отъ грозы, горнаго обвала, падающаго бревна, оборвавшагося каната при лѣсныхъ работахъ и т. п. перемежаются изрѣдка несчастьями.

Мѣста всякаго рода приключеній, гдѣ тотъ или иной злополучный тиролецъ лишился жизни, а чаще чудомъ, „заступничествомъ“ святого патрона, избѣжалъ гибели, отмѣчены крестами съ фигурками святыхъ и приношеніями жителей. Всякому начинанію предше-

ствуетъ молитва. Вѣра въ небесныя силы пропитываетъ все міровоззрѣніе, она коренится въ душахъ рѣдкаго и глубоко невѣжественнаго населенія глухихъ долинъ такъ крѣпко, что власти и церковь не имѣютъ надобности бороться здѣсь съ какими-нибудь тлетворными вѣяніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкіе, мужественные горцы, стрѣлки и охотники, по первому призыву исконныхъ властителей, подымались для защиты „престола, вѣры и отечества". Въ своихъ живописныхъ костюмахъ толпа молодежи въ праздникъ около церкви или стрѣльбища производитъ интересное впечатлѣніе. Грубая физическая дѣятельность, постоянное напряженіе всѣхъ мышцъ тѣла перевѣшиваютъ въ тирольцахъ духовную сторону человѣческаго существа, поэтому въ праздники и воскресенья, когда привычная дѣятельность тѣла испытываетъ перерывъ, тиролецъ ощущаетъ потребность въ движеніи. Онъ тратитъ этотъ избытокъ физической силы на танцы подъ звуки мотивовъ, которые родились здѣсь же въ горахъ, гдѣ человѣкъ привыкаетъ напрягать свой голосъ. Пастухи, дровосѣки, охотники, перекликаясь съ высотъ и черезъ пропасти, создали звучные „іодли", особые переливистые крики, характерные для тирольскихъ пѣсенъ. Залихватскія пляски въ корчмахъ съ притоптываніемъ башмаковъ, подбитыхъ громадными гвоздями, положили начало знаменитому вальсу, который вмѣстѣ съ музыкой перекочевалъ въ Вѣну, чтобы подъ смычкомъ Штрауса превратиться въ плавный, упоительный бальный танецъ. Мотивы звучныхъ пѣсенъ послужили матеріаломъ для многихъ композиторовъ Вѣны. Недаромъ Моцартъ родился въ Зальцбургѣ, сходномъ по природѣ и характеру жителей съ Тиролемъ. Разноплеменность населенія, увеличеніе числа жителей, новыя вѣянія, которыя заносятся въ Тироль по мѣрѣ развитія желѣзныхъ дорогъ, наплыва туристовъ и усложненія жизни, понемногу лишаютъ страну характера былой замкнутости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вездѣ въ Австріи, здѣсь пробудилась ожесточенная племенная вражда нѣмцевъ съ итальянцами, къ которымъ въ Штиріи и Каринтіи, въ качествѣ третьихъ соперниковъ, присоединяются славяне. Германскимъ центромъ въ Тиролѣ является Инспрукъ, городъ, живописно расположившійся у подножія главнаго перевала въ Италію, Бреннера. По ту сторону его нѣмцы распространились до Боцена, но далѣе къ югу обитаютъ рето-романы, ладины, говорящіе по-итальянски, для которыхъ центромъ является Тріентъ, мѣсто ожесточенныхъ стычекъ обѣихъ націй въ борьбѣ за національныя особенности.

Зальцбургъ и Каринтія, прилегающіе къ Тиролю съ востока, сходны съ нимъ по природѣ. И здѣсь населеніе рѣдко и, вслѣдствіе преобладанія горъ, жители больше заняты скотоводствомъ, чѣмъ обработкой земли и промышленностью. Цѣпью Карнскихъ Альпъ и Караванкъ Каринтія отрѣзана отъ Италіи. Поэтому здѣсь, какъ въ сосѣдней Штиріи, нѣмцы встрѣтили себѣ соперниковъ не въ лицѣ рето-романъ, а въ лицѣ словенцевъ. Вслѣдствіе культурнаго перевѣса и господствующаго положенія въ государствѣ нѣмцы, естественно, взяли перевѣсъ, и число ихъ продолжаетъ увеличиваться, какъ въ Каринтіи (74,8%), такъ и въ Штиріи (68,7%) даже теперь, когда славяне подымаютъ голову и вступаютъ въ ожесточенную борьбу съ вѣковыми поработителями. Штирія находится въ лучшемъ положеніи: восточная часть ея лежитъ на склонахъ Альпъ и въ холмистой странѣ, спускающейся къ венгерской низменности. Какъ въ Зальцбургѣ соль, которой въ окрестностяхъ Халлейна добываютъ тамъ на 2 мил. рублей, такъ здѣсь, наряду съ сельскимъ хозяйствомъ, берущимъ перевѣсъ надъ скотоводствомъ, имѣютъ большое значеніе старинные желѣзные рудники. Желѣзодѣлательная промышленность особенно развита въ окрестностяхъ Леобена, Брука и Форденберга. Заводы и кустари выпускаютъ ежегодно на рынокъ товаровъ на 15—20 мил. рублей и сбываютъ продукты своей дѣятельности не въ одной Австріи. Штирійскія косы распространены далеко къ востоку. Даже у насъ въ Тверской губерніи знаменитое кустарное производство косъ въ Осташковѣ погибаетъ отъ конкуренціи болѣе дешевыхъ и лучшихъ по качеству штирійскихъ косъ.

Въ Крайнѣ, прилегающей къ Штиріи и Каринтіи съ юга, горныя цѣпи смѣняются

безплодными известковыми нагорьями съ суровымъ материковымъ климатомъ. Здѣсь царство карста—горноизвестковаго пейзажа, покрытаго вмѣсто лѣса тощимъ кустарникомъ. Множество трещинъ и проваловъ вбираютъ атмосферные осадки и проводятъ воду въ глубь известковыхъ пластовъ. Рѣки, исчезающія въ пещерахъ, текущія подъ землей и снова вытекающія изъ пещеръ, провалы, носящіе здѣсь славянское названіе „долины", пещеры, иногда громадные, какъ напр. Адельбергская, исчезающія и вновь появляющіяся озера дѣлаютъ страну очень интересной для геолога. Но безплодная почва плохо оплачиваетъ трудъ человѣка, и, несмотря на то, что страна лежитъ на торговомъ пути изъ Вѣны въ Тріестъ, она не привлекла нѣмецкихъ колонистовъ. Здѣсь подавляющая масса жителей словенцы (94,2%), наиболѣе бѣдная, наиболѣе невѣжественная и наименѣе культурная славянская народность имперіи.

Берегъ моря, представляющій своими длинными заливами, множествомъ длинныхъ острововъ, крутизной известняковыхъ скалъ такъ называемый „далматинскій" типъ, совершенно почти отрѣзанъ отъ внутренности страны. Живописные заливы эти съ мягкимъ климатомъ, богатой растительностью и чудесными видами природы были оцѣнены еще въ древности. Въ эпоху имперіи богатые римляне имѣли здѣсь свои помѣстья. Сюда именно удалился на покой Діоклетіанъ. Такъ какъ изъ глубины двухъ заливовъ, охватывающихъ полуостровъ Истрію, открываются черезъ горы дороги въ долины Дравы и Дуная, то оживленныя торговлей гавани возникли здѣсь давно. Такъ Тріестъ, древнее Тергестумъ, насчитываетъ чуть не двухтысячное существованіе.

Послѣ римлянъ на этотъ уголокъ Иллиріи обратили свое вниманіе венеціанскіе купцы, которыхъ, кромѣ торговыхъ выгодъ, привлекали стройные корабельные лѣса, покрывавшіе нѣкогда склоны иллирійскихъ горъ. Постоянные сношенія съ Венеціей, съ Италіей положили настолько прочный отпечатокъ на славянскихъ обитателей побережья, что жителей многихъ городовъ и прибрежныхъ мѣстечекъ можно разсматривать какъ обитальянившихся славянъ. Самыя названія городовъ и селеній сплошь и рядомъ итальянскія. Несмотря на позднѣйшія пертурбаціи, итальянское вліяніе продолжаетъ господствовать на всемъ побережьи. Побережье подѣлено между Австріей и Венгріей. Каждая изъ половинъ имперіи имѣетъ здѣсь свой портъ, Австрія—Тріестъ, Венгрія—Фьюме (по-славянски Рѣка), каждая ревностно старается поднять значеніе своего порта и привлечь въ него торговлю. Пока первенство принадлежитъ Тріесту, въ которомъ сосредоточены всѣ учрежденія австрійскаго Лойда. Тріестъ ведетъ морскую торговлю преимущественно съ Востокомъ: Лойдъ обслуживаетъ своими грузовыми и пассажирскими пароходами, страховыми и другими учрежденіями всѣ гавани Леванта. При всей своей древности Тріестъ производитъ впечатлѣніе молодого города. Только въ центрѣ города сохранились старинные кварталы. Улицы кипятъ жизнью, площади залиты народомъ, движеніе—огромное. Здѣсь, какъ на югѣ Европы, живутъ на улицахъ. Съ перваго взгляда замѣтно необыкновенное разнообразіе обитателей Тріеста. Среди выходцевъ изъ всѣхъ странъ Средиземноморья господствуютъ три элемента: итальянцы, австрійцы и славяне. Итальянцы чувствуютъ себя здѣсь какъ въ Италіи и основываются при этомъ на языкѣ, племенной связи, на воспоминаніяхъ и на сосѣдствѣ. Славяне имѣютъ за собой право численности. Жителей, обитающихъ внутри полуострова Истріи и являющихся въ городъ съ продуктами и на работы, называютъ здѣсь чичи. Они, повидимому, не славянскаго происхожденія и представляютъ изъ себя жалкій, невѣжественный и до крайности бѣдный типъ обитателей безплоднаго Карста.

Если Тріестъ съ его разноплеменнымъ населеніемъ оживленный торговый городъ, то нельзя сказать того же о Фьюме, несмотря на всѣ старанія венгерскаго правительства поднять его значеніе. Фьюме лежитъ въ глубинѣ залива Кварнеро и обладаетъ очаровательными окрестностями, напоминающими итальянскую Ривьеру. Климатъ здѣсь такъ мягокъ, что кусты камелій и лавровыя рощи цвѣтутъ въ серединѣ зимы. Особенно славится

Аббація, лежащая, впрочемъ, на австрійской территоріи. Къ югу отъ Фьюме расположенъ рядъ городковъ, которые всѣ лѣпятся къ скаламъ, какъ гнѣзда ласточекъ. Это Зара, Спалатто, Рагуза и, наконецъ, Каттаро или по-славянски Которъ, лежащій въ знаменитомъ заливѣ, составленномъ изъ сочетанія продольныхъ и поперечныхъ, залитыхъ моремъ долинъ. Надъ городомъ подымаются круто горы, и на высотѣ, гдѣ лежитъ перевалъ, черезъ который дорога ведетъ въ Цетинье, лежитъ ревниво охраняемая австрійская граница, а далѣе къ юго-востоку выклинивается и сама Далмація. Кромѣ этихъ городовъ, другихъ по ту сторону свѣсившихся къ морю горъ нѣтъ. Даже селенія очень рѣдки. Безплодныя горы служили нѣкогда убѣжищемъ славянскимъ бѣглецамъ, „ускокамъ", прятавшимся здѣсь и отсюда производившимъ по морю и на сушѣ свои грабительскія нападенія на турецкія владѣнія. Память объ этихъ временахъ, какъ и о временахъ, когда венеціанцы и генуэзцы владѣли моремъ и взаимно враждовали, исчезаетъ уже подъ наплывомъ новой жизни, но старинные, мрачные замки на недоступныхъ утесахъ краснорѣчиво говорятъ объ этомъ бурномъ прошедшемъ.

Чехи крестьяне.

Къ сѣверу отъ коренной Австріи лежитъ четырехугольный Богемскій массивъ, врѣзающійся въ предѣлы Германіи. Окруженная съ трехъ сторонъ горами, вершины которыхъ (до 1.500 м. высоты) смыкаются въ лѣсистыя гряды, Богемія понижается къ серединѣ. Здѣсь на югѣ высокія (до 800 м.) Моравскія высоты разгораживаютъ ее на двѣ плоскія котловины. Сѣверная котловина, Чехія, занята бассейномъ верхней Эльбы, въ которую въ окрестности живописнаго городка Мельникъ вливаются съ разныхъ сторонъ Сацава, Молдава (Влтава) и Бераунъ, а сѣвернѣе Эгеръ. Въ сѣверномъ углу страны Эльба прорывается по ущелью эльбскаго песчаника въ Саксонію. Къ юго-востоку отъ Чехіи за Моравскими высотами лежитъ Моравія (Мэренъ). Рѣки Морава или Мархъ и притокъ ея Тая пересѣкаютъ страну поперекъ, прокладываютъ себѣ дорогу черезъ невысокія предгорья Малыхъ и Бѣлыхъ Карпатъ и изливаются къ Дунаю. Такимъ образомъ Моравія представляетъ короткую ложбину, открытую на юго-западъ, къ Верхней Австріи, и на востокъ, къ Силезіи и Польшѣ (Моравскія ворота между Бескидами и Гезенке). Волнистая мѣстность Богеміи, обладающей, благодаря горной защитѣ со всѣхъ сторонъ, прекраснымъ климатомъ, содержитъ въ своихъ нѣдрахъ немалые запасы каменнаго угля и другихъ полезныхъ ископаемыхъ. Страна, расположенная въ средоточіи многолюдныхъ и культурныхъ областей, представляетъ чрезвычайно удобную мѣстность для заселенія. И дѣйствительно, несмотря на тяжелое прошлое, Богемія едва ли не самая людная, богатая и культурная область имперіи, „лучшій алмазъ въ коронѣ", какъ принято выражаться. Нѣкогда ее заселяли кельты, бойи, отъ которыхъ страна получила свое названіе (Bojoheim). Къ нимъ въ первые вѣка послѣ Р. Хр. присоединились германскія племена (маркоманы или баювары, баварцы), главная масса которыхъ, впрочемъ, въ VI ст. передвинулась въ Баварію и Тироль. Затѣмъ въ Моравію, а черезъ Моравскія высоты въ долину Молдавы проникли чехи, славянское племя, близкое ляхамъ или полякамъ и появившееся со стороны Карпатъ. Лѣсистыя окраинныя горы служили первымъ князьямъ и королямъ страны хорошей защитой отъ внѣшнихъ враговъ. Поэтому здѣсь успѣла сложиться славянская держава, которая вначалѣ поддерживала отношенія со своими родичами на востокѣ и юго-востокѣ. Какъ извѣстно, распространеніе

христіанства и начатки просвѣщенія связаны въ Чехіи съ дѣятельностью просвѣтителей славянъ, Кирилла и Меѳодія. Но вскорѣ германскій элементъ охватилъ Богемію кругомъ почти сплошнымъ кольцомъ. Нѣмцы были во всѣхъ отрасляхъ жизни несомнѣнно культурнѣе чеховъ и моравовъ. Это обстоятельство и большія, незаселенныя лѣсныя пустоши поощряли туземныхъ властителей приглашать нѣмцевъ въ страну въ качествѣ желательныхъ колонистовъ. Страна, расположенная между южной Германіей и Польшей, вскорѣ заняла высокое культурное мѣсто, и Прага съ ея университетомъ уже въ XIV ст. выдѣлялась, какъ замѣтный умственный центръ. Неудивительно, что здѣсь, въ мѣстѣ тѣснаго соприкосновенія двухъ разнохарактерныхъ народностей первыя попытки реформаціи пустили крѣпкіе корни въ національномъ чувствѣ. Въ теченіе столѣтія гусситскихъ войнъ германизмъ испыталъ въ Богеміи такія пораженія своему наступательному движенію отъ славянства, какъ, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ низовьевъ Вислы. Несмотря на послѣдующее торжество, наступившее въ эпоху тридцатилѣтней войны, когда послѣ страшнаго пораженія на Бѣлой Горѣ чехи лишились всѣхъ національныхъ пріобрѣтеній, германскій элементъ не въ состояніи былъ задавить національное самосознаніе. Нѣмцы, численность которыхъ постепенно возрастала, проникали въ Богемію со всѣхъ сторонъ и селились преимущественно по окраинамъ страны, такъ какъ середина издавна обладала густымъ населеніемъ. Къ началу XIX в. культурныя различія между нѣмцами и чехами совершенно изгладились. Сохранился только чешскій языкъ, на которомъ говорили, впрочемъ, и нѣмцы, какъ чехи не избѣгали нѣмецкаго языка. Подавляющее большинство населенія исповѣдывало уже католицизмъ, который совершенно вытѣснилъ изъ страны протестантизмъ и всякія секты, которыми такъ богата была Богемія въ реформаціонную эпоху. Въ началѣ XIX в. національное самосознаніе чеховъ начинаетъ однако пробуждаться.

Чешскія крестьянки.

Изслѣдованія чешскихъ ученыхъ надъ памятниками старины воскрешаютъ прошлое. Многочисленные энстузіасты принимаются за подъемъ славянства путемъ оживленія школы, чрезъ посредство народной литературы и множества способовъ, ускользавшихъ отъ бдительной подозрительности австрійскаго правительства. Несомнѣнно, что увеличеніе населенія, ростъ промышленности и городовъ, появленіе сельскаго и фабричнаго пролетаріата обострили жизненную борьбу, которая при наличности двухъ соперничающихъ племенъ приняла національный характеръ. По мѣрѣ того, какъ національное движеніе захватывало все большія массы богемскихъ славянъ, оно принимало демократическій характеръ и съ каждымъ десятилѣтіемъ становилось ожесточеннѣе. Болѣе многочисленные чехи при равенствѣ культурнаго состоянія взяли перевѣсъ надъ соперниками и перешли въ столь энергичное наступленіе, что въ короткое время принудили нѣмцевъ

къ выселенію. Какъ во времена Гусса, нѣмцы покидаютъ Прагу, въ которой нѣмецкимъ ремесленникамъ, купцамъ и людямъ другихъ профессій съ каждымъ годомъ становится жить труднѣе и труднѣе въ виду бойкота со стороны чеховъ. Столкновенія, уличныя побоища, чуть не революціи сдѣлали положеніе нѣмцевъ невыносимымъ.

Въ настоящее время чехи-націоналисты домогаются для Богеміи такого же положенія въ имперіи, какимъ пользуются венгры. Надо сознаться, что они имѣютъ на то больше права, чѣмъ венгры, такъ какъ рѣшительно преобладаютъ въ странѣ: въ Богеміи 62,7% славянъ и 37,3% нѣмцевъ. Прага насчитывала въ 1890 г. въ числѣ своихъ жителей еще 16% нѣмцевъ, между тѣмъ какъ въ 1900 г. ихъ оставалось лишь 10%, и съ тѣхъ поръ численность нѣмцевъ продолжаетъ быстро убывать. Даже въ сѣверныхъ округахъ, гдѣ нѣмцы рѣшительно преобладали, наблюдается вторженіе чеховъ. Такъ въ промежутокъ 1890—1900 г. процентъ нѣмецкаго населенія упалъ въ Дуксѣ съ 87% до 79%, въ Теплицѣ съ 97% до 90%, въ Траутенау съ 82% до 79%, и т. д. Средняя плотность населенія достигаетъ въ Чехіи 126, а въ Моравіи 114 ч. на кв. к., но плодородныя и промышленныя области въ сѣверо-восточномъ углу Богеміи населены гораздо плотнѣе. Что касается физическаго типа и характера славянъ Богеміи, то кромѣ языка и яраго націонализма они почти ничѣмъ не отличаются отъ смежно живущихъ нѣмцевъ, отъ, которыхъ чехи вмѣстѣ съ культурой усвоили добродѣтели и пороки. Они также дѣятельны, трудолюбивы, экономны, аккуратны, неуклонно послѣдовательны въ стремленіяхъ, такъ же стадно сплачиваются въ союзы, а въ отношеніи педантическаго отношенія къ дѣлу перещеголяли своихъ наставниковъ, такъ какъ, что касается формализма, то чехи-чиновники славятся еще болѣе нѣмецкихъ. Въ нихъ незамѣтно ни слѣда славянской распущенности, славянскаго добродушія, которыя сохранились у ихъ родичей на югѣ и востокѣ. Богемія испытала сильныя религіозныя гоненія и національное угнетеніе, поэтому она уже давно лишилась туземной родовой аристократіи. Представители древней знати либо выселились

Женщина изъ Богеміи.

вслѣдствіе конфискацій и раззореній, либо онѣмѣчились. Мѣсто ихъ заняли нѣмцы и представители самыхъ разнообразныхъ національностей, которыми всегда кишѣлъ австрійскій дворъ. Ни для кого не тайна, что подъ видомъ религіозныхъ и политическихъ гоненій скрываются процессы пріобрѣтенія и концентраціи земельныхъ владѣ й. Въ печальную эпоху религіозныхъ гоненій громадныя пространства Богеміи съ пажитями, лѣсами и рудниками попали въ руки немногихъ лицъ, которые съ титулами князей и графовъ до сего дня ведутъ роскошное существованіе на доходы съ имѣній, а когда являются туда для охоты или ревизіи, то традиціонно встрѣчаются приниженнымъ населеніемъ съ королевскими почестями. Немного болѣе трети населенія въ Чехіи и почти половина въ Моравіи заняты въ земледѣліи, представляя изъ себя мелкихъ хлѣбопашцевъ, собственниковъ карликовыхъ хозяйствъ, а больше безземельныхъ арендаторовъ и батраковъ. Значительно большая часть чеховъ (42%) занята въ промышленности, различныя отрасли которой очень развиты. Копи угля (Теплицъ, Брюксъ, Пильзенъ, Кладно), серебросвинцовые, цинковые и другіе рудники вызвали къ жизни промышленность. Промышленность развѣтвилась въ разнообразнѣйшія отрасли, вырабатывающія превосходныя издѣлія, какъ напр., гончарное, стеклянное производство, текстильная индустрія, обработка металловъ и дерева, пивовареніе (Пильзенъ), которое процвѣтаетъ благодаря знаменитымъ плантаціямъ богемскаго хмѣля, составляющимъ славу Зааца на Эгерѣ. Кромѣ Праги съ населеніемъ почти въ $^1/_4$ мил., Богемія усѣяна множествомъ городовъ и городковъ промышленнаго характера. Несмотря на развитіе промышленности, земельная тѣснота и связанная съ этимъ тягота существованія гонятъ многихъ чеховъ съ родины. Какъ видно изъ таблицы населенія, они распространены, хотя и въ небольшомъ числѣ, во всѣхъ областяхъ имперіи. Не мало ихъ уходитъ и за предѣлы страны, нерѣдко въ видѣ кучекъ странствующихъ музыкантовъ; какъ извѣстно, чехи музыкальный народъ—скрипка или иной инструментъ имѣется чуть не въ каждомъ домѣ, въ каждой хатѣ.

Къ востоку отъ Богеміи лежитъ Силезія, остатокъ большой провинціи, которую Фридрихъ II послѣ семи лѣтъ войны отнялъ у Австріи. Смѣшанное населеніе ея скучено еще сильнѣе, чѣмъ въ Богеміи (141 ч. на 1 кв. к.). Оно состоитъ изъ нѣмцевъ (44,7%), чеховъ (22%), поляковъ (33,2%) и евреевъ. Промышленность развита не менѣе, чѣмъ въ Богеміи, и имѣетъ въ основѣ своей знаменитыя угольныя копи Острау. Страна лежитъ въ мѣстѣ „Моравскихъ воротъ“, въ верховьяхъ Одера и пользуется для распространенія своихъ продуктовъ дорогами во всѣ стороны.

Моравія и Силезія примыкаютъ къ Карпатамъ, водораздѣльный гребень которыхъ является скорѣе границей офиціальной Венгріи, чѣмъ границей этнографической, такъ какъ кругомъ Татры живутъ во всѣ стороны славяне. Галиція и Буковина съ ихъ польскимъ и малорусскимъ населеніемъ представляютъ часть бывшей Польши [1]). Хотя обѣ области примыкаютъ къ Венгріи, но въ 1867 г., когда монархія приняла свой двойной видъ, венгры не захотѣли включить Галицію и Буковину въ свои земли, опасаясь сплошного славянскаго населенія ихъ, такъ какъ даже въ нынѣшнихъ коронныхъ земляхъ численный перевѣсъ венгровъ надъ другими національностями сомнителенъ.

Галиція расположена на внѣшнемъ склонѣ Карпатъ и состоитъ изъ полосы, примыкающей къ горамъ, лѣсистой, богатой мѣстами ископаемыми, какъ напр. солью около Бохніи и Велички, каменнымъ углемъ на границѣ Силезіи, цинковыми, свинцовыми рудами, наконецъ, нефтью и земляным воскомъ въ окрестности Борислава. Лессовая равнина южной половины Галиціи лежитъ на Подольскомъ гранитномъ плато и представляетъ край русской равнины. Гребень Карпатъ, гдѣ чрезъ нихъ прорывается Попрадъ,

---

[1]) Въ концѣ IX ст. вся область стала достояніемъ Польши, въ 1772 г. Австріи досталась западная, въ 1792 г.—восточная часть страны, а въ 1846 г. ей же достался Краковъ съ окрестностями.

является мѣстомъ соприкосновенія трехъ славянскихъ народностей. Здѣсь лежитъ возвышенность Татра, горная страна, окрестности которой родина многихъ славянъ. Высокую западную часть Карпатъ и склоны ихъ, обращенные къ Венгерской низменности, занимаютъ словаки; на внѣшнемъ склонѣ, отъ Попрада и Дунаевца по Вислѣ и до Сана живутъ поляки, „ляхи", какъ называютъ обитателей равнины, и „горалы", обитатели горной полосы; остальное пространство Галиціи занимаютъ малороссы, которыхъ австрійскіе нѣмцы намѣренно считали особымъ, не русскимъ племенемъ и окрестили именемъ „рутены". Въ южной Буковинѣ почти сплошную массу жителей составляютъ молдаване (румыны), рядомъ съ которыми въ горахъ обитаютъ славянскіе гуцулы. За исключеніемъ нѣкоторыхъ горнозаводскихъ округовъ на всемъ пространствѣ Галиціи и Буковины рѣшительно преобладаетъ земледѣліе. Наименѣе благопріятное впечатлѣніе производитъ сельское населеніе австрійской Польши. Польскіе крестьяне испили горькую чашу крѣпостного права, и слѣды его явственно замѣтны до сего дня въ лицѣ невѣжества, бѣдности и неряшливости. Польскіе крестьяне обитаютъ въ довольно убогихъ избахъ подъ встрепанными соломенными крышами, въ одной половинѣ хозяева, въ другой—скотъ. Селеніе, возлѣ котораго въ сторонѣ обыкновенно виднѣется панскій домъ, нерѣдко съ претензіей на роскошь и съ явственными слѣдами упадка былого величія, имѣетъ своимъ средоточіемъ костелъ и корчму. Нѣмцы, относящіеся презрительно къ славянамъ, привыкли повторять, что во всякомъ польскомъ селеніи есть три вещи: панъ, мужикъ и корчма. Такъ какъ характеристику польскаго народа предполагается дать въ другомъ мѣстѣ, то здѣсь можемъ только упомянуть, что при общительности и склонности къ веселью, столь свойственнымъ полякамъ, корчма съ ея еврейскимъ населеніемъ, дѣйствительно, необходимая принадлежность села. Праздники распредѣляются поровну между религіей и весельемъ, между костеломъ и корчмой. Алкоголь, пѣсни, музыка и пляски, ссоры, потасовки, за которыми слѣдуетъ быстрое примиреніе и новая дружба, мирятъ обездоленныхъ обитателей польской деревни съ ихъ положеніемъ. Такъ какъ въ австрійской Польшѣ поляки занимаютъ на территоріи бывшаго Царства Польскаго господствующее положеніе по отношенію къ другимъ народностямъ и не испытываютъ угнетенія своей національности, какъ въ Пруссіи и Россіи, то здѣсь среди культурной части народа отсутствуютъ мотивы соперничества съ притѣснителями, двигатели сплоченія и защиты національнаго достоянія. Поэтому здѣшнее дворянство и горожане, наиболѣе дѣятельной частью которыхъ являются впрочемъ евреи, до извѣстной степени живутъ по традиціямъ старой Польши. Хозяйство помѣщиковъ, не говоря о крестьянахъ, далеко не находится въ томъ цвѣтущемъ состояніи, какъ въ областяхъ, населенныхъ нѣмцами и чехами. Поляки составляютъ въ Галиціи 54,7% ея населенія (въ Буковинѣ всего 3%). Остальную массу составляютъ русины (42,3%). Слѣдуетъ, однако замѣтить, что въ числѣ польскаго и русскаго населенія зарегистрировано очень много евреевъ, численность которыхъ для Галиціи не менѣе 11%. Нѣмцевъ здѣсь менѣе 3%. Число ихъ замѣтно убываетъ. Земледѣліе не въ состояніи занять всѣхъ жителей, и чѣмъ далѣе, тѣмъ все большее число ихъ стремится въ города или эмигрируетъ.

Нѣмецкіе рабочіе и ремесленники не могутъ удержать высокую заработную плату, которую сбиваютъ менѣе культурные и прихотливые выходцы изъ польскихъ и малорусскихъ селъ, и постепенно выселяются. Слѣдомъ за ними выселяются торговцы, оставляя свое мѣсто евреямъ и полякамъ. Галицкіе малороссы, обращенные усиліями польскихъ пановъ и духовенства въ уніатовъ, знали нѣкогда лучшіе дни. Когда-то здѣсь существовала Червонная Русь, большое Галицкое княжество и королевство. Но съ упадкомъ Кіевской Руси славянство оказалось не въ состояніи сохранить политическую самостоятельность среди сосѣдей, слагавшихся въ большія политическія государства (Польша, Венгрія, Турція,) въ странѣ, лишенной почти со всѣхъ сторонъ природной защиты и по плодородію своей почвы являвшейся приманкой для сосѣдей. Связанная болѣе тѣсно естественными усло-

*

віями съ Польшей, эта часть территоріи, заселенной малороссами, сдѣлалась достояніемъ послѣдней. Польское дворянство, захватившее здѣшнія земли, успѣло подавить малорусскую національность здѣсь и на Волыни, какъ это видно хотя бы изъ того обстоятельства, что галицкое и волынское населеніе приняло унію, которая встрѣтила непреодолимое сопротивленіе въ остальной части Малороссіи. Здѣшніе малороссы, „русняки", „русины", мало отличаются отъ нашихъ. Нарѣчіе ихъ, правда, нѣсколько иное, чѣмъ то, какимъ говорятъ въ Кіевѣ и Полтавѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ русины соприкасаются съ поляками и румынами, замѣтны чуждыя черточки въ бытѣ—въ устройствѣ дома, пищѣ, въ одеждѣ. Культурное состояніе малороссовъ въ Австріи нѣсколько выше, чѣмъ въ Россіи. Австрійское правительство здѣсь, какъ вездѣ, клало въ основу своего господства народное невѣжество, оно относилось крайне ревниво къ родственной связи „рутеновъ" съ малороссами и охотно допустило въ Галиціи господство поляковъ, какъ народности, настроенной враждебно къ русскому правительству. Но среди непрерывныхъ треволненій, испытываемыхъ многоязычной имперіей послѣ 1848 г., года паденія Метерниховской системы, австрійцы не въ состояніи были подавить тѣ формы возрожденія національности, къ какимъ прибѣгаетъ каждый угнетенный народъ, именно оживленіе языка, старины, литературы и школы. Въ Галицкой Руси пробужденіе національнаго самосознанія началось въ первую половину XIX ст., и въ настоящее время подъемъ его настолько замѣтенъ, что господамъ страны, полякамъ, все болѣе и болѣе приходится считаться съ русинами.

Венгры крестьяне.

Галиція, особенно польская часть ея, имѣетъ не мало большихъ и старинныхъ городовъ. Такъ, старый городъ Краковъ, нѣкогда столица Польши, съ университетомъ, стоитъ въ центрѣ дорогъ и среди промышленной области. Около него два соляныхъ города Бохнія и Величка съ глубокими и любопытными соляными шахтами, разрабатываемыми очень давно. Львовъ или Лембергъ еще люднѣе Кракова. Какъ въ Богеміи и въ другихъ славянскихъ земляхъ, нѣмцы окрестили здѣшніе славянскіе города нѣмецкими названіями, но названія эти плохо прививаются. Множество мелкихъ городовъ съ населеніемъ отъ 60.000 до 15.000—10.000 ж. разсѣяно въ странѣ: Пжемышль, Тарновъ, Ярославъ, Станиславъ, Тарнополь, Броды, Самборъ, Стрый и другіе. Гораздо меньше городовъ въ Буковинѣ, чаще подвергавшейся нашествію турокъ. Здѣсь центромъ служатъ Черновицы съ нѣмецкимъ университетомъ.

Земли Венгерской короны захватываютъ все внутреннее пространство, охватываемое дугой Карпатъ и простирающееся на западъ до холмистыхъ предгорій Альпъ, на юго-западъ — къ Динарскимъ Альпамъ, на югъ — къ холмистымъ предгорьямъ возвышенностей Балканскаго полуострова. Громадная плоская впадина Венгерской

низменности имѣетъ всего два выхода, которые открываетъ ей Дунай на западѣ у Пресбурга и на юго-востокѣ у Орсовы. Здѣсь смыкающіяся громады Карпатъ и Балканъ стѣсняютъ теченіе Дуная въ узкомъ ущельи, называемомъ „Желѣзныя ворота". Дунай пересѣкаетъ страну, и къ нему по естественному склону сбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ рѣки съ многочисленными притоками. Возвышенность Баконскаго лѣса отгораживаетъ западный уголъ, занятый Малой Венгерской низменностью. Рудныя горы отгораживаютъ на востокѣ другой уголъ, внутри котораго различныя горныя цѣпи раздѣляютъ страну на нѣсколько высокихъ котловинъ, откуда рождающіяся въ восточныхъ Карпатахъ рѣки, Тисса, Самошъ и Марошъ, прокладываютъ себѣ дорогу къ западу. Середину низменности вдоль текущихъ параллельно къ югу Дуная и Тиссы занимаетъ обширная степь, „пушта". Зеленая равнина ея теряется на горизонтѣ, и кругомъ видны только небо и земля. Ни деревца, ни кустика. Лишь въ послѣднее время въ пуштѣ близъ рѣкъ стали разводить деревья—акаціи и меланхолическія ивы, окаймляющія берега Тиссы. Мѣстами лессовая равнина покрыта пространствами летучихъ песковъ, тамъ и сямъ раскинуты озерки насыщенной горькой солью воды. Въ знойные дни, миражи, какъ въ пустынѣ, висятъ въ воздухѣ и дразнятъ путника. Пушта, вѣрнѣе, пушты раскинуты по всей низменности. Число ихъ около 3.000, и одна изъ самыхъ большихъ, пушта Хортабагы, занимаетъ до 1000 кв. к. На ней пасутся около 30.000 коней. Тисса, пожалуй, главная рѣка Венгріи, лѣниво вьется черезъ пушту по слабому уклону, образуя въ обѣ стороны безчисленныя извилины, оставляя на пути своего прежняго теченія старицы. Когда дожди въ Семиградьи наполнятъ водой ея притоки, прибыль воды въ Тиссѣ вслѣдствіе слабаго паденія ея ложа запруживаетъ воды притоковъ, и происходятъ невѣроятно опустошительныя наводненія. Въ 1879 г. ужасное наводненіе почти разрушило г. Сегединъ. У подножія Баконскаго лѣса лежитъ громадное озеро Балатонъ, Блатно, Платенъ, какъ называютъ его венгры, нѣмцы и славяне; оно, подобно Чаду, илисто, мелко и сильно заростаетъ камышами. Громадная, защищенная горами низменность обладаетъ материковымъ климатомъ, особенно лѣтомъ жара и сухость невыносимы. Въ этомъ отношеніи срединная Венгрія истинное преддверіе русскихъ степей. Дорога по Дунаю вверхъ и внизъ, и положеніе страны между Балканскимъ полуостровомъ и остальной Европой втянули населеніе ея въ историческій круговоротъ раньше, чѣмъ южно-русскую степь. Римляне проникли сюда отъ береговъ Адріатическаго моря, очаровательное побережье котораго по обѣ стороны Тріеста тогда, какъ теперь, привлекало чужеземцевъ. Они застали въ странѣ пастушеское населеніе. Склоны Баконскаго лѣса одѣты дубовыми лѣсами, представляющими естественное пастбище для свиней. Современные пастухи полудикихъ свиныхъ стадъ, извѣстные подъ названіемъ гонашей, одѣваются въ широкіе бѣлые плащи съ нашитыми на нихъ лоскутами красной ткани въ видѣ разныхъ фигуръ. По словамъ Діона Кассія, по этой одеждѣ римляне назвали страну Панноніей [1]). Кто населялъ въ тѣ времена гористыя окраины страны, не совсѣмъ ясно. Въ эпоху переселенія народовъ низменность эта была мѣстомъ, гдѣ толклись разные азіатскіе степняки, извѣстные подъ общимъ именемъ гунновъ. Затѣмъ явились авары и съ ними славяне. Пришельцы частью уходили назадъ, частью растворялись въ мѣстномъ населеніи, пока въ страну не вторглись новые кочевники или полукочевники угры. Они явились въ страну въ концѣ IX ст., пройдя мимо Кіева. Кто такіе угры или венгры, „мадьяры", какъ они себя называютъ, до сихъ поръ не совсѣмъ ясно. Ихъ причисляли къ уралъ-алтайцамъ, но опредѣлить точно, финны они или тюрки, довольно трудно. На основаніи изученія ихъ языка ученые склоняются къ финскому происхожденію [2]) мадьяръ [3]). Первоначальную родину ихъ ищутъ

[1]) Pannus по латински значитъ лоскутъ.

[2]) Weske, Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik des finnischen Sprachstammes.

[3]) Слово „мадьяръ" отождествляютъ съ тюркскимъ „баяръ"—князь, господинъ. Egli, Nomina Geographica, стр. 955.

въ Югріи, подъ каковымъ именемъ подразумѣвается область съ неопредѣленными границами, расположенная по обоимъ склонамъ сѣвернаго Урала. Такимъ образомъ венгры оказываются близкими родичами вогуловъ и остяковъ. Изъ своей родины племя это передвинулось южнѣе, было покорено волжскими болгарами, хозарами, подверглось вліянію и смѣшенію съ тюрками, разныя племена которыхъ (печенѣги) обитали въ южной Россіи. Затѣмъ они раздѣлились на двѣ орды, одна изъ которыхъ прошла по южной Россіи къ Карпатамъ и заняла венгерскую степь, оттѣснивъ во всѣ стороны славянъ. Извѣстно, что набѣги венгровъ доставили много хлопотъ нѣмцамъ. Послѣ распространенія христіанства при Стефанѣ Святомъ бытъ народа испытываетъ перемѣны, начинаетъ распространяться земледѣліе, происходитъ постепенное смѣшеніе съ покоренными народностями Семиградья и Кроаціи, съ нѣмцами, которыхъ венгерскіе короли ревностно приглашали въ страну въ качествѣ культурныхъ колонистовъ. Блестящее существованіе независимой Венгріи было не особенно продолжительно, и въ 1526 г. королевство окончательно вошло въ составъ имперіи Габсбурговъ. Въ уединеніи пушты венгры, утерявъ первоначальный типъ, сохранили многія характерныя черты. Несмотря на возникновеніе аристократіи и образованіе большихъ имѣній масса венгерскаго народа не испытала такого унизительнаго рабства, какъ сосѣдніе крестьяне въ Польшѣ и Галиціи, не было здѣсь также иноземнаго гнета. Положеніе Венгріи на границѣ могущественной турецкой имперіи естественно превращало страну въ оплотъ противъ турецкихъ нашествій и поддерживало въ народѣ воинственныя качества. Наконецъ языкъ, чуждый языку сосѣдей, объединялъ венгровъ не менѣе, чѣмъ историческія традиціи. По всѣмъ этимъ причинамъ венгры развили въ себѣ сильное и чувствительное національное самолюбіе. Среди всѣхъ народностей Австрійской монархіи венгры никогда не уступали нѣмцамъ. Особенно сильный подъемъ національнаго сознанія начинается въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX ст. Появляется въ Пештѣ венгерскій

Венгерская крестьянка въ праздничномъ нарядѣ.

театръ, возникаетъ національная академія, зарождается и быстро расцвѣтаетъ пресса. Въ 1849 г. въ воинственной борьбѣ съ австрійской реакціонной политикой венгры бурнымъ натискомъ положили бы конецъ имперіи Габсбурговъ, если бы посланныя въ 1849 г. на помощь австрійцамъ русскія войска не спасли Австрію отъ разложенія. Но и будучи усмиренъ, этотъ буйный экспансивный народъ оказалъ такое сопротивленіе Вѣнѣ, что вынудилъ въ 1867 г. Австрію къ раздѣленію имперіи на двѣ равноправныя половины. Венгры составляютъ офиціально около 51% населенія земель венгерской короны, въ дѣйствительности число ихъ меньше, такъ какъ съ момента, какъ господствующее положеніе перешло къ нимъ, многіе обитатели Венгріи, особенно евреи, предпочитаютъ выдавать себя за венгровъ. Въ стремленіи подавить остальныя крупныя націи страны,—славянъ, румынъ и нѣмцевъ, венгры не уступаютъ нѣмцамъ, вслѣдствіе чего здѣсь господствуетъ тотъ же духъ племенной вражды, какой наблюдается въ любомъ углу монархіи. Особенности народа сохранились въ бытѣ—въ одеждѣ, въ пищѣ, жилищѣ и образѣ жизни въ глубинѣ пушты, гдѣ до сихъ поръ природныя условія благопріятствуютъ скотоводству. Здѣсь въ степи можно видѣть громадныя стада рогатаго скота, табуны лошадей, пасущихся въ сосѣдствѣ низкихъ, громадныхъ домовъ съ нахлобученными камышевыми крышами. Длинные журавли колодцевъ, видимые на горизонтѣ, предвѣщаютъ близость жилья. Бѣлыя или выкрашенныя охрой стѣны этихъ жилищъ, представляющихъ въ то же время громадные хлѣва, внизу до маленькихъ оконъ выкрашены голубой краской. Нѣсколько деревьевъ, бахчи съ арбузами и тыквой, цвѣты на окнахъ нарушаютъ однообразіе степи и веселятъ глазъ сочетаніемъ яркихъ красокъ. Пастухи и другіе обитатели пушты конный народъ, черные, загорѣлые брюнеты съ блестящими глазами и бѣлыми зубами, одѣты въ живописные костюмы. Бѣлые рубахи съ широкими рукавами, красные жилеты, нѣчто вродѣ юбки нерѣдко голубого или другого яркаго тона и высокіе, тяжелые сапоги со шпорами составляютъ обычный костюмъ; бунда, овчинная накидка, защищаетъ въ непогоду и служитъ постелью и одѣяломъ. Въ другихъ мѣстахъ страны и въ праздники, смотря по зажиточности и страсти къ нарядамъ, костюмы еще болѣе живописны. Легко понять, что именно изъ венгерскаго національнаго костюма, въ который вплелось, впрочемъ, немало славянскихъ мотивовъ, образовалась военная гусарская форма. Не менѣе живописны и характерныя шапки и шляпы. Подобно южно-американскимъ гаучо обитатели пушты проводятъ немалую часть своей жизни въ сѣдлѣ. Поэтому лошади, сбруя,

Венгерецъ.

упряжь, ѣзда – предметъ особаго интереса. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый языкъ богатъ выраженіями скотоводческаго быта. Такъ, табунщики называются чикосъ, пастухи — чордашъ, а тѣ, которые пасутъ стада въ пуштѣ—гульяшъ, слово, которымъ въ кулинарномъ искусствѣ называется заимствованное изъ Венгріи блюдо. Овечьи пастухи называются юхачъ, наконецъ, пастухи свиней, гонаши, до сихъ поръ носятъ одежду, о которой была рѣчь выше. Каждая изъ этихъ группъ образуетъ нѣчто вродѣ сословія или профессіональнаго братства, и каждая пользуется почетомъ въ нисходящемъ порядкѣ. Вооруженные длинными ременными на короткой рукояткѣ кнутами, которые, какъ змѣи, извиваются въ воздухѣ и издаютъ звуки, подобные ружейнымъ выстрѣламъ, наѣздники чикосы представляютъ очень живописную картину въ моментъ, когда цѣлая группа ихъ разсыпается по степи и съ гиканьемъ оцѣпляетъ разсыпанное стадо. Изящнымъ жестомъ руки наѣздникъ крутитъ бичъ и опускаетъ ею его трескомъ какъ разъ по намѣченную среди табуна жертву.

Въ жилищахъ господствуетъ чистота. У крестьянъ службы и дворы содержатся съ большой заботливостью. У горожанъ въ домахъ устроены внутреннія галлереи, выходящія въ небольшіе сады. Манера держать себя отличаетъ венгровъ отъ другихъ народностей—извѣстная важность и гордость осанки мужчинъ, живость и грація женщинъ, свобода движеній и обращенія, вѣжливость и довольно пышныя величанія говорятъ о томъ, что этотъ народъ чувствуетъ себя господиномъ въ странѣ. Слово „бестюлетъ“ (честь, достоинство) постоянно на языкѣ у венгра, и надо сказать, что образъ дѣйствія его рѣдко противорѣчитъ этому понятію.

Присутствіе въ странѣ большого числа цыганъ, а также собственная страсть венгровъ къ музыкѣ вызвали къ жизни увлекательно живыя и меланхолически заунывныя мотивы, полные тайной страсти и огня, которыя въ рукахъ Листа превратились въ очаровательныя рапсодіи. Вмѣстѣ съ музыкой развивались пляски—чардашъ самымъ названіемъ своимъ показываетъ, что этотъ танецъ возникъ въ степной корчмѣ, «чарда» [1]), среди пастуховъ (чордашъ), которые коротаютъ здѣсь вечерній отдыхъ за выпивкой, пѣснями, пляской, нерѣдко нарушаемыми потасовками—отзвукъ былого боевого пыла.

Выше было указано, что венгры составляютъ съ натяжкой половину обитателей королевства. Главная масса ихъ занимаетъ середину низменности отъ Пресбурга до Гросвардейна (съ запада на востокъ) и отъ Эссека до Мункача (съ юго-запада къ сѣверо-востоку). Часть венгровъ подъ названіемъ шеклеровъ занимаетъ восточный уголъ Семиградья. Остальныя народности окружаютъ венгровъ со всѣхъ сторонъ, заселяя холмистыя предгорья и внутреннія склоны окрестныхъ горъ. На сѣверѣ область высокихъ Карпатъ населяютъ словаки, славянская народность, родственная чехамъ, подвергшаяся сильному вліянію нѣмцевъ.

Въ Семиградьѣ главную массу жителей составляютъ румыны. На югѣ междурѣчье Савы и Дуная-Дравы, а также плоскогорья Адріатическаго моря занимаютъ сербы и отличающіеся отъ нихъ внѣшними признаками хорваты (кроаты). Эти сербо-хорваты оторванная часть великаго сербскаго народа, разселившагося на обширномъ пространствѣ внутри сѣверной половины Балканскаго полуострова. Заселенная ими полоса, подобно Венгріи, граничила съ Турціей, первая подвергаясь нашествіямъ и раззореніямъ. Въ прежнія времена жители не разставались съ оружіемъ, будучи ежеминутно готовы къ отпору. Малокультурный, огрубѣвшій народъ этотъ поставлялъ для войнъ того времени (Тридцатилѣтняя война, Семилѣтняя война) шайки солдатъ, нѣчто вродѣ башибузуковъ, грабежи и звѣрства которыхъ вошли въ поговорку. Впослѣдствіи подъ именемъ граничаръ обитатели лѣваго берега Савы представляли нѣчто вродѣ нашихъ казачьихъ линій, пока ихъ полувоенный строй не былъ упраздненъ за ненадобностью въ половинѣ XIX ст. Хорваты (отъ слова хора, гора, значитъ—горцы) обитали нѣкогда за Карпатами

[1]) Чорда значитъ стадо.

и происхожденіемъ, типомъ и языкомъ не отличаются отъ сербовъ, которые занимаютъ Славонію и составляютъ коренное населеніе Босніи и Герцеговины, не говоря про Черногорію, Сербское королевство и Старую Сербію. Въ началѣ X-го в. (924 г.) хорваты образовали особое королевство, которое нѣкоторое время сохраняло независимость, противустоя венеціанцамъ и венграмъ. Но въ 1091 г. венгры таки покорили его. Однако турецкое нашествіе оторвало страну отъ Венгріи, которая вернула себѣ господство надъ ней лишь въ 1699 г. Венгры оставили хорватамъ довольно призрачную независимость въ видѣ собственнаго ландтага. Послѣ изгнанія турокъ сюда черезъ границу переселилось не мало сербовъ, убѣгавшихъ отъ турецкаго владычества изъ Босніи. Но, видно, условія жизни для славянъ было здѣсь не особенно привлекательны, потому что часть ихъ, не пожелавшихъ выносить католическо-доспотическое воздѣйствіе австрійцевъ, переселилась подъ предводительствомъ Арсенія Черноевича въ Россію. Хорваты отличаются отъ сербовъ Славоніи тѣмъ, что они католики и, говоря на одномъ съ ними языкѣ, пользуются другимъ алфавитомъ. Численностью хорваты превосходятъ сербовъ Славоніи, обитающихъ въ междурѣчьи Савы и Дравы, раза въ три. Общее происхожденіе, языкъ и бытъ не въ состояніи однако перевѣсить религіозное различіе, на почвѣ котораго, въ связи съ покровительствомъ, какимъ хорваты пользовались со стороны правительства, уже давно между этими славянами существуетъ вражда. Хорваты беззастѣнчиво пользуются преимуществами своего положенія, доставляя австрійскому правительству преданныхъ католицизму агентовъ — чиновниковъ, священниковъ, учителей, для „культурной миссіи“ въ Босніи и Герцеговинѣ.

Дѣвушка магометанка изъ Босніи.

Какъ извѣстно, Боснія и Герцеговина были уступлены Австріи соглашеніемъ между этой имперіей и Россіей передъ русско-турецкой войной 1878—79 гг. Берлинскій конгрессъ закрѣпилъ это соглашеніе, а недавно, воспользовавшись переворотомъ въ Турціи, Австро-Венгрія присоединила обѣ области окончательно. Когда то, при Твердтко (1353—1391 г.), Боснія съ сосѣдними областями пользовалась независимостью, составляя особое королевство. Но въ 1463 г. ею овладѣли турки, участь, которой подпало и сосѣднее владѣніе Хумъ или Герцеговина, получившая это названіе благодаря тому, что одинъ изъ владѣтелей или „дуковъ“ ея утвердилъ за собой титулъ

дука или герцога (нѣмецкое herzog, по-славянски—герцегъ) съ помощью императора Фридриха III [1]).

Несмотря на то, что по переписи 1895 г. здѣсь числилось 673.246 православныхъ, 548.632 мусульманъ и 334.142 католиковъ [2]), все населеніе обѣихъ областей сербо-хорваты съ ничтожной примѣсью турецкой крови. При турецкомъ владычествѣ множество сербовъ принимало исламъ. Въ это же время населеніе разслоилось болѣе рѣзко на помѣщиковъ (беги), владѣвшихъ всею землею, и раю, т. е. нѣчто вродѣ крѣпостныхъ (кметы), обрабатывавшихъ за опредѣленно вознагражденіе (треть, „третина“ урожая помѣщику, десятина—казнѣ) помѣщичьи земли. Турки, какъ извѣстно, вопреки приписываемымъ имъ звѣрствамъ, относились къ состоянію покоренныхъ ими народовъ довольно равнодушно и халатно—мало мѣшались въ религіозныя дѣла, въ національныя распри, въ самоуправленіе, поскольку все это не грозило ихъ господству. Всякій, кто переходилъ въ исламъ, независимо отъ національности, начиналъ пользоваться полными правами. При такихъ условіяхъ число туречившихся сербовъ естественно росло.

Съ переходомъ подъ скипетръ Габсбурговъ положеніе населенія Босніи и Герцеговины рѣзко измѣнилось. Принявшись хозяйничать въ Босніи и Герцеговинѣ, австрійцы съ успѣхомъ трудились въ области матеріальной культуры: проводили простыя и желѣзныя дороги, учреждали почтовыя и телеграфныя станціи, улучшали сельское хозяйство, покровительствовали промышленно-заводской дѣятельности. Но все это носитъ съ одной стороны показной характеръ, съ другой—служитъ затаеннымъ традиціоннымъ цѣлямъ австрійской политики, имѣющей въ виду путемъ католической пропаганды разславянить босняковъ и превратить, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и другимъ культурнымъ мѣропріятіямъ, обѣ области въ опору для дальнѣйшаго движенія въ глубь Балканскаго полуострова, для послѣдующихъ захватовъ. Безпощадно жестокое культуртрегерство австрійцевъ направлено на двѣ группы населенія: на мусульманъ и православныхъ, въ то время какъ католики пользуются особымъ покровительствомъ. За время оккупаціи тягость налоговъ возросла противъ турецкихъ временъ, и, вмѣсто натуры, налоги стали взыскивать деньгами, что очень отяготило земледѣльцевъ. При туркахъ въ неурожай бегъ получалъ треть неурожая, въ то время какъ теперь налогъ взимается въ разъ установленномъ размѣрѣ, такъ что при общемъ упадкѣ и обѣднѣніи треть превратилась въ $^2/_5$. Введены кромѣ того новые налоги (церковный, школьный, налогъ на скотъ и др.).

Самое взиманіе обставлено разорительно и производится съ суровой безпощадностью. Турки въ извѣстныхъ случаяхъ (неурожай, градобитіе) находили возможнымъ не взыскивать налоговъ; имперское правительство не прощаетъ ни копейки.

„Всѣ налоги крестьянинъ долженъ уплачивать съ крайней точностью. Если онъ этого не сдѣлаетъ, власти не задумаются отнять у него имѣнье и довести до нищеты его семью... За долгъ въ нѣсколько флориновъ продается все имущество. Съ молотка продается даже хлѣбъ, вынутый изъ печи, продаются иконы и лампады, снимаютъ кожухъ съ плечъ должника; продаются собаки и кошки. Берутъ скотъ, хотя бы и зная, что онъ ему не принадлежитъ“).

Матеріальному гнету соотвѣтствуетъ духовное угнетеніе. Главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ мусульманскими и православными сербами сдѣлались въ рукахъ правительства хорваты. Хорваты вообще поставили своею цѣлью объединить всѣхъ южныхъ славянъ подъ своимъ главенствомъ и въ этихъ видахъ не брезгаютъ ролью орудій въ рукахъ австрійскаго правительства, преслѣдующаго вовсе не эти, а свои цѣли. Предметами особаго воздѣйствія

---

[1]) Lamouche, La peninsule balkanique, p. 90.

[2]) Лавровъ, Аннексія Босніи и Герцеговины, В. Е., 1909 г., III, стр. 36.

Боснякъ.

правительства стали въ Босніи и Герцеговинѣ церковь, школа и печать. Цѣлымъ рядомъ мѣръ правительство обезпечило процвѣтаніе католическихъ церквей и монастырей, школъ и способствуетъ упадку православныхъ, не говоря про мусульманскія. Судебныя преслѣдованія, штрафы и другія суровыя мѣры совершенно подавляютъ печатное и устное слово. Протесты и жалобы не получаютъ движенія или остаются безъ отвѣта. Даже сношенія съ сосѣдними Сербіей и Черногоріей, откуда правительство опасается проникновенія опасной для себя пропаганды, прекратились совершенно. Кордонъ стражи охраняетъ границу, точно отъ непріятеля, и всякій пастухъ, перебѣжавшій ее въ погонѣ за ускакавшей овцой, подвергаетья аресту и ряду другихъ непріятностей.

Неудивительно, что населеніе крайне озлоблено этой политикой, съ ненавистью относится къ новому режиму, чуть не вздыхая о временахъ турецкаго владычества, и во многихъ случаяхъ выселяется въ сосѣднія страны. Окончательное присоединеніе къ Австріи омрачило общія надежды, отдаливъ мечты босняковъ о великомъ сербскомъ королевствѣ въ далекое и неизвѣстное будущее.

Н. Березинъ.

Балканскій полуостровъ.

Географическій очеркъ.—Народности, ихъ историческое прошлое и взаимныя отношенія.—Румынія.—Болгарія.—Сербія.—Черногорія.—Турція.—Греція.

Середину и сѣверную часть Балканскаго полуострова до Дуная занимаютъ Болгарія, Сербія и Черногорія. Земли, лежащія по лѣвому берегу Дуная, занимаетъ теперешнее королевство Румынія.

Часть полуострова, гдѣ расположены эти земли, представляетъ, за исключеніемъ низменности Дуная, невысокое плоскогорье, по которому въ различныхъ направленіяхъ, взаимно пересѣкаясь, простираются невысокіе горные хребты, благодаря чему между ними остаются котловины, замкнутыя со всѣхъ сторонъ горами. На вершинахъ снѣгъ не таетъ лѣтомъ, онъ таетъ только кое-гдѣ въ глубокихъ ущельяхъ. Въ западной части полуострова тянутся параллельные ряды Динарскихъ Альпъ, которые къ югу отъ озера Скутари подходятъ къ горному узлу Шаръ-Дагъ. Отъ Шаръ-Дага, по направленію къ востоку, залегаетъ водораздѣлъ между притоками Дуная и рѣками, впадающими въ Эгейское море. Его образуютъ нѣсколько плоскихъ возвышенностей и короткихъ, высокихъ горныхъ массивовъ. Главной цѣпью горъ, по имени которой называется весь полуостровъ, являются Балканы. Балканы простираются къ востоку, оставляя къ югу отъ себя низменность рѣки Марицы. Сѣверные склоны Балканъ незамѣтно поднимаются отъ дунайской равнины невысокими террасами, къ югу они обрываются крутыми, неприступными стѣнами. По ту сторону Марицы, съ сѣверо-запада на юго-востокъ тянутся высокіе и дикіе хребты Рыло-Дагъ и Родопъ, а восточнѣе—невысокая цѣпь Деспото-Дагъ.

Расположеніе горныхъ цѣпей въ восточной части полуострова открываетъ сѣверную Болгарію вліянію холодныхъ зимнихъ вѣтровъ, дующихъ изъ русскихъ степей; отъ теплыхъ же вѣтровъ со стороны Адріатическаго моря Балканскій полуостровъ загороженъ горами. Поэтому, зимы здѣсь довольно холодныя, снѣгъ лежитъ мѣсяца три, лѣто жаркое и сухое. Только въ котловинахъ, къ югу отъ Балканскаго хребта, климатъ гораздо мягче. Котловины, которыя хорошо орошены, представляютъ часто сплошной садъ. Южная же часть, орошаемая р. Марицей, вся тонетъ въ зелени рисовыхъ полей.

Сѣверная и средняя часть Балканскаго полуострова лежитъ въ полосѣ лиственныхъ лѣсовъ. Еще недавно горы были одѣты густыми лѣсами. Въ прежнія времена лѣса эти служили надежной защитой бѣглецамъ, скрывавшимся отъ преслѣдованія турокъ. Въ настоящее время малокультурное населеніе безжалостно вырубаетъ ихъ. У подошвы горъ обыкновенно встрѣчается дубъ, каштанъ, грецкій орѣхъ, невысокіе холмы и террасы одѣты великолѣпными буковыми лѣсами, выше растетъ сосна, а еще выше стелятся альпійскіе луга, надъ которыми высятся отдѣльныя скалистыя вершины. На южныхъ склонахъ горъ

созрѣваютъ хорошіе сорта винограда, а придунайская равнина вся покрыта хлѣбными полями. Изъ хлѣбовъ здѣсь больше всего сѣютъ пшеницу и кукурузу.

Примыкающая на сѣверѣ къ Балканскому полуострову Румынія занимаетъ обширную низменность по нижнему теченію Дуная и южные и юго-восточные отроги Карпатъ. У подножія Карпатъ тянется широкая полоса холмовъ, составляющихъ самую красивую часть страны. Среди великолѣпныхъ лѣсовъ и парковъ, на скалахъ живописно расположилось множество монастырей и роскошныхъ замковъ мѣстныхъ магнатовъ. Отсюда до самаго Дуная тянутся сплошныя поля пшеницы, дающей прекрасные урожаи. Прибрежье Дуная отличается нездоровымъ климатомъ. Дунай въ своемъ теченіи напираетъ на правый берегъ, который высоко поднимается надъ водою размытыми террасами и холмами. Лѣвый, румынскій берегъ богатъ старыми руслами Дуная, представляющими теперь многочисленные лагуны, озера и болота. По этой равнинѣ протекаетъ много притоковъ Дуная, сбѣгающихъ съ Карпатъ. Приближаясь къ своему устью, Дунай огибаетъ возвышенность Добруджи и широкою дельтою изъ трехъ рукавовъ впадаетъ въ Черное море. Рѣка нанесла въ море большія отмели и отдѣлила отъ него неглубокія озера и лиманы съ соленою водою.

Климатъ Румыніи очень измѣнчивый. Страна совершенно открыта холоднымъ сѣвернымъ вѣтрамъ и закрыта горами съ юга. Лѣтомъ тамъ бываютъ очень сильныя жары, а зимой мѣсяца три лежитъ глубокій снѣгъ. Иногда снѣгъ быстро таетъ, и тогда весь берегъ Дуная заливается водой и топкой грязью.

Населенъ Балканскій полуостровъ еще довольно слабо. Здѣсь нѣтъ большихъ городовъ, какъ въ Западной Европѣ, наоборотъ, встрѣчаются огромныя пространства, совершенно почти незаселенныя и неразработанныя. Населеніе полуострова очень смѣшанное. За исключеніемъ турокъ, всѣ остальныя народности принадлежатъ къ арійской вѣтви.

Кромѣ турокъ по всему полуострову разсѣяно не мало грековъ. Они населяютъ, главнымъ образомъ, города, гдѣ занимаются торговлей и ремеслами. На югѣ Болгаріи встрѣчаются, впрочемъ, и цѣлыя деревни, населенныя исключительно греками. Главное ихъ занятіе земледѣліе, торговля и винокуреніе.

Греки до сихъ поръ еще сохранили свое вліяніе на всю умственную культуру полуострова. До начала XIX-го вѣка всѣ, кто умѣлъ читать или писать, читали и писали по-гречески. Славянской литературы почти не существовало. И до сихъ поръ греки неохотно отказываются отъ этого вліянія.

Основное же населеніе сѣверной и средней части Балканскаго полуострова, — это славяне. Славянъ считается всего около 9 милліоновъ, причемъ они дѣлятся приблизительно на равныя части,—$4^1/_2$ милліона сербовъ и $4^1/_2$ милліона болгаръ. Сербы населяютъ всю сѣверо-западную часть полуострова. Около 2-хъ милліоновъ ихъ живетъ въ сербскомъ королевствѣ, около $1^1/_2$ мил.—въ Босніи и Герцеговинѣ, около 300.000—въ Черногорскомъ княжествѣ и, наконецъ, сербы населяютъ также и сѣверную часть Македоніи, извѣстную подъ именемъ Старой Сербіи.

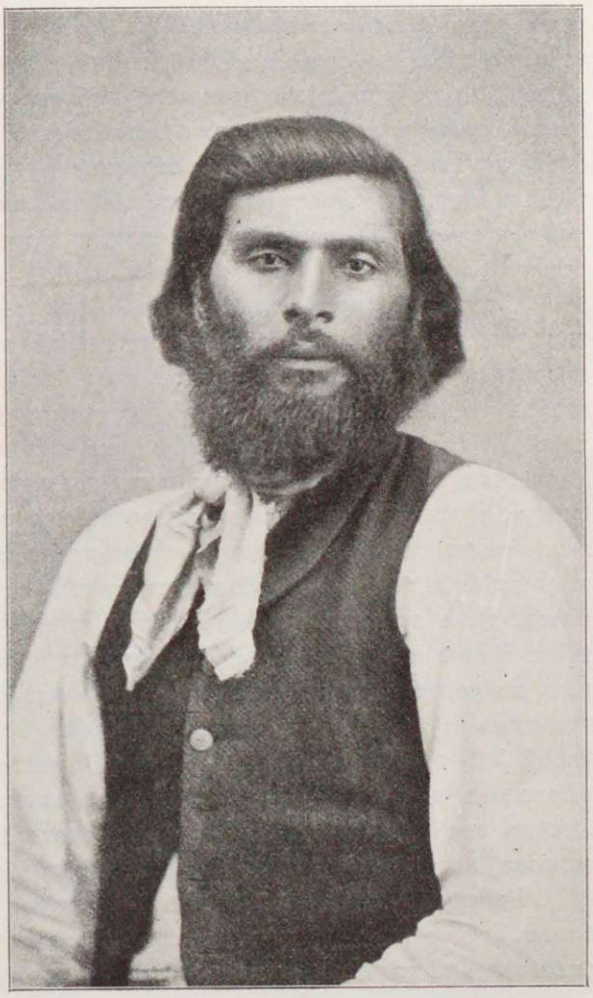
Болгары живутъ болѣе тѣсно. Въ самой Болгаріи и въ присоединенной къ ней Румеліи насчитывается болѣе $2^1/_2$ мил. болгаръ. Небольшое количество ихъ живетъ въ Румыніи, а остальные населяютъ Македонію и другія провинціи, находящіяся еще подъ властью турокъ. Въ одной Македоніи съ адріанопольскимъ виляетомъ ихъ насчитываютъ около $1^1/_2$ мил.

Между этими народностями замѣчается большая разница въ характерѣ и нравахъ. Болѣе живые, пылкіе и легкомысленные сербы напоминаютъ народности юго-западной Европы, особенно итальянцевъ. У нихъ наблюдается та же страстность, тотъ же духъ авантюризма, непостоянство и непослѣдовательность. Черногорцы успѣли сохранить свою независимость, а населеніе нынѣшней Сербіи освободилось отъ турецкаго ига почти безъ внѣшней помощи. Но въ мирной культурной работѣ они сильно отстали отъ своихъ сосѣдей—болгаръ.

Частые политическіе перевороты, неумѣлое и недобросовѣстное веденіе хозяйства страны и несчастныя войны замедляли культурное развитіе народности.

Болгары—спокойный, трудолюбивый народъ. Они очень выносливы въ работѣ и обладаютъ разсудительнымъ характеромъ. Впрочемъ, при раздраженіи они быстро вспыхиваютъ, но также быстро и остываютъ. Они храбро боролись въ свое время за свободу, но обычно, имъ не по душѣ тревоги шумной политической и военной жизни, и они предпочитаютъ ей мирный трудъ и семейную обстановку. Благодаря такимъ свойствамъ своей натуры, болгары далеко двинули впередъ культуру своей страны.

Лѣвый берегъ нижняго теченія Дуная. занимаетъ третья большая нація—румыны. Румыны представляютъ собой потомковъ древнихъ даковъ и родственныхъ племенъ, а также римскихъ колонистовъ, приведенныхъ римскимъ императоромъ Траяномъ, завоевавшимъ Дакію. Съ туземнымъ населеніемъ смѣшивались новые пришельцы, которые, въ свою очередь, тоже латинизировались. Такимъ образомъ, румыны являются наиболѣе восточной народностью романской расы. Впослѣдствіи, славяне имѣли также нѣкоторое вліяніе на образованіе румынской народности, но, все-таки, нація по духу и по языку осталась романской.

Цыганъ.

Помимо этихъ главныхъ національностей, на Балканскомъ полуостровѣ разсѣяно еще три небольшихъ, которыя слишкомъ малочисленны, чтобы составлять отдѣльное политическое цѣлое. Это—армяне, евреи и цыгане. Армяне, большею частью, ведутъ крупную торговлю и живутъ въ большихъ городахъ Румыніи и Болгаріи,—въ Варнѣ, Констанцѣ, Бухарестѣ, Браиловѣ и Галацѣ. Евреи и цыгане разсѣяны по всему полуострову и хорошо сохранили свою національность. Евреи дѣлятся на испанскихъ евреевъ, выселившихся сюда въ средніе вѣка изъ Испаніи и говорящихъ еще испанскимъ языкомъ, и евреевъ польскихъ, живущихъ главнымъ образомъ въ Румыніи и занимающихся тамъ ремеслами и мелкой торговлей. Языкъ этихъ евреевъ—испорченный нѣмецкій. Цыгане тоже дѣлятся на двѣ категоріи, — на бродячихъ и осѣдлыхъ. Но бродячихъ осталось теперь очень мало. Они всѣ постепенно принимаютъ христіанство и переходятъ къ осѣдлому образу жизни. Языкъ цыганъ представляетъ собой нарѣчіе, родственное одному изъ индійскихъ. До половины XIX-го вѣка цыгане были рабами въ Румыніи. Занимаются они различными ремеслами, но большею частью это кузнецы, носильщики, бродячіе музыканты.

По своему вѣроисповѣданію почти всѣ христіане Балканскаго полуострова—православные и всегда находились подъ духовнымъ вліяніемъ греческой церкви. Религія и образованіе были неразрывно связаны у турецкихъ христіанъ. Духовныя власти считались

политическими представителями своихъ единовѣрцевъ передъ султаномъ. Единственнымъ представителемъ всѣхъ христіанъ Балканскаго полуострова долгое время былъ константинопольскій патріархъ, обычно грекъ по происхожденію. И греческое духовенство имѣло огромное вліяніе на все политическое и культурное развитіе балканскихъ народностей. Особенно рѣзко это отразилось въ Болгаріи, гдѣ почти все духовенство набиралось изъ грековъ. Книги были греческія, богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ, котораго народъ не понималъ. Всѣ турецкіе христіане искони стремились имѣть свою собственную, автономную церковь и своего собственнаго представителя у турецкаго султана, чего они и добились незадолго до своего политическаго освобожденія. Небольшая часть болгаръ—католики. Это бывшіе павликіане. Въ прежнія времена они терпѣли сильныя преслѣдованія за свою ересь со стороны болгарскихъ царей. Турки дали имъ полную свободу вѣроисповѣданія, какъ и всѣмъ остальнымъ завоеваннымъ ими народамъ. Мало-по-малу они подпадали вліянію католическаго духовенства и почти всѣ перешли въ католичество. Часть славянъ, какъ болгаръ, такъ и сербовъ—мусульмане. Это, въ большинствѣ случаевъ, зажиточные элементы населенія, которые не хотѣли рисковать своимъ благосостояніемъ въ періодъ турецкихъ насилій и предпочли перемѣнить религію. Они носятъ особое названіе помаковъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ Балканскій полуостровъ служилъ ареной передвиженія народовъ и былъ свидѣтелемъ политическихъ переворотовъ. До начала нашей эры сѣверную и среднюю часть его населяла одна большая народность, которая раздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ. На сѣверѣ, по обоимъ берегамъ Дуная, жили даки; южнѣе, въ нынѣшней Болгаріи и Сербіи—геты, а еще южнѣе — ѳракійцы и иллирійцы. Прямые потомки иллирійцевъ сохранились и до сихъ поръ подъ именемъ албанцевъ. Даки смѣшались съ римскими колонистами и романизировались сами; потомками ихъ являются румыны. Вторженіе германскихъ варваровъ,—готовъ, вандаловъ, гунновъ а также аваровъ, не оставило большого вліянія на націяхъ Балканскаго полуострова. Варвары проходили дальше на западъ, иногда даже задерживались на болѣе долгое время, но потомъ все-таки снимались и уходили. Иначе произошло со славянами. Славяне пришли въ началѣ VI-го вѣка, и скоро почти весь полуостровъ заселился многочисленными славянскими племенами, смѣшавшимися съ древнимъ туземнымъ населеніемъ. Племена эти ничѣмъ не были связаны между собою. Въ концѣ VII-го вѣка на лѣвомъ берегу Прута, въ нынѣшней Бессарабіи поселилось одно изъ тюркскихъ племенъ — болгары. Первоначальной ихъ родиной было среднее теченіе Волги. Отсюда они направились на правый берегъ Дуная и заселили всю восточную часть полуострова, которую уступили имъ византійскіе императоры.

Болгаръ было очень небольшая орда. Они объединили подъ властью своего хана болѣе многочисленныя и болѣе цивилизованныя славянскія племена и совершенно растворились въ завоеванномъ ими населеніи. Скоро забылся и языкъ древнихъ болгаръ и, какъ литературнымъ, такъ и народнымъ языкомъ сталъ языкъ славянскій, получившій только имя болгарскаго. Имя же другого славянскаго народа, сербы, могло быть первоначальнымъ именемъ всѣхъ славянскихъ племенъ.

Болгары уже въ IX и X вв. составляли одно обширное царство, а сербы долго еще оставались раздѣленными на множество мелкихъ племенъ, управлявшихся своими старшинами или кнезами. Потомъ они тоже объединились въ нѣсколько небольшихъ государствъ. Въ IX вѣкѣ славяне приняли христіанство. Отдѣльные случаи обращенія были, конечно, и раньше, но съ появленіемъ двухъ братьевъ-апостоловъ, Кирилла и Меѳодія, христіанство дѣлается національной религіей и основывается самостоятельная церковь со своими особенными традиціями и со своимъ богослужебнымъ языкомъ.

Вся исторія Болгаріи полна борьбы съ греческой имперіей, и временами Болгарія достигала большого могущества, какъ напримѣръ, при царѣ Борисѣ и Симеонѣ. Но уже

во второй половинѣ XIII-го вѣка она стала приходить въ упадокъ и безъ большого сопротивленія подпала подъ власть турокъ.

Сербія никогда не играла такой значительной роли, какъ Болгарія. Только въ XII-омъ столѣтіи она объединилась въ одно государство, которое достигло нѣкотораго расцвѣта. Но самостоятельное существованіе этого государства продолжалось недолго. Послѣ битвы на Коссовомъ полѣ въ 1389 году сербы были покорены турками. Память объ этой битвѣ и о геройскихъ подвигахъ сербскихъ воиновъ до сихъ поръ еще живетъ съ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Въ началѣ турки собирали только дань съ завоеванныхъ ими народовъ и не касались ихъ внутренней жизни. Но уже въ XVI в. болгарскія и сербскія земли стали въ положеніе турецкихъ провинцій. Только жители сербскаго княжества Зеты, которое съ этого времени стало называться Черногоріей, съ успѣхомъ сопротивлялись туркамъ и никогда не были подъ ихъ властью.

Большую самостоятельность и цѣльность своей націи сохранили также румыны. Когда черезъ ихъ земли проходили варварскіе народы, они ушли въ горы. Въ VIII-мъ вѣкѣ они спустились съ нихъ, но остались еще въ высокихъ долинахъ Карпатъ. Равнины были заняты славянами. Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ славяне отступали къ югу, румыны, или влахи стали заселять весь лѣвый берегъ нижняго теченія Дуная, и въ IX в. здѣсь уже образовалось нѣсколько маленькихъ румынскихъ государствъ. Сначала румыны были католиками, но затѣмъ, смѣшавшись со славянами и подъ ихъ вліяніемъ, сдѣлались православными. До 1860 года они даже пользовались славянской азбукой. Происхожденіе княжествъ Молдавіи и Валахіи очень темно, но, вѣроятно, они сложились къ концу XIII-го вѣка румынами, пришедшими изъ Трансильваніи и изъ восточной Истріи, откуда они ушли отъ преслѣдованій венгровъ.

Съ половины XVIII-го вѣка и въ теченіе всего XIX-го власть султана надъ народами Балканскаго полуострова постепенно слабѣетъ. Неудачныя войны разоряютъ имперію. Въ Турціи начинается господство грубой военщины, и правленіе пашей и беевъ въ завоеванныхъ турками странахъ становится суровѣе. Всевозможные налоги и поборы страшно обременяли населеніе. И мало-по-малу скованные турецкимъ игомъ народы стали возставать противъ него и освобождаться. Первою возстала Сербія.

РУМЫНІЯ.

Королевство Румынія занимаетъ лѣвый берегъ нижняго теченія многоводной рѣки Дуная и южные склоны Карпатскихъ горъ. Большая часть Румыніи—низменная равнина, непосредственное продолженіе южно-русскихъ степей, и только сравнительно небольшое пространство на сѣверѣ и сѣверо-западѣ занято горами.

Населена Румынія нѣсколько плотнѣе другихъ странъ Балканскаго полуострова. Въ ней около 6 мил., но румынъ изъ нихъ считается только около $4^1/_2$ мил. Остальные $1^1/_2$ мил.—болгары, сербы, евреи, цыгане и австрійскіе нѣмцы. У румынъ много общаго во внѣшности и въ характерѣ съ народами юго-западной Европы. Въ равнинахъ Валахіи населеніе, большей частью, черноволосое, смуглое, средняго роста. Среди же молдаванъ, особенно между жителями горъ, нерѣдко встрѣчаются и бѣлокурые типы, голубоглазые и высокаго роста. Это, вѣроятно, болѣе чистые потомки древнихъ даковъ. Румынскія женщины отличаются красотой античнаго типа и изяществомъ движеній. Но красота ихъ быстро

Крестьянская дѣвушка.

вянетъ отъ тяжелой работы. На крестьянской женщинѣ въ Румыніи лежатъ всѣ работы и въ домѣ, и въ саду, и въ лѣсу; и даже въ полѣ она помогаетъ мужу. Мужчины заняты только полевыми работами.

Живетъ румынскій крестьянинъ очень бѣдно. Только въ 1864 году сдѣлался онъ вольнымъ человѣкомъ, работающимъ на собственномъ, небольшомъ надѣлѣ. Но за свой надѣлъ онъ долженъ былъ заплатить высокій выкупъ помѣщику, и поэтому, несмотря на плодородную почву, большая часть румынскихъ крестьянъ сильно задолжена. Долги по выкупнымъ платежамъ все росли, къ нимъ присоединились еще непосильные государственные налоги, и весь трудъ поселянина почти уходитъ на уплату долговъ и налоговъ. Ютятся румынскіе крестьяне въ жалкихъ мазанкахъ, зимой вмѣстѣ со скотомъ и питаются кашей изъ кукурузной муки, такъ называемой мамалыгой, или же кукурузнымъ хлѣбомъ. Только рыба разнообразитъ еще иногда ихъ питаніе. Одежду ихъ составляетъ холщевая рубашка и штаны. Поверхъ рубашки надѣвается короткая куртка съ рукавами; на ногахъ—кожаные сандаліи, на головѣ—поярковая или барашковая шапка. Зимой же надѣваются суконные штаны и баранья шуба. Женщины пестро расшиваютъ свои костюмы разноцвѣтными шерстями и шелками.

Деревенская поденщица.

Румыны искони были осѣдлыми земледѣльцами, и главнымъ занятіемъ ихъ всегда было хлѣбопашество. Плодородная почва, даже при плохомъ удобреніи и первобытныхъ орудіяхъ, богато вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Изъ хлѣбовъ больше всего воздѣлываютъ пшеницу и кукурузу. По склонамъ горъ занимаются разведеніемъ виноградниковъ, которые на зиму надо прикрывать, потому что по зимамъ нерѣдко бываютъ суровые морозы и сильныя метели. Румыны разводятъ рогатый скотъ и свиней, которыхъ вывозятъ за границу. Рыбная ловля составляетъ значительное подспорье румынскому крестьянину. Мануфактур-

ная промышленность развита очень слабо и сосредоточена только около большихъ городовъ.

Румынское королевство составилось изъ двухъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, а послѣ турецкой войны 1878 года къ нему была присоединена еще небольшая область Добруджа, расположенная между Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Столицей Валахіи является городъ Бухарестъ. Благодаря быстрому развитію торговли, Бухарестъ превратился въ европейскій городъ съ красивыми улицами и нарядными отелями. Въ немъ имѣется много учебныхъ заведеній и даже высшія школы, но тѣмъ не менѣе румынская молодежь ѣздитъ учиться въ заграничные университеты. Въ обществѣ и въ литературномъ языкѣ румынъ замѣтно сильное вліяніе родственныхъ имъ романскихъ расъ.

Другой большой городъ Румыніи, это столица Молдавіи, Яссы. Яссы — большой, торговый городъ съ очень смѣшаннымъ населеніемъ изъ армянъ, русскихъ, евреевъ и цыганъ. Онъ носитъ скорѣе характеръ восточнаго города. Остальные большіе города, какъ Галацъ, Браиловъ, расположены, большей частью, по Дунаю и являются торговыми центрами.

Послѣ войны 1878 года Румынія сдѣлалась независимымъ государствомъ. Во главѣ его стоитъ наслѣдственный монархъ изъ фамиліи Гогенцоллерновъ, въ 1881 году провозглашенный королемъ. Законодательная власть въ странѣ принадлежитъ двумъ палатамъ,—палатѣ депутатовъ и сенату. Обладающіе большей собственностью пользуются и большими преимуществами. Такъ сенаторы должны получать не менѣе 9.400 франковъ дохода въ годъ.

Румынская конституція предоставляетъ гражданамъ свободу печати, союзовъ, собраній, а также и свободу вѣроисповѣданія, но православная религія все-таки считается господствующей. Обученіе въ народныхъ школахъ безплатное и обязательное тамъ, гдѣ есть школы. Но школъ еще очень немного въ странѣ, и уровень народнаго образованія очень невысокъ,—въ деревняхъ царятъ суевѣрія и средневѣковые обычаи. Правительство мало заботится о его поднятіи, и болѣе $^3/_4$ населенія все еще остается безграмотной.

БОЛГАРІЯ.

Къ югу отъ Румыніи, по другую сторону Дуная, расположилась Болгарія. Она заняла всю среднюю и восточную часть полуострова. Населена Болгарія довольно слабо, какъ и всѣ остальныя страны Балканскаго полуострова. Но со времени ея освобожденія изъ-подъ власти турокъ, она начала быстро развиваться и, благодаря все усиливающемуся подъему ея промышленности и торговли, населеніе наиболѣе крупныхъ городовъ ея,—Софіи, Сливны, Варны, значительно увеличилось за послѣднія десятилѣтія. Всего населенія въ Болгаріи около $3^1/_2$ мил.; изъ нихъ $2^1/_2$ мил. болгаръ и около милліона разныхъ другихъ національностей.

Болгары, подобно румынамъ, народъ, по преимуществу, земледѣльческій. Хлѣбопашество составляетъ главное занятіе жителей. Горные крестьяне занимаются больше скотоводствомъ, а въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ, по склонамъ невысокой средней горы, процвѣтаютъ кустарные промыслы, главнымъ образомъ, выработка сукна и голубого и чернаго гайтана. Въ южныхъ котловинахъ, защищенныхъ горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ, населеніе занимается садоводствомъ, разведеніемъ виноградниковъ и разныхъ промышленныхъ растеній, какъ напр., табаку и особенно розъ. Цѣлая долина кругомъ Карлова и Казанлыка засажена розами, изъ которыхъ жители выдѣлываютъ розовое масло.

Въ Болгаріи нѣтъ общиннаго землевладѣнія. У каждаго крестьянина свой клочекъ

земли; только лѣса и пастбища представляютъ еще собственность общины. Для общественнаго стада крестьяне сообща держатъ отдѣльнаго пастуха. Болгары живутъ большими деревнями, съ нѣсколькими кривыми и неправильными улицами и небольшой площадью передъ церковью, гдѣ молодежь по праздникамъ танцуетъ свой любимый танецъ хоро. Крестьянскія хаты часто старинной постройки и окружены обыкновенно фруктовыми садами. Садовыя изгороди сплошь обсажены терновникомъ и бузиной, а самая хата всегда увѣшана красными стручками перца. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне занимаются какимъ-нибудь подсобнымъ промысломъ, въ деревняхъ чувствуется нѣкоторый достатокъ, встрѣчаются даже каменные, хорошо устроенные двухъ-этажные дома. Тамъ, гдѣ много лѣса, строятъ деревянныя избы, но въ степныхъ мѣстностяхъ Дунайской низменности лѣсомъ приходится очень дорожить, и хаты строятся изъ хвороста и плотно обмазываются глиной, смѣшанной съ соломой и кизякомъ. Крыши у зажиточныхъ черепичныя, у бѣдняковъ хаты крыты соломой.

Обыкновенно, хата или кышта состоитъ изъ двухъ или трехъ комнатъ и балкона. Въ хатахъ, обыкновенно, очень опрятно и довольно тепло зимой.

Мебели въ хатѣ бѣднаго болгарскаго крестьянина мало; нѣсколько чурбановъ, на которыхъ сидятъ около огня, низенькій, круглый столъ, за которымъ обѣдаютъ и вечеряютъ. Кругомъ него садятся на полъ, по турецки. Вдоль стѣнъ деревянный приступокъ, покрытый ковровыми подстилками. По угламъ видны: вилы, лопаты, мотыки, а также прялка и веретено,—эти двѣ необходимыя принадлежности всякой болгарской крестьянки. Богатство крестьянской хаты составляютъ ковры и мѣдная посуда. Болгары, также какъ и наши крестьяне, любятъ вѣшать по стѣнамъ всевозможныя дешевыя картинки, особенно портреты разныхъ князей и генераловъ. Спятъ на глиняномъ полу, подстеливъ войлоки и подушки, и не снимая платья. Около хаты находятся разныя домашнія пристройки, плетенныя изъ хвороста: амбары для зерна, загородки для овецъ, свиней и хлѣвъ для рогатаго скота и лошадей.

Пища болгарскаго крестьянина очень простая, но хлѣбъ у него всегда есть, голодать ему не приходится. Къ хлѣбу онъ прибавляетъ любимый красный перецъ, лукъ, чеснокъ, овечій сыръ и немного сала. Но и городской состоятельный обыватель питается немного лучше. Мяса въ Болгаріи, вообще, потребляютъ мало. Постоянную пищу болгаръ составляютъ очень просто приготовленныя овощи. Горожане выпиваютъ за своимъ обѣдомъ рюмку, другую ракіи,—такъ называется приготовляемая въ Болгаріи изъ винограда водка,—а по деревнямъ пьютъ больше бузу.

Одѣваются крестьяне еще до сихъ поръ въ старинный, національный костюмъ. Мужчины носятъ, обыкновенно, барашковыя шапки, а въ жару бѣлые колпаки. Лѣтомъ крестьяне носятъ длинныя, полотнянныя рубахи и широкіе штаны, подпоясанные кожанымъ поясомъ. На ногахъ у нихъ всегда кожаная обувь, босыхъ почти не встрѣтишь. Зимой надѣваютъ куртки и штаны изъ грубаго, темнокоричневаго сукна, швы и края одежды обшиваются обычно голубымъ шнуркомъ, гайтаномъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кругомъ пояса нѣсколько разъ обертывается широкій, темно-красный шарфъ, складки котораго служатъ какъ карманы. Бѣлая рубашка всегда богато вышита на рукавахъ и на груди. Зимой одѣваютъ еще бараній кожухъ. Женщины въ Болгаріи одѣваются гораздо разнообразнѣе. Однѣ носятъ плахты, какъ у насъ въ Малороссіи, другія—юбки самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, но большей частью темныхъ. За то передникъ почти всегда яркокрасный, богато расшитый. Рукава и подолъ рубашки тоже, обыкновенно, вышиты. Сверхъ рубашки онѣ надѣваютъ безрукавку, иногда отдѣланную мѣхомъ, а талію перетягиваютъ богато-украшеннымъ поясомъ, нерѣдко съ серебрянными пряжками. Замужнія женщины покрываютъ голову платкомъ; въ мѣстностяхъ, расположенныхъ ближе къ Турціи, онѣ носятъ также красныя или темныя шапочки, изъ-подъ которыхъ сзади спускается внизъ бѣлое покрывало. Дѣвушки ходятъ съ открытой головой, съ распущенными и украшенными монетами косами.

Въ прежнія времена болгары жили огромными семьями, такъ называемыми задругами. Теперь эти семейныя общины сохранились только въ западной части Болгаріи, на границѣ съ Сербіей. Задруга имѣетъ общее имущество и управляется однимъ лицомъ, котораго зовутъ домачинъ или дядо. Домачиномъ можетъ быть и не самый старый членъ семьи; иногда случается, что задругой управляетъ женщина. Наиболѣе важныя дѣла рѣшаются на семейномъ совѣтѣ; собственной властью домачинъ можетъ распорядиться только покупкой нѣкоторыхъ мелочей. Въ семейномъ совѣтѣ голосъ имѣютъ только женатые люди и пожилые холостяки. Кто пожелаетъ выйти изъ задруги, получаетъ причитающуюся ему часть имущества; но при живомъ отцѣ сынъ не можетъ требовать себѣ выдѣла.

Молодежь дорожитъ теперь больше своей самостоятельностью и, какъ только женится, такъ большей частью тотчасъ же и отдѣляется. Дѣвушки, при выходѣ замужъ, обычно ничего не получаютъ отъ семьи, кромѣ нѣкотораго количества бѣлья и платья. Приданое деньгами дается только въ городахъ. Въ деревняхъ жёнихъ самъ по большей части долженъ платить за невѣсту. Если родители дѣвушки не соглашаются на ея бракъ, или жениху нечѣмъ заплатить столько, сколько требуетъ ея семья, то онъ похищаетъ ее. Но это дѣлается съ согласія дѣвушки, иначе похищеніе считается уголовнымъ преступленіемъ. Если семья очень дорожитъ работницей, то она старается отбить ее у похитителей, причемъ иногда происходятъ очень серьезныя столкновенія.

Болгарская женщина занимаетъ довольно почетное мѣсто въ семьѣ. Правда, хозяиномъ дома считается всегда мужчина, но на женщину онъ смотритъ, какъ на свою подругу и помощницу. Болгары—гостепріимный народъ. По восточному обычаю, они считаютъ гостепріимство обязательнымъ; но ихъ пиры и праздники всегда очень просты. Любимый музыкальный инструментъ въ Болгаріи, это нѣчто вродѣ волынки; по-болгарски онъ называется гайда. Пастухи играютъ на кавалѣ,—родъ пастушеской свирѣли. Въ народѣ сохранилось еще множество суевѣрій. Больше всего суевѣрныхъ разсказовъ ходитъ у нихъ о такъ называемыхъ самовинахъ,—нѣчто вродѣ нашихъ русалокъ. Болгары вѣрятъ, что есть опасныя мѣста въ рѣкахъ, куда самовины заманиваютъ легковѣрныхъ путниковъ, а на нѣкоторыхъ горныхъ лужайкахъ не косятъ даже травы, потому что существуютъ повѣрья, что въ этихъ мѣстахъ самовины водятъ свои хороводы. У болгаръ существуетъ также множество знахарей и знахарокъ, занимающихся леченіемъ, заклинаніями, заговорами отъ дурного глаза и т. п. Но всѣ эти суевѣрія понемногу уже исчезаютъ.

Берлинскимъ трактатомъ Болгарія была признана княжествомъ, которое должно было платить ежегодную дань султану.

Во главѣ княжества долженъ былъ стоять князь, власть котораго ограничена народнымъ собраніемъ. Правомъ выбирать представителей въ народное собраніе пользуются всѣ болгарскіе граждане, достигшіе 21-го года. Самими же представителями могутъ быть только лица, достигшіе 30-тилѣтняго возраста. Никакой законъ не можетъ быть изданъ или измѣненъ, пока его не обсудитъ или не приметъ народное собраніе. Народное собраніе ежегодно разсматриваетъ также государственный бюджетъ и утверждаетъ его. Никакой государственный заемъ не можетъ быть сдѣланъ безъ разрѣшенія народнаго собранія. Народное собраніе созывается ежегодно, и засѣданія его продолжаются съ 13-го октября по 15 октября. Въ случаѣ необходимости князь можетъ продолжить его, но не больше, какъ на два мѣсяца. Назначеніе и смѣщеніе министровъ производится княземъ, но министры отвѣтственны передъ княземъ и передъ народнымъ собраніемъ.

Въ Болгаріи не существуетъ сословій. Въ настоящее время, болгарскій князь принялъ титулъ короля, и Болгарія объявлена независимой отъ турокъ. Болгарія, вообще, сильно развивается и быстро идетъ впередъ.

СЕРБІЯ.

Къ западу отъ Болгаріи лежитъ Сербія. Съ запада Сербію ограничиваетъ долина рѣки Дрины, а съ востока—богатая и плодородная долина рѣки Тимока. Склоны горъ одѣты зеленью виноградниковъ, а самая долина представляетъ собой сплошной фруктовый садъ.

Но къ сожалѣнію сербы мало умѣютъ пользоваться благами своей страны. Долгое рабство подъ игомъ турокъ и тяжелые поборы собственныхъ государей гибельно отозвались на характерѣ сербскаго народа. Хотя въ Сербіи первоначальное обученіе обязательно и безплатно, тѣмъ не менѣе неграмотные составляютъ значительный процентъ, и суевѣрія еще царятъ въ этой странѣ.

Число жителей въ Сербіи доходитъ до $2^1/_2$ мил. и, кромѣ сербовъ, въ это число входитъ немало еще другихъ народностей. Такъ, въ восточной Сербіи, въ долинѣ Тимока, издавна поселились болгарскіе выходцы, бѣжавшіе сюда отъ турецкихъ притѣсненій. Затѣмъ, въ долинѣ Моравы отдѣльными, мелкими колоніями разселились румыны. Они гораздо лучше сербовъ воздѣлываютъ свои земли и, кромѣ того, среди нихъ много ремесленниковъ, каменьщиковъ, плотниковъ; поэтому они и живутъ гораздо состоятельнѣе кореннаго населенія страны.

Въ періодъ господства турокъ сербы неохотно селились въ городахъ, гдѣ наиболѣе видныя мѣста занимали турки. Но и до сихъ поръ города все еще очень мало населены, и сербы, по прежнему, живутъ преимущественно въ деревняхъ и селахъ. Торговля и промышленность сильно отстали въ Сербіи. Во всей странѣ немного болѣе 1.000 человѣкъ фабричныхъ рабочихъ, число фабрикъ возрастаетъ очень медленно. На фабрикахъ выдѣлываются ковры, сукно. Кромѣ того, существуетъ еще нѣсколько пивныхъ заводовъ. Гораздо больше развита промышленность домашняя. На простыхъ станкахъ сербскія женщины ткутъ тонкія полотна, сукно и разныя другія ткани.

Главными же занятіями жителей являются земледѣліе и скотоводство. Земледѣліе ведется еще, впрочемъ, первобытнымъ способомъ. Сербы выкорчевываютъ лѣса и затѣмъ пашутъ новину. Новыя земли даютъ хорошіе урожаи; но, оставаясь безъ удобренія, поле мало-по-малу выпахивается и плохо вознаграждаетъ земледѣльца. Кромѣ того, у большинства крестьянъ такіе маленькіе участки земли, что семья не можетъ прожить на доходы отъ нея. Взрослымъ работникамъ часто приходится наниматься въ батраки и ходить на поденщину. Къ тому же сербскіе крестьяне сильно обременены государственными налогами и часто попадаютъ въ руки ростовщиковъ.

Больше всего въ Сербіи разводятъ кукурузу, сѣютъ также рожь, пшеницу, овесъ ячмень, просо. Затѣмъ сербы занимаются огородничествомъ и садоводствомъ. Но лучшими огородниками у нихъ все-таки являются болгары, которые приходятъ на заработки лѣтомъ. Скотоводство тоже стоитъ на низкой степени развитія. Породы скота въ Сербіи мелкія, скотъ, большей частью, очень истощенный. Больше всего сербы занимаются разведеніемъ свиней. Свиньи главный предметъ вывоза въ Австрію. Торговцы скупаютъ ихъ по дешевой цѣнѣ у крестьянъ и огромными партіями гонятъ черезъ австрійскую границу.

Хотя и здѣсь, какъ въ Болгаріи, задруга разрушается, но въ Сербіи она, все-таки, сохранилась гораздо цѣльнѣе, такъ какъ мелкому хозяину здѣсь труднѣе жить. Задруга организована также, какъ и въ Болгаріи. Но положеніе женщины въ Сербіи много ниже, чѣмъ тамъ. Въ Сербіи жена не подруга своему мужу, съ которой онъ совѣтуется обо всѣхъ дѣлахъ, а простая прислужница, не смѣющая сѣсть въ присутствіи мужчинъ. На женщинѣ лежитъ вся тяжелая работа по дому и хозяйству, она принимаетъ участіе и въ полевыхъ

работахъ. Кромѣ того женщина одѣваетъ мужа и всю семью. Маленькой дѣвочкой ее уже пріучаютъ прясть и ткать, и впослѣдствіи она почти не разстается съ прялкой и веретеномъ. Мужъ отдаетъ свои приказанія женѣ сурово, она не слышитъ отъ него ласковаго слова. Сербскія крестьянки большей частью неграмотны, очень неразвиты и не пытаются выбиться изъ своего унизительнаго положенія.

Хаты сербскихъ крестьянъ плетневыя мазанки. Главный домъ задруги состоитъ не меньше, какъ изъ двухъ комнатъ и балкона. Та комната, въ которой находится очагъ (огнище), называется куча. Въ ней обыкновенно нѣтъ потолка, а въ крышѣ, подъ очагомъ, продѣлано отверстіе для выхода дыма, стеколъ въ окнахъ нѣтъ, они закрываются задвижной доской. Надъ очагомъ виситъ котелъ, въ которомъ готовится пища. По стѣнамъ, на полкахъ разставлена всевозможная посуда, а на гвоздяхъ развѣшана разная домашняя утварь, вѣнки лука, стручки перца и др. Здѣсь по вечерамъ зимой собираются члены задруги, здѣсь они ужинаютъ и проводятъ свои вечера за ручной работой, слушая пѣсни какого-нибудь гусляра или разсказы стариковъ.

Пища сербовъ самая простая. Любимое кушанье—кислая капуста съ саломъ и рыбный супъ съ кислымъ молокомъ. Хлѣбъ большей частью приготовляется изъ кукурузной муки. Затѣмъ къ пищѣ прибавляютъ много овощей. Стручковый перецъ является приправой ко всѣмъ кушаньямъ.

Другая половина задружнаго дома, большей частью, очень низенькая, съ потолкомъ и большой печью. Окна здѣсь почти никогда не открываются. Полъ устланъ циновками, а у болѣе состоятельныхъ—самотканными коврами. Въ переднемъ углу виситъ большая икона съ горящей передъ ней лампадой. Сербы, въ противоположность болгарамъ, очень религіозны. Въ богатыхъ домахъ передній уголъ уставленъ иконами. Стѣны комнаты увѣшаны оружіемъ и олеографіями сербскихъ героевъ. Въ этой комнатѣ живетъ старѣйшина задруги со своей женой и малолѣтними дѣтьми. Кроватей нѣтъ, спятъ на полу, укрывшись коврами. Вмѣсто мебели вокругъ стѣнъ идетъ широкій приступокъ съ подушками, на которыхъ сербы сидятъ по-турецки. Вмѣсто столовъ ставятся низенькія скамеечки.

Кромѣ главнаго дома, въ задругѣ имѣется еще нѣсколько пристроекъ для остальныхъ ея членовъ. Каждая семья имѣетъ свое маленькое помѣщеніе, въ которомъ спятъ. Кромѣ того имѣется нѣсколько построекъ для скота, амбары для зерна и т. п. При поселкѣ существуетъ огородъ и фруктовый садъ, за которыми разстилаются поля и луга, принадлежащіе задругѣ.

Нарядъ сербскаго поселянина напоминаетъ болгарскій, та же полотняная рубашка и штаны, подпоясанные шерстянымъ поясомъ, кожанный поясъ, за которымъ иногда засунуты пистолеты. Если сербъ выходитъ изъ дома, то надѣваетъ еще жилетъ и вышитый шелками кафтанъ, называемый гунеи. Обувь обычно бываетъ кожанная.

Женщины носятъ длинную, нарядно вышитую рубашку; поверхъ рубашки надѣваются два вышитые же передника,—одинъ спереди, другой—сзади, талія стягивается поясомъ. Иногда поверхъ рубашки надѣвается коротенькая, открытая спереди курточка. Выходя со двора, женщины надѣваютъ расшитый разноцвѣтными шелками камзолъ; на ногахъ у нихъ тоже кожанная обувь, а на шеѣ—украшенія изъ разноцвѣтныхъ бусъ и монетъ. Богатыя поселянки иногда черезъ чуръ много навѣшиваютъ на себя золота.

Среди сербовъ очень распространенъ обычай побратимства. Прежде онъ совершался даже въ церкви. Побратимство состоитъ въ томъ, что двое людей, которые любятъ и уважаютъ другъ друга, совершаютъ обрядъ, послѣ котораго они считаются братьями. При обрядѣ наливаютъ въ чашу вино, затѣмъ побратимы разрѣзаютъ палецъ и вливаютъ въ вино нѣсколько капель крови. Побратимство считается священнѣе кровнаго родства, побратимство можно заключать и съ женщиною.

Въ Сербіи, вообще, сохранилось немало старинныхъ военныхъ обычаевъ и обрядовъ.

Гораздо болѣе воинственные, чѣмъ болгары, сербы первыми возстали противъ турокъ. Въ 1804 г. въ Сербіи вспыхнуло общее возстаніе, во главѣ котораго всталъ воевода Карагеоргій. Завязалась упорная борьба. Сербы мужественно боролись подъ предводительствомъ талантливаго вождя, и въ 1807 г. Сербія почти совершенно освободилась отъ турокъ. Но между воеводами начались разногласія, чѣмъ и воспользовались турки. Турки снова покорили Сербію и признали одного изъ воеводъ, Милоша Обреновича, главнымъ княземъ Сербіи. Милошъ, разыгрывая роль вѣрноподданнаго султана, продолжалъ борьбу съ турками и въ тоже время уничтожалъ своихъ соперниковъ. Такъ, онъ убилъ вернувшагося въ Сербію Карагеоргія и поспалъ его голову султану.

Въ 1830 г. Сербія была объявлена отдѣльнымъ государствомъ, платившимъ опредѣленную дань султану, а въ 1832 г. и сербская церковь была признана независимой отъ константинопольскаго патріарха. Затѣмъ, народное собраніе признало Милоша Обреновича наслѣдственнымъ княземъ Сербіи.

Послѣ войны 1878 г. Сербія была объявлена независимымъ королевствомъ. Сербія—государство конституціонное. Во главѣ его стоитъ теперь король изъ рода Карагеоргіевичей. Власть его ограничена народнымъ собраніемъ, называемымъ скупщиной. Министры отвѣтственны передъ скупщиной. Но такъ какъ въ составъ скупщины входятъ наиболѣе богатые граждане, избираемые состоятельными классами населенія, то интересы массы народа мало принимаются во вниманіе.

ЧЕРНОГОРІЯ.

„Когда Богъ создавалъ міръ, - говорятъ въ шутку черногорцы про свою страну,—у него въ рукахъ былъ мѣшокъ съ горами, но этотъ мѣшокъ прорвался какъ разъ надъ Черногоріей, и изъ него выпала эта ужасная масса скалъ, которую вы видите“. И, дѣйствительно, Черногорія представляетъ лабиринтъ горъ и ущелій. Дикія горы и скалы были необитаемы; тамъ бродили пастухи, разбойники, а небольшое сербское княжество Зета, какъ прежде звали Черногорію, было расположено въ долинахъ. Когда же, послѣ битвы на Коссовомъ полѣ, Сербія потеряла независимость, то правитель Зеты, Иванъ Черноевичъ, ушелъ со своимъ народомъ въ горы. Тамъ кучка этихъ сербовъ сохранила независимость. Много разъ подходили турки къ неприступнымъ скаламъ маленькаго горнаго княжества и всякій разъ терпѣли пораженія.

Послѣдній изъ Черноевичей предложилъ черногорцамъ признать правителемъ митрополита страны, а самъ оставилъ Черногорію. Съ тѣхъ поръ Черногорія болѣе трехъ столѣтій управлялась духовными владыками, и только въ 1851 г. одинъ изъ владыкъ, Данило Петровичъ Нѣгошъ, отказался отъ духовнаго сана и сдѣлался наслѣдственнымъ княземъ Черногоріи.

Жизнь черногорцевъ въ прошломъ сложилась такъ, что они должны были непрерывно отражать нападенія сосѣдей—турокъ и албанцевъ, должны были постояно быть готовыми къ войнѣ. Поэтому у нихъ и выработались воинственныя наклонности, презрѣніе къ опасностямъ и способность переносить всевозможныя лишенія. Главнымъ содержаніемъ ихъ жизни и даже промысловъ была война. Всякій другой трудъ былъ у нихъ въ пренебреженіи до послѣдняго времени. Черногорцы обычно ходятъ вооруженными, даже духовенство носило оружіе, и только недавнимъ указомъ черногорскаго князя ему запрещено ходить вооруженнымъ. Черногорскія пѣсни и сказанія говорятъ о войнѣ, о непрерывной

ненависти къ туркамъ, и главными добродѣтелями въ Черногоріи считаются храбрость и неустрашимость.

Въ этой маленькой, уединенной странѣ сохранился еще племенной строй жизни. Каждое племя дѣлится на братства, а каждое братство на нѣсколько семействъ. Въ Черногоріи нѣтъ сословій. Всѣ равны передъ закономъ; но тѣ черногорцы, которые ведутъ свой родъ отъ знаменитыхъ предковъ, считаются знатными людьми и гордятся этимъ. Не такъ давно еще между племенами существовалъ обычай кровной мести. Она отмѣнена закономъ только при князѣ Данилѣ. Тяжелымъ преступленіемъ, вызывающимъ кровавую расправу, является тамъ оскорбленіе женщины. Личность женщины считается у черногорцевъ неприкосновенной. Женщина спокойно можетъ войти въ домъ самаго лютаго врага своей семьи, вполнѣ увѣренная въ безопасности. Но тѣмъ не менѣе, положеніе женщины въ Черногоріи очень незавидное. Рожденіе дѣвочки встрѣчается съ огорченіемъ. На дѣвочку уже съ самаго ранняго возраста наваливается много работы. Женщина здѣсь только не пашетъ и не коситъ, во всѣхъ же остальныхъ полевыхъ работахъ она принимаетъ участіе. Кромѣ того на ней лежитъ уходъ за скотомъ и всѣ домашнія работы. Она таскаетъ дрова, носитъ воду, иногда на очень большія разстоянія, потому что въ Черногоріи, вообще, воды мало, и временами въ ней чувствуется сильный недостатокъ. Затѣмъ, женщины убираютъ весь хлѣбъ, мелютъ его ручными жерновами, рубятъ дрова и готовятъ одежду на всю семью, даже тачаютъ обувь. Мужъ относится къ женѣ очень сурово. Зато въ хозяйствѣ черногорка свободна, мужъ не вмѣшивается въ ея дѣла. Задавленныя тяжелой работой съ самаго ранняго возраста, черногорки совсѣмъ некрасивы, особенно по сравненію со своими статными и рослыми мужьями. Къ тому же черногорецъ всегда любитъ принарядиться и тратитъ большія, иногда даже послѣднія деньги на украшеніе одежды и на дорогое оружіе. Чуню свою онъ носитъ нараспашку, чтобы видно было богатое шитье жилета. Чуня дѣлается изъ бѣлаго сукна и тоже вся расшита золотымъ шитьемъ. Синіе шаровары доходятъ до колѣнъ. Поверхъ чуни надѣвается красный, шерстяной поясъ и, кромѣ того, еще другой, кожаный—для пистолетовъ. На головѣ у него шапка изъ краснаго сукна, обшитая черной, шелковой лентой.

Черногорецъ.

Такъ какъ борьба съ турками прекратилась, то черногорцы постепенно переходятъ

отъ военнаго строя жизни къ мирному. Черногорія — страна, вообще, очень бѣдная. На известковыхъ скалахъ мало годной для обработки земли, такъ что земледѣліе не можетъ здѣсь развиться широко. И черногорецъ кормится, главнымъ образомъ, тѣмъ, что даютъ ему его стада. Скотъ здѣсь держатъ больше мелкій, овецъ и козъ, такъ какъ крупному скоту трудно пастись по обрывистымъ и каменистымъ холмамъ и косогорамъ.

Пастушество—самое распространеньое занятіе въ Черногоріи, и воинственные черногорцы не относятся къ нему съ такимъ презрѣніемъ, какъ ко всякому другому труду. Почти всѣ они въ молодости бываютъ пастухами, и здѣсь, въ горахъ, мальчики и дѣвочки учатся стрѣльбѣ у старшихъ товарищей. Здѣсь они всегда должны быть готовы съ оружіемъ въ рукахъ защищать свой скотъ, такъ какъ, хотя черногорцы и не воюютъ больше съ турками, но на границахъ, все-таки, нерѣдко происходятъ кровавыя столкновенія съ сосѣдями-албанцами. Жизнь въ горахъ гораздо веселѣе для черногорской молодежи, чѣмъ въ душныхъ, каменныхъ лачужкахъ въ селахъ.

Населенія въ Черногоріи всего около 300.000. Въ 1905 г. Черногорія получила конституцію. Съ этихъ поръ власть князя ограничена скупщиной; а въ 1906 г. въ Черногоріи была отмѣнена смертная казнь. Народное просвѣщеніе постепенно прививается. Начальное образованіе безплатно. Для средняго въ главномъ городѣ княжества, Цетиньѣ, имѣется гимназія, учительская семинарія и женскій институтъ, а за высшимъ образованіемъ черногорцамъ приходится ѣздить за границу. *В. Величкина.*

ТУРЦІЯ.

Турки-османы народъ тюркскаго племени. Но въ настоящее время встрѣтить среди нихъ чистыхъ представителей этого племени довольно трудно, такъ какъ въ кровь турокъ влилось много чужихъ элементовъ. Поэтому среди нихъ встрѣчаются всѣ переходы отъ монгольскаго типа до чисто европейскаго.

Гораздо опредѣленнѣе характеръ турокъ. Первая и главная черта—любовь къ покою, къ „кейфу“. Никто не умѣетъ такъ отдыхать, какъ турокъ, и никто не обставляетъ этого отдыха такими удобствами, какъ онъ. Полное блаженство, удовлетвореніе и усыпленіе всѣхъ потребностей — вотъ чего добивается по мѣрѣ возможности всякій турокъ. Турокъ можетъ трудиться, но дѣлаетъ это съ величайшей неохотой. Турецкій крестьянинъ старается обставить свой трудъ всѣми возможными удобствами. Поработавъ часъ, два, онъ закуриваетъ трубку и предается „кейфу“, стараясь продлить это состояніе возможно дольше. Тоже можно сказать про ремесленниковъ: даже такія работы, какъ столярныя, они производятъ сидя.

Вторая характерная черта турокъ—религіозность. Обряды и требованія религіи турокъ исполняетъ охотно и безъ ропота. Коранъ—руководитель его жизни. Коранъ даетъ правила поведенія на каждый моментъ жизни. Въ свое время коранъ сыгралъ громадную роль—далъ туркамъ ясное изложеніе „воли Бога“, помогъ имъ организовать государство и семью на строгихъ основахъ закона. Но впослѣдствіи коранъ сталъ тормазомъ, мѣшавшимъ развитію. Догматы его порождаютъ крайній консерватизмъ, нежеланіе идти впередъ и принимать какія-либо новшества. Къ этому присоединяется фатализмъ: „чему быть, тому не миновать“, говоритъ турокъ и считаетъ большимъ грѣхомъ итти наперекоръ судьбѣ.

Турокъ спокоенъ, добродушенъ и гостепріименъ, на войнѣ безумно храбръ, такъ какъ вѣритъ, что душа павшаго пойдетъ въ рай. Оружіе, въ которое турокъ вкладывалъ, въ

видѣ драгоцѣнной оправы, все свое имущество, отходитъ теперь на второй планъ, его мѣсто занимаетъ кальянъ.

Національный нарядъ мужчины состоитъ изъ широкаго кафтана, широкихъ „шальваръ", нѣсколько разъ обмотаннаго вокругъ тѣла цвѣтного пояса, туфель и тюрбана на головѣ. Женщины одѣваются въ длинную рубаху и шаровары, стянутые поясомъ, а при выходѣ на улицу надѣваютъ широкій плащъ со множествомъ складокъ. Этотъ костюмъ мало-по-малу начинаетъ вытѣсняться общеевропейскимъ. Богатыя и высокопоставленныя особы со своими женами одѣваются по послѣдней парижской модѣ.

По корану женщина обязана скрывать все свое тѣло, кромѣ лица, рукъ и ногъ. Впослѣдствіи изъ Персіи былъ перенесенъ обычай закрывать такъ же и лицо. Но этотъ обычай далеко не такъ распространенъ, какъ принято думать. Строго придерживается его духовенство, купечество и крупное мѣщанство. Крестьянки не имѣютъ понятія о немъ, такъ какъ, кромѣ домашнихъ обязанностей, имъ проходится принимать участіе во всѣхъ работахъ наравнѣ съ мужчинами. Не закрываются женщины и въ средѣ мелкаго мѣщанства, ремесленниковъ и рабочихъ. О высшемъ классѣ, знакомомъ съ европейской культурой, нечего и говорить.

Браки въ Турціи заключаются безъ обычныхъ у европейцевъ ухаживаній, такъ какъ по мусульманскому обычаю молодые люди не могутъ встрѣчаться въ обществѣ. У турокъ бракъ не является религіознымъ таинствомъ и заключается безъ всякихъ обрядовъ, какъ гражданскій договоръ. По корану мусульманину позволяется имѣть четырехъ женъ и неограниченное число наложницъ. Съ того момента, какъ у наложницы родится ребенокъ, она считается женой. Но невѣста въ брачномъ договорѣ можетъ обязать своего будущаго мужа не заключать второго брака. Этотъ же брачный договоръ опредѣляетъ размѣръ обезпеченія жены въ случаѣ развода или смерти мужа.

Домъ женатаго турка раздѣляется на двѣ половины: мужскую — селямлыкъ, и женскую—одалыкъ, которую у насъ обыкновенно называютъ гаремомъ. Въ турецкихъ домахъ, принадлежатъ ли они бѣднякамъ или богатымъ, царитъ чистота. Внутреннее убранство претендуетъ не на красоту, а на удобство. Полы устланы коврами, по стѣнамъ расположены низкіе, мягкіе диваны. Европейская мебель встрѣчается только въ самыхъ богатыхъ домахъ и то больше для того, чтобы показать, что ея обладатели знакомы съ западной культурой.

Въ настоящее время многоженство въ Турціи рѣдкость. Гаремы съ нѣсколькими женами содержатъ только очень богатые люди. У большинства турокъ одна, много двѣ жены. Жизнь въ гаремѣ простого турка течетъ мирно. Не то въ гаремахъ людей богатыхъ. Между женами и рабынями нерѣдко разыгрываются кровавыя драмы на почвѣ ревности. Чтобы стать болѣе привлекательной, женщины по цѣлымъ днямъ занимаются туалетомъ, посвящая остальное время интригамъ и праздности, что вліяетъ развращающе какъ на самихъ женщинъ, такъ и на ихъ дѣтей. На борьбу съ гаремомъ направлены въ настоящее время всѣ силы турецкаго женскаго движенія.

Въ высшихъ кругахъ женщины ведутъ вполнѣ европейскій образъ жизни. Дочери обучаются наукамъ и музыкѣ, ходятъ въ театръ, принимаютъ гостей. Любимыя развлеченія турецкихъ женщинъ прогулки за городъ и баня. Баня—своего рода женскій клубъ. Тамъ собираются для того, чтобы поболтать, послушать музыку или почитать вслухъ. Французскіе романы любимое чтеніе турчанокъ.

Точно такъ же кофейни бываютъ биткомъ набиты посѣтителями. Содержатели кофеенъ, чтобы привлечь къ себѣ публику, часто призываютъ музыканта—пѣвца, который, бреньча на своемъ инструментѣ, тянетъ несложный мотивъ, или разсказчика.

Первоначальное воспитаніе турецкій ребенокъ получаетъ отъ матери. Турецкая женщина вслѣдствіе гаремной жизни бываетъ очень привязана къ своимъ дѣтямъ, все свое время посвящаетъ имъ. Турчанка держитъ ребенка въ большой чистотѣ — нѣсколько

*

разъ въ день купаетъ его. Когда ребенку исполняется 7 лѣтъ, это событіе празднуется съ большою торжественностью. Въ томъ же году ребенокъ, мальчикъ или дѣвочка все равно, начинаетъ ходить въ школу.

Въ низшей турецкой школѣ обучаютъ читать по-турецки и арабски, знакомятъ съ кораномъ. Но въ занятіяхъ нѣтъ никакого порядка, каждый дѣлаетъ свое дѣло: одинъ разбираетъ по складамъ тексты корана, другой вслухъ учитъ ихъ, третій безсмысленно повторяетъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Стоитъ гулъ, подобный жужжанію пчелъ. Учитель слѣдитъ за занятіями учениковъ и, въ случаѣ лѣни или незнанія, не двигаясь съ мѣста, вразумляетъ провинившагося длинной, спеціально для этого существующей тростью. Тѣлесныя наказанія примѣняются такъ-же въ „рушди", школахъ, представляющихъ средне-учебныя заведенія. Въ нихъ программа шире, преподаются такія науки, какъ химія, физика, гигіена. Въ женскихъ рушди преподаютъ всегда женщины, окончившія учительскіе институты. Въ женскихъ рушди, кромѣ прочихъ предметовъ, обучаютъ музыкѣ.

Турокъ.

Для продолженія образованія существуютъ различныя высшія школы, учительскіе институты, университетъ (въ Константинополѣ). Въ медрессэ, школахъ при мечетяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ духовнымъ семинаріямъ, софты (студенты) изучаютъ грамматику, логику, юриспруденцію, философію. Софтъ ничего не платитъ за обученіе и вдобавокъ получаетъ безплатно комнату, а часто и продовольствіе. Преподованіе вездѣ происходитъ въ мечетяхъ. Въ каждомъ углу мечети сидитъ „мудэррисъ" (лекторъ), окруженный слушателями, и читаетъ тотъ или иной предметъ. Въ большихъ мечетяхъ отъ множества такихъ мудэррисовъ, во время уроковъ, стоитъ невообразимый шумъ: въ одномъ углу во весь голосъ читаютъ коранъ, въ другомъ—„хадисо", въ третьемъ—учитель разъясняетъ основы философіи Аристотеля, въ четвертомъ спорятъ о видѣ земли. Курсъ медрессэ не ограниченъ годами, считающій себя подготовленнымъ заявляетъ о желаніи экзаменоваться на тотъ или иной духовный санъ. Экзаменуетъ особая комиссія публично въ мечети.

Окончившіе медрессэ, получаютъ отъ главы церкви Шейхъ-Уль-Ислама дипломъ кандидата и могутъ занимать мѣста судей и школьныхъ учителей.

Несмотря на широту программы, турокъ выноситъ изъ школы очень мало настоящихъ знаній, такъ какъ нѣтъ достаточнаго количества образованныхъ учителей, и само преподаваніе ведется слишкомъ примитивно.

Религія накладываетъ на турокъ много обязанностей, которыя большинство исполняетъ очень точно. Пять разъ въ день правовѣрный, гдѣ бы ни былъ и что бы ни дѣлалъ, долженъ становиться на колѣни лицомъ къ Меккѣ и совершать молитву. Въ пятницу онъ обязанъ молиться въ мечети, гдѣ происходитъ въ этотъ день богослуженіе. Чтобы обезпечить себѣ загробное блаженство, каждый мусульманинъ долженъ хоть разъ въ жизни сходить на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ въ Мекку. Тотъ, кто почему-либо не можетъ самъ совершить путешествія, поручаетъ исполненіе его единовѣрцу. Милостыня и добрыя дѣла,— слѣдующая по важности обязанность правовѣрныхъ, и надо отдать имъ справедливость, они не жалѣютъ денегъ на благотворительныя дѣла, и подачки ихъ кормятъ тысячи нищихъ, которыхъ такъ много въ Турціи. Кто хочетъ посвятить жизнь Богу и достигнуть высшаго благочестія, вступаетъ въ какой-нибудь орденъ дервишей. Орденовъ этихъ въ Турціи много, и они различаются между собою уставами и обрядами. Дервиши пользуются въ народѣ большимъ уваженіемъ, имъ часто приписываютъ даръ провидѣнія, исцѣленія больныхъ, и т. п. Многіе ордена чрезвычайно богаты, имѣютъ громадныя земельныя угодья, дома, капиталы. Эти богатства скопились изъ пожертвованій султановъ и богатыхъ турокъ. Свои обряды дервиши совершаютъ публично разъ или два въ недѣлю. Обряды очень разнообразны. У ордена Мехвисви онъ заключается въ томъ, что послѣ совершенія молитвъ дервиши начинаютъ кружиться на пяткахъ, постепенно ускоряя темпъ своей дикой пляски. Придя въ изступленіе, дервиши рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ лицо.

Разъ въ годъ мусульмане обязаны поститься въ теченіи мѣсяца Рамазана. Въ дни поста, съ той минуты, когда „можно отличить черную нитку отъ бѣлой“, и до вечера, когда нельзя различить ихъ цвѣта, правовѣрный не смѣетъ проглотить ни кусочка пищи, ни одного глотка питья. Ночью, напротивъ, онъ можетъ пить и ѣсть все дозволенное кораномъ. Вслѣдствіе этого въ мѣсяцъ Рамазана мѣняется вся жизнь. Днемъ спятъ, ночью ѣдятъ, пьютъ и веселятся. Днемъ даже на улицахъ Константинополя встрѣчается очень мало прохожихъ. Городъ спитъ. Заперты лавки, кофейни. Не слышно обычнаго городского шума. Ставни на окнахъ закрыты, даже нищіе исчезаютъ куда то. Но вотъ наступаетъ вечеръ. Пушечный выстрѣлъ возвѣщаетъ правовѣрнымъ о томъ, что постъ кончился, и все сразу пробуждается. Городъ просыпается, гудитъ, какъ потревоженный улей. Хлопаютъ ставни лавокъ, кофеенъ, снуетъ оживленная праздничная толпа. Въ окнахъ домовъ загорается свѣтъ. Ночью на улицахъ горятъ плошки, на верхушкахъ минаретовъ огненными буквами горятъ слова въ честь Бога и Пророка. До поздней ночи пьютъ и ѣдятъ, чтобы вознаградить себя за голодный день. За Рамазаномъ слѣдуетъ Байрамъ, трехдневный праздникъ, когда правовѣрные съ особымъ усердіемъ молятся Богу, подаютъ милостыню и посѣщаютъ могилы усопшихъ.

Кромѣ турокъ къ числу мусульманскихъ обитателей Турціи принадлежатъ албанцы. Албанія, „страна скалъ“, наполненная горными отрогами, наложила сильный отпечатокъ на своихъ обитателей. Албанцы—суровый, воинственный народъ. Они много помогали Турціи въ ея войнахъ, но такъ же много доставили ей хлопотъ вѣчными мятежами и возстаніями. Уже по внѣшнему виду албанецъ поражаетъ своей мужественностью и силой. Высокій, стройный, со смѣлой осанкой, широкимъ лбомъ и горящими глазами онъ невольно обращаетъ на себя вниманіе. Одежда албанца живописна. Бѣлая фустанелла (широкая рубашка), стянутая поясомъ, образуетъ множество складокъ. Поверхъ нея одѣвается жилетъ и широкая, шитая золотомъ, куртка. Чѣмъ богаче албанецъ, тѣмъ роскошнѣе его нарядъ.

Большинство албанцевъ магометане; христіане (католики и православные) сокращаются въ числѣ. Это объясняется тѣмъ, что магометане испытывали менѣе притѣсненій отъ турецкаго правительства и были освобождены отъ подушной подати. Между отдѣльными племенами происходятъ частыя столкновенія. Строгіе правила чести диктуютъ албанцамъ кровную месть, которая все еще встрѣчается среди нихъ, хотя чаще все таки довольствуются денежнымъ удовлетвореніемъ. Поводомъ для возникновенія вражды можетъ служить всякій пустякъ: неисполненное обѣщаніе, грубое слово, и т. д. Къ кровной мести привлекаются всѣ родственники потерпѣвшаго и виновнаго. Въ результатѣ ея бываетъ много жертвъ. Враждующихъ христіанъ часто примиряетъ священникъ, и обыкновенно переговоры оканчиваются успѣхомъ. Образованіе въ Албаніи находится въ зачаточномъ состояніи, и большинство народа безграмотно, хотя отъ природы албанцы обладаютъ острымъ умомъ и хорошей сметкой.

Многоженство въ Албаніи почти неизвѣстно, и женщины болѣе свободны, но все-таки положеніе ихъ приниженное. На женщинѣ лежатъ всѣ обязанности, связанные съ хозяйствомъ. Она смотритъ за порядкомъ въ домѣ, она же работаетъ на огородѣ и на пашнѣ. Албанецъ рѣдко этимъ занимается. Съ дѣтства дѣвочка живетъ взаперти среди своихъ домашнихъ, ей строго воспрещается даже разговаривать съ постороннимъ мужчиной. Нѣсколько неосторожно брошенныхъ словъ могутъ испортить дѣвушкѣ всю ея жизнь. Женихъ обыкновенно покупаетъ невѣсту у ея родителей, и она часто только передъ самой свадьбой узнаетъ объ этомъ.

Домашняя обстановка у албанцевъ отличается простотою, часто переходящей въ бѣдность. Комнаты почти пусты. По стѣнамъ тянутся скамьи, полъ земляной, плотно убитый. Стѣны украшены разнообразнымъ и часто очень дорогимъ оружіемъ. Въ семейномъ укладѣ сохранилось много патріархальности. Старшій въ роду пользуется большимъ уваженіемъ; его авторитетъ признается даже дальними родственниками. Рѣзко выражена другая черта патріархальныхъ народовъ—гостепріимство. Гость считается священной особой, за нимъ ухаживаютъ и всегда предоставляютъ лучшее изъ того, что есть въ домѣ.

Благодаря мужеству и фанатизму, албанцы всегда играли большую роль въ жизни Турціи. Выходцы изъ Албаніи были очень многочисленные при дворѣ султановъ и доставляли своимъ землякамъ разныя льготы и преимущества, вслѣдствіе чего само населеніе Албаніи обыкновенно всегда стояло горой за своего повелителя.

Уже сорокъ лѣтъ Турція числится государствомъ конституціоннымъ, но фактически и въ правосознаніи народа до 1908 г. неограниченная власть сосредоточивалась въ рукахъ султана. Первоначально султанъ былъ прежде всего полководцемъ. Съ наступленіемъ осѣдлости онъ превратился въ монарха, а со временемъ сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ и главою вѣрующихъ, халифомъ. Свою свѣтскую власть султанъ отправляетъ черезъ посредство великаго визиря, духовную—черезъ шейхъ-уль-ислама. Онъ ихъ назначаетъ, и онъ же смѣщаетъ. Власть падишаха передается по наслѣдству, но не такъ, какъ въ монархическихъ странахъ Европы, не отъ отца къ сыну, а приблизительно такъ, какъ передавалась княжеская власть въ удѣльный періодъ исторіи Россіи — старшему въ родѣ. Система родового престолонаслѣдія мало обезпечиваетъ спокойствіе государства, такъ какъ влечетъ неизбѣжные распри между членами рода за обладаніе престоломъ. Въ Турціи такихъ столкновеній было сравнительно мало, и они не вели, подобно тому какъ было въ древней Руси, къ междуусобицамъ, такъ какъ каждый новый султанъ при вступленіи на престолъ избивалъ своихъ братьевъ и племянниковъ часто поголовно, чтобы доставить престолъ своему сыну. Въ прежнія времена это совершалось съ чрезвычайной послѣдовательностью.

Власть султана признавалась совершенно неограниченной, но на дѣлѣ деспотизмъ обуздывали интриги двора, мятежы народовъ и пашей или просто низложенія, грозившія

всякому султану. Личность султана считается священной и неприкосновенной. Но въ правосознаніи народа священна не личность, а идея султанской власти. Что касается отдѣльныхъ личностей, то они неоднократно лишались престола, если удавалось доказать, что они недостойны своего высокаго назначенія. Такъ былъ низложенъ Абдулъ Азисъ и царствовавшій до 1909 г. Абдулъ-Гамидъ. Въ фетвѣ, изданной шейхъ-уль-исламомъ при низложеніи Абдулъ-Азиса, прекрасно выражается это убѣжденіе: „Если повелитель правовѣрныхъ доказываетъ свое безуміе, если онъ не имѣетъ политическихъ знаній, необходимыхъ для управленія государствомъ, если онъ дѣлаетъ личные издержки, которыхъ государство не можетъ вынести, если его пребываніе на тронѣ грозитъ гибельными послѣдствіями, то нужно ли его низложить, или нѣтъ? Законъ гласитъ: „да".

Опасность переворота заставляла султановъ окружать себя цѣлою сѣтью шпіоновъ и сыщиковъ. Ни въ одной странѣ тайная полиція не была такъ хорошо организована, какъ въ Турціи. Шпіоны были разсѣяны повсюду. Ильдызъ-Кіоскъ (султанскій дворецъ) представлялъ изъ себя неприступную крѣпость съ арсеналомъ и сильнымъ войскомъ. Въ дворцовомъ паркѣ шпіоновъ было не меньше, чѣмъ деревьевъ. Въ распоряженіи султана, какъ говорятъ, было нѣсколько блиндированныхъ спаленъ. Султанъ былъ какъ бы арестованъ въ своемъ дворцѣ. Съ объявленіемъ конституціи положеніе его измѣнилось: султанъ сталъ появляться въ народѣ, говорилъ рѣчи, и т. д.

Во главѣ свѣтскаго управленія стоялъ великій визирь, которому были подвѣдомственны всѣ дѣла государственнаго управленія, за исключеніемъ религіозныхъ. До середины прошлаго столѣтія великій визирь управлялъ черезъ особыхъ чиновниковъ, затѣмъ были организованы министерства по образцу европейскихъ. Духовными дѣлами завѣдуетъ шейхъ-уль-исламъ, должность котораго по достоинству считается равной должности великаго визиря. Шейхъ-уль-исламу принадлежитъ также верховная судебная власть, хотя паралельно съ нимъ имѣется министръ юстиціи. Кабинетъ министровъ во главѣ съ великимъ визиремъ, шейхъ-уль-исламъ, начальникъ полиціи и нѣсколько другихъ высшихъ должностныхъ лицъ, составляютъ министерскій совѣтъ, называемый персидскимъ словомъ „диванъ". Съ 1908 года къ этимъ учрежденіямъ прибавились двѣ палаты парламента.

Большую роль въ административной политикѣ Турціи издавна играютъ иностранныя посольства. Безъ ихъ вѣдома не предпринимался ни одинъ важный шагъ. Съ 1875 г. появилось еще одно учрежденіе—Dette publique. Этотъ органъ призванъ защищать экономическіе интересы кредиторовъ Турціи, и безъ его вѣдома не можетъ быть принята ни одна финансовая мѣра.

Все государство дѣлится на провинціи—виляйеты, которыми управляютъ намѣстники—вали. Виляйеты дѣлятся на санджаки, санджаки на казы, которыя состоятъ изъ общинъ—нахій. При должностныхъ лицахъ, управляющихъ этими административными единицами, состоятъ провинціальные совѣты, въ которыхъ рядомъ съ чиновниками засѣдаютъ выборные отъ немусульманскихъ общинъ. Выборы происходятъ по очень сложной системѣ, которая до послѣдняго времени отдавала власть въ руки полиціи.

Громадное зло старой Турціи, для устраненія котораго новому правительству понадобится не одинъ годъ—чиновничество. Чиновничество въ Турціи представляетъ изъ себя цѣлый общественный классъ и при томъ очень многочисленный. Каждый небогатый турокъ стремится стать чиновникомъ, чтобы имѣть возможность, ничего не дѣлая, жить безбѣдно. Чиновниковъ въ Турціи всегда было въ нѣсколько разъ больше того количества, которое требуется на самомъ дѣлѣ. Жалованія эти чиновники обычно не получали и существовали исключительно взятками. Среди турецкихъ чиновниковъ взяточничество явленіе настолько постоянное, что его никакъ нельзя объяснить недобросовѣстностью отдѣльныхъ лицъ. Правительство смотрѣло на взятки, какъ на своего рода налогъ, который давалъ возможность не платить чиновникамъ. Чиновники смотрѣли на это такъ же, и отсюда проистекаетъ

такое удивительное явленіе, какъ сложная и точная система взятокъ. Начальникамъ областей населеніе было обязано выплачивать своего рода „дань", которая сообразовалась съ доходами плательщика. Съ установленіемъ правового строя и поднятіемъ благосостоянія страны должно исчезнуть и взяточничество.

Въ Турціи даже въ прежнее время не было сословій. Если турокъ достигалъ высокаго положенія паши, вали, и т. п., то этимъ онъ былъ обязанъ не своему происхожденію, а личнымъ заслугамъ или проискамъ. Но неравенство создавала религія. Поданные падишаха дѣлились на мусульманъ и „райю", которая распадалась на грековъ, болгаръ, армянъ, евреевъ и т. п. Христіанинъ, принявшій исламъ, сразу попадаетъ въ привилегированный классъ; ничто не мѣшаетъ ему возвыситься до званія главнокомандующаго, министра или великаго визиря. Христіанинъ всецѣло зависѣлъ отъ произвола чиновниковъ и администраторовъ, на него ложилась больше, чѣмъ на другихъ, тяжесть налоговъ и взятокъ, онъ не могъ добиться правосудія, не могъ выступать свидѣтелемъ въ турецкихъ судахъ. Рядомъ съ такимъ безправіемъ уживалась широкая религіозная терпимость. Христіане пользовались въ своихъ религіозныхъ дѣлахъ полной свободой. Греки имѣли своего патріарха; послѣдній вмѣстѣ съ состоявшимъ при немъ синодомъ являлся главою греческой общины. Ему были подчинены школы и національные суды. Эти суды могли назначать грекамъ любые наказанія вплоть до смертной казни, и турецкое правительство охотно приводило ихъ приговоры въ исполненіе. Въ настоящее время христіане уравнены въ правахъ съ мусульманами.

Отсутствіе сословій даетъ возможность Турціи стать однимъ изъ наиболѣе демократичныхъ государствъ. По своему географическому положенію и по природнымъ богатствамъ Турція стоитъ впереди многихъ европейскихъ государствъ. Берега ея изрѣзаны прекрасными заливами, земля въ нѣкоторыхъ областяхъ очень плодородна, въ нѣдрахъ ея находятся залежи цѣнныхъ ископаемыхъ. Но несмотря на все это населеніе Турціи влачитъ почти нищенское существованіе. Безправіе, непомѣрные налоги и взяточничество привели страну почти къ полному разоренію.

Турція, страна по преимуществу земледѣльческая. Количество удобной для обработки земли сравнительно велико, и земля мѣстами чрезвычайно плодородна. Несмотря на это въ Турціи обрабатывается въ среднемъ только $^1/_3$ годной для обработки земли.

По корану вся земля принадлежитъ Богу, т. е. его намѣстнику на землѣ—падишаху. Всѣ земли дѣлятся на четыре части: 1) государственныя, 2) вакуфы—земли мечетей и религіозныхъ обществъ, 3) жалованныя земли и 4) частныя. Наибольшую площадь занимаютъ вакуфы (около $^2/_3$ всей земли), частновладѣльческихъ очень мало, и они не имѣютъ большаго значенія. Обрабатывается земля крестьянами, которые берутъ ее въ аренду мелкими участками. При такомъ способѣ веденія хозяйства не можетъ быть рѣчи о сколько нибудь раціональной постановкѣ дѣла. Арендаторъ, обремененный различными налогами, работая на чужой землѣ, не заботится объ улучшеніяхъ. Положеніе крестьянъ крайне незавидное. Собравъ урожай, земледѣлецъ долженъ уплатить десятинный сборъ (на дѣлѣ 12%), который собирается натурою съ валового дохода. Въ ожиданіи сборщика онъ долженъ оставить хлѣбъ на полѣ, гдѣ и происходитъ дѣлежъ. Государство, не имѣя силъ собирать налогъ собственноручно, сдаетъ его на откупъ. Крупные откупщики сдаютъ его болѣе мелкимъ и т. д., получается цѣлая сѣть откупщиковъ, которые, чтобы получить барыши, должны собрать съ населенія въ нѣсколько разъ больше того, что требуется. Когда хлѣбъ уже собранъ и лежитъ въ полѣ, начинается дѣятельность откупщика. Нужно дѣлить хлѣбъ, но сборщикъ умышленно медлитъ, зная, что всякое промедленіе гибельно. Крестьянинъ, видя, что хлѣбъ гніетъ въ полѣ, готовъ идти на всякія жертвы, чтобы спасти хоть что нибудь. Наконецъ сборщикъ является и предлагаетъ крестьянину уступить весь урожай за $^1/_4$ или $^1/_3$ рыночной цѣны, и обыкновенно крестьянинъ принужденъ согласиться. Разоренные крестьяне зачастую бросаютъ землю и бѣгутъ въ городъ, гдѣ ихъ ожидаетъ нищенское существованіе,

или же нанимаются въ батраки. Въ Константинополѣ и другихъ городахъ они пополняютъ ряды грузчиковъ, рабочихъ на табачной фабрикѣ, разныхъ служащихъ. Положеніе этихъ рабочихъ, конечно, незавидно, получаютъ они ничтожную плату при непосильномъ трудѣ. Правительство Абдулъ-Гамида держало ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Всякое требованіе объ улучшеніи участи каралось, какъ преступленье. „Бунтовщиковъ“ ловили, сажали въ тюрьмы и ссылали.

Гораздо болѣе развиты въ Турціи ремесленная и кустарная промышленность. Все нужное турецкому населенію въ домашнемъ обиходѣ производится въ мастерскихъ, которыя часто похожи на небольшія фабрики. Долгое время эти произведенія конкуррировали съ европейскими, такъ какъ турокъ, привыкшій къ посудѣ или ткани опредѣленнаго образца, не желалъ промѣнять ихъ на что нибудь иное, хотя бы и лучшее. Но европейскія фирмы начали производить продукты, по виду совершенно сходные съ произведеніями турецкой кустарной промышленности, что и нанесло ей ущербъ. Тогда то стали наблюдаться явленія, сопутствующія всегда борьбѣ крупнаго производства съ мелкимъ: непомѣрное увеличеніе рабочаго дня кустарей и сокращенія заработка.

Все это въ концѣ концовъ и привело къ перемѣнѣ, совершившейся въ Турціи на нашихъ глазахъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Турція пережила сильное потрясеніе, вызванное главнымъ образомъ возстаніемъ Герцеговины, Босніи и Болгаріи. Казна была разорена, промышленность и земледѣліе въ страшномъ упадкѣ. Раззоренной Турціи не оставалось ничего другого, какъ объявить себя банкротомъ и платить по заграничнымъ долгамъ лишь половину процентовъ, на остальную же сумму выдать обязательства. Необходимость реформъ была ясна. Во главѣ либеральной партіи стоялъ Мидхадъ-паша, поклонникъ западно-европейскихъ порядковъ. Султанъ Абдулъ-Азисъ, не желавшій никакихъ реформъ, былъ свергнутъ, и на престолъ вступилъ его законный наслѣдникъ Мурадъ V, но Мурадъ, бывшій и до вступленія на престолъ ненормальнымъ, подъ вліяніемъ кровавыхъ событій окончательно лишился разсудка, и его мѣсто занялъ Абдулъ-Гамидъ. Уступая требованіямъ окружающихъ, Абдулъ-Гамидъ назначилъ визиремъ Мидхадъ-пашу и подписалъ выработанную имъ конституцію (23 дек. 1876 г.). Конституція явилась полнымъ подражаніемъ западно-европейскимъ: она устанавливала въ Турціи парламентскій строй и гарантировала права личности. Но за два дня до открытія парламента Мидхадъ былъ арестованъ, и хотя парламентъ собрался, хотя онъ проявилъ много энергіи и сознательности, но встрѣтилъ со стороны правительства противодѣйствіе, дѣлавшее успѣшную работу невозможной. Вскорѣ онъ былъ распущенъ. Второй парламентъ просуществовалъ немногимъ дольше и разошелся, ничего не сдѣлавъ. Больше парламентъ не созывался, и все пошло по старому. Но движеніе не заглохло, такъ какъ во главѣ его стояла партія „Молодой Турціи“, комитетъ которой находился за границей. Дѣятельность младотурокъ сосредоточивалась главнымъ образомъ въ военной средѣ. Полунищіе солдаты явились хорошей почвой для насажденія революціонныхъ идей, а вскорѣ также и офицерство примкнуло къ патріотамъ. До самой революціи думали, что число младотурокъ ничтожно, и что дальше Константинополя ихъ вліяніе не идетъ. Поэтому неудивительно, что вспыхнувшее лѣтомъ 1908 года возстаніе было полной неожиданостью для турецкаго правительства и не встрѣтило почти никакого сопротивленія. Испуганный Абдулъ-Гамидъ поспѣшилъ пойти на уступки, возстановилъ конституцію и обѣщалъ свободу вѣры, печати и т. д. Народъ ликовалъ. Коварство и лживость Абдулъ-Гамида были забыты, при его появленіи раздавались восторженные крики, его искренность не подвергалась сомнѣнію. Въ собравшемся парламентѣ сторонники младотурокъ составляли большинство. Работа пошла на ладъ, населеніе вздохнуло свободнѣе. Но Абдулъ-Гамидъ не дремалъ. Его агенты подкупили константинопольскій гарнизонъ, и 31 марта 1909 г. вспыхнулъ военный бунтъ. Многіе офицера младотурки были перебиты, а сбитые съ толку солдаты требовали отмѣны конституціи, которая

будто-бы противорѣчитъ шаріату, законамъ ислама. Парламентъ растерялся и готовъ былъ выпустить изъ своихъ рукъ власть. Но провинціальныя войска остались на сторонѣ младотурокъ, войско немедленно двинулось на Константинополь. Черезъ три недѣли Константинополь былъ взятъ безъ сопротивленія, зачинщики бунта казнены, а соединеннымъ собраніемъ сената и парламента Абдулъ-Гамидъ былъ низложенъ. На престолъ взошелъ сторонникъ конституціи принцъ Решадъ подъ именемъ Магомета V-го.

ГРЕЦІЯ.

Греція занимаетъ южную часть Балканскаго полуострова и окружена съ трехъ сторонъ моремъ, которое нигдѣ не переплетается съ сушею въ такой мѣрѣ, какъ здѣсь. Море, омывающее причудливо изрѣзанные берега, само покрыто тысячами острововъ. Въ Эгейскомъ морѣ нѣтъ мѣста, отстоящаго отъ берега далѣе 60 к., а на сушѣ нѣтъ точки, лежащей отъ берега дальше 90 к. Вотъ почему при миніатюрныхъ размѣрахъ страны граница ея не короче, напр. германской. Эгейское море возникло въ недавнюю геологическую эпоху благодаря опусканіямъ суши. Острова его не что иное, какъ наиболѣе возвышенныя части этого древняго материка. Горы сложены изъ известняковъ и достигаютъ значительной высоты, какъ напр. Олимпъ (2.985 м.), Тайгетъ (2.409 м), но вершины ихъ нигдѣ не достигаютъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Сосѣдство горъ и моря придаетъ греческому пейзажу особенную прелесть, а многочисленные склоны горъ допускаютъ разведеніе на разныхъ высотахъ всевозможныхъ культуръ, начиная съ подтропическихъ видовъ и кончая злаками сѣверной Европы.

Климатъ Греціи типичный климатъ побережья Средиземнаго моря. Сухое время длиться около 4 мѣсяцевъ. Въ это время дождя не выпадаетъ вовсе, небо ясно, безъ единаго облачка. Жара достигаетъ въ іюлѣ въ среднемъ $27^1/_2{}^0$, максимумъ до 37^0, но она смягчается постоянными вѣтрами. Лѣтомъ греческая природа представляетъ картину полнаго отдыха. Все спитъ. Путешественнику кажется, что онъ попалъ въ заколдованную страну. Сухой воздухъ необычайно прозраченъ. На большомъ разстояніи виденъ каждый изгибъ берега, камень, маленькій кустикъ—все пронизано яркими солнечными лучами, небо ровно синее, безоблачное. Ярко зеленѣвшая зимой трава теперь пожелтѣла, выгорѣла подъ лучами южнаго солнца. Въ зелени деревьевъ также нѣтъ весенней свѣжести. Вечеромъ покой чувствуется еще сильнѣе. Вѣтеръ стихаетъ, все молчитъ; солнце большое, огненное медленно спускается въ море. Наступаетъ чудная греческая ночь. Море не шелохнется, часто царствуетъ такая тишина, что звѣзды отражаются въ водѣ длинными серебряными дорожками. Зимою зачастую случаются морозы и выпадаетъ снѣгъ, но лежитъ онъ всего нѣсколько часовъ, нѣсколько дней.

Когда-то Греція была лѣсной страною, теперь отъ лѣсовъ осталось очень немного. Корни деревьевъ скрѣпляли почву на горахъ и мѣшали водамъ смывать ее. Теперь дожди безпрепятственно уносятъ плодородный покровъ, обнажая голыя, каменистыя скалы. Поэтому покрытые наносами долины являются наиболѣе плодородными мѣстами съ наиболѣе плотнымъ населеніемъ. Въ то время какъ въ долинахъ средняя плотность достигаетъ 120—150 ч. на кв. к., въ горахъ она спускается до 20—10 ч., а мѣстами и ниже. Въ настоящее время площадь воздѣланной земли не превосходитъ $18^1/_2{}^0/_0$, лѣса — $9^0/_0$ всей поверхности. Главныя культуры: виноградъ, олива и хлѣба. Хозяйственныя работы длятся непрерывно цѣлый годъ. Къ концу дождливаго періода поспѣваетъ хлѣбъ, который обыкновенно убираютъ въ маѣ, виноградъ въ это время только

цвѣтетъ. Олива и виноградъ хорошо выдерживаютъ сухой періодъ и даютъ плоды къ осени. Искусственное орошеніе совершенно не распространено, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ отъ природы много воды, на смѣну винограду являются роскошные фруктовые сады, въ которыхъ разводятся всѣ фрукты южной Европы.

Рогатый скотъ преимущественно рабочій. Быкъ тащитъ повозку, плугъ, а часто и экипажъ. Смѣна временъ года,—зимы, когда горы покрываются снѣгомъ, лѣта, когда на нихъ свѣжая трава,—вынуждаетъ пастуховъ блуждать съ мѣста на мѣсто. Кочевые пастухи представляютъ поэтому особый классъ населенія, слабо связанный съ земледѣльцами.

Гречанка въ національномъ нарядѣ.

Въ странѣ, гдѣ въ жаркую треть года не выпадаетъ почти ни одной капли дождя и немногія рѣки почти пересыхаютъ, вопросъ о снабженіи водою получаетъ громадное значеніе. Цистерны для собиранія дождевой воды для этой цѣли непригодны, вода въ нихъ уже къ серединѣ лѣта портится. Колодцы тоже встрѣчаются рѣдко, такъ какъ лѣтомъ вода въ нихъ или высыхаетъ или опускается на большую глубину. Поэтому громадное значеніе пріобрѣтаютъ постоянные ключи, и населеніе въ своемъ размѣщеніи сообразуется прежде всего съ расположеніемъ ихъ. Лишь большіе города проводятъ воду издалека. Въ мѣстности съ густой сѣтью ключей деревень много, но въ каждой изъ нихъ всего по нѣскольку дворовъ, наоборотъ, въ мѣстахъ, гдѣ ключей мало, и деревень немного, но зато они считаютъ своихъ жителей сотнями.

Море служитъ главнымъ путемъ сообщенія, какъ съ различными частями самой Греціи, такъ и съ другими странами, тѣмъ болѣе, что съ сѣвера Греція отдѣлена отъ Европы цѣпью горъ, дѣлающихъ сообщеніе затруднительнымъ. По отношенію къ Европѣ Греція въ сущности не болѣе, какъ островъ. Вотъ почему всѣ торговыя города лежатъ у моря или, какъ Аѳины, въ небольшомъ разстояніи отъ него, имѣя на берегу свой портъ.

Наиболѣе оживленное движеніе происходитъ по Эгейскому морю, оно для Греціи внутреннее море. Между отдѣльными островами происходятъ оживленныя сношенія, облегчаемыя близостью острововъ другъ къ другу. Даже мелкія суда рискуютъ пускаться въ далекое плаваніе въ надеждѣ найти защиту отъ бурь на одномъ изъ встрѣчныхъ острововъ. Если волны здѣсь и не такъ высоки, какъ въ открытомъ морѣ, зато они гораздо болѣе опасны для судовъ: волны, отражаясь отъ береговъ, не катятся ровными рядами, а безпорядочно мечутся, сталкиваясь и образуя опасные водовороты.

На территоріи Греціи перебывало много народностей, и всѣ они оставили по себѣ слѣды. Поэтому о грекахъ, какъ объ одной національности, говорить не приходится. Подъ именемъ грековъ объединяются весьма разнообразные элементы населенія. Въ рассовомъ отношеніи наиболѣе чистыми считаются майноты, населяющіе Тенарскій полуостровъ

*

Мореи, но, судя по славянскимъ названіямъ нѣкоторыхъ рѣкъ и горъ, можно предположить, что и они не избѣжали смѣшенія съ другими народами. По складу характера наиболѣе походятъ на древнихъ грековъ островитяне. Они жизнерадостны, остроумны, очень подвижны и предпріимчивы. Всѣхъ грековъ объединяетъ одно общее чувство любви къ своей родинѣ. Памятники древности, которые разбросаны по всей странѣ, напоминаютъ о былой славѣ Греціи.

По своему внѣшнему виду греки производятъ очень хорошее впечатлѣніе. Они обладаютъ высокимъ ростомъ, мускулистой, хорошо сложенной фигурой, выразительнымъ лицомъ съ черными волосами и блестящими глазами. Мужчины гораздо красивѣе женщинъ. Красивую женщину въ Греціи приходится видѣть не часто. Молодыя дѣвушки привлекаютъ вниманіе красивымъ овалomъ лица, живыми веселыми глазами, всѣмъ существомъ, словно пропитанномъ молодостью, но вслѣдствіе раннихъ браковъ женщины быстро дурнѣютъ и старѣютъ. 30-ти-лѣтняя гречанка уже производитъ впечатлѣніе старухи.

Гречанка.

Потребности грека крайне скромны. Въ обстановкѣ своего жилища онъ довольствуется самыми необходимыми предметами. То же относится къ пищѣ: горсть оливокъ, порція соленой или вяленой рыбы—вотъ обыкновенный обѣдъ греческаго крестьянина и рабочаго. Въ строѣ семейной жизни сохранилось еще много патріархальныхъ чертъ. Изъ нихъ наиболѣе симпатичныя—гостепріимство.

Занятія греческаго населенія очень разнообразны и мѣняются въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. На горахъ до 400 метровъ высоты разводится виноградъ. Выше виноградники смѣняются полями хлѣба и кукурузы, а еще выше, тамъ, гдѣ начинаются горные луга, пасется рогатый скотъ. Повсюду разсѣяны рощи оливковыхъ деревьевъ, ихъ плоды идутъ частью въ пищу населенію, частью на производство прованскаго масла, довольно, впрочемъ, плохого. Низкое качество его зависитъ отъ небрежности и несовершенства производства, и на внѣшнихъ рынкахъ оно не можетъ выдержать конкурренціи французскаго и итальянскаго. Важнымъ предметомъ вывоза является коринка. Обрабатывающая промышленность развита еще очень слабо. Наибольшую роль играетъ кораблестроеніе. Строятся большею частью парусныя суда для каботажнаго плаванія. Роль маленькой Греціи въ торговлѣ Средиземнаго моря сравнительно очень велика.

Всюду очень много тутовыхъ деревьевъ, что способствуетъ разведенію шелковичныхъ червей. Въ маленькомъ размѣрѣ шелковичное хозяйство можно встрѣтить очень часто даже въ крестьянскихъ избахъ. Для этого не требуется ни особыхъ приспособленій, ни большой

затраты труда. Это дѣло обыкновенно поручается дѣтямъ, которыя цѣлыми днями висятъ на деревьяхъ и собираютъ листья.

Сильно задерживаетъ промышленное развитіе отсутствіе крупныхъ капиталовъ. Богатыхъ грековъ много, но капиталисты предпочитаютъ оперировать своими капиталами въ сосѣднихъ странахъ, въ Константинополѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и въ другихъ европейскихъ городахъ.

Столица Греціи Аѳины расположена въ нѣсколькихъ километрахъ отъ моря на скалистыхъ холмахъ. Всюду въ городѣ разбиты сады, а въ нихъ пальмы, дубы, кактусы и алоэ. Правда, листва покрыта сѣрою известковой пылью, однако подъ нею можно найти прохладную защиту отъ солнца. Главные улицы города широки, вымощены и застроены высокими домами ослѣпительной бѣлизны. Наиболѣе богатые дома облицованы мраморомъ, добываемомъ до сихъ поръ съ обнаженныхъ склоновъ Пентеликона.

Греческій солдатъ въ албанскомъ нарядѣ.

Улица Гермеса—центръ торговыхъ Аѳинъ. Здѣсь лавки, кофейни и базаръ. Днемъ это самая заурядная, довольно пустынная улица. Но къ вечеру видъ ея мѣняется. Густая толпа народа двигается взадъ и впередъ, здѣсь торгуются, кричатъ, покупаютъ. Торговля продолжается до поздней ночи. Улица Стадіонъ—мѣсто прогулокъ. Здѣсь днемъ тоже пустынно. Гуляющіе появляются только къ вечеру, когда жара спадаетъ, кончаются занятія и работа. Къ услугамъ публики многочисленные рестораны. Ресторанная жизнь въ Аѳинахъ очень развита. Вечеромъ всѣ кофейни набиты, всѣ мѣста заняты какъ внутри, такъ и на площадкахъ, выходящихъ на улицу. Мало кто обѣдаетъ дома, большинство находитъ для себя болѣе удобнымъ и пріятнымъ ѣсть въ ресторанѣ, гдѣ за дешевую плату можно пообѣдать, да въ добавокъ еще услышать послѣднія новости и поболтать съ пріятелями.

Очень характерно для Аѳинъ преобладаніе на улицахъ мужчинъ. Женщины рѣдко выходятъ наружу, и если отправляются на прогулку, то ѣдутъ куда нибудь за городъ или медленно проѣзжаютъ по бульвару. Пѣшкомъ ходить не принято. Все это, конечно, относится только къ высшимъ слоямъ общества.

Уже съ перваго взгляда путешественникъ замѣчаетъ, что греческая масса не однородна. Греки стараго и новаго закала различаются не только своими убѣжденіями и психологіей, но такъ же и внѣшнимъ видомъ. Люди помоложе ходятъ въ обычномъ европейскомъ костюмѣ. Греки стараго закала носятъ національный костюмъ, на дѣлѣ всецѣло заимствован-

ный у албанцевъ. Онъ состоитъ изъ фустанеллы, фески и шитой куртки. Бедра охватываетъ поясъ, за который раньше затыкался цѣлый арсеналъ сабель и пистолетовъ, а теперь затыкается носовой платокъ. Греки этого типа непримиримые консерваторы.

Окрестности Аѳинъ очень живописны и богаты памятниками античной эпохи. Молчаливыя, желтыя развалины и тишина навѣваютъ какое-то особенное настроеніе покоя и примиренія. Можно часами сидѣть тамъ и любоваться на далекое море, на крошечные, словно нарисованные, острова, на раскинувшіяся внизу среди оливковыхъ рощь Аѳины.

Грецiя государство конституціонное. Конституція обнародована въ 1843 году въ царствованіе Оттона I. Первое время правительство систематически измѣняло и нарушало конституцію. Только въ 1864 г. былъ установленъ окончательный текстъ ея и прибавленъ параграфъ, по которому конституція можетъ быть измѣнена только съ согласія $^3/_4$ депутатовъ въ двухъ законодательныхъ сессіяхъ особо выбраннымъ учредительнымъ собраніемъ. Исполнительная власть принадлежитъ королю, законодательную дѣлятъ съ нимъ двѣ палаты парламента: верхняя, члены которой назначаются королемъ, и нижняя, члены которой избираются всѣмъ взрослымъ населеніемъ страны. Министерство отвѣтственно передъ палатой и за преступленія можетъ быть предано суду. Конституція гарантируетъ гражданамъ всѣ права личности и безплатное обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, исключая высшихъ.

Финансы Греціи находятся далеко не въ блестящемъ положеніи. Народъ обремененъ непосильными налогами, и государственный долгъ слишкомъ великъ по отношенію къ бюджету страны. Политическое положеніе Греціи неустойчиво. Не будучи въ состояніи самостоятельно вліять на европейскую политику, Грецiя принуждена всегда искать себѣ покровителей среди крупныхъ государствъ. Поэтому политика Греціи непостоянна и измѣнчива. Такія колебанія особенно ярко выражаются въ министерскихъ кризисахъ. Тамъ въ 36 лѣтъ (1863—1899) смѣнилось 47 министерствъ.

Въ Греціи нѣтъ сословій, и всѣ граждане пользуются одинаковыми правами.

Б. Синани.

Оглавленіе III-го тома.

ЕВРОПА.
(Общій очеркъ).

(Сост. Н. Березинъ). стр.

Особенности географическаго положенія и физико-географическаго устройства Европы.—Древнее населеніе.—Современный этнографическій составъ.—Численность и средняя плотность 1

Сѣверная Европа.

Скандинавія.

(Сост. С. Слободзинскій).

Природа Скандинавіи и Югландіи. — Норвегія: рыболовство, земледѣліе и промышленность, народное образованіе и политическій строй.—Швеція.—Данія 13

Великобританія.

(Сост. Э. Пименова).

Глава I. Географическое положеніе Англіи, климатъ и населеніе.—Характеръ англичанъ.—Лондонъ и другіе города Англіи.—Сельскія поселенія.—Шотландія.—Ирландія.—Природа и климатъ.—Судьба Ирландіи.—Ожесточенная борьба.—Феніи.—Бойкотъ и обструкція.—Гомруль.—Земельная реформа.—Суевѣрія.—Нищета.—Главныя черты характера ирландскаго народа.—Ирландскіе города. 47

Германія.

(Сост. И. Леонтьевъ).

Географическое положеніе и природа.—Естественныя богатства.—Населеніе.—Состояніе образованія.—Политическій строй 78

Голландія.

(Сост. Л. Г.).

Характеръ страны.—Наступаніе моря и наводненія.—Защитныя сооруженія.—Населеніе, его характеръ и бытъ.—Города 105

Бельгія.

(Сост. Н. Березинъ).

стр.

Природа страны: южная, средняя и сѣверная Бельгія.—Населеніе.—Земледѣліе и его положеніе.—Промышленность и положеніе рабочаго класса.—Торговля.—Государственный строй и колоніи . . . 119

Швейцарія.

(Сост. В. Величкина).

Горная природа и ея красоты.—Альпійскіе луга.—Скотъ и молочное хозяйство.—Жизнь пастуховъ.—Горныя дороги: перевалы и туннели. — Опасности жизни и странствія въ горахъ. — Народная жизнь и хозяйство.—Государственный строй.—Народное просвѣщеніе 126

Франція.

(Сост. Н. Березинъ).

Природа страны.—Населеніе.—Происхожденіе и характеръ французской націи.—Крестьянство, рабочій классъ и буржуазія.—Хозяйство.—Государственный строй и положеніе просвѣщенія. 144

Италія.

(Сост. Э. Пименова).

Природа страны.—Сѣверная Италія: Ломбардія и Венеція.—Генуа.—Римская кампанья и побережье Тирренскаго моря.—Понтійскія болота.—Римъ.—Флоренція.—Политическая жизнь страны.—Неаполь.—Сицилія и Сардинія. 160

Испанія.

(Сост. Л. Г.).

Общій характеръ страны.—Центральная Испанія.—Мадридъ.—Жизнь города.—Характеръ и нравы испанцевъ.—Южная Испанія: Андалузія.—Мавританскія древности.—Типъ и характеръ жителей.—Юго-восточная Испанія: Каталонія и ея главный городъ Барцелона.—Бой быковъ.—Андорра 186

Португалія.

(Сост. Л. Г.).

Сѣверная, средняя и южная Португалія.—Населеніе.—Колоніи. 214

Австро-Венгрія.

(Сост. Н. Березинъ).

Положеніе и природа страны. - Политическія и этнографическія области.—Земли Австрійской короны и ихъ населеніе: Нижняя и Верхняя Австрія, Тироль, Зальцбургъ, Штирія, Каринтія, Крайна, Береговая Земля и Далмація; Богемія, Силезія, Галиція и Буковина.—Земли Венгерской короны и ихъ населеніе: Венгрія, Кроація и Славонія.—Присоединенная область: Боснія и Герцеговина . . 220

Балканскій полуостровъ.

(Сост. В. Величкина, Б. Синани (Турція, Греція).

Географическій очеркъ.—Народности, ихъ историческое прошлое и взаимныя отношенія.—Румынія.—Болгарія.—Сербія.—Черногорія.—Турція.—Греція 245

РОССІЯ.

Общій очеркъ.

Наша страна съ обширными владѣніями въ сѣверной и центральной Азіи охватываетъ громадное пространство, равное одной шестой части всей земной суши, и когда рѣчь заходитъ о размѣрахъ и силахъ Россіи, для сравненія неизбѣжно прибѣгаютъ къ другимъ колоссальнымъ державамъ міра, среди которыхъ лишь двѣ могутъ стать рядомъ съ нею, Великобританія и Китай. Территорія, которая даетъ вещественную опору жизни, и населеніе, представляющее живую силу страны, прилагаемую къ ея богатствамъ, опредѣляютъ въ своемъ взаимоотношеніи положеніе страны, мѣру ея матеріальныхъ силъ и культурную роль въ великой борьбѣ народовъ и государствъ за существованіе и господство. Съ этой точки зрѣнія громадность нашей страны пока не есть еще преимущество, а общая численность, составъ и культурное состояніе населенія отводятъ Россіи сравнительно скромное мѣсто въ міровомъ хозяйствѣ. Но обширность территоріи, далеко не заполненной, далеко не использованной, и низкій уровень культуры открываютъ широко двери будущаго: культура, какъ матеріальная, такъ и духовная должна подняться, и тогда пространная, слабо заселенная территорія пріобрѣтаетъ особенную цѣнность.

Населеніе Имперіи приближается къ 154 милліонамъ. Эта, сама по себѣ большая цифра много теряетъ въ своемъ значеніи при сопоставленіи ея съ пространствомъ (22.850.000 кв. к. съ морями), такъ какъ средняя плотность выражается для всей Россіи цифрой около 8 ч. на кв. к. Даже въ Британской имперіи съ ея обширными пустырями въ Канадѣ и Австраліи, при громадномъ перевѣсѣ малокультурнаго населенія, средняя плотность почти вдвое больше. Если для сравненія со странами Западной Европы обратиться лишь къ Европейской Россіи, то и здѣсь цифра въ 24 ч. на кв. к. крайне низка, такъ какъ въ Европѣ меньшая плотность наблюдается лишь на крайнемъ сѣверѣ, въ Скандинавіи. Цифры плотности, приближающіяся къ населенности средней Европы, встрѣчаются у насъ лишь на крайнемъ западѣ, въ Царствѣ Польскомъ (до 100 ч. на кв. к,); въ Петроковской губ. она поднимается до 158 ч., въ Варшавской—до 152 ч., но вѣдь область эта въ культурно-историческомъ отношеніи скорѣе Западная Европа, чѣмъ Россія.

Слабая населенность нашей страны проистекаетъ отъ медленнаго прироста населенія. Этотъ приростъ равняется всего 15,1 ч. на 1000 въ годъ (рождаемость 49,2, смертность 34,1). Особенно велика смертность, которая въ западно-европейскихъ странахъ не подни-

мается выше 20 ч. на 1000, опускаясь въ Даніи даже до 13,8. Высокая смертность, также, впрочемъ, какъ и высокая рождаемость, указываютъ на сравнительное низкій уровень культурнаго состоянія населенія. Цифры эти обозначаютъ ничто иное, какъ то, что количество и качество пищи и другихъ средствъ жизни, добываемыхъ въ странѣ, недостаточны, способы ея полученія неудовлетворительны, а распредѣленіе недостаточно справедливо. Такъ какъ въ прежнія времена положеніе въ этомъ отношеніи было не лучше, то слѣдуетъ заключить, что географическо-историческія условія, при которыхъ развивались судьбы нашего отечества всегда были неблагопріятны для его процвѣтанія. Не трудно замѣтить, что въ отношеніи территоріи намъ очень не повезло. Вся сѣверная половина страны слишкомъ холодна. Короткій растительный періодъ при низкихъ температурахъ требовалъ отъ населенія большого количества напряженнаго труда въ теплую часть года и вызывалъ вынужденное бездѣлье въ теченіе зимы. При такихъ условіяхъ населеніе не могло быстро и легко накоплять здѣсь средства, которыя обращались бы въ полезный національный капиталъ, матеріальный и духовный. Южная, теплая и плодородная полоса страны много столѣтій находилась внѣ оборота, такъ какъ южно-русскія степи долгое время представляли сквозную область, расположенную между Азіей и Западной Европой, и нѣсколько вѣковъ провѣтривалась отъ осѣдлаго населенія движеніемъ кочевыхъ ордъ, дѣлавшихъ черноземную степь небезопасной для земледѣльцевъ.

Такимъ образомъ, въ критическіе періоды жизни страны, когда подъ руками природы творился характеръ народа и слагался его общественно-государственный строй, мы были затиснуты къ сѣверу, далеко въ сторону отъ международнаго оборота и его могущественныхъ средствъ развитія, проводя драгоцѣнное время въ хуже, чѣмъ чисто китайскомъ уединеніи, которое протекало для подлинныхъ китайцевъ на берегу океана и подъ теплымъ небомъ.

По составу своего населенія Россія безусловно славянская страна. Славяне, очень замѣтная, крупная группа европейскихъ арійцевъ, обладаютъ не менѣе, чѣмъ германцы, рѣзко выраженными племенными особенностями, какъ физическими, такъ и духовными, которыя сильно измѣняются въ условіяхъ усложняющейся культуры, но не могутъ быть стерты и не стерты ею до сего дня безъ слѣда даже у тѣхъ членовъ этой племенной группы, какими являются напр. чехи и поляки, которые дольше и сильнѣе подвергались вліянію Западной Европы. Эти особенности, среди которыхъ важное мѣсто принадлежитъ языку, были прочно унаслѣдованы славянами отъ предковъ, которые должны были пріобрѣсти ихъ въ теченіи долгаго и болѣе или менѣе уединеннаго проживанія въ первоначальной родинѣ [1]. Гдѣ эта родина, мы не знаемъ. Исторія застаетъ славянъ въ тылу германцевъ, въ серединѣ Европы и, въ общемъ, далеко отъ моря, которое такъ и осталось чуждо массѣ славянъ. Въ VI и VII вѣкахъ славяне начинаютъ занимать свои главныя позиціи, на которыхъ остались въ общемъ до сего дня. Они разселяются длинной, дугообразно искривленной полосой, простирающейся отъ Эгейскаго моря по Балканскому полуострову на сѣверъ, по Венгерской низменности, Богемскому массиву и дугѣ Карпатъ, выдвигаясь на сѣверо-нѣмецкую низменность къ Балтійскому морю и на русскую равнину къ востоку. Такимъ образомъ, южное крыло внѣдряется въ византійско-греческій міръ, средина подвергается нѣмецкому вліянію, а восточное крыло, расползаясь многочисленными племенами вдоль рѣкъ по обширной русской равнинѣ, оказывается зажатымъ среди массы финскаго населенія на сѣверѣ и востокѣ и тюркскаго на югѣ и юго-востокѣ. Съ этимъ начинается обособленіе южныхъ, западныхъ и восточныхъ славянъ. Длинная полоса сплошного славянскаго населенія разрывается на цѣпь

---

[1]) Объ единствѣ происхожденія славянъ историки предпочитаютъ умалчивать, какъ о фактѣ, не поддающемся пока утвержденію. Опредѣленно можно лишь говорить о единствѣ и близкомъ родствѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій.

независимыхъ государствъ (Болгарское, Сербское, Хорватское, Моравское, Чешское, Польское, Московское), которыя падаютъ въ непосильной борьбѣ съ мощными конкуррентами, и независимое славянство уцѣлѣваетъ лишь въ лицѣ Польши и Московіи, двухъ братьевъ и двухъ враговъ.

Вначалѣ восточные славяне разселились на всемъ протяженіи отъ страны великихъ озеръ до западнаго Черноморья.

Здѣсь при помощи культурныхъ средствъ, заимствованныхъ изъ Византіи и изъ Скандинавіи—Византія въ лицѣ церкви положила начало духовной культурѣ, а Скандинавія въ лицѣ пришлыхъ варяговъ князей организовала власть и государство—восточные славяне начали слагаться въ націю, но процессъ этотъ не могъ завершиться здѣсь, такъ какъ борьба съ кочевыми тюрками степи оказалась Кіевской землѣ не по силамъ при условіи родового быта, не уничтоженнаго внутри славянства быстрымъ развитіемъ новыхъ хозяйственныхъ и государственныхъ формъ. Какъ извѣстно значительная масса славянъ выселилась съ бассейна Днѣпра на Оку и среднюю Волгу, гдѣ съ этого времени начинается медленное смѣшеніе съ финнами, процессъ, незавершившійся и до сего дня. По своему физическому типу и по культурѣ финны стояли ниже славянъ. Поселенія ихъ занимали обширныя пространства въ сѣверной лѣсной Россіи и за Ураломъ. Южная граница финскихъ племенъ тянулась, судя по финскимъ названіямъ рѣкъ и озеръ, отъ южнаго побережья Финскаго залива черезъ нынѣшнюю губернію Тверскую къ Окѣ и отсюда на востокъ къ Волгѣ и за Волгу, и до появленія славянъ сосѣдями финновъ была здѣсь, по мнѣнію ученыхъ, Литва, передвинувшаяся потомъ нѣсколько къ западу. Первыми пришли въ соприкосновеніе съ финнами ильменскіе славяне, а затѣмъ процессъ смѣшенія, поглощенія или „обрусѣнія“ финновъ распространился по всему фронту русскаго населенія, продвинувшагося въ глубь лѣса изъ полосы лѣсостепной. Одновременно съ этимъ на югѣ славяне поглощали и сливались съ тюрками, съ кочевниками степи, съ которыми они вступали въ разнообразныя сношенія. Какъ извѣстно, послѣдній грандіозный напоръ тюрковъ, называемый историками „нашествіемъ монголъ“, окончательно раскололъ Русь и чрезвычайно ускорилъ распаденіе восточнаго славянскаго міра на три главныя народности: великорусскую, малорусскую и бѣлорусскую, историческія судьбы которыхъ протекаютъ съ этого времени въ обособленныхъ условіяхъ, и только въ послѣднія столѣтія эти „славянскіе ручьи“ снова соединились, но еще не слились въ „русскомъ морѣ“. При раззореніи Кіевской Руси татарами массы приднѣпровскаго населенія бѣжали на западъ, въ Червонную Русь, откуда постепенно возвращались уже малоруссами. Русское населеніе верхняго Днѣпра вошло въ составъ Литовскаго государства, а русскіе колонисты въ междурѣчьи Оки и Волги составили ядро будущаго Московскаго царства.

Географическая обстановка этой мѣстности, расположенной въ серединѣ великой русской равнины, отсутствіе естественныхъ границъ и постепенность переходовъ во всѣ стороны, далѣе государственный строй съ его воинственными планами, навязанными миролюбивой земледѣльческой массѣ сосѣдями, наложили неизгладимую печать на характеръ великорусскаго народа и опредѣлили его послѣдующую судьбу. Великороссъ крестьянинъ, идеаломъ котораго является пахарь Микула Селяниновичъ и богатырь Илья Муромецъ, „крестьянскій сынъ“, надѣвающій доспѣхи и выѣзжающій въ поле лишь для обороны, а не для нападенія, провелъ чуть не всю свою послѣдующую жизнь въ томъ, что воевалъ на всѣ стороны. „Годъ воевали, а годъ отдыхали“ по выраженію историка. Весь строй великорусскаго Московскаго государства слагался подъ гнетущей потребностью въ усиленіи ратныхъ силъ, ростъ которыхъ ложился непосильнымъ бременемъ на плечи народа. Уединенное положеніе бокъ о бокъ съ малокультурными и бѣдными сосѣдями, удаленность отъ очаговъ, гдѣ человѣческая мысль развивалась теоретически въ соотвѣтствіи съ выроставшими сложными задачами, надолго осудили великороссовъ на самобытную умственную ра-

*

боту, которая не могла блистать ни глубиной, ни широтой, оставаясь до эпохи болѣе тѣснаго сближенія съ Западомъ, убогой, совершенно лишенной теоретическихъ началъ. Науки Москва не знала. Долгая умственная спячка отразилась на умственныхъ способностяхъ великоросса; насколько онъ умственно вертлявъ и оборотистъ въ сферѣ практическихъ вопросовъ, „сметливъ", настолько же онъ неповоротливъ и робокъ въ области систематической мысли, и „крѣпокъ заднимъ умомъ". Зато съ другой стороны сохранившаяся свѣжесть головы, мышленіе которой не привыкло двигаться по долго торимымъ путямъ, и общая незасоренность психики дѣлаютъ мысль великоросса оригинальной и очень смѣлой. У него нѣтъ страха и оглядки долго и осторожно мыслившаго ума передъ собственными крайними выводами.

Климатическія особенности страны и соціально-историческая обстановка наложили отпечатокъ на характеръ великоросса. Слишкомъ напряженный трудъ въ теплое время года и вынужденное бездѣлье зимой не воспитали великоросса въ атмосферѣ непрерывнаго планомѣрнаго трудолюбія. Въ характерѣ его развивалась импульсивность—быстрое воодушевленіе предметомъ дѣятельности и столь же внезапное охлажденіе интереса къ нему. Къ этой чертѣ присоединилась рѣзко выраженная пассивность отношенія и уклончивость дѣйствія. Великороссъ не былъ, подобно западно-европейцу, запертъ, какъ въ мышеловкѣ, на опредѣленной территоріи, откуда некуда бѣжать, и гдѣ, хочешь не хочешь, надо выдерживать всѣ удары исторической судьбы. Упорство, привычка или необходимость дѣйствовать согласно не воспитались въ немъ. Совсѣмъ наоборотъ. Тяжелыя условія существованія, слагавшіяся подъ московскимъ скипетромъ для массы великорусскаго народа, при наличности равнинной, ничѣмъ не ограниченной территоріи, пріучили великоросса уходить, и народъ расползался, текъ во всѣ стороны, просачиваясь и смѣшиваясь въ рѣдкія и разрозненныя инородческія массы, окружавшія его почти со всѣхъ сторонъ. Привычка физическаго уклоненія соединилась съ психической неустойчивостью. Пассивный человѣкъ, не пріученный къ открытому, прямому сопротивленію, не развившій правовыхъ началъ, остававшихся первобытно неопредѣленными, ускользалъ отъ нежелательнаго ему состоянія, если не бѣгствомъ, то уловкой, обманомъ развитію какового качества только способствовали крайне несовершенныя свойства всего общественнаго механизма. Неудивительно, что всѣ иностранцы бытописатели Московскаго и Русскаго государства, начиная съ Герберштейна и кончая Юстомъ, единодушно отзывались о русскихъ, какъ о величайшихъ обманщикахъ и уклонщикахъ. Всѣ отрицательныя черты характера были затѣмъ замѣтно усилены долговременнымъ крѣпостнымъ рабствомъ народныхъ массъ.

Убѣганіе и связанное съ нимъ большею частью мирное сожительство съ инородцами развили и другую черту характера великоросса—широкую терпимость и добродушную уживчивость, такъ гармонирующія съ пассивностью его натуры. То обстоятельство, что великороссы не испытали длительной народной борьбы съ крупными націями, равными или превосходившими ихъ по культурѣ, въ напряженности которой національное самосознаніе и пристрастіе къ своей народности получаютъ преувеличенные размѣры, дополняетъ и расширяетъ описанныя выше свойства.

Численность великороссовъ, если и поддается учету (около 50—60 милліоновъ, иными словами около трети всего населенія имперіи), то не надо всетаки забывать о большой примѣси инородческой крови въ жилахъ великорусской народности; преобладаетъ примѣсь финновъ, затѣмъ тюрковъ. Примѣсь эта отражается замѣтно на типѣ великороссовъ, вслѣдствіе чего о единствѣ типа трудно говорить. Единство это проявляется гораздо больше въ чертахъ характера, въ складѣ ума, въ бытѣ и въ языкѣ.

Другая вѣтвь русскаго народа, малороссы, численность которыхъ въ предѣлахъ имперіи опредѣляютъ въ 20—25 милліона, отличаются отъ великороссовъ всѣмъ складомъ народной души, не говоря про бытовыя особенности и языкъ. Украинская народность слагалась въ прошломъ въ другой обстановкѣ и въ другихъ условіяхъ. Пейзажъ, климатъ и почва Украины

иныя, чѣмъ въ средней полосѣ сѣверной Россіи, главное же, украинцы, благодаря сосѣдству Польши, были менѣе изолированы отъ полезныхъ культурныхъ вліяній и числятъ за собою болѣе бурное прошлое, ввергавшее всю массу украинскаго народа въ тяжелую соціальную борьбу, которая, вылившись въ борьбу за духовное достояніе народа, сильно подняло его національное самосознаніе.

Что касается бѣлорусской народности, численностью до 6 милліоновъ, то природныя условія и исторія обрекли ее на сумеречное, отсталое существованіе, въ условіяхъ котораго особенности ея сохранились въ формахъ, близкихъ къ первобытному состоянію славянскихъ племенъ, участвовавшихъ въ ея созданіи.

Эти три группы, составляющія вмѣстѣ русскую народность, представляютъ около 65% населенія имперіи и смыкаются вдоль неопредѣленныхъ границъ въ плотную массу, занимающую не географическую, а политическую середину страны, т. е. за немногими исключеніями бассейны большихъ рѣкъ, берущихъ начало среди русской равнины. Здѣсь только въ массѣ великорусскаго населенія встрѣчаются въ Поволожьѣ острова еще не обрусѣвшихъ финновъ и тюрковъ, тогда какъ малорусская и бѣлорусская народности подобныхъ посторонникъ тѣлъ не включаютъ, а если имѣютъ примѣси, то это сравнительно не особенно большое количество польскаго и еврейскаго населенія, болѣе или менѣе равномѣрно пропитывающаго окраинныя части территоріи и являющееся скорѣе наслоеніями, чѣмъ вставками или инкрустаціей. Отъ этого русскаго моря протягиваются въ стороны потоки, широкіе, узкіе рукава и струйки, заложенные колонизаціей. Наиболѣе длинная полоса протягивается по южней каймѣ Сибири до береговъ Тихаго океана. Эту населенную полосу составляютъ преимущественно великороссы, выселившіеся вначалѣ изъ сѣверной половины Московскаго государства. Въ послѣднее столѣтіе (XIX), особенно въ концѣ, къ нимъ присоединились большія массы новыхъ колонистовъ, высланныхъ преимущественно центральной Великороссіей. Другой широкій и сплошной потокъ русскихъ колонистовъ залилъ во вторую половину XIX вѣка южную степь. Въ составѣ здѣшняго населенія до самаго берега Чернаго моря участвуютъ едва ли не въ равной мѣрѣ какъ великорусская народность, спускавшаяся на югъ преимущественно изъ центра, и украинская, одновременно продвигавшаяся какъ на югъ, такъ и на востокъ вдоль черноморскаго берега до Кавказскаго хребта. Такимъ образомъ, послѣ сформированія національностей, разселеніе русской народности происходило, можно сказать, исключительно на востокъ и на югъ. Оно совершенно не замѣчается въ западномъ направленіи, гдѣ болѣе плотная населенность непрерывно возростаетъ, такъ же какъ ростетъ уровень культуры – препятствія, которыя не помѣшали росту государства въ этомъ направленіи, но удержали отъ распространенія болѣе слабую въ культурномъ отношеніи русскую націю. Здѣсь широкую полосу отъ Карпатъ и до Полярнаго моря, прерываемую далеко вдающимися къ востоку заливами Финскимъ и Рижскимъ, занимаютъ народности, успѣвшіе усвоить и развить болѣе высокую культуру: поляки съ культурно-подчиненными имъ литовцами, нѣмцы съ другой частью окультуренной ими Литвы (латыши) и шведы, съ полнымъ успѣхомъ пріобщившіе къ западной культурѣ массу туземнаго населенія Финляндіи. Народности эти вошли въ составъ имперіи недобровольно. Несмотря на упрочившуюся экономическую связь съ Россіей, населеніе этихъ областей не вступило еще въ болѣе тѣсное культурное взаимодѣйствіе съ массой русскаго народа, что составляетъ очень трудную текущую задачу близкаго будущаго. Въ этой западной полосѣ имперіи, стало быть, не только не наблюдается перемѣщенія русскаго элемента къ западу, но, наоборотъ, происходитъ мѣстами слабая колонизація въ обратномъ направленіи. Распространеніе поляковъ и ихъ вліяніе среди смежнаго русскаго населенія было правда остановлено внутренней политикой, связанной съ польскими возстаніями XIX в., но литовцы, именно латыши, выселяются изъ Прибалтійскаго края въ сосѣднія русскія губерніи довольно энергично, въ то время какъ западныя части русской Польши испытываютъ нашествіе нѣмцевъ, продолжающихъ еще свое историческое „движеніе

на востокъ". На всемъ остальномъ пространствѣ происходило и происходитъ непрерывное распространеніе русскихъ во всѣ стороны. Впрочемъ на югѣ русскій элементъ приблизился лишь къ Кавказскому хребту.

Въ Закавказьѣ, природа котораго и культурное состояніе тамошняго населенія не благопріятствуютъ осѣданію русскихъ хлѣбопашцевъ, русскія деревенскія колоніи встрѣчаются лишь въ видѣ насильственно выселенныхъ туда молоканъ и духоборовъ (послѣдніе, впрочемъ, выселились главною массой въ Канаду), и русскіе, если встрѣчаются въ сколько-нибудь значительномъ числѣ, то преимущественно въ промышленныхъ городахъ.

При разселеніи на сѣверъ и востокъ русскіе приходили въ тѣсное соприкосновеніе съ различными инородцами. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ культурное различіе обѣихъ сторонъ было не особенно значительно, сліяніе въ видѣ обрусѣнія происходило и происходитъ довольно легко, оставляя свое вліяніе какъ на физическомъ типѣ смѣшаннаго населенія, такъ и на его бытѣ и языкѣ. Въ какой мѣрѣ и какъ эти вошедшіе въ составъ русскаго племени инородцы финской и тюркской крови повліяли на него, остается почти еще совершенно невыясненнымъ, такъ какъ процессъ сліянія начался давно и происходилъ при постоянно мѣнявшихся условіяхъ. Несомнѣнно лишь одно, что вліяніе инородческой примѣси далеко не такъ незначительно, какъ полагали прежде. Но несомнѣнно также и то, что въ давно обрусѣлыхъ частяхъ страны вліяніе это притупляется все болѣе вслѣдствіе того, что инородцы уже растворились, а притокъ русскаго элемента непрерывно продолжается. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда культурныя различія оказывались значительными, наблюдается иное. Инородцы, ведшіе бродячій образъ жизни, какъ напр., вогулы, остяки, тунгусы, оказались не въ состояніи приспособиться къ измѣненіямъ, внесеннымъ появленіемъ русскихъ и, повидимому, подобно индѣйцамъ С. Америки, въ массѣ осуждены на вымираніе. Тѣ же инородцы, которыхъ русскіе застали живущими въ условіяхъ другой, чуждой культуры, какъ, напр., киргизы (мусульмане), буряты (буддисты), мусульманское населеніе Туркестана, становятся по отношенію къ покорителямъ, русскимъ, до извѣстной степени, въ такое же положеніе, въ какомъ сами русскіе долгое время пребывали на западной окраинѣ своей территоріи, въ области бывшаго Польскаго королевства (бѣлоруссы и малороссы). Теперь при наплывѣ русскихъ переселенцевъ въ Сибирь, при усиленіи земельной тѣсноты, кочевые инородцы начинаютъ переходить къ земледѣлію, т. е. пытаются вступить въ борьбу съ соперниками въ новыхъ для нихъ экономическихъ условіяхъ. Въ настоящее время, когда всѣ явленія развитія нашей страны подвигаются впередъ необыкновенно быстро, прежніе медленные процессы сліянія и поглощенія не могутъ имѣть мѣста по отношенію къ сколько-нибудь крупныхъ народностей. Каждая изъ нихъ просыпается для національнаго самоопредѣленія, встаетъ на защиту собственнаго существованія, и рѣшить, въ какую мозаичную картину сложатся пестрые этнографическіе элементы русской имперіи даже въ ближайшемъ будущемъ, представляется совершенно невозможнымъ.

Н. Березинъ.

Великороссы.

I.

Происхожденіе великороссовъ и историческое прошлое Великороссіи.—Природа страны.—Населенность великорусскихъ губерній. — Преобладаніе сельскихъ поселеній. — Значеніе земледѣлія и земледѣльческаго класса.

Археологическія раскопки указываютъ, что періодъ каменнаго вѣка видѣлъ уже человѣка въ междурѣчьи Волги и Оки. Какъ развивалась жизнь обитателей первобытныхъ лѣсовъ и озеръ, прослѣдитъ пока трудно. Исторія знаетъ пока лишь одно свидѣтельство, относящееся до жизни нашего края въ V в. до Р. Хр. Геродотъ упоминаетъ о дикихъ народахъ теперешней Великороссіи, которыхъ онъ называетъ андрофагами и меланхленами. Какихъ-либо чертъ характера этихъ племенъ Геродотъ не указываетъ, кромѣ ихъ необузданной дикости. Русскіе памятники застаютъ здѣсь племена финскія. По словамъ лѣтописца: „на Бѣлѣ озерѣ сидятъ Весь, на Ростовскомъ озерѣ—Меря, а на Клещинѣ (Переяславское, Плещеево озеро) Меря-же, по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемиси языкъ свой, Мордва языкъ свой". Вотъ аборигены, предшественники нашихъ предковъ. Сосѣдними съ финскими племенами были: на сѣверо-западѣ—ильменскіе словяне, на западѣ—кривичи; на юго-западѣ—вятичи и сѣверяне. Первая струя колонизаціи края славянами шла съ сѣверо-запада изъ Новгородской земли — очевидно еще въ X и XI-мъ вв., возникаютъ города Ростовъ, Ярославль, Муромъ, Суздаль, Владиміръ. Отъ Мурома въ Кіевъ не было прямоѣзжей дороги. Былина объ Ильѣ Муромцѣ достатсчно изобразительно разсказываетъ объ этомъ. Объ этомъ упоминаетъ и Владиміръ Мономахъ въ «Поученіи», когда ставитъ себѣ въ заслугу, что проѣхалъ въ Суздальскую землю «прямо сквозь Вятичей».

Бури усобицы и нестроенія въ южнорусскихъ земляхъ двинули славянское населеніе въ XII в на сѣверо-востокъ. Колонизація съ Днѣпровья „за рѣку Угру" началась медленно главнымъ образомъ въ средѣ земледѣльцевъ. Пробираясь по рѣчкамъ, земледѣльцы перемѣщались въ поискахъ тихихъ уединенныхъ мѣстъ. Кромѣ ранѣе возникшихъ городовъ, въ XII вѣкѣ вырастаютъ новые: въ 1147 году Москва, въ 1152 году—Юрьевъ Польскій и Переславль Залѣсскій (послѣдній лишь переносится на новое мѣсто), въ 1154 г. Дмитровъ, въ 1158 г. Боголюбовъ около Владиміра на Клязьмѣ; въ концѣ же XII-го в. возникаютъ: Городецъ на Волгѣ, Кострома, Стародубъ, Галичъ, Звенигородъ, Вышгородъ и другіе. Уже по названіямъ городовъ видно, что въ образованіи ихъ живое участіе принимало южное населеніе. Покинувъ старыя мѣста, колонисты принесли съ собой имена поселеній и мѣстностей съ родныхъ насиженыхъ мѣстъ. Съ другой стороны здѣсь остались названія, явно указывающія на участіе въ культурной работѣ племенъ финскихъ. Послѣдніе были мирнымъ населеніемъ глухого края. Такими рисуетъ напр. финновъ

Византійскій писатель Іорнандъ. Славяне были, очевидно, культурнѣе финновъ; имъ пришлось уже на югѣ пройти первую стадію образованія государственной общины. Поэтому славяне безъ особаго труда и острой борьбы поглотили финскія племена, усвоивъ въ свою очередь ихъ бытовыя и племенныя черты. Только болѣе крупныя изъ финскихъ племенъ дольше сохранили національныя особенности, какъ напр., мордва. До сихъ поръ въ Арзамасскомъ у. Нижегородской губ. остатки мордвы, точно финскій островокъ, обитаютъ среди великорусскаго моря. Такъ же сохранились черемисы въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи и Макарьевскомъ у. Нижегородской. Финское вліяніе сказывается напр. въ болѣе низкомъ ростѣ великоросса, въ коренастости. Физіономія его также не совсѣмъ воспроизводитъ общеславянскія черты; скуластость, носъ съ широкимъ основаніемъ (луковицей), смуглый цвѣтъ лица часто необходимо отнести къ вліянію финскаго элемента.

Населеніе Суздальской Руси неизбѣжно оставалось преимущественно сельскимъ. Земледѣлецъ крестьянинъ—вотъ тотъ неустанный работникъ, чьимъ тяжелымъ трудомъ создана культура Великороссіи. Сухія мѣста и пригорки представляли тогда рѣдкіе островки среди моря лѣсовъ, болотъ, озеръ и цѣлой сѣти рѣкъ и рѣчекъ. Расчистить лѣса, выкорчевать пни, осушить болота, чтобы выростить на скудномъ суглинкѣ ниву, нуженъ былъ упорный, неблагодарный трудъ цѣлыхъ поколѣній. Деревни въ одинъ, два двора, „починки“, долгое время были типичнымъ и псселеніями сѣверо-восточной Великороссіи. Силою вещей здѣсь затѣмъ образовались мелкіе мѣстные мірки во главѣ съ княземъ-вотчинникомъ. Послѣдній объединялъ въ своемъ лицѣ и частнаго владѣльца земель своего удѣла и политическаго вождя. Частный интересъ множества мелкихъ властителей и цѣлый рядъ экономическихъ причинъ вызвали обезземеленіе крестьянства и чрезвычайный ростъ княжескаго, монастырскаго, церковнаго, архіерейскаго, боярскаго землевладѣнія. Появилось вотчинное землевладѣніе княжескихъ и боярскихъ родовъ или церковныхъ учрежденій, и землевладѣніе помѣстное - служилое. Крестьяне же въ большинствѣ случаевъ обратились въ съемщиковъ чужой земли. Въ общемъ народномъ доходѣ замѣтную роль началъ играть особый видъ дохода—земельная рента. Въ связи съ этимъ въ обществѣ начали обособляться землевладѣльцы и земледѣльцы. Изъ этихъ классовыхъ различій родились первыя сословныя группы. Бояре и слуги вольные составили одну группу; остальное земледѣльческое населеніе—другую группу, которой и суждено было на своихъ плечахъ вынести всю тяжесть государственнаго строительства. Къ XI вѣку вокругъ усилившейся Москвы создались настолько сносныя условія существованія, что народно-хозяйственная жизнь вошла въ спокойное русло. Наряду съ натуральнымъ хозяйствомъ появляются зачатки денежнаго. Ростъ населенія и его потребностей вызвалъ раздѣленіе труда и обмѣнъ продуктовъ. Появляется обширный рынокъ, такъ что хозяйство становится не исключительно городскимъ, а и народнымъ. Могучая идея-великорусской народности родилась именно въ это время. Появился и самый терминъ „Великая Россія“, провозглашенный впервые публично и оффиціально въ чинѣ вѣнчанія на царство Ѳеодора Іоанновича. Для широкой массы русскаго общества внѣшнимъ признакомъ національнаго могущества была прежде всего сильная царская власть сильнаго государства. А такъ какъ даже самыя обыденныя явленія жизни ставились въ непосредственную связь съ божественнымъ извсленіемъ, то для идеи національно-великорусскаго единства и могущества искали освященія въ религіозной области. Гордое сознаніемъ вынесенной тяжелой борьбы съ внѣшними врагами и внутренними неурядицами русское общество создало рядъ повѣстей и легендъ, въ которыхъ сквозить мысль, что Московское государство стало великимъ, оно избрано самимъ небомъ продолжателемъ великаго дѣла храненія и распространенія Христіанской вѣры, каковую миссію до 1492 года (паденіе Константинополя) несло царство Византійское.

Въ XV и XVI вв. выросло національное и государственное самосознаніе русскихъ людей Національность великорусская создалась.... Дальнѣйшая исторія Великорусской народности полна и свѣтлыхъ, и мрачныхъ событій. На рубежѣ XVII-го вѣка народу пришлось пережить грандіозный хозяйственный и политическій кризисъ, разразившійся Смутнымъ временемъ. Слѣдующій вѣкъ, вѣкъ преобразованій, пріобщилъ Россію къ культурѣ западно-европейской жизни. Но только прошлый XIX-ый вѣкъ далъ болѣе свободный выходъ богатствамъ народнаго духа. Великоруская народность въ созданіи этихъ народныхъ цѣнностей играла, конечно, главную роль.

Всѣхъ путешественниковъ посѣщавшихъ необъятныя пространства Россіи, поражаетъ однообразіе ландшафта. Leroy Beaulieu говоритъ: „когда послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ желѣзной дороги, начнетъ свѣтать, часто кажется, что вы не сдвинулись съ мѣста". Здѣсь незамѣтна дѣятельность мощныхъ тектоническихъ нарушеній земной коры. Все просто, однообразно гладко и спокойно. Въ серединѣ расположена Московская котловина. Это центръ Великороссіи, занятый главнымъ образомъ бассейномъ Оки. На сѣверѣ Московская котловина переходитъ и сливается съ приволжской низменностью въ лѣвомъ ея побережьи, на югѣ же на плоскомъ водораздѣлѣ съ бассейномъ Дона она переходитъ въ низменность лѣвыхъ береговъ Воронежа и Дона. Ровная возвышенность и пологая котловина постепенно переходятъ одна въ другую; никакихъ рѣзкихъ измѣненій не встрѣчается на всемъ пространствѣ Характерной для страны является „паутинная сѣть" озеръ, рѣкъ и рѣчекъ, сослужившихъ большую роль въ колонизаціи и культивированіи дикаго края. Рѣки страны громадны, но паденіе ихъ небольшое; текутъ онѣ по равнинѣ спокойно. Главная великорусская рѣка, Волга, соединяется подъ Нижнимъ съ Окою, которая своимъ бассейномъ обслуживаетъ центральную часть Великороссіи. Южная часть окскаго бассейна соприкасается съ бассейнами Дона и Днѣпра и лежитъ въ центрально-земледѣльческомъ районѣ, сѣверная же въ полосѣ центрально-промышленной. Послѣ соединенія съ Камой Волга поворачиваетъ круто на югъ къ Каспійскому морю, протекаетъ по низовымъ губерніямъ и непосредственнаго отношенія къ центральной Великороссіи уже не имѣетъ. Чрезъ свои притоки Тверцу, Мологу и Шексну Волга соединяется съ Балтійскимъ и Бѣлымъ морями посредствомъ искусственныхъ водныхъ системъ. Громадное значеніе Волги въ жизни великорусской народности неисчислимо. Недаромъ рядъ народныхъ великорусскихъ пѣсенъ сложенъ про Волгу-матушку. Водную систему центральной великорусской области дополняетъ цѣлая сѣть озеръ, расположенныхъ главнымъ образомъ въ сѣверо-западной части. Здѣсь лежатъ верхневолжскія озера и озера Ярославской, Владимірской, Московской, Костромской и Нижегородской губерній. Многія озера превратились уже въ болота, поросшія мхомъ, или высохли совершенно.

Когда-то по всей Европѣ, начинаясь у Рейна и покрывая большую часть Германіи, тянулся далеко на востокъ сплошной лѣсъ. О немъ писалъ Юлій Цезарь, называя его Герцинскимъ и добавляя, что протяженія его никто не знаетъ. Лѣсныя области въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ остались въ наше время лишь на сѣверѣ Россіи. Въ средней же центральной полосѣ лѣса большею частью уступили свое мѣсто полямъ и лугамъ. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ рѣзче переходъ къ степи и сплошнымъ полямъ, тѣмъ чаще вмѣсто настоящихъ лѣсовъ встрѣчаются небольшія рощицы. Лѣсная поросль обыкновенно протягивается здѣсь вдоль рѣкъ или окаймляетъ склоны балокъ, тогда какъ въ сѣверной Великороссіи сохранились еще лѣса чистой хвои, тянущіеся на десятки верстъ, какъ напр., остатки знаменитыхъ Муромскихъ лѣсовъ, уходящихъ за Оку въ Нижегородскую и Тамбовскую губерніи къ Саровской пустыни. До сихъ поръ въ нихъ сохранилась пустынность и безмолвіе сѣвернаго бора. Отъ Калуги черезъ Мещевскъ, Козельскъ, Жиздру и

Брянскъ лѣса тянутся на западъ, доходя до Бѣловѣжской Пущи. Они встрѣчаются и на сѣверѣ Рязанской губерніи. Лѣсамъ центральной области, несмотря на принудительное охраненіе ихъ, грозитъ въ недалекомъ будущемъ полное истребленіе. Развитіе фабрикъ, заводовъ, желѣзно-дорожной сѣти и пароходства вызываютъ быстрое исчезновеніе лѣсовъ. Къ этому присоединяется еще и естественное бѣдствіе—лѣсные пожары, истребившіе и истребляющіе лѣсныя пространства Великороссіи.

Самыми русскими губерніями въ Россіи являются Владимірская и Воронежская. Въ нихъ русское населеніе составляетъ 99,7%, т. е. на каждую тысячу лишь три человѣка чужды русской національности. Владимірская губернія чисто великорусская. Воронежская же дѣлится приблизительно на двѣ равныя половины: сѣверную ея часть населяютъ великороссы (немного болѣе 50%), южную—малороссы. Затѣмъ въ губерніяхъ Костромской, Калужской, Тульской, Курской, Ярославской, Рязанской и Орловской русскіе составляютъ болѣе 99% населенія. Въ Смоленской и Московской губерніяхъ русскіе—почти 98%, причемъ въ Смоленской великоруссы граничатъ уже съ бѣлоруссами. Въ Тамбовской губерніи русское населеніе составляетъ 96%. Въ Нижегородской и Тверской процентъ русскаго населенія понижается до 93%, а въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ до 83%.

По густотѣ населенія центральная Великороссія стоитъ въ среднихъ рядахъ всѣхъ губерній Европейской Россіи. Одна Московская губернія (благодаря Москвѣ) стоитъ въ 1-ой группѣ трехъ русскихъ губерній, гдѣ густота населенія превышаетъ 90 человѣкъ на 1 кв. в. Губерніи Рязанская (56,4 ч. на 1 кв. в.), Орловская (57 ч.), Тамбовская (54 ч.), Тульская (59,8 ч.) и Курская (67,5 г.)—стоятъ въ ряду 14 губерній, въ которыхъ густота населенія превышаетъ 50 человѣкъ на 1 кв. в. Губерніи Смоленская (35.6 чел.—на 1 кв. в.), Тверская (35,9), Ярославская (37,4 ч.) Саратовская (37,9), Нижегородская (40 ч.), Владимірская (40 ч.), Калужская (47,2 г.) и Пензенская (49,2) стоятъ въ ряду 19 губерній, гдѣ приходится на 1 кв. в. отъ 30 до 50 человѣкъ. И только Костромская губернія (21,2 ч.) стоитъ въ группѣ семи губерній съ населеніемъ отъ 20 — 30 ч. на 1 кв. в. [1]). Плотность населенія нашихъ центральныхъ губерній, конечно, не можетъ итти въ сравненіе съ плотностью населенія западно-европейскихъ странъ.

Въ Россіи приростъ, какъ въ большинствѣ менѣе культурныхъ странъ, равняется 1,37% въ годъ. При сравненіи численности населенія по 1-ой общей переписи 1897 года съ данными 1905 года, картина роста въ частности великорусскаго племени получается очень яркая. Тамъ, гдѣ плотность населенія была 35 человѣкъ на 1 кв. в., стало 40, гдѣ было 40, теперь живетъ 46, гдѣ было 49—теперь стало 57, и т. д. Плотность населеніи оказываетъ громадное вліяніе на культурное развитіе. Болѣе плотное населеніе поневолѣ переходитъ къ интенсивнымъ пріемамъ хозяйственной дѣятельности.

Культура выработала два основныхъ типа поселеній въ зависимости отъ занятій и интересовъ обывателей—городъ и деревню. Правда, въ наше время происходитъ постоянный обмѣнъ городского и сельскаго населенія; бѣгство изъ деревни въ городъ или, наоборотъ, изъ города въ деревню часто наблюдается въ наши дни, какъ явленія массовыя. Правда и то, что развитіе промышленности превратило многія сельскія поселенія въ смѣшанный промежуточный типъ поселеній. Тѣмъ не менѣе у насъ въ Россіи и въ частности въ Великороссіи неравномѣрность распредѣленія населенія между городами и селами бросается въ глаза слишкомъ рѣзко. Большинство нашихъ центральныхъ губерній насчитываютъ около 100—200.000 ч. городского населенія, что составляетъ 7—20% по отношенію ко всему населенію. Процентъ городского населенія выше въ губерніяхъ съ развитой промышленностью,

---

[1]) Данныя эти взяты изъ Ежегодника Мин. Внутр. Дѣлъ за 1903 г.

какъ напр., во Владимірской (12%), Ярославской (13%), Тульской (12%), онъ ниже въ земледѣльческихъ губерніяхъ — Калужской (8%), Курской (8%), Рязанской (8%), Тамбовской (8%). Губернію Московскую, гдѣ процентъ городского населенія поднимается до 45%, конечно, принимать въ разсчетъ нельзя. Сельское населеніе, иначе крестьянство, является преобладающимъ классомъ. Не безъинтересно напомнить, что во всей Европейской Россіи крестьянъ насчитывается 97 милліоновъ, и изъ нихъ лишь 6,7% живутъ въ городахъ; остальная-же масса—русская деревня.

Тотъ начальный характеръ Владиміро-Суздальской Руси, который придала ему колонизація XII-го вѣка, сохранился и доселѣ въ своихъ общихъ чертахъ. Деревня и доселѣ основной типъ поселенія Великороссіи. Россія—страна земледѣльческая. Это

Великорусская деревня Нижегородской губерніи.

положеніе, какъ безспорное, принято давно и въ жизни, и въ наукѣ. Около этого положенія ведутся безконечные споры объ успѣхахъ и неуспѣхахъ русской культуры, о самобытномъ пути русскаго развитія и общей со всѣми европейскими народами культурной дорогѣ. Знаменитый споръ западничества и славянофильства, начавшійся въ пору перваго особенно интенсивнаго напряженія русской общественной мысли, не конченъ еще и доселѣ. Русскій, въ частности великорусскій мужикъ большая загадка до сихъ поръ. Отъ него въ конечномъ счетѣ зависитъ, куда повернется колесо русской исторіи въ недалекомъ будущемъ. Народная жизнь въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ находится въ Россіи во власти земли, которую пашетъ крестьянинъ. Могущество этой персти, „праха“, съ глубочайшею силой и простотой указано еще въ былинѣ о Святогорѣ-богатырѣ.

*

Неравномѣрность распредѣленія земель явленіе, конечно, не исключительное для Россіи. Нельзя переносить современныя понятія о правѣ собственности на далекія прошлыя времена. Если-бы пять-шесть вѣковъ тому назадъ встрѣтили мы въ полѣ землепашца и спросили у него: чья земля, которую ты пашешь? Онъ отвѣтилъ бы: „Божья", „государева", „моя", а быть можетъ—„ничья". Земли было много, земля лежала впустѣ—приходи и паши. Единственный признакъ, который производилъ разверстку земли между отдѣльными лицами былъ трудъ. И часто въ спорахъ крестьянъ между собою о границахъ владѣнія землей, тотъ или другой, доказывая свое право, говорилъ: „туда топоръ мой, коса и соха ходили". Когда къ XV-му вѣку Русь стала сильнымъ Московскимъ царствомъ, государство стало считать себя владѣльцемъ всей земли, а распоряжаться ею стало московское правительство. Земля стала раздаваться нужнымъ служилымъ людямъ. Крестьяне принуждены были вступать въ соглашеніе съ помѣщиками, заключать съ нимъ „порядную запись", какъ съ хозяиномъ земли. Но они были свободные хлѣбопашцы и въ извѣстные сроки, которые были установлены царскими судебниками 1492 и 1550 гг., имѣли право перехода съ однѣхъ земель на другія. Изъ помѣстья въ помѣстья, съ государевыхъ черныхъ земель, съ монастырскихъ угодій шли эти люди весной и осенью около Юрьева дня со своимъ скарбомъ. Искали они болѣе выгодныхъ для себя условій труда и поселенія. Но условія эти были вездѣ нелегки. Цѣлая сѣть повинностей въ пользу помѣщика, какъ паутина, опутывала обыкновенно крестьянскій трудъ. Кромѣ того часто съ перваго же шага крестьянинъ попадалъ въ кабалу къ владѣльцу земли, взявъ у него подмогу деньгами или хлѣбомъ на первое обзаведеніе хозяйства на новомъ мѣстѣ.

Право перехода было затѣмъ фактически уничтожено. Начались массовые побѣги крестьянъ, такъ какъ это былъ единственный способъ борьбы съ закрѣпощеніемъ. Сначала издавали указы, которыми устанавливался опредѣленный срокъ для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, а затѣмъ въ Соборномъ Уложеніи 1649 года появляется заповѣдь государева – „никому за себя крестьянъ не пріймати". Кого изъ крестьянъ засталъ этотъ указъ на чьей землѣ тотъ и остался въ вѣчной крѣпости за тѣмъ помѣщикомъ.

XVIII-ый вѣкъ просвѣщенныхъ государей, вмѣстѣ съ попытками упорядочить взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, принесъ новыя формы угнетенія крестьянской личности. Закономъ 4-го Декабря 1747 года разрѣшена была торговля людьми. Въ 1836 году крѣпостныхъ было 22.077.000. въ 1851-хъ году ихъ было 21.612.000. Прироста казалось, не было. Однако русская народно-хозяйственная жизнь не стояла на мѣстѣ. Хозяйство страны въ первой половинѣ XIX-го в. выросло въ нѣсколько разъ; вывозъ напр. съ 75 милліоновъ вначалѣ вѣка поднялся до 230 милліоновъ въ половинѣ вѣка; ввозъ съ 52 милліоновъ за тоже время поднялся до 200 милліоновъ. Родилась и выросла фабрика, потребовавшая свободнаго труда. Количества перерабатываемого хлопка за 50 лѣтъ выросло въ 16 разъ. Земледѣліе также не могло мириться съ подневольнымъ трудомъ и требовало труда болѣе высокой цѣнности. 19 февраля 1861 г. упразднило крѣпостному праву и положило начало премѣнамъ въ хозяйственной жизни.

II.

Область сѣвернаго суглинка и южнаго чернозема.—Крестьянское хозяйство и положеніе населенія въ черноземной области.—Крестьянскій бюджетъ.—Община и ея значеніе.

Пахотная земля составляла въ промышленныхъ губерніяхъ въ концѣ XIX в. около трети или четверти всей площади земли (во Владимірской 35,6%, Московской 31,5, Тверской 27,5, Ярославской 26,9 и т. д.); губерніи, расположенныя южнѣе, даютъ гораздо большій процентъ пашни, поднимающійся почти до $^3/_4$ всей пло-

щади земли (въ Калужской—43,8%; Рязанской—55,9%, Орловской—60,6%, Курской—72,8%, Тамбовской—63,9%, Тульской—74%). Сѣнокосныя угодья распредѣляются уже въ иномъ видѣ. Тамъ, гдѣ система рѣкъ густой сѣтью прорѣзываетъ площадь, луга и сѣнокосы гораздо замѣтнѣе. Тверская и Ярославская губерніи даютъ около 24% изъ общей площади земли сѣнокосовъ, Московская губернія—21%, Владимірская 17½%. За то въ южныхъ губерніяхъ сѣнокосы составляютъ отъ 8 до 10%. Точно также и процентъ лѣсной площади въ центрально-промышленныхъ губерніяхъ поднимается отъ 30 до 40%; въ центрально-земледѣльческихъ же губерніяхъ лѣса уступаютъ мѣсто полямъ и степи. Въ Орловской губерніи, впрочемъ, лѣса составляютъ еще довольно замѣтный процентъ—21,2%, въ Тамбовской 17,4% (главнымъ образомъ въ сѣверной части около Саровской Пустыни); въ Курской же губерніи, Пензенской, Саратовской, Тульской лѣса составляютъ уже менѣе 10% всей площади.

Процентъ неудобной земли отнимаетъ, конечно, въ губерніяхъ центрально—промышленныхъ большую площадь (6—10%), чѣмъ въ центрально-земледѣльческихъ (3—5%). Въ земледѣльческой Россіи слѣдуетъ отграничивать двѣ рѣзкія области. Правда, власть земли въ обѣихъ одинаково сильна; но значеніе этихъ областей въ общегосударственномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, конечно, не одинаково. Граница этихъ областей проходитъ тамъ, гдѣ оканчивается суглинокъ и начинается настоящій русскій черноземъ-хлѣбородъ, густой и черный, какъ вороново крыло.

Великорусскій черноземъ охватываетъ большую площадь губерній: Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Воронежской, Курской и части Орловской. Это хлѣбородная Россія, центръ ея хлѣбнаго хозяйства. Когда въѣзжаешь въ безконечную полосу степныхъ полей, гдѣ маленькая купа деревьевъ уже приковываетъ къ себѣ вниманіе, первое впечатлѣніе отъ края отнюдь не говоритъ о его хлѣбномъ богатствѣ. И только когда всмотришься въ эти громадныя села безъ зелени, въ эти полки мельницъ, махающихъ крыльями; когда на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ увидишь тысячи мѣшковъ съ хлѣбомъ, тоскливо ожидающихъ очереди на открытой платформѣ, и цѣлый рядъ вагоновъ около элеватора,—начинаешь понимать, въ чемъ богатство края. Голая цифра, гласящая, что 80% всѣхъ товаровъ, вывезенныхъ изъ Тамбовской губерніи падаетъ на хлѣбные грузы, получаетъ совершенно опредѣленную картину. Черноземъ въ этой области тучный, пластъ его достигаетъ 2-хъ аршинъ глубины, какъ, напр., въ центральной и восточной части Воронежской губерніи.

Благодаря черноземy въ данныхъ губерніяхъ еще очень силенъ помѣщичій элементъ. Наряду съ заброшенными дворянскими гнѣздами здѣсь можно нерѣдко встрѣтить крупныя помѣщичьи экономіи, прекрасно оборудованныя, съ развитымъ хуторскимъ хозяйствомъ. Въ большомъ также ходу аренда. Во всей Россіи площадь арендуемыхъ крестьянами земель достигаетъ, вѣроятно, 30% обрабатываемой ими земли. Крестьянское надѣльное землевладѣніе держится въ черноземной полосѣ тѣми-же устоями, что и въ Московскомъ районѣ. Община преобладаетъ, хотя встрѣчается и подворное землевладѣніе, главнымъ образомъ, среди такъ называемыхъ четвертныхъ крестьянъ, бывшихъ государственныхъ.

Въ силу историко-географическихъ условій типъ сельскихъ поселеній въ черноземной полосѣ нѣсколько иной, сравнительно съ сѣверными. Маленькія села и деревни преобладаютъ въ сѣверо-восточной Россіи. Поселеніе въ 50—60 дворовъ считается тамъ крупнымъ. Въ Тамбовской же губерніи болѣе половины селеній насчитываютъ свыше 100 дворовъ. Есть въ той же губерніи села съ населеніемъ болѣе 10.000 человѣкъ. Въ Курской губ. село Борисовка насчитываетъ 25.000 человѣкъ. Большія поселенія на сѣверѣ носятъ чисто промышленный характеръ, какъ, напр., села: Тейково, Лежнево, Дунилово Владимірской губ.

Какую бы сторону жизни не взяли мы здѣсь въ черноземномъ краѣ, каждая окажется

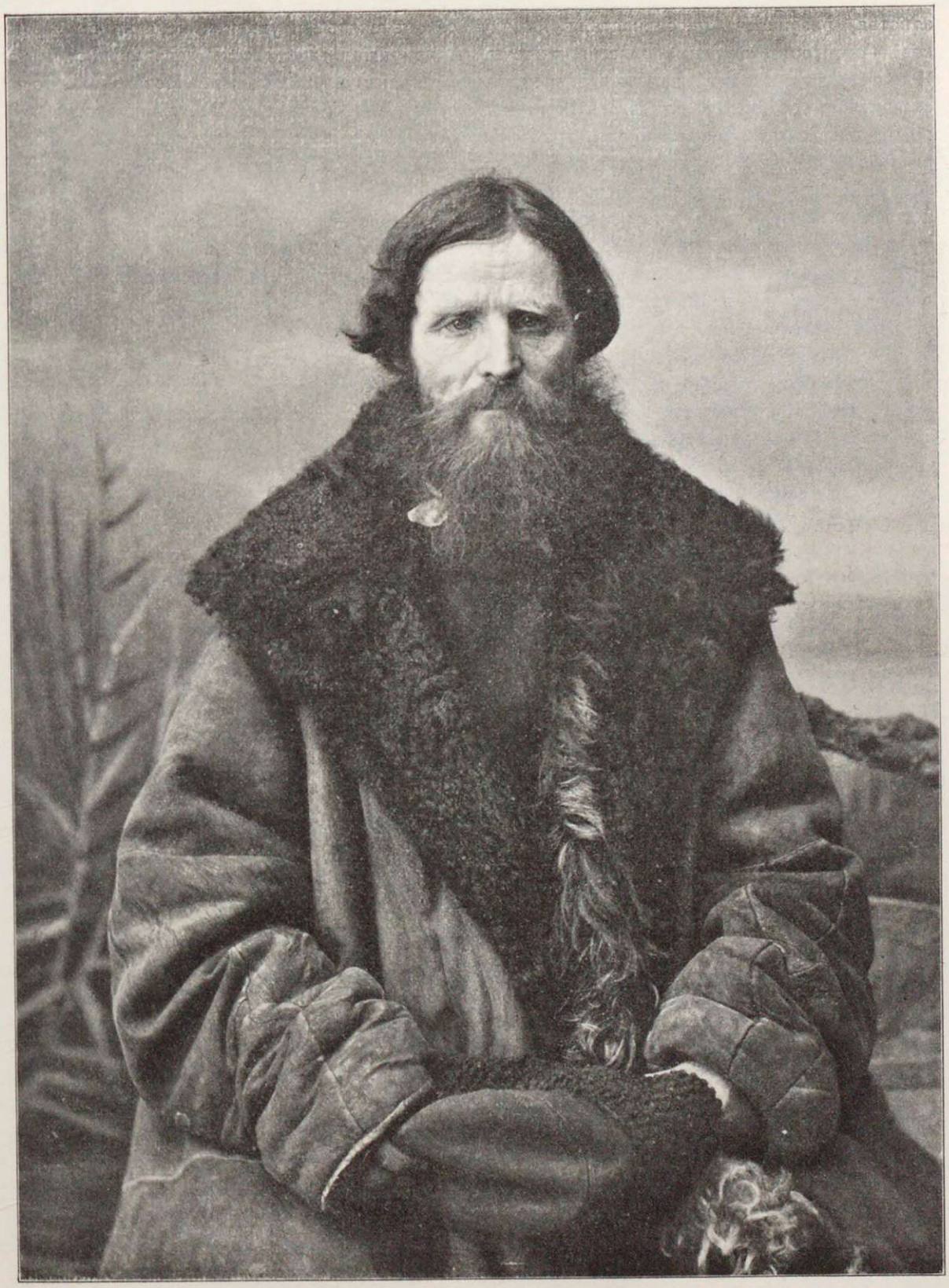
окрашенной интересами земледѣлія. Деревня и городъ, базаръ и ярмарка, будничная обстановка жизни и праздникъ, вездѣ центромъ всѣхъ интересовъ является хлѣбъ, который густой стѣной стоитъ на полосѣ или блестящимъ ворохомъ, провѣянный отъ мякины и сора, лежитъ на гумнѣ. Избытокъ хлѣба уходитъ изъ крестьянскихъ амбаровъ, а иногда и чаще прямо съ гумна на рынокъ. Скупка и ссыпка хлѣбовъ производится на городскихъ рынкахъ, при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ по еженедѣльнымъ базарамъ и ярмаркамъ въ селахъ.

Промышленность замѣтной роли въ жизни края не играетъ. Главные виды ея стоятъ въ непосредственной связи съ тѣмъ же земледѣліемъ. Въ Саратовской губерніи, напр., первое мѣсто занимаютъ паровыя, водяныя и вѣтряныя мельницы. Въ другихъ губерніяхъ (Тамбовской, Курской, Пензенской и др.) развиты винокуренные и сахарные, рафинадные заводы. Десятки десятинъ подсолнуховъ вызываютъ возникновеніе маслобойныхъ заводовъ. Привилась также культура горчицы, аниса. Тканье мѣстныхъ суконъ, льняной пряжи и холста, принявшее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ характеръ промысла для женщинъ, стоитъ, конечно, также въ непосредственной связи съ земледѣльческимъ характеромъ населенія.

Въ центральномъ великорусскомъ районѣ земледѣліе не окрашиваетъ собой всѣхъ сторонъ и интересовъ мѣстной жизни. И не рѣдкость здѣсь пустыя заброшенныя полосы въ поляхъ, не рѣдкость развалившаяся усадьба помѣщика, и еще чаще жидкіе хлѣба на крестьянскихъ поляхъ.

До 1907 года крестьяне платили такъ называемые выкупные платежи—долгъ казнѣ, которая заплатила помѣщикамъ за землю, надѣленную крестьянамъ. Помѣщичьи крестьяне заплатили казнѣ $897^1/_2$ милліоновъ и остались еще должны около 400 милліоновъ, которые сложены манифестомъ 9 ноября 1905 года. Государственные крестьяне, которымъ продана была въ сущности ихъ же собственная земля, съ 1887 года по 1905 годъ заплатили выкупа въ казну 834 милліона, да остались еще должны около 776 милліоновъ рублей, которые также сложены указаннымъ манифестомъ. Оцѣнка земли при выкупѣ производилась безъ участія крестьянъ, и долгъ на крестьянской землѣ получился непомѣрно большой. Средняя стоимость, напр., крестьянскаго надѣла въ Горбатовскомъ у. Нижегородской губерніи равняется 80—100 рублямъ, а выкупныхъ платежей со времени освобожденія заплачено за такой надѣлъ 275 рублей. Кромѣ прямого долга, разложеннаго на 49 лѣтъ, крестьяне должны были платить и проценты по этому долгу. Затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, надѣлы оказались настолько малыми, что совершенно не были въ состояніи удовлетворить нужду крестьянской семьи въ землѣ. Особенно нищенскими стали крестьянскіе надѣлы въ наше время, когда населеніе выросло болѣе, чѣмъ вдвое. Недостаточность надѣла очень быстро сказалась на всемъ обиходѣ крестьянскаго хозяйства.

Способъ веденія хозяйства въ великорусскихъ губеніяхъ до сихъ поръ самый примитивный. Какъ было трехполье сотни лѣтъ тому назадъ, такъ оно осталось и теперь. Очень робко при посредствѣ земствъ начинаютъ входить въ обиходъ крестьянскаго хозяйства кое-какія улучшенія аграномическаго свойства. Устарѣлыя орудія, какъ косуля, соха, деревянная борона не сходятъ еще съ крестьянскихъ полей. Даже прекрасный черноземъ терпитъ то же трехполье, что и сѣверный суглинокъ. Улучшать свое хозяйство, примѣнять разумные способы культуры на поляхъ—у крестьянина не хватаетъ ни умѣнья, ни силъ. Результатомъ такой темноты и бѣдности является истощеніе почвы и низкая урожайность хлѣбовъ на крестьянскихъ поляхъ, особенно по сравненію съ частновладѣльческими. На крестьянскихъ земляхъ урожай ржи въ Калужской губерніи лишь 3,2 въ среднемъ за 18 лѣтъ; въ промышленныхъ губерніяхъ урожай ржи на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ не поднимается выше самъ 4, и лишь въ Курской губерніи крестьянская надѣльная земля даетъ съ десятины самъ 5,4, Тамбовская—самъ 5,8 и т. д.

Великороссъ-крестьянинъ Нижегородской губерніи.

Низкая урожайность хлѣбовъ вліяетъ роковымъ образомъ на самый характеръ хозяйства, развиваетъ пассивность, привычку все объяснять—и удачи и неудачи въ хозяйствѣ—сверхестественными силами природы. А природа Великороссіи довольно капризна. Короткое лѣто часто еще укорочивается неожиданнымъ ненастьемъ. Необходимо тогда спѣшить съ работами, напрягать до высшей степени свой трудъ. Въ великорусской деревнѣ лѣтомъ эта напряженность труда доходитъ до изумительной границы. Все поспѣваетъ вмѣстѣ, все кипитъ и въ полѣ и въ лугахъ. Только артельная работа на виду у всѣхъ, да сознаніе громадной важности момента придаютъ бодрость и силы трудовому населенію. Зато потомъ мужикъ остается безъ прямого дѣла на всю осень и зиму.

При незначительномъ годовомъ доходѣ, кромѣ расходовъ по хозяйству, кромѣ большихъ переплатъ казнѣ въ видѣ косвенныхъ налоговъ, крестьянинъ несетъ очень большое тягло и въ отношеніи прямыхъ налоговъ, а теперь, главнымъ образомъ, мѣстныхъ. Земскіе сборы ложатся на крестьянскую общину не особенно тяжело, да они и не пропадаютъ даромъ, возвращаясь въ видѣ больницъ, школъ, дешеваго кредита и т. п. Въ концѣ 90-хъ годовъ на десятину крестьянской земли въ великорусскихъ губерніяхъ въ среднемъ падало земскихъ сборовъ по 23 копѣйки. Очень чувствительны для крестьянъ такъ называемые мірскіе сборы. Наше крестьянство до сихъ поръ еще не сравнено въ правахъ со всѣми остальными гражданами государства Для нихъ особое управленіе—волость и мірской сходъ; особый судъ—волостной судъ. Мѣстное управленіе и судъ стоятъ крестьянамъ очень дорого. Въ разныхъ губерніяхъ, даже въ разныхъ волостяхъ одного уѣзда мірскіе сборы бываютъ различны—отъ полтинника до рубля и выше съ десятины. На работника приходится въ годъ до 5 рублей. Почти половина этихъ денегъ идетъ на содержаніе старшинъ, судей, волостныхъ писарей, старостъ, сборщиковъ податей, сотскихъ, десятскихъ, на квартирные расходы администраціи. Слѣдующій крупный расходъ—по выполненію всякаго рода повинностей, и лишь незначительная часть идетъ на необязательные расходы по содержанію училищъ, больницъ и другихъ общественныхъ зданій, а также на расходы сельско-хозяйственные. Правительство считало, что волостныя и сельскія учрежденія ни для кого, кромѣ крестьянъ, не будутъ нужны. Однако послѣ освобожденія крестьянъ пришлось вступать въ тѣсное общеніе съ ними всѣмъ обитателямъ. Чтобы рѣшать споры и недоразумѣнія, возникавшія въ сосѣдскомъ хозяйствѣ, приходилось всѣмъ идти въ волостной судъ; сюда же шелъ помѣщикъ съ своимъ батракомъ, если у нихъ выходили какіе либо споры. Въ волости также собраны были дѣла общегосударственнаго значенія (статистика, страхованіе, воинская и конская повинности, надзоръ за торговлей и промыслами, паспортное дѣло, почта и т. д.). Такимъ образомъ мѣстныя волостныя учрежденія обслуживаютъ нужды не однихъ крестьянъ, а всѣхъ сельскихъ жителей съ одной стороны и отправляютъ функціи государственнаго управленія—съ другой. Въ крестьянскомъ обиходѣ есть еще одинъ сборъ, который занимаетъ очень видное мѣсто въ расходахъ деревни. Закономъ 12-го іюня 1900 года изъ рукъ земства взято продовольственное дѣло и передано въ казну. Уничтожены прежніе хлѣбозапасные магазины, а взамѣнъ ихъ образованы продовольственные капиталы, изъ которыхъ въ голодное время правительство должно оказывать помощь населенію. Продовольственные сборы взимаются съ каждой наличной семьи въ количествѣ отъ 25 коп. до 1 рубля и выше съ десятины надѣльной земли въ разныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Стѣснительность продовольственнаго закона состоитъ въ томъ, что осенью сборъ необходимо внести въ казну деньгами, а не хлѣбомъ. Приходится продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ кулаку, чтобы весной, быть можетъ, тотъ-же самый хлѣбъ покупать по дорогой цѣнѣ. Далѣе—до сихъ поръ еще существуетъ цѣлый рядъ государственныхъ повинностей, которыя отправляетъ крестьянинъ своимъ личнымъ трудомъ. Мосты, гати, дороги, поставка подводъ для перевозки бродягъ, арестантовъ, а также по требованію чиновниковъ, урядниковъ, стражниковъ, являются натуральными по-

винностями крестьянъ. Самый вѣрный показатель тяжести крестьянскихъ налоговъ—это громадное количество недоимокъ на сельскомъ населеніи великорусскихъ губерній. Въ 1903 году по безнадежности сложено было 142 милліона недоимокъ съ крестьянъ; но онѣ наростаютъ вновь.

Строй жизни въ нашей великорусской деревнѣ общинный. Въ этомъ главное отличіе русской народно-хозяйственной жизни отъ западной. Вопросъ о поземельной великорусской общинѣ, ея происхожденіи и существѣ очень спорный. Родилась-ли она изъ глубины народнаго духа и естественнымъ путемъ объединила въ одно цѣлое обитателей отдѣльныхъ сельскихъ мірковъ, или община—явленіе искусственное, созданное политикой правительства главнымъ образомъ въ интересахъ фискальныхъ. Какъ бы то ни было, и въ современной поземельной общинѣ интересъ фискальный играетъ громадную роль. Правда круговая порука въ исправной уплатѣ податей отдѣльными членами общины отмѣнена въ 1904 году, но самая раскладка крестьянскихъ поземельныхъ налоговъ производится такимъ образомъ, что она стѣсняетъ свободу каждаго отдѣльнаго члена крестьянской семьи. Крестьянскій дворъ связываетъ всѣхъ своихъ членовъ взаимной отвѣтственностью за недоимки. Младшіе члены могутъ быть отданы принудительно въ заработки за общія недоимки крестьянскаго двора. Крестьянинъ находится въ податномъ состояніи, и этимъ опредѣляется каждый его шагъ: полученіе паспорта, увольненіе изъ общества, и т. д. По положенію 19 го февраля 1861-го года мірская земля составляетъ собственность крестьянскаго общества. Безъ согласія общества ни одинъ крестьянинъ за чертою своего усадебнаго участка не можетъ ставить никакихъ строеній на мірской землѣ. Усадьбы состоятъ въ потомственномъ пользованіи проживающихъ въ нихъ семействъ. Мірская полевая земля (пашни, покосы и др. угодья) остается въ общинномъ пользованіи крестьянъ, которымъ она отведена. Передѣлы общинной земли между крестьянами допускаются съ согласія $^2/_3$ домохозяевъ. По приговору $^2/_3$ домохозяевъ общинное пользованіе можетъ быть замѣнено наслѣдственнымъ.

Строй крестьянской жизни потерпитъ очень крупную ломку своихъ устоевъ благодаря закону 9 ноября 1906 г. о свободномъ выходѣ изъ общины. Жизнь покажетъ, какой порядокъ побѣдитъ, старинная ли община со своимъ укладомъ, или новый подворный отрубной участокъ, превратится ли наша великорусская деревня въ цѣлый рядъ мелкихъ хуторовъ, или останется въ прежнемъ своемъ видѣ.

III.

Кустарные промыслы.—Фабрично-заводскій районъ.—Сравнительное положеніе крестьянъ и рабочихъ.—Сѣверная и сѣверо-восточная Великороссія.

Скудный заработокъ отъ хлѣбопашества на непривѣтливомъ суглинкѣ съ давнихъ поръ бросалъ великорусскаго крестьянина на подсобный заработокъ. Лѣса, рѣки, болота доставляли ему много угодій. Этимъ объясняется развитіе кустарныхъ промысловъ. Лыкодерство, мочальный промыселъ, бортничество, солевареніе, рыболовство въ старину были обычными сторонними и подсобными занятіями сельскаго населенія Великороссіи. И въ настоящее время кустарный промыселъ часто не отвлекаетъ крестьянина отъ его земледѣльческихъ занятій. Въ бюджетѣ кустаря, по изслѣдованіямъ земской статистики, доходъ отъ земледѣлія играетъ еще очень видную роль. Кустари Владимірской губерніи, напр. валяльщики, бочары, игрушечники почти наполовину живутъ отъ земледѣлія, наполовину отъ кустарныхъ промысловъ; шелкоткацкій кустарь той же губерніи живетъ на $^1/_3$ своего бюджета отъ земледѣлія. Недостатокъ земли являлся главной причиной, почему населеніе

извѣстныхъ раіоновъ обращалось къ кустарнымъ промысламъ. Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи даютъ общую цифру кустарей около $7^1/_2$ милліоновъ. Преимущественный районъ развитія кустарныхъ промысловъ сѣверныя и центральныя нечерноземныя губерніи. По легкости и доступности матеріала самымъ распространеннымъ видомъ кустарнаго промысла является обработка дерева.

Кустарная обработка металлическихъ издѣлій встрѣчается въ губерніяхъ: Тульской, Московской, Тверской, Ярославской. Но главнымъ центромъ кустарнаго сталеслесарнаго производства является районъ села Павлова Горбатовскаго у. Нижегородской губерніи. Павловскій районъ захватываетъ и нѣсколько волостей Муромскаго у. Владимірской губ. Большинство здѣшнихъ кустарей совсѣмъ забросили земледѣліе.

Обработка глины—горшечные и кирпичные промыслы распространены въ губерніяхъ Московской (Гжель), Калужской, Курской, Костромской.

Обработка волокнистыхъ веществъ кустарнымъ способомъ распространена въ губерніяхъ Московской, Нижегородской, Ярославской, Костромской и Владимірской, выдѣлывающей, главнымъ образомъ, полотняныя и шелковыя ткани. Что касается домашняго обихода, домашней одежды крестьянской семьи, то лишь въ немногихъ мѣстностяхъ Великороссіи эта нужда удовлетворяется еще наличными силами женскаго труда въ семьѣ. Въ большинствѣ же случаевъ фабричный дешевый ситецъ вытѣснилъ изъ обихода домашнюю ткань.

Во Владимірской губерніи распространено кустарное иконописаніе. Суздальскіе богомазы издавна славятся писаніемъ дешевыхъ иконъ. Образовался особый стиль живописи—суздальскій. Въ настоящее время и въ кустарномъ иконописномъ промыслѣ сильно практикуется раздѣленіе труда. Одни мастера приготовляютъ только доски—„грунтовщики“, другіе спеціально занимаются писаніемъ ликовъ святыхъ—„личники“, третьи пишутъ одежду, четвертые „убираютъ“ икону украшеніями.

Офени или коробейники также очень интересное явленіе великорусской жизни. Главный контингентъ офеней даетъ Вязниковскій уѣздъ Владимірской губ. Съ нагруженными возами офенскаго товара отправляются они по всѣмъ концамъ Россіи и странствуютъ такъ съ августа или сентября до масляницы или Пасхи. Бѣдный офеня ходитъ пѣшкомъ и возитъ свой коробъ на телѣжкѣ или санкахъ. Не такъ давно появились конкурренты владимірскимъ офенямъ—тульскіе офени (изъ Алексинскаго уѣзда). Вообще-же промыселъ офеней приходитъ въ упадокъ. Офеня перестаетъ уже удовлетворять запросамъ деревни.

Недостаточное обезпеченіе крестьянскаго населенія землею и орудіями производства толкаетъ также массы великорусскаго населенія въ отхожіе промыслы. Опредѣлить процентъ отхода очень трудно. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ подмосковнаго района отхожіе рабочіе составляютъ болѣе 40% мужского рабочаго населенія. Когда проѣзжаешь лѣтомъ напр. по Покровскому и Владимірскому уѣздамъ, въ поляхъ за работой видишь однѣхъ женщинъ, стариковъ и подростковъ. Все взрослое трудоспособное населеніе ушло на плотничныя или каменныя работы въ столицы и другіе крупные города. Цѣлые уѣзды Рязанской губерніи уходятъ на торфяныя работы; цѣлые районы даютъ извозчиковъ въ столицы; цѣлыя волости отпускаютъ взрослое мужское населеніе и подростковъ въ пастухи. Ярославская губернія даетъ громадный процентъ трактирной прислуги и мелкихъ торговцевъ въ столицахъ. Изъ средней черноземной полосы отправляютъ и на сельскохозяйственные отхожіе промыслы главнымъ образомъ въ Новороссію, с. Кавказъ и въ юго-восточныя степи Заволжья, но главную массу деревенскаго населенія поглощаютъ фабрики и заводы.

Съ Петра Великаго начала развиваться робкими шагами фабрично-заводская промышленность. Крупныхъ размѣровъ она достигла лишь съ освобожденіемъ крестьянъ,

Крестьянка Вологодской губерніи.

*

когда на рынокъ былъ выброшенъ свободный трудъ. Московскій промышленный районъ является центромъ для всѣхъ великорусскихъ губерній и Россіи вообще. Типичной для московскаго промышленнаго района является фабрика по обработкѣ хлопчатобумажныхъ произведеній. Здѣсь и во Владимірской губ. въ этой отрасли занято болѣе 200.000 рабочихъ. Не говоря уже о самой Москвѣ, которая является крупнѣйшимъ центромъ фабричной промышленности Россіи,—весь желѣзнодорожный узелъ, охватившій, какъ паукъ съ десятью лапами, московскій районъ, даетъ краснорѣчивую картину фабричной жизни Великороссіи. Рабочій здѣсь въ большинствѣ случаевъ являетъ собой чистый типъ пролетарія. Онъ пришелъ сюда не изъ окрестныхъ деревень и селъ. Рязанская, Московская, Костромская, своя Владимірская и много болѣе далекихъ губерній поставляютъ сюда свое лишнее населеніе. Многія фабричныя семьи работаютъ здѣсь уже въ третьемъ поколѣніи; внуки продолжаютъ пролетарскую работу своихъ отцевъ и дѣдовъ. Никакой связи съ землей въ такихъ семьяхъ уже не сохранилось. Даже большіе праздники, какъ напр. Пасха,—единственно свободная въ году недѣля на здѣшнихъ фабрикахъ—не привлекаютъ въ родные края старыя фабричныя семьи. Пока выходъ изъ общины былъ затрудненъ, рабочіе крестьяне сохраняли связь съ землей лишь въ томъ отношеніи, что должны были уплачивать повинности и такъ или иначе эксплоатировать числящіеся за ними надѣлы. Теперь, съ проведеніемъ въ жизнь закона 9-го ноября, и эта связь, вѣроятно, прекратится. Старинный рабочій, ставъ собственникомъ, продаетъ свой клочекъ земли. Когда проходишь по фабричнымъ улицамъ, и съ обѣихъ сторонъ давитъ громада камня, оглушаетъ шумъ колесъ и паровыхъ машинъ, атмосфера напряженнаго, создающаго цѣнности, труда, охватываетъ васъ. Когда попадаешь въ смѣну, и цѣлый потокъ рабочей толпы спѣшитъ на отдыхъ къ полуголоднымъ дѣтямъ; когда видишь кругомъ блѣдныя лица, усталые взгляды, немного тупые и равнодушные, когда въ праздники наблюдаешь бойкую толпу съ ея разгуломъ, вызывающимъ по характеру и отчаяннымъ по содержанію,—ясно чувствуешь, что прибавочная цѣнность создается рабочими не для себя.

Покровскій уѣздъ занимаетъ въ Россіи (не считая Польши) второе мѣсто по развитію промышленности. 25% населенія работаетъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ Шуѣ, Тейковѣ, Кохмѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Вичугѣ, Кинешмѣ тѣ-же громады фабричныхъ зданій, но вы не встрѣтите здѣсь общихъ казармъ, гдѣ были бы скучены тысячи человѣкъ въ одномъ зданіи. Объясняется это отчасти тѣмъ, что рабочій контингентъ вербуется здѣсь главнымъ образомъ изъ окрестныхъ деревень. Большинство рабочихъ возвращается ночевать къ себѣ въ деревню верстъ за пять-шесть. Иваново-Вознесенскъ—„русскій Манчестеръ“. Фабрикъ и заводовъ тамъ болѣе 70. Ткацкая промышленность Иваново-Вознесенска очень стариннаго происхожденія. Еще въ концѣ XVII-го ст. ивановцы торговали въ далекихъ городахъ холстами. Окраска холстовъ и набивка ихъ красками началась здѣсь въ первой половинѣ XVIII ст. Предпріимчивые мѣстные мастера научились дѣлать „манеры“, или „узоры“, и ивановскія набойки стали ходкимъ товаромъ. Ситценабивное дѣло очень быстро стало развиваться и перешло въ фабричную стадію почти сразу. Ткачество же долго оставалось кустарнымъ промысломъ. Въ концѣ концовъ механическое производство конечно вытѣснило кустарное. 60-ые и 70-ые годы даютъ уже иную картину; въ деревняхъ уже немного ткачей.

Большинство Ивановскихъ фабрикантовъ вышли изъ помѣщичьихъ крѣпостныхъ, гл. обр. графа Шереметьева. Продолжая до 61-го года оставаться крѣпостными, они сами имѣли крѣпостныхъ крестьянъ и были фактическими владѣльцами земли и людей, платя лишь повышенный оброкъ помѣщику.

Въ самомъ Ивановѣ-Вознесенскѣ наблюдается очень сильная скученность фабричнаго населенія. Живетъ оно преимущественно въ пригородныхъ слободахъ посада,

слившихся совершенно съ городомъ, въ квартирахъ, сдаваемыхъ отдѣльными грязными каморками и часто даже углами. Высокая дѣтская смертность, значительная заболѣваемость взрослаго населенія, пьянство и постоянныя семейныя драмы,—вотъ спутники невеселой жизни великорусскаго фабричнаго.

Бытъ фабричнаго рабочаго-великоросса мало чѣмъ разнится по своимъ условіямъ отъ быти фабрично-заводскаго рабочаго вообще. По существу своему характеръ жизни рабочаго таковъ, что въ немъ гораздо болѣе, чѣмъ въ крестьянскомъ быту, моментовъ, сглаживающихъ всякія индивидуальныя особенности и привычки. Недаромъ фабричные рабочіе болѣе способны и стремятся ко всякаго рода общеніямъ. Борьба за лучшія условія. существованія объединяетъ ихъ. Простые виды кооперативовъ, напр. потребительныя общества, прививаются гораздо легче въ средѣ рабочей, чѣмъ крестьянской, главнымъ образомъ уже потому, что рабочіе живутъ гораздо скученнѣе, чѣмъ крестьяне.

Что касается заработной платы рабочаго и вообще бюджета фабричной семьи, то здѣсь необходимо учитывать два обстоятельства. Во 1-хъ безработицу, какъ хроническое явленіе, особенно въ московскомъ промышленномъ районѣ, и создаваемую безработицей конкурренцію въ фабрично-заводской средѣ. Во 2 хъ, если на фабрикѣ живетъ вся семья рабочаго, то въ большинствѣ случаевъ весь взрослый элементъ семьи такъ или иначе пристраивается къ фабрикѣ или къ заработкамъ, косвенно связаннымъ съ фабричной жизнью. Въ общемъ бюджетъ семьи фабричнаго рабочаго, пожалуй, больше бюджета крестьянской семьи, доходя иногда до 50 и больше рублей въ мѣсяцъ, если на фабрикѣ работаетъ мужъ, жена и кто-либо изъ дѣтей.

По различнымъ группамъ производствъ статистика даетъ для великорусскихъ губерній нормы годовой заработной платы:

по обработкѣ хлопка.	171 руб.
„ „ шерсти	171 „
„ „ льна, пеньки	139 „
„ „ шелка.	176 „
смѣшанн. производ. по обработкѣ волокнистыхъ веществъ	217 „
по обработкѣ бумаги.	222 „
„ „ дерева.	217 „
„ „ минеральн. веществъ.	202 „
„ „ металловъ	341 „

Трудъ фабричнаго рабочаго цѣнится, конечно, выше земледѣльческаго. Фабричный рабочій занятъ круглый годъ, сельскохозяйственный рабочій нуженъ лишь въ самое горячее лѣтнее время Тѣмъ не менѣе трудъ послѣдняго удивительно дешевъ въ великорусскихъ губерніяхъ.

За періодъ сѣва пѣшій рабочій на своихъ харчахъ получаетъ въ центрально-промышленной и земледѣльческой Великороссіи отъ 33 до 61 коп. въ день; работница же отъ 19 до 37 коп. въ день. Періодъ сѣнокоса и періодъ уборки хлѣба, какъ наиболѣе горячіе моменты въ деревенской жизни, нѣсколько поднимаютъ цѣны на рабочія руки. Въ сѣнокосъ рабочій на своихъ харчахъ получаетъ въ день отъ 45 до 70 коп., работница отъ 26 до 47 коп.; за періодъ уборки хлѣбовъ рабочему платятъ отъ 50 до 70 к., работницѣ отъ 33 до 48 коп. Для большей выпуклости даннаго явленія необходимо отмѣтить рѣзко выраженную границу въ этомъ отношеніи между земледѣльческими и промышленными губерніями. Въ чисто земледѣльческомъ районѣ сельскіе рабочіе оплачиваются гораздо ниже, чѣмъ въ промышленныхъ. Благодаря фабрикамъ въ московскомъ районѣ предложеніе сельскохозяйственнаго труда гораздо меньше; да и вообще фабричныя цѣны

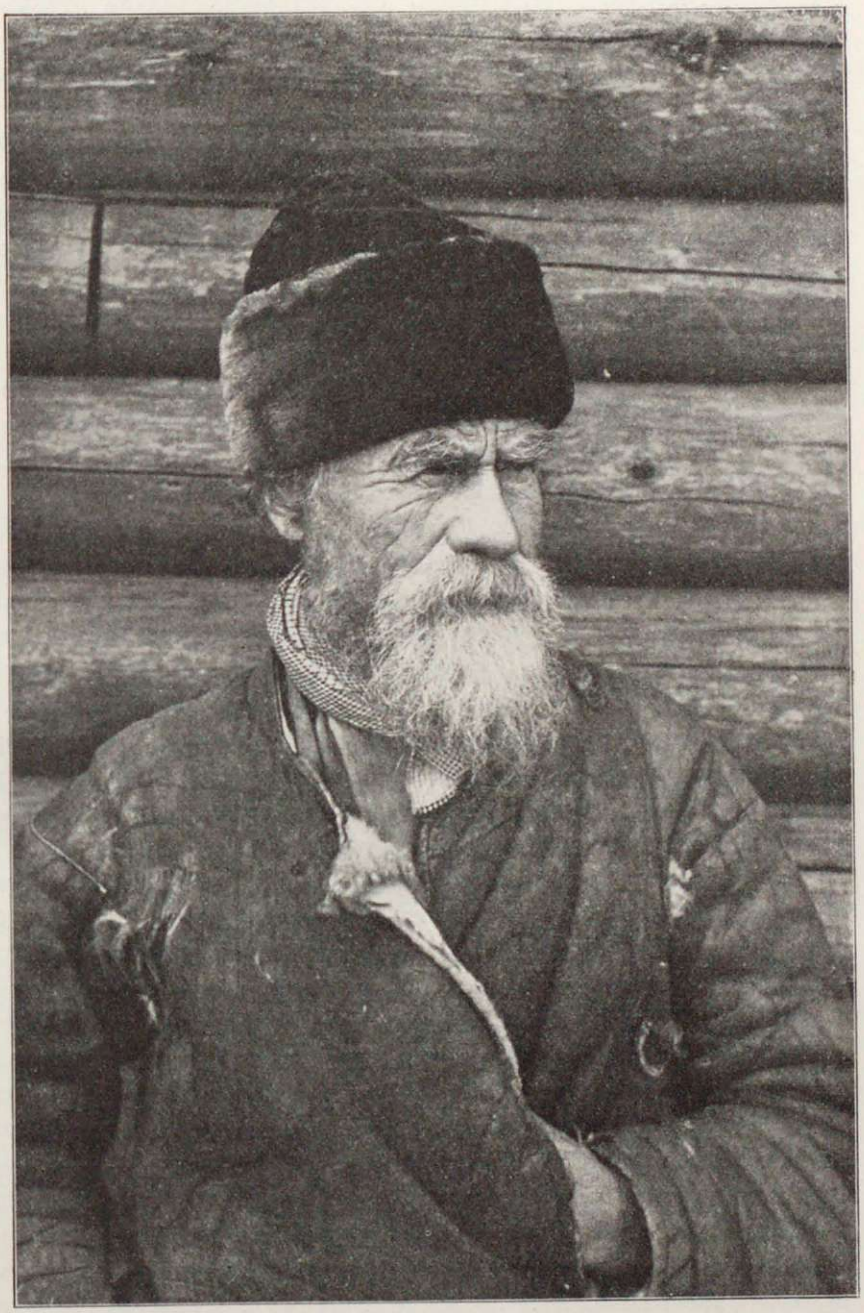
устанавливаютъ тѣ или иныя нормы и на общемъ рынкѣ труда въ районѣ, поддерживая въ этомъ отношеніи трудъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Другой интересный въ бытовомъ отношеніи фактъ, обрисовывающій сравнительную зажиточность населенія въ фабричныхъ районахъ и въ чисто земледѣльческихъ, и, отчасти, степень культурности, это отношеніе къ сбереженіямъ. Изъ отчета государственныхъ сберегательныхъ кассъ за 1907 г. съ очевидностью бросается въ глаза гораздо большій успѣхъ сберегательныхъ операцій въ великорусскихъ мѣстностяхъ съ развитой промышленностью, чѣмъ въ земледѣльческихъ. Такъ во Владимірской губерніи на 1 жителя приходится владовъ—16 руб. 82 коп., въ Орловской—8 р. 19 к., въ Курской—7 р. 55 к., въ Тамбовской—7 р. 48 к. Такимъ образомъ во всемъ строѣ жизни фабрично-промышленныхъ мѣстностей сказывается нѣсколько повышенный тонъ, сравнительно съ мѣстностями земледѣльческими. Фабрика вноситъ шумъ въ мѣстную жизнь, будитъ пытливость простого ума, наталкиваетъ на массу новыхъ вопросовъ.

Существуетъ мнѣніе, что самый чистый русско-славянскій типъ, сохранился у сѣверныхъ великороссовъ, жителей Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Новгородской губерній. Условія жизни сѣвернаго великоросса во многомъ отличны отъ жизни его въ центральныхъ губерніяхъ. Громадныя пространства и слабая плотность населенія характеризуютъ сѣверно-русскую жизнь. Вологодская губернія немного менѣе Германіи, или Франціи, Архангельская въ $1^{3}/_{4}$ раза болѣе каждаго изъ названныхъ государствъ. Но за то въ отношеніи плотности населенія губерніи эти стоятъ низко. Въ Архангельской въ 1905 г. на кв. версту падало 0,5 человѣка; въ Вологодской—4,2; въ Олонецкой—3,6; въ Новгородской—14,7 человѣкъ. Такое явленіе обусловливается прежде всего природой мѣстности. Не говоря объ Архангельской губерніи, сѣверъ которой на сотни верстъ занятъ тундрами, а обитатели—лопари и самоѣды являются номадами, и въ губерніи напр. Вологодской въ цѣлыхъ уѣздахъ (Сольвычегодскомъ, Яренскомъ, Устьсысольскомъ) на пашню и луга приходится всего лишь 2% всей земли, занятой по преимуществу лѣсами и болотами; въ другихъ уѣздахъ той-же губерніи (Вельскомъ, Тотемскомъ, Никольскомъ, Устюгскомъ) на пашню, луга и выгоны подаетъ 9% земли, и т. д. Населеніе сѣверныхъ губерній преимущественно великорусское. Остатки финскихъ племенъ—чудь бѣлоглазая, карелы—больше всего сохранились въ губерніи Олонецкой, но и здѣсь они составляютъ лишь $^{1}/_{5}$ всего населенія губерніи, остальная часть чисто русская. Славянская колонизація проникала сюда изъ Новгородской области почти одновременно съ колонизаціей Владиміро-Суздальской Руси. Но разница въ томъ, что сѣверная страна—все „заволочье“, Обонежье, Вятка, Югорская Русь долго потомъ оставались провинціями Новгородской республики. Это были колоніи, созданныя предпріимчивыми новгородцами при озерахъ, по сѣверной Двинѣ и другимъ рѣкамъ края. Съ покореніемъ Новгорода Москвой въ концѣ XV-го вѣка, провинціи его вошли въ составъ Московскаго царства. Одно обстоятельство выгодно отражалось на хозяйственной странѣ въ жизни сѣвернаго края. Къ концу своей вольности Новгородъ превратился въ слишкомъ аристократическую республику въ отношеніи землевладѣльческомъ. Небольшая кучка бояръ и именитыхъ купцовъ новгородскихъ владѣла громадными помѣстьями-волостями. И отъ „оброковъ“, „кормовъ“ и „податей“ крестьянство бѣжало на свободныя отъ помѣщичьяго гнета сѣверныя земли. Здѣсь сѣверное крестьянство создало оригинальныя формы хозяйственнаго быта, которыя успѣшно помогали въ борьбѣ съ дикой, непривѣтливой природой. Особенность эта заключалась въ развитіи такъ называемаго складническаго или товарищески-союзнаго хозяйства. Складникъ, сяберъ, товарищъ Холмогорскихъ и Устюжскихъ провинцій создалъ долевую организацію деревенскаго землевладѣнія, которая превратилась затѣмъ въ типичную для всей Великороссіи общину. Сѣверный край процвѣталъ особенно, когда открытъ былъ водный путь въ Россію англичанами черезъ Бѣлое море. Громадные обозы хлѣба потя-

нулись къ Архангельску съ низовыхъ земель по Вологодскому тракту. Край сталъ настолько оживленнымъ въ торговомъ отношеніи, что крупнѣйшими землевладѣльцами того времени, монастырями, по многимъ пунктамъ, главнымъ образомъ на берегахъ Сѣверной Двины, открыты были торговые амбары и складочныя помѣщенія для скупки хлѣба и иныхъ продуктовъ и товаровъ, обращавшихся въ краѣ.

За послѣдніе два вѣка русской исторіи сѣверный край былъ какъ бы заброшенъ. Вся жизнь и государственная забота ушли въ коренную Россію или въ созданіе новыхъ областей съ неисчерпаемыми богатствами на югѣ. Угрюмый сѣверъ предоставленъ былъ самому себѣ, и трудно было ему безъ государственной помощи поднять свою культуру. А между тѣмъ это край совсѣмъ не бѣденъ естественными богатствами.

Великороссъ Новгородской губ. Крестецкаго у.

Вся жизнь Архангельской губерніи сосредоточена на берегахъ Сѣверной Двины, этой спокойной красавицы Сѣвера. Великорусское населеніе занимается хлѣбопашествомъ и лѣсными промыслами. Формы земледѣльческаго хозяйства сѣверныхъ губерній носятъ первобытный характеръ. Трехполье является невозможнымъ для сѣвера. Почва болотиста или песчана, а въ распоряженіи земледѣльца имѣется небольшой промежутокъ въ три—четыре мѣсяца, когда можно заниматься обработкой земли. На сѣверѣ лѣса очищаются подсѣчнымъ способомъ, чтобы въ теченіе двухъ-трехъ-четырехъ лѣтъ обрабатывать получившееся поле. Часто уже на второй годъ послѣ льна, ячменя или пшеницы (яровой) земля истощается, и ее засѣваютъ тимофеевкой на сѣмена, а дальше она снова заростаетъ лѣсомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поле замѣняютъ заливные луга. Таковъ напр., Холмогорскій уѣздъ.

Кромѣ хлѣбопашества сама природа указала сѣверянину быть рыболовомъ, звѣроловомъ-охотникомъ, полѣсовщикомъ, смолокуромъ. Всѣми названными промыслами сѣверный великороссъ занимается довольно усердно, хотя и не всегда умѣло. Рыболовы напр до сихъ поръ не практикуютъ соленія рыбы, а ограничиваются лишь вяленіемъ и сушкой. Разработка лѣсныхъ матеріаловъ сосредоточена вся въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ; мѣстное крестьянское населеніе является лишь рабочей массой. Всѣ лѣсныя площади сѣвера принадлежатъ казнѣ или удѣламъ, такъ что въ пользованіи лѣсомъ мѣстное населеніе стѣснено.

Несмотря на суровыя условія зажиточность крестьянскаго населенія здѣсь нисколько не ниже, если не выше, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. Крестьянское жилище на сѣверѣ болѣе просторное и чистое. Благодаря тому, что среди сѣверянъ масса раскольниковъ, въ общемъ у нихъ меньше пьянства, крѣпче семейные устои и авторитетъ старшихъ. Бѣднѣе населеніе Олонецкой губерніи, гдѣ въ крестьянской избѣ чаще можно встрѣтить такъ называемый „корявый“ хлѣбъ, т. е. испеченный наполовину изъ муки и наполовину изъ соломы и отрубей.

Очень типичной въ смыслѣ переходномъ отъ сѣвернаго характера великорусской жизни къ центральному является губернія Новгородская въ сѣверныхъ ея уѣздахъ—Кириловскомъ, Устюженскомъ, Тихвинскомъ, Бѣлозерскомъ. Плотность населенія здѣсь ниже 10 человѣкъ на кв. в. Условія занятія сельскимъ хозяйствомъ очень плохи, такъ что пашня напр. въ Бѣлозерскомъ и Кириловскомъ уѣздахъ составляетъ лишь 4,7% всей удобной площади земли, а въ Тихвинскомъ уѣздѣ 4%.

И тѣмъ не менѣе сельское хозяйство составляетъ основное занятіе крестьянъ. Но здѣсь, въ отличіе отъ сѣвера, помѣстные землевладѣніе было слишкомъ развито. И послѣ 1861-го года крестьянское надѣльное землевладѣніе по размѣрамъ почти вдвое меньше помѣщичьяго. Въ лѣсистыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ губерніи хозяйство носитъ характеръ лядиннаго или подсѣчнаго; въ южныхъ же уѣздахъ господствуетъ трехполье. По отхожимъ промысламъ Новгородская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ послѣ Ярославской и Тверской губерній. Особенно много новгородцевъ крестьянъ и мѣщанъ живетъ въ Петербургѣ.

Великороссы Псковской и Петербургской губерній въ характерѣ своего хозяйственнаго быта ничѣмъ не отличаются отъ новгородцевъ. Псковъ былъ въ старину пригородомъ, младшимъ братомъ Великаго Новгорода и усвоилъ весь обиходъ его жизни. Позже онъ сталъ самостоятельнымъ, и въ немъ было сильно вліяніе нѣмецкаго Ливонскаго Ордена. Въ Петербургской губерніи великорусскія поселенія составляютъ большинство въ уѣздахъ, входившихъ въ старыя Новгородскія пятины (Гдовскій, Ямбургскій съ селомъ Наровскимъ, теперь гор. Нарва, Лужскій, Новоладожскій); въ остальныхъ уѣздахъ великорусскія поселенія перемѣшаны съ финскими и латышскими. Самой богатой колоніей Новгородской въ старину была Вятка. Послѣ паденія Новгорода весь край вмѣстѣ съ „Заволочьемъ“ (Вологодская губ.) долго еще оставался самостоятельнымъ, какъ отдѣльная колонія. Край былъ въ рукахъ именитыхъ людей Строгановыхъ. Культура духовная привита была въ краѣ въ XIV вѣкѣ св. Стефаномъ Пермскимъ, который сбратилъ въ христіанство зырянъ. Губерніи Вятская и Пермская великорусскія губерніи (въ первой русскихъ 77%, во второй 90%); но по своему географическому положенію край этотъ представляетъ оригинальныя черты. Вятская губернія расположена ужъ на отрогахъ Урала, Пермская же переходитъ черезъ него, врѣзаясь своей восточной частью въ Азію. Поэтому главный интересъ мѣстной жизни горнозаводская промышленность. Уже одно то обстоятельство, что желѣзнымъ заводамъ въ Вятской губерніи принадлежало въ концѣ XIX в. около 700.000 десятинъ земли говоритъ о характерѣ мѣстной жизни. Что касается великорусскаго крестьянства, то оно, какъ и вездѣ, занимается здѣсь обычнымъ

хлѣбопашествомъ, особенно по берегамъ рѣкъ. Вятская губернія славится своими кустарными промыслами. Болѣе всего распространено кожевенное производство.

На сѣверѣ, по мнѣнію многихъ, сохранился наиболѣ чистокровный славяно великорусскій типъ. Изслѣдователи старины, дѣйствительно, чаще всего ищутъ типичную старину на сѣверѣ. Въ то время какъ въ губерніяхъ Московской, Нижегородской, Саратовской былинъ кіевскаго цикла собрано не болѣе десяти въ каждой, въ Архангельской губерніи ихъ собрано 34, въ Олонецкой—до 300. Новгородскія былины также въ большинствѣ собраны на сѣверѣ. Былинный эпосъ съ своимъ спокойствіемъ, богатствомъ и отчетливостью въ изображеніи бытовыхъ чертъ, съ наивной живостію передачи отдѣльныхъ фактовъ изъ жизни богатырей могъ, конечно, гораздо легче сохраниться только въ глухихъ лѣсахъ сѣвернаго края. Занесенный разъ туда колонизаторомъ славяниномъ, онъ оставался наиболѣе чистымъ, какъ и самъ хранитель этихъ пѣсенъ старины.

IV.

Русскій языкъ и его говоры.—Духовный бытъ великороссовъ: пѣсни и пословицы, характеризующіе семью: обряды, обычаи и праздники.—Отношеніе къ религіи.—Расколъ.—Русскія города.—Общая характеристика великороссовъ.

Языкъ служитъ яркимъ выразителемъ народнаго духа и характера. Въ русскомъ языкѣ есть индивидуальная красота и цѣльность. Въ немъ нѣтъ тяжеловѣсныхъ словъ, какъ напр. въ нѣмецкомъ, и тѣмъ не менѣе сложныя слова онъ составляетъ съ такой же легкостью, какъ и послѣдній. Гортанные звуки способны сочетаться въ нашемъ языкѣ съ интонаціями очень мягкими и нѣжными. Литературнымъ языкомъ русской народности является языкъ великорусскаго племени, который распадается на нѣсколько нарѣчій. „Первымъ нарѣчіемъ великорусскимъ будетъ у насъ московское, самое малое по занимаемой имъ мѣстности, самое обширное по распространенію своему на всю Русь“, говоритъ В. И. Даль. „Московскимъ нарѣчіемъ говоритъ самая небольшая часть народа, почти только въ стѣнахъ Москвы; но это языкъ письменный и правительственный, и языкъ высшаго, а отчасти и средняго сословія, языкъ всѣхъ образованныхъ русскихъ, московскаго дворянства и купечества“... „Въ Москвѣ говорятъ свысока, высокою рѣчью, то-есть любятъ гласный звукъ *а* и замѣняютъ имъ звукъ *о*, коли на немъ нѣтъ ударенія. Говорятъ: харашо, гаварить, талкавать, но это а́канье бываетъ умѣренное, иногда *а* слышится только почти полугласное; оно составляетъ средину между двумя говорами, которые рѣзко и до приторности придерживаются двумъ крайностямъ: рѣчи на *а* и на *о*“... „Въ Московской губерніи говорятъ различно: въ Клинѣ — по-новгородски; въ Можайскѣ — почти по-смоленски (хвилинъ, целовѣкъ, уфостье); въ Коломнѣ — порязански; въ Богородскѣ — по-суздальски. Во многихъ мѣстахъ Московскаго уѣзда можно слышать: ндравъ, лицомъ, огневъ; также ручникъ и вечерница, вмѣсто утиральника и посидѣлокъ“... „Отъ Москвы на востокъ, въ самомъ близкомъ разстояніи, замѣтна уже наклонность производить звукъ *о* всюду, гдѣ онъ есть на письмѣ: около Владиміра о́канье достигаетъ уже высшей степени; тамъ для полногласія вставляютъ *о* во многія слова: Володиміръ, волóга (влага), бóлого (благо) и прочее; сверхъ того, даже самое *а*, безъ ударенья, нерѣдко обращается въ *о*: стоканъ, холатъ, озямъ, тороканъ, Огрофена, Прасковья, Ондрей. Этотъ говоръ идетъ далѣе на востокъ черезъ всю Россію, не исключая и Сибири, хотя въ разныхъ мѣстностяхъ подверженъ частнымъ измѣненіямъ, но вообще нигдѣ, кромѣ развѣ Костромы и Вятки, не достигаетъ такой крайности, какъ во Владимірѣ. Во Владимірской и Ярославской о́канье это уже впрочемъ много смягчилось тѣмъ, что бóльшая

часть мужского населенія промышляетъ внѣ родины своей; въ Костромской, мѣстами, весьма замѣтна примѣсь или вліяніе новгородскаго говора; но на Вяткѣ онъ невыносимо грубъ. Отъ Москвы на западъ высокій говоръ или аканье постепенно усиливается и, принимая еще нѣсколько другихъ особенностей, переходитъ въ нарѣчіе бѣлорусское, которое вовсе не терпитъ звука *о*, замѣняя его, безъ ударенія, звукомъ *а*; съ удареніемъ же—звукомъ *у* или *уы*"... „Отъ Москвы на сѣверъ языкъ принимаетъ говоръ новгородскій, который очень близокъ ко владимірскому, и, хотя въ различныхъ мѣстностяхъ выказываетъ свои особенности, не менѣе того едва ли представляетъ общій всему краю отличительный признакъ"... „На югъ отъ Москвы разливается нарѣчіе рязанское, которое отличаясь отъ западнаго или смоленскаго гораздо положительнѣе, чѣмъ сѣверное отъ восточнаго, раздробляется почти по губерніямъ на говоры. Въ рязанскомъ нарѣчіи акаютъ, замѣняя даже *е*, *ъ* буквами *а*, *я*, напримѣръ: *табъ*, *яму*, сверхъ того, произносятъ окончанія *аго*, *яго* какъ оно пишется, не вставляя *в* вмѣсто *г*".

Народное творчество великоросса прежде всего вылилось въ народной пѣснѣ и пословицѣ. Въ великорусскомъ селѣ пѣсню можно слышать очень часто. Въ настоящее время въ народномъ быту происходитъ коренная ломка старинныхъ устоевъ. Заканчивается періодъ патріархальной формы деревенскаго быта, исчезаетъ старинная семья. Вмѣстѣ съ этими часто тяжелыми сторонами быта народнаго, къ сожалѣнію, исчезаетъ и самобытное народное творчество, какъ оно выразилось въ пѣснѣ. Распѣваемыя въ наше время пѣсни въ великорусской деревнѣ общеизвѣстны: „Ванька ключникъ", „Во двѣнадцатомъ году", „Собирался нашъ Лександра свою армію смотрѣть" (смерть Александра I-го), „Я вечоръ въ лужкахъ гуляла", „А мы просо сѣяли, сѣяли", „Какъ во городѣ было во Казани", „Послѣдній нонѣшній денечекъ гуляю съ вами я друзья", и т. д. Наиболѣе же распространенный типъ современной деревенской пѣсни — небольшіе куплеты съ припѣвомъ „Сударыня, Сударыня, Сударыня моя". Вторженіе въ деревню этой пѣсни, зародившейся въ фабрично-трактирной средѣ городскихъ поселеній, свершилось не такъ давно. Сюжетъ ея почти исключительно воспѣваніе сердечныхъ дѣлъ, тонъ, нерѣдко, пошлый. Но вмѣстѣ съ тѣмъ по образцу ея стали составляться свои пѣсни, воспѣвающія разныя мелочи и часто съ большимъ остроуміемъ изображающія мѣстныя событія. Интересная черта этой пѣсни — соблюденіе размѣра и риѳмы, ради чего нерѣдко жертвуется содержаніемъ и смысломъ. Возвращающіеся изъ города съ фабрикъ, съ отхожихъ промысловъ приносятъ въ деревню совсѣмъ городскую пѣсню. Теперь вы услышите въ деревнѣ и „Солнце всходитъ и заходитъ", и „Ревѣла буря, громъ гремѣлъ, во мракѣ молнія сверкала, сидѣлъ Ермакъ, объятый думой на мрачномъ брегѣ Иртыша", и др.

Два момента жизни крестьянской во многихъ мѣстахъ Великороссіи до сихъ поръ сохраняютъ поэтическій обиходъ старинной пѣсни. Моменты эти—свадьба и похороны. Очень часто до сихъ поръ традиціонно исполняются въ деревняхъ сложные свадебные обряды. Смыслъ и значеніе этихъ обрядовъ въ наше время конечно уже утрачены, но они имѣютъ громадную цѣнность для изученія быта народнаго вообще. Обряды сватанія съ засыломъ сватовъ или свахи къ родителямъ невѣсты, смотрины въ ея домѣ, запои или пропои вездѣ сохранились въ народномъ великорусскомъ быту.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ сквозитъ тотъ же старинный мотивъ о неволѣ, въ которую идетъ невѣста изъ своего родного дома. Много сохранилось обрядовъ, которые очень разнообразятся по отдѣльнымъ мѣстностямъ и даже селамъ и деревнямъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, сажаютъ напр. невѣсту и жениха на овечью шкуру, чтобы велись у нихъ овцы; во многихъ мѣстахъ женихъ притворно продѣлываетъ рѣзкія, грубыя дѣйствія по отношенію къ невѣстѣ, напр. вырываетъ платокъ изъ ея рукъ, или ударяетъ плеткой, въ знакъ того, что онъ становится главнымъ лицемъ надъ ней, ея хозяиномъ; на другой день послѣ свадьбы заставляютъ молодую приниматься за работу: велятъ носить дрова

или мести полъ. Ея работу начинаютъ притворно хулить, достается при этомъ и свахѣ или сватамъ.

Пословица—другая форма, въ которой непосредственно отражается народный бытъ и его духовный обликъ. Больше всего великорусскія пословицы удѣляютъ вниманія крестьянской семьѣ. Въ нихъ ярко выражены оба начала крестьянской семьи—кровное начало и общность хозяйственныхъ интересовъ всѣхъ ея членовъ. Въ каждой крестьянской семьѣ хозяинъ-большакъ является управителемъ всего хозяйства и представителемъ во всѣхъ случаяхъ, касающихся семьи, какъ цѣлаго. „Безъ хозяина дворъ плачетъ"; „хозяинъ лежитъ и все лежитъ, хозяинъ съ постели—все на дѣлѣ"; „хозяинъ въ дому, что медвѣдь въ бору". Старшій не долженъ потаковать младшимъ членамъ семьи, иначе будутъ „всѣ Иваны, да и всѣ большіе". Поэтому пословица совѣтуетъ:—„брани своихъ, чтобы чужіе боялись". „Домъ вести не бородой трясти".

Особенно ярко вылился въ пословицахъ взглядъ народный на женщину. Историче-

Изба Орловской губерніи.

ская несправедливость по отношенію къ женщинѣ рѣзко выразилась въ крестьянской великорусской семьѣ. Несмотря на то, что женщина здѣсь такая-же участница въ добываніи средствъ къ жизни, какъ и мужчина, что женщина наряду съ нимъ гнетъ свою спину на самыхъ тяжелыхъ полевыхъ работахъ,—все же она раба и источникъ всякаго грѣха—сосудъ діавола. „Курица не птица, баба не человѣкъ"; „бабій умъ что коромысло, криво, зубристо и на оба конца; „гдѣ чертъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ"; „семеро топоровъ лежатъ вмѣстѣ, а двѣ прялки врозь",—все пословицы, выставляющія женщину въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Пословица краснорѣчиво рекомендуетъ мужу учить свою жену, какъ существо отъ природы глупое, упрямое. „Люби жену какъ душу, тряси ее, какъ грушу"; „бей жену во младости, покой будетъ въ старости"; „бей жену молотомъ, будетъ золотомъ". До какого извращенія понятій и чувствъ доходило такое отношеніе къ женщинѣ, видно изъ того, что въ этихъ побояхъ, по народнымъ понятіямъ, какъ бы выражается любовь мужа къ женѣ. „Кто жены не бьетъ, милъ не живетъ"; „милый ударитъ тѣла прибавитъ", „милаго побои не долго болятъ", и т. д. Грубость нравовъ, грубость семейныхъ отношеній, гдѣ жена не остается въ долгу у мужа, также отмѣчена послови-

*

цами: „мужъ кошелькомъ, жена язычкомъ; мужъ клиномъ, жена блиномъ, а дойметъ"; „ѣхалъ бы прямо, да жена упряма". Однако и иной взглядъ на женщину къ счастью не чуждъ народному сознанію. „Своя жена—своя краса"; „князю княгиня, крестьянину Марина, а всякому своя Катерина"; „у плохой бабы мужъ на печи лежитъ, хорошая сгонитъ"; „холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможетъ"; „не дай богъ горѣть, да овдовѣть". Иныя стороны семейной жизни: положеніе дѣвушки въ семьѣ, положеніе невѣстки, только что вошедшей въ домъ мужа, положеніе вдовы и солдатки, положеніе зятя, принятаго въ домъ, положеніе внѣбрачныхъ дѣтей—все нашло себѣ яркое выраженіе въ народной пословицѣ.

Въ Россію христіанство пришло въ готовомъ видѣ. Но въ дѣлѣ вѣры русскій народъ, особенно въ сѣверовосточной части, недалеко ушелъ отъ древности. Иностранцы, которые около 400 лѣтъ тому назадъ посѣщали Московское царство, указывали, что религія русскихъ сводилась къ однимъ внѣшнимъ обрядамъ. Колокольный звонъ не смолкалъ по городамъ и селамъ. Службы длинныя, посты строгіе, стоянья, земныя поклоны—вотъ что было главнымъ содержаніемъ вѣры въ Московской Руси. И тѣ же иностранцы удивлялись, что на Руси Святой совсѣмъ не слышно было проповѣди. Евангеліе мало было извѣстно русскому народу, и духовенство не старалсь выяснять евангельскія истины. Въ наше время религіозность великорусскаго крестьянина выражается во внѣшнемъ исполненіи обрядовъ и таинствъ. Тѣ-же службы, посты и поклоны и удивительное отсутствіе связи между религіозными переживаніями и мотивами нравственнаго поведенія. Тѣмъ удивительнѣе, что въ Россіи, этой странѣ послушанія, гдѣ, по выраженію Н. И. Костомарова; „господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ",—появился расколъ и за нимъ различныя религіозныя секты. Еще удивительнѣе, что многіе изъ этихъ сектъ происхожденія великорусскаго. Родиной напр. хлыстовства и первоначальной ареной дѣятельности перваго организатора секты была Владимірская губернія, именно Муромскій уѣздъ. Здѣсь, согласно легендѣ, на горѣ Городинѣ основатель хлыстовства, Данила Филиповъ, объявилъ себя „Саваоѳомъ", „превышнимъ богомъ", „богатымъ гостемъ".

Скопческая секта также родилась въ Великороссіи. Основателемъ ея былъ кр. Орловской губерніи Дмитровскаго уѣзда Кондратій Селивановъ. Распространеніе свое первоначально получила она въ губерніяхъ Тамбовской, Орловской, Рязанской. Что касается раскола старообрядческаго, то, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, съ самого появленія своего онъ имѣлъ характеръ не просто религіозно-обрядовый, а религіозно-демократическій, а въ народной средѣ—народно-демократическій. Въ силу историческихъ условій расколъ подѣлился на слѣдующія крупныя группы: поповцы, безпоповцы и бѣглопоповцы; безпоповцы дѣлятся на цѣлую массу толковъ и согласій. По отчету оберъ-прокурора Св. Синода за 1894 г. всѣхъ раскольниковъ было въ Россіи до 13 милліоновъ. Самой сильной группой по своей организаціи, по матеріальнымъ средствамъ являются поповцы, пріемлющіе австрійское или Бѣлокриницкое священство. Рогожское кладбище въ Москвѣ является центромъ этой группы раскольниковъ.

Очень много богатыхъ великорусскихъ купеческихъ семей, въ частности московскихъ стоятъ въ рядахъ старообрядчества (Морозовы, Зимины, Башкировы и т. д.). Неблагопріятныя условія, въ которыхъ приходилось жить раскольникамъ, особенно изъ простого класса, наложили своеобразный отпечатокъ на домашній и общественный бытъ старообрядцевъ, заставили ихъ замкнуться въ тѣсныя общины и отгородить себя высокой стѣной отъ православнаго населенія.

Земледѣльческій по преимуществу характеръ быта великорусса отражается ярко на его религіозныхъ вѣрованіяхъ и настроеніяхъ. „Святые и чудотворцы, говорилъ Глѣбъ Успенскій, переведены на крестьянское положеніе: Св. Апостолъ Анисимъ переименованъ

въ Анисима овчарника, Іовъ многострадальный – въ Іова-горошника; Св. Аѳанасій Великій переименованъ просто въ Аѳанасія-ломоноса, потому что около дня его имени 18 января бываютъ сильные морозы, отъ которыхъ кожа слѣзаетъ съ носа. Св. преподобно-мученица Евдокія именуется „Евдокея-плющиха, подмочи порогъ", такъ какъ 1-го марта таетъ, плющитъ снѣгъ. Герасимъ-грачовникъ Ирина Разсадница, „на Кузьму—сѣй свеклу", Лукерья-комарница, Акулина-гречишница и т. д. и т. д."

Самые праздники народные, зимніе и лѣтніе—Святки, Масляница, Пасха, Троицынъ день, Иванъ-Купало, приноровлены къ двумъ моментамъ—повороту солнца на лѣто и повороту на зиму. Обычай празднованія святокъ беретъ свое начало еще въ языческой древности. Въ старину обрядъ колядованія совершался по всей Руси. Въ настоящее время въ чистомъ видѣ обрядъ этотъ сохранился лишь въ Малороссіи и отчасти Бѣлоруссіи. Въ великорусскихъ же губерніяхъ, если гдѣ и сохранился, то участіе въ немъ принимаетъ главнымъ образомъ дѣтвора, которую привлекаютъ подарки и подаянія, славятъ не коляду, а Овсея. Сохранился также во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи обычай рядиться. Обыкновенно парни и дѣвушки надѣваютъ на себя какіе-либо драные костюмы или выворачиваютъ шубы овчиной вверхъ, а на лица надѣваютъ маски—страшныя звѣриныя рожи или изображенія домового, лѣшаго, водяного. Такъ какъ ряженье считается грѣхомъ, то во многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай для очищенія купаться въ Крещеніе въ той проруби, гдѣ святятъ воду—въ Іордани.

Въ большей чистотѣ сохранился другой праздникъ—масляница. Въ Великороссіи онъ справляется разгульно и весело. Пьютъ, ѣдятъ блины, катаются съ горъ; въ большихъ селахъ катаются на лучшихъ саняхъ, въ лучшей упряжи, въ лучшей зимней одеждѣ. Не даромъ, если хотятъ выразить мысль о веселой, привольной жизни, говорятъ; „не житье, а масляница". Въ этомъ праздникѣ переплелись самыя различныя настроенія. Здѣсь и языческая тризна по жестокой уходящей зимѣ—не даромъ при проводахъ масляницы жгутъ чучело изъ соломы; здѣсь и обычай поминовенія родителей,—„первая оттепель, вздохнули родители", здѣсь и простодушное приготовленіе къ великому посту обильными явствами и питіями. Цѣлой вереницей проходятъ весенніе праздники, начиная святой недѣлей Пасхи, которая является, какъ бы „одинъ Великъ день". Слѣдующая недѣля Ѳомина, такъ наз. Красная горка—недѣля поминальная съ одной стороны и недѣля свадебная съ другой. Затѣмъ слѣдуетъ Троицынъ день—зеленыя святки, Иванъ-Купало. Въ четвергъ передъ Троицынымъ днемъ справляется преимущественно дѣвичій праздникъ „Семикъ". Праздникъ этотъ, въ старину посвященный богинѣ весны, свѣтлокудрой Ладѣ, справляется и теперь въ Великороссіи, хотя съ другимъ конечно значеніемъ. Дѣвушки цѣлыми деревнями отправляются въ рощу, на берегъ рѣчки—завивать березки, „играть пѣсни", пировать. Березку обвиваютъ часто лентами, украшаютъ вѣнками и водятъ около нея хороводы. Семицкая березка въ захолустныхъ углахъ Владимірской, Рязанской, Тульской, Калужской и др. губерній для непритязательной деревенской молодежи является желаннымъ праздникомъ

Иванъ-Купало—день всякихъ оборотней, вѣдьмъ, колдуновъ и всякій нечисти—также начинаетъ вымирать. Наивная поэзія вообще уходитъ изъ жизни. Рѣдко, гдѣ зажигаются купальскіе огни, а если и зажигаются, то обстановка и настроеніе молодежи иное, и пѣсня другая. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, мѣстахъ ритуалъ справляется и доселѣ, какъ напр. въ Костромской губерніи. Въ Нерехтскомъ уѣздѣ наканунѣ Иванова дня въ день Аграфены-купальницы деревенскія дѣвушки собираются на бесѣду, устраиваютъ пирушку, затѣмъ всѣ бѣгутъ въ рѣку купаться, чтобы, умывшись, идти на купальскіе огни.

За Ивановымъ днемъ начинается лѣтняя деревенская рабочая страда.

Города и городская жизнь центральной Россіи конечно сохранили мало индивидуальныхъ особенностей великорусской народности. Одни лишь памятники старины являются

свидѣтелями самобытныхъ началъ народной жизни. Исторія городовъ въ центральной, сѣверовосточной Руси нѣсколько отлична отъ исторіи городовъ Южной Руси. Тамъ каждый городъ развился самостоятельно, независимо отъ другихъ. Кіевъ былъ лишь первый между равными и не пытался поработить сосѣдей. Не то въ Московской Руси. Москва свела на нѣтъ большинство великорусскихъ городовъ. Чтобы придать себѣ больше силы и славы Москва перевезла изъ другихъ городовъ великорусскія святыни.

Городское населеніе Великоруссіи сравнительно съ сельскимъ ничтожно. Жителей свыше 100.000 въ центральной Россіи имѣютъ только два города—Москва и Тула. Отъ 50 до 100.000 имѣютъ Нижній-Новгородъ, Курскъ, Ярославль, Орелъ, Иваново-Вознесенскъ, Тверь, Пенза, Воронежъ. Остальные, даже губернскіе города являются средними городскими поселеніями. Что же касается городовъ уѣздныхъ, они чаще являются совсѣмъ небольшими поселеніями въ городскомъ смыслѣ, сплошь и рядомъ имѣя не болѣе 2—3.000 жителей. Часто уѣздные города имѣютъ значеніе только какъ административные центры. Торгово-промышленное же значеніе отходитъ къ крупнымъ поселеніямъ—сельскимъ. Цѣлый рядъ старинныхъ городовъ, бывшихъ когда то стольными городами удѣльныхъ княжествъ, превратился теперь въ маленькіе уѣздные города съ мелкими промыслами. Таковы напр. Ростовъ, Суздаль, Переславль Залѣсскій, и др. Только обиліе церквей говоритъ о ихъ быломъ значеніи. Въ Суздалѣ напр., или Переславлѣ жителей около 7—8 тысячъ въ каждомъ; церквей же въ Суздалѣ 38 и четыре монастыря, изъ которыхъ одинъ Спасо-Ефимьевскій—бывшая знаменитая Суздальская крѣпость; въ Переславлѣ 25 церквей и 4 монастыря. Всѣ такіе старинные города представляютъ громадный интересъ для археологическихъ изслѣдованій. Въ большинствѣ изъ нихъ сохранились земляные валы, окружавшіе въ старину центральную часть города; въ нѣкоторыхъ остались и кремли, окруженные каменными стѣнами. Особенный интересъ представляютъ старинныя церкви и палаты.

Въ Великороссіи не было условій, которыя способствовали бы возникновенію городовъ въ новое время, какъ то было въ недавно завоеванныхъ и заселенныхъ областяхъ, гдѣ города растутъ на нашихъ глазахъ подъ вліяніемъ роста торговли и промышленности. Въ Великороссіи старые центры кипучей торговли въ наши дни являются незначительными центрами. Развѣ похожъ Новгородъ или Псковъ нашихъ дней на тотъ Великій Новгородъ, который воспѣваютъ былины и пѣсни? Развитіе кустарныхъ промысловъ въ центральной Россіи, привычка населенія къ ярмаркамъ и коробейникамъ не мало способствовали тому обстоятельству, что рядовые уѣздные города плохо росли и развивались. Великороссія гордится, однако, однимъ своимъ городомъ—первопрестольной столицей Москвой. Мѣстоположеніе Москвы очень живописно. До сихъ поръ городъ поражаетъ иностранцевъ своею самобытностію. Національному сознанію Москва дорога своими памятниками и своей культурой. Еще иностранные писатели сравнивали Москву по ея красотѣ и значенію для русскихъ съ Іерусалимомъ. Дѣйствительно Москва полна святынями, полна памятниками великорусской старины. Кремль съ древними соборами приводитъ на память былое русской жизни—великое и малое, славное, тяжелое и горькое.

Изъ остальныхъ городовъ необходимо выдѣлить Тулу, развившуюся благодаря сосредоточенію здѣсь оружейныхъ и патронныхъ заводовъ, Нижній-Новгородъ, знаменитый своей ярмаркой, Ярославль, Рыбинскъ, Тамбовъ, Козловъ, Елецъ, Пенза, Воронежъ—послѣдніе города дворянски помѣщичьяго склада, богатые хлѣбной торговлей; таковы же отчасти Рязань, Орелъ и Курскъ. Новгородъ, Псковъ, Владиміръ, Муромъ,—о всѣхъ этихъ городахъ въ наше время нельзя ничего сказать кромѣ того, что они извѣстны святынями и древностями.

Большинство центральныхъ городовъ не блещетъ внѣшнимъ видомъ. Каменныхъ построекъ мало, улицы широкія, часто не мощеныя, а потому грязныя и пыльныя, дома

чаще одноэтажные, раскрашенные въ яркіе цвѣта, въ центрѣ гостиный дворъ или базаръ; здѣсь же часто деревянная каланча съ неизмѣннымъ пожарнымъ. Города наши, такъ же какъ и села, періодически выгораютъ, послѣ чего обыкновенно появляется гораздо больше каменныхъ построекъ. Большинство городовъ имѣетъ общественные сады, гдѣ лѣтомъ устраиваются гулянья. Въ городахъ приволжскихъ бульвары эти обыкновенно имѣютъ прекрасный видъ на могучую Волгу. Городскія управленія мало заботятся объ удовлетвореніи и развитіи потребностей и вкусовъ населенія.

„Описать свойства народа", говоритъ Кавелинъ, значитъ написать его исторію, а не начинать книгу выбранными на удачу характеристиками, часто случайными и односторонними"... Русскихъ славянъ напр. часто описываютъ добродушными, гостепріимными, кроткими, воинственными, храбрыми, набожными, любящими пѣсни, пляски и музыку. „Но какъ составить себѣ, продолжаетъ Кавелинъ, по этимъ признакамъ понятіе объ отличительныхъ чертахъ славянскаго племени; сколько народовъ имѣютъ описанныя свойства"! Тѣмъ не менѣе мы приведемъ мнѣніе о великороссахъ одного французскаго писателя Мишле. „Человѣкъ въ Россіи, говоритъ онъ, не похожъ на сѣвернаго жителя; у него нѣтъ ни дикой энергіи, ни угрюмой важности, характеризующихъ послѣдняго. Русскіе скорѣе похожи на южанъ, это видно съ перваго взгляда по ихъ поступи, по ихъ проворству и подвижности. Очень кроткіе и мягкіе нравомъ, любящіе своихъ близкихъ, откровенные и поспѣшные въ сердечныхъ изліяніяхъ, великороссы однако склонны поклоняться силѣ". Дѣйствительно въ народной средѣ мы постоянно имѣемъ возможность наблюдать какую то удивительную смѣсь самого дикаго насилія и свѣтлой, чистой доброты.

Великороссы (Сѣвскій уѣздъ Орловской губерніи).

Другіе писатели, напр. Leroi-Beaulieu, отмѣчаютъ въ характерѣ великоросса извѣстную вдумчивость, сосредоточенность мысли, его стремленіе постичь самую суть и корень вещей. Послѣдняя черта часто переходитъ въ расплывчатость мысли и своего рода мечтательность. Отсюда типичная для великоросса меланхолія, которая по выраженію названнаго писателя, какъ бы льется съ неба и изъ воздуха.

Третьи писатели отмѣчаютъ практическій складъ ума великоросовъ по сравненію съ ихъ братьями малороссами. И объясненіе здѣсь напрашивается само собой. Великороссу пришлось вынести упорную борьбу за существованіе среди скудной природы. Недаромъ въ одной Ярославской губерніи можно насчитать болѣе ста видовъ подсобныхъ промысловъ, которыми занимается сельское населеніе.

Много и хорошаго и дурного сплетается обыкновенно въ характерѣ каждой народности.

За народность великорусскую, за ея поступательное движеніе по широкой дорогѣ развитія и культуры, намъ кажется, можно быть спокойнымъ. Великорусская литература и поэзія за послѣднее столѣтіе заняли мѣсто въ пантеонѣ искусствъ наряду съ литературно-художественнымъ наслѣдіемъ народностей, прошедшихъ длинную и блестящую исторію. Этотъ вполнѣ заслуженный успѣхъ русской литературы, передъ которой съ удивленными глазами и часто восторгомъ останавливалось западно-европейское общество, служитъ лучшимъ залогомъ дальнѣйшаго развитія великорусской народности. Откуда могло взяться это глубокое и острое пониманіе массовой и индивидуальной психологіи у русскихъ писателей, которое такъ сильно поражаетъ западную критику? Своеобразныя условія, въ какихъ протекаетъ духовная и матеріальная жизнь народная, глубокія, бурныя, часто тихія незамѣтныя переживанія родной страны научили ихъ этому искусству. Вѣдь сила глубина и красота русской художественной литературы въ томъ и состоитъ, что поэзія эта плоть отъ плоти и кость отъ кости народной.

В. Загорскій.

V.

Численность, происхожденіе и составъ русскаго населенія Сибири.—Вліяніе природы, жизненныхъ условій и сосѣдства инородцевъ на физическій типъ и характеръ русскихъ.—Крайніе типы.—Домашній бытъ: жилище, одежда, пища. Признаки оскуденія.

Около 80% населенія Сибирь (по переписи 1897 г., а теперь еще больше вслѣдствіе прилива не менѣе 2 мил. переселенцевъ за послѣднее десятилѣтіе),—коренные русскіе, главнымъ образомъ, великороссы. Еще въ 1897 г. въ двухъ губерніяхъ Западной Сибири, Тобольской и Томской, жило до 60% всего русскаго населенія Сибири, и больше всего въ Тобольской губ. (91,5%), гдѣ, такимъ образомъ, русскихъ было больше, чѣмъ въ Пермской, Вологодской и Оренбургской губерніяхъ. Но зато въ нѣкоторыхъ областяхъ Сибири преобладаютъ инородцы: въ Якутской, гдѣ русскіе составляютъ лишь 11,4% населенія, Акмолинской (37,7%), Семипалатинской (36%) и Приморской, гдѣ число русскихъ и инородцевъ въ 1897 г. было одинаково. Наиболѣе густое скопленіе русскихъ въ Сибири приходится на земли Кабинета Его Величества (т. н. Алтайскій округъ), гдѣ въ 1897 г. обитало 27% всего русскаго населенія Сибири.

Несмотря на огромный приливъ новоселовъ, коренные сибиряки преобладаютъ надъ новоселами. Хотя по происхожденію, религіи и языку сибиряки—тѣ же русскіе, но то обстоятельство, что предшествовавшія поколѣнія выросли въ новыхъ условіяхъ быта, въ непосредственной близости къ инородцамъ, не могло не сообщить ихъ физической и

духовной природѣ новыхъ чертъ. И въ этомъ смыслѣ можно говорить о сибирякѣ, какъ о нѣкоторой разновидности общерусскаго если не племени, то типа.

Въ настоящее время коренные сибиряки представляютъ собою потомковъ, во 1-хъ, тѣхъ старинныхъ землеискателей, которые появились въ Сибири съ Ермакомъ и къ концу XVII вѣка уже добрались до отдаленнѣйшихъ частей Сибири, какъ Чукотскій полуостровъ и Аляска; во 2-хъ, потомковъ „гулящихъ людей“, звѣропромышленниковъ и торговцевъ, которые проникали въ разные уголки Сибири не только одновременно и вмѣстѣ съ казаками-землеискателями, но иногда предшествовали имъ, привлеченные слухами о мѣховыхъ сокровищахъ Сибири. Этими „гулящими людьми“, торговцами и звѣропромышленниками были преимущественно выходцы изъ сѣверной Россіи, нынѣшнихъ Архангельской, Вологодской и Вятской губерній; въ 3-хъ, потомковъ переселенцевъ, вольныхъ и невольныхъ, такъ какъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ въ Сибирь бѣжали помѣщичьи крестьяне и старообрядцы; съ другой стороны, правительство, особенно въ XVII в., переселяло въ Сибирь иногда цѣлыя деревни для занятія тамъ земледѣліемъ, чтобы служилые воинскіе люди могли питаться мѣстнымъ хлѣбомъ. Ссылались въ Сибирь и уголовные преступники, которые въ XVII ст. усаживались на землю, получали „подмогу“ деньгами и скотомъ и обязывались доставлять въ казну извѣстный процентъ своего сбора хлѣба; посылались стрѣльцы (при Петрѣ В.) послѣ извѣстныхъ стрѣлецкихъ бунтовъ; помѣщики также широко пользовались своимъ правомъ ссылать въ Сибирь своихъ нѣкоторыхъ крестьянъ,

Крестьянка Тульской губерніи.

отъ которыхъ они желали отдѣлаться. Одновременно съ этимъ въ Сибирь бѣжали и тѣ, кому почему либо дурно жилось по эту сторону Урала, преимущественно конечно, помѣщичьи крестьяне. Первые русскіе насельники Сибири не имѣли своихъ женщинъ и постоянно жаловались на это обстоятельство, такъ что московское правительство въ XVII в. не разъ посылало въ Сибирь цѣлыя партіи „гулящихъ женокъ и дѣвокъ“ (т. е. молодыхъ вдовъ и свободныхъ дѣвушекъ) для выдачи ихъ замужъ за крестьянъ и служилыхъ людей въ Сибири. Но, конечно, русскихъ женщинъ было недостаточно, и сибирскіе переселенцы XVII в. сходились съ инородческими женщинами, на что очень жаловались мѣстныя духовныя власти. Это смѣшеніе русскихъ съ инородцами чаще всего происходило въ мѣстностяхъ Восточной Сибири, особенно въ Забайкальи и Якутской области. Въ настоящее время смѣшеніе становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ, такъ что въ предѣлахъ Западной Сибири процессъ метизаціи русскихъ уже завершился, а въ Восточной Сибири становится все менѣе и менѣе замѣтнымъ.

По своему внѣшнему виду коренные сибиряки нѣсколько отличаются отъ великоруссовъ: у нихъ преобладаютъ темные или черные волосы, чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ блондины встрѣчаются рѣже и рѣже, а брюнеты чаще и чаще, растительность на лицѣ не отличается особеннымъ развитіемъ, бросаются въ глаза лица съ болѣе широкими скулами. Въ общемъ сибирякъ коренастъ, крѣпокъ, имѣетъ довольно высокій ростъ, чѣмъ особенно отличаются забайкальцы. Женщины-сибирячки, особенно въ Восточной Сибири, не отличаются своей внѣшней привлекательностью. По своему духовному складу сибиряки, можно сказать, представляютъ еще больше отличій. Подобно тому, какъ у американскихъ скваттеровъ выработались извѣстныя свойства въ зависимости отъ борьбы съ окружающей природой и сосѣдями—индѣйцами, такъ и первымъ насельникамъ Сибири и ихъ потомкамъ пришлось жить и дѣйствовать въ странѣ пустынной, съ суровымъ климатомъ, покрытой густыми, непроходимыми тайгами, трудно доступными горами, изборожденной широкими и опасными рѣками, имѣть постоянное общеніе съ міромъ звѣрей, иногда очень кровожадныхъ и хищныхъ, изучать ихъ характеръ и обычаи, сталкиваться съ инородцами разныхъ племенъ. Естественно, что постоянныя впечатлѣнія извѣстнаго рода отъ живой и мертвой природы Сибири выработали въ немъ предпріимчивость, наблюдательность, практичность; незнакомство съ крѣпостнымъ правомъ укрѣпило въ немъ самостоятельность и стремленіе къ равенству; сосѣдство и знакомство съ инородцами передало ему многіе пріемы борьбы съ природой и привило ему спокойное и терпимое отношеніе къ чужой вѣрѣ и чужому племени, но вмѣстѣ съ тѣмъ способность подмѣчать смѣшныя стороны въ людяхъ и вообще насмѣшливый складъ ума. Съ другой стороны, продолжительное общеніе съ инородцами привило сибиряку нѣкоторую дѣловитость, а уединенная жизнь въ тайгахъ, въ отчужденіи отъ міра, внѣдрила въ характеръ сибиряка загрубѣлость, холодный, разсчетливый взлядъ на все, своекорыстіе, преобладаніе личныхъ интересовъ надъ общественными. Привычка постоянно хитритъ съ инородцами и необходимость всякими мѣрами считаться съ произволомъ старинныхъ властей въ Сибири развили въ сибирякѣ скрытность, недовѣрчивость и осторожность, „себѣ на умѣ“. Но та же самая суровая природа заставила сибиряка стремиться къ знанію, уважать его и свѣдущихъ людей. Тѣ же причины помѣшали развитію у сибиряка вкуса къ изящному, къ музыкѣ и пѣнію, такъ что недаромъ Сибирь называютъ „безголосой“. Стремленіе къ украшенію жизни проявляется у сибиряка въ томъ, что онъ любитъ разводить комнатныя растенія и, по возможности, хорошо обставлять свое жилище. Едва только разбогатѣетъ сибирскій крестьянинъ или помѣщикъ, онъ уже не жалѣетъ денегъ на украшеніе своего жилища.

Благодаря многолѣтней жизни въ общеніи съ инородцами, сибиряки усвоили себѣ многое изъ инородческихъ обычаевъ, переняли много пріемовъ борьбы съ окружающей природой, въ особенности мѣры для защиты отъ холода, способы передвиженія, даже пищу

и способы ея приготовленія: мерзлую рыбу и сырую оленину, растопленное масло, какъ напитокъ (въ Якутской обл., во время страшныхъ холодовъ), кумысъ (особенно въ Степномъ краѣ), тарасунъ и сатуринъ (въ Забайкальѣ). Смѣшеніе съ инородцами путемъ браковъ въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири проявляется болѣе или менѣе замѣтно. Въ Забайкальѣ и Иркутской губ. отъ смѣшенія русскихъ съ бурятами получается смуглое, черноволосое и черноглазое потомство, иногда съ очень пріятными лицами; эти метисы называются карѣмами и карѣмками. Въ Западной Сибири подобныя лица характеризуются „калмыковатыми". Въ Якутской области много русскихъ, принявшихъ якутское обличье. Нужно замѣтить, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинахъ Сибири смѣшеніе русскихъ съ инородцами оказалось крайне неблагопріятно для первыхъ: они стали малорослыми, слабосильными и неплодовитыми; ихъ умственныя способности и самый языкъ ухудшились. Русскіе Обдорскаго края вмѣсто *ш* произносятъ *с*, вмѣсто *ж*—*з*, а иногда наоборотъ („узе наси присли"), плохо выговариваютъ *ч*, *р* и *л* („тли лубля"). Отъ мѣстныхъ остяковъ эти русскіе переняли какое-то дѣтское сюсюканье. Русскіе Верхоленскаго уѣзда обурятились, вѣрятъ въ шамановъ, усвоили много бурятскихъ словъ. Русскіе крестьяне на Ленѣ сильно объякутились по внѣшнему виду, хорошо говорятъ по-якутски и плохо по-русски. Но гдѣ особенно сильно и печально сказалось вліяніе мѣстныхъ инородцевъ на русскихъ—такъ это въ Колымскомъ краѣ: тамъ русскіе люди малаго или средняго роста, съ головой, похожей на якутскую, косыми прорѣзами глазъ, широкими скулами, большой нижней челюстью, почти съ полнымъ отсутствіемъ растительности на лицѣ. Ихъ умственныя способности настолько слабы, что имъ трудно повторить три слова подъ-рядъ. Грамотѣ научаются они съ великимъ трудомъ. Они очень плохо знакомы съ православіемъ, обращаются къ шаманамъ и вообще преисполнены всякихъ суевѣрій. Порусски они говорятъ очень плохо, съ огромной примѣсью инородческихъ словъ, а русскія слова почти всѣ испорчены. Напр., они постоянно говорятъ: той онъ (господинъ), харенъ (жаль), иччска (холодно). „Оттуль церире шухаря дестя" (откуда получилъ 4 сухаря)—вотъ образчикъ русскаго языка. У нихъ сохранились старинныя русскія пѣсни, но они уже не понимаютъ значенія большинства словъ. Прироста населенія у нихъ ужъ не замѣчается, и наоборотъ—прямая убыль. Вырожденіе русскихъ въ Колымскомъ краѣ произошло, вѣроятно, не столько отъ смѣшенія съ инородцами, сколько отъ крайне тяжелой обстановки ихъ жизни, почему они должны были переустроить почти всю свою жизнь на инородческій ладъ со всѣми его отрицательными сторонами.

Но наряду съ вырожденіемъ и упадкомъ русскаго типа въ той же Сибири встрѣчаются цѣлыя значительныя группы населенія, гдѣ этотъ типъ сохранился въ такой чистотѣ, въ какой онъ не встрѣчается и въ Европейской Россіи—это на Алтаѣ и въ Забайкальѣ. На Алтаѣ, въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ, живутъ „поляки"—старообрядцы, переселенные туда при Екатеринѣ II (въ 1764 г.) изъ польскихъ областей, присоединенныхъ къ Россіи (послѣ разгрома Вѣтки, куда старообрядцы сошлись изъ центральныхъ губерній). „Поляки" отличаются высокимъ ростомъ и стройностью, часто волнистыми или вьющимися русыми волосами, большими глазами, прямымъ носомъ и правильнымъ оваломъ лица. По костюмамъ, особенно женскимъ, общему виду селеній, любви къ пѣснямъ и общественной жизни „поляки" сильно отличаются отъ сосѣднихъ сибирскихъ деревень. Чистоту типа и старинные обычаи и костюмы „поляки" сохранили потому, что, какъ старообрядцы, они не смѣшиваются не только съ инородцами, но даже съ сибирскими крестьянами. Ихъ теперь въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ до 30.000. „Каменьщики" — тѣ же „поляки", но только бѣжавшіе за „камень" (горы) на р. Бухтарму, въ поискахъ за волей, когда „поляки" были приписаны къ горнымъ заводамъ. Въ концѣ XVIII в. они просили Екатерину II о прощеніи и вновь были приняты въ русское подданство. Въ Забайкальѣ живетъ не менѣе 40.000 „семейскихъ"—тоже старообрядцевъ, переселенныхъ въ Сибирь, въ одно время съ

*

„поляками“ изъ Подоліи, куда они стекались отъ религіозныхъ преслѣдованій изъ соловецкихъ скитовъ. Какъ и „поляки“ на Алтаѣ, „семейскіе“ не смѣшиваются не только съ бурятами, но и съ русскими, отличаются приверженностью къ старинѣ и до того противятся всякимъ новшествамъ, что неохотно учатся грамотѣ въ министерскихъ школахъ, предпочитая своихъ начетчиковъ и церковную печать.

Сибирскіе старожилы, сибиряки въ тѣсномъ смыслѣ, дѣлятся на мѣщанъ, крестьянъ и казаковъ, причемъ самой многочисленной группой являются, конечно, крестьяне, т. к. сибирское городское населеніе составляетъ лишь 11% всего населенія Сибири. Казаковъ въ Сибири не болѣе 400.000 и они дѣлятся на западно-сибирскихъ (въ Акмолинской и Семипалатинской обл.), забайкальскихъ и амурскихъ. Казаки, какъ сословіе, уцѣлѣли еще въ Якутской области и въ Красноярскомъ, Иркутскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ. Казаки южноуссурійскіе лишь недавно переселились изъ Донской области.

Бытовая обстановка сибиряковъ-старожиловъ крестьянъ представляетъ собою много своеобразнаго. Дома сибиряковъ крыты тесомъ, со множествомъ оконъ, состоятъ (у бѣдныхъ) изъ горницы и кухни („пяти стѣнныя ‘ избы), а у богатыхъ изъ 3 комнатъ и кухни („крестовые“ дома). „Четырехъстѣнныхъ“ избъ (одно помѣщеніе съ печью и палатями) вообще мало. Иногда крашеныя ставни, рѣзныя деревянныя украшенія вокругъ оконъ и даже иногда и на крышѣ, прочныя хозяйственныя постройки по сторонамъ двора, теплый „пригонъ“ для скота, на задахъ огороды, овины и телятники—такова типичная внѣшность крестьянской усадьбы въ Сибири. Стѣны и потолки въ комнатахъ выбѣлены, полы покрыты бѣлыми холстинковыми или разноцвѣтными половиками, вдоль стѣнъ размѣщены крашеные деревянные столы, стулья и диваны, на окнахъ цвѣты (бальзамины, герани, столѣтники, фуксіи). Въ одной изъ комнатъ находится широкая кровать съ пуховикомъ и горой подушекъ въ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, со стеганымъ на шерсти одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ. Кровать обыкновенно помѣщается за ситцевой занавѣской. Въ переднемъ углу комнаты иконы часто на полочкѣ—божницѣ. Окна иногда украшены занавѣсками, кисейными или вязаными. Пища старожила пока еще сытна и обильна; съ чаемъ обыкновенно онъ употребляетъ пшеничный хлѣбъ; картофель, сало, яйца, молоко и молочные продукты стоятъ на первомъ планѣ въ обѣдѣ сибиряка въ мясоѣдъ; рыба и мясо ежедневно употребляются каждой зажиточной крестьянской семьей. Обычная пища сибирскаго крестьянина однообразна, но сытна: холодный студень, разныя каши на молокѣ и на водѣ, жареный картофель съ масломъ и сметаной, жареное въ салѣ мясо, разныя похлебки изъ капусты, крупы или картофеля съ мясомъ, жареная баранина или свинина. Въ посты употребляются щи съ капустой и крупой, каши, пироги съ рыбой, пареныя въ чугунахъ рѣпа и брюква, „горошница“ (сваренный въ водѣ и политый постнымъ масломъ горохъ). Нужно сказать, что питаніе сибиряка все болѣе и болѣе ухудшается: всюду развившееся въ Западной Сибири маслодѣліе отнимаетъ много молочныхъ продуктовъ отъ крестьянской пищи, а вывозъ мяса въ Европейскую Россію сократилъ и употребленіе мяса.

Что касается одежды, то сибирякъ-старожилъ не можетъ пожаловаться на ея недостатокъ или также качество. Обувь сибиряка лѣтомъ состоитъ изъ высокихъ сапогъ, а зимой изъ „пимовъ“ (черныхъ или бѣлыхъ валенокъ съ красными крапинами, расположенными узорами) и изъ бродней (длинная обувь изъ кожи, съ мягкой внутренней подошвой, завязывающаяся ремешкомъ подъ колѣномъ). Лаптей сибирякъ не носилъ никогда. Отъ зимняго холода сибирякъ защищается недубленными овчинными шубами, дохами, теплыми шапками и кожаными рукавицами поверхъ вязанныхъ изъ шерсти варежекъ. Лѣтомъ носятся азямы, армяки и шабуры (короткій зипунъ безъ пуговицъ). Рубахи и шаровары дѣлаются теперь изъ привозныхъ матерій—ситца, бумазея, миткаля, плиса. Прежнія домодѣльныя пестряди и холстъ смѣнились привозными мануфактурными издѣліями. Наря-

жаться по новому особенно любятъ женщины, и старинные сарафаны всюду, за исключеніемъ „семейскихъ“ и „поляковъ“ смѣнились кофтами и юбками.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что благосостояніе сибиряка-старожила теперь всюду пошатнулось, питаться онъ сталъ хуже, постройки возводитъ менѣе обширныя, не имѣетъ такихъ запасовъ хлѣба и сѣна, какъ раньше, но все-таки онъ далекъ отъ того разоренія, которое угнетаетъ новосела, почему послѣдній съ завистью смотритъ на благосостояніе старожиловъ-сибиряковъ, которыхъ онъ называетъ „челдонами“. Казаки по по своему благосостоянію стоятъ ниже крестьянъ въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ и занимаются, главнымъ образомъ, скотоводствомъ и торговлей съ киргизами. Зажиточность Забайкальскихъ казаковъ выше, чѣмъ мѣстныхъ крестьянъ, потому что они владѣютъ большимъ количествомъ удобной земли. Амурскіе казаки не отличаются домовитностью и зажиточностью: дома ихъ небольшіе, часто крыты древесной корой, усадьбы построены плохо, хозяйство ведется неудовлетворительно: лошади слабосильны, скотъ малоудойный, земля вспахана кое-какъ

П. М. Головачевъ.

Казаки.

Историческій очеркъ.—Природа Донской области.—Экономическія условія существованія, бытъ и служба донского казачества.—Уральское, Оренбургское и Астраханское войско.—Кубанскіе и Терскіе казаки.—Казаки Азіатской Россіи.

Казаками въ Московскомъ государствѣ называли всѣхъ, кто бросалъ насиженное мѣсто и уходилъ въ степь на волю. Эта вольница, занимаясь охотой и рыболовствомъ, соединялась въ военно-промышленныя артели, въ свободныя товарищества. Польское, а затѣмъ Московское государство принуждены были обратить вниманіе на степную голытьбу, которая представляла опасность для мирныхъ жителей и источникъ вѣчнаго безпокойства для правительственной власти. XVII-ый и XVIII вѣка характеризуются для казачества постепеннымъ переходомъ отъ вольной жизни къ подневольной подъ эгидой державы покровительницы, причемъ казачество принимаетъ участіе въ общенародной жизни. Въ теченіе этихъ же вѣковъ укрѣпляется въ казачьемъ сознаніи договоръ съ государственной властью, сущность котораго сводится къ тому, что правительство предоставляетъ казачеству пользованіе льготами, какъ и пользованіе занятыми землями, и самоуправленіе, казачество же обязуется охранять границы. Съ этихъ поръ казачество постепенно превращается въ военную силу. Долго сопротивлялось казачество, но въ концѣ концовъ покорилось: земли и кое-какія вольности были ему оставлены. Раньше изъ казачьей массы жизнь выковывала нѣчто самостоятельное и оригинальное, теперь та же жизнь стремительно разрушаетъ прежнія формы, пріобщая казаковъ къ общей массѣ русскаго населенія.

Въ настоящее время насчитывается 11 самостоятельныхъ казачьихъ войскъ, съ общей численностью войскового населенія приблизительно въ 6 милліоновъ. Большая часть войскъ была образована правительствомъ въ теченіе XIX-го вѣка; таковы Семирѣченское, Забайкальское, Амурское, Уссурійское и Сибирское казачества. Но эти вновь образовавшіяся войска немногочисленны. Ихъ бытъ, нравы и обычаи мало чѣмъ отличаются отъ житейскаго уклада окружающаго ихъ населенія.

Къ старымъ войскамъ, возникшимъ самобытно, принадлежитъ Донское войско. Донскіе казаки занимаютъ степное пространство своей области. Ихъ станицы раскинуты на большомъ пространствѣ. Въ тѣни левадъ (такъ называютъ въ степи рощи) спрятались онѣ, но лучи солнца освѣщаютъ въ темной зелени ослѣпительно бѣлыя стѣны. Хаты станичниковъ стоятъ чаще открыто, сверкая, какъ кусочки мѣла, разбросанные на солнцѣ.

Необходимая принадлежность каждой станицы—широкая, словно площадь, улица вдоль всего селенія, которая сливается на концахъ съ безграничной степью. Здѣсь расположены неизбѣжные казенная винная лавка съ гербомъ и номеромъ, станичное правленіе съ дремлющимъ на часахъ казакомъ, домъ станичнаго атамана, школа, домъ учителя, и надъ всѣми этими строеніями возвышается куполъ невысокой церкви. Маленькія станицы имѣютъ часто всего одну улицу. Обыкновенно станицы по величинѣ не уступаютъ городамъ. Въ другихъ случаяхъ казаки селятся хуторами. Хуторовъ разсыпано по степи многое множество. Они окаймляютъ станицы, вытягиваются вдоль степныхъ рѣкъ, встрѣчаются и въ открытой степи гдѣ-нибудь у колодца.

Самыя большія станицы расположены по теченію самого Дона. Донъ настоящая степная рѣка, спокойно извивающаяся между поемныхъ луговъ. Лѣвый берегъ богаче поемными лугами, такъ какъ здѣсь къ Дону прилегаютъ задонскія степи, „калмыцкая сторона“, какъ говорятъ на Дону. Въ іюнѣ и въ іюлѣ задонскія степи оживляются, обращаясь въ человѣческій муравейникъ. Сюда отовсюду собираются косцы. Въ серединѣ лѣта верхній Донъ сильно пересыхаетъ и мелѣетъ, такъ что пароходы часто испытываютъ затрудненія, рискуя засѣсть въ пескѣ. Пристани встрѣчаются рѣдко, у прирѣчныхъ станицъ. На нихъ не наблюдается сутолки большихъ волжскихъ пристаней, такъ какъ сѣверная и особенно сѣверо-восточная часть Донской области еще вяло участвуетъ въ оживленномъ торговомъ обмѣнѣ, который такъ сильно даетъ себя чувствовать въ донскомъ торгово-промышленномъ Пріазовьи. Внѣшній видъ станицъ, расположенныхъ по среднему теченію Дона, мало чѣмъ отличается отъ внѣшности другихъ казачьихъ станицъ. Развѣ только чаще встрѣчаются вмѣсто мазанокъ хаты, выкрашенныя въ желтую краску, да близость рѣки придаетъ имъ нѣкоторое оживленіе. Начиная приблизительно отъ станицы Цымлянской, Донъ принимаетъ иной характеръ. Теченіе рѣки шире, русло глубже, и по рѣкѣ скользятъ не только буксирно-пассажирскіе катера, но и большіе, американскаго типа пароходы; чаще встрѣчаются буксиры, тяжело нагруженныя баржи и плоты. Пристани оживленнѣе, сильнѣе бросается въ глаза промышленный характеръ населенныхъ пунктовъ. Клубы чернаго дыма подымаются изъ фабричныхъ и заводскихъ трубъ. Устья тихаго Дона представляютъ оживленную сутолку южно-русскихъ портовъ—Ростова, Нахичевани, Таганрога.

Юго-западная часть Донской области, наряду съ Екатеринославской губерніей, изобилуетъ минеральными богатствами, особенно каменнымъ углемъ. Здѣсь лежатъ копи и происходитъ добыча желѣза, марганца, ртути и т. п. Другое условіе, ставящее пріазовскій край въ сравнительно благопріятныя условія—это климатъ, дающій возможность произрастать даже винограду. Склоны холмовъ, сбѣгающіе къ рѣкамъ, покрыты пирамидальными кустами винограда. Благодаря теплому климату земледѣліе здѣсь менѣе страдаетъ отъ засухъ, чѣмъ хозяйство сѣверныхъ станицъ. Впрочемъ, земледѣліе въ южной части области находится въ лучшемъ положеніи не только благодаря климату, но и вслѣдствіе меньшей нужды въ землѣ, ставящей многихъ казаковъ, живущихъ въ сѣверной части области, въ безвыходное положеніе. 15 милліоновъ десятинъ, составляющихъ обширную площадь Донской области, распредѣлены между ея обитателями неравномѣрно. Земледѣліе ведется старыми способами, влекущими за собой быстрое истощеніе почвы и, кромѣ того, молодыя казачьи силы, также какъ и необходимыя для хозяйства деньги поглощаются военной службой, приводящей многія хозяйства къ совершенному разоренію.

Главная масса земли, около 9 милліоновъ десятинъ, находится въ рукахъ казаковъ земледѣльцевъ, владѣющихъ ею на общинныхъ началахъ. Эти земли, такъ называемые казачьи юрты, распадаются на паи, которые находятся въ непосредственномъ пользованіи отдѣльныхъ хозяевъ. Юрты подвергаются періодическимъ передѣламъ, какъ въ великорусской общинѣ. Казачій пай не одинаковой величины въ различныхъ частяхъ области.

Въ 1835 г. величина пая была установлена въ 30 десятинъ на дворъ, причемъ въ счетъ принимались и неудобныя земли, такъ что на дѣлѣ пай былъ меньше. Въ 60-хъ годахъ величина пая въ среднемъ колебалась около 20 десятинъ, теперь же средній надѣльный пай едва равняется 12, въ отдѣльныхъ же случаяхъ въ сѣверныхъ частяхъ области падаетъ до 4 и даже до одной десятины, тогда какъ на югѣ еще и теперь встрѣчаются станицы съ 30-десятиннымъ надѣломъ. Сѣверъ разоряется уже и теперь, а надъ югомъ уже нависъ призракъ разоренія, грозящій, но еще не воплотившійся въ дѣйствительности. Размѣры казачьяго надѣла уменьшаются еще тѣмъ, что часть казачьей надѣльной земли

Дѣвушки въ праздничныхъ нарядахъ (Новосильскій уѣздъ, Тульской губ.).

станичныя управленія сдаютъ въ аренду для покрытія станичныхъ расходовъ и для снаряженія на службу казаковъ, не могущихъ справиться своими средствами. Кромѣ того часть станичнаго юрта, нѣсколько сотенъ, а иногда и болѣе десятинъ луга каждая станица должна отдать подъ конноплодовые табуны, которые обходятся войску очень дорого и вмѣсто пользы и выгоды, какую могли бы приносить казачеству, являются хронической его язвой. Доходы отъ нихъ достаются кучкѣ казаковъ, выступающихъ въ роли частныхъ предпринимателей.

По недостатку земли многіе казаки покидаютъ земледѣліе и ищутъ другихъ заработковъ. Казакамъ нельзя разсчитывать на увеличеніе площади предоставленной

станицамъ земли въ будущемъ. Въ рукахъ войска находится еще около полутора милліона десятинъ свободныхъ запасныхъ земель, но три съ половиной милліона десятинъ находится въ общинномъ владѣніи крестьянъ, разселившихся отдѣльными островами среди казачьихъ станицъ, а около милліона десятинъ находится въ частномъ помѣщичьемъ владѣніи. Даже при раздачѣ запаснаго войскового земельнаго фонда и при принудительномъ отчужденіи помѣщичьей земли казаки получатъ ничтожныя прирѣзки, которыя не въ состояніи улучшить ихъ положеніе. Уже теперь замѣтно стремленіе къ переселенію, особенно изъ бѣдныхъ округовъ, на свободныя земли Азіатской Россіи. Оно зародилось давно, ясно указывая, какъ плохо живется земледѣльческой казачьей массѣ. Чтобы вести хозяйство на тяжелой черноземной почвѣ, при палящемъ зноѣ донского солнца необходимо по крайней мѣрѣ 3 пары воловъ или 4 лошади, средній же казакъ имѣетъ всего одну пару воловъ и одну лошадь, да и ту, по большей части, строевую, которую нужно беречь. Недостатокъ рабочаго инвентаря отражается пагубнымъ образомъ на веденіи хозяйства, иногда не давая возможности обработать даже незначительный надѣлъ или заставляя пахать поверхностно, царапать землю; а много скота не позволяетъ держать недостатокъ луговъ и отсутствіе денегъ для его покупки, такъ какъ деньги уходятъ на снаряженіе казака на военную службу. Въ такихъ случаяхъ продаютъ даже необходимую скотину, и хозяйство переходитъ въ разрядъ недостаточныхъ, а иногда, лишившись всей рабочей силы, превращается въ безлошадное и безволовое. Главный хлѣбъ Донской области, конечно, пшеница; другіе хлѣба, какъ напримѣръ рожь, жито, далеко не имѣютъ такого значенія. На югѣ области ведется также садовое и огородное хозяйство, которое мѣстами вытѣсняетъ пашню. Виноградники, разсаженныя шпалерами яблони, грушевыя и абрикосовыя деревья, арбузныя и дынныя бахчи широко раскинулись всюду, гдѣ есть вода, главнымъ образомъ по теченію рѣкъ. Изъ садовыхъ культуръ больше всего процвѣтаетъ виноградарство, захватившее большой районъ въ низовьяхъ Дона. Виноградъ воздѣлывается преимущественно въ цѣляхъ винодѣлія—въ сыромъ видѣ донской виноградъ употребляется мало: многіе сорта его даже не вполнѣ вызрѣваютъ.

Казачья хата имѣетъ внутри маленькія сѣни, которыя ведутъ въ большую горницу съ крошечными, тусклыми окнами. Незатѣйливая деревянная мебель ютится у стѣнъ, передній уголъ уставленъ образами, на стѣнахъ развѣшаны дешевыя олеографіи, иногда старое оружіе, пистолетъ, дѣдовская шашка или ружье; большое мѣсто занимаетъ печь съ полатями и, вдоль стѣнъ, лавки для спанья. Какъ видно, казачье жилище мало чѣмъ отличается отъ великорусской избы. Пусто бываетъ въ избѣ, да и во всей станицѣ въ будній день. Все населеніе въ полѣ. День за днемъ идутъ обычныя работы на поляхъ, и только праздники вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ жизнь. Съ вечера наканунѣ станичники запасаютъ водку и готовятъ угощенія; на улицахъ начинаютъ появляться казаки навеселѣ. Шапки набекрень, новыя рубахи на выпускъ, въ рукахъ балалайка или гармоника; доносятся издали смѣхъ, пѣсни, и крики, показываются на улицахъ казачки въ цвѣтныхъ платочкахъ, и голоса ихъ смѣшиваются съ грубымъ мужскимъ говоромъ, смѣхомъ и пѣніемъ. Это еще не гулянье, а только предвкушеніе завтрашняго. На другой день съ утра, когда раздается благовѣстъ, возлѣ церкви толпятся телѣги, съ выпряженными лошадьми. Телѣги нагружены товаромъ. Почти ни одинъ праздникъ не обходится безъ базара. Задолго до наступленія сумерекъ веселье разносится по всей станицѣ. Всѣ четвертныя и сороковки откупорены, и пьяныя пѣсни колеблютъ теплый южный воздухъ. Разодѣтая толпа заполняетъ улицы.

Женщины одѣты въ пестрые ситцы фабричнаго производства, мужчины болѣе или менѣе въ форменной одеждѣ и въ форменныхъ фуражкахъ. Старую, немного заунывную пѣсню, начинаютъ теперь смѣнять крикливые мотивы новыхъ пѣсенъ, заносимыхъ изъ города служилыми казаками. Въ снующей во всѣ стороны толпѣ къ вечеру появляется особое движеніе, замѣтно, что ждутъ чего то, къ чему то готовятся. Хороводы кончаются,

и ихъ участники направляются къ окраинѣ, гдѣ собрались казаки въ старыхъ засаленныхъ рубахахъ и шароварахъ. Замѣтное прежде возбужденіе все больше возрастаетъ. Уже подростки начинаютъ кое-гдѣ тузить другъ друга, а казаки съ шапками набекрень подзадориваютъ ихъ въ предвкушеніи кулачнаго боя—одной изъ любимѣйшихъ казачьихъ забавъ. Постепенно отдѣльныя столкновенія ребятишекъ выростаютъ въ правильно организованную стройную борьбу двухъ партій—сначала подростковъ, а потомъ старшихъ, испытанныхъ въ кулачныхъ бояхъ. Если станица расположена по рѣкѣ, казаки обыкновенно разбиваются на партіи „низовыхъ“ и „верховыхъ“. Бой длится, пока одна партія не обратится въ бѣгство, или пока темнота не разниметъ сражающихся. Когда солнце на закатѣ, бой въ самомъ разгарѣ. Толпа раздается во всѣ стороны, очищая мѣсто борцамъ. Двѣ линіи рослыхъ, здоровыхъ мужиковъ-казаковъ выстраиваются одна противъ другой; казаки загорѣлые и внушительные, съ густыми волосами, аккуратно обстриженными въ скобку, подзадориваютъ и подбадриваютъ другъ друга къ предстоящему сраженію. Вотъ на середину между враждебными рядами выходитъ здоровый парень съ засученными рукавами и выкрикиваетъ „за-а-чинать!“ Этотъ крикъ подхватывается борцами и толпой зрителей, а противъ вышедшаго впередъ парня выскакиваетъ какой-нибудь особенно ретивый казакъ изъ противной партіи, налетаетъ на него и сшибаетъ съ ногъ; но это не проходитъ ему даромъ. Съ разныхъ сторонъ появляются мстители, и гулкіе удары кулаковъ разносятся по всей площади. Наконецъ вся линія еще не вступившихъ въ дѣло казаковъ бросается выручать своего, и заваривается каша: бьютъ, рвутъ рубашки, сбиваютъ съ ногъ, съ бѣшенствомъ наскакиваютъ другъ на друга. Пыль поднимается столбомъ. Такъ проходитъ нѣсколько минутъ. Вдругъ зрители подаются назадъ, и какая-нибудь партія—„низовые“ или „верховые“ лавиной вырываются изъ облака пыли, обращенные въ безпорядочное бѣгство. Видъ у нихъ самый растерзанный—одежда порвана, многіе растеряли фуражки, кое у кого на лицахъ кровь. Но и побѣдители не могутъ похвалиться особенно блестящимъ состояніемъ, и вѣроятно, потому, пробѣжавъ за противниками нѣсколько десятковъ шаговъ, прекращаютъ преслѣдованіе. Этимъ пользуются обращенные въ бѣгство, чтобы оправиться. Подбодряемые криками зрителей, они обращаются противъ торжествующаго врага. Бой продолжается обыкновенно съ перемѣннымъ счастьемъ довольно долго, и рѣдко бываетъ, чтобы какая-нибудь партія была разбита на голову, до неспособности продолжать сраженіе. Когда солнце скроется подъ горизонтомъ, бой прекращается. Нестройный говоръ замѣняетъ крики борьбы, топотъ сотенъ ногъ, и только разговоры о полученныхъ ушибахъ, о храбрости одного и трусости другого, о потерянныхъ фуражкахъ и разорванныхъ рубахахъ продолжаются еще нѣкоторое время, пока съ мѣста побоища не уйдутъ послѣдніе казаки. Только молодежь остается на улицахъ догуливать праздникъ.

Иногда праздникъ сопряженъ съ другимъ событіемъ—уходомъ на службу молодыхъ казаковъ. Раньше этотъ уходъ представлялъ праздникъ, такъ какъ знаменовалъ собой переходъ изъ подчиненнаго отроческаго возраста въ положеніе взрослаго самостоятельнаго хозяина. Поэтому обычай провожать казака торжественно, празднично, съ поголовнымъ пьянствомъ, остался. Но теперь торжественность обстановки носитъ печальный характеръ. Теперь казакъ, идя на службу, не ощущаетъ сознанія пользы для себя отъ ухода, не поэтизируетъ войну и воинскія доблести, хотя пьяный распѣваетъ военныя казачьи пѣсни. Уходитъ рабочая сила, полезная въ хозяйствѣ, иногда главная опора его. Уходъ связанъ съ затратами, иногда съ непосильными расходами на снаряженіе коня и себя. Несмотря на то, при проводахъ казака вино льется рѣкой. Провожающіе пытаются поддѣлаться подъ веселый тонъ, поютъ залихватскія пѣсни, отсыпаютъ уходящему множество всевозможныхъ пожеланій и совѣтовъ. Старшій въ домѣ разноситъ на подносѣ, соблюдая очередь, батарею стакановъ и рюмокъ, непрерывно наполняемыхъ виномъ. Когда приближается часъ отъѣзда, пьяное веселье переходитъ въ пьяное горе, достигающее высшаго напряженія при прощаніи

казака съ матерью. Передъ тѣмъ, какъ выйти на дворъ, казакъ проситъ, согласно старому обычаю, благословить его, сѣдлать коня. На дворѣ среди толпы провожающихъ казакъ прощается съ наиболѣе почтенными станичниками, кланяясь каждому въ ноги, и только послѣ этого вскакиваетъ въ сѣдло и выѣзжаетъ за ворота къ сборному мѣсту, куда съѣзжаются остальные призываемые.

Долгое отсутствіе съ родины молодыхъ и пожилыхъ казаковъ кладетъ на казачью жизнь своеобразный отпечатокъ. Отсутствіе мужчинъ заставляетъ женщинъ исполнять часть мужской домашней и земледѣльческой работы, и это обстоятельство, главнымъ образомъ, придаетъ положенію женщины характеръ относительной независимости и самостоятельности. Въ казачьихъ областяхъ нерѣдкость встрѣтить въ полѣ женщину, идущую за плугомъ или съ косой на сѣнокосѣ. Женщина пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ. Оно ярче всего сказывается въ отношеніяхъ сыновей къ матерямъ—во многихъ случаяхъ голосъ матери имѣетъ перевѣсъ надъ голосомъ отца. Но положеніе дѣвушки довольно печальное. Бракъ во многихъ случахъ купля-продажа. Нерѣдки случаи бѣгства невѣстъ чуть не изъ подъ вѣнца, жестокое избіеніе провинившейся отцомъ или мужемъ; дѣвушка, вышедшая изъ подъ родительской воли, встрѣчаетъ мало сочувствія въ окружающихъ—ей трудно долго скрываться и тѣмъ болѣе жаловаться на жестокость. Нерѣдки и случаи самоубійства подневольныхъ невѣстъ и женъ.

Тринадцать процентовъ всего казачьяго населенія Донской области служитъ въ войскахъ, тогда какъ въ остальныхъ, неказачьихъ губерніяхъ Россіи служитъ всего $1^0/_0$—$2^0/_0$ населенія. Дѣйствительная служба казака продолжается 12 лѣтъ, не считая пребыванія въ приготовительномъ и запасномъ разрядахъ. Въ казачьихъ войскахъ отъ службы освобождены только неспособные къ ней по физическимъ недостаткамъ и одиночки. Казачья служба продолжается отъ 18 лѣтъ до самой смерти. Въ приготовительномъ разрядѣ казакъ находится съ 18 до 21 года и за это время обучается инструкторами, обыкновенно запасными или старыми бывалыми казаками, обращенію съ конемъ, военнымъ пріемамъ и строю. Для этого молодые казаки приготовительнаго разряда созываются періодически на совмѣстныя ученія и, кромѣ того, въ каждой станицѣ имѣются особые наблюдатели, слѣдящіе за обученіемъ казаковъ на мѣстѣ. Изъ приготовительнаго казакъ переходитъ въ дѣйствительный разрядъ и находится въ немъ 12 лѣтъ; затѣмъ казака на 5 лѣтъ перечисляютъ въ запасъ, и, наконецъ, 38 лѣтъ онъ переходитъ въ ополченіе. Съ 18 до 38 лѣтъ казакъ долженъ содержать въ полной исправности строевую лошадь, оружіе и аммуницію. Все это требуетъ непосильныхъ для большинства казаковъ расходовъ. Земли на семью приходится все меньше, а расходы на службу все возрастаютъ. Въ результатѣ въ малосостоятельномъ казачьемъ хозяйствѣ, а такихъ хозяйствъ большинство, сначала продаютъ скотину, потомъ отдаютъ въ аренду землю, наконецъ, заключительный актъ—обезземеленный казакъ поступаетъ въ разрядъ „кабальныхъ“ или идетъ въ батраки къ помѣщикамъ, въ рабочіе въ городъ, на южные горные заводы или переселяется на востокъ. Кабальные казаки—явленіе весьма распространенное. По существующему положенію отвѣтственность за недоставленіе на службу положеннаго числа казаковъ возлагается на станичныя общества. Общество, снаряжая несостоятельнаго казака на службу, даетъ ему ссуду и, для того, чтобы возмѣстить ее себѣ, сдаетъ въ аренду травяной пай изъ надѣльной земли вынужденнаго воспользоваться пособіемъ казака. Не имѣя луговъ, казакъ не можетъ держать скота, а не имѣя скота не можетъ вести хозяйства. Въ концѣ концовъ, послѣ отчаянныхъ усилій выпутаться, закабаленный казакъ бросаетъ землю, заколачиваетъ избу и уходитъ. Насколько непопулярна среди казачества военная служба видно изъ многочисленныхъ фактовъ уклоненія отъ нея.

Еще одно обстоятельство, кромѣ матеріальнаго и духовнаго кризиса, предрѣшаетъ надвигающееся исчезновеніе казачьихъ общинъ. Казачьи войска неприспособлены къ совре-

Лошкари Нижегородской губерніи.

менной войнѣ, которая не требуетъ искусной верховой ѣзды, блестящихъ атакъ лавой съ пиками на перевѣсъ. На войнѣ казаки могутъ служить только для развѣдокъ. Но и развѣдочная служба все меньше и меньше нуждается въ кавалеріи—хорошія карты, воздушные шары, въ нѣкоторыхъ случаяхъ лазутчики, вполнѣ замѣняютъ дѣятельность развѣдочной конницы. Но на казакахъ лежитъ несеніе внутренней службы, и потому правительство принимаетъ всѣ мѣры къ сохраненію казачества и казачьяго духа. Съ этой цѣлью особой грамотой за казаками были укрѣплены и безъ того принадлежащія имъ земли. Вторая мѣра—пожалованіе медалей казакамъ, имѣющимъ трехъ сыновей, одновременно состоящихъ на службѣ. Затѣмъ—денежное пособіе въ 5.200.000 р. семьямъ казаковъ, несущихъ внутреннюю службу. Наростаютъ и другія явленія, разлагающія старозавѣтныя устои жизни на Дону, какъ напр. существованіе подъ бокомъ у станицъ обширной горной промышленности Донецкаго бассейна. Донецкій бассейнъ—обширная площадь, изрытая шахтами, обставленная заводами, городами и селеніями съ десятками и сотнями тысячъ населенія, съ многочисленнымъ рабочимъ классомъ, вся изрѣзанная желѣзными и шоссейными дорогами. Въ этой промышленной странѣ бьется лихорадочный пульсъ, и удары его не могутъ не разрушать существующей бокъ о бокъ старины.

Въ степяхъ и пескахъ, окаймляющихъ берега Урала, расположилась другая казачья община, защищавшая еще недавно границы государства отъ безпокойной кочевой Азіи. Уральскія степи представляютъ большой контрастъ съ донскими. Здѣсь рядомъ съ черноземомъ встрѣчаются обширныя пространства безплоднаго песка. Все напоминаетъ здѣсь близость азіатской пустыни, наступающей на жилища, на скудную степную растительность, заставляющей рѣки мѣнять свои русла. Климатъ Уральской области сухой и континентальный, съ еще большими годовыми и суточными разностями температуръ грозитъ земледѣльцу частыми и продолжительными засухами наряду съ неменѣе опасными для хлѣба заморозками. Нѣкоторыя части области, помимо губительныхъ засухъ, испытываютъ постоянную нужду въ водѣ для орошенія полей. Главное богатство Уральскихъ казаковъ составляетъ обиліе рыбы въ рѣкѣ Уралѣ. Сравнительно немногочисленное войсковое населеніе (менѣе 200.000 ч.) оказывается благодаря этому болѣе обезпеченнымъ. Относительному благосостоянію уральскихъ казаковъ способствовало и то обстоятельство, что правительство больше нуждалось въ уральскомъ войскѣ. Поэтому уральцевъ не стѣсняли въ экономическомъ отношеніи. Образованіе уральскаго, раньше яицкаго войска относится къ XVII-му вѣку, когда казачья община уже сформировалась, но не являлась еще полной хозяйкой пріяицкихъ степей и рыбныхъ богатствъ; казакамъ пришлось вести упорную, долгую борьбу съ купцами, монополизировавшими всю рыбопромышленность съ помощью особаго рода плотины, называемой на Уралѣ учугомъ, преграждавшей теченіе рѣки у Гурьева въ нижнемъ теченіи Яика. Сосѣдями казаковъ были кочевые народы, башкиры и киргизы. Борьба казаковъ за вновь занятыя земли и рыбныя угодья тянулась долго. Вдоль рѣки еще долго высились крѣпостцы, изрѣдко окутывавшіяся пороховымъ дымомъ, а на прибрежныхъ возвышенностяхъ стояли посты сторожевыхъ казаковъ. Къ концу XVIII-го вѣка башкиры обратились къ мирнымъ занятіямъ, и только по Яику казаки несли до самой середины XIX-го вѣка тяжелую сторожевую службу не напрасно. Правительство въ общемъ благоволило къ яицкому войску, но иногда, по разнымъ поводамъ вспыхивали казачьи бунты, какъ это было, напримѣръ, при Пугачевѣ.

Уральское войско патріархальная и зажиточная казачья община. Отсутствіе малоземелья, богатыя рыбныя ловли, обширные поемные луга дали необходимую устойчивость создавшемуся строю жизни. Въ то время какъ донцы, вслѣдствіе ухудшившагося экономическаго положенія, переживаютъ кризисъ, уральское войско до недавняго времени наслаждалось относительно безмятежнымъ существованіемъ. Только послѣднія два-три десятилѣтія характеризируются и для уральцевъ разрушеніемъ старыхъ идеаловъ

и столѣтіями установившихся формъ быта. Это явленіе находится въ непосредственной связи съ замиреніемъ киргизъ, съ ростомъ населенія, съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ въ уральской степи и, наконецъ, съ общимъ развитіемъ Россіи. Въ экономическомъ отношеніи Уральская область представляла еще недавно одно обширное хозяйственное цѣлое, нѣчто вродѣ громадной производительной артели. Вся земля Уральской области до сихъ поръ считается собственностью казаковъ, а степи называются недѣленными въ противоположность окружающимъ землямъ, подѣленнымъ между частыми собственниками и отдѣльными крестьянскими общинами. Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ уральскія степи были дѣйствительно недѣленными, и каждый казакъ бралъ себѣ земли столько, сколько желалъ и могъ обработать; но земля не укрѣплялась за нимъ, и какъ только онъ ее бросалъ, всякій казакъ могъ взять, въ свою очередь, брошенную землю себѣ во временное пользованіе. Номинально такой порядокъ сохраняется еще теперь, и казаки продолжаютъ съ гордостью называть свои степи недѣленными. Но ростъ населенія, возникающія благодаря тому столкновенія между семьями, облюбовавшими одинъ и тотъ же участокъ, между станицами, вступающими въ настоящія сраженія за спорные луга и пашни, а, главное, постепенное изчезновеніе общиннаго духа сдѣлали то, что современныя казачьи отношенія уже не укладываются въ изжитыя патріархальныя рамки. Степь начинаютъ дѣлить между станицами, а въ предѣлахъ станицы между отдѣльными станичниками.

Сѣверъ Уральской области живетъ преимущественно земледѣліемъ, и бытъ его населенія мало чѣмъ отличается отъ быта донского казачества. Тѣ же мазанки, та же внутренняя обстановка, то же расположеніе станицъ. Развѣ только рѣже встрѣчается въ постройкахъ дерево—даже высокихъ заборовъ не видно, такъ какъ станичники, за отсутствіемъ дерева, огораживаютъ свои дворы плетнями. На югѣ области преобладаетъ скотоводство, вслѣдствіе того, что почва въ прикаспійскихъ земляхъ гораздо хуже и часто не годится подъ пашню. Но сѣверъ и югъ области имѣютъ одинъ общій источникъ дохода—это рыбныя ловли на Уралѣ, въ которыхъ принимаетъ участіе все войско. Къ этому надо присоединить зауральскіе поемные луга, такъ называемую бухарскую сторону, косить на которыхъ въ опредѣленные дни имѣютъ право всѣ казаки.

Казачье рыбное хозяйство—дѣло очень сложное, поглощающее довольно много войсковыхъ силъ. Начиная отъ Уральска внизъ до самаго устья Урала расположены по обѣимъ сторонамъ рѣки пикеты, слѣдящіе за движеніемъ рыбы и охраняющіе покой рѣчныхъ водъ въ тѣ мѣсяцы, когда идетъ рыба, и происходитъ ея ловля. Въ самомъ Уральскѣ находится учугъ, перегораживающій поперекъ всю рѣку. Этотъ учугъ Короленко описываетъ такъ: „передъ нами, съ одного берега до другого лежалъ неширокій дощатый помостъ на сваяхъ. Вдоль этой настилки, напоминающей простой пѣшеходный мостикъ, съ лѣвой стороны виднѣлась частая щетина тонкихъ желѣзныхъ шестовъ. Эти шесты, проходя черезъ два горизонтальныхъ бревна (называемыхъ „бѣлоногами“) образуютъ вмѣстѣ съ ними частую рѣшетку, доходящую до дна. Это—такъ называемый „кошакъ“, черезъ который можетъ проходить лишь мелкая рыба“.

Рыбная ловля на Уралѣ происходитъ нѣсколько разъ въ году—главныя ловли бываютъ осенью, затѣмъ слѣдуетъ періодъ зимняго бàгренья и весенній ловъ. Весною ставятъ учугъ и не снимаютъ его до поздней осени; особые караульщики ждутъ движенія рыбы изъ моря вверхъ по рѣкѣ и доносятъ по начальству о появленіи различныхъ рыбныхъ породъ. Главная рыба уральскихъ водъ осетръ, и поэтому ожиданіе его сопровождается особеннымъ нетерпѣніемъ. Когда, наконецъ, рыба, уткнувшись въ учугъ, поворачиваетъ и располагается въ ниже лежащихъ заводяхъ, на „ятови“, какъ говорятъ на Уралѣ, для метанія икры, тогда все въ области приходитъ въ движеніе, готовятъ лодки, осматриваютъ снасти, изъ дальнихъ станицъ съѣзжаются казаки, чтобы участвовать въ

ловлѣ. Затѣмъ назначается такъ называемый атаманъ рыболовства, и въ опредѣленный день вся собравшаяся масса казаковъ приступаетъ къ ловлѣ. Лодки связываютъ по двѣ, и вся масса ихъ спѣшитъ къ наиболѣе рыбнымъ мѣстамъ. Въ каждой парѣ находится ловецъ-казакъ и гребцы. Всѣ подробности ловли, также какъ и вопросы дѣлежа добычи строго опредѣлены давнымъ-давно сложившимся обычаемъ. Напримѣръ, весь уловъ перваго дня составляетъ такъ называемый „презентъ“ и не попадаетъ къ ловцамъ-казакамъ, а цѣликомъ уходитъ въ подарокъ высшимъ начальствующимъ лицамъ, петербургскимъ и войсковымъ. Гораздо меньшее значеніе по величинѣ улова имѣетъ зимнее багренье рыбы, когда толпа казаковъ въ заранѣе опредѣленное время собирается на ледъ и сразу, „ударомъ“, по мѣстному выраженію, приступаетъ къ дѣланію прорубей и багренью рыбы. Такимъ же „ударомъ“ т. е. всѣмъ войскомъ одновременно, совершается казаками косьба луговъ бухарской стороны.

Большинство уральцевъ, какъ и другихъ казаковъ, старовѣры-раскольники. Въ Уральской области имѣются представители всѣхъ раскольничьихъ толковъ, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Религіозныя настроенія очень крѣпки въ казачествѣ, и приверженность къ старымъ церковнымъ обрядамъ доходитъ иногда до фанатизма. До сихъ поръ еще во всѣхъ уральскихъ станицахъ съ жаромъ ведутся религіозные споры, показывающіе, какой глубокій интересъ представляютъ для казаковъ религіозные вопросы, чаще всего вопросы священства и внѣшняго благочинія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ казаки организовали экспедицію въ Индію, Индо-Китай и Японію для отысканія благословенной „Бѣловодіи“—царства истиннаго благочестія. Въ существованіи этой страны убѣждали казаковъ легенды, свято передаваемыя отъ отца къ сыну. Экспедиція, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, снаряженная на деньги, собранныя заинтересованными казаками, совершила долгое морское путешествіе и вернулась по желѣзной дорогѣ изъ Владивостока. Въ какомъ родѣ были документы, на которыхъ основывали свои розыски казаки, видно хотя бы изъ той грамоты, которую показывалъ самозванный епископъ „Аркадій бѣловодскій“ наивнымъ казакамъ. Грамота будто бы получена Аркадіемъ отъ „Смиреннаго Мелетія, патріарха Славяно-бѣловодскаго, Камбайскаго, Японскаго, Индостанскаго, Индіянскаго, Англо-индейскаго, Ост индіи, и Юст-индіи, и Фест-индіи, и Африки, и Америки, и земли Хили, и Магеланскія земли, и Бразиліи, и Абисиніи“.

Близкими сосѣдями уральцевъ являются Оренбургскіе и Астраханскіе казаки. Оренбуржцы живутъ къ сѣверу отъ Уральскаго войска и представляютъ гораздо меньше оригинальныхъ чертъ общежитія, чѣмъ ихъ южные сосѣди, подходя по своему образу жизни и понятіямъ къ окружающему населенію—на югѣ къ казакамъ-уральцамъ, иногда отличаясь отъ нихъ только цвѣтомъ околыша на фуражкѣ, на сѣверѣ—къ крестьянамъ земледѣльцамъ. Земледѣліе—главное занятіе этого обширнаго войска, вдвое большаго, чѣмъ уральское и обладающаго, также какъ уральское и донское, черноземными степями.

По правому берегу Волги, въ губерніяхъ Астраханской и Саратовской и отчасти на лѣвомъ берегу—въ Самарской, раскинулось отдѣльными островными станицами небольшое, сорока-тысячное Астраханское войско, также какъ и Оренбургское, примыкающее по своему образу жизни къ окружающему населенію.

Кубанское казачество образовалось сравнительно недавно—только въ 1792 году. Но историческія и боевыя традиціи Кубанскаго войска могутъ поспорить съ традиціями донскими и уральскими, такъ какъ современные кубанцы прямые потомки запорожцевъ, переселенные Екатериной II на новыя опасныя границы. Съ завоеваніемъ Крыма и постепеннымъ заселеніемъ Новороссіи исчезла надобность въ днѣпровскомъ-запорожскомъ войскѣ, на кавказскихъ же границахъ, на берегахъ Кубани и Терека сосредоточивалась борьба съ воинственными горцами. На Терекѣ уже съ XVII-го вѣка сидѣли казаки, Кубань же оставалась открытой для предпріимчиваго врага. И вотъ запорожцамъ было

предложено прикрыть собой эту открытую границу протяженіемъ около 250 верстъ. Около 12.000 казаковъ тронулись на новыя мѣста, построили станицы, пикеты, посты и батареи, по примѣру терцевъ завели скотъ, начали земледѣльческое хозяйство, разбили виноградники и бахчи.

Какъ уральцы, кубанцы и терцы имѣли очень долго передъ собой смѣлаго и опаснаго непріятеля; въ постоянной борьбѣ съ нимъ они закаляли свой боевой духъ и складывали свои идеалы. Но, какъ донцы, кубанцы и терцы рано сравнительно испытали земельное стѣсненіе и должны были еще въ серединѣ XIX-го вѣка перейти отъ „недѣленной" земли къ правильному общинному надѣльному хозяйству. Бурное боевое прошлое отошло въ область преданій, и теперешнимъ кубанцамъ, если и приходится воевать, то уже не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ воевали ихъ дѣды и прадѣды. Исчезаетъ постепенно искусство пластуновъ, лучшихъ лазутчиковъ въ мірѣ, постепенно забывается за ненадобностью цѣлая наука караульной и наблюдательной службы. Теперешніе кубанцы живутъ въ своихъ станицахъ въ бѣлыхъ, какъ на Дону, мазанкахъ, пашутъ землю, собираютъ виноградъ, разводятъ скотъ.

Живя долго по сосѣдству съ горцами, кубанцы переняли горскіе обычаи въ способахъ веденія войны, въ домашнемъ и хозяйственномъ быту; вліяніе горцевъ сказалось особенно на отношеніи казаковъ къ женщинамъ. Вліяніе горцевъ на терцевъ было еще сильнѣе, чѣмъ на кубанцевъ, и это понятно если вспомнить, что кубанцы живутъ у предгорій Кавказа всего около ста лѣтъ, тогда какъ терцы скоро могутъ праздновать 400-тъ лѣтній юбилей своего пребыванія на Терекѣ и Сунжѣ. Несмотря на то, что кубанцамъ приходилось защищать сравнительно короткую боевую линію, ихъ насчитывается въ настоящее время гораздо больше, чѣмъ терцевъ: населеніе Кубанской области составляетъ болѣе 700.000 ч. тогда какъ терцевъ всего около 200.000. Терцы до поселенія на теперешнихъ мѣстахъ, были уже казаками и пришли къ Тереку съ Дона изъ Червленнаго Яра. Къ этимъ переселенцамъ присоединялись новые—донцы, уральцы, запорожцы, и терское казачество все росло, ведя постоянно войны съ горцами, татарами и персами. Не всегда терское войско было слито воедино: раньше оно распадалось на нѣсколько общинъ, изъ которыхъ больше всего было извѣстно гребенское войско. Главное занятіе терцевъ—земледѣліе, но наряду съ хлѣбопашествомъ съ давнихъ поръ развивалось виноградарство, дававшее казакамъ хорошій и вѣрный доходъ. Осенью, когда поспѣваетъ виноградъ, у терцевъ пробуждается особая жизнь, кипитъ работа по сбору винограда, по приготовленію вина и отправкѣ винограда и вина на сѣверъ для продажи. Дворы мазанокъ заставлены корытами для выдавливанія ногами ягодъ, особые сараи завалены виноградомъ, въ виноградникахъ съ утра до ночи перекликаются молодые и старые, дѣти и дѣвушки, взрослые казаки и казачки и нанятые работники. Когда сборъ винограда оконченъ, и молодое вино, слитое въ бочки, поставлено для броженія, все успокаивается. Наряду съ этимъ нѣкоторую, хотя и небольшую роль имѣетъ рыболовство по Тереку и Сунжѣ.

Бытъ терцевъ сложился подъ сильнымъ вліяніемъ горскихъ племенъ. Это замѣтно въ одеждѣ и оружіи, затѣмъ во внутреннемъ убранствѣ мазанокъ, снаружи построенныхъ по русскому образцу, а внутри напоминающихъ сакли горцевъ: одна стѣна увѣшана оружіемъ, у противоположной стѣны стелется постель; домашняя посуда выставлена на видъ на особой полкѣ; у образовъ имѣется особая занавѣска, скрывающая ихъ, когда въ избѣ находится мусульманинъ—татаринъ или горецъ. Вліяніе кабардинцевъ сказывается и на обработкѣ земли казаками, перенявшими у сосѣдей плугъ и манеру пахать. Положеніе женщины у казаковъ, какъ и у горцевъ, очень тяжелое—она принуждена работать больше мужа и оказывать мужу преувеличенное уваженіе. Битье женъ распространено и на Кубани и у терцевъ, пожалуй, еще больше, чѣмъ на Дону и въ другихъ казачьихъ

войскахъ. Раньше положеніе женщины было еще хуже—казакъ только воевалъ и даже за конемъ смотрѣть предоставлялъ своей женѣ, нанимая ей иногда въ помощь работника, обыкновенно татарина.

Казаки Азіатской Россіи сгруппированы въ пять небольшихъ войскъ, за исключеніемъ Забайкальскаго, насчитывающаго около 200.000 ч. Ближе всего къ Уралу расположено Сибирское войско, занимающее земли въ областяхъ Акмолинской, Семирѣченской и въ Бійскомъ округѣ, и Семирѣченское войско, образованное въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, насчитывающее нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Жизнь и Сибирскихъ и Семирѣченскихъ казаковъ почти ничѣмъ не отличается отъ жизни окружающаго населенія, за исключеніемъ опять таки несенія ими болѣе усиленной военной службы. Дальше къ востоку расположено Забайкальское войско, образованное въ началѣ XIX-го вѣка, причемъ въ составъ войска были включены Тунгузскій и Бурятскій полки. Главное занятіе забайкальцевъ—земледѣліе и скотоводство; менѣе важны горная промышленность и охота. Забайкальское войско, наряду съ Амурскимъ и Уссурійскимъ, переживаетъ теперь тяжелое время, сильно пострадавъ въ послѣдней войнѣ съ Японіей. Еще восточнѣе, по теченію Амура и Уссури, расположены два малочисленныхъ войска—Амурское и Уссурійское. Возникновеніе Амурскаго войска относится къ серединѣ XIX-го вѣка, когда оно было образовано изъ забайкальцевъ, выбранныхъ по жребію, и солдатъ, находившихся до этого времени въ гарнизонахъ укрѣпленій.

С. Слободзинскій.

Украинцы.

Природа Украины: предстепье и степь.—Историческое прошлое украинской народности.—Разселеніе украинцевъ по южной Россіи.—Украинскій языкъ и его поднарѣчія.—Физическій типъ, темпераментъ и характеръ народа.—Одежда, жилища и характеръ поселеній.

Малороссы или украинцы, вторая по численности вѣтвь русскихъ славянъ, въ предѣлахъ Россіи составляютъ коренное населеніе въ шести губерніяхъ, примыкающихъ къ среднему и верхнему Днѣстру, къ среднему теченію Днѣпра и его притоковъ. Губерніи эти: Волынская, Каменецъ-Подольская и Кіевская, а по ту сторону Днѣпра—Черниговская, Полтавская и Харьковская. Представители украинскаго народа встрѣчаются и въ сосѣднихъ губерніяхъ: въ Гродненской, въ Курской и Воронежской, въ Области Войска Донского не говоря про всѣ Новороссійскія губерніи, гдѣ присутствіе ихъ наложило ясный отпечатокъ на типъ и рѣчь мѣстныхъ жителей. На побережьи Чернаго моря украинцы стали селиться послѣ того, какъ въ великой распрѣ между Польшей и Московскимъ государствомъ судьба Украины была окончательно рѣшена, Сѣчь запорожская раззорена и изгнана изъ послѣдняго своего убѣжища, а степь, долгое время являвшаяся небезопасной отъ татаръ, стала достояніемъ Россіи. По Новороссіи украинцы разселялись совмѣстно съ другими выходцами изъ Россіи. Такъ какъ пространство свободныхъ земель простиралось болѣе къ востоку, чѣмъ къ западу, и тамъ же колонистовъ ожидало меньше стѣсненій, то колонизація изъ Украины протянулась широкимъ рукавомъ вдоль черноморскаго побережья по направленію къ Кавказу. Здѣсь на Кубани горы, населенныя воинственными черкесами, остановили дальнѣйшую колонизацію. Украинцы выселялись и въ другую сторону, къ Дунаю и за Дунай. Сюда уходили отдѣльныя кучки казаковъ.

Такимъ образомъ украинцы разселились на пространствѣ громаднаго клина, западной стороной котораго служатъ восточные Карпаты, южной—является черноморское побережье, а сѣверная сторона протягивается черезъ южную Россію съ сѣверо-запада къ юго-востоку.

Опредѣлить численность украинскаго народа очень трудно. Вѣроятно, общая численность всѣхъ украинцевъ колеблется около 35 милліоновъ человѣкъ, численность же людей, говорящихъ на украинскомъ языкѣ или считающихъ его своимъ роднымъ, приближается, въ предѣлахъ имперіи, къ 25 милліонамъ. Во всякомъ случаѣ украинцы по численности вторая, послѣ великороссовъ, народность среди національностей и племенъ Россіи.

Въ противоположность великороссамъ, разсѣявшимся почти по всѣмъ областямъ имперіи, украинцы въ массѣ своей не выходятъ за предѣлы своей области. Область эта черноземная степь или предстепье. На западѣ (въ предѣлахъ Каменецъ-Подольской, Волынской и отчасти Кіевской губерній) рельефъ мѣстности представляетъ больше разнообразія, и страна еще не лишилась тѣнистыхъ лиственныхъ лѣсовъ. Остальное пространство до Чернаго моря и далеко на востокъ занимала когда-то слабоволнистая, а къ югу гладкая,

какъ полъ, степь, поросшая безъ конца и края буйными степными травами. Тамъ, гдѣ протекаютъ рѣки и рѣчки, степь прорѣзана широкими долинами съ поймами шириной иногда въ нѣсколько верстъ. Съ тѣхъ поръ, какъ степь стала заселяться, характеръ ея рѣзко измѣнился, и теперь дикой степи въ помнѣ нѣтъ. Кромѣ рѣчныхъ долинъ и балокъ по ней змѣятся, вѣтвясь во всѣ стороны, овраги, громадныя рытвины, съ обнаженными открытыми боками. Балки и долины рѣкъ—мѣста, гдѣ укрываются поселенія людей, такъ какъ здѣсь имѣется вода. Въ сѣверной Малороссіи селенія и хутора расположены чаще на болѣе сухихъ повышеніяхъ въ сторонѣ отъ мокрыхъ луговъ или болотъ, а то и мелкихъ озеръ, сплошь поросшихъ камышами.

На сѣверѣ, въ Черниговской губерніи, черноземъ довольно тощій, и среди него встрѣчаются участки песчаныхъ безплодныхъ почвъ. Далѣе къ югу черноземъ становится тучнѣе, особенно на водораздѣлахъ. Черноземъ въ малорусскихъ губерніяхъ не отличается мощностью, какъ въ восточной Россіи; если качество его ниже, зато черноземныя пространства Малороссіи пользуются болѣе влажнымъ климатомъ, и здѣсь не бываетъ тѣхъ

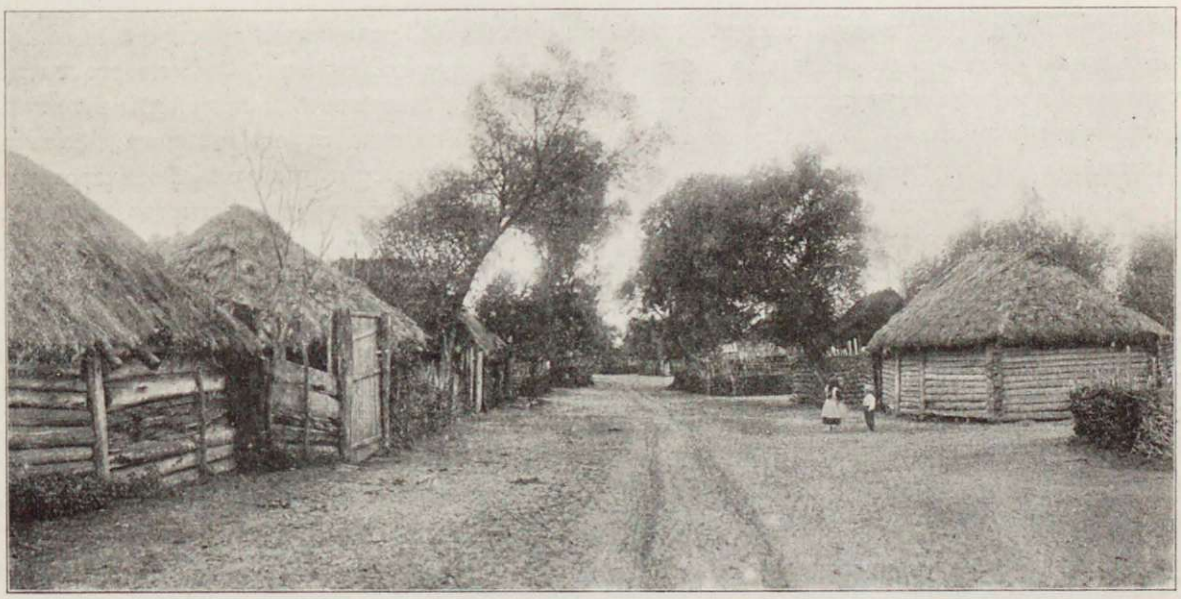
Пейзажъ Черниговской губ. (предстепье).

страшныхъ засухъ, какія періодически наступаютъ въ восточной черноземной Россіи. По направленію къ югу черноземъ становится снова бѣднѣе, и новороссійскія степи оказываются покрытыми уже не имъ, а родственными черноземy каштановыми и бурыми степными почвами.

Степь, по которой рыскали кочевники, и Черное море, за которымъ лежали страны съ падающей культурой, долгое время закрывали пути для переселеній на югъ и востокъ. На сѣверѣ въ сосѣдствѣ Украйны сложились двѣ большія державы, Польша и Московское государство. Благодаря многочисленности и прочной хозяйственной связи съ землей украинцы сохранили народность, но не въ состояніи были создать государства. Происхожденіе и составъ украинскаго народа подернуты не меньшею неопредѣленностью, чѣмъ для народа великорусскаго. Въ древности на пространствѣ Украины обитали различныя славянскія племена: поляне, волыняне, дулѣбы, сѣверяне; кругомъ нихъ жили—дреговичи, древляне, бужане, тиверцы, уличи. Большая часть этихъ племенъ теряетъ вскорѣ племенную независимость и объединяется подъ властью кіевскихъ князей въ одинъ „русскій“ народъ. Но уже въ концѣ удѣльнаго періода массы этого русскаго народа начинаютъ отливать на сѣверо-востокъ, колонизуя земли по Окѣ и въ пространствѣ между Окой и Волгой. Наше-

ствіе монголъ разразилось надъ Приднѣпровьемъ, словно стихійное бѣдствіе: страна обезлюдѣла, населеніе, не погибшее отъ оружія враговъ, отъ голода и раззоренія, бѣжало на западъ и усилило своими массами населеніе Червонной или Галицкой Руси. Опустошенныя татарами земли по среднему Днѣпру стали заселяться вновь выходцами изъ Червонной Руси, которые и явились ядромъ, положившимъ начало современному украинскому народу. Споръ, какая вѣтвь русскаго народа является болѣе древней, болѣе чистой—великорусская или малорусская,—остается до сихъ поръ нерѣшеннымъ, такъ же, какъ споръ о языкѣ, который служитъ главнымъ орудіемъ тяжбы. Впослѣдствіи украинцы, какъ всякій народъ, принимали въ себя немало постороннихъ примѣсей, преимущественно изъ Польши и со стороны степи, съ юга, откуда приливали тюркскіе и волошскіе элементы, а на сѣверо-восточной окраинѣ и великорусскіе. Но та примѣсь, которая такъ характерна для великороссовъ, именно примѣсь финской крови, отсутствуетъ въ жилахъ украинскаго народа.

Послѣдующая судьба украинскаго народа ставитъ его подъ сильное вліяніе Польши Сперва украинскія земли вмѣстѣ съ бѣлорусскими входятъ въ составъ Литовскаго госу-

Сельская улица (Черниговская губернія).

дарства, а затѣмъ вмѣстѣ съ послѣднимъ присоединяются къ Польшѣ. Болѣе высокая культура польскаго народа имѣла послѣдствіемъ, что за время своего существованія подъ скипетромъ Рѣчи Посполитой украинскій народъ лишался своихъ верховъ, которыя ополячивались (русское дворянство и зажиточное населеніе большихъ городовъ). Въ то же время постепенное выселеніе въ плодородную степь, вольное заселеніе новыхъ земель, образованіе казачества со знаменитой Сѣчью во главѣ, мѣшало быстрому и легкому закрѣпощенію массы украинскаго народа, участь, которая постигла польскихъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ украинскій народъ долгое время существовалъ какъ народъ „хлопскій“, аристократію котораго въ лучшемъ случаѣ составляли духовенство и казачество. Это обстоятельство неизбѣжно должно было отразиться печально на его духовной культурѣ: языкъ оставался простонароднымъ, литература не развивалась. Образованные украинцы переходили на латынь и польскій языкъ.

Борьба за землю и волю наполняетъ собою весь польскій періодъ исторіи украинскаго народа. Народные бунты, казацкія возстанія слѣдуютъ одно за другимъ, и борьба хлопскаго народа съ Польшей, съ панами, находитъ себѣ опору въ различіи вѣры: хлопы оставались

*

вопреки всему вѣрными православной вѣрѣ. Раздавить украинскій народъ подъ двойнымъ гнетомъ закрѣпощенія и окатоличенія Польшѣ такъ и не удалось. Силъ ея хватило лишь на подчиненіе правобережной Украины; лѣвобережная, которая стала съ того времени называться „Гетманщиной“, также „Слободской“, отошла къ Москвѣ. Полунезависимое существованіе этой части Украины окончилось въ петровскую эпоху. Съ этого времени дѣятельно заселяются нынѣшнія губерніи Полтавская, Харьковская, Воронежская. Нѣкоторыя слободы основаны и заселены полками казаковъ, пришедшими сюда еще раньше въ полномъ составѣ. Эти переселенцы значительно усилили южную границу имперіи, которая лишь въ Екатерининскую эпоху продвинулась до Чернаго моря. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши почти вся Украина очутилась подъ россійской державой. XVII и XVIII вѣка отмѣчены въ исторіи украинскаго народа повтореніемъ прежняго процесса: населеніе ея разслаивается на простонародье, сидѣвшее на чужой землѣ или на своихъ небольшихъ клочкахъ, на казаковъ, владѣвшихъ бо́льшими земельными угодьями, нѣчто вродѣ мелкихъ помѣщиковъ, и крупныхъ владѣльцевъ большими имѣніями, не составлявшими однако по своимъ правамъ особаго сословія, дворянства. Въ Екатерининскую эпоху населеніе Украины было закрѣпощено, причемъ владѣльцы большихъ помѣстій, украинская аристократія, получили права русскаго дворянства, а казаки остались лично свободными. Событіе это подготовлялось постепенно упраздненіемъ самоуправленія въ Гетманщинѣ и появленіемъ имперской администраціи. Оно оставило слѣдъ въ памяти народа, въ его пѣсняхъ. Задача, оказавшаяся не по силамъ Польшѣ, была выполнена съ большимъ успѣхомъ Великороссіей.

Но петербургское правительство отдавало себѣ ясный отчетъ въ опасности, которую представлялъ многолюдный, закрѣпощенный народъ, обнаруживавшій цѣлый рядъ національныхъ и мѣстныхъ различій отъ остального населенія имперіи. Этимъ объясняется рядъ стѣснительныхъ мѣръ въ цѣляхъ обрусенія Украины. Не эти мѣры, какъ стѣснительны ни были они, а то, что привилегированные и образованные украинцы русѣли такъ же какъ тѣ же слои ополячивались въ предыдущія эпохи, было причиной того, что, въ теченіе первой половины XIX вѣка украинскій народъ какъ бы исчезаетъ со сцены. Всѣ особенности его, какъ характеръ, бытъ, языкъ, преданія и пѣсни старины сохраняются живыми подъ спудомъ, въ народныхъ низахъ. Даже выдающіеся писатели-украинцы, напр., Гоголь, предпочитаютъ пользоваться великорусскимъ нарѣчіемъ.

Богатые остатки народной литературы, собираніе которыхъ началось въ первой трети XIX в., положило начало литературному украинскому языку и вызвало къ жизни „украинофильство“, общественное теченіе, подобное великорусскому славянофильству, но болѣе узкое, хотя столь же неопредѣленное. Украинофильство выражалось вначалѣ стремленіемъ оживить бытъ со всѣми особенностями украинской областной жизни, воскресить путемъ изученія украинской исторіи прошлое, а главное поднять языкъ и литературу до самостоятельнаго и равноцѣннаго великорусскому состоянія.

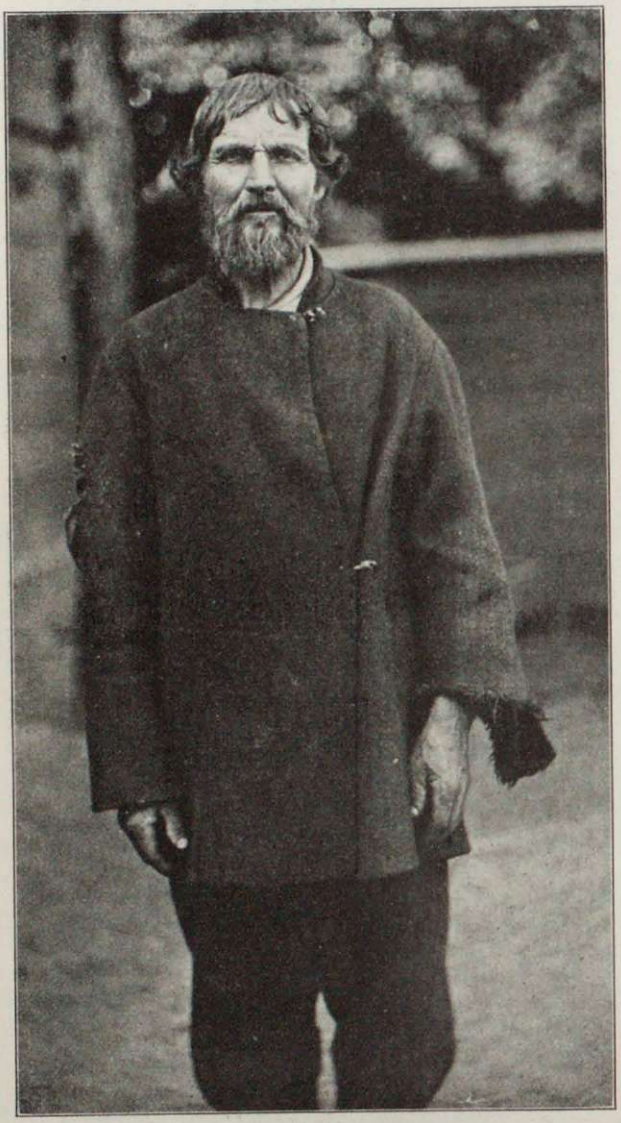
Въ наше время, когда населеніе, благодаря развитію хозяйственной дѣятельности, умноженію путей сообщенія и учащеннымъ передвиженіямъ съ мѣста на мѣсто, сильно перетасовывается, когда, въ связи съ этимъ явленіямъ довольно быстро умираетъ бытъ, и безвозвратно исчезаютъ во внѣшнемъ строѣ мѣстныя особенности, единственнымъ признакомъ, по которому болѣе или менѣе опредѣленно можно отнести группы населенія и отдѣльныхъ лицъ къ той или иной народности, является языкъ.

Языкъ украинскій признаютъ за особый языкъ лишь украинофилы. Большинство изслѣдователей склонно разсматривать его, какъ особое нарѣчіе, въ отношеніи древности равноцѣнное великорусскому и бѣлорусскому, такъ какъ древнѣйшіе памятники украинскаго нарѣчія относятся къ эпохѣ, когда, послѣ татарскаго погрома, юго-западная Русь начала заселяться выходцами изъ прикарпатскихъ странъ. Это обстоятельство сильно умаляетъ претензіи украинофиловъ, считающихъ, что украинскій языкъ непосредственно развился изъ

Хата (Черниговская губернія).

того, на какомъ говорили въ Кіевской Руси, а потому де онъ древнѣе, старше и чище нарѣчія великорусскаго. Но и литературнымъ языкомъ украинцевъ было первоначально не нарѣчіе, какимъ пользовался народъ, а довольно неуклюжая смѣсь словъ и формъ церковно-славянскихъ, бѣлорусскихъ, украинскихъ и польскихъ, сложившаяся въ Бѣлорусскомъ краѣ. Народный украинскій языкъ вторгся въ литературныя сферы и вытѣснилъ своего соперника сравнительно недавно. Первый заговорилъ на немъ въ литературѣ украинскій писатель П. И. Котляревскій. Обстоятельства, о которыхъ рѣчь была выше, сильно мѣшали развитію литературной украинской рѣчи, хотя произведенія народной поэзіи, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ историческія пѣсни, знаменитыя „думы“, очень многочисленны и во всѣхъ отношеніяхъ цѣнны.

Малороссъ Черниговск. губ., Глуховск. у., м. Воронежъ.

Въ настоящее время въ украинскомъ нарѣчіи различаютъ три поднарѣчія: 1) собственно украинское, на которомъ говорятъ въ сердцѣ Украины, въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской и кругомъ; 2) сѣверное укринское или полѣсское, и 3) галицкое или червоннорускоe (подольское, галицкое и карпаторусскео).

Какъ постепенно сливаются и переходятъ одно въ другое нарѣчія, точно также наблюдается и постепенное измѣненіе типовъ.

Вотъ почему для украинской народности трудно установить одинъ общій типъ. Единственно общимъ для украинцевъ является сравнительно высокій средній ростъ (1670 мм.), превосходящій средній ростъ большой части населенія бѣлорусскихъ губерній (1664 мм.), не говоря про средній ростъ великоруссовъ (1657 мм.). Другимъ признакомъ является сравнительная короткоголовость, но чему приписать ее, примѣси ли тюркской крови степныхъ кочевниковъ или другой причинѣ, трудно сказать. Что касается окраски, то хотя въ украинскихъ пѣсняхъ неустанно воспѣваются черныя брови и карія очи, однако въ общемъ среди украинскаго народа всетаки прообладаютъ блондины, особенно на сѣверѣ. Темные типы съ круглыми головами, скуластыми лицами и карими глазами встрѣчаются на югѣ, особенно за „порогами“, гдѣ смѣшенія со степными кочевниками засвидѣтельствованы лѣтописью еще для эпохи Владимира Святого.

Темпераментъ, характеръ и складъ ума украинцевъ замѣтно отличаютъ ихъ отъ великороссовъ. Русская сангвиничность отсутствуетъ въ украинцѣ, въ зрѣлые годы имъ рѣшительно овладѣваетъ флегма, проявляющаяся въ медлительности движеній и лаконизмѣ рѣчи; но такъ же, какъ у великоросса, это состояніе легко нарушается припадкомъ веселья, разгула, заканчивающагося, большею частью, чувствительно-лирическими изліяніями. Добро-

Малороссы Каменецъ-Подольской губерніи.

душіе и открытый характеръ великоросса замѣняется въ украинцѣ изрядной замкнутостью, не лишенной скрытности, что проявляется въ неопредѣленности и двойственности выраженія намѣреній. Внѣшнія формы отношеній въ украинскомъ народѣ мягче и культурнѣе, чѣмъ у великоруссовъ: даже у простонародья принято обращеніе на „вы“, а брань и неприличныя выраженія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ, кажется, все больше уснащаютъ рѣчь великоросса, превращаясь въ непобѣдимую привычку, на Украинѣ звучатъ замѣтно рѣже. При взаимномъ неудовольствіи здѣсь чаще прибѣгаютъ къ издѣвкамъ, къ насмѣшливымъ или юмористическимъ выраженіямъ, заключающимъ часто немало остроумія.

Бурное прошлое, долгая и отчаянная борьба украинскаго народа съ Польшей, представлявшая подъ покровомъ политическихъ и религіозныхъ войнъ борьбу соціальную, именно, сопротивленіе народныхъ массъ панскому закрѣпощенію, лишенію земли и воли, отразились глубоко въ настроеніи народа. На Украинѣ среди народа таится больше озлобленія противъ пановъ, недовольства своимъ положеніемъ, замѣчается также больше пониманія положенія, большая опредѣленность въ надеждахъ и ожиданіяхъ. Люди на Украинѣ привыкли скрывать истинныя чувства и часто выражаютъ ихъ либо обиняками, либо въ оборотахъ „ласковости“, отвѣчающей другой чертѣ характера украинца, его чувствительности или сантиментальности. Чувствительность эта стоитъ въ связи съ тѣмъ, что жизнь чувства у украинца, если не глубже, чѣмъ у великоросса, то менѣе однообразна. Природа окружила украинскій народъ болѣе яркими красками, впечатлѣнія ея сильнѣе и разнообразнѣе. Цвѣта и формы придметовъ: солнца, неба, растеній, сочетанія ихъ въ различныя часы дня и времени года многочисленнѣе и ярче. Естественно, что чувственная жизнь человѣка шире, сфера впечатлѣній обширнѣе. При условіяхъ преобладанія земледѣльческой жизни, дающей мѣсто досугу, когда среди работы и въ разное время—утромъ, въ солнечный зной, вечеромъ и звѣздной ночью, впечатлѣнія отъ картинъ природы ложатся на душу человѣка, естественно, что онъ становится воспріимчивѣе къ нимъ, онъ болѣе эстетъ и лирикъ, чѣмъ тотъ, кто родился отъ предковъ, вѣками обитавшихъ въ тѣни однообразныхъ лѣсовъ, подъ менѣе яркимъ пологомъ неба, среди долгой и темной зимы. Въ связи съ болѣе развитымъ индивидуализмомъ въ народной поэзіи на Украинѣ преобладаютъ лирическія пѣсни и лирическія думы, между тѣмъ какъ эпическія произведенія, именно былины, изгладились изъ памяти народа.

Любовь къ красивому выражается въ украинцахъ въ звучныхъ пѣсняхъ, въ цвѣтистой народной одеждѣ, которая, впрочемъ, вмѣстѣ съ прежними пѣснями все болѣе и болѣе исчезаетъ подъ наплывомъ городской культуры, ухудшенія экономическаго состоянія народныхъ массъ и нивеллировки, которая проявляется при оживленіи обмѣна и передвиженія. Украинская хата не только снаружи, но еще болѣе внутри также обличаетъ стремленіе человѣка украсить свое жилье.

Наконецъ еще одна черта характера отличаетъ украинца отъ великоросса, это болѣе развитой индивидуализмъ, болѣе сильно выраженное личное начало, что обнаруживается въ семейномъ и общественномъ быту. Эта черта проистекаетъ какъ отъ большей культурности украинскаго народа, такъ и оттого, что въ общемъ этотъ народъ испыталъ меньшій гнетъ. Украинцы меньше великороссовъ имѣли дѣло съ «азіатами», съ тюркскими и финскими инородцами восточной и сѣверной Россіи, они подвергались большему вліянію съ запада черезъ Польшу.

Общинное начало въ области землевладѣнія начало раньше исчезать на Украинѣ, чѣмъ въ Великороссіи, а укрѣпленіе его ради фискальныхъ цѣлей не могло подновить общины въ такой же мѣрѣ, какъ въ остальной Россіи. Индивидуализмъ отразился и въ иномъ развитіи семейныхъ формъ: на Украинѣ не знаютъ той полноты власти, какою въ великорусской семьѣ пользовался отецъ надъ дѣтьми и мужъ надъ женой, какъ не знаютъ и тѣхъ грубыхъ нравовъ, какими отличается народная жизнь въ Великороссіи. На Украинѣ

семья не держится вмѣстѣ: по мѣрѣ того, какъ дѣти становятся взрослыми, они отдѣля-

Крестьянка съ ребенкомъ (Черниговская губернія).

ются. При заключеніи брака имѣетъ больше значенія, чѣмъ у великороссовъ, чувства склон-

ности; событіе это также менѣе напоминаетъ сдѣлку—пріобрѣтеніе работницы. Положеніе женщины въ семьѣ менѣе зависимое.

Украинскій нарядъ, какъ мужской, такъ и женскій, очень живописенъ. Онъ во многомъ рѣзко отличается отъ великорусскаго, хотя связанъ съ нимъ рядомъ переходовъ въ промежуточныхъ губерніяхъ. Мужской состоитъ изъ рубашки съ прямымъ, а не косымъ воротомъ; рукава ея перехвачены у кистей рукавчиками, какъ у блузы. Рубаху носятъ заправленной въ штаны. Она украшена вышивками на воротѣ, на груди и рукавчикахъ. Узоръ преобладаетъ цвѣточный, сочетаніе цвѣтовъ—красный съ чернымъ, рѣже съ синимъ. Шаровары, шириной съ «Черное море», заправлены въ сапоги, вмѣсто которыхъ часто носятъ кожанные лапти, если не ходятъ босикомъ. Поверхъ этого надѣваютъ верхнюю одежду разнообразнаго покроя. Запорожцы носили красные суконные жупаны. Зимой носятъ кожухи, т. е. шубы. Знаменитыя смушковыя шапки, черныя или «сизыя съ морозомъ» замѣняются лѣтомъ широкополыми соломенными шляпами, «брилями».

Женская одежда сложнѣе и разнообразнѣе. Женщины консервативнѣе мужчинъ въ вопросахъ домашняго и семейнаго быта. Поэтому женскій нарядъ удается наблюдать чаще, хотя ситцевыя кофты безобразнаго покроя, юбки и платочки на головахъ все болѣе вытѣсняютъ старину. Основу одежды составляетъ длинная рубашка, вышитая гораздо богаче мужской, такъ какъ цвѣтной узоръ часто украшаетъ не только грудь и воротъ, но подолъ и рукава. Роль юбки играетъ болѣе короткая, чѣмъ рубаха, плахта, представляющая полосу грубой и тяжелой домашней ткани съ яркимъ и красивымъ клѣтчатымъ узоромъ. Поверхъ надѣваютъ запаску, короткій кафтанъ синяго цвѣта, отороченный по краямъ узкой красной полоской. Нарядныя шелковыя запаски отливаютъ всѣми цвѣтами сложнаго цвѣточнаго узора. На головѣ носятъ шапочки или нѣчто вродѣ кокошника (замужнія), каковое сооруженіе обматывается наглухо кругомъ темнымъ платкомъ. Полный нарядъ дополняютъ передникъ, сапоги (красные съ подковками), ленты, бусы и цвѣты. Нарядъ этотъ сохранился лучше всего въ Полтавской, Кіевской и Черниговской губерніяхъ.

Несмотря на сильное развитіе подворнаго владѣнія землей, хуторского хозяйства, большая часть сельскаго населенія владѣетъ землей на общинномъ началѣ и обитаетъ въ большихъ, многолюдныхъ селеніяхъ, внѣшній видъ которыхъ сильно отличается отъ деревень средней и сѣверной Россіи. При отсутствіи лѣса и дороговизнѣ лѣсныхъ матеріаловъ на Украинѣ, какъ вездѣ на югѣ, хаты возводятъ изъ глины въ смѣси съ рубленой соломой, навозомъ и другимъ матеріаломъ, которымъ облѣпляютъ снаружи и внутри остовъ, сдѣланный изъ дерева или плетня. Окна небольшія, квадратныя и немногочисленны, такъ какъ обитатели хаты, въ противуположность сѣверянамъ, чаще принуждены прятаться отъ знойныхъ солнечныхъ лучей, чѣмъ искать свѣта. Для этой цѣли служатъ ярко выкрашенныя ставни, узоръ которыхъ, также какъ свѣтлоголубая или бѣлая окраска наружныхъ стѣнъ, замѣняютъ во внѣшнемъ украшеніи хаты богатую деревянную рѣзьбу сѣверныхъ бревенчатыхъ построекъ. Хаты крыты соломой, аккуратно подстриженной. Трубы часто деревянныя, или верхушкой служитъ опрокинутый горшокъ безъ дна.

Внутреннее расположеніе комнатъ, сѣней, печи, стола и лавокъ разнообразно, но въ общемъ не отличается отъ того, что мы встрѣчаемъ въ Великороссіи. Замѣтной чертой является стремленіе къ красивому убранству. Вышитыя полотенца, иконы съ писанками, картины и цвѣты встрѣчаются вездѣ, замѣтно больше чистоты, хотя сами украинцы, въ противоположность великороссамъ, не особенные любители мытья и совсѣмъ не знаютъ бань. Бороду украинцы бреютъ, обычай, заимствованный изъ Польши и рѣзко отличающій украинца отъ „кацапа"-великоросса [1]). Прежде было въ обычаѣ брить голову, оставляя „оселедецъ",

---

[1]) Цапъ значитъ козелъ, отсюда кацапъ для обозначенія бородатаго москаля.

Женщина изъ Черниговской губерніи.

*

чубъ или пукъ волосъ на маковкѣ, за который обитатели Украины и получили насмѣшливое прозваніе „хохлы“. Спятъ въ хатахъ на кроватяхъ, снабженныхъ простынями, одѣялами и подушками,—роскошь, о которой не мечтаетъ большинство обитателей великорусской деревни.

Остальныя домашнія постройки чаще всего возводятъ изъ плетня. Высокій плетень окружаетъ плодовый садъ или садикъ съ цвѣтами. Цѣлый лѣсъ подсолнечниковъ окружаетъ огородъ живописнымъ карэ, и съ желто-зеленымъ тономъ ихъ соперничаютъ красные и розово-фіолетовые маки. Часто встрѣчаются пасѣки. Пасѣки и баштаны чаще разбиваются въ степи, на солнопекѣ. Большія селенія поражаютъ сѣверянина разбросанностью хатъ, живописно тонущихъ среди купъ зелени. Отъ главной извилистой улицы вѣтвятся во всѣ стороны кривые, окаймленные плетнями переулки, которыя послѣ многочисленныхъ извивовъ приводятъ за село въ степь, на выпускъ съ его вѣтряками или къ греблѣ, гдѣ шумитъ у плотины колесо млина. Въ серединѣ на бугрѣ поднимается церковь, архитектура которой отличается отъ нашихъ сельскихъ церквей, обнаруживая въ разныхъ мелочахъ приближеніе къ костелу.

Н. Березинъ.

Бѣлоруссы.

Природа Бѣлоруссіи. — Бѣлоруссы и ихъ бытъ: суевѣрія, положеніе женщины, свадебные и похоронные обряды. —Поселенія и занятія населенія.—Сервитуты.—Духовная культура и состояніе народнаго просвѣщенія.

Пространство всей Бѣлорусской области исчисляется въ 210.000 кв. в. (по Стрѣльбицкому) въ губерніяхъ: Могилевской, Витебской и Минской. Бѣлоруссы встрѣчаются также въ трехъ уѣздахъ Виленской губ.—Вилейскомъ, Свенцянскомъ и Дисненскомъ, и даже въ Смоленской и въ Тверской губерніяхъ. Типичное же Бѣлорусское Полѣсье занимаетъ всего 85.000 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 2 милліона. За отсутствіемъ болѣе или менѣе точныхъ статистическихъ данныхъ опредѣлить численность населенія весьма трудно, не легко опредѣлить и приростъ населенія. По даннымъ 1897 г. на квадратную версту приходилось 19 чел.

Самое многочисленное племя, жившее въ древности по верхнему Днѣпру и Западной Двинѣ, были кривичи, между Западною Двиною и Припетью обитали дреговичи. По берегамъ Припети жили древляне. Наконецъ между Мозыремъ и Пинскомъ обитало литовское племя ятвяги, но племя это слилось съ сосѣдями.

Племена управлялись по вѣчевому порядку, но порядокъ этотъ держался въ Бѣлорусскомъ краѣ недолго, уступивъ мѣсто княжескому владычеству. Слѣдующіе столѣтія безпрерывныхъ междоусобицъ слили исторію Бѣлорусскаго Полѣсья съ исторіей Литвы и Руси, а съ 1569 г. и съ исторіей Польши.

Польскія войны Грознаго явились началомъ длиннаго періода войнъ, которыя вели московскіе цари. Возстаніе Богдана Хмельницкаго отозвалось также на Бѣлоруссіи. Война съ Карломъ XII не миновала несчастной Бѣлоруссіи, отечественная война 1812 г. опять освѣтила край заревомъ пожаровъ: армія Наполеона отступала бѣлорусскими предѣлами, страшныя опустошенія напомнили Бѣлоруссіи прежнія времена. Наиболѣе пострадали какъ разъ мѣстности, которыя много претерпѣли во время войны Польши съ Москвой.

Подъ грохотъ войнъ, при свѣтѣ пожарищъ и подъ звуки народнаго вопля и стона складывалась экономическая, гражданская и бытовая жизнь Бѣлоруссіи.

Бѣлорусское Полѣссье занимаютъ бассейны трехъ большихъ рѣкъ: Нѣманъ съ притоками, Днѣпръ и Западная Двина. Область Двины богата озерами.

Область Припети представляетъ собою исключительный міръ, отличающійся отъ другихъ уголковъ Бѣлорусскаго Полѣсья. По изобилію болотъ въ Россіи едва ли найдется другая такая область. Мѣстность здѣсь испещрена безчисленными рѣчками, озерами, протоками, и кое-гдѣ лишь встрѣчаются такъ называемые „грудки“, т. е. песчаные холмы, на которыхъ собственно и расположены печальныя деревушки полѣщуковъ.

Болота Бѣлорусскаго Полѣсья большею частью торфяныя, но съ травянымъ покровомъ, годнымъ для сѣнокошенія, хотя трава не всегда удобна для корма. Встрѣчаются моховыя

болота съ зыбкимъ пластомъ, подъ которымъ аршина на полтора слой воды и твердое дно изъ плотнаго песку.

Долина р. Припети, т. е., собственно, то, что принято называть «Полѣсьемъ» или, Пинскими болотами, заключаетъ въ себѣ пространство свыше 8.000.000 дес. земли. Въ періодъ весеннихъ разливовъ вода особенно долго застаивается въ низинѣ р. Припети съ наступленіемъ жаровъ она испаряется, на рѣкахъ образуются песчаные заносы, являясь естественными плотинами для удержанія высокаго уровня воды въ прибрежныхъ долинахъ. Искусственныя сооруженія—мельничныя плотины и «заколы», сооруженія, приспособленныя для рыбной ловли — также содѣйствуютъ заболачиванію. Въ 1872 г. въ Полѣсье былъ командированъ полковникъ Жилинскій съ партіей инженеровъ, которымъ удалось из-

Дворъ крестьянина средняго зажитка с. Капланцы, Минской губ., Игуменскаго у.

слѣдовать мѣстность и составить генеральный планъ осушенія всей долины р. Припети. Работы начались въ 1874 г., и съ тѣхъ поръ количество осушенной земли измѣряется мильонами десятинъ.

Въ весеннее время озера, ручьи и рѣчки сливаются съ болотами и образуютъ сплошное водное пространство съ островками, на которыхъ ютятся селенія. Гати, проложенныя между селеніями, покрываются водою, и въ теченіе цѣлаго мѣсяца сообщеніе между селеніями возможно только на лодкѣ. Въ періодъ весенняго разлива многія мѣстности Бѣлорусскаго Полѣсья, а въ особенности долина р. Припети, становятся похожими на море.

Въ лѣтнюю пору вода значительно спадаетъ, получается возможность сообщенія между селеніями въ экипажахъ. Въ особенно знойное лѣто, каковое наблюдается въ Полѣсье не болѣе разу въ теченіе 10—12 лѣтъ, становятся доступными озера и многія болота. Въ лѣтнюю пору почти всю ночь надъ болотами растилается легкая, но сплошная кисея сизо-

ватаго тумана. Въ осеннюю пору туманъ какъ бы плотнѣетъ, становится тяжелѣе. Особенно жутки въ Полѣсьѣ безпросвѣтныя осеннія ночи, часто ненастныя, а еще чаще—бурныя.

Бѣловолосый, голубоглазный полѣшукъ, угрюмый съ виду и часто молчаливый, относится къ окружающей природѣ, какъ къ мистической силѣ, не разъяснимой, вѣщей и пугающей его темную душу. Онъ суевѣренъ и до сихъ поръ во власти древнихъ языческихъ повѣрій.

Бѣлоруссъ въ будничной одеждѣ (Минск. губ.).

Особенно ярко былое отражается въ празднествахъ бѣлорусса, а изъ всѣхъ празднествъ «Колядки», или рождественскіе праздники, занимаютъ первое мѣсто. Въ періодъ «колядовыхъ» мистерій парубки рядятся козой, медвѣдемъ, волкомъ и свиньей. Коза—высшее существо оплодотворенія, медвѣдь—повелитель морозовъ или «Зюзя», волкъ—олицетвореніе зимнихъ метелей, а свинья—жертва богу солнцу. Рождественскіе праздники знаменуются гаданіями, «приворотами», заклинаніями и т. под. Четыре времени года также имѣютъ своихъ покровителей царей или царицъ: весна—Лелю, лѣто—Ціоцю, осень—Жиценя и зима—Зюзю.

Ціоця—жена Перуна, изображается красивой женщиной съ головой, убранной колосьями и съ плодами въ рукахъ. Въ честь ея обычаемъ установленъ праздникъ Молніи или «Громница». Масляница празднуется въ Полѣсьѣ пышно и весело. Праздникъ Пасхи—любимые весенніе дни полѣщука. Пасха совпадаетъ съ древне-языческой «Радуницей», т. е. днемъ обновленія природы. День 23 апрѣля на св. Георгія—праздникъ въ честь Лёли, весны. Затѣмъ слѣдуетъ день Ярилы, который изображается красивымъ юношей на конѣ. Изъ остальныхъ празднествъ особенно примѣчательны: день св. Троицы, Иванъ-Купало, день св. Иліи или день Перуна.

Жицень царь осени въ представленіи полѣщука существо съ длинными и взъерошенными волосами и съ тремя глазами. Жицень—существо суровое, въ его власти будущее человѣка, потому что Жицень учитываетъ результаты сельско-хозяйственныхъ работъ и распредѣляетъ благо: недостойнымъ грозитъ голодомъ, достойныхъ удовлетворяетъ всѣмъ необходимымъ. Въ половинѣ ноября во власть вступаетъ царь зимы Зюзя. Пріѣзжаетъ онъ на пѣгихъ кобылахъ, куетъ морозы, замораживаетъ рѣки и болота и выпускаетъ злыхъ духовъ въ лицѣ волковъ или метелей. Кромѣ этихъ главныхъ покровителей полѣщуки вѣрятъ въ покровительство Жижаля или бога-огня

и Чура-защитника собственности и покровителя даннаго дома или семьи. Вѣрятъ полѣщуки въ колдуновъ, оборотней, Бабу ягу, лѣшихъ и т. п. Живы въ представленіяхъ полѣщука и еще два существа: „Бѣлобогъ„ и „Чернобогъ“, Чернобога мѣшаютъ съ Зюзей, «Бѣлобога»—съ Перуномъ. Всѣ эти повѣрья, разумѣется, блѣднѣютъ или совсѣмъ стираются и уже утратили то значеніе, какое они имѣли для предшествующихъ поколѣній.

У коренныхъ бѣлоруссовъ все бѣлое: лицо, брови, волосы на головѣ; глаза или свѣтло-сѣрые, или свѣтло-голубые и какіе-то какъ будто выцвѣтшіе. Одежда бѣлоруссa также отличается отъ одежды обитателей великорусскихъ губерній: рубаха и штаны изъ бѣлаго самотканнаго холста, бѣлыя, а иногда и сѣрыя свиты, кожухи изъ бѣлой овчины, и шапка бѣлая или сѣрая. За послѣдніе года въ костюмѣ замѣтны нѣкоторыя измѣненія: фабричное издѣліе—ситцы, миткали и сукна замѣнили въ одеждѣ бѣлоруссa многое, часто видишь на молодомъ поколѣніи «спинжакъ», картузъ и ситцевое платье или рыночный платочекъ.

Полѣсье не знаетъ большихъ великорусскихъ селъ и деревень. Полѣсскія деревни большею частью въ 10, 15 или 20 домовъ, деревни въ 60 – 70 дворовъ встрѣчаются рѣдко за исключеніемъ «мѣстечекъ», которыя напоминаютъ наши уѣздные города. Въ мѣстечкахъ имѣются костелы, еврейскіе молитвенные дома, изрѣдка православныя церкви; здѣсь же школы, волостныя правленія и резиденція мѣстной уѣздной власти. Торговля также сосредоточена, главнымъ образомъ, въ мѣстечкахъ и вся въ рукаха еврейства. Близъ мѣстечекъ чаще всего расположены усадьбы «пановъ» — помѣщичьи дома въ тѣни старинныхъ парковъ или фруктовыхъ садовъ.

Съ внѣшняго вида полѣсскія деревушки угрюмы: потемнѣвшіе хатки съ низкими подслѣповатыми оконцами, какъ то особенно сдвинута надъ окнами темная кровля; службы также какія-то потемнѣвшія, точно никогда не знающія ремонта. При въѣздѣ въ деревню на «шляхахъ» (большія дороги) или на раздорожицѣ обязательно громадные, иногда до 3—4 саженъ, кресты, темные, обросшіе мохомъ. Кресты въ большинствѣ случаехъ водружаются въ разгаръ какихъ-либо народныхъ бѣдствій. Встрѣчаются у дорогъ православные часовни съ мрачными иконами и католическія «каплицы», т. е. часовни, въ которыхъ чаще всего находится аляповато сооруженное изваянія Христа на крестѣ.

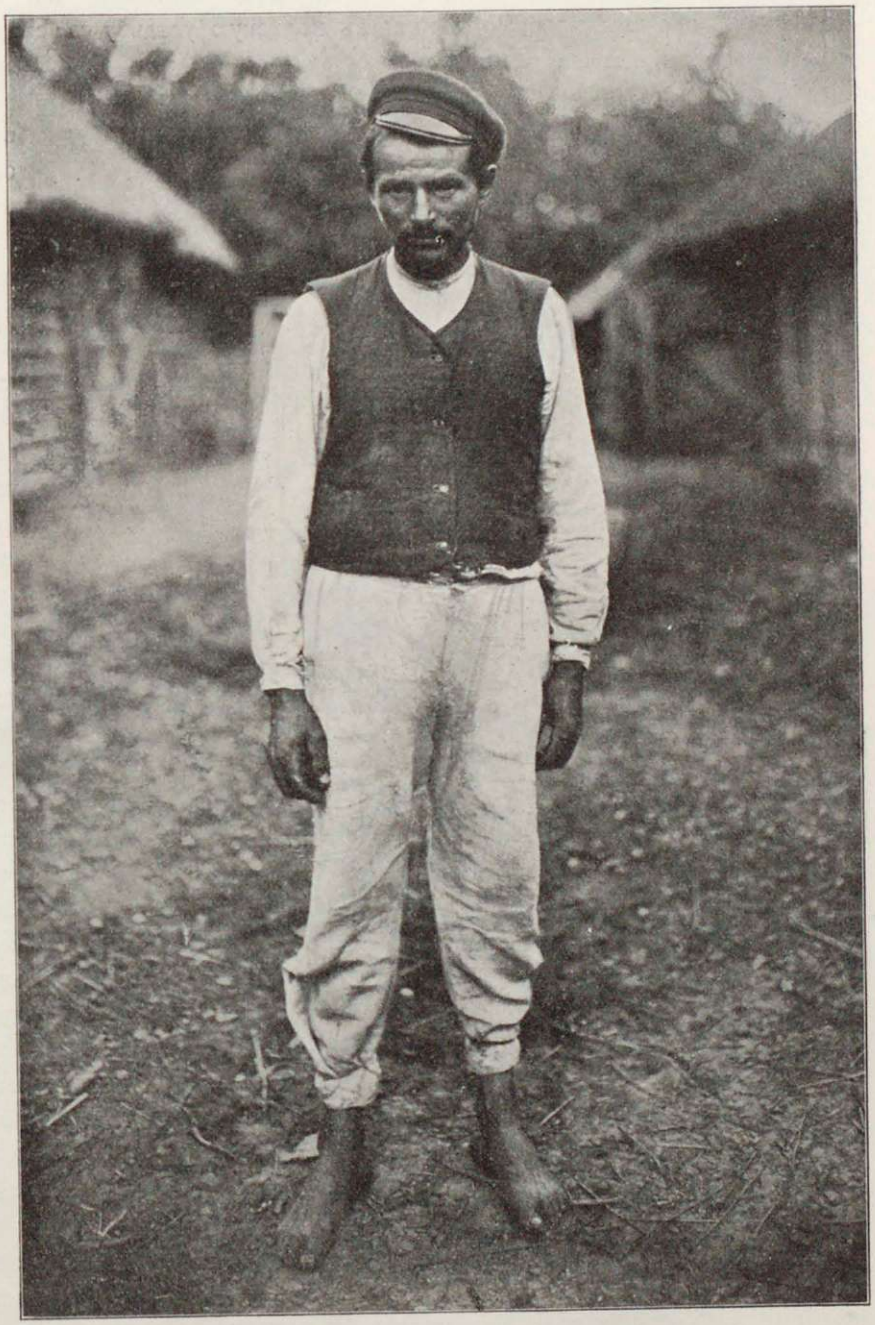
Полѣщуки не любятъ однодворческаго разселенія, и во всемъ Полѣсье вы не встрѣтите одинокаго жилья. Въ отдѣльно стоящихъ хатахъ близъ деревень обитаютъ въ большинствѣ случаевъ евреи. Иногда жилье еврея превращается въ громадныя неуклюжія постройки со службами. Это—корчма. Корчмарь еврей ведетъ и торговлю, является комиссіонеромъ, а иногда и скупщикомъ продуктовъ крестьянскаго хозяйства или скарба. Еврей-корчмарь во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ нашего великорусскаго кулака и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимаго человѣка деревни. Иногда въ глуши лѣса, гдѣ нибудь на краю сплошного болота встрѣчаются двѣ-три хатки съ ветхими черными отъ времени кровлями. Въ этихъ уединенныхъ хатахъ живутъ *будники*, добывающую буду-поташъ, или *рудники*, добывающіе руду.

Въ бытовомъ отношенія обитатели Бѣлорусскаго Полѣсья во многомъ несходны съ великороссами и даже съ малороссами, хотя, въ общихъ чертахъ, бѣлорусская семья мало чѣмъ отличается отъ семьи великоросса.

Женщина въ семьѣ бѣлоруссa главная рабочая сила у очага, и только мірскія дѣла ея не касаются, рѣдко прислушиваются къ ея голосу и въ дѣлахъ болѣе важныхъ: при распредѣленіи земельныхъ угодій, покупкѣ или продажѣ скота, и т. п.

Приходится удивляться выносливости бѣлорусской женщины. До дня появленія на свѣтъ ребенка она не измѣняетъ своимъ обычнымъ работамъ. Спустя 3—4 дня послѣ рожденія ребенка, вы уже опять встрѣчаете ее за работой. Во время родовъ зажигается свѣча «Громница», знахарка стучитъ метлою въ котелокъ, нашептываетъ и причитаетъ. Роженицу

поятъ ужаснымъ зельемъ «троянкой», т. е. смѣсью красной глины, меда, перца и поросьяго масла, растворенныхъ въ красномъ винѣ. Крещеніе совершается въ церкви на другой или на третій день послѣ рожденія. Крещеннаго младенца отецъ кладетъ на порогъ избы, это «освѣщеніе дитя черезъ порогъ». Въ теченіе перваго года ребенокъ завертывается въ тряпки или лежитъ голымъ, рубашки на него не одѣваютъ, говоря: «довольно еще времени свой викъ износить». Положеніе дѣтей въ бѣлорусской семьѣ плачевное, и смертность превышаетъ 50—60%.

Бѣлоруссъ работникъ (Минской губ.). Слуцкаго уѣзда.

Свадебные обряды совершаются съ большой пышностью: «гуляютъ» нѣсколько дней. Свадьба начинается съ «запоекъ». Въ домъ родителей невѣсты являются сватъ и сваха съ хлѣбомъ и виномъ. Вино выпивается всѣми вмѣстѣ, и если отецъ согласенъ выдать дочь, то въ опорожненную посудину сыплетъ рожь, если нѣтъ—то въ посудину наливаютъ вино, и сватья уходятъ, не говоря ни слова. Въ случаѣ согласія родителей и невѣсты начинается пированье. Невѣста собираетъ вокругъ себя подругъ, а женихъ товарищей. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на каждой свадьбѣ является «маршалъ», т.е. церемоніймейстеръ. Онъ долженъ устанавливать и блюсти порядокъ, на немъ же и обязанность веселить пирующихъ. Наканунѣ свадьбы въ домѣ жениха и невѣсты пекутся караваи. Эти свадебные хлѣбы изготовляются изъ особеннаго тѣста съ прибаутками, причитаніями и заклинаніями. Хлѣбъ пекутъ семь женщинъ и при этомъ поютъ соотвѣтствующія пѣсни. По пути въ церковь

невѣста кланяется всѣмъ встрѣчнымъ. Въ церкви, передъ самымъ обрядомъ вѣнчанія, женихъ долженъ выкупить у дѣвушекъ невѣсту подарками. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сохранились старинные обычаи: жениху и невѣстѣ подкалываютъ волосы, совершая этимъ какъ бы «подстриженіе» на новую жизнь, на голову невѣсты кладутъ прялку, а потомъ подбираютъ на головѣ косы и повязываютъ платкомъ. Въ крѣпостное время черезъ день послѣ свадьбы молодые ходили въ польскую усадьбу съ свадебнымъ караваемъ, этотъ обычай сохранился и до сихъ поръ.

Будничный костюмъ дѣвушки (Минской губ.).

Похоронные обряды мало отличаются отъ великорусскихъ. Особенное значеніе въ Бѣлоруссіи придается обряду голошенія. Съ момента смерти надъ покойникомъ голосятъ родные, ихъ смѣняютъ сосѣди, на смѣну послѣднихъ являются родственники изъ сосѣднихъ деревень, и т. д. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сохранился обычай потребленія вина на свѣжей могилѣ. На заупокойной тризнѣ ставится приборъ для души покойнаго. Въ переднемъ углу на скамьѣ, на которой такъ недавно еще лежало бездыханное тѣло покойника, разстилается бѣлый холстъ, ставятъ посудину съ чистой водой и кладутъ утиральникъ для омовенія души покойнаго. На могилахъ мужчинъ водружаются большіе кресты и кладутся камни, могилы женщинъ отмѣчаются только насыпаннымъ холмомъ.

Пѣсни свадебныя, а также и пѣсни разныхъ игрищъ и «веселій» въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ медленно уступаютъ мѣсто новымъ пѣснямъ и «частушкамъ». Изъ народныхъ плясокъ особенно въ ходу «Мяцелица».

Бѣлорусское Полѣсье не знало мелкопомѣстныхъ хозяйствъ. Громадныя лѣсныя площади принадлежали немногимъ титулованнымъ владѣльцамъ. Каждый изъ такихъ владѣльцевъ являлся для цѣлой округи своеобразнымъ владыкой и царькомъ. Окруженные челядью магнаты-аграріи усвоили совсѣмъ особенное отношеніе къ „хлопамъ“. „Хлопы“ были не только необходимой рабочей силой въ сельскохозяйственныхъ усадьбахъ или въ лѣсахъ „пана“; безъ „хлопа“ не могла обойтись ни одна княжеская охота или облава на звѣрей.

Въ былое время, когда Бѣлорусское Полѣсье представляло изъ себя глухой уголокъ, лѣсъ рубили лишь на потребности „польскихъ“ экономій, о подсобномъ заработкѣ въ лѣсу полѣсскій крестьянинъ не могъ и мечтать и жилъ исключительно трудомъ рукъ своихъ на плохо удобряемыхъ новяхъ. Никакихъ обработокъ лѣсныхъ матеріаловъ не дѣлалось, отхожіе промыслы также не процвѣтали, да владѣтельный магнатъ, одержимый „гоноромъ“, не могъ бы перенести, чтобы „хлопы его мойонтка“ шли на сторону. Крѣпостное право было уже отмѣнено, а прежнія взаимоотношенія хлопа и пана еще не успѣли изгладиться, такъ какъ хлопъ продолжалъ, въ силу естественнаго хода экономическихъ отношеній, быть въ зависимости отъ польской экономіи и челяди, окружавшей землевладѣльца. До половины минувшаго столѣтія лѣсныя угодья для помѣщика Бѣлорусскаго Полѣсья представлялись богатствомъ въ будущемъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, частой сѣтью опутавшихъ губерніи съ бѣлорусскимъ населеніемъ, для владѣльцевъ лѣсовъ установилась постоянная и прочная связь съ рынками. Лѣсныя дачи устроились по слову науки при содѣйствіи лѣсничихъ, и на всей лѣсной площади началась сплошная заготовка лѣсныхъ матеріаловъ. Связи съ рынкомъ содѣйствуетъ и шлюзный Огинскій каналъ, по которому движутся къ границѣ Германіи небольшія суденышки и плоты нагруженныя, главнымъ образомъ, лѣсными матеріалами, добытыми въ центрѣ Бѣлоруссіи, въ губерніи Минской, въ глуши Пинскихъ болотъ.

Лѣтній праздничный костюмъ дѣвушки Минской губ.

Развитіе лѣсного хозяйства въ лѣсахъ Бѣлорусскаго Полѣсья благопріятно отозвалось на экономической жизни крестьянъ въ томъ смыслѣ, что на мѣстѣ создалась необходимость

*

въ рабочихъ рукахъ. Но, съ другой стороны, то же крестьянство почувствовало стѣсненіе, въ землепользованіи. Лѣса помѣщики начали охранять, и, какъ бы въ видѣ погашенія накладныхъ расходовъ на содержаніе лѣсной стражи, лишили крестьянъ возможности пользоваться лѣсомъ. Въ былое время крестьяне пользовались правомъ „входа въ лѣсъ съ топоромъ", не говоря уже о томъ, что безъ всякихъ препятствій могли собирать грибы, ягоды, охотится на дичь и мелкаго звѣря, драть лыко для выдѣлки постоловъ (обувь изъ лыка, родъ лаптей). Такое право было установлено обычаемъ. Теперь же объ этомъ правѣ крестьяне вспоминаютъ какъ о быломъ благѣ. Въ настоящее время, чтобы пойти въ лѣсъ для сбора грибовъ или ягодъ, крестьянинъ долженъ побывать въ господской экономіи или у лѣсного объѣзчика, купить тамъ за опредѣленную сумму „квитокъ" или письменное распоряженіе на право входа въ лѣсъ.

Стѣснены крестьяне Бѣлорусскаго Полѣсья и въ отношеніи пастьбы скота. Надо замѣтить, что въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ есть еще одинъ вредный пережитокъ крѣпостныхъ земельныхъ отношеній. Это—сервитутъ или право пользованія лѣсными выгонами по сервитутному праву.

Согласно этому праву пастьбу скота бѣлорусскіе крестьяне могли производить почти по всему лѣсу, за исключеніемъ особенно цѣнныхъ участковъ. Лѣтъ 30—40 тому назадъ новый рыночный взглядъ помѣщика на лѣсныя угодья измѣнилъ эти границы, съузивъ районы пастьбищныхъ участковъ. По сервитутному праву площадь, оставшаяся послѣ вырубки лѣса, отходитъ подъ пастьбищныя угодья крестьянъ. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что большинство помѣщичьихъ дачъ въ настоящее время устроено лѣсоустроительными партіями для нормальной эксплоатаціи, пастьбищныя угодья съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сокращаются въ размѣрахъ площади. И теперь нерѣдко встрѣчаешь въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ деревню, обитатели которой хотя и живутъ въ лѣсу, но безъ лѣса. Попадаетъ крестьянская скотина въ запретный участокъ, штрафы и угонъ скота до выкупа грозятъ крестьянской семьѣ, если не раззореніемъ, то во всякомъ случаѣ нарушеніемъ и безъ того крошечнаго бюджета.

Еще въ 70-хъ годахъ дѣлались указанія на необходимость разверстанія крестьянскихъ земель юго-западнаго края, отмѣны сервитутовъ и замѣны ихъ новыми взаимоотношеніями между помѣщиками и крестьянами. Въ той же литературѣ дѣлалось и еще указаніе: „разверстаніе крестьянскихъ угодій для населенія юго-западнаго края невыгодно, потому что разверстаніе это лишитъ крестьянъ права на сервитута". Съ другой стороны, и для помѣщика разверстаніе невыгодно, такъ какъ по сервитутному праву помѣщикъ, пожелавшій разверстаться, долженъ уступить изъ своего владѣнія въ пользу крестьянъ 10% той площади, какая исчислена въ участкахъ сервитутнаго пользованія.

Положеніе это является какимъ-то роковымъ, удерживающимъ земельныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ въ старыхъ отжившихъ рамкахъ.

Положеніе крестьянъ Бѣлорусскаго Полѣсья заслуживаетъ самаго серьезнаго къ себѣ отношенія, потому что едва-ли въ Россіи можно встрѣтить еще уголокъ, гдѣ бы старый экономическій укладъ сохранился въ томъ пагубномъ видѣ, какъ это наблюдается въ четырехъ юго-западныхъ губерніяхъ, заселенныхъ бѣлоруссами. Крупный и большею частью титулованный землевладѣлецъ до сихъ поръ еще чувствуетъ себя маленькимъ царькомъ среди покорнаго и забитаго судьбою народа.

Землевладѣльцы играютъ довольно видную роль и въ городскомъ хозяйствѣ, особенно въ маленькихъ уѣздныхъ городахъ и въ мѣстечкахъ, разбросанныхъ на пространствѣ четырехъ губерній. Можно смѣло сказать, что почти всѣ еврейскія мѣстечки Виленской, Минской, Витебской и другихъ губерній построены на помѣщичьихъ земляхъ. Еврейское мѣщанство и отчасти бѣлоруссы, почему-либо поселившіеся въ мѣстечкѣ или на окраинѣ уѣзднаго города, построили свои дома на этихъ помѣщичьихъ земляхъ на правахъ долгосрочной

аренды. И еврейское мѣщанство и выходцы изъ бѣлорусскихъ деревень живутъ въ постоянной кабалѣ у владѣльцевъ, не вѣдая, что будетъ съ ихъ постройками нѣсколько лѣтъ спустя, когда арендные сроки истекутъ. И теперь уже наблюдались случаи самой ужасной эксплуатаціи тамъ, гдѣ обитателямъ мѣстечекъ и городовъ приходилось составлять новыя арендныя условія взамѣнъ старыхъ.

Убогая природа и треволненія военнаго времени препятствовали развитію духовной культуры. Начало распространенія письменности на бѣлорусскомъ языкѣ относится къ XV столѣтію. Въ теченіи вѣковъ сельскіе жители оставались безграмотными, городскіе классы населенія умѣли только писать и читать на родномъ языкѣ, высшія же сословія принялись за изученіе польскаго и латинскаго языковъ. Первый іезуитскій коллегіумъ въ

Крестьянскіе хутора (Минская губ.).

Бѣлоруссіи былъ основанъ Баторіемъ въ г. Полоцкѣ въ 1580 г.; за этимъ послѣдовало учрежденіе ихъ въ другихъ городахъ. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, кромѣ коллегіумовъ, основаны были іезуитами еще особыя школы, такъ что въ періодъ двухъ упомянутыхъ столѣтій высшее и среднее образованіе было исключительно въ рукахъ іезуитовъ Рядомъ съ этимъ почти всѣ католическіе монастыри имѣли школы, въ которыхъ дѣлались попытки просвѣщенія народа, но просвѣщеніе это имѣло цѣлью, главнымъ образомъ, религіозныя основы. Пытались заводить школы и православные монастыри, но вскорѣ эти монастыри были обращены въ базиліанскіе, а вмѣстѣ съ этимъ и школы перешли въ вѣдѣніе базиліанскихъ монаховъ. О вліяніи іезуитовъ на просвѣщеніе Бѣлоруссіи А. К. Киркоръ пишетъ: „Іезуиты дѣйствовали и просвѣщали дворянское сословіе въ Бѣлоруссіи двѣсти сорокъ лѣтъ (съ 1580 по 1820). Такое продолжительное, постоянное, ничѣмъ и никогда не измѣняемое, настойчивое исполненіе предвзятыхъ идей и системы образованія,

понятно, не могло не отразиться на жителяхъ, на ихъ характерѣ и умственномъ направленіи".

Въ царствованіе Николая I надъ іезуитскими коллегіумами и школами пронеслась гроза, разразившаяся катострофой. Всѣ іезуитскіе коллегіумы и школы были закрыты. Въ Бѣлоруссіи не было никакихъ школъ въ теченіе двухъ лѣтъ, и только послѣ этого перерыва начали открываться училища.

Что касается народной школы, то еще въ 1640 году православные жители г. Пинска основали свое училище въ цѣляхъ конкурренціи съ іезуитскими школами. Православныя народныя школы возникали и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, но быстро закрывались сами собою, потому что поддерживать ихъ было некому. Возникновеніе собственно народныхъ школъ относится лишь къ 1861—1862 гг.

Бѣлорусское Полѣсье, колыбель исконной тьмы суевѣрій, невѣжества и отсталости, является, однако, родиной выдающихся польскихъ поэтовъ, какъ Адамъ Мицкевичъ, Владиславъ Сырокомля (Лудовикъ Кондратовичъ), Ѳома Занъ, Иванъ Чечетъ и Викентій Коротанскій. Всѣ они урожденцы Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи. Хотя просвѣщенные уроженцы края принимали близко къ сердцу интересы бѣлорусскаго населенія, но непосредственнаго участія въ просвѣщеніи народныхъ массъ не принимали, выполняя свои особенныя національныя задачи. Цѣлый край съ милліоннымъ населеніемъ былъ представленъ самому себѣ, и люди жили по истинѣ въ дремучемъ лѣсу.

Въ эпоху знаменитаго Льва Сапѣги сѣверо-западный край явился ареною столкновенія двухъ вѣръ—православія и католицизма. Защитниками православія, по свидѣтельству историковъ, являлись „плохо обученные православные священники", католицизмъ насаждали, напротивъ, просвѣщенные іезуиты. Вначалѣ іезуиты старались обратить въ католицизмъ представителей дворянскаго сословія и совсѣмъ почти не обращали вниманія на крестьянъ и мѣщанъ, ни мало не сомнѣваясь въ томъ, что новообращенные „магнаты" повліяютъ на своихъ крѣпостныхъ и силою угрозы, приказаній и наказаній обратятъ и ихъ. Разсчеты іезуитовъ оправдались, и унія дѣлала въ краѣ быстрые успѣхи. Вліяніе уніи не распространилось только на тѣ селенія Бѣлорусскаго Полѣсья, которыя расположены были въ глуши лѣсовъ среди непроходимыхъ болотъ, хотя впослѣдствіи многія и изъ этихъ деревень примкнули къ уніатамъ. Въ настоящее время въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ не рѣдко встрѣчаются семьи, вѣрованія которыхъ весьма трудно опредѣлить. Имѣютъ такія семьи общеніе и съ православнымъ священникомъ, не чуждаются и посѣщенія костеловъ.

В Брусянинъ.

Поляки.

Природа страны — Составъ и происхожденіе современной Польши. — Этнографическое дѣленіе. — Польскіе крестьяне. — Помѣщики. — Промышленность и города.—Евреи и нѣмцы.—Народное образованіе, управленіе, политическая и общественная жизнь въ Царствѣ Польскомъ.

Царство Польское, иначе Привислинскій край, есть обломокъ распавшагося государства, область особой національной культуры. Въ десяти губерніяхъ его вся масса населенія состоитъ изъ поляковъ. Историческое прошлое Польши, какъ и ея современное состояніе, превращаютъ ее въ соединительное звено между двухъ культуръ, связывающее, наряду съ Чехіей, восточные и южные славянскіе народы съ западно-европейскими націями. Польскій народъ прошелъ многія ступени, оставленныя позади западно-европейскими народами; въ то же время онъ представляетъ много чертъ, связывающихъ его съ восточными сосѣдями и накладывающихъ на польскую жизнь отпечатокъ, несвойственный Западу.

Природа русской Польши не представляетъ чего-нибудь оригинальнаго. На югѣ однообразный рельефъ ея нѣсколько оживляется небольшими возвышенностями, которыя носятъ названія Малопольской и Люблинской, и, полого спускаясь къ сѣверу, переходятъ въ польскую низменность, пересѣченную теченіемъ Вислы и ея притоковъ. На сѣверѣ лежатъ озера, долины между холмовъ съ округленными вершинами, между ними расположены болота, часто затянутыя мхомъ; валуны разбросаны всюду или залегли въ землѣ въ толщахъ песка и глины: Лѣса еще и теперь покрываютъ сѣверо-восточную часть Царства Польскаго; нѣкогда они занимали весь бассейнъ Вислы. Въ литовскихъ земляхъ, въ губерніяхъ Ковенской, Виленской, отчасти Гродненскойи Сувалкской лучше сохранились эти лѣса.

Успѣхамъ экономической и духовной культуры Польши несомнѣнно содѣйствовалъ благопріятный климатъ края, съ мягкой зимой и незнойнымъ лѣтомъ. Умѣренная температура и достаточное количество осадковъ благопріятствуютъ земледѣлію и плодоводству. Всевозможныя хлѣбныя растенія произрастаютъ въ Польшѣ и даютъ часто великолѣпные урожаи. Также успѣшно можетъ развиваться и плодоводство. Кое-гдѣ встрѣчаются округа сплошь вспаханные и воздѣланные, съ полями, прекращающимися только тамъ, гдѣ начинаются сады.

Поляки одновременно съ русскими пережили переходъ отъ существованія разрозненными родами и племенами къ государству, правда непрочному. Въ слѣдующія столѣтія поляки нѣсколько опережаютъ восточныхъ славянъ. Въ Средніе вѣка жизнь складывается въ Польшѣ по образцу западно-европейской, съ порабощеніемъ крестьянства феодалами-помѣщиками въ союзѣ съ многочисленнымъ землевладѣльческимъ духовенствомъ. Въ слѣдующіе періоды жизнь польскаго народа становится болѣе своеобразной. Въ Полъшѣ не выдвинулись общественныя силы, способныя остановить ростъ феодализма. Непомѣрно выросшее значеніе крупной шляхты, и, какъ слѣдствіе этого, порабощеніе крестьянства, являются въ жизни польскаго народа основнымъ явленіемъ, вліяніе котораго можно прослѣдить какъ въ крупныхъ событіяхъ польской исторіи, такъ и въ повседневной польской

народной жизни. Это преобладаніе крупнаго дворянства привело Польшу къ національному несчастью — къ раздѣламъ, безплоднымъ возстаніямъ; та же причина исказила духовный обликъ народа. Неограниченный произволъ помѣщичьяго класса придалъ крестьянамъ безличный, приниженный характеръ. Далѣе, для правильнаго пониманія характера поляковъ необходимо оцѣнить вліяніе въ странѣ католическаго духовенства. Церковь въ Польшѣ всегда находилась въ тѣсномъ союзѣ съ господствующимъ классомъ.

Литва раздѣляла судьбу Польши. Этнографическій островокъ среди обширнаго славянскаго моря, литовцы только на сѣверо-западѣ соприкасались съ неславянскимъ народомъ—нѣмцами Тевтонскаго ордена. И со славянами и съ нѣмцами литовцы долгое время не сливались. Живя въ дремучихъ лѣсахъ, окруженные непроходимыми болотами, литовцы до конца XIV-го вѣка сохраняли свою самобытность. Въ концѣ XIV-го вѣка съ установленіемъ уніи, соединившей оба государства воедино, рухнула послѣдняя твердыня язычества. Иноземцы, главнымъ образомъ поляки и русскіе, начали проникать въ Литву, принося съ собой культуру, захватывая высшія должности и лучшія земли. И теперь еще помѣщики здѣсь поляки, отчасти русскіе, сами литовцы преимущественно крестьяне.

Польскіе крестьяне изъ подъ Варшавы.

Территорія русской Польши въ современномъ видѣ сложилась окончательно въ 1815-мъ году, когда на вѣнскомъ конгрессѣ были опредѣлены ея границы и было образовано особое автономное, зависящее отъ Россіи государство—Царство Польское. Затѣмъ, послѣ возстанія 1830—31-го года автономія царства была уничтожена, и оно обратилось въ провинцію, которой послѣ возстанія 1863-го года было присвоено названіе Привислинскаго края. XIX-ый вѣкъ характеризуется для Царства Польскаго раскрѣпощеніемъ крестьянства, улучшеніемъ его экономическаго положенія. То, чего не хотѣли и не могли сдѣлать сами поляки, и что могло спасти Польшу отъ внутренняго и внѣшняго разложенія—раскрѣпощеніе и улучшеніе положенія трудящагося крестьянства, выполнили Наполеонъ и русское правительство. Наполеонъ далъ польскому крестьянству личную свободу, русское правительство, стремясь ослабить дворянство, надѣлило въ 1864-мъ году безземельныхъ крестьянъ помѣщичьими землями.

Царство Польское составилось изъ частей Великой и Малой Польши, изъ древнихъ великопольскихъ воеводствъ Плоцкаго, Мазовецкаго и Равскаго, и Малопольскихъ—Краковскаго (за исключеніемъ самого Кракова съ его окрестностями), Сандомирскаго, Люблинскаго, Подляскаго и части Троцкаго. Теперь край подѣленъ на десять губерній. Около 80% населенія царства поляки; затѣмъ слѣдуютъ евреи, которыхъ насчитывается около милліона, гораздо меньше нѣмцевъ и русскихъ, ихъ живетъ въ краѣ нѣсколько сотъ тысячъ. Большая часть русскихъ—чиновничество и войска. Изъ остальныхъ народностей, встрѣчающихся въ русской Польшѣ, отмѣтимъ еще литовцевъ, составляющихъ большинство населенія Сувалкской губерніи, которая въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ гораздо ближе къ литовскимъ землямъ, чѣмъ къ польскимъ.

Польское населеніе распадается на нѣсколько племенъ, мало разнящихся между собой. Въ губерніяхъ Плоцкой, Ломжинской, Варшавской и Сѣдлецкой (прежняя Мазовія) обитаютъ куявяки, называемые лѣсными, въ отличіе отъ прусскихъ куявъ—луговыхъ. Почти

всю Ломжинскую губернію населяютъ курпы, въ восточной половинѣ Варшавской губерніи живутъ ксенжаки, селенія которыхъ расположены вокругъ города Ловича. Остальное населеніе Мазовіи составляютъ мазуры. Общественныя и національныя связи сплотили всѣ эти племена въ одно цѣлое, въ которомъ исчезаютъ куявяки, ксенжаки, курпы и т. п. Въ этомъ процессѣ сыграла немалую роль быстро растущая промышленность. На лодзинскихъ, варшавскихъ, сосновицко-домбровскихъ фабрикахъ и заводахъ стираются всякія мѣстныя и племенныя различія и вырабатывается общій для всей Польши, а отчасти и для всего европейскаго промышленнаго міра, типъ рабочаго, со всѣми присущими ему чертами характера; а такъ какъ между фабрикой и деревней существуетъ постоянная связь, то вліяніе этого даетъ себя чувствовать по всей странѣ. При ознакомленіи съ современной польской народной жизнью съ бытомъ, хозяйствомъ и вѣрованіями польскаго крестьянства, бросаются въ глаза не племенныя различія отдѣльныхъ группъ населенія, а большее или меньшее участіе даннаго округа въ промышленной жизни страны, большая или меньшая связь его съ европейской культурой. Въ этомъ отношеніи русская Польша подѣлена теченіемъ Вислы на двѣ части—къ востоку отъ Вислы населеніе бѣднѣе и невѣжественнѣе, почва обрабатывается хуже, лѣса встрѣчаются чаще, болота осушаются рѣже; и положеніе крестьянъ во всѣхъ отношеніяхъ хуже. Къ западу отъ Вислы крестьяне зажиточнѣе культурнѣе и, соотвѣтственно съ этимъ, способы веденія хозяйства, жилища, одежда—все указываетъ на сравнительный достатокъ.

Крестьянская дѣвушка (Калишской губ.).

Несмотря на важное значеніе промышленнсти крестьянство остается наиболѣе многочисленнымъ классомъ, только въ болѣе промышленныхъ районахъ мѣстность носитъ характеръ какъ бы сплошного города, напоминая фабричные округа Германіи, Франціи и Англіи. Такихъ крупныхъ районовъ три—варшавскій, лодзинскій и сосновицко-домбровскій.

Выше уже упоминалось о присущихъ польскому крестьянину чертахъ, привитыхъ ему долгимъ рабствомъ: приниженность, подобострастность и лицемѣріе по отношенію къ имѣющимъ силу и власть. Жизнь до сихъ поръ не вытравила изъ него этихъ свойствъ. Польскій крестьянинъ переноситъ оскорбленія отъ помѣщика или чиновника такъ же униженно, какъ раньше; цѣлованіе руки и даже ноги у пана также еще случается наблюдать въ Польшѣ. Однако природная даровитость и стремленіе къ свободѣ, столь характерныя для польской шляхты, не чужды и крестьянству. Отмѣтимъ еще присущее полякамъ широкое госте-

пріимство и добродушіе, часто переходящее въ искреннюю сердечность. У поляковъ преобладаютъ свѣтлые глаза, иногда съ красивымъ продолговатымъ разрѣзомъ; выраженіе физіономіи, оживленное веселостью и добротой, часто безъ замѣтнаго перехода становится грустнымъ и страдающимъ. Несмотря на сравнительно умѣренный климатъ, цвѣтъ кожи часто смуглый, волосы темные.

Плотность населенія въ Привислинскомъ краѣ очень велика, она превосходитъ 80 ч. на кв. к. Въ западныхъ губерніяхъ плотность значительно больше, достигая 100 ч. и болѣе на кв. к. Несмотря на плотность, польская деревня, благодаря высокой техникѣ земледѣлія можетъ, обходиться своимъ хлѣбомъ, и только польскіе города нуждаются въ привозномъ. Наряду съ землепашествомъ главнымъ средствомъ существованія крестьянина, а особенно помѣщика, служатъ плодоводство и, еще болѣе, скотоводство. Скотоводство по качеству скота и по организаціи хозяйства уступаетъ въ Россіи только образцовому прибалтійскому.

По внѣшнему виду польская деревня западной полосы мало чѣмъ отличается отъ сѣверно русской—тѣ же деревянныя, крытыя соломой, избы, та же широкая улица по серединѣ, часто то же расположеніе деревенскихъ построекъ; но только размѣры ихъ больше. Избы обширнѣе и построены лучше. Иногда, впрочемъ, встрѣчаются обѣднѣвшія деревни съ жалкими, даже курными избами, но бѣдность не является общимъ фономъ деревенской жизни. Къ дому примыкаетъ полисадникъ съ тѣнистыми яблонями, липами, съ цвѣточными кустами. Просторный дворъ обставленъ хозяйственными постройками, прочно и хорошо сколоченными; здѣсь и хлѣвъ, и амбаръ, и сарай и всѣ эти сооруженія не жалкія клѣтушки, какъ это часто бываетъ въ Россіи. Скотъ и лошади содержатся хорошо, въ хлѣву наблюдается чистота. Характерное отличіе западно-польской, въ частности куявской избы—выступающія впередъ крытыя сѣни на рѣзныхъ столбикахъ, но безъ стѣнъ. Внутреннее убранство избы также указываетъ на болѣе высокія требованія къ комфорту польскаго крестьянина по сравненію съ русскимъ, на большій достатокъ. На стѣнахъ олеографіи, домашняя утварь на полкахъ, деревянные столы и длинныя лавки для спанья вдоль стѣнъ. Среди иконъ главное мѣсто занимаетъ деревянное или костяное, рѣже серебряное распятія. Треть комнаты занимаетъ громадная, съ полатями, печь. Въ одеждѣ крестьянъ и крестьянокъ на западѣ, у куявяковъ, преобладаютъ красные и зеленые цвѣта—сукно, шелкъ, шерсть, все, обыкновенно, купленное, фабричное. Праздничные крестьянскіе жупаны обшиты по швамъ свѣтлымъ шнуркомъ, женщины носятъ шелковые, иногда шерстяные платки, шелковые корсажи со шнуровкой спереди. Головной уборъ у мужчинъ составляютъ лѣтомъ своеобразные цилиндры, немного расходящіеся кверху, а зимой бараньи шапки, иногда съ наушниками. Женщины носятъ платки, оригинально повязанные въ формѣ тюрбановъ, иногда чепцы со шнурками и лентами—все свѣтлое, яркое, преимущественно красное и зеленое. Ксенжаки зажиточнѣе куявяковъ, одежда ихъ еще пестрѣе и красивѣе. Они славятся по всей Польшѣ разведеніемъ хорошихъ лошадей.

Въ восточныхъ польскихъ губерніяхъ картина рѣзко мѣняется. Въ Ломжинской и особенно въ Сувалкской и Сѣдлецкой губерніяхъ бѣдность, а иногда и разореніе сельскаго населенія становятся явленіями болѣе или менѣе распространенными. Въ южной Польшѣ обѣднѣніе населенія наблюдается еще по ту сторону Вислы, въ губерніи Радомской и восточной части Кѣлецкой. Люблинская губернія, особенно восточная ея часть, Холмщина мало характерна для Польши; западная же ея часть, населенная поляками, отличается лучшей почвой и особенно мягкимъ климатомъ. Примѣсь къ польскому населенію малорусскаго, дѣлаетъ эту область яблокомъ раздора между русскимъ правительствомъ и польскимъ обществомъ.

На востокъ деревни и обработанныя поля рѣже, дороги становятся все хуже, больше лѣсовъ и болотъ; почва здѣсь менѣе плодородна, удобряется сравнительно плохо; русская

неуклюжая соха замѣняетъ здѣсь часто широко распространенный въ Польшѣ плугъ. Избы также меньше и ниже, съ тяжелой, свѣсившейся по краямъ соломенной крышей, изъ-подъ которой выглядываютъ крошечныя, тусклыя оконца. Въ одеждѣ крестьянъ фабричныя ткани не вытѣснили еще самодѣльной сѣро-бѣлой холстины; высокіе сапоги замѣняются лаптями изъ лыка. Въ общемъ замѣтенъ переходъ къ еще болѣе бѣдному Полѣсью. Въ южной части Польши населеніе опять зажиточное. Еще чаще, чѣмъ у куявъ, встрѣчаются крестьяне, разодѣтые пестро. Населенные мѣстечки многочисленнѣе. Плотность населенія достигаетъ здѣсь наибольшей высоты: въ Петроковской губерніи около 135 ч. на кв. к. Ростъ городовъ объясняется здѣсь развитіемъ фабрично-заводской промышленности. Кѣлецкая губернія также отличается болѣе или менѣе промышленнымъ характеромъ—особенно развито здѣсь горное дѣло. Кромѣ того по всему югу Польши распространено разведеніе свекловицы. Крайній юго западъ Польши не чисто польскій. Здѣсь замѣтна большая примѣсь малороссовъ. Чаще встрѣчаются хаты, вымазанныя глиной и выбѣленныя подъ самую крышу. Наряду съ малорусской свиткой и польской сукманой встрѣчаются ременные пояса съ бронзовыми пряжками спереди и сзади, какъ у сербовъ и черногорцевъ.

Мелкіе землевладѣльцы (Кѣлецкая губ.).

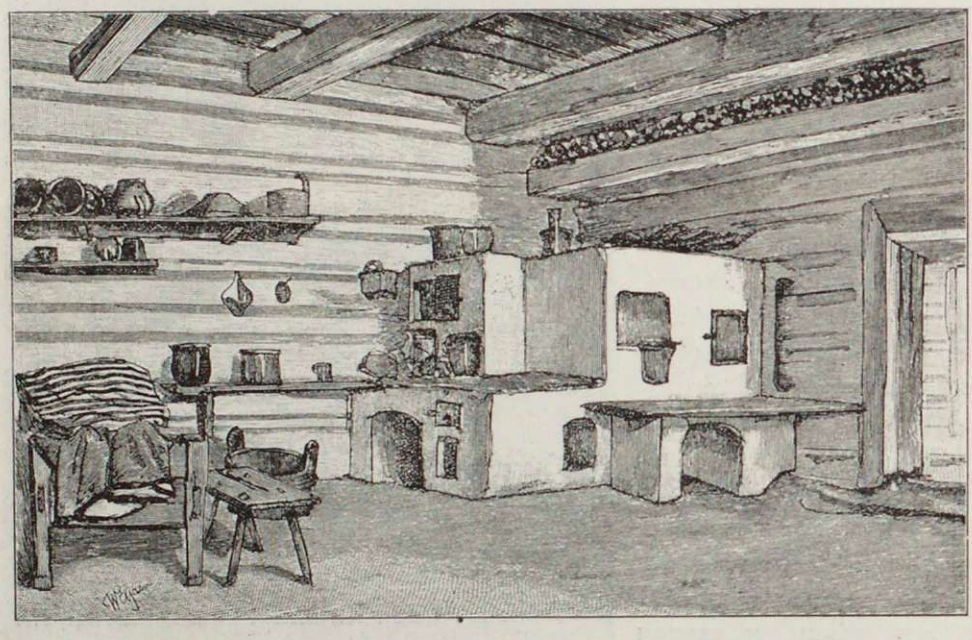
Католическая религія, которую исповѣдуютъ поляки, уживается съ вѣрой въ цѣлый рядъ сверхестественныхъ существъ, какъ водяные, русалки, домовые, лѣшіе, упыри. Умершія некрещенными дѣти обращаются въ упырей и сосутъ кровь у живыхъ или ходятъ ночью по пустыннымъ полямъ и просятъ крещенія; души самоубійцъ тоже не могутъ успокоиться и наводятъ ночью страхъ на одинокихъ прохожихъ. То же смѣшеніе христіанскаго и языческаго замѣтно въ празднествахъ и обычаяхъ. Полякъ любитъ танцы, и каждая польская область испоконъ вѣку имѣетъ свой излюбленный танецъ: мазуры—мазурку, поляки Малой Польши—краковякъ, куявы—куявякъ; кромѣ того хожденіе или полонезъ—танецъ, общій для всей Великой Польши. Больше всего танцуютъ на свадьбахъ. Свадьбѣ предшествуетъ объѣздъ всей округи дружбой съ приглашеніемъ посѣтить торжество. Въ костелъ и изъ костела ѣдутъ шумной процессіей, разукрашенные лентами и цвѣтами, въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ.

Польскій крестьянинъ владѣетъ землей на правѣ личной собственности. Дробленіе земли въ Польшѣ ограничено опредѣленнымъ минимумомъ, что приближаетъ ее и въ этомъ отношеніи къ западно-европейскимъ странамъ. Собственническіе инстинкты глубоко вкоренились въ душу польскаго крестьянина, всѣ его идеалы отливаются въ стремленіе пріобрѣсти лишній клочекъ земли, округлить свои владѣнія. Земли у крестьянства мало — въ среднемъ приходится на душу всего около двухъ десятинъ. При такомъ малоземельи ростъ сельскаго населенія неизбѣжно влечетъ за собой быстрое увеличеніе безземельныхъ. Эммиграція поляковъ съ каждымъ годомъ увеличивается, толпы польскихъ

*

крестьянъ и ремесленниковъ, потерявъ надежду на улучшеніе своего положенія на родинѣ, ищутъ хлѣба за океаномъ, въ Америкѣ.

Польскій помѣщикъ при достаткѣ не запирается въ усадьбѣ, а явно тяготѣетъ къ городу. Усадьба крупнаго польскаго магната—своеобразное маленькое королевство. Недаромъ одинъ польскій помѣщикъ поставилъ на границѣ своего имѣнія столбъ, на одной сторонѣ котораго красовалась надпись „Россія", а на другой—названіе имѣнія. Цѣлый штатъ служащихъ, съ управляющимъ во главѣ, населяетъ помѣщичьи людскія и дворовыя постройки. Въ домѣ имѣется своя часовня-капелла и свой ксендзъ-капелланъ, большей частью играющій роль воспитателя дѣтей; нѣсколько дворянъ-приживальщиковъ составляютъ свиту магната. Въ родовыхъ помѣстьяхъ за анфиладой роскошно убранныхъ комнатъ въ узкой и высокой галлереѣ всѣ стѣны увѣшаны портретами предковъ. Въ наше время крестьяне уже не бросаются ничкомъ въ придорожную пыль при видѣ богатой панской коляски, и раболѣпіе распространяется не дальше границъ панскаго помѣстья. Дворянскія хозяйства занимаютъ около половины всей земельной площади Царства Польскаго. Четвертая часть всей площади Привислинскаго края принадлежитъ крупнымъ владѣльцамъ — родовитымъ магнатамъ, Потоцкимъ, Понятовскимъ, Вишневецкимъ, Огинскимъ и т. д. Около десяти процентовъ земельной дворянской собственности находится въ рукахъ мелкой шляхты, владѣющей участками не свыше 50 десятинъ. Бытъ мелкихъ дворянъ-собственниковъ напоминаетъ бытъ зажиточнаго крестьянства: та же изба, только помѣстительнѣе; тотъ же тяжелый трудъ, только при содѣйствіи нѣсколькихъ крестьянъ-батраковъ; тотъ же узкій кругъ интересовъ и то же невѣжество. Лишь въ одеждѣ и, главное, въ обращеніи шляхтичъ старается сохранить шляхетскій гоноръ. Больше всего такихъ мелкихъ шляхетскихъ хозяйствъ разбросано въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ—въ Сувалкской, Сѣдлецкой и въ Литовской области. Помѣщичьи хозяйства ведутся, въ общемъ, еще интенсивнѣе крестьянскихъ, являясь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образцовыми.

Внутренность крестьянской хаты.

Пятая часть населенія Царства Польскаго, около 2 милліоновъ, живетъ въ городахъ. Польскій городъ въ еще большей степени, чѣмъ деревня, напоминаетъ Западную Европу. Города въ Царствѣ Польскомъ располагались на возвышенномъ берегу рѣки или среди трудно-проходимыхъ болотъ или въ мѣстахъ, гдѣ когда-то росли дремучіе лѣса, въ мѣстахъ, представлявшихъ надежную защиту отъ враговъ. Фабричные города состоятъ изъ предмѣстій съ длинными улицами, уставленными фабричными корпусами и многоэтажными

домами для рабочихъ, чередующимися съ роскошными особняками владѣльцевъ и фабричныхъ конторъ. Облака дыма носятся въ воздухѣ, покрывая чернымъ налетомъ стѣны домовъ, панели, мостовую, рѣдкія жалкія деревья, прохожихъ. Миновавъ пригородныя фабрики и заводы, густо населенный рабочій кварталъ, мы вступаемъ въ „Старый городъ", обратившійся въ еврейскій кварталъ. Говоръ, крики и суета—типичная особенность этой части. По узкимъ, кривымъ улицамъ, въ тѣни высокихъ домовъ, съ нависшими верхними этажами, въ грязи и вони возятся черноволосые, смуглые ребятишки. Здѣсь же и базаръ, уставленный возами. Со старымъ городомъ граничитъ новый, чистый и изящный, съ бульварами и главной аллеей, ведущей въ городской паркъ, превосходно содержимый, сверкающій на солнцѣ ярко-зелеными газонами и пестрыми клумбами. Трамваи прорѣзываютъ городъ, электрическіе фонари, сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ—неизбѣжная принадлежность порядочнаго города. Есть немало городовъ, не имѣющихъ старыхъ кварталовъ—это промышленные центры, выросшіе въ теченіе XIX-го вѣка, какъ, напримѣръ, Лодзь, превратившаяся въ нѣсколько десятковъ лѣтъ изъ ничтожнаго мѣстечка въ первоклассный европейскій городъ.

Значительный процентъ городского населенія Царства Польскаго составляютъ евреи и нѣмцы. Евреи появились въ Польшѣ въ средніе вѣка, когда, гонимые отовсюду, они толпами переселялись въ Польшу. Страна, не имѣвшая собственнаго торговаго сословія, въ то же время выгодно расположенная среди сосѣднихъ странъ, нуждалась въ крупныхъ и мелкихъ торговыхъ посредникахъ, въ ремесленникахъ и предпринимателяхъ. Очень долго евреи держали въ своихъ рукахъ почти всю торговлю и промышленность края. Но въ теченіе XIX-го вѣка выросъ и окрѣпъ польскій торгово-промышленный классъ. Нѣмцы составляютъ другую примѣсь къ польскому населенію, они легче ассимилировались и мѣстами стали настоящими поляками, оставаясь нѣмцами только по фамиліи; ополячившихся евреевъ гораздо меньше. Нѣмцы, переселившіеся въ Польшу недавно и переселяющіеся еще и теперь, оказались менѣе податливыми, чѣмъ раньше иммигрировавшіе; они упорно сохраняютъ свою культуру и языкъ, образуя обособленныя нѣмецкія колоніи. Въ деревняхъ евреи, а тѣмъ болѣе нѣмцы, встрѣчаются гораздо рѣже, но и здѣсь они играютъ ту же роль торговыхъ посредниковъ, скупщиковъ сельскихъ продуктовъ и лѣса, содержателей шинковъ, иногда арендаторовъ.

Промышленность находится въ Польшѣ въ состояніи расцвѣта. Причинъ этому много: вопервыхъ, ростъ населенія обезпечиваетъ предпринимателямъ дешевый трудъ въ лицѣ непрерывно обезземеливающагося крестьянства; вовторыхъ, центральное положеніе Царства Польскаго вовлекаетъ страну въ экономическія связи съ сосѣдями; втретьихъ, край богатъ каменнымъ углемъ, безъ котораго не можетъ существовать современная промышленность; наконецъ, очень важнымъ является то обстоятельство, что предпринимателямъ Царства Польскаго обезпеченъ обширнѣйшій рынокъ для безпошлиннаго сбыта фабричныхъ продуктовъ и полученія необходимаго сырья—необъятная, многомилліонная Россія.

Промышленность въ Царствѣ Польскомъ начала особенно развиваться съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, одновременно съ появленіемъ и ростомъ желѣзнодорожной сѣти. Постепенно выдѣлились три особенно промышленныхъ района, которые связаны между собой тѣснѣйшими узами товарообмѣна. Эти три района, захватывая все большую территорію, стремятся слиться въ одну сплошную полосу, прорѣзывающую все Царство Польское отъ сѣверной границы съ Германіей до южной границы съ Австріей. На крайнемъ югѣ Царства, въ двухъ смежныхъ южныхъ уѣздахъ Петроковской и Кѣлецкой губерній, Бендинскомъ и Олькушскомъ, расположенъ фабричный, а главное горнопромышленный Сосновицко-домбровскій округъ—естественный складъ минеральнаго топлива, поставляющій каменный уголь не только въ фабрично-заводскіе районы и на желѣзныя дороги Привислинья, но и въ юго-западную Россію. Угля здѣсь добывается до 350 милліоновъ пудовъ въ годъ, изъ

20-ти слишкомъ копей. Слѣдующимъ къ сѣверу округомъ является Лодзинскій. Въ этомъ и въ сосѣднемъ варшавскомъ округѣ преобладаетъ текстильная промышленность, въ особенности обработка шерсти; въ отношеніи этой отрасли производства Петроковская губернія съ Лодзью занимаетъ первое мѣсто въ Россіи. Общая производительность всѣхъ фабрикъ и заводовъ Царства Польскаго достигаетъ почти полумилліарда рублей въ годъ. Значительную долю сдѣшняго пролетаріата, какъ впрочемъ и вездѣ въ Привислиньи, составляютъ евреи. Евреи занимались въ городахъ ремеслами, пришедшими въ упадокъ вслѣдствіе фабричной конкурренціи. Бывшіе ремесленники принуждены были искать заработокъ на фабрикахъ. Но цехи съ средневѣковымъ регламентомъ, съ своеобразными обычаями и съ особой профессіональной этикой еще сохранились. Разъ въ годъ, въ праздникъ святого патрона, цехъ совершаетъ торжественное богослуженіе въ костелѣ. Но уже недалеко время,

Крестьяне въ праздникъ на пути изъ костела.

когда послѣдній самостоятельный ремесленникъ присоединится къ трехсотъ тысячной арміи польскаго и еврейскаго пролетаріата.

Въ отношеніи просвѣщенія населеніе Царства Польскаго стоитъ ниже всѣхъ другихъ областей Имперіи и, что хуже всего, послѣднія десятилѣтія характеризуются медленнымъ, но неуклоннымъ упадкомъ просвѣщенія. Число школъ растетъ медленнѣе прироста населенія, и школа все меньше и меньше удовлетворяетъ потребности населенія въ образованіи. Это язва, больное мѣсто польской жизни, накладывающее тяжелый отпечатокъ, какъ на весь народъ въ цѣломъ,такъ и на каждаго отдѣльнаго поляка. Въ этомъ заключается униженіе польской культуры, униженіе національнаго и человѣческаго достоинства. Яркій показатель состоянія народнаго просвѣщенія являютъ собою новобранцы изъ Царства Польскаго: около двухъ третей ихъ оказывается неграмотными. Правительство взяло польскую школу въ свои руки, ввело въ ней русскій языкъ какъ языкъ преподаванія, изгнало польскаго учителя, замѣнивъ его,

гдѣ возможно русскимъ и, такимъ образомъ, сдѣлало школу чуждой населенію. Въ результатѣ народная школа обращена на разрушеніе самобытной польской культуры, на денаціонализацію населенія. Въ средней и высшей школѣ проводится та же система: преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, учащимся запрещено во все учебное время разговаривать даже между собой по польски подъ страхомъ наказанія, иногда очень строгаго, вплоть до увольненія изъ училища. Только въ 1905-мъ году разрѣшено открытіе частныхъ польскихъ гимназій съ преподаваніемъ на полькомсъ языкѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ предметовъ—географіи, исторіи, русскаго языка и литературы. Несмотря на отсутствіе у этихъ гимназій всякихъ правъ, польское общество явно предпочло ихъ правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ, всеобщая нелюбовь къ которымъ принимаетъ иногда характеръ массового бойкота. Слѣдствіемъ этой политики является совершенно противоположный результатъ: поляки относятся ко всему русскому съ озлобленіемъ. Почти всѣ общественныя группы, отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ, ярко окрашены національнымомъ, всѣ идеализируютъ польское въ ущербъ русскому. Вслѣдствіе невѣжества населенія большимъ вліяніемъ пользуется католическое духовенство, страдающее, также какъ и паства, значительнымъ недостаткомъ образованія.

Постоянное возбужденіе національнаго чувства агрессивными обрусительными пріемами производится не только въ школѣ—вся система управленія краемъ проникнута тѣми же принципами. Польскія губерніи находились, находятся и теперь или на военномъ или на какомъ нибудь другомъ исключительномъ положеніи, расширяющимъ и безъ того обширныя полномочія мѣстныхъ властей. Во главѣ управленія краемъ стоитъ варшавскій генералъ-губернаторъ, отъ котораго зависятъ губернаторы отдѣльныхъ губерній. Полиція въ краѣ составляетъ замѣтный процентъ населенія, наряду съ русскими войсками, часто несущими здѣсь охранительныя полицейскія обязанности. Уѣздная полиція, носящая названіе земской стражи, находится въ вѣдѣніи уѣздныхъ начальниковъ, соотвѣтствующихъ исправникамъ русскихъ губерній. Кромѣ того существуетъ еще должность коммисара по крестьянскимъ дѣламъ; положеніе, занимаемое комиссаромъ въ системѣ управленія, соотвѣтствуетъ положенію земскаго начальника въ русскихъ губерніяхъ. Земскаго и городского самоуправленія не существуетъ; единственный намекъ на мѣстное самоуправленіе—гмина, соотвѣтствующая волости. Въ городахъ всѣ представители мѣстнаго городского управленія, называемаго магистратомъ, назначаются правительствомъ и числятся на государственной службѣ; въ губернскихъ городахъ магистратъ состоитъ изъ президента и ратмановъ, въ уѣздныхъ изъ бургомистра и лавниковъ. Ратманы и лавники образуютъ совѣты при президентахъ и бургомистрахъ.

Гмина—слово, происходящее отъ нѣмецкаго Gemeinde, что значитъ община. Вѣдѣнію гминныхъ управленій подлежатъ административно-хозяйственныя дѣла общины. Во главѣ управленія стоитъ избираемый сходомъ войтъ и избираемые сельскими сходами солтысы; кромѣ того, гминный сходъ можетъ избрать двухъ уполномоченныхъ, имѣющихъ право контролировать дѣятельность войта и гминнаго писаря. Гминный писарь—самое важное лицо въ гминномъ управленіи. Писарь обыкновенно всегда избирается въ угоду уѣздному начальнику, играя въ гминѣ роль его агента. Всѣ выбранные гминнымъ сходомъ кандидаты въ должностныя лица нуждаются въ утвержденіи уѣзднаго начальника или губернатора, и этимъ чрезвычайно усиливается вліяніе администраціи на составъ гминныхъ управленій, а слѣдовательно и на ихъ дѣятельность. Гминный сходъ составляютъ, кромѣ домохозяевъ-крестьянъ, также и мѣстные помѣщики, что придаетъ гминѣ двусословный характеръ; духовенство, рабочіе и предприниматели, однимъ словомъ, неземлевладѣльцы исключены отъ участія въ сходѣ, что лишаетъ польскую общину крупнаго источника доходовъ и, такимъ образомъ, до нельзя сокращаетъ хозяйственную, образовательную и благотворительную дѣятельность гмины.

Судъ также носитъ антипольскій отпечатокъ. Въ окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ всѣ значительныя должности замѣщаются коренными русскими; на судѣ господствуетъ русскій языкъ. Тоже самое можно сказать о мировыхъ судахъ въ городахъ. Только въ гминномъ судѣ антинаціональное направленіе проведено въ меньшей степени. Производство гминнаго суда и рѣшенія его излагаются на русскомъ языкѣ, пренія же сторонъ могутъ происходить и по польски.

Несмотря на всѣ эти мѣры основной фонъ польской общественной жизни остается національнымъ. Поляки націоналисты прежде всего потому, что для нихъ національный вопросъ настолько насущный, что онъ господствуетъ надъ вопросами общественно-экономическими, въ основѣ болѣе существенными. Въ 1905-омъ году поляки, включая и соціалистовъ, любили надѣвать на себя значекъ съ изображеніемъ польскаго орла, подчеркивая этимъ свои націоналистическія убѣжденія. Царство Польское, въ отношеніи политической жизни общества, тѣсно связано съ остальными двумя оторванными частями Польши— Познанью, Галиціей и даже Силезіей. Послѣ возстанія 63-го года почти всякая политическая жизнь въ странѣ заглохла вплоть до середины 80-хъ годовъ, когда снова начался подъемъ въ измученномъ духовно и разоренномъ матеріально обществѣ. Прежде всего заговорило попираемое національное чувство. На этотъ разъ польскіе помѣщики постарались не повторять прежнихъ ошибокъ и, организуя новую всепольскую національную партію, приложили много усилій къ тому, чтобы придать ей менѣе исключительный характеръ. Преодолѣвъ шляхетскіе предразсудки и давая обѣщанія крестьянству, помѣщики сумѣли создать широкую партійную организацію, силу которой дѣйствительно составляетъ крестьянство. Это показалъ успѣхъ въ крестьянской массѣ многихъ шаговъ „народовой“ демократіи. Заправилами партіи являются помѣщики, и идеалы ея въ сферѣ экономической далеко не соотвѣтствуютъ крестьянскимъ нуждамъ, отвѣчая интересамъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. Крайняя правая польскаго общества, партія польской аристократіи партія „реальной политики“, какъ она теперь себя называетъ, объединяетъ въ своихъ рядахъ тѣхъ, кто при существующемъ строѣ ничего не желаетъ терять. Въ этомъ отношеніи «угодовцы“, какъ ихъ называли прежде, не пренебрегаютъ никакими средствами и прежде всего стараются использовать свое личное вліяніе при дворѣ и въ правящихъ русскихъ сферахъ.

С. Слободзинскій.

Литовцы и латыши.

Переходъ отъ сѣверо-восточныхъ польскихъ губерній къ Литовскимъ съ внѣшней стороны мало замѣтенъ—только лѣса на Литвѣ гуще, болота обширнѣе, да люди встрѣчаются рѣже. Мѣстность въ Литовскомъ краѣ довольно оживленная—пригорки и холмы смѣняются долинами, кое-гдѣ заполненными водой и образующими озера. Много рѣкъ и рѣчекъ пересѣкаетъ Литовскій край, рѣкъ, съ обрывистыми берегами, съ развалинами древнихъ замковъ на прирѣчныхъ высотахъ. Сердце Литвы—Ковенская губернія: здѣсь литовцы составляютъ сплошную массу населенія. Затѣмъ сплошь заселены литовцами части губерній Виленской, Гродненской и Сувалкской. Здѣсь, на обширной площади, сравнительно немногимъ меньшей, чѣмъ Привислинскій край, живетъ трехъмилліонный литовскій народъ. Вслѣдствіе большаго количества неудобныхъ земель въ краѣ, литовскія губерніи со средней плотностью около 40 ч. на кв. к. оказываются болѣе или менѣе заполненными. Изъ Литвы, какъ и изъ Царства Польскаго, съ каждымъ годомъ усиливается эмиграція за границу, главнымъ образомъ, въ Америку.

Самыми близкими во всѣхъ отношеніяхъ къ описаннымъ народностямъ славянской группы являются литовцы и латыши. Литовцы въ числѣ около 2 милліоновъ распадаются на Литву, обитающую въ восточной части Ковенской и въ западной части Виленской губерніи, а также въ Сувалкской и Гродненской губерніяхъ (древніе Ятвяги), и Жмудь — обитателей Россіенскаго и Тельшевскаго уѣздовъ Ковенской губерніи. Нѣкогда Литва обитала далеко на востокѣ, вѣроятно, въ бассейнѣ Оки (около Р. Хр.), но затѣмъ передвинулась на западъ въ болотисто-лѣсистый край бассейновъ Нѣмана и З. Двины. Здѣсь образовалось то большое Литовско-русское государство, которое при Ягайлѣ слилось съ Польшей. Польская и русская культура вслѣдствіе численнаго перевѣса населенія и большой своей развитости обезличила литовскую народность, но не вполнѣ, такъ какъ племя это сохранило языкъ и типъ. По типу литовцы приближаются къ полякамъ и русскимъ смежныхъ губерній. Что же касается языка, то литовскій языкъ до сихъ поръ представляетъ загадку для лингвистовъ. Онъ несомнѣнно ближе всѣхъ къ тому праязыку, на которомъ говорили предки арійцевъ, близокъ къ санскриту, и какъ онъ уцѣлѣлъ въ такомъ видѣ на далекомъ сѣверѣ, это такая же тайна, какъ и самое происхожденіе литовцевъ и ихъ родство съ близкими народностями, о которомъ, существуетъ много теорій, но ни одной безусловно достовѣрной.

Внѣшній видъ литовскихъ деревень мало чѣмъ отличаются отъ сосѣднихъ польскихъ: деревни небольшія, живописно расположенныя у воды — озера или рѣки. Избы окружены садиками, отдѣлены отъ улицы невысокимъ плетнемъ. Онѣ дѣлятся сѣнями на двѣ половины; въ одной половинѣ, съ большой печью, лавками, украшеніями ввидѣ олеографій иконъ и распятія, живутъ хозяева; другая половина играетъ роль кла-

довой, иногда помѣщенія для гостей. Дворъ обставленъ небольшими хозяйственными постройками—тутъ есть амбаръ, хлѣвъ и конюшня. Избы, какъ въ Польшѣ и Россіи, расположены обыкновенно по обѣ стороны деревенской улицы, иногда встрѣчаются деревни съ рядомъ построекъ по одну сторону дороги, къ другому же краю примыкаютъ поля. Одежда литовцевъ похожа на польскую-мазурскую, приготовляется она большей частью изъ самодѣльнаго холста и шерстяной матеріи. Основа хозяйственнаго быта литовцевъ—земледѣліе, но земледѣльческая культура литовцевъ, превосходя русскую, значительно уступаетъ польской. Правда, литовскія земли еще неудобнѣе польскихъ и требуютъ больше труда и знаній. Литовскіе крестьяне пользуются часто плугомъ, но встрѣчаются еще и сохи. Многіе ведутъ интенсивное плодопеременное хозяйство, но рядомъ съ этимъ встрѣчаются очень отсталыя хозяйства.

Крестьянинъ и крестьянка Виленской губ.

Крестьянское землевладѣніе въ Литовскомъ краѣ подворное, причемъ на душу приходятся относительно большіе участки. Но во многихъ мѣстахъ земли недостаточно, принимая въ разсчетъ плохую технику земледѣлія. По этой причинѣ крестьяне ищутъ постороннихъ занятій въ городѣ, большей частью на фабрикахъ и заводахъ. Затѣмъ, практикуется уходъ въ батраки къ помѣщикамъ или зажиточнымъ крестьянамъ и уходъ женщинъ въ большіе города, напримѣръ въ Петербургъ, прислугою. И, наконецъ, часть населенія уходитъ за границу или въ сосѣднія бѣлорусскія губерніи, гдѣ земля дешевле. Продавъ свой участокъ въ Литвѣ, литовецъ можетъ пріобрѣсти гораздо большее помѣстье въ Бѣлоруссіи; примѣняя различныя усовершенствованія, литовскій крестьянинъ старается улучшить свое положеніе. Расчетъ этотъ, впрочемъ, рѣдко оправдывается.

Рыболовный промыселъ, при обиліи озеръ, играетъ довольно большую роль въ Литовскомъ краѣ. Осложняется онъ только тѣмъ, что многія озера находятся въ собственности помѣщиковъ, взимающихъ высокую арендную плату. Большія озера снимаетъ арендаторъ-еврей, который отъ себя сдаетъ съ надбавкой отдѣльные участки берега окрестнымъ крестьянамъ.

Пчеловодство давно уже являлось въ лѣсистой Литвѣ порядочной статьей дохода. Почти у каждой крестьянской избы стоитъ нѣсколько колодъ ульевъ. Съ пчеловодствомъ связано у литовцевъ много старинныхъ повѣрій и обычаевъ.

Литовцы, судя по обычаямъ и суевѣріямъ, кое-гдѣ обрусѣли, кое-гдѣ уподобились полякамъ. Но языкъ господствуетъ всюду почти литовскій.

Крупное и мелкое дворянство составляютъ или поляки или ополячившіеся литовцы, въ рѣдкихъ случаяхъ русскіе. Литовцы, живущіе въ городахъ, также совершенно ополячились, вплоть до принятія польскаго языка. Поэтому въ городахъ Литвы замѣтить какую-нибудь особенную литовскую индивидуальность невозможно. Тѣ же поляки, тѣ же евреи — литовскаго ничего нѣтъ. Лишь во второй половинѣ XIX-го вѣка стало замѣтно среди кучки литовской интеллигенціи теченіе къ возрожденію литовской національности. Теченіе это встрѣтило со стороны русскаго правительства суровую оппозицію. Поэтому движеніе перемѣстилось за границу, въ среду живущихъ въ Пруссіи литовцевъ.

С. Слободзинскій.

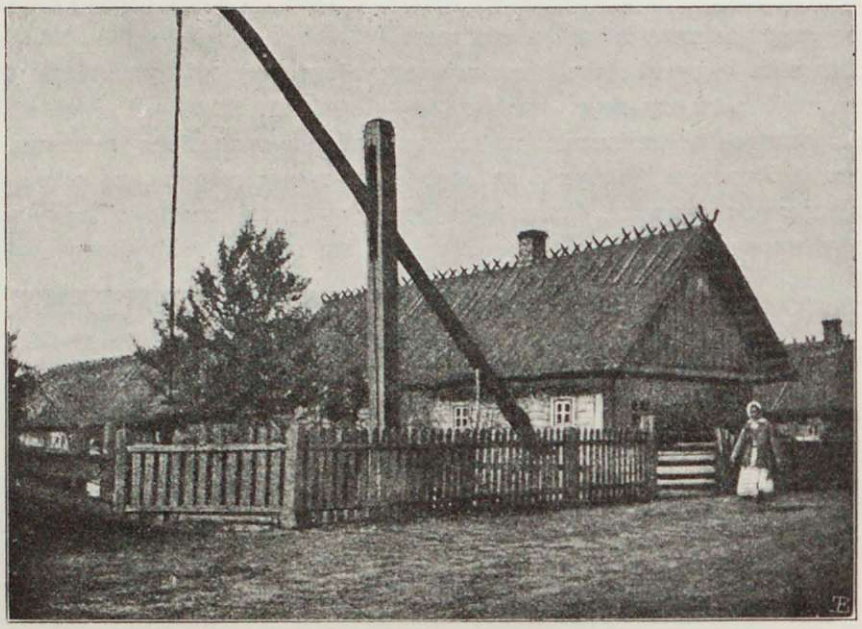

Литвинка за работой въ ступѣ.

Латыши причисляются къ литовской группѣ и не столько по своему физическому типу, сколько по языку, представляющему нарѣчіе литовскаго. Въ числѣ около $1^1/_2$ милліоновъ латыши издавна заселяютъ пространства нынѣшней Курляндской и Лифляндской губерній, гдѣ, впрочемъ, на сѣверѣ ихъ смѣняютъ эсты, т. е. финны, остатки которыхъ въ глубинѣ латышской страны въ лицѣ куровъ и лизовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что до появленія литвы и латышей (голядь нашихъ лѣтописей, летъ-гола, земинъ-гола), прибалтійская равнина была занята рѣдкими финскими племенами. Кромѣ того латыши образуютъ болѣе или менѣе сплошное населеніе западной части Витебской губерніи и встрѣчаются въ качествѣ выселившихся колонистовъ небольшими группами въ Тверской, Псковской и Петербургской губерніяхъ, гдѣ русскіе нерѣдко считаютъ ихъ за финновъ („чухны“). Латыши, высокорослые блондины съ свѣтлыми глазами, по типу приближаются къ славянамъ, хотя болѣе или менѣе значительная примѣсь финской крови въ нихъ несомнѣнна. Надѣленные трудолюбіемъ, трезвымъ, практическимъ умомъ, они не блещутъ привлекательностью характера—результатъ тяжелаго историческаго прошлаго. Въ XIII в. съ появленіемъ въ краѣ организованной кучки нѣмецкихъ колонистовъ (Ливонскій орденъ) судьба латышскаго населенія была надолго предопредѣлена. Пришельцы настроили крѣпкіе замки и безъ помѣхи насадили въ краѣ феодально-крѣпостной строй, крайнему

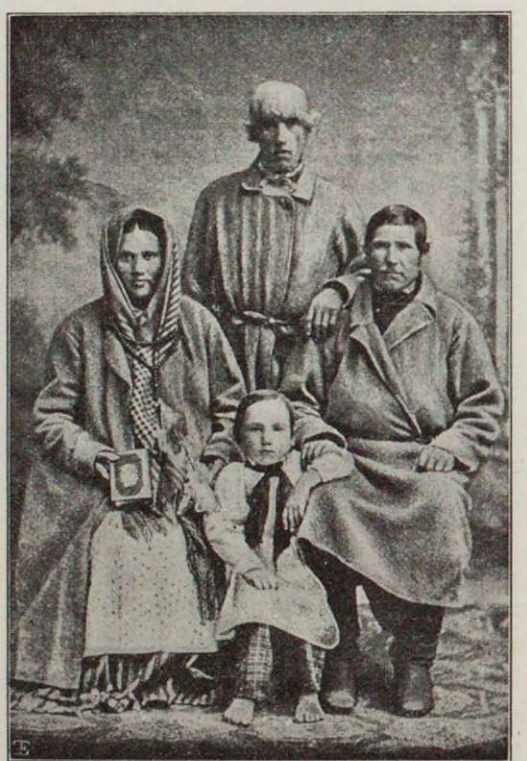
*

и безпощадно-жестокому характеру котораго не препятствовали никакія историческія условія. Нигдѣ до послѣдняго времени, ни въ Польшѣ, ни въ Россіи, систематически организованный гнетъ и планомѣрная эксплуатація туземнаго сельскаго населенія не достигали такого размѣра, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, за исключеніемъ короткаго времени шведскаго владычества, когда бароны сильно пріуныли, такъ какъ шведы довольно энергично пытались измѣнить мѣстныя отношенія, такъ противорѣчившія всему государственному и общественному строю Швеціи.

Литовская хата (Гродненская губ.)

Этимъ объясняется тяготѣніе балтійскаго дворянства къ Россіи, выразившееся напр. въ „измѣнѣ“ дворянина Паткуля, осужденнаго и казненнаго Карломъ XII. До половины XIX-го столѣтія латыши составляли почти исключительно туземное сельское населеніе. Формально крѣпостное состояніе было упразднено въ краѣ въ концѣ царствованія Александра I-го, въ дѣйствительности крѣпостныя отношенія (замаскированная барщина) не исчезли здѣсь (особенно въ Эстляндіи) и по сей день. Освобожденіе безъ надѣленія землей явилось необходимостью для нѣмецкихъ бароновъ, такъ какъ при непрерывномъ ростѣ населенія и перемѣнахъ въ хозяйствѣ крѣпостной трудъ изнуреннаго, задавленнаго нуждой и рабствомъ крестьянина становился явно невыгоднымъ. Весь XIX-ый вѣкъ для Прибалтійскаго края лѣтопись медленныхъ и тяжкихъ переустройствъ, посредствомъ которыхъ сплоченная группа крупныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ (остзейскіе бароны) приспособляла мѣнявшіяся условія жизни къ своимъ узко-сословнымъ интересамъ. Медленно и постепенно росло здѣсь мелкое крестьянское землевладѣніе, хутора (около 40—50 десятинъ въ среднемъ), арендуемыя мызы и мелкіе участки, создававшіяся большею частью насчетъ плохихъ земель, тогда какъ лучшія культурныя площади непрерывно округлялись въ большія барон-

Латыши.

скія латифундіи (въ среднемъ 3.000—4.000 десятинъ, есть владѣнія и въ 20.000 десятинъ, напр. Дондагенъ).

Только во второй половинѣ XIX в., послѣ паденія крѣпостного права въ Россіи, начинается быстрый ростъ прибалтійскихъ городовъ: Рига, Либава, Ревель съ окрестностями становятся не только большими торговыми городами, но и промышленными центрами. Избытокъ бѣдствующаго сельскаго населенія начинаетъ скопляться въ городахъ, и вмѣстѣ съ этимъ совершается подъемъ латышской народности. Въ большихъ городахъ появляется многолюдная мелкая и крупная латышская буржуазія, которая, благодаря подъему образованія и культурности, заполняетъ пропасть, зіявшую прежде между презрѣннымъ латышомъ и благороднымъ барономъ или полноправнымъ нѣмецкимъ бюргеромъ. Въ настоящее время главная масса латышей составляетъ сельское населеніе, Здѣсь она распадается въ общемъ на три группы: крестьяне землевладѣльцы (выкупившіе свои участки у бароновъ или казны) и арендаторы, занимающіеся самостоятельно хозяйствомъ при помощи наемныхъ рабочихъ (батраковъ) или бобылей, арендующихъ у нихъ мелкіе участки за деньги, а чаще за отработки; бобыли или мелкіе арендаторы, работающіе у крестьянъ или на господскихъ мызахъ, и батраки, никакъ не связанные съ землей, классъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, живущихъ лишь продажей своего труда. Положеніе всѣхъ этихъ группъ до сихъ поръ еще зависимое, благодаря перевѣсу крупныхъ помѣщиковъ и вліянію ихъ на правительство, которое очень слабо и нерѣшительно вмѣшивалось въ мѣстныя отношенія.

Лишь въ царствованіе Александра III съ усиленіемъ на окраинахъ политики руссификаціи наступили нѣкоторыя перемѣны и въ Прибалтійскомъ краѣ.

Латышское населеніе, наполнившее города (рабочій классъ, мелкая и крупная буржуазія), выдѣлило изъ себя образованный слой туземцевъ латышей, дѣятельность которыхъ приняла культурно-народническій характеръ, благодаря чему сильно поднялось національное сознаніе латышской массы. Появилась не только латышская пресса, литература, школа, но множество культурно-хозяйственныхъ обществъ (земледѣльческія общества, пѣвческія, гимнастическія, общества трезвости и т. п.), сильно повліявшихъ на подъемъ культуры. Задача эта облегчалась тѣмъ, что крупныя помѣщичьи хозяйства, сотвѣтственно требованіямъ общаго положенія, быстро перестраивались согласно требованіямъ сельскохозяйственной науки и принимали образцовый видъ благоустроенныхъ имѣній, приносившихъ солидный доходъ.

Въ прежнія времена антагонизмъ между господами края, нѣмцами, и массой сельскаго населенія, латышами, выражался возстаніями и мятежами, волненіями и безпорядками, усиливавшимися особенно въ неурожайные годы, а также массовыми переходами латышей въ православіе, въ надеждѣ снискать себѣ этимъ путемъ защиту и покровительство у правительства [1]). Въ послѣдующее время, когда культурный уровень нѣмцевъ и латышей (а также эстовъ) въ краѣ сравнялся, антагонизмъ этотъ, сохранившись въ деревнѣ, ослабѣлъ въ массахъ городского населенія, въ которомъ прежнія сословныя дѣленія уступили свое мѣсто иному разслоенію: развитіе торговли и промышленности разбило населеніе прибалтійскихъ городовъ не на сословныя и національныя группы, какъ было прежде, а на классы, такъ что крупная и мелкая латышская буржуазія все болѣе и болѣе сливается воедино съ нѣмецкой. Былая національная рознь слабѣетъ, какъ здѣсь, такъ и въ рабочемъ классѣ, главную массу которой составляютъ, впрочемъ, латыши.

---

[1]) Испытавъ въ этомъ отношеніи разочарованіе, тѣ же латыши такими же массами возвращались снова въ лоно лютеранской церкви, а чаще уклонялись въ баптизмъ, чтобъ не быть одной вѣры съ притѣснителями и не подвергаться вліянію и эксплоатаціи пасторовъ, группа которыхъ въ религіозной области неуклонно опекала интересы помѣстнаго сословія.

Такъ какъ города, несмотря на продолжающееся развитіе свое, не въ состояніи вмѣстить и дать работу избытку сельскаго населенія, то Прибалтійскій край высылаетъ въ сосѣднія отъ него русскія губерніи немалое количество латышей колонистовъ (также эстовъ).

Въ виду различія цѣнъ на землю въ Прибатлійскомъ краѣ и въ русскихъ губерніяхъ и въ силу менѣе стѣснительныхъ условій для свободы хозяйственной дѣятельности мелкіе землевладѣльцы латыши и эсты продаютъ свои мызы цѣликомъ или въ раздробь и на вырученныя суммы покупаютъ гораздо большія участки въ русскихъ губерніяхъ. Здѣсь, въ силу лучшаго знанія сельско-хозяйственной техники, эти колонисты устраиваются очень хорошо по сравненію съ мѣстнымъ населеніемъ. Число этихъ выселившихся латышей и эстовъ, своего рода мелкихъ и среднихъ помѣщиковъ, все увеличивается въ Петербургской, Псковской и Тверской губерніяхъ. Въ видѣ отдѣльныхъ смѣльчаковъ, ищущихъ счастья на чужбинѣ, латышей можно встрѣтить теперь и еще далѣе къ востоку, въ губерніи Ярославской, напримѣръ. Это перемѣщеніе Литвы снова на востокъ находитъ себѣ поддержку и въ томъ, что упадокъ крестьянскаго хозяйства въ русскихъ губерніяхъ гонитъ русское населеніе въ города,—процессъ, усиливающійся по мѣрѣ развитія путей сообщенія.

Н. Б.

Евреи.

Численность евреевъ.—Происхожденіе русскихъ евреевъ.—Физическія и духовныя особенности племени.—Экономическое и правовое положеніе евреевъ.—Ограниченія гражданскихъ правъ.—Обособленность.—Религіозныя и соціальныя теченія въ еврейской средѣ.

Евреи встрѣчаются въ Россіи вездѣ. Однако замѣтную и особую группу среди населенія они представляютъ лишь въ „чертѣ осѣдлости", въ 15 губерніяхъ юго-западнаго края, входившихъ въ составъ Польскаго королевства и присоединенныхъ къ имперіи послѣ заключительнаго раздѣла Польши. По приблизительнымъ даннымъ евреевъ насчитывалось на этомъ пространствѣ въ 1773 г. около 900.000 ч. По даннымъ переписи 1897 г. $^0/_0$ лицъ іудейскаго исповѣданія опредѣлялся въ 4,05, что даетъ цифру нѣсколько болѣе 5 милліоновъ (5.136.000). Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десятилѣтія, и новыхъ статистическихъ данныхъ нѣтъ. Руководствуясь цифрой ежегоднаго прироста, можно было бы болѣе или менѣе увѣренно вычислить массу еврейскаго населенія имперіи, опредѣливъ ее въ предѣлахъ отъ $6^1/_2$ до 7 милліоновъ, еслибы по отношенію къ этому племени не существовало условій, сильно измѣняющихъ подобный выводъ. Мы говоримъ объ эмиграціи, которая въ послѣдніе годы достигала громадной цифры, почти до 200.000 чел. въ годъ. По приблизительнымъ подсчетамъ, опирающимся на данныя американскаго эмиграціоннаго бюро, въ одни Соединенные Штаты выселилось изъ Россіи въ послѣднія десятилѣтія около 2 милліоновъ евреевъ. Такимъ образомъ всего вѣроятнѣе, что численность евреевъ въ Россіи въ настоящее время колеблется около 5 милліоновъ, хотя часто приходится слышать о цифрѣ 6.

Допетровская Русь знала евреевъ лишь какъ исключеніе, но съ екатерининской эпохи еврейская народность входитъ въ кругъ воздѣйствія правительства, и вокругъ нея постепенно сгущается тотъ сложный и тяжелый вопросъ, который носитъ названіе „еврейскаго вопроса". Въ Польшу евреи начали переселяться, начиная съ XIII ст. Жестокія гоненія, которымъ они начали подвергаться въ странахъ Западной Европы, особенно въ Испаніи, вынуждали ихъ искать убѣжища въ странахъ съ болѣе молодой христіанской культурой или среди мусульманъ. Не имѣя своего обиходнаго языка, евреи того времени уже пользовались нарѣчіями тѣхъ странъ, гдѣ они жили. Въ общемъ евреи дѣлились тогда на двѣ группы: сефардимъ, жаргонъ которыхъ возникъ изъ испанскаго языка, и ашкеназимъ, пользовавшихся жаргономъ нѣмецкаго языка. Значительная часть сефардимъ подъ давленіемъ гоненій принуждена была принять христіанство, остальные, оставивъ Испанію, разселились по странамъ Средиземнаго моря—Балканскій полуостровъ, М. Азія, С. Африка. Ашкеназимъ нашли убѣжище въ Польшѣ, и потомками ихъ являются наши русскіе евреи, пользующіеся до сихъ поръ жаргономъ нѣмецкаго языка, такъ какъ главная масса ихъ предковъ перебралась въ Польшу изъ Германіи.

Кромѣ черты осѣдлости евреи встрѣчаются обособленными группами въ Закавказьѣ („горскіе" и другіе), гдѣ появленіе ихъ относится къ очень древней эпохѣ, затѣмъ въ Туркестанѣ, куда евреи проникаютъ уже послѣ разрушенія Іерусалима. Къ евреямъ по религіи, но не по типу, примыкаютъ въ извѣстной мѣрѣ крымскіе караимы, представляющіе

въ сущности тюрковъ,—уцѣлѣвшіе остатки тѣхъ тюрковъ, которые исповѣдывали въ отдаленное время іудаизмъ, какими были въ IX—X в. хазары. Евреи на остальномъ пространствѣ Россіи—выходцы изъ юго-западнаго края.

По своему типу евреи черты осѣдлости рѣзко выдѣляются среди окрестнаго населенія, но еще въ большей мѣрѣ выдѣлены они изъ него въ религіозномъ, правовомъ, въ хозяйственномъ и бытовомъ отношеніи. Изъ всѣхъ народностей Россіи нѣтъ другой, которая при тѣснѣйшемъ сожительствѣ съ туземцами, силой обстоятельствъ, была бы до такой степени обособлена, какъ евреи.

По типу евреи отличаются отъ неевреевъ, главнымъ образомъ, чертами лица, настолько характерными, что сколько-нибудь опытный глазъ всегда отличитъ еврея въ разношерстной толпѣ. По среднему росту они нѣсколько ниже литовцевъ и бѣлоруссовъ (162 — 165 сант.), объемъ грудной клѣтки меньше, что одни считаютъ расовымъ признакомъ, другіе видятъ въ этомъ результатъ многовѣковыхъ условій жизни [1]). Указываютъ также, что въ общемъ у евреевъ туловище по отношенію къ нижнимъ конечностямъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у другихъ народностей. По окраскѣ кожи среди евреевъ рѣшительно преобладаютъ брюнеты съ обильной растительностью, большими, живыми, черными глазами, посаженными довольно близко другъ къ другу. Въ сѣверныхъ губерніяхъ % блондиновъ больше, а средній ростъ въ то же время ниже. Вопреки существующему мнѣнію о необыкновенной еврейской плодовитости, рождаемость у евреевъ оказывается всюду ниже, чѣмъ у окружающихъ народовъ. Такъ для русскихъ евреевъ процентъ рожденій 31 чел. [2]) на 1000, тогда какъ для остальной массы число это составляетъ 49,2 на 1000 (для 1892—1902 г.). Низкая рождаемость могла бы повести къ быстрому уменьшенію числа евреевъ, еслибы ей не соотвѣтствовала бы и низкая смертность, которая объясняется: 1) слабымъ распространеніемъ среди евреевъ алкоголизма, и 2) низкой дѣтской смертностью вслѣдствіе усиленныхъ заботъ еврейскихъ родителей о своемъ потомствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ число нетрудоспособныхъ дѣтей, дѣтей уродовъ и калѣкъ, у евреевъ меньше, а число трудоспособныхъ взрослыхъ больше, чѣмъ у неевреевъ. Зато взрослое еврейское населеніе даетъ большій процентъ слѣпыхъ и глухихъ, а также особенно душевнобольныхъ. Представляетъ ли это указаніе на вырожденіе расы, не испытывающей вслѣдствіе своей обособленности притока посторонней крови, или это слѣдствіе тяжелыхъ условій жизни — вопросъ неразрѣшенный. По даннымъ переписи 1897 г. оказывается, будто бы % мальчиковъ среди евреевъ гораздо больше дѣвочекъ (на 100 дѣвочекъ рождается 133 мальчика). Между тѣмъ тамъ, гдѣ рожденія по поламъ регистрировались правильно (Познань въ Пруссіи), соотношеніе рождаемости по поламъ среди евреевъ оказалось неотступающимъ отъ обычной нормы (на 100 д.—106 м.) [3]). Помимо указанныхъ причинъ, задерживающихъ ростъ еврейскаго населенія въ Россіи, дѣйствуютъ еще и другія, именно усиленная эмиграція, преимущественно въ Соединенные Штаты, которая особенно увеличивалась, начиная съ послѣдняго десятилѣтія XIX в., а затѣмъ вліяетъ также выходъ изъ еврейства путемъ переходовъ въ иныя исповѣданія, хотя въ Россіи, въ противуположность другимъ странамъ, наблюдается наименьшій % крещеній (1 крещеніе въ годъ на 4.000 чел. въ Россіи, одно крещеніе на 1.230 ч. въ Германіи). Между тѣмъ обратнаго явленія, т. е. перехода въ іудаизмъ въ Россіи, разумѣется, не наблюдается, тогда какъ въ Венгріи 400 христіанъ въ годъ переходятъ въ іудаизмъ, что дѣлается для вступленія въ бракъ съ евреями. Въ то время, какъ въ Западной

---

[1]) По этой причинѣ % бракуемыхъ среди новобранцевъ евреевъ больше, чѣмъ среди неевреевъ.

[2]) Arthur Ruppin, Die Juden der Gegenwart.

[3]) Еврейская Жизнь, 1906, № 1, 143. Этотъ ошибочный выводъ русской статистики объясняется тѣмъ, что у русскихъ евреевъ мальчики заносятся въ метрическія книги болѣе тщательно, чѣмъ дѣвочки, въ виду того значенія, какое имѣютъ метрическія записи для отбыванія воинской повинности.

Европѣ, благодаря смѣшаннымъ бракамъ, происходитъ усиленная ассимиляція евреевъ, постепенное раствореніе ихъ въ мѣстной національности, въ Россіи этого не происходитъ въ силу множества препятствій, поставленныхъ на пути такого процесса.

Что касается національнаго характера и умственныхъ способностей, то и въ этомъ отношеніи евреи рѣзко отличаются отъ народностей, среди которыхъ они живутъ. Евреи впечатлительны и подвижны въ высшей степени, въ силу этого они крайне общительны, причемъ это стремленіе къ сближенію производитъ часто впечатлѣніе навязчивости. При всей своей общительности евреи, однако, какъ всякая народность съ долгой и глубокой культурой, проникающей всѣ области душевной жизни, большіе индивидуалисты, поэтому они мало способны подчиняться дисциплинѣ и несклонны къ отраслямъ труда, гдѣ процессъ дѣятельности складывается въ слишкомъ тяжелыя, однообразныя и медленныя формы, какъ напр. въ земледѣліи и фабричной работѣ. Нелюбовь къ дисциплинѣ возмѣщается большой готовностью подчиняться общественному мнѣнію, что вытекаетъ изъ свойства общительности. Такимъ образомъ, при свободномъ развитіи индивидуальной дѣятельности, евреи легко сплачиваются для массовыхъ дѣйствій, совмѣщая выгоды индивидуальной свободы съ выгодами коллективныхъ выступленій, обстоятельство, дающее имъ перевѣсъ въ разнообразныхъ случаяхъ жизненной борьбы и въ то же время навлекающее на нихъ неудовольствіе національныхъ и соціальныхъ группъ, обладающихъ этими свойствами въ меньшей степени. Отсюда упорное убѣжденіе невѣжественной массы въ существованіи у евреевъ какого-то тайнаго соглашенія, тайной организаціи, „кагала“. Что касается „торговаго духа“, которымъ еврейская нація надѣлена въ особенной степени, и благодаря которому евреи въ огромномъ большинствѣ случаевъ занимаются торговлей, то подъ этимъ терминомъ нельзя подразумѣвать врожденной наклонности, а можно лишь говорить объ извѣстной умственной подвижности, способности быстро соображать, учитывать обстоятельства и о т. п. качествахъ, столь необходимыхъ въ коммерціи. Благодаря присутствію этихъ качествъ, евреи, въ среднемъ, болѣе способны къ торговлѣ, чѣмъ остальныя народности, но нельзя эти свойства и переоцѣнивать, такъ какъ въ странахъ, гдѣ напряженіе душевныхъ силъ въ области практической жизни въ обстановкѣ житейской борьбы достигаетъ высшей степени, какъ напр. въ Американскихъ штатахъ, евреи, ставшіе тамъ весьма многочисленными, или не выдѣляются изъ ряда или даже остаются за флагомъ. Такимъ образомъ эта черта бросается рѣзко въ глаза въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, въ Литвѣ и особенно въ Бѣлоруссіи, потому, что окружающее евреевъ населеніе до крайности невѣжественно, апатично и инертно, въ то время какъ стѣсненныя условія существованія евреевъ съ непреодолимой силой изощряютъ ихъ способности къ дѣятельности въ тѣхъ рамкахъ, какія отведены имъ желѣзной политикой пра-

Раввинъ.

вительства, именно въ области торговли и промышленности, въ царствѣ денегъ и богатствъ, открывающихъ въ нашъ капиталистическій вѣкъ всѣ двери.

Уголовная статистика обнаруживаетъ, что евреи меньше другихъ склонны къ чисто уголовнымъ преступленіямъ, т. е. къ преступленіямъ, характеризующимся насиліемъ, какъ убійство, разбой, грабежъ, между тѣмъ какъ въ преступленіяхъ противъ разныхъ уставовъ, промышленныхъ, воинскихъ, въ обманахъ, въ подлогахъ документовъ, банкротствахъ и т. п. евреи попадаются чаще, чѣмъ христіане. Объясняется это тѣмъ, что среди торгово-промышленнаго класса подобныя преступленія заурядное явленіе, евреи же заключаютъ въ себѣ большой процентъ представителей этого класса.

Черта осѣдлости обнимаетъ собою въ настоящее время 15 западныхъ губерній: Бессарабская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Кіевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская Полтавская, Таврическая, Херсонская и Черниговская. Кромѣ того въ черту осѣдлости входитъ все Царство Польское. На этомъ пространствѣ живетъ подавляющая масса русскихъ евреевъ.

Чтобы получить хотя бы нѣкоторое представленіе объ экономическомъ состояніи и бытѣ этихъ милліоновъ евреевъ, необходимо предварительно бросить бѣглый взглядъ на ихъ правовое положеніе, на рядъ ограниченій въ элементарныхъ правахъ, какими пользуются остальные жители имперіи. Ограниченія въ правахъ стали удѣломъ еврейской массы очень скоро послѣ того, какъ евреи попали въ положеніе русско-подданныхъ (въ 1772 г.). Ограниченія эти, непрерывно возрастая въ числѣ и усложняясь, превратились въ настоящее время въ чрезвычайно запутанную сѣть, въ которой напрасно было бы искать какихъ либо началъ или принциповъ, положенныхъ въ основу этой системы ограниченій

Въ самыхъ общихъ чертахъ ограниченія эти распадаются на слѣдующія группы: 1) Ограниченія въ правѣ жительства и передвиженія, 2) ограниченія въ правѣ занятій, 3) въ правѣ пріобрѣтенія собственности, 4) въ правѣ государственно-общественной службы, 5) ограниченія въ образованіи и просвѣщеніи, 6) въ воинской повинности и въ воинской службѣ. Къ этимъ ограниченіямъ въ правахъ присоединяются еще обложеніе особыми налогами (коробочный сборъ) и разныя мѣропріятія, отражающіяся на религіозной свободѣ и на другихъ сторонахъ еврейской жизни. Каждая изъ этихъ рубрикъ состоитъ изъ множества пунктовъ, обстоятельное перечисленіе которыхъ можетъ составить цѣлую книгу [1]).

Чтобы составить себѣ представленіе, какъ отражаются эти ограниченія на жизни еврейскихъ массъ, коснемся слегка хотя бы перваго изъ ограниченій, ограниченій въ правѣ жительства и передвиженія. Черта осѣдлости, пространство перечисленныхъ выше губерній представляетъ не одинъ кругъ, отпущеннаго евреямъ для жительства мѣста. Въ этомъ кругѣ помѣщается много другихъ круговъ, часто еще одинъ въ другомъ, притомъ съ весьма неопредѣленными, допускающими самыя разнообразныя толкованія границами. Въ самой чертѣ осѣдлости евреямъ воспрещено вновь селиться внѣ городовъ и мѣстечекъ (Временныя правила 1882 г.). Въ теченіе всего XIX в. евреевъ періодически выселяли изъ сельскихъ мѣстъ въ мѣстечки и города. Ихъ предполагалось скучить въ городахъ цѣликомъ, но фактическая невозможность произвести подобное переселеніе отняла смыслъ у этого намѣренія и привела лишь къ тому, что численность евреевъ въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ достигаетъ 80 — 90% общаго числа жителей, тогда какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ она опускается до 5%. Въ предѣлахъ черты есть города, почти недоступные для евреевъ

---

[1]) Ю. Гессенъ, О жизни евреевъ въ Россіи, записка въ Государственную Думу, Э. Левинъ, Сборникъ ограничительныхъ законовъ о евреяхъ 1902 г., М. Мышъ, Руководство къ русскимъ законамъ объ евреяхъ, 1904 г., и др.

(Ялта, Кіевъ). Наконецъ, въ самихъ городахъ проводилась нерѣдко еще черта (третья по счету), предѣловъ которой евреи должны были держаться (еврейскій кварталъ) или внутрь которой ихъ не пускали (чистыя части города, лучшія улицы и т. п.). Наблюденіе за соблюденіемъ ограниченій возложено на администрацію, и не трудно себѣ представить, что многочисленность и запутанность правилъ открываетъ очень широкій просторъ произволу и злоупотребленіямъ. Такъ какъ напр. границы мѣстечекъ не были точно опредѣлены или съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста поселенія, перемѣщались, то одно это обстоятельство вносило въ жизнь хаосъ и смущеніе. До сената доходили дѣла о выселеніи евреевъ изъ дома, находившагося одной своей частью за предѣлами городского поселенія. Бывали попытки признать за нарушеніе закона обычную перемѣну квартиры въ данной сельской мѣстности. Сенату пришлось, между прочимъ, разъяснить и то, что еврей, покинувшій сельскую мѣстность, чтобы отбыть военную службу, не теряетъ права вернуться потомъ на свое мѣсто.

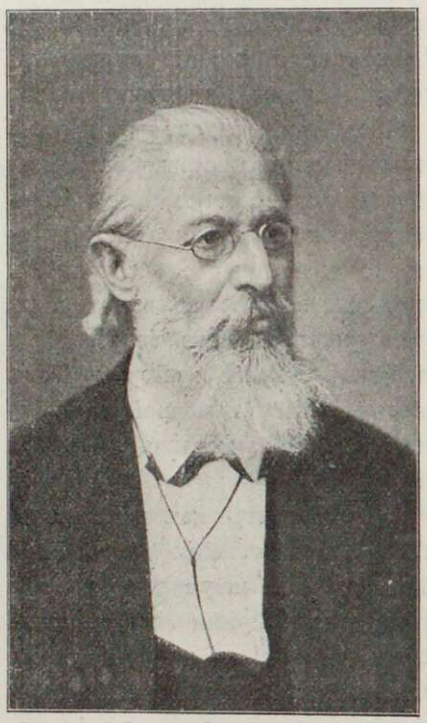
Система ограниченій до такой степени запутана и сложна, что объ исполненіи всѣхъ предписаній закона не можетъ быть и рѣчи. На практикѣ острота положенія смягчается взяточничествомъ администраціи, результатомъ чего является развращеніе агентовъ власти съ одной стороны, развращеніе и крайнее матеріальное обременѣніе евреевъ съ другой. Легче всего избѣгаютъ силы ограниченій богатые и зажиточные евреи (банкиры, биржевики и т. п.) [1]), тогда какъ всей тяжестью они ложатся на невѣжественную и бѣдную массу. Такъ какъ число и область примѣненій разныхъ ограниченій непрерывно увеличивались, а численность евреевъ въ то же время естественно возрастала, то экономическое состояніе и условія жизни еврейской массы, скученной въ городахъ, нерѣдко въ особыхъ кварталахъ, столь же неуклонно ухудшались и достигаютъ мѣстами прямо невѣроятнаго безобразія и невыразимаго трагизма, изъ котораго нѣтъ никакого выхода, кромѣ безумія и смерти. Такъ какъ къ этому тяжелому состоянію присоединяются еще періодическія волны еврейскихъ погромовъ (въ 1871 г., 1881 г., 1905 г.), то положеніе разрѣшается нѣсколько лишь тѣмъ, что усиленно ростетъ эмиграція.

Большая часть еврейскаго населенія въ Западномъ краѣ состоитъ изъ настоящаго пролетаріата, снискивающаго себѣ пропитаніе самыми разнообразными способами. Носильщики, извозчики, грузчики, мелкіе ремесленники, рабочіе штучники, рабочіе на фабрикахъ, факторы, комиссіонеры, расхожіе торговцы-коробейники составляютъ низшій слой еврейскаго населенія, представителями котораго буквально набиты многіе города и мѣстечки. Въ городахъ Царства Польскаго эта жалкая, едва снискивающая дневное пропитаніе масса скучивается въ еврейскихъ кварталахъ, своего рода средневѣковое „гетто“, проживая здѣсь въ условіяхъ ужасающей нищеты, грязи и зловонія, такъ какъ кварталы, населенные евреями, оставляются городскими управленіями въ первобытномъ состояніи; въ составѣ городскихъ управленій или не бываетъ представителей отъ еврейскаго населенія, или представители эти существуютъ по назначенію администраціи и никакого значенія не имѣютъ, а потому на еврейскіе кварталы городскія власти стараются не тратить средствъ. Нѣсколько лучше положеніе средняго слоя, представители котораго, обладая деньгами, устраиваются въ промышленности и торговлѣ, содержатъ въ селахъ постоялые дворы, корчмы, арендуютъ имѣнія и въ то же время занимаются разными торговыми оборотами. Наконецъ вездѣ въ городахъ имѣется и еврейская аристократія въ лицѣ крупныхъ капиталистовъ и лицъ, достигшихъ, благодаря образованію, болѣе привиллегированнаго положенія (врачи, адвокаты, фармацевты, и т. п.).

---

[1]) Такъ напр., чтобы открыть двери средняго учебнаго заведенія своему сыну, богатый еврей, случается воспитываетъ на свой счетъ нѣсколько бѣдныхъ христіанскихъ учениковъ, число которыхъ поднимаетъ % допустимыхъ въ данное учебное заведеніе евреевъ.

Тѣснота въ чертѣ осѣдлости заключается не въ томъ, что здѣсь много евреевъ, а въ томъ, что вслѣдствіе скученности распредѣленіе занятій и профессій не соотвѣтствуетъ нормальному отношенію представителей разныхъ отраслей труда и занятій. Такъ, число ремесленниковъ и мелкихъ рабочихъ въ этихъ городахъ и мѣстечкахъ настолько велико, что превосходитъ потребность въ нихъ въ 2—3 раза. То же самое справедливо и для торговцевъ. Если сравнить въ этомъ отношеніи губерніи безъ еврейскаго населенія съ губерніями въ чертѣ осѣдлости, то явленіе это обрисовывается съ полной ясностью. Такъ, для Псковской губерніи (внѣ черты) на 1000 жителей приходится въ среднемъ ремесленниковъ, живущихъ изготовленіемъ одежды, 10 чел., въ Смоленской—11, тогда какъ въ Витебской и Могилевской губерніи (въ чертѣ осѣдлости) такихъ лицъ оказывается 24 чел. на 1000 жит. Еще разительнѣе это несоотвѣтствіе въ области торговли. Въ Псковской и Смоленской губерніи на 1000 душъ приходится въ среднемъ 19 торговцевъ, тогда какъ въ Витебской и Могилевской на 1000 жит. торговцевъ оказывается 52 ч. Такимъ образомъ, если внѣ черты осѣдлости торговлей оказываются въ состояніи просуществовать 100 ч., то въ чертѣ осѣдлости тѣмъ же занятіемъ пропитываются 270 душъ. Въ Витебской губерніи евреи составляютъ 61% всѣхъ извозчиковъ, въ Могилевской даже 72%. Статистическія данныя указываютъ, что вообще во всѣхъ промыслахъ, доступныхъ евреямъ, численность занятыхъ ими лицъ въ чертѣ осѣдлости превосходитъ такое же число для другихъ губерній въ $2^1/_2$ раза. Иными словами, для того, чтобы еврейское ремесленное и торгово-промышленное населеніе оказалось въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ находится ремесленное и торгово-промышленное сословіе внѣ черты осѣдлости, необходимо, чтобы 60% этого населенія перешло къ новымъ занятіямъ или выселилось [1]). Необходимо разрѣдиться, но разрѣдиться эта масса не можетъ въ силу разныхъ указанныхъ ограниченій. Хотя ремесленники-евреи (цеховые и нецеховые) обладаютъ правомъ повсемѣстнаго жительства въ Россіи, хотя потребность въ ремесленникахъ во множествѣ русскихъ провинціальныхъ городовъ громадна, тѣмъ не менѣе евреи-ремесленники туго выходятъ за черту осѣдлости вслѣдствіе неимѣнія средствъ къ переселенію, а главное вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, какія всегда можно ожидать на новомъ мѣстѣ. Главная масса этого еврейскаго пролетаріата бѣжитъ въ Америку: три четверти всѣхъ пріѣзжающихъ въ Соединенные Штаты портныхъ—евреи изъ нашей черты осѣдлости. Приведенныя цифры указываютъ на степень скученности еврейскаго населенія въ Западномъ краѣ. Послѣдствіемъ чрезмѣрной скученности является крайнее переполненіе всѣхъ отраслей занятій, доступныхъ евреямъ, предложеніе труда, совершенно не соотвѣтствующее спросу, и, какъ результатъ того, низкія цѣны на трудъ. Ничтожный заработокъ, исчисляющійся нѣсколькими десятками копѣекъ на семью въ день, влечетъ за собой ужасное санитарное состояніе жилищъ, въ которыхъ ютится вся эта масса еврейской бѣдноты, очень плохое питаніе, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ тяжелое матеріальное положеніе массы

Типъ еврея изъ образованнаго слоя.

[1]) Б. Бруцкусъ, „Еврейская Жизнь“, 1906, № 1, стр. 64—65.

еврейскаго населенія. Положеніе уже многіе годы не улучшается, такъ какъ всѣ принимаемыя по отношенію къ еврейству мѣры направлены не на подъемъ экономическаго состоянія и просвѣщенія среди евреевъ, а на дальнѣйшія стѣсненія и ограниченія тамъ, гдѣ почти уже нечего ограничивать. Единственный выходъ, черезъ который изливается непрерывно наростающій избытокъ еврейскаго населенія, представляетъ эмиграція, и мы видимъ, что за послѣднія десятилѣтія изъ Россіи выселилось около 2 милліоновъ евреевъ. Численность ежегодно выселяющихся евреевъ возросла необыкновенно послѣ недавнихъ погромовъ, внесшихъ ужасъ и смятеніе въ обездоленную массу. Выселеніе также обставлено препятствіями, поэтому бѣгутъ тайно, что тяжело отражается на остающихся, такъ напр. % причитающихся ежегодно рекрутовъ оказывается расчисленнымъ на большую массу населенія, чѣмъ какая имѣется на лицо. Ограниченія въ разнообразныхъ гражданскихъ правахъ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ для массы русскихъ евреевъ не только матеріальное ухудшеніе жизненныхъ условій, но и ставятъ эту національность въ унизительное положеніе въ рядѣ другихъ народностей, среди которыхъ евреямъ приходится жить. Евреи находятся въ положеніи паріевъ, безправныхъ и презираемыхъ. Подобное положеніе само по себѣ вызываетъ обособленность, препятствующую сліянію. Въ западныхъ странахъ (въ Германіи, во Франціи), несмотря на антисемитизмъ, раствореніе евреевъ въ остальной массѣ путемъ смѣшанныхъ браковъ подвигается впередъ довольно быстро послѣ того, какъ евреи были уравнены въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Въ Россіи это замѣчается въ слабой степени главнымъ образомъ потому, что русскіе евреи крѣпче держатся своей религіи. Какъ было указано выше, число крещеній въ Россіи наименьшее по сравненію съ Западной Европой. Приверженность къ своей религіи, которая среди образованныхъ евреевъ въ Западной Европѣ замѣщается полнымъ равнодушіемъ къ ней, объясняется тѣмъ, что для громадной, большей частью невѣжественной массы русскихъ евреевъ религія, несмотря на всѣ сложныя, устарѣлыя, неудобныя и часто нелѣпыя формы обрядности, является единственнымъ прибѣжищемъ, источникомъ, припадая къ которому, еврей черпаетъ силу выносить всѣ жизненныя невзгоды. Эта привязанность къ религіи отцовъ поддерживаетъ и усиливаетъ обособленность, проистекающую отъ неравноправія. Такъ какъ талмудъ съ безчисленными своими толкованіями даетъ отвѣты и регулируетъ всѣ вопросы жизни, такъ какъ толкованія его облечены высшей, религіозной санкціей, то упорство, съ какимъ евреи держатся своего закона, который во множествѣ вопросовъ расходится съ законами тѣхъ странъ, гдѣ евреи живутъ, вызываетъ къ нимъ враждебное отношеніе властей и создаетъ въ массахъ предубѣжденіе, что нравственныя начала, какимъ евреи слѣдуютъ согласно своей религіи, не соотвѣтствуютъ тѣмъ, какихъ держится остальное населеніе. Отсюда смутная вѣра въ кагалъ, въ своего рода тайное общество, объединяющее всѣхъ евреевъ съ враждебною для христіанъ цѣлью. Между тѣмъ само еврейство разбито условіями жизни на такія соціальныя группы, заключаетъ въ себѣ такія теченія, которыя нерѣдко вызываютъ между этими группами вражду, гораздо болѣе острую, чѣмъ та, какую можно допустить между евреями и христіанами. Кагалъ или еврейская община существовалъ подъ польскимъ скипетромъ. Евреи, пользуясь гражданскими (но не политическими) правами мелкой шляхты, были объединены польскимъ правительствомъ въ большія самоуправляющіяся единицы, кагалы (съ подкагалками). Выборныя кагальныя власти раскладывали и собирали налоги и облагали повинностями, творили судъ (расправа принадлежала правительству) и вообще завѣдывали всей внутренней жизнью общины. Кагальная организація была сохранена русскимъ правительствомъ и существовала до 40-хъ годовъ XIX в. Уже тогда раздѣленіе на бѣдноту и богатыхъ, причемъ послѣдніе держали въ своихъ рукахъ всѣ нити кагальной жизни, угнетая поборами и насиліями массу простого народа, вызвало протестъ среди простого придавленнаго еврейства. Въ виду того, что столпы кагальной организаціи имѣли на своей сторонѣ религіозный авторитетъ закона, протестъ противъ засилія богатыхъ евреевъ долженъ былъ принять религіозную форму.

Въ серединѣ XVIII в. среди украинскихъ евреевъ возникла секта хасидовъ [1]). Основатель ея, Израиль Бештъ, провозгласилъ, что человѣка спасаетъ не талмудическая ученость, а искреннее благочестіе, душевная чистота и горячая молитва. Эта проповѣдь, освобождавшая евреевъ отъ излишнихъ мелочныхъ обрядовъ и дававшая бѣдняку утѣшеніе, что при всемъ своемъ духовномъ убожествѣ онъ можетъ стать угоднымъ Богу, привлекла къ новому ученію громадную толпу послѣдователей. Бештъ не упразднилъ раввиновъ, бывшихъ до того верховными руководителями еврейства, а подчинилъ ихъ „цадикамъ". Цадикъ, „святой", является посредникомъ между Богомъ и простымъ человѣкомъ, онъ обладаетъ чудодѣйственной силой, и паства обязана была благоговѣть передъ нимъ. Въ большинствѣ случаевъ цадики—шарлатаны, какими богата всякая религія. Исцѣляя якобы отъ недуговъ, давая житейскіе совѣты, предсказывая и ворожа, они пользовались въ своихъ цѣляхъ невѣжествомъ и суевѣріемъ массъ. Хасиды со своими цадиками существуютъ и сейчасъ. Но современемъ это религіозное теченіе, расколовшее русское еврейство на два враждебныхъ лагеря, враждебныхъ до того, что каждая сторона обращалась къ правительству съ доносами и клеветами на противную, уступило мѣсто другимъ въ зависимости во-первыхъ отъ того, на какіе слои распадалась еврейская масса подъ вліяніемъ усложнявшихся условій хозяйственной жизни, а во-вторыхъ—отъ все болѣе усиливавшихся притѣсненій и безправія, ввергавшихъ еврейское населеніе черты осѣдлости въ бѣдственное матеріальное положеніе. Разслоеніе имущественное, скопленіе еврейскаго пролетаріата въ промышленныхъ и фабричныхъ городахъ (Бѣлостокъ) вызвало къ жизни національную соціалистическую партію, извѣстную подъ названіемъ „Бунда" („союзъ"—на жаргонѣ). Глубокое отчаяніе, въ какое впала обездоленная масса еврейства подъ вліяніемъ ухудшенія матеріальной стороны жизни, привлекаетъ, начиная съ 1880 г., другую часть народа къ сіонизму. Возникши въ Россіи въ 1881—82 гг., въ разгаръ погромовъ и панической эмиграціи, сіонизмъ или палестинское движеніе стремилось разрѣшить соціально-экономическое положеніе евреевъ путемъ новаго исхода въ Палестину и основанія тамъ еврейскаго государства. Основные тезисы этого теченія, охватившаго обширныя массы еврейскаго населенія черты осѣдлости, а также австрійскихъ и румынскихъ евреевъ, гласили: „Еврейская масса [2]) старыми и новыми ограниченіями, даже помимо погромовъ, доведена до ужасающей нищеты. Мы вездѣ, какъ лишніе, чужіе, находимся въ самомъ унизительномъ положеніи и живемъ ненормальной, неестественной жизнью. Одна только колонизація Палестины можетъ спасти нашу голодающую массу отъ неминуемой гибели". Сіонизмъ и сейчасъ еще волнуетъ умы значительной части русскихъ евреевъ, несмотря на то, что въ намѣченномъ выше видѣ движеніе это потерпѣло неудачу, да и вообще не могло осуществиться.

Что касается образованной части русскаго еврейства, которое съ эпохи реформъ создаетъ свою прессу и выдвигаетъ дѣятелей на поприщѣ общественной жизни и литературы, то въ немъ, смотря по времени, борятся два теченія. Одни ничего не имѣютъ противъ ассимиляціи, растворенія въ массѣ другихъ народностей, которое должно наступить вмѣстѣ съ уравненіемъ въ правахъ. Другіе остаются націоналистами и ратуютъ за сохраненіе еврейства, какъ особой культурной народности, обладающей достаточной жизнеспособностью, чтобы существовать въ видѣ особаго племени, народа, обладающаго отъ прошлаго высокими культурно духовными цѣнностями.

Н. Березинъ.

---

[1]) Ю. Гессенъ. Евреи въ Россіи, очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ, 1906 г., стр. 145.

[2]) С. М. Дубновъ, Письма о старомъ и новомъ еврействѣ, 1907 г., стр. 158.

Финскія народности.

Финны, раздѣляющіеся на нѣсколько народностей, были прежде разбиты на множество племенъ. Они, несомнѣнно, болѣе древніе обитатели русской равнины, чѣмъ славяне, племена которыхъ составили впослѣдствіи русскую народность. Первоначальная родина ихъ и время появленія въ нынѣшнихъ мѣстахъ обитанія не установлены точно. Во всякомъ случаѣ ихъ причисляютъ къ монгольской расѣ, къ особой вѣтви, къ финской, оторвавшейся отъ остальной массы монголъ очень давно и сильно измѣнившейся въ теченіи долгаго времени своихъ переселеній и медленнаго распространенія по лѣсной сѣверной половинѣ Европы. По совокупности признаковъ Кастренъ разбилъ все финское семейство на 4 группы: 1) Угорскіе финны, къ которымъ принадлежатъ остяки, вогулы и венгры, 2) Волжскіе финны—черемисы и мордва, 3) Пермская вѣтвь охватываетъ пермяковъ, зырянъ и вотяковъ и, наконецъ, 4) Финскую вѣтвь составляютъ племена, разселившіяся въ странѣ великихъ озеръ, по восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря и по Финскому массиву далеко на сѣверъ, до Полярнаго моря. Испоконъ вѣковъ финны населяли лѣса восточной и сѣверной Европы. Здѣсь они сидѣли давно. По крайней мѣрѣ готы, германское племя, продвинувшіеся съ сѣвера Европы къ берегамъ Чернаго моря, покоряли на пути своего движенія финскія племена въ IV в. нашей эры. Въ то вРемя финскія племена жили, вѣроятно, въ состояніи, въ какомъ мы застаемъ въ настоящее время бродячихъ инородцевъ-охотниковъ Сибири, въ какомъ живутъ и сейчасъ вогулы на Уралѣ. Земледѣлія они не знали, за исключеніемъ развѣ южной лѣсной полосы, кочевое скотоводческое хозяйство было для нихъ невозможно, кромѣ какъ въ тундрѣ. При такихъ условіяхъ размноженіе финскихъ племенъ не могло совершаться съ такой же быстротой, какъ у сосѣдей ихъ—германцевъ и славянъ или у степныхъ народностей, а потому общественный строй не могъ развиться до государственности. И дѣйствительно, за исключеніемъ угровъ или венгровъ, вогульской народности, которая выдвинулась съ Урала въ южную степь и превратилась въ типичныхъ кочевниковъ, ни одно финское племя не объединилось въ большое національное цѣлое, не создало государства. Всѣ финскія племена стали добычей своихъ сосѣдей, культурному превосходству которыхъ они обязаны своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно обширно было вліяніе славянъ. Только невѣдомое прошлое нашей страны знаетъ, какая масса финновъ растворилась въ великорусской народности. Такъ какъ культурное превосходство славянъ было не особенно значительно, то мало-культурныя и низко-организованныя финскія племена дремучихъ лѣсовъ волжско-окскаго района легко могли заимствовать изъ быта и строя славянъ недостающія начала, что облегчало сліяніе. Изъ финскихъ племенъ сліянія могли избѣгнуть тѣ, которыя жили дальше въ глубинѣ лѣсовъ. Въ сосѣдствѣ Балтійскаго моря финны подпали вліянію болѣе высокой германской культуры.

Финны западные.

Западныя финскія племена. — Историческое прошлое Финляндіи.—Территорія и природа страны.—Физическій типъ и характеръ финновъ.—Основы народнаго хозяйства: земледѣліе и промышленность.—Культурное положеніе страны.

Наша лѣтопись перечисляетъ много племенъ, которыя сидѣли вокругъ Финскаго залива. Болѣе крупныя, какъ сумь, емь и карелы, сидѣли дальше въ глубинѣ Финскаго массива. Именно эти финны были покорены скандинавами, шведами, которые подъ предводительствомъ своихъ королей совершили для этой цѣли въ концѣ XI в. нѣсколько крестовыхъ походовъ на „язычниковъ“ нынѣшней Финляндіи.

Финнъ крестьянинъ съ дѣтьми.

Какъ извѣстно, у сѣверныхъ германцевъ національно-племенные устои ихъ строя не подверглись такимъ сложнымъ измѣненіямъ, какъ на югѣ въ имперіи Каролинговъ, и получили болѣе самостоятельное развитіе. Скандинавъ, какъ членъ рода, какъ членъ племени и народа, не былъ въ такой степени подавленъ развитіемъ формъ хозяйства, развитіемъ высшихъ сословій, ростомъ церковныхъ и государственныхъ организацій, какъ его южный собратъ на Рейнѣ. Когда Финляндія была покорена и крещена, населеніе ея вошло какъ полноправный членъ въ составъ Шведскаго государства. Шведы заселили массой своей лишь ближайшее къ Швеціи побережье Финляндіи, т. е. нынѣшнюю Ньюландскую и Абосскую губерніи, въ остальныхъ же частяхъ Финляндіи они встрѣчались лишь въ качествѣ администраторовъ, духовенства и высшаго дворянства, дѣятельностъ котораго была направлена на поднятіе культуры. Такъ какъ глухія мѣста внутренней и восточной Финляндіи, не говоря про сѣверную, не представляли ничего заманчиваго, то естественно, что обитатели ихъ, финны, сидѣвшіе рѣдкими поселками среди болотъ, лѣсовъ и угрюмыхъ скалъ испытали это культурное вліяніе въ меньшей степени.

Воздѣйствіе шведовъ на обитателей Финляндіи носило гораздо болѣе мирный характеръ, чѣмъ то, какое нѣмцы проявили среди финскихъ обитателей южнаго берега Финскаго залива. Распространеніе болѣе высокой культуры въ предѣлахъ Финляндіи совершалось не огнемъ

и мечемъ, а путемъ добровольнаго принятія болѣе совершенныхъ формъ жизни. Превосходство шведовъ было настолько значительно, что шведскій языкъ и нравы распространялись въ верхнемъ образованномъ слоѣ финской народности весьма успѣшно. Духовные, дворяне и горожане изъ финновъ вступали такимъ образомъ въ ряды шведскаго населенія Финляндіи и являлись естественными посредниками и проводниками высшей культуры въ массахъ населенія. Немало финновъ, переиначившихъ свои финскія фамиліи на шведскій ладъ, вступали въ ряды шведской аристократіи, занимали высшія должности въ шведскомъ государствѣ. Точно также шведы, поселявшіеся въ Финляндіи, привыкали считать ее своей родиной. Поэтому Финляндія жила и развивалась, какъ одно цѣлое со Швеціей. Она такъ крѣпко приросла къ послѣдней религіей, законами, даже языкомъ, нравами и обычаями, что никому въ голову не приходило какъ нибудь различать обѣ страны. Во всѣхъ отрасляхъ жизни финны и шведы жили общей жизнью, въ одно время и вмѣстѣ расширяли свои

Рыбаки (съ картины Эдельфельда).

права, испытывали общія тягости и несчастія. Рознь, которая могла бы возникнуть между побѣдителями и побѣжденными на почвѣ расовыхъ и культурныхъ различій, не разверзлась въ глубокую пропасть, такъ какъ при рѣдкости населенія и скудости хозяйственныхъ благъ внутренняя борьба не достигала здѣсь большого напряженія, и права сословій распространялись и измѣнялись въ Финляндіи одинаково со Швеціей. Великая борьба, завязавшаяся между Россіей и Швеціей за обладаніе Балтійскимъ моремъ и господство на сѣверѣ, сильно отразилась на судьбѣ Финляндіи. Послѣ ряда войнъ между этими государствами, отъ опустошительнаго раззоренія которыхъ больше всего страдала Финляндія, вся она въ началѣ XIX в. была окончательно присоединена къ Россіи. Умиротвореніе Финляндіи и присоединеніе ея къ Россіи произошли на условіяхъ, въ силу которыхъ населеніе ея сохраняло государственный и общественный строй, права и привиллегіи сословій, какими каждое пользовалось въ моментъ отторженія отъ Швеціи. Хотя этотъ государственный строй былъ вполнѣ сословный, такъ что давалъ перевѣсъ власти и вліянія высшимъ сословіямъ—дворянству и духовенству, однако различія его отъ государственнаго строя Россіи были очень

велики. Въ Финляндіи верховная власть принадлежала не цѣликомъ монарху, а раздѣлялась имъ съ сеймомъ, составлявшимся изъ выборныхъ отъ четырехъ сословій—дворянъ, духовныхъ, горожанъ и крестьянъ. Для всякаго законодательнаго акта требовалось согласіе сейма.

Отторженіе отъ Швеціи и присоединеніе къ Россіи замѣтно отразились на судьбахъ финновъ. Хотя шведы и послѣ того продолжали составлять въ Финляндіи, несмотря на свою малочисленность, господствующую народность, хотя духовная связь со Швеціей не прекратилась, и культура образованнаго слоя населенія оставалась скандинавской, однако потеря національной опоры въ лицѣ государства отразилась на положеніи шведовъ. Въ XIX в. начинается пробужденіе самостоятельной финской народности. Пробужденіе это проявилось прежде всего въ духовной области—въ литературѣ. Финскій народный языкъ, являвшійся до того нарѣчіемъ, на которомъ объяснялись одни низшіе классы населенія, сталъ принимать литературную форму. Такъ какъ шведы отнеслись къ пробужденію финской національности враждебно, то борьба приняла вскорѣ оживленный характеръ, и, конечно, по мѣрѣ распространенія образованія и матеріальной и духовной культуры, перевѣсъ долженъ былъ вскорѣ склониться на сторону болѣе многочисленной въ краѣ народности финской. Борьба двухъ партій—свекомановъ и финномановъ заняла собой почти все XIX ст., но начиная съ 70-ыхъ годовъ, ростъ населенія, быстрое развитіе промышленности и успѣхи просвѣщенія въ финскомъ народѣ вызвали къ жизни раздѣленія на экономическія классы, на партіи. И это тѣмъ болѣе, что національное движеніе, поднявъ значеніе финской народности и доставивъ ей торжество во всѣхъ отрасляхъ жизни, исчерпало свои

Старая крестьянка (съ картины Эдельфельда).

задачи. Начало XX в. ознаменовалось для Финляндіи быстрымъ скачкомъ въ развитіи политическаго строя, совершившагося одновременно съ крупными событіями внутренней жизни Россіи. Но оффиціальный національнизмъ, дѣятельно возбуждаемый послѣ періода смуты, избралъ государственную обособленность Финляндіи цѣлью усиленной непріязни, и въ 1910 г. черезъ Думу проведены были коренныя измѣненія политическаго устройства Финляндіи, лишающія сеймъ самостоятельнаго значенія.

Въ настоящее время Финляндія занимаетъ 374.812 кв. к. По разсчету больше одной десятой этого пространства (11,16%) находится подъ озерами, которыя въ видѣ большихъ и малыхъ крайне неправильныхъ бассейновъ, ограниченныхъ необыкновенно извилистыми берегами, занимаютъ середину страны. Неудивительно, если Финляндію нерѣдко называютъ „страной тысячи озеръ". Однообразіе природы характерно для всей этой громадной страны. Всюду, кромѣ крайняго сѣвера, пейзажъ слагаютъ три составныя части: камень, запятнанный сѣровато-зеленоватыми лишаями, лѣсистые холмы съ залегающими межъ ними низинами и, наконецъ, болота да озера, часто соединенные протоками, на которыхъ гремятъ и пѣнятся каскады.

Карельскій національный костюмъ.

Почва, климатъ, вся природа соединились въ дружный союзъ, чтобы превратить здѣшнее населеніе въ „угрюмыхъ пасынковъ природы". Тысячелѣтняя борьба не привела бы здѣсь ни къ чему, если бы человѣкъ вступалъ въ нее не во всеоружіи лучшихъ средствъ культуры. Еще полтораста лѣтъ тому назадъ Финляндія не насчитывала и 500.000 ч. Въ настоящее время въ ней обитаетъ 3 мильона человѣкъ. По расчету на 1 кв. к. приходится около 8—9 ч., но если исключить негостепріимныя сѣверныя пустыни, то цифра плотности подымется до 15 ч. на 1 кв. к. По сравненію съ уѣздами Олонецкой и Архангельской губ, лежащими на той же широтѣ, различіе въ этомъ отношеніи поразительное, и если вспомнить, что финны, какъ раса, надѣлены отъ природы скуднѣе славянъ физическими и духовными дарами, то плотное населеніе Финляндіи возможно объяснить лишь тѣмъ, что обитатели ея, благодаря иному географическому положенію страны, могли использовать въ борьбѣ за существованіе всѣ средства культуры. Картина современной Финляндіи мало чѣмъ отличается отъ сосѣдней Швеціи. Въ современной Финляндіи населеніе жмется къ берегамъ Финскаго и Ботническаго залива, гдѣ расположены наиболѣе людные и богатые города.

*

Финны, потомки древней суми, еми, карелы и лопи, составляютъ большинство населенія. Древнее племенное дѣленіе исчезло, а если что отъ него сохранилось, то лишь легкія отличія въ типѣ и въ говорѣ обитателей разныхъ частей Финляндіи. Карелы занимаютъ восточную Финляндію, тавасты — центральныя части южной половины, западное побережье населено эстерботнійцами, а на сѣверѣ, гдѣ существованіе возможно лишь въ качествѣ рыболова и бродячаго оленевода, уцѣлѣли лапландцы, потомки лопи, занимавшей нѣкогда болѣе южныя области. Современные финны все еще довольно различны. Встрѣчаются высокіе блондины, и коренастые, болѣе низкаго роста брюнеты, типы съ болѣе темнымъ, съ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, болѣе живые и менѣе живые по темпераменту и складу ума. Но все-таки общіе физическіе признаки, часто даже неуловимые, таковы, что финна современной Финляндіи довольно легко отличить: круглая голова, плосковатое и широкое лицо съ выступающими скулами, особый свѣтлый цвѣтъ глазъ, какой-то водянисто-белесый („чудь бѣлоглазая"), флегматичный темпераментъ отличаютъ ихъ отъ русскихъ

Усадьба крестьянина.

и шведовъ. А если къ этому присоединить національный характеръ, то получается очень опредѣленный типъ, заслужившій отъ сосѣднихъ русскихъ рядъ добродушно-насмѣшливыхъ кличекъ. Особености характера финновъ заключаются въ медлительности всѣхъ душевныхъ движеній. Финнъ медленно воспринимаетъ впечатлѣнія, медленно думаетъ и чувствуетъ, и, можно сказать, обычно медленно дѣйствуетъ. Это флегма, но флегма лишенная апатіи, а, наоборотъ, связанная съ большимъ упорствомъ, переходящимъ нерѣдко въ невѣроятное упрямство. Спокойствіе рѣдко измѣняетъ финну, если же онъ выходитъ изъ этого состоянія, то большею частью подъ вліяніемъ гнѣва, злобы или при опьяненіи. Въ этомъ случаѣ онъ впадаетъ въ другую крайность, и темпераментъ его проявляется въ страшной силѣ стремленія, прикрытой медлительностью движеній. По этой причинѣ алкоголизмъ, который прежде былъ очень распространенъ въ Финляндіи, являлся для населенія еще большимъ зломъ, чѣмъ въ Россіи, и вызвалъ настолько сильное общественное движеніе противъ себя, что сильно сократился въ низшихъ слояхъ населенія. Меланхолія финна находитъ себѣ

широкое выраженіе въ религіозномъ чувствѣ, принимающемъ подчасъ крайнюю форму, сектантскаго экстаза.

Успѣхи, достигнутые финнами въ области усвоенія и примѣненія европейской культуры, быстрый расцвѣтъ финской національности, который сопровождался оживленіемъ финской литературы, науки и искусства, сильно подняли народное чувство, народное самосознаніе. Перемѣны, какія вызвали въ странѣ развитіе промышленности и торговли уничтожили прежнее дѣленіе на сословія, разбивъ финскій народъ на классы. Сюда относятся: сельское населеніе [1]), состоящее изъ ничтожнаго числа крупныхъ землевладѣльцевъ

Финская деревня (центральная Финляндія).

множества мелкихъ собственниковъ-крестьянъ и громадной массы мелкихъ арендаторовъ и вовсе безземельныхъ. Всѣ группы землевладѣльцевъ извлекаютъ доходъ изъ земли въ извѣстной мѣрѣ при посредствѣ сдачи участковъ арендаторамъ (торпарямъ) и при помощи цѣлой арміи сельскихъ рабочихъ. Слѣдующій классъ составляютъ рабочіе (113.518 ч., или 3,9% всего населенія въ 1906 г.), занятые въ мелкихъ и крупныхъ предпріятіяхъ, раскиданныхъ не только по большимъ городамъ, но и въ сельскихъ мѣстностяхъ. То обстоятельство, что въ Финляндіи

[1]) Въ 1906 г. сельское населеніе составляло 2.523.049 ч. или 86%, городское—410.807 ч. или 14%, въ 1800 г. сельское—786.055 ч. или 94,4%, городское—46.604 ч. или 5,6%, иными словами, населенность городовъ возросла въ 9 разъ, а сельская всего въ 3 раза.

заводы, фабрики и болѣе мелкія заведенія часто пользуются силой пороговъ и водопадовъ, способствовало возникновенію заводско-фабричныхъ заведеній внѣ городовъ. Армія промышленныхъ рабочихъ сравнительно немногочисленна, но она выросла особенно быстро за послѣднія десятилѣтія. Верхній слой современнаго финскаго общества составляетъ буржуазія, къ которой примыкаетъ малочисленное дворянство и довольно вліятельное духовенство. Это преимущественно обитатели городовъ. Среди буржуазіи замѣтно еще раздѣленіе на прежнихъ свекомановъ и финномановъ.

Скудная природа Финляндіи скупо вознаграждаетъ усилія населенія. Если посѣтить большіе города Финляндіи, раскиданные по балтійскому побережью, можно на первый взглядъ ошибиться и преувеличить національное богатство. Такъ, Гельсингфорсъ (до 130.000 ж.), большой, красивый и чистый городъ, снабженный всѣми усовершенствованіями для удобства жизни, ничѣмъ не отличается отъ лучшихъ городовъ Западной Европы. Такое же впечатлѣніе производитъ болѣе людно населенная береговая полоса южной и западной Финляндіи. Но кто углубится внутрь страны, особенно въ восточную Финляндію или въ глухіе уголки наименѣе культурной Выборгской губерніи, легко убѣдится, что борьба за существованіе достается финскому народу дорогой цѣной. Несмотря на желѣзныя дороги, телефоны, почтовыя конторы и прекрасныя шоссе, пронизывающія всю Финляндію по всѣмъ направленіямъ, несмотря на удобства и легкость всѣхъ сношеній, бѣдность и нужда народныхъ массъ даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Только финская бѣдность не имѣетъ вида грязной, оборванной нищеты, впавшей въ полное отчаяніе и безнадежность. Это бѣдность чистенькая, заплатанная, уповающая или на помощь Божію или на собственныя силы и потому далекая отъ отчаянія. Въ Финляндіи нѣтъ большихъ селеній. Прежде они существовали, но послѣ разверстки земель крестьяне разсѣлись по усадьбамъ, раскиданнымъ на большія пространства въ мѣстахъ, гдѣ земледѣльцы привели въ культурный видъ пахотныя земли и сѣнокосы. Селенія тянутся нерѣдко на версту и на двѣ, представляя группу рѣдкихъ построекъ, широко разсѣянныхъ вокругъ центра, какимъ является церковь съ кладбищемъ, усадьба пастора и лавки. Далеко кругомъ среди глуши лѣсовъ и по берегамъ озеръ разсыпаны отдѣльные большіе крестьянскіе дворы, домишки арендаторовъ (торпарей) и хибарки сельскихъ рабочихъ. Лѣсныя дебри и болота Финляндіи, хотя медленно, но непрерывно, путемъ тяжелой борьбы съ лѣсомъ и мхомъ превращаются въ пашни и луга. Въ этой борьбѣ земледѣльца съ безплодной почвой и суровымъ климатомъ все прошлое крестьянской Финляндіи. Но земледѣліе не въ состояніи прокормить жителей. Обычной пищи—хлѣба, въ видѣ сухихъ большихъ плоскихъ лепешекъ съ дырой посрединѣ, чтобы весь запасъ сразу испеченнаго хлѣба можно было хранить нанизаннымъ на палки подъ потолкомъ, кислаго молока и рыбы, которой вылавливается много въ морѣ и на озерахъ, не хватаетъ. Поэтому главную статью ввоза составляетъ хлѣбъ (22,0% всего ввоза). Большимъ подспорьемъ являлось прежде лѣсное богатство Финляндіи, разработка котораго положила начало многимъ капиталамъ. Сперва лѣсъ пилили на доски, затѣмъ къ этому присоединилась выдѣлка бумаги, целлюлезы, спичекъ.

До сихъ поръ еще, хотя лѣса сильно порѣдѣли, и бревна стали тоньше и короче, лѣсопильное и древесное производство являются главною отраслью финской промышленности [1]). Поэтому лѣсъ и деревянныя издѣлія составляютъ также главную статью вывоза

---

[1]) Въ 1907 г. цѣнность всѣхъ продуктовъ финской промышленности составляла 513.648.026 марокъ (марка—38 к.), а число рабочихъ было 135.415 ч.

Въ лѣсопильномъ и древесномъ производствѣ было занято 30.242 ч., а цѣнность продуктовъ составляла 115.338.400 м., металлическое производство занимало 19.268 ч., а цѣнность продуктовъ равнялась 61.448.426 м., бумажное – 14.550 ч., цѣнность товаровъ—55.935.500 м.

(въ 1908 г. на 143.758.000 марокъ, что составляетъ 51,32% всего вывоза). Оскудѣніе лѣсныхъ богатствъ еще не отразилось на лѣсной промышленности въ видѣ пониженія количества производимыхъ товаровъ, но такъ какъ облѣсѣніе происходитъ крайне медленно, то эта статья дохода можетъ понизиться. Уже и теперь населеніе и правительство употребляютъ немало усилій на развитіе той статьи хозяйства, которая представляетъ наибольшую прибыльность, именно молочное хозяйство, главнымъ продуктомъ котораго является масло. Прежде масло шло изъ Финляндіи въ Данію. Теперь же, съ улучшеніемъ его производства, финскіе маслодѣлы успѣшно стремятся доставлять свое масло непосредственно въ Англію.

Хотя $^{8}/_{10}$ населенія Финляндіи живетъ земледѣліемъ и лѣсоводствомъ, и лишь около $^{1}/_{10}$ кормится въ промышленности, однако финскіе экономисты полагаютъ, что для развитія крупнаго хозяества въ Финляндіи нѣтъ необходимыхъ данныхъ вслѣдствіе разбросанности

Праздникъ.

и мелкихъ размѣровъ земельныхъ участковъ, между тѣмъ какъ для промышленности подобнаго рода условія не составляютъ непреоборимыхъ препятствій.

Быстрое развитіе промышленности въ послѣднія десятилѣтія представляетъ бросающееся въ глаза явленіе. Оно проявляетъ себя въ цѣломъ рядѣ явленій: въ развитіи городовъ, въ быстромъ ростѣ городского населенія, тогда какъ сельское, хотя абсолютно увеличивается, но относительно уменьшается; далѣе, въ быстромъ развитіи путей сообщенія и способовъ сношенія (почта, телеграфъ, телефонъ), въ напряженіи соціальной и политической борьбы, быстро приведшей населеніе Финляндіи къ сознанію необходимыхъ и неизбѣжныхъ улучшеній общественнаго строя. Нельзя забывать, напр., что Финляндія единственная страна въ Европѣ, въ которой женщины пользуются полнымъ, какъ активнымъ, такъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ. Къ сожалѣнію, на пути соціальнаго развитія Финляндіи стоятъ весьма серьезныя препятствія. Кромѣ внутреннихъ силъ, какъ, напр., недостаточное просвѣщеніе, инертность народныхъ массъ, бѣдность, сплоченность буржуазныхъ классовъ въ борьбѣ за свои интересы, сюда присоединяются еще внѣшнія

осложненія, устранить которыя сама Финляндія не въ силахъ. Поэтому развитіе страны подвигается впередъ путемъ тяжелой борьбы и лишеній, о чемъ свидѣтельствуютъ кризисъ въ промышленности, безработица, частые припадки эмиграціонной лихорадки и общая подавленность настроенія, ареной которыхъ является Финляндія въ настоящее время.

Къ западнымъ или балтійскимъ финнамъ принадлежатъ лопари, эсты, ливы и разныя мелкія группы, остатки племенъ, имена которыхъ почти стерлись изъ памяти (вепсы и другіе). Лопари или лапландцы обитаютъ не въ одной Россіи. Часть ихъ кочуетъ въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи, часть обитаетъ въ сѣверной Финляндіи, наконецъ, остальная часть влачитъ жалкое существованіе на нашемъ сѣверѣ,—въ тундрѣ и на побережьи Кольскаго полуострова. Въ предѣлахъ Финляндіи лопари приведены въ культурное состояніе, насколько, вообще пріобщеніе къ культурѣ возможно для племени, живущаго кочевой жизнью среди своихъ оленьихъ стадъ за предѣлами полярнаго круга, въ странѣ снѣговъ и незаходящаго лѣтняго солнца. Во всякомъ случаѣ лопари Финляндіи, пользуясь въ полной мѣрѣ защитой и заботами правительства, въ экономическомъ отношеніи живутъ куда лучше нашихъ. Лопари Архангельской губерніи—жалкое, вымирающее племя, брошенное на произволъ природы и во власть эксплуатаціи. Лѣтомъ они ютятся по берегамъ океана въ «вѣжахъ», землянкахъ, сырыхъ и грязныхъ. Зимой они перебираются въ тундру и въ лѣса, гдѣ жилищемъ служитъ срубъ съ дерновой крышей. Оленей у нихъ мало, и главнымъ средствомъ пропитанія служитъ рыба, чаще они нанимаются въ работы къ русскимъ рыбопромышленникамъ и при своемъ невѣжествѣ и тихости, а также при склонности къ спиртнымъ напиткамъ являются легкой жертвой эксплуатаціи.

Эсты, говорящіе нарѣчіемъ, очень близкимъ къ карельскому, населяютъ въ числѣ болѣе 900.000 ч. Эстляндію и сѣверные уѣзды Лифляндской губерніи. По типу и языку они мало отличаются отъ финновъ княжества Финляндскаго, но культурное прошлое и современное экономическое и правовое положеніе ихъ иное. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ судьбу латышей, главныхъ обитателей Прибалтійскаго края. Небольшая группа ливовъ (около $2^1/_2$ тысячъ ч.)—послѣдній остатокъ древняго туземнаго населенія Курляндіи. По типу они еще ближе, чѣмъ эсты, примыкаютъ къ кареламъ, сохранили кое гдѣ національный нарядъ, нѣкоторыя черты прежняго быта, но въ общемъ, подъ вліяніемъ окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ латышей, постепенно исчезаютъ среди послѣднихъ, сливаясь съ ними.

Н. Березинъ.

Волжскіе финны: черемисы, мордва.

Черемисы, вѣтвь финскаго племени, насчитывающая 300—350.000 ч., живутъ по правому и лѣвому берегу средней Волги. Различаютъ черемисовъ луговыхъ и горныхъ, хотя данныхъ для подобной группировки въ антропологическомъ, бытовомъ и культурномъ отношеніи очень немного.

Право-бережье Волги, уѣзды Козьмодемьянскій и Васильсурскій занимаютъ горные черемисы. Лѣвую сторону Волги—„лѣса“, занимаютъ луговые черемисы, разбросанные здѣсь въ губерніяхъ Костромской, Казанской, Нижегородской и дальше на сѣверъ въ Вятской и Уфимской. Особенно много здѣсь еловыхъ лѣсовъ,—„кожлà“ по черемисски, отчего и народъ, живущій здѣсь, получилъ названіе „кожлà-моръ“ (т. е. „народъ живущій въ еловыхъ лѣсахъ“).

Горные черемисы называютъ себя „курукъ-марэ“. Одни черемисы приближаются къ тюркскому типу: у нихъ черные волосы, смуглыя, скуластыя лица и косо поставленные, иногда съ удлиненнымъ разрѣзомъ, глаза. Встрѣчается между ними и типъ переходный къ чистому финскому съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами. Въ общемъ горные черемисы отличаются отъ луговыхъ болѣе высокимъ ростомъ, крѣпкимъ сложеньемъ и выносливостью, а въ общежитіи—бо́льшей смѣтливостью, общительностью и зажиточностью. Нарядныя деревни горныхъ черемисовъ тонутъ въ зелени фруктовыхъ садовъ и огородовъ, между тѣмъ какъ деревня луговыхъ черемисъ поражаетъ удручающей наготой жалкихъ домишекъ, вблизи которыхъ глазъ напрасно ищетъ зелени.

Черемисъ парень съ національнымъ музыкальнымъ инструментомъ (пузырь).

Разсѣянные отдѣльными поселками среди татаръ, чувашъ и русскихъ черемисы не могли остаться чуждыми ихъ вліянію. Черемисы Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи настолько утеряли свои національныя особенности, что ничѣмъ не отличаются по внѣшнему виду отъ башкиръ и татаръ.

Среди вотяковъ черемисы подвергаются вотскому вліянію, среди русскихъ—русскому. Русское вліяніе сказалось въ типѣ постройки черемиской деревни и во внутреннемъ убранствѣ черемиской избы, которая напоминаетъ избу великорусскаго крестьянина. Одна изъ надворныхъ построекъ, напоминающая доисторическія времена, заслуживаетъ особеннаго вниманія: это „куда“—лѣтній шалашъ, въ него пере-

селяется лѣтомъ черемисская семья. Куда построена изъ тонкихъ бревенъ и покрыта драницами. Печи въ кудѣ нѣтъ, а есть очагъ прямо на полу.

Черемиска.

Національный черемискій нарядъ состоитъ изъ длинной холщевой рубахи, вышитой по плечамъ, подолу, спинѣ, груди и рукавамъ, изъ тканнаго, расшитого шелками пояса и бѣлаго холщевого кафтана или шабура. Смотря по мѣстности, черемиски носятъ на головѣ „сороку“, „шарпанъ“ или „тюрикъ“.

Сорока и тюрикъ встрѣчаются и у другихъ восточно-финскихъ племенъ, шарпанъ же всецѣло заимствованъ черемисками у чувашъ. Точно также у послѣднихъ заимствованы хошпу—родъ головной повязки изъ серебряныхъ монетъ, нашитыхъ на ремень, и такія — небольшая шапочка, вродѣ татарской тюбетейки, сплошь покрытая монетами.

Черемисы давно обращены въ христіанство, но прежній культъ до сихъ поръ живъ среди нихъ, особенно среди луговыхъ черемисъ, вѣрующихъ въ кереметей и добрыхъ боговъ и приносящихъ имъ жертвы въ священныхъ рощахъ. Міръ злыхъ духовъ у черемисовъ крайне обширенъ. По первоначальнымъ вѣрованіямъ въ число ихъ входили „вадыши“ или „керемети“, существа злыя и мстительныя. Противоположными имъ являлись духи предковъ—существа добрыя. Позднѣе множество кереметей замѣнилось однимъ кереметъ—духъ зла, братъ Юмы и его вѣчный соперникъ.

Общественныя моленія добрымъ богамъ совершаются въ священныхъ рощахъ, „кюсъ-отовъ“, „юмонъ-отовъ“. Въ Вятской губ., въ уѣздахъ Яранскомъ и Уржумскомъ до сихъ поръ сохранилось много такихъ священныхъ рощъ. Горныхъ черемисъ обществен-

ныя моленія исчезли совершенно, но у луговыхъ, въ глухихъ мѣстахъ Вятской (уѣзды Яранскій, Уржумскій и Малмыжскій) и Казанской губерніи (Царевококшайскій уѣздъ) существуютъ до сихъ поръ.

Вымывшись наканунѣ моленія въ банѣ, чисто одѣвшись въ бѣлые шабуры, черемисы съ ранняго утра, пѣшіе и конные, толпами направляются въ священную рощу и располагаются около дерева. Финансовая и чисто внѣшняя организація моленія лежитъ на обязанности совѣта стариковъ, которые распредѣляютъ всѣ селенія, принимающіе участье въ моленьѣ, на участки „кумыжи" назначаютъ отъ каждаго участка ходока—„коштыша" и опредѣляютъ количество жертвенной скотины, хлѣба и посуды, поставляемыхъ каждымъ участкомъ. Въ день моленія все идетъ торжественно и несуетливо: у каждаго дерева, посвященнаго опредѣленному божеству, помощники жрецовъ разводятъ два костра, большой и малый, вѣшаютъ надъ ними жертвенные котлы и неподалеку отъ священнаго дерева на рогожкѣ или столѣ раскладываютъ припасы для пиршества. Послѣ церемоніи „пробованья"—угодна-ли приносимая жертва божеству, животное рѣжутъ. Окропивъ кровью корни священнаго дерева, снимаютъ съ убитой жертвы шкуру, разсѣкаютъ на части тушу и варятъ мясо въ жертвенныхъ котлахъ. Главнымъ божествамъ приносятся въ жертву крупныя животныя—лошадь или корову, второстепеннымъ—барана; особенно угодной жертвой считается лошадь. Когда мясо сварится, часть его разрѣзываютъ на кусочки и ставятъ подъ священнымъ деревомъ—умилостивительная жертва божеству Затѣмъ начинается утомительное многочасовое моленіе, совершаемое отдѣльными жрецами у каждаго священнаго дерева. Длинныя молитвы смѣняются гаданьями, пробой жертвеннаго мяса, опять молитвами и т. д., пока религіозное усердіе не истощится. Наконецъ моленіе кончается, сумрачныя лица свѣтлѣютъ, и начинается жертвенный пиръ, который Кузнецовъ описываетъ слѣдующими словами: „На разостланной подлѣ костровъ рогожѣ въ корытѣ огромныхъ размѣровъ лежали огромные куски вареной конины, два-три коровая хлѣба, соль въ мѣшкѣ, большая „черемиская" ложка для черпанья щей. Бросивъ шапки въ сторону и присѣвъ подлѣ рогожи на корточкахъ или лежа на животѣ, черемисы грязными руками брали изъ корыта куски и каждый своимъ ножомъ ловко отдѣлялъ для себя небольшія доли. Аппетитъ богомольцевъ просто изумилъ меня: огромные куски исчезали одинъ за

Черемиска.

*

Мордовка въ праздничномъ нарядѣ.

другимъ, сопровождаемые ломтями чернаго хлѣба во весь коровай. Жажду утоляли изъ ведра, подставленнаго подъ наполненный водой боченокъ—всякій по своему: кто „въ нападку", кто черпалъ маленькой чашкой. Тутъ же распивалось что-то похожее на медовую сыту (торба), но будучи разведенъ въ грязномъ буракѣ, напитокъ этотъ мало отзывался медомъ"...

Мордва живетъ въ южныхъ уѣздахъ Нижегородской губерніи (Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Ардатовскомъ, Княгининскомъ, Лукояновскомъ и Сергачскомъ), въ прилегающихъ къ нимъ уѣздахъ Тамбовской, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пензенской и Симбирской губерніи и, наконецъ, въ степяхъ Заволжья—губерніяхъ Самарской, Уфимской и Оренбургской.

Мордва отличается отъ сосѣднихъ финновъ ростомъ, массивностью сложенія, здоровьемъ и выносливостью. Въ настоящее время среди мордвы различаютъ 4 группы, изъ которыхъ двѣ—„каратаи", живущіе въ Казанской губ. и „терюхане", въ Нижегородской—крайне немногочисленны и теряютъ значеніе, такъ какъ первые совсѣмъ отатарились, вторые—обрусѣли. Двѣ остальныя большія группы носятъ названіе эрзи и мокши: эрзя больше мокши сохранила финскія черты. Мокша значительно обрусѣла и по мѣстамъ совершенно слилась съ русскимъ населеніемъ.

Эрзяне бѣлокуры, сѣроглазы, съ свѣтлой кожей, круглыми, нѣсколько скуластыми лицами и немного вздернутыми носами. Среди мокшанъ можно встрѣтить самые разнообразные типы, отъ блондиновъ, приближающихся къ финскому типу, до лицъ смуглыхъ съ черными волосами и карими глазами, напоминающихъ татарскія и чувашскія физіономіи. Эта пестрота и разнообразіе типовъ придаетъ мокшанской толпѣ оригинальную живописность, особенно если наблюдать ее на какомъ-нибудь народномъ праздникѣ, одѣтую въ національные костюмы.

Одежда эрзянокъ и мокшанокъ состоитъ изъ холщевой бѣлой рубахи „понара", вышитой по подолу, вороту и рукавамъ узоромъ. Вышивки мокшанокъ грубѣе и пестрѣе. Эрзянка распускаетъ свой понаръ до пятъ, мокшанка подтягиваетъ его поясомъ до колѣнъ. Лѣтомъ кромѣ понара послѣдняя ничего не носитъ, эрзянка же сверху накидываетъ „шушпанъ"—расшитой кафтанъ изъ бѣлаго холста. Особенно богато расшита у шушпана грудь—въ видѣ четырехугольника. Мужской костюмъ состоитъ изъ понара и бѣлыхъ холщевыхъ штановъ.

Эрзя преобладаетъ по численности и району распространенія надъ мокшей: послѣдняя только въ Саратовской губерніи смѣшана въ одинаковой пропорціи съ эрзей; въ остальныхъ мокша численно уступаетъ эрзѣ. Различіе между этими группами настолько сильно, что мокшане не понимаютъ языка эрзянъ, и наоборотъ. Недаромъ русская пословица говоритъ: „у мордвы двѣ морды (т. е. два языка), а голова одна".

Переселеніе мордвы со средняго теченія Волги и ея притоковъ въ степи Заволжья относится ко второй половинѣ XVII в. и особенно къ началу XVIII в. Этотъ отливъ связанъ съ насильственнымъ обращеніемъ мордвы въ христіанство и усиленной колонизаціей русскимъ населеніемъ мордовскихъ земель, начиная съ XIV в. и особенно въ XV—XVI вв. Мордва подчинилась не сразу и не разъ производила возстанія, примыкая къ шайкамъ Разина и Пугачева, угрожая стѣнамъ ненавистнаго ей Нижняго-Новгорода. Но это не остановило русской колонизаціи. Процессъ сліянія мордвы съ русскою народностью сопровождался щедрой раздачей мордовскихъ земель служилымъ людямъ и насильственнымъ обращеніемъ мордвы въ христіанство.

Въ заволжскихъ лѣсахъ мордва быстро подпала вліянію русскаго населенія, особенно раскольничьяго. Среди заволжской мордвы много раскольниковъ, и существуютъ раскольничьи скиты. Обрусѣніе мордвы подвигается быстро. Менѣе подверглась ему пензенская мокша, которая въ глухихъ мѣстахъ говоритъ еще на чистомъ мокшанскомъ нарѣчіи, носитъ національный костюмъ и придерживается прежнихъ религіозныхъ воззрѣній.

Группа мордвы.

Религіозныя вѣрованія мордвы сводились къ исповѣданію неяснаго дуализма, признанію двухъ началъ: добраго—предвѣчнаго Шкая (вере-пасъ) и злого—Шайтана (нишке-пасъ). Вере-пасъ—творецъ міра, живущій наверху, нишке-пасъ—духъ зла, обитающій внизу и ведущій непримиримую борьбу съ вере-пасомъ. Соперничествомъ этихъ двухъ началъ наполненъ, по воззрѣніямъ мордвы, весь міръ. Кромѣ двухъ главныхъ боговъ мордва почитаетъ обширный міръ пас'овъ (боговъ), ава (духовъ-отцовъ) и кирьди (хранителей).

Сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ похоронные обряды и обычаи указываютъ на то, что мордва представляла загробную жизнь такою же, какъ земную. Умершей дѣвушкѣ въ гробъ клали кольцо, мужчинѣ—водку, опохмелиться и угостить умершихъ раньше его родственниковъ, плотнику—топоръ, ребенку—игрушку. Христіанство долгое время оставалось чуждо мордвѣ. Мало-по-малу туземныя и христіанскія вѣрованія слились, и образовалась религія двоевѣрія, которая вообще характерна для финскихъ племенъ. Рядомъ съ духами покровителями почетное мѣсто заняла христіанская Богородица, Николай чудотворецъ, Илья-пророкъ и другіе святые. Но Богородица превратилась въ патяй—мать боговъ, Николай чудотворецъ—въ Николай-паса (бога), а Илья-пророкъ—въ пургине-паса, т. е. бога грома. Празднованіе Николина дня напоминаетъ жертвоприношеніе языческому богу. Мордвинъ собираетъ всю семью, зажигаетъ передъ образомъ свѣчу и, взявъ въ одну руку каравай хлѣба, въ другую горшокъ каши, произноситъ слѣдующія слова моленія: „Вотъ тебѣ большой хлѣбъ, Никола-пасъ, дай больше добра, вотъ горшокъ каши,—сколько въ ней крупинокъ, столько дай добра, вотъ солоница соли, рыбья голова, брага и вино: все на твое имя варили и жарили, больно отъ усердія съ чистымъ сердцемъ кланяемся тебѣ".

Но въ общемъ туземные обычаи и обряды исчезаютъ, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ мордовскія деревни окружены русскими. Мордовское жилище превращается въ русскую избу съ лавками, столомъ и полатями для спанья; русская рѣчь начинаетъ звучать почти безъ акцента, и русская одежда пріобрѣтаетъ права гражданства. Обрусѣнію содѣйствуетъ и русская школа, а также малоземелье, котсрое заставляетъ мужское населеніе идти въ отхожіе промыслы.

Пермскіе финны: вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки.

Въ прежнія времена вотякъ былъ настоящій „водяной человѣкъ"—„удъ-муртъ". Въ дебряхъ вятскихъ лѣсовъ никто не трогалъ удъ-мурта, пока не надвинулись черемисы и русскіе, и вотяку волей-неволей пришлось приняться за земледѣліе. Чувствуя надъ собой грозную власть природы, тѣснимый русскими и черемисами, вотякъ замкнулся въ себѣ и сталъ тѣмъ молчаливымъ, робкимъ существомъ, котораго русскіе крестьяне окрестили презрительнымъ прозвищемъ „рябчика". Вотякъ сдержанъ, безконечно терпѣливъ и покоренъ своей судьбѣ; веселость его тихая, совмѣстная работа проникнута отсутствіем оживленія, энергіи и смѣха. На видъ вотяки неказисты: небольшого роста съ короткими, кривыми ногами („ноги лутошками"), слабо развитой грудью, они получили отъ русскихъ-сосѣдей прозванье „тонконогихъ" и „сухопарыхъ". Широкія плоскія лица съ выдающимися скулами и небольшими, глубоко посаженными, выглядывающими изъ орбитъ вяло и угрюмо глазами, носятъ на себѣ явные слѣды финскаго происхожденія. Ротъ вотяка постоянно полуоткрытъ, углы губъ опущены книзу; бѣлокурые, нерѣдко рыжіе волосы острижены въ кружокъ по-русски. Физическая слабость и вялость вотяка сказывается въ быстрой утомляе-

мости. По мнѣнію наблюдателей, рѣдкій вотякъ можетъ поднять пять пудовъ, а нести три пуда составляетъ для нихъ большой трудъ. „Въ движеніяхъ, занятьяхъ и ѣдѣ“, говоритъ Верещагинъ: „вотяки тихи, вялы, неповоротливы; на дѣло, на которое нужно употребить два часа, они употребляютъ три-четыре часа и притомъ любятъ все дѣлать съ отдыхомъ и куреніемъ табаку, ходятъ тихо, наклонившись нѣсколько впередъ, смотрятъ въ землю, какъ будто ищутъ потерянное, и оглядываются, подобно зайцу, напуганному шорохомъ въ лѣсу“.

Вотяки.

Въ домашнемъ быту вотяки грязны и некультурны. Въ избахъ, по обстановкѣ напоминающихъ русскія, у нихъ невообразимая грязь; тяжелый воздухъ дѣлаетъ невозможнымъ долговременное пребываніе въ вотяцкомъ помѣщеніи. По зимамъ нерѣдко вмѣстѣ съ людьми въ избахъ живутъ телята и домашняя птица. Отъ нечистоты развиваются у вотяковъ различныя кожныя заболѣванія — чесотка, чирьи, лишаи и т. п. Отъ копоти и грязи— глазныя болѣзни. Глаза у вотяковъ подслѣповатые, вѣчно слезятся и гноятся. Специфической, чисто вотяцкой болѣзнью считается въ Вятской губерніи трахома, настолько распространенная среди вотяковъ, что вятское земство каждое лѣто организуетъ для борьбы съ нею летучіе глазные отряды. Вредно отражается на вотякахъ и русская водка: во хмелю вотякъ буенъ, заносчивъ, дикъ, иногда прямо страшенъ, и затѣвать съ нимъ ссору въ пьяномъ видѣ не всегда безопасно. Присматриваясь къ вотякамъ различныхъ уѣздовъ Вятской губерніи, можно замѣтить среди нихъ различіе въ степени культурности и образѣ жизни: вотяки Глазовскаго уѣзда опрятнѣе, развитѣе и культурнѣе вотяковъ Сарапульскаго уѣзда; значительный $^0/_0$ ихъ грамотенъ, между тѣмъ какъ вотяки Сарапульскаго уѣзда грязны, невѣжественны, малограмотны и въ глухихъ мѣстахъ сохранили свои древніе обряды и вѣрованія.

Финскій типъ вотяка подъ вліяніемъ смѣшанныхъ браковъ съ русскими начинаетъ измѣняться. Національный нарядъ вотячки состоитъ изъ бѣлой холщевой рубахи, вышитой по подолу и рукавамъ серебромъ, шелкомъ или шерстью; поверхъ рубахи надѣвается „шотъ-деремъ“, бѣлый холщевый кафтанъ, богато расшитый въ старину шелкомъ или

серебромъ, а теперь обшитый на груди чѣмъ нибудь пестрымъ, обыкновенно краснымъ ситцемъ. На головѣ дѣвушки носятъ такію, шапочку, унизанную серебряными монетами, на шеѣ бусы. Вотяки носятъ зимой шерстяной супманъ или зипунъ, овчинную шапку и лапти поверхъ онучъ; лѣтомъ—шабуръ изъ бѣлаго или синяго холста и холщевые-же штаны и рубаху. Въ Елабужскомъ уѣздѣ на формахъ костюма замѣтно татарское вліяніе, въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи—башкирское.

Земледѣльцы вотяки плохіе, хотя земледѣліе является ихъ главнымъ занятіемъ. Зато пчеловоды, а особенно охотники они отличные. Вотякъ настойчивъ, терпѣливъ и ловокъ на охотѣ. Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ вотяковъ много остатковъ старины. Въ Вятской губерніи до сихъ поръ насчитывается около 10.000 вотяковъ, открыто придерживающихся своихъ древнихъ вѣрованій и обрядовъ. Вопросъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ вотяковъ пріобрѣлъ большой интересъ въ 1892 году, когда возникло такъ называемое „Мултанское дѣло“ по обвиненію нѣсколькихъ вотяковъ въ принесеніи ими человѣческой жертвы.

Вотячка.

Племя «коми» или «коми-войтырь», какъ до сихъ поръ называютъ себя пермяки и зыряне по мнѣнію Смирнова, занимало нѣкогда обширное пространство, границами котораго на сѣверѣ служили Печора и Уса, на югѣ Кама, Кострома, и Клязьма, на востокѣ Обь и на западѣ границы нынѣшнихъ Московской, Владимірской и Костромской губерній.

Въ настоящее время область, занимаемая пермяками, незначительна: живутъ они главнымъ образомъ, по правой сторонѣ рѣки Камы, въ западной половинѣ Чердынскаго и Соликамскаго уѣзда, въ сѣверо-западной части Оханскаго Пермской губ. и въ небольшомъ количествѣ въ Глазовскомъ и Орловскомъ уѣздахъ Вятской губ. Численность ихъ не превышаетъ 70-80.000. Въ характеристикѣ пермяковъ изслѣдователи рѣдко расходятся: изслѣдователи быта пермяковъ Вятской губерніи рисуютъ ихъ, какъ народъ совершенно вырождающійся. Добротворскій, напримѣръ, описываетъ ихъ наружность слѣдующими непривлекательными красками: «Съ виду пермяки сухіе, тощіе, съ какимъ-то грязновато-желтымъ цвѣтомъ кожи. Узкія плечи, тонкая и короткая шея, плоская, недоразвитая грудь, кривыя, короткія ноги—все это указываетъ на слабость и хилость сложенія. Голова небольшая, угловатая; бѣлокурые жидкіе волосы острижены порусски въ кружокъ, падаютъ на лобъ, совершенно закрывая его... Между 20-22 годами появляется у пермяка маленькая, рѣдкая бородка... Глаза голубые, подслѣповатые, по большей части. Расположены глаза не на горизонтальной линіи, а нѣсколько наклонно, лежатъ глубоко; выраженія въ нихъ нѣтъ никакого, они вялы и безжизненны. Вздернутый носъ и ноздри, нѣсколько вывороченныя наружу, придаютъ пермяку свирѣпый и заносчивый видъ... Скулы у многихъ сильно выдаются.

Щеки осунувшіяся, безжизненныя, румянца на нихъ нѣтъ и слѣда; губы тонки и сжаты. Женщины почти совсѣмъ лишены бровей»...

«Племя это», говоритъ дальше Добротворскій: «идетъ быстрыми шагами къ вырожденію, и можно съ увѣренностью сказать, что ему недолго существовать на бѣломъ свѣтѣ, что оно уже доживаетъ свои послѣднія минуты... По собственному сознанію пермяковъ, они стали «больно жидки». Другіе изслѣдователи не нашли признаковъ вырожденія у пермскихъ пермяковъ. Правда, пермяки мелки, роста средняго и даже очень нерѣдко ниже, сухощавы, неказисты на видъ, но крѣпки, широкоплечи и представляютъ не одинъ, а два типа: одинъ—со свѣтлыми волосами, широкимъ лицомъ, сѣрыми или голубыми глазами, вздернутымъ носомъ и круглымъ подбородкомъ. Другой—съ темными волосами, смуглымъ продолговатымъ лицомъ, карими глазами, прямымъ тонкимъ носомъ и острымъ подбородкомъ. Послѣдній типъ, въ которомъ почти не осталось финскихъ чертъ, указываетъ на вліяніе сосѣднихъ народностей—татаръ и болгаръ, съ которыми нѣкогда соприкасались пермяки. Наконецъ встрѣчается среди пермяковъ и переходный типъ—шатеновъ, но все же блондины преобладаютъ численно надъ остальными.

Нравственныя качества пермяковъ подвергаются такой же рѣзкой оцѣнкѣ, какъ и физическія. Изслѣдователи упоминаютъ о тупости, дикости, скрытности, упрямствѣ, злости», объ отсутствіи любознательности, спящемъ младенческомъ умѣ, апатіи, лѣни и пр., прибавляя, однако, что пермяки не лишены здраваго смысла, тонкой наблюдательности и своеобразнаго художественнаго чутья. Болота и лѣса оставляли пермяку мало годной для обработки земли, а подсобные промыслы, вродѣ охоты, огородничества или лѣсныхъ промысловъ, сдѣлались для пермяковъ источникомъ жестокой эксплоатаціи со стороны зырянъ и русскихъ. Власть природы надъ пермякомъ особенно сказывается въ его домашнемъ обиходѣ. Обстановка пермяцкой избы крайне жалка: грубыя, неуклюжія лавки, обрубки дерева, замѣняющіе табуреты, столъ, сколоченный самымъ первобытнымъ образомъ, плохо сложенная, а нерѣдко глинобитная печь—вотъ и все, что можно тамъ встрѣтить. Деревянная посуда вродѣ котловъ, кадокъ, ложекъ, блюдъ вся покупная; недаромъ русская пословица говоритъ про пермяка: «хоть живетъ въ лѣсу, а дрова съ вѣсу»,—намекая на его неспособность обрабатывать деревъ. Пермяцкій умъ не додумался даже до саней на полозьяхъ: старыя пермяцкія сани или «чуманъ» представляли большую коробку, сшитую изъ бересты и поставленную прямо наземь. Полозья пермяки заимствовали у русскихъ. Еще лѣтъ 30 тому назадъ въ глухихъ пермяцкихъ деревняхъ не слыхивали о телѣгахъ и передвигались зимой и лѣтомъ на саняхъ. Равнодушный ко всякимъ культурнымъ удобствамъ, мало любознательный пермякъ охотно перенимаетъ все, что привлекаетъ его вниманіе внѣшнимъ образомъ.—яркостью или блескомъ. Такъ заимствовалъ онъ у русскихъ самоваръ, а пермячка—яркій ситецъ.

Домашній бытъ пермяка крайне бѣденъ и грубъ. Пища его настолько плоха и такъ скверно приготовлена, что вызываетъ отвращенье русскихъ крестьянъ: «пермякъ жретъ навозъ» съ презрѣніемъ отзываются они объ его кушаньяхъ. Обычной ѣдой пермяка служитъ хлѣбъ изъ крупносмолотой, непросѣянной муки, такъ называемый «ярушникъ», «шидъ»—горячая болтушка изъ овсянки, кислаго молока приготовляемая невообразимо грязно. Но и этой жалкой пищи пермяку не хватаетъ на цѣлый годъ. Мясную пищу даетъ только охота, но пермякъ спѣшитъ возможно скорѣе превратить добычу въ деньги. Какъ работникъ, пермякъ не пользуется славой, вслѣдствіе малопонятливости и медлительности. Берутъ его только за дешевизну, пермяку обыкновенно платятъ въ два раза дешевле, чѣмъ русскому.

Л. Г.

При первомъ знакомствѣ съ Сибирью русскіе прежде всего столкнулись съ воинственнымъ и сильнымъ племенемъ вогуловъ, принадлежащимъ къ древнему угорскому племени, когда-то обитавшему на Уралѣ. Вогулы поднимали возстанія еще въ началѣ

XVII в., и стрѣла съ вырѣзаннымъ на ней изображеніемъ злыхъ духовъ не разъ облетала вогульскія стойбища, какъ сигналъ возстанія. Но современные вогулы, покорные и безотвѣтные, лѣнивые и обнищавшіе, ничѣмъ не напоминаютъ своихъ воинственныхъ предковъ. Въ настоящее время вогулы живутъ на сѣверо-западѣ Тобольской губ., въ Турьинскомъ, Тобольскомъ и Березовскомъ уѣздахъ, въ лѣсистой и болотистой мѣстности, въ количествѣ не болѣе 7.000. Вогулы средняго роста, хорошо сложеные съ русыми или темными волосами, съ круглыми плоскими лицами, выдающимися скулами, широкимъ, приплюснутымъ носомъ и съ слабой растительностью на лицѣ. Главныя занятія ихъ—рыболовство, звѣроловство, сборъ брусники и кедровыхъ орѣховъ. Земледѣліе является главнымъ занятіемъ лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ они ведутъ вполнѣ осѣдлый образъ жизни и вполнѣ обрусѣли, благодаря бракамъ съ русскими. Но большинство вогуловъ оправдываютъ свое племенное имя, данное имъ зырянами („дикій“). Живутъ они на высокихъ рѣчныхъ берегахъ, въ деревянныхъ юртахъ, крытыхъ корой. Ихъ селенія (паулы) состоятъ ихъ 3—4, рѣдко 10 подобныхъ юртъ. Сѣверные вогулы лѣтомъ живутъ въ берестяныхъ юртахъ. Религіозныя представленія вогуловъ весьма первобытны. Они не молятся своимъ идоламъ, а торгуются съ ними: „Если убью трехъ соболей—одного тебѣ“, и, въ случаѣ неудачи, наказываютъ идоловъ, выбрасывая ихъ вонъ. Животныя имѣютъ души, которыя мстятъ за убійство, если ихъ не умилостивить какой-либо жертвой. Среди вогуловъ особенно распространено почитаніе медвѣдя, и въ честь каждаго убитаго медвѣдя устраивается ими умилостивительный пиръ.

Зыряне.

Раньше и матеріальный, и умственный уровень вогуловъ былъ гораздо выше, чѣмъ

*

теперь. Они слишкомъ рано и слишкомъ много стали страдать отъ пришельцевъ, а въ настоящее время подвергаются жестокой эксплоатаціи со стороны зырянъ, ведущихъ съ ними торговлю. Изъ сохранившихся остатковъ старины можно видѣть, что многія пѣсни вогуловъ отличались оригинальностью мелодіи, но ихъ современное пѣсенное творчество поражаетъ вторженіемъ въ него грубаго и низкаго содержанія. „Ѣду по тайгѣ,—импровизируетъ современный вогулъ,—дремучая тайга, соболь скачетъ съ вѣтки на вѣтку. Подстрѣлю его, продамъ купцу, напьюсь вина въ Пелымѣ". Лѣность и неряшливость являются теперь главными недостатками вогуловъ, но зато они сохранили похвальныя качества сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ—они честны, гостепріимны, кротки, миролюбивы и сострадательны.

Зырянинъ въ охотничьемъ снаряженіи.

Сосѣдями вогуловъ съ запада являются зыряне, небольшой народъ также финскаго происхожденія, но до такой степени смѣшавшійся съ русскими и обрусѣвшій, что для неопытнаго глаза ничѣмъ не отличается отъ послѣднихъ: съ сѣро-голубыми глазами, румяными лицами, окладистыми бородами. Въ языкѣ зырянъ очень много русскихъ словъ. Всѣ они православные, охотно посѣщаютъ церковь, исполняютъ посты и пр. Въ послѣднее время среди нихъ особенно усилилось стремленіе къ образованію, они далеко не чуждаются русскихъ школъ, такъ что половина ихъ дѣтей грамотна. Часть зырянъ живетъ осѣдло, а другая занимается оленеводствомъ и кочуетъ наравнѣ съ остяками и самоѣдами. Зыряне отличаются предпріимчивостью, энергіей и трудоспособностью, склонностью къ ремесламъ: столярному, кузнечному, плотничному, и особенно къ торговлѣ, причемъ ихъ пронырливость, хитрость и эксплоатація инородцевъ граничитъ съ прямымъ ихъ „облопошиваніемъ", и мошенниче

скія продѣлки составляютъ любимые мотивы разсказовъ о разныхъ приключеніяхъ, которые они очень любятъ слушать. Собственно эпосъ зырянъ небогатъ; ихъ пѣсни похожи на похоронныя причитанія.

Къ сѣверу и востоку отъ вогуловъ, въ Березовскомъ, Сургутскомъ и Тобольскомъ уѣздахъ Тобольской губ., а также и въ Нарымскомъ краѣ (Томской губ.), въ бассейнѣ р. Васюгана, живутъ остяки, въ количествѣ около 18.000 человѣкъ. Новгородцамъ они были извѣстны подъ именемъ „югры", а позднѣйшее слово „остяки" получилось изъ „центяки", т. е. „варвары", „дикари", которыми ихъ называли побѣдители, татары. Дѣйствительно, забитость и одичалость отражаются на всей фигурѣ остяка: грязно-сѣраго цвѣта скуластое лицо съ черными, часто гноящимися глазами, обромленное жидкими, черными волосами, никогда нечесанными, падающими на плечи, низкаго роста, съ впалой грудью, съ длинными, безжизненно висящими руками,—такова наружность остяка. По характеру, это—народъ добрый, честный, довѣрчивый, услужливый и гостепріимный, отзывчивый на нужду. Языкъ остяковъ протяженъ, мягокъ, со множествомъ шипящихъ и свистящихъ звуковъ. Пѣсни ихъ монотонны и заунывны и исполняются подъ звуки „лебедя" (въ родѣ гуслей съ 8 мѣдными струнами) и домбры (родъ пятиструнной скрипки), а пляски состоятъ въ подраженіи движеніямъ разныхъ звѣрей и грубой пантомимы, изображающей бытовыя сцены.

Жилища остяковъ напоминаютъ вогульскія—покрытые дерномъ бревенчатые срубы съ пристройкой для храненія разной домашней рухляди. Вдоль стѣнъ тянутся нары, покрытыя цыновками изъ травы, и у болѣе зажиточныхъ—оленьими шкурами. Въ углу возвышается очагъ съ прямой трубой, прикрытой кускомъ дерна. Поперекъ трубы прикрѣпляется деревянный крюкъ для подвѣшиванія гайтана и котловъ для приготовленія пищи. Зимой единственное окно загораживается тонкой льдиной. Въ такой юртѣ живетъ по нѣскольку семействъ съ собаками, отчего получается тѣснота, грязь и убійственно-скверный воздухъ. Лѣтнія юрты ихъ болѣе первобытнаго устройства—простой конусообразный шалашъ, съ отверстіемъ на верху, изъ жердей, прикрытыхъ берестой или (рѣже) оленьими шкурами. Огонь разводится прямо на землѣ.

Пища остяковъ состоитъ изъ „бурдюка" (похлебка изъ муки, мяса и жира) и „варки"—смѣси изъ рыбьихъ кишекъ и рыбьяго жира, и лепешекъ изъ ржаной муки, испеченныхъ на палочкахъ, втыкаемыхъ въ землю около очага. Мясо и рыба чаще всего употребляются въ сыромъ видѣ и безъ соли. Олень—наиболѣе лакомое блюдо остяковъ. Они рѣжутъ только что убитаго оленя и, обмакивая куски въ теплую кровь, съ жадностью ихъ поѣдаютъ. Кирпичный чай, водка и табакъ вошли во всеобщее употребленіе у остяковъ. Пищу остяки кладутъ въ маленькія деревянныя корытца, которыя потомъ даютъ вылизывать собакамъ и потому никогда ихъ не моютъ.

Главнѣйшія занятія остяковъ—рыболовство и охота, и чѣмъ болѣе къ югу, тѣмъ болѣе остяки превращаются въ осѣдлыхъ рыболововъ, живущихъ на берегахъ рѣкъ и лишь зимой занимающихся охотой. Остяки, живущіе выше по Оби и по Иртышу, гораздо болѣе обрусѣли, чѣмъ сургутскіе и березовскіе, даже начали забывать родной языкъ. Наиболѣе культурные остяки Тобольскаго уѣзда и самые южные изъ нихъ начали даже заниматься земледѣліемъ.

Хотя большинство остяковъ приняли православіе, однако языческія вѣрованія остаются у нихъ въ полной силѣ. Въ ихъ представленіи христіанскіе святые слились съ ихъ языческими божествами; ап. Петръ, напр.,—„Обскій мужикъ" и отождествляется съ древнимъ божествомъ рыбъ. Главное языческое божество, Торымъ, стоитъ внѣ міра и не обращаетъ вниманія на человѣческія дѣла; жертвъ требуютъ лишь второстепенныя божества, и посредниками между ними и людьми являются шаманы, къ помощи которыхъ остяки обращаются и для освобожденія отъ болѣзней и въ случаѣ пропажи вещей. До

сихъ поръ остяки хоронятъ своихъ покойниковъ съ предметами ихъ домашняго хозяйства—луками, сѣтями, топорами и т. п., но непремѣнно въ испорченномъ видѣ: душу имѣютъ и всѣ подобные предметы, почему и необходимо соотвѣтствіе между ними и умершимъ, т. е. также ихъ сломанный, мертвый видъ. Жена послѣ смерти мужа дѣлаетъ изъ дерева его изображеніе и въ теченіе цѣлаго года одѣваетъ его въ платье умершаго, потчуетъ любимыми кушаньями, цѣлуетъ и пр. Черезъ годъ кукла хоронится съ плачемъ и сожалѣніями. Въ мѣстахъ обитанія духовъ гдѣ-нибудь на холмѣ, близъ ручья или рѣки, остяки развѣшиваютъ разнаго рода приношенія или строятъ избушку, куда кладутъ дорогіе мѣха.

Бывшіе когда-то зажиточными и многочисленными, теперь остяки дошли до крайняго обнищанія и довольно быстро вымираютъ. Страсть къ водкѣ, крайняя безпечность, довѣрчивость, распространеніе болѣзней, безсовѣстная эксплоатація со стороны русскихъ и зырянскихъ торговцевъ—все это ведетъ остяковъ къ окончательной гибели.

П. Головачевъ.

Тюркскія народности Россіи.

Русское населеніе окаймляется на востокѣ, юго-востокѣ и югѣ широкимъ полукругомъ народовъ тюркской группы, языкъ которой, наряду съ языками монгольскими и тунгузскими, составляетъ алтайскую вѣтвь урало-алтайскихъ языковъ.

Тюрки жили нѣкогда въ Средней Азіи и за много вѣковъ до Р. Х. были извѣстны китайцамъ подъ именемъ гуннозъ. Уже тогда тюрки смѣшивались съ племенами, жившими сѣвернѣе, происхожденіе которыхъ не выяснено—можетъ быть это были финны, а можетъ быть и арійцы. Въ первое тысячелѣтіе нашей эры часть тюрковъ двинулась на западъ, въ Европу, другая же часть образовала въ Монголіи нѣсколько непрочныхъ государствъ. Время Чингисъ-хана и послѣдующая эпоха характеризуется для тюрковъ усиленнымъ смѣшеніемъ съ монгольскими племенами, въ результатѣ чего и выработалось нѣскопько основныхъ тюркко-монгольскихъ племенныхъ типовъ, составляющихъ главную массу тюркскаго населенія земного шара. Къ тюркскимъ народамъ относятся: турки-османы, населяющіе Мало-азійскій и отчасти Балканскій полуостровъ, большая часть населенія Хивы и Бухары, киргизы, распадающіеся на цѣлый рядъ племенъ и ордъ, ногайцы, живущіе, главнымъ образомъ, на сѣверныхъ склонахъ Кавказа и въ Предкавказіи и, наконецъ, волжскіе и крымскіе татары, потомки племенъ, нѣкогда завоевавшихъ Россію. Слѣдуетъ еще упомянуть башкиръ и чувашей, повидимому представляющихъ изъ себя тюрковъ, смѣшавшихся съ племенами финно-угрскаго происхожденія.

Татары.

Татарскій типъ.—Особенности быта.—Экономическое и культурное состояніе.—Волжскіе татары.—Крымскіе татары.

Волжскихъ татаръ насчитывается около полутора милліоновъ, причемъ больше трети ихъ живетъ въ Казанской губерніи; затѣмъ, по численности татарскаго населенія, слѣдуютъ губерніи Симбирская, Самарская, Вятская, Уфимская—въ каждой изъ этихъ губерній имѣется не менѣе ста тысячъ татаръ. Гораздо менѣе татарскими губерніями являются Саратовская, Пензенская, Нижегородская, Пермская, Оренбургская, еще менѣе—Астраханская.

Типъ у татаръ вполнѣ опредѣленный; отклоненія отъ него встрѣчаются крайне рѣдко. Гдѣ бы ни жилъ татаринъ, какъ бы онъ ни былъ одѣтъ, будь онъ даже въ европейскомъ сюртукѣ, всюду и всегда бросаются въ глаза рѣзко-очерченныя черты лица, особенно сильно развитый подбородокъ, слегка выдающіяся скулы, правильно и красиво вырѣзанные

Татары волжскіе.

глаза, прямой носъ, иногда съ горбинкой у переносья, въ нѣкоторыхъ случаяхъ непропорціонально вытянувшійся; глаза и волосы, иногда гладкіе и прилегающіе къ головѣ, гораздо же чаще просто сбритые, въ огромномъ большинствѣ случаевъ темнаго, иногда жгучаго чернаго цвѣта; бороды носятъ только старики. Женщины-татарки въ массѣ не особенно красивы, хотя татарскій типъ и способенъ давать красавицъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Среди татаръ и татарокъ свѣтлые оттѣнки кожи встрѣчаются крайне рѣдко; преобладаютъ смуглые тона отъ почти шоколаднаго до нѣжно-золотистаго. Среди татарокъ очень распространенъ обычай наводить бѣлизну и румянецъ на щекахъ самыми примитивными бѣлилами и румянами, уродующими лицо. Вмѣсто природныхъ красивыхъ оттѣнковъ кожи, сплошь и рядомъ встрѣчаются вульгарныя, кричащія краски. Татарки красятъ также зубы и ногти въ черный и красный цвѣта. Оде жда татаръ живописна и во многихъ мѣстностяхъ сохранилась во всей своей самобытности; они носятъ шаровары, въ которыя вправлена рубашка, причемъ верхъ шароваръ опоясывается кушакомъ, похожимъ на большое цвѣтное полотенце. Поверхъ рубашки одѣваютъ зилянъ—кафтанъ безъ рукавовъ; когда кафтанъ надѣтъ, его опоясываютъ кушакомъ; для такихъ случаевъ поясъ часто дѣлается ременнымъ съ массивными серебряными бляхами. Татары и особенно татарки любятъ употреблять въ качествѣ украшеній различныя драгоцѣнности—серебряныя и золотыя цѣпочки и бляхи, ожерелья и вышивки. Особенно часто украшены жемчугомъ круглыя, низкія бархатныя шапочки, а также туфли, богато вышитыя золотомъ, съ слегка загнутыми кверху носками. Мужчины носятъ тюбетейки—шапочки, плотно облегающія бритую голову; поверхъ тюбетейки, а иногда и самостоятельно надѣвается въ нѣкоторыхъ случаяхъ чалма—украшеніе, имѣющее религіозное значеніе. Зеленую чалму носятъ тѣ, кто побывалъ въ Меккѣ и поклонился мусульманскимъ святынямъ; остальные татары носятъ бѣлыя чалмы.

Одежда, обычаи, бытъ и религія татаръ указываютъ на тѣсную связь ихъ съ востокомъ. Магометанская религія, которую исповѣдываетъ большинство татаръ, еще болѣе подчеркиваетъ эту связь и укрѣпляетъ слѣпое отношеніе къ авторитетамъ, почти благоговѣйное почтеніе къ ученію, ученымъ и книгамъ. Исключительное уваженіе къ старшимъ, сильно развитое чувство гостепріимства, не утерянное еще родовое чувство, связывающее иногда нѣсколько многочисленныхъ семействъ—вотъ черты, характерныя для татарской народности.

Татары не особенно склонны къ хлѣбопашеству. Они предпочитаютъ болѣе подвижный трудъ, напримѣръ, торговлю. Татаринъ земледѣлецъ предпочитаетъ хлѣбопашеству огородничество и садовую культуру, что особенно характерно для крымскихъ татаръ. Часто также занимается татаринъ и скотоводствомъ, въ Крыму—овцеводствомъ. Экономическое положеніе татарскаго населенія далеко незавидное; въ особенности это относится къ поволжскимъ татарамъ—казанскимъ и астраханскимъ. Хлѣбопашество, садоводство и огородничество мало обезпечиваютъ татарскую массу приволжскихъ губерній. Такъ же какъ русскимъ, татарамъ приходится искать заработковъ на сторонѣ и отправляться въ ближніе и дальніе города. Старьевщики, бродящіе по улицамъ большихъ городовъ, лакеи и половые, снующіе съ салфеткой подъ мышкой въ ресторанахъ и трактирахъ, судовые рабочіе и грузчики на волжскихъ пристаняхъ, множество рабочихъ на уральскихъ заводахъ,—вотъ по преимуществу занятія, къ какимъ обращаются татары, покидающіе на время или навсегда свои деревни и, въ поискахъ за кускомъ хлѣба, разсѣявшіеся по Россіи. Нѣкоторымъ удается пристроиться въ городахъ болѣе или менѣе сносно; немало среди татаръ богатыхъ купцовъ и фабрикантовъ, промышленниковъ, и т. п.

Завоевывая сначала матеріальное благосостояніе, а затѣмъ пріобщаясь къ общеевропейской культурѣ, татары-горожане выдѣлили просвѣщенную группу, которая непрерывно пополняется новыми членами. Центръ татарскаго Поволжья—Казань. Здѣсь въ особенно-

Татарская дѣвочка (Нижегородская губ. Сергачскій у.).

сти наблюдается культурная работа интеллигентовъ-татаръ, стремящихся сохранить самобытность своей народности и обезпечить ей религіозную свободу и свободу образованія въ мѣстныхъ школахъ.

Хозяйственный бытъ и степень зажиточности крымскихъ татаръ, которыхъ насчитывается около полутораста тысячъ, въ общемъ значительно отличаются отъ экономическихъ условій существованія ихъ родичей на Волгѣ. Различіе кроется отнюдь не въ какой-нибудь племенной особенности крымскихъ татаръ, — оно объясняется иными условіями существованія, свойственными югу Россіи и Крыму. Крымскіе татары распадаются на три группы— степныхъ, городскихъ и южнобережныхъ. Степные татары, разсѣянные въ сѣверной части Крымскаго полуострова, распространяются на югѣ до непріютныхъ хребтовъ Яйлы. Они по преимуществу овцеводы; по пыльнымъ крымскимъ дорогамъ то и дѣло тянутся гурты овецъ, передвигающихся въ непроницаемыхъ облакахъ пыли, подъ управленіемъ старика-пастуха въ изодранномъ, но живописномъ татарскомъ костюмѣ, съ однимъ или двумя мальчиками-подручными и съ хорошими собаками-овчарками. Лѣтомъ овцы и и рогатый скотъ бродятъ по Яйлѣ, питаясь сочной горной травой альпійскихъ луговъ. Здѣсь встрѣчаются шалаши пастуховъ, гдѣ у костра они коротаютъ темныя ночи. Поздней осенью, когда становится холодно, стада сгоняются съ горъ, въ степь. Люди ютятся въ маленькихъ бѣлыхъ сакляхъ.

Уфимская татарка (головной уборъ).

Восточный колоритъ, свойственный татарскимъ деревнямъ, присущъ также многимъ крымскимъ городамъ, въ особенности Бахчисараю. Грязныя, узкія и кривыя улицы, сакли съ плоскими крышами, бѣлые минареты, медленно проходящіе по улицамъ вьючные ослы, изрѣдка верблюды, на каждомъ шагу кофейни—вотъ характерныя черты татарскаго посе-

*

ленія. На низкихъ диванахъ вдоль стѣнъ, съ засаленной обивкой, чаще на деревянныхъ скамьяхъ, сидятъ цѣлыми часами татары и турки, попивая кофе. Кофейни это мѣстные клубы. Въ нихъ сосредоточивается мѣстная общественная жизнь; здѣсь обсуждаютъ все, начиная съ вопросовъ государственныхъ и кончая семейными дѣлами.

На Южномъ берегу, обращенномъ въ сплошной садъ и виноградникъ, большинство работниковъ татары. Они работаютъ на своихъ участкахъ, а чаще, на участкахъ, арендованныхъ отъ русскихъ землевладѣльцевъ. Тысячи татаръ заняты также на плантаціяхъ помѣщиковъ въ качествѣ батраковъ. Татарское землевладѣніе изъ года въ годъ сокращается на Южномъ берегу: цѣнность земли быстро растетъ, татары предпочитаютъ разставаться съ ней за болѣе или менѣе крупное вознагражденіе и эммигрировать въ Турцію, которая привлекаетъ ихъ, какъ страна, гдѣ они чувствуютъ себя въ болѣе сродной обстановкѣ.

Религія играетъ большую роль въ жизни татаръ. Татары—ревностные мусульмане. Многія черты, свойственныя татарской народности, объясняются принадлежностью цѣлаго ряда поколѣній къ исламу.

Для дальнѣйшаго культурнаго развитія мусульмане должны прежде всего усвоить новый взглядъ на личность, какъ на свободную, самодовлѣющую единицу. Подобное движеніе дѣйствительно наблюдается: жизнь выводитъ уже татарскую женщину изъ положенія низшаго существа. Въ Крыму, напримѣръ, гдѣ постороннія вліянія, разрушающія прежній бытъ, сильнѣе, гораздо легче встрѣтить татарскую женщину безъ чадры, чѣмъ съ чадрой. Рѣдко случается теперь наблюдать, чтобы хозяйка обѣдала за особой занавѣской, когда въ домѣ гости мужчины. Значеніе женщины постепенно растетъ въ семьѣ, и во многихъ случаяхъ приходится убѣждаться, что положеніе татарской женщины лучше, чѣмъ положеніе русской крестьянки. Многоженство, разрѣшаемое кораномъ, мало практикуется у татаръ — только богатые имѣютъ по двѣ и по три жены, огромное же большинство имѣетъ всего одну. Бракъ носитъ характеръ юридической сдѣлки; за жену родителямъ ея вносится калымъ—болѣе или менѣе крупная сумма денегъ, обезпечивающая женщину въ случаѣ очень легкаго у мусульманъ развода. Несмотря, однако, на все это, религіозные обряды и обычаи старательно выполняются татарами. Мулла продолжаетъ играть въ жизни народа очень замѣтную роль; почти такое же вліяніе проявляетъ въ деревняхъ группа старѣйшихъ, авторитетъ которыхъ, какъ и авторитетъ муллы, покоится, главнымъ образомъ, на религіозномъ основаніи. Въ любой большой татарской деревнѣ имѣется мечеть съ минаретомъ, съ котораго пять разъ въ сутки несется призывъ муэдзина къ молитвѣ: монотонное, протяжное пѣніе разносится далеко по окрестностямъ. При звукѣ его правовѣрные становятся въ привычную позу, вознося къ Богу традиціонныя молитвы. Девятый мѣсяцъ каждаго года Геджры посвящается мусульманами посту, который заканчивается торжественнымъ праздникомъ-байрамомъ.

Вліяніе духовенства среди татаръ покоится не только на религіозномъ авторитетѣ: большинство муллъ является въ то же время учителями. Въ духовныхъ мусульманскихъ школахъ—мектебэ и медресэ—обучается множество татарскихъ дѣтей. Эти школы поддерживаютъ, главнымъ образомъ, самобытность татарской народности. Въ настоящее время, однако, многіе татары обращаются къ русской школѣ. Но это обстоятельство лишь сильнѣе побуждаетъ духовныхъ вождей татарской народности поддерживать свои духовныя школы и свою обособленность въ религіозномъ отношеніи. Депутаты мусульмане требуютъ въ Государственной Думѣ прежде всего и настоятельнѣе всего автономіи своихъ духовныхъ школъ—мектебэ, опираясь на единодушное мнѣніе всей мусульманской массы, заявляющей о своихъ желаніяхъ, потребностяхъ и претерпѣваемыхъ ограниченіяхъ многочисленными и частыми жалобами и петиціями. *С. С.*

Къ татарамъ принадлежатъ также сибирскіе татары, потомки тѣхъ тюрковъ, которые въ XIII в. покорили сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ и по Иртышу

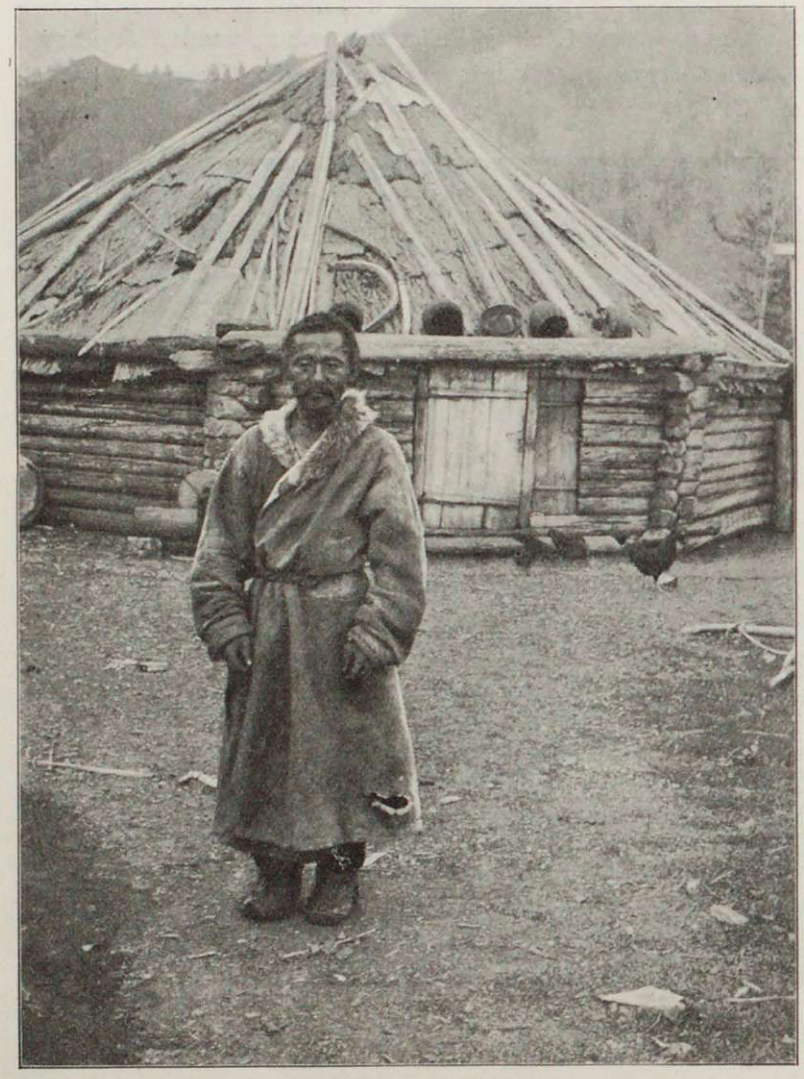
и Тоболу основали сибирское царство. Съ ихъ предками боролся Ермакъ и его сподвижники; къ нимъ принадлежали Кучумъ, Махметъ-Кулъ и др., упоминаемые въ старинныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. Татары, живущіе въ настоящее время въ Тобольскомъ у., въ этнологическомъ отношеніи имѣютъ много общаго съ казанскими. Всѣ они живутъ осѣдло, занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыболовствомъ, но вообще не отличаются энергіей и привычкой къ труду, особенно земледѣльческому. Всѣ они магометане-сунниты; благодаря вліянію русскихъ, положеніе женщины у нихъ лучше, чѣмъ у татаръ казанскихъ. Смѣшанно съ татарами, въ Тобольскомъ и Тюменскомъ уѣздахъ, живутъ бухарцы, потомки тѣхъ выходцевъ изъ Средней Азіи, которые привили сибирскимъ татарамъ магометанство и нѣкоторыя черты средне-азіатской культуры. Черезъ ихъ посредство старинная инородческая Сибирь снабжалась среднеазіатскими товарами. Хотя въ

Алтайскіе инородцы: теленгиты съ р. Чуй.

XIX в. они утратили свое значеніе, какъ посредники въ этой торговлѣ, и стали заниматься земледѣліемъ, извозомъ и т. п., но и теперь торговля — ихъ любимое занятіе. Тюменскіе татары почти ничѣмъ не отличаются отъ тобольскихъ, но болѣе опрятны и трудолюбивы и охотнѣе занимаются земледѣліемъ. Къ нимъ близко подходятъ барабинскіе татары, живущіе въ Каинскомъ у., Томской губ. Вслѣдствіе ихъ долговременнаго подчиненія калмыкамъ ихъ типъ получилъ болѣе замѣтный монгольскій отпечатокъ: большія уши, черные волосы, плоское лицо, небольшіе, узкіе глаза. Они скромны и честны, но вялы и непредпріимчивы. Занимаются земледѣліемъ въ небольшихъ размѣрахъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ, охотой, ловлей піявокъ въ многочисленныхъ озерахъ Барабы и сплавомъ лѣса. Татары, живущіе въ Кузнецкомъ и Барнаульскомъ уу., очень обрусѣли и почти всѣ оставили исламъ. Чулымскіе татары, живущіе по Чулыму (въ Маріинскомъ у., Том. губ.

Ачинскомъ—Енисейской), по типу очень разнятся отъ прочихъ сибирскихъ татаръ: вполнѣ отатарившіеся финны, они средняго роста, широкоплечи, сутуловаты, смуглы, съ густыми бровями дугой и прекрасными карими глазами. Зимою живутъ въ многоугольныхъ срубахъ аршина въ $3^1/_2$ высотой, съ конусообразной крышей изъ досокъ или бересты и съ дымовыми отверстіями посединѣ. Зимой въ такихъ юртахъ сыро, холодно и дымно. Лѣтомъ чулымцы перебираются въ берестяные шалаши. Ихъ главныя занятія—звѣроловство, охота и рыболовство. Они быстро русѣютъ и мѣстами даже забыли родной языкъ. По Кондомѣ, Лебедѣ, Томи обитаютъ такъ наз. черные татары. Ихъ этнографическій составъ болѣе пестръ и сложенъ. Главныя массы этихъ инородцевъ—тюрки, перешедшіе изъ Тобольской губ. и смѣшавшіеся съ аборигенами, быть можетъ, самоѣдскаго происхожденія. Они смуглы, съ черными глазами и жесткими черными волосами, съ выдающимися скулами, бѣлыми зубами и толстыми губами. Черными они называются оттого, что горные лѣса, въ которыхъ они живутъ, издали представляются черными. Благодаря подавляющему вліянію тайги, черные татары ведутъ очень суровую и строгую жизнь, занимаясь звѣроловствомъ, сборомъ кедровыхъ орѣховъ и рыболовствомъ въ таежныхъ рѣкахъ. Обиліе лѣса, сила и густота лѣсной растительности позволяютъ имъ заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ въ очень малыхъ размѣрахъ. Большую роль въ ихъ пищи играютъ корни дикаго растенія „кандыкъ“ (Erithronium dens canis), которые они разваривaютъ въ молокѣ. Вообще они питаются крайне скудно—чаще всего однимъ „толокномъ“, поджаренной ячменной мукой или болтушкой изъ него съ чаемъ. Ѣдятъ также „туптышъ“—кусочки прѣснаго тѣста, брошенные въ кипящую воду или молоко. Обыкновенно черный татаринъ живетъ въ четырехугольной бревенчатой юртѣ съ потолкомъ, засыпаннымъ землей. Но встрѣчаются бревенчатые шалаши и обыкновенныя русскія избы. Юрты безъ оконъ, съ отверстіемъ для дыма, на очагѣ всегда горитъ огонь. Вся мебель состоитъ изъ лавокъ вдоль стѣнъ и полки для посуды. Всюду въ стѣнахъ воткнуты ножи, подвѣсныя сумки и „туяски“ (берестяные бураки цилиндрической формы). Костюмъ

Алтай. Алтайская бревенчатая юрта.

этихъ инородцевъ не представляетъ ничего оригинальнаго и мало чѣмъ отличается отъ русскаго; только длинная холщевая рубаха спускается до самыхъ сапогъ. Всѣ носятъ картузы, а женщины платки; у всѣхъ безъ исключенія трубки и кисеты съ табакомъ. По характеру эти татары очень кротки, мягки, общительны, между собою живутъ дружно. Женщина пользуется уваженіемъ. Всѣ они крещены, но фактически—шаманисты. Въ общемъ ихъ экономическое положеніе очень плохо, благодаря безсовѣстной эксплоатаціи со стороны русскихъ торговцевъ, хотя на самомъ дѣлѣ могли бы жить безбѣдно сборомъ и продажей однихъ только кедровыхъ орѣховъ. По нижнему теченію Біи и по р. Иши живетъ небольшое племя кумандинцевъ, болѣе другихъ сохранившихъ финскія черты. Въ настоящее время они быстро русѣютъ.

Всю горную часть Алтая, за исключеніемъ сѣверо-восточной, гдѣ живутъ черные татары, занимаютъ алтайцы, въ разныхъ мѣстностяхъ извѣстные подъ различными именами — алтайцевъ собственно, телесовъ, теленгитовъ, телеутовъ и пр. Говоря болѣе опредѣленно, алтайцы занимаютъ верхнее теченіе Катуни, ея верховые притоки, южные берега Телецкаго озера, теченіе впадающей въ него рѣки Чулышмана. Они называются еще бѣлыми калмыками, такъ какъ въ XVШ в. весь южный Алтай былъ подчиненъ ойратамъ (калмыкамъ). Только у однихъ телесовъ, живущихъ на рр. Башкаусу и Чулышману, встрѣчаются оригинальныя черты, которыя ихъ нѣсколько выдѣляютъ изъ общей массы алтайцевъ. Они представляютъ собою какую-то смѣсь финскаго, тюркскаго и монгольскаго элементовъ. Живя на горныхъ плоскихъ возвышенностяхъ, горныхъ лугахъ и склонахъ, и въ нешироких рѣчныхъ долинахъ, алтайцы усвоили вертикальный способъ кочеванія: весной и зимой они кочуютъ внизу, въ долинахъ, лѣтомъ поднимаются на альпійскія пастбища. Сообразно съ этимъ у алтайца два жилища — лѣтнее и зимнее. Прежняя войлочная юрта теперь начинаетъ замѣняться шестиугольнымъ бревенчатымъ срубомъ Въ юртахъ, гдѣ очень много принадлежностей охоты, обращаетъ на себя вниманіе обиліе фетишей разнаго рода: маленькихъ идоловъ, лоскутковъ въ память умершихъ предковъ, шкурки птицъ и звѣрковъ для обезпеченія успѣха на охотѣ. Пища алтайца состоитъ изъ мяса и молочныхъ продуктовъ, кореньевъ (кандыкъ, саранъ, Lilium Marthagon) и чая, варенаго съ мукой, саломъ, солью и молокомъ.

Причисляющіеся къ отатарившимся остякамъ и самоѣдамъ минусинскіе инородцы живутъ по лѣвому берегу Енисея, по Абакану и его притокамъ въ Минусинскомъ и Ачинскомъ уу., Енисейской губ. Общая численность ихъ доходитъ до 30.000. Минусинскіе инородцы дѣлятся на отдѣльныя племена: сагайцевъ, койбаловъ, качинцевъ, бельтировъ и др. Скотоводство—основное занятіе минусинскихъ инородцевъ, что зависитъ отъ физическихъ условій занимаемой ими мѣстности. Лѣтній зной и постоянные вѣтры выдуваютъ мелкоземъ и не позволяютъ влагѣ разрыхлять землю, вслѣдствіе чего слой почвы, питающій хлѣбные злаки, очень неглубокъ, такъ что пашни и луга расположены вблизи рѣкъ, гдѣ почва наносная. Но зато растенія, смѣняющія другъ друга съ мая до поздней осени, остаются въ засохшемъ видѣ и на зиму, что позволяетъ скоту круглый годъ пастись на подножномъ корму. Минусинскіе инородцы средняго роста, довольно полны, съ широкими лицами, плоскимъ носомъ, выдающимися скулами, черными, широко разставленными глазами, цвѣтъ ихъ кожи свѣтло-бурый, волосы прямые, жесткіе, черные или свѣтло-коричневые. Но среди сагайцевъ встрѣчаются субъекты съ густой растительностью на лицѣ и съ вьющимися волосами.

П. Головачевъ.

Башкиры.

Путешественники XIII вѣка, посѣтившіе Башкирію, называли страну кочевого племени „Великой Венгріей“, а народъ, обитавшій въ степяхъ и лѣсахъ, называли поскотурами, утверждая, что языкъ у этого народа тотъ же, что у венгровъ. Другіе (Штраленбергъ, Гумбольдтъ) считали башкиръ отдѣлившимися отъ угро-финскаго племени и только впослѣдствіи принявшими монгольскій типъ. Хвольсонъ считаетъ башкиръ происходящими отъ вогульскаго племени и видитъ въ нихъ родоначальниковъ мадьяръ. Башкиры, по заключенію того же Хвольсона, говорили прежде на мадьярскомъ языкѣ и только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ татаръ, отуретчились и стали говорить на языкѣ, близкомъ къ татарскому.

Прежде башкиры заселяли пространства нынѣшнихъ губерній Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пермской и отчасти Вятской, одни разселились въ степяхъ, другіе въ горахъ и лѣсахъ. Знакомство башкиръ съ русскими относится къ началу XII вѣка. Возстанія и волненія башкиръ вспыхивали по разнымъ поводамъ, но главными причинами ихъ была борьба съ пришельцами изъ Россіи изъ-за земель. Бунтъ подъ предводительствомъ батыря Алеева былъ послѣднимъ башкирскимъ бунтомъ, хотя впослѣдствіи башкиры оказали большое содѣйствіе Пугачеву. Впослѣдствіи земельныя неурядицы были постоянной причиной волненій. Въ настоящее время тѣ же земельныя неурядицы являются причиной бѣдности и экономической отсталости башкиръ. Указомъ 1736 г. башкиры, въ наказаніе за бунты, были лишены многихъ земель въ пользу такъ называемыхъ припущенниковъ-мещеряковъ, которые зарекомендовали себя покорными. Земли нарѣзывались и русскимъ переселенцамъ, отрѣзывались онѣ и къ возникашимъ на Уралѣ заводамъ. Въ то же время заводчики сами пріобрѣтали земли, покупая ихъ за безцѣнокъ. Напримѣръ, въ концѣ XVIII стол. владѣльцы Бѣлорѣцкихъ заводовъ купили у башкиръ 300.000 дес. за 300 р. Въ 1818 г. такія „дешевыя“ покупки были запрещены, а по закону 1832 г. за башкирами были укрѣплены тѣ земли, на которыхъ они жили въ моментъ изданія закона, припущенникамъ же были отведены земли по разверстанію. Періодъ съ1832 по 1881 г. особенно 70-е годы прошлаго столѣтія занесены въ исторію Башкиріи, какъ годы расхищенія башкирскихъ земель. По даннымъ Н. Ремизова съ 1869 по 1879 гг. было расхищено около двухъ милліоновъ десятинъ башкирскихъ земель въ двухъ губерніяхъ Оренбургской и Уфимской. Въ среднемъ землю пріобрѣтали по 1 р. 80 к. за десятину, но считая такихъ случаевъ, когда десятина земли покупалась за $^1/_2$ фунта чаю или за 1 фунтъ сахару. При покупкѣ земли покупщики допускали всевозможныя злоупотребленія и даже открытые обманы, пользуясь тѣмъ, что башкиры плохо знакомы съ законами. Назначенная въ 1881 г. сенаторская ревизія Уфимской и Оренбургской губерній положила предѣлъ незаконнымъ земельнымъ хищеніямъ.

Башкиръ считаютъ лѣнивыми, безпечными и даже „вырождающимися“. Но каждый, кто наблюдалъ условія жизни башкиръ, ихъ бытъ и постепенную приспособляемость къ земледѣлію, легко убѣдится въ неосновательности такихъ опредѣленій.

Разумѣется, недавнему кочевнику трудно сдѣлаться земледѣльцемъ въ короткій срокъ, но въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ поселились пришельцы переселенцы изъ Россіи, башкиры быстро освоились съ хлѣбопашествомъ и работаютъ не хуже русскихъ. Хозяйственнаго навыка и расторопности въ работѣ, разумѣется, еще не наблюдается, и башкиры во многомъ уступаютъ переселенцамъ изъ земледѣльческихъ губерній, но что они способны къ земледѣлію, въ томъ нѣтъ сомнѣній. Въ волостяхъ, расположенныхъ въ глухихъ углахъ губерній, гдѣ и русское земледѣльческое населеніе негусто, земледѣліе прививается слабо. Кочевки

въ истинномъ смыслѣ слова почти уже нигдѣ не наблюдаются, за исключеніемъ нѣкоторыхъ селеній, расположенныхъ въ горахъ и въ лѣсахъ.

Условія жизни большинства башкиръ весьма печальны. Въ многочисленныхъ селеніяхъ Башкиріи отдѣльно стоящія потемнѣвшія хаты съ подслѣповатыми оконцами не имѣютъ вокругъ себя ни плетней, ни изгороди, нѣтъ около нихъ ни амбаровъ, ни службъ. Въ центрѣ селенія встрѣчаются двухъоконныя и даже трехъоконныя избы со службами. Но это жилища немногихъ богатѣевъ. Въ избѣ зажиточнаго башкира домовито, чисто и по-своему уютно. Большія нары застланы коврами или кошмами, на стѣнахъ яркія полотенца. Тутъ же горы перинъ и подушекъ. Въ углу шкафъ съ посудой и тщательно содержимый мѣдный самоваръ и подносъ. Печь чисто выбѣлена, содержится опрятно, въ нѣкоторыхъ избахъ, особенно на чистой половинѣ, встрѣчается „голанка“, которая помѣщается въ задней части избы, въ пристройкѣ. У каждаго зажиточнаго башкира имѣются большіе стѣнные часы. Тутъ же на стѣнѣ ружья и старинные пистолеты, памятники старины—щиты, кольчуги, стрѣлы, лукъ и сѣкиры. Доспѣхи предковъ содержатся въ особомъ почтеніи.

Изба башкира-батрака маленькое двухъоконное, а чаще однооконное обиталище, съ низкимъ потолкомъ и ветхимъ перекосившимся поломъ. Вмѣсто обширной, чисто выбѣленной печи небольшой комелекъ. Въ избѣ бѣдняка также есть нары, гдѣ вповалку спитъ вся семья; нары эти кое-гдѣ застланы или жесткими половиками, а порой и совсѣмъ голыя. Ни о шкафѣ, ни о самоварѣ бѣднякъ мечтать не можетъ: двѣ-три чашки, да нѣсколько ложекъ—вотъ и вся утварь. Есть еще у бѣдняка сѣкира (топоръ), лопата или пила, серпъ, коса... Особенно бѣдно живутъ безлошадные: у нихъ нѣтъ ни овецъ, ни козъ. Зажиточные башкиры держатъ иногда гусей, утокъ или куръ.

Иногда на окраинѣ деревни встрѣчаются м а з а н к и—обиталища бѣдняковъ послѣдняго разряда, почти нищихъ. Земляной полъ и стѣны сдѣланы изъ плетня, сооруженнаго изъ ивовыхъ вѣтвей. Между двумя стѣнками изъ плетня засыпается земля, снаружи и внутри стѣнки обмазываются, потолокъ изъ толстыхъ бревенъ засыпанъ землей или утрамбованъ глиной. Узкая дверь и крошечное оконце, затянутое бычачьемъ пузыремъ вмѣсто стекла, дополняютъ представленіе о жилищѣ человѣка. Такія избы въ зимнее время отапливаются крошечнымъ комелькомъ, сооруженнымъ изъ глины. Обитатель такой хаты часто имѣетъ надѣлъ въ размѣрѣ отъ 15 до 40 десятинъ, но земля сдается, обыкновенно, въ аренду за безцѣнокъ.

Башкиры плохіе хозяева. Огородничество весьма плохо прививается у нихъ, если кто и обрабатываетъ около усадьбы полоску земли, то сѣетъ только картофель или коноплю.

Башкиръ горныхъ и лѣсныхъ надо отличать отъ башкиръ степной полосы. Лѣсной башкиръ отличается даже по наружному виду, домашній бытъ его также непохожъ на бытъ степняка. Черноволосые, смуглые и угрюмые лѣсные башкиры энергичны, смѣлы и дерзки въ сношеніяхъ съ русскими лѣсопромышленниками и переселенцами, обосновавшимися въ лѣсныхъ дачахъ. Съ русскимъ крестьянскимъ населеніемъ лѣсные башкиры живутъ въ мирѣ, подражая послѣднимъ въ хозяйствѣ. И теперь даже можно встрѣтить лѣсныя башкирскія деревни, населеніе которыхъ расчищаетъ лѣсъ подъ пашни и занимается земледѣліемъ.

Башкиръ степной полосы добродушенъ, веселъ. Чаще всего степные башкиры блондины или свѣтлые шатены и рѣдко встрѣчаются смуглые, похожіе на горно-лѣсного соплеменника. Лѣсные башкиры до сихъ поръ заняты охотой на птицу или на звѣря, есть даже спеціалисты охотники на волковъ и медвѣдей. Лѣсные башкиры больше занимаются также пчеловодствомъ и живутъ вообще зажиточнѣе степняковъ. Отдавая лѣса въ аренду на выдѣлку мочала, луба или дубовой плашки, они имѣютъ постояную работу. Зимою только въ самые снѣжные мѣсяцы работы въ лѣсу прекращаются, большая же часть зимы—время рабочее. Изъ глубины лѣса свозятся къ сплавнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ

Семья зажиточнаго башкира.

выработанные бревна, лубъ, мочало. На рѣкахъ лѣсные матеріалы грузятся на суда, и въ этой погрузкѣ опять-таки заняты тѣ-же обитатели лѣсовъ. Трудъ башкира оплачивается неважно, но все же въ смыслѣ заработка лѣсные башкиры счастливѣе своихъ степныхъ соплеменниковъ.

Положеніе женщины у башкиръ весьма печальное. Женщина раба, и по корану, которымъ башкиры руководствуются во всѣхъ случаяхъ жизни, и по обычно сложившимся условіямъ. Состоятельные башкиры имѣютъ по 2 и по 3 жены Дѣти отъ всѣхъ женъ воспитываются одинаково, но отношеніе къ женамъ различно, въ зависимости отъ симпатіи. Для каждой, новой «молодой» жены башкиръ строитъ и новую избу. Положеніе „старой“ жены въ такихъ случаяхъ ужасно: она выполняетъ всѣ черныя работы по хозяйству и содержится въ „черномъ тѣлѣ“. Случаи многоженства, впрочемъ, наблюдаются все рѣже и рѣже, какъ потому, что экономическое положеніе стѣсняетъ башкиръ въ этомъ отношеніи, такъ и потому, что въ средѣ башкиръ, особенно грамотныхъ, наблюдается движеніе противъ многоженства и вообще за улучшеніе участи женщинъ.

Въ каждомъ селеніи существуетъ небольшое „медресэ“ (школа), въ которой мальчики обучаются муллою. Муллы стараются развить грамотность въ цѣляхъ религіозныхъ, но нерѣдко башкиры отдаютъ дѣтей въ русскія школы, хотя съ каждымъ годомъ въ средѣ ихъ все болѣе и болѣе наблюдается стремленіе обзавестись своими школами.

В. Брусянинъ.

Киргизы.

Киргизы—наиболѣе многочисленное инородческое племя. [1]). Физическія свойства громаднаго пространства областей, занятыхъ киргизами, опредѣлили собою ихъ образъ жизни, бытовую обстановку и занятія, указали имъ на главнѣйшій источникъ ихъ существованія. Та часть Степного края, которая занята киргизскимъ населеніемъ упомянутыхъ областей представляетъ собою безконечную степную равнину, испещренную прѣсными и горько-солеными озерами, съ рѣдкими куполовидными горами въ юго-восточной части, покрытыми лѣсомъ. По мѣрѣ приближенія къ югу, травянистыя степи все болѣе и болѣе переходятъ въ чистую, такъ называемую типичную степь, которая на самомъ югѣ переходитъ въ область средне-азіатскихъ пустынь Климатъ этой мѣстности отличается огромной разностью между лѣтомъ и зимой—до 36°; даже лѣтомъ, въ іюнѣ и іюлѣ, колебанія температуры могутъ быть очень велики и очень рѣзки, и послѣ страшно-знойнаго дня наступаетъ холодная ночь. Дождя въ этихъ мѣстностяхъ бываетъ очень мало; особенно скудны лѣтніе дожди. Ковыль и другія степныя травы покрываютъ огромныя пространства сѣверной половины киргизско-степной окраины. Мѣстности съ чисто-солончаковой почвой покрыты лебедой, полынью, солеросами. Эта территорія самой природой предназначена не для земледѣльческихъ занятій, а для занятія скотоводствомъ. Такъ какъ все благосостояніе, даже вся жизнь киргиза зависитъ отъ скота, то, конечно, для каждой киргизской семьи нужно довольно значительное количество барановъ и

---

[1]) Киргизы живутъ въ Акмолинской и Семипалатинской областяхъ, составляя въ первой 62,3%, во второй 88,5% все населенія, они живутъ въ сосѣдней Тургайской области, въ Оренбургской губ. и въ Семирѣчьи а въ Европейской Россіи – въ Астраханской губерніи.

*

лошадей, чтобы существовать доставляемыми ими продуктами питанія и тѣмъ, что получается въ обмѣнъ за шерсть, сало, кожи и живыхъ лошадей и барановъ. Но прокормить

Кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области.

зимой нужное для этого количество скота невозможно, нужны заготовки сѣна, но на это не хватаетъ ни силъ самой многочисленной семьи, ни мѣста для сѣнокошенія въ окрестно-

стяхъ жилья; а лѣтомъ нѣтъ возможности удерживать стадо въ одной мѣстности: не хватитъ травы. Вотъ почему сама природа указала киргизамъ единственный исходъ: передвиженія со стадами съ ранней весны до поздней осени. Тѣ мѣсяцы, когда киргизская степь покрыта снѣгомъ, киргизы проводятъ на „кстау“ (зимники) въ мрачныхъ, неопрятныхъ деревянныхъ избахъ или землянкахъ, всегда расположенныхъ подлѣ озера или вообще какого-нибудь непромерзающаго до дна источника, въ мѣстности, по возможности прикрытой отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Весной, лишь только сойдетъ снѣгъ, киргизы оставляютъ свои зимники и отправляются на „джайляу“ (на кочевку къ югу), предоставляя травѣ въ окрестностяхъ зимниковъ свободно расти, потому что зимой только этой травою и можетъ питаться скотъ. Благодаря скудости осадковъ, снѣгу въ степи вообще мало, и онъ еще сдувается вѣтромъ, т. ч. скотъ и зимой питается засохшей травой, получая доступъ къ ней при помощи копытъ. Скотъ является къ зимникамъ жирнымъ, отъѣвшимся, и это помогаетъ ему переносить недостатокъ корма зимой, хотя по веснѣ онъ окончательно тощаетъ. Но если вдругъ зимой наступаетъ оттепель, а затѣмъ морозъ, то степь покрывается ледяной корой, которую не могутъ разбить копыта животныхъ. Тогда наступаетъ страшное бѣдствіе для киргизъ—„джутъ“, массовая гибель скота отъ безкормицы. Мелкій скотъ (овцы, бараны) иногда погибаютъ цѣлыми стадами отъ страшныхъ степныхъ бурановъ, когда они въ страхѣ разбѣгаются въ разныя стороны и гибнутъ въ глубокомъ снѣгу. Волки, водящіяся въ степи въ огромномъ количествѣ, также истребляютъ множество киргизскаго скота. Наконецъ, эпизоотіи, нерѣдко проникающія въ степь изъ Китая, уносятъ множество киргизскаго скота. Такимъ образомъ, благодаря всѣмъ этимъ непредвидимымъ случайностямъ, киргизы для своего существованія должны владѣть огромнымъ количествомъ скота. Но имѣть много скота возможно лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы онъ не оставался на одномъ мѣстѣ, т. к. для этого не хватитъ корма, а передвигался бы именно съ сѣвера на югъ, потому что чѣмъ южнѣе мѣстность, тѣмъ раньше показывается въ полѣ трава. Водвореніе въ степи переселенцевъ, по сосѣдству съ киргизскими зимниками, наноситъ поголовный ударъ киргизскому скотоводству, и тѣмъ самымъ подрываетъ ихъ экономическіе устои, т. к. сокращается пространство, гдѣ бы могъ кормиться зимою ихъ скотъ, тѣмъ болѣе, что зимники всегда располагаются у водопоевъ, рѣдкихъ въ степи. Кочуя, киргизы двигаются дугообразно, такъ чтобы осенью возвратиться къ зимнику, причемъ каждый родъ и каждый аулъ имѣютъ свою тропу для кочевокъ, освященную обычаемъ. Обыкновенная „кочевая орбита“ простирается отъ 30 до 300 в., въ зависимости отъ количества скота, но аулы, богатые скотомъ, иногда описываютъ во время своихъ кочевокъ тысячеверстную дугу. Начало кочеванія считается праздникомъ. Въ 9—10 часовъ утра аулъ двигается въ путь. Впереди идутъ старшины, за ними стада барановъ, лошадей, верблюдовъ, далѣе все мужское населеніе аула. За мужчинами ѣдутъ верхомъ женщины впереди длинной линіи вьючнаго скота и нагруженныхъ тарантасовъ, принадлежащихъ богачамъ. По сторонамъ и въ срединѣ багажа джигитуютъ дѣвушки. Караванъ замыкается работниками и растягивается иногда на нѣсколько верстъ. Вечеромъ аулъ останавливается гдѣ нибудь у воды и проводитъ тамъ 1—2 недѣли, пока вся трава не будетъ потравлена скотомъ, и послѣ того движется дальше. Ночь первой стоянки проходитъ очень весело: колютъ барановъ, всю ночь идетъ пиръ, раздаются звуки кобызовъ (выдолбленный открытый полушаръ съ придѣланной вверху ручкой и съ толстыми струнами изъ конскаго волоса), поются пѣсни, разсказываются сказки, если среди присутствующихъ находится пѣвецъ или сказочникъ. Аулъ засыпаетъ лишь подъ утро. Не только на другой день, но и всегда киргизскій аулъ поднимается поздно; прежде всѣхъ поднимаются женщины—часовъ въ 8 и уже никто не раньше 6, убираютъ постели, разводятъ огонь, приготовляютъ завтракъ для мужчинъ, которые поднимаются часовъ въ 12. Днемъ занятія женщинъ заключаются въ доеніи скота, приготовленіи кумыса и айрана; дѣвушки валяютъ войлоки, важную часть своего

Свадебный уборъ невѣсты.

приданаго. Вечеромъ женщины опять доятъ коровъ, лошадей и овецъ и приготовляютъ пищу. Такъ какъ мужчины послѣ завтрака дома не остаются, а уѣзжаютъ или въ гости въ сосѣдній аулъ, или просто въ степь на прогулку и возвращаются домой лишь къ вечеру, то и приготовленія пищи для обѣда у киргизъ не бываетъ, и они, въ случаѣ нужды, утоляютъ голодъ наскоро, перекусивъ что либо изъ кладовой.

Въ настоящее время пища киргизъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молока и проса. Изъ овечьяго молока они приготовляютъ очень кислый и сухой сыръ, „куртъ", изъ коровьяго молока—„айранъ", изъ кобыльяго—кумысъ. Въ лѣтнее время киргизы употребляютъ кумысъ въ громадныхъ количествахъ, до ведра въ сутки. Мясную пищу киргизы употребляютъ все меньше и меньше, и исключительно мясомъ питаются лишь очень богатые люди. Бѣдняки киргизы питаются обыкновенно болтушкой, сдѣланной изъ воды и проса, поджареннаго на салѣ.

Во время перекочевокъ киргизскіе аулы располагаются очень далеко одинъ отъ другого и уже издали даютъ себя чувствовать запахомъ навоза и гари. Сами аулы представляютъ собою группы безпорядочно разбросанныхъ юртъ, покрытыхъ пожелтѣвшимъ войлокомъ, вокругъ которыхъ вертится множество голодныхъ и злыхъ собакъ, постоянно дерущихся изъ-за выбрасываемыхъ костей и вообще всякихъ остатковъ пищи. Переносное лѣтнее жилище киргиза какъ нельзя лучше приспособлено для кочевой жизни и чрезвычайно остроумно составлено изъ тѣхъ матеріаловъ, которые находятся въ распоряженіи киргизъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ. Верхъ киргизской юрты имѣетъ видъ шара (отличіе тюркской юрты отъ монгольской, всегда остроконечной). Юрта или кибитка имѣетъ 2—3 сажени высоты и отъ 3 до 4 саженъ въ поперечникѣ и состоитъ изъ двухъ половинъ; нижней, представляющей собою кругъ изъ нѣсколькихъ частей легкой деревянной рѣшетки, покрытой циновками изъ чія, высокой, гибкой, прочной степной травы, въ родѣ камыша. Къ этому кругу привязываются тонкія изогнутыя жерди, сходящіяся наверху въ деревянномъ обручѣ—отверстіи для дыма (тюндюкъ). Все это перевязывается для прочности шерстяной тесьмой, а затѣмъ покрывается войлоками и сверху перехватывается шерстяной веревкой, чтобы войлоки не соскальзывали. Постановка юртъ и укладка ихъ лежатъ на обязанности женщинъ. Посрединѣ юрты, подъ дымовымъ отверстіемъ, на полу, находится таганъ, на которомъ стоитъ котелъ. Здѣсь приготовляется пища, для чего у богатыхъ имѣются отдѣльныя юрты. Направо отъ входа — спальное помѣщеніе, отдѣленное пологомъ, а налѣво — кладовая, отдѣленная невысокой перегородкой изъ чія. Прямо противъ входа—кожаные тюки, сундуки россійской работы съ имуществомъ. Никакой мебели въ юртѣ нѣтъ, кромѣ 1—2 очень низенькихъ столиковъ, кругомъ нихъ на полу усаживаются обитатели юрты, когда принимаютъ пищу. Юрты очень богатыхъ киргизъ покрываются ярко-бѣлыми войлоками, отличаются своей величиной, полъ устланъ коврами, которыми увѣшены и стѣны. Въ хорошее лѣтнее время жить въ такихъ юртахъ пріятно.

Прежде киргизы всю свою одежду приготовляли собственными средствами; въ настоящее время почти вся ихъ одежда приготовляется уже изъ привозныхъ фабрикатовъ: они носятъ ситцевыя рубахи, шаровары изъ какой нибудь темной и плотной бумажной матеріи; впрочемъ, и теперь шаровары иногда дѣлаются изъ кожи, а надѣваемый сверху халатъ—изъ сѣрой или желтой армячины. Надѣвъ халатъ, киргизъ всегда опоясывается ремнемъ, украшеннымъ мѣдными или серебряными бляшками, къ которому иногда прикрѣпляется сумка съ огнивомъ и рогъ съ нюхательнымъ табакомъ (киргизы вообще не курятъ). Голову киргизы бреютъ и носятъ тюбетейку, сверху которой на дворѣ надѣваютъ остроконечныя войлочныя шляпы съ загнутыми кверху полями и малахаи—шапки съ наушниками. Зимняя одежда киргизъ и теперь такова же, какая была много лѣтъ назадъ—ергаки, сдѣланные изъ тонкой кожи шерстью вверхъ, и овчиныя шубы. Отличіе женской

одежды отъ мужской очень невелико; только лѣтомъ женщины носятъ на головѣ шапку въ видѣ усѣченнаго конуса и большой платокъ изъ какой-нибудь легкой бѣлой матеріи, средина которой клиномъ опускается съ шапки на спину, а концы—на плечи. Киргизскія дѣвушки носятъ на головѣ шапочку, волоса заплетаютъ въ мелкія косички.

Киргизы до сихъ поръ сохраняютъ у себя родовой, патріархальный бытъ, хотя и не въ первоначальной, древнѣйшей формѣ. Раньше, до 1893 г., киргизы пользовались значительно широкимъ самоуправленіемъ, и ихъ роды признавались и административными единицами. Теперь же такой единицей сдѣлался аулъ [1]), заключающій въ себѣ 100—200 юртъ и находящійся подъ управленіемъ выборнаго аульнаго старшины. 1000—2000 юртъ составляютъ волость, которой управляетъ волостной старшина. Въ уѣздъ входитъ нѣсколько волостей, и имъ завѣдываетъ русскій начальникъ. Мелкія дѣла рѣшаютъ избираемые на 3 года біи по народнымъ обычаямъ.

Почти всѣ безъ исключенія киргизы—магометане суннитскаго толка и находятся подъ сильнымъ вліяніемъ муллъ, но это нисколько не ухудшаетъ положенія киргизской женщины: она не ведетъ затворнической жизни (да это и невозможно при кочевой жизни), не удаляется отъ мужчинъ, не закрываетъ лица, распоряжается въ юртѣ и даже принимаетъ участіе въ общественныхъ сходкахъ. Православіе распространяется среди киргизъ съ большимъ трудомъ, и его принимаютъ лишь совершенно обѣднѣвшіе киргизы, джатаки.

Киргизы принадлежатъ къ тюркскому племени. Они имѣютъ средній ростъ, крѣпкое сложеніе вообще, хорошо развитую грудь. Цвѣтъ ихъ кожи представляетъ всѣ оттѣнки отъ смугло-желтаго до темнаго. Какъ у всѣхъ тюрковъ, лицо киргиза отличается слѣдующими типичными чертами: выдающимися скулами, широкимъ носомъ, узкими черными глазами, волосы у киргизъ черные, прямые, довольно жесткіе. Растительность на лицѣ у нихъ довольно слаба, и только къ старости у нихъ выростаетъ рѣдкая борода клиномъ. Благодаря постоянной верховой ѣздѣ, почти всѣ взрослые киргизы отличаются кривыми ногами. Желудокъ киргиза способенъ переваривать какую угодно пищу, а всякія поранения заживаютъ у нихъ чрезвычайно скоро. Что касается нравственной стороны, то киргизы имѣютъ много и положительныхъ, и отрицательныхъ качествъ. Они добры, терпѣливы, безхитростны, въ высшей степени гостипріимны; въ умственномъ отношеніи они воспріимчивы и понятливы и особенно способны къ рисованію и математикѣ.

Сношенія съ русскими породили въ нихъ недовѣрчивость, а родовая обязанность мстить человѣку, чѣмъ-либо обидѣвшему сородича, объясняетъ частыя драки среди киргизъ и „баранту“—насильственный угонъ скота. Любовь къ праздности, угощеніямъ, новостямъ, тщеславіе, сутяжничество также являются малопривлекательными свойствами киргизъ. Какъ всѣ кочевники, они по необходимости нечистоплотны.

Изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ киргизы являются наиболѣе склонными къ поэзіи и музыкѣ, къ пѣснямъ, сказкамъ, состязаніямъ, общественнымъ собраніямъ и удовольствіямъ. Единственно у киргизъ существуютъ профессіональные поэты-музыканты, которые импровизируютъ свои произведенія, сопровождая ихъ звуками сурны или кобызы. Безъ пѣвцовъ и разсказчиковъ не обходится ни одно празднество, ни одно общественное собраніе, до которыхъ такъ падки киргизы. Конскіе бѣга („байги“)—непремѣнная принадлежность каждаго такого собранія. Въ началѣ мая наступаетъ праздникъ весны и молодежи, „курбанъ-айтъ“, молодые люди на лошадяхъ догоняютъ дѣвушекъ и стараются поцѣловать, а тѣ бьютъ ихъ плетью. Въ другой игрѣ принимаютъ участіе одни только мужчины. Шум-

[1]) Это отдѣльное селеніе, представляюще собою соединеніе нѣсколькихъ семей, управляемое наиболѣе зажиточнымъ киргизомъ, именемъ котораго называется и самый аулъ.

ными празднествами сопровождаются и поминки, устраиваемые въ первую годовщину смерти богатыхъ и уважаемыхъ людей. На поминкахъ всегда происходятъ состязанія борцовъ и скачки.

Выше было отмѣчено, какую роль играютъ переселенцы въ процессѣ обнищанія киргизъ. Этотъ процессъ все усиливается, потому что и правительство отрѣзываетъ для переселенцевъ участки въ Киргизской степи, и сами переселенцы самовольно стремятся туда, не имѣя правильнаго представленія ни о климатѣ, ни о почвѣ края, гдѣ урожаи непостоянны, во многихъ мѣстностяхъ невозможны безъ искусственнаго орошенія, и гдѣ вообще плодородной земли немного. Вслѣдствіе упадка скотоводства киргизы и сами начинаютъ заниматься земледѣліемъ, гдѣ это возможно, и даже начинаютъ заготовлять сѣно впрокъ. Но это не остановитъ ихъ экономическаго упадка, такъ какъ, въ силу указанныхъ выше физическихъ условій Киргизской степи, только степное, кочевое скотоводство является здѣсь единственнымъ занятіемъ, способнымъ дать обитателямъ края прочное благосостояніе.

Якуты.

Многочисленное и стойкое племя сибирскихъ инородцевъ — якуты — обитаютъ почти исключительно въ Якутской области, представляющей собой огромную площадь въ $3^1/_2$ милл. кв. в. Это пространство, въ общемъ, переполнено тайгами, болотами, озерами и тундрами, изборождено многочисленными горными хребтами съ обнаженными гранитными вершинами (гольцами) и пересѣчено въ разныхъ направленіяхъ громадными, многоводными рѣками. Но населеніе Якутской области не разбросано на этомъ безконечномъ пространствѣ—оно поселилось въ долинахъ Лены и ея притоковъ, главнымъ образомъ, затѣмъ по Янѣ и Колымѣ. Если сказать еще опредѣленнѣе и точнѣе, то это населеніе сосредоточено въ южной части области, въ округахъ Якутскомъ, Олекминскомъ и отчасти Вилюйскомъ—здѣсь живетъ $^9/_{10}$ всего населенія Якутской обл. Въ этихъ предѣлахъ и живетъ главная масса якутовъ, составляющихъ 82% населенія всей области. По переписи 1897 г., общая численность якутовъ доходила до 227.384 человѣкъ, изъ которыхъ лишь 6.000 жили внѣ предѣловъ Якутской области, главнымъ образомъ, въ Туруханскомъ краѣ Енис. губ. и прилежащихъ частяхъ Приморской обл. Въ Якутскомъ окр. якуты составляли 90,6% населенія, а въ Вилюйскомъ даже 93%. Какъ и буряты, якуты не аборигены занятой ими мѣстности: они пришли, вѣроятно, въ XIII—XIV вв. съ юга, отъ Байкала, потѣсненные монголами. Сами вытѣснивъ тунгусовъ, якуты захватили ихъ мѣста по Ленѣ, Олекмѣ и Вилюю.

Якуты представляютъ собою единственное тюркское племя, столь далеко заброшенное на сѣверъ, вслѣдствіе чего, вѣроятно, они нѣсколько отличаются отъ другихъ тюрковъ и по своему физическому типу, и по языку. Якуты средняго роста, съ небольшой, почти круглой головой, черными довольно большими глазами, со смуглымъ, желто-сѣрымъ или бронзовымъ цвѣтомъ малоподвижнаго лица, и прямыми и жесткими волосами. Въ наружности однихъ якутовъ преобладаютъ монгольскія черты, у другихъ—тюркскія. Встрѣчаются и якуты съ явной примѣсью русской крови. Въ движеніяхъ они медленны и неповоротливы, физической силой не отличаются, но зато имѣютъ прекрасный слухъ и острое зрѣніе, что выработано у нихъ, конечно, условіями окружающей природы. Среди якутовъ обращаетъ на себя вниманіе громадный % стариковъ (60 лѣтъ и больше): на каждую тысячу ихъ приходится 118, т. е. почти пятая часть. Изъ болѣзней, которыми страдаютъ якуты, осо-

бенно нужно отмѣтить глазныя, и по коэффиціенту пріобрѣтенной слѣпоты (10,5%) они стоятъ на первомъ мѣстѣ среди всѣхъ народностей имперіи. Проказа и эмирячество (нервное заболѣваніе, состоящее въ непроизвольномъ подражаніи всѣмъ словамъ и дѣйствіямъ другого) также довольно распространены среди якутовъ. По характеру якуты веселы, общительны, любятъ игры, танцы, зрѣлища, собранія. Способные переносить голодъ, жажду, упорно трудиться въ обыденной жизни, они отличаются безпечностью, лѣнью, неумѣренностью въ пищѣ и питьѣ. Какъ особенность, слѣдуетъ отмѣтить, что они любятъ запахъ тѣла близкихъ людей, и потому нюханье у нихъ какъ ласка замѣняетъ поцѣлуй. Умственныя способности якутовъ можно назвать хорошими: они легко усваиваютъ русскую грамоту, отличаются склонностью къ ремесламъ, рисованію и математикѣ. Ихъ коммерческія способности также заслуживаютъ быть замѣченными, причемъ другіе инородцы, юкагиры, ламуты и особенно тунгусы, немало страдаютъ отъ коммерческой предпріимчивости якутовъ, часто переходящей въ кулачество.

Всѣ якуты въ настоящее время крещены (по переписки 1897 г. некрещеныхъ якутовъ оказалось всего 4), всѣ они носятъ христіанскія имена и русскія фамиліи, имѣютъ въ своихъ юртахъ иконы, передъ которыми зажигаютъ свѣчки и молятся, но не смотря на это они далеко не оставили еще своихъ прежнихъ вѣрованій по прежнему вѣрятъ въ блуждающія души самоубійцъ, утопленниковъ, въ шамановъ, ставятъ въ лѣсахъ деревянныя изображенія птицъ на столбахъ, между которыми натягивается бѣлая волосяная веревка, украшенная пучками бѣлыхъ конскихъ волосъ: это—„жертвенная дорога“, по которой должна подниматься къ небу привязанная у столба жертва—быкъ; на него шаманъ „переноситъ“ болѣзнь человѣка, вылечить которую онъ приглашенъ. Каждый предметъ, по мнѣнію якутовъ,—дерево, камень, ножъ топоръ,—имѣютъ свою душу. На горныхъ перевалахъ, у утесовъ, на рѣчныхъ берегахъ проживающіе якуты по преждему оставляютъ приношенія обитающимъ тамъ духамъ—табакъ, соль, шкурки звѣрей, монеты, лоскутки цвѣтного ситца и т. п. Шаманскимъ моленіямъ якуты по прежнему придаютъ большую силу и вѣрятъ, что шаманы могутъ излечивать болѣзни.

Якутъ (бѣдный).

Глава якутской семьи—полный и неограниченный ея властелинъ. Если онъ сидитъ и грѣется передъ огнемъ комелька, то никто не смѣетъ помѣститься между комелькомъ и хозяиномъ, а женщины не рѣшаются и пройти и обходятъ комелекъ сзади. Въ присутствіи главы семьи не допускаются шумъ, смѣхъ, игры; разговоры происходятъ полушепотомъ. Но строй якутской семьи основанъ не на любви дѣтей къ родителямъ, а лишъ на страхѣ передъ ними: лишь только родители состарятся, дѣти перестаютъ оказывать имъ и внѣшнее уваженіе. Къ маленькимъ дѣтямъ якуты относятся благодушно—не бьютъ, но заставляютъ работать. Женщины якутской семьи не имѣютъ никакихъ правъ, на нихъ смотрятъ лишь какъ на работницъ, замужъ выдаютъ безъ согласія за калымъ, хотя этотъ обычай теперь уже началъ исчезать. Если молодая женщина или дѣвушка ведетъ себя легкомысленно, то среди якутовъ это не встрѣчаетъ особаго осужденія.

Жестокіе холода, которыми отличается зима въ Якутской области, глубокіе снѣга обиліе рогатаго скота,—все это заставило якута позаботиться о болѣе тепломъ, защищенномъ отъ холода жилищѣ не только для себя, но и для скота, чѣмъ какого нибудь тун-

гуса или ламута. Якутская юрта („балаганъ“) представляетъ собою небольшое деревянное строеніе съ двускатной низенькой крышей, сдѣланное изъ наклонно поставленныхъ бревенъ, внутри поддерживаемымъ 4 столбами съ глинянымъ, рѣже досчатымъ поломъ. Юрту освѣщаютъ 2—4 окна, которыя у бѣдныхъ якутовъ лѣтомъ затягиваются бычачьимъ пузыремъ, а зимой заставляются льдинами; у болѣе же зажиточныхъ въ окнахъ вставлены стекла. Юрта обыкновенно заваливается землей. Снаружи юрта зимой обмазывается глиной и коровьимъ навозомъ. Внутри юрты кругомъ идутъ нары, и ея лѣвая сторона предназначается для мужчинъ, правая—для женщинъ. Надъ юртой возвышается, нѣсколько наклонно, широкая труба комелька. Труба эта дѣлается изъ жердей, обмазанныхъ съ внутренней стороны глиной, и поднимается съ низкаго и квадратнаго возвышенія изъ толстыхъ бревенъ, посреди набитаго глиной. Съ одной стороны трубы выемка, куда стоймя ставятся дрова. Труба эта не закрывается, потому для поддержанія тепла въ юртѣ необходимо, чтобы въ комелькѣ постоянно поддерживался огонь. Рядомъ съ юртой ставится хотинъ—хлѣвъ для скота. Ураса или урасы является болѣе рѣдкимъ типомъ якутскаго жилища. Это—строеніе, покрытое дерномъ или берестой, имѣюще видъ колпака, остовъ котораго дѣлается изъ жердей.

Береста, которой покрывается ураса, сначала варится въ горячей водѣ и пропитывается березовымъ варомъ; узоры на ней, а также и швы, которыми соединяются отдѣльные куски этой бересты при покрытіи урасы, дѣлаются изъ цвѣтного конскаго волоса. Лѣтомъ такая берестяная ураса очень красиво выдѣляется на окружающемъ ее океанѣ зелени. Урасы служатъ обыкновенно лѣтнимъ жилищемъ якутовъ, когда они оставляютъ свои зимники. Якутскіе поселки, наслеги, не имѣютъ вида русскихъ деревень и состоятъ изъ небольшого числа юртъ, неправильно разбросанныхъ и не близко отстоящихъ другъ отъ друга.

Якутъ изъ богатой образованной семьи.

Необходимость совершать продолжительныя поѣздки въ теченіе крайне холодной, длинной зимы заставила якутовъ обратить особое вниманіе на выработку наилучшаго типа верхней одежды и обуви. Прежде всего на голыя ноги надѣваются чулки изъ бычачьей или телячьей кожи, затѣмъ мелкія туфельки изъ того же мѣха, а сверху длинные мѣховые сапоги („саары“ или „торбаса“), въ которые всегда кладется подстилка изъ сухой травы. Затѣмъ надѣваются подбитые мѣхомъ шаровары и засовываются въ сапоги. Кромѣ того надѣваются особые наколѣнники („ллукъ-сатуро“), которые крѣпко стягиваются подъ колѣнями, а вверху, охватывая бедра, прикрѣпляются къ шароварамъ мѣдными кольцами. Эти сатуро не допускаютъ ни снѣга, ни вѣтра до нижняго платья. Сверху надѣвается „сопъ“— однобортный кафтанъ съ отложнымъ воротникомъ, доходящій до колѣнъ и книзу все расширяющійся изъ клиновидныхъ вставокъ. У богатыхъ сопъ подбивается заячьимъ или пеньимъ мѣхомъ, а у бѣдныхъ телячьей или конской шкурой, выдѣланной, но не лишенной шерсти. Сопъ теперь все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія и замѣняется кухлянками—дохами изъ оленьей шкуры. Шею якуты сверхъ платья обертываютъ особымъ ошейникомъ изъ бѣличьихъ хвостовъ, въ который они прячутъ подбородокъ, ротъ и часть носа, чтобы дышать черезъ мѣхъ и такимъ образомъ умѣрятъ холодъ вдыхаемаго воздуха. На руки надѣваютъ рукавицы съ однимъ пальцемъ, а глаза защищаютъ волосяными очками въ родѣ полоски волосяного кружева отъ очень яркаго блеска снѣга въ мартѣ и апрѣлѣ. На головѣ якуты носятъ шапки изъ двойного ряда мѣха, остроконечныя или круглыя, но всегда съ наушниками и широкимъ мѣховымъ околышемъ Конечно, въ

*

такой одеждѣ якутъ свободно можетъ выдерживать самые большіе морозы. Праздничной нарядной одеждой у якутовъ является „сангыяхъ“, родъ шубы, доходящей до пятъ, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ. Сангыяхи оторачиваются какимъ нибудь дорогимъ мѣхомъ или даже цѣликомъ шьются изъ такого мѣха, на спинѣ и съ боковъ вышиваются шелкомъ, бисеромъ, серебромъ или цѣннымъ мѣхомъ, такъ что стоятъ иногда отъ 200—1000 р. и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отъ русскихъ якуты заимствовали рубахи, которыя теперь носятъ почти всѣ, жилеты, галстухи и т. п. Портняжествомъ занимаются у нихъ преимущественно женщины.

Якутка въ сангыяхѣ.

Въ прежнее время якуты питались исключительно лошадинымъ мясомъ и кумысомъ, а теперь ихъ главную пищу составляетъ „соратъ“—особымъ образомъ приготовленное кислое коровье молоко. Изъ стараго, постоявшаго сората якуты приготовляютъ свое главное кушанье—„бутугасъ“, жидкую похлебку, въ которую, кромѣ сората, входятъ мука, ягоды или съѣдобные корни. Особенно любятъ якуты коровье масло, которое ѣдятъ твердымъ, кладутъ въ чай (употребляютъ исключительно кирпичный), даже пьютъ въ растопленномъ видѣ. Якутъ свободно можетъ выпить его безъ передышки $^1/_2$ ф., а съ остановками даже $2^1/_2$ ф. Нѣкоторые любители въ состояніи выпить до 5 ф. растопленнаго масла. Зимой, въ страшные якутскіе морозы, послѣ долгаго путешествія, растопленное масло—незамѣнимое средство для быстраго согрѣванія, возстановленія силъ и бодрости. Большинство сѣверныхъ якутовъ еще не умѣетъ приготовлять настоящаго русскаго топленаго масла, а довольствуется „хаяхомъ“—бѣлымъ, жирнымъ, густымъ веществомъ, приготовляемымъ изъ подогрѣтыхъ сливокъ посредствомъ сбиванія мутовкой, изъ котораго еще не выдѣлились частицы масла. „Саламатъ“, изысканное блюдо якутской кухни. Изъ муки якуты приготовляютъ прѣсныя лепешки и похлебку. Квасить тѣсто и дѣлать хлѣбъ якуты еще не умѣютъ. Ѣдятъ они и съѣдобные корни, листья и стебли нѣкоторыхъ растеній и ягоды (кромѣ малины). На сѣверѣ употребляютъ

вяленую и копченую рыбу. Изъ лососины и стерляди приготовляютъ строганину: рыбу, промершую на 40° морозѣ, рѣжутъ на тонкіе ломтики и подаютъ обыкновенно къ чаю. Мясо употреблютъ въ пищу въ самомъ простомъ видѣ: варятъ безъ соли и всякихъ приправъ или жарятъ на сковородкѣ, подливая воды. Чай употребляется якутами въ огромныхъ количествахъ. Соль и хлѣбъ на югѣ входятъ во всеобщее употребленіе.

Разведеніе рогатаго скота составляетъ теперь главное занятіе якутовъ (раньше коневодство) и основу ихъ хозяйственной жизни (животноводствомъ занимается 84,2% всѣхъ якутовъ), а въ связи съ этимъ возникло новое важное занятіе—сѣнокошеніе, и потому два сѣнокосныхъ лѣтнихъ мѣсяца—самая горячая пора для якутовъ, т.-к. въ теченіе 50 дней они должны сдѣлать годовые запасы сѣна для своего рогатаго скота. Но замѣчаются несомнѣнные признаки того, что въ недалекомъ будущемъ не скотоводство, а земледѣліе станетъ основой экономической жизни якутовъ.

Пользуясь обиліемъ лѣса, скота и звѣрей, якуты обратили большое вниманіе на обработку дерева, кожи, мѣха и волоса. Изъ лиственницы и березы они приготовляютъ домашнюю утварь, лодки, нарты—легкія, узкія, длинныя сани, изъ бересты—разную посуду для молока, изъ кожи, преимущественно, конской и коровьей—обувь и платье, дорожную посуду для кумыса—„симиръ“, изъ конскаго волоса—веревки, сѣти, невода. Якуты—отличные плотники, но гончарное дѣло знакомо имъ очень плохо—они не умѣютъ промывать глины, не знаютъ горшечной глазури. Изъ металловъ имъ наиболѣе извѣстно желѣзо, и производство разныхъ желѣзныхъ предметовъ (ножи, лемехи) сдѣлалось у нихъ уже особымъ кустарнымъ промысломъ. Якутскіе кузнецы въ то же время хорошіе мѣдники и серебренники, хотя ихъ серебро не содержитъ болѣе 50% чистаго металла. Всѣ подѣлки изъ дерева, все, что приготовляется при помощи ножа и топора—дѣло мужское, а все, что сплетается, сшивается, лѣпится—дѣлаютъ женщины и старики. Мятье и выдѣлка кожъ—тоже рукодѣлье женщинъ и стариковъ. Длинные зимніе вечера якутскія трудолюбивыя семьи проводятъ въ приготовленіи платья, утвари, разныхъ предметовъ. Мурлыкая пѣсенку или прислушиваясь къ разсказываемой кѣмъ-нибудь сказкѣ, длинной, какъ сама якутская ночь, якутъ готовъ тысячу разъ примѣрять, подстрогать, отрѣзать, пока не останется доволенъ вырабатываемой вещью. Согрѣвая огнемъ комелька то одинъ бокъ, то другой, то спину, онъ совѣщается съ окружающими, выслушиваетъ ихъ похвалы, обсуждаетъ замѣчанія.

Якутовъ въ настоящее время нельзя считать народомъ кочевымъ, т.-к. ихъ обычныя лѣтнія передвиженія изъ зимниковъ въ лѣтники, происходящія однажды и на небольшомъ разстояніи имѣютъ скорѣе характеръ переселенія на дачу. Старинный родовой бытъ якутовъ теперь значительно распался, хотя и не исчезъ окончательно. И теперь семьи, имѣвшія одного общаго родоначальника, составляютъ родъ, которымъ управляетъ родовой старшина. Нѣсколько родовъ образуютъ поселокъ подъ управленіемъ поселочнаго старосты, и нѣсколько поселковъ образуютъ улусъ съ нѣсколькими выборными головами, также выборнымъ писаремъ и его помощникомъ. Мѣстная администрація—исправники, становые пристава и пр.—постоянно вмѣшивается въ якутское самоуправленіе. Въ общемъ владѣніи у якутовъ теперь лишь лѣса и пастбища, а пашенныя и сѣнокосныя мѣста—уже въ частной собственности.

Русское вліяніе на якутовъ выразилось, кромѣ отмѣченнаго уже роста земледѣлія и сѣнокошенія, заимствованія одежды, и въ томъ что въ западной части области якуты начали строить избы по русскому образцу. Русская грамотность прививается къ нимъ быстро, и они оказываются особенно способными къ математикѣ и рисованію. Но въ общемъ грамотность въ 1897 г. среди якутовъ была очень ничтожна: всего 0,7%, причемъ на мужчинъ приходилось 1,2%, а на женщинъ 0,1%. Число учащихся якутовъ въ учебныхъ заведе-

ніяхъ Якутска доходитъ почти до половины общаго числа. Нѣкоторые якуты получили даже высшее образованіе и состоятъ врачами, чинами судебнаго вѣдомства и пр.

Среди нихъ возникъ „якутскій союзъ", устраивались съѣзды, укрѣпилась мысль о національномъ самопредѣленіи, въ Якутскѣ открылся спеціальный якутскій клубъ, гдѣ даже ставились пьесы на якутскомъ языкѣ съ исполнителями-якутами въ національныхъ костюмахъ, демонстрировались якутскія пѣсни и якутская музыка.

Буряты.

Вторымъ послѣ киргизъ по своей численности племенемъ сибирскихъ инородцевъ являются буряты, живущіе въ Иркутской губерніи и Забайкальской области. По переписи 1897 г. всѣхъ бурятъ считалось 288.663, при чемъ на Иркутскую губ. приходилось 108.867 (21% всего населенія этой губерніи), а на Забайкальскую обл. 179.487 (27%). Главная масса бурятъ сосредоточивается въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ Забайкальской обл. — 167.870 чел. Такъ какъ буряты не обнаруживаютъ признаковъ вымиранія, то въ настоящее время ихъ общая численность можетъ доходить до 300.000 ч.

Буряты — не коренные, исконные насельники мѣстностей, занятыхъ ими въ настоящее время: они пришли сюда съ юга, изъ Монголіи, не ранѣе XVII в., и вытѣснили на сѣверъ тунгусовъ и якутовъ. Въ прежнее время буряты исключительно занимались скотоводствомъ и были кочевниками. Теперь это въ значительной степени измѣнилось. По переписи 1897 г., земледѣліемъ занималось уже 135.074 бурятъ (46,8%), а скотоводствомъ 145.036 (50,2%), причемъ, конечно, и занимающіеся земледѣліемъ не оставляютъ окончательно скотоводства. Земледѣліе, какъ основное занятіе, преобладаетъ у иркутскихъ бурятъ, скотоводство—у забайкальскихъ, къ чему послѣднихъ особенно располагаютъ физическія свойства занимаемыхъ ими мѣстностей. Вообще формы бурятскаго хозяйства представляютъ крайнее разнообразіе. Въ ачинскихъ степяхъ (въ Верхнеудинскомъ у. Забайк. обл.) господствуетъ переходъ отъ лѣтника на зимникъ и обратно, т. е. чистое кочеванье. На сѣверѣ и западѣ отъ этихъ мѣстностей появляются огораживаніе сѣнокосныхъ луговъ, удобреніе покосовъ и проведеніе оросительныхъ канавъ. За Ингодой и къ западу отъ Яблоннаго хребта земледѣліе дѣлается все болѣе и болѣе господствующимъ и все совершенствуется: орошеніе улучшается, орошаемыя и огороженныя пашни встрѣчаются рядомъ съ поливными лугами. Земледѣльческая культура еще болѣе распространилась бы среди бурятъ, если бы въ послѣднее время, вслѣдствіе желанія правительства водворить какъ можно больше переселенцевъ въ Иркутской губ. и Забайк. обл., у бурятъ не отнимались бы ихъ пашни и покосы.

Кударинскіе буряты, живущіе на устьяхъ Селенги, такъ же, какъ и Ольхонскіе (о. Ольхонъ на Байкалѣ), занимаются рыбной ловлей, а первые еще земледѣліемъ. Скотоводство ими оставленно совершенно.

Буряты—народъ монгольскаго племени, что лучше всего доказываетъ ихъ физическій типъ; узкія глазныя щели (косые монгольскіе глаза), широкія скулы, черные прямые волосы, смугло-желтый цвѣтъ кожи, слабое развитіе бороды и усовъ. Въ молодости безбородые и безусые, буряты лишь подъ старость пріобрѣтаютъ рѣдкую, жидкую растительность на лицѣ. По своимъ душевнымъ качествамъ буряты—народъ добродушный,

общительный и даже веселый, но эти свойства обнаруживаются лишь тогда, когда бурятъ находится среди своихъ.

Несмотря на развитіе земледѣлія среди бурятъ, продукты скотоводства все-таки остаются главной составной частью пищи бурятъ, это особенно замѣтно у бурятъ забайкальскихъ. Основной пищей бурятъ является „арса"—полужидкій, оченъ кислый творогъ, остающійся послѣ перегонки заквашеннаго молока въ слабую водку—„тарасунъ". Арсу сливаютъ въ кадки и при употребленіи въ пищу разводятъ водой или молокомъ и кипятятъ, подбавивъ муки. Лѣтомъ буряты употребляютъ и самое кислое молоко („курунга"), изъ котораго приготовляется арса. Свѣжее молоко пьютъ съ чаемъ, исключительно кирпичнымъ, который варятъ въ котлахъ, прибавляя туда, кромѣ молока, муку, масло и соль. Этотъ напитокъ называется „сатуринъ". Перегоняя „тарасунъ" еще нѣсколько разъ, получаютъ болѣе крѣпкую водку „арока". Мясо въ лѣтнее время почти совсѣмъ не употребляется въ пищу бурятами, а осенью бьютъ быковъ, иногда лошадей. Для заготовки мяса въ прокъ, его рѣжутъ длинными полосами, опускаютъ въ кипящій разсолъ и вялятъ на вѣтру.

Продолжительная зима съ 40^0 мороза требуетъ въ этихъ мѣстностяхъ теплой одежды, которую могутъ доставить только животныя. Зимняя одежда обыкновенно приготовляется изъ овчинъ, а у бѣдныхъ—изъ шкуръ телятъ и жеребятъ,—это „дегиль", шуба или халатъ, сверху котораго иногда надѣвается еще доха. Шапки у мужчинъ и женщинъ почти одинаковы—съ острой тульей и расширеннымъ кверху околышемъ, иногда сдѣланнымъ изъ плиса. Широкіе и длинные лѣтніе халаты и рубахи дѣлаются изъ бумажныхъ и шерстяныхъ лѣтнихъ матерій, а у богатыхъ изъ шелковыхъ китайскихъ. Халаты у мужчинъ и дѣвицъ дѣлаются цѣльные, застегиваются на боку и на правомъ плечѣ, на поясѣ подхватываются ремнемъ или кушакомъ. Женскіе халаты похожи на юбку и кофту съ разрѣзомъ, сшитыя вмѣстѣ. Сверху такого халата надѣвается безрукавка. Наиболѣе оригинальной частью женскаго бурятскаго костюма является головной уборъ. На головѣ (женщины носятъ 2 косы, а дѣвушки много) бурятки носятъ неширокую повязку, украшенную жемчугомъ, бусами, кораллами съ серебряными бляхами. Кромѣ того, въ праздники съ головы бурятки спускается очень затѣйливый уборъ съ серебряными украшеніями, къ которому сзади привѣшиваются мѣшечки изъ бархата, куда вкладываются косы. Ко всему этому прибавляются серебряныя цѣпочки, развѣшенныя на груди и спинѣ. Шапка и безрукавка обязательны въ костюмѣ бурятки. Въ настоящее время среди бурятъ распространяется обыкновенный русскій костюмъ.

Жилищемъ бурятъ раньше была войлочная юрта монгольскаго типа, т.-е. остроконечная. Въ настоящее время такая юрта сохранилась лишь въ степныхъ мѣстностяхъ восточнаго Забайкалья. Сѣверные буряты живутъ въ восьмиугольныхъ деревянныхъ юртахъ въ сажень вышиной, съ бревенчатой или досчатой кровлей и съ дымовымъ отверстіемъ наверху. Огонь разводится по серединѣ юрты, прямо на землѣ. Хотя большая часть бурятъ живетъ еще попрежнему, небольшими улусами въ 10—15 юртъ, встрѣчаются уже бурятскія селенія, гдѣ дома поставлены въ ближайшемъ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Всю зиму въ загородкахъ бродитъ скотъ и удобряетъ почву, а весной жители улуса переселяются въ лѣтники и даютъ травѣ расти безъ помѣхи. Въ концѣ лѣта на этихъ мѣстахъ получается прекрасный сѣнокосъ. Пашни свои, если позволяетъ почва, буряты устраиваютъ около лѣтниковъ или утуговъ. Нѣсколько разъ въ теченіе лѣта пашни и утуги орошаются водой посредствомъ канавъ, проведенныхъ изъ рѣкъ, и буряты почередно, въ извѣстномъ порядкѣ, пользуются этой водой.

Русская культура оказываетъ на бурятъ все болѣе и болѣе замѣтное воздѣйствіе. Въ зимникахъ иркутскихъ бурятъ имѣются русскія печи, они пекутъ хлѣбъ, даже умѣютъ приготовлять къ чаю разное печенье изъ крупчатой муки. Жилища ихъ стали чище, одежда

и питаніе лучше. Появились вилки, ложки, стаканы, даже полотенца. Между ними появились знающіе русскую грамоту. По даннымъ переписи 1897 г., русская грамотность среди забайкальскихъ бурятъ была распространена даже больше, чѣмъ среди иркутскихъ.

Въ отношеніи религіи буряты дѣлятся на три группы: шаманисты, православные и буддисты. Принадлежность къ этимъ 3 группамъ бурятъ иркутскихъ и забайкальскихъ далеко не одинакова. Шаманисты преобладали въ Верхоленскомъ и Иркутскомъ уѣздахъ, православные—въ Балаганскомъ и Нижнеудинскомъ, что касается Забайкальской обл., то лишь въ одномъ Акшинскомъ уѣздѣ православныхъ бурятъ было до 20%, а повсюду преобладали буддисты.

Шаманство, „черная вѣра“, было первоначальной религіей бурятъ. Шаманы—посредники между духами и людьми. Небо населено для шаманиста высшими духами, тенгріями, посланниками которыхъ къ людямъ являются низшіе духи, хаты, иногда спускающіеся на землю. Каждое мѣсто имѣетъ своего духа-покровителя — баяна, а каждый родъ, каждая семья—своего генія-хранителя—онгона. Онгоновъ очень много: для лошадей, коровъ, игръ, промысловъ, особенно кузнечнаго, различныхъ болѣзней. Изображеніями онгоновъ служатъ шкурки животныхъ, куклы изъ лоскутковъ, деревянныя фигурки, украшенныя лентами, а чаще всего грубый рисунокъ, сдѣланный красной краской на воскѣ или на лоскуткѣ. Онгонамъ приносятся жертвы водкой и молочными продуктами. Въ случаѣ смерти хозяина дома всѣхъ онгоновъ сжигаютъ и заводятъ новыхъ. Богатые шаманисты нѣсколько разъ въ годъ (бѣдные разъ въ 3 года) устраиваютъ праздники и жертвоприношенія мѣстному божку въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ находятся „обо“—кучи камня или хвороста. Такіе праздники называются таплагонами, а на нихъ обыкновенно совершаются кровавыя жертвоприношенія и выпивается много водки. Шаманъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на подобномъ таплагонѣ. Къ шаману обращаются обыкновенно и для избавленія отъ болѣзней, которыя шаманисты представляютъ себѣ навожденіемъ злыхъ духовъ. Бурятскіе шаманы обыкновенно не употребляютъ бубна, но облекаются въ особыя замшевыя шубы, обшитыя желѣзными привѣсками, изображающими змѣй, и шапки, состоящія изъ желѣзнаго обода, къ которому прикрѣпляются двѣ желѣзныя перекрещивающіяся полудуги. Двѣ палки съ лошадиными вырѣзанными головами, которыя шаманъ беретъ въ руки, представляютъ непремѣнную принадлежность шаманскаго служенія; онѣ изображаютъ лошадей, на которыхъ шаманъ долженъ отправиться въ царство страшнаго Эрлена-хана, въ жилище умершихъ. Передъ началомъ камланія въ огонь въ юртѣ или на открытомъ воздухѣ бросаютъ пихту, вереск, богородицкую траву, а юрту обрызгиваютъ молокомъ. Помѣстившись передъ огнемъ, шаманъ и его помощники начинаютъ пѣть молитвы; шаманъ раскачивается, но его ноги или остаются неподвижными, или онъ вдругъ дѣлаетъ прыжки, опираясь на свою палку. При этомъ шаманы впадаютъ въ особое

Буряты.

состояніе, близкое къ припадку. Они падаютъ на полъ, бьются, изо рта ихъ течетъ пѣна, они рычатъ или кричатъ, подражая животнымъ, бросаются на присутствующихъ. Въ такомъ состояніи шаманы, по мнѣнію бурятъ, или могутъ пророчествовать, если дѣло идетъ объ отысканіи потерянной вещи, или ихъ душа оставляетъ тѣло и отправляется выручать душу больного изъ жилища Эрлена-хана. Самъ шаманъ или его помощники повѣствуютъ при этомъ, гдѣ находится и что дѣлаетъ въ данное время шаманъ. Всѣ признаки съ очевидностью показываютъ, что шаманизмъ среди бурятъ является религіей вымирающей, утрачивающей всякій авторитетъ, которая должна смѣниться и безъ того уже сильно распространившимся въ Забайкальѣ буддизмомъ.

Распространеніе буддизма среди забайкальскихъ бурятъ началось еще въ XVIII в., и въ 1764 г. была учреждена для нихъ правительствомъ высшая духовная власть подъ именемъ бандидо-хамболамы. Это было сдѣлано для того, чтобы предотвратить вліяніе на забайкальскихъ бурятъ со стороны буддійскаго духовенства изъ Монголіи и возможность ихъ удаленія туда, если бы ихъ вѣра не встрѣтила поощренія. Поэтому первая половина XIX в. ознаменована быстрыми успѣхами буддизма въ Забайкальѣ, пока этого не остановили разныя ограничительныя мѣры, начало которыхъ относится къ 1853 г. Быстрый ростъ буддизма въ Забайкальѣ достаточно ярко изображается двумя цифрами: въ 1831 г. буддистовъ числилось 85.000, а въ 1848 г. уже 125.000, т. е. за 17 лѣтъ ихъ число увеличилось на 47%.

Буддизмъ привился къ монголо-бурятамъ въ формѣ ламаизма.

Ламаизмомъ эта вѣра названа по причинѣ того огромнаго значенія, которое имѣютъ ея духовныя лица, ламы, въ жизни ламаитовъ. „Лама—добрый другъ“, и безъ него невозможно получить спасеніе. Каждый человѣкъ долженъ имѣть своимъ духовнымъ руководителемъ ламу, къ которому нужно имѣть постоянное уваженіе, снабжать его всѣмъ необходимымъ, не отказывать даже и въ самомъ дорогомъ.

Бритые ламы, съ широкимъ и длиннымъ желтымъ платомъ на обыкновенной бурятской одеждѣ, перекинутымъ на лѣвое плечо и пропущеннымъ подъ правую мышку (священный желтый цвѣтъ сообщилъ и самой вѣрѣ наименованіе „желтой“), обитаютъ въ монастыряхъ, дацанахъ, гдѣ они по 4 раза въ день совершаютъ богослуженія въ кумирняхъ, наполненныхъ изображеніями боговъ, которыхъ они въ праздничные дни обносятъ кругомъ дацановъ съ пѣніемъ священныхъ гимновъ. Во главѣ каждаго дацана стоитъ „ширетуй“, настоятель, а въ Гусиноозерскомъ дацанѣ (около Селенгинска) пребываетъ бандидо-хамболама, духовный глава забайкальскихъ бурятъ, соотвѣтствующій православному епископу. Ламы должны быть безбрачны, соблюдать посты и обучать правиламъ своей вѣры молодыхъ людей, хавураковъ, которыхъ отдаютъ въ дацаны ихъ родственники, чтобы приготовить изъ нихъ будущихъ ламъ. Жилище каждаго ламаита имѣетъ домашній алтарь—родъ комода, на которомъ расположены „бурханы“, литые изъ мѣди, сдѣланные изъ кожи, глины, картона или нарисованные на бумагѣ, а передъ ними мѣдныя чашечки съ жертвенными приношеніями—водой, масломъ, зерномъ; тутъ же находятся вазочки, колокольчики, естественные и искусственные цвѣты.

Буряты изъ всѣхъ прочихъ сибирскихъ инородцевъ обнаружили особенное стремленіе къ образованію и лучшему устройству своего общественнаго быта. Буряты устраиваютъ съѣзды, посылаютъ въ Петербургъ депутаціи, добиваются одного мѣста въ Государственной Думѣ. Возникаетъ сильное національно-народническое теченіе, вылившееся въ союзъ бурятскихъ учителей и дѣятелей по народному образованію подъ названіемъ „Знамя бурятскаго народа“ („бурядъ зиной тугъ“), союзъ учащихся бурятъ и „общество просвѣщенія бурятъ“, изобрѣтается монголо-бурятскій алфавитъ, на которомъ печатаются брошюры. Вообще слѣдуетъ признать, что буряты отличаются хорошими умственными способностями, воспріимчивостью къ ученью и понятливостью, не говоря уже объ усердіи и прилежаніи, и европейское знаніе безъ труда можетъ привиться къ нимъ.

До сихъ поръ старинныя основы родового быта стоятъ крѣпко въ сознаніи бурятъ, и на нихъ опиралось все ихъ общественное устройство. Всѣ они до сихъ поръ дѣлятся на нѣсколько родовъ, и до 1904 г. управлялись наслѣдственными князьями или тайшами и старшинами (шуленги). Но съ недавняго времени правительство рѣшило, и не къ пользѣ бурятъ, замѣнить эти естественныя формы искусственными, скопированными съ русскихъ крестьянскихъ волостей.

Проповѣдь православія, несмотря на долговременное существованіе двухъ миссій, иркутской и забайкальской, не принесла прочныхъ результатовъ. Какъ только стало возможнымъ послѣ 17 окт. 1905 г. свободно измѣнять религію, началось массовое отпаденіе бурятъ отъ православія, особенно въ Иркутской губ., въ Тункинскомъ краѣ, среди кударинскихъ бурятъ и въ другихъ мѣстахъ.

Самоѣды, тунгусы и другіе инородцы.

На крайнемъ сѣверѣ Россіи кочуютъ самоѣды, доходя къ востоку до Тазовской губы. Они, несомнѣнно, пришли съ юга, съ Саянскаго нагорья. Самоѣды кочуютъ и вблизи остяцкихъ стойбищъ и вообще по своей наружности походятъ на сѣверныхъ остяковъ, отличаясь вообще отъ послѣднихъ своимъ языкомъ: ихъ языкъ грубъ, рѣзокъ, въ немъ часто встрѣчаются гортанныя и звукъ р. Хотя они тотъ же, въ сущности, кроткій и добродушный, какъ и остяки, но они болѣе скрытны и недовѣрчивы, почему кажутся суровыми и мало сообщительными. Главное богатство самоѣдовъ—олени, главное ихъ занятіе—оленеводство. Круглый годъ они кочуютъ со стадами своихъ оленей: лѣто по направленію къ океану, гдѣ прохладнѣе, и олени не такъ страдаютъ отъ комаровъ, мошекъ и оводовъ, зимою—къ юго-востоку, въ полосу тундръ и лѣсовъ, гдѣ больше топлива, и гдѣ олени не такъ страдаютъ отъ бурановъ. Въ тундрѣ самоѣды охотятся на дикаго оленя, у береговъ океана — на моржей и морскихъ зайцевъ (родъ тюленя). Посредствомъ разныхъ капкановъ они ловятъ песцовъ, волковъ, лисицъ и россомахъ. Вслѣдствіе постоянной кочевой жизни самоѣды выработали себѣ типъ подвижного жилища, не похожаго на остяцкую юрту—именно чумъ, покрытый оленьими шкурами. Зимой чумъ огребается снѣгомъ, и входъ завѣшивается шкурой оленя. Въ противоположность остякамъ, рѣдко 2 самоѣдскихъ семьи помѣщаются въ одномъ чумѣ. Воздухъ въ самоѣдскихъ жилищахъ гораздо лучше, чѣмъ въ остяцкихъ, и сами самоѣды гораздо опрятнѣе своихъ сосѣдей, нечистоплотность которыхъ доходитъ до такихъ размѣровъ, что русскіе, по этой причинѣ, никогда не берутъ себѣ въ жены даже избраннѣйшихъ остячекъ. Болѣе южные самоѣды (нарымскіе) ассимилировались съ остяками, и нѣкоторые изъ нихъ даже живутъ осѣдло, занимаясь рыболовствомъ. Обскіе самоѣды занимаются, въ небольшихъ размѣрахъ, скотоводствомъ, иногда извозомъ и охотничьимъ ремесломъ; только земледѣліе чуждо вообще всѣмъ самоѣдамъ.

Вслѣдствіе одинаковыхъ климатическихъ и бытовыхъ условій одежда самоѣдовъ и остяковъ въ общемъ одинакова. Олень доставляетъ зимнее одѣяніе обоимъ этимъ народамъ: „малицу“ — рубашку изъ оленьяго мѣха шерстью внизъ съ капюшономъ и небольшими рукавами, поверхъ которой, въ большіе морозы, надѣвается еще „гусь“—такого же покроя, только шерстью вверхъ и изъ болѣе грубаго мѣха. Голова защищается треухомъ, сшитымъ изъ двухъ сшитыхъ вмѣстѣ оленьихъ шкурокъ — одна шерстью внизъ, другая вверхъ. На ноги надѣваются „чюни“, мѣховые чулки, и поверхъ нихъ мѣховые же „пимы“ шерстью вверхъ.

По умственному развитію самоѣды не выше остяковъ, хотя ихъ народное творчество богаче и ярче. Ихъ экономическое положеніе только немногимъ лучше, чѣмъ у остяковъ, и ихъ спасаетъ лишь ихъ кочеванье, почему они менѣе соприкасаются съ русскими торговцами, ихъ пища (оленина, а не хлѣбъ) и продукты промысла (пушнина, а не рыба), что даетъ имъ большую степень самостоятельности въ сношеніяхъ съ торговцами. Но тѣмъ не менѣе и самоѣды вымираютъ не только отъ эксплоатаціи, но и отъ болѣзней.

Къ группѣ племенъ сѣверныхъ инородцевъ нужно отнести небольшое племя нахсамаряхъ, живущее по р. Надыму и открытое лишь въ 1895 г. Хотя по наружному виду эти инородцы мало отличаются отъ самоѣдовъ, будучи лишь нѣсколько смуглѣе ихъ и имѣя болѣе рѣзко выраженный монгольскій типъ, но по своему языку это племя совершенно отличительно, въ немъ нѣтъ ничего общаго ни съ остяцкимъ, ни съ самоѣдскимъ языками, онъ имѣетъ совершенно особенный и общій характеръ и звуковую ткань.

На огромныхъ пространствахъ отъ Енисея и сѣверныхъ тундръ до Амура и Охотскаго моря, переполненныхъ горными хребтами и тайгами, бродятъ тунгусы, въ общей численности до 62.000 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе половины живетъ въ Забайкальѣ; подвергшись вліянію бурятъ, они изъ бродячихъ превратились въ кочевыхъ, занявшись скотоводствомъ. Южные тунгусы, болѣе чистые представители племени, имѣютъ довольно высокій ростъ и крѣпкое тѣлосложеніе, прямой, короткій носъ, узкіе, прямые глаза, широкія скулы, большія руки, ноги и ротъ. Волосы черные, прямые, растительность на лицѣ жидкая и короткая. Тунгусы — самый симпатичный народъ въ сибирскихъ тайгахъ. Они въ высшей степени добросовѣстны, подвижны, держатъ себя съ достоинствомъ, отличаются чрезвычайнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ, живы, общительны, веселы, беззаботны, страстно любятъ пляски и пѣсни. Недаромъ ихъ называютъ французами или дворянами тайги. Воровство и грабежъ имъ неизвѣстны. Они отличаются франтовствомъ, любовью къ пестротѣ, расшитымъ нарядамъ. Взаимопомощь у тунгусовъ очень развита. Лѣтомъ они довольствуются берестяной юртой, которую каждый разъ вновь сооружаютъ. Суровая зима, конечно, требуетъ болѣе солиднаго убѣжища, и тунгусы строятъ на зиму юрту изъ наклонно поставленныхъ жердей съ дымовымъ отверстіемъ наверху. Юрта обтягивается оленьими шкурами, а у бѣдныхъ — выдѣланной рыбьей кожей. По срединѣ юрты огонь, а по бокамъ устраиваются отдѣленія въ видѣ продолговатыхъ мѣховыхъ ящиковъ, обращенныхъ къ огню открывающейся стороной: тамъ можно только сидѣть или лежать, но зато въ самую страшную пургу туда не проникаетъ ни одна струйка холода. Въ большой юртѣ бываетъ до 8 такихъ пологовъ. Оленина, вареная или вяленая—главная пища тунгусовъ; кромѣ того они употребляютъ сушеную (юкола) и мороженую рыбу (строганина), мясо и жиръ медвѣдя и тюленя. Изъ сушеной рыбы дѣлается пирожекъ (порса), употребляемый съ нерпичьимъ жиромъ. Ни хлѣба ни соли тунгусы не знаютъ. Лакомствомъ является замороженное густое тѣсто изъ нерпичьяго жира, рыбной икры и брусники. Чай во всеобщемъ употребленіи. Лѣтомъ тунгусы занимаются рыболовствомъ, но съ наступленіемъ зимы они не знаютъ ни усталости, ни отдыха, цѣлыми недѣлями, въ трескучіе морозы, выслѣживая въ горахъ звѣря. Тогда они ночуютъ подъ деревьями, спятъ мало, проходя въ день по 40—80 верстъ. Зрѣніе, слухъ и чутье тунгусовъ поразительны. Они не собьются съ дороги даже въ самую сильную пургу или въ густомъ лѣсу лѣтомъ, когда сквозь вѣтви деревъ не видно даже клочка неба. Часть тунгусовъ занимается оленеводствомъ. Весной они собираются на стойбища для внесенія ясака по 1—2 соболя съ души. Вотъ и все ихъ отношеніе къ русской власти. Будучи уже давно крещеными, они мало знакомы съ внѣшней стороной православія. Русскіе и якутскіе торговцы пользуются слабостями тунгусовъ и безсовѣстно ихъ обираютъ, опутывая долгами. Въ настоящее время тунгусы принадлежатъ къ народности вымирающей.

Къ тунгузскому племени принадлежатъ ламуты (около 5.000), кочующіе до Охотскаго

*

моря, а на сѣверѣ даже до Анадыра. Сѣверные ламуты имѣютъ сходство съ чукчами, съ которыми живутъ во враждѣ. Орочоны, кочующіе въ баргузинской тайгѣ (Забайк. обл.), въ верховьяхъ Амура внизъ до Невѣра и около Императорской гавани въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, относятся также къ тунгусскому племени. Они—звѣроловы и рыболовы. Орочоны у Императорской гавани сохранились въ болѣе чистомъ видѣ. Живутъ въ дымныхъ, грязныхъ, холодныхъ юртахъ, лѣтомъ занимаясь рыболовствомъ, а зимой охотой, особенно на соболя. Ихъ умственныя способности плохи, память слаба. Забайкальскіе орочоны менѣе дики и болѣе развиты. Изъ другихъ мелкихъ племенъ тунгузской семьи (ольчи, самагирцы, солоны, манегры, ороки) можно развѣ остановиться на гольдахъ (до 5.000), живущихъ по Амуру, къ востоку отъ Буреинскихъ горъ. На нихъ уже замѣтно монгольское вліяніе даже въ самомъ типѣ. Они носятъ одежду китайскаго покроя и живутъ въ глинобитныхъ постройкахъ въ родѣ китайскихъ фанзъ. Ихъ пища—мясо, рыба, китайская капуста, овощи, лукъ и кукуруза, занятія—рыболовство и охота. Гольды живутъ семьями, не раздѣляясь, какъ бы ни была велика семья, неограниченнымъ главой которой считается отецъ или старшій братъ.

Группа племенъ сибирскихъ инородцевъ, доходящихъ до 82.000 человѣкъ, принадлежитъ къ племени, которое одни считаютъ палеазіатскимъ, другіе — американскимъ, третьи—неизвѣстнаго происхожденія. Къ этой группѣ относятся енисейскіе остяки, живущіе по Енисею и его притокамъ отъ с. Анциферова до р. Курейки. Ихъ теперь нѣсколько сотъ, они вымираютъ и утратили всѣ свои оригинальныя черты, за исключеніемъ языка, представляющаго замѣчательную лингвистическую особенность. На саянскихъ гольцахъ, въ истокахъ рѣкъ Бирюсы, Уды и Надыра, живутъ немногочисленные карагасы (около 400). Въ тюркской ткани ихъ языка встрѣчаются слова какого-то невѣдомаго языка. Они оленеводы и звѣропромышленники, но работаютъ также и на сосѣднихъ золотыхъ пріискахъ. Народы упомянутой выше группы обитаютъ преимущественно на сѣверо-востокѣ Сибири, а именно: чукчи (до 12—15 тысячъ), коряки (до 5.000), гиляки (до 5.000), камчадалы (до 3.000), чуванцы, которые едва ли не вымерли окончательно, юкагиры (до 500 человѣкъ) и алеуты (на Коммандорскихъ островахъ, около 600). Юкагиры бродятъ теперь по Колымѣ и ея притокамъ Ясачной и Коркодону и настолько обѣднѣли, что не имѣютъ оленей и передвигаются пѣшкомъ или на лодкахъ. Прежде это было огромное, воинственное племя, имѣло какія-то особыя школы для приготовленія молодыхъ людей къ военному дѣлу. Остатки чуванцевъ, если только сохранились, бродятъ по Ленѣ и верховьямъ Анадыра. Недавно еще изъ этихъ мѣстностей дошли слухи о гибели отъ голода цѣлыхъ юкагирскихъ семействъ. Камчадалы совершенно обрусѣли, утратили свою былую воинственность и занимаются рыболовствомъ и скотоводствомъ. Отличаясь замѣчательной чистотой въ домашней обстановкѣ, камчадалы по прежнему безпечны, легкомысленны, вялы и тупы. Они широко пользуются дикими камчатскими растеніями, какъ пищей и какъ лѣкарствомъ.

Коряки живутъ въ гижигинскихъ тундрахъ (кочевые, оленные) и по Камчаткѣ, по берегу Берингова моря (осѣдлые, рыболовы). Рослые, широкоплечіе, съ густыми, нависшими бровями, съ медленными, угловатыми движеніями, они имѣютъ очень суровый и непривѣтливый видъ. Юрта бродячаго коряка покрывается оленьими шкурами въ нѣсколько рядовъ. Осѣдлые коряки живутъ въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ досокъ и обложенныхъ дерномъ, куда проникаютъ черезъ дымовое отверстіе, лазая по доскѣ, на которой вырублены ступени. Лѣтомъ въ юрту попадаютъ черезъ дверь изъ длинныхъ сѣней, пристраиваемыхъ съ запада. На крышѣ юрты, куда взбираются также по доскѣ, ставятся жерди такимъ образомъ, что все это походитъ на воронку, обращенную кверху широкимъ концомъ. Тамъ, въ углубленіи, складывается собачья упряжь, оленьи шкуры, запасы рыбы и мяса. Внутренность юрты разбивается на нѣсколько пологовъ (3—5), какъ у тунгусовъ.

Дома коряки носятъ широкій мѣшокъ изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ, съ поясомъ и собачьимъ воротникомъ. Въ дорогу надѣвается еще кухлянка шерстью наружу. Женщины носятъ мѣховую рубашку съ пришитыми къ ней мѣховыми шароварами, а въ дорогу надѣваютъ короткую кухлянку шерстью внизъ съ „уповономъ", каймой изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ кожи. Корячки татуируютъ себѣ лицо, вплетаютъ въ косы разныя украшенія, любятъ серьги и браслеты изъ бусъ, бисера, мѣди и желѣза. Въ семьѣ корячка — безмолвная рабыня и постоянно завалена тяжелымъ трудомъ. Коряки — шаманисты и очень любятъ приносить въ жертву своихъ собакъ. Юрту коряка украшаетъ идолъ „Вычгинъ"— доска съ кружкомъ вмѣсто головы. Въ случаѣ пропажи или гибели оленей корякъ бьетъ идола палкой, а благоволеніе выражаетъ тѣмъ, что мажетъ его губы мозгомъ изъ лѣвой голени оленя. Осѣдлые коряки развиты, общительны и славятся, какъ кузнецы и рѣзчики изъ кости.

Наиболѣе многочисленнымъ и дикимъ изъ этой группы племенъ являются чукчи, живущіе на огромномъ пространствѣ между Колымой, Беринговымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ. Чукчи дѣлятся на кочевыхъ (оленныхъ) и сидячихъ (собачьихъ). Первые живутъ по Анадыру и его притокамъ (верховье и низовье), вторые — вдоль морского берега. Кочевые чукчи занимаются оленеводствомъ, единственно возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ, осѣдлые — ловлей морскихъ звѣрей, рыбы, добычей пушнины. Жилища кочевыхъ чукчей вполнѣ похожи на жилища кочевниковъ коряковъ: также покрыты оленьими шкурами, съ пологами внутри. Въ полога ставятся еще плошки съ нерпичьимъ жиромъ съ кускомъ мха вмѣсто свѣтильни, — такъ освѣщаются и нагрѣваются полога, въ нихъ дѣлается даже жарко, почему чукчи спятъ въ нихъ безъ всякой одежды, такъ какъ не имѣютъ понятія о бѣльѣ. Оленные чукчи, питающіеся исключительно оленьимъ мясомъ, употребляютъ, какъ лакомство, мясо бѣлаго медвѣдя, сырую китовую кожу, оленій желудокъ съ непереваренымъ еще мхомъ и замороженный оленій жиръ. Кровь убитаго оленя они сливаютъ въ кожаные мѣшки и складываютъ туда всѣ остатки — губы, уши, печень. Когда кровь прогоркнетъ, это блюдо употребляется въ пищу. Всѣ хрящи поѣдаются сырыми. Когда весной падаютъ оленьи телята, чукчи также ихъ поѣдаютъ. Кочевые чукчи въ плохіе дни питаются своими околѣвшими собаками, а въ хорошіе—рыбой, которую они ѣдятъ, лежа на животѣ кругомъ деревяннаго корыта, куда выплевываютъ кости. Нечего и говорить, что эта рыба варится безъ соли и берется изъ корыта руками. Чукчи знакомы съ чаемъ и сахаромъ, который они держатъ въ мѣшкѣ съ махоркой, висящей у нихъ на шеѣ. Водку они любятъ до такой степени, что бросаются и вылизываютъ ее, если случится пролить ее на полъ. Они цѣлуютъ того, кто пилъ водку, чтобы хотя сколько нибудь почувствовать ея запахъ. По вечерамъ, сидя вокругъ плошки съ горящимъ мхомъ, чукчи, спустивши съ плечъ свои одежды, отыскиваютъ въ нихъ насѣкомыхъ, которыхъ тутъ же и прикусываютъ зубами. Послѣ ужина они моютъ себѣ руки мочей изъ нерпичьяго пузыря, который постоянно находится въ юртѣ.

Ихъ обычная одежда состоитъ изъ мѣховыхъ шароваръ и длинной мѣховой рубахи. Волосы они стригутъ коротко, ходятъ обыкновенно съ обнаженной головой и только въ особенно сильные морозы надѣваютъ шапку съ ушами, которую они обычно носятъ спущенной на спину на завязкахъ. Женщины татуируютъ тѣло полосками, а мужчины носятъ въ ушахъ нитки бисера. Физическій типъ чукчей довольно привлекателенъ. Ростъ ихъ хорошъ, сложеніе крѣпкое, глаза каріе, волосы черные, лицо смуглое, съ румянцемъ. Растительность на лицѣ бываетъ рѣдко, и только у пожилыхъ иногда выростаютъ усы. Характеръ ихъ отличается неукротимостью и вспыльчивостью. Обычаи этихъ инородцевъ крайне грубы и жестоки. Если умираетъ мать грудного ребенка, то послѣдняго убиваютъ и сжигаютъ вмѣстѣ съ ней, такъ какъ не умѣютъ выкармливать дѣтей искусственно. Дряхлыхъ и безнадежно больныхъ прикалываютъ, по ихъ собственному желанію. Между

ними распространенъ обычай самоубійства, что происходитъ послѣ различныхъ приготовленій, публично и сопровождается пиромъ. Допускается многоженство, но только до 5 женъ, которыхъ нужно брать одну за другой. Друзья обмѣниваются женами на время или навсегда, а почетнымъ гостямъ хозяева обыкновенно предлагаютъ на время своихъ женъ. Существуетъ обычай кровавой мести, причемъ иногда вырѣзываются цѣлыя семьи. Чукчи вѣрятъ въ Кытъ-Очана, „хозяина мѣста“, которому приносятъ жертвы всегда внѣ юрты. Чукотскіе шаманы играютъ ту же роль, какъ у другихъ инородцевъ: лѣчатъ больныхъ и розыскиваютъ потерявшіяся вещи. У однихъ только чукчей замѣчается любопытное явленіе: нѣкоторые шаманы вдругъ объявляютъ себя женщинами, надѣваютъ женское платье, исправляютъ всѣ женскія обязанности, даже выходятъ замужъ. Въ свою очередь шаманки иногда объявляютъ себя мужчинами. Христіанство къ нимъ совсѣмъ не прививается. Хотя очень гостепріимные, чукчи ни въ чемъ не обнаруживаютъ никакихъ дружескихъ чувствъ къ постороннимъ. Собачьи чукчи, особенно кочевые, ведутъ теперь дѣятельную торговлю съ американцами, пріобрѣтая отъ нихъ водку и разныя вещи, особенно ружья, которыя они сбываютъ оленнымъ, получая отъ нихъ въ обмѣнъ оленей. Вообще американское вліяніе теперь сильно распространяется среди чукчей, такъ что нѣкоторые изъ нихъ даже говорятъ по англійски. Что касается отношенія къ русской власти, то въ дѣйствительности чукчи почти совершенно независимы, такъ что именуются „несовершеннонодданными“. Ясакъ они вносятъ лишь добровольно, да и то лишь въ томъ случаѣ, если получаютъ прибыль отъ своихъ промысловъ, и непремѣнно требуютъ отдарковъ, такъ какъ смотрятъ на ясакъ, какъ на подарки русскому государю. Едва ли чукчи не вымираютъ, такъ какъ среди нихъ довольно часто свирѣпствуетъ оспа, „великая болѣзнь“, и инфлюэнца, заносимая русскими, къ которой чукчи очень чувствительны и воспріимчивы.

На берегу Берингова моря въ 9 селеніяхъ живутъ три рода азіатскихъ эскимосовъ (около 1.300 человѣкъ), которыхъ часто смѣшиваютъ съ чукчами. Они занимаются охотой на морскихъ звѣрей и рыболовствомъ.

Въ низовьяхъ Амура, по Охотскому побережью и на Сахалинѣ живутъ гиляки, очень похожіе на тунгусовъ по внѣшности, но съ менѣе выраженными монгольскими чертами. Они отличаются пылкимъ характеромъ, при первомъ знакомствѣ недовѣрчивы и сдержанны, но въ дѣйствительности общительны. Гиляки честны и гостепріимны, даровиты, любознательны и искусны въ различныхъ работахъ. Занятія ихъ — рыболовство и звѣроловство, главная ихъ пища — рыба кэта и горбуша, единственное домашнее животное—собака. Ихъ жилище углублено въ землю аршина на $1^1/_2$, но въ срединѣ этой ямы оставляется высокая платформа, и подъ этой выкопанной въ землѣ нижней частью жилища выводится деревянная надстройка. Культъ медвѣдя, существующій и у другихъ инородцевъ вообще, гиляки сохранили наиболѣе полнымъ образомъ. Пойманный медвѣдь у нихъ долго содержится въ неволѣ, пользуется особымъ почетомъ и потомъ убивается при совершеніи процессіи всего населенія поселка и сосѣдей.

П. Головачевъ.

Населеніе русскаго Туркестана.

Три четверти Туркестана: западныя, сѣверныя и центральныя части—глинисто-солончаковыя и лессовыя площади или песчаныя, безводныя, безжизненныя пустыни. Четвертая часть, именно южныя и восточныя пограничныя пространства, заполнены горами и возвышенными плоскогоріями. Благодаря такому изобилію глинистыхъ степей и песчаныхъ пространствъ, лишь весною покрывающихся травянистымъ, преимущественно ковыльнымъ ковромъ, ихъ немногочисленное населеніе принуждено заниматься исключительно скотоводствомъ и вести кочевой образъ жизни. Зато вся осѣдлая жизнь сосредоточилась въ рѣчныхъ долинахъ возвышенной части страны, гдѣ лессовая почва, обиліе влаги, благодаря искусственному орошенію, способствовали необыкновенному развитію земледѣлія и осѣдлой жизни населенія.

Климатъ Туркестана нужно назвать рѣзко выраженнымъ континентальнымъ. Немногочисленныя и мелководныя рѣки Туркестана отличаются той особенностью, что впадаютъ въ замкнутые водоемы. Начинаясь съ пограничныхъ горъ на югѣ и юго-востокѣ, разливаясь въ самое жаркое время года вслѣдствіе таянія снѣговъ и ледниковъ на горахъ, туркестанскія рѣки теряются въ пескахъ, бѣднѣя водою благодаря громадному испаренію и отводу воды оросительными каналами, которые играютъ важнѣйшую роль въ жизни осѣдлаго населенія Туркестана, и на которые еще въ глубокой древности было обращено исключительное вниманіе.

По даннымъ всеобщей переписи 1897 г., населеніе Туркестана опредѣлялось цифрою 8.282.493 человѣка, причемъ на 5 областей приходилось 5.260.406, на Хивинское ханство 500.000 (+3.051 русскихъ) и на Бухарское 2.500.000 (+12.150 русскихъ). Принявъ во вниманіе усилившуюся русскую колонизацію Туркестана, можно думать, что его населеніе въ настоящее время доходитъ до 10 милліоновъ человѣкъ.

Едва ли можно найти другое мѣсто на земномъ шарѣ, какъ Туркестанъ, черезъ которое бы прошло такъ много различныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое оставляло свой слѣдъ, вслѣдствіе чего въ концѣ концовъ и составилась удивительная этнографическая амальгама, въ которой слились всевозможныя народности. Насколько можетъ прослѣдить исторія, въ Туркестанѣ осѣдали индо-европейскіе, семитическіе и монгольскіе народы. Скиѳы, саки, массагеты, пареяне, алланы, персы, греки, арабы, евреи, уйгуры, китанѣ, китайцы, огузы, ногайцы, монголы и многіе другіе—всѣ они проходили по обширнымъ равнинамъ Туркестана и оставили тамъ свои болѣе или менѣе замѣтные слѣды, всѣ въ различной мѣрѣ принимали участіе въ этнографическомъ сформированіи современнаго населенія Туркестана.

Къ осѣдлому населенію Туркестана принадлежатъ слѣдующіе народы: сарты, таджики, гальчи, осѣдлые узбеки, таранчи, дунгане, евреи, цыгане, а также русскіе и въ неболь-

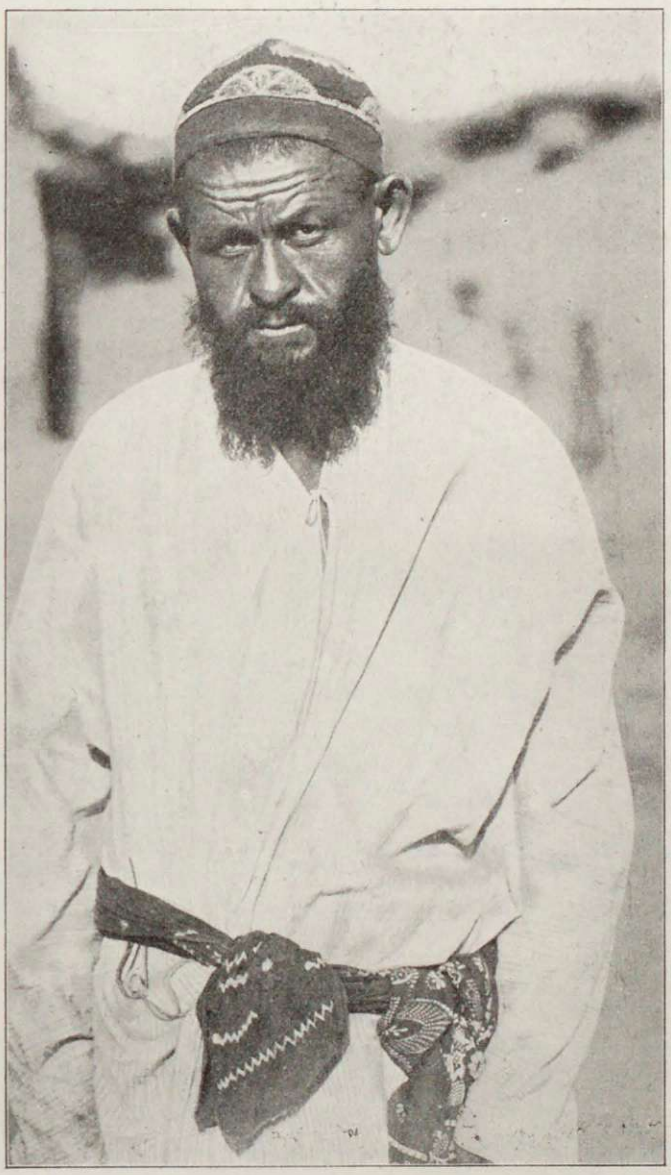

Сартъ въ чалмѣ (Сыръ-Дарьинская область).

шомъ количествѣ персіяне, индусы, арабы, авганцы. Къ кочевымъ народамъ Туркестана относятся: киргизы, кочевые узбеки, туркмены, каракалпаки, калмыки и кипчаки.

I. Осѣдлое населеніе Туркестана.

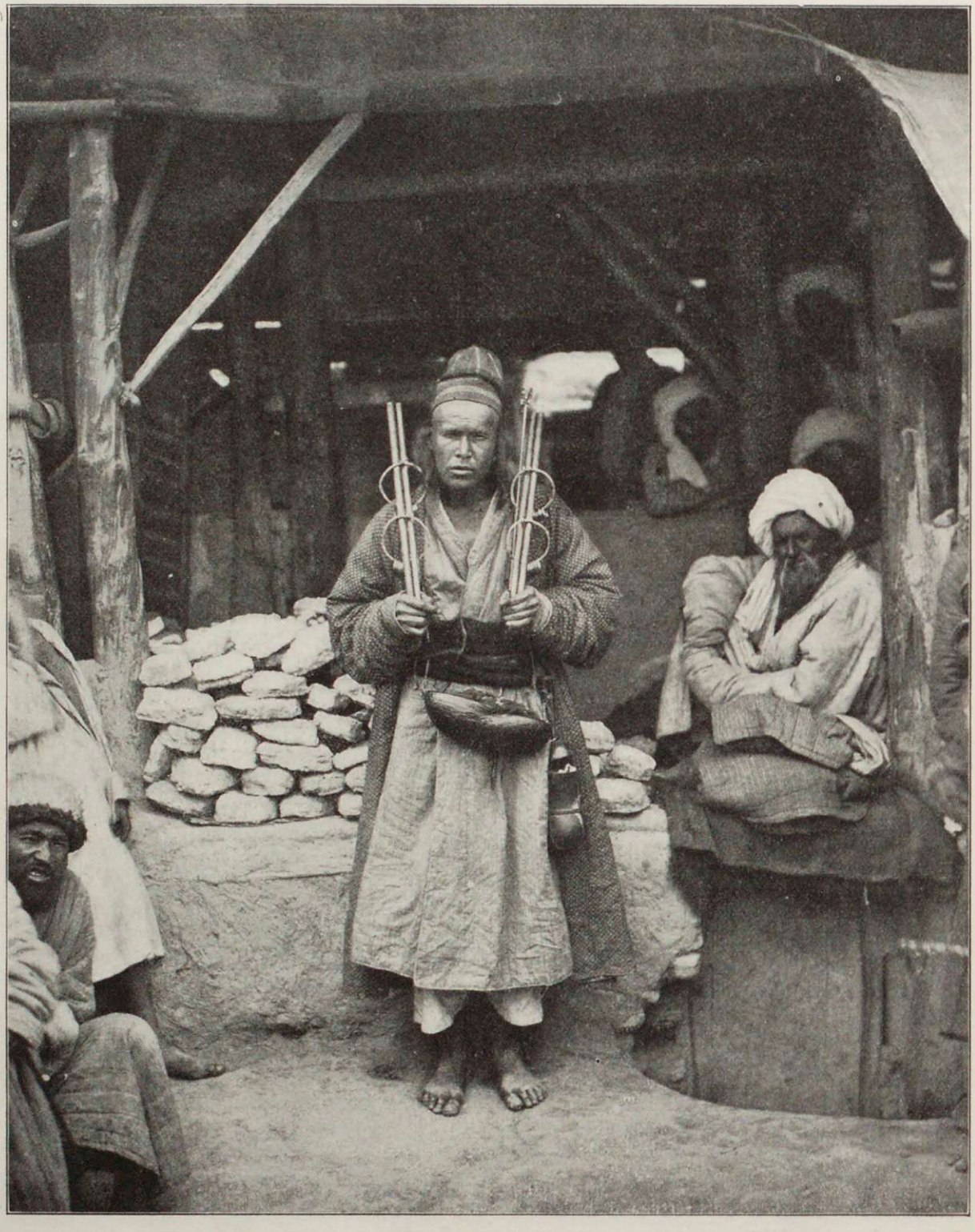
Сарты составляютъ почти 24% всего населенія Туркестана и живутъ преимущественно въ западной Ферганѣ, затѣмъ въ Семирѣченской и отчасти въ Сыръ-Дарьинской областяхъ (въ послѣдней до 200.000). Слово „сартъ“ въ Туркестанѣ не имѣетъ достаточной устойчивости и опредѣленности: подъ нимъ разумѣется вообще осѣдлое населеніе городовъ, кишлаковъ (селеній въ 100—200 дворовъ) и деревень, такъ что сартами называются и таджики, и осѣдлые узбеки; далѣе киргизы, поселившіеся въ городахъ, и сарты въ тѣсномъ, опредѣленномъ этнографическомъ смыслѣ этого слова. По своему типу сарты отличаются какъ отъ монгольскихъ узбековъ, такъ и отъ таджиковъ, представляющихъ собою типъ индо-европейскій. Въ общемъ сарты представляютъ собою смѣсь первобытнаго населенія страны съ индогерманскими элементами и съ позднѣйшими наслоеніями въ теченіе послѣднихъ 2.000 лѣтъ. Смѣшанное населеніе представляетъ собою характерную черту туркестанскихъ городовъ, и объясняется тѣмъ, что города являлись единственными мѣстами спасенія мирнаго населенія отъ грабителей-кочевниковъ. Свой языкъ, „сартъ-тили“, сарты взяли отъ тюркскихъ узбековъ господствовавшихъ въ Туркестанѣ въ теченіе послѣднихъ 200 лѣтъ. Языкъ этотъ представляетъ свои особенности, отличающія его отъ киргизскаго, узбекскаго, татарскаго и турецкаго и является столь же смѣшаннымъ, какъ и сами сарты въ этнографическомъ смыслѣ.

Таджикъ (Сыръ-Дарьинская область).

Физическій типъ сартовъ представляетъ слѣдующія болѣе опредѣленныя черты: ростъ ихъ средній и даже выше средняго, они хорошо сложены, лицо овальное съ довольно пріятными чертами, скулы выдаются мало, темные, большіе, выразительные глаза черные волосы, густая растительность на лицѣ. Сартянки имѣютъ ростъ средній и нижесредняго. Цвѣтъ кожи обыкновенно смуглый, и бѣлизна, какъ исключеніе, цѣнится очень высоко. Замѣчательно, что въ женскихъ лицахъ преобладаетъ выраженіе энергіи, въ то время какъ на лицахъ мужчинъ ясно написана апатія и вялость. Волосы сартянокъ не-

обыкновенно густы и длинны, но зато и очень жестки. Плотное сложеніе, свойственное

Дервишъ на базарѣ.

обоимъ поламъ, нерѣдко переходитъ въ тучность, такъ что среди зажиточныхъ сартовъ нерѣдко можно встрѣтить особъ въ 6—8 пудовъ вѣса, съ чѣмъ такъ гармонируютъ плав-

ныя, медленныя движенія, свойственныя вообще сартамъ по требованію ихъ хорошаго тона. Смѣшеніе различныхъ племенъ, образовавшихъ сартскую народность, а также ихъ долголѣтнее угнетеніе монголами-узбеками, какъ господствующимъ племенемъ, наложили неизгладимыя черты на характеръ сартовъ и придали имъ рѣзко выраженныя опредѣленныя черты. Сартъ въ общемъ покоренъ, трусливъ, льстивъ, скрытенъ и раболѣпенъ, недовѣрчивъ, лживъ, коваренъ, мстителенъ, хвастливъ, жестокъ и позволяетъ себѣ все, когда разсчитываетъ на безнаказанность. Любовь къ своимъ дѣтямъ и почтительность къ старшимъ являются отличительными чертами сартовъ въ домашней обстановкѣ. Сарты обладаютъ хорошими умственными способностями и болѣе другихъ среднеазіатскихъ народностей склонны къ торговой дѣятельности. У сартовъ нѣтъ опредѣленныхъ сословій,

Базаръ.

но по спеціальнымъ занятіямъ они раздѣляются на 3 класса: 1) представители мусульманской науки и шаріата, 2) торговцы, 3) ремесленники и земледѣльцы.

Господствующая религія—мусульманство суннитскаго толка—наложило отличительную печать на качество и характеръ того образованія, которое получаютъ сколько-нибудь зажиточные сарты. Съ 7—8 лѣтъ мальчика отдаютъ въ мектебэ—первоначальную школу при мечети. Когда отецъ въ первый разъ приводитъ въ школу своего сына, онъ приноситъ въ даръ учителю блюдо пилава и палку и говоритъ: „Поручаю вамъ нашего ребенка. Учите его и бейте. Если и убьете, то мы не будемъ имѣть претензіи. Мясо—ваше, а кости—наши“.

За ознакомленіемъ съ системой корана слѣдуетъ изученіе книги съ правилами омовеній, молитвъ, постовъ и т. п. Нѣкоторые изъ учениковъ мектебэ, по окончаніи въ нихъ курса, идутъ въ медрессэ, высшія школы, существующія въ городахъ и большихъ кишлакахъ. Медрессэ, созидаемыя благочестивыми людьми, имѣютъ свою земельную собствен-

*

ность (вакуфы), на доходъ съ которой и содержатся. Кромѣ болѣе обстоятельнаго изученія корана, въ медрессэ преподается ариѳметика, не доходящая, впрочемъ, до дробей, и медицина—рядъ рецептовъ лекарствъ отъ разныхъ болѣзней. Въ медрессэ получаютъ свое образованіе всѣ представители мусульманской интеллигенціи: имамы (настоятели мечетей), кадіи (судьи), муддирисы и преподаватели въ мектебэ, муллы (учителя въ мектебэ). Тамъ же знакомятся съ мусульманской религіей и ишаны—духовные наставники особаго типа. Они являются руководителями своихъ учениковъ—мюридовъ въ дѣлѣ исканія истины для сліянія съ Богомъ. Члены этого ордена отличаются особой одеждой и занимаются проповѣдничествомъ на базарахъ и улицахъ. Кромѣ того, публичной проповѣдью занимаются и маддахи, родъ дервишей, уличные проповѣдники—муллы, въ оборванной и грязной

Улица у медрессэ Ширъ-Даръ въ базарный день.

одеждѣ, съ засученными рукавами, нервно жестикулирующіе. Въ своихъ проповѣдяхъ они касаются и вопросовъ современной жизни и потому имѣютъ большое вліяніе на слушателей.

Каждый туркестанскій городъ, а также и большой кишлакъ (съ базаромъ) окруженъ широкой каймой фруктовыхъ садовъ, а внутренняя его часть—лабиринтъ узенькихъ, переплетающихся улицъ, обставленныхъ низкими, глинобитными, одноэтажными строеніями безъ оконъ, съ низенькими и узкими входными дверьми. Центромъ города и обширнаго кишлака является базаръ, расположенный или на площади, или имѣющій видъ лабиринта узенькихъ переулковъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ идутъ сплоченныя низенькія строенія съ галлереей впереди, раздѣленныя стѣнами. Это—лавки, наполненныя товаромъ, среди котораго сидитъ торговецъ. Передняя сторона лавки открыта, и покупатель усажи-

вается на полу на войлокѣ, разсматривая товаръ, предлагаемый ему торговцемъ. Улицы базаровъ обыкновенно покрываются жердями, на которыя стелется камышъ или земля. Благодаря этому торговцы и покупатели не страдаютъ отъ жгучихъ лучей туркестанскаго солнца, но зато принуждены дышать спертымъ, плохо освѣжаемымъ воздухомъ. Базаръ составляетъ притягательный центръ для сартовъ: тамъ сосредоточены всѣ прелести сартовской культурной жизни: чайныя лавочки („чай-ханэ"), харчевни („ашъ-ханэ"), гдѣ можно получить порцію пельменей, плова, шашлыка и пр., цирюльни, гдѣ, по предписанію религіи, каждый правовѣрный долженъ время отъ времени брить себѣ голову.

Каждая сартовская семья живетъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, не сообщающемся съ другими. Всѣ сартовскія жилища строятся по одному типу, и дома богатыхъ отличаются отъ жилищъ бѣдняковъ только своими размѣрами и внутренней обстановкой. Лѣтомъ зажиточные сарты часто переселяются въ свои пригородные сады. Крыши строеній плоскія, съ легкимъ наклономъ въ ту или другую сторону. У бѣдныхъ обѣ половины—мужская и женская — отдѣляются лишь циновкой. Полъ глинобитный, застилаемый кошмами, а у богатыхъ коврами. Въ стѣнахъ (выбѣленныхъ) устроены ниши, куда складывается скарбъ и постельныя принадлежности—войлоки, подушки и одѣяла, ставятся котлы и кувшины для нагрѣванія воды. Въ холодное время комнаты отопляются каминами или жаровнями, помѣщающимися въ углубленіи на срединѣ комнаты. Надъ жаровней ставится табуретъ и покрывается сверху широкимъ одѣяломъ, а кругомъ этого источника тепла, засунувъ ноги подъ одѣяло, располагаются обитатели сартовскаго дома, и такъ ѣдятъ, работаютъ, а на ночь располагаются и спать. Освѣщаются сартовскіе дома свѣтильниками съ льнянымъ или кунжутнымъ масломъ. Кромѣ маленькаго низенькаго столика, въ сартовскихъ домахъ нѣтъ никакой мебели. Если домъ настолько великъ, и хозяинъ настолько зажиточенъ, что приходится имѣть мужскую прислугу, то они помѣщаются въ особой кухнѣ на наружномъ дворѣ.

Одежда сартовъ отличается простотой и просторностью. Она состоитъ изъ штановъ, сшитыхъ изъ бумажной ткани (бязь, мата); сверху штановъ (что очень важно по мѣстнымъ климатическимъ условіямъ) надѣвается длинная рубаха изъ такой же ткани, какъ и штаны. Сверху надѣвается халатъ изъ очень различныхъ тканей, начиная съ очень дорогой кашмирской (до 300 р.), парчи, бархата до суконъ и бумажныхъ тканей. Нижній халатъ, приготовляемый изъ болѣе дешевой ткани даже у богатыхъ, опоясывается широкимъ и длиннымъ поясомъ, складки котораго у сарта замѣняютъ карманы. Въ случаѣ холода нѣсколько халатовъ надѣваются одинъ на другой, такъ что вопросъ: „Сколько сегодня халатовъ?" соотвѣтствуетъ нашему вопросу: „Сколько сегодня градусовъ?".

На бритой головѣ каждый сартъ носитъ тюбетейку, низенькую конической формы шапочку, сдѣланную изъ какой-нибудь матеріи, иногда вышитую серебромъ и золотомъ. Но для появленія въ обществѣ каждый уважающій себя сартъ непремѣнно долженъ имѣть чалму. Дома въ лѣтнее время сарты ходятъ лишь въ штанахъ, рубахѣ и тюбетейкѣ, которую они не снимаютъ даже и на ночь. Сельскіе рабочіе на поляхъ лѣтомъ имѣютъ на себѣ лишь штаны и тюбетейку. Масса паразитовъ составляютъ истинное бѣдствіе сартовскихъ домовъ, дворовъ и садовъ; тараканы, клопы и блохи, змѣи, скорпіоны и фаланги безпокоятъ обитателей сартовскихъ домовъ; туземцы не обращаютъ на нихъ никакого вниманія, т. к. эти змѣи не жалятъ. Болѣе опасны скорпіоны и фаланги.

Одежда сартянокъ ничемъ не отличается отъ мужской: тѣ же рубахи, штаны, пояса, халаты. Волосы сартянка заплетаетъ въ нѣсколько косъ и привѣшиваетъ къ нимъ украшенія въ видѣ шелковыхъ кистей, серебряныхъ бляхъ, монетъ. Строгій обычай требуетъ, чтобы голова сартянки была покрыта платкомъ, обыкновенно бѣлымъ, который онѣ носятъ особымъ образомъ, распуская концы сзади. Сартянки очень любятъ носить длинные ожерелья изъ коралловъ и серебряныхъ бляхъ, которыя не снимаютъ и на ночь, какъ и

Костюмъ бухарскаго чиновника.

штаны. Румяна, бѣлила, черненіе зубовъ и духи также въ большой модѣ среди сартянокъ. Когда сартянка выходитъ изъ дома, она съ головой закутывается въ паранджу—особый халатъ съ очень длинными рукавами, закидываемыми на спину и сшитыми внизу, въ мѣстѣ соединенія. Для сокрытія лица подъ халатъ она надѣваетъ сѣтку изъ чернаго конскаго волоса („гимматъ"). Закутанныя въ паранджи, съ сѣтками на лицѣ, сартянки появляются на улицахъ въ видѣ безмолвныхъ автоматовъ, двигаются мелкими, ровными, быстрыми шагами.

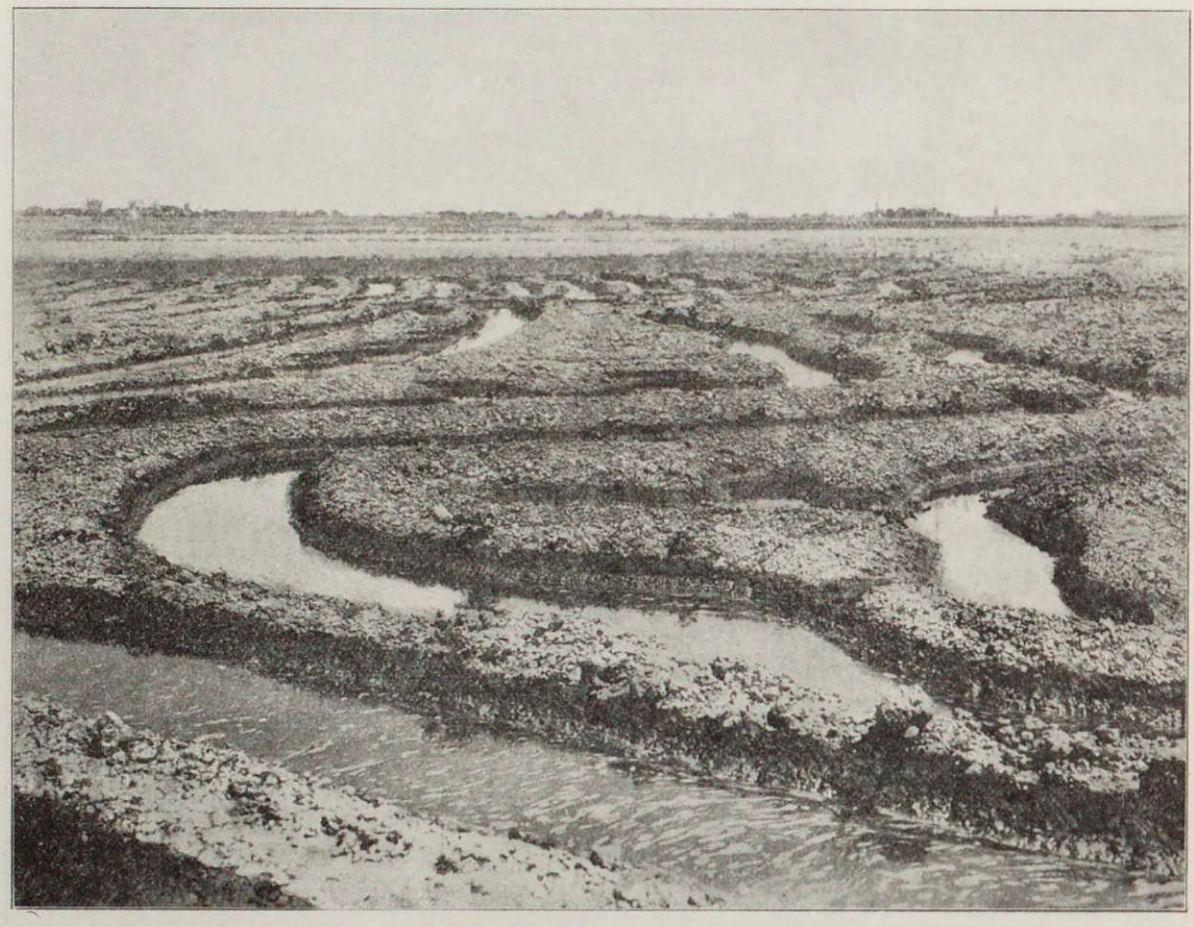
Въ лѣтнее время сельскіе рабочіе питаются почти исключительно дынями и хлѣ-

Гадальщикъ у мечети Ширъ-Даръ.

бомъ. По утрамъ горожане пьютъ чай съ хлѣбомъ или настой изъ разныхъ травъ, а въ кишлакахъ ѣдятъ жиденькую кашицу. Сартовская кухня имѣетъ нѣсколько своеобразныхъ, любимыхъ и почетныхъ блюдъ, предлагаемыхъ гостямъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ палау (пилавъ), шурба—супъ изъ баранины или другого мяса съ перцемъ, лукомъ, морковью, рѣпой или другими овощами, кульчатка—похлебка изъ мелко искрошеннаго мяса и тѣста. Въ харчевняхъ на базарахъ всегда предлагаются пельмени, сваренные на пару. Употребленіе сыра и масла имъ неизвѣстно; все приготовляется на бараньемъ салѣ. Куры употребляются въ пищу въ большомъ количествѣ, онѣ въ Туркестанѣ очень дешевы. Пьютъ чай (зеленый) на водѣ и ширъ-чай—съ молокомъ, масломъ, солью и перцемъ. Изъ проса приготовляется буза—родъ пива или браги.

Сартовская семья представляетъ собою мало симпатичное и мало поучительное зрѣлище. Во внѣшнихъ отношеніяхъ мужа и жены замѣчается очень мало интимности, случаи прочной нравственой связи между супругами крайне рѣдки. Всѣ родственныя связи у сартовъ вообще очень слабы. Дѣти мало любятъ своихъ родителей и плохо слушаются ихъ, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ. Такое печальное состояніе сартовской семьи является результатомъ того положенія, которое занимаетъ въ сартовскомъ обществѣ женщина. По своему характеру сартянки вообще гораздо привлекательнѣе сартовъ. Въ общемъ онѣ очень веселаго нрава, любятъ пѣть, быстры въ движеніяхъ, но отсутствіе воспитанія и образованія и слишкомъ узкая и тѣсная сфера дѣятельности, предоставленная

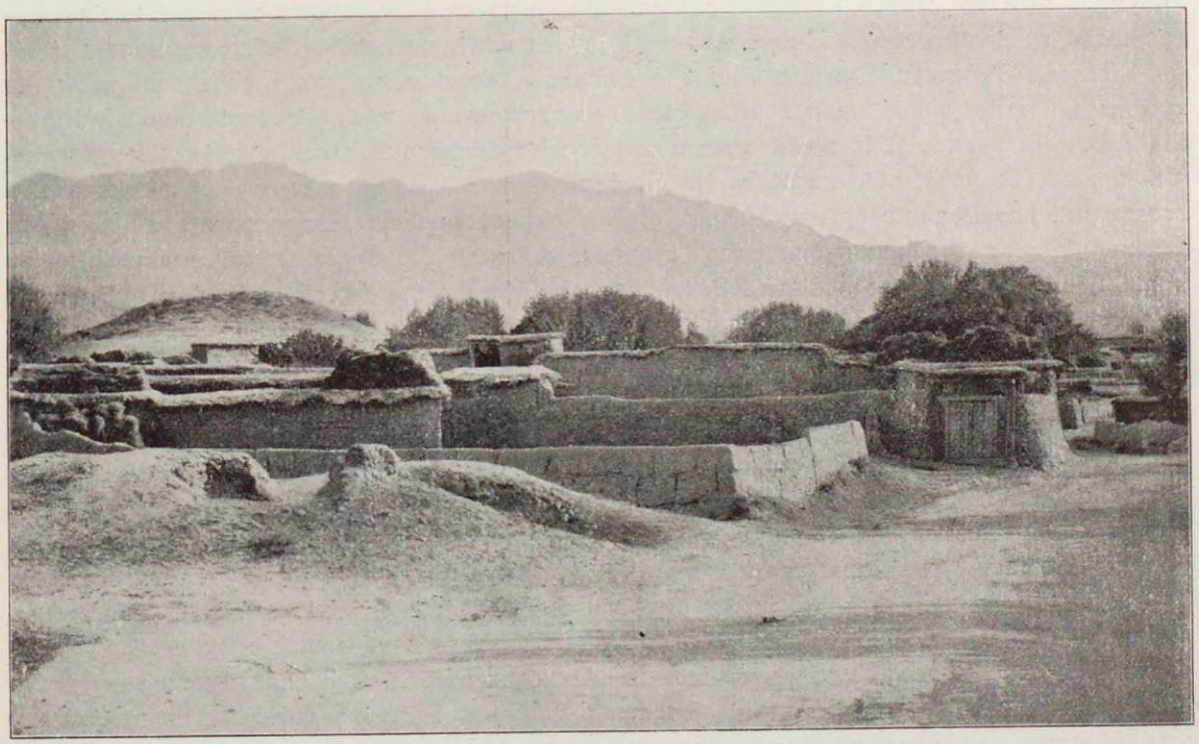
Арыки.

имъ, способствовала развитію въ ихъ характерѣ многихъ несимпатичныхъ чертъ. Онѣ грубы и невоспитаны, всѣ вещи называются ихъ собственными именами, нисколько не стѣсняясь.

Любимое ихъ занятіе—ходить въ гости или принимать у себя гостей. Когда одна сартянка хочетъ познакомится съ другой, то предварительно посылаетъ ей подарокъ и немедленно является съ дѣтьми и домочадцами. Если со стороны хозяйки послѣдуетъ отдарокъ равной цѣнности, то это считается знакомъ, что знакомство желательно. Умственныя способности сартянокъ совершенно не затронуты. Грамотныя среди нихъ очень рѣдки. Вмѣсто писемъ онѣ посылаютъ своимъ отсутствующимъ мужьямъ кусочекъ угля и пучекъ соломы, что должно означать: отъ тоски я почернѣла и пожелтѣла". Особенно неразвиты кишлачныя сартянки: рѣдкія изъ нихъ умѣютъ считать до 100, онѣ не знаютъ счета денегъ, мѣръ и вѣса, числа мѣсяцевъ. 13—15 лѣтъ, иногда 11 и даже 10 сартян-

ку выдаютъ замужъ, не спрашивая ея согласія, причемъ родители берутъ калымъ—возмѣщеніе расходовъ на свадьбу (до 80 р.) и „мэхръ"—закрѣпленіе за молодой какой либо недвижимости для ея обезпеченія (отъ 100 до 150 р.) въ случаѣ развода. Хозяйкой сартовскаго дома считается лишь старшая жена, если таковая имѣется, потому что лишь богатые сарты позволяютъ себѣ роскошь обладать нѣсколькими женами, и въ этомъ случаѣ сартовскій домъ становится ареной постоянныхъ ссоръ и перебранокъ.

Дѣти рано предоставляются самимъ себѣ. При нихъ, не стѣсняясь, говорятъ все, что только приходитъ въ голову, и нисколько не опасаются за ихъ нравственность. До 10 лѣтъ дѣвочки бѣгаютъ и играютъ вмѣстѣ мальчиками, одѣтыя одинаково. Когда мальчику наступаетъ 8—10 лѣтъ, его подвергаютъ обряду обрѣзанія и даютъ ему чалму, что сопровождается праздникомъ для родныхъ и знакомыхъ. Въ видахъ сокращенія расходовъ, часто нѣсколько отцовъ соединяются вмѣстѣ и на общій счетъ справляютъ этотъ праздник.

Кишлакъ.

При встрѣчѣ съ лицомъ высокаго общественнаго положенія сартъ сходитъ съ лошади, скрещиваетъ руки на поясѣ и наклоняетъ корпусъ внизъ, какъ будто у него болитъ животъ. Знакомые привѣтствуютъ другъ друга, пожимая правыя руки, а лѣвыя прижимая къ тыльной сторонѣ правыхъ. Для выраженія особенной дружбы лѣвую руку собесѣдники прижимаютъ къ груди. Послѣ рукопожатія обѣими руками берутся за бороду и гладятъ ее сверху внизъ; это соотвѣтствуетъ поклону. Даже мальчики и дѣвочки такъ выражаютъ свой привѣтъ и благодарность, гладя свои воображаемыя бороды. Среднеазіатское приличіе требуетъ, чтобы гости во время угощенія и послѣ того рыгали насколько возможно чаще и сильнѣе, чтобы засвидѣтельствовать этимъ свое полное удовлетвореніе и удовольствіе.

Такъ какъ у большинства сартовъ очень много свободнаго времени, то всѣ они большіе любители развлеченій, какъ-то: байги, соколиной охоты, музыки, пѣнія и танцевъ. Байги (состязанія въ быстротѣ на лошадяхъ) перешли къ сартамъ отъ монгольскихъ

номадовъ. Самый важный сартовскій инструментъ—тамбуринъ (чильманди). Всѣ сарты любятъ его и играютъ на немъ.

Смотрѣть на танцы наемныхъ танцоровъ—одно изъ любимыхъ удовольствій сарта, но самъ онъ никогда не принимаетъ въ нихъ участія. Такъ какъ магометанская религія запрещаетъ женщинамъ показыватся съ открытымъ лицомъ передъ мужчинами, а тѣмъ болѣе танцовать передъ ними, то въ Туркестанѣ роль женщинъ замѣняютъ бачи—мальчики, которыхъ набираютъ особые импрессаріо, учатъ ихъ танцамъ, одѣваютъ въ женское платье, обращаются съ ними, какъ гувернантки, и по приглашенію за плату являются съ ними на танцы въ богатые дома или чай-ханэ. Бачей можно сравнить съ нашими балетными танцовщицами, и нѣкоторые изъ нихъ зарабатываютъ много денегъ. Танцы происходятъ подъ звуки бубна и состоятъ изъ круженья на мѣстѣ, прыжковъ, разныхъ salto mortale. Для европейца эти танцы представляются глупыми и неизящными, но сарты любуются ими, не уставая. Къ числу сартовскихъ развлеченій относятся также комедіанты—клоуны и кукольный театръ, изображающій сцены изъ домашней и общественной жизни.

Вода въ Туркестанѣ имѣетъ бо̀льшую цѣнность, чѣмъ земля, такъ какъ безъ воды, искусственно проведенной на поля и въ сады посредствомъ канавъ, кирязовъ, земля не имѣетъ никакого значенія. Каждый отдѣльный родъ туземнаго населенія имѣетъ свой главный арыкъ (каналъ), отъ котораго второстепенные арыки проведены къ кишлакамъ и поселкамъ. Пользованіе арычной водой строго опредѣлено существующими правилами, за исполненіемъ которыхъ наблюдаютъ арыкъ-аксакалы, назначаемые администраціей, и мирабы, выбираемые населеніемъ. Водой кирязной (изъ маленькихъ рѣчекъ и родниковъ) безъ ограниченія пользуются тѣ, кто провелъ кирязы. Изъ хлѣбныхъ злаковъ нужно отмѣтить; пшеницу, просо, джугару (сорго, дурра). Между масляничными растеніями особенное значеніе имѣетъ кунжутъ, изъ котораго приготовляется масло; жмыхи идутъ на кормъ скоту, а стебли на отопленіе. Изъ конопли приготовляется масло, дѣлаются веревки и добывается гашишъ (наша)—одуряющее вещество, употребляемое съ табакомъ для куренія. Изъ головокъ мака приготовляется наркотическій напитокъ—кокнаръ, который замѣняетъ для сартовъ запрещенные кораномъ крѣпкіе напитки. Разведеніе хлопка является теперь однимъ изъ важныхъ занятій осѣдлаго населенія Туркестана и, можно сказать, конкуррируетъ съ земледѣліемъ. Извлеченіе хлопка изъ коробокъ—исключительно занятіе сартянокъ. Все осѣдлое населеніе края въ широкихъ размѣрахъ занимается огородничествомъ и бахчеводствомъ. Особенно много разводится дынь; за ними слѣдуютъ арбузы, изъ сока которыхъ посредствомъ выпариванія получается особая патока, въ лѣтнее время смѣшиваемая со снѣгомъ и сахаромъ и продаваемая на базарахъ, какъ прохладительное. Садоводство также является важнымъ занятіемъ сартовъ, какъ и вообще всего осѣдлаго населенія Туркестана. Изъ всѣхъ плодовыхъ растеній особенную важность для сартовъ и осѣдлыхъ туркестанцевъ представляетъ виноградъ (до 30 различныхъ сортовъ). Большая часть винограда потребляется туземцами въ сыромъ видѣ, а другая идетъ на кишмишъ и изюмъ. Одной изъ древнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства въ Туркестанѣ является шелководство.

Скотоводство у сартовъ и вообще у осѣдлаго населенія края стоитъ на второмъ мѣстѣ. На ручныхъ станкахъ сарты выдѣлываютъ разныя хлопчатобумажныя ткани. Изъ шелка приготовляются матеріи: канаусъ, атласъ, штофъ, парча и разныя полушелковыя ткани. Кустарнымъ способомъ приготовляются кожевенныя издѣлія, деревянныя, гончарныя и керамическія, метллическія (изъ мѣди—чеканныя блюда, чайники, кувшины, трубки), изъ серебра—женскія украшенія, часто отдѣланныя бирюзой, и бляхи для сбруи и сѣделъ. Заведенія, гдѣ приготовляются всѣ перечисленные предметы, отличаются первобытнымъ устройствомъ, ничтожной производительностью, а сами предметы—крайней дешевизной.

Центральный Туркестанъ—область Ферганская, Самаркандская и Сыръ-Дарьинская—

отличается чрезвычайнымъ развитіемъ мелкой внутренней торговли. Сарты—прирожденные торговцы, такъ что въ Ферганской и Самаркандской областяхъ на каждые 25 человѣкъ взрослаго мужского населенія приходится по одному торговцу. Развитію такой торговли способствуетъ цѣлый рядъ обстоятельствъ: товаръ отпускается въ кредитъ подъ условіемъ погашенія долга по базарнымъ днямъ и мелкими суммами—отъ 20 к. до 1 р., отсутствіе необходимости имѣть дорого стоющія крытыя помѣщенія, близость базаровъ въ густомъ населеніи, позволяющая въ теченіе недѣли перебираться съ вьюками товара съ одного базара на другой.

Въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ распространено преимущественно мелкое земле-

Арба.

владѣніе (обыкновенно въ 5 дес., рѣдко въ 7—10). $^{9}/_{10}$ всѣхъ орошенныхъ земель составляютъ мелкіе участки. Вслѣдствіе того, что обѣднѣвшіе владѣльцы мелкихъ участковъ продаютъ ихъ состоятельнымъ людямъ, въ краѣ существуетъ и крупное землевладѣніе, но въ количествѣ незначительномъ.

До 25% общаго населенія края составляютъ у з б е к и, тюрки, нѣкогда покорившіе таджиковъ, но отчасти смѣшавшіеся съ ними и заимствовавшіе отъ нихъ культуру и религію. Узбеки живутъ въ Бухарскомъ и Хивинскомъ ханствахъ, гдѣ являются господствующей народностью и правящимъ классомъ, въ области Самаркандской, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ферганской (въ долинѣ Заревшана) и въ Сыръ-Дарьинской. Обыкновенный ростъ узбековъ выше средняго, лицо длинное, скулы очень мало выдаются, черноволосые,

иногда рыжіе, съ рѣдкой растительностью на бородѣ. Они говорятъ на тюркскомъ языкѣ, т. н. джагатайскомъ нарѣчіи, но отъ таджиковъ восприняли много персидскихъ словъ, а вслѣдствіе принятія ислама—много словъ арабскихъ, такъ что въ ихъ языкѣ—наполовину персидскія и арабскія слова. Огромное большинство узбековъ осѣдлые, занимаются земледѣліемъ и садоводствомъ и по образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ сартовъ. Нѣкоторые узбеки остаются полуосѣдлыми: зиму проводятъ въ кишлакахъ, а лѣто въ степи и преимущественно занимаются скотоводствомъ.

Таджики (до 10% населенія всего края) еще въ доисторическія времена вышли изъ Ирана и заняли равнины Туркестана, но потомъ были оттѣснены узбеками въ гористую часть страны. Теперь они живутъ въ областяхъ Ферганской, Самаркандской, въ восточной Бухарѣ и въ Ташкентскомъ уѣздѣ. По своему внѣшнему виду таджики—наиболѣе привлекательные изъ туземцевъ Туркестана: стройные, съ легкими движеніями, высокимъ лбомъ, выразительными глазами, тонкимъ носомъ, румянцемъ на лицѣ, темнорусыми густыми волосами и обильной растительностью на бородѣ. Всѣ они живутъ осѣдло и занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Оттѣсненные въ гористыя мѣстности, таджики держатся особнякомъ отъ сартовъ и узбековъ, тѣмъ болѣе, что исповѣдуютъ исламъ шіитскаго толка. Языкъ таджиковъ представляетъ смѣсь персидскаго языка съ арабскимъ съ присоединеніемъ тюркскихъ и монгольскихъ элементовъ.

Въ Ферганской области, въ трудно доступныхъ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ берутъ свое начало Аму-Дарья, Заревшанъ и Таримъ, живутъ семь родовъ племени гальчи,—повидимому, древнѣйшаго, не смѣшаннаго съ другими, арійскаго племени иранскаго корня. Тонкій, красиво загнутый носъ, рѣзко очерченныя губы показываютъ ихъ не-тюркское и не-монгольское происхожденіе. Среди нихъ встрѣчается немало бѣлокурыхъ. Нѣкоторые ученые сближаютъ ихъ съ европейскими древними галатами. Вообще, европейскій типъ гальчей очень бросается въ глаза. По своему характеру они честны, простодушны и очень трудолюбивы. Они любятъ свои горы и всегда возвращаются въ нихъ.

Послѣ передачи Кульджи китайцамъ оттуда выселилось 47.000 таранчей, имѣющихъ одинаковое происхожденіе съ сартами, и поселились въ Вѣрненскомъ уѣздѣ Семирѣченской области.

Между Ходжентомъ и Ташкентомъ, а также между Андижаномъ и Наманганомъ живутъ курамы или „метисы“,—смѣсь сартовъ, таджиковъ и киргизъ, причемъ киргизскій элементъ особенно силенъ. Численность ихъ доходитъ до 60.000. Они занимаются земледѣліемъ и по образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ сартовъ.

Дунгане, живущіе въ Семирѣченской области и отчасти въ Сыръ-Дарьинской, на самомъ дѣлѣ не омагометанившіеся китайцы, а принадлежатъ къ тюркскому племени, хотя и прожили долго въ Китаѣ, въ долинѣ р. Или, гдѣ усвоили китайскіе обычаи и китайскій костюмъ. Дунганскія женщины не закрываютъ лицъ, ходятъ безъ паранджи, лѣтомъ носятъ на головѣ шапочку, а не платокъ, какъ сартянки. Ихъ халаты короче, чѣмъ у послѣднихъ, и живутъ онѣ, не отдѣляясь такъ отъ мужчинъ, какъ сартянки.

По переписи 1897 г., въ Туркестанѣ считалось 5.300 евреевъ (и арабовъ). Арабы живутъ въ Туркестанѣ небольшими группами, преимущественно въ городахъ, (въ Бухарѣ и Каты-Курганскомъ уѣздѣ), почти совершенно ассимилированные узбеками. Встрѣчаются тамъ также индусы, персы, татары, армяне и афганцы.

II. Кочевое населеніе Туркестана.

Главную массу населенія всего Туркестана составляютъ киргизы (до 36%), потомки тѣхъ тюрко-монгольскихъ ордъ, которыя когда-то опустошали культурныя страны Азіи и восточной Европы. Туркестанскіе киргизы дѣлятся на степныхъ (киргизъ-кайсаки) и горныхъ (каракиргизы или буруты). Первые занимаютъ степныя части Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей, а также сѣверо-западную часть Закаспійской области; каракиргизы населяютъ предгорья и долины Тянь-Шаня, Пржевальскій и Пишпекскій уѣзды Семирѣченской и горныя части Ферганской и Сыръ-Дарьинской областей и русскій Памиръ. Туркестанскіе киргизы, въ особенности степные, почти ничѣмъ не отличаются отъ сибирскихъ киргизъ.

Туркмены теке (Мервъ).

Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя выдающіяся особенности туркестанскихъ киргизъ, вызванныя воздѣйствіемъ осѣдлаго населенія Туркестана. Какъ и сибирскіе киргизы, киргизъ-кайсаки кочевники, съ начатіемъ весны передвигающіеся съ зимнихъ стоянокъ (кайну) на лѣтнія (джайляу) и осеннія (куздяу). Тѣ же кошемныя юрты, то же почти исключительно самодвижущееся имущество—лошади, бараны, только больше верблюдовъ, длинными вереницами двигающихся одинъ за другимъ съ волосяными веревками, продѣтыми черезъ ноздри, тотъ же тюркій языкъ съ очень незначительной посторонней примѣсью, столь же слабое магометанство. Киргизъ-кайсаки не умѣютъ читать коранъ и не знаютъ молитвъ; все ихъ магометанство ограничивается лишь обрѣзаніемъ и бритьемъ головы. Они живутъ въ степяхъ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской области и въ сѣверо-западномъ углу Закаспійской. Численность ихъ доходитъ до 800.000. По характеру они добродушны, легкомысленны, любятъ новое, легко

поддаются чуждымъ вліяніямъ, невѣжественны и вороваты (очень развита кража скота). Лошади, бараны и верблюды—ихъ главное богатство. Почти всѣ предметы своего обихода дѣлаютъ сами: изъ верблюжьей шерсти приготовляютъ войлока и ткани для одежды, выдѣлываютъ ножи для турсуковъ (мѣшковъ) и пр., изъ камыша приготовляютъ маты. Ихъ кочевая орбита доходитъ до 1000 в. Пища ихъ, главнымъ образомъ, молочная: кумысъ, буда, также просо, сваренное въ водѣ или молокѣ, баламынъ-мука, сжаренная въ жиру и опущенная въ воду. Они очень здоровы; главныя болѣзни среди нихъ—глазныя и пораженія кожи на головѣ отъ бритья и ношенія мѣховыхъ шапокъ.

Кара-киргизы (или буруты, дикокаменные, горные киргизы) живутъ въ предгорьяхъ и долинахъ Тянь-шаня, въ горныхъ мѣстностяхъ Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской области и на Памирѣ. Ихъ количество доходитъ до 200.000. Среди нихъ нѣтъ такъ называемой „бѣлой кости“ (дворянства). По характеру они честны, храбры, вспыльчивы, но дики и угрюмы. По образу жизни, одеждѣ и всему прочему туркестанскіе киргизы вполнѣ походятъ на киргизъ сибирскихъ, но только черты, свойственные кочевому быту, выражены у нихъ сильнѣе. Болѣе распространено многоженство, крѣпче держится обычай калыма (покупка невѣсты). Хотя въ домашнемъ быту женщина пользуется такой же степенью независимости и свободы, какъ и у киргизъ сибирскихъ, но въ Туркестанѣ прочнѣе и глубже понятіе, что женщина принадлежитъ всему роду, и чаще бываютъ случаи, когда дѣвушекъ продаютъ богатымъ, дарятъ ишанамъ или отдаютъ сартамъ за долгъ.

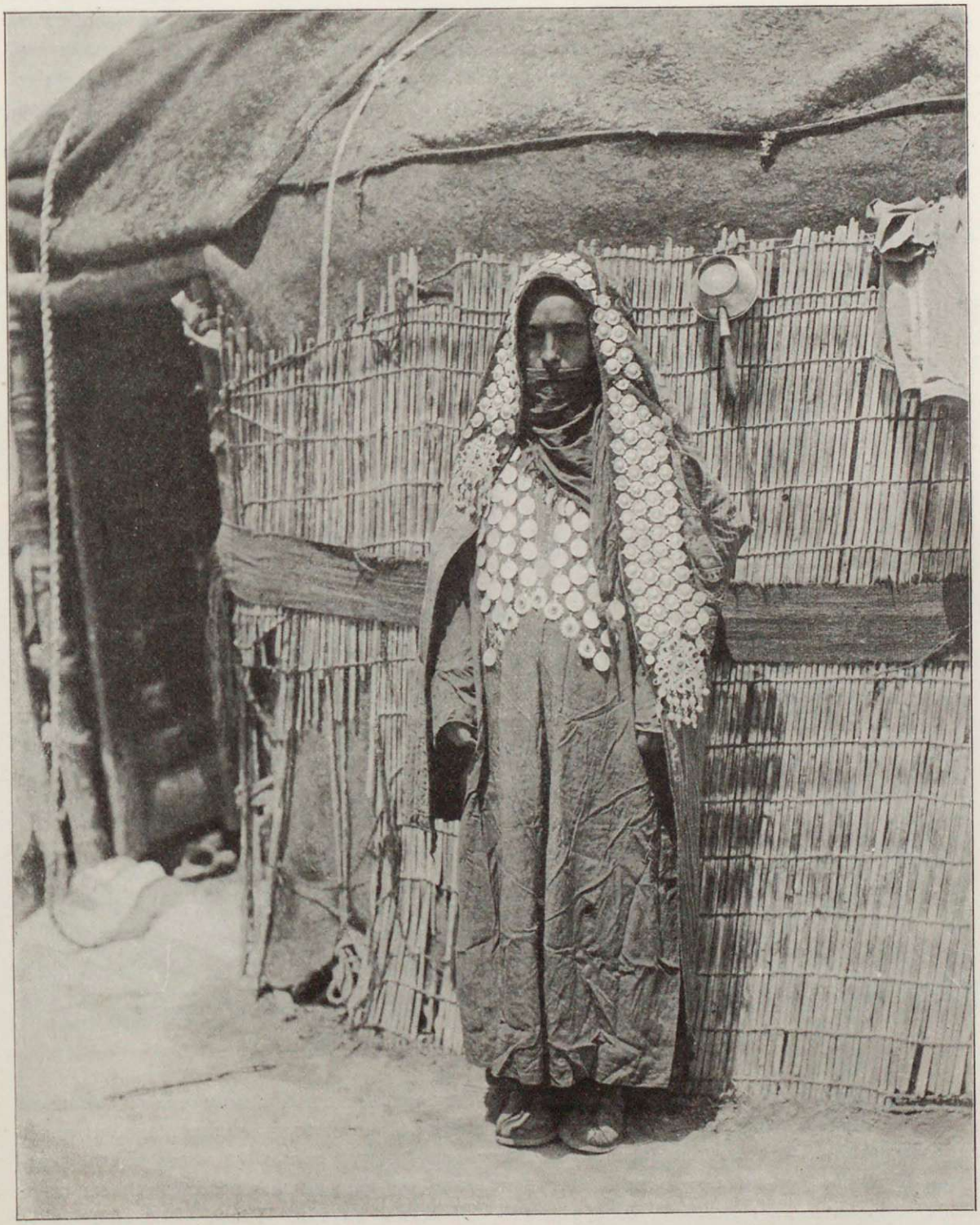

Дѣвочка туркменка изъ племени сарыкъ.

Туркмены составляютъ главную массу населенія Закаспійской области (до 80%), и всего до 5% населенія Туркестана. Занимаемыя ими земли—песчаныя и глинистыя степи, безводныя, очень жаркія лѣтомъ и холодныя и безснѣжныя зимой, гдѣ мѣстности, удобныя для земледѣлія, встрѣчаются, какъ небольшіе и немногочисленные оазисы (Мервскій, Ахалъ-Текинскій и др.).

По своему происхожденію туркмены—племя очень смѣшанное. Родоначальникомъ туркменовъ было тюркское племя „гузъ“, еще до Р. Х. переселившееся въ Туркестанъ съ Алтая. Здѣсь они смѣшались съ массагетами, саками и парѳянами, народами кавказскаго происхожденія, а такъ какъ занимались постоянными набѣгами на сосѣднюю Персію и выводили оттуда много персидскихъ рабовъ, то и съ персіянами, почему въ ихъ восточно-тюркскій языкъ вошло много персидскихъ словъ. Туркмены отличаются высокимъ ростомъ, силой и очень чернымъ цвѣтомъ волосъ, хотя встрѣчаются и свѣтлобородые, что

указываетъ на присутствіе въ нихъ крови указанныхъ выше кавказскихъ племенъ. Туркмены отличаются удалью, храбростью, гостепріимствомъ, но въ то же время вѣроломны,

Замужняя туркменка въ халатѣ, накинутомъ на голову при выходѣ изъ дома (аулъ Коши, племя теке).

лживы и вороваты. По религіи они—магометане-сунниты, но только больше по имени: исполняютъ лишь нѣкоторые обряды (намазъ), въ Мекку не путешествуютъ, мечети въ

ихъ аулахъ лишь немногимъ больше обыкновенной глинобитной хижины, да и общественной молитвы они не любятъ. Грамотность среди нихъ развита очень слабо. Туркмены дѣлятся на 9 племенъ, изъ которыхъ самое большое—текинцы, живущіе въ оазисахъ Мервскомъ, Ахалъ Текинскомъ, Тедженскомъ и въ сосѣднихъ степяхъ (вообще въ юго-восточной части Туркестана въ пограничныхъ мѣстностяхъ съ Персіей); затѣмъ слѣдуютъ іомуды (въ степяхъ Красноводскаго уѣзда и частью въ Хивинскомъ ханствѣ), сарыки и др. По образу жизни туркмены раздѣляются на осѣдлыхъ, полуосѣдлыхъ и кочевыхъ. Первые по-

Конный джигитъ текинецъ изъ окрестностей Мерва.

стоянно живутъ въ оазисахъ среди своихъ садовъ и посѣвовъ, вторые на зиму перекочевываютъ въ пески. Кочевые (между прочимъ іодмуды) вовсе не занимаются земледѣліемъ, а только скотоводствомъ. Исключительно скотоводствомъ занимается только $^1/_5$ часть всѣхъ туркменъ. Туркменскіе осѣдлые аулы представляютъ собою неправильно расположенныя скопленія глинобитныхъ мазанокъ, безобразныхъ, темныхъ внутри. Такое поселеніе часто обнесено глинобитной стѣной: пережитокъ прежняго времени постоянныхъ грабежей и нападеній, когда за такими стѣнами искали хотя временной защиты. Кочевые туркмены живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ, похожихъ на киргизскія, только болѣе плоскихъ.

Земледѣліемъ туркмены занимаются въ оазисахъ, находящихся около горъ, откуда можно провести воду для орошенія полей. Разводятъ арбузы и дыни, которыми, главнымъ образомъ, и питаются лѣтомъ. Сѣютъ и пшеницу. Но вообще они плохіе земледѣльцы, потому что привыкли къ кочеванію, разбоямъ и набѣгамъ, прекратившимся только съ 1881 г., когда туркмены были подчинены Россіи. Обстановка жизни туркмена-кочевника очень проста: кибитка, устланная внутри коврами, котелокъ, чайникъ, деревянная миска, переметныя сумы вмѣсто сундуковъ. Даже у многихъ осѣдлыхъ туркменъ хлѣбъ приготовляется слѣдующимъ образомъ: въ ямѣ, вымазанной глиной, разводится огонь, и когда глиняныя стѣнки накалятся, то туркменка, раскатавъ сочни на полѣ своего халата, прикладываетъ ихъ для печенія къ раскаленнымъ стѣнкамъ. Такъ пригстовляется хлѣбъ особенно въ Текинскомъ оазисѣ.

Для домашняго обихода туркмены занимаются кузнечнымъ, гончарнымъ, сапожнымъ, дѣломъ, производствомъ обуви, мыла и серебрянныхъ издѣлій. Туркменскія женщины приготовляютъ ковры, очень хорошіе по своему качеству, войлоки, сукна. Бѣднѣйшіе туркмены занимаются охотой на лисицъ и дикихъословъ и исправленіемъ арыковъ.

Пищей туркменамъ служитъ рисовый пловъ на кунжутномъ маслѣ, кислое молоко съ мукой, горохъ съ кунжутомъ, пироги съ клеверомъ, хлѣбъ (чурекъ) и зеленый чай. Верблюжье молоко и бараній жиръ входятъ въ составъ многихъ туркменскихъ кушаній. Мясо вообще употребляютъ рѣдко.

Туркменскій костюмъ состоитъ изъ ситцевой или холщевой рубахи, тиковыхъ широкихъ шароваръ и двухъ халатовъ (бумажные, стеганые на ватѣ, суконные или красные шелковые изъ мѣстной грубой матеріи). Нижній халатъ опоясывается кушакомъ, на которомъ привѣшиваются кинжалъ и кривая шашка. На головѣ туркмены носятъ громадную баранью шапку, а на ногахъ шерстяные чулки и остроконечныя съ загнутыми носками туфли на высокихъ каблукахъ, расшитыя шелками. Для верховой ѣзды туркмены надѣваютъ большіе сапоги изъ желтой юфти. Женщины носятъ узкіе шаровары, широкіе балахоны, подпоясанные шарфомъ, бумажные или шелковые халаты, надѣваемые однимъ рукавомъ на голову, высокія шапки и сапоги съ высокими каблуками. Лица не закрываютъ. Гаремной жизни у туркменъ нѣтъ. Всѣ они имѣютъ по одной женѣ, женятся рано, разводы чрезвычайно рѣдки, и то лишь по суду. Туркменки неграмотны и мало заботятся о своей наружности, хотя любятъ украшать себя ожерельями изъ серебряныхъ бляшекъ съ серебряными браслетами. Женщина, съ точки зрѣнія туркменъ, существо низшее. Дѣвушка принадлежитъ семьѣ и роду; выдавая замужъ, за нее берутъ калымъ; послѣ замужества она принадлежитъ мужу. Только вдовы съ дѣтьми пользуются самостоятельностью. Но въ домашней жизни туркменка занимаетъ почетное мѣсто во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Безъ совѣта съ нею туркменъ ничего не продаетъ и не покупаетъ. Ея согласіе необходимо при женитьбѣ сына и выдачѣ дочери замужъ. Въ настоящее время нравы туркменъ сдѣлались гораздо менѣе дики, чѣмъ были 30 лѣтъ тому назадъ до завоеванія ихъ Россіей. Аламанство (разбойничьи набѣги) прекратились. Они болѣе стали заниматься земледѣліемъ, приходить къ осѣдлой жизни и заниматься торговлей.

П. Головачевъ.

Народы Кавказа.

I.

Естественныя области Кавказскаго края: Предкавказье, Кавказскій хребетъ, низменности Закавказья, горы Закавказья.—Зависимость заселенія Кавказа и распространенія культуры отъ географическихъ условій.—Кавказскія народности въ древности.—Западныя и восточныя вліянія.

Кавказскій край оффиціально причисляется къ Азіатской Россіи. Громадное пространство его въ 411.325 кв. в. (465.778 кв. к.) захватываетъ не только широкій перешеекъ между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, но и прилегающія къ нему части на сѣверѣ и югѣ, причемъ послѣднія вошли въ составъ Имперіи сравнительно недавно, въ XVIII вѣкѣ. По своимъ природнымъ оссбенностямъ Кавказскій край распадается на нѣсколько областей, расположенныхъ, подобно болѣе или менѣе широкимъ лентамъ, параллельно линіи Кавказскаго хребта. На сѣверѣ къ подножію горъ примыкаютъ степи, которыя сливаются съ громаднымъ степнымъ пространствомъ, охватывающимъ юго-восточную Европу и внутреннія части Азіи. Здѣсь, вдоль впадины, намѣченной теченіемъ двухъ Манычей, степныхъ рѣчекъ, изъ которыхъ одна течетъ къ Черному морю, другая—къ Каспійскому, географы проводятъ физическую границу Азіи и Европы. Въ предшествующую геологическую эпоху эта впадина была залита водой пролива, которымъ Черное и Каспійское моря соединялись, пока перемѣны въ уровнѣ морей и въ рельефѣ мѣстности не прекратили сообщенія, причемъ Европа сомкнулась въ этомъ мѣстѣ съ Азіей въ сплошную сушу.

Слѣдующую область составляетъ система Кавказскихъ горъ, протягивающаяся, расширяясь, съуживаясь и снова расширяясь, въ общемъ на протяженіи 1.100 к. отъ полуострова Тамани до Апшеронскаго полуострова. Стѣна горъ состоитъ изъ ряда цѣпей и хребтовъ съ громадами снѣговыхъ вершинъ. Въ общемъ горы болѣе полого спускаются къ сѣверу и круче обрываются на южной каймѣ. Они нигдѣ не прорваны насквозь ущельями: на Кавказѣ нѣтъ ни одной рѣки, которая протекала бы сквозь горы, и потому переходить горы оказывается возможнымъ лишь черезъ перевалы. Переваловъ много, но они лежатъ на большой высотѣ и въ общемъ трудно проходимы. Наиболѣе доступенъ перевалъ Крестовой горы, ведущій изъ Койшаурской долины въ долину Терека, до прорыва этого послѣдняго черезъ твердокаменныя породы Дарьяльскаго ущелья. Эта дорога была извѣстна уже въ глубокой древности и называлась Кавказскими воротами. Другія „ворота“, которыми также пользовались въ древности, назывались Каспійскими. Они находились тамъ, гдѣ возникъ городъ Дербентъ, стѣны котораго запирали ихъ.

Съ юга къ поясу горъ примыкаетъ полоса низменностей, раздѣленныхъ невысокимъ переваломъ Сурамскаго хребта. Здѣсь, на западѣ, лежитъ наносная низменность Ріона, въ

древности называвшагося Фазисомъ—это жаркая и влажная Колхида. Какъ вдоль сѣвернаго, такъ и вдоль южнаго берега Чернаго моря къ ней примыкаютъ узкія полосы годныхъ подъ культуру земель. Къ востоку лежитъ другая, болѣе длинная низменность р. Куры, къ которой присоединяются боковыя долины притоковъ ея, какъ Іоры и Алазани. Низменность Куры расширяется у Каспійскаго моря, становясь въ то же время слишкомъ сухой и пустынной, превращаясь въ настоящую степь.

Послѣднюю область составляютъ высокія котловины съ лабиринтомъ направленныхъ въ разныя стороны хребтовъ, которыми Закавказье поднимается къ высокому Армянскому нагорью и плоскогоріямъ Ирана и Малой Азіи. Здѣсь лѣтній зной смѣняется зимой холодами, выпадаетъ часто снѣгъ, которымъ были засыпаны воины Ксенофонта, когда, на пути къ городу Котіоры (къ западу отъ нынѣшняго Батума) они двигались по высокой западной Арменіи.

Положеніе Кавказа и описанное выше сочетаніе различныхъ областей, составляющихъ его, до извѣстной степени объясняетъ намъ, какимъ образомъ происходило заселеніе его, какъ и откуда появлялись племена и народы, которыхъ безчисленныя событія исторической жизни, то крупныя, то мелкія, пригоняли къ стѣнѣ Кавказскихъ горъ, втискивали въ долины, заставляли переходить или обходить горы и уходить навсегда или оставаться на новой родинѣ, увеличивая мозаичность, усиливая пестроту этнографическаго состава кавказскихъ народностей.

По сѣверную сторону его, по широкой полосѣ степей, подобно песчанымъ барханамъ, передвигаемымъ вѣтромъ, постоянно двигались съ востока на западъ азіатскіе кочевники, которыхъ изъ обширныхъ азіатскихъ степей періодически выгоняла перенаселенность ихъ. Огибая Каспійское море, они попадали въ прикавказскія степи и временно оставались здѣсь, проникали иногда на югъ мимо Дербента, или же уходили далѣе на западъ въ южнорусскія и придунайскія степи. Уже древніе писатели упоминаютъ здѣсь кочевыхъ массагетовъ, унновъ (гунны), каспіевъ, савроматовъ и множество другихъ племенъ, которыхъ называютъ общимъ именемъ скиѳовъ. На Черноморскомъ берегу Кавказа они упоминаютъ множество племенъ, въ названіяхъ и въ описаніяхъ страны и быта которыхъ мы узнаемъ нѣкоторыя изъ современныхъ народностей Кавказа. „Тамъ, говоритъ Діонисій Періегетъ, живутъ у моря Керкеты (черкесы), Тореты, воинственные Ахеи, Геніохи и Зиги, Соаны или Фтирофаги [1]) (сванеты)“. Въ полосѣ закавказскихъ низменностей упоминаются у моря Колхи, за ними Иберы и Албанцы, народъ пастушескій, не умѣютъ считать выше 100 и говорятъ на 26 различныхъ языкахъ. Про рѣки, стекающія съ Кавказа въ Черное море, Аппіанъ пишетъ въ своей Римской исторіи, что „во многихъ изъ нихъ находится золото въ видѣ маленькихъ зернышекъ. Туземцы кладутъ въ рѣки бараньи кожи съ густой шерстью и собираютъ такимъ образомъ золотыя зерна, которыя въ нихъ остаются“. Про каспіевъ Эліанъ, современникъ императора Адріана, пишетъ, что они ловятъ въ морѣ „остроносыхъ“ (осетровыхъ) рыбъ, солятъ, сушатъ и доставляютъ въ Экбатаны (въ Персію); внутренности они вынимаютъ, варятъ и дѣлаютъ изъ нихъ очень прочный клей. Такимъ образомъ уже въ то время въ устьяхъ Терека и Куры процвѣтало промышленное рыболовство.

Въ горномъ Закавказьѣ и въ Арменіи древніе писатели упоминаютъ множество племенъ, какъ Санны, Лазы (въ Лазикѣ), Мосхи, Моссинэки, Тибарены, не говоря про армянъ.

Племена, обитавшія по Черноморскому побережью, древніе писатели считаютъ пеласгійскаго происхожденія (Ахеи, Геніохи), переселившимися сюда по Черному морю.

1) Фтирофаги—поѣдающіе вшей.

Колховъ же они упорно ставятъ въ родство съ египтянами на томъ-де основаніи, что они курчавы, имѣютъ темную кожу, носятъ льняныя одежды и придерживаются обрѣзанія. Про Діоскуры, гавань на мѣстѣ нынѣшняго Сухума, носившую также названіе Севастополь, древніе писали, что здѣсь римскія власти для сношеній съ разными племенами Колхиды пользовались услугами 130 переводчиковъ. Такимъ образомъ уже древніе писатели отмѣтили необыкновенное обиліе разноязычныхъ племенъ, издревле обитавшихъ на Кавказѣ, точно также какъ они отмѣтили кочевой строй жизни племенъ, бродившихъ въ прикавказскихъ степяхъ, дикость и некультурность горныхъ племенъ и сравнительно культурное состояніе земледѣльческихъ племенъ, населявшихъ низменности и нагорья Закавказья.

Подобно тому, какъ кочевыя азіятскія племена появлялись на сѣверномъ Кавказѣ, проникая сюда по сѣверному пути, точно также появлялись они неразъ и съ юга, отклоняясь съ пути, какимъ они двигались черезъ Персію въ Малую Азію, на Балканскій полуостровъ и въ Египетъ. Кочевники съ сѣвера и юга постоянно являлись угрозой для мирнаго осѣдлаго населенія, состоявшаго изъ колховъ (имеретины и мингрельцы), иберовъ (грузинъ Гогарены и Иверіи) и армянъ. Эти народности появились, по всей вѣроятности, съ юга, изъ Малой Азіи или изъ области, гдѣ въ верховьяхъ Тигра и Евфрата этотъ полуостровъ присоединяется къ туловищу Азіятскаго материка. Происхожденіе ихъ (армянъ и картвелъ, т. е. грузинъ вообще) въ высшей степени темно. Изслѣдованіе языковъ ихъ и крайне скудныхъ памятниковъ древней письменности не даютъ возможности точно опредѣлить происхожденіе и родство ихъ съ другими народностями сосѣдней Азіи.

Географическое положеніе Кавказа, этого удивительнаго перешейка съ громадами снѣговыхъ горъ, степями, плодороднѣйшими теплыми долинами, нагорьями и морскими берегами при трехъ водныхъ бассейнахъ (Азовское море, Черное и Каспійское), расположеннаго вдобавокъ на рубежѣ двухъ частей свѣта въ сосѣдствѣ странъ древнѣйшей культуры, было причиной того, что населявшія Кавказъ племена рано подвергались разнообразнѣйшимъ воздѣйствіямъ. Для древнѣйшихъ временъ характерно культурное вліяніе южныхъ народовъ—халдеевъ Вавилона, Ассиріи и царства Урарту. Затѣмъ Закавказье подпадаетъ вліянію Персидскаго царства, въ составъ котораго оно рано входитъ. Въ это же время и даже еще раньше побережье Чернаго моря начинаетъ усиленно посѣщаться греческими купцами и пиратами. Не даромъ Кавказъ занимаетъ такое почтенное мѣсто въ греческой миѳологіи: съ нимъ связаны миѳы объ Аргонавтахъ, о Прометеѣ, объ амазонкахъ. Въ устьяхъ рѣкъ и у подножія Кавказскихъ горъ возникаетъ рядъ греческихъ городковъ (Фанагорія, Гермонасса, Діоскуры, Фазисъ), въ которыхъ происходитъ оживленный торгъ, какъ продуктами страны, такъ и товарами, направляющимися къ Черноморью изъ глуби восточной Европы и Азіи. Въ послѣдующую христіанскую эпоху Закавказье продолжаетъ оставаться въ томъ же двойственномъ положеніи: политически и въ отношеніи матеріальной культуры оно подпадаетъ вліянію восточныхъ странъ, именно Персіи,—господство персіянъ надъ Грузіей продолжается съ перерывами до самаго утвержденія въ послѣдней русской власти, между тѣмъ какъ духовная культура продолжаетъ развиваться подъ вліяніемъ греко-римскихъ и византійскихъ идей (христіанство, письменность, церковная живопись, архитектура). Изъ Грузіи эти вліянія проникаютъ внутрь горъ, къ племенамъ восточнаго, центральнаго и западнаго Кавказа.

За много сотъ лѣтъ, протекшихъ отъ временъ глубокой древности, въ составѣ и распредѣленіи кавказскихъ народовъ и племенъ не произошло въ сущности глубокихъ и рѣзкихъ измѣненій. И теперь, въ общихъ чертахъ, передъ нами та же картина—измѣнились лишь названія, прибавились на сѣверѣ и югѣ нѣсколько народностей (русскіе на сѣверномъ Кавказѣ, закавказскіе татары на югѣ), расширились наши знанія кавказскихъ племенъ, страна которыхъ перестала представляться современнымъ ученымъ въ видѣ какой-то „горы

языковъ", [1]) съ сотнями племенъ и столькимъ же числомъ языковъ и нарѣчій. Тѣмъ не менѣе и теперь, когда туманъ, еще недавно окутывавшій многоплеменность и разноязычіе Кавказскаго населенія въ значительной степени разсѣялся, врядъ ли найдется на землѣ другая область, кромѣ Кавказскаго края, гдѣ бы на столь же ограниченномъ пространствѣ толпилось такое число народовъ и племенъ, столь различныхъ по нарѣчіямъ, типу, обычаямъ и происхожденію. Въ то время, какъ одни изъ нихъ явственно обличаютъ свое родство съ народами внутренней Азіи, у другихъ въ типѣ, языкѣ и строѣ жизни мы открываемъ черты родства съ народностями, давнымъ-давно прочно осѣвшими въ Европѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ физическомъ смыслѣ, Кавказскій хребетъ не стѣна, раздѣляющая двѣ части свѣта, а настоящее связующее звено, спаивающее Европу и Азію рядомъ переходныхъ явленій въ формахъ человѣческихъ общежитій и въ типахъ племенъ.

Если однако составъ кавказскаго населенія испыталъ сравнительно небольшія измѣненія съ того времени, какъ народности Кавказа стали предметомъ наблюденія и записей, то нельзя сказать то же самое относительно тѣхъ формъ, въ какія складывались ихъ экономическія, бытовыя, религіозныя и всѣ другія особенности. Въ этомъ случаѣ тысячелѣтія недаромъ катились черезъ оснѣженныя вершины кавказскихъ горъ. Нашествія кочевниковъ, непрерывныя войны, смѣняющіяся завоеванія и медленное воздѣйствіе торговыхъ и иныхъ сношеній вносили многочисленныя, порою весьма глубокія измѣненія въ строй, бытъ и нравы. Хотя горныя страны, такія, какъ Кавказъ, представляютъ по своимъ физическимъ условіямъ своего рода кладовыя, гдѣ хранится и уцѣлѣваетъ отъ уничтоженія въ глухихъ недоступныхъ долинахъ, на склонахъ крутыхъ горъ и въ замкнутыхъ уединенныхъ котловинахъ всякаго рода старина, въ то время какъ въ другихъ странахъ она быстро исчезаетъ подъ напоромъ быстро смѣняющихся волнъ исторической жизни, тѣмъ не менѣе и здѣсь треволненія прошлаго наслоили много пластовъ человѣческихъ переживаній. Рядомъ съ остатками глухой, глубокой древности здѣсь встрѣчаются самыя современныя формы, обстоятельство, вносящее немало смущенія въ изслѣдованіе кавказскихъ племенъ. Вѣкъ каменныхъ орудій подаетъ здѣсь руку вѣку желѣзныхъ дорогъ, телефоновъ и аэроплановъ. Особенно рѣзкія измѣненія внесли въ бытъ многихъ кавказскихъ народовъ исламъ, явившійся сюда на смѣну христіанства, а въ области хозяйственныхъ отношеній развитіе промышленности, лихорадочный пульсъ которой совершенно измѣнилъ во многихъ мѣстахъ мирную и наивную картину прежняго житья-бытья.

II.

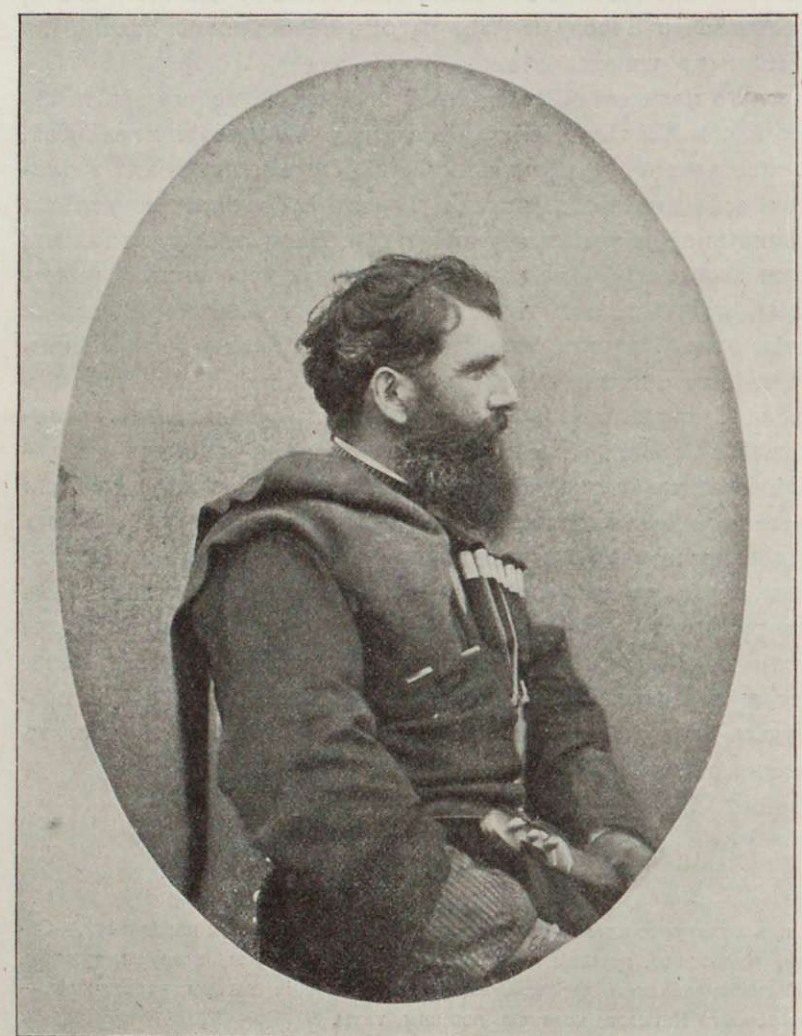
Обзоръ кавказскихъ народностей по ихъ культурно историческому значенію.—Картвельскія народности.—Общая характеристика.—Лазы, мингрелы, имеретины, гурійцы, аджарцы, грузины, сванеты, хевсуры, тушины, пшавы.—Осетины.—Горцы западнаго Кавказа: абхазцы, черкесы, карачаевцы, горскіе татары, кабардинцы.—Горцы восточнаго Кавказа: чеченцы, лезгины, таты.

Офиціально въ составъ Кавказскаго края входитъ цѣлый рядъ губерній и областей. Сѣверный Кавказъ, именно области Кубанская, Терская и губернія Ставропольская заселены главнымъ образомъ русскими—казаками и позднѣйшими переселенцами. Туземное населеніе, разные горскіе народы, составляютъ меньшинство. Также значителенъ процентъ русскаго или во всякомъ случаѣ пришлаго населенія въ Черноморьи, т. е. по узкой каймѣ подножій горъ, начиная отъ Керченскаго пролива и до устьевъ Кодора и Ингура. Зато въ Кавказскихъ горахъ и въ Закавказьѣ примѣсь русскихъ колонистовъ и вообще пришлаго

---

[1]) Арабскіе географы называли Кавказъ „Джеблъ-алъ-суни"—гора языковъ.

населенія сравнительно незначительна, ограничиваясь нѣкоторыми районами, гдѣ были поселены сектанты (молокане, духоборы), или же быстро выросли торгово-промышленные центры, какъ въ Баку съ его окрестностями. Древнее туземное населеніе сохранилось въ горахъ центральнаго и восточнаго Кавказа, откуда оно не имѣло возможности выселиться послѣ покоренія Кавказа, какъ то сдѣлали въ большинствѣ туземныя племена западнаго Кавказа. Затѣмъ все Закавказье, особенно западная и центральная часть, густо населены потомками народовъ и племенъ, сидѣвшихъ здѣсь испоконъ вѣковъ. Восточное Закавказье со своими сухими степями и горными пастбищами представляетъ область, которая принимала въ себя въ позднѣйшія времена пришельцевъ-кочевниковъ, появлявшихся и осѣдавшихъ на пути съ юга, изъ Персіи.

Имеретинъ.

Нашему описанію подлежитъ такимъ образомъ лишь коренное кавказское населеніе, всю массу котораго можно разбить на слѣдующія группы, руководствуясь, какъ этнографическимъ составомъ, такъ и географическимъ распространеніемъ ихъ и хозяйственно-бытовыми особенностями ихъ жизни.

Наиболѣе крупную группу коренного населенія Кавказа составляютъ картвельскія народности (сакартло), общей численностью болѣе милліона человѣкъ. Культурное значеніе въ жизни края у картвелъ оспариваютъ армяне, болѣе многочисленная, не менѣе древняя, чѣмъ тѣ, культурная національность Закавказья. Въ восточномъ Закавказьѣ массу населенія составляютъ явившіеся позднѣе и гораздо менѣе культурные закавказскіе татары, отдѣльныя группы которыхъ проникали вдоль Каспійскаго побережья и дальше къ сѣверу. Эти три народности составляютъ въ настоящее время главную массу обитателей Закавказья, основу, въ которую тамъ и сямъ вкраплены разные пришлые элементы—русскіе, персіяне, греки, турки, евреи и разные выходцы изъ горъ. Самыя горы, склоны и долины ихъ до высоты, допускающей обработку земли и пастьбу скота, заселены не менѣе древними, чѣмъ грузины и армяне, аборигенами Кавказа, къ которымъ мѣстами присоединяются позднѣйшіе переселенцы почти безъ исключенія тюркской крови. Главныя народности горныхъ склоновъ и долинъ Кавказа слѣдующія,

Гуріецъ.

начиная съ запада: абхазцы, черкесскія народности, горскіе татары, (позднѣйшіе пришельцы), кабардинцы, осетины, хевсуры, тушины и пшавы (три народности картвельской группы), чеченцы или нахчи, лезгины и таты. Перечисленными народностями, присоединивъ сюда еще кумыковъ и ногайцевъ, исчерпывается въ крупныхъ чертахъ все этнографическое разнообразіе горскихъ народовъ. Но число это быстро и внезапно увеличивается какъ скоро изслѣдователь переходитъ къ детальному описанію каждой народности; многія изъ нихъ оказываются расколотыми на мелкія племена, почти роды, различающіяся другъ отъ друга и нарѣчіями, на какихъ они говорятъ, и множествомъ мелкихъ этнографическихъ особенностей, что и сбивало съ толку первыхъ изслѣдователей, растерянно путавшихся среди этого моря племенъ, къ изслѣдованію котораго невозможно было съ успѣхомъ приступить, пока не были примѣнены методы, выработанные въ позднѣйшее время наукой о первобытной культурѣ.

Грузинъ изъ зажиточнаго класса.

Народности картвельской группы представляютъ потомковъ аборигеновъ восточнаго побережья Чернаго моря и долинъ Ріона и Куры, которыхъ описывали многіе древніе писатели. Это саны, тибарены, колхи, мосхи, иберы, отчасти албанцы и соаны, о которыхъ Страбонъ повѣствуетъ: „албанцы и иберы, занимающіе большую часть названнаго перешейка (т. е. Кавказа), а также причисляемые къ кавказскимъ народамъ, заселяютъ благодатную и пріятную для жизни страну. Въ самомъ дѣлѣ, Иберія большею частью изобилуетъ городами и другими мѣстами жительства, такъ что въ ней встрѣчаются кирпичныя крыши, по правиламъ искусства устроенные дома, базары и другія публичныя зданія... Долину (Куры) населяетъ одна часть иберовъ,—населеніе земледѣльческое и миролюбивое, имѣющее устройство по образцу армянскому и мидійскому; гористыя же мѣстности населяетъ другая часть, составляющая большинство,—населеніе воинственное и живущее по обычаямъ скиѳовъ и сарматовъ, своихъ пограничныхъ сосѣдей и единноплеменниковъ, но все же и эти послѣдніе иберы занимаются земледѣліемъ... Въ этой странѣ народъ дѣлится на 4 сословія. Первый классъ составляютъ лица, изъ которыхъ выбираютъ въ цари самаго старшаго по родству и старшинству лѣтъ, второе

лицо послѣ него выбирается въ верховные судьи и полководцы. Второе сословіе составляютъ священники, которые наблюдаютъ за справедливыми отношеніями съ сосѣдями; третье сословіе—воины и земледѣльцы; четвертое простой народъ, царскіе крѣпостные и исполняющіе всѣ необходимыя для жизни прислужническіе обязанности. Имущество же принадлежитъ каждому роду, въ которомъ повелѣваетъ и управляетъ старшій". Говоря далѣе объ албанцахъ, живущихъ по среднему теченію Куры (Кахетія), географъ древности замѣчаетъ, что „они не пользуются даже какъ слѣдуетъ выгодами своей страны, которая производитъ всякіе плоды, даже самые нѣжные, и всякія растенія, даже вѣчно зеленыя. За почвой здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго ухода, но плодъ родится самъ безъ паханья и сѣва... Во многихъ мѣстахъ разъ засаженная земля приноситъ здѣсь два и три раза плоды, въ первый разъ даже самъ пятьдесятъ безъ отдыха, и вспаханная не желѣзнымъ, а просто деревяннымъ плугомъ. Орошена же эта страна больше, чѣмъ Вавилонская и Египетская, рѣками и другими водами, такъ что имѣетъ видъ постоянно зеленый, потому и имѣетъ отличныя пастбища и воздухъ лучшій, чѣмъ въ тѣхъ странахъ. Виноградныя лозы остаются здѣсь не обкопанныя и подрѣзываются только черезъ пять лѣтъ; молодыя лозы приносятъ плоды уже на второмъ году, выросшія даютъ столько плодовъ, что большую часть ихъ оставляютъ на лозахъ. Хорошо растетъ здѣсь и дикій виноградъ. Народъ здѣсь тоже отличается красотой и большимъ ростомъ, въ то же время онъ добродушенъ и не коваренъ"... Спустя почти 2000 лѣтъ послѣ того, какъ была набросана Страбономъ характеристика страны и народа картвелъ или грузинъ, многое можно было бы повторить.

Грузинка изъ зажиточнаго класса.

По типу и языку къ картвеламъ принадлежатъ 1) лазы—древніе саны, тибарены и другіе, 2) мингрелы (древніе колхи) 3) имеретины (западные иберы), 4) гурійцы 5) собственно грузины, 6) сванеты, 7) хевсуры, 8) пшавы и 9) тушины. Къ картвеламъ относятъ также дженгилойцевъ и аджарцевъ. Народности эти, судя по типу, по быту, языку и преданіямъ картвельскаго происхожденія. Они называютъ себя

картли, а свою страну Сакартвело по имени Картлоса, своего родоначальника, являющагося, по ихъ сказаніямъ, внукомъ Яфета. По разнымъ даннымъ является возможнымъ заключить, что картвелы переселились въ нынѣшнюю свою родину изъ Малой Азіи болѣе, чѣмъ за 3000 лѣтъ. Но опредѣлить, въ какомъ отношеніи стоитъ эта народность къ своимъ сосѣдямъ—армянамъ, иранцамъ, семитамъ Вавилоніи и Ассиріи, представляется пока невозможнымъ. Названіе грузины и „георгійцы", подъ какимъ послѣднимъ названіемъ картвелы извѣстны у западныхъ писателей, происходитъ, вѣроятно, отъ грузинскаго слова „гіорги", что по грузински значитъ „рабочій", „земледѣлецъ", также ставятъ это названіе въ связь съ именемъ св. Георгія, культъ котораго очень распространенъ вообще на Кавказѣ. Въ византійскую эпоху, именно въ IV ст., въ Закавказьѣ стало распространяться христіанство, проповѣдь и введеніе котораго приписываютъ св. Нинѣ, національной святой Грузіи. Окончательно христіанство утвердилось въ эпоху Константина Великаго, когда Мцхетъ сталъ метрополіей Грузіи. Христіанство получило уже тогда большое значеніе; объединяя различныя племена въ одну націю, оно облегчало возникновеніе и существованіе царства, которому въ теченіе вѣковъ приходилось вести борьбу за независимость или, по крайней мѣрѣ, за полунезависимое существованіе главнымъ образомъ противъ персовъ. Въ древности, повидимому, всѣ картвельскія народности говорили на общемъ древнегрузинскомъ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, на нарѣчіяхъ очень близкихъ между собою. Впослѣдствіи древнегрузинскій языкъ подвергся разнообразнымъ постороннимъ вліяніямъ въ видѣ формъ и словъ греческихъ, персидскихъ, арабскихъ, турецкихъ и другихъ. Точно также древнегрузинскій шрифтъ (хутцури), возникшій въ VI ст. и сохранившійся лишь въ видѣ языка священныхъ книгъ, замѣнился современнымъ мелкоузловатымъ алфавитомъ изъ 45 буквъ (мехредули). Въ теченіи долгой исторіи область, заселенная картвелами, распадалась на отдѣльныя владѣнія въ силу разныхъ причинъ, и это обособленіе привело къ тому, что нарѣчія грузинскихъ племенъ отдалились другъ отъ друга, какъ отдалились и измѣнились самыя племена вплоть до того, что нѣкоторые, какъ лазы, дженгилойцы и аджарцы даже переняли отъ турокъ могамеданство.

Грузины мальчики.

Краткія замѣчанія Страбона объ иберахъ, именно, что это люди высокаго роста, стройные, отличающіеся выдающейся тѣлесной красотой, открытымъ и легкомысленнымъ характеромъ, склонностью къ веселью и праздности, воинственные, малоспособные къ торговлѣ, равнодушные къ труду и чрезвычайно небрежные въ обработкѣ своей плодородной почвѣ, если эти замѣчанія добавить описаніемъ грузинъ, заимствованнымъ изъ хроники грузинскаго историографа царевича Вахушта, въ общемъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему характеру этого народа. Славолюбіе, гостепріимство, веселость, щедрость, переходящая въ расточительность, беззаботность насчетъ будущаго, общительность, измѣнчивость настроенія, страсть къ удовольствіямъ, упрямство, тщеславіе и льстивость—вотъ качества, въ смѣшеніи

Грузинки.

которыхъ состоитъ грузинскій національный характеръ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что грузины, будучи не обижены природой умственно, не создали ничего значительнаго ни въ искусствѣ и литературѣ, ни въ другихъ отрасляхъ духовной дѣятельности, и въ жизни большею частью принуждены уступать первое мѣсто болѣе дѣятельнымъ въ этомъ отно-

Сванеты Ушкульскаго общества на верховьяхъ р. Цхенесъ-цхали.

шеніи представителямъ другихъ націй. Особенностью какъ характера, такъ и быта грузинъ является положеніе у нихъ женщины въ семьѣ и обществѣ. Въ противность тому, что наблюдается у другихъ кавказскихъ народностей, и что вообще свойственно Востоку, грузинская женщина не представляетъ изъ себя существо низменное, на которое возложены

главные работы и хлопоты по хозяйству. Даже въ простонародной семьѣ положеніе ея вполнѣ равноправное съ мужчиной, и она отнюдь не обременена тяжелымъ трудомъ. Женщины, какъ извѣстно, царствовали въ Грузіи и еще чаще занимали главенствующее положеніе въ знатныхъ княжескихъ семьяхъ.

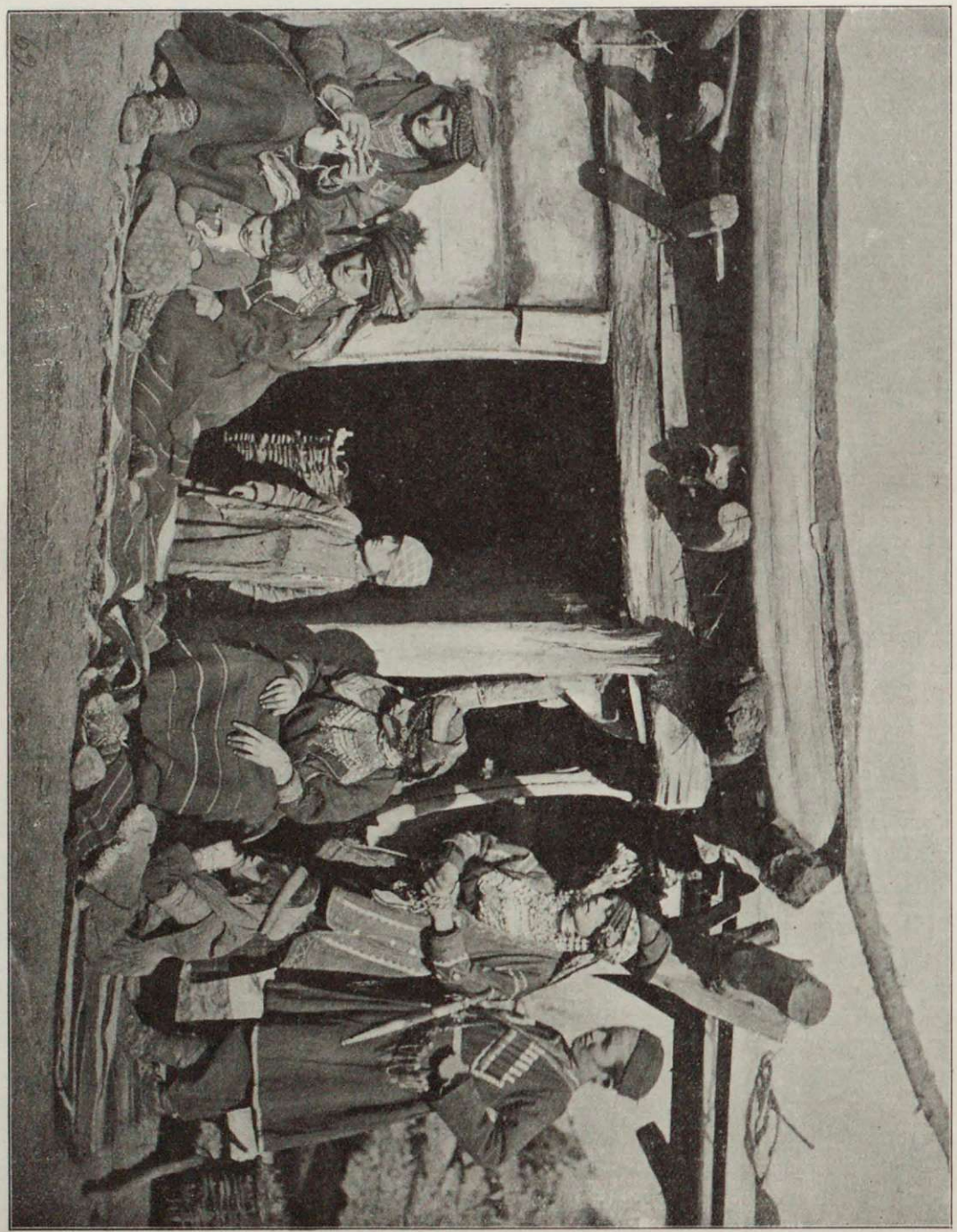
Извѣстно, что выдающаяся красота и стройность тѣлосложенія картвельскихъ племенъ явилась причиной, почему все бѣлое племя получило названіе „кавказской" расы. Въ томъ, что здѣсь, въ Закавказьѣ, среди картвелъ въ изобиліи встрѣчаются наиболѣе идеальныя фигуры, наиболѣе красивыя физіономіи, согласны всѣ наблюдатели. Правильныя, благородныя черты лица, большіе, каріе и или черные блестящіе глаза, каштановые черные волнистые и густые волосы, блѣдно-матовый оттѣнокъ кожи, правильно расположенные, ослѣпительно бѣлые зубы, густыя пушистыя бороды, тонкое, стройное и пропорціональное тѣлосложеніе, изящная и благородная осанка, гибкость и грація движеній, красивыя руки и ноги встрѣчаются среди грузинъ чаще, чѣмъ гдѣ либо, и притомъ не только среди высшихъ сословій, но нисколько не рѣже и въ рядахъ простонародья. При этомъ любопытно, что женщины производятъ менѣе благопріятное впечатлѣніе. Это объясняется тѣмъ, что въ женскихъ лицахъ всѣ перечисленныя особенности переходятъ за предѣлы общей гармоніи, вслѣдствіе чего выраженіе лица пріобрѣтаетъ рѣзкій характеръ, соединяющійся съ неподвижностью чертъ и взора. Кромѣ того женщины рано старѣютъ.

Изстари занимаясь земледѣліемъ въ плодородныхъ и орошенныхъ низменностяхъ и по склонамъ горъ, картвелы заселяютъ самыя лучшія области Закавказья. Какъ сказано выше, они распадаются на рядъ крупныхъ и мелкихъ народностей.

По юго восточному берегу Чернаго моря, въ бассейнѣ Чороха, обитаютъ лазы или тсаны (древніе саны). Эта картвельская народность, при значительномъ сходствѣ ихъ языка съ мингрельскимъ, подверглась наибольшему вліянію со стороны турокъ. При общей численности около 100.000 душъ, лазы обитаютъ главнымъ образомъ на турецкой территоріи. Лишь около 20.000 живетъ въ окрестностяхъ Батума. Въ силу указанныхъ выше причинъ они большею частью магометане. По внѣшности лазы нѣсколько отличаются отъ своихъ къ сѣверу живущихъ родичей. При наличности всѣхъ описанныхъ выше качествъ выраженія лицъ у лазовъ суровѣе и сумрачнѣе, по характеру они серьезнѣе. Имѣя больше дѣла съ обитателями Малой Азіи, да и будучи ими сами, лазы одѣваются въ совершенно иного покроя одежду, чѣмъ большинство обитателей Кавказа, которые восприняли главныя черты своего костюма отъ персіянъ.

Низовье Ріона съ побережьемъ и нижнее и среднее теченіе Цхенесъ-цхали занимаютъ мингрелы. Благодаря своему положенію, Мингрелія, древняя Колхида, являлась менѣе связанной съ остальной Грузіей, состоя обычно въ вассальной зависимости отъ грузинскихъ царей подъ властью туземной княжеской фамиліи Дадіановъ. Полную независимость Мингрелія пріобрѣла въ 1649 г., лишившись ея окончательно въ 1867 г., хотя съ момента присоединенія Грузіи къ Россіи (12 сент. 1801 г.) Мингрелія пользовалась лишь весьма ограниченной автономіей. Численность мингрелъ простирается, вѣроятно, до 250.000 ч. Мингрелы, благодаря тому, что область ихъ лежала въ сторонѣ отъ мѣстъ, по которымъ передвигались разные народы, наводнявшіе Кавказъ, а также потому, что подъ защитой горъ страна меньше страдала отъ вторженія тюркскихъ и персидскихъ завоевателей, сохранили большую чистоту крови, представляя вмѣстѣ съ лазами болѣе древній сбщекартвельскій типъ. Низменность Ріона и побережье Чернаго моря по обѣ стороны отъ устья рѣки при очень влажномъ и тепломъ климатѣ, обладаетъ чудовищнымъ плодородіемъ почвы, на которой могутъ произрастать даже тропическія растенія (бамбукъ). Тѣмъ не менѣе масса населенія живетъ въ большой бѣдности и нуждѣ, въ самыхъ примитивныхъ условіяхъ, какія допускаетъ теплый климатъ. Несомнѣнно въ прежнія времена страна была въ болѣе культурномъ состояніи, но общія условія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже,

привели къ запущенію мѣстности и обѣднѣнію населенія. Мингрелы часто уходятъ на отхожіе промыслы; ихъ, наряду съ малоазіатскими турками, можно встрѣтить на черноморскомъ побережьи, занятыхъ большею частью самой грубой и тяжелой работой. У себя на родинѣ мингрелы много страдаютъ отъ злыхъ лихорадокъ, которыя вмѣстѣ со скуднымъ

Хевсурское семейство передъ саклей.

питаніемъ и плохими условіями жизни сильно вліяютъ на физическій и духовный обликъ населенія. Блѣдный, болѣзненный цвѣтъ лица и изможденность нерѣдко поражаютъ здѣсь наблюдателя. Мингрелы говорятъ на особомъ нарѣчіи, которое настолько отличается отъ грузинскаго, что остальные грузины понимаютъ его съ трудомъ. Они исповѣдуютъ правос-

лавіе и дольше другихъ народностей Закавказья пользовались благами автономіи.

Имеретины занимаютъ восточную часть Кутаисской губерніи между рѣкой Цхенесъцхали и Сурамскимъ хребтомъ, стало быть, по нижнему теченію этой рѣки и по среднему и верхнему теченію Ріона. Имеретины, наряду съ гурійцами, представляютъ самыхъ красивыхъ представителей картвельскаго племени. По языку и обычаямъ они очень мало отличаются отъ живущихъ далѣе къ востоку грузинъ. Численность ихъ опредѣляютъ въ 300.000 ч. Вмѣстѣ съ мингрелами они принадлежатъ къ грузинской православной церкви.

Къ югу отъ имеретинъ, у подножія и по склонамъ Сурамскаго хребта, тамъ, гдѣ онъ принимаетъ юго-западное и западное направленіе, обитаютъ гурійцы, численностью около 80.000 душъ и аджарцы (около 60.000 ч.), населяющіе долину рѣки Аджарисъ-цхали и склоны Аджарскаго хребта. Гурійцы самые красивые изъ всѣхъ картвелъ. Они православные, чѣмъ отличаются отъ аджарцевъ, исповѣдующихъ исламъ. Какъ Мингрелія, Гурія большею частью вела болѣе или менѣе независимое существованіе, конецъ которому наступилъ въ одно время съ Мингреліей. Подобно лазамъ, гурійцы отличаются отъ остальныхъ грузинъ между прочимъ тѣмъ, что сохранили свой особый національный костюмъ, существенно отличающійся отъ кабардинскаго, какой распространенъ въ центральномъ и восточномъ Закавказьѣ. Шляпы изъ вытканнаго войлока въ видѣ блиновъ и башлыки, повязаные вокругъ головы, составляютъ оригинальную особенность наряда.

Грузины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова обитаютъ по ту сторону Сурамскаго хребта по долинѣ Куры и ея притоковъ—Арагвы, Іоры и Алазани, по всему южному подножію центральнаго и отчасти восточнаго Кавказа, внѣдряясь въ глубину горныхъ долинъ. По долинѣ Койшаури поселенія грузинъ забираются далѣе къ сѣверу на ту сторону главнаго хребта въ долину Терека. Ущелье Даріала, [1]) запиравшее главный путь черезъ Кавказскій хребетъ, грузинскіе цари всегда старались держать въ своихъ рукахъ, поселяя здѣсь своихъ подданныхъ и возводя въ стратегическихъ мѣстахъ укрѣпленія,—башни, которыя представляются туристамъ, посѣщающимъ Военно-грузинскую дорогу, „башнями Тамары“. Поселенія грузинъ простираются къ востоку до впаденія Алазани въ Куру. Далѣе за Алазанью и къ востоку простирается область, занятая татарами, среди которыхъ въ Закатальскомъ округѣ, въ видѣ островка среди чужеземнаго племени, обитаетъ изолированная группа грузинъ дженгилойцевъ („вновь обращенные“ по татарски), исповѣдующихъ исламъ. Общая численность туземнаго населенія собственно Грузіи достигаетъ 400.000 ч. Здѣсь, гдѣ къ сѣверу отъ Тифлиса, стоитъ древняя столица Грузіи Мцхетъ, сосредоточивалась главная масса картвельскаго народа, которая и этнографически и политически, а также въ отношеніи языка, литературы и искусства, занимала господствующее положеніе. Несмотря на вѣковыя войны, которыя грузины вели съ сосѣдями, несмотря на подчиненія то однимъ, то другимъ завоевателямъ, влекшія за собою разнообразныя иноземныя вліянія, эти иверы сохранили свою самобытность вопреки всему.

Къ картвельской группѣ принадлежатъ еще нѣсколько мелкихъ народностей, затиснутыхъ въ самую глубину горъ. Это сванеты, хевсуры, пшавы и тушины. Обитая въ уединенныхъ и высокихъ долинахъ, подъ самыми снѣгами, въ самой суровой обстановкѣ, въ скудости и изолированности, эти племена сохранились почти въ первобытной дикости, какъ напр. сванеты верхняго Ингура. Здѣсь встрѣчаются общины, у которыхъ сохранившіеся древніе предметы и обычаи ясно показываютъ, что лишь гнетущая необходимость загнала ихъ въ горы, гдѣ они цѣной безопасности культурно обѣднѣли. Сванеты, древніе сваны, въ числѣ 12—13.000 душъ населяютъ

[1]) Отъ арабскаго Дар-и-аланъ, путь алановъ.

долину Ингура, обитая также по верхнему Цхенесъ-цхали. По чарующей красотѣ горнаго пейзажа мѣстность эта превосходитъ все, что только извѣстно о живописнѣйшихъ мѣстахъ Швейцаріи, и тѣмъ не менѣе тысячелѣтія пронеслись надъ Сванетіей безъ того, чтобы что нибудь существенно измѣнилось въ строѣ жизни сванетовъ. Первобытное безсиліе мало культурнаго человѣка такъ и сохранилось здѣсь. Сваneты живутъ въ жалкихъ постройкахъ, сложенныхъ изъ каменныхъ плитъ и глыбъ, питаются самой скудной пищей, доставляемой жалкимъ земледѣліемъ, скромнымъ скотоводствомъ и охотой, одѣваются въ самую простую одежду домашней выдѣлки. Языкъ ихъ насчитываетъ небольшое количество словъ, пѣсни и сказки наивны, какъ сказки какихъ нибудь самоѣдовъ, бытъ грубъ, грязенъ и первобытенъ, религія—отблески христіанства, перемѣшаннаго съ тусклымъ, неопредѣленнымъ культомъ древности. Жалкую бѣдность свою сванеты оплатили цѣною свободы, по крайней мѣрѣ тѣ, которые обитаютъ по верхнему Ингуру, куда князья нижней или Дадешкильяновской Сванетіи, при всѣхъ стараніяхъ, не смогли проникнуть, чтобы обратить обитателей ея въ своихъ крѣпостныхъ. Накожныя и другія болѣзни, а также зобъ обычное явленіе среди этихъ горцевъ.

Въ подобномъ же уединеніи живутъ въ центральномъ Кавказѣ на востокъ отъ Военно-грузинской дороги, въ верховьяхъ Іоры и Пшавской Арагвы пшавы (около 10.000 ч.) и хевсуры, самое названіе которыхъ происходтъ отъ слова „хеви“—ущелье. Аулы ихъ встрѣчаются и по ту сторону главнаго хребта, близь истоковъ Аргуни и Ассы. Еще болѣе отрѣзана отъ Грузіи область обитанія тушиновъ. Ихъ насчитываютъ около 7—8.000 чел. Тушины живутъ по ту сторону главнаго хребта, который по высотѣ уступаетъ расположенному къ сѣверу отъ него Перикительскому. Эти три картвельскихъ народца представляютъ собою какъ бы аванпостъ грузинской народности, выдвинутый вглубь горъ въ среду враждебныхъ и чуждыхъ имъ горцевъ мусульманъ Чечни и Дагестана. Встрѣтивъ ихъ здѣсь, первые изслѣдователи были поражены существованіемъ у нихъ христіанства. Это обстоятельство, какъ и старинное вооруженіе—шлемы, кольчуги и мечи, подали поводъ кому-то придумать нелѣпую легенду, будто бы эти чисто картвельскія племена представляютъ остатки крестоносцевъ, заблудившихся на пути въ Палестину въ Малой Азіи и нашедшихъ надежный пріютъ въ дикихъ ущельяхъ Кавказскихъ горъ.

Эти народцы приводятъ насъ къ ряду горскихъ народовъ, заселяющихъ оба склона Кавказскаго хребта на всемъ его протяженіи. У всѣхъ горскихъ народовъ въ силу того, что они обитаютъ въ долинахъ и по склонамъ Кавказскихъ горъ съ незапамятныхъ временъ, въ сходныхъ болѣе или менѣе условіяхъ, которыя, соотвѣтственно одинаковымъ способамъ добыванія средствъ къ жизни приводятъ къ сходному строю, очень много общаго, несмотря на различіе въ типахъ и нарѣчіяхъ. Всѣ они сравнительно недавно приняли исламъ, за исключеніемъ осетинъ, которые, разселившись по лѣвому притоку верхняго Терека (Геналъ-донъ, Гизалъ-донъ, Фіахъ-донъ, Ардонъ, также въ верховьяхъ Бѣлой и Уруха), вклинились между ними и вмѣстѣ съ грузинами вдоль военно-грузинской дороги, съ хевсурами, пшавами и тушинами, почти отдѣлили горцевъ восточнаго крыла Кавказа — лезгинъ и чеченцевъ, отъ горцевъ Западнаго крыла. Западная половина Кавказа отличается отъ восточной гораздо болѣе влажнымъ климатомъ и богатствомъ природы, разнообразіе и пышность которой достигаютъ наивысшаго размѣра на Черноморскомъ побережьи. Черезъ это же побережье западный Кавказъ всегда находился въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Малой Азіей, Балканскимъ полуостровомъ и даже съ Европой. Прибрежные города съ древности представляли оживленные пункты торговли, благодаря которымъ обитатели горныхъ склоновъ и подножій вступали въ культурныя отношенія съ внѣшнимъ міромъ. Соотвѣтственно большему плодородію почвы и обильному орошенію здѣсь была воздѣлана болѣе значительная площадь земли, земледѣліе процвѣтало, земледѣльческій трудъ давалъ избытокъ, земледѣльцы являлись предметомъ эксплоатаціи.

Торговля, набѣги и разбои питали воинственность. Поэтому у горцевъ западнаго Кавказа естественно развились болѣе сложныя формы жизни. Здѣсь существовало дѣленіе на сословія, крѣпостное право, рабство и рабскій трудъ. Иными словами бытъ и общественный строй оказался пропитаннымъ аристократически-феодальными началами.

Между тѣмъ въ восточномъ Кавказѣ, въ гористой и лѣсистой Чечнѣ, въ скалистыхъ и малоплодородныхъ ущельяхъ и долинахъ Дагестана, уединенныхъ отъ остального міра сухими степями на сѣверѣ и югѣ и прилегающихъ къ пустынному и слабо оживленному международной торговлей Каспійскому морю, источники существованія туземнаго населенія были гораздо скуднѣе. Оттого здѣсь при общихъ почти всему кавказскому населенію племенно-родовыхъ началахъ бытъ горскаго населенія отличается демократическимъ строемъ.

Осетинъ.

Западные и восточные горскіе народы до извѣстной степени разобщены другъ отъ друга осетинами и грузинами. Осетины, при сходствѣ быта и образа жизни съ сосѣдними горцами, во многомъ отличаются отъ нихъ. Прежде всего они чужды имъ по происхожденію. Осетины, называющіе сами себя ирони, повидимому, иранцы. Всего вѣроятнѣе мнѣніе, согласно которому современные осетины Кавказа остатокъ многочисленнаго народа аланъ, перевалившихъ нѣкогда по Дарьяльскому ущелью черезъ Кавказъ. Аланы заселяли южно-русскія степи, но принуждены были стушеваться подъ наплывомъ новыхъ выходцевъ изъ Азіи. Подъ именемъ касоговъ, яссовъ, ассовъ они извѣстны древнерусскимъ лѣтописцамъ, разсказывающимъ о борьбѣ съ ними южнорусскихъ князей въ Тмутаракани, древней Киммеріи. По строенію тѣла, чертамъ лица и выраженію физіономіи осетины отличаются отъ живущихъ смежно съ ними кабардинцевъ и грузинъ. Между ними сравнительно много голубоглазыхъ блондиновъ. Разные обычаи, какъ напр. обнаженіе головы при поклонѣ, нѣкоторые свадебные обряды, формы утвари и украшеній, употребленіе стульевъ и высокихъ столовъ, вилокъ, ножей и ложекъ, обычай спать на постеляхъ вводили изслѣдователей въ искушеніе сближать осетинъ съ германскими племенами эпохи переселенія народовъ. Данныхъ къ этому однако очень мало, и осетины продолжаютъ оставаться загадкой для ученыхъ. Какъ прежде, такъ и теперь осетины раздѣляются на племена (дигорцы,

алагирцы, куртаны, тагауры, двалта), объясняющіяся на разныхъ нарѣчіяхъ. Одни держатся христіанства, нѣкоторые исповѣдуютъ исламъ, но въ сущности и тѣ и другіе, какъ многіе бѣдные и невѣжественные горскіе народы, остаются при первобытныхъ вѣрованіяхъ, которыя внѣшнимъ образомъ переплелись съ христіанскими легендами и обрядами. Грубый и простой бытъ соотвѣтствуетъ примитивности хозяйства, причемъ большая часть домашнихъ и полевыхъ работъ взвалены на женщинъ. Въ ряду горскихъ народовъ осетины по грубости нравовъ, грязи жилищъ, запущенности и бѣдности никогда не играли выдающейся роли ни въ культурѣ, ни въ исторіи. Численность осетинъ достигаетъ 130.000 душъ.

Осетинскія дѣвушки.

Южный склонъ западнаго Кавказа до недавняго времени заселяли абхазцы, называющіе себя апсуа, а свою страну Апсне. Прежде абхазцы занимали почти все побережье отъ устьевъ Ингура далеко на западъ. Это была очень многочисленная народность, дѣлившаяся на племена, сидѣвшія по склонамъ и подножію горъ съ глубокой

древности. Абхазцы отличаются менѣе высокимъ ростомъ, болѣе грубымъ сложеніемъ тѣла, чѣмъ горцы сѣвернаго склона, кругловатой головой, большею частью они брюнеты съ неособенно правильными чертами лица. За время долгаго пребыванія въ краѣ они отлично приспособились къ нему, покрывъ склоны и подножія горъ виноградниками, садами и плантаціями. При турецкомъ владычествѣ непокорные абхазцы, подчинявшіеся лишь временно туземнымъ князьямъ, приняли исламъ, распространенію котораго помогло надвигающееся владычество русскихъ. Но исламъ не пустилъ глубокихъ корней въ душѣ народа, какъ впрочемъ и христіанство, подъ покровомъ котораго продолжали существовать прежніе вѣрованія и обряды. Численность абхазцевъ провосходила вѣроятно 200.000 ч., но большая часть ихъ (болѣе 120.000) выселилась послѣ 1864 г. въ Турцію, и теперь разрозненные остатки ихъ обитаютъ въ горахъ въ сосѣдствѣ Сухумъ-кале.

Абхазское семейство передъ саклей.

За снѣговымъ гребнемъ горъ, въ горныхъ долинахъ сѣвернаго склона западнаго Кавказа обитали еще недавно на протяженіи 200 в. къ востоку многочисленныя племена черкесскаго народа. По всей вѣроятности это тотъ самый народъ, который древніе писатели называли керкетами. Примыкая къ степи, населенной кочевниками, обитая въ хорошо орошенныхъ и плодородныхъ долинахъ, черкесы, какъ и кабардинцы, развили у себя довольно сложный общественный строй съ феодально-воинственной основой. Необходимость въ военной организаціи выработала среди нихъ воинственно-рыцарскіе нравы, набѣги и войны вызвали къ жизни кавалерійское искусство, изящный костюмъ, сложное и богатое вооруженіе. Отсюда домашнее искусство изготовленія суконъ, бурокъ, галуновъ, чеканка и черненіе серебряныхъ и золотыхъ украшеній, изготовленіе оружія, словомъ все, что снабжало щеголеватаго джигита всѣмъ необходимымъ для войны. Сосѣдство моря поддерживало торговлю, между прочимъ женщинами,

*

которыя цѣнились въ горскомъ быту лишь какъ работницы и охотно сбывались въ турецкіе гаремы. Борьба съ русскими, селившимися по Кубани, вызвала сближеніе съ крымцами и турками, послѣдствіемъ чего явилось быстрое распространеніе ислама. Религія, подъ вліяніемъ ожесточенной борьбы съ русскимъ владычествомъ, приняла фанатичный характеръ. Когда же послѣ тяжелыхъ и долголѣтнихъ войнъ правительство рѣшило выселить черкесовъ изъ ихъ трудно доступныхъ горныхъ ауловъ, черкесы, вмѣстѣ съ абхазцами, стали массами выселяться въ Европейскую Турцію и Малую Азію. Ихъ выселилось туда около $^1/_2$ милліона, причемъ множество погибло въ пути, дѣлаясь, въ ожиданіи посадки на суда, добычей лихорадокъ и другихъ болѣзней въ душномъ и влажномъ климатѣ побережья. Въ настоящее время лишь остатки этого народа обитаютъ въ Кубанской области. Мѣстности же по верхнему теченію Урупа, Лабы, Бѣлой, Пшиша и Псекупа, также какъ южный склонъ, представлявшія прежде хорошо обработанныя пространства, превратились въ дикія заросли. Охотникъ или туристъ, блуждающій по горамъ, постоянно натыкается на заросшіе и одичавшіе черкескіе плодовые сады, которые посѣщаютъ теперь одни кабаны, да развѣ медвѣдь изрѣдка забирается сюда, чтобы полакомиться ягодами и плодами. Численность оставшихся на родинѣ черкесовъ едва-ли превосходитъ 40.000 душъ.

Кабардинецъ.

Къ востоку отъ мѣста прежняго обитанія черкесовъ между рѣкой Тебердой и до Эльборуса живутъ карачаевцы, татарская народность, исповѣдующая исламъ и говорящая на тюркскомъ нарѣчіи. Типъ ихъ явно обличаетъ татарское происхожденіе. Полагаютъ, что они попали сюда въ эпоху нашествій Тимура. Обитая среди горцевъ и подчиняясь кабардинскимъ князьямъ, они усвоили бытъ, нравы и одежду горцевъ. Численность ихъ простирается до 22—23.000.

Сосѣдями ихъ къ востоку, въ верховьяхъ Баксана, Чегема, Черека и Урвана, у подножія высочайшихъ вершинъ Кавказа, являются горскіе татары, которыхъ называютъ также таули (тавлинцы, отъ тау—гора, слѣд. „горцы“). Происхожденіе ихъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Нѣкоторые считаютъ ихъ потомками половцевъ. Въ настоящее мѣсто обитанія горскіе татары были оттѣснены въ XIV в. кабардинцами, которые нерѣдко подчиня-

ли ихъ и оказали сильное вліяніе на ихъ бытъ. Эта народность дѣлится на разныя группы, носящія названія главныхъ урочищъ, князей, ауловъ и т. п., какъ напр. урусбійцы, чегемцы, безинги, балкарцы и пр. Ихъ число колеблется въ предѣлахъ 14—15.000, причемъ многіе изъ нихъ выдаютъ себя за кабардинцевъ.

Кабардинцы, вѣтвь черкесскаго народа, попали въ мѣста нынѣшняго своего обитанія въ началѣ XIV в., въ эпоху, когда нашествіе Тимура внесло замѣшательство и вызвало передвиженія среди народностей сѣвернаго Кавказа. До утвержденія русскаго владычества существовала Большая Кабарда, между Малкой и Терекомъ, и Малая Кабарда, въ углу между сѣвернымъ и восточнымъ теченіемъ Терека. Кабардинцы, обладая всѣми выдающимися физическими и духовными качествами черкесскаго племени и занимая удобную, плодородную область, являлись именно тѣмъ народомъ, который развилъ до высшей степени всѣ оригинальныя особенности горской жизни, начиная съ щегольского, богатаго костюма, манеры держаться на конѣ и владѣть оружіемъ, и кончая утонченными правилами гостепріимства, куначества и т. п. Среди нихъ, и у родственныхъ горскихъ народовъ, развился сложный феодальный строй, на низшей ступени котораго стояли крѣпостные, не считая рабовъ изъ военно-плѣнныхъ и т. п., а на верхней—владѣтельные князья (пшитлъ), которымъ на феодальномъ правѣ были подчинены дворяне, вассалы первой степени (тлехотль), второй степени (бесленъ—вуоркъ), окруженные въ свою очередь благородными узденями, нѣчто вродѣ мелкой польской шляхты, неблагородными (логанапутъ, унаутъ). Однако, какъ вездѣ въ горахъ и въ Закавказьѣ, крѣпостная зависимость не носила личный характеръ. Повинности крѣпостныхъ имѣли опредѣленные обычаями размѣры и характеръ, они вытекали изъ факта „держанія“ земли, съ которой князь или дворянинъ не могъ согнать вассала или произвольно увеличить его повинности, не говоря про то, чтобы превратить его въ холопа. Крѣпостной, какъ личность, былъ болѣе или менѣе равноцѣненъ своему покровителю, и когда онъ входилъ въ саклю послѣдняго, высокорожденный князь вставалъ такъ же почтительно, какъ при встрѣчѣ всякаго гостя. Это не значитъ, чтобы кабардинское дворянство, подобно грузинскому, не стремилось превратить крѣпостную зависимость въ рабскую или холопскую. Вся внутренняя жизнь, также какъ внѣшніе войны, набѣги, покоренія сосѣднихъ племенъ, представляла собою подобную борьбу. Но въ условіяхъ жизни въ горахъ поползновенія этого рода складывались все болѣе и болѣе неблагопріятно для туземной аристократіи до самаго появленія русскихъ. Кабардинское дворянство очень скоро оцѣнило преимущества, какія выпадали на его долю съ водвореніемъ русскихъ, и этимъ надо объяснить, почему изъ всѣхъ горскихъ племенъ кабардинцы охотнѣе всѣхъ признали русское господство и не поддались пропагандѣ Шамиля даже въ годы, когда воинствующій мюридизмъ пользовался наибольшимъ успѣхомъ на Кавказѣ. Численность кабардинцевъ опредѣляютъ въ 80.000 ч.

Минуя описанныхъ уже осетинъ и горныхъ грузинъ, мы попадаемъ въ среду народовъ восточнаго Кавказа. По сѣвернымъ склонамъ сложеннаго изъ кристаллическихъ сланцевъ высокаго Перикительскаго хребта и по предгорьямъ его, носящимъ названіе Черныхъ горъ, по верховьямъ Сунжи, Ассы и другихъ рѣкъ лежитъ Чечня. Вся покрытая горами, которыя прежде были затянуты непроходимой чащей лѣса, Чечня до окончательнаго покоренія восточнаго Кавказа была населена многочисленными племенами и родами чеченцевъ, получившихъ это названіе отъ терскихъ казаковъ по имени разореннаго впослѣдствіи многолюднаго аула Чеченъ. Сами себя они называютъ нахчи, т. е. „люди“, „народъ“, и представляютъ, вѣроятно, потомковъ древнихъ геловъ, на что намекаетъ названіе нѣкоторыхъ племенъ (галгаи, галашеви) и ауловъ (Гели, Могели, Гелдигенъ, и пр.). Чеченцы или нахчи говорятъ на своемъ особомъ языкѣ, не имѣющемъ никакого сходства съ языками сосѣдей, кромѣ развѣ съ нарѣчіями лезгинъ аварцевъ и кюринцевъ. Обитая въ странѣ малодоступной, труднопроходимой и не обладающей значительными богат-

Дѣвушка кабардинка въ національномъ нарядѣ.

ствами, чеченцы не только сохраняли независимость, но не утратили и древняго, простого, родового быта, при которомъ не могла возникнуть аристократія, феодально-крѣпостной бытъ и владѣтельные князья. Масса чеченскаго народа, раздѣляясь на небольшія племена, среди которыхъ главными являлись ингуши, ичкеринцы, галгаи, кистинцы или кисты, представляла довольно однородную демократическую толпу, слабо подчинявшуюся родовымъ старшинамъ и жившую по давно сложившимся обычаямъ, адатамъ, въ которые внесли большія перемѣны начала мусульманскаго писаннаго закона (шаріатъ) послѣ того, какъ исламъ получилъ распространеніе въ восточномъ Кавказѣ. Воинственный характеръ этихъ племенъ поддерживался обычаемъ родовой мести, междуплеменными столкновеніями за земли и пастбища и набѣгами на сосѣдей, особенно на нагайцевъ (кража скота), на казачьи станицы по Тереку и Сунжѣ, также на югъ за главный гребень, въ Грузію. Набѣги съ цѣлью грабежа немало способствовали поддержанію демократическаго строя: бѣдный всегда могъ расчитывать поправить свои обстоятельства удачнымъ грабежомъ, между тѣмъ какъ зажиточные и богатые не находили способовъ путемъ захвата земель вносить въ отношенія къ родичамъ начала крѣпостного подчиненія. Въ этомъ отношеніи населеніе Чечни находилось въ такомъ же положеніи, какъ лезгины Дагестана, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что лѣсистая и хорошо орошенная Чечня лучше обезпечивала чеченскія племена продуктами земледѣлія и скотоводства. Среди чеченцевъ выброшенные изъ рода за какія-нибудь преступленія или продѣлки отщепенцы назывались абреками, названіе, какимъ русскіе вообще стали называть всѣхъ, кто занимался грабительскими набѣгами. Численность чеченцевъ опредѣляется теперь въ 250.000, но несомнѣнно до покоренія восточнаго Кавказа ихъ было больше, такъ какъ чеченцы, поставленные въ необходимость выселиться въ равнину, подобно черкесамъ, предпочитали эмигрировать въ Турцію, хотя и не такой массой, какъ западные горцы.

Ингушъ чеченскаго племени.

Въ подобномъ же бытѣ, какъ чеченцы, но въ условіяхъ большей бѣдности и скудности, живутъ лезгины Дагестана. Отличаясь сухостью климата, горы Дагестана

благодаря особенностямъ образованія долинъ и ущелій (каньоны), отличаются слабымъ развитіемъ склоновъ, большею частью каменистыхъ и лишенныхъ растительности. Годныхъ подъ пастбище пространствъ здѣсь немного, еще меньше пахотныхъ земель, на которыхъ посѣвы страдаютъ отъ холода и недостатка воды. Гористая мѣстность, пересѣченная глубокими ущельями пѣняющихся по камнямъ рѣкъ (четыре Койсу, составляющіе Сулакъ), охваченная кругомъ высокимъ валомъ горъ (Андійскій хребетъ на с.-з., главный Кавказскій на ю.-з.), все это дѣлала страну недоступной извнѣ и страшно затрудняло сношенія внутри. Такимъ образомъ Дагестанъ представлялъ всѣ условія скуднаго, но вѣрнаго убѣжища для вытѣсненныхъ изъ равнины племенъ, народцевъ или лишь осколковъ ихъ, спасавшихся при нашествіяхъ отъ полнаго истребленія въ горы. Хотя въ словѣ „лезгины", въ названіи племени лаки (кази-кумыки) можно узнать грузинское обозначеніе обитателей Дагестана „леки", подъ какимъ названіемъ (леги) здѣшніе жители упоминаются у древнихъ писателей, однако разнообразіе типовъ и нарѣчій въ Дагестанѣ настолько велико, что объяснить его уединеннымъ образомъ жизни каждаго аула, рѣдкостью взаимныхъ сношеній, врядъ ли представляется возможнымъ, и потому изслѣдователи полагаютъ, что кромѣ потомковъ древнихъ леговъ и геловъ нынѣшніе лезгины состоятъ въ значительной степени изъ остатковъ разныхъ племенъ, находившихъ въ разное время убѣжище и спокойное существованіе внутри трехугольника Дагестанскихъ горъ.

Чеченка.

Среди множества лезгинскихъ нарѣчій является возможность установить четыре главныхъ языка: аварскій, даргинскій, кюринскій и лакскій (кази-кумыкскій), соотвѣтственно чему и лезгинскій народъ раздѣляютъ на нѣсколько крупныхъ группъ.

Первое мѣсто по численности и роли, какую они играли въ великой эпопеѣ покоренія Кавказа, занимаютъ аварцы (около 165.000), населявшіе высокія плоскости внутренняго Дагестана между Аварской Койсу и Кара-Койсу и отсюда къ западу до области тушинъ. Родина знаменитаго Шамиля аулъ Гимри, также какъ послѣдній оплотъ его, аулъ Гунибъ, лежатъ на территоріи аварцевъ. Самъ Шамиль былъ аварецъ. Къ западу

отъ нихъ, за Богосскимъ хребтомъ, по верхнему теченію Андійской Койсу обитаютъ въ числѣ 10.000 душъ дидойцы, которыхъ по происхожденію считаютъ потомками грузинъ,

Аварецъ.

выходцевъ изъ смежной Кахетіи. Ниже по теченію той же Андійской Койсу обитаютъ андійцы въ числѣ около 26.000. Этихъ горцевъ ставятъ въ родство съ горскими евреями, обитающими и сейчасъ въ городѣ Кубѣ и вокругъ него. Аварцы, дидойцы и андійцы

распадаются въ свою очередь на болѣе мелкія племена. Кромѣ сходства въ бытѣ, общее у всѣхъ у нихъ то, что нарѣчія ихъ, повидимому, родственны аварскому языку, такъ какъ съ помощью послѣдняго можно съ грѣхомъ пополамъ объясняться со всѣми этими племенами. Плоскости по обѣ стороны самой восточной Койсу—Казикумыкской и до Кара-Койсу на западѣ занимаютъ лаки или казикумыки, числомъ до 50.000 г., говорящіе на своемъ особомъ языкѣ, позади которыхъ по верхнему Самуру и до главнаго гребня, обитаетъ немногочисленный народецъ рутуловъ (около 12.000 душъ), по типу и языку примыкающій къ кюринцамъ или лезгинамъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Кюринцы—самая многочисленная народность Дагестана; ихъ насчитываютъ до 150.000 ч., и пользуются они опять особымъ языкомъ, нарѣчія котораго распространены далѣе къ востоку у народцевъ, обитающихъ уже на краю горъ, по склонамъ, спускающимся къ Каспійскому морю. Сюда принадлежатъ агулы (около 7.000 ч.), табассаранцы (около 17.000 ч.), обитающіе въ горахъ надъ Дербентомъ. Здѣсь же, въ сѣверо-восточной части Дагестана, между моремъ и Казикумыкской Койсу, обитаютъ лезгинскія племена общей численностью до 125.000 душъ, пользующіяся нарѣчіями даргуинскаго языка.

Аварка 23 л. изъ аула Хиндаркъ близъ Гуниба.

Въ то время какъ въ западномъ Кавказѣ исламъ сталъ распространяться недавно, въ послѣднія 200—300 лѣтъ, проникая въ горы благодаря сношеніямъ съ крымскими татарами и турками, въ Дагестанѣ магометанство утвердилось гораздо раньше, въ VIII ст. при нашествіи арабовъ, когда само вѣроученіе это носило еще на себѣ печать свѣжести и непосредственности молодого пыла. Раньше всего оно было принято лаками (кази-кумыками, вѣрнѣе гази-кумыками отъ арабскаго слова гази, т. е. обращенный), которые распространили его среди сосѣдей тѣмъ легче, что кази-кумыки находились всегда въ оживленныхъ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, такъ какъ именно у нихъ процвѣтали всѣ отрасли туземной промышленности, какими издавна славились лезгинскія племена. Лучшіе кузнецы и оружейники, изготовлявшіе знаменитые кинжалы, шашки, впослѣдствіи винтовки, имѣлись среди кази-кумыковъ; точно также славились они какъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, вообще въ отрасли обработки металловъ, снабжая превосходнымъ оружіемъ сосѣдей, вѣчно нуждавшихся въ немъ при той военно-безпокойной жизни, какая всегда царила въ горахъ.

Безплодіе и сухость Дагестана были причиной того, что жители его принуждены бывали искать сторонних заработковъ. Они обращались къ кустарнымъ промысламъ или уходили, находя себѣ заработки у земледѣльцевъ Каспійскаго побережья и въ сосѣдней низменности, населенной грузинами и татарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря географическому положенію Дагестана при морѣ, вдоль котораго тянулся вѣковой путь народовъ къ сѣверу, и въ сосѣдствѣ той части Закавказья, которая съ древнѣйшихъ временъ подвергалась вліянію восточныхъ странъ, именно Персіи, населеніе Дагестана поддерживало сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Поэтому при всей своей бѣдности лезгинскія племена отнюдь не находились въ такомъ низкокультурномъ состояніи, какъ какіе нибудь заброшенные въ горы сванеты или осетины. Здѣсь, среди простоты быта и демократичности нравовъ, можно сказать, процвѣтала мусульманская ученость, т. е. грамотность, чтеніе и толкованіе корана; сюда заносились ученія новыхъ мусульманскихъ сектъ, здѣсь спорили и толковали о вѣрѣ и отъ слова переходили къ дѣлу.

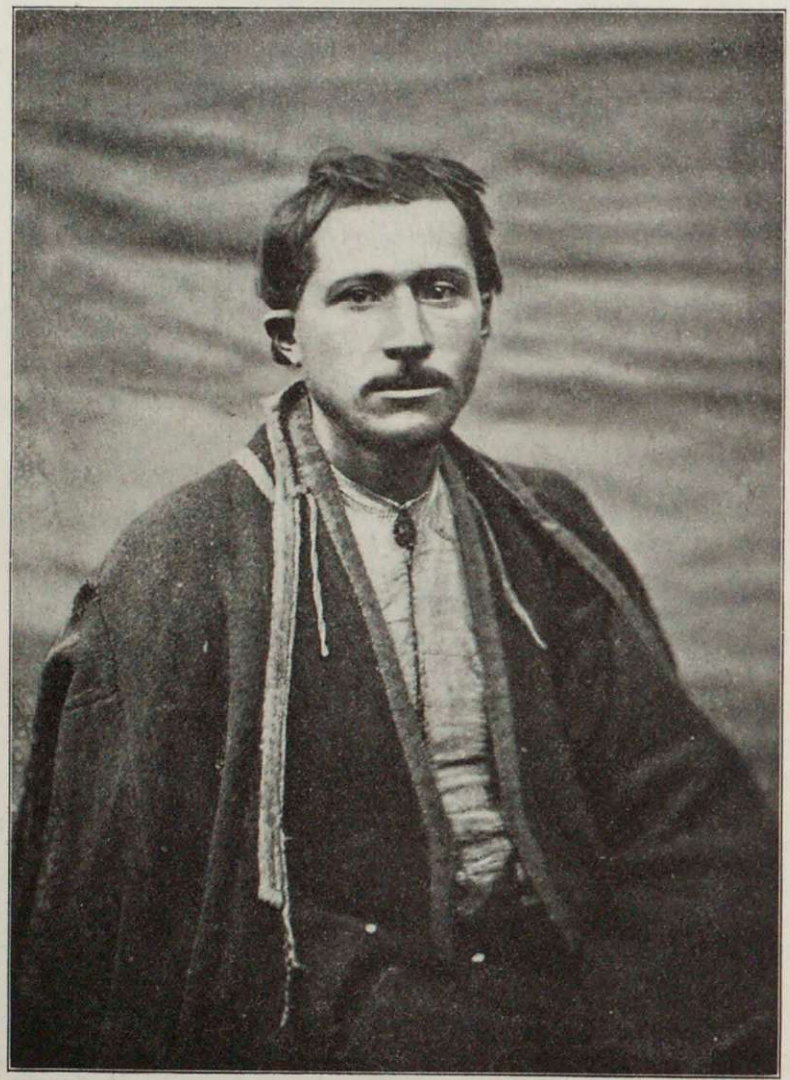

Аварка 23 л. изъ аула Хиндаркъ близъ Гуниба (профиль).

Крайній востокъ, именно склоны горъ Дагестана, отъ горы Баба-дагъ и отчасти низменное побережье Каспійскаго моря съ Апшеронскимъ полуостровомъ занимаютъ таты, числомъ около 85.000, народность иранскаго происхожденія, типъ которыхъ обнаруживаетъ немалую примѣсь еврейской крови. Они говорятъ нарѣчіемъ персидскаго языка, въ которомъ изслѣдователи усматриваютъ много еврейскихъ словъ, оборотовъ и т. п. По мнѣнію иныхъ изслѣдователей таты — евреи, выселенные древне-персидскими царями на окраину государства послѣ того, какъ они прожили достаточно времени въ царствѣ Ахеменидовъ. Въ эпоху нашествія арабовъ таты въ одно время съ лезгинами приняли исламъ.

Когда русскія владѣнія приблизились къ Кавказскимъ горамъ, и усилились взаимныя враждебныя отношенія, исламъ сталъ быстро распространяться среди горцевъ, такъ какъ его вѣроученіе съ проповѣдью газавата, т. е. войны противъ невѣрныхъ, усиливало воинственное настроеніе горскихъ племенъ, видѣвшихъ не только приближеніе опасности, но уже ощущавшихъ на своихъ бокахъ распространеніе русскаго господства. Когда, наконецъ, въ началѣ XIX ст. окончательно была присоедина Грузія, когда въ ней появилась русская администрація, русскія войска и началась

борьба съ Персіей и Турціей, Кавказкія горы съ ихъ разноплеменнымъ населеніемъ оказались какъ бы въ осадѣ. Населеніе горъ нигдѣ не могло похвастаться зажиточностью. При тѣхъ способахъ хозяйства, какія допускала природа страны, обитатели кавказскихъ ауловъ могли существовать лишь въ условіяхъ сохраненія своего быта, т. е. вѣковыхъ обычаевъ, носившихъ характеръ народнаго права, которое, худо или хорошо, опредѣляло всѣ отношенія. Личность входила въ составъ рода. Отсюда напр. повсемѣстно распространенный сбычай кровной мести, который однако вовсе не сопровождался постояннымъ кровопролитіемъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ подобныя дѣла кончались судомъ и уплатой пени. Всякаго рода споры, вытекавшія изъ владѣнія и пользованія землей, размѣры повинностей, дѣла о наслѣдованіи, уголовныя и другія регулировались этими обычаями, адатами. Распространеніе русскаго владычества, появленіе русской администраціи съ ея дореформенными замашками управленія вносили полное разстройство и смуту въ жизнь горскихъ народовъ. Если въ настоящее время при современномъ состояніи науки о первобытной культурѣ, о народномъ хозяйстве для пониманіе быта кавказскихъ горцевъ требуются внимательныя изслѣдованія, то можно себѣ представить какими глазами смотрѣли въ то время администраторы Кавказа на обычаи горскихъ народовъ, представлявшихся имъ скопищемъ дикихъ суевѣрій и необузданности нравовъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ естественно происходили захваты земель, злоупотребленія при взиманіи налоговъ, отбываніи повинностей, судопроизводство по уголовнымъ дѣламъ по чужимъ законамъ, на чужомъ языкѣ, то становится понятнымъ, что заимныя отношенія должны были принимать все болѣе и болѣе враждебный характеръ. Если мирное и культурное населеніе земледѣльческой Грузіи неоднократно производило возстанія и всякаго рода волненія, то не удивительно, что привыкшее къ самоуправленію и свободѣ населеніе горъ еще менѣе могло быстро и просто помириться съ подчиненіемъ русской власти.

Кюринецъ аула Кюзюнъ Бак. губ. Куб. у.

Присоединеніе Закавказья вызвало необходимость покоренія и замиренія кавказскихъ

горцевъ. Но предпріятіе это, представлявшееся вначалѣ легкимъ и простымъ, вскорѣ превратилось въ долголѣтнюю борьбу, потребовавшую сотенъ тысячъ солдатъ, сотенъ мильоновъ рублей расходовъ и неимовѣрныхъ усилій и трудовъ. „Мошенники“ и „разбойники“, какъ называли тогда горцевъ, въ теченіе всего царствованія Николая и до самаго плѣненія Шамиля въ августѣ 1859 г. съ успѣхомъ держались въ своихъ горныхъ гнѣздахъ. Въ періодъ 1840—1854 г. успѣхи Шамиля были таковы, что даже подумывали о томъ, не помириться ли съ нимъ, предоставивъ ему Дагестанъ въ видѣ болѣе или менѣе независимаго владѣнія. Въ этой борьбѣ главную роль играли горцы внутренняго Дагестана и чеченцы. Вступивъ въ борьбу разрозненными племенами, горцы продолжали ее, постепенно организуясь подъ руководствомъ Шамиля, который раздѣлилъ признавшія его власть области на наибства, устроилъ свои финансы на основѣ болѣе или менѣе разумнаго обложеніями налогами, учредилъ судъ и организовалъ армію, при которой завелъ даже артиллерію. Что же касается выработанной имъ стратегіи и тактики, то совершенствомъ способовъ веденія войны и административнымъ геніемъ Шамиля только можно объяснить, какъ эти бѣдные и въ сущности малочисленные племена десятилѣтіями могли бороться съ лучшими войсками и генералами русской арміи.

Даргинка 40 л. изъ аула Лаваши Даргинск. окр. средн. Дагестана.

III.

Земельные надѣлы. — Численность и плотность населенія. — Сословный строй и земельныя отношенія. — Крестьянская реформа и земельная неурядица. — Хизане. — Хозяйственно-административное неустройство. — Преступность и разбой. — Заключеніе.

Въ 1897 году общая численность населенія Кавказскаго края выражалась цифрой 9.248.695 чел. Съ тѣхъ поръ оно конечно возросло. Средняя плотность приближается къ таковой же для всей Европейской Россіи. Въ виду особенностей природы края не удивительно, что изъ общей площади Кавказскаго края огромныя пространства горъ Кавказской системы и Закавказья совершенно негодны для жительства. Въ восточномъ Закавказьѣ, многія земли пришли въ негодное для культуры состояніе вслѣдствіе того, что существовавшія здѣсь прежде оросительныя сооруженія уничтожились, а новыя работы въ этомъ направленіи только начались. Наконецъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что культурное

состояніе населенія Кавказа вообще запущено. Жители въ дѣлѣ хозяйства и изысканія средствъ пропитанія не только предоставлены самимъ себѣ, вѣрнѣе, собственному невѣжеству, такъ что обработка почвы производитсл устарѣлыми орудіями и способами, не предпринималось и общихъ мѣръ для подъема благосостоянія края, какъ напр. проведеніе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, землеустройство, учрежденіе кредитныхъ учрежденій, школы, самоуправленіе и т. п. Въ виду этого, несмотря на плодородіе почвы и присутствіе другихъ естественныхъ богатствъ, какъ то лѣса, полезныхъ ископаемыхъ, рыбы въ рѣкахъ и моряхъ, населеніе почти вездѣ, кромѣ западнаго Предкавказья, испытываетъ нужду въ землѣ и живетъ мѣстами въ условіяхъ крайней бѣдности и заброшенности. Во многихъ частяхъ Закавказья средняя плотность населенія превосходитъ 100 ч. на кв. в. (въ Сигнахскомъ у. 115 ч., въ Сенакскомъ—114 ч., въ Хонскомъ участкѣ Кутаисск. у.—110 ч.). Между тѣмъ величина надѣловъ, которыми пользуются крестьяне, крайне невелика. Въ Кутаисской губ. въ среднемъ на „дымъ“ (семью) приходится, удобной пахотной земли 3,28 десятины. При разсчетѣ на душу надѣлы представляются еще болѣе ничтожными. Пахотной и садовой земли приходилось въ концѣ XIX в. въ среднемъ на каждую душу мужского пола въ Тифлисской губ. 1,72 дес., въ Бакинской—1,47, въ Елизаветпольской—2,19, въ Эриванской—1,71, а въ Кутаисской—0,77 [2]). Несмотря на феноменальное плодородіе почвы, при которомъ участокъ такъ называемой чалтычной земли, т. е. земли, засѣваемой ежегодно, даетъ урожаи въ самъ 12—15 сорочинскаго пшена, родитъ хлопокъ, кунжутъ и т. п., положеніе закавказскаго хлѣбопашца почти вездѣ крайне жалкое. Кромѣ малоземелья и неравномѣрнаго владѣнія сюда присоединяется цѣлый рядъ неустройствъ и прежде всего земельная неурядица.

Даргинка 40 л. изъ аула Лаваши Даргинс. (профиль).

Въ моментъ присоединенія Грузіи владѣнія грузинскихъ царей находились въ состоя-

---

[1]) И. Джаваховъ, Политическое и соціальное движеніе въ Грузіи въ XIX в. стр. 41.

[2]) Сводъ матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края; т. II, стр. 366—368.

ніи тяжелаго кризиса. Въ Грузіи и въ сосѣднихъ владѣніяхъ издавна существовало крѣпостное право, которое въ отношеніи пользованія землей и отправленія повинностей регулировались цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ обычаевъ и законовъ, возникавшихъ и укрѣплявшихся въ теченіи вѣковъ, чуть не тысячелѣтій. Уже древніе писатели упоминаютъ о сословномъ строѣ колховъ и иверовъ. Въ дальнѣйшемъ этотъ сословный строй, конечно, развивался, и по мѣрѣ роста населенія взаимоотношенія крѣпостного и дворянскаго сословія непрерывно осложнялись, выливаясь въ самыя разнообразныя формы. Въ отличіе отъ крѣпостного права въ Россіи, гдѣ оно въ концѣ концовъ превратилось въ рабство, на Кавказѣ этотъ институтъ нигдѣ не выродился въ эту форму. Личность крѣпостного, хотя оцѣнивалась закономъ ниже, чѣмъ личность свободнаго и дворянина, однако нигдѣ не опускалась до состоянія раба или холопа. Крѣпостной, согласно обычаю и законамъ, обладалъ совокупностью правъ, повинности и обязанности его вытекали изъ факта „держанія" земли. Пока онъ исправно отправлялъ эти повинности, землевладѣлецъ не имѣлъ власти надъ нимъ внѣ границъ этихъ установленныхъ обязательствъ. Въ случаѣ несчастій—неурожая, пожара, нашествія враговъ и т. п., опять таки обычай устанавливалъ цѣлый рядъ мѣръ, которыми землевладѣлецъ-дворянинъ и его крѣпостные обязаны были опредѣленной помощью другъ другу. Кромѣ общиннаго землевладѣнія, существовало и частное. Раздѣльное пользованіе простиралось лишь на пахотныя и садовыя земли. Лѣса и пастбища служили для общаго пользованія (сервитуты).

Какъ вездѣ, жизнь не шла здѣсь мирно и спокойно. Дворянство, т. е. крупные и привиллегированные землевладѣльцы непрерывно стремились расширить свои права и владѣнія насчетъ крѣпостныхъ. Но въ этомъ отношеніи они встрѣчали постоянный отпоръ, какъ въ лицѣ давнихъ обычаевъ и законовъ, постепенное устраненіе или измѣненіе которыхъ не представляло бы особыхъ затрудненій, еслибы Грузія и другія независимыя или автономныя владѣнія на Кавказѣ не находились постоянно подъ угрозой внѣшней опасности. Необходимость вести борьбу на всѣ стороны (противъ горцевъ, персіянъ, турокъ) требовала постояннаго напряженія всѣхъ силъ населенія, а это обстоятельство не позволяло центральной власти слишкомъ несправедливо усиливать преимущества высшихъ сословій и тѣмъ вносить разстройство въ экономическую жизнь массъ. Тѣмъ не менѣе съ увеличеніемъ населенія внутреннія и внѣшнія неурядицы росли, и къ концу XVIII ст. Грузія почувствовала невозможность существовать долѣе безъ опоры со стороны сильнаго сосѣда, какимъ являлась христіанская Россійская имперія, которая одна могла гарантировать Закавказью внѣшнюю безопасность.

Въ 1783 г. царь Грузіи заключилъ съ императрицей Екатериной трактатъ, согласно которому „Ея Величество даетъ Императорское свое ручательство за сохраненіе цѣлости настоящихъ владѣній Е. С. Царя Ираклія Теймуразовича... Ея Императорское Величество, пріемля съ благоволеніемъ признаніе верховной власти и покровительства надъ царствами Карталинскимъ и Грузинскимъ, обѣщаетъ именемъ своимъ и преемниковъ своихъ: 1) народы тѣхъ царствъ почитать пребывающими въ тѣсномъ союзѣ и совершенномъ согласіи съ имперіей ея и, слѣдственно непріятелей ихъ признавать за своихъ непріятелей, 2) свѣтлѣйшаго царя Ираклія Теймуразовича и его дому наслѣдниковъ и потомковъ сохранять безпремѣнно на царствѣ Карталинскомъ и Кахетинскомъ, 3) власть со внутреннимъ управленіемъ сопряженную, судъ и расправу и сборъ податей предоставить его свѣтлѣйшеству царю въ полную его пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступаться въ какія либо распоряженія. За это его свѣтлѣйшество царь обѣщаетъ за себя и потомковъ своихъ: 1) быть всегда готовымъ на службу его Величества съ войсками своими, 2) съ начальниками россійскими обращаться за всегдашнемъ сношеніи по всѣмъ дѣламъ до службы ея императорскаго величества касающимся, удовлетворять ихъ требованіямъ и поданныхъ ея Величества охранять отъ всякихъ обидъ и притѣсненій и

кромѣ того обѣщаетъ его свѣтлость безъ предварительнаго соглашенія съ главнымъ пограничнымъ начальникомъ и министромъ ея императорскаго величества, при немъ аккредитуемымъ, не имѣть сношенія съ окрестными владѣтелями“ [1]).

Однако въ первые годы по присоединеніи Грузіи цари и дворянство обманулись въ выгодахъ, какихъ ожидали отъ подданства Россіи. Имперія была занята своими дѣлами, и Грузія была почти предоставлена себѣ, являясь предметомъ честолюбивыхъ замысловъ персидскаго шаха Магомета Аги [2]). Когда же въ началѣ XIX в. русскіе утверждаются въ Закавказьѣ, то, согласно началамъ господствовавшаго въ Имперіи строя, правительство,— главнокомандующіе и администраторы Закавказья, отнюдь не считали нужнымъ считаться съ договорами и мѣстнымъ состояніемъ. 12 сент. 1801 г. открыто было объявлено о присоединеніи Грузіи къ Россіи и уничтоженіи царства. Такъ какъ этотъ актъ совершенно не отвѣчалъ интересамъ привилегированыхъ сословій, то, чтобы вырвать ихъ согласіе пришлось прибѣгнуть къ насилію. Домъ въ Тифлисѣ, въ который были приглашены дворянство, духовенство и горожане, былъ оцѣпленъ войсками, и собравшимся было приказано принять присягу. До 30 годовъ XIX в. закавказское дворянство не могло примириться съ перемѣнами въ положеніи и постоянно волновалось. Такъ какъ въ войнахъ съ Персіей и Турціей сельское населеніе облагалось цѣлымъ рядомъ разорительныхъ повинностей, мѣстные обычаи и законы не уважались, замѣняясь сложнымъ и непригоднымъ для края дѣлопроизводствомъ по русскимъ закономъ и на русскомъ языкѣ, при наличности вдобавокъ произвола и хищенія дореформенной администраціи, то неудивительно, что Закавказье являлось ареной безпрерывныхъ возстаній и волненій, во главѣ которыхъ вначалѣ стояло недовольное дворянство.

Бакинская татарка.

---

[1]) И. Джаваховъ, Политическое и національное движеніе въ Грузіи во XIX в. стр. 6—7.

[2]) М. Покровскій, Россія, Турція и Персія въ Закавказьѣ (1800—1829) Исторія Россіи въ XIX в. вып. 21 стр. 293 и далѣе.

Дворянство болѣе или менѣе примирилось со своимъ положеніемъ послѣ того, какъ на него начали фактически распространяться привилегіи русскаго дворянства, а особенно съ тѣхъ поръ, какъ правительство, въ корнѣ не понимая мѣстныхъ земельныхъ и правовыхъ отношеній, на дѣлѣ уравнивало сельское крѣпостное населеніе Закавказья съ русскимъ крѣпостнымъ крестьянствомъ [1]) что, конечно, значительно укрѣпляло землевладѣльцевъ въ ихъ аграрной борьбѣ со своими крѣпостными. Но дѣйствительность медлено или вовсе не поддается подобнымъ перемѣнамъ. Несмотря на усилія дворянства и покровительство властей, отношенія между крѣпостнымъ крестьянствомъ и землевладѣльцами продолжали строиться на прежнихъ обычаяхъ—разрослась только неурядица, взаимные споры, тяжбы и волненія аграрнаго характера, необычайно увеличилось число лицъ, искавшихъ свободу отъ помѣщиковъ.

Дворянское недовольство въ Грузіи, закончившееся неудачнымъ заговоромъ 1832 г., возбуждало въ крѣпостныхъ извѣстныя надежды на облегченіе своего положенія мѣрами правительства. Но послѣ того, какъ дворянство и другія зажиточныя сословія Закавказья болѣе или менѣе примирились со своимъ положеніемъ и дѣятельно стали извлекать изъ него выгоды, масса земледѣльческаго населенія должна была разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ.

Недовольство, проистекавшее какъ отъ притѣсненій помѣщиковъ, такъ и отъ неудовлетворительнаго состоянія администраціи и управленія въ краѣ, смѣнилось новыми надеждами въ 1860 г., когда распространились слухи объ упраздненіи крѣпостного права. Однако отмѣна его на Кавказѣ послѣдовала лишь въ 1864—65 гг., притомъ реформа проводилась на тѣхъ же началахъ, что и въ Россіи, не считаясь съ мѣстными условіями. Такъ напр. въ Грузіи повсемѣстно существовали сервитуты, т. е. право пользованія крестьянъ лѣсомъ и лугами. При освобожденіи крѣпостныхъ въ Грузіи подобныя права не были приняты во вниманіе, и крестьяне въ большинствѣ случаевъ не получали въ отмѣну ихъ соотвѣтствующее удовлетвореніе. Тяжелыя послѣдствія этихъ рѣзокъ становились тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ больше времени проходило съ момента отмѣны крѣпостного права.

Такъ какъ владѣніе и пользованіе земельными участками основывалось на безспорномъ правѣ давности, на обычаѣ и лишь въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ на документахъ, то это создавало страшную путаницу въ земельныхъ дѣлахъ. Черезполосность и дробность земельныхъ участковъ вызывали массу споровъ которые, благодаря медленности дореформеннаго судопроизводства, были положительно безконечны. Хотя въ 1861 г. судъ упорядочился, но отсутствіе размежеванія явилось причиной того что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ владѣльцы земель, мелкіе конечно, до сихъ поръ не имѣютъ точныхъ документовъ на свою землю. Это открываетъ широкій просторъ произволу и страшной порчѣ нравовъ. Самовольные захваты, насилія и тяжбы—обычное явленіе въ краѣ. Разъ главныя доказательства права владѣнія покоятся на давности, то это обстоятельство при легкости лжесвидѣльствованія, незнанія русскаго языка туземцами, а чиновниками туземнаго (судопроизводство отправляется на русскомъ языкѣ), привело постепенно къ тому, что лучшія казенныя земли оказались расхищенными большею частью мѣстными привилегированнымя лицами, туземными и пришлыми, и для надѣленія землей малоземельныхъ остались главнымъ образомъ негодные участки—неорошаемыя, неудобныя, пастбищныя и т. п. земли. Понятно, что все это тормозитъ культурное развитіе страны: землевладѣлецъ, неувѣренный въ завтрашнемъ днѣ, не можетъ улучшить свое хозяйство, при шаткости права на землю трудно существовать и кредиту. Несмотря на то, что со времени освобожденія протекло нѣсколько десятилѣтій, крестьянскія учрежденія въ бывшей Грузіи не вездѣ составили уставныя грамоты, положеніе крестьянъ не вездѣ разъяснено и регу-

[1]) Циркуляръ кн Чернышева 1842 г. предписывалъ администраціи держать грузинскихъ крестьянъ въ безусловномъ повиновеніи помѣщикамъ.

лировано, а главное крестьянскія земли до сихъ поръ не выкуплены, и дѣло выкупа крайне затрудняется тѣмъ, что цѣны на землю поднялись во много разъ со времени освобожденія, а между тѣмъ выкупная операція имѣетъ въ виду прежнія цѣны. Переходное состояніе временно-обязанныхъ простирается до сихъ поръ на бывшихъ крѣпостныхъ Закавказья; а при неполнотѣ правилъ, устарѣлости ихъ, да еще принимая во вниманіе, что мировые посредники большею частью мѣстные землевладѣльцы, преслѣдующіе собственные и сословные иитересы, что повинности носятъ натуральный характеръ (въ доляхъ урожая—отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ его), то и неудивительно, что всѣ земельныя отношенія представляютъ настоящій хаосъ и порождаютъ непрерывающуюся повсемѣстную смуту и неудобство.

Въ такомъ же положеніи находятся крестьяне въ бывшихъ татарскихъ ханствахъ, въ губерніяхъ Эриванской, Елизаветпольской и Бакинской. До присоединенія къ Россіи землевладѣніе и землепользованіе существовали здѣсь на такихъ же началахъ, какъ въ Турціи и Персіи. Земля въ общемъ составляла собственность „государя"—хана, шамхала и т. д., а онъ уже отдавалъ ее въ пожизненное или потомственное владѣніе разнымъ бекамъ, агаларамъ и другимъ лицамъ привиллегированныхъ сословій. Поселяне, населявшіе эти имѣнія, не были прикрѣплены къ нимъ, а лишь отбывали разнообразныя повинности въ пользу владѣльцевъ и казны за извѣстную долю урожая. Русская власть, не считаясь съ мѣстнымъ положеніемъ, приравняла этихъ бековъ къ помѣщикамъ, а поселянъ къ казеннымъ крѣпостнымъ, обязаннымъ отбывать повинности бекамъ. Здѣсь, при пестротѣ всѣхъ отношеній и разноцѣнности земель (вслѣдствіе искусственнаго орошенія), земельная реформа по плану 1861 г. натыкалась на такія трудности и противорѣчія, что земельная неурядица превосходитъ даже то, что наблюдается въ Грузіи. То, что легко регулировалось мѣстными обычаями, соглашеніями, туземнымъ судомъ, покоилось на тысячелѣтней практикѣ и привычкахъ населенія, никакъ не умѣщалось въ рамки законовъ, создававшихся для коренной Россіи. А такъ какъ исполнителями являлись чиновники, нисколько не заинтересованные въ успѣшномъ разрѣшеніи дѣлъ, не знающіе края, нравовъ и языка туземцевъ, принужденые въ добавокъ проводить мѣры, идущія въ разрѣзъ мѣстнымъ настроеніямъ и теченіямъ, то послѣдствіемъ этого является неустройство, охватывающее чуть не весь край.

Земельная реформа не закончена на Кавказѣ ни въ отношеніи помѣщичьихъ, ни тѣмъ болѣе въ отношеніи казенныхъ крестьянъ. Еще сложнѣе дѣло обстоитъ съ отдѣльными группами, какими являются хизане, число которыхъ достигаетъ въ Грузіи многихъ десятковъ тысячъ. Хизанъ—это свободный или же крестьянинъ—казенный, помѣщичій или церковный, который, будучи гонимъ изъ своего постояннаго мѣстожительства малоземельемъ, голодомъ и другими бѣдствіями, находилъ пріютъ на сторонѣ, у помѣщика, казеннаго или частнаго учрежденія, оставаясь или не оставаясь въ крѣпостной зависимости отъ прежняго помѣщика. Отъ новаго покровителя хизанъ получалъ въ пользованіе участокъ земли, но отбывалъ ему только поземельныя повинности. Повинностей же личныхъ, какъ то: денежнаго сбора по раскладкамъ помѣщика, домашней службы, платежей или работъ за раздѣлъ, свадьбу, крестины, похороны и т. п. хизанъ не отбывалъ иначе, какъ по собственному побужденію. По законамъ царя Вахтанга хизанъ, по истеченіи 30 лѣтъ хизанства, переходилъ въ крѣпостное состояніе. Большинство хизанъ живетъ въ неразмежеванныхъ мѣстахъ, на спорной землѣ, охраняя права землевладѣльца на эту землю противъ притязанія сосѣдей. Повинности или плата за землю зависитъ отъ размѣра урожая и многихъ другихъ условій. Срокъ пользованія не опредѣленъ—хизанъ живетъ, пока чувствуетъ себя на мѣстѣ хорошо; пока онъ исправно выполняетъ свои обязательства, патронъ, согласно обычаю, не можетъ согнать его съ земли. Хизанъ беретъ землю, чаще лѣсъ, вырубаетъ его, корчуетъ землю, разводитъ садъ, строитъ себѣ домъ, дѣлая это конечно не для временнаго житья, а навсегда, и ни хизане, ни сами владѣльцы никогда не думали о томъ, чтобы когда-нибудь хизанамъ

пришлось бросать насиженныя мѣста. Хизанство представляетъ одинъ изъ случаевъ такихъ представленій о землевладѣніи и землепользованіи, какія уже не укладываются въ современныя юридическія нормы, и потому не поддаются законодательному регулированію. Между тѣмъ обычаи и строй жизни населенія повсюду на Кавказѣ покоятся на подобныхъ воззрѣніяхъ, и потому основанное на русскихъ законахъ управленіе краемъ, равно какъ взгляды и привычки администраціи постоянно наталкиваются или не сопротивленіе или на прямую невозможность прочно установить норму закона. При отсутствіи самоуправленія, которое, основываясь на мѣстныхъ обычаяхъ, могли бы считаться съ разнообразными условіями многочисленныхъ географическихъ и этнографическихъ особенностей края, управленіе представляетъ на Кавказѣ непреодолимыя трудности, и за все время русскаго господства на Кавказѣ ни одна отрасль народнохозяйственной жизни не является упорядоченной.

Такъ какъ многія части Кавказа являются завоеванными, и туземное населеніе во многихъ мѣстахъ эмигрировало, то пустопорожнія земли представлялось необходимымъ заселить русскими. Таковы были напр. покинутыя абхазцами и черкесами земли въ западномъ Кавказѣ. Однако колонизація земель русскимъ элементомъ оказалась по множеству причинъ крайне неудачной какъ разъ въ этихъ мѣстахъ и невозможной въ другихъ частяхъ, такъ какъ въ Закавказьѣ удобныя земли густо заселены туземцами, и колонистамъ мѣста, нѣтъ или же есть пустыя земли, но они оказываются негодными безъ широкихъ и дорого-стоющихъ затратъ на оросительныя и т. п. работы. Хорошо устраивались только сектанты (молокане, духоборы), но изъ нихъ духоборы вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій администраціи, предпочли выселиться въ Канаду. За сто лѣтъ владѣнія Кавказомъ, при громадныхъ суммахъ, потраченныхъ на умиротвореніе и администрацію, въ отношеніи культурнаго устройства края было сдѣлано такъ мало расходовъ, приложено такъ мало разумныхъ усилій, что Кавказъ до сихъ поръ лишенъ самыхъ необходимыхъ условій для развитія благосостоянія населенія, которое однако непрерывно ростетъ. Земельная неурядица, бездорожье, законы и администрація, неприспособленные къ особенностямъ края, отсталое состояніе народнаго образованія, рабочій вопросъ, появившійся на сцену съ тѣхъ поръ, какъ выросли нефтеносные районы и обслуживающіе ихъ порты и, наконецъ, національная и религіозная распря, раздирающая разноплеменное населеніе Кавказа—все это принимаетъ на мѣстѣ болѣе и болѣе острый характеръ тѣмъ болѣе, что жизнь не стоитъ на мѣстѣ: населеніе увеличивается, площадь обрабатываемой земли и разнообразіе производимыхъ продуктовъ растутъ, расширяется эксплуатація нефтеносныхъ земель, возникаетъ въ глухихъ ущельяхъ горъ разработка ископаемыхъ богатствъ, кустарныя издѣлія находятъ все болѣе широкій сбытъ, увеличиваются торговые обороты внутри края и съ сосѣдними областями, а между тѣмъ положеніе края остается въ прежнемъ ссстояніи неурядицы и неустройства. Между тѣмъ туземное населеніе Кавказа, при всей бѣдности и невѣжествѣ, въ корнѣ очень культурно. Тысячелѣтія существованія въ качествѣ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, организованныхъ хозяйственно и политически, глубоко отразились въ психикѣ кавказцевъ. Пылкость характера, повсемѣстный обычай носить оружіе и умѣнье владѣть имъ, не угасшій еще родовой бытъ, національная вражда, различіе религій—все это, при наличности указанной выше неурядицы во всѣхъ отрасляхъ мѣстной жизни, далеко не сопровождается такими отрицательными явленіями, какихъ можно было бы ожидать среди населенія, менѣе культурнаго. Хотя Кавказъ и считается классической страной разбоевъ и насилій, однако статистика показываетъ, что въ отношеніи числа преступленій Кавказскія губерніи и области мало отличаются отъ губерній коренной Россіи. Цифры, заимствуемыя изъ оффиціальныхъ источниковъ [1]), обнаруживаютъ, что для Эриванской губерніи одно преступленіе,

[1]) Г. Тумановъ, Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ, стр. 81.

подсудное окружному суду, приходится на 484 ч., въ Дагестанской области—на 423 ч., а въ округѣ петербургской судебной палаты одно такое же преступленіе приходится на 344 ч., въ одесскомъ округѣ—на 416 ч., въ казанскомъ—на 450 ч. Судя по этимъ цифрамъ въ Эриванской губерніи преступность ниже, чѣмъ въ округахъ казанскомъ, одесскомъ и особенно въ петербургскомъ, а въ Дагестанской области нравственность выше, чѣмъ въ одесскомъ и петербургскомъ округахъ. Особенно нужно еще принять во вниманіе, что въ пограничныхъ губерніяхъ много преступленій совершается не мѣстными обитателями, а лицами, появляющимися въ качествѣ разбойниковъ и грабителей изъ турецкихъ и персидскихъ владѣній. Принимая во вниманіе всѣ особенности (большую плотность населенія, различныя особенности туземныхъ племенъ, религіозныя различія, общее неустройство, недостатки администраціи, и т. п.), нельзя не признать, что слабая сравнительно преступность является однимъ изъ признаковъ культурности населенія, при всей кажущейся дикости и грубости жизни, которыя бросаются въ глаза при первомъ знакомствѣ съ кавказскими порядками.

Дальнѣйшія указанія на культурные навыки населенія можно почерпнуть изъ многихъ событій, въ которыхъ участвовали массы кавказскаго населенія, какимъ является напр. удивительное двухгодичное существованіе „гурійской республики“ въ 1903—1905 г. Въ эти годы населеніе Озургетскаго уѣзда объявило бойкотъ администраціи и суду и съумѣло организовать свою собственную выборную администрацію и выборный народный судъ, которые существовали и правильно функціонировали бокъ о бокъ съ бездѣйствовавшими казенными учрежденіями. Подобная способность къ организаціи и дисциплинированность сельскихъ массъ свидѣтельствуютъ о глубокой культурности національнаго характера, таящейся подъ оболочкой внѣшней огрубѣлости и невѣжества—плодъ послѣднихъ столѣтій жизни Кавказскаго края.

Н. Березинъ.

Оглавленіе IV-го тома.

РОССІЯ.

Общій очеркъ.

(Сост. Н. Березинъ).

Великороссы.

(Сост. В. Загорскій).

стр.

I. Происхожденіе великороссовъ и историческое прошлое Великороссіи.—Природа страны.—Населенность великорусскихъ губерній.—Преобладаніе сельскихъ поселеній.—Значеніе земледѣлія и земдѣльческаго класса 7

II. Область сѣвернаго суглинка и южнаго чернозема.—Крестьянское хозяйство и положеніе населенія въ черноземной области.—Крестьянскій бюджетъ.—Община и ея значеніе 12

III. Кустарные промыслы.—Фабрично-заводскій районъ.—Сравнительное положеніе крестьянъ и рабочихъ.—Сѣверная и сѣверо-восточная Великороссія 17

IV. Русскій языкъ и его говоры.—Духовный бытъ великороссовъ: пѣсни и пословицы, характеризующіе семью; обряды, обычаи и праздники.—Отношеніе къ религіи.—Расколъ.—Русскіе города.—Общая характеристика великороссовъ 25

V. Численность, происхожденіе и состаяъ русскаго налеленія Сибири.—Вліяніе природы, жизненныхъ условій и сосѣдства инородцевъ на физическій типъ и характдръ русскихъ.—Крайніе типы.—Домашній бытъ: жилище, одежда, пища.—Признаки оскудѣнія. (Сост. П. М. Головачевъ) 32

VI. Казаки: Историческій очеркъ.—Природа Донской области.—Экономическія условія существованія, бытъи служба донского казачества.—Уральское, Оренбургское и Астраханское войско.—Кубанскіе и Терскіе казаки.—Казаки Азіатской Россіи. (Сост. С. Слободзинскій) 37

Украинцы.

(Сост. Н. Березинъ).

Природа Украины: предстепье и степь.—Историческое прошлое украинской народности.—Разселеніе украинцевъ по южной Россіи.—Украинскій языкъ и его поднарѣчія.—Физическій типъ, темпераментъ и характеръ народа.—Одежда, жилища и характеръ поселеній 49

Бѣлоруссы.

(Сост. В. Брусянинъ).

Природа Бѣлоруссіи.—Бѣлоруссы и ихъ бытъ: суевѣрія, положеніе женщины, свадебные и похоронные обряды.—Поселенія и занятія населенія.—Сервитуты.—Духовная культура и состояніе народнаго просвѣщенія 61

Поляки.

(Сост. С. Слободзинскій). стр.

Природа страны.—Составъ и происхожденіе современной Польши.—Этнографическое дѣленіе.—Польскіе крестьяне.—Помѣщики.—Промышленность и города.—Евреи и нѣмцы.—Народное образованіе, управленіе, политическая и общественная жизнь въ Царствѣ Польскомъ 71

Литовцы и латыши.

Латыши (сост. С. Слободзинскій) 83

Евреи.

(Сост. Н. Березинъ).

Численность евреевъ.—Происхожденіе русскихъ евреевъ.—Физическія и духовныя особенности племени.—Экономическое и правовое положеніе евреевъ.—Ограниченія гражданскихъ правъ.—Обособленность.—Религіозныя и соціальныя теченія въ еврейской средѣ 86

Финскія народности.

Финны западные: Западные финскія племена.—Историческое прошлое Финляндіи.—Территорія и природа страны.—Физическій типъ и характеръ финновъ.—Основы народнаго хозяйства: земледѣліе и промышленность.—Культурное положеніе страны (сост. Н. Березинъ) 96
Волжскіе финны: черемисы, мордва (сост. Л. Громозова) 104
Пермскіе финны: вотяки, пермяки, зыряне, вогулы, остяки (сост. Л. Громозова) 111

Тюркскія народности.

Татары: татарскій типъ.—Особенности быта.—Экономическое и культурное состояніе.—Волжскіе татары.—Крымскіе татары (сост. Слободзинскій) 119
Башкиры (сост. В. Брусянинъ) 128
Киргизы (сост. П. Головачевъ) 131
Якуты (сост. П. Головачевъ) 137
Буряты (сост. Головачевъ) 142
Самоѣды, тунгусы и другіе инородцы (сост. П. Головачевъ) 146

Населеніе русскаго Туркестана.

(Сост. П. Головачевъ).

I. Осѣдлое населеніе Туркестана. 153
II. Кочевое населеніе Туркестана. 165

Народы Кавказа.

(Сост. Н. Березинъ).

I. Естественныя области Кавказскаго края: Предкавказье, Кавказскій хребетъ, низменности Закавказья, горы Закавказья.—Зависимость заселенія Кавказа и распространенія культуры отъ географическихъ условій.—Кавказскія народности въ древности.—Западныя и восточныя вліянія 170
II. Обзоръ кавказскихъ народностей по ихъ культурно-историческому значенію.—Картвельскія народности. Общая характеристика.—Лазы, мингрелы, имеретины, гурійцы, аджарцы, грузины, сванеты, хевсуры, тушины, пшавы.—Осетины.—Горцы западнаго Кавказа: абхазцы, черкесы, карачаевцы, горскіе татары, кабардинцы.—Горцы восточнаго Кавказа: чеченцы, лезгины, таты 173
III. Земельные надѣлы.—Численность и плотность населенія.—Сословный строй и земельныя отношенія.—Крестьянская реформа и земельная неурядица.—Хизане.—Хозяйственно-административное неустройство.—Преступность и разбой.—Заключеніе 197

Иллюстраціи, помѣщенныя въ полутомѣ „Народы Россіи“.

стр.

1. Великорусская деревня Нижегородской губ. . . . 11
2. Великороссъ Нижегородской губ. . . . 15
3. Крестьянка Вологодской губ. . . . 19
4. Великороссъ Новгородской губ. Крестецкаго у. (съ фотогр. Музея Александра III) 23
5. Изба Орловской губ. (съ фотогр. Музея Александра III) 27
6. Великороссы Орловской губ. (съ фотогр. Музея Александра Ш) 31
7. Крестьянка Тульской губ. (съ фотогр. Музея Александра III) 33
8. Дѣвушка Тульской губ. Новосильскаго у. (съ фотогр. Музея Александра III). 39
9. Лошкари Нижегородской губ 43
10. Пейзажъ Черниговской губ. (фот. М. Александра III) 50
11. Сельская улица Черниговской губ. (фот. М. Александра III) 51
12. Хата Черниговской губ. (фот. М. Александра III) 53
13. Малороссъ Черниговской губ. Глуховскаго у. (фот. М. Александра III) 54
14. Малороссы Каменецъ-Подольской губ. (фот. М. Александра III) 55
15. Крестьянка съ ребенкомъ Черниговской губ. (фот. М. Александра III) 57
16. Женщина изъ Черниговской губ. (фот. М. Александра III) 59
17. Домъ крестьянина Минской губ. (фот. М. Александра III) 62
18. Бѣлоруссъ въ будничной одеждѣ (фот. М. Александра III) 63
19. Бѣлоруссъ работникъ (фот. М. Александра III) 65
20. Будничный костюмъ дѣвушка Минской губ. (фот. М. Александра III) 66
21. Лѣтній праздничный костюмъ дѣвушки Минской губ. (фот. М. Александра III) 67
22. Крестьянскіе хутора Минской губ. (фот. М. Александра III) 69
23. Польскіе крестьяне изъ подъ Варшавы 72
24. Крестьянская дѣвушка Калишской губ. 73
25. Мелкіе землевладѣльцы Кѣлецкой губ. 75
26. Внутренность крестьянской хаты 76
27. Крестьяне въ праздникъ на пути изъ костела 78
28. Крестьянинъ и крестьянка Виленской губ. 82
29. Литвинка за работой въ ступѣ 83
30. Литовская хата Гродненской губ. 84
31. Латыши 84
32. Раввинъ (фот. М. Александра III) 89
33. Типъ еврея изъ образованнаго слоя 92
34. Финнъ крестьянинъ съ дѣтьми 96
35. Рыбаки (съ картины Эдельфельда) 97
36. Старая крестьянка (съ картины Эдельфельда) 98
37. Карельскій національный костюмъ 99
38. Усадьба крестьянина 100
39. Финская деревня 101
40. Праздникъ 103
41. Черемисъ парень съ національнымъ музыкальнымъ инструментомъ (фот. М. Александра III) 105

стр.
42. Черемиска (фот. М. Александра III) . . . 106
43. Черемиска (фот. М. Александра III) . . . 107
44. Мордовка въ праздничномъ нарядѣ (фот. М. Александра III) . . . 108
45. Группа мордвы . . . 110
46. Вотяки (фот. М. Александра III) . . . 112
47. Вотячка (фот. М. Александра III) . . . 113
48. Зыряне (фот. М. Александра III) . . . 115
49. Зырянинъ въ охотничьемъ снаряженіи (фот. Александра III) . . . 116
50. Волжскіе татары . . . 121
51. Татарская дѣвочка Нижегородской губ. Сергачскаго у. . . . 122
52. Уфимская татарка (головной уборъ) . . . 123
53. Алтайскіе инородцы: теленгиты съ р. Чуй (фот. М. Александра III) . . . 125
54. Алтайская бревенчатая юрта (фот. М. Александра III) . . . 126
55. Семья зажиточнаго башкира . . . 130
56. Кара-киргизы Сыръ-Дарьинской области (фот. М. Александра III) . . . 132
57. Свадебный уборъ невѣсты (фот. М. Александра III) . . . 134
58. Якутъ (бѣдный) (изъ колл. Н. Березина) . . . 138
59. Якутъ изъ богатый образованной семьи (изъ колл. Н. Березина) . . . 139
60. Якутка въ сангыяхѣ (изъ колл. Н. Березина) . . . 140
61. Буряты (изъ колл. Н. Березина) . . . 144
62. Сартъ въ чалмѣ (Сыръ-Дарьинская область) (фот. М. Александра III) . . . 152
63. Таджикъ (Сыръ-Дарьинская область) (фот. М. Александра III) . . . 152
64. Дервишъ на базарѣ (изъ колл. Н. Березина) . . . 154
65. Базаръ (фот. М. Александра III) . . . 155
66. Улица у медрессэ Ширъ-Даръ въ базарный день (фот. М. Александра III) . . . 156
67. Костюмъ бухарскаго чиновника (фот. М. Александра III) . . . 158
68. Гадальщикъ у мечети Ширъ-Даръ (фот. М. Александра III) . . . 159
69. Арыки (фот. М. Александра III) . . . 160
70. Кишлакъ (фот. М. Александра III) . . . 161
71. Арба (изъ колл. Н. Березина) . . . 163
72. Туркмены теке (фот. М. Александра III) . . . 165
73. Дѣвочка туркменка изъ племени сарыкъ (фот. М. Александра III) . . . 166
74. Замужняя туркменка въ халатѣ (фот. М. Александра III) . . . 167
75. Конный джигитъ текинецъ (фот. М. Александра III) . . . 168
76. Имеретинъ (фот. Этнографическаго Музея Академіи Наукъ) . . . 174
77. Гуріецъ (фот. Этнографич. М. Акад. Наукъ) . . . 175
78. Грузинъ изъ зажиточнаго класса (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 176
79. Грузинка изъ зажиточнаго класса (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 177
80. Грузины мальчики (изъ колл. Н. Березина) . . . 178
81. Грузинки (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 179
82. Сванеты Ушкульскаго общества (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ. . . . 180
83. Хевсурское семейство передъ саклей (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 182
84. Осетинъ (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 185
85. Осетинскія дѣвушки (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 186
86. Абхазское семейство передъ саклей (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 187
87. Кабардинецъ (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 188
88. Дѣвушка кабардинка въ національномъ нарядѣ . . . 190
89. Ингушъ чеченскаго племени (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 191
90. Чеченка (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 192
91. Аварецъ (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 193
92. Аварка изъ аула Хиндаркъ (профиль) (фот. Этнограф. Музея Акад, Наукъ) . . . 194
93. Аварка изъ аула Хиндаркъ (профиль) (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 195
94. Кюринецъ аула Кюзюнъ (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ). . . . 196
95. Даргинка изъ аула Лаваши (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 197
96. Даргинка изъ аула Лаваши (профиль) (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 198
97. Бакинская татарка (фот. Этнограф. Музея Акад. Наукъ) . . . 200

2011147091